МОСКВА В 1812 ГОДУ

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА
И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА
В 1812 ГОДУ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МОСКВА В 1812 ГОДУ

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2012

УДК 80/81
ББК 83.3(0)4
Н 50

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проекты № 100100451а и 12-01-16143д

П р е д и с л о в и е
Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева, Л. И. Смирнова

П о д г о т о в к а т е к с т о в, в с т у п и т е л ь н ы е с т а т ь и, к о м м е н т а р и и,
у к а з а т е л ь и м е н, п о д б о р и л л ю с т р а ц и й
Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева, Л. И. Смирнова,
кандидат исторических наук А. К. Афанасьев, Н. Б. Быстрова

О т в е т с т в е н н ы й. р е д а к т о р
канд. ист. наук А. Д. Яновский

Р у к о в о д и т е л ь п р о е к т а
д-р ист. наук Ф. А. Петров

Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея / Ответственный редактор канд. ист. наук А. Д. Яновский. Руководитель проекта д-р ист. наук Ф. А. Петров. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 448 с.: ил., вклейка + карта.

ISBN 978-5-9551-0603-8

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой завершающую часть своеобразной трилогии по истории Отечественной войны 1812 года. В первых двух томах, изданных 20 лет тому назад, были опубликованы официальные реляции генерала князя П. И. Багратиона, личные письма генерала Н. Н. Раевского, дневники и мемуары воинов русской армии.

Книга, которую вы сейчас держите в руках — завершающая часть «трилогии». Она посвящена трагическим событиям, происходившим в Москве накануне и во время наполеоновской оккупации. В ней публикуются архивные реликвии из фондов Исторического музея — всего 17 рукописей. Это официальные реляции властей, показания «потерпевших от разорения неприятельского», воспоминания людей самых разных сословий: дворян, священников, купцов, мещан и даже крестьян. Читатель познакомится с перепиской императрицы Марии Федоровны — матери императора Александра I, которая тревожилась о судьбе Московского Воспитательного дома, где во время страшного пожара, насилий и грабежей, оставались сотни маленьких сирот. Свыше трети объема книги уделено положению русских священников и монахов, многие из которых своей жизнью поплатились, спасая от гибели священные для православных людей реликвии.

ББК 83.3

ISBN 978-5-9551-0603-8

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

«…Ты жертва общего спасенья!
В твоих развалинах найдет
Враг мира гроб своих побед»,

— сказал о миссии, предназначенной Москве в 1812 году, знаменитый историк Н. М. Карамзин, очевидец трагической и героической эпопеи.

Ровно два века отделяет нас от Отечественной войны 1812 года. Об этой эпохе написаны тысячи книг, но интерес к ней не ослабевает. По-прежнему люди задаются вопросами: что происходило в древней столице России перед вступлением наполеоновской армии, что испытали москвичи в течение *ровно сорока дней оккупации.*

Сорок — *число сакральное*… Вспомним, что в понедельник, 2 сентября, русская армия оставила Москву, а через несколько часов в нее вступил авангард наполеоновской армии под командованием маршала Иоахима Мюрата. В ночь с 10 на 11 октября последний французский отряд маршала Эдуарда Мортье, оставленный Наполеоном для выполнения чудовищного «спецзадания» — уничтожения Кремля, покинул древнюю столицу. А ранним утром в Москву ворвались лихие казаки генерал-майора Иловайского 4-го.

Что же испытали москвичи, вернувшись к родным гнездам после ухода неприятельской армии? И, наконец, традиционный вопрос, который вот уже двести лет будоражит умы в России, Франции, да и во всем мире — *кто сжег Москву?* А если поставить вопрос иначе: *кто виноват в пожаре Москвы?* Как нам представляется, неправомерно полностью обелять агрессора, нарушившего государственную границу нашего Отечества вопреки мирному договору между Россией и Францией, заключенному в 1807 году в Тильзите.

***

Вниманию читателей предлагается книга, содержащая неизвестные ранее (или публиковавшиеся во фрагментах, с грубыми ошибками) документы, хранящиеся в собрании Отдела письменных источников *Государственного исторического музея* — крупнейшего в России собрания вещественных, изобразительных и документальных реликвий Отечественной войны 1812 года.

Основы этого собрания были заложены еще в начале XX века, при подготовке к торжественному празднованию *столетнего* юбилея победы России над «двунадесятью языцев», носившему поистине всенародный характер. Именно тогда родилась идея о создании специального Музея 1812 года. В 1907 г. полковник Главного штаба В. А. Афанасьев выпустил брошюру под названием «Где быть Музею 1812 года?». Отмечая, что «много драгоценных сокровищ эпохи 1812 года рассеяно по лицу России… ожидая в неизвестности своей участи», он считал необходимым создать Музей, который должен был стать «самым полным и лучшим хранилищем памяти великих событий этого года». Основать Музей 1812 года следовало, по его мнению, именно в Москве, «духовное значение которой как национальной русской столицы особенно возросло в период борьбы с Наполеоном» (*Афанасьев В. А.* Указ. соч. С. 1—2, 9).

При московском генерал-губернаторе был создан «Особый Комитет по устройству в Москве Музея 1812 года», под председательством генерала В. Г. Глазова. В него вошли известные ученые-историки; директор Исторического музея кн. Н. С. Щербатов, хранитель Оружейной палаты В. К. Трутовский, основатель Театрального музея А. А. Бахрушин, создатель Музея русских древностей П. И. Щукин, многие коллекционеры и меценаты. «Особый комитет» обратился с подписными листами ко всему русскому обществу с призывом собирать и приносить реликвии по истории Отечественной войны.

Энтузиазм потомков героев 1812 года и ревнителей воинской славы России превзошел все ожидания. На обращение «Особого комитета» откликнулись десятки тысяч граждан России, без различий национальности, вероисповедания, сословий — от генералов до простых крестьян.

В рекордно короткие сроки удалось собрать огромную коллекцию картин, портретов, гравюр, рисунков, лубков и скульптур; огнестрельного и холодного оружия; мундиров, орденов и медалей, монет и ассигнаций; печатных изданий, военных карт и рукописей. Временно все собранное было размещено в Арсенале Московского Кремля.

Специальное здание Музея 1812 года было решено построить рядом с храмом Христа Спасителя — главным памятником в честь победы русского народа над наполеоновской армией. Это должно было «воскресить собою в памяти и сердцах посетителей музея весь ужас всенародной войны и славу почившего поколения — ту славу, которою и теперь еще живет и электризуется стомиллионная могучая Россия». Напротив храма, между Пречистенкой и Остоженкой (там, где сейчас стоит памятник Фридриху Энгельсу) предполагалось построить «Панораму Бородинского сражения». Инициаторы

строительства полагали, что затраты на возведение этих сооружений «вольют в сердца русских людей ту мощь, которую сто лет назад явили наши предки, защищая свою родину» (См: *Петров Ф. А.* Музей 1812 года в Москве // Вопросы истории. 1988. № 2). Примечательно, что Лесной переулок (ныне Соймоновский проезд), отделяющий предполагаемые здания Музея и Панорамы, предполагалось назвать *Улицей 1812 года.*

Выдвигались различные проекты сооружения Музея 1812 года, авторами которых были выдающиеся русские зодчие, но ни один из них не был осуществлен, как из-за разногласий в среде архитектурно-художественной общественности, так и из-за тривиальной нехватки средств у Московской городской думы, финансировавшей этот проект.

Юбилейная выставка реликвий, собранных для Музея 1812 года, открылась в августе 1912 года в стенах Российского Исторического музея в присутствии императора Николая II и его семьи. А начавшаяся в 1914 году Первая мировая война и грянувшие в 1917 г. Февральская и Октябрьская революции надолго похоронили саму идею создания Музея 1812 года.

Судьба Бородинской панорамы сложилась более удачно. В 1912 году для нее был построен временный деревянный павильон на Чистых прудах, который просуществовал шесть лет. Ровно через полвека, в 1962 году, к 150-летию Отечественной войны 1812 года на Кутузовском проспекте был открыт музей-панорама «Бородинская битва».

В первые годы Советской власти собранные Музеем 1812 года коллекции были переданы в Государственный исторический музей, который по справедливости стал правопреемником задуманного, но не осуществленного проекта, сохранив и значительно приумножив собранные в начале XX века коллекции. В одном из его залов была развернута лучшая в стране постоянная экспозиция, отражавшая *все* этапы и события Отечественной войны.

Лишь в начале XXI века возродилась идея возведения специального здания Музея 1812 года — уже на территории самого Исторического музея. Эта идея получила поддержку на высшем государственном уровне. Музей открылся к 200-летию Бородинской битвы — 4 сентября 2012 года. Особое внимание в его экспозиции уделено Москве 1812 года (См. *Смирнов А. А.* Музей отечественной войны 1812 года. Путеводитель. М., 2012).

***

Авторы-составители этой книги в 1991 и 1992 годах опубликовали два обширных сборника — «1812 год. Воспоминания воинов русской армии» и «1812. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии» (общим объемом 100 п. л.). Оба эти издания получили немало положительных откликов в печати, вызвали большой интерес у всех стремящихся узнать больше о героическом прошлом нашей Родины и давно уже стали библиографической редкостью.

Предлагаемый ныне вниманию читателей труд представляет собой заключительный том своеобразной трилогии.

В сборнике публикуется 17 документов. Восемь из них хранятся в документальном собрании Музея 1812 года. Остальные были выявлены в результате многолетних архивных поисков в коллекциях рукописей, собранных профессором П. А. Бессоновым, меценатами П. И. Щукиным и П. М. Мальцевым, хранящихся в личном фонде московского главнокомандующего в 1812 году графа Ф. В. Ростопчина, архиве Московского Воспитательного дома и, наконец, собрании документов по истории науки и культуры России XVIII—XX веков.

«Москва в 1812 году» — сборник разнообразных по типам и жанрам исторических источников. Это официальные документы отдельных учреждений — Святейшего Синода, Московского департамента Сената, Артиллерийского департамента Военного министерства, Ведомства Императрицы Марии, канцелярии московского главнокомандующего графа Ф. В. Ростопчина и обер-полицмейстера П. А. Ивашкина.

Несомненный интерес у читателя вызовут воспоминания и письма очевидцев того, что происходило в Москве накануне вступления французов, во время их пребывания в древней русской столице и, наконец, положения города после изгнания неприятеля.

Авторы воспоминаний и писем были людьми разного сословного происхождения и разного возраста. Прежде всего, естественно, это были дворяне. Старше всех был директор Московского Воспитательного дома генерал-майор И. А. Тутолмин, которому в 1812 году исполнилось ровно 60 лет. 36 лет исполнилось полковнику С. Н. Марину, который с августа 1812 года занимал генеральскую должность.

Относительно молодым, но уже весьма опытным чиновником, состоявшим в это время при графе Ф. В. Ростопчине, был 31-летний А. Я. Булгаков — будущий московский почт-директор. Его сверстником был чиновник Вотчинного департамента Московского Сената А. Д. Бестужев-Рюмин — представитель древнего дворянского рода, оставшийся в оккупированной Москве с целью сохранения департаментского архива.

Очевидцами событий 1812 года были два священника — Иоанн Машков и Иоанн Миловский. Машков уже с 1799 года был иереем Архангельского собора Кремля, а в 1805 году переведен в Московский Казанский собор и в 1812 году находился в Москве. Будущему нижегородскому священнику Миловскому было в то время 10 лет, но из детской поры в памяти его особенно запечатлелась война 1812 года, символом которой для него, как и для многих других, стал «образ великой кометы». Их воспоминания в характерной для той эпохе литературной форме оды живописуют ужасы войны,

осуждают неистового корсиканца Бонапарте и воспевают Александра I «Благословенного».

Московский архитектор А. А. Гамбурцев оставил нам живой и увлекательный рассказ о днях своей юности. Вместе с родителями он не успел покинуть город и стал свидетелем многих драматических событий. Алексей Гамбурцев описал картины повседневной жизни и быта москвичей при французах, поведения временных «хозяев города» — наполеоновских генералов, офицеров и солдат, их отношение к немногочисленным оставшимся горожанам. Буквально на одном дыхании читаются страницы воспоминаний о его пребывании при одном из французских генералов, к которому русский юноша был насильно определен для прислуживания.

Письма Д. К. Боткина — брата известного чаеторговца — и мелкого чиновника Г. В. Сокольского повествуют о разорении купеческих лавок, гибели москвичей, зверствах, творимых французами в Измайлове — тогда подмосковной царской резиденции. Как отмечал выдающийся источниковед А. Г. Тартаковский, «купеческие воспоминания о 1812 годе крайне редки» (*Тартаковский А. Г.* 1812 год. Русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 20).

К еще более редкому типу мемуарных источников могут быть отнесены записанные писарями и приказчиками показания крепостных крестьян графа Д. Н. Шереметева о хищениях и разорениях подмосковного имения Кусково во время нашествия неприятеля. В отличие от господ, им было некуда ехать. Брошенные на произвол судьбы, они скрывались в близлежащих лесах и порой вынуждены были возвращаться в усадьбу еще во время пребывания там французов, которые заставляли их выполнять самую тяжелую работу, угрожая смертью крестьянам и избивая их.

Яркий, образный язык публикуемых воспоминаний вполне сопоставим с лучшими образцами отечественной мемуаристики по 1812 году. Они постоянно «перекликаются» между собой, а порой их авторы вступают в заочный спор, с разных точек зрения оценивая одни и те же события и реальных действующих лиц этой великой драмы.

***

О настроении московских жителей и поведении городских властей накануне вступления неприятеля свидетельствуют мемуары А. Д. Бестужева-Рюмина и А. Я. Булгакова. Они написаны с разных позиций. Булгаков, будущий московский почт-директор, был близким другом и доверенным лицом грозного градоначальника графа Ф. В. Ростопчина — неоднозначной личности, вокруг которой велись и, вероятно, будут продолжаться нескончаемые споры современников и потомков. Бестужев-Рюмин, напротив, претерпел лишения (материальные и по службе) от властей как член французского московского муниципалитета, созданного в сентябре 1812 г. (он стал помощником первого в истории Москвы мэра при французском генерале Ф. Лессепсе). Безусловно, Александр Булгаков не мог быть объективным в характеристике Ростопчина, входя в ближайшее его окружение, но и оказавшийся под следствием Алексей Бестужев-Рюмин руководствовался, прежде всего, чувством личной обиды, хотя и имел на нее право. Воспоминания и письма Бестужева-Рюмина документально точны и содержат ценную информацию о настроениях москвичей накануне вторжения и положении в различных районах города при французах. Записки Булгакова, написанные в легкой, «французской» манере (его мать была француженкой) дают словесные портреты лиц из ближайшего окружения графа Ростопчина, куда входили как давно забытые персонажи, так и Н. М. Карамзин. Кстати, атрибутированы были эти записки при обработке фондов в конце 1930-х годов как записки самого Ростопчина, и лишь в процессе подготовки сборника установлено подлинное их авторство.

Публикуемые в сборнике документы вносят дополнительные сведения о том, как покидали Москву русские войска и вслед за ними входили французы.

А. А. Гамбурцев вспоминал:

> Мы вышли из Кремля чрез Боровицкие ворота и спустились к Каменному мосту… путь нам прегражден был поспешно идущим и едущим чрез мост нашим войском — пехотным, конным, артиллериею, лазаретами, обозами и небольшим стадом коров и баранов, которых гнали между войсками. Смешавшись с ними, шли наши крестьяне… Лица всего этого войска, смешавшегося на поспешном ходу и шедшего без всякого порядка, до того были черны, загорели от солнца, пороха, пыли и усталости, что в них нельзя было узнать сразу русских, а измятые и запыленные, и покрытые копотью пороха их шинели не давали возможности различить не только полков, но и рода войск, к которым они принадлежали.

Полный контраст вышесказанному представляет описание торжественного вступления французской армии в Москву.

> В 4 часа пополудни, — вспоминал Бестужев-Рюмин, — пушечные выстрелы холостыми зарядами по Арбатской и другим улицам возвестили вход неприятеля в московские заставы. Я считал выстрелы: их было 18. Звон на Ивановской колокольне утих, и вскоре Троицкие ворота в Кремле, которые были наглухо заколочены и только одна калитка для прохода оставлена, выломлены, и несколько польских уланов въехало в Кремль… Вскоре за передовыми польскими уланами стала входить и неприятельская конница. Впереди ехал генерал, и музыка гремела. Когда сие войско входило в Кремль, то на стенных часах, которые в департаменте, показывало 4 ½ часа. Это войско входило в Троицкие и Боровицкие ворота, проходило мимо Сенатского здания и входило в Китай-город через Спасские ворота. Шествие этой конницы было до глубоких сумерек беспре-

рывно… В 3 часа ночи неприятель зашел в Кремль конницею под командою короля неаполитанского Murat.

Вместе с русской армией отправился и потерявший реальную власть московский главнокомандующий граф Ростопчин. Об этом рассказывает полковник С. Н. Марин в своем письме к неизвестному читателю (воспоминания в виде письма были весьма распространенным жанром в публицистике этого времени). Этот документ, хранящийся в фондах ОПИ ГИМ, с неправильной расшифровкой фамилии был опубликован в «Бумагах Щукина, относящихся до Отечественной войны 1812 года», вышедших в начале XX века мизерным тиражом. При сопоставлении текста публикации с подлинником были выявлены пропуски целых абзацев, например, важных сведений о действиях партизан под Москвой в сентябре 1812 года. А тогдашняя деревня Фили, где 1 сентября проходил знаменитый Совет, была прочтена как «в *Яриле*»!

Сергей Марин, сын новгородского губернатора, был одним из образованнейших русских офицеров и сам занимался литературой, получив известность в элитных частях русской армии как поэт и переводчик. Начав службу в лейб-гвардии Преображенском полку, он отличился при Аустерлице в 1805 г., а после заключения Тильзитского мира был направлен с депешами к Наполеону.

Во время Бородинской битвы полковник Марин исполнял должность дежурного генерала при П. И. Багратионе. В литературе указывается, что осенью 1812 года, тяжело заболев, Марин отправился для лечения в Петербург. Между тем, как явствует из публикуемой рукописи, он проделал вместе с русской армией *весь тарутинский марш-маневр*. Эта рукопись датирована 2 октября, когда русские, по словам Марина, уже прониклись уверенностью «в погибели врагов и торжестве правды».

Крайне любопытно упоминание в письме Марина о распространившихся в русских войсках слухах, «что для Армии выписывают 100 000 полушубков, 100 000 пар лаптей и онуч для зимы и 6 тыс. лыж, ибо в большие снега нельзя будет употреблять конницы, то беспокоить неприятеля должно стрелками». Эта информация (которая, безусловно, нуждается в проверке), по нашему мнению, свидетельствует, что русское командование тогда (за несколько дней до сражения при Тарутине) еще допускало возможность продления войны на территории России до конца зимы.

***

Ужасы войны не могли заслонить собой простые человеческие чувства, особенно в отношении детей. Этой теме посвящена почти четверть книги. Одним из наиболее драматических сюжетов является подробное описание событий, происходивших в 1812 году в Московском Воспитательном доме, который сохранился в памяти очевидцев и потомков как своеобразный остров милосердия в объятой пламенем Первопрестольной. Идея создания Воспитательного дома «для призрения подкидышей и бесприютных детей» принадлежала выдающемуся просветителю И. И. Бецкому и была одобрена Екатериной II. Величественный комплекс сооружений Воспитательного дома был возведен на берегу Москвы-реки и занял целый квартал. К 1812 году он входил в систему благотворительных учреждений «Ведомства Императрицы Марии» (вдовы императора Павла I Марии Федоровны).

Накануне вторжения неприятеля в Воспитательном доме находилось десять тысяч детей. Большая часть из них, по традиции, была роздана для «воскормления» крестьянам дворцовых подмосковных вотчин, что, впрочем, не гарантировало их безопасности, ибо западные и южные уезды Московской губернии стали ареной боевых действий. Мальчиков старше 12 и девочек старше 11 лет, благодаря энергичным мерам, предпринятым вдовствующей императрицей, вместе с воспитанницами Екатерининского (для дворянок) и Александровского (для девиц незнатного происхождения) институтов удалось вывезти в Нижний Новгород и Казань. Однако детей младшего возраста и грудных младенцев невозможно было эвакуировать при той панике, возникшей со стремительным выходом русских войск из Москвы и почти одновременным вступлением в нее наполеоновской армии.

В Московском Воспитательном доме, как свидетельствует специальная ведомость, оставалось *586 малолетних питомцев*, в т. ч. *275 грудных детей*. Вся тяжесть спасения их пала на директора Воспитательного дома И. А. Тутолмина. Специальным рескриптом вдовствующей императрицы Марии Федоровны он был назначен ответственным за Воспитательный дом, и ему было предписано – ни при каких обстоятельствах не покидать Москвы. В сложившейся ситуации ему ничего не оставалось делать, как вступить в контакт с французскими оккупационными властями и убедить самого Наполеона в необходимости спасти жизни несчастных маленьких сирот.

Спланированная изначально изолированность Воспитательного дома от окружающей застройки способствовала сохранению его от бушевавшего вокруг пожара, от поджигателей и мародеров.

Из текста публикуемого источника видно, с каким достоинством русского дворянина (род Тутолминых восходил к XVI веку) замечательный педагог и администратор Иван Акинфиевич Тутолмин сумел выйти из сложнейшего положения. Наполеон принял генерала русской армии и, пожалев детей, согласился выставить караулы для охраны Воспитательного дома. Но взамен выдвинул ряд своих условий.

Первое условие было почти курьезным — давать русским сиротам фамилии в честь Наполеона, его маршалов и генералов (так появились на свет Алексей Наполеонов, Дарья Тревизская и т. п.). Публикуемый в книге полный список таких французских фамилий представляет интерес, ибо императрица Мария Федоровна строго-настрого запретила упоминать об этом факте.

Куда более опасным оказалось другое требование Наполеона — разместить на территории Воспитательного дома раненных и зараженных инфекционными заболеваниями французских офицеров и солдат. Тутолмину удалось пресечь малейшее соприкосновение вверенных ему питомцев с больными, разделив Воспитательный дом на две половины и пожертвовав служебными помещениями под французский госпиталь.

Но главным и непременным условием французского императора было требование, чтобы Тутолмин написал письмо лично Александру I. Целью этого письма было установление контакта с русским императором через официальное лицо, пользовавшееся полным доверием его и вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которую Наполеон считал своим злейшим врагом (именно она категорически воспротивилась в свое время выдать замуж за него своих дочерей).

Это письмо достаточно хорошо известно. В нем император французов и король Италии уверял российского самодержца в своем искреннем намерении обойтись с Москвой так же, как с другими европейскими столицами, сдавшимися на милость победителя.

В исторической литературе указывалось, что это письмо якобы заканчивалось следующими словами, продиктованными Наполеоном Тутолмину: «Напишите Вашему Государю, что я желаю мира, и отправьте с донесением своего чиновника».

Однако в подлинном тексте письма Тутолмина Александру I от 6 сентября 1812 г. (это письмо впервые полностью и без искажений приводится в сборнике) *этих слов нет*. Первый, кто упомянул о мирных предложениях Наполеона Александру, сделанных через русского генерала (точнее, действительного статского советника), был известный историк М. И. Богданович. Эти сведения Богданович почерпнул из книги французского мемуариста А. Ж. Фэна, которую, по нашему мнению, нельзя считать полностью достоверным источником.

Дело в том, что Тутолмин как высокопоставленный чиновник, находившийся на действительной службе, не мог взять на себя подобную миссию.

Таким образом, изучение документов Воспитательного дома позволяет с уверенностью утверждать, что Наполеон, находясь в Москве, сделал русской стороне *не три — как традиционно считается, а два* официальных предложения о мире. *Первое* было послано через отправленного в Петербург отставного гвардии капитана, помещика И. А. Яковлева (отца А. И. Герцена), чей поступок (вспомним «Былое и думы») вызвал негативную реакцию русских властей; *второе* — через генерала Ж. Лористона, посланного к главнокомандующему М. И. Кутузову. Об ответе Кутузова Лористону образно написал священник Иоанн (Машков) в своей оде, которой заканчивается сборник:

Извольте вы назад вратиться, Лористон!
Я стар, то знает ваш и сам Наполеон;
И опытен давно; обманут им не буду:
Что ж сделал он с Москвой, по смерть я не забуду.

В конечном итоге директору Московского Воспитательного дома удалось во время неприятельской оккупации, среди бушующих вокруг пожаров сохранить жизнь почти всех детей. Парадоксально, но смертность среди питомцев в 1812 г. (включая розданных подмосковным крестьянам и эвакуированных) оказалась даже ниже, чем в предыдущем 1811 г. — 1417 против 1453.

В связи с отъездом из Москвы чиновников Мариинского ведомства на Тутолмина была возложена также ответственность за находившиеся в этом же ведомстве другие учреждения — Странноприимный дом Прасковьи Шереметевой, Екатерининский и Александровский институты, Павловскую больницу для бедных и Вдовий дом на Кудринской площади. Тутолмину удалось сохранить от пожара все эти заведения, за исключением Вдовьего дома, который постигла страшная участь. «Воспитательный Дом, — писал биограф Тутолмина, — в 1812 году был домом милосердия для многих посторонних людей; они нашли в нем не только убежище, но и покойное помещение и пищу». Здесь нашли пристанище вдовы мелких чиновников, унтер-офицеров и солдат; маленькие воспитанницы Александровского и Екатерининского институтов для дворян и других сословий; «деревенские сироты, оставленные своими воспитателями, и спасена жизнь многим младенцам и детям, оставшимся после сгоревших матерей».

Таким образом, роль Тутолмина была совершенно иной, нежели роль москвичей, вошедших в состав французского оккупационного муниципалитета — вроде архивного чиновника Бестужева-Рюмина. Тутолмин сам прямо и откровенно докладывал в Петербург о вынужденных встречах с Наполеоном, его маршалами и генералами. Из рескриптов Александра I и Марии Федоровны явствует, что они полностью были удовлетворены деятельностью директора Московского Воспитательного дома — он был награжден орденом св. Анны 1-й степени. Но силы и здоровье Тутолмина были подорваны сверхчеловеческим напряжением, и вскоре он скончался.

В то же время «помощник мэра города Москвы» Бестужев-Рюмин покинул Москву 11 октября, т. е. в день оставления ее французами, что создало впечатление у следственной комиссии об его причастности к творимым ими бесчинствам. Не случайно в первом же рапорте Ростопчину от московского обер-полицмейстера, датированном 13 октября, он был назван в числе изменников.

О своеобразном проявлении «толерантности» со стороны французов свидетельствует и еще одно, впервые публикуемое письмо, обнаруженное в обширном собрании бумаг князей Куракиных в ОПИ ГИМ. Речь идет о Куракинской богадельне на Новобасманной улице, где в 1812 году с комфортом разместился «московский генерал-губернатор» герцог Тревизский — маршал Эдуард Мортье. «Бриллиантовый князь» — как называли Алек-

сандра Борисовича Куракина, находясь во Франции в качестве русского посла, был задержан на три месяца в Париже после начала войны. На пути домой, в Гамбурге, его застало любезное письмо государственного секретаря Гюга Маре, герцога Бассано, из Москвы. Извещая Куракина, что питомцы богадельни отправлены в Саратовскую губернию, Маре писал: «Ваше великолепное жилище осталось нетронутым. Человек, которого я отправил его осмотреть, подтверждает, что ни один предмет мебели, ни одна картина не были повреждены, и что великолепное бюро императора Павла, подаренное Вашей Светлости, даже не было вскрыто…». Мы уже писали, что при отступлении французов именно Мортье было поручено взорвать Кремль. Куракин умер через шесть лет — своей смертью. А вот Мортье, ставшего впоследствии военным министром Франции, постигла страшная участь: сопровождая короля Луи-Филиппа, он был разорван на части бомбой, брошенной анархистом.

***

Одной из центральных тем Москвы в 1812 году является проблема спасения раненых в кровопролитных сражениях, — как русских, так и французов.

Уже в начале августа по распоряжению Ф. В. Ростопчина в Екатерининском дворце в Лефортове был устроен госпиталь. Там под руководством знаменитого лейб-медика Х. Ю. Лодера опытные врачи и фельдшеры спасали тысячи раненых в кровопролитном Смоленском сражении.

Еще более сложной задачей для графа Ростопчина стало спасение раненых в Бородинской битве. Бестужев-Рюмин вспоминает, как 28 августа «привезли в Москву раненных при селе Бородине и поместили их в разных казенных и партикулярных домах». Гамбурцев рассказывает:

> Когда мы шли домой у церкви святого Уара (покровителя немощных) встретили несколько наших раненых, разных полков и родов войск; одни из них сидели, другие лежали, а многие стояли. В числе их были и тяжелораненые. Всем им жители Кремля раздавали пищу, питье, белье, корпию, кто что мог, а некоторые проходящие через Кремль обыватели, даже давали деньги…

Ростопчин не без основания гордился тем, что сумел эвакуировать свыше 20 000 раненых из Москвы. Каково же было положение раненых, оставшихся в городе?

Большинство тяжелораненых, которых не удалось эвакуировать — около 3 тыс. человек — разместили в госпитале, устроенном во «Вдовьем Кудринском доме» (рядом с нынешним высотным зданием на площади Восстания). Как сообщил смотритель Вдовьего дома (получивший тяжелые ожоги, но оставшийся в живых), госпиталь был обстрелян французской артиллерией. Начался пожар. Раненые, как могли, выбирались наружу. Но семьсот человек сгорели заживо.

3 сентября Тутолмин «получил известие, что русские больные и раненые, в Александровском и Екатерининском училищах находившиеся, оставлены без пищи, присмотру, и что мертвые тела не похоронены». Как неприятель обходился с русскими ранеными, видно из прошения одного из них, который «при очищении госпиталя неприятелем, был вместе с мертвыми телами выброшен со второго этажа, и только через несколько дней опять перенесен в госпиталь».

Оставляя Москву, французское командование попросило Тутолмина «принять французских раненых и больных, в Воспитательном Доме находившихся, в свое попечение». Всего «оставлено было в Воспитательном доме до 1 500 рядовых и 16 офицеров, больных и раненых. Но для них не было оставлено ни пищи, ни лекарств и никаких других потребностей, так что с 11 октября все они находились на содержании Дома». При этом, как вспоминал Гамбурцев-отец, бывший питомец Воспитательного дома, раненые и больные офицеры наполеоновской армии содержались «с довольно опрятным бельем, при некоторых находились даже столики, на которых стояли лекарства…». Тем не менее, «пребывание в Воспитательном Доме французских раненых и больных, во все время в числе 8 000 человек, оставило после по себе весьма вредные и продолжительные последствия, не только в материальном отношении, но и в отношении к чистоте воздуха и здоровья».

Смотритель Павловской больницы для бедных (ныне 4-я градская), находившейся напротив Данилова монастыря, вспоминал, с каким трудом ему удалось защитить больницу от бесчинств отряда поляков, которые, ворвавшись на ее территорию, стали «уносить вещи и ломать мебель», забирать все съестные припасы, дворовый скот, птицу, а также лошадей, упряжь, экипажи и фураж. От дальнейшего разграбления спасло лишь обращение смотрителя к старейшему наполеоновскому маршалу Лефевру, находившемуся в Кремле. В больнице был поставлен гвардейский караул.

С 8 сентября в больницу стали помещать раненых французских офицеров, за пять дней положили свыше 120 человек. «Пища на больных выдавалась по назначению военных комиссаров из передовых частей — худой говядины по фунту и хлеба, из ржаной муки просеянного, столько же весом. Огородная овощь для варения супа — картофель, репа, морковь и капуста собиралась рабочими в больнице по соседним огородам … а с 23 сентября по 10 октября на каждого отпускаемо было по полубутылке виноградного вина». В итоге умерли лишь один офицер и два рядовых наполеоновской армии. Русские больные (большая часть из них разошлась по домам, осталось лишь 23 человека) «получали суп из картофеля со снетками и по два фунта ржаного хлеба». С трудом переносил персонал больницы «беспорядок, нечистоту и своевольство» наполеоновских вояк, кото-

рые сожгли все деревянные больничные корпуса и служебные помещения.

В то же время в находившейся на другом конце города, на Божедомке, Мариинской больнице для бедных французский директор определил «для больных весьма посредственную пищу» и «уменьшил выдачу хлеба до того, что едва только жизнь больных поддержать было возможно».

***

Безусловно, центральной темой Москвы в 1812 году является знаменитый «пожар московский».

Наполеон, его сподвижники и многие русские полагали, что главным виновником пожара был Ростопчин. По прошествии времени сам московский генерал-губернатор, желая снять с себя ответственность, опубликовал в 1823 г. в Париже брошюру «Правда о московском пожаре 1812 года». Как вспоминала его внучка, графиня Л. А. Ростопчина, «боялся ли он неудовольствия императора, без приказания которого он решился истребить Москву, чтобы спасти честь России, озлоблен ли он был на москвичей, которые поносили его за истребление их имуществ и писали ему угрожающие письма, — трудно решить…».

Что ж, пусть говорят очевидцы. Показания их тем более интересны, что они находились в центре и различных окраинах города — от юга до севера, в восточных предместьях (Измайлово и Кусково). Кстати, именно в тогдашнем восточном предместье — Семеновском — произошла, как выясняется из публикуемых источников, *одна из первых стычек* местных жителей с авангардом французской армии.

Первые пожары в Москве начались еще *до* входа французов Москву. Алексей Гамбурцев перед приходом французов жил с родителями в приходе церкви Ильи Обыденного в Пречистенской части. Он вспоминал, что 1 сентября «в воскресенье с полудня показался дым к стороне Симонова монастыря. После мы узнали, что это горели барки на Москве-реке, с хлебом, частным и казенным, и с комиссариатскими вещами, и что все это делали сами хозяева барок из доброй воли и по приказанию, а которых барок нельзя было жечь, те топили…». Об этом же писал и С. Н. Глинка (*Глинка С. Н.* Записки о 12-м годе // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 263).

Дело в том, что по секретному предписанию Ростопчина полицмейстер А. Ф. Брокер и квартальный надзиратель П. И. Вороненко организовали поджоги в различным частях, значительно удаленных друг от друга, в частности, на Винном и Мытном дворах, Кригс-комиссариате и севших на мель барках у Красного Холма и Симонова монастыря (*Тартаковский А. Г.* Обманутый Герострат. Ростопчин и пожар Москвы // Родина. 1992. № 6—7. С. 91).

Но основные пожары вспыхнули вечером 2 сентября, когда русская армия уже покинула город. Вот что писал об этом Бестужев-Рюмин: «Я пошел посмотреть, что делается в городе на Лобном месте, что близ Кремлевских Спасских ворот. Площадь была полна народу, так что тесно было… В 8 часов вечера сильное пламя показалось в Китае-городе, в Москательном ряду». Бестужев свидетельствует, что в то же время «множество мародеров бегали в комнатах Сената со свечами и с обнаженными саблями, выкидывали из окон на круглый Сената двор столы и стулья, где и разложен был огонь».

Тутолмин упоминает о том, что «с самого первого вечера начались пожары, кои день ото дня увеличены были разосланными по всему городу зажигателями, бросавшими во все дома и церкви зажигательные составы — в низкие места из рук, а в высокие — из пистолетов». Это доказывает, что среди поджигателей были с самого начала и *французы*, ибо вряд ли православные русские люди стали бы кидать в храмы зажигательные снаряды. Священник И. П. Машков подтверждает, что «конные неприятели, имея при себе зажигательные фитили, около рук обвившиеся, натерши сперва дерево фосфорическим составом, зажигали теми вкруг здания…»

3 сентября, как вспоминает Бестужев-Рюмин, «в 9 часов вечера сильный дым показался на Арбате». Тутолмин пишет, что в тот же день французские солдаты стали ломать конюшни, сараи и заборы Воспитательного дома, находившиеся во дворе экипажи и разводить костры для обогрева.

В ночь со 2-го на 3-е сентября, как вспоминает Гамбурцев,

> …все нас окружавшее было освещено как днем от зарева повсеместного пожара, а дым, стлавшийся, едкостью своею душил нас и ел нам глаза. Тогда уже почти вся Москва пылала!.. Мы были поражены страшною картиной: наш Лесной ряд горел в огромном пламени и дыме. Самая Москва-река покрыта была огнем и дымом, на ней горели полоты лесов и дров. Замоскворечье тоже пылало и представляло из себя огненную реку… по обоим берегам Москвы-реки бежали наши русские, с женами и детьми; все это кричало, плакало! Между их скакали и шли неприятели в разные стороны и в разных направлениях: одни стреляли в бегущих от них обывателей, другие грабили на месте. Вся эта картина поразила нас глубоко. Шум и стук от развалившихся зданий, от падения целых стен и крыш, и от полета в воздухе огромных головней и балок, крик вдали народа, обывателей и неприятелей, ржание коней, стрельба из ружей и пистолетов — это все так нас ужаснуло, что мы все бросились на двор, не помня себя от страха.

2 сентября вынужденная спасаться от пожара семья Гамбурцевых оказалась на Орловском лугу, близ старого Крымского моста. Этот луг стал своеобразным «островом спасения» среди объятой пламенем столицы — там нашли пристанище сотни обездоленных москвичей:

«Мы пришли на сказанный луг уже вечером, поэтому все окна дома, бывшего на лугу, были ярко освещены, что показалось нам довольно странным, потому что на дворе, от пожаров был вместо ночи совершенный дневной свет».
Взоры собравшихся были обращены

> на Кремль, который тогда рисовался в неописанном величии и виде. Он был ярко освещен огнем пожаров со всех своих сторон. Особенно красовались вышки царских теремов, Иван Великий, соборы, башни и собор Василия Блаженного. Наступило утро вторника, что мы могли узнать по часам, у кого они еще имелись, иначе нельзя бы отделить ночь от дня: такова светла была эта ночь от зарева пожара. Самый дневной свет казался тогда темнее от дыму… Днем облака от дыму были черные, а ночью — они светло-красные…

Это же отразил в своей оде Миловский:

> Москва пылала вся в огнях неугасимых,
> И к небу восходил как туча черный дым,
> Там ночь была как день в зарях незаходимых,
> А дневный свет во мгле куренья был незрим.

«4 сентября, — пишет Бестужев-Рюмин, — огонь сильно действовал круг Кремля, и Троицкая башня с часами уже выгорела, в рассуждении чего все старой гвардии солдаты, квартирующие в Сенатском доме, коих было около 5 000 человек (о числе оных они сами сказывали) высланы были к потушению огня».

Тутолмин рапортовал Марии Федоровне: «4 сентября был самый жесточайший пожар… Весь город был объят пламенем… Горели храмы Божии, превращались в пепел великолепные дворцы и здания; отцы и матери кидались в пламя, чтобы спасти погибающих детей, и делались жертвою их нежности. Жалостные вопли заглушались только шумом ужаснейшего ветра и обрушением стен. Все были жертвою сей неумолимой. Даже мосты и суда на воде против Дома были в огне!».

Сам Тутолмин проявил огромную самоотверженность, спасая вверенных ему детей:

> Воспитательный дом находился в величайшей опасности, будучи со всех сторон окружен пламенем. Все окрестные строения в самой быстроте пожирались огнем, и еще более ужасал меня опасностью бывший тогда весьма сильный ветер, который метал искры со всех сторон к нам на все дворы, в которых были поставлены дрова. Для отвращения сей опасности расставил по дровам воспитанников с их приставниками, с шайками и вениками и заставил их гасить искры, которые как дождь на оные сыпались. В Квадрате, корделожах и окружном строении загорелись оконные рамы и косяки, и я с подчиненными моими, бодрствуя несколько уже ночей, во все стороны бросался для спасения от погибели Дома, употребляя к тому свои пожарные трубы, разламывая с подчиненными своими собственные заборы, раскидывая строения и заливая загоревшиеся места.

Один из помощников Тутолмина «охранял всю сторону к городовой стене, где построены были конюшни и лежало большое количество дров, и хотя эти строения и дрова многократно от ужасного огня и сильных искр загорались и от жары даже стекла в оконных рамах были повреждены, однако он спас благополучно вверенную ему сторону, хотя сам был в такой опасности от огня, что даже все платье на нем обгорело».

Директор Воспитательного дома должен был

> …несколько раз возвращаться к детям и приставникам для увещевания и ободрения их, которые от страха и предстоящей гибели в сию ночь не могли быть в отделениях, а находились на Квадратном дворе, и, наконец, при очевидной опасности вывел всех детей на корделожный двор... После столь ужасного пожара я все еще оставался в величайшей опасности; ибо не переставали ходить французские зажигатели около дома, и для того учредил я из своих подчиненных беспрестанные днем и ночью обходы, и во всех сторон приготовил воду. Таковыми мерами избавил я Дом от огня.

При этом Тутолмину удалось спрятать в подвалах шесть коров, которые были необходимы для вскармливания грудных младенцев.

Смотритель Павловской больницы Носков рапортовал в Ведомство императрицы Марии Федоровны что в ночь с 4-го на 5-е сентября, «при сильном ветре пламенем объятая Москва и приближавшийся по ветру огонь, наполнял всех ужасом… Спасавшиеся же от пожара люди бродили по улицам и садам толпами, где последние от оных платья и кусок хлеба, служивший для одного дня пропитанием, злодеями были отбираемы».

Бестужев-Рюмин рассказывал, что 5 сентября «горела Сретенская часть, что у Сухаревой башни, и тот самый дом, в котором я ночевал, обе Басманные улицы и Немецкая слобода. Я с семейством моим и другими приставшими ко мне людьми укрылись близ церкви Спаса что в Спасском, которая в два часа пополудни загорелась».

Не меньшие беды ожидали москвичей при отступлении наполеоновской армии. Тот же Бестужев вспоминает, что накануне ухода французов один из солдат Старой наполеоновской гвардии доверительно сказал ему:

> Спасайтесь, мой дорогой, если можете — Кремль взорвут на воздух, как и всякое другое место, близ которого вы жили. Отдан даже будет приказ — убивать всякого, носящего оружие, и зажечь все дома, которые не были сожжены… 8 октября взорваны ящики с порохом на Пушечном дворе… В 11 часов зажжен Кремлевский дворец, и французские войска, под командою маршала герцога Тревизского оставшиеся, вышли из Москвы через Каменный мост по Калужской дороге… 11 октября, в 2 часа пополуночи, взорван Кремль в пяти местах.

Тутолмин рапортовал Марии Федоровне 12 октября 1812 года:

> 7 числа сего месяца император Наполеон выехал из Москвы к главной армии своей..., в Москве же оставался маршал герцог Тревизский с малым числом войск, которое с 9-го числа начало перебираться в Кремль, где прежде того производимы были злодейственные приготовления для взорвания на воздух находящихся в Кремле зданий. 10-го числа, по наступлению ночи, в Воспитательном доме снят французский караул, и все французские войска вышли из Кремля и оставили город.

И произошел «в ночи с 10-го на 11-е число страшный и необыкновенный треск и гул, с огненными и дымящимися столбами в стороне Кремля-города... В 11 часов загорелся Кремлевский дворец, а во 2-м часу ночи первым сделался жестокий удар, подорвавший и разрушивший Арсенал. Каковых было пять ударов, которыми были разрушены пристройки к Ивановской колокольне и часть Кремлевской стены. Соборы же, Промыслом Божиим, остались целы, но самым хищным способом разграблены».

Самое впечатляющее описание пожаров и взрывов в Кремле дано в воспоминаниях Гамбурцева:

> Соборы, терема и Иван Великий, освещенные его пламенем, являли собою дивную картину, окаймленную древнею Кремлевскою стеною с башнями. Картина еще увеличивалась силуэтами Василия Блаженного, Воспитательным домом и огненною полосою Москвы-реки, между которыми мелькали оставшиеся строения, и все это венчалось космами пламени и тучами дыма, испещренного искрами и огненными головнями, летавшими туда и сюда. Жилище русских царей горело, никем не прекращаемое. Народ глядел на это в ужасе и безмолвствовал. Слышались одни только вздохи и молитвенные слова: «Господи, помилуй!»

Хотя разразившийся в эту ночь над Москвой ливень частично загасил фитили мин, а ворвавшиеся утром в город казаки Иловайского разминировали оставшиеся, тем не менее, разрушения были ужасны.

> Я не берусь описать ужаса, — продолжает Гамбурцев, — какой объял все русских, находившихся в Кремле, ни той картины, какую мы видели при взрыве в Кремле Арсенала, пристройки к Ивану Великому, наконец, Водовзводной башни и других в Кремлевской стене и частей самой стены, но упомяну лишь о том, что тогда было с нами на лугу... Я и те, с которыми я ближе находился, почувствовали какое-то необъяснимое движение под ногами нашими, и мы еще не успели передать его друг другу, как яркий свет озарил нас на мгновение, за которым раздался такой страшный и оглушительный удар, как будто над головою нашею ударил оглушительный гром с таким треском и гулом, что мы едва удержали дух и едва устояли на ногах. И громада пристройки к Ивану Великому в глазах наших как перушко взлетала на воздух и падала на землю, как брошенный мячик, оглушая нас и всю окрестность страшным стуком и гулом, и все это происходило не более одного мгновения!.. Вслед за этим взлетел на воздух Арсенал, потом башни с частями стен, балки из Арсенала летали по воздуху, как пылинки, одна из них, как я после видел, концом своим воткнулась в кровлю Сената, и не было между нами человека, который не читал бы себе отходную... Один другого прощал и просил прощения — все думали, что вся Москва взлетит на воздух!

«Дело о погибшем в Москве артиллерийском имуществе» также содержит ценные документы о московском пожаре 1812 года. Артиллерии генерал-майор Пичугин в конце 1812 года рапортовал в Артиллерийский департамент Военного министерства, что по прибытии в Москву после изгнания неприятеля он убедился, что «1) Арсенал от Никольских ворот до половины взорван, да и оставшаяся другая половина без окон и дверей и весьма повреждена в сводах, так что даже опасно входить...; 2) под Симоновым из 9 пороховых погребов 2, где хранилась селитра и сера, внутри выгорели, и из них у одного от пожара крышка упала». Пожаром был совершенно уничтожен Полевой двор, находившийся у огромного (32 гектара) Красного пруда, где, кстати, по повелению Ростопчина потопили часть оружия и боеприпасов, которые не смогли вывезти из Москвы.

В рапорте Пичугина от 16 декабря указывалось, что Ростопчин выделил начальнику Арсенала полковнику Курдюмову 18 барок для вывоза артиллерийского имущества по Москве-реке, но из них только восемь оказались годными. Эти барки были нагружены порохом и свинцом, отправлены по Москве-реке 1 сентября, но сели на мель в районе Перервы.

***

Публикуемые материалы вносят дополнительные сведения к характеристике солдат «Великой армии», постепенно превращавшихся в деморализованных мародеров. Бестужев-Рюмин вспоминал, что 4 сентября (когда Наполеон был вынужден покинуть Кремлевский дворец) отняли у него большую сумму денег и одежду в присутствии одного из самых близких к Наполеону маршалов — Ж. Б. Бессьера, герцога Истрийского: «один солдат меня едва не проколол штыком ружья своего, называя нас зажигателями. У сына моего 12 лет, к которому в карман кафтана положил 3 тыс. р., сорван кафтан и фрак, и оставлен он в одной рубашке; у младенца же 7 недель, при матери находившегося, и которого мать от испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока».

Через два дня, близ загоревшейся церкви Спаса на Садово-Спасской Бестужев вновь встретил французских мародеров, которые, «обнажив тесаки, требовали наши

сапоги и другие вещи, в которых самую необходимость имели. Безумное дело, казалось, сопротивляться, и потому отдавали им, что надобно». Они даже «вздумали раздевать женщин и искать сокровища в таком месте, где только алжирские корсары ищут». И это были «передовые войска французской армии, вторгнувшейся в Москву!».

Г. В. Сокольский, сотрудник ряда московских журналов, переводчик, волею судеб подобно Тутолмину, Бестужеву-Рюмину, семейству Гамбурцевых, остался в Москве при французах. Он вспоминал, как французские кирасиры убили на его глазах сенатора Ф. И. Дмитриева (брата известного баснописца И. И. Дмитриева, в то время министра юстиции), отбирали у мужчин и даже у женщин пищу, одежду, драгоценности; престарелый священник Покровского собора в Измайлове умер, не выдержав подобных сцен.

***

Большой интерес представляют составленные для московского обер-полицмейстера П. А. Ивашкина списки сгоревших, разрушенных и уцелевших в 1812 году монастырей, соборов и церквей, казенных строений и обывательских домов по всем «частям» (т. е. районам или округам) Москвы. Первый из этих списков был составлен уже 13 октября 1812 г., в соответствии с тайным предписанием Ф. В. Ростопчина (находившегося в это время во Владимире) московскому обер-полицмейстеру П. А. Ивашкину с требованием немедленно представить списки мародеров и изменников и указать приблизительный объем ущерба, нанесенного древней столице. Представляет интерес черновик ответа Ивашкина Ростопчину со всеми неточностями и зачеркиваниями: это *первое* описание итогов пребывания французов в городе, данное «*по горячим следам*». Два года спустя, когда русские войска вошли в Париж, Ивашкин подписал второй, подробный список. Благодаря этим спискам мы можем установить количество уничтоженных или сохранившихся церковных, гражданских и частных домовладений. Всего в этих списках упоминается около 4 тысяч объектов.

Возможно, у читателя самого обширного из этих документов — «Именного списка оставшихся в целости соборов, монастырей и приходских церквей, казенных и обывательских строений» — включившего в себя фамилии всех домовладельцев того времени, может создаться впечатление «адресной книги». Но нельзя забывать о том, что это была «грибоедовская» и, в значительной степени, «пушкинская» Москва.

Упомянем лишь об отдельных домах, по нашему мнению, определявших лицо Москвы того времени.

Списки дают читателям новые представления о казалось бы хорошо известных московских зданиях (хотя нужно учитывать позднейшие перестройки, исказившие порой их облик до неузнаваемости).

Так, например, далеко не все вспомнят, что на месте нынешнего главного здания Министерства Обороны РФ на Знаменке (бывшая ул. Фрунзе) некогда находилась роскошная усадьба генерала Апраксина, устроившего в ней известный москвичам театр. Усадьба, возведенная по проекту Ф. Кампорези в 1790-е годы, была перестроена спустя полтора столетия.

Продолжим театральную тему. Едва ли знает даже коренной москвич, что Театр на Малой Бронной был устроен в особняке (капитально перестроенном), некогда принадлежавшем князьям Голицыным. По соседству, на Большой Бронной, упомянут в списках дом княжны Мещерской. А ведь это была родная сестра бабушки А. И. Герцена. В сентябре 1812 года пятимесячного Сашу — сына капитана И. А. Яковлева — из горевшего основного дома Яковлевых на Тверском бульваре перенесли в ее флигелек.

Всему миру известно здание Московской консерватории на Большой Никитской, построенное в конце XIX века. А фасадная стена его главного корпуса старше… на целый век. Когда-то здесь находился возведенный великим В. И. Баженовым особняк, которым владел герой 1812 года, генерал граф Михаил Семенович Воронцов.

Спускаясь по той же стороне Никитской улицы к Манежной площади, мы видим старинный особняк графа В. Г. Орлова — родного брата всесильного екатерининского фаворита Григория Орлова. С 1934 по 1940 г. здесь размещался Исторический факультет МГУ. Авторам вступительной статьи посчастливилось провести первые студенческие годы в этом уютном особняке, с характерным для рубежа XVIII—XIX столетий парадным залом, деревянными лестницами и мансардными окнами. И они могут подтвердить, что дух «священной памяти Двенадцатого года» витал над стенами старинного особняка, чудом уцелевшего в пожаре 1812 года.

Явственно воскрешается в памяти образ профессора истории древнего Рима незабвенного А. Г. Бокщанина, постоянно переходившего в своих лекциях 1960-х годов от античных героев к героям Отечественной войны. На его лекциях оживали «мифы и легенды», которые начинали создаваться еще университетскими питомцами в 1812 году (*Петров Ф. А., Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б.* Университет для России. Т. 4. М., 2012. С. 48—50). Порой миф становился более правдоподобным, чем реальность, а сама реальность приобретала характер казавшегося еще невероятным за полгода до нашествия галлов события.

Вспомним окончание второй части «Войны и Мира» Л. Н. Толстого:

…над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812-го года — та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая

звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства.

Пьер Безухов — русский барин-богатырь ощущал себя *в то время* истым масоном, гражданином Вселенной, и инстинкты простых русских людей, крестившихся при виде страшного знамения, были ему смешны…

Продолжим небольшое лирическое отступление. Эпоха 1812 года, пожара Москвы давно уже стала для нас *мифологической*, равно как и фигура великого русского полководца и дипломата М. И. Кутузова.

Равным образом стала мифом и личность Наполеона Бонапарта, который сам о себе справедливо заметил «Какой роман — моя жизнь». И сотрудники Государственного исторического музея отдали честь великому корсиканцу. А. Д. Яновский и Ф. А. Петров выявили в фондах ОПИ около двух с половиной тысяч автографов Наполеона Бонапарта, членов его семьи и его сподвижников — маршалов, генералов, дипломатов, других государственных деятелей, поэтов, живописцев, ученых, опубликовав каталог «Napoléon Bonaparte. Sa famille. Son entourage». Наш музей устроил две выставки — одну — специально посвященную 225-летию Наполеона Бонапарта в 1994 г., другую — «Великие императоры Европы: Александр I и Наполеон I» в 2000 г. в пяти залах музея, совместно с Государственными музеями Московского Кремля, французскими музеями Армии (Домом Инвалидов) и Карнавале.

Оставаясь в рамках *своих мифов* французы имеют полное основание считать Бородинскую битву выигранной ими, ибо ровно через неделю они оказались в Москве, а мы — своей победой. Прошло четыре месяца после Бородина, и в Рождество Христово 25 декабря (по старому стилю) император Александр I возвестил манифестом о гибели в России «Великой армии» Наполеона: «лишь ничтожная часть изнуренных и безоружных воинов… может прийти в страну свою».

Развенчание *собственных* мифов может привести к копированию *чужих*. Нам лично непонятно, как в отечественной печати происходит замена названия «Отечественная война 1812 года» на «Кампания 1812 года». Для Наполеона Бонапарта это действительно была «Campagne de Russie», закончившаяся весьма плачевно. Если видеть во вторжении наполеоновской армии явную агрессию, то война с нашей стороны действительно была *Отечественной*. Иное дело считать, что император Наполеон начал войну, будучи убежденным, что русские первыми перейдут границу. Один почтенный историк, долгие годы специализировавшийся на изучении партии «Народная Воля», ныне отдает «под суд прогрессивной общественности» Россию начала XIX века. Он упорно старается доказать «миролюбие» Наполеона, который в течение 20 лет вел непрерывные войны в Европе и даже в Африке, пишет: «Дорожа союзом с Россией, Наполеон I пытался скрепить его брачными узами. Дважды он сватался к сестрам Александра I Екатерине Павловне (1808) и Анне Павловне (1809), но оба раза получил отказ». Тот же автор упорно доказывает, что Наполеон не собирался идти на Москву, да просто русские войска, отступая, «заманили» его в древнюю столицу. Но и там французы показывали «образцы галантности». Об образцах подобной «галантности» писалось немало; о них говорят и документы, публикуемые в нашей книге.

Мифологизирована ли фигура Кутузова? Конечно. Но в последнее время происходит своеобразная реанимация вульгарно-марксистской школы акад. М. Н. Покровского, считавшего войну 1812 года… борьбой прогрессивного французского капитала с реакционным — российским. В рамках традиций этой школы пишут о «вульгарной идеализации М. И. Кутузова» (*Троицкий Н. А.* Современная историография войны 1812 г. Новое в научной полемике и этике // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 79). А ведь ныне нет необходимости, как это делалось в середине XX века, ради возвеличивания Кутузова третировать Барклая де Толли, действия которого в начальный период войны были абсолютно правомерными. Но после оставления Смоленска смена его в качестве главнокомандующего была неминуема.

Может быть, не все обратят внимание на публикуемое в сборнике письмо председателя Московского Опекунского Совета А. М. Лунина (кстати, дяди декабриста) императрице Марии Федоровне от 12 августа. Приведем поэтому цитату из него: «…потеря Смоленска и отступление храбрых наших войск во всех состояниях здешнего общества произвело уныние превеликое и непрерывно и слышно, что "Боже нас спаси" и "Боже дай, чтоб Государь скорее поручил начальство Армии заслуженному и опытному из старших, почитающихся у нас генералов — князю Михаилу Илларионовичу Кутузову"». Нет, упорно продолжают писать об ошибках Кутузова и неприятии его частью русского генералитета, например, темпераментными Багратионом и Раевским. Как любят у нас судить победителей, наших героев, противопоставляя их друг другу, и с легкостью повторять оценки французов.

Мог ли Барклай де Толли, честно заявивший о невозможности новой битвы за Москву, взять на себя всю ответственность за оставление древней русской столицы? Ответ очевиден.

А что касается объективности оценки французами Кутузова, то приведем слова из энциклопедии «Petite Larousse»: «Koutousoff Michel (1745—1813) — général russe, battu près de la Moscova» (т. е. «…разбитый в сражении при Москве-реке» — так французы называют Бородинскую битву). И больше *ничего*! «Ужель чужие мненья только святы?» — скажем мы вслед за А. С. Грибоедовым (кстати, также университетским питомцем, собиравшимся идти на войну).

Вспоминая бессмертную комедию «Горе от ума», как не упомянуть об известном всем старым москвичам знаменитом «доме Фамусова», который некогда принадлежал одному из фаворитов Екатерины II И. Н. Римскому-Корсакову, послужившему Грибоедову прототипом при создании его персонажа. Особняк этот уцелел в 1812 году, но был снесен в 1970-е гг., уступив место унылоуродливому зданию редакции газеты «Известия».

Посетители Музея декоративно-прикладного искусства на Делегатской улице, любуясь произведениями народного творчества, едва вспомнят, что некогда эта усадьба принадлежала удивительно красивому человеку и бесстрашному герою войн с Наполеоном — генерал-лейтенанту Александру Ивановичу Остерману-Толстому. Он был тяжело ранен на Бородинском поле и потерял руку в сражении под Кульмом. Поблизости от его усадьбы находился, как указано в списке, дом «вдовы Тучковой». Это была легендарная Маргарита Тучкова, впоследствии монахиня Мария. На Бородинском поле она сумела найти обручальное кольцо своего мужа — все, что осталось от генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова. На этом месте она поставила первый памятник погибшим при Бородине — церковь Спаса Нерукотворного.

Упомянутые в списках усадьбы князя Николая Борисовича Юсупова (в Большом Харитоньевском переулке), Волкова, графини Санти, купчихи Обер-Шальме связаны с именем А. С. Пушкина — коренного москвича. Следует сказать и о домах: поэта Веневитинова (где Пушкин читал «Бориса Годунова» — этот дом недавно был снесен), историографа Москвы А. Ф. Малиновского (родного брата первого директора Царскосельского лицея) и здании руководимого им архива Коллегии иностранных дел, где служили знаменитые «архивны юноши» — друзья поэта.

Мало кто в здании, построенном еще сто с лишним лет назад знаменитом Елисеевском гастрономе, узнает черты особняка начала XIX века некоей «госпожи Козицкой», который впоследствии перешел княгине Зинаиде Волконской, «царице муз и красоты». В ее литературно-музыкальном салоне неоднократно бывал Пушкин во время приездов в Москву в 1820-е годы.

В списках упомянут дворец графа Мусина-Пушкина. Это был знаменитый коллекционер, в усадьбе которого на Разгуляе хранилась уникальная коллекция книг и рукописей, среди которых было «Слово о полку Игореве» Все это сгорело в пожаре 1812 года, но дом был восстановлен в стиле «ампир». Ныне в нем находится Московский инженерно-строительный институт.

Поблизости, в Слободском дворце российских императоров на набережной Яузы, где 15 июля 1812 г. Александр I обратился к жителям Москвы с призывом о создании народного ополчения, в конце позапрошлого столетия было устроено Московское высшее техническое училище.

Хорошо знакомая москвичам улица Грановского, получившая в неомонархическом экстазе название «Романов переулок», до революции называлась Шереметевским переулком. Это было справедливо: ведь домом с ажурной ротондой на углу этого переулка и Воздвиженки владел граф Николай Петрович Шереметев, венчавшийся в находящейся поблизости церкви Симеона Столпника (подавлена стеклобетонной безвкусицей 1960-х годов на Новом Арбате) со своей крепостной актрисой Прасковьей Ковалевой-Жемчуговой. Кстати, упоминаемый в тексте нашего сборника «Странноприимный дом графини Шереметевой» на Сухаревской (недавно — Колхозной) площади — не что иное, как многим известный НИИ Скорой помощи им. Н. В. Склифосовского.

В центре Москвы находились особняки представителей знатных дворянских родов — князей Волконских (улица Волхонка), Гагариных, Трубецких; графов Дмитриевых-Мамоновых, а также Всеволожских, Лопухиных, Мансуровых, Рахмановых, Соймоновых и других. От их домов почти ничего не сохранилось, кроме возвращенных в начале 1990-х гг. названий улиц и переулков, как, впрочем, и от купеческих владений Титовых и Усачевых — соответственно, на нынешнем Ленинском проспекте и близ станции метро «Спортивная».

В двухэтажном особняке в начале Воздвиженки, недалеко от станции метро «Арбатская», можно уловить черты дома, построенного еще в XVIII веке и принадлежавшего деду Л. Н. Толстого по материнской линии — генералу от инфантерии князю Николаю Сергеевичу Волконскому — прототипу старого князя Болконского в «Войне и мире». «Старый мрачный дом на Воздвиженке», — так охарактеризовано это здание в романе.

Противоположные ассоциации вызывает здание посольства Республики Беларусь на Маросейке — некогда дворец знаменитого полководца XVIII века графа Румянцева-Задунайского, напоминающий по форме «воздушный корабль». То же можно сказать и о здании в начале Мясницкой, некогда принадлежавшем известному историку и коллекционеру А. Д. Черткову, где долгие годы находился Дом научно-технической пропаганды. Построен он был также в середине XVIII столетия, а через сто лет в нем была открыта первая в Москве общедоступная библиотека.

Сотрудники огромной армии полицейских, наводнивших нынешнюю столицу, и не подозревают, что в основе знаменитой «Петровки, 38» находится здание, созданное в 1800-е годы выдающимся зодчим О. И. Бове для князей Щербатовых, которое спустя полтора века было перестроено для Главного управления московской милиции.

Особняки упоминаемого в списках свирепого московского обер-полицмейстера и градоначальника Архарова по обеим сторонам Пречистенки, в сильно перестроенном к нынешнему времени виде, получили известность впоследствии. В одном из них в 1830-е годы жил поэт-

партизан Денис Давыдов, в другом в 1922 году был открыт Дом Ученых.

Встречая в тексте имя «Сандунова, артиста», читатели могут задуматься: имеет ли он отношение к знаменитым Сандуновским баням? Самое непосредственное: он их построил.

В «Именном списке» мы встречаем имена знаменитых героев 1812 года, профессоров Московского университета, известных архитекторов (кстати, не сразу можно догадаться, что дом действительного статского советника Казакова в Мясницкой части был домом великого зодчего); артистов, писателей и поэтов, именитых московских купцов.

Назовем лишь славную династию Алексеевых. В именном списке упоминается купец Алексеев (Семен Алексеевич), который владел на Якиманке фабрикой по изготовлению золотых и серебряных «позументных, плющильных и канительных изделий». На нужды московского ополчения Алексеев пожертвовал большие средства. Фабрика и дом его сгорели, и он приобретает другой дом, уже на Таганке, на углу Николо-Ямской и Большой Алексеевской. «Таганка и Якиманка» стали ироничными терминами для некоторых представителей московского купечества — «тит титычей» из пьес А. Н. Островского. А между тем правнуком Семена Алексеевича Алексеева стал Константин Сергеевич Алексеев, известный всему миру как Станиславский. Родовое гнездо, к счастью, сохранилось, в отличие от дома у Красных ворот (в списках упоминается как дом «камергера Нарышкина»), куда переехал коммерции советник Сергей Владимирович Алексеев и где и был организован «Алексеевский драматический кружок» — прообраз знаменитого Московского Художественного театра.

И все же кое-что еще осталось в современной Москве за 200 истекших лет, несмотря на «поновление» в псевдорусском стиле церквей в последние десятилетия правления Романовых, безбожный снос сотен храмов в 1920—1930-е годы (да и позже), наконец, нынешнюю административно-банковскую «реставрацию» столицы и «точечную» застройку путем уничтожения старинных особняков для постройки апартаментов для «новых русских».

Сохранился Кремль, который Наполеон избрал своей резиденцией, хотя современный Большой Кремлевский дворец был выстроен гораздо позже в холодно-византийском стиле архитектором К. А. Тоном. Сохранился и Петровский замок — путевой дворец русских императоров на нынешнем Ленинградском проспекте, куда Наполеон уже через день после въезда в Москву вынужден был перебраться, спасаясь от пожара. А церковь Иоанна Воина — великолепное детище зодчего Ивана Зарудного, построенное по личному указанию Петра Великого на Большой Якиманке, и доныне стоит как безмолвный свидетель бесславного бегства «Великой армии» из Москвы 7 октября 1812 года во главе с самим «Императором Французов и Королем Италии».

Итак, читатель может совершить с нашей книгой в руках «прогулку» по Москве 1812 года: от Кремля, Красной площади и Китай-города и далее, по Бульварному и Садовому кольцам — от Остоженки и Пречистенки до Лефортова, находившегося уже за чертой Земляного города. Другим маршрутом может быть «путешествие» по Пресне, Замоскворечью и району от современного Ленинского проспекта до Таганки.

***

Русская Православная церковь сыграла *особую роль* в Отечественной войне 1812 года. Долгое время роль эта если и не замалчивалась полностью, то существенно умалялась. Поэтому особый интерес представляет каждый новый исторический источник, обнаруженный составителями сборника в процессе длительного архивного поиска. Документы, связанные с историей монастырей, соборов и церквей, занимают свыше трети объема книги.

Обратимся прежде всего к документам, оставленным нам одним из самых любимых москвичами иерархов, замечательным оратором и истинным патриотом, викарием московским Августином (А. В. Виноградским). Он прославился своими проповедями, благословлявшими русских воинов на защиту священных алтарей и мужественную борьбу с неприятелем. В сборнике впервые публикуются его рапорты в Святейший Синод, охватывающие период с конца сентября до начала ноября 1812 года, т. е. с момента отъезда из Москвы и до первых недель пребывания в сожженной, разоренной и оскверненной неприятелем древней русской столице.

Накануне вторжения наполеоновской армии в Россию, в Новолетие Господне, 1 сентября 1812 года Августин отслужил молебен в Успенском соборе Кремля, а на утренней заре 2 сентября с иконами Владимирской и Иверской Божией Матери отправился в Муром. Он старался вывезти в Вологду церковные ризницы, но присланных подвод оказалось недостаточно. Немало церковных ценностей осталось в Москве, и не все из них успели спрятать. Впрочем, через несколько недель преосвященный получил известие от Кутузова о том, что русские войска отбили у неприятеля похищенное со святых икон православных храмов серебро и прочую драгоценную утварь.

Первоначально Августин получил ужасающие сведения о почти полном разграблении и уничтожении святынь кремлевских соборов. Из икон были сделаны биваки, где у костров грелись караульные. Однако когда сам он, вернувшись в начале ноября в Москву, посетил Успенский собор, то убедился, что сведения эти не совсем точны. Хотя «собор совершенно неприятелем разграблен», однако, вопреки первоначальным донесениям, «рака святителя Филиппа хоть и повреждена, но

находится на своем месте, и даже его облачение осталось неповрежденным, а мощи царевича Димитрия, хранившиеся в Архангельском соборе, были спрятаны священником Вознесенского Девичьего монастыря и таким образом спасены».

9 ноября Августин вместе с другими священнослужителями отыскал почти все местные иконы Успенского собора, кроме иконы Иерусалимской Богоматери: «Расколотых икон очень мало, и те исправить весьма удобно. Следует только почистить и исцарапанное поправить». Впрочем, восстановление Успенского собора, порученное архитектору Ф. К. Соколову, длилось несколько лет, и он был заново освящен лишь в 1816 году.

10 ноября 1812 г. Августин сообщил обер-прокурору Святейшего Синода кн. А. Н. Голицыну: «…служил в Сретенском монастыре и после литургии духовенством, какое собрать мог, с крестным ходом перенес икону Иверской Богоматери в ее часовню. Перед часовнею я освятил воду и окроплением оной освятил часовню, внес икону и поставил ее на свое место». Августин также дал краткое описание состояния всех московских монастырей после ухода французских войск.

Один за другим освящались Августином оскверненные неприятелем кремлевские соборы. Гамбурцев был свидетелем того, как Августин, подойдя к северным дверям Успенского собора «запертым, запечатанным, приказал растворить их, а певчим запеть: “Да воскреснет Бог и расточатся врази его”».

Таким образом, рапорты викария Московского Августина представляют большую ценность для характеристики того морального и материального ущерба, который был нанесен французскими войсками святыням русской православной церкви и жителям древней столицы.

Краткими, но крайне выразительными источниками являются описания событий, происходивших во время наполеоновской оккупации в Донском и Новоспасском монастырях, имевших важное оборонительное значение в защите юга Москвы еще со времен набегов татар.

Одним из самых знаменитых московских монастырей был Донской, основанный в конце XVI века в честь избавления Москвы от нашествия крымского хана. 31 августа 1812 г. настоятель монастыря архимандрит Иоанн на пяти повозках вывез из монастыря евангелия, сосуды, ризы, лампады, паникадила, подсвечники, золотые и жемчужные вещи. Образа со всеми украшениями были оставлены, «чтобы народ не встревожить» (примечательно, что Августину, вывозившему из Москвы иконы Владимирской и Иверской Божьей Матери, Ростопчин выделил охрану из опасения возмущения жителей, остававшихся без святых покровительниц).

Рассказ о том, что происходило в это время в самом монастыре, мог бы послужить сюжетом литературного произведения.

Вечером 3 сентября, когда в монастыре шла служба, «зажгли неприятели у ворот калитку. Все монашествующие и немалая часть народа бросились в соборную церковь и заперлись». В монастырь вошли около 200 вооруженных французов, а к рассвету весь монастырь был наполнен наполеоновскими солдатами и их повозками. Ворвавшиеся сначала бросились в настоятельские и братские кельи.

> Часу в 12-м обратились к церквам. Вход на паперть в соборную церковь был заперт. Выстрелили в окно и влезли на паперть. Слыша, что в церкви народ, начали стучать и хотели ломать двери. Видя опасность, наместник выслал боковою дверью пономаря с ключами отпереть переднюю дверь. Народу позволили бежать из боковой двери. Монашествующие стали посреди церкви ожидать решительной судьбы. Наместник надел епитрахиль и взял в руки крест, думая, что все будут лишены жизни.

Французы «вбежали в церковь и рассыпались: иные к лампадам хватать свечи, другие в алтарь, третьи стали раздевать монахов, требуя золота и серебра. Наместника больно били, ризничему голову проломили, всем грозили обнаженными саблями изрубить, если не дадут денег и сокровища. Иеромонаха Иринея, нынешнего наместника, изранили по рукам и ногам саблями и штыками… В церкви многие образа расколоты, из ризницы, кои не увезены ризы парчовые, таскали и выжигали среди монастыря. Одежды с престолов сорваны, ризница обращена в кофейню». Монахов заставили «носить воду, топить печи, копать картофель, носить разные запасы из города под их караулом. Положение было самое трудное: в разодранных рубищах, изнуренные голодом, мучимы были беспрестанною работою….».

Спустя неделю в настоятельских покоях остановился генерал, в монастыре поставлена гвардейская часть императорской гвардии, а у ворот поставлен караул. «Неприятели жили во всех церквах, а в теплой церкви стояли лошади, а в алтаре — коровы, к престолу привязанные, а на престоле обедали. Генерал, вскоре по вступлении, требовал к себе всех монахов». Они вышли в камилавках, что вызвало его гнев: «Как вы смели явиться в шапках!». Не слушая оправдания, что они в церкви так служат, приказал солдатам камилавки сорвать. Потом требовал хлеба, вина, пива…»

Накануне выхода неприятеля из Москвы в монастырь возвратился наместник. Приняв его за казака, французы его жестоко избили.

7 октября мимо монастыря потянулись отряды отступавших французов, а через шесть дней, в бою под Медынью, наполеоновский генерал, квартировавший в монастыре — Тадеуш Тышкевич — был взят в плен уже настоящими казаками. По иронии судьбы, его конвоировали к Калужской заставе мимо стен монастыря.

Французские переводчики говорили монахам, что скоро французы уйдут из Москвы, а монахов «возьмут в армию и обратят в солдаты, особливо тех, которые посильнее и помоложе. Это их весьма устрашило, особенно потому, что русских заставляли воевать против

России, но куда обратиться, не знали, ибо неприятель уверял, что все города забрали, и Петербург». Однако пришедший из Троице-Сергиевой лавры служитель «уведомил монахов, что Лавра не взята и что неприятель на Троицкой дороге только на 7 верст от Москвы и что в Малых Мытищах стоят казаки». Узнав об этом, монахи решили бежать в Лавру, а так как у ворот стоял французский караул, то они выпрыгивали через башенное окно и «бежали по два-три человека в течение недели».

В то же время, как свидетельствуют публикуемые в сборнике документы, неподалеку от Донского и Данилова монастырей стали проникать первые партии казаков — еще *до* того, как основные силы наполеоновской армии покинули город.

> От стороны Калужских ворот показался, сперва, один русский казак, потом другой, третий, а как будто из земли их выскочило более десятка. Сразу явились они лицом к лицу перед «беспардонными». Те, было, начали строиться, стрелять, но наши донцы мгновенно распались, повисли на стременах под брюхами лошадей, гикнули и влетели в толпу смущенных, оробевших, беспардонных, которых всех казаки без выстрела взяли в плен и обезоруженных обратили назад и погнали к Калужским воротам… И мы все тут поверили, увидав собственными глазами и ловкость, и отвагу, и храбрость наших молодцев-донцов, которых горсть осмелилась в виду и в присутствии еще неприятеля в Москве, ворваться в нее и взять в ней среди белого дня неприятельский регулярный кавалерийский отряд…

А когда французы уже окончательно покинули древнюю столицу, то москвичи с радостью приветствовали донских казаков, «почти по пятам неприятеля вошедших в Москву… И что это за молодцы были, даже нам страшно было на них смотреть! Даже бывшие между их старики с почти седыми бородами, и те сидели на своих невзрачных, по-видимому, лошадях — молодцы молодцами. Как не бояться после всего этого неприятелю аркана и пики казака!».

По приезде настоятеля Донского монастыря были освящены один за другим его храмы. «В Соборной церкви местные образы, ограбленные врагами, украшены вновь серебряными ризами, окладом донских казаков, которые пожертвовали 10 пуд. серебра и 9 тыс. деньгами при письме графа Матвея Ивановича Платова».

Более страшная участь постигла другой знаменитый монастырь — Новоспасский, который был построен в XVI—XVIII веках на левом берегу Москвы-реки, на нынешней площади Крестьянской заставы, с пятиглавым Спасо-Преображенским собором, возведенным по образцу кремлевского Успенского, и монументальной надвратной колокольней. Таким он предстал французам, а что произошло далее, мы узнаем из рукописи «Новоспасский монастырь в 1812 году. Воспоминания очевидцев».

Известный историк Москвы И. М. Снегирев, профессор Московского университета, который в 1812 году был вынужден уехать из города с архивом Московского университета, записал воспоминания очевидцев трагических событий, происходивших в монастыре. Приведем лишь отдельные цитаты.

«Настоятель монастыря архимандрит Амвросий Орнатский и братия по распоряжению начальства удалились тогда из монастыря. Там остался один только наместник старец Никодим с десятью монахами и послушниками». Первыми начали грабежи в беззащитном монастыре поляки, а на другой день, 3 сентября, пришли туда французы и, выгнав поляков,

> …стали продолжать грабеж в кельях. Наместник, желая их умилостивить, предложил им угощение хлебом и солью; но хищные враги тем не удовольствовались, требовали с него денег, били его и привели его, избитого, с послушником в собор. Там, поставив их среди храма на колени и примкнув к их груди ружья, велели исповедоваться друг другу, как перед смертью; потом, грозя расстрелять, спрашивали, где скрыты монастырские драгоценности; при этом нанесли старцу несколько ран саблями, и, не вынудив у него признания ни угрозами, ни ранами, отпустили едва живого.

Вечером 3 сентября

> …от горючих веществ, брошенных французами, самый монастырь вдруг объят был пламенем: сперва занялась двускатная деревянная кровля на ограде, потом кровли на башнях, и на монашеских кельях. Вместе с пожаром поднявшийся ветер усилил ярость огня: искры, угли и горящие головни сыпались градом так, что одни из монастыря бежали искать спасение в Москве-реке, другие укрывались в подвалах и погребах. Все небо пламенело, и зарево от пожара Новоспасского монастыря сливалось с заревом пылающей Москвы. Ночью загорелась и колокольня, где упавший с ужасным треском колокол Петра Великого в тысячу пудов пробил и обрушил своды Сергиевской церкви… Среди ужасного пожара в недрах монастыря уцелели не защищенные ни человеческою силою, ни искусством три храма — Преображенский, Покровский и Знаменский; настоятельские покои. Последние с Покровскою церковью обращены были неприятелями в казармы, а Знаменская — в конюшню…
>
> Что пощадил огонь, того не пощадили враги, алкавшие добычи. Ограбив в церквах все, что только можно было захватить, они, в надежде найти сокровища, раскапывали могилы на кладбище монастырском, разламывали каменные надгробницы в усыпальницах под собором и даже престолы и жертвенники в алтарях. Случайно отыскав под кровлею собора серебряные ризы с образов, они разрубали их в монастырском саду и делили между собою.

Рядом с Новоспасским монастырем сохранилась доныне церковь Сорока Мучеников. 41-м мучеником

стал 68-летний священник храма о. Петр (Вельяминов), «убитый неприятелями пред дверьми церкви за то, что не указал им, где скрыты драгоценные ее утвари и ризы с образом». Тело престарелого пастыря было обнаружено и отпето в Новоспасском монастыре лишь через три месяца после его гибели…

Такое святотатство по отношению к православным святыням и священнослужителям со стороны наполеоновской армии вполне объяснимо. Нельзя забывать о том, что французским офицерам и солдатам в 1812 г. в среднем было от 20 до 40 лет: их детство и юность пришлись на годы мощной революционной атеистической пропаганды (католическое богослужение во Франции было возобновлено лишь в 1804 г., с учреждением Первой Империи). Поэтому понятно их равнодушие к собственным святыням, и тем более варварское осквернение святынь православных. Об этом замечательно сказал протоиерей Казанского собора о. Иоанн (Машков) в своих поэтических воспоминаниях, которыми заканчивается наш сборник:

Все были ль крещены, родяся в терроризме?
Премногие ж из них блуждали в атеизме,
Не признавая Творца Всевышня своего,
Не веря, быть, святым угодникам Его.

Сразу после изгнания неприятеля начались благодарственные молебны. Так, 11 октября, в день выхода из Москвы неприятеля, в домовой церкви Воспитательного дома «было принесено моление Всевышнему, избавившему столицу от врага и сам Воспитательный Дом от гибели. Это было первое богослужение со времени вступления неприятеля в Москву…». 14 октября 1812 года в день рождения императрицы Марии Федоровны воспитанники и служащие Воспитательного дома во главе с Тутолминым отслужили молебен «о спасении сего Богоугодного заведения, среди развалин города… от расхищения и поругания врага».

Упомянутая ода «Новый Навуходоносор, или разоритель и сожигатель Москвы» потрясает не художественными достоинствами — она написана тяжеловесными виршами в подражение пиитам XVIII века, а тем, что ее автор, о. Иоанн (Машков) был протоиереем Московского Казанского собора. Именно он спас одну из величайших православных святынь — чудотворную икону Казанской Божией Матери и вывез ее из оккупированной французами Москвы. Естественно, что его описание вторжения врага в древнюю русскую столицу, трагического положения тех москвичей, которые не успели или не имели средств ее покинуть и остались на милость завоевателя без крова, пищи и одежды не может не привлечь внимания. Вновь мы видим картины ужасов пожара, грабежей, истязаний и убийств мирных жителей, осквернений храмов Божиих — всего того, что довелось видеть самому Машкову или слышать от очевидцев.

***

Публикуемые списки сохранившихся, поврежденных и сгоревших московских храмов напоминают нам о «Сорока сороков» московских соборов, монастырей и церквей 1812 года, из которых, увы, до нашего времени дошло десять, если не меньше, «сороков». Сложность работы над источником заключалась не только в расшифровке текстов, но и в том, что названия многих храмов даны не по официальным синодальным наименованиям, а по укоренившимся в памяти москвичей названиям пристроенных к ним приделов (вспомним, что знаменитый Покровский собор на Красной площади более известен как храм Василия Блаженного).

Сразу и не вспомнишь, что на месте красивого здания «Интуриста» на Моховой, возведенного в 1930-е годы выдающимся архитектором И. В. Жолтовским, стояла церковь святого Георгия на Красной горке, которая до постройки храма сСвятой Татианы являлась университетским храмом. Поблизости в несуществующем ныне Охотном ряду стояла особо чтимая тогдашним московским торговым людом церковь Параскевы Пятницы. На ее месте ныне — здание Государственной Думы Российской Федерации.

Церковь Ржевской иконы Пресвятой Богородицы на Поварской (тогда носившей имя большевика Воровского) сносили почти пятнадцать лет, с 1938 года, пока в 1952 году не возвели здание Верховного суда СССР. На другой стороне улицы снесли церковь Бориса и Глеба, чтобы построить Музыкальное училище имени Гнесиных, а на углу Поварской и Трубниковского переулка уничтожили уютную старомосковскую церковь Рождества Христова: на ее месте было возведено здание «Театра-студии киноактера». На месте вестибюля метро станции «Арбатская» (у кинотеатра «Художественный») находилась церковь Тихона Чудотворца. Никитский монастырь (дал название Никитской улице), основанный дедом первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича Никитой Романовичем, был взорван в 1935 году для строительства энергоподстанции метрополитена.

Двадцать лет тому назад станции метро «Лермонтовская» возвратили ее первоначальное название — «Красные ворота». Но не сохранился ни дом Лермонтова, ни сами Красные ворота — прекрасный памятник екатерининских времен, ни храм Трех Святителей, где великий поэт был крещен. Прекрасно сохранился дом в Армянском переулке, где провел детские годы другой великий русский поэт — Федор Иванович Тютчев: пока он цел.

Упоминаемая в «списках» Церковь Николая Чудотворца на Мясницкой (в советское время — улица Кирова), сооруженная по плану самого Петра Великого, была снесена для строительства здания Народного комиссариата легкой промышленности в модном тогда стиле конструктивизма. Несколько больше «повезло» зданию, находившемуся на месте другого Наркомата — путей со-

общения на углу Садово-Черногрязской и Новобасманной. В середине XVIII столетия там были построены «Запасный дворец» — для хранения запасов продовольствия дворцового ведомства — и церковь Св. Ианнуария. В середине 1930-х годов храм был уничтожен, а здание полностью перестроено. Но знаменитый зодчий И. А. Фомин, которому было поручено сооружение здания НКПС, сумел сохранить два нижних этажа.

Поблизости, на Покровке (в советское время — улица Чернышевского), находилась церковь Успения Божией Матери, которую В. И. Баженов ставил в один ряд по красоте с храмом Василия Блаженного. Церковь вызвала восторг даже у Наполеона, который повелел поставить караул, чтобы спасти ее от пожара. Историкам архитектуры в 1920-е годы удалось установить (редкий случай!) имя мастера, строившего этот храм — Петр Потапов. В честь него в 1922 г. Большой Успенский переулок был переименован в Потаповский. А сам храм в 1936 году был снесен. Сохранился лишь иконостас, ныне находящийся в Успенском храме Новодевичьего монастыря.

Напрасно читатели «списков» стали бы искать многочисленные храмы в районе Лубянки, уступившие место комплексу зданий НКВД — МГБ — КГБ — ФСБ. Снесена была даже Введенская церковь, построенная знаменитым Алевизом Фрязиным, рядом с которой кн. Д. М. Пожарский возвел укрепление, сутки отбиваясь от поляков в 1612 году. Церковь во имя иконы «Неопалимая Купина» (близ современного вестибюля станции метро «Парк культуры» (кольцевая)), построенная в 1680 г., уцелела в пожаре 1812 года, но ровно два с половиной века после постройки ее снесли.

При варварском уничтожении в 1929 г. в Кремле Чудова монастыря — одной из древнейших православных святынь (кстати, в 1812 г. там находилась канцелярия жестокого маршала Л. Н. Даву), был снесен и Архиерейский дом, где родился будущий император Александр II Освободитель.

***

Закончилось сорокадневное пребывание французов в Москве — «дни ужаса, смятения и отчаяния во все время, как от пламени, почти всю Москву в глазах наших пожиравшего, так и от прочих тьмочисленных, словом, неисчислимых бедствий», по словам одного из очевидцев.

Но крепка была вера русских людей в то, что вторжение Наполеона в Москву в конечном итоге приведет его к погибели. Неслучайно еще в тревожное воскресенье 1 сентября москвичи, как вспоминает Гамбурцев, дивились тому, как на кресте Большого Успенского собора бился зацепившийся путами сокол. «Толков об этом в народе было много, были даже и такие, которые отнеслись к радостному предзнаменованию: “Так погибнет наш злодей, так зацепится он за те путы, которые ему с Божией помощию готовит наш Батюшка-Царь”».

***

Авторы-составители данного сборника придерживаются методики, выработанной в процессе подготовки двух предыдущих публикаций по эпохе Отечественной войны 1812 года.

Все документы печатаются без каких-либо сокращений. Тексты публикуются в соответствии с нормами современной орфографии, при сохранении правописания отдельных слов, наиболее ярко отражающих особенности языка начала XIX века. Например: «генварь, здоровие, с целию, гошпиталь, пиеса, третьего дни, передеться, лутче, протчие, щастие, сокликнул, вороты, домы, куриозно, сериозно» и т. п. Сохранена по оригиналу и авторская орфография имен собственных и топонимики.

Авторские подчеркивания даны курсивом. Случайные пропуски букв, явные орфографические ошибки и описки, допущенные авторами, исправляются без оговорок. Общеупотребительные сокращения не раскрываются. Авторские примечания и переводы иностранных слов обозначены звездочкой в конце каждой страницы.

Публикуемые тексты снабжены вступительными статьями, содержащими биографические сведения об авторах, истории отдельных учреждений и мест Москвы и источниковедческую характеристику документов в сопоставлении с другими документами и трудами по истории Москвы 1812 года.

При подготовке книги составители стремились, с одной стороны, сохранить научный характер издания, а с другой — сделать его доступным для широкого читателя. Комментируются упоминаемые в текстах персоналии с указанием фамилии, имени, отчества, дат жизни, занимаемых должностей и чинов (максимально подробно на 1812 год, а также высшей должности и чина); исторические события, в том числе сражения, с исправлением отдельных неточностей, топонимические термины (с указанием современного названия), архаические слова и специфические военные термины. Все комментарии отмечаются в текстах документов арабскими выносными цифрами и приведены для каждого публикуемого документа отдельно. В конце сборника содержится сводный указатель фамилий, упоминаемых в тексте публикуемых документов, за исключением «Именного списка…».

Книга проиллюстрирована материалами из отделов ИЗО, Оружия и Тканей Государственного исторического музея.

Составители сборника выражают благодарность Т. В. Виноградовой, Е. С. Кузьминой, И. Н. Палтусовой, Н. Н. Скорняковой, А. А. Петрову, Е. Ю. Смирновой, Л. Б. Хорошиловой и А. Г. Юшко за большую помощь в работе.

Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева, Л. И. Смирнова

О. Иоанн (Миловский). Фотография 1860—1870-х гг.

И. И. Миловский

Песнь императору Александру I Благословенному на победу его над императором французским Наполеоном I в 1812 году, составленная села Кочкурова священником Иоанном Миловским

Иоанн Иоаннович Миловский, сын священника Нижегородской губернии, родился 30 января 1802 года. До 12 лет он жил в селе Ичалках Лукьяновского уезда. Окончил Нижегородскую духовную семинарию по 1-му разряду и в 1825 году был определен священником в село Кочкурово того же уезда, где и прослужил ровно 50 лет — до 1875 года. Свое место он передал по наследству старшему сыну. Умер 13 июля 1879 года и был похоронен в селе Кочкурово. По свидетельству внука И. И. Миловского — Иоанна Александровича, священника Нижегородской Космодамианской церкви, его дед сохранил в народе добрую память как мудрый и скромный пастырь, проникнутый глубоким патриотическим чувством. Иоанн Иоаннович оставил записки — преимущественно о личной, семейной жизни, а отчасти и приходской, и даже государственно-общественной.

Из детской поры особенно запечатлелась у него в памяти Отечественная война 1812 года, насколько он мог осознавать это великое событие. Так, в записках своих он упоминает:

> В знаменитую эпоху войны с Императором французским Наполеоном я был уже 10-ти лет. Не включенный в училище, проживал еще в селе Ичалках в доме своих родителей, многое великое мог чувствовать и прилагать к сердцу. Так, например, я раздельно понял, что французы разорили и сожгли Москву, со скорбию внимал неутешимому плачу жен и матерей при частых наборах в рекруты и ратники; образ великой кометы, бывшей в 1812 году, живо и неизгладимо запечатлелся в моем уме и воображении, так что я в продолжение моей жизни являвшиеся кометы мог раздельно отмечать от первой, и ни в одной из оных не мог встретить подобного. Видел образ буйных народов, напавших на Россию, и слышал непонятный для меня их говор на разных языках, в прогоняемых пленных, имевших ночлег и дневку в месте моего жительства — селе Ичалках…

Об этой комете Миловский вспоминает:

> В 1812 году видима была великая комета, которой лучи, подобно густому дереву величественно были простерты к верху. Являясь в 8 часов вечера на северозападе и в осенние темные ночи, представляла поразительное зрелище, ибо господствовала величественным и особенным видом над всем собором звезд…

В другом месте записок Миловский сравнивал великие кометы 1812 и 1858 годов:

> Комета 1812 года была несколько больше, явственнее, краснее или огнистее, и лучи имела вверх густо, как искры, светлящиеся от огня светло и явственно. Комета 58 года была менее в точке, желтые или бледные имела лучи, много возвышеннее кометы 12 года, но эти лучи были бледны и слабы, являвшиеся при захождении кометы возвышеннейшим столпом или должайшею светлою протяженною полосою. Сию комету народ почитал провозвестницею свободы…

Через три года, в 1861 г., в России манифестом Александра II было отменено крепостное право.

«Поэму 12-й год Иоанн Иоаннович составил в 1830-х годах, а окончательно отделал и собственноручно переписал в 1860-х годах, с завещанием своим потомкам напечатать ее в юбилейном 1912 году», — писал его внук Иоанн Александрович Миловский, священник Космодамианского уезда Нижегородской губернии, передавая рукопись деда в Музей 1812 года.

К сожалению, тогда это намерение не было осуществлено, и рукопись осталась в собрании архива Музея 1812 года в Москве, впоследствии поступившем в Исторический музей. Долг сотрудников Отдела письменных источников — опубликовать оду Миловского к нынешнему великому юбилею.

Написанная в стиле древнерусской былины, ода Миловского насыщена диалектными нормами правописания, а также забытыми ныне словами: «бесстудный» (бессовестный, наглый, бесчестный), «тьмочисленных» (бесчисленных), «тристат» (военачальник), «вонми» (внемли), «пророчище» (пророчество), «озлащала» (позолотила), «пря» (выспренность) и т. д.

Песнь императору Александру I Благословенному на победу его над императором французским Наполеоном I в 1812 году, составленная села Кочкурова Священником Иоанном Миловским.

Песнь 1
Благополучие России

По силам петь хочу любви чистейшим тоном
Благословенного Монарха Россиян,
Вождя Кутузова и брань с Наполеоном,
Дай Боже, помощь мне и соверши мой план!

Александр I. Гравюра 1-й четв. XIX в.

С времен, как Палицын[1], горя священным рвеньем,
О бедствии Москвы в пустыне воздыхал
И гласом жалости, и скорбью, и моленьем
На помощь ей сынов России призывал;
Как Минин, вняв ему и духом вспламененный,
Сограждан убеждал богатства не щадить,
Престольный град спасти от Ляха обложенный,
А в недостатке, — жен с детями заложить;
Как благородный князь Пожарский на спасенье
Отечества свой меч немедленно подъял
И злое Ляха им пресекши ухищренье
Злостраждущей Москве свободу даровал,
С тех пор блаженная Россия почивала
Под сенью тишины в теченье двух веков,
В которое нога дать шага не дерзала
В родной ее предел зломыслящих врагов.
Ко славе, крепости шла быстрыми шагами,
И зависть, трепеща, смотрела ей вослед,
Но Бог воздвиг Петра между ее царями,
Который спас ее рачительно от бед.
Сей гений проложил ей к счастию дорогу,
Художеств и наук в ней насадивши сад,
Петру препоручить угодно было Богу
Возделать, просветить России вертоград:
Героя Севера сразивши под Полтавой,
Он устрашил врагов, их дерзость обуздал.
И сим Отечество, покрывши громкой славой
Свое величие и Россов основал.
В проложенной его могуществом стезею
Российские орлы повсюду понеслись —
В Тавриду, к Рымнику[2], в Чесму[3] к морскому бою
И Сент-Готард[4] прейдя, над Альпами вились.
По сей значительной эпохе просвещенья,
Когда Россия в свет и славу облеклась,
Бог ниспослал на дом Петров благословенья, —
И в Павле маслина чад Царских разрослась.
Какое счастие в Петрополе сияет —
В гнезде полночного орла царя Петра!
Венчанную главу Россия поднимает
Могущим сделавшись империям сестра.
В чем свете счастия России и блаженства,
Великого Петра, когда великий план
Стал быстро приходить в систему совершенства,
Скиптр принял Александр для блага Россиян.
Век новый наступил, и царь младый, прекрасный
Добротою своей восхитил всех сердца,
Правления Его в дни мирные и ясны
Все зрели в Нем Царя — добрейшего отца.
В телесной красоте лица Его и зрака
Великие души сияли красоты,
В очах его никто не зрел свирепства мрака,
Они являли вид небесной чистоты.
Как незабвенный Тит[5], он был благотворитель,
Печальным от него никто не отходил,
Блаженства подданных и мира был любитель,
Как ока зеницу, так Веру Он хранил.
Не меч и страх людей престол его хранили —
Народная любовь стеной ему была,
В Нем не Царя себе — отца все находили,
Надежда счастия в венце его цвела.

Под скипетром его Россия процветала,
Росли художества, науки дали плод,
Рука его везде щедроты рассыпала,
На слабых воинов, увечных и сирот.
Но ясный, жаркий день прекрасною весною
Почасту к вечеру бывает помрачен
Сгустившеюся туч, шумящих темнотою,
И страшной молнией и громом возмущен.
Так Александрово вначале мирно Царство,
Когда на высоту взошло своих полдён,
Смутило злобное врага его коварство,
И сделало ему чувствительный урон.

Наполеон. Гравюра с портрета П. И. Делароша. 1852 г.

Песнь 2
Характеристика Наполеона I, его вторжения в Россию и осада Смоленска

Сей враг — Наполеон, на Корсике рожденный
От незначительных в Айяччио дворян,
Слепой фортуною от детства возлюбленный
Французов консул, вождь, на троне их тиран.
Сим лестным счастием, всегда к нему пристрастным,
Как глупой матерью изнеженно дитя,
Он в свете все считал уму его подвластным,
В короне Франции на диво всем цветя.
Но над Французами сим богом воцаренный,
Он новые открыл на свете чудеса —
Под власть свою хотел все взять страны вселенной,
Оставя Вышнему едины небеса.

А. П. Ермолов. Гравюра А. Ухтомского по оригиналу А. Машкова. 1820-е г.

В сих гордых замыслах с денницею равняясь,
Несытой мыслию повсюду он парит,
На быстро колесо фортуны опираясь,
Огромны планы он в уме своем чертит.
Как дикий зверь он по Европе рыщет
И встречу каждую невинную разит,
Голодною душой добычу всюду ищет
И зло ужасное в груди своей таит.
Он мощною рукой священны зыблет троны,
Играет жребием владельцев, королей,
Сам домогается престола и короны
И, получив сию, враждует на царей.
Гнев Божий страшный в нем узрели все народы,
И Царства грозный бич разгневанных Небес,
Казалось, что сие чудовище природы
Произошло на свет для рода смертных слез.
Злодей Испанию невинной залил кровью,
И ей Италию с Египтом обагрил,
Питаяся враждой, гнушаяся любовью,
Он свету целому врагом себя явил.
Потрясши многих царств священные престолы,
Смутивши счастие блаженных мирных стран,
В конец неслыханной досель крамолы
В Россию двинулся неистовый тиран.
Он мнил в безумии: Россия уклонится
К паденью своему чрез неизбежный рок,
И слава громкая ее в веках затмится
И пропадет навек как в безднах малый ток.
«Что злобой хвалишься, тиран, мучитель сильный, —
Казалось, Бог ему в святом совете рек, —
Ты ныне как цветок, а завтра прах могильный,
Подумай о себе, надменный человек!
На раны дам Тебе я верную Россию,
Но не предам ее навеки погубить,
Воздвигну ей в Царе-Спасителе мессию,
Пред коим должен ты главу свою склонить».
Погасла в нем любовь и совесть усыпленна,
Не внемлет истине, как новый фараон,
Летит мечта его, гордыне окрыленна,
Злой цели достигать — таков Наполеон!

Все средства истощил Монарх благословенный,
Сень мира водрузить для счастия держав,
Чтоб жалкий смертный рок, тираном притесненный,
Во брани не терял священных жизни прав.
Но лестию уста злодея осклаблялись,
А сердце у него лежало все во зле,
Досада, зависть, гнев в душе его скрывались,
Лишь зрелась хитрая улыбка на челе.
Проникнув Александр души его коварство,
С злодеем мир иметь оставил свой предмет,
И рек: колеблемо врагом моим зрю Царство
И миром оградить его надежды нет.
Подъемлю правый меч и оного не скрою,
Доколе им врагов моих не поражу,
Доколе тишины в России не устрою,
В покоище свое его не положу.
Сей чудный глас Царя пророчищем явился —
И дивно ли, что Царь был свыше вдохновен?
Тогда из Россов всяк сему в себе дивился;
Когда Наполеон во прах был низложен.

Н. Н. Раевский. Гравюра Ф. Вендрамини по оригиналу Росси. 1813 г.

Так знайте вы сие, позднейшие потомки!
Невольно Александр на Галла меч подъял,
Дела его вовек пребудут в свете громки,
Он миром погасить вражду его желал.
Но душу черную добро не восхищает,
Луч света истины ее не просветит,
Злый более во зле тогда закоснеает,
Когда кто о добре ему заговорит.
Он, быстро движася, к Смоленску подступает —
К стенам древнейшего из Русских городов.
И здесь к несчастию великому встречает
Горсть храбрых воинов бесчисленных врагов.
Но верных Россиян сердца не колебались
Святой любовию к Отечеству горя.
С твердейшим мужеством они приготовлялись
Противу стать врагу за Веру и Царя.
Наполеон собрал народов легионы,
Но в них иль страх, иль мзда, а в редком есть любовь:
А Русски — братья все — сыны родной короны,
В них благородный дух, горяща льется кровь.

Д. С. Дохтуров. Гравюра А. Осипова. 1816 г.

Ермолов[6], Докторов[7] — герои знамениты
С другими бодрственно здесь встретили врагов,
Раевский[8] же, герой, Отчизны для защиты
И душу положить в сей битве был готов.
«К стенам, товарищи», — раздался глас призывный
И вихрем понеслись дружины по местам, —
И вмиг открылся здесь позор повсюду дивный
Ударил пушек гром в ответ другим громам.
Вдруг мирных жителей сердца затрепетали
Как лист на деревах пред тучей громовой,
Толпились, бегали, что делать им — не знали
Среди несчастия в минуте роковой.

П. П. Коновницын. С портрета А. Г. Варнека. 1810—1810-е гг.

Вид на Смоленск с севера. 19 (7) августа 1812 г. Литография А. Адама. 1830-е гг.

И матери, врага приходом устрашенны,
Теряли в ужасе своих младенцев там,
На седлах всадники, для боя снаряженны,
Везли потерянных, вручить чтоб матерям.
Сгущался черный дым и громы свирепели,
Враги вкруг города как море разлились,
Как тучи страшные вокруг его засели
И с Русскими как львы отчаянно дрались.
Но Русские со стен из пушек рассыпали
Картечи с ядрами Французов по рядам,
С геройскою душой противу их стояли
И челюсть как Самсон сим хищным драли львам.
Поляки в бешенстве на стены лезли града,
Но Русские штыки вонзались им во грудь,
Несносна гордому врагу была досада,
Что скорым маршем он не мог в Смоленск шагнуть.
И сердце у него горело как геенна,
Он лютой злобою и мщением дышал,
Душа его была тем пламенем возженна,
Который в бомбах он на город сей метал!
И вдруг ужасные открылись в нем пожары,
От бомб разорванных был слышен страшный треск,
Ружейная стрельба и пушечны удары
Как гром гремели там и виден зарев блеск.
Сливались вместе с ним звук яркий барабана,
Вопль старцев и детей, пронзительный крик жен,
И к небу жалобы на злобного тирана,
Отчаяния глас, болезни томный стон.
Могло ль ужасней быть паденье Лиссабона[9]?
Здесь царствовала смерть, свирепствовал здесь ад.
Вот первые шаги ко злу Наполеона,
На страшны бедствия Россиян первый взгляд!
Разрушенный Смоленск вид кажет запустенья,
Картину страшную несчастия и бед;
Его окрестности — Везувья изверженье,
И красоты, и жизни больше нет.
От рук злодейственных неистового Галла
Здесь Русских воинов священна кровь текла,
Здесь вместе с ними пал отличный вождь Балла[10],
Жизнь коего добром и храбростью цвела.
Покрытых ранами здесь тысящи открылись,
С жестокой смертию в мучительной борьбе,
Без глаз, без рук, без ног здесь многие явились,
Ужасный вид очам являя на себе.

Генерал-фельдмаршал князь Голенищев Кутузов Смоленский. Гравюра 1810-х гг.

Песнь 3.
Вера и надежда на Бога Александра I, призвание всех сословий к общей народной войне и учреждение Кутузова главнокомандующим

На зрелище войны со трона взор склоняя,
Великий наш Монарх — Отечества Отец,
И сердцем бедствию России сострадая,
Во умиление так начал наконец:
Великий Боже! Зри моей печали бездну,
Зри бедствие Царя, земли и неба Царь,
Внемли народный вопль, колеблющий твердь звездну,
И сердца моего приникни на алтарь.
Когда заслужит сын отца негодованье,
В его объятия с любовию спешит:
Так и твое, Отец! За грех мой наказанье
Мой дух благословлять готовностью горит.
Не столько страшны мне полки Наполеона,
Сколь праведный твой гнев мой Бог, Судья, Отец!
И, если отступил от твоего Закона,
Ты, наказав Меня, помилуй, наконец.

Ополченцы 1812 года. Гравюра А. Осипова по оригиналу Ф. Кюнеля. 1-я четв. XIX в.

Не погуби навек мне вверенной Державы
И не предай его во власть моих врагов,
Жалею подданных, не жаль моей мне славы,
За мир Отечества всем жертвовать готов.
Одно осталось мне зол в бездне утешенье —
Надежду на Тебя, Творец мой, возлагать,
Иметь терпение и духа сокрушенье,
И свыше помощи России ожидать!

Князь П. И. Багратион. Гравюра Дж. Сандерса. 1805 г.

В сих выраженьях Царь к Сенату обратился:
«Советники, друзья, избранные сыны! —
Вы ясно видите, что Божий гнев открылся
На погубленье благ любезной нам страны;
Я веру положил, как камень в основанье,
И ныне зодчие Мне мудрые нужны,
Приявшие твердое на Бога упованье,
Себе Святой сей долг усвоить вы должны;
Пусть дух ваш рвением священным разгорится,
Вы будьте слух Царя, Его десница, взор,
Доколе снова мир в Россию не вселится,
И пагубной войны исчезнет в ней позор.
Дворяне! В каждом вас Пожарский да родится,
В духовных оживет пусть Палицына дух,
В гражданах Минина нрав добрый да явится,
И каждый селянин Отечеству будь друг.
В минуты счастия одни на поле брани
Обыкли воины цветущи лавры жать.
Теперь к оружию простерть всяк должен длани,
Кому позволят им чин, возраст управлять:
Дворяне! кто горит к Отечеству любовью,
Тот пусть спешит скорей от бед его спасти.
Не может кто сего своей исполнить кровью,
Тот должен дань ему другую принести.
Духовные! И вы делитесь с алтарями,
На время пусть прейдет Церковный древний чин.
Когда ж Господь нам даст победу над врагами,
Мы Богу Божие обратно воздадим.
Рассыпь твои дары купечество пред троном,
Иль под оружие к знаменам поспешай,
Всяк руководствуйся священным сим законом,
Всяк о спасении России помышляй.

М. А. Милорадович. Гравюра Т. Райта по ориг. Дж. Доу. 1823 г.

Раскуй поселянин на меч твою секиру,
Орало на штыки противу сил врага,
И вспоминай чрез то позднейшему ты миру
Французскую войну так, как потоп — дуга.
А ты, главнейший вождь, Князь Михаил Кутузов![11]
Для благ Отечества будь ревностен как Царь,
Российские сыны, когда сразишь Французов,
Созиждут в дар тебе в сердцах своих алтарь;
Тебе Я под крыло даю птенцов орлиных,
Лети с дружиною на Галла наступать,
Рассеять Русский страх во скопищах звериных
И когти острые во грудь его вонзить».
Как в тучах молния мгновенно пролетает,
Глаголом будучи Монарха окрылен,
Его веление Кутузов исполняет,
Быв сердцем и душой с Ним мысленно сближен.
Как в ясный Майский день прекрасною весною
Светлейший вождь планет вечернею порой,
Скрывается от нас вмиг зренья за чертою:
Так из Петрополя сокрылся наш герой.
И вдруг во след сего маститого Героя
Российские сыны немедля потекли
И сердцем горестно о милых сердцу ноя,
Ужасную вражду врагам их понесли.
Брадатых ратников полки соединились
И двинулись к Москве во сретенье врагов,
И вопли слезные за ними в след пустились
И жен и матерей, и дщерей и сынов.
Россия потряслась — позорище ужасно!
И веси мирные спокойствия не зрят,
Супружеска любовь страдает там опасно:
Там дети без отцов и матери без чад.
Но воинов сердца, казалось, охладели
На время ко всему — и к детям и женам,
Казалось, рвение одно они имели,
Чтоб отмстить за то неистовым врагам.
Как стая птиц, когда несется возмущенна,
От крыл бесчисленных рождая шумный плес:
Так рать Российская к Москве вооружена
Текла, вздымая пыль и меща ружей блеск.
Болезненный удар, когда получит тело,
Кровь к сердцу притечет из всех его частей:
Такое ж воинство стремление имело,
Как к сердцу Русскому — Москве, на помощь ей.
Уже она была как остров в океане
Среди бесчисленных вокруг ее полков:
С одной ее страны стояли Россияне,
С другой — все полчища враждующих врагов.
Между двумя ее противными странами,
Как в темноте нощной трепещуща луна
Между багровыми, густыми облаками,
В сомненье и тоске терзалася она.
Враг в сердце положил взять Русскую столицу,
Сокровища ее заграбить, загрести;
Россияне хотят с надеждой на десницу
Всевышнего Творца от зол ее спасти.

Песнь 4
Приготовление русских воинов к Бородинскому сражению, их разговоры и чувствования

Там, где блестящая Колоча протекает
И слившися Москвы с кристальною водой,
Цепь длинную холмов Брадинских орошая,
И нежит тучный ил для жатвы золотой,

Граф М. С. Воронцов. Гравюра С. Шифляра. 1810-е гг.

Бородинская битва 26 августа 1812 г. Гравюра Д. Скотти по рисунку С. Карделли. 1814 г.

Солдаты русские как муравьи кружатся,
Кипят в глубоких рвах, на насыпях стоят,
Влекут оружия, вкруг батарей толпятся,
Другие, кончив труд, с дружиной говорят.
Знать, здесь, товарищи! Князь Михаил Кутузов
Непрошенным гостям готовит пышный пир,
На коем хочет он так угостить Французов,
Чтоб Славу Русскую позднейший помнил мир.
«Товарищи! Умрем за Родину с любовью,
Не хуже ль смерти жизнь под властию врагов?
Зальем пожар войны сыновней верной кровью».
«О, Боже! — ратник рек — Ты крепкий Бог богов,
За веру, за Царя, за Родину драгую
Сражаться мы хотим — вспомоществуй Ты нам!
Наполеонову разрушить хитрость злую, —
Вскричали многие — отмстить Твоим врагам»!
«С надеждой на Творца, — другие говорили —
Чего страшиться нам товарищи, друзья!
Когда невинные забыты Богом были?
Бог ясно знает все — Он праведный Судья!».
«То, правда, что враги сильней нас будут вдвое —
Судили многие — но кажется числом,
И энергично все: для них здесь все чужое,
А мы в Отечестве — в гнезде своем родном;
А на гнезде своем и птичка небольшая
Глаз вырвет ворону, ее коль потеснит.
Французской саранчи, хотя велика стая,
Но к русским соколам в гнездо она летит.
Что наши делают? Смотрите по долине,
Как роются в земле, секут дремучий лес,
Мы в горестной теперь находимся судьбине,
Но, видя общий труд, я радуюсь до слез».
Так воин пожилой сказавши, слезны токи
Очей своих рукой трепещущей стирал,
Геройску грудь его вздымали сильны вздохи,
И с чувством речь свою он к братьям продолжал:
«Святая Русь давно имеет много славы,
Коль Бог не скинет с рук, то верно победим,
Идут на нас враги — гиганты величавы,
Но скоро им себя в попранье не дадим.
Да здравствует наш Царь, Отец и Покровитель!
Как вспоминаю я о Нем, — вся кровь во мне кипит, —
Нам лучше умереть, чем слышать: победитель —
Наполеон навек Россию покорит.
Столпы Царя тверды и мужеством сильнейши:
Князь Михаил — глава, другой за ним Барклай[12],
Здесь сам присутствует князь Константин Светлейший[13],
Чего страшится нам, — вперед, друзья, ступай!
Войск в сердце Докторов, по крылам два героя, —
Здесь — Милорадович[14], а там Багратион[15];
Рать Русску Воронцов[16] и Коновницын[17] строя,
Орлами зрят туда, где враг Наполеон.

Дружина добрая, надежная, родная,
До смерти верим мы Царю, не изменим,
За веру умереть — венец и смерть благая.
Простите, братии! Умрем иль победим».
Так Русски воины переливали чувства
Пред битвой под селом трудясь Бородиным!
И к ночи под конец воинского искусства
Спешили в лагери, один простясь с другим.
Уже прекрасное светило дня спустилось
И лило тихий свет на тварь из-за холмов,
Печально чувствие внутрь воинов гнездилось,
Сидевших при огне пылающих костров.
Увы, светило дня! — как освещало скромно
Ты жизни моея последние часы,
Так мыслил про себя один, вздыхая томно!
Увы! В последний раз я зрю твои красы.
Другий, потупив взор, ничем не занимался,
Казалось, жизни пульс исчез в его крови,
Дом с милыми детьми как тень ему мечтался,
Он пламенем горел супружеской любви.
Но вскоре при огнях с ночною темнотою
Покрыла воинов Российских тишина,
Приятно засыпать им с чистою душою,
И совесть, как Эдем, спокойствием полна.
Напротив, на стране Французов слышны крики,
Как шум великих вод, текущих с гор весной,
И глас разносится в воинской там музыке,
Как гул, грохочущий от тучи громовой,
Там яркие огни между шатров зияют,
И страшны зарева являют в небесах,
Наполеона там повсюду поздравляют,
Гремя ему «Ура!» в нечестных голосах.
Какие радости злодей в груди питает?
Прямое счастие, когда злодеи зрят,
Наружным торжеством он хитро прикрывает,
Мученье совести гнездящейся в нем ад.
В сию злосчастну ночь, в котору смерть точила
На пагубу людей оружий миллион,
Законам естества, когда тварь сон вкусила,
Не мог сомкнуть очей один Наполеон.
В волненье духа он на ложе преклонялся,
И тотчас с оного в смущеньи восставал,
Стократно на часы он взором устремлялся,
И с нетерпением рассвета ожидал.
С рассветом на коня он прежде всех садился,
Приказы отдавал воспрянувшим полкам,
В которых силе он найти спасенье тщился,
Но не хотел о сем молиться Небесам.

Песнь 5
Бородинское сражение

Румяная заря край неба озлащала,
Свет утром озарил эфирный небосклон,
Ударил пушек гром, земля затрепетала,
Казалось, издала печальный, томный стон.
Наполеон восход светила предваряет,
Чтоб в день сей больше зла на свете совершить,
И Бородинское сраженье начиная,
Могущее собой вселенну удивить.
Российские войска восстали, ополчились,
Их дело правое зовет на страшный бой,
Умы их верою небесной озарились,
Идут противу стать неробкою стеной.
В движенье все пришло — и медные драконы
Из страшных челюстей рыгали огнь и дым.
Повсюду разнеслись печальны грома стоны,
И эхо издали ответствовало им.
Взойдя на горизонт, светило дня смотрело
На дивную вражду слезящимся лицом,
Казалось, зла оно подобного не зрело,
Как освещает мир, как создано Творцом.
Земля под тяжестью сражавшихся дрожала,
Свет превратился в тьму, день ясный — в мрачну ночь,
Смерть алчна воинам повсюду предстояла,
Спасенье, счастие и жизнь стремились прочь.
Бегущего огня река лилась в долине,
Казалось, наступил последний мира час,
В геенской движились Россияне пучине,
И луч надежды им, казалось, в век погас.
Но ты и в пламени, о, вера! их спасаешь,
Как в пещи огненной Еврейских отроков[18]
Божественных щедрот им росу источает,
И сильными творит противу их врагов.
Кутузов дал обет Святой пред ликом Девы,
Чтоб место ни на шаг врагу не уступать,
Как Этна пламенем дышали пушек зевы,
Но Русских не могли сердца поколебать.
Густые их полки как тучи громовые
На быстрых крылиях бушующих ветров
Со рвением неслись на битвы роковые
Сближаясь с скопищем бесчисленных врагов.
Наполеон открыл, казалось, бездны ада
И Русских воинов в их недрах погребал:
Здесь Русским только Бог был помощь и отрада,
По вере сей в огне их дух не унывал.
Они на гром врагов громами отвечали,
Священным мужеством горели их сердца,
Мучительную смерть без ужаса встречали,
В дверь вечности текли с веселием лица.
Их доблестнейший вождь — герой великодушный,
Воспитанный в полях измлада под мечом,
России верный сын, слуга Царю послушный,
Покрытый сединой во бранях под огнем.
Между Российскими Орлиными полками,
От тяжестей своих уже преклонных лет,
Сидел в молчании орудий под громами,
Быв воинам душа, надежда и совет.
Он телом несколько от брани устранялся,
Но в огнь несся его созревший в бранях дух,
Казалось, иногда он в зренье превращался,
Чтоб битвы видеть ход, а иногда весь в слух.
Герои младшие на пламя выбегали,
Чтоб несколько его услышать мудрых слов,
И как из кладезя дух силы почерпали
Противу дышащих свирепостью врагов.

Сребристое чело клоня и воздымая
Природы смертных он, казалось, выше был,
Безмолвные уста изредка отверзая,
Молчаньем больше он, чем словом говорил.
В высоких столь трудах весь день он упражнялся,
Чтоб Бородинский план свой в действо привести,
Доверенность Царя здесь оправдать старался
И мудростью своей Отечество спасти.
Враг твердым мужеством Россиян изумленный,
Рвал гром из рук у них, они — из рук его,
Как ветр метался он, ловцами разъяренный,
Но выиграть не мог у храбрых ничего.
Брань смертоносная как буря свирепела,
Пространные поля дождь крови орошал,
Геена лютых зол пред смертными кипела,
И ад уста свои пред ними отверзал.
Здесь слышны разные в волнении языки
В едино стекшихся племен Европы всей,
Стон умирающих, отчаяния крики,
И барабанный бой, и ржание коней.
Убитые лежат в различных видах всюду:
Тот с обращенным вверх валяется лицом,
Вонзенный зрится в сем меч острый обоюду,
Здесь всадник при коне почиет смертным сном.
Там рядом труп лежит с отрубленной главою,
Убитый воин здесь с оружием в руках,
Растянут сей крестом, ниц взором над землею,
Руками тот хватал в кончине лютой прах.
На раны смертные смотреть ужасно было:
Больных несомых, мозг, их несших обливал,
Иному грудь, лицо картечами пробило,
Один в крови без рук, другой без ног лежал.
Разительная здесь картина всем являлась,
Здесь слышим был глухой, пронзающ сердце стон.
Мучительная жизнь здесь с смертию сражалась,
Здесь на живых очах был виден мертвый сон.
Завалены пути, долины, рвы, потоки,
Телами мертвыми и трупами коней,
Кладбищем сделались лес, луг, поля широки,
Не стало нив — везде обломки пик, мечей,
Везде ужасные следы опустошенья,
Картины бедствия и грозный смерти вид.
Здесь трупы воинов простых без исчисленья,
Там в лентах и крестах их множество лежит.
Между страдальцами, средь тяжкого их стона,
Который мог пронзать жестокие сердца,
Героя Русского я зрю Багратиона —
Надеянье Царя и воинов отца,
Увы! дражайший князь! — глава его клонилась,
Был мрачен взор его и бледен цвет ланит,
Кровь алая из ран его струилась,
О! рок, жестокий рок! — Он мертвостью покрыт.
Брадинские поля, иссохните от зноя!
Не будь на вас росы, ни тучности дождя!
Здесь пали сильные, здесь кровь текла героя,
Героя Русского — великого вождя.
Обозы раненых из войска выезжали:
На месте, где врачи долг исполняли свой,
Отъятых рук и ног огромны кучи склали,
Здесь ужас царствовал, здесь кровь лилась рекой.
Сокрой, ночь мрачная, печальной пеленою
Такое зрелище, смущающее взор
Зреть тяжко оное с чувствительной душою,
Пусть смотрит муж крови на страшный сей позор.
До вечера злодей на дымном поле брани
Кровавого меча в покой его не клал,
До сумрака тиран злодейские он длани
Со зверской лютостью в убийствах упражнял.
В печальном трауре медлительной стопою
Ночь темная взошла на мертвенный свой трон,
Враг положил предел кровопролитну бою,
Устали воины, устал Наполеон.
Спокойно Русские на лаврах почивают
В сию священную для них покоя ночь:
Французские полки в смятеньи утопают,
Их твердым мужеством отброшенные прочь.
Ошибся злобный враг в своем предположенье,
Хотел он Русских здесь рассеять, растерзать:
Напротив, Русские в таком явились рвенье,
Что за вершок земли хотели умирать.
Муж крови! Почивай теперь под мраком ночи,
Душа твоя близка в чертах подобьем ей;
Едва ль сомкнутся в ней твои от мыслей очи?
Не дремлет никогда неистовый злодей,
Ты будешь размышлять о битве Бородинской,
На коей не успел ты Русских победить,
И при осаде сей под думой исполинской
Начнешь ты новый план в уме своем чертить.

Песнь 6.
Чрезвычайный совет императора Алесандра I о спасении Отечества, мнение Кутузова отдать Москву Наполеону без боя и удаление москвитян из города

Царь Русский Александр, воззрев печальным оком
На бедствие войны, дивился коей свет,
С мужами мудрыми в собрании высоком
Имел спасительный Отечеству Совет.
Цель оного была — сразить Наполеона,
Пределы положить губительной войне,
Соблюсть Российского неколебимость трона
И мир восстановить в родной своей стране.
Монарху тысяча здесь мнений представлялась —
Спасти Отечество, но из различных дум
По сердцу Царскому одна Ему являлась,
Котору мог открыть великий только ум.
Кутузов мыслил так против всего Совета:
Пожертвовать Москвой для больших Царства благ,
Пусть чудом кажется для Русских и для света:
Такое действие, такой отважный шаг.
С такими силами такого исполина
Единым приступом возможно ли сломить?
В нем зависти горит геенская пучина,
Которую Москва лишь может погасить.
Наполеон влечет всех войск полмиллиона,
Которым обещал Москву он в жертву дать,

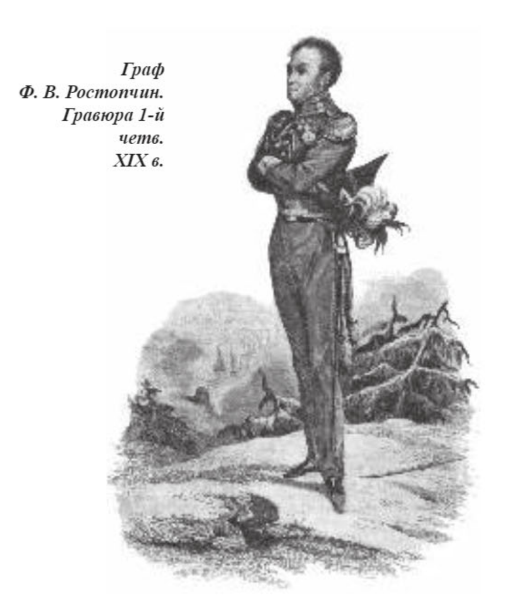

Вход французов в Москву 14 сентября 1812 г. Гравюра Бовине по оригиналу Куше-младшего

Какая может быть для жадных сих препона —
Горсть Русских победить и град престольный взять?
Попавшуюся вдруг на уду рыболову
Добычу не влекут стремительно на брег,
Дают свободу ей, привыкнуть прежде к кову,
Потом легко берут, ее ослабив бег;
Так должно поступить и нам с Наполеоном,
Помалу в Русску сеть как кита заманить,
И хитрым рыб ловца искусством и законом
Его сильнейший бег и дерзость прекратить.
Уже Москвитяне, узнав Царя веленье —
Наполеону вход в Москву не возбранять,
В великое пришли от ужаса смятенье,
И в страшном бедствии не знали, что начать:
Одни имение поспешно собирали,
Чтоб в дальние края увезть его с собой,
Другие все свое богатство оставляли,
Чтоб только жизнь спасти в минуте роковой.
Великой матери градов во все заставы
Из мирных недр текли и дщери и сыны,
Любители ее столичной в свете славы
Явились от сего в печаль погружены.
Москва была пуста, плодов как по собранье,
Бывает пуст в саду оставленный шатер;
При виде пустоты в таком огромном зданье
От жалости слезой покрыться должен взор.
Когда разрушатся держащие плотины,
Вмиг воды потекут по врагам, по долам:
Так граждане Москвы в теченье всей годины
По разным разошлись Отечества градам.
Их с ужасом везде и горестью встречали,
Их слезы горькие в других рождали стон,
Они с собой печаль в концы России мчали
Печаль несносную, что их пленен Сион.
Они гласят в тоске средь тяжкого их стона:
Осталась сиротой Москва перед врагом,
Как жертва жалкая при челюстях дракона,
Как горлица вблизи пред пагубным стрелком.
В России был театр ужасного волненья,
Уныние и плач, и в весях и градах,
Среда всеобщего народного смятенья,
Комета дивная в сердцах вершила страх.
Когда раздастся рог по рощам зверолова,
Все звери кроются во глубине лесов:
И весей жители средь ужаса такого
Скрывались многие из собственных домов.

Песнь 7
Вход Наполеона в Москву, плач россиянина о Москве и молитва императора Александра I и Священных Пастырей к Богу

Уж зла ждала Москва как пленная царица,
К которой подступал ее коварный враг,
Которой виделась ужасная темница,
Позор и срамота — до смерти только шаг.
Где та великая благих Небес защита,
Что чрез Георгия Бог свыше ниспослал
Отчаянной княжне и гражданам Берита[19]?
Кто б от Москвы полки чудовищ так отгнал?
Как древний оный змий, когтистый и крылатый,
Несущий смертный яд на страшном языке,
Как бы в чешуйчаты одеян крепки латы,
К царевне, страждущей в мучительной тоске,
Сей Корсиканский змий к столице подступает,
Которая ему на жертву отдана,
В мучении его прихода ожидает
Безмолвна, страждуща, трепещуща, бледна.
Наполеон помнил[20], что дастся позволенье
В столицу русскую ему легко вступить.
Он мнил, что под Москвой ужасное сраженье
В виду Святынь ее заветных может быть.
Свободою такой он более надмился
И думал, что в Москве увидит встречи чин.
И с пышной гордостью в столицу он пустился:
Но встречи никакой не сделал Ростопчин.
Москва была пуста, лишь дворники седые
Смотрели на его из бельэтажей вход.
Наполеон бросал по граду взоры злые,
И это злобы был с досадой лютой род.
Он в сердце града сам жилище утверждает,
Где колыбель Царей и трон Их водружен,
Святыня Пастырей при прахе Их сияет,
И древних сонм Церквей стенами окружен;
Как темный сатана, гордынею надменный,
Мечтавший свой престол поставить между звезд,
Россиян кровию невинной обагренный,
Поставил он свой трон межд сих Священных мест.
А те мятежные бесчисленны народы,
Которым в жертву он сей предал вертоград,
Как потопившие при Ное землю воды
Покрыли с шумом весь собой несчастный град.
Число всех зол его с числом песка равнялось,
Где не успел грабеж, там огнь доканчивал,
Разбито пушками, что от огня осталось,
В веках созданный град вмиг грудой щебня стал.
Увы! Как славный град в бесчестии явился
Владыка под ярем врагов главу склонил,
Венец величия и славы вдруг затмился,
И красоту свою под пеплом прахом скрыл.
Воспомянул грехи твои, Господь, град славный,
Смирил и расточил везде своих сынов,
Какой был град тебе величьем, славой равный,
А ныне будто ты стал худший из градов,
Рыдают в сиротстве пути твои широки,
И дщери красные по оным не текут,
Святилища твои как кущи одиноки,
Священники в них песнь Господню не поют,
Умолкли на Церквах кимвалы доброгласны,
В них оскудел Святых молитв сладчайший глас,
Погас при алтарях светильников огнь ясный,
Бескровной жертвы нет, Господь оставил нас?
Так наказал Господь во гневе град престольный!
И славу оного на землю сверг с небес,
Возжег в нем мщенья огнь и шум воздвиг крамольный,
Кто даст источник мне горчайших ныне слез!
Кто даст источник слез России верну сыну,
Чтоб мог оплакать он Святейший свой Сион[21],
В ужасную сию злосчастия годину,
В которую облек его Наполеон?
Какой оплачет мать градов Иеремия[22],
И бедствие ее пером изобразит,
Какой возобновит усердный Неемия[23],
И царствовавший в ней порядок учредит?
О, сильне Господи! Ты Иерусалима,
И в нем Святилище за грех не пощадил,
В котором славилось твое Святое Имя!
И с градом славным сим Ты то же сотворил.
Навел ты на него язык лицом бесстудный[24],
Святыню Россиян Ты дал ему под власть,
Как храм с Израилем в твоих щедротах чудный
Иноплеменникам Ты древле дал в напасть,
В его Святилищах умолкли песнопенья,
Бескровной жертвы нет в Священных Алтарях,
Простерлась страшная там мерзость запустенья
Врагами попрана твоя Святыня в прах.

Граф Ф. В. Ростопчин. Гравюра 1-й четв. XIX в.

Французы в Москве. Гравюра 1-й пол. XIX в.

И если, Господи! Сии огни возженны,
Жилища грешников, что истребляют в прах,
Не могут быть Тебе как фимиам Священный
И мерзки твоего Святейшества в очах.
Почто не призришь Ты на чистую Святыню,
Которую дерзнул бесстудный враг попрать,
Почто ты не явишь Твою ей Благостыню,
И медлишь зло сие сугубо наказать?
О, чудный Господи! Ты будто отвратился
И зреть не хочешь в сем несчастии на нас,
Как будто облаком Ты в небесах покрылся,
Чтоб не внимать Тебе молений наших глас.
Москва пылала вся в огнях неугасимых,
И к небу восходил как туча черный дым,
Там ночь была как день в зарях незаходимых,
А дневный свет во мгле куренья был незрим.
Когда скрывала ночь окрестности столицы,
Тогда ужаснейшим являлся сей позор,
По захождении сияющей денницы
Свет дивный над Москвой смущенный видел взор.
Казались лампами главы Церквей златые
От окружающих повсюду их огней.
И души христиан чистейшие, Святые,
Взирая, мучались на вид печальный сей.
А зданье дивное своею высотою,
С которого несся во всю столицу глас,
Сзывавший Христиан усердною мольбою
Чтить Бога Вышнего в Святый молитвы час,
Из мрачных дыма недр высоко поднималось,
Как столп спасения, Священнейший Фарос[25],
И твердостью своей как будто бы ручалось,
Что с царством средь всех зол пребудет Росс.
Все царства с ужасом пожар Московский зрели,
Им притчей тайною служил Наполеон,
Языки собранны, как волны вкруг шумели,
И били как в скалу в Российский твердый трон.
Сам видел Александр в лице Наполеона
Противника Христу, а не его слугу,
Он твердо святость чтил Небесного Закона,
Дивясь неверному, безбожному врагу;
Он зрел, что брань сия превыше прежних браней,
Что гнева Божия в ней сокровен Фиал[26],
Как вождь Израиля с простерстием Он дланей
С престола своего к Царю Царей взывал:
Всесильный Господи! Тебя молить дерзаю,
Царю Царей земных, держава их и щит,
Спаси меня, Творец! Я с царством погибаю,
Враг с тьмами воинства престол мой обстоит!
И Ты, Святейшая родительница Слова!
На бедствующий град Твой распростри покров,
И будь ему стена, к спасению готова,
Как граду Греции против его врагов!
Избавителю мой, внемли молитвам Девы!
За град и храм Ея великий, древний в нем,
Сомкни разверстые на нас Ты адски зевы,
И милости Твоей нас озари лучом!
Еще, о Господи! Московских Иерархов
Молитвы теплые за Русских приими,
В днях плоти Пастырей, советников Монархов
И гласу Сергия Святейшего внемли.
Сии светильники во граде сем сияли,
Который разорил до основанья враг,
В великом храме сем лик пений составляли,
Который осквернен, ограблен, пуст и наг.
С Монархом Пастыри душой соединились,
Святейшей ревностью к Отечеству горя,
И сердцем пламенным Всевышнему молились
За бедствующий град, за Царство и Царя.
О, Господи! — рекли они во умиленье:
Мы видим, что Твой гнев нас праведный постиг,
Мы проводили жизнь в грехах самозабвенья,
Не чувствуя Твоих для нас щедрот благих,
В кичении своем презрели предков нравы,
Чтоб Твой Закон всему в основу полагать,
Приняли чуждые и новые уставы,
Чтоб внешней пышностью и роскошью блистать,

Чтоб изощрять язык как бритву в мудрованье,
И сердце злым страстям на жертву отдавать,
Смеяться истинам в Божественном Писанье,
И в гнусных повестях свой разум упражнять.
Ты рек в Писании, что чем кто согрешает,
Тем мучится за грех, — сбылось то и на нас,
Тот враг неистовый нас ныне поражает,
Слуг коего урок нам был премудрый глас.
Похитив Русских чад невинность, честь природну,
Вослед своих страстей склонили их сердца,
И погубивши в них доброту благородну,
Возмнили погубить Россию до конца.

Песнь 8
Стеснительное положение Наполеона в Москве, его прошение о перемирии и отказ в том

Когда в России все, что Бог изрек, свершилось,
Когда во всех горел единый братства дух,
И обращение во всех к Творцу открылось,
И покаяние как гром гремело вслух,
Бог преклоняет взор на Русско царство
И сыплет на него дары своих щедрот,
Карает во враге гордыню и коварство
И дивный делает всему переворот.
Наполеон мечтал: столицей овладею,
И царство Русское к стопам моим падет,
Сожгу сей древний град и прах его развею,
И сильный сей народ в подданство мне придет.

Карикатура неизвестного художника. 1810-е гг.

Он ждет как истукан Россиян поклоненья;
Я дам законы им, в уме мечтает он,
Он ждет, но тщетно ждет мечтаний исполненья:
В Москве он был стеснен в гробницах как Зенон[27].

М. И. Платов. Гравюра неизвестного художника. 1-я четв. XIX в.

В Французах видеть он привык всегда волненье,
Но Русских подлинно не знал природный нрав,
Он с флюгерами сам Французам дал сравненье,
Но в Русских он нашел совсем другой устав.
Он в каждом воине зрит верность патриота,
И сельский житель был героем перед ним,
Известной сделалась Российских сил доброта
Ему тогда, когда в Москве он был тесним.
Он много градом сим издалека пленялся,
Блаженнейший Эдем он думал в нем найти,
Там Гангес[28] золотой богатств ему мечтался,
Он воинам твердил об этом на пути.
Но где блаженство то, которым он прельщался?
Москву он, разорив, нашел в ней скоро глад,
Как злейшим Сатаной он в граде сем являлся,
То вместо рая в нем себе содеял ад,
В котором хищники средь дыма и пожара
Как черны мурины[29] скитались меж огней,
От тяжести судьбы и рока от ударов
В алчбе и наготе теряли вид людей.
И если кто успел во что-нибудь одеться,
То представлял в себе одеждою позор,
Рад кушать был всяк то, что попадется,
Труп конский или пес — оставлен был разбор.
Так гордый многих Царств Европы победитель
Своим сотрудникам в Москве за труд платил,
Так сам непрошенный Парижский посетитель
В пиру Кутузовом дней тридцать погостил!
Такую участь зря себе в Москве жестоку
Невольно он себя унизил и смирил,

Покорствуя судьбы превратности и року
О перемирии Кутузова просил.
Надменная глава, хоть льстиво, но склонилась,
К вождю Российских войск, чтоб мир ей даровал:
Но мудрость опытна под сединой таилась,
Кутузов извергу с презреньем отказал.
Он быстро подходил к той цели вожделенной,
Которую всегда в глазах своих имел.
Горя к Отечеству любовию священной,
Он план свой выполнять дружинам повелел.
Здесь мудрости его советы открывались,
Он хитрого врага делами прехитрял,
Все мысли тайные как свет ему являлись,
Преграды он ему повсюду полагал.
Как мощный он орел с птенцами расширился
И всюду вкруг Москвы сорочьи стаи бил;
Он в тело хищнику глубоко так вкогтился,
Что кровь его рекой на землю Русску лил.
Наполеон в Москве как в сети лев метался,
Голодной смертию всечасно умирал,
В опасности как змий он хитро извивался,
Но крепко Росс его в когтях орлиных жал.
Отряды легкие козаков вкруг летали,
Чтоб пищи не давать грабителям нигде,
Как сено огнь, они злодеев истребляли,
Как зорки птицы мух, хватали их везде.
Во всех сословиях Российского народа
Наполеон воздвиг великий мщенья жар,
Иль лучше им сама священная природа
И вера в Господа такой влияла дар;
Кто только так возмог, тот так и ополчался,
Кинжалом гражданин в тиши врага разил,
Орудием своим пред ним вооружался
В деревне селянин, и вред ему чинил.
Одною мыслию, одним сердечным рвеньем
Горели Русские врага одолевать,
Духовные своим к Всевышнему моленьем
Просили помощь им Небесну ниспослать.
Дворяне грудь свою в защиту поставляли
Как стену твердую Отечеству, Царю,

Отступление французов. Рисунок 1-й четв. XIX в.

Военные себе духов тех представляли,
Которы Сатаны разили горду прю.
Российский Царь был тверд надеждою на Бога,
Скале подобился Его Великий Трон,
На ярость в вере зрел он Гога и Магога,
Которых на него подвиг Наполеон.
Как мудрый кормчий, Он корабль державы правил,
И в страшной буре дух его не угасал,
На центр спасения свое Он Царство ставил
И мир и счастие другим уготовлял.

Песнь 9
Злоба Наполеона, намерение подорвать Кремль Московский, выход из Москвы, нужда идти разоренными им местами, бедственное состояние его армии, бедственная переправа чрез реку Березину, собственная опасность и постыдное бегство во Францию

Наполеон судьбой жестокой огорченный
В развалинах Москвы, как аспид, возлежал,
Мечтами страшными и совестью смущенный,
Геенской злобою на Русских он дышал.
Как в логовище зверь, ловцами утесненный,
Вдруг поднимается на подвиг роковой:
Так он Кутузова в столице угнетенный
Был должен поспешить на бегство иль на бой.
Быв в силах изнурен, он битв не продолжает,
Он хочет злом себя прославить здесь другим,
Под златоверхий Кремль подкоп приготовляет,
Чтоб оный подорвать за выходом своим.
Но только из Москвы он начал пресмыкаться
И дивий хвост едва успел унесть с собой,
Сонм вернейших сынов в нее стал вмиг вселяться,
И скрытый ков его был найден под землей.
Часть пала только стен, но храмы все спаслися,
Десница Вышнего покрыла их щитом,
Вдруг звуки радости как громы вознеслися,
Шумели как вода на месте сем Святом.
Бежит злодей — и в тыл его разит Росс мощный,
Там чада Дона путь борьбой ему теснят,
А там Кутузов сам засел — орел полночный,
Отвсюду тьмы смертей в полки врага летят,
Как сокол Платов[30] там с дружиной налетает
На дерзких беглецов, уже пришедших в страх,
Тирана самого едва не достигает,
И день и ночь с стыдом бегущего в путях.
Как храбрый Докторов победой вожделенной
Как плеву сдул врагов с желанных им путей,
Отброшенный назад Наполеон надменный
Был принужден бежать попранной им стезей.
И здесь-то бедствия полкам его открылись,
В местах, где все он жег, губил и истреблял,
Они не шли, а, так сказать, ползли, тащились,
Рукою мощною здесь Росс их сокрушал.
Природа, кажется, сама на них восстала,
Безвременно родив для них жестокий хлад

И Россам истреблять врагов их помогала,
Здесь, кажется, предстал мучений целый ад:
Один, в полнаготе, от мраза цепенея,
В отчаянье из рук оружие бросал,
Другой, согреться сил и средства не имея,
От хлада лютого на месте упадал;
Тот гнусным рубищем от хлада защищался,
Которо с мертвых он товарищей сорвал;
Другой в изорванну рогожу одевался,
Тот ноги вспухлые соломой обвивал;
Узревши хижины, ползти к ним полумертвы,
Но не нашед людей, ни пищи, ни огня,
В пустых жилищах сих сии несчастны жертвы,
Встречали люту смерть, трепеща и стеня.
Иные вкруг огней толпами собирались
И мясо жарили товарищей своих,
Другие в немощи на пепел подвергались,
Набрать не могши дров, и здесь сгорали вмиг.
Один в отчаянье лишился дара слова,
Другой сошел с ума от несказанных зол,
Тот мерзлы персты грыз, ища огня иль крова,
А тот в беспамятстве не знал, куда он шел.
Дорога трупами несчастных покрывалась
Дая богату снедь и птицам и зверям.
Часть армии врага в плен Русским отправлялась,
Добычей чтоб не быть воронам или псам.
О бедствии таком, когда вождю сказали,
Наполеон на то с улыбкой отвечал.
Тогда-то ясно все войска его узнали,
Сколь сердце зверское в себе он заключал.
Он с остальной своей измученной дружиной
И день, и ночь без сна в отчаянье бежал.
Его страшил полет Кутузова орлиный,
Который в тыл его и встречу поражал.
Как море Чермное тристатам Фараона[31],
Могилу влажную представила собой
Река Березина для войск Наполеона,
Когда он чрез нее шел робкою стопой.
Струи ее тогда дышали лютым хладом,
Когда он легкий мост на оных положил,
И глыбы льдяные неслись шумящим стадом,
Когда по оному войска он проводил.
Но скоро Русские полки в виду явились
И страх невольный их сердца поколебал,
Они в отчаянье на узкий мост стремились,
Но он спасенья им уже не обещал.
В чрезмерной тесноте друг друга попирали,
Воинский строгий чин совсем был здесь забыт,
Скакали всадники и пешие бежали,
Помост был трупами задавленных покрыт.
От пушечных колес лишь кости их трещали,
Подковы конские вонзались им во грудь,
Простые воины чиновных упреждали,
Слабейших — сильные, но всем был тесный путь.
Здесь с моста тысячи от тесноты валились
И плавая в воде, пущали томный стон,
Там вплавь чрез реку отважные пустились,
Но вмиг погибли все от множества препон.
Иные перейти по льдинам умудрялись,
Но хлад их меж собой еще не съединил,
И те несчастные под ними погребались,
И быстрый ток реки с собой их уносил.
Тот с быстротою волн и льдинами сражался,
В котором жизни огнь еще не угасал,
Другой без сил судьбы на произвол отдался
И зол виновника пред смертью проклинал.
Так за нечестие злодеев зверонравных
Рукою крепкою Всесильный сокрушил,
И как все воинство Египтян оных давных
Со всеоружием водою потопил!
Природа общая печально поражаясь
При зрелище таком чувствительных сердца,
Но правосудный Бог здесь извергов карает,
Безумнейших татар, — карает наглеца,
Который гордостью, как сатана надмился,
Святейшие права Священных Царств попрал,
В Россию без вины из зависти вломился
И в ней неистовство ужасное являл.
Не император был — разбойник на престоле,
Не примиритель Царств — виновник мятежей,
Не воин доблестный — тиран жестокий в поле,
Не человек в кругу — позорище людей,
Он имя важное носил Христианина,
Но Христианских дел в себе не представлял,
Он хуже дикого горца, мусульманина
Христовы Алтари в России попирал.
И так чудовищем на свете он явился,
Все страны на него свой обратили взор,
Но Бог его смирил, — он с перстию[32] сравнился,
В волнах Березины, — стыд, немощь, срам, позор.

Александр I. С портрета неизвестного художника. 1 четв. XIX в.

Из охладевших уст гром клятвы разносился
И с шумом бурных волн мешался томный стон,
Он слуха их вождя разительно касался,
Но хладнокровен был к нему Наполеон.
Он приучал свой слух давно к такому стону,
Смерть видеть страждущих без скорби он привык,
Но кровию омыл свой скипетр и корону,
На трупах братии престол он свой воздвиг.
И ныне как беглец презренный убегает,
Еврея рубищем покрыв себя в беде,
В глубоком ящике свой срам от всех скрывая,
И в царственный свой град является в стыде,
Где те надменные, витийственны глаголы,
Которы ты, тиран, в безумстве изрекал,
Когда России ты уготовлял крамолы
И мысленно ее к стопам своим склонял?
Гнушается тобой теперь твоя супруга,
В которой кровь течет священнейших Царей,
Стыд — стать тебе теперь среди министров круга,
Явиться Франции и дать отчет твой ей.
До крайней степени ты низложен судьбою,
Ты въехать смог с трудом в телеге во дворец,
Не просто стража так гнушалася тобою,
То весть, что будешь ты изгнанник, наконец.

Песнь 10
По великой брани благополучия, радость и слава России

Сбылись священные Монархова глаголы —
На Русской нет земли ни одного врага,
Потух военный огнь, престола и крамолы —
Стряс злобу Александр, гордыню стер врага.
Россия к небесам своим подъемлет длани
И слезы пред Творцом благодаренья льет,
По неописанной жестокостию брани
Из глубины души хвалу ему поет.
Во весь промчалась свет России нова слава —
С востока к западу, и с севера на юг,
Тверда в руках Царя Российского держава,
Ни с чем нельзя сравнить Его народа дух.
Героев мужество превыше Сципионов[33],
Услуги Платовых должны потомки чтить,
Ума Кутузовых, любви Багратионов
В истории нельзя вполне изобразить.
И вы, великие Российски Патриоты,
Которых я и имен не мог здесь поместить,
Не оскорбитесь сим: Божественны щедроты,
Не песнь моя сия, должны вас наградить.
Бог сердцеведец зрит рук ваших все деянья,
Ваш труд и вашу кровь измерит на весах,
Он только может дать сразмерны воздаянья,
Утешьтесь, доблии! — венцы в Его руках.
Я буду петь теперь России громку славу,
Без песни моея светлы на вас венцы,
Вы Русскую спасли от хищника державу,
Вам имена — сыны, спасители, отцы.
Лавр вечно процветет над вашею могилой,
Потомки будут вас всегда благословлять,
И время едкое могущественной силой
Ваш твердый мавзолей не может сокрушать.
Из пепла вновь Москва как феникс возродится,
Венчанную главу украсит красотой,
Доброта прежняя сугубо в ней явится,
И слава вострубит громчайшею трубой.
Под материнский кров ее стекутся чада,
Развеют прах от ног оставшихся врагов,
Дома великого наполнят жизнью града,
Воскреснет счастие, приятство и любовь.
Песнь нову воспоют Спасителю в Сионе,
И воскурят пред Ним моленья Фимиам,
Восслят Ему хвалы в чувствительнейшем тоне,
И умиления дадут тиши слезам.
И будут, как сребро, седьмкратно очищено,
Осяжут как рукой величие Творца,
И сердце перед ним откроют сокрушенно,
И будут в Господе блаженны до конца.
Едва первейший шаг враг сделал за границу,
Обет свой Александр пред небом полагал,
Он мысленно летел в разрушенну столицу,
И там в развалинах храм Богу созидал,
Храм в честь Спасителя — векам на удивленье,
Да возвещает Он, сколь дивен в силе Бог?
Который укротил народов треволненье,
И Россам в бездне зол воздвиг спасенья рок.
Ликуй, блаженная, великая Россия!
Отри источник слез, мать добрая с детьми,
От ада спас тебя твой Царь и твой Мессия,
Враг прогнан, низложен, лежит в тебе костьми.

Песнь 11
Радость Европы о низложении Наполеона, союз трех монархов. Их вступление в Париж, осуждение Наполеона на изгнание на остров Эльбу. Его бегство оттуда и заточение на острове св. Елены

Когда войны гроза промчалась над Москвою
И славой Русский Царь как солнце воссиял:
На царства прочие свет разлился рекою,
И мрак из скорбных дум мгновенно разогнал.
Венчанную главу Европа поднимает
И, обратясь к своим почтеннейшим сестрам,
В восторге радостном с улыбкою вещает:
Мятежник низложен — мир возвещаю вам.
Тогда вселенная той славе изумилась,
В котору Александр с Россией облекся,
Но чистая душа сим блеском не гордилась,
Он, не почив от дел, о благе Царств пекся.
С монархом Австрии и Пруссии Владыкой
Он новый делает спасительный совет,
Чтоб в братской быть любви по брани сей великой
Дабы чрез их союз покоен был весь свет.

Когда на горизонт блаженнейшей Европы
Таким усердием три Солнца востекли,
Под их влиянием божественны щедроты,
В покое, тишине все Царства обрели.
Союзники вослед мятежника пустились
И истребив его останок слабых сил,
В престольный град его со славою вселились,
И здесь-то Русский Царь великий дух открыл.
Как Ангел Он вступил в Французскую столицу,
Не огнь Он в ней возжег, иль смертных пролил кровь,
Он каждую для войск своих купил крупицу
И Христианскую врагам явил любовь.
Вот истинный герой, что страсти побеждает,
Врагам своим за зло ответствует добром,
Закон Божественный кормилом почитает
И зиждет счастие народное на том!
И чтоб спокойствие в Европе возмущенной
На твердом камене союза основать,
Монархи трех держав, могущих во вселенной,
Изволили свой суд Наполеону дать.
Они представили его все злодеянья,
Которым не было ни меры, ни числа,
Представили ту кровь, что от его желанья
Рекой глубокою в Европе протекла;
Он показался им чудовищем природы,
В котором тени нет и признаков Царя,
Он в бедствие привел тьмочисленны народы
Ужасной жаждою к могуществу горя.
Он целых двадцать лет питается враждою,
Геенского огня войны не погашал,
И льстясь прелестною, несбыточной мечтою,
Кровавого меча в покой его не клал.
Сей дивный человек — безумец ослепленный
Ужасные хулы на Бога изрыгал.
Он называл себя владыкою Вселенной,
А Вышнему одно лишь Небо оставляя.
Но гордость адскую Бог стер Наполеона,
Он на изгнание Царями осужден,
Развенчанный от Них, он низложен со трона
И как злодей и враг на остров заточен.
Но с Эльбы он бежал и снова воцарился:
Но Ватерловский бой[34] мечты его пресек,
Он снова осужден и снова удалился
На остров дальнейший, как злейший человек.
Пять лет, как пять веков, от совести терзаясь,
Здесь срамоту свою изгнанник сокрывал,
Раз из царя и червь из Бога представляясь,
В мученье и тоске всечасно умирал.

Песнь 12
Отправление Наполеона на остров св. Елены, его прощание с Францией, жизнь на острове, смерть и могила

С гордынею вступив на борт Беллерофона[35],
Не пленник я, но гость в Британии, он рек,
И бурный океан корабль Наполеона
В далекую страну в волнах своих повлек.
Брега Французские, когда от глаз скрывались,
И сонм друзей ему о том напоминал,
Слова в устах его дрожащих прерывались,
Прости, о, Франция! взглянув на них, сказал.
Прости, Отечество, Героев незабвенных
Ты вечно в лаврах бы зеленых процвела,
Будь менее в тебе изменников презренных,
Тогда бы ты главой Вселенною была.
Так с Францией своей Наполеон прощался,
Так жизнь свою он в ней и славу вспоминал.
Так из Европы он в изгнанье удалялся,
Так рок его сразил, унизил, оковал!
И бросил на скалу, от солнца обожженну,
Под небом Африки стоящую в волнах
Там жизнь он скончивал, злодействами смятенну,
Шумящий океан имея лишь в глазах.
Кто пил жестокий яд толикого мученья?
Без милых сердцу он смежил смущенный взор,
И чуждая земля, без почести, почтенья,
Покрыла прах его под тенью диких гор;
Холодная рука друзей притворных, мнимых,
Набросила на гроб его простой гранит,
Чтоб искренна была к нему толпа любимых —
Загадку тайную сие в себе хранит.
Плакучие древа клоняся над могилой,
Рождали, кажется, в тоскливом шуме стон,
И путника маня в юдоли сей унылой,
В смущенье заглянуть, где скрыт Наполеон.
Вот все, что от его величия осталось,
Что поражало ум и удивляло взор!
Все чрезвычайное здесь с перстию сравнялось
И предлежит теперь потомкам на позор!
Так бремя тяжкое с земного шара спало!
Бич человечества взят Господом на суд,
Губителя земли, врага всех царств не стало,
Но имя и дела его поднесь живут,
И будут вечно жить и удивлять Вселенну,
Потомки дивного в них более узрят,
Чрез перспективу нам, столь мало расширенну,
Своей огромностью глаза они темнят.
С кумира имени и дел Наполеона
Потомки поздние напишут пусть портрет,
Нельзя нам слышать все средь отголосков стона
И бурь его войны зрить скоро ясный свет!
Умолкни, тихая усердная цевница[36],
И взором веры дай нам в вечность заглянуть:
Как с трона Франции сей новый спал денница
И с круга земного куда направил путь?
Он с трона на поля сойти мнил Елисейски
К великим честию героям и царям,
Но он сошел во ад за действия злодейски
К подобным извергам — расстригам-Кромвелям[37].
Не ты ль, они рекли, сиял там как денница,
И славою своей взор смертных поражал?
Рекою не твоя ль там кровь лила десница
Не ты ли Вышнему подобным быть мечтал?
И ты, что потрясал крамолою Вселенну,
Престолы колебал мятежами Царей,
Сошел к нам, наконец, в сию юдоль плачевну,
Где ложе — тление и кровь нам из червей.

Священный прах Царей близ тронов почивает
При нем молебна песнь и жертва в Алтарях:
Пустынная скала твой гроб в себе вмещает,
Вокруг его шум волн и мрачность в небесах.
Владыки добрые в порфирах драгоценных
На лоне радости в Эдеме воссидят,
Почиют совестью в обителях блаженных,
И светом солнечным венцы на них горят.
А ты! О, человек, венцом Царя венчанный!
Где честь твоя, твой блеск, достоинство и сан?
Как ночь твой мрачен вид, дух мукой растерзанный,
И титло на тебе: не Царь — злодей, тиран.
Ты не порфирою, но рубищем покрытый,
Твоих злодейских дел, крамол, тиранств, смертей,
Невинной кровию с главы до ног омытый
Приходишь ты сюда ко братии твоей.
Здесь множество тобой к убийствам привлеченных
В глубоком тартаре страданий чашу пьют.
Там души праведных, тобой убиенных,
О мщении к Творцу всечасно вопиют.
И ты под стоном сим жить будешь бесконечно,
Твой будет слух всегда к себе его вмещать,
И время для тебя не будет быстротечно –
Ты будешь здесь всегда в мучениях страдать.

ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 342. Л. 1—29 об.

Примечания

[1] Авраамий Палицын (в миру Аверкий Иванович) (ум. в 1626) — келарь Троице-Сергиева монастыря (1608—1619). Автор патриотических посланий в поддержку Первого ополчения 1611 г. С апреля 1612 г. — в земском правительстве Второго ополчения. Автор известного «Сказания об осаде Троице-Сергиева монастыря от Поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах».

[2] Рымник — река в Румынии, на которой во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. русские и австрийские войска под командованием А. В. Суворова 11 сентября 1789 г. разгромили турецкую армию, за что Суворов получил титул графа Рымникского.

[3] Чесменское сражение 26 июня 1770 г. — один из крупнейших морских боев во время русско-турецкой войны 1768—1774 г. Русский флот под командованием адмиралов Г. А. Спиридова и С. К. Грейга блокировал турецкий флот в бухте Чесма на побережье Малой Азии и уничтожил его, что обеспечило русскому флоту господство на Эгейском море и блокаду Дарданелл.

[4] Сент-Готард — перевал в Альпах на юге Швейцарии. Во время Швейцарского похода Суворова 13 сентября 1799 г. перевал был с боем преодолен русскими войсками, двигавшимися из Италии в Швейцарию.

[5] Тит (39—81) — римский император с 79 г. н. э., из династии Флавиев. В Иудейскую войну захватил и разрушил Иерусалим (70). Древнеримские историки, в частности, Светоний, считали его прекрасным императором, «утехой рода человеческого».

[6] Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — российский военачальник и государственный деятель, генерал от инфантерии (1818), генерал от артиллерии (1837). В Отечественную войну 1812 г. начальник штаба 1-й армии, отличился в Бородинской битве, где лично водил солдат в атаки, отбил у французов «батарею Раевского» и был ранен. На Совете в Филях высказался за сражение под Москвой. Отличился под Тарутином, Малоярославцем, Вязьмой и Красным и в заграничных походах русской армии, командуя 1-й гвардейской пехотной дивизией. В 1816—1827 гг. — командир Отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса и главноуправляющий в Грузии. С 1839 г. жил в Москве на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевский) и улице Пречистенка.

[7] Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756—1816) — генерал от инфантерии (1810). В Отечественную войну 1812 г. командовал пехотным корпусом, который отличился под Смоленском и Бородином и сыграл решающую роль в бою под Малоярославцем.

[8] Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — генерал от кавалерии (1813). В кампанию 1812 г. войска под командованием Раевского в сражении под Салтановкой 11 июля задержали наступление корпуса Л. Н. Даву и обеспечили отход Второй Западной армии к Смоленску. В Смоленском сражении 4 августа Раевский успешно противостоял превосходящим силам противника и своими действиями способствовал срыву плана императора Наполеона I, предусматривавшего обход российских армий. В Бородинской битве Раевский оборонял участок позиции, опорным пунктом которого служил редут на Курганной высоте, спланировал и осуществил контрудар по войскам Евгения Богарне, чем предотвратил на полтора часа дальнейшие атаки неприятеля на центр русских позиций.

[9] Балла Адам Иванович (1764—1812) — генерал-майор (1800). Уроженец Греции, перешедший на русскую службу. С марта 1812 г. командир 3-й бригады 7-й пехотной дивизии, вошедшей в 6-й пехотный корпус 1-й Западной армии. Во время Смоленского сражения 5 августа его бригада была расположена на левом фланге между Мстиславским и Красненским предместьями и в течение нескольких часов отражала атаки неприятеля, затем, вытесненная из предместий, сражалась в стенах города. Балла находился в передней цепи стрелков, был трижды ранен и от полученных ран скончался.

[10] Во время наполеоновских войн Лиссабон был оккупирован французскими войсками (1807—1808).

[11] Кутузов (Голенищев-Кутузов) (1747—1813), великий русский полководец, светлейший князь (с 29 июля 1812). 8 августа 1812 г. был назначен главнокомандующим, прибыл к армии 17 августа. За Бородинское сражение был 30 августа 1812 г. удостоен чина генерал-фельдмаршала. За разгром наполеоновской армии получил 6 декабря 1812 г. к своей фамилии почетную приставку «Смоленский».

[12] Барклай де Толли Михаил Богданович (1757—1818) — выдающийся русский полководец, князь (1815). В 1810—1812 гг. военный министр. В Отечественную войну 1812 г. главнокомандующий 1-й армией, а в июле-августе фактически всеми действовавшими русскими армиями. В Бородинском сражении командовал правым крылом и центром русским войск. В 1813—1814 гг. — главнокомандующий русско-прусской армией. За взятие Парижа был 19 марта 1814 г. удостоен чина генерал-фельдмаршала.

[13] Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, второй сын императора Павла I. В начале Отечественной войны 1812 г. командовал 5-м гвардейским корпусом 1-й Западной армии. После Смоленского сражения 4—6 августа был отозван, жил в Твери. Вернулся к армии в декабре 1812 г., отличился в крупнейших сражениях 1813—1814 г. С конца 1814 г. — фактически наместник Царства Польского. В 1820 г.

по настоянию Александра I тайно отрекся от российского престола.

[14] Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — граф (1813), генерал от инфантерии (1809). В 1812 г. руководил формированием резервных войск, с которыми в середине августа присоединился к главной армии. Отличился в Бородинской битве. Командовал авангардом при преследовании французов. С 1818 г. — военный губернатор Санкт-Петербурга. Убит П. Г. Каховским 14 декабря 1825 г.

[15] Багратион Петр Иванович (1769—1812) — князь, генерал от инфантерии (1809). Из грузинского царского рода. В 1812 г. главнокомандующий 2-ой Западной армией, смертельно ранен в битве при Бородине.

[16] Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — граф, государственный деятель, светлейший князь (1852), генерал-фельдмаршал (1856). В 1812 г. командовал 2-й сводно-гренадерской дивизией в составе 2-й Западной армии. В Бородинском сражении геройски действовал при обороне Семеновских флешей, был ранен. Отличился в заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. С 1823 г. — новороссийский генерал-губернатор, в 1844—1856 гг. — главнокомандующий Кавказским корпусом. В Москве М. С. Воронцову принадлежал дом на Б. Никитской, построенный по проекту В. И. Баженова. В 1812 г. дом сгорел, но был восстановлен. В 1894 г. на его месте архитектором В. П. Загорским было построено здание Консерватории: от старого дома сохранилась фасадная стена главного корпуса с ротондой.

[17] Коновницын Петр Петрович (1764—1822) — граф (1819), генерал от инфантерии (1817), генерал-адъютант (1812). В кампанию 1812 г. дивизия Коновницына в составе 3-го пехотного корпуса Н. А. Тучкова отличилась в боях под Смоленском (5 августа Коновницын был ранен в правую руку, но оставался в строю) и при Валутиной Горе. 16—24 августа командовал арьергардом соединенных армий, прикрывая их отход к Бородину. В Бородинском сражении после ранения генерала П. И. Багратиона временно (до назначения Д. С. Дохтурова) командовал 2-ой Западной армией, был дважды контужен. С 4 сентября дежурный генерал при М. И. Кутузове. В 1813—1814 гг. командовал Гренадерским корпусом, в 1815—1819 гг. — военный министр.

[18] Имеется в виду библейский сюжет: когда вавилонский царь Навуходоносор II (правил в 605—562 гг. до н. э.) приказал изготовить золотого истукана, то три еврейских отрока Анания, Азария и Мисаил отказались ему поклоняться, за что были брошены в огненную печь. Но по своей вере остались невредимы (Книга пророка Даниила, глава 3).

[19] Бейрут — древний портовый город на Финикийским побережье, где, по преданию, Святой Георгий убил дракона.

[20] Здесь: возомнил.

[21] Сион — священный холм в Иерусалиме.

[22] Иеремия — древнееврейский пророк VII — нач. VI вв. до н. э. Проповедовал необходимость мира с наиболее мощным из врагов Иудеи — Вавилоном, предпочитая зависимость от Вавилона, уничтожению им Иудеи. При иудейском царе Седекии Иерусалим был разрушен и народ уведен в плен, а пророк в своих песнях оплакал пепелище священного города.

[23] Неемия — один из иудейских старейшин, под руководством которого восстанавливался Иерусалим. История его деятельности излагается в книге, известной под названием «Книга Неемии».

[24] Бесстыдный (*устар.*).

[25] Фаросский маяк — мраморная башня, выстроенная на острове Фарос Птолемеем Филадельфом. На ее вершине ночью разводили огонь, видный далеко в море. Пользовался в древности и средние века большой известностью. Слово «Фарос» сделалось нарицательным для обозначения маяка.

[26] Фиала — сосуд, употреблявшийся в Древней Греции для культовых нужд.

[27] Зенон из Китиона (ок. 336 — 264 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель школы стоицизма.

[28] Имеется в виду река Ганг.

[29] Имеется в виду рыба мурена.

[30] Платов Матвей Иванович (1751—1818) — граф (1812), генерал от кавалерии (1809). Сподвижник А. В. Суворова. С 1801 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. В Отечественную войну 1812 г. и заграничных походах 1813—1814 гг. командовал Донским казачьим корпусом. За отличие во многих сражениях (казаки Платова в 1812 г. захватили ок. 70 тыс. военнопленных) был награжден титулом графа.

[31] Море Чермное — имеется в виду Красное море, через которое, согласно Св. Писанию, был осуществлен чудесный переход из Египта израильского народа, преследуемого войсками египетского фараона.

[32] Персть — пыль, прах (*церк.-слав.*).

[33] Сципионы — в Древнем Риме одна из ветвей рода Корнелиев, к которой принадлежали крупные полководцы и государственные деятели.

[34] Ватерлоо — название населенного пункта в Бельгии, южнее Брюсселя. В период «Ста дней» около Ватерлоо 18 июня 1815 г. английские и прусские войска окончательно разгромили армию Наполеона I.

[35] Беллерофонт — в греческой мифологии герой, победивший трехглавое чудовище Химеру. Это название носил английский корабль, на котором Наполеон был доставлен 17 октября 1815 г. на остров Св. Елены.

[36] Цевница — старинный музыкальный инструмент, тип многоствольной свирели.

[37] Кромвель Оливер (1599—1658) — вождь Английской революции XVII века. С 1653 г. — лорд-протектор Англии, Ирландии и Шотландии.

Публикация Ф. А. Петрова и М. В. Фалалеевой

Краткое описание происшествиям в столице Москве в 1812 году

В богатейшем рукописном собрании Чертковых, хранящемся в собрании Отдела письменных источников Государственного Исторического музея, хранится рукопись «Краткое описание происшествиям в столице Москве в 1812 году» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 62. Л. 13—27 об.). Этот документ остался неизвестным даже такому крупному исследователю русской мемуаристики, как А. Г. Тартаковский, который был знаком лишь с печатным вариантом и писал о нем как о «ценнейшем источнике для воссоздания истории Москвы в Отечественной войне» (*Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 121).

Особенно ценно то, что эти воспоминания были одними из первых мемуаров по истории Москвы в 1812 году. Написаны они были между 1815 и 1817 годами, и их автор, естественно, хорошо помнил каждый эпизод этих трагических дней.

Автор рукописи — надворный советник Алексей Дмитриевич Бестужев-Рюмин, который в 1812 году служил асессором в Вотчинном департаменте Сената (находившемся, как известно, в Кремле, в специально построенном знаменитым зодчим М. Ф. Казаковым здании, которое сохранилось без особых изменений до нашего времени). Некоторые факты его биографии сделались известными благодаря П. И. Бартеневу, опубликовавшему в «Русском архиве» (1910. № 5. С. 105—120) эту рукопись с некоторыми произвольными исправлениями, как это практиковалось в то время. Впервые же воспоминания Бестужева-Рюмина были опубликованы свыше 150 лет тому назад, в сокращенном варианте — в «Чтениях Общества истории и древностей российских» (1859. Кн. 2. С. 57—84. Раздел «Смесь»).

Ныне читателю предлагается издание рукописи в соответствии с научно-археографическими правилами и с реальными историческими комментариями.

Хотя еще 18 августа Ростопчин заявил Сенату о приготовлении к вывозу из Москвы архива Вотчинного департамента, но никаких распоряжений по этому вопросу сделано не было. Несмотря на прошение обер-прокурора 6-го (Московского) департамента Сената М. А. Дмитриева-Мамонова графу Ф. В. Ростопчину и министру юстиции И. И. Дмитриеву и личное предписание председателя Государственного Совета и Комитета Министров графа Н. И. Салтыкова, архив Вотчинного департамента так и не был вывезен из Москвы. Более того, 30 августа Ростопчин, как он признается в своих записках, повелел закрыть все присутственные места и отправиться всем чиновникам в Нижний Новгород, в том числе и всем сенаторам, среди которых, по его мнению, было трое мартинистов — П. В. Лопухин, Д. П. Рунич и П. В. Голенищев-Кутузов. Далеко не во всем одобряя действия Ростопчина, историк А. Н. Пыпин одобрительно отозвался об этой мере, полагая, что «одно уже присутствие Сената в то время в Москве давало бы действительно важное орудие в руки Наполеону. Не спрашиваясь даже Сената, он его именем мог издавать свои воззвания и предписания, а имя Сената пользовалось еще большим значением в народе» (*Пыпин А. Н.* Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 9. С. 19; № 10. С. 183—185).

Таким образом, Бестужев-Рюмин остался единственным чиновником Вотчинного департамента, вынужденным по собственной инициативе принимать решения о сохранении архива.

Перед вступлением французов в Москву, 1 сентября 1812 г., среди всеобщей паники, бегства большинства москвичей, Бестужев-Рюмин с женой и двумя малолетними сыновьями (12 лет и 7 недель) перебрался из своей квартиры в Кремль, в Вотчинный департамент, полагая, что там его семья будет в безопасности. На следующий день, 2 сентября, французские солдаты ворвались в Кремль и, захватив здание Сената, достигли Вотчинного департамента.

> В это время, — писал сослуживец Бестужева-Рюмина Н. С. Налетов, — находились там многие чиновники, пришедшие за получением жалованья. Французы загородили им ружьями все входы и выходы, обобрали их всех до одного, в том числе и Бестужева-Рюмина, и выгнали вон, а сами остались для помещения в архивах департамента (Чтения. С. 82).

Александр Дмитриевич вынужден был вместе с семьей вернуться на прежнюю квартиру, но дом его был разграблен и сожжен. На некоторое время семья Бестужевых-Рюминых нашла приют в здании Медико-хирургической академии на Рождественке (это здание было построено в 1770 г. К. И. Бланком, сильно перестроено на рубеже XIX—XX в., ныне здесь находится Московский Архитектурный институт). Затем, желая

найти более высокое покровительство, Бестужев отправился на Петровку, в дом князя Петра Ивановича Одоевского (1740—1826), л.-гв. полковника в отставке, известного московского благотворителя, находившийся близ Высоко-Петровского монастыря. Там он встретил своего сослуживца-чиновника, который помог приютить его жену и детей. Сам же он пошел к одному из благодетелей (фамилию которого Налетов не запомнил) на Тверскую, однако был схвачен французами и представлен Наполеону, как человек, знающий французский язык. По своей инициативе Бестужев-Рюмин обратился к Наполеону с просьбой о сохранении архива (См.: *Земцов В. Н.* Московский муниципалитет при Наполеоне: коллаборационизм образца 1812 года. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VIII. М., 2009. С. 186).

Тогда ему в первый раз предложили поступить на службу к Наполеону, однако «Бестужев отвечал, что считает противным долгу чести и присяги служить двум императорам». Наполеон приказал отпустить его, приняв при этом меры к сохранности архива.

На обратном пути русского чиновника ждало новое несчастие: на Тверском бульваре он был ограблен поляками. Тем временем бушевавший в Москве пожар стал угрожать дому Одоевского, и Бестужев-Рюмин с женой отправился из центра города на окраину, где они ночевали в избе, «вместе со многими другими несчастными и бесприютными. Но и это единственное убежище вздумал кто-то поджечь». И остаток ночи семья Бестужевых была вынуждена провести «под открытым небом, на огородах, между капустными грядками…» (Чтения... С. 83).

Положение Бестужева сделалось совершенно безвыходным: не было ни пристанища, ни хлеба. Случайно удалось ему получить немного муки у старого хромого солдата. К счастью, дом Одоевского уцелел от пожара, и там он окончательно оставил жену и детей, а сам отправился к Москве-реке, где, по слухам, можно было подобрать подмоченную пшеницу, оказавшуюся на затонувших барках. Но по пути он вновь был схвачен французами и вторично приведен к Наполеону. На этот раз он вынужден был принять приглашение французского императора и вступить на службу в так называемый муниципалитет. Это учреждение было организовано по приказу Наполеона 12 (24) сентября 1812 года и находилось в роскошном особняке графа П. А. Румянцева на углу Маросейки и Армянского переулка (ныне здесь находится посольство Республики Беларусь).

Французский интендант, т. е. гражданский губернатор Ж. Б. Лессепс выбрал из местного населения 25 человек: 11 фабрикантов и купцов, купец 2-й гильдии Г. Н. Кольчугин, двое купеческих сыновей, один именитый гражданин, пять чиновников, профессор Московского университета Х. Ю. Штельцер, отставной русский офицер и четыре иностранца. Как справедливо заметил акад. Е. В. Тарле, «эти люди, против своей воли назначенные, боящиеся прослыть изменниками, решительно никакой власти, конечно, не имели». Целью этого учреждения — как указывалось в обращении Лессепса к жителям Москвы (на двух языках) — было убедить москвичей, что «Император Французов и Король Италии желает прекратить их несчастия и будет заботиться о них и их нуждах» (*Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию // *Тарле Е. В.* 1812 год. М., 1961. С. 632).

Московский муниципалитет должен был заниматься расквартированием французских войск, обеспечением города продовольствием, надзором за госпиталями, помощью бедным, содержанием улиц, дорог и мостов, сохранением безопасности и спокойствия (для этого предполагалось обращаться к полиции), привлечением к работе мастеровых, «какой бы нации они ни были».

Во главе муниципалитета был поставлен городской голова (по-французски maire — мэр) Петр Иванович Находкин. Ему полагалось шесть заместителей, одним из которых и стал А. Д. Бестужев-Рюмин, которому было поручено «продовольствие бедных и попечение об оных». 21 сентября он получил специальную охранную грамоту, подписанную генерал-губернатором города А. Э. Мортье, герцогом Тревизским.

Оказавшись в непростом положении, Бестужев-Рюмин, по его собственному мнению, не поступился против совести:

> …нижние французские чины считали Бестужева городским начальником. Он умел пользоваться этим как нельзя лучше. Брал у французов хлеб и раздал беднейшим из своих соотечественников, в особенности семейным, и, таким образом, облегчал участь многих несчастных (Чтения. С. 84).

Но главной самой служебной задачей он считал сохранение в целостности архива Вотчинного департамента. Однажды в Кремле Бестужев увидел, как французы из окон Сената выбрасывали книги и дела в связках. 4 октября 1812 г., он обратился к Наполеону — как член муниципального совета был допущен к нему и подал петицию, в которой указал, что свою задачу видел в том, чтобы сохранить архив Вотчинного департамента,

> …поддерживал в нем тот порядок, который существовал там до сего времени. Вследствие этого и явился на следующий же день ко двору Вашего Величества и получил, через посредство секретаря Э. Л. Лелорня д'Идевиля, четырех часовых, коих и приставил к четырем архивам.

Бестужев-Рюмин подчеркивал, что «не последовал примеру своих товарищей и подчиненных, кои, забывая свой долг, покинули свои должности и бежали внутрь страны». Поведав о бедствиях своей семьи, он, тем не менее, писал:

> Хотя эта потеря и очень значительна для меня, я бы мужественно перенес ее, если бы мне удалось сохранить в целости архивы, бывшие под моим управлением, и большая часть книг которых может быть еще спасена; этим я исполнил бы свой долг и в случае, если бы мое правительство потребовало бы от меня отчета в тех усилиях, кои я употребил, дабы сохранить вверенные мне архивы.

Далее Бестужев-Рюмин обращался к Наполеону с просьбой разрешить ему разместить архивы в одной из четырех занимаемых ими ранее залах: «…архивы эти еще ценны потому, что в распрях о владениях, возникающих между русскими подданными, за справками обращаются к ним, и они имеют силу закона…».

Таким образом, благодаря личным заслугам Бестужева-Рюмина был сохранен архив Вотчинного департамента, который впоследствии вошел в состав Московского архива Министерства юстиции на Девичьем поле — ныне Российский государственный архив древних актов.

Вернувшись к исполнению своих обязанностей после изгнания французов из Москвы, граф Ростопчин обнаружил в помещении бывшего муниципалитета список всех русских чиновников, находившихся на службе у французов. В нем был упомянут и Бестужев-Рюмин. В начале 1813 г. против него было заведено следственное дело, и он был отстранен от исполнения обязанностей. Вскоре он был вызван для дачи показаний в С.-Петербург. Как указывает В. Н. Земцов, он был отнесен к 1-му разряду обвиняемых «Комиссии для исследования поведения некоторых из числа тамошних жителей и поступков их во время занятия столицы неприятелем». Следственная комиссия пришла к выводу,

> …что во время исправления им сей должности действовал он, как видно из дела, наравне с другими членами муниципалитета и особенных услуг его неприятелю по исследованию не обнаружилось; но он навлек на себя крайнее подозрение тем, что, по изгнанию неприятеля, не только не явился с прочими к вошедшему в оную российскому генералу Иловайскому 4-му, но 12 октября совсем выехал из столицы в деревни свои и графа Бобринского; в Москву же не прежде возвратился, как 22 ноября, и то потому только, что узнал из газет о донесении генерал-майора Иловайского Его Императорскому Величеству о том, что он, Бестужев-Рюмин, скрылся…

В ответ на эти обвинения опальный чиновник стал заявлять, что был вынужден покинуть Москву в связи «с ограблением и наготою». Однако следствие доказало, что Бестужев прибыл из Москвы в деревню с обширным скарбом, а потому усомнилось в его показаниях на предмет контактов с оккупационными властями. И хотя в конечном итоге с Бестужева-Рюмина и были сняты обвинения в измене, но на него была возложена обязанность возместить сумму в 8221 руб. 92 коп. за утраченное казенное имущество (*Земцов В. Н.* Указ. соч. С. 166).

Бестужеву-Рюмину запрещено было вновь поступать на службу; кроме того, он лишен был пенсиона.

Считая себя несправедливо обиженным, Бестужев-Рюмин дважды обращался с прошениями к известному поэту и драматургу И. И. Дмитриеву, который с 1806 по 1810 г. сам возглавлял Вотчинный департамент Сената в Москве, а затем вызван был в С.-Петербург и до 1816 г. был министром юстиции.

Воспоминания А. Д. Бестужева-Рюмина состоят из двух частей или, по его терминологии, «отделений». Ниже публикуется «Отделение 1-ое. Происшествия в столице Москве до вторжения в оную неприятеля».

Отделение 2-е, относившееся к пребыванию наполеоновской армии в Москве, о существовании которого он сам писал историку А. И. Михайловскому-Данилевскому в середине 1830-х гг., к сожалению, не найдено (во всяком случае, ни в отделе рукописей РГБ, ни в ОПИ ГИМ оно не хранится). Реконструировать его позволяет первое «Донесение члена Вотчинного департамента Бестужева-Рюмина г. министру юстиции И. И. Дмитриеву» Бестужева-Рюмина Дмитриеву, частично дублирующее первую часть его воспоминаний и датированное 27 февраля 1813 г. Оно содержит рассказ о происшествиях в Москве со дня вступления французов в Москву 2 сентября 1812 г. и до первого появления казаков, после ухода неприятеля из столицы 11 октября. Второе прошение, написанное почти полгода спустя — 10 июля 1813 г., в значительной степени повторяет первое. Приведем лишь отдельные выдержки из него:

> …не имев ни от какого начальства приказания оставить места, ниже особенного наставления, как поступать в сие время страха, я должен был руководствоваться клятвенным моим обещанием, преданностью к престолу законного Государю, любовью к Отечеству. Если б я и последовал подлому примеру моих обоих сотоварищей, кои, при приближающейся опасности, пренебрегли долг присяги и в трусости своей оставили места, ими занимаемые, или, попросту сказать, бежали от должностей своих, оставив дела на произвол, то и в тайной измене престолу и Отечеству, я, со своей стороны, мог дать вид, по крайней мере, гораздо благороднейший; ибо, как Вам уже известно, имел от 9 августа законный отпуск на 28 дней (в оное время еще нимало не думали, чтобы неприятель овладел Москвою), следовательно, срок сему отпуску должен кончиться около 9 сентября, а неприятель взошел в Москву 2 сентября. К тому ж, к отъезду моему, по милости графа Бобринского, имел я деньги и лошадей; но при таком безнужном к побегу моему положении, я не изменил присяге и решился ожидать приказания начальства; а не получив оного, сам собой старался спасти дела Вотчинного департамента. Плоды усердия моего видимы: ибо Вотчинный департамент существует; если же некоторые дела в оном не в том порядке, в котором были до нашествия неприятеля, то это потому только, что сей департамент

находился в Кремле, а в Кремле нет ничего в порядке, даже и Иван Великой тронулся с места своего.

Имея к личным достоинствам Вашим истинную приверженность, и зная притом, что Вы имеете благородную душу, в полном смысле разумения сего слова, не могу не удивляться столь явно несправедливому против меня поступку. Ибо товарищи мои, изменив престолу и Отечеству, осталися при своих местах, а я, напротив, сохранив все обязанности службы и сына Отечества и имев при том счастие спасти дела вотчинные, исключаюсь из оной, и вопреки даже милосердного закона: «*Никто без суда не накажется*»… и если бы не великодушие графа Ростопчина, главнокомандующего в Москве, который дает мне казенную квартиру, в самом том доме, которой я спас от пожару и разграбления, не взирал на отставку мою, то не знал бы, где с семейством приклонить голову. Равно не взыскиваю и того большого затруднения, в котором от Вас же нахожусь, доставать жизненные потребности для бедных малюток моих, и хотя такое положение есть следствие ваших немилостей, но я умалчиваю об оном; а в поругании чести и имени моего Вы непременно должны сказать причину такого поступка Вашего. Вы опытом знаете, милостивый государь, сколько оскорбительна и чувствительна клевета честному человеку; и если припомните собственное свое несчастие (И. И. Дмитриев в царствование Павла подвергся несправедливому заточению. — *прим. публ.*), и примените оное к теперешнему моему положению, то можете усмотреть, сколь достойна участь моя сожаления!.. (Русский архив. С. 124—126).

Обращает на себя внимание то, что письма написаны почтительно, но с большим достоинством: недаром род Бестужевых-Рюминых был известен с начала XVIII века. Здесь уместно провести параллель с представителем другого древнего дворянского рода — И. А. Тутолминым, который хотя в муниципалитет не входил, но вынужден был, во имя спасения своих питомцев, просить у Наполеона охрану для Воспитательного дома, чтобы защитить его от мародеров и от бушевавшего пожара. 3 сентября 1812 г. Бестужеву-Рюмину было объявлено от московского прокурора Желябужского, чтобы впредь он в сношениях с начальством «был осторожнее в выражениях и соблюдал должную почтительность» (ЧОИДР. 1859. Кн. 2).

Трудно сказать, повлияло ли обращение к Дмитриеву на дальнейшую судьбу Бестужева-Рюмина. Во всяком случае, манифестом Александра I от 30 августа 1814 г., данным в день Святого Благоверного князя Александра Невского, все русские члены муниципалитета были прощены.

Впрочем, еще А. Н. Попов задался вопросом: было ли «Донесение» Бестужева-Рюмина Дмитриеву от 27 февраля 1813 г.

…первоначально составлено Бестужевым-Рюминым в этом виде, т. е. как донесение к министру юстиции, или отдельно, как второе отделение его сочинения и потом уже, вследствие особых целей, включено в состав поданного им в 1813 г. донесения министру? При внимательном чтении этого донесения нетрудно заметить, что его содержание распадается на две части: на рассказ о происшествиях в Москве этого времени и на дополнение к ним, в виде пояснений, написанных позднее и вызванных тем положением, в которое был поставлен сочинитель после оставления Москвы французами… Автор должен был оправдываться. Его донесение министру юстиции 1813 г. Февр. 27 и есть оправдание его действий, в которое, для большей убедительности, он включил подробный рассказ о пребывании французов в Москве, первоначально составленный им отдельно. Что именно так и было, подтверждают его собственноручные рукописи, которые, во время продолжения следствия и суда по его делу, он сам рассылал различным лицам и ведомствам и которые сохранились в наших архивах Главного штаба и Министерства внутренних дел (в делах Общества о пособии разоренным жителям Москвы, бывшего под председательством императрицы Елизаветы Алексеевны) (*Попов А. Н.* Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 10. С. 272).

Рассказы А. Д. Бестужева-Рюмина можно сопоставить с воспоминаниями Ф. И. Корбелецкого, служащего Министерства финансов, поэта и переводчика, который оказался в плену при Главной квартире Наполеона и стал свидетелем вступления наполеоновской армии в Москву и учреждения московского муниципалитета (*Корбелецкий Ф. И.* Краткое повествование о вторжении французов в Москву и пребывании их в оной, описанное с 31 августа по 27 сентября Ф. Корбелецким, с присовокуплением собственного его странствования // Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников. Ч. 1. М., 1911. С. 148—149).

Краткое описание происшествиям в столице Москве в 1812 году

Вступление

Прежде чем приступлю к описанию происшествий в столице Москве в 1812 году, которым я был очевидным свидетелем, я должен сказать несколько слов о том положении, в каком находилась Москва с 1-го генваря 1812 года, то есть, о бывших в это время начальниках в ней и о себе самом, как о человеке, игравшем некоторую роль во время пребывания в ней неприятеля, и показать причины, почему я остался во власти его.

В начале 1812 года был Главнокомандующим в Москве Генерал- фельдмаршал Граф Иван Васильевич Гудович[1]; Гражданским Губернатором Николай Васильевич Обресков[2]; обер-полицмейстером Петр Алексеевич Ивашкин[3], а полицмейстерами Александр Александрович Волков[4] и Егор Александрович Дурасов (что ныне сенатор)[5]. С 1806 года я жил постоянно в Москве. Числился при Герольдии к определению к делам гражданским.

С половины еще 1811 года стали поговаривать в Москве о разрыве Мира, который заключен был в 1807 году с французами в Тильзите. Однако ничего не было приметно, и все оставалось спокойно. Напротив еще в С.-Петербургских и Московских ведомостях величали Наполеона «великим». Я часто ходил в Греческие гостиницы читать иностранные газеты, и, хотя из многих листов видел, что что-то неладное между нами и французами, но все это большого вероятия не заслуживало, потому что газеты иностранные часто наполняются всякими неосновательными слухами единственно для того, что бы только что-нибудь написать. Но когда многие листы иностранных ведомостей были задержаны, то стали догадываться, что *что-нибудь, да есть*. А движение войск наших, которые отовсюду стремились к западным границам, делали догадки вероятными. В конце 1811 года явно уже говорили, что с французами непременно будет война и война жестокая, однако ж, 1812 год начался весьма спокойно, и, благодаря Бога, Москва ничем возмущена не была: Масленицу провели очень весело, не подозревая никаких опасностей, и не думали даже об них.

Так как статс-секретарь Петр Степанович Молчанов[6] еще в прошедшем 1811 году объявил бывшему тогда Министром Юстиции Ивану Ивановичу Дмитриеву[7], что Его Императорское Величество Высочайше повелеть изволил определить меня к должности, то вследствие сего высочайшего повеления в половине февраля месяца 1812 года директор Департамента юстиции граф Сергей Петрович Салтыков[8] уведомил меня письмом, что открылась вакация в губернском городе Вологде губернского стряпчего и предлагал мне это место. Но я от него отказался.

В конце марта месяца я опять получил письмо от директора Департамента Юстиции Графа Салтыкова, в котором он уведомил меня, что открылась вакация в Москве в Вотчинном департаменте, и я охотно принял оное.

По изъявлении моего согласия на принятие службы в Вотчинном департаменте 2-го мая указом Правительствующего Сената я определен вторым членом этого департамента, а 29-го того ж мая, присягнув на службу, вступил в отправление моей должности.

Место, которое я занял в Вотчинном департаменте, принадлежало до сего г. коллежскому асессору Федору Ивановичу Дмитриеву (*родному братцу бывшего тогда Министром Юстиции Ивана Ивановича Дмитриева*). Сей Федор Иванович Дмитриев[9], место которого я занял, вступил в Вотчинный департамент в ноябре-месяце 1811 года из отставных майоров, и в марте-месяце 1812 года, по представлению Министра Юстиции — родного своего братца, за отличное служение пожалован в надворные советники и посажен в Сенате за обер-прокурорский стол, с жалованьем по тысяче рублей в год. Таким образом, сие место и очистилось для меня, но он, Федор Иванович Дмитриев, недолго пользовался новым своим местом, и в первые дни нашествия неприятеля в столицу Москву, удаляясь пешком с женою, в селе Горенках, верстах 10 от Москвы убит злодеями. Провидение, пекущееся о спокойствии любезного моего Отечества избрало меня, чтоб сохранил я архиву сего департамента от совершенного истребления оной неприятелем: сия архива[10] необходима для общего спокойствия.

Вотчинный департамент с его четырью архивами находился, как и ныне находится, в 3-м этаже Сенатского Здания, что в Кремле, и имеет из окон своих вид в три стороны города.

Присутствующими в Вотчинном департаменте были: 1-й член или председатель оного господин статский советник Адриан Федорович Аничков[11], имевший тогда около 70 лет, если не более. 2-й член был я; 3-й член был надворной советник Матвей Кузьмич Иванов, из приказнослужителей сего департамента, имевший тогда более 75 лет, и в личном его ведении были деньги, принадлежавшие департаменту. Вотчинный департамент по производству дел своих состоял под непосредственным главным надзором Правительствующего Сената г. Обер-прокурора Графа Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова[12]. При департаменте служили: экзекутор, четыре секретаря, да 138 чиновников и приказнослужителей. Караул состоял из инвалидов, которых департамент нанимал.

Вот все, что я нужным поставил сказать в сем вступлении.

Отделение 1-ое.
Происшествия в столице Москве до вторжения в оную неприятеля

Мая 15 дня. По прошению Главнокомандующего в Москве Генерал- фельдмаршала Графа Гудовича, Государь Император Всемилостивейше дозволил ему сложить с себя звание сие для поправления расстроенного его здоровья.

Мая 29 дня. Действительный тайный советник и двора Его Императорского Величества Обер-камергер Граф Ростопчин[13] всемилостивейше переименовывается в генералы от инфантерии и назначается военным губернатором в Москву.

Я не имел чести знать лично Графа Гудовича, не видовав его никогда, но в достоинствах его нисколько не мог сомневаться, ибо он и в царствование Великой Екатерины занимал важные места, а потому заслуги его должны быть известны Отечеству. Но Графа Ростопчина я очень хорошо знал по многим отношениям, а особливо по несправедливому поступку его с приятелем моим Петром Петровичем Дубровским[14], который 25 лет находился вне пределов Отечества при разных посольствах и служил всегда с честью и похвалою. Граф Ростопчин не знал даже лица его, но при вступлении в звание Вице- канцлера в царствование Императора Павла I[15] исключил его, Дубровского, из службы, единственно потому, что он не был никому знаком из приближенных к Графу, и такою несправедливостью ввергнул его в самое затруднительное положение возвратиться в Отечество. А потом, когда он, Дубровский, кое-как возвратился и явился к нему, Графу Ростопчину, он, Граф, оболгал его пред Государем, и Дубровский выслан был из С.-Петербурга. Признаюсь откровенно: лишь только я узнал о сей перемене начальства, сердце облилось у меня кровью, как будто я ожидал чего-то очень неприятного.

Июня 13 дня. Напечатан был в Московских ведомостях № 50 Высочайший рескрипт на имя председателя Государственного Совета Генерал фельдмаршала Графа Николая Ивановича Салтыкова[16], коим Государь Император уведомляет, что французские войска вошли в пределы Российской империи. Рескрипт сей служил объявлением войны с Францией. И с 34-го номера сих же Московских ведомостей начали печатать известия о военных действиях.

Июля 3 дня. Выдано в Москве особенное от Московского ведомства следующее печатное объявление: «Московский военный губернатор, Граф Ростопчин сим извещает, что в Москве показалась дерзкая бумага, где, между прочим, вздором сказано, что Французский император Наполеон обещается чрез шесть месяцев быть в обеих Российских столицах. В 14 часов полиция отыскала и сочинителя и от кого вышла бумага. Он есть сын московского второй гильдии купца Верещагина[17], воспитанный иностранным и развращенный трактирною беседою. Граф Ростопчин признает нужным обнародовать о сем, полагая возможным, что списки сего мерзкого сочинения могли дойти до сведения легковерных и наклонных верить невозможному. Верещагин же, сочинитель, и губернский секретарь Мешков, переписчик их, преданы суду и получат должное наказание за их преступление».

Я нужным поставляю приложить при сем точные копии с сих двух так названных дерзких бумаг:

1. Письмо Наполеона к Прусскому Королю[18].

«Ваше Величество! Краткость времени не позволила мне известить вас о последовавшем занятии ваших областей. Я для соблюдения порядка определил в них моего принца. Будьте уверены, Ваше Величество, в моих к вам искренних чувствованиях дружбы. Очень радуюсь, что Вы, как курфюрст Бранденбургский, заглаживаете недостойный ваш союз с потомками Чингисхана[19] желанием присоединиться к огромной массе Рейнской монархии. Мой статс-секретарь[20] пространно объявит вам мою волю и желание, которое, надеюсь, вы с великим рвением исполните. Дела моих ополчений зовут теперь меня в мой воинский стан. Пребываю вам благосклонный. Наполеон»

2. Речь, произнесенная Наполеоном к князьям Рейнского союза в Дрездене.

«Венценосные друзья Франции! Дела в Европе взяли другой оборот. Повелеваю, как глава Рейнского союза, для пользы общей удвоить свои ополчения, приведя их в готовность пожинать лавры под моим начальством на поле чести. Вам объявляю мои намерения: Желаю восстановления Польши. Хочу исторгнуть ее из нищенского существования на степень могущественного королевства. Хочу наказать варваров, презирающих мою дружбу. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франции. Мои народы, мои союзники, мои друзья думают со мною одинаково. Я хочу и поражу древних тиранов Европы. Я держал свое слово, и теперь говорю: прежде шести месяцев две северные столицы Европы будут видеть в стенах своих победителей Света»[21].

Читая эти бумаги, с первых строк можно было заметить, что двадцатилетний купеческий сын Верещагин, от какого бы иностранца образование свое не получил и какою бы трактирною беседою развращен не был, таких бумаг не напишет. А потому и объявление это главнокомандующего Москвою всем показалось ложью, что, конечно, не могло поселить к нему ни доверия, ни искреннего уважения.

Я люблю правду, и всякий гражданин, приверженный не одними словами, но душою и сердцем к престолу законного монарха и Отечеству, должен любить правду, ибо Помазанник Божий, Государь, изрекает Суд по правде, и тогда уже не подвергает себя Божескому суду. Итак, я объясню дело о Верещагине следующей истиною: дни за четыре до напечатания объявления

графом Ростопчиным, с пришедшею из С.-Петербурга почтою, были получены и иностранные ведомости и в Устье-Эльбских эти, так названные, дерзкие две бумаги, были напечатаны. Каким же образом Верещагин прочел те газеты и успел перевести из них речь Наполеона на русский язык, я не знаю. Но списки его перевода скоро разошлись по рукам.

Я сам видел их у многих моих чиновников в департаменте и списал для себя копии, но, прочитав объявление Графа Ростопчина, и чтобы не подвергнуть себя неприятностям, сжег их у себя тогда же, и потом уже в 1814 году списал их вновь из печатной русской книги, заглавие которой не помню.

Между тем главный московский почт-директор тайный советник Федор Петрович Ключарев[22] с большими достоинствами, обремененный летами и дряхлостью, но личный враг Графу Ростопчину, был в ночь арестован новым третьим полицмейстером столицы Москвы г. Брокером[23].

Для пояснения тогдашних отношений, считаю нужным сказать несколько слов о г-не Брокере: Адам Фомич Брокер, с давних лет приверженный к Графу Ростопчину и самый короткий человек в его доме, служил в Главном Московском почтамте экзекутором, и по назначении Графа Ростопчина военным губернатором Москвы, по покровительству его, получил место третьего московского полицмейстера с переименованием его в военный чин, и этому-то чиновнику Граф Ростопчин поручил арестовать Ключарева — чиновнику, который за две недели назад находился под непосредственным его, Ключарева, начальством. Арестованный старец под стражею выслан в город Воронеж, и оставшееся имение его соделалось пищею пламени и расхищено в неприятельское нашествие.

Поступок сей с Ключаревым еще более утвердил ложь Ростопчина относительно Верещагина, потому что, если бумаги писал Верещагин, то не было никакого повода так беззаконно поступать с заслуженным старцем, генералом. Если же, напротив, Верещагин перевел сии списки из иностранных ведомостей, то не следовало объявлять, что Верещагин сочинил их: ложь была очевидна в обоих случаях.

Впрочем, бумаги сии и сами по себе не сделали особенного впечатления в народе. Народ говорил: «*Мы де русские*, и должны держаться русской пословицы "Бог не выдаст, свинья не съест"». И не знали, чему дивиться: дерзости ли Наполеона, которую он оказывал венценосным своим друзьям, или кротости и снисхождению сих венценосных его друзей.

В самое это же время слух прошел в Москве, что будто в С.-Петербурге открыта измена в особах: Государственного Совета секретаря Михайле Михайловиче Сперанском[24] и Михайле Леонтьевиче Магницком[25], что они уже арестованы министром полиции Балашовым[26] и что их везут под стражею чрез Москву в определенные им города для жительства. Говорили притом, что лишь только они в Москву въедут, то будут истерзаны народом — но, Слава Богу, они с города Твери поворотили в другую сторону и в Москве не были.

Июля 5 дня первый член Вотчинного департамента статский советник Аничков по случаю вакансии уволен был от должности на 28 дней, ему дан был паспорт и он из Москвы выехал, а я остался начальником департамента.

Июля 11 дня. Государь Император Александр Павлович изволил прибыть в столицу Москву. С его величеством прибыл гг. обер-гофмаршал Граф Толстой[27], генерал от артиллерии Граф Аракчеев[28], генерал-адъютант, Министр Полиции Балашов, вице-адмирал, Государственный Секретарь Шишков[29], генерал-адъютант Князь Волконский[30], генерал-адъютант Граф Комаровский[31].

В сей же день рано утром читали мы следующий печатный манифест:

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦЕ
НАШЕЙ МОСКВЕ!

Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любезное наше Отечество. Хотя пылающее мужеством ополченное Российское воинство готово встретить и низложить дерзость его и зломыслие, однако же, по отеческому сердоболию и попечению Нашему о всех верных ваших подданных не можем Мы оставить без предварения их о сей угрожающей им опасности: да не возникнет из неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имея в намерении для надежнейшей обороны собрать вновь внутренние силы, наипервее обращаемся Мы к древней столице предков наших — Москве: она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу, по примеру ее из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны Отечества для защиты оного. Никогда не настояло в том вящей надобности как ныне. Спасение Веры, Престола, Царства того требуют. И так, да распространится в сердцах знаменитого дворянства нашего и во всех прочих сословиях дух праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша церковь, да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да умножатся оные, начиная с Москвы, во всей обширной России. Мы не умедлим сами стать посреди народа своего в сей столице и в других Государства нашего местах для совещания и руководствования всеми нашими ополчениями, как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными на поражение оного везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую мнит он низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России!

НА ПОДЛИННОМ: АЛЕКСАНДР.
В ЛАГЕРЕ БЛИЗ ПОЛОЦКА
6 июля 1812 года.

Всякий, кто читал это воззвание к первопрестольной столице Москве, был тронут до глубины сердца, всякий готов был жертвовать собою для защиты престола и отечества. Я в сей день со многими другими обедал у начальника моего Графа Дмитриева-Мамонова. Сей вельможа Российского государства, истинный сын Отечества, без лицемерного притворства, приверженный к престолу Монарха, при своем состоянии решился сформировать пехотный полк из крепостных своих крестьян и на свой счет. Он приглашал меня способствовать ему и вместе служить в оном полку с ним. Я охотно согласился и подал прошение об увольнении меня из Вотчинного департамента. Но, к сожалению, дней через шесть Граф Дмитриев-Мамонов переменил свое намерение и вместо пехотного полка вздумал сформировать конный полк, а так как я не только не умею ездить верхом, но откровенно говорю, боюсь даже сесть на лошадь, и потому поданную мою просьбу об увольнении меня из Вотчинного департамента взял обратно, изорвал и остался при своем месте.

Июля 15 дня. В сей день собраны были и дворянское, и купеческое сословия в залах Слободского дворца[32]. Я сам был там лично. По прибытии Государя Императора в залу, в которой собралось дворянство, и по прочтении воззвания к Первопрестольной столице Москве, оное общим согласием положило обмундировать и вооружить с одной Московской губернии для отражения врага *восемьдесят тысяч воинов*. Государь принял сие пожертвование с душевным умилением и изрек дворянству: «*Иного я не ожидал и не мог от вас не ожидать. Вы оправдали мое о вас мнение*». Потом Государь Император взошел в залу, в которой ожидало его купечество и мещанство, и я туда пошел, чтобы слышать, что они будут говорить. И по прочтении того ж воззвания они общим голосом отвечали: «Мы готовы жертвовать Тебе, Отец наш, не только своим имуществом, но и собою». И тут же началась подписка денежного пожертвования. Я возвратился в квартиру свою.

С чувством истинного прискорбия невольно делаю некоторое замечание, совершенно, однако ж, справедливое, оно может показаться весьма неприятно, но правда всегда священна. До воззвания к Первопрестольной столице Москве Государя Императора в лавках купеческих сабля и шпага продавались по 6 рублей и дешевле, пара пистолетов тульского мастерства по 8 и 7 рублей, ружье, карабин того ж мастерства по 11, 12, 15 рублей — дороже не продавали. Но когда прочтено было воззвание Императора и учреждено ополчение против врага, то та же самая сабля, шпага стоила уже 30 и 40 рублей, пара пистолетов — 35 и даже 50 рублей, ружье и карабин не продавали ниже 80 рублей и проч. Купцы видели, что с голыми руками отразить неприятеля нельзя, и бессовестно воспользовались этим случаем для своего обогащения. Мастеровые, как-то, портные, сапожники и другие, утроили или учетверили цену работы своей, словом, все, необходимо нужное, даже съестные припасы, высоко вздорожали. И Граф Ростопчин, Главнокомандующий в Москве, мог бы легко такое беззаконное лихоимство властью своею остановить и предать виновных суду, но он смотрел на это зло равнодушно и за неделю только до входа неприятеля в Москву публиковал в Месячных ведомостях следующее: «*Дабы остановить преступное лихоимство купцов московских, которые берут непомерную цену за оружие для вступивших в ополчение против врага, он, Главнокомандующий, открыл Государственный цейхгауз, в котором будет продаваться оружие дешевою ценою*».

Действительно, цена продаваемому оружию из Арсенала или цейхгауза была очень дешева, ибо ружье или карабин стоил 2 и 3 рубля, сабля — 1 рубль, кортик, пики и проч. — все очень дешево, но, к сожалению, все это оружие к употреблению не годилось, ибо ружья и карабины были или без замков, или без прикладов, или стволы у них согнуты или измяты, сабли без эфесов, у других клинки сломаны, зазубрены. И лучшее, что было в цейхгаузе, то скуплено уже купцами, но, невзирая на негодность оставшегося оружия, покупали еще оное, и Арсенал или цейхгауз был полон народом.

Итак, пожертвования дворянства были гораздо действительнее и полезнее для Отечества, чем пожертвования купцов, мещан, мастеровых. Первые шли на защиту Отечества сами с детьми своими, несколько возмужалыми, жертвуя не только имуществом, но и жизнию для отражения врага, брали с собою еще дружину из крепостных своих дворовых людей и крестьян от 10 душ одного или двух. А вторые приносили в жертву одни только деньги в ассигнациях, которые в то время никакой цены не имели, и тот еще излишек денег своих, которые они лихоимственно получили от действительных защитников Отечества за оружие и прочие необходимые вещи. Сами же они со своими поверенными, приказчиками, сидельцами удалились заблаговременно из Москвы на нескольких сотнях троек лошадей, чтоб не быть свидетелями ужасов нашествия неприятеля, оставя в домах своих только то, что увезти с собою не могли. Повторю, что я с большим прискорбием сделал это замечание[33].

Вот еще одно обстоятельство, которое случилось во время пребывания Государя Императора Александра Павловича в Москве и о котором умолчать я почел бы преступлением.

Дворянство Рязанской губернии, в которой имел я небольшую деревню, узнав о воззвании Императора к Первопрестольной столице Москве, немедленно выслало своих депутатов, состоящих из уездных предводителей дворянства, с тем, чтоб они по приезде в Москву, повергнув себя к стопам Государя, донесли Его Величеству, что рязанское дворянство готово поставить на защиту Отечества шестьдесят тысяч воинов, вооруженных и обмундированных. Сам же губернский предводитель сего дворянства Лев Дмитриевич Измайлов[34] в числе депутатов по болезни своей не был. Депутаты, частию мне зна-

комые люди, по приезде в Москву остановились в доме губернского своего предводителя Измайлова, что у Мясницких ворот, и на другой день явились к Министру Полиции генерал-адъютанту Балашову, прося его, чтоб он доложил об них Государю Императору. Генерал Балашов принял их самым неблагосклонным образом, кричал на них, говоря, как смели они отлучиться от должностей своих. И, когда депутаты отвечали, что они это сделали по общему приговору дворянства и с личного дозволения Рязанского гражданского губернатора Бухарина[35], тогда Балашов сказал, что он сделает строгое взыскание с губернатора и почти выгнал их от себя!

Хотя депутаты Рязанской губернии чрезвычайно оскорбились и огорчились таким неделикатным поступком с ними генерала Балашова, однако ж, не отчаивались и обратились к Главнокомандующему в Москве Графу Ростопчину, который и принял их очень вежливо и ласково. Они объяснили ему причину своего приезда в Москву, не умолчали о поступке с ними генерала Балашова, и Граф Ростопчин, порицая поступок Балашова, обещал им в тот же день доложить об них Государю Императору. На другой день рано чрез Московскую полицию приказано им было выехать немедленно из столицы. Они с сердцем, преисполненным горести, что не видели Государя и не выполнили на них возложенного препоручения Рязанским дворянством, возвратились восвояси. Что должно думать о генерал-адъютанте Министре Полиции Балашове? Искренно ли он любил благодетеля своего Государя Императора и истинный ли был сын Отечества? По таковому его поступку можно усомниться!

Июля 18 дня. Обнародован состав Московской военной силы, и Государь Император изволил выехать из Москвы в С.-Петербург. С отъездом Государя Императора движение народа было необыкновенное. Множество приезжих из деревень наполняли вечерние гулянья на бульварах, так что тесно было. Все почти были в мундирах Московского ополчения, вооруженные, готовые кровью своею искупить Мать русских городов, но мало-помалу эта толпа становилась реже и реже, а недели через три бульвары и вовсе опустели.

Граф Ростопчин по отъезде Государя Императора редкий день не выдавал печатных афишек, как о действии армий наших, так особенно и от себя, в народное известие, писанных особенным слогом, который некоторые находили соответствующим времени и обстоятельствам, но большая часть — пошлым и площадным. Он писал, «что глаз у него болел, а теперь глядит в оба; что француз не тяжелее хлебного снопа, и мы его на вилы де подымем; чтобы народ не пугался, когда увидим шар воздушный и на нем 50 человек: этот шар истребит армию неприятельскую» и проч. и проч.[36] Однако ж, смеясь над шаром, я должен упомянуть, что многие этому верили от души — я говорил о воздушном шаре с одним вельможею, сенатором, которого имени не хочу назвать. Он был точно уверен, что воздушный шар истребит неприятельскую армию, и доказывал, уверяя меня честью своею, что уже сделана проба и собрано было стадо овец, над которыми поднялся шар с тремя человеками, и стадо истребил!!!

Августа 9 дня. Первый член Вотчинного департамента Аничков возвратился из отпуска к должности своей, а так как вакантные дни еще продолжались, то испросил я себе увольнение на 28 дней. Мне дан был на сей срок законный пашпорт, и я перестал присутствовать в Вотчинном департаменте. В день, в который дан мне был пашпорт, нисколько еще не помышляли, чтоб неприятель мог овладеть Москвою. А как срок моему увольнению должен был кончиться около 9 числа сентября, а неприятель овладел Москвою 2 сентября, следовательно, без малейшей ответственности и подозрения на меня, что я будто в духе труса бежал от неприятеля, не заботясь нимало о сохранении сокровищ отечественных, которые заключаются в архиве Вотчинного департамента. Я мог с семейством свободно уже удалиться без потери моего имущества и не быть притом свидетелем ужасного нашествия врага. В таком поступке достаточно оправдывало меня данное мне законное от моего места увольнение.

Августа 18 дня. Главнокомандующий в Москве Граф Ростопчин предложил письменно Вотчинному департаменту следующее: «*Вотчинный департамент должен уложить все дела свои и иметь оные в готовности к отвозу в безопасное место, если необходимость может того потребовать. А о нужном количестве лошадей на отвоз сих дел, чтобы департамент сам уже от себя испросил от Московского гражданского губернатора*». Так как я не совершенно еще воспользовался данным мне отпуском и из Москвы не выезжал, то первый член Вотчинного департамента Аничков, получивший выше прописанное предложение Графа Ростопчина, прислал ко мне в оригинале оное, и вместе с сим прислал сегодня же, то есть 18 августа, вышедшее печатное объявление от него же, Графа Ростопчина, следующего содержания:

«ОТ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В МОСКВЕ.

Здесь есть слух, и есть люди, кои ему верят и повторяют, что я запретил выезд из города. Если бы это было так, тогда на заставах были бы караулы, и по нескольку тысяч карет, колясок и повозок во все стороны не выезжали. А я рад, что барыни и купеческие жены едут из Москвы для своего спокойствия: меньше страха, меньше новостей. Но нельзя похвалить и мужей, и братьев, и родню, которые при женщинах *в детях будущих* отправились *без возврату*. Если по их есть опасность, то *непристойно*, а если нет ее, то стыдно. Я жизнию отвечаю, что злодей в Москве не будет, и вот почему. В армиях 130 тысяч войска славного, 1800 пушек и Светлейший Князь Кутузов, истинно государев избранный воевода русских сил и надо всеми начальник. У него сзади неприятеля генералы Тормасов[37] и Чичагов[38] — вместе 85 тысяч славного войска. Генерал Милорадо-

вич из Калуги пришел в Можайск с 36 тысячами пехоты, 3800 кавалерии и 84 пушками пешей и конной артиллерии. Граф Морков[39] чрез три дни придет в Можайск с 24 тысячами нашей славной силы, а остальные 7 тысяч — вслед за ним. В Москве, в Клину, в Завидове, в Подольске — 14 тысяч пехоты. А есть ли этого мало для погибели злодея, тогда уж я скажу: "Ну, дружина Московская! Пойдем и мы! И выйдем сто тысяч молодцов, возьмем Иверскую Божию Матерь да 150 пушек и кончим дело все вместе". У неприятеля же своих и сволочи 150000 человек, кормятся пареною рожью и лошадиным мясом. Вот, что я думаю и вам объявляю, чтобы иные радовались, а другие успокоились, а больше еще и тем, что и Государь Император на днях изволит прибыть в верную свою столицу[40]. Прочитайте. Понять можно все, а толковать нечего»[41].

Я не смею делать никакого замечания на это объявление, но спрошу только: «Как надобно было понимать оное?».

Сей день 18 августа был черный день для меня. Я поздно узнал, что не надобно мне было возвращать пашпорт, а идти по указанию случая. Нас всегда губит мудрование! Прочитав с большим вниманием как предложение Графа Ростопчина Вотчинному департаменту, так и объявление его к жителям Москвы, — помещенные в сем последнем слова «*непристойно*», «*стыдно*» меня как громом поразили. Я думал, что сделаю постыдное преступление, если воспользуюсь счастливым случаем, данным мне законным увольнением, и удалюсь из Москвы. Я страшился, чтоб удаление мое в такое время, когда самим Провидением испытуется усердие служащего чиновника и сына Отечества, не поставлено бы мне было поступком, близким к измене или предательству. Я полагал, чем кто именитее имеет свое происхождение, тем более обязан служить престолу и отечеству по правде. И в таковых-то мыслях решился я возвратить данный мне пашпорт и остаться при своей должности. Сего ж, 18 августа, Граф Ростопчин дал письменное приказание Московскому магистрату, чтобы он *людям, купеческого и мещанского сословия, не давал бы уже о выезде из Москвы пашпортов, кроме жен их и малолетних детей.*

Вышедшее выше прописанное от Графа Ростопчина печатное объявление, равно как и приказание его магистрату, чрезвычайно скоро разошлось по уезду, и толковали слова «непристойно», «стыдно», всякий по своему. Запрещение же магистрату давать купцам и мещанам пашпорты о выезде из Москвы совершенно вложило в голову, что это запрещение есть всем вообще. И потому те люди, которые не имели нужды просить особенных пашпортов, удаляясь из Москвы, находили в пути своем большие неприятности или, лучше сказать, были в величайшей опасности от подмосковных крестьян, чрез селения которых должны были ехать. Они называли удалявшихся трусами, изменниками и бесстрашно кричали вслед тем, которые мимо селений ехали: «*Куда, бояре, бежите вы с холопами своими? Али невзгодье и на вас пришло? И Москва в опасности вам не мила уже?*» — благодарю Бога, я не слышал себе таковых упреков! А которые из удалявшихся, по необходимости, должны были останавливаться в селениях для отдохновения и корма лошадей, то таковые вынуждаемы были хозяевами дворов, у которых останавливались, платить себя за овес и сено втридорога, и, сверх того, просто за постой не по пяти копеек с человека, как то обыкновенно плачивали, но по рублю и более, и беспрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотели сделаться жертвою негодования противу своего побега освирепевшего народа.

Многие из удалявшихся из Москвы на своих собственных лошадях возвратились опять в Москву пешком, лишившись дорогою и лошадей своих с экипажем и имущества. Я свидетельствую в истине сих происшествий теми, кои удалялись в то время из Москвы и сами рассказывали со слезами о горестном своем положении. Между тем, в самой Москве так вздорожал наем извозчичьих и даже крестьянских лошадей, что за пятьдесят верст просили с нанимающего на три лошади триста рублей и более, потому что богатые господа и купцы всех лошадей забрали. Следовательно, обремененный семейством человек в недостатках своих поневоле должен был остаться во власти неприятеля, тогда в скором времени овладевшего Москвою.

Августа19 дня. Возвратив данный мне пашпорт или свидетельство об увольнении меня от должности на 28 дней, я присутствовал в Вотчинном департаменте с прочими членами оного. Мы имели рассуждение относительно предложения Графа Ростопчина, чтоб *были дела наши в готовности к отправлению оных в безопасное место*. И по предмету сего заключили определением, вместе тремя членами подписанным и за скрепою секретаря, следующего содержания: «*Так как по справке оказалось, что при Вотчинном департаменте кроме текущих дел, которые оставить можно на произвол судьбы, находится еще самых нужных документов к разрешению споров тяжущихся между собою по вотчинным делам, и документы сии состоят частью в огромных книгах в переплете, частью в связках и в свертках — всего числом 42160, и по математической истине сделанному вычислению, полагая на каждую крестьянскую лошадь 18 пуд, то потребно будет до тысячи лошадей*» и проч. и проч.

Мы представили это наше определение на рассмотрение главному нашему начальнику Графу Дмитриеву-Мамонову, который со своей стороны немедленно с приложением этого нашего определения в оригинале отнесся к Графу Ростопчину и просил меня, чтобы я конверт его лично доставил в собственные руки Графа, дабы избегнуть дальнейшей переписки и проволочки по сему предмету, ибо я, как сам член департамента, мог дать ему нужные сведения и объяснения.

Граф Ф. В. Ростопчин.
Гравюра с портрета В. И. Машкова 1-й четв. XIX в.

Граф Ростопчин в это время жил вне Москвы в загородном своем доме, и потому доставил я конверт Графа Дмитриева-Мамонова на другой уже день и отдал оный, как приказано мне было в собственные руки Его Сиятельства. Но Граф спросил меня только: «От кого?». Не удостоил более разговором и не оказал большого внимания к отношению Графа Дмитриева-Мамонова, ибо и не распечатал даже конверт, а кинул оный на стол (надобно знать, что Граф Ростопчин был личный враг Графу Дмитриеву-Мамонову). После двух часов ожидания ответа правитель канцелярии[42] мне объявил, что Граф Ростопчин сам будет в правительствующем Сенате трактовать о делах и архиве Вотчинного департамента. С таковым ответом и возвратился я к Графу Дмитриеву-Мамонову.

Августа 27 дня. В Москве узнали о кровопролитном сражении при селе Бородине расстоянием от Москвы во 120 верстах.

Первый член департамента Аничков и запросил себе от Графа Дмитриева-Мамонова опять увольнение от должности на 8 дней, и просил меня не только убедительно, но даже униженно, чтоб не сделал я ему препятствия в получении пашпорта, поелику он видел, что я сам имел полное право на отпуск. Но я, снисходя тому жалкому положению, в котором он тогда находился, и не мог ожидать от него никакой помощи себе в сохранении архивы Вотчинного департамента, буде нужда того потребует. И мне казалось, что он прежде времени уже умер, ибо был бледен, говорил дрожащим языком, так что понять нельзя было, что он говорил, и потому-то не препятствовал ему получить пашпорт, который я сам и подписал. Таким образом, я опять остался старшим членом Вотчинного департамента.

В сей же день 27 августа получено из С.-Петербурга от Министра Юстиции Дмитриева предписание, чтобы главный надзор над Вотчинным департаментом вместо Графа Дмитриева-Мамонова, поступившего с полком, им сформированным, в состав армии, имел обер-прокурор Озеров[43].

Августа 28 дня. Привезли в Москву раненных при селе Бородине и поместили их в разных казенных и партикулярных домах.

В ночи с 29 на 30 число августа. Господа обер-прокуроры Правительствующего Сената всех департаментов имели необыкновенное свое ночное заседание, и от обер-прокурора Озерова, принявшего главный надзор над Вотчинным департаментом, приказано было, чтобы и я с чиновниками моими в это время находились при своих местах. Я воздерживаюсь делать какие-нибудь замечания о сем ночном заседании, но должен сказать, что господа обер-прокуроры после многого рассуждения относительно к представшей опасности столице Москве, (*«ибо и главная де квартира неприятеля, — говорили они, — не далее уже сорока верст»*), — не приняли, однако ж, никаких мер к сохранению архивы Вотчинного департамента, равно как и небольшой суммы денег, частью в медной монете прежнего чекана, при оном состоящей. И ночное свое заседание заключили определением, которое мне объявили: «*Послать нарочного курьера в С.-Петербург и с прописанием обстоятельств, в которых находится Москва, и спросить от министра юстиции приказание, что делать с архивою Вотчинного департамента*!». И курьер с таковым донесением отправлен на другой день уже поздно, то есть 31 августа.

Сие ночное заседание составляли господа обер-прокуроры: Граф Кутайсов[44], Озеров, Засецкий[45] и Лужин, — оное продолжалось с 10 часов вечера до 3 часов следующего утра.

Августа 30 дня. Выдано в народе следующее печатное объявление:

«Светлейший Князь, чтоб скорей соединиться с войсками, которые идут к нему, перешел Можайск и стал на крепком месте, где неприятель не вдруг на него пойдет. К нему идут отсюда 48 пушек со снарядами, а Светлейший говорит, что Москву до последней капли крови защищать будет и готов хоть в улицах драться. Вы, братцы! Не смотрите на то, что присутственные места закрыли: дела прибрать надобно, а мы своим судом со злодеем разберемся! Когда до чего дойдет, мне надобно молодцов и городских, и деревенских. Я клич кликну дни за два, а теперь не надо. Я и молчу! Хорошо с топором, не дурно с рогатиной. А всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжелее снопа ржаного. Завтра после обеда я поднимаю Иверскую в Екатерининскую

гошпиталь[46] к раненым. Там воду освятим. Они скоро выздоровеют, и я теперь здоров. У меня болел глаз, а теперь смотрю в оба!

30 августа 1812 года.
Подписал: Граф Ростопчин»[47].

И. И. Дмитриев. С портрета работы Д. Г. Левицкого. Нач. XIX в.

Это объявление в народе, которое, казалось бы, само по себе ничего не значило, причинило, однако ж, ужасное волнение в народе. Волнение самое убийственное. Стали разбивать кабаки, питейная контора на улице Поварской разграблена, на улицах крик, драка, останавливали прохожих, спрашивая: «Где неприятель?» — трудно было отойти от них. В Серебряном ряду двое немцев, живших в России несколько десятков уже лет, желали разменять ассигнации на серебро, и, когда они не хотели дать того промена, который менялы требовали, то силою отняли у них ассигнации, а самих их избили до полусмерти под предлогом, будто они шпионы. Словом, Москва в этот день как будто вовсе была без начальства.

Я, проходя в 10 часов из дома моего в Вотчинный департамент, встретил в городе у Лобного места, что близ Кремлевских Спасских ворот, огромное стечение народа, большею частью пьяных, готовых на всякое буйство. В толпе сей говорили, что Граф Ростопчин сзывает уже сынов Отечества на Три горы, куда и сам явится предводительствовать народом для отражения врага от Москвы, и что завтрашний день с восходом солнца народ должен сбираться, кто с чем может, в назначенное им место[48].

В Вотчинном департаменте я нашел все в порядке: дежурные чиновники были на своих местах, так как и дневальные приказнослужители, однако ж, многие чиновники удалились уже из Москвы без ведома моего.

В сей же день по вечеру приехали за мною от Графа Алексея Григорьевича Бобринского[49] шесть лошадей в двух повозках, а супруга его Графиня Анна Володимировна[50] прислала мне 400 рублей ассигнациями, которые я от аптекаря Ауербаха[51] и получил. Сверх того Граф Бобринский прислал мне при особой записке своей с человеком, приехавшим с лошадьми за мною, 240 голландских червонцев и просил меня, чтоб я поспешил к нему приездом.

Это частность, и я упомянул об оном только для того, чтобы доказать, что я все способы имел удалиться от неприятеля: имел и деньги, и лошадей, но не имел ни от какого начальства приказания оставить *мое место*, а сам собою нарушить присягу и в духе труса спасая себя, кинув архиву Вотчинного департамента на произвол судьбы, я не думал иметь право. И, если впоследствии сей подвиг усердия моего поставлен мне был в преступление, и без суда еще совершены на мне жестокие наказания, то все-таки преступление мое было похвальное, а подвиг истинно патриотический, коим я имею полное право гордиться и хвалиться. По крайней мере, сохранением архивы Вотчинного департамента я заплатил любезному Отечеству за воспитание мое.

Августа 31 дня. Я рано вышел из дому моего, желая посмотреть, что делается в городе, и прошел до Пресненской заставы, из которой дорога в предместье Три горы. Боже мой! С каким сердечным умилением взирал я на православный русский народ, моих соотечественников, которые стремились с оружием в руках, дорого от корыстолюбивых торговцев купленным. Другие шли с пиками, вилами, топорами в предместье Три горы, чтобы спасти от наступающего врага Москву, колыбель Православия, и гробы Праотцев наших, и с духом истинного патриотизма в один голос кричали: «*Да здравствует батюшка наш Александр Павлович!*». Малейшая поддержка этого патриотического взрыва, и, Бог знает, взошел ли бы неприятель в Москву. Народ в числе несколько десятков тысяч, так что трудно было, как говорится, яблоку упасть, на пространстве квадратных 4-х или 5-и верст, кои с восхождения солнца до захождения не расходились в ожидании Графа Ростопчина, как он сам обещал предводительствовать ими. Но полководец не явился, и все с горестным унынием разошлися по домам.

Сентября 1 дня. Рано утром разбужен я был приходом ко мне третьего члена Вотчинного департамента Иванова. Он принес мне конверт, содержащий в себе предложение обер-прокурора Озерова, которому препоручен главный надзор над Вотчинным департаментом. Распечатав конверт, прочитал я следующее:

«*Вотчинному департаменту*!

Так как он (Г. Озеров) отправляется с Правительствующим Сенатом в город Казань, то и передает власть свою над департаментом старшему по себе».

Но, какое удивление мое было, лишь прочитав я сии строки, увидел у ног моих его, Иванова, бледного, трепещущего, умоляющего меня подписать ему пашпорт о выезде из Москвы, который он уже держал готовый в руках своих. Я подписал этот пашпорт, в противном случае он уехал бы и без пашпорта моего, а, может быть, еще и того хуже, умер бы от страху, и причину смерти его приписали бы мне.

Так как я оставался старшим в Вотчинном департаменте, или, лучше сказать, оставался один с несколькими чиновниками и приказнослужителями, то по уходе от меня Иванова поспешил я в дом обер-прокурора Озерова, чтоб узнать от него, в чем власть его над департаментом, которую он передает мне, и принять от него наставление, что мне самому делать в опасностях, от которых он удаляется. Но его превосходительство я не мог видеть, он уже далеко был от Москвы.

Возвращаясь в квартиру свою, я рассуждал, что трусость, которую обнаружу бегством от неприятеля, кинув сокровища отечественные, которые заключают в себе архивы Вотчинного департамента, на произвол судьбы, будет со стороны моей самым подлым нарушением присяги, а потому, пришед домой, я сказал жене, чтоб она ехала на лошадях, присланных от Графа Бобринского. «А, ты, что?» — спросила она меня.

— «Мне нельзя, я при должности».

«Так и я не еду», — сказала она. «Отпустим детей», — промолвил я. «Я лучше своими руками задушу их, — отвечала она, — погибать, так погибнем все вместе, а уезжать, так поезжай ты с нами». Я, не став говорить более, возложил все упование мое на Всемогущего Творца, оставил квартиру свою со всем моим в ней имуществом, приказал людям моим не оставлять квартиры до самой уже невозможности быть в оной, отпустил людей Графа Бобринского, присланных за мною, и, взяв жену и малолетних моих детей, пошли в Кремль, и я сделал самого себя страдальцем Вотчинного департамента.

После полудня ходил я к Драгомиловской заставе, в которую, думал, должен входить неприятель передовыми своими войсками, и на большой Арбатской улице встретил генерала от артиллерии Левенштерна[52] адъютанта его Фадеева[53], с которым я давным-давно знаком, но около девяти лет не видался с ним. Мы оба обрадовались свиданию нашему. Я узнал от него, что неприятель непременно взойдет в Москву, потому что наша армия почти погибла и осталась не в большом числе, но что еще дня два, как кажется, сказал он, простоим около Москвы. Фадеев имел какое-то препоручение, и мы скоро расстались.

Когда стало смеркаться, то с берега Москвы-реки, у самого Драгомилова моста, видно было, что осветились бивуаки нашей армии, расположенной у Поклонной горы версты 3 от заставы Драгомиловской. Народное буйство в Москве, бывшее в этот вечер описать нельзя!

Возвратясь в Вотчинный департамент, я нашел там все благополучно: семейство мое уже покоилось, караул, стоявший на круглом дворе Сенатского здания, бил, по обыкновению, вечернюю зорю. И я осмотрел обе двери в Вотчинный департамент, запер их и ключ взял к себе.

Сентября 2 дня. Я почти совсем не спал, а дремал только, и к удивлению моему стоявший караул на внутреннем круглом дворе Сенатского здания, отбивший вчерашнего числа вечернюю еще зорю, ночью снят был с своего места. Я предоставляю отцам семейства посудить о положении, в котором должен я был находиться.

В 8 часов утра стали сходится в Вотчинный департамент чиновники и приказнослужители. Я имел, как начальник их, справедливую причину выговаривать некоторым, почему они, быв дежурные и дневальные, не находились в сию ночь при своих местах и за такое их нерадение и пренебрежение к службе угрожал послать их к наказанию г-ну московскому коменданту. Но бывший секретарем сего департамента и действительным членом оного, Рыбников[54] язвительно мне отвечал: «*Ни коменданта, ни Главнокомандующего, ни обер-полицмейстера, ни полицейских чиновников, никого уже нет в Москве, а вы требуете, чтоб мы были при своих местах*». И в самое это время вошедший в департамент чиновник (не помню имени его) сказал: «Ах! Алексей Дмитриевич, какой ужас я видел: проходя мимо дома Графа Ростопчина, которого двор был полон людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтоб шел он на Три горы предводительствовать ими к отражению неприятеля от Москвы. Вскоре, — продолжал чиновник, — на таковой зов вышел и сам Граф на крыльцо и громогласно сказал: “Подождите, братцы! Мне надобно еще управиться с изменником”. И тут представлен ему несчастный купеческий сын 20 лет, Верещагин, приведенный уже с утра из временной тюрьмы (попросту называемая “Яма”) в тулупе на лисьем меху, и Ростопчин, взяв его за руку, вскричал народу: “Вот изменник, от него погибает Москва!” Несчастный Верещагин, бледный, только успел громко сказать: “Грех Вашему Сиятельству будет!”. Ростопчин махнул рукою, и стоявший близ Верещагина ординарец Графа по имени Бурдаев (ныне он в Москве полицейский чиновник квартальным надзирателем) ударил его саблею в лицо. Несчастный пал, испуская стоны, народ стал терзать его и таскать по улицам. Сам же Граф Ростопчин, воспользовавшись этим смятением, сошел с крыльца и в задние ворота дома своего выехал из Москвы на дрожках».

Слушая чиновника, рассказавшего сие ужасное происшествие, я душевно страдал. И, не продолжая более выговоров виновным моим чиновникам, приказал протоколисту департамента Бородину[55] сделать журнал следующего содержания: «*Так как я один целого присутствия Вотчинного департамента составлять не могу, а потому и закрываю присутствие. Но как чиновники и приказнослужители сего департамента за истекший*

август месяц не получали следуемого им жалованья, и Правительствующего Сената 6-го департамента, от которого должен я требовать разрешения о выдаче оного, в Москве уже не находится, то и определяю: выдать сие жалованье, кому сколько следует, а по раздаче оного выдать еще вперед за два месяца на собственную мою ответственность начальству».

Подписав сей журнал, приказал я расходчику Рудакову вместе с экзекутором департамента Гириным и двумя чиновниками при них принести из кладовой ящик с ассигнациями, а медную монету в мешках перенести в присутственную камору, оставив кладовую не запертую уже. Выдал я расходчику Рудакову[56] нужную сумму для раздачи чиновникам и приказнослужителям, налицо состоящим по списку, определенное им жалованье за один только истекший месяц-август.

Надобно знать, что я в личном ведении моем никакой суммы денег не имел, а находившаяся при Вотчинном департаменте состояла под ведением 3-го члена департамента Иванова, который вчерашнего числа выехал из Москвы, не сдав оной никому. А так же и секретарь, при сей сумме находившийся, титулярный советник Воробьев[57] (из господских людей) уехал из Москвы дней пять тому назад, как сказывал мне приказнослужитель, с ним вместе живший, не спрося, однако ж, от меня позволения. Сей денежной казны, при Вотчинном департаменте состоящей, 1-го сентября свидетельства по обыкновению делаемо не было, потому что 1-е сентября было воскресенье, а более, по смутным обстоятельствам. Экзекутору департамента коллежскому асессору Гаврииле Петровичу Гирину, восьмидесятилетнему старику, приказал я со всем его семейством перебраться в Вотчинный департамент и находиться при мне. Он вышел из департамента в свой дом, но я его уже более не видел.

Расходчик Рудаков раздавал жалованье чиновникам и приказнослужителям, а я пошел посмотреть, что делается в городе на Лобном месте, что близ Кремлевских Спасских ворот. Площадь была полна народу, так что тесно было. В воздухе был нетерпимый смрад оттого, что лавки Москательного ряда были уже зажжены, и, как говорили, зажигал лавки сам частный пристав Городской части какой-то князь. Тут, на Лобном месте, встретил я Графа Дмитриева-Мамонова, бывшего моего начальника. Он был на коне и, увидя меня, соскочил с лошади, спросил: «Что ты тут делаешь, Бестужев? Неприятель входит уже в Москву!». Я отвечал: «Любезный Граф! Я не имею собственного повеления оставить моего места, а самому собою нарушить присягу и в духе труса, кинув на произвол судьбы архиву Вотчинного департамента, от неприятеля бежать не думаю быть в праве, а потому и остаюсь при своем месте, что будет со мною, то и будет!». «Ну, прощай! — сказал Граф и, поцеловавшись со мною, садясь на лошадь, примолвил — Да сохранит тебя Господь Бог!» — удалился.

Возвратясь в Вотчинный департамент, я подписал многим чиновникам и приказнослужителям пашпорты о свободном им выезде из Москвы. Расходчик же Рудаков еще продолжал раздачу жалованья. Было 3 часа пополудни, и я распустил чиновников и приказнослужителей по квартирам их. Приказав часа через два возвратиться в Вотчинный департамент, но никто уже не возвращался, а остались при мне только одни дежурные и дневальные, около 20 человек.

Любопытствуя узнать, что делается на большой Арбатской улице, по которой, как я думал, неприятель должен входить, а он, напротив, взошел во все заставы, которые на стороне к городу Смоленску, то есть, в Драгомиловскую, Пресненскую, Тверскую, Миюсскую и другие. Я взял с собою чиновника и вышел из Кремля. В сие время на Ивановской колокольне ударил колокол к вечерней молитве.

Лишь только я с чиновником вышли из Кремля, то встретили пьяного господского человека, у которого в одной руке было ружье со штыком, а в другой карабин. Сей человек был в самом безобразном виде и, покачиваясь то в ту, то в другую сторону, что-то бормотал про себя. Я, усмехнувшись, сказал бывшему со мною чиновнику довольно громко: «Вот, видишь ли, что значит безначалие!» — и отошел уже от сего пьяного несколько шагов, как кинул он в меня ружье со штыком, которым, слава Богу, в меня не попал, но вслед за оным кинул и карабин, которым ушиб меня крепко в ногу. Почувствовав чрезвычайную боль в ноге, я воротился, и кой-как дотащился до Вотчинного департамента мимо часовни Иверской Божией Матери, где стояло множество народу.

В 4 часа по полудни пушечные выстрелы холостыми зарядами по Арбатской и другим улицам возвестили вход неприятеля в Московские заставы. Я считал выстрелы: их было 18. Звон на Ивановской колокольне утих, и вскоре Троицкие ворота в Кремле, которые были наглухо заколочены, и только одна калитка для прохода оставлена, выломлены, и несколько польских уланов въехало в Кремль чрез оные. Место это из окон Вотчинного департамента видно было, ибо некоторые окна прямо Троицких ворот. Я вскричал: «Верно, это неприятель!»

«Э, нет, — отвечал мой знакомый, пришедший в департамент со мною проститься. — Это наш арьергард, ретирующийся», — сказал он. Но увидели мы, что въехавшие уланы стали рубить стоящих у Арсенала несколько человек с оружием, которое из оного только что взяли, и уже человек десять пали, окровавленные, а остальные, отбросив оружие, став на колени, просили помилования. Уланы сошли с коней своих, отбили приклады у ружей, и без того к употреблению не годящихся, забрали людей и засадили их в новостроящуюся Оружейную палату. Я запер вход и выход в Вотчинный департамент, взял ключи к себе и приставил к дверям, к каждой, по одному инвалиду, при департаменте слу-

жащих, приказав тотчас уведомить меня, коль скоро кто будет стучаться.

Вскоре, за передовыми польскими уланами стала входить и неприятельская конница. Впереди ехал генерал, и музыка гремела. Когда сие войско входило в Кремль, то на стенных часах, которые в департаменте, показывало 4 $^{1}/_{2}$ часа. Это войско входило в Троицкие и Боровицкие ворота, проходило мимо Сенатского здания и выходило в Китай-город чрез Спасские ворота. Шествие этой конницы было до глубоких сумерек беспрерывно. Ввезена в Кремль пушка и сделан выстрел к Никольским воротам холостым зарядом — вероятно, сей выстрел служил сигналом.

Один из инвалидных солдат, которых я поставил у входа дверей в департамент, пришел ко мне и сказал, что кто-то стучится крепко в двери. Я отпер. Это были люди мои, которые оставались на квартире. Они сказали, что неприятель овладел совершенно Москвою и что в доме, в котором я жил, взошло около 40 человек, но, что им никакой обиды делано не было. Когда стало смеркаться, то пламя зажженного утром Москательного ряда осветило комнаты департамента, так что никакой надобности не было в свечах. Круглый в Сенатском здании двор занят неприятельскими солдатами, и видно было из окон департамента, что несколько человек бегало с огнем по комнатам (в которых присутствовали сенаторы), выкидывали столы и стулья на двор для биваков своих.

Хотя ночь эта и была ужасная для меня, но, слава Богу, никто из неприятелей не входил в Вотчинный департамент, и как я сам и все, бывшие при мне, оставались спокойны. По сию пору мы не видали еще крови, кроме крови несчастного Верещагина и часа два тому назад неприятельскими уланами избитых у Арсенала.

Сим кончаю описание происшествий в 1812 году в Москве до входа неприятельских войск в сию столицу. Я описал и причины, почему я остался во власти неприятеля. И если таковой примерный подвиг усердия моего, который бы должен был заслужить внимание, уважение и награду, но несправедливостию бывшего тогда *Министром Юстиции Дмитриева и Главнокомандывавшего Москвою* Графа Ростопчина почитается преступлением и наказывается жесточайшим образом, как со мною поступлено даже без суда. В таком случае надобно дать новую форму клятвенному нашему обещанию и положить в оной пределы, до которых пор служащий чиновник должен сохранять присягу свою, и буде только до того времени, покуда чиновнику личная опасность не представится. Но невероятно, чтоб Царствующий Монарх имел бы истинно приверженных к Престолу своему, а Отечество останется с сынами только на одних словах. Жестокая несправедливость, мне оказанная, должна устрашить всякого служить по правде и прямым путем службы искать себе чести.

Второе отделение сего описания будет заключать в себе ужасные происшествия в Москве в шестинедельное пребывание в ней неприятеля. Я говорю ужасные, потому что с детства жил под благотворными и кроткими законами возлюбленных наших Монархов и подобных деяний не видел.

Надворный советник Алексей Дмитриев
сын Бестужев, бывший в 1812 году
член Вотчинного департамента

Его превосходительству,
господину тайному советнику, Министру
Юстиции и разных орденов кавалеру,
Ивану Ивановичу Дмитриеву,
от надворного советника Бестужева-Рюмина
Доношение.

2 мая прошедшего 1812 года указом Правительствующего Сената, по предложению Вашего Превосходительства, определен я членом Вотчинного департамента. 2 сентября, того ж 1812 года, неприятель овладел Москвою, и дела Вотчинного департамента, при которых я был из членов в наличности один, остались во власти его, в которой я находился по 11 число октября-месяца. В сей день неприятель совершенно очистил Москву, оставя в Воспитательном доме одних больных и раненых. Вскоре потом учреждена по именному его императорского величества повелению Комиссия о рассмотрении разграблении: виновны ли те, кои при нахождении французов в сей столице имели должности? Комиссия заседания свои уже кончила, а, как и я был под следствием оной и известился при том, что Вашего Превосходительства предписание г-ну статскому советнику Огареву[58], пребывающему ныне в Москве по делам службы, приказали мне не присутствовать в Вотчинном департаменте. А потому, окончив, таким образом, служение мое под начальством Вашим, поставляю, однако ж, долгом сделать Вашему Превосходительству полное донесение об обстоятельствах, почему дела Вотчинного департамента оставались не вывезенными по примеру прочих мест, а равно и о моих усилиях к сохранению сих дел во время пребывания неприятеля в Москве и, наконец, о всех происшествиях, которые могут оправдать мои действия в сие время безначалия на пользу отечества и несчастных соотечественников моих, находившихся со мною в плену.

В начале июля советник департамента г-н статский советник Аничков по предложению главного директора Графа Дмитриева-Мамонова уволен по надобности его на 28 дней, а управление департаментом препоручил мне. А как он, г-н Аничков, явился на срок к должности своей, то есть, в первых числах августа месяца, тогда изъявил я желание быть уволену на 28 дней по моим необходимостям в Тульскую губ. в гор. Богородицк. Присутствие Вотчинного департамента входило с представлением о сем моем увольнении к главному дирек-

тору Графу Дмитриеву-Мамонову, который и изъявил на оное согласие предложением, и потому 9-го августа, получа пашпорт, я кончил присутствие мое в департаменте, однако ж, по причине болезненного состояния жены моей, из Москвы не выехал.

18 августа получено отношение на имя департамента от г-на Главнокомандующего в Москве Графа Федора Васильевича Ростопчина. В сем отношении Его Сиятельство предлагал департаменту уложить дела оного и иметь их в готовности к отвозу, буде нужда того потребует, а о нужном количестве на то лошадей предоставил департаменту самому требовать от г-на гражданского губернатора. В рассуждении таковых обстоятельств я почитал преступлением оставить департамент, когда нужно было действовать к спасению его общими силами. И если я, по новости служения моего в оном месте, не могу равнять себя против сотоварищей моих в знании дел, принадлежащих оному департаменту, то могу сказать, что я более их чувствовал всю необходимость к внутреннему спокойствию Отечества, сохранения архива и дел оного, потому, возвратя данный мне пашпорт, остался при должности моей.

Позвольте мне, Ваше Превосходительство, в сем месте сделать некоторое замечание. В предписании вашем г-ну статскому советнику Огареву касательно меня сказано: «который не успел выехать». Это несправедливо вам донесено: я не *не* успел выехать из Москвы, узнав об опасности: я не хотел без особого повеления ни под каким предлогом оставить моего места. В понятии моем большая разница в сих словах и к отношению присяги, и к отношению усердного сына Отечества.

19 августа присутствие Вотчинного департамента, по справкам оказавшимся, что в архивах оного находится книг в переплете, в связках и в свертках, всего числом 42 160, кроме текущих дел, заключило определением всеми тремя членами подписанным, что на укладку и обвертку оных к сбережению потребно около 10 000 рублей, а на отвоз до 1 000 лошадей, полагая на каждую лошадь по 18 пуд.

С сего определения представлена копия на разрешение главному департамента директору Графу Дмитриеву-Мамонову, который со своей стороны сделал немедленно отношение с приложением сей копии к Главнокомандующему Графу Ростопчину и просил меня, чтоб оное доставил я лично в руки Его Сиятельства, с тем, что если нужны могут быть дальнейшие объяснения, то я, как член департамента, могу оным удовлетворить, не входя в переписку. Я на другой день по жительству Графа Ростопчина в загородном его доме отвез сие, Графа Дмитриева-Мамонова, отношение. С 9 часов утра ждал свободного времени ему оное вручить и в 2 часа пополудни уже вручил. В ответ правитель канцелярии его сиятельства г-н Рунич мне объявил, что Граф Ростопчин сам будет ответствовать Графу Дмитриеву-Мамонову. С сим разрешением и вышел я из дома его.

29 августа по предписанию Вашего Превосходительства вместо Графа Дмитриева-Мамонова особенный надзор за Вотчинным департаментом Вы препоручить изволили иметь 7-го Правительствующего Сената департамента г-ну обер-прокурору и кавалеру Озерову, который в сей же день и присутствовал в Вотчинном департаменте. Рассуждением были отношение в оной Графа Ростопчина касательно укладки дел и заключение на сие департамента, которое остается без разрешения. Его превосходительство Озеров обещал лично говорить о сем с графом Ростопчиным и приказал в сей же день по вечеру быть мне с чиновниками в департаменте по случаю особенного заседания Сената господ обер-прокуроров. Я приказание его выполнил и с чиновниками моими находился до полуночи в департаменте. Однако, настоящего разрешения никакого не получил о вывозе оного дел, а г. обер-прокурор Озеров объявил, что, говоря о сем с Графом Ростопчиным, Его Сиятельство хотел сделать сношение с Вашим Превосходительством.

31 августа при выдаваемых Московских Ведомостях была печатная прокламация (афишка), в коей Граф Ростопчин уверял честью своею и клялся сединами Главнокомандующего армиями Светлейшего князя Кутузова, что французские войска не будут в Москве, а буде до того дойдет, то он созовет 1000 т. молодцов и сам с оными и с образом Иверской Божией Матери встретит неприятеля на Поклонной горе (за Драгомиловскою заставою, 3 версты от Москвы). В сей день ввечеру началось волнение в народе, и многие питейные дома разбиты и разграблены.

1 сентября поутру в 8 часов пришел ко мне на квартиру третий член департамента г-н надворный советник Иванов и просил моего согласия на отъезд его из Москвы на 8 дней. Я не могу описать Вашему Превосходительству положения, в котором г-н Иванов в то время был: бледен, трепещущ, едва может выговаривать слово, пал с сею просьбою к ногам моим. Я не полагал, глядя на него, жить ему более получаса на свете, следовательно, в таком его положении и никакой помощи ожидать не могу к спасению департамента дел, если нужда к тому будет, и потому согласился на отъезд его. В 9 часов утра был я в департаменте, но ни дежурных, ни дневальных в оном не было, а находилось только тут человек пять инвалидных солдат, при департаменте служащих, из коих двое были пьяны. Я приказал вахмистру Гурилову призвать тех чиновников и приказнослужителей, коим следовало в сей день быть безотлучно в департаменте, а сам я пошел в Успенский собор. Божественную литургию отправлял викарный архиерей, и служение с необыкновенною торопливостию производилось. По окончании оного пришел я опять в департамент, и как вахмистр Гурилов мне донес, что никого из дежурных не отыскал, то и рассудил сделать самого себя стражем департамента и избрал к жительству своему пустую камору близ 4 части архива. Его же, Гурилова, послал на

Москва в 1812 году. Гравюра Мейзенбаха по рисунку неизвестного автора. 1852 г.

моих выговоров, приказал я протоколисту Бородину написать журнал, в коем определил: «Поелику я один составить целого присутствия Вотчинного департамента не могу, и потому закрываю оное. А как истечением августа месяца чиновники и приказнослужители не получали за оный следуемого им жалованья, и Сената 6-го департамента, от которого должен я требовать о выдаче оного разрешения, в Москве не находится, а потому квартиру свою привести ко мне жену и малолетних детей моих, а при том, чтоб он людям приказал не оставлять дома до самого крайнего часа. В 4 часа пополудни явились в департамент некоторые дневальные, извиняясь естественной надобностию отлучки их. Я во избежание подобных отговорок приказал отколотить одно нужное место, заделанное прежде сего Кремлевскою Экспедициею, в надеянии, что дежурные чиновники не будут под видом естественных нужд своих отлучаться из департаментских камор. Между тем, ходил я в город и видел некоторых знакомых мне из армии офицеров, от коих и узнал, что брат мой родной, командующий Либавским мушкетерским полком[59], жив и обещался на другой день вместе с ними посетить меня.

Волнение в народе было уже сильное, грабили даже дома, пьянство и озорничество оставались без всякого опасения быть наказану. В 9 часов вечера караул, стоявший на круглом дворе Сената, бил вечернюю зорю, и я с семейством моим ночевал в департаменте.

2 сентября стоявший караул на дворе Сената ночью снят. В 8 часов начали сбираться в департаменте чиновники и приказнослужители. Я некоторым имел справедливую причину выговаривать за неисправление их обязанностей, обещая послать к его превосходительству г-ну коменданту для наказания. Но секретарь Рыбников с язвительною усмешкою мне ответствовал на сии угрозы: «Ни коменданта, ни главнокомандующего, ни обер-прокурора, ни квартального уже в Москве не находятся». А другой, тут же стоявший, не помню кто, сказал: «Я сейчас видел, что по улицам пьяные таскают мертвое тело» (тело Верещагина). Не продолжая далее

и определяю: “выдать, кому сколько следует, а равно по раздаче оного, выдать еще за два месяца вперед на собственный мой отчет начальству”. Подписав сей журнал, приказал я расходчику Рудакову вместе с г-ном коллежским асессором и Вотчинного департамента экзекутором Гириным (оный г-н Гирин с семейством своим во время пребывания французов в Москве жил в погорелом каменном доме под сводами, и падением оных окончил жизнь свою) принести из кладовой ящик с ассигнациями в присутственную камору. В оном находилось наличными 8 125 р., сверх того должно числить наличными же взятые под расписки в счет жалованья чиновниками 250 р., медной же монеты, сколько было, не могу заподлинно сказать, ибо я оной не видал.

Я должен известить Ваше Превосходительство, что по приходу и расходу денежной казны в департаменте заведовал сию часть 3-й член надворный советник, который, не отдав отчета, накануне из Москвы уехал. Так же и секретарь по оной части Воробьев (из господских людей) уехал без спроса еще 30 августа, и обыкновенного денежной казны свидетельства за август-месяц делано не было, и ведомость присутствию об остатке суммы к сентябрю-месяцу не представлена.

По принесении ящика с деньгами я выдал расходчику Рудакову для раздачи за август месяц чиновникам жалованья 1 500 р., затем остальные 6 625 р., не отдавая уже в кладовую, оставил при себе, а медную монету, сколько оной в кладовой находилось, приказал перенести в присутственную камору.

Я сие учинил потому, что после раздачи за август-месяц, должен я был выдать в согласность журнала

моего за два месяца вперед, а еще более и потому, чтоб в случае нашего несчастия самому мне, как начальнику департамента, за оную сумму ответствовать, не объявляя и не ссылаясь в растрате или похищении оной, быть причиною кому из подчиненных мне. До 2 часов пополудни расходчик Рудаков не кончил еще раздачи жалованья за август месяц, и чиновники разошлись по домам, а остались одни только дежурные.

В 3 часа ночи неприятель взошел в Кремль конницею под командою короля Неаполитанского (Murat)[60]. Я запер двери департамента, приказав никого не выпускать и не впускать. Люди мои, оставшиеся на квартире, прибежали в 4 часа, сказывая, что французские войска по всем улицам рассеялись. В 8 часов вечера сильное пламя показалось в Китае-городе в Москательном ряду. Я ночевал с семейством моим в департаменте.

Позвольте мне, Ваше Превосходительство, при сем просить вашего начальнического защищения против клеветы, которую расходчик Рудаков в рапорте своем, до сведения вашего дошедшем, показал, будто я до вторжения французов в Москву, за несколько часов, медную монету, в департаменте находившуюся, приказал перевезти на свою квартиру. Я не только не отвозил на квартиру свою медной монеты, но и на квартире уже и не был, как оставил оною накануне дня, то есть, 1 сентября, в чем и сам Рудаков сознался в комиссии. А потому покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать наказать его в пример, чтобы не клеветали на своих начальников, и я, чувствительного огорчения, что такая клевета могла дать Вам обо мне худое мнение, имел еще ту неприятность, что с сим клеветником должен был в комиссии стать на одну доску и себя оправдывать. Равным образом прошу Ваше Превосходительство приказать предать суждению по законам и бывшего в департаменте по части денежной казны секретарем Воробьева, который оставил свое место 30 августа без спроса и, не отдав в имеющейся наличной сумме отчета. Я бы нимало не задержал его, ибо по закрытии присутствия многим чиновникам, меня просившим, подписал билеты для свободного выезда из Москвы. В продолжение ночи сей никто из неприятелей в департамент не входил, но видимо было, что множество мародеров бегали в комнатах Сената со свечами и с обнаженными саблями, выкидывали из окон на круглой Сената двор столы и стулья, где и разложен был огонь.

3 сентября в 9 часов утра явился я в Кремлевский дворец и просил Наполеона о покровительстве в сохранении архивов департамента, коих я, как сказал ему, был начальник. Послан со мною секретарь его г-н Лелорнь д'Идевиль, освидетельствовать оные, который, посмотрев их, повел меня обратно во дворец. По сей час никто из неприятелей в департамент не входил. Пришед во дворец, маршал герцог Фриульский[61] объявил мне благоволение своего императора, а вместе с оным и обещание, что архивы останутся в целости, и вследствие сего приказал одному полковнику дать 4-х часовых — для каждой галереи по одному. С сим полковником и часовыми пошел я в департамент, а пришед в оный, нашел каморы департамента уже занятыми Старой гвардии солдатами; кладовая, в которой ничего не было, взломана; семейство мое, совершенно обобранное маршала герцога Истрийского[62] штатом в присутствии самого его. Они накинулись на кое-что, бывшее у меня съестное, как голодные волки, и отняли притом ларчик с бумагами, в котором находилось 3 500 р. ассигнациями казенных денег и 800 р. моих собственных.

Когда неприятель взошел в Кремль, в то время, дабы сохранить оставшиеся у меня казенные деньги, всего 6 625 р. ассигнациями, я разделил, к лучшему сбережению сей суммы, на участки: 3 500 р. положил в ларчик с бумагами, в коем находилось и мне принадлежащих 800 р., 3 000 р. спрятал в боковой карман фрака малолетнего сына моего (12 лет), уповая, что младенчество его избегнет грабежа, 125 р. спрятал у себя под чулки к подошвам. Сверх оных денег было еще у меня моих собственных червонных и серебряной монеты, кои я спрятал..., но благопристойность не позволяет назвать места. Медную же монету я оставил в комнате департамента.

В самом жалком состоянии нашел я семейство мое, взошед с полковником и часовыми в комнату, в которой они находились. Из архива департамента, однако, высланы были все солдаты, и к дверям оных поставлены ча-

Иоахим Мюрат. Гравюра Л. Радо-Пармского. 1809 г.

совые. Ко мне же в комнату поставлен офицер Голландской гвардии со своими тремя денщиками. Моей команды солдаты, при департаменте служащие, напились пьяны и вышли ко мне из повиновения, а вахмистр Гурилов из окна упал на двор и убился до смерти. В 9 часов вечера сильный дым показался на Арбате (комнаты Вотчинного департамента имеют вид на три стороны города).

Ж. К. Дюрок. Гравюра Дж. Гопвуда. Нач. XIX в.

4 сентября огонь сильно действовал круг Кремля, и Троицкая башня с часами уже выгорела, в рассуждение чего все Старой гвардии солдаты, квартирующие в сенатском доме, коих было около 5 000 человек (о числе оных они сами сказывали) высланы были к потушению огня. Наполеон выехал из Кремля в Петровский дворец. Русским же, кои находились в Кремле, велено было всем оставить оный. И я, выходя со всеми, при мне бывшими, из департамента, в котором должен был оставить имущество мое и медную монету, казне принадлежащую, был на площади против Сената совершенно обнажен. У меня отняли сюртук и капот в присутствии самого командующего генерала Ле Гросса[63], который был на сей раз пьян, а один солдат едва меня не проколол штыком ружья своего, называя нас зажигателями. С сына моего 12-ти лет, к которому в карман кафтана положил 3 000 р., сорван кафтан и фрак, и оставлен он в одной рубашке; у младенца же 7 недель, при матери находившегося и которого мать от испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока, а двух приказнослужителей, тут при мне бывших, Бутурлова и Пищулина, взяли в работу к себе. В таком горестном положении по усильной просьбе моей дал маршал герцог Фриульский до квартиры мне провожатого. Сему провожатому по имени Сабле я и мое семейство обязаны жизнью. Он довел нас до Сухаревой башни благополучно. И в знак благодарности моей я отдал образ Божией Матери, сохраненный мною на груди и коего золотая оправа стоила 80 червонных. Я не описываю Вашему Превосходительству ужасов, которые я дорогою был свидетель: оные не принадлежат к сохранению дел департамента. Таким образом, ночевали мы в доме Познанского, что у Сухаревой башни.

5 сентября. Я не распространяюсь в описании и сего ужасного дня, ибо намерение мое уведомить Ваше Превосходительство о делах вверенного мне департамента, а я, вышед уже из оного, не могу знать, что там происходило. В сей день горели Сретенская часть, часть оной башни, и самой тот дом, в котором я ночевал, обе

Ж. Б. Бессьер. Гравюра Виллэна. Нач. XIX в.

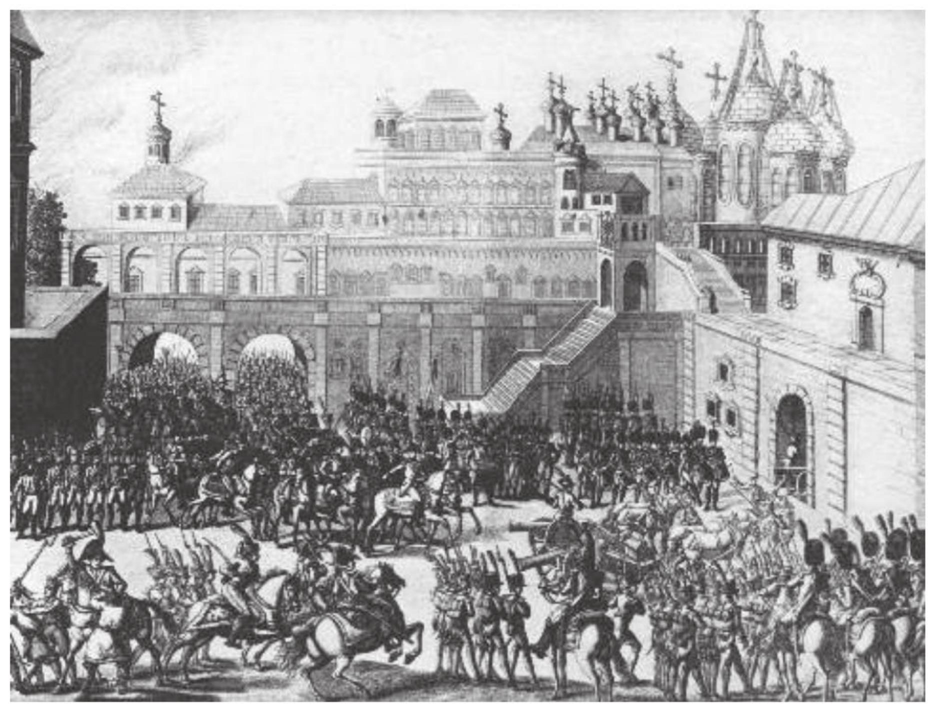

Басманные улицы и Немецкая слобода. Я с семейством моим и другими приставшими ко мне людьми укрылись от мародеров, везде грабивших, в одном огороде, близ церкви Спаса что в Спасском 60, которая в 2 часа пополудни загорелась. Среди сего огорода был пруд, и мы овощами утолили несколько голод, нас мучивший, но не избегли, однако ж, прозорливости мародеров: двое из них пришли нас грабить. В виду же оных было более 100 человек. Бедные творения! И они были без сапог, без рубашек, платье едва наготу их прикрывало; они, обнажив тесаки, требовали наши сапоги и другие вещи, в которых самую необходимость имели. Безумное дело, казалось, сопротивляться, и потому отдавали им, что надобно.

Ваше Превосходительство, может быть, не имеете точного понятия, что такое за люди передовые войска французской армии, вторгнувшейся в Москву, а потому позвольте мне сделать описание случившемуся со мною в городе приключению.

Нас было в оном около 50 человек, большая часть были женщины. Пришедшие два мародера, видя, что мы ни малейшего сопротивления их нахальным требованиям не делаем, вздумали раздевать женщин и искать сокровища в таком месте, где только Алжирские корсары ищут. Я, боясь, чтоб подобный обыск не был сделан и жене моей, подошел к ним и сказал: «Messieurs! Vous pouvez prendre tout ce que vous voyez sur nous, mais si vous osez y toucher les femmes, qui sont ici, au nom du Créateur, Que vous ne reconnessez pas, je jure de vous faire jetter dans cette eau bourbeuse»*, показывая на пруд. Они с сим словом вложили тесаки свои в ножны и уходя ответствовали: «Ah, monsieur, si vous agissez comme cela, nous sommes bien vos tres humbles serviteurs ... vos tres humbles serviteurs»**, повторили еще и пошли прочь. Вот герои, овладевшие Москвой!

* Господа, берите все, что видите на нас; но если вы осмелитесь коснуться находящихся здесь женщин, то, именем Творца, Которого вы не признаете, клянусь, что вы будете брошены в эту грязную воду (пер. с франц.).

** Ах, господин, если вы таковы, то мы ваши покорнейшие слуги… ваши покорнейшие слуги (пер. с франц.).

Французы в Москве. Французская гравюра 1-й четв. XIX в.

Я оставил огород по причине, что забор и дерева в оном уже загорелись, и вышел в поле между Троицкою заставою и Сокольниками, где и ночевал.

6 сентября. Находя большие препятствия, или лучше сказать никакой возможности не предвидел, чтоб мог оставить город Москву с семейством моим и другими, приставшими ко мне людьми, решился войти в Москву: мы три дни уже не видали куска хлеба, и бедные дети мои, истощив себя, плакали. Голод и чувство природы требовали моего об них попечения. Я пришел на Тверскую улицу и у самых Воскресенских ворот встретил Наполеона с его штатом верхами. Я скинул шляпу, и уповательно: Наполеон узнал меня, хотя я был наг и бос и имел только лакейскую шинель на себе; ибо, посмотрев на меня, что-то сказал бывшему сзади его чиновнику, который тотчас и подъехал ко мне. В сем чиновнике узнал я секретаря его г-на Лелорна-д'Идевилля, который, узнав и меня, вскричал: «Ah, monsieur Bestoujeff, dans quelle situation je vous vois!» ... Я ответствовал: «C'est le sort de la guerre!» «Ou est votre femme, vos enfants?» — промолвил он. «Vous les voyez», — показывая на них, жена в рубище, а дети босы. «Ah! Dieu!»*... — и на глазах его слезы показались. Из многих, окружавших нас, приказал он одному полковнику штаба маршала принца Невшательского (Bertier)[64], по имени г-н Зейлен-фон-Невельту, именем императора своего, взять меня под покровительство. Г-н подполковник избрал дом для жительства на Петровке близ Петровского монастыря, бывший князя Одоевского, а ныне губернской секретарши Дурновой. Управитель сего дома, Иван Александрович, оставшийся в Москве, накануне дня заколот польскими грабителями. Чрез два дни потом вступили в оный же дом для квартирования 50 человек Молодой гвардии с 3 офицерами. Под покровительством оных жил я со всеми, при мне бывшими, безопасно, и до 16 сентября не выходил из комнат.

Сей день, ***16 сентября***, был самый ужаснейший в жизни моей; описание оного не принадлежит к предмету моего донесения.

16 сентября, сыскан будучи французскою полициею, по приказу 9 числа, представлен я к графу Мило[65] (commendant de la Ville). Он за подписанием своим дал мне записку, с которой должен я был явиться к маршалу герцогу Тревизо (Mortier, general-gouverneur de Moscou)[66]. Я не могу довольно нахвалиться приветствием и ласкою сего маршала. Он спросил меня, я ли тот надворный советник Бестужев, которому препоручены были архивы в Кремле? Мой ответ был, что его превосходительство не ошибается: «Я самый тот». Он изъявил искреннее со-

* Ах, господин Бестужев, в каком положении вижу я вас. — Это жребий войны. — Где ваша супруга, ваши дети? — Вы их видите. — Ах, Боже! (*пер. с франц.*).

жаление к моему несчастному положению и предлагал не только одежду мне, но даже денежное вспомоществование, которых, однако ж, я не принял. Он объявил при том, что учреждается отеческое градское правление (Municipalité Paternelle), в котором по особенной воле его императора, и я должен присутствовать. Я на первый раз сделал было отрицание мое об участии в оном, но маршал, герцог Тревизо, сказал, что сей муниципалитет учреждается не в пользу французов, а, напротив, учреждением оного находят единое средство защитить несчастных соотечественников моих от грабежа, насилия и обид. Следовательно, и отказываться мне от участия в сем намерении будет с моей стороны несправедливо, и находит в принятии моего отрицания затруднение в том еще, что должен донести об оном своему императору; а чтоб я не имел сомнения, что оное учреждение для пользы моих сограждан, показал и инструкцию сему предполагаемому муниципалитету.

Я, не находя в оной ничего противного совести моей, ни нарушения присяги, изъявил свое согласие. Вследствие сего и дал он мне, маршал, свидетельство (род патента), а дабы в новом сем звании лично обезопасить меня от обид неприятельских войск, а равно, чтоб я мог на улицах, в случае нужды, защитить соотечественников моих, приказано носить мне на левой руке красную узкую ленту и с правого плеча на левое перевязь красную ж. Я узкой ленточки на руках не носил, потому только, что не мог нигде достать оной, а когда выходил со двора, тогда имел на себе под шинелью перевязь красную по камзолу (фрака не было; сию перевязь сделал я из ленты ордена святого Александра Невского, доставшейся мне по наследству от деда моего и служившей по рождении мне в пеленах свивальником). Действительно, французские войска оказывали большое уважение к сему знаку, и я имел счастье человек 5 на улице защитить от грабежа, а притом все, прибегавшие под защиту в дом, который я с подполковником Зейлен-фон-Нивельтом занимал, были, по крайней мере, уже безопасны, ибо и на воротах оного дома был билет: «Logement d'adjoint du maire de la Ville»*. И таковых пришельцев было более 50 человек, коим я отчасти и хлебы давал. Впрочем, в учрежденном муниципалитете я имел две экспедиции под моим особенным надзором: 1-я «*Approvisionnement des malheureux habitants de la Ville*», и 2-я «*Secours aux indigents*»**. Но по обоим сим предметам оставался в действиях своих бесполезен, потому что не имел к тому способов: в хлебе сам очень нуждался, а денежных пособий не делал, потому что денег у меня не было.

Ежели поставить мне в преступление, что я до вторжения в Москву не имел о выезде повеления, сам собою не догадался бежать из города, и с нарушением присяги оставил бы дела Вотчинного департамента на произвол, в таком случае я, в оправдание свое, ничего сказать не могу и заслуживаю наказания по законам, буде на таковой мой проступок есть постановление. Если же, напротив, поступок мой, что я бесстрашно сохранял место свое, невзирая на разглашения о всех жестокостях, творимых неприятелем, имея в виду единое спасение дел, надзору моему вверенных, не вменяется мне в преступление, следовательно, оставшись таким образом во власти неприятеля, по долгу службы моему отечеству, не в другом чем можно от меня требовать и отчета, как только: *не нарушил ли я присяги законному моему Государю? Не сделал ли я предательства или измены Отечеству открытием тайны моего правительства? Или, возгордясь некоторым оказанным мне отличием, не делал ли я какие насилия несчастным соотечественникам моим, терпевшим равную участь со мною?* Присяги законному моему Государю я ни в каком смысле не нарушил, ибо особу Его Императорского Величества я люблю как россиянин; предательства или измены Отечеству открытием тайн правительства не учинил; да и что может знать чиновник, роящийся в Москве в архивах Вотчинного департамента, о делах Комитета Министров в С.-Петербурге? Касательно же до притеснения или обид сотоварищей общего со мною несчастия на меня жалоб ни от кого нет, и оных быть не может, ибо я поступал со всеми по собственной боли сердца своего. Между 50 000 человек обоего пола людей, оставшихся в Москве во власти неприятеля, многие, в почтенных чинах состоявшие, рубили французам дрова, носили воду или другие имели ноши (butin, как они называют), и иногда путешествие их с оными было от *Москвы* до *Всесвятского*, а от *Всесвятского* до *Коломенского.* А я не только не делал подобных послуг им, но, охраняя, по должности своей, дела Вотчинного департамента, был еще защитником соотечественников моих от обид, сохранил и присягу к Государю и любовь к Отечеству. Отказаться же от возложенной на меня должности заседания в муниципалитете значило бы воспротивиться воли императора Наполеона безумным упрямством, коего следствие, в пример другим, была бы во мне смерть постыдная. Я взирал бы и на оную равнодушно, ибо чувствую, что есть что-то выше человека, и бестрепетно предстану на суд к сему Существу, Которого не постигаю; совесть моя чиста! Но осмеливаюсь спросить: «Могла ли быть смерть моя в то время полезна для Отечества?» — Нет, нет, Ваше Превосходительство. Теперь не достает самой малой только части дел, к Вотчинному департаменту принадлежащих, а со смертию моею, может быть, ни одного бы не было, и если дела Вотчинного департамента нужны для блага Отечества, то и жизнь моя нужна была; ибо сохранение оных дел сопряжено было с моим усердием.

18 Сентября с соизволения маршала герцога Тревизо, который мне письмо дал к маршалу герцогу Данцигскому (Lefebvre, командующему в Кремле)[67] входил я в Вотчинный департамент в провождении адъютанта

* Помещение помощника городского мэра (головы) (пер. с франц.).

** Снабжение пищею несчастных жителей города. Помощь бедным (пер. с франц.).

сего последнего и, к великой радости моей и удивлению, видел, что все дела были совершенно в том же порядке, в котором я оные оставил, и часовые, тут стоявшие, сказали, что имеют повеление никого не впускать в галерею архивы. Но, напротив, в присутственной каморе, в моей бывшей комнате и в других комнатах, к которым не поставлены были часовые, все вещи в оных обобраны и все переломано; ибо занимали оные солдаты постоем, и я всего имущества лишился; из числа же медных денег, казне принадлежащих, и которые я, выходя 4 сентября, оставил, находилось еще 7 мешков.

23 сентября был опять с его же, маршала герцога Тревизо, позволения в Вотчинном департаменте. И, по случаю вступивших в Кремль к квартированию новых двух полков, галереи были уже заняты оными. Хотя часовые и сказывали, что имеют повеление смотреть, чтоб дел не расхищали, однако ж, я приметил, что они книги употребляли на постилку вместо кроватей, и потому рассудил, к лучшему сбережению, подать письменную просьбу на имя Наполеона, которую сам и сочинил.

25 сентября подал оную просьбу маршалу герцогу Тревизо на рассмотрение.

В сей день, пополудни в 6 часов, подав просьбу мою маршалу, он просил меня остаться у него. Между разговорами я объявил, что при восшествии французских войск в Москву имел при себе казенных денег 6 625 р. ассигнациями, кои у меня отняты, не взирая, что Наполеоном обещано мне покровительство. Он отвечал, улыбаясь: «*Справедливее бы было вам просить о своей собственности, которую вы потеряли, а что касается до казенного, то оное правом войны (butin, droit de la guerre) принадлежит им, победителям*». Впрочем, Бога поставлю во свидетели, что маршал, сколь часто ни был я у него, но он не только со мною, но при мне и с другими никогда насчет правительства нашего не говорил.

29 сентября маршал герцог Тревизо возвратил мне просьбу мою на имя Наполеона, с некоторыми поправками в тексте.

4 октября пополудни в 6 часов подал оную я лично в Кремлевский дворец и ответа на тот час не имел. А генерал-адьютант его граф Нарбонн[68], вышед из внутренних покоев Наполеона, сказал: «Si vous voulez passer demain chez moi, vous aurez prendre réponse»*.

5 октября поутру в 6 часов был я у графа Нарбонна, и он мне сказал, что император его находит просьбу мою совершенно справедливою и, похваляя притом усердие мое на пользу Отечества, обнадеживал, что сокровища сии от войска его останутся невредимы; а, как просил я повеления оные собрать в один зал, то о сем приказание дано маршалу герцогу Тревизо, не только к сему допустить, но и оказать в оном вспомоществование.

В полдень видел я знакомого уже мне секретаря г-на Лелорна-д'Идевиля, который сказал, что он читал мою просьбу к его императору, и что Наполеон в первых словах своих сказал: «*Этот чиновник с своею архивою мне уже наскучил*», — и потом дал приказание графу Нарбонну.

6 октября. Хотя в сей день и ничего такого не последовало, что касалось бы до предмета моего донесения Вашему Превосходительству, однако ж, я не могу умолчать о таком обстоятельстве, которое в великие хлопоты меня ввело. В 8 часов вечера, когда я готовился уже ложиться спать, пришел ко мне из Кремля солдат старой гвардии по имени Сабле — самый тот, который провожал меня 4-го сентября из Кремля до Сухаревой башни. Он пожелал со мною проститься, как сам сказывал, и пожелал мне всякого благополучия, ибо завтрашний день с восходом солнца, отдан приказ им выступить в поход; и после получаса разговора, ничего незначащего, распрощавшись со мною, просил меня, чтоб я проводил его 10 шагов только, и когда я сие учинил, оставшись с ним один, то, взяв он меня за руку, сказал: «*Sauvez vous, mon cher, si vous pouvez; le Kremlin va sauter en l'air, aussi bien que toute autre place, tout près de votre ci-devant*» (он разумел пушечный двор, что близ Сокольников). «*On va même donner les ordres de massacrer tout ce qui porte les armes et de mettre le feu à toutes les maisons qui n'ont pas été incendiées*»**.

Я оставлю судить Вашему Превосходительству, в каком положении должен я был находиться, имея в глазах моих детей, соделывающихся жертвою смерти, и Бог знает, какой еще смерти!

7 октября в 5 часов утра Наполеон со Старою гвардиею оставил Москву. Молодая гвардия под командою герцога Тревизо вступила на квартиры в Кремль. Сам маршал переехал в Кремлевский дворец. Я, по поводу поданной просьбы моей Наполеону, говорил с маршалом, который в ответ сказал, что в теперешнем обстоятельстве сие излишне будет, ибо и остальные войска скоро оставят Москву. А между тем приказал при мне полковнику, командующему тем полком, который занял комнаты Вотчинного департамента, чтоб дел не расхищали, и, таким образом, я простился с маршалом и более его уже не видал. Кордон передовых Французских войск стоял по бульвару.

8 Октября, в 2 часа пополудни, взорваны ящики с порохом на пушечном дворе. Кордон был еще по бульвару, перестреливаясь часто с нашими мужиками.

9 Октября, не находя себя уже в безопасном доме г. Дурновой, ибо солдаты Молодой гвардии с их офицерами перешли в Кремль, и рассудил также с семейством моим искать спасения в Воспитательном доме, и Его Превосходительство Иван Акинфиевич Тутолмин[69] дал мне по милости своей в оном комнату, в которой я и поместился.

10 октября, около 4 часов пополудни услышали мы, что командующий корпусом российских войск ба-

* Если вы пожелаете завтра быть у меня, то получите ответ (пер. с франц.).

** Спасайтесь, мой дорогой, если можете; Кремль взорвут на воздух, как и всякое другое место, близ которого вы жили. Отдан даже будет приказ убивать всякого носящего оружие и зажечь все дома, которые не были сожжены (пер. с франц.).

рон Винценгероде[70] взят в полон близ Тверских ворот и приведен в Кремль. В 8 часов вечера зажгли французы Винный двор и вскоре потом дом Главного кригс-комиссариата. В 11 часов зажжен Кремлевский дворец, и Французские войска под командою маршала герцога Тревизо оставшиеся, вышли из Москвы через Каменный мост по Калужской дороге.

11 октября, в 2 часа пополуночи, взорван Кремль в пяти местах. В 7 часов входил я в оный, и стечение Русского народа было несказанно; Вотчинный же департамент, в каморах которого французы оставили бочек с двадцать вина, и в архивах картофеля и муки, был полон мужиков, и ужаснейшего буйства от оных в пьянстве их описать нельзя. В 3 часа пополудни пришли козаки.

12 октября, в 10 часов утра поставлен был вокруг Кремля караул, и никого в оный не впускали, а в 5 часов пополудни я оставил Москву, ибо был совершенно наг и со всем семейством, в чем засвидетельствовать может его превосходительство Иван Акинфиевич Тутолмин, с которым я простился, поблагодаря его за квартиру. Пребывание мое было в деревне братьев моих[71] и в волостях графа Бобринского, к которого великодушию прибегнул я, прося о вспомоществовании.

Я не знаю, почему г. генерал-майор Иловайский 4-й[72] в рапорте своем Государю Императору, написал касательно меня «*скрылся*»; равно не знаю, почему о себе написал, что он «*вытеснил неприятеля из Кремля*». Донесение совсем несправедливое, и разница большая в последствиях его рапортов; спросить надобно тех, кои были в то время в Москве, тогда и справедливость его донесения усмотреть можно будет, которого бы и следствия были совершенно противны.

22 ноября, узнав о донесении генерал-майора Иловайского 4-го из газет, я ни мало не мешкал явиться в Москву к г. Главнокомандующему Графу Федору Васильевичу Ростопчину, и вскоре потом учреждена комиссия по именному Его Императорского Величества повелению о разобрании, виновны ли те, кои при нахождении французов в Москве, имели должности? А как сия Комиссия для нас уже кончилась, то вместе с окончанием оной и донесение мое о сих обстоятельствах честь имею Вашему Превосходительству представить.

Сим и оканчиваю и мое донесение. Жалею, что не могу оное кончить уведомлением, сколько осталось в Вотчинном департаменте дел в совершенной целости; ибо, известившись, что Вы запретили мне присутствовать в оном, я более уже и не домогался узнать, в каком состоянии находятся там дела. Само Провидение к сохранению большей части оных внушило Вашему Превосходительству дать мне сие место, и я смело могу сказать, что ни один из сочленов моих не делал бы таких усилий к спасению сих дел, и с таким притом пожертвованием, с которым я старался исполнить долг присяги моей. Я не стану искать дальних доказательств в разности служения, которую предполагаю иметь в рассуждении сотоварищей моих; ибо я, невзирая на все неистовые поступки неприятеля с побежденными, оставаясь, жертвовал не только своею жизнью, но и жизнью семейства моего и малолетних детей. Глас природы умолк при исполнении моих обязанностей, обязанностей сына Отечества (свидетель может судить о моих поступках); а товарищи мои, напротив, оставя в Москве только то, что вывезть не могли, сами удалились и возвратились опять в Москву в половине Февраля (неприятель очистил оную 11-го числа Октября), и возвратились не с тем, чтоб сделать опись оставшимся делам, хотя имеют в отчете оных равное участие со мною, но в срок подать объявления о потере своей, которую могли претерпеть с разрушением Москвы. Поверьте, Ваше Превосходительство, что я не менее их потерял, но сию потерю я приношу в дань любезному моему Отечеству.

Я уведомился от приехавшего из С.-Петербурга, что Ваше Превосходительство в большом негодовании на меня в рассуждении несбережения суммы денег, оставшейся в Вотчинном департаменте. Я оными не покорыстовался; сия сумма очень недостаточна усыпить совесть мою, если б, к несчастию, и имел ее сонливою. Из донесения моего Вы видеть можете, каким случаем и в какое время оная у меня похищена, и я еще всего собственного лишился; впрочем, почему товарищи мои не увезли ее с собой? Не скрою, однако ж, от Вашего Превосходительства, что я имел случай во время пребывания французов в Москве оную потерю пополнить, ибо они за 10 р. серебром давали мешок медной монеты; а как я несколько червонных и серебряной монеты имел счастие сберечь, то по такому курсу и легко мог вознаградить. И если бы я в глазах Ваших мог получить таким образом какую-нибудь цену ревности служения моего, то, напротив, сам себя возгнушался бы; ибо сия медная монета принадлежала бы Казенной Палате и Банку, коей оставлено было до несколько сот тысяч; или принадлежала бы частным людям, которую они грабежом доставали; и притом последствие показало, что и оное не могло быть твердо, не имея места, где бы сию сумму в медной монете сохранить, а потому вошедшие козаки и мужики все бы разграбили, когда уже не пощадили они Воспитательного Дома, которого и жестокие не трогали.

Я откровенно должен признаться Вашему Превосходительству, что нимало не дорожу местом, членом быть Вотчинного департамента, и истина уже навсегда оставить усердию моему память в оном; но не могу скрыть чувствительного моего огорчения, что лишаюсь начальника, которого в душе моей уважаю; и в мыслях моих, кто мог в сказке дать правила *воспитанию льва*[73], тот, конечно, не по наследству и не хитрым приискам получил блистательное звание Министра Юстиции, но по достоинствам своим занимает, и подчиненной такому начальнику имеет уже в предмете справедливую награду своему усердию.

В заключение сего осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство назначить время, с которого вы мне дали отставку; ибо я, получая от щедрот монарших пенсион, которой, со вступлением моим в Вотчинный департамент, прекратился, мог бы вновь просить о выдаче оного с числа сей отставки, потому что в самой крайней бедности нахожусь.

Москва, 27 февраля 1813 года.

Примечания

[1] Гудович Иван Васильевич (1741—1820), граф (1791). За победу над турками под Арпачаем в 1807 г. получил чин генерал-фельдмаршала. С 1809 г. — главнокомандующий в Москве, член Государственного Совета, сенатор. С февраля 1812 г. в отставке. Дом И. В. Гудовича на Тверской сгорел в 1812 г.

[2] Обресков Николай Васильевич (1764—1821), генерал-майор (1797), с 1808 г. — московский губернский предводитель дворянства, в 1810—1816 гг. московский гражданский губернатор, сенатор, тайный советник. Пользовался особым расположением Александра I. В 1812 г. участвовал в формировании Московского ополчения, 4-й полк которого под его командованием находился при Бородине. Участвовал в Тарутинском сражении и других боях. Дом Н. В. Обрескова на Кузнецком мосту сгорел в 1812 г.

[3] Ивашкин Петр Алексеевич (1762—1823), генерал-майор. В 1808—1816 гг. — московский обер-полицмейстер. Его дом на Земляном валу сгорел в 1812 г.

[4] Волков Александр Александрович (1778—1833), с 1806 г. московский полицмейстер. Уволен в чине генерал-майора. При Николае I — генерал-лейтенант, начальник 2-го округа Корпуса жандармов.

[5] Дурасов Егор Александрович (1762—1847). Участник сражений при Аустерлице (1805), под Гейльсбергом и Фридланде (1807). С 1808 г. московский полицмейстер, с 1811 г. — полковник. С 1813 г. — статский советник, московский вице-губернатор. С 1817 г.— московский гражданский губернатор, действительный статский советник. С 1823 г. — сенатор. Его дом у Мясницких ворот сгорел в 1812 г.

[6] Молчанов Петр Степанович (1770—1831), тайный советник, статс-секретарь при Александре I, сенатор. Член Комиссии прошений и управляющий делами Комитета Министров. Умер от холеры.

[7] Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), государственный деятель и известный поэт, друг Н. М. Карамзина. Сенатор. С 1810 по 1814 г. — министр юстиции. С 1816 г. — председатель Комиссии для пособия жителям Москвы, пострадавшим от нашествия неприятеля. Член Российской академии (с 1797 г.), обществ любителей российской словесности (с 1812 г.) и истории и древностей российских (с 1817 г.) при Московском университете.

[8] Салтыков Сергей Петрович (1774—1826), граф, сенатор, тайный советник, директор департамента Министерства юстиции. Сын графа Петра Семеновича Салтыкова (1697—1772), московского главнокомандующего в 1763—1771 гг. Огромное имение графов Салтыковых простиралось от Б. Дмитровки до Тверской.

[9] Дмитриев Федор Иванович — младший брат И. И. Дмитриева. Как явствует из публикуемого письма Г. В. Сокольского, он был убит французами не в Горенках, а в Измайлове.

[10] По-французски «архив» — «archives» слово женского рода.

[11] Аничков Адриан Федорович (1759—1831), действительный статский советник, с 1812 г. — председатель Вотчинного департамента Сената.

[12] Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович (1788—1863), граф, генерал-майор. Сын генерал-адъютанта и фаворита Екатерины II графа Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова. Находился в родстве с И. И. Дмитриевым. Один из богатейших людей России. С 9 апреля 1811 г. — обер-прокурор 6-го департамента Правительствующего Сената. Участвовал в деятельности московских масонских лож. 23 августа 1812 г. вступил в московское ополчение, участвовал в сражениях при Бородине, Тарутине, Малоярославце. На собственные средства сформировал из своих крепостных крестьян и добровольцев конный полк, получивший его имя. 12 марта 1813 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом своего полка, с которым участвовал в заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. В 1814—1815 гг. вместе с генерал-майором М. Ф. Орловым создал тайное общество «Орден русских рыцарей» — одну из преддекабристских организаций. С начала 1820-х гг. состоял под секретным надзором полиции. В Москве владел домом в Мамоновом пер., построенном для его отца, генерала, графа Александра Матвеевича Мамонова (1758—1803). В 1826 г. М. А. Дмитриев-Мамонов передал свой дом для устройства первой в Москве глазной больницы. В том же году он был арестован, признан сумасшедшим и содержался под надзором в своей подмосковной усадьбе.

[13] Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826), граф (1799), генерал от инфантерии (1812), генерал-адъютант (1706), обер-камергер (1807). Один из фаворитов Павла I. С 1799 г. фактически возглавлял Коллегию иностранных дел, был сторонником политики сближения с Францией. С 18 февраля 1801 г. — в отставке, жил в Москве. После заключения Тильзитского мира (1807) стал ярым противником императора Наполеона, осуждая его в своих памфлетах и личных письмах Александру I. С 29 мая 1812 г. — московский военный генерал-губернатор, с 20 июля 1812 г. — главнокомандующий Московской, Тульской, Калужской, Рязанской, Тверской, Владимирской и Ярославской губерниями. С 6 июня 1812 г. — сенатор. Вместе с А. А. Аракчеевым, А. Д. Балашовым и А. С. Шишковым был назначен членом Комитета по организации московского ополчения, который был размещен в генерал-губернаторском доме. По распоряжению императора Александра I организовал эвакуацию из Москвы государственных учреждений и ценностей Оружейной Палаты, Патриаршей Ризницы, монастырей и др. Однако в столице остались значительные запасы казенного имущества, фуража, продовольствия и вооружения. С июля 1812 г. издавал агитационные листки для простого народа — так наз. Ростопчинские афишки. 2 сентября 1812 г. отправился из Москвы вместе с русской армией. 19 сентября он написал Александру I: «Поскольку вероятно, что мы будем и дальше отступать, и что граница Московской губернии находится в 17 верстах отсюда, я покидаю армию и отправляюсь к своей жене в Ярославль, где буду ожидать приказаний Вашего Императорского Величества» (ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 140). После ухода наполеоновской армии, 24 октября вернулся в столицу. Много сделал для восстановления хозяйства и управления Москвой. 30 августа 1814 г. был уволен от должности главнокомандующего в Москве и назначен членом Государственного Совета. В 1823 г. уволен и с этой должности с сохранением звания

обер-камергера. С 1815 г. жил во Франции, в 1823 г. вернулся в Москву, где и умер. Похоронен на Пятницком кладбище.

[14] Дубровский Петр Петрович (1754—1816), писатель, переводчик при Французском посольстве, собиратель и хранитель рукописей в императорской Публичной библиотеке.

[15] Павел I (1754—1801), российский император с 1796 г. Убит заговорщиками в Михайловском замке в С.-Петербурге в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.

[16] Салтыков Николай Иванович (1736—1816), граф (1790), светлейший князь (1814), генерал-фельдмаршал (1796). С 1773 г. состоял при цесаревиче Павле Петровиче, с 1783 г. — воспитатель его сыновей Александра и Константина. С 29 марта 1812 г. — председатель Государственного Совета и Комитета Министров с полномочиями ведать внутренними делами в отсутствие императора. Его дом в Москве находился у Покровских ворот.

[17] Верещагин Михаил Николаевич (1789—1812), сын богатого московского купца 2-й гильдии. Переводил французские и немецкие романы. Служил в Московском почтамте, почт-директором которого был Ф. П. Ключарев. Летом 1812 г. был обвинен в переводе и распространении сведений о «непобедимости» наполеоновской армии, арестован и заключен в тюрьму.

[18] Имеется в виду Фридрих-Вильгельм III (1770—1840), прусский король с 1797 г. Разбитый Наполеоном в 1806 г., вынужден был послать свои войска в Россию в 1812 г. в составе наполеоновской армии. После ее поражения объявил в марте 1813 г. войну Франции на стороне России. Его дочь стала женой великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I) под именем Александры Федоровны.

[19] Чингисхан (Тэмуджин, Темучин) (ок. 1155—1227), основатель и великий хан Монгольской империи с 1206 г. Организатор опустошительных завоевательных походов против народов Азии и Восточной Европы.

[20] Имеется в виду Дарю Пьер Антуан Ноэль Брюно (1767—1829), граф наполеоновской империи (с 1809), государственный и военный деятель, писатель и переводчик. С 1811 г. — государственный секретарь. Внес большой вклад в подготовку похода против России. Сопровождал Наполеона во время похода 1812 г. в Россию, с 5 ноября 1812 г. в течение месяца исполнял обязанности главного интенданта Великой армии вместо заболевшего генерала М. Дюма.

[21] По мнению акад. Е. В. Тарле, «на самом деле Наполеон и письма такого к королю не писал и с речью к князьям Рейнского союза не обращался… эти две странные, курьезно безграмотные “прокламации” *никогда* ничего общего с Наполеоном не имели, а сочинены (как Верещагин в конце концов и признал) самим Верещагиным. Мы знаем, что он… размножил их и разослал. Таким образом, должно признать, что это было либо поступком умственно ненормального человека, либо преступным по замыслу, хотя и вполне бессмысленным по выполнению действием» (*Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию // *Тарле Е. В.* 1812 год. М., 1961. С. 572—573). Ростопчин в рапорте от 8 сентября 1812 г. сообщал Александру I: «Перед тем, как покинуть свой дом, я повелел привести Верещагина, единственного мерзавца из города Москвы, и, укорив его за его преступление, приказал дать ему по телу три удара саблей. Он казался мертвым, но когда он бросился за мной и побежал, был повален на землю толпой народа, которая растерзала его на части…» (ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 131). Александр I отвечал Ростопчину 6 ноября: «Его казнь была не нужна, в особенности ее отнюдь не следовало производить подобным образом. Повесить или расстрелять было бы лучше» (Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников. М., 1911. С. 87). В своих записках Ростопчин пишет, что, обвинив Верещагина в измене Отечеству, он объявил ему, что Сенат приговорил его к смертной казни. Однако подобного приговора Сенат тогда еще не выносил, да к тому же 30 августа Ростопчин, как он сам пишет в своих записках, подозревая ряд московских сенаторов в измене, повелел закрыть Сенат и все судебные учреждения (Из записок графа Ф. В. Ростопчина // *Каллаш В. В.* Двенадцатый год в переписке и воспоминаниях современников. Сб. М., 1912. С. 71—72). Примечательно, что отнюдь не «квасной патриот» кн. П. А. Вяземский резко возражал против попытки представить Верещагина как «юного мученика», принесенного «графом Ростопчиным единственно для личного спасения, в самый решительный момент, от этой буйной, стоявшей лицом к лицу черни» (Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. Октябрь-декабрь 1866. С. 253, 258): «По легкомыслию ли поступал Верещагин, по злому ли умыслу — он все же был виновен перед законом… мучеником обыкновенно называем мы человека, который претерпевает и погибает за правое дело. Какова бы ни была участь Верещагина, нельзя признать, что пострадал он за правое дело, и… был впоследствии законно признан государственным изменником и приговорен к тому, чтобы, “заклепав в кандалы, сослать его в Нерчинск, вечно на каторжную работу”… Многие в то время и — откровенно сознаюсь — в числе последних и я осуждали сей поступок Ростопчина. Но никому из нас не приходило в мысль отнести сей поступок к его трусости или чувству самосохранения. Мы все знали, что московский главнокомандующий мог 20 раз в день выехать из города, не подвергая себя нареканию или насильственным нападениям черни, которая, впрочем, никогда и не помыслила бы напасть на него… Граф Ростопчин виновен тем, что он превысил и во зло употребил власть свою и поступил вне закона, предав Верещагина расправе черни, а не окончательному приговору законного суда», но произошло это «в минуту великой скорби, великого раздражения… как после предал он огню дом в селе Воронове» (*Вяземский П. А.* Воспоминание о 1812 годе // «России двинулись сыны…». С. 449—450).

[22] Ключарев Федор Петрович (1754—1823), писатель, масон. Московский почт-директор с 1801 г. Друг Н. И. Новикова. 10 августа 1812 г. по распоряжению Ростопчина был уволен и выслан из Москвы в Воронежскую губернию по неосновательному подозрению в сношениях с французами. Поводом послужило то, что его сын был знаком с арестованным Верещагиным и снабжал его запрещенными иностранными газетами. В 1815 г. император Александр I назначил Ключарева, как невинно пострадавшего, сенатором.

[23] Брокер Адам Фомич (1771—1848), действительный статский советник. По национальности швед. В молодости в качестве переводчика с английского служил в русском флоте. По рекомендации канцлера А. А. Безбородко, возглавлявшего Почтовый департамент, был назначен в Московский почтамт, где ему удалось вскрыть существенные злоупотребления. В 1798 г. познакомился, а впоследствии сблизился с Ростопчиным и 6 июля 1812 г. по его представлению был назначен московским полицмейстером в чине полковника. Отличался энергией и распорядительностью, пользовался полной доверенностью графа. Ушел в отставку вместе с Ростопчиным, стал управляющим всеми его хозяйственными делами и имениями, его душеприказчиком и опекуном над малолетним сыном Андреем. Автор первой биографии Ростопчина, написанной в 1826 г. и опубликованной в «Русской старине» (1893. № 1).

[24] Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), граф (1839), государственный деятель, почетный член Петербург-

ской Академии наук (1819) и действительный член Российской академии (1831). С 1810 г. — государственный секретарь Государственного Совета, учрежденного в соответствии с разработанным им планом. В области внешней политики отстаивал важность сближения с Великобританией, разработал новые тарифы, лишившие Францию привилегий во внешней торговле России. В начале 1812 г. подал Александру I записку о вероятностях войны с Францией, в которой доказывал неизбежность военного столкновения двух держав и призывал ускорить подготовку к войне. По наветам его противников — Ростопчина, министров полиции А. Д. Балашова и финансов Д. А. Гурьева — был обвинен в намеренном расстройстве финансов и негативных отзывах о правительстве. 17 марте 1812 г. был уволен с должности и сослан в Нижний Новгород, а затем в Пермь. С 1826 г. — начальник 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, составившего и издавшего Свод Законов Российской империи.

[25] Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1844), государственный деятель, публицист. С 1810 г. — действительный статский советник, статс-секретарь Государственного Совета и директор Комиссии составления военных уставов и уложений. Один из сподвижников Сперанского, также был обвинен в симпатиях к Наполеону, арестован и сослан в Вологду под надзор властей. С июля 1820 г. — попечитель Казанского учебного округа. Получил печальную известность своей мракобесной политикой по отношению к профессорам и студентам Казанского университета.

[26] Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837), государственный деятель, генерал от инфантерии (1823), генерал-адъютант (1809) член Государственного Совета. В 1810—1819 гг. министр полиции и военный губернатор С.-Петербурга. В марте 1812 г. лично арестовал М. М. Сперанского. Во время войны 1812 г. состоял при императоре Александре I, вместе с А. А. Аракчеевым и А. С. Шишковым упросил его оставить действующую армию и сопровождал его в Москву, а затем — в С.-Петербург.

[27] Толстой Петр Александрович (1761—1844), граф, генерал-адъютант (1797). С октября 1807 г. по октябрь 1808 г. — чрезвычайный посол в Париже. Был отозван по требованию Наполеона, политику которого по отношению к России считал враждебной. С 17 июня 1812 г. командовал войсками в Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской и Вятской губерниях. Начальник Нижегородского ополчения. За отличия в заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. произведен в генералы от инфантерии.

[28] Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф (1799), государственный и военный деятель, генерал от артиллерии (1807) и сенатор (1808), член Государственного Совета (1810). Фаворит императоров Павла I, а затем и Александра I. Будучи военным министром в 1808—1810 гг., провел кардинальные преобразования русской артиллерии, что значительно повысило ее боевые качества. Во время войны 1812 г. находился при Александре I, ведал комплектованием войск и ополчения. Отказался от звания генерал-фельдмаршала, которое ему присвоил Александр I в 1814 г.

[29] Шишков Александр Семенович (1754—1841), русский государственный деятель, филолог, писатель. Адмирал (1823), генерал-адъютант (1797). С 1813 г. и до самой смерти — президент Российской академии. Ярый борец с «галломанией» и защитник архаического языка XVIII в. 9 апреля 1812 г. назначен государственным секретарем на место смешенного М. М. Сперанского. Во время Отечественной войны 1812 г. прославился написанием манифестов, рескриптов, приказов, содействовавших патриотическому подъему русского народа. В 1813 г. находился при армии в заграничных походах. С 1814 г. — член Государственного Совета, в 1824—1828 гг. — министр народного просвещения.

[30] Волконский Петр Михайлович (1776—1852), князь, светлейший князь (1834), генерал-фельдмаршал (1850) и генерал-адъютант (1801). С 23 мая 1810 г. управляющий квартирмейстерской частью. В сентябре-октябре 1812 г. находился при М. И. Кутузове, затем участвовал в боевых действиях на реке Березине, а в 1813 г. — в сражениях при Люцене и Лейпциге. С конца декабря 1812 г. начальник Главного штаба действующей армии. Один из организаторов российского Генерального штаба, созданного в 1827 г. В 1825 г. находился при Александре I. После его смерти назначен министром императорского двора и уделов.

[31] Комаровский Евграф Федотович (1769—1843), граф (1803), генерал от инфантерии (1828), генерал-адъютант (1801). С 7 июля 1811 г. — инспектор внутренней стражи. В начале войны 1812 г., находясь в Вильно, получил от императора Александра I повеление заниматься сбором рекрутов и лошадей в юго-западных губерниях России. Непосредственного участия в боевых действиях не принимал.

[32] Слободской дворец был построен архитектором Д. В. Ухтомским в 1749—1759 гг. как загородный дворец канцлера А. П. Бестужева-Рюмина; в 1796—1797 гг. перестроен М. Ф. Казаковым и Дж. Кваренги. Был подожжен французами за несколько дней до ухода из Москвы. Восстановлен в 1827—1830 гг. Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьевым. Ныне — один из корпусов Российского технического университета (бывшее МВТУ им. Н. Э. Баумана).

[33] Совершенно иначе описывает поведение купечества С. Н. Глинка: «Появлялись ли в гостиных рядах раненые наши офицеры — купцы и сидельцы приветствовали их радушно. Нужно ли им было что-нибудь купить — им все предлагалось безденежно торопливою рукою и усердным сердцем. “Вы проливаете за нас кровь, — говорили им, — нам грех брать с вас деньги!”» (*Глинка С. Н.* Из «Записок о 12-м годе» // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 261).

[34] Измайлов Лев Дмитриевич (1764—1834), участник русско-шведской войны 1788—1790 гг. и Польской кампании 1794 г. В 1801 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. В 1802—1815 гг. Рязанский губернский предводитель дворянства. В 1812 г. руководил формированием Рязанского ополчения. За отличие при осаде крепостей в заграничных походах 1813—1814 гг. произведен в генерал-лейтенанты. Владел домом в Москве в Варсонофьевском переулке.

[35] Бухарин Иван Яковлевич, действительный статский советник, в 1811—1814 гг. — рязанский губернатор.

[36] Речь идет об афишах Ростопчина от 22 августа, где говорилось: «Здесь мне поручено от государя было сделать большой шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят, и по ветру и против ветра, а что от него будет, узнаете и порадуетесь…» и 30 августа (см. ниже) (*Борсук Н. В.* Ростопчинские афиши. Текст с примечаниями и предисловием. СПб., 1912. С. 87).

[37] Тормасов Александр Петрович (1752—1819), граф (1816), генерал от кавалерии (1801). С 15 марта 1812 г. командовал Третьей Обсервационной армией в районе Луцка, сформированной для прикрытия от неприятеля южного направления. В октябре 1812 г. отозван в главную квартиру М. И. Кутузова, где стал руководить внутренним управлением и организацией войск. Весной 1813 г., во время болезни Кутузова, некоторое время исполнял обязанности главнокомандующего. С 1814 г. — московский военный губернатор

и главнокомандующий, с 1816 г. — московский военный генерал-губернатор. Много сделал для восстановления Москвы после пожара.

[38] Чичагов Павел Васильевич (1767—1849), адмирал (1807), генерал-адъютант (1801). Из потомственной семьи адмиралов. Почетный член С.-Петербургской Академии наук (1814). В 1811—1823 гг. — член Государственного Совета. С 7 апреля 1812 г. — главнокомандующий Молдавской, затем — Дунайской армией. С октября 1812 г. — командующий 3-й Западной армией. Был обвинен в срыве операции по уничтожению остатков наполеоновских войск при переправе через Березину и в феврале 1813 г. уволен от должности. Навсегда покинул Россию, жил в Италии, затем во Франции.

[39] Морков (Марков) Ираклий Иванович (1753—1828), граф (1796), генерал-лейтенант (1798). 28 июля 1812 г. выбран московским дворянством начальником Московского ополчения, сформировал и вооружил его, выступил с полками из Москвы и 21 августа прибыл в Можайск. При отступлении к Москве почти все ратники были распределены по разным частям армии для восполнения потерь. В 1813 г. покинул действующую армию и возвратился в Москву. Владел домом на углу Б. Никитской и Газетного пер., построенным в 1776—1777 гг. (в 1840-е гг. фасад дома был перестроен).

[40] Александр I вторично в 1812 году в Москву не приезжал. 14 августа 1814 г. Ростопчин обратился у нему с письмом, убеждая императора не приезжать в Москву, чтобы «не подвергаться случайности: лучше дать рескрипт, где, похвалив Москву и ее жителей, Вы скажете, что впоследствии Вы придете к ним или порадоваться с ними нашим успехам, или разделить их усердие в защите Отечества». Впоследствии в своих записках он писал, что при отступлении русской армии приезд императора «поставил его в положение свидетеля занятия Москвы неприятелем, при неимении средств тому воспрепятствовать» (*Попов А. Н.* Москва в 1812 г. // Русский архив. 1875. № 10. С. 145—146). Однако среди москвичей после отступления русских войск после Бородинской битвы пронесся слух, «будто бы Государь в Сокольниках, на даче у графа, где Платов имел с ним свидание» (*Глинка С. Н.* Записки о 1812 г. С. 52—53).

[41] Имелась в виду афиша Ростопчина от 17 августа (Опубл.: *Борсук Н. В.* Ростопчинские афиши... С. 81—82).

[42] Имеется в виду Рунич Дмитрий Павлович (1778—1860), русский государственный деятель. Московский почт-директор в 1812—1816 гг. Попечитель С.-Петербургского учебного округа (1819—1826). Подобно М. Л. Магницкому, приобрел печальную известность разгромом вверенного ему университета. Уволен в отставку и отдан под суд за взяточничество.

[43] Озеров Семен Николаевич (1775—1844), с 1811 по 1819 гг. — обер-прокурор 7-го департамента Правительствующего Сената. С 1832 г. обер-прокурор Общего собрания Московского департамента Сената. Тайный советник.

[44] Кутайсов Павел Иванович (1782—1840), граф, действительный тайный советник, сенатор. Член Государственного Совета. С 1809 г. — обер-прокурор. С 1834 г. — обер-гофмейстер.

[45] Возможно, Засецкий Николай Петрович (1778—1860), похороненный на кладбище Новодевичьего монастыря.

[46] Имеется в виду Екатерининская больница на 3-й Мещанской улице, учрежденная указом Екатерины II в 1775 г. С 1844 г. первая в Москве больница для «черного класса людей». В 1923 г. на ее базе создан Московский областной научно-исследовательский клинический институт (МОНИКИ).

[47] Опубл.: Ростопчинские афиши…С. 38—39.

[48] Имеется в виду вторая афиша Ростопчина от 30 августа к жителям Москвы, в которой, в частности, говорилось: «Я вас призываю именем Божией Матери на зашиту храмов Господних, Москвы, земли русской. Вооружайтесь, кто чем может, и конные, и пешие; возьмите хоругви из церквей и с сим знаменем собирайтесь тотчас на Трех Горах; я буду с вами и вместе истребим злодея…». При этом граф заявил С. Н. Глинке: «У нас на Трех Горах ничего не будет, но это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займет Москву» (*Борсук Н. В.* Ростопчинские афиши… С. 46, 92).

[49] Бобринский Алексей Григорьевич (1762—1813), граф. Внебрачный сын Екатерины II и Г. Г. Орлова. С 1797 г. — генерал-майор. Почетный опекун Совета, учрежденного при С.-Петербургском Воспитательном Доме. С 1798 г. в отставке. Владел богатыми имениями в Тульской губернии.

[50] Бобринская Анна Владимировна, урожденная баронесса Унгерн-Штернберг (1769—1846). Жена графа А. Г. Бобринского. Родители А. В. Бобринской владели поместьями близ Ревеля и Дерпта. Получила известность своими балами и маскарадами.

[51] Возможно, Ауэрбах Вениамин (1769—1846), аптекарь, по вероисповеданию лютеранин. Жена — Каролина-Мария, урожденная баронесса Вульф (1778—1855).

[52] Левенштерн Карл Федорович (1771—1840), барон, генерал от артиллерии (1829). В 1812 г. — генерал-майор, начальник артиллерии 2-ой Западной армии. После оставления Москвы командовал артиллерией соединенных армий. С 1832 г. — член Военного совета.

[53] Очевидно, Фадеев Павел Михайлович, генерал-майор, вице-директор Артиллерийского департамента Военного министерства (1832—1833).

[54] Возможно, Рыбников Сергей Петрович (1765—1823), коллежский асессор и кавалер.

[55] Бородин Петр Тимофеевич (1762—1823), коллежский асессор.

[56] Возможно, Рудаков Дмитрий Николаевич (ум. в 1827), надворный советник.

[57] Возможно, Воробьев Аким Петрович (1771—1845), титулярный советник.

[58] Огарев Николай Иванович (1789—1852), действительный статский советник, сенатор 2-го департамента Сената.

[59] Имеется в виду подполковник М. Д. Бестужев-Рюмин, командовавший в 1812—1814 гг. Либавским мушкетерским полком в составе 7-й пехотной дивизии генерала П. Д. Капцевича, входившей в состав 1-й Западной армии генерала М. Б. Барклая де Толли. Полк участвовал в сражениях при Смоленске (потерял 52 человека убитыми, 180 ранеными и 31 пропавшими без вести) и Бородине (51 человек убитыми, 196 ранеными и 63 пропавшими без вести). В бою за Малоярославец было убито 92 нижних чина, 8 офицеров и 173 нижних чина ранено, пропало без вести 77 нижних чинов. В 1813—1814 гг. Либавский пехотный полк отличился в сражениях при Кацбахе, Бриенн-ле-Шато и Ла-Ротьере.

[60] Мюрат Иоахим (1767—1815), король Неаполитанский (1808), маршал Империи (1804). Женат на сестре Наполеона Каролине Бонапарт (с 1800). В начале войны 1812 г. возглавил резервную кавалерию Великой армии. Наполеоном ему было предписано занять Кремль. Первыми туда вступили польские уланы, за ними, через Троицкие и Боровицкие ворота, кавале-

рия авангарда. После занятия Москвы не сумел организовать преследование отступавшей российской армии, с 3 по 10 сентября находился в Москве, затем во главе 25-тысячного отряда выступил к Тарутину. В сражении под Тарутином был ранен пикой в бедро. После Березины 23 ноября возглавил остатки Великой армии. В начале 1813 г. сдал командование пасынку Наполеона, вице-королю Италии Евгению Богарне. Расстрелян в 1815 г. при попытке отвоевать Неаполитанское королевство.

[61] Лелорнь д'Идевиль Элизабет Луи Франсуа (1780—1852), барон, французский дипломат и разведчик. В 1807—1808 гг. состоял при французской дипломатической службе в России. Хорошо знал русский язык, накануне войны собрал много разведывательных данных о русской армии. В 1812 г. сопровождал императора Наполеона в походе на Москву в качестве секретаря и переводчика, допрашивал пленных и местных жителей.

Дюрок Жиро Кристоф Мишель, герцог Фриульский (1772—1813). Личный друг Наполеона Бонапарта. Дивизионный генерал (1803), обер-гофмаршал (1805). В начале войны 1812 г., находясь в Витебске, безуспешно пытался убедить императора Наполеона прекратить продвижение в глубь России. 10 сентября (29 августа) 1812 г. писал герцогине Бассано о последствиях Бородинской битвы: «С 8 числа наша армия преследует Русскую армию по дороге в Москву. Эта армия защищает свою землю изо всех сил, чтобы выиграть время для эвакуации всего возможного…» (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 290. Л. 5). 5 декабря 1812 г. Дюрок вместе с Наполеоном покинул отступавшую армию и выехал в Париж. Смертельно ранен ядром в бою при Вуршене 22 мая 1813 г.

[62] Бессьер Жан Батист (1768—1813), герцог Истрийский (1809), маршал Империи (1804), генерал-полковник императорской гвардии (1804). С мая 1812 г. командовал гвардейской кавалерией Великой армии. Форсировал Неман на глазах императора, в дальнейшем почти постоянно находился при его главной квартире. После вступления Великой армии в Москву 11 сентября 1812 г. назначен командиром Обсервационного корпуса, действововавшего сначала на Тульской, а затем на Старо-Калужской дорогах. Как и Дюрок, погиб от прямого попадания ядра в начале кампании 1813 г.

[63] Возможно, Легра (Legras) Эдуард (ум. 12.01.1813), бригадный генерал вестфальской службы, с 1812 г. командир 1-й бригады 24-й дивизии Великой армии. Был ранен в Бородинской битве.

[64] Бертье Луи Александр (1753—1815), князь Ваграмский (1809), Невшательский и Валанженский (1806), маршал империи, вице-коннетабль и обер-егермейстер (1804). Ближайший помощник императора Наполеона, пользовался его полным доверием. 1 февраля 1812 г. назначен начальником Генерального штаба Великой армии. Во время войны 1812 г. осуществил координацию действий крупных воинских группировок и отдельных корпусов. После Смоленского сражения высказался против дальнейшего продвижения на восток. В ходе Бородинского сражения обеспечивал бесперебойное руководство действиями войск. Находясь в Москве, пытался обеспечить продовольственное снабжение французов. Проделал с армией весь путь отступления до Немана. При отъезде Наполеона из армии оставлен им при войсках. После отречения Наполеона в 1814 г. перешел на сторону Бурбонов. Покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна своего замка в городе Бамберге.

[65] Мильо, правильнее, Мийо (Milhaud) Эдуар Жан Батист (1766—1833), граф де Миоллис (1808), французский дивизионный генерал (1806). Участник Французской революции, голосовал за смертную казнь Людовика XVI. Участвовал во многих войнах Республики и Империи. Был при Аустерлице, отличился в сражении с пруссаками в 1806 г., затем воевал в Испании, где командовал драгунской дивизией. В походе на Россию в 1812 г. находился при Генеральном штабе. Затем командовал кавалерийским корпусом, сражался на территории Германии в 1813 г., Франции в 1814 г. и при Ватерлоо в 1815 г.

[66] Мортье Адольф Эдуар Казимир Жозеф (1768—1835), герцог Тревизский (1808), маршал Франции (1804). С 20 июня 1812 г. командовал пехотой Молодой гвардии. При вступлении Великой армии в Москву 2 сентября 1812 г. назначен военным губернатором города и Московской провинции. Молодая гвардия вступила в город вслед за авангардом И. Мюрата. Безуспешно пытался организовать борьбу с пожарами, убедил императора Наполеона покинуть Кремль и перебраться в Петровский замок. После ухода из Москвы основных частей Великой армии оставлен в Москве с гарнизоном. 9—11 октября 1812 г. по приказу Наполеона подготовил к взрыву Кремль, что, однако, было осуществлено лишь частично: были взорваны Арсенал, Никольская башня и часть Кремлевской стены. 11 октября выступил из Москвы на Верею, где соединился с главными силами армии. С 1834 г. — военный министр Франции. Убит бомбой при покушении на короля Франции Луи-Филиппа.

[67] Лефевр Франсуа Жозеф (1755—1820), герцог Данцигский (1807), маршал Империи (1804). В кампаниях 1805—1809 гг. командовал крупными войсковыми формированиями, отличился при взятии крепости Данциг. Обладал прямым, решительным характером, требовательностью в вопросах службы, и то же время заботливостью о солдатах. С 10 апреля 1812 г. командовал пехотой Старой гвардии, проделал с ней всю кампанию 1812 года, но непосредственного участия в боях не принимал. Во время отступления Великой армии прошел сотни километров пешком, воодушевляя солдат и подавая пример стойкости в невзгодах.

[68] Нарбонн-Лара Луи Мари Жак Амальрик (1755—1813), незаконный сын Людовика XV. Граф Империи (1810), французский дивизионный генерал (1801). С 24 ноября 1811 г. генерал-адъютант императора Наполеона. В мае 1812 г. направлен в Вильно с миссией к Александру I с целью убедить русского царя в миролюбивых намерениях Франции и в то же время собрать как можно больше данных о русской армии. В войну 1812 г. являлся доверенным лицом императора.

[69] Тутолмин Иван Акинфиевич (1752—1815), генерал-майор, главный надзиратель Московского Воспитательного дома в 1812 г.

[70] Винценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818), барон. Генерал-адъютант (1802), генерал от кавалерии (1813). Из гессенских дворян. Служил в гессенских и австрийских войсках. С 1797 г. — на российской службе, адъютант вел. кн. Константина Павловича. Неоднократно возвращался на австрийскую службу, сражаясь с французами. 11 мая 1812 г. окончательно вернулся на российскую службу в чине генерал-майора. С 7 июля — командующий Обсервационным корпусом в Смоленске, с 21 июля командовал «летучим отрядом», созданным по распоряжению М. Б. Барклая де Толли для борьбы с мародерами и для связи с Отдельным корпусом графа П. Х. Витгенштейна. После оставления Москвы отряд Винценгероде, 16 сентября произведенного в генерал-лейтенанты, пополнившись тверскими ополченцами, прикрывал дорогу из Москвы на С.-Петербург. 10 октября явился в Москву для переговоров с маршалом А. Э. Мортье, но был взят в плен вместе со своим адъютантом Л. А. Нарышкиным

около дома московского генерал-губернатора на углу Тверской и Газетного пер. В ходе отступления Великой армии 15 октября возле Вереи был представлен императору Наполеону, который хотел расстрелять его как подданного государства, входившего в Рейнский союз. Как вспоминал С. Г. Волконский (будущий генерал-майор и один из руководителей восстания декабристов), который осенью 1812 г. в чине полковника сражался в отряде Винценгероде, когда Кутузов узнал об угрозе жизни Винценгероде, то ответил, что за его смерть ответят «все генералы французские, у нас в плену находящиеся, и Наполеон отменил над ним суд» (*Волконский С. Г.* 1812-й год// России двинулись сыны. М., 1988. С. 109). Винценгероде был отправлен под конвоем в Вестфалию, но у местечка Радошковичи Минской губ. освобожден солдатами отряда А. И. Чернышева.

[71] Возможно, имеется в виду Михаил Федорович Бестужев-Рюмин (1770—1834), коллежский советник и кавалер.

[72] Иловайский 4-й Иван Дмитриевич (1766 — после 1827), генерал-майор (1799). В Отечественной войне 1812 г. участвовал в боях под Романовым, Велижем, Смоленском, Белым, Рузой. После пленения Ф. Ф. Винценгероде возглавлял его отряд. Ранним утром 11 октября казаки И. Д. Иловайского первыми ворвались в Кремль, где захватили французских саперов, зажигавших заложенные заряды. 12 октября 1812 г. было напечатано «Уведомление от генерал-майора Иловайского 4-го. Неприятель, теснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, вынужден был очистить Москву 11 октября; но и, убегая, умышлял он поразить новою скорбию христолюбивый народ Русский: взорвав подкопами Кремль и Божии храмы, в коих опочивают телеса Угодников. Дивен Бог во Святых Его! Часть стен кремлевских и почти все здания взлетели на воздух или истребились пожаром, а Соборы и храмы, вмещающие мощи Святых, остались целы и невредимы, в знамение милосердия Господня к Царю и Царству Русскому».

[73] Имеется в виду басня И. И. Дмитриева, опубликованная в 1798 г. в С.-Петербурге в его «Баснях и сказках».

Публикация Ф. А. Петрова и М. В. Фалалеевой

А. Я. Булгаков. Гравюра Г. А. Афанасьева. 1-я четв. XIX в.

А. Я. Булгаков

Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина

В отличие от двух предыдущих персонажей — провинциального священника Миловского и мелкого чиновника Бестужева-Рюмина — Александр Яковлевич Булгаков (1781—1863) был человеком совершенного иного склада. Это было обусловлено его происхождением.

Отец А. Я. Булгакова — Яков Иванович Булгаков (1743—1809) был видным дипломатом Екатерины II. Его возвышению в немалой степени способствовала дружба с Г. А. Потемкиным, с которым они познакомились еще во время учебы в гимназии Московского университета. Всю жизнь Яков Иванович провел на службе в Министерстве иностранных дел. В 1781 г. по ходатайству Потемкина и графа Н. И. Панина (воспитателя будущего императора Павла I) был назначен на ответственный (между двумя русско-турецкими войнами) пост чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе. При нем 28 декабря 1783 г. Турция подписала акт о согласии на присоединение к России Крыма, Таманского полуострова и земель на Кубани.

В Константинополе у Я. И. Булгакова родились сыновья Александр и Константин. Матерью их была француженка Екатерина Любимовна Имбер (Imbert): брак не был заключен, и лишь в 1790 г. братья получили фамилию и герб Булгаковых. Возможно, полуфранцузским происхождением объяснялась его склонность к выдумкам и легковесным и меняющимся характеристикам лиц, с которыми он общался.

В этом отношении, — справедливо заметил П. И. Бартенев, — походил он на своего тогдашнего начальника графа Ростопчина: оба охотники были до всяких выдумок, острот, до красного словца и того, что называется, «выкидывать коленца», и к обоим может быть обращен стих Баратынского: «Мимолетные страдания легкомыслием целя». Недаром прожили они царствование Павла, когда всякая театральность (унаследованная, может быть, и от Екатерины) была в ходу (Русский архив. 1900. № 7. С. 158).

В 1787 г. Я. И. Булгаков вместе с маленькими сыновьями был заключен по приказу турецкого султана, в Семибашенный замок в Константинополе, поскольку Порта Оттоманская потребовала возврата Крыма и других территорий. Оттуда, однако, он сумел вести переписку с Екатериной II и даже достать план секретных турецких операций на море и сообщить о нем русскому правительству. Это было чрезвычайно важно в преддверии начинавшейся очередной войны с Турцией.

В Константинополе Я. И. Булгаков пробыл два года и по прибытии в Россию был щедро награжден деньгами и поместьями в Белоруссии. В 1790 г. он был переброшен на не менее ответственный участок — назначен чрезвычайным и полномочным послом в Варшаву, где некогда мощная Речь Посполитая доживала последние дни, и принял участие в подготовке 2-го раздела Польши

между Россией, Пруссией и Австрией. Павел I благоволил к Булгакову и наградил его орденом Св. Александра Невского и чином действительного тайного советника. Помимо дипломатической деятельности, Булгаков отличался и незаурядным даром литератора-переводчика.

Оба сына Я. И. Булгакова получили известность прежде всего, как обер-почтмейстеры, старший Александр — в Москве, младший Константин, — в С.-Петербурге. Таким образом, в руках братьев было сосредоточено фактически негласное наблюдение за всей текущей корреспонденцией обеих столиц империи. Поскольку в то время было принято писать пространные письма, не особо скрывая информацию, нетрудно представить фактическую роль Булгаковых в жизни страны.

Первоначальное образование Александр Булгаков получил в Петербурге, в училище при лютеранской церкви Св. Петра. Он владел многими иностранными языками, в том числе французским, немецким, польским и итальянским. А. Я. Булгаков начал службу сержантом в л.-гв. Преображенском полку. В 1796 г. братья Булгаковы начали служить по примеру отца в Коллегии иностранных дел: сначала в Московском ее архиве, а потом непосредственно по дипломатической части. В 1802 г. А. Я. Булгаков был определен секретарем посольства в Неаполе, а после окончательного захвата Неаполитанского королевства наполеоновскими войсками переведен в Вену. В 1809 г. в связи с тяжелой болезнью отца он вернулся в Москву, в Московский архив Министерства иностранных дел.

В августе того же года А. Я. Булгаков женился на княжне Наталье Васильевне Хованской (1785—1841), дочери бывшего обер-прокурора Синода и сенатора. Семейство Хованских находилось в дружеских отношениях с московским главнокомандующим графом Ф. В. Ростопчиным.

> Вечера, — вспоминал он, — я проводил всегда у кн. Хованского, который принимал у себя много народа; там происходил обмен новостями, сопровождаемый долгими рассуждениями о военных действиях, о движениях армий, их успехах и т. п. (Москва и двенадцатый год в записках графа Ф. В. Ростопчина…С. 45).

Дом князей Хованских находился напротив дома графа Ростопчина на Большой Лубянке. А поскольку Ростопчин хорошо знал еще со времен Павла I и отца Булгакова, то он предложил Александру состоять при нем «для дипломатической переписки по секретной части», как писал сам Булгаков, «начальником его тайной канцелярии, с хорошим жалованьем». 2 июля 1812 г. Александр писал брату Константину:

> Вчера граф мне сказал, что велит обустроить для меня крыло в доме генерал-губернатора, в коем будет скоро жить, что мне там и всем моим, будет удобно. Так, что, вот сверх жалованья, и квартира, и отопление (Братья Булгаковы. Переписка. М., 2010. С. 291).

3 июня 1812 года Булгаков записал свой разговор с Ростопчиным.

> Не хотите ли вы служить со мной? — спросил граф, и получив утвердительный ответ, продолжал — Я знаю, как вы любите жену, детей и не хочу вам дать место, которое слишком вас с ними разлучало. Я желаю только иметь средства толкнуть вас по службе и доставить вам некоторые другие выгоды. Труд ваш не будет очень тягостен; вы будете состоять при мне для дипломатической переписки и по секретной части. Мне нужен человек благонадежный, верный помощник. Вы по-прежнему останетесь в Коллегии Иностранных дел для того, чтобы сохранить получаемое вами жалованье и, кроме того вам прибавится две или три тысячи рублей». Когда Булгаков изъявил согласие, заметив только, что граф не знаком с его способностями как чиновника, Ростопчин продолжал: «Я вас знаю более, чем вы думаете. Я устроил судьбу многих, которые вас не стоили и далеко не имели ваших способностей (*Попов А. Н.* Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7. С. 281—282).

В июле 1812 г. А. Я. Булгаков был утвержден именным указом Александра I. В этой должности он находился и при преемниках Ростопчина, ровно 20 лет (РБС. Том «Бетанкур» — «Бякстер». С. 158—159).

Накануне вторжения наполеоновских войск в Москву Булгаков по рекомендации графа отправил свою жену и детей в имение ее тетки, кн. Н. П. Куракиной в Шуйском уезде Владимирской губернии, а сам возвратился в Москву 2 сентября, не зная, что в этот день французы вступят в город. Он был «захвачен ими на улице и особенным Промыслом Всевышнего спасся от смерти» (*Булгаков А. Я.* Из записок // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне, ее участниках и очевидцах. М., 1989. С. 427). Раскрывают эту тайну письма Александра Булгакова брату Константину, написанные через год — 2 сентября 1813 г., и через 11 лет — 2 сентября 1824 г. Из этих писем мы узнаем, что он был у Сретенских ворот близ собственного дома схвачен французской кавалерией и

> …чуть-чуть не расстрелян… Ежели б обыскали меня, как сего требовал один из генералов, то было б от чего четвертовать меня на месте, без церемоний, и желание писать прокламации против бывшего великого человека меня бы уже не посещало… тогда в критическую минуту, я был объят таким ужасом, что долго не мог прийти в себя, и теперь без ужаса вспомнить не могу (Братья Булгаковы. Письма. М., 2010. Т. I. С. 346; Т. II. С. 459).

Что же могло находиться у Булгакова, ведь он сам об этом не пишет? Очевидно, эта была последняя перед оставлением Москвы афиша Ростопчина от 31 августа, в которой он призвал все население «собраться и спасать от наступающего врага Москву, в предместье

Три Горы, на Пресне». Возможно, при Булгакове была и карикатура на Наполеона с неприличным четверостишием, написанным рукой Ростопчина, что в не меньшей степени могло стоить жизни расторопному начальнику его тайной канцелярии.

По возвращении в Москву Булгаков помогал Ростопчину в захоронении десятков тысяч трупов людей и животных, находившихся в Москве, на Бородинском поле и других местах Подмосковья. Это помогло в значительной мере предотвратить массовые эпидемии весной 1813 года.

В 1813 г. А. Я. Булгаков издал анонимно брошюру «Русские и Наполеон Бонапарте». Булгаков дал образное описание того, как французский император ехал по пустынной Москве в сопровождении «многочисленной свиты маршалов и других чиновников», с эскортом двух эскадронов конной гвардии.

> Таким образом, победитель Москвы доехал почти до Боровицких ворот, не встретив ни единого почти жителя. Негодование написано было на всех чертах Наполеонова лица (*Гарин Н. А.* Изгнание Наполеона. М., 1948. С. 345).

А. Я. Булгаков вел обширную переписку с такими высокопоставленными людьми, как графы М. С. Воронцов, А. А. Закревский и К. В. Нессельроде, приятельствовал с В. А. Жуковским, Д. В. Дашковым, кн. П. Я. Вяземским и А. И. Тургеневым — основателями знаменитого литературного общества «Арзамас».

В конце XVIII — начале XIX в. дом Булгаковых находился в Немецкой слободе, на Вознесенской ул., близ Немецкой ул., где в доме И. В. Скворцова родился А. С. Пушкин. А с конца 1811 г., когда юный Александр Пушкин был отправлен в Царскосельский лицей, семья Сергея Львовича Пушкина поселилась на некоторое время в доме Булгаковых. Как вспоминал А. Я. Булгаков, «мы — в нашем, а они — в доме Нероновой...» (Пушкинская Москва. Путеводитель / Сост. Н. Р. Левинсон, П. Н. Миллер, Н. П. Чулков. М., 1937. С. 148).

Взаимоотношения А. С. Пушкина с А. Я. Булгаковым складывались по-разному. В 1826—1834 гг. поэт неоднократно бывал в домах Булгакова — теперь уже на углу Арбата и Староконюшенного переулка и на Мясницкой. Там он встречался с его красавицами-дочерьми Екатериной и Ольгой (Пушкинская энциклопедия. М., 1999. С. 188).

В 1832 г. Булгаков был назначен московским почтдиректором и прослыл в Москве весьма любезными человеком, но, по сути, выполнял наблюдательные функции при перлюстрации писем известных людей. Не избежал этой участи и Пушкин, известное письмо которого («Знавал я трех царей…») было Булгаковым передано шефу жандармов графу А. Х. Бенкендорфу, а тот, в свою очередь, донес лично Николаю I. Возмущенный Пушкин записал в своем дневнике под 10 мая 1834 г., что «негодяй Булгаков не считает грехом вскрывать чужие письма» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. IX. С. 50; Т. X. С. 475).

А. Я. Булгаков пользовался доверием императора Николая I, но не сумел сохранить свой пост при восшествии на престол Александра II, который стремился избавляться от чрезмерно любопытных и скомпрометировавших себя в глазах общества лиц. В 1856 г. он был назначен сенатором в московский департамент Правительствующего Сената. Через семь лет он скончался в Дрездене.

Из эпистолярно-мемуарного наследия Александра Булгакова наибольшую известность получила его переписка с братом Константином, охватывавшая всю первую треть XIX в., которая была опубликована в «Русском архиве» за 1868, 1901—1903 и переиздана в 2010 г. в трех томах, к сожалению, без комментариев и именного указателя.

По отзывам Вяземского,

> …весь быт, все движение государственное и общежительное, события, слухи, дела и сплетни, учреждения и лица, — все это с верностью и живостью должно было выразить себя в этих письмах, в этой стенографической и животрепещущей истории текущего дня… Он получал письма, читал письма, отправлял письма — словом сказать, купался в письмах как осетр в Оке (*Вяземский П. А.* Воспоминание о Булгаковых // Братья Булгаковы. Переписка. Т. I. М., 2010. С. 11, 13).

Находясь близко при Ростопчине, в том числе и после его отставки, Булгаков слушал его занимательные рассказы обо всем виденном им при трех дворах, в том числе и рассказы о 1812 годе, и, кстати говоря, уговорил графа написать воспоминания.

При этом Булгаков долгие годы лелеял мысль о написании собственных воспоминаний, ревнуя к запискам других, которые жадно читались публикой 1830-х годов, когда интерес к эпохе 1812 г. существенно вырос.

> Всякий хотел быть историографом, всякий желал внести какое-нибудь событие или воспоминание в отечественные летописи (*Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 170).

По словам одной из внучек Булгакова, его записки в переплетенных книгах отданы были кому-то на сохранение в Дрездене.

В 1843 г. в журнале «Москвитянин» Булгаков переиздал вымышленный им «Разговор неаполитанского короля Мюрата с генералом графом М. А. Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года», который в 1812 г. был напечатан в журнале «Сын Отечества» в качестве достоверного известия из армии, «и присоединил к нему выдержку из собственных воспоминаний о 1812 годе» («Москвитянин». 1843. Кн. 2. С. 499—520). Эти воспоминания были перепечатаны в «Русском архиве» (1900. № 7. С. 265—277), а в 1989 г. переиз-

даны 100 000-м тиражом в сборнике «России двинулись сыны» С. 423—435).

В центре внимания — фигура московского главнокомандующего графа Ф. В. Ростопчина — личности, и доныне вызывающей противоречивые оценки.

Со школьной скамьи нам памятны 86-я и 87-я главы «Войны и мир» с беспощадной толстовской оценкой графа, который «не имел ни малейшего понятия о том народе, которым он думал управлять». С юности памятны и слова академика Е. В. Тарле, который писал о Ростопчине:

> Он, ненавистник французов, ближе был…. к худшему типу марсельца, южного француза, к болтуну, хвастуну, говоруну, легкомысленному вралю, чем к среднему москвичу… (*Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию // *Тарле Е. В.* 1812 год. М., 1961. С. 575).

Как мы уже видели, и безыскусный рассказ Бестужева-Рюмина также содержит беспощадную характеристику (в чем-то близкую к толстовской) графа Ростопчина — как жестокого фанфарона, волею судеб оказавшегося во главе древней столицы в годину наполеоновского нашествия,

Впрочем, есть и другие оценки. Прежде всего, это слова Н. М. Карамзина, который накануне вступления французов в Москву жил в доме Ростопчина (жена Федора Васильевича приходилась племянницей первой жене Николая Михайловича) и принимал участие в его «вечерних беседах». 20 августа он писал И. И. Дмитриеву:

> Живу у графа Ф. В. Ростопчина и готов умереть за Москву, если так угодно Богу… Хорошо, что имеем градоначальника умного и доброго, которого люблю искренно, как патриот патриота… (1812 год в воспоминаниях и переписке современников / Сост. В. В. Каллаш. М., 1912. С. 214).

Интересна оценка проницательного и наблюдательного кн. П. А. Вяземского, лично знавшего Ростопчина и к тому же бывшего у него не на хорошем счету в смысле политической благонадежности:

> Ростопчин мог быть иногда увлекаем страстною натурою своею, но на ту пору он был именно человек, соответствующий обстоятельствам. Наполеон это понял и почтил его личною ненавистью. Карамзин, поздравляя Ростопчина с назначением его, говорил, что едва ли не поздравляет он калифа *на час*: потому что он один из немногих предвидел падение Москвы, если война продолжится. Как бы то ни было, но на этот *час* лучшего калифа избрать было невозможно. Так называемые «афиши» Ростопчина были новым и довольно знаменательным явлением в нашей гражданской жизни и гражданской литературе… Нечего и говорить, что под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее, и вообще имели бы более нравственного достоинства. Но зато лишились бы они этой электрической, скажу, грубой, воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ (*Вяземский П. А.* Воспоминание о 1812 годе // России двинулись сыны… С. 439—440).

По словам другого князя, забытого ныне литератора и театрального деятеля А. А. Шаховского (в 1812 г. командовал отрядом Тверского ополчения, одним из первых вошедшим в оставленную французами Москву), ростопчинские афиши, «писанные точно простонародным слогом, должны были действовать в нижних сословиях сильнее высокопарного ораторства», и «читая их, русские сердца запалялись молодечеством», хотя он и находил неприличным «площадной язык черни» (*Шаховской А. А.* Первые дни в сожженной Москве // 1812 год в воспоминаниях и переписке современников / Сост. В. В. Каллаш. С. 113).

Писатель и мемуарист М. А. Дмитриев вспоминал, что афиши Ростопчина

> …производили на народ московский огненное, непреоборимое действие!... Они много способствовали и к возбуждению народа против Наполеона и французов, и к охранению спокойствия Москвы… Ростопчину можно поставить в большую заслугу, что во время приближения французов к Москве, где весь народ был в волнении и в злобе, и на французов, и на правительство, он умел сохранить спокойствие в народе до последней минуты. Он умел поддержать злобу к врагам и не допустить народ до упадка духа.

Тот же Дмитриев дал описание внешности Ростопчина:

> Ростопчин был среднего роста, круглого лица, немножко курнос, нехорош собою, но очень приятного и умного лица: глаза его блистали проницательностию и остроумием; широко выдававшийся лоб показывал твердость воли (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 95—96).

Вспыльчивый, порой грубоватый граф Ростопчин не принадлежал к числу любимцев разборчивых московских дам. Тем более интересна оценка, данная одной из них — наблюдательной М. А. Волковой. Вот что она писала 22 октября 1812 года своей подруге В. И. Ланской:

> Я не сержусь на Ростопчина, хотя знаю, что многие им недовольны. По-моему, Россия должна быть благодарна ему. Мы лишились мебели, вещей, зато сохранили некоторого рода внутреннее спокойствие. Ты не знаешь, что было в Москве с конца июля. Лишь человек, подобный Ростопчину, мог разумно управлять умами, находившимися в брожении, и тем предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва действовала на всю страну, и будь уверена, что при малейшем беспорядке между жителями ее, все бы переполошились…

> Он выпрямился во всю высоту роста и ума своего и вдруг явился грозным повелителем со своими нахмуренными бровями как бы Юпитером-громовержцем. Это было необходимо. Он знал дворян, знал так же своеволие, предрассудки и поверья простого народа; знал, что сей последний в свирепом виде всегда предполагает смелость и силу… Если вспомнить, что Москва имела тогда главное влияние на внутренние провинции и что пример ее действовал на все государство, то надобно признаться, что заслуги его в сем году суть бессмертны… (1812 год в воспоминаниях и переписке современников / Сост. В. В. Каллаш. С. 267—268).

Бесспорная заслуга Ростопчина заключалась в том, что он не допустил паники в Москве, когда к ней уже приближались французы. Впоследствии его упрекали в том, что «в Москве осталось много имущества частных людей, сделавшегося добычею пламени или грабежа, много государственных бумаг, продовольственных припасов, оружия, пороху, трофеев и Московская святыня. Что касается до вывоза из Москвы некоторых государственных сокровищ и исторических памятников, то граф Ростопчин действовал в этом случае по приказанию государя». Лишь после оставления русской армией Смоленска, когда русские войска к середине августа находились в двухстах верстах от Москвы, он отдал распоряжение о начале эвакуации. И нельзя «не удивиться, как много было вывезено из Москвы» и тому, что все обозы «без препятствий достигли места своего назначения». Очевидно, «что при таких условиях могли остаться в Москве архив Вотчинного департамента и все ученые кабинеты Московского университета, святыни и трофеи». Впрочем, «может быть, ему бы и удалось в такой короткий срок вывезти все, что следовало, если бы потребности войск не лишили его важной доли перевозочных средств» (*Попов А. Н.* Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 9. С. 17—18, 21, 25).

Ростопчин получил хорошее домашнее образование, прекрасно знал иностранные языки, в 1786—1788 гг. находился в Германии, Франции и Англии, брал частные уроки и посещал университетские лекции. Молодость его прошла в войнах России со Швецией и Турцией, волонтером он участвовал в штурме Очакова, в сражениях при Рымнике и Фокшанах и пользовался расположением самого А. В. Суворова. В 1792 г. он находился при графе А. А. Безбородко на переговорах с Турцией о заключении Ясского мира. Как и А. А. Аракчеева, Ростопчина постарались удалить во время убийства Павла I. Нельзя отрицать ум Ростопчина, его неутомимую энергию, которая проявилась, в частности, при быстром восстановлении управления и хозяйства Москвы от последствий наполеоновского нашествия. Можно вспомнить и о том, что Западная Европа приветствовала Ростопчина после окончания наполеоновских войн как героя. Что касается литературных талантов Ростопчина, то читатели наверняка знакомы с вышедшим в 1992 г. сборником «Ох, французы!», где переизданы его воспоминания о пожаре Москвы и «ростопчинские афишки», и могут сами составить о них мнение.

Опубликованные в «Русском архиве» воспоминания Булгакова хронологически начинаются с 27 августа, когда на дачу Ростопчина в Сокольниках пришло известие о Бородинской битве, стали привозить в Москву раненых с поля боя (в доме Ростопчина находился тяжело раненный кн. П. И. Багратион), а из самого Бородина к графу приехали знаменитые полководцы — атаман М. И. Платов, генералы И. В. Васильчиков и С. Н. Долгоруков, а также действительный тайный советник граф Н. П. Панин, тайный советник И. О. Анштет и многие другие. По словам Булгакова, Ростопчин сообщил ему следующее:

> Французы берут у нас города один за другим! Жестоко дрались; теперь моя очередь… доходить до Москвы. Но Москва — не Можайск. Москва — Россия! Все это ужасное бремя ляжет на меня. Что я буду делать?.. Я буду виноват, я буду за все и всем отвечать. Меня станут проклинать, первая в армии, а там купцы, мещане, подьячие, а там и все умники и православный народ… Я знаю Москву! (*Булгаков А. Я.* Из записок // России двинулись сыны. С. 425).

Имя графа Ф. В. Ростопчина навсегда осталось неразрывно связанным прежде всего с Московским пожаром 1812 года.

Уже 12 августа, т. е. меньше чем через неделю после окончания Смоленского сражения, Ростопчин писал Багратиону:

> Я не могу себе представить, чтобы неприятель мог прийти в Москву... Народ здешний по верности к Государю и любви к Отечеству решительно умрет у стен московских, и если Бог ему не поможет в его благом предприятии, то следуя русскому правилу «Не доставайся злодею», обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица (1812—1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. С. 181).

Своими мыслями Ростопчин не считал нужным делиться даже с наиболее близкими друзьями. Главнокомандующий Москвы не видел необходимости посвящать их в тайны, которые он мог доверить лишь командующим обеими русскими армиями (т. е. Барклаю и Багратиону), затем — главнокомандующему Кутузову и, наконец, самому императору.

По вступлении неприятеля в Москву Ростопчин повелел сжечь свой дом на Б. Лубянке (роскошная барская усадьба, построенная в середине XVIII в.) и дачу в Сокольниках. К счастью, пожары были потушены, а «на даче Ростопчина и в Сокольнической роще спасались от французов многие жители Москвы» (*Сытин П. В.* Из истории московских улиц. Очерки. М., 1952. С. 488). Отступая вместе с русской армией по Старо-Калужской

дороге, Ростопчин сжег и свой роскошный дворец в Воронове. Что же касается самого пожара московского, то он еще 1 сентября, не зная о решении Совета в Филях, писал Александру I:

…наблюдая лично, что участь Москвы зависит от битвы, я решил отпустить небольшое количество остающихся здесь людей и отвечаю своей головой, что Бонапарт найдет Москву такой же пустынной, как и Смоленск… В настоящее время я занимаюсь ранеными, которые прибывают по 1500 в день…Часть пороха и свинца осталась, но если мы проиграем битву, все это уйдет под воду, и я разобью бочки в винных погребах. Москва в руках Бонапарта станет пустыней, если огонь ее не поглотит, и превратит ее в могилу (ОПИ ГИМ. Ф. 222. Л. 130).

А. П. Ермолов (сторонник сражения у стен Кремля) вспоминает слова, сказанные ему лично Ростопчиным утром 1 сентября:

Не понимаю, для чего вы усиливаетесь непременно защищать Москву, когда, овладев ею, неприятель ничего не приобретет полезного. Принадлежавшие казне сокровища и все имущество вывезены. Из церквей, за исключением немногих, взяты драгоценности, богатые, золотые и серебряные украшения. Спасены важнейшие государственные архивы. Многие владельцы частных домов укрыли лучшее свое имущество. В Москве остается до 50 тыс. самого бедного народа, не имеющего другого приюта…

Замечательны последние слова графа Ростопчина: «Если без боя оставите вы Москву, то увидите ее за собою пылающею» (*Ермолов А. П.* Записки. 1798—1826. М., 1991. С. 201—202).

Как вспоминал сын Ф. В. Ростопчина Андрей,

…отец мой не дал никакого прямого приказания о пожаре Москвы, но он распорядился, чтобы оно так и случилось. Когда ему доложили о въезде французов, он выехал из города верхом через Рязанские ворота и, сняв шляпу, обернулся и сказал брату моему Сергею (16-летнему офицеру): «Поклонись Москве в последний раз; через полчаса она будет вся в пламени» (Голос минувшего. 1915. № 7—8. С. 175).

Лишь через неделю, 8 сентября, Ростопчин смог отправить Александру I донесение о том, что всю ночь с 1-го на 2-е

…занимался тем, что топил в воде порох и разбивал бочки с вином, отправил архиепископа и святые иконы в Ярославль, а полицию, чиновников и пожарные трубы во Владимир (ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 132).

11 июня 1816 г. граф написал А. Я. Булгакову, которого, по словам его внучки Лидии Ростопчиной, он «любил и уважал», что в 1812 г. «перешагнул через долг преданного подданного и действовал как бесноватый» («Московские ведомости. 1 октября 1910). В то же время А. Я. Булгаков в некрологе Ростопчина писал: «Граф Ростопчин не захотел принять славу Московского пожара и приписал ее французам» (Отечественные записки. 1826. Т. 26. С. 50—86).

В опубликованных в «Русском архиве» воспоминаниях Булгаков пишет о пребывании во Владимире, где он жил в одном доме с Ростопчиным и где графа навещал М. Б. Барклай де Толли, адъютантом которого был его старший сын Сергей. Рассказывается, как Ростопчин навещал генерала графа М. С. Воронцова и других генералов и офицеров, раненых в Бородинской битве, в госпитале, оборудованном в его имении Андреевское Владимирской губернии.

Вполне понятно, что А. Я. Булгаков пытался всячески превознести образ Ростопчина, подчеркивая, что он оказал

…услугу Отечеству своему, предупредив в оной безначалие благоразумными своими распоряжениями. В 1812 году глаза целой России обращены были на Москву: от отчаяния до возмущения и кровопролития один токмо шаг. Как исчислить все несчастия, кои постигли бы Отечество наше, если Москва не показала бы и в сем случае обыкновенной своей пламенной любви и непоколебимой преданности к царю своему? Тишина, порядок и повиновение к верховной власти, кои царствовали в древней столице до самого вступления неприятеля в оную, имели спасительное влияние на все прочие города России и дали Отечеству пример достойный подражания (*Булгаков А. Я.* Из записок. // России двинулись сыны. С. 431—432).

Интересна оценка, данная Булгаковым Ростопчину:

Разговор с ним никогда не истощался: он переходил нечувствительно от одного предмета к другому, имея особенный дар всякое происшествие рассказывать занимательно и остро. Он был, как всем известно, словоохотен, обладал особенным даром красноречия, чуждого всякого педантства, натяжек и принужденности. Роль собеседника с ним была весьма не трудна: ему надлежало только слушать. У графа была на это особенная догадка и навык: он умел всегда соразмерять рассказы свои уму и понятиям того, с кем разговаривал. Нельзя было не удивляться обширной его памяти, любезности, остроте и особенному дару слова, коим одарен он был от природы (Там же. С. 430—431).

В отличие от этих хорошо известных воспоминаний, предназначавшихся для официальной печати, предлагаемые читателю «Рассказы…» носят характер глубоко личных воспоминаний. Но по сути они являются первой частью мемуаров Булгакова, рисуя Москву *накануне* наполеоновского нашествия и поведение ее главнокомандующего. Упомянутые вечера у Ростопчина прохо-

дили *после* Смоленского сражения, но *до* Бородинской битвы, т. е. между 6 и 26 августа. Как вспоминал Ростопчин, после того, как о взятии Смоленска стало известно в Москве, «многие лица решились уехать оттуда; другие же удовольствовались тем, что держали наготове своих лошадей и экипажи». Ростопчин не говорил прямо, что надо уезжать, но «напустил немало страху, давая понять, что опасно оставаться еще долее… Когда зажиточное население стало выезжать через заставы ярославскую, владимирскую, рязанскую и тульскую, то беспокойство и волнение взбудоражили все головы и наполнили их химерами» (Из записок графа Ф. В. Ростопчина. С. 55—56).

Написанные легко, воспоминания Булгакова носят характер своего рода causerie (великосветская болтовня — франц.) и дают определенное представление о настроениях московского высшего света в канун наполеоновского нашествия. Близкие к графу люди, подобные известному сплетнику князю Цицианову (своеобразный вариант барона Мюнхгаузена) или ветерану екатерининских времен, выжившему из ума полковнику Приклонскому, грозившемуся «шапками закидать этого корсиканца», в определенной степени копировали его, если не подражали. Вполне понятно, что ура-патриотический порыв вельмож из окружения Ростопчина, которые по-французски думали, говорили и писали лучше, чем по-русски, мало чем мог помочь в защите Москвы в 1812 году, в отличие от истинного героизма русских, боровшихся с Наполеоном на полях кровопролитных сражений, а не за биллиардным столом генерал-губернаторских апартаментов. Грубые шутки Ростопчина, в том числе приводимые здесь, были явно не уместны для почти 50-летнего вельможи с опытом руководства высшими государственными учреждениями, назначенного московским главнокомандующим в столь трагический период, которого древняя столица не переживала два века.

Вопреки желанию Булгакова в описании вечеров в доме Ростопчина проскальзывает образ барина-самодура, который любил поиздеваться над собеседниками, унижая их человеческое достоинство, а те, в свою очередь, раболепствовали перед важным вельможей. В описании одного из ростопчинских вечеров вполне явственно звучит презрение богатого барина к тяжелому труду крестьян, подделываясь под язык которых писал он свои воззвания.

Впрочем, высший московский свет того времени смотрел глазами Фамусова, а не Чацкого. Показательно, например, как в одной из своих побасенок о Г. А. Потемкине князь Цицианов пишет, как князь Таврический к нему обращался на «ты», а тот к нему — «Ваше сиятельство». А затем уже сам Цицианов «тыкал» собеседника, который к нему обращался в соответствии с его титулом…

Интересны приводимые в рукописи рассуждения Ростопчина о переходе ряда русских великосветских дам в католичество, что он объяснял попросту их стремлением следовать французским модам, в том числе и в вопросе вероисповедания (по иронии судьбы, собственная супруга графа, урожденная Протасова, сделалась ревностной католичкой), а также прихотью знатных вельмож, которые не жалели денег французским аббатам, чтобы те воспитывали их детей, «истребляя в них всякую любовь к Отечеству».

Не может пройти читатель мимо курьезного плана, разработанного престарелым сенатором Кавериным, отставным московским обер-полицмейстером, — в случае занятия Москвы французами осуществить убийство Наполеона в Кремлевском дворце: «…надобно бы заранее приготовить потаенный ход, который вел бы к самой кровати, на которой он будет спать, потом спрятать под полом доброго, решительного человека: его дело будет явиться вдруг ночью из-под паркета и ударом одним топора разрубить Наполеону череп» (вспоминается Пьер Безухов). Как положено, в критический момент все московские власть предержащие переваливали вину друг на друга, и особенно в этом преуспел Ростопчин. Впрочем, Каверину, Приклонскому, Цицианову повезло куда больше, чем несчастному купеческому сыну Верещагину, которого по приказу графа растерзали перед ступенями его особняка на Лубянке.

Интересен рассказ об известном итальянском художнике Сальваторе Тончи, долгие годы прожившем в России, создателе гравированных портретов знаменитых русских государственных и военных деятелей (в том числе и Ростопчина), который едва не погиб при вторжении наполеоновской армии в Москву.

Воспоминания А. Я. Булгакова весьма субъективны и требуют проверки иными историческими источниками. Нельзя полностью согласиться с мнением Булгакова о «прямодушии» Ростопчина, который ничем не отличался в своих интригах от других царедворцев. Впрочем, в письмах к Александру I он был достаточно смел, но не сумел впасть в фавор к новому императору, в отличие от его отца. Но вопреки желанию автора в рукописи проскальзывает сравнение московского главнокомандующего с игроком или артистом, который хотел любой ценой обратить на себя внимание. Это ему в общем-то удалось!

Сам Ростопчин так описывал свой тогдашний распорядок. Он жил на даче в Сокольниках, но

> …чтобы иметь в своем распоряжении послеобеденное время, я ежедневно в 8 часов приезжал в город в дом главнокомандующего. Там у меня был рабочий кабинет, там я принимал донесения, просьбы и тех лиц, которые желали со мной говорить. Это было всем удобнее, потому что дом главнокомандующего находился в середине города… Утренние собрания в генерал-губернаторском доме представляли зрелище очень любопытное: тут сходились лица всех возрастов и чинов, все люди праздные и привлекаемые любопытством узнать что-нибудь положительное; то было подобие биржи, почтовой конторы, морского порта; для всех

любопытствующих я был предметом общего наблюдения, и когда я появлялся после прибытия курьера, то все глаза устремлялись на меня, стараясь прочесть на лице моем, какое известие мною получено.., но я был очень силен по части пантомимы и в молодости своей отличался актерским мастерством… Я не пропустил ни одного утра, начиная с 20 июня и до 29 августа, и всякий день там бывал и оставался до 2-х часов пополудни; потом я возвращался на дачу обедать и заниматься делами. Около 7 часов вечера я выезжал, чтобы проехаться по некоторым частям города. Часто я гулял в Кремле, куда мое присутствие привлекало много купцов и народа, с которым я попросту разговаривал, сообщал им некоторые хорошие известия с тою целию, чтобы они распространялись по городу… вечера я проводил у кн. Хованского, у которого обыкновенно съезжалось большое общество, где собирались разные известия и велись длинные рассуждения о военных действиях, о движении армий, об их успехах и т. п. Я возвращался домой около полуночи, и прежде, нежели ложился спать, писал донесения императору и отправлял эстафеты… Голова моя была разрозненная библиотека, в которой никто не мог добиться толку, и ключ к которой был только у меня… Я был упрям, как лошак, капризен, как кокетка, весел, как дитя, ленив, как сурок, деятелен как Бонапарте, но все это, когда и как мне вздумается и при этом имел глупую привычку думать вслух. Таким образом, я нажил с десяток друзей, со сто врагов… Я любил маленькие общества, тесный кружок и прогулку в тенистой роще (Из записок графа Ф. В. Ростопчина. С. 44—45).

Предоставим же слово одному из членов этого кружка, молодому другу 50-летнего Графа Ростопчина Александру Булгакову.

* * *

Переводы с французского принадлежат Булгакову и помещены непосредственно за французским текстом, в подстрочнике даны его примечания.

Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина

Я воспользуюсь случаем, чтобы поговорить о приятных вечерах, которые мы проводили у Графа Федора Васильевича Ростопчина, и расскажу кое-что о наведывавших его тогда собеседниках.

В это время, то есть в июле и августе месяцах 1812 года, глаза целой Европы обращены были на Наполеона, вторгнувшегося в Отечество наше с полумиллионом отборнейшего войска. Россия не могла полагаться ни на какую помощь, она не имела ни одного союзника, потому что все европейские державы вынуждены были угрозами, обманами и разными обольщениями присоединять вспомогательные корпусы к главной французской армии, лично Наполеоном предводительствуемой.

Различны были суждения, надежды и опасения московских жителей. Много собиралось ежедневно к Графу Ростопчину посетителей и коротких знакомых, жаждущих узнавать, что происходило в армиях и С.-Петербурге достойного внимания. Между ними много было весьма оригинальных лиц. Постоянная забава Графа Ростопчина была — заводить между ними разные игры, которые его очень веселили и оживляли беседу нашу. Разумеется, что чаще всего разговор обращался на предстоящую войну — предмет довольно важный, а вместе и горестный для всякого русского, но Ростопчин остротами, шутками так развеселил гостей, что они усмехались, забывая, что французы были уже под Смоленском. Граф сохранял в глубине души горесть свою и обнаруживал ее только в корреспонденции своей с Государем или перед людьми, пользовавшимися особенною его доверенностью.

Никто не станет опровергать острый ум, твердость характера, преданность своим Государям и любовь к Отечеству Графа Ростопчина, но он не был уже Ростопчиным времен Императора Павла Петровича, имевшего к нему доверие неограниченное. Руки его были связаны. Он должен был брать многое на свою ответственность и действовать по собственным своим убеждениям и догадкам. Он не получал нужные инструкции, предложения Правительства были ему неизвестны, и часто изменялись от неожиданных и непредвиденных случаев. У Государя, конечно, не могла не быть как одна и постоянная цель, но меры и средства, Им избираемые для достижения цели этой, были тайною для Ростопчина.

Александр I. С портрета С. С. Щедрина. 1820-е гг.

Император был тогда за границею. Впрочем, Александр Павлович не благоволил к Ростопчину уже потому, что не сам избрал его в преемники фельдмаршала Графа Гудовича в 1811 году. Согласие на это назначение было у него почти вынуждено Принцессою Ольденбургской, Великою Княгинею Екатериною Павловною[1]. Она очень любила острый ум и приятную беседу Графа Ростопчина. Он часто ездил в Тверь навещать Ее Высочество. Государь, не имея основательных причин к отказу, настояния своей сестры отклонял только тем, что Ростопчин, состоя по званию обер-камергера в гражданской службе, не может занять место, требующее военный мундир. Великую Княгиню очень забавляла отговорка Государя, и она отвечала Ему, засмеявшись:

> On dirait, qu'il s'agit d'un obstacle insurmontable. Mais c'est l'affaire du tailleur: il peut dans quelques heurs tracer cette difficulté (Да разве это важное затруднение нельзя преодолеть? Это просто дело портного, он может в несколько часов разрешить этот вопрос).

И, подлинно, после одной из своих частых поездок в Тверь* Граф Ростопчин был переименован в генералы от инфантерии и назначен Главнокомандующим в Москву.

Император Александр Павлович, как сказано уже выше, не очень благоволил к Графу Ростопчину. Государю не нравился резкий его нрав** и смелость, с которую он обсуждал многие Его действия. Конфиденциальные, партикулярные свои донесения на Высочайшее Лицо Граф писал всегда набело (как будто были они ему кем-то продиктованы) и обыкновенно на французском языке. По приказанию Графа брал я с них копии, которые оставались у него, и он запирал их под ключ в особенный ящик. Не раз дрогнула у меня рука, описывая то, что Ростопчин говорил Государю: то восставал он на некоторые предпринимаемые у нас меры, то делал он смелые замечания на счет людей, избираемых на важные места по одному только фавёру[2] или проискам царедворцев, окружавших Престол Царский, отчего важные места делались недоступными для людей способных, достойных и Отечеству своему преданных. Граф Ростопчин не одобрял, например, пожалование известному демократу и воспитателю Его Величества Ла Гарпу[3] ордена Св. Андрея Первозванного.

Великая княгиня Екатерина Павловна. Гравюра М. И. Теребенева. 1810-е гг.

Граф Ростопчин в переписке своей с Императором Александром Павловичем продолжал постоянно гонения, объявленные покойной Императрицею Екатериной II так называемым мартинистам[4]. Он почитал их опаснейшими врагами Алтаря, Престола Царского и общего спокойствия. Раздражение его против мартинистов было столь велико, что, не имея Высочайшего на то приказания, он не поколебался нимало отрешить самовластно тайного советника Ключарева от занимаемого им места Московского почтдиректора и выслать его из Москвы. Ключарев был одним из самых ревностных членов вышеупомянутого общества, и, по мнению Графа, опасным для Правительства человеком, особенно при смутных обстоятельствах, в которых находилось тогда Отечество.

Опасения Графа Ростопчина насчет предпринятой против нас Наполеоном войны были так велики, что он в одном из писем своих Государю позволил себе следующее размышление:

> Si la Providence Divine et les ferventes priërs de Vos fideles sujets Vous maintiendront sur la trône de Russie, Vous aurez, Sire, acquir la conviction, que je n'ai jamais hésité a dire la verité a Votre Majesté Imperiale, au risque d'avoir le malheur de Vous deplaire. (Ежели Провидение Божие, внемля теплым молитвам верных Ваших подданных, сохранит Вас на Престоле Всероссийском, то Вы убедитесь, Государь, что я не боялся никогда говорить правду Вашему Императорскому Величеству, даже под опасением лишиться милостей Ваших).

Желчь, накопившаяся в сердце Графа Ростопчина в продолжение рокового 1812 года, находила пищу первоначально в самом Наполеоне, потом в лукавых с ним сношениях Князя Кутузова[5], в неблагоприятном обороте, который принимали дела и, наконец, после изгнания неприятеля из древней Столицы, в ругательствах, неблагодарности и несправедливых жалобах московских жителей. Предводителем недовольных был в то время

---

* Принц Ольденбургский был Главным начальником водяных коммуникаций в России, и город Тверь был постоянным его местопребыванием.

** Император Павел Петрович в размолвке, которую он имел однажды с Графом Ростопчиным, сказал ему: «Надобно признаться, что ты прям да упрям!». Ростопчин избрал себе тотчас девизою царские слова и вырезал их на одной из печатей своих карманных часов.

действительный тайный советник, начальник Кремлевской экспедиции Петр Степанович Валуев[6], которого он только что в глаза не ругал. Все эти обстоятельства способствовали особенному его раздражению. Оно было заметно в его речах и письменных ответах. Одной даме, которая начала ему говорить довольно двусмысленно о Московском пожаре и понесенном ею и многими другими разорении, он отвечал насмешливо:

> Откуда берете Вы, сударыня, эти вести? Верно от Валуева! Да скажите ему один раз навсегда, что вести, сообщаемые ему Наполеоном, ложны! Я сжег Вороново потому, что это моя собственность[7]. Я не хотел, чтобы мое мирное, любимое жилище было осквернено присутствием французов. Я сожалею о Ваших потерях, но не сожалел бы нимало, узнав, что дом Валуева сгорел, что в Московском пожаре сам Валуев изжарился или был повешен!

Этот разговор может дать понятие о раздражительности, в которой находился тогда Граф Ростопчин, но несправедливо было бы, основываясь на подобных речах, делать неблагоприятные заключения насчет духовных его качеств. Это была одна только вспышка и более ничего. В важных случаях он думал, говорил и действовал иначе и умел сохранять должное хладнокровие.

Я удалился неумышленно от главного моего предмета, что всегда со мною случается, когда говорю о Графе Ростопчине. Возвращаюсь к портрету Наполеона. В августе-месяце 1812 года во всех московских лавочках выставлены были портреты Наполеона. Товар этот сбывался весьма поспешно, потому, что цена ему была одна копейка медью. Дешевизна эта заставляла всякого приходящего покупать изображение проклинаемого всеми завоевателя. В то время носилась по городу молва, что портретики были сделаны по приказанию Графа Ростопчина в числе 10 тыс. экземпляров, что назначена столь ничтожная цена для того, чтобы умножить число покупателей, ознакомливать весь православный народ с чертами Наполеона; также рассказывали на московских площадях, будто обещается Ростопчиным 10 тыс. целковых тому, кто убьет этого врага рода человеческого[8].

Я, искупив тотчас несколько экземпляров этих портретиков, поднес один Графу, сообщая ему городские толки.

> — Чего не выдумают на этого бедного Ростопчина, — сказал на это Граф, сложа руки и обращая комически глаза к небу, — ведь, право, похоже и цена сходная. Впрочем, рожа эта не стоит более копейки, но отчего не сказано тут ничего в честь великого этого мужа? — прибавил Граф.
>
> — Значит, что надобно Вам что-нибудь тут приписать, — отвечал я ему.
>
> Граф, взявши карандаш, на подаренном ему мною и здесь прилагаемом экземпляре, пририсовал Наполеону усы, которых он никогда не имел, и сделал следующую надпись:
>
> «Ну, право, дешево и мило — покупайте,
> И харей этой себе жопу подтирайте!».

Кстати, упомяну я здесь о другом, подобном этому, обстоятельстве, доказывающем, что Граф не был разборчив, не церемонился в выражениях и действиях своих, когда доходило дело до тогдашнего Французского Императора. Коротким знакомым Графа Федора Васильевича известно, что возле его кабинета в маленькой темной комнате, куда, по известной французской поговорке, и *сам король ходит пешком*, стоял прекрасный бронзовый бюст Наполеона. На Императорской маковке был безжалостно вдолблен гвоздь для прикрепления дощечки, на которой вместо Императорской короны был фарфоровый сосуд для всех приходящих за законною нуждою. Бюст этот дал один раз повод к довольно смелой размолвке между мужем и женою[9]. Графиня, узнавши о жалкой участи Наполеонова бюста, старалась освободить бедного Императора от неблагорастворенного его заключения, представляя неприличие поносить лицо, признаваемое нами Императором и коронованное самим Папою. Граф, обыкновенно охотно выполнявший желания своей жены, которую очень любил, не уважил на этот раз делаемых ею замечаний, и Наполеон оставался в избранной для него резиденции. Графиня, как бы шутя, пыталась заговаривать опять о бюсте; неважное требовалось пожертвование и все, верно бы, уладилось, но, к несчастью, замешались тут и Император Наполеон и Глава католической церкви: Бонапарт и Папа все дело испортили. На шутливое напоминание жены своей Граф Ростопчин отвечал также шутя:

> Je ne comprends pas, pourquoi cela vous chipotte tant, que j'ai transformé en piédestal le buste de Bonaparte; je lui ai alligné une destination digné de lui. D'ailleurs, je ne donc pas établi sur la place du Kreml; je puis faire dans l'intérieur de mes appartements ce que bien me semple. Si que je fais mal, j'en suis seul puni, car, grâce au grand homme, quand j'entre dans mon petit cabinet de retraite, j'y trouve deux puanteur au lieu d'une (Я не понимаю, отчего это так тебе тревожит, что я переоборудовал бюст в пиедестал. Я дал ему самое лестное назначение, да разве я поставил его на Кремлевской площади? Во внутренних комнатах моих могу я делать все, что мне угодно, а ежели делаю я дурно, то я один за то и наказан, потому что, когда вхожу в чуланчик, то по милости великого Наполеона, вместо одной вони нахожу две).

Графиня невольно рассмеялась, а Граф, по обыкновению своему, предался громкому смеху.

Всем известно, что Графиня Ростопчина оставила свое вероисповедание и сделалась усердною католичкою, стараясь неусыпно обращать в ту же веру всех своих родных и знакомых. Граф Федор Васильевич скончался 18 января 1826 года. Я был тогда один у его постели и закрыл ему глаза. Я уже два дня сряду ночевал у него, узнавши от доктора Рамиха[10], что кончина

Графа скоро должна последовать. Графиня приходила по временам читать над головою умирающего французские молитвы. За два дня же перед этим были больным выполнены христианские обязанности. Он в свежей постели и бодрый духом исповедовался и причащался Св. Христианских тайн. После совершения долга своего занялся он раздачею детям своим, родным и приближенным разных вещей, ему принадлежащих. Мне оставил он на память прекрасный Брегетов хронометр[11], который всегда носил на себе. Он призывал к себе детей своих, благословлял их и твердым голосом давал сыну своему Андрею[12] разные советы и наставления.

В то время, когда пришла к нему в последний раз пред кончиною его Графиня Екатерина Петровна, он был как будто в усыплении и, вслушавшись в читаемые ею французские молитвы, он открыл глаза, перекрестился и заявил громко: «Отче Наш, иже еси на небеси!...». Когда дошел до слов «Да будет воля Твоя», то, подняв глаза к небесам, опять перекрестился… Силы, а может быть и память ему изменили, он не мог продолжать, голова его опустилась на подушку, и он впал опять в прежнее беспамятство, из которого уже не выходил.

Отпадение Графини Ростопчиной от отечественного вероисповедания было очень неприятно мужу ее, но он неудовольствия своего не показывал, или очень редко, скрывая оное в глубине сердца. Вот размышления, которые он сделал, разговаривая один раз со мной об этом предмете! Я постараюсь передать здесь точно его слова, потому что они объясняют религиозные его мнения:

> Il parait, que le catholicisme fait tourner les têtes de nos dames. Il fut un temps, ou l'on briguait d'être martiniste. Que voulez-vous? Les modes changeant et personne n'aime autant que les femmes a suivre les modes et même a les outrer, et pour la prospérité de cette mode là il y a l'appuis de messieurs les abbés, qui savent de fourrer partout, et de madame Swetcine, qui fait comprendre a nos dames, que les abbés français sont plus aimables et instruits que les prêtres russes. Je ne comprends pas, comment en ne pense pas a cela seriusement; nous avons un grande nombre d'etablissements d'éducation, et cependant nos grands seigneurs (c'est aussi une mode) s'empressent de confier l'éducation de leurs enfants a des abbés, qui se font payer très cher, s'emparent de l'esprit de leurs éleves, detruisent dans les garçons tout amour pour leur patrie qu'ils leur représent, comme croupissante dans les ténèbres et la barbarie; enfin la jeune génération est insensiblement preparé au changement de religion comme si nous autres pauvres, soi-disants schismatiques, nous n'etions pas des chrétiens comme les catholiques? Croyez-en Dieu, adorez Le, aimez votre prochain, marchez dans le sentier de la vertu: voila je pense se que doit être la base de toutes les religions. Ce que je déteste dans les catholiques, c'est leur fanatisme, et leur intolérance; c'est ce qui a engendrer les lutheriens, les protestants, les calvinistes et les different schisms dans la chrétieneté. Je pense, que Dieu s'embrasse fort peu des nos croyances religieus et regarde de plus près a nos actions. Il y aura des turcs, des arabes, des sauvages dans le paradis et des catholiques dans l'enfer. Tachons de nous rencontrer, Vous et moi, dans le Séjour des Bienheureux, et cela sans recourir a la protection du Pape. (Как мне кажется, католичество вскружило головы наших барынь. Было время, что всякий хотел быть мартинистом. Что же делать? Моды переменяются, а кто более женщин любит следовать модам, даже их преувеличивать? А для распространения этой моды служат подпорою господа аббаты, которые умеют везде втереться, а им подмога Свечина*. Она напевает нашим дамам, что французские аббаты гораздо любезнее и умнее русских попов. Не понимаю, как не подумают об этом сериозно. У нас много учебных заведений; несмотря на это наши знатные вельможи (и это также мода!) вверяют воспитание детей своих аббатам и платят им большие деньги, чтобы те, владея умом своих воспитанников, истребляли в них всякую любовь к Отечеству, представляя им Россию как бы удрученную мраком невежества. Таким-то образом молодое наше поколение приуготовляется и чувствительно к перемене своей веры. Как будто мы, Православные Греко-Россияне, не такие же Христиане, как Католики? Веруй в Бога, молись ему, люби ближнего как себя самого, живи честно. Вот, по-моему, что должно служить основанием всех религий. Я всегда ненавидел гонения и нетерпимость католиков, от этого возродились лютеране, кальвинисты, протестанты и все расколы, которые мы видим в Христианстве. Мне кажется, что Всевышний не озабочивается нашими вероисповеданиями, а более разбирает жизнь нашу и деяния. Будут и Турки в раю и Католики во аде. Дай Бог Вам и мне встретиться в Царствии Небесном и вникнуть туда без протекции Папы Римского).

Я удалился нечувствительно от главного моего предмета, но малейшие подробности, касающиеся до человека, столь знаменитого, каков был Граф Ростопчин, должны быть сохраненными. Возвращаюсь к портрету Наполеона и написанным под оным стишками. Кто мог бы угадать, что они сочинены Графом Ростопчиным, соблюдавшим всегда в своем сообществе правила совершенного *джентльмена*. Он, бывало, вставал всегда с места, им занимаемого, чтобы отдавать поклон всякому входившему в комнату, даже когда лицо это незначащего чина или вовсе ему не знакомо. Он не требовал никогда особенных почестей и первенством своим был обязан не высокому посту, им занимаемому, но высокому своему уму, неисчерпаемой любезности и острым шуткам, коими разговор его красился и беспрестанно оживлялся.

---

* Всякому смертному, какого бы ни был он вероисповедания, открыты двери Царства Небесного, а потому не вправе никто порицать религиозные правила Софьи Петровны Свечиной (урожденной Соймоновой), которая, не довольствуясь следовать своим убеждениям, усердно занималась обращением русских дам в католическую веру. Свечина была, впрочем, женщина благодетельная, умная и любезная. Она скончалась в Париже в 1859 году, и французские журналы наполнены похвальными о ней статьями.

Граф Ростопчин мог служить образцом учтивого и ласкового вельможи, но как скоро доходила речь до людей, ему ненавистных, и особенно до Наполеона, он предавался какому-то неистовому цинизму, употребляя выражения не только грубые, но даже неприличные. Лучшим тому доказательством могут служить сочиненные им к портрету Бонапарта стишки, не отличающиеся ни тонкою аллегориею, ни аттическою солью, ни благоуханием. Тут все высказано грубо и без всякой церемонии. Хотя казалось, что автор стишкам своим радовался, однако ж, он спросил у Муромцева:

— Что это, Николай Селиверстович, Вы, как будто, недовольны произведением музы в честь великого мужа?.

— Не то, что недоволен, — отвечал Муромцев, — стишки-то хороши, да жаль, что нельзя читать их всем вслух.

— Что ж мне делать, — возразил Ростопчин с чистосердечною откровенностью, — но это всегда со мною случается: не могу! Ну никак не могу … Как скоро стану прославлять этого мошенника Наполеона, так уж всегда пересолю да нехотя навоняю.

Вдруг серьезная его мина залилась громким смехом. Переходы эти были у него очень быстры и часто повторялись, а когда Граф Ростопчин начинал смеяться, то нельзя было, глядя на него, не предаваться смеху.

На этот шум наш (это было в воскресенье) отворяется дверь графского кабинета, и к нам входит некто Николай Богданович Приклонский[13], екатерининский отставной полковник и большой чудак. Он был коротко знаком с покойным моим отцом еще в Варшаве; когда он в 1796 году поселился в Москве, то Приклонский часто езжал к нам обедать в Немецкую слободу. Граф Ростопчин любил его за всегдашнее его расположение к веселию и шуточкам, а еще более за то, что он ненавидел Наполеона. Присутствие Приклонского возбуждало всегда в Графе Федоре Васильевиче хорошее расположение духа: все приходило в движение, шутки и смех не прерывались. Разумеется, что обыкновенный предмет всех разговоров был Наполеон, и теперь первые слова Графа Ростопчина вошедшему к нему гостю были: «Ба! Ба! Ба! Здравствуйте, Николай Богданович! Все ли вы в добром здоровье? Были ли Вы у обедни и молились ли Вы о здравии и благоденствии Его Величества Императора Наполеона?»

«Как же, разумеется… да уж Вы шутите себе там как хотите, дело в том, — отвечал Приклонский, — что в Европе только Англия да я, мы одни, не признаем этого мерзавца Бонапарта Французским Императором. Да что мне Вам напевать старую мою песенку. Нет, скажите-ка мне лутче, чему Вы так радовались и смеялись, когда я сюда входил?». И не дождавшись ответа, он прибавил: «Ах, а propos, я пришел рассказать Вам новость и показать Вам прекраснейший портретик».

«Что такое», — спросил Граф, и как бы угадывая, о чем идет речь. «А вот что, — отвечал Приклонский. — Рассказывают по Москве, что Вы оценили во сто тысяч целковых голову одну, которая, по-моему, и гроша не стоит; что Вы будто разослали повсюду приметы Бонапарта и его портреты, которые продаются теперь на всех улицах по одной медной копейке. Я принес Вам даже один экземпляр этой скверной рожи…»

«Опоздали Вы…, опоздали, Николай Богданович, — воскликнул Граф, засмеявшись. — Александр Яковлевич пожаловал мне уже сейчас драгоценное это изображение». «Но отчего, — спросил Приклонский, — не сделано никакой особенной приличной подписи под портретом? Не объявлено, что за птица этот Наполеон Бонапарте, не прибавлена во славу его какая-нибудь отметка?» «Все сказано, все сделано по желанию Вашему, почтеннейший Николай Богданович… Внемлите и читайте», — отвечал Граф Ростопчин с радостным смехом, давая Приклонскому поднесенный мною портрет.

Приклонский, надев свои очки, начал читать. Можно себе представить, как стишки были одобрены, и какая поднялась хохотня. «Вместо того, чтобы украшать Бонапарта усами, вы лучше, — сказал Приклонский, — нарисовали бы ему рога». «Да так бы и было, — отвечал Ростопчин, — да нельзя: злодей представлен со шляпою на голове. Не одна эта беда, я мог бы и хвост прирастить Императору Французов, да опять нельзя: портрет, по несчастью поясный, а не во весь рост».

Граф Федор Васильевич был в тот день очень весел. После разных шуток насчет Наполеонова портретика, он сказал мне: «Allons! Allons au champs d'honneur nos pas (Пошли, пошли, устремим наши шаги на поле чести, на поле славы)».

Между нами существовало упорное соревнование. У Графа был обычный биллиард. Сражения наши были особенно забавны, когда тут присутствовал Приклонский. Он сам играть не умел, но любил делать свои замечания и советы — то и другое всегда невпопад. Он парировал обыкновенно 10 копеек серебром со мною за Графа, который на все его замечания отвечал бесконечно шутками. «Не так Вы сыграли, Граф: Вам следовало желтую замаскировать и уйтить в квартеру». «Возьмите терпения, Николай Богданович, дайте Масленице прийти, и не только желтую, белую и обе красные, но даже Авдотью Селиверстовну Небольсину* замаскирую».

«Отчего же желтого не дублировали? Боже мой! Да Вам следовало желтого дублировать!».

«Помилуйте, Николай Богданович, да разве Вам неизвестно, что кто в биллиард и в банк дублирует, тот беды не минует!».

Независимо от беспрестанных замечаний и советов у Приклонского была еще странная привычка, которая, как всегда, смешила Графа Ростопчина. После всякого

* А. С. Небольсина, сестра Н. С. Муромцева, была старая, почтенная дама, которую граф Ростопчин очень любил.

его удара кием, Приклонский провожал шары глазами и делал разные смешные телодвижения, как бы приглашая шары падать в лузы, причем повторяя беспрестанно: «Цып! Цып! Цып!... Вот изволите видеть… Вот упади шар этот — так и партия наша! А то, что это за игра? Я давно Вам, Граф, твержу, что Александра Яковлевича надобно озадачивать смелостью, неожиданными ударами».

«А! Вы требуете смелости от меня?» — возражал Граф, немного с досадою и немного со смехом, после чего предпринимал какой-нибудь отчаянный, невозможный *круазе*[14], от которого проигрывал партию, и Приклонский начинал опять ворчать и замечать, что следовало оставлять неприятельский шар прикованным в Кале, а что вместо того он сам очутился в *кале*. Для Графа это был прекрасный случай отвечать Приклонскому: «Беда не велика, Николай Богданович, не вечно же я буду в *кале*. Вот сей же час снимусь с якоря, распущу парусы и отправлюсь из Кале в Дувр для того, чтобы уговорить английское правительство признать Наполеона Императором».

«Нет! Уж об этом напрасно будете хлопотать, Ваше Сиятельство! Англичане на это не пожадутся, а ежели и сделают огромную эту глупость, то я все-таки останусь один в целой вселенной при своем мнении и правилах и никогда не соглашусь признать такого злодея, каков Наполеон».

Вот так-то, среди смеха и шуток проходило время, когда сражались мы в биллиард. Победа в этот день одержана была мной, и самая блистательная. Я отбил у Приклонского шесть пушек, т. е. шесть гривенников. С Графом не шло у нас на деньги. Мы сражались единственно из одной славы. Приклонский, выплачивая мне свою дань, ворчал, выговаривая Графу за то, что он не слушал его советов. «Да что же прикажете мне делать?», — вопрошал Граф Ростопчин. «А вот что, — отвечал Приклонский, — не пренебрегайте Вашим соперником. Да к тому же Вы забываете все, что нас здесь только трое в комнате, а Вы все блеснуть хотите Вашей игрою, как будто вся Европа на вас смотрит».

«Браво, Николай Богданович! Прекрасно! Остро! Колко! — возражал Граф Федор Васильевич. — Какой даете Вы жестокий щелчок моему самолюбию, но что же мне делать… не умею поступать иначе; Вы, как замечаю я, большой сребролюбец: Вам все бы пряники вытаскивать из кармана бедного Александра Яковлевича». Потом, приняв вдруг какую-то важную театральную позу, Граф прибавил:

Не ищу фортуны я слепой,
Гонюсь за славой лишь одной!

Графа Ростопчина навещали по утрам Преосвященный Августин[15], Николай Михайлович Карамзин[16], Князь Николай Борисович Юсупов, Юрий Алекс. Нелединский-Мелецкий[17], все приезжавшие из С.-Петербурга, из армии и из разных губерний генералы и гражданские чиновники. Занимаясь в продолжение целого утра делами важными, а часто и весьма неприятными, вечера, проводимые в обществе самых коротких знакомых, были для незабвенного московского градоначальника совершенным отдохновением и отрадою. Тогда забывал он все заботы и думал только об одном: как бы время провести повеселее, заводя между собеседниками своими разные споры, вооружая одного против другого.

Ум его имел какую-то особенную наклонность к шуткам. Так, разговаривая о делах самых важных, он умел всегда находить во всем смешную сторону, прикрашивая оную самыми острыми и забавными замечаниями. Он был мастер этого дела. Достаточно было одного его присутствия, чтобы оживлять всякую беседу. Он как будто говорил и за себя и за других. Понятно, что когда соловей поет, то другим нечего делать, как слушать и наслаждаться.

Описывая вечера Графа Ростопчина, можно бы составить порядочное собрание смешных анекдотов. Прежде, нежели приступить к этому делу и дабы ознакомить читателей моих с обыкновенными собеседниками Графа Ростопчина, которых они, вероятно, или вовсе не знали или только понаслышке, а их поименую и прибавлю ко всякому лицу краткую о нем отметку.

Николай Богданович Приклонский

То, что было уже мною рассказано, может служить доказательством, что он не был последним между чудаками, навещавшими Графа Ростопчина. Мне остается прибавить, что Приклонский сделался жертвою разных печальных приключений после занятия Москвы французами. До самого злополучного 1-го сентября он не переставал предаваться разным утешительным мечтам и надеждам, напевая все те же слова:

> Нечего бояться! Ну! Осмелится ли Бонапарте вступить в Москву? Он гроб свой в ней найдет… Кутузов клянется своими сединами, что Москва не будет отдана… Да мы шапками закидаем этого корсиканца… Французская армия ляжет и под стенами Москвы истребится!

Между тем бедный Приклонский, не приуготовленный к печальной участи древней столицы, выходил из оной поспешно в Троицкую заставу, тогда как французские передовые войска оказывались уже на Поклонной горе. Приклонский, всеми оставленный, как упрямый спорщик, бежал один, пешком, навьючив самонужнейшим платьем и бельем. Он имел, однако же, отраду пережить бедствие общего Отечества и собственные свои несчастия. Он возвратился невредим в Москву; опять часто навещал Графа Ростопчина. Начиная новую совершенно жизнь, он любил с самодоволенною улыбкою повторять при всяком случае:

Да не спорьте, пожалуйста! Мало ли что Вы повторяли во времена оно! Наслышался я всего! Чего только не предсказывали, как заняли французы Москву? Да не то предопределено было Всевышним! Я по глупости своей всегда утверждал, что этому мошеннику Бонапарте не сдобровать, что будет и на нашей улице праздник … И теперь вам то же твержу: помните мои слова — отольются волку лютому слезы наши! Он в Москве не славу, а гроб свой найдет! Мы отплатим ему визит: *будем в Париже!* Освободим Европу от этого мерзкого Бонапартовского порабощения!

Подобные размышления могли показаться воздушными замками, будучи выражаемыми не Приклонским, а каким-нибудь Меттернихом[18], Штейном[19] или Веллингтоном[20], а потому можно себе представить, как пророчество непримиримого Наполеонова врага было нами принято и как оно нас всех позабавило, но нам было весьма хладнокровно сказано в ответ на смех наш:

Да уж вы смейтесь себе там, как хотите… и прежде вы смеялись, а вышло все по моим словам, и теперь что говорю, то сбудется*.

Князь Дмитрий Евсеевич Цицианов[21]

Кто из современников тогдашних не был знаком с Князем Цициановым или не знал его понаслышке? Он был человек добрый, большой хлебосол и отлично кормил своих гостей, но был еще более известен с самых времен Екатерины по приобретенной им славе приятного и неистощимого лгуна.

Слабость эту прощал ему всякий весьма охотно, потому что она не была никогда обращена ко вреду ближнего. Цицианова лжи никого не обидели, а только всех смешили.

У него были всегда и на все случаи готовы анекдоты, и когда кто-нибудь из присутствующих оканчивал странный прелюбопытный рассказ, то Цицианов спешил сказать: «Да это што? Нет! Я вам расскажу, что со мною случилось», и тогда начиналась какая-нибудь история или басенка, в которых были обыкновенно замешаны знаменитые люди царствования Екатерины II — Князь Потемкин[22], Орловы[23], Разумовские[24], Нарышкины[25], Суворов[26], Безбородко[27], фавориты Екатерининские, даже сама Императрица. Граф Ростопчин уверял, что известная брошюрка под заглавием «*Не любо — не слушай, а врать не мешай*» сочинена Князем Цициановым, но что он не захотел выставить своего имени.

Я мог бы сообщить здесь множество фактов в доказательство, что ложь Цицианова была забавна, но вместе с этим всегда безвредна, но ограничусь рассказом двух анекдотов. Первый приобрел большую известность в высших петербургских обществах. Я постараюсь передать рассказ, как слышал оный из уст самого Князя Цицианова, у которого было свое особенное красноречье. Вот как он это рассказывал один раз у Князя Василья Алексеевича Хованского (тестя моего)[28], где он часто проводил свои вечера. Я буду стараться передавать точные слова Цицианова. Теперь будет говорить уже он, а не я.

Князь Потемкин меня любил именно за то, что я никогда ни о чем его не просил и ничего не искал**. Я был с ним на довольно короткой ноге. Случилось один раз, что князь, разговаривая (не помню, у кого это было, ну да все равно) о шубах, сказал, что он предпочитает медвежьи, но что они слишком тяжелы, жалуясь, что не может найти себе шубу по вкусу.

— А что бы вам давно мне это сказать, Светлейший Князь — вот такая же точно страсть была у покойного моего отца, и я сохраняю его шубу, которой нет, конечно, *трех фунтов весу* (все слушатели громко рассмеялись).

— Да чему вы так обрадовались, — возразил Цицианов,— будет вам еще чему посмеяться, погодите, да дослушайте меня до конца. И князь Потемкин тоже рассмеялся, принимая слова мои за басенку.

— Ну, а как представлю я Вашей Светлости, — продолжал Цицианов, — шубу эту?

— Приму ее от тебя, как драгоценный подарок, — отвечал мне Таврический. Увидев меня несколько времени спустя, он спросил меня тотчас, — ну что, как поживает трехфунтовая медвежья шуба?

— Я не забыл данного Вам, Светлейший Князь, обещания и писал в деревню, чтобы прислали мне отцовскую шубу.

Скоро явилась и шуба. Я послал за первым в городе скорняком, велел ее при себе вычистить и сделать заново, потому, что эдакую редкость могли бы у меня украсть или подменить. Ну! Слушайте, не то еще будет. Вот завертываю я шубу в свой носовой шелковый платок и отправляюсь к Светлейшему Князю. Это было довольно рано; меня там все знали.

— Позвольте, Ваше Сиятельство, — говорит мне камердинер, — пойду только посмотреть, вошел ли Князь в кабинет или еще в спальне. Он нехорошо изволил ночь проводить. — Возвращается камердинер и говорит мне, — пожалуйте.

Я вошел, гляжу — Князь стоит перед окном, смотрит в сад; одна рука во рту, Светлейший изволил грызть себе ногти, а другою рукою чесал он …. Не могу сказать, что? Угадайте! Он был в таких размышлениях и рассеянности, что не догадался, как я к нему подошел и накинул ему на плечи шубу. Князь освободил правую свою руку и начал по стеклу наигрывать пальцами какие-то фантазии. Я все молчу и гляжу на этого всемогущего баловня, думая себе: чем он так занят, что не чувствует даже, что около него происходит и чем-то дело это кончится? Прошло довольно времени — Князь ничего мне не говорит. Вот я решился начать разговор, подхожу к нему и говорю: Светлейший князь.

* Сбылись пророческие слова человека, который не был ни знаменитым генералом, ни тонким дипломатом и вообще не отличался обширными знаниями и просвещением.

** А, вероятно, еще более за то, что Цицианов забавлял Его Светлость своими басенками.

— Он, не оборачиваясь ко мне, но, узнавши голос мой, сказал: —Ба! Это ты, Цицианов! А что делает шуба?

— Какая шуба?

— Вот хорошо! Шуба, которую ты мне обещал!

— Да шуба у Вашей светлости.

— У меня? Что ты тут мне рассказываешь!!

— У Вас… она и теперь на Ваших плечах.

Можете представить удивление Князя, увидя, что на нем была подлинно шуба. Он верить не хотел, что я давно накинул ему шубу на плеча.

— То-то не понимал я, отчего мне так жарко было: мне казалось, что я нездоров, что у меня жар! — повторял князь. — Да это просто сокровище, а не шуба. Где ты ее выкопал?

— Да я Вашей светлости уже докладывал, что шуба эта досталась мне после моего отца.

— Диковинная! Однако посмотри, она мне только по колено.

— Чему тут дивиться. Я ростом не велик, а отец мой был хотя и сильный мужчина, но головою ниже меня. Вы забываете. Что у Вашей Светлости рост Геркулесов, что для всех людей шуба, то для Вас куртка.

Князя это очень позабавило. Он смеялся и хотел непременно узнать, какими судьбами досталась шуба эта моему отцу. Я рассказал ему всю историю: как шуба эта была послана из Сибири, как редкость Гетману Графу Разумовскому в царствование Императрицы Елизаветы Петровны[29], как дорогою была украдена разбойником и продана Шаху Персидскому, который подарил ее моему отцу…

Князь удивился, что нет теперь таких шуб, но я объяснил ему, что был в Сибири мужик, который умел обделывать так искусно медвежьи меха, что они делались нежнее и легче соболиных, но мужик этот умер, не открывая никому своего секрета.

Чтобы пополнить характеристику Князя Цицианова, я расскажу теперь другой, также до него касающийся анекдот. Случилось, что в одном обществе какой-то помещик, слывший большим хозяином, рассказывал об огромном доходе, получаемом им от пчеловодства, так что доход этот превышал оброк, платимый ему всеми крестьянами, коих было с лишком сто в той деревне.

— Очень Вам верю,— возразил Цицианов, — но смею Вас уверить, что такого пчеловодства, как у нас в Грузии, нет нигде в мире.

— Почему так, Ваше Сиятельство?

— А вот почему, — отвечал Цицианов, — да и не может быть иначе: у нас цветы, заключающие в себе медовые соки, растут как здесь крапива; да к тому же пчелы у нас величиною почти с воробья: замечательно, что когда они летают по воздуху, то не жужжат, а поют как птицы.

— Какие же у вас улья, Ваше Сиятельство? — спросил удивленный пчеловод.

— Улья? Да улья, — отвечал Цицианов — такие же, как везде.

— Как же могут столь огромные пчелы влетать в обыкновенные улья?

Тут Цицианов догадался, что басенку свою пересолил, он приготовил себе сам ловушку, из которой выпутаться ему трудно, однако он ни мало не задумался. «Здесь о нашем крае, — продолжал Цицианов, — не имеют никакого понятия… Вы думаете, что везде, как в России? Нет, батюшка. У нас в Грузии отговорок нет, *хоть тресни, да полезай!* Это служит правилом и для людей и для пчел…

Цицианов любил также выхвалить талант дочери своей в живописи, жалуясь всегда на то, что Княжна на произведениях отличной своей кисти, имела привычку выставлять имя свое, а когда спрашивали его, почему так, то он с видом довольным отвечал: «Потому, что картины моей дочери могли бы слыть за Рафаиловы, тем более что Княжна любила преимущественно писать Богородиц и давала Ей и маленькому Спасителю мастерские позы».

Два вышеупомянутые анекдоты довольно всем известны, и слова «*Цициановская шуба*» и «*Хоть тресни, да полезай*» были приговорками или пословицами тогдашнего времени.

Николай Селиверстович Муромцев (отставной генерал-лейтенант)

Он имел при презрелых уже летах весьма некрасивую наружность. И когда должен был он показываться в мундире, то нельзя было без смеха на него смотреть, потому что, получа при отставке своей в царствование Императора Павла I[30] всемилостивейшее позволение носить драгунский мундир своего полка, Муромцев наблюдал свято предписанную военную форму. Можно представить себе, как при нововведенной Императором Александром Павловичем щегольской одежде армии Муромцев был миловиден в мундире своем бирюзового цвета с розовым воротником и обшлагами, имея вместо сапогов огромные ботфорты выше колен, перчатки с раструбами, доходившими до локтей. В довершение туалета надобно прибавить, что голова пленительного генерала была набело припудрена, и над всяким ухом красовались две огромные букли. В руке его превосходительства была палка, которая для всякого офицера признавалась столь же нужною, как и шпага или сабля.

Я имел несколько раз удовольствие видеть Муромцева в этом живописном наряде, который в то время мог именовать маскарадным*, и, сознаюсь, что трудно было на него смотреть и не рассмеяться.

* Когда было провезено в Москву тело покойного Императора Александра Павловича, Муромцев участвовал в парадной церемонии, сопровождавшей гроб Царский от заставы до Успенского собора. Муромцев нес подушку с одним из иностранных орденов Государя. Все, стоявшие на улицах, спрашивали, указывая на Муромцева: «А это кто?».

— Отчего Вы не поволочитесь за А. П. К.? — спросил его раз Граф Ростопчин.

— Да она, конечно, премиленькая бабенка, — отвечал Муромцев, — и, как говорят французы, une femme galante, но все не то, все пустяки!

— Как пустяки? — возразил Граф, — когда я знаю, наверное, что она в ладах с молодым Г.

— Не верьте, Граф, всем этим враньям… Мало ли что рассказывает Москва? Я более года за К. ухаживал, да из этого ничего не вышло, она всех только за нос водит и мажет по губам.

Графа Ростопчина очень веселил этот эпизод Муромцовских любовных похождений, и он любил рассказывать оный при всяком удобном случае.

Денис Васильевич Давыдов[31]

Лишним почитаю делать какую-нибудь об нем отметку. Он в свежей еще у всех памяти. Кто не слыхал о всех проказах и славных подвигах храброго партизана, столь прославившегося в 1812 году? Всем известен острый его ум, разливавшийся в его речах и стихотворениях. Давыдов всегда готов был и со своими покутить и с французами подраться.

Дмитрий Маркович Полторацкий[32]

Он был человек чрезвычайно живой, вспыльчивый, большой спорщик — качество, которое он передал (как кажется) сыну своему, хорошему нашему приятелю Сергею Дмитриевичу[33]. Дмитрий Маркович, равно как и Граф Ростопчин, были страстные охотники до лошадей. Оба имели прекрасные конные заводы, оба много занимались сельским хозяйством, что давало повод к соревнованию и большим спорам между ними. Полторацкий бодро отгрызался от шуток Ростопчина, а часто и помогал ему в оных.

Павел Никитич Каверин[34]

Не из последних был он говорунов. О чем речь бы ни была, он, как Князь Цицианов, имел всегда в готовности какой-нибудь анекдот. Он был московским оберполицмейстером в царствование Императора Павла Петровича, столь обильное происшествиями необыкновенными. После того Каверин был калужским губернатором и, наконец, сенатором. В такое время, когда общее внимание было обращено единственно на тяжкое положение России, одно было у всех помышление: спасение Отечества и гибель Наполеона. Всякий понимал это по-своему. Довольно, покажется любопытным читателям моим знать, как понимал это Каверин. Пришед один раз, по обыкновению моему, к Графу Федору Васильевичу поутру, я стал извиняться, что позволил себе, может быть, нескромность.

«Какую, например?!», — спросил меня Граф с изумлением.

«Я встретил давеча Каверина, который спросил меня, будете ли Вы сегодня дома?».

Д. В. Денисов. Художник В. П. Лангер. 1820-е гг.

«Вы ответили, что буду дома, так ли? И хорошо сделали. Каверин два раза ко мне заезжал и все меня не заставал дома. Видно, имеет какую-нибудь до меня нужду или важный секрет к сообщению». Слова Графа были причиною, что я в тот вечер к нему не явился, чтобы не быть лишним в просимом Кавериным свидании. Я пришел, но гораздо позднее, так что на лестнице встретил уезжавшего уже Каверина.

«Как жаль, — сказал мне Граф, — что Вы не пришли раньше, Вы бы услышали прекуриознейший проэкт, предложенный Кавериным. Пойдите к Графине, я покуда оденусь, поедемте вместе (если Вы свободны) к Графине Бобринской[35] на вечер, я Вам дорогою все расскажу». Как сказано, так и сделано. Только что сели мы в фавёрный графский vis-a-vis[36], он начал рассказ свой следующими словами:

«Как бы Вы думали, какое придумал Каверин средство к сокрушению Наполеона? Он начал тем, что никому своей мысли не сообщал, но долгом считает не таить ее от меня. Вы знаете, как он любит говорить, и едва ли стало моих двух ушей, чтобы его слушать. Долго он толковал о теперешнем положении дел вообще, что никому не известно, что может последовать, и не подвергнется ли Москва участи Смоленска; что благоразумие требует ко всему приуготовляться, что дело армии — спасать Отечество, а ежели (“чему я, однако ж, не верю”, говорил Каверин), этот счастливый и дерзкий Наполеон ворвется в Москву, надобно подумать, какие взять тогда меры».

«Какие же, Павел Никитич?», — спросил я его.

«Вы знаете, Граф,— продолжал Каверин,— что Наполеон, покоряя столицы побежденных им Государей, занимает всегда их дворцы, угощает и принимает в их залах и гостиных, работает в их кабинетах, а ночью отдыхает в их спальнях».

«Так что же?», — спросил я его.

«А вот что, — отвечал Каверин,— конечно, этому не бывать, но, ежели должно уже последовать такое несчастье, и Москва будет покорена Наполеоном, он займет непременно Кремлевский дворец… Надобно бы заранее приготовить потаенный ход, который вел бы к самой кровати, на которой он будет спать, потом спрятать под полом доброго, решительного человека; его дело будет — явиться вдруг ночью из-под паркета и ударом одним топора разрубить Наполеону череп». Каверин, продолжал Граф, так сериозно и обстоятельно объяснял мне способы и возможность выполнения своего плана, что я не мог принимать это за шутку, тем более, что он заключил сими словами: «Право, Граф, не худо бы Вам подумать хорошенько, как провести это в исполнение».

«Не знаю, как я удержался от смеха,— говорил Граф, — но у меня родилась другая мысль, и я с удовольствовался отвечать, что подумаю об этом, и назначил ему сообщение завтра в девять часов утра, и я прошу вас, Александр Яковлевич, быть непременно на этом совещании, чтобы слышать, какую я дал Каверину резолюцию на предлагаемый им проэкт». Можно понять, что я с величайшей исправностию явился к назначенному часу. Я начинал было разговор о Каверине, но Граф избегал всякого объяснения и, улыбаясь, сказал мне только: «Prenez-patience: vous ne sesez pas faché d'avoir attendu, laissez arriver la sauveur de la cara patria (Возьмите терпение, и будете вознаграждены за подождание, дайте только приехать спасителю любезного Отечества)».

Скоро после того отворяется дверь Графского кабинета, и к нам входит Каверин. «Милости просим садиться, Павел Никитич, — сказал ему Граф. Поговорите-ка о нашем важном деле, покуда мы одни, и никто нам не мешает. Я не имею секретов от Александра Яковлевича», — прибавил Граф, — посматривая на меня, понюхивая табак и переходя очень медленно из одной ноздри на другую, как всегда с ним случалось, когда он задумывал какую-нибудь шутку или готовился сказать что-нибудь острое.

«Я проэкт Ваш, — продолжал Ростопчин, — довел до сведения Государя и сообщил Его Императорскому Величеству, что по преданности Вашей к Нему и любви к Отечеству, Вы сами охотно вызываетесь скрыться под полом Наполеоновой спальни, чтобы выполнить Геройский подвиг, Вами же вымышленный, и избавить Вселенную от несносного ига Наполеона».

Слова сии имели действие громового удара: испуганный Каверин вскочил со своего места: «Помилуйте, Граф! — сказал он жалким голосом, — что Вы наделали. Я сообщил Вам один мой только проэкт, но у меня не было никогда и в помышлении привести его самому в исполнение… Зачем было Вам даже писать об этом Государю? Такие меры не предписываются и не одобряются…. А выполни, так все скажут спасибо… Я мысли свои сообщил Вам только одному и то конфиденциально, по неограниченной моей к Вам доверенности… Ах! Граф, что Вы наделали!... И себе и мне хлопоты… Вы меня поставили в самое затруднительное положение! Могу ли я быть убийцею? А с другой стороны, могу ли я изобличать Вас в неправде в глазах Государя? Помилуйте, Граф, что Вы наделали. Это сделается la fable de la ville*.

В Петербурге не будет другого разговора… Вы меня заживо в землю зарыли!».

Каверин был в ужаснейшем волнении. Граф Ростопчин долго крепился, но не мог более выдерживать положения своего и предался громкому смеху, объявив, что это была токмо одна выдуманная им шутка. Каверин от чрезмерного испуга перешел также к смеху, упрекая себя, однако же, что тотчас не догадался, что Граф хотел только подшутить над ним. «Я оплошал, — говорил мне после Граф Ф. В., — не выдержал характера — рассмеялся, но Каверин показался мне таким жалким, что я не решился продолжать шутку свою. Я мог бы помучить его порядочно еще несколько дней».

Италиянец Тончи[37]

И этот молодец принадлежал к числу оригиналов, посещавших Графа Ростопчина. Он был, несмотря на свои различные призвания и немолодые лета, ветрен, легковерен, имел высокое о себе мнение, сохраняя память о прежней своей красоте; как все италианцы, он любил поболтать, побуфонить. Тончи был все, что вам угодно — философ, поэт, импровизатор, музыкант, медик, богослов и живописец. Прекрасно им написанный портрет графа Ростопчина был выгравирован славным Клаубером[38]. Граф любил начинать с ним беспрестанные споры. По веселому и снисходительному своему нраву Тончи не оскорблялся никогда шутками, которые другие позволяли себе над ним, но зато и мы не затыкали себе ушей, когда он начинал сам превозносить все свои таланты и преимущества. Сохраняя еще остатки прежней своей красоты, он любил оную при всяком случае выхвалить.

Граф Ф. В. Ростопчин. Гравюра И. С. Клаубера по оригиналу С. Тончи. 1800 г.

«Savez-vous, mon cher Tonci, — сказал ему раз Граф Ростопчин, — que vous avez vu avoir été un bien beau garcon dans votre jeunesse (Вы были, я думаю, большим красавцем в молодость нашу, любезный Тончи)».

* Городской сплетней (прим. публ.).

Нимало не думая и не принимая слова Графа за шутку, Тончи отвечал:

> Me voilla! Quand j'etait enfant, les dames m'appelaient *l'amorino*. Plus tard, quand les artistes me rencontraient a Rome, ils se criaient: ecce l'Apolle di Belvedere,et si je n'ai pas sa taille, que etait plus élevée que la mienne, — regardez j'ai absolument ses traits et surtout mon profil. Maintenant observez bien ma tete, ma chevelure abondante, naturellement bouché — je n'aurais qu'a laisser croitre ma barbe, et vous aurez devant vous la *Giove Capitolio* — le Juhiter tonnant. Que ditez-vous? N'est pas? (Вот в чем дело… когда я был ребенком, то даже называли меня *купидончиком*; позже артисты, встречавшие меня в Риме, восклицали: Вот *Аполлон Бельведерский*! И ежели недостает у меня высокого его роста… зато, посмотрите, я имею все его черты, и в особенности его профиль… теперь посмотрите со вниманием на мою голову, на густые мои природно-вьющиеся волосы… стоит только мне отпустить бороду, вы будете иметь перед вами совершенное изображение Юпитера — Капитолийского Громовержца… Что скажете? Не правда ли?)

«Je dis? Ce n'est pas (неправда)» — возразил тотчас Граф Ростопчин. Словам этим засмеялись не только мы все, но и сам грозный Юпитер. «Au reste, — прибавил Граф, — comme je n'ai jamais eu l'honneur de me rencontrer Apollon ou monsieur Jupiter, je ne puis pas être juge compétent dans cette affaire (Впрочем, — прибавил Граф, — так как не имел я никогда чести встречаться с господами Аполлоном и Юпитером, то и не могу быть судьею в этом деле)».

Тончи был с маленьким чином принят в нашу службу и причислен на Кремлевскую Экспедицию по живописной части. Он женился потом на дочери Князя Ивана Сергеевича Гагарина[39], Княжне Наталье Ивановне[40], барышне весьма эксцентрической, но уже не молодой и не миловидной. Вторжение французов в Москву ужасно поразило бедного Тончи. Он впал в какую-то меланхолию, его преследовала несчастная мысль, что подозреваемый в шпионстве, предательстве и нерасположении к французам, он сделается первою жертвою Наполеона. Ему пришла вдруг несчастная мысль, при занятии неприятелем Москвы, бежать из города и сокрыться в Сокольнический лес. Человек, посланный для его отыскания, начал в лесу кричать: «Мусье! Ау!». Тончи еще более перепугался от этих криков, приписывая их злодеям, посланным для его отыскания и предания мучительной смерти. Одержимый страхом, разными странными и нелепыми мыслями и страшась истязаний, представлявшихся воображению его, Тончи решился упредить своих врагов и, вынув из записной своей книжки перочинный ножик, решился перерезать себе горло, но не умел или не смог довершить роковое свое намерение. Человек, посланный для его отыскания, нашел его окровавленным и лежащим без чувств под деревом. Рана была залечена, и Тончи остался жив.

Граф Ростопчин заставлял не один раз Московского Юпитера рассказывать странный этот эпизод, но никто из нас не мог никогда понять, что могло послужить поводом к такой отчаянной решимости. Тончи заключал обыкновенно тесный свой рассказ сими словами:

> Peut-être,que la Providence a voulu me fournir le sujet d'un beau poème épique. Je me retrouvais en effet dans une position tout-a-fait extraordinaire: je me voyais entre la vie, la mort et l'éternité. Je tenais dans ma main cette vaine et ci faible canif, que devait mettre une fin a mes souffrances et mes malheurs… je voyais le moment, où ces trois gouttes: la vie, la mort et l'éternité allaient ce confondre (Может быть, Провидение хотело доставить мне случай написать прекрасную эпическую поэму, и действительно я видел себя тогда в положении совершенно необыкновенном: я находился между жизнию, смертию и вечностию… Я держал в руке моей горловую жилу и слабый ножик, который должен был прекратить все мои страдания и бедствия… Я видел минуту, в которую должны были слиться эти три капли: жизнь, смерть и вечность!...)

Отчаянное положение Тончи должно вероятнее приписывать минутному отсутствию ума, произведенному от ужасного страха, в котором находился бедный Московский Юпитер по мере приближения к Белокаменной Парижского Громовержца*.

Граф Федор Васильевич разливал обыкновенно сам при конце обеда какое-нибудь сладкое вино. Обращаясь один раз к Тончи, он сказал ему:

> Permettez-moi, immortel philosophe, de vous proposer de confondre dans votre verre les trois fameuses gouttes lesquelles, dans un certain temps d'exécrable mémoire, avaint menace les jours d'un des plus grande hommes des temps modern (позвольте мне, бессмертный философ, сделать вам предложение — смешать в рюмке вашей те бессмертные три капли, которые в злосчастное некогда время угрожали прекратить жизнь одного из величайших мужей новейших времен!..)

Тончи прежде всех начал смеяться шутке Графа Ростопчина. — «А! Les trois gouttes, — повторял Тончи, — Vous n'avez pas, oublié, Monsieur le Comte, sette singuliere épisode de ma vie? Le moment ou ces trois gouttes — la vie, la mort et l'éternité allaient se confondre (Да! Памятны мне три капли, — повторял Тончи, — Вы не забыли, Граф, этот самый эпизод жизни моей?... Минута эта…, в которую видел я приближающуюся смерть… минута, в которую должны были слиться в одну — три капли: жизнь, смерть и вечность!)».

Граф Федор Васильевич любил рассказывать следующий анекдот. Тончи принес один раз показать Графу написанный им очень удачно портрет тестя своего, князя Ивана Сергеевича Гагарина. Он был представлен

* Заметно было, что после возвращения нашего в освобожденную от неприятеля Москву Тончи был уже не тем любезным италианцем, который так одушевлял беседу нашу.

держащим в одной руке Гамбургскую Немецкую газету, а в другой — курительную трубку. Граф Ростопчин был очень знаком с князем Гагариным, но, любя шутить, он сказал: «Знаете ли Вы, мой любезный Ван Дик[41], что Гамбургская газета и курительная трубка сходства поразительного, но скажите мне — чей это портрет?».

Тончи понял тотчас насмешку, не показался нимало оною оскорбленным и отвечал: «Как, Граф… ужели Вы не узнаете? Это портрет того умного любезного вельможи, который любит так подшучивать надо всеми и издеваться над славнейшими живописцами — одним словом, это портрет известного Графа Ростопчина».

Две надгробные надписи, сочиненные Графом Ростопчиным для Тончи.

Случилось, что разговаривали один раз у Графа Ростопчина о смерти. Тончи, по обыкновению, делал свои странные и нелепые рассуждения. Граф не делал никаких возражений, взял перо и начал писать. «Volete sumettre… ho indovinato questo che scrive il Conte (Хотел бы представить себе… хотел бы угадать, что именно пишет Граф)», — сказал мне Тончи. И подлинно он угадал, потому что Граф, подавая две записки, сказал ему

№ 1. Ce git l'homme de génie,
Qui passa toute sa vit
A démontrer fort bien,
Que tout de qui est, n'est rien.

№ 2. Ce git reduit en poussière
Le génie de la lumière
Qui pour expliquer l'apocalypse
Dans un char volant
Crut monter au firmamant,
Et après avoir été versé
Se trouva sur la chaire-percée*.

Сергей Николаевич Глинка[42]

Издатель Русского Вестника, которого Граф именовал первым ратником Московского ополчения. Государь Александр Павлович по прибытии своем в июле-месяце пожаловал Глинке орден Св. Владимира 4-й степени. Глинка очень дорожил оным уже потому, что рескрипт был написан рукой статс-секретаря Шишкова. Глинка не участвовал в вечерних наших беседах, и он приходил к Графу Ростопчину обыкновенно по утрам и читал ему выходившие №№ Русского Вестника. Он любил ораторствовать на московских площадях и рассказывал Графу, что происходило между простым народом.

Глинка С. Н. Гравюра 1-й трети XIX в.

Егор Павлович Метакса[43]

Отставной флота капитан-лейтенант (имел крест Св. Георгия), грек, воспитывавшийся в учрежденном Императрицею Екатериной II корпусе Иностранных единоверцев. Он был человек умный, хитрый и приветливый. Тончи говаривал нем: «Greco italiano, turco incorneto (Греческий итальянец — турок упрямый)».

Граф Ростопчин забавлялся его рассказами и имел в виду дать ему место полицмейстера в Москве, но первая вакация обещана была Графом Адаму Фомичу Брокеру[44], который и был на оную помещен, когда полицмейстер Дурасов[45] заступил место Московского вице-губернатора. В одном из разъездов своих по Средиземному морю Метакса имел случай научиться приготовлять весьма искусно так называемое rizi veniziono[46]. Мы не один раз им лакомились за графским столом и у меня. Никогда не забуду я смех, который поднялся, когда назначили на таковой обед день. В четыре часа без десяти минут. Метакса вышел к Графу в белой холстяной куртке с кухмистерским на голове колпаком и сказал, стоя в дверях: «Eccelentissimo signore, I risi sono pronte (рис готов), не извольте мешкать, Ваше Сиятельство, пушки заряжены, пора приниматься стрелять, а то порох отсыреет или пересохнет».

После Метаксы остались записки, в которых описываются подвиги Российского флота в Черном и Средиземном морях и покорение Ионических островов, занятых в то время Французскою республикою[47]. Записки сии были мною пополнены и переправлены, потому что Метакса нехорошо писал по-русски. Я напечатал в Сыне Отечества некоторые отдельные любопытные статьи, но, к сожалению моему, полное сочинение в свет еще не вышло по причинам, от меня не зависящим и о которых не место здесь рассказывать. Я давал читать означенные записки адмиралу Литке[48], и он находил их достойными посвящения Его Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу[49] как Генерал-Адмиралу Российского флота.

---

* № 1. Здесь погребен гений,
Который провел всю свою жизнь
В упорном стремлении доказать,
Что все, что есть, — ничто.

№ 2. Здесь погребен прах
Гения света,
Который, чтобы объяснить Апокалипсис,
Вознесся на небеса на колеснице,
Но будучи спушенным вниз,
Оказался с порезанной кожей.

Князь Андрей Александрович Кольцов-Мосальский[50]

Маленький, худенький, бледненький Сенатор, страстный охотник до картин и новостей, который, как говаривал Граф Ростопчин, всему на свете верил и всего на свете боялся.

Князь Кирилл Александрович Багратион[51]

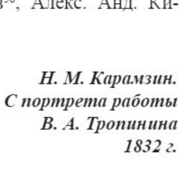
Также Сенатор, и когда эти два Сенатора съезжались у Графа Ростопчина, то можно было предугадывать, что вечер будет шумный и веселый. Образование Кн. Багратиона было весьма посредственное, но он имел много природного ума и хитрости, которыми под личиною простака умел снискивать благорасположение людей, в которых имел нужду. Он усердно помогал Графу Ростопчину в изображении разных шуток, особенно когда имели они целию тревожить князя Мосальского, всегда готового впадать в приуготовляемые ему сети.

Князь Василий Алексеевич Хованский

Граф Ростопчин ездил часто к нему по вечерам. Князь жил открытым домом, имел отличный стол. К нему съезжалось лутчее московское общество, петербургская молодежь, приезжавшая в Москву повеселиться, все знаменитые путешественники, певицы, певцы, музыканты и артисты, объезжавшие Европу для показания своего искусства. На этих вечерах Князя Хованского были различного рода увеселения и занятия для всякого: музыка, карты, биллиард, приятная беседа и отличный ужин. Старшая дочь Князя, Княжна Наталья (жена моя), славилась в Москве отличным своим пением и любезностью; обе ее сестры, Софья Васильевна Соковнина[52] и Прасковья Васильевна (вышедшая впоследствии замуж за Василия Александровича Обрезкова)[53] помогали отцу в угощении многочисленного общества. Князь Хованский был человек очень добрый, приятнейшего обхождения и большой хлебосол. Несмотря на ближнее наше родство, я не скрою, что он имел привычку все преувеличивать и любил подчас похвастать, но эти две безвредные слабости имели свою хорошую сторону, ими оживлялся как-то больше общий разговор.

Кроме поименованных здесь мной особ бывали также у Графа Ростопчина: Федор и Дмитрий Ивановичи Киселевы[54], Иван Николаевич Римский-Корсаков[55], Апол. Алекс. Майков[56], Федор Федорович Кокошкин[57], Иван Петрович Архаров[58], Алекс. Анд. Кикин[59], Е. М. Кашкин[60]. Гр. Гр. Спиридов[61] и многие другие.

Н. М. Карамзин. С портрета работы В. А. Тропинина 1832 г.

Теперь остается мне досказать, как кончилась вторая часть вечера, который начался для меня биллиардною победою над Графом Ростопчиным и выигрыше шести гривенников у Приклонского. К восьми часам начали съезжаться гости. Иные останавливались в биллиардной смотреть нашу игру, другие уходили с Графом при появлении Багратиона. Мосальского, Муромцева, Давыдова. Граф сказал мне, улыбаясь: «Сходятся наши ратники, надобно будет заварить кашу и кровопролитную войну между Сенаторами».

В то же время, как проходила мимо нас Графиня Екатерина Петровна, ехавшая со двора, Граф пригласил нас и гостей, ее провожавших, перебраться в его кабинет. «Я жду, господа, — говорил он, — утешения от вас, меня Булгаков сегодня в пух разбил, и хорошо еще, что я не слушался премудрых советов Николая Богдановича, а то было бы нам еще хуже».

Кабинет Графский помещался в маленькой комнате с двумя окнами на задний двор. Кабинет этот был наполнен изображениями людей, близких к сердцу Ростопчина, которых он уважал. Тут смешивались без чинов портреты его отца[62], брата[63], жены и детей[64] с портретами Императора Павла Петровича, Екатерины II, Графа Николая Николаевича Головина[65], Суворова, Графа Семена Романовича Воронцова[66], Князя Павла Дмитриевича Цицианова, Графа Александра Андреевича Безбородко, Д. А. Новосильцова[67], Графини Протасовой[68] и др. Не один раз замечал я, что когда речь доходила до какихнибудь важных дел или случаев, то Ростопчин, обращаясь к портретам, говаривал: «Они знали бы, что делать! Да где взять этих людей? Их нет!».

Мы переселились по сделанному приглашению в кабинет. Граф уселся, по обыкновению своему, в маленькие свои обитые зеленым сафьяном вольтеровские креслы, на которых теперь сидя, пишу и которые сохраняю я как драгоценный памятник прошедших времен. Все расположились около любезного хозяина.

— Ба! Как кстати Вы пожаловали, Дмитрий Маркович, — сказал Граф входившему в ту минуту Полторацкому, — я все хотел у Вас спросить, правда ли (как уверяли меня), что Вы отправили в Калужскую вашу деревню конюхов и коновалов с приказанием англизировать там всех крестьянских лошадей?

Полторацкий принимал слова Графа Ростопчина за то, что они были и, желая продолжить шутку, отвечал:

— А Вы как думаете, Граф? Дело, право, возможное… Я Вам скажу, что у моих мужиков нет лошади, которая бы не годилась любому кавалерийскому офицеру нашему под седло… Да я точно украсил бы крестьянских своих лошадей, отрубя им хвосты… да вот беда: чем стали бы бедные лошади оберегаться от мух и слепней?

На это замечание Граф тотчас возразил:

— Да этому горю можно пособить.

— Чем же, Граф? Разве для времени полевых работ пришивать лошадям фальшивые хвосты?

— Нет, совсем не то, — отвечал Ростопчин, засмеявшись. — У Вас в Калуге не без молодежи: стоит только дать приказ старосте, что когда будут пахать землю, то чтобы наряжали они ко всякой сохе по мальчику или девочке, которые обмахивали бы лошадей и веточками защищали их от нападения мух и слепней.

Можно представить себе, с какою благодарностью был принят Полторацким полезный этот совет, и как он нас всех позабавил.

— Итак,— сказал вдруг Граф Ф. В., переменяя разговор, — выходит, что все, что рассказывали в городе о кургузых лошадях и экономических планах Дмитрия Марковича, что все это — сущий вздор… Пуф! Нет! Шутки в сторону, — прибавил Граф. — Что происходит в белом свете достоверного и о чем толкует теперь Москва? Князь Андрей Александрович… Вы что-то невеселы сегодня… сообщите же нам какие-нибудь новости!

— Да что Вам сказать, Граф, Вы лутче нас все знаете, — отвечал Мосальский, озабоченный нашедшею на Россию тучею и воображавший, что французы стучат уже в вороты мясницкого его дома, — Я Вам признаюсь, что не вижу ничего утешительного, а мне кажется, что, на всякий случай, всего благоразумнее было бы заблаговременно отправляться в дальние деревни, забрав с собою, что всякий имеет в доме своем драгоценнейшего.

— Можно ли, Князь, — возразил на это Давыдов, — иметь такие мрачные мысли? Чего Вы боитесь? Да мы не подрались еще порядочно ни разу!

— Да когда же мы будем драться? А между тем Бонапарте в Смоленске, — говорил Мосальский…

— Да разве не было у нас нашествия татар, — возражал Давыдов, — да мы однако ж их уходили! Война только еще разыгрывается… мы все сосредотачиваемся, Наполеон лезет вперед, то есть все ближе к нам, далее от Франции. Конечно, лутче было бы разбить неприятеля на границе нашей, не впускать его в пределы России, но надобно принять в уважение, что мы, отступая от Польских провинций[69], для нас, во всяком случае, не надежных, углубляемся в нашу Православную Русь, а Наполеон, нападая на нас, все более и более удаляется от своих ресурсов; между ним и Парижем — ненавидящая его Германия — да как ручиться, чтобы и французам не надоела эта война, что они будут продолжать спокойно жертвовать своею кровью алчности Наполеона.

Рассуждения эти имели, конечно, благоразумную свою сторону, и хотя Граф Ростопчин вполне их разделял, но чтобы еще более встревожить Князя Мосальского, он отвечал Давыдову: «Оно все так, Денис Васильевич, вы судите как храбрый воин, но как-то еще ветер подует… нам памятен еще Аустерлиц[70]… Одно сражение может все поколебать и все решить». Так-то подшучивал в приятельском кругу Граф Ростопчин, но в больших обществах и при важных случаях он рассуждал, писал и действовал иначе.

А. И. Чернышев. Гравюра 1-й четверти XIX в.

Сенатор Князь Кирилл Александрович Багратион был человек (как сказано уже выше) невысокого образования, но хитрый, как все грузинцы, и большой балагур. Не желая вступать в сериозный разговор и имея только в виду смешить Графа Ростопчина, он взглянул на него, мигнув глазом, и обратился к Давыдову со следующими словами: «Мы не можем не сознаться, что замечания Ваши, конечно, основательны. Это все хорошо говорить вам, военным, но мы с Князем Мосальским народ мирный и шпагу носим только для формы, для красы… а все-таки находимся в весьма критическом положении». И на вопрос Давыдова, «Почему так?», Багратион ответил: «А вот почему: Вы, может быть, этого не знаете. Денис Васильевич, но я могу Вас уверить с достоверностью, что Бонапарт более озлоблен на нас, Сенаторов, нежели на вашу братью военных. Он уверен, что война последовала по настоянию и внушениям не англичан, а нас, Сенаторов. Что прикажете делать? Вдолбил себе в голову этот *Сенат дирижан*, да и полно!»

Граф Ростопчин молчал и улыбался, входя в мысль Багратиона, но Князь Мосальский не вытерпел, перебил речь своего товарища и сокликнул с решимостью: «Какой вздор! Вы хотите сказать “Sénat dirigeant”*. Какой “Sénat dirigeant”, тут всякому известно, да вот и Граф Федор Васильевич Вам подтвердит, что это только так говорится… “Sénat dirigeant”, но ни война, ни мир — не дело Сената, это решает не Сенат, а один Государь и министры, которые пользуются Его доверенностью». Мосальский как будто старался оправдаться в глазах Наполеона и ограждать себя от его гнева. Багратион, видя, как спор этот забавлял Графа Ростопчина, все-таки налегал на Князя Мосальского. «Да, Вы уже, — продолжал он, — толкуйте себе это дело как Вам угодно, а Бонапарте ужасно озлоблен на нас. В день перехода своего через Неман он публично объявил, что только тогда будет доволен, когда повесит первого русского сенатора, который попадется ему в руки. Вам-то это ничего, — продолжал Багратион, — Бонапарте, я чаю, и не

* Правительствующий Сенат (*франц.*).

знает, что это за птица — Князь Мосальский, а имя Багратиона, по несчастию, очень ему известно, попадись я ему только в руки. Он будет на мне мстить за брата, Князя Петра Ивановича, который умел от него ускользнуть с вверенным ему корпусом и соединился с главною нашею армиею…»

Можно представить себе, как эта сцена всех веселила, и в особенности Графа Ростопчина. Он все время хохотал, а Князь Багратион с притворно жалким видом и слабым голосом спрашивал у него: «Да помилуйте, Граф, я, право, не знаю, что находите тут так забавного и чему Вы радуетесь и смеетесь». Кн. Мосальский был смутен и углублен в печальные размышления. Лицо его только тогда несколько прояснилось, как Граф Ростопчин, как будто серьозно опровергая слова Багратиона, сказал ему: «Помилуйте, Князь, неужели Вы этим бредням даете веру? Все это не что иное, как пустые выдумки».

— Пустые выдумки! Пустые выдумки, — повторял с торжеством Мосальский. Он вскочил со своих кресел, начал ходить по комнате, повторяя:

— Какой тут «Sénat dirigeant»?! Да и кто слышал сказанные Наполеоном слова и угрозы? Как это можно? Это все выдумки неблагонамеренных людей, чтобы тревожить и возмущать Русский народ. Осмелится ли Наполеон?..

— Осмелится ли Наполеон? ... Вот прекрасно, — отвечал Багратион, — да ведь он осмелился же шагнуть через Рейн, вторгнуться в чужое Государство, с которым был в хороших отношениях, захватить и расстрелять не нашего уже брата Сенатора, а Принца Крови, Герцога Ангиенского[71].

Мосальский начал было успокаиваться замечаниями, которые делались около него: один говорил, что в несчастной судьбе Герцога замешана политика, другой — что Наполеон жертвою этою хотел дать Франции залог вечной вражды и непримиримости своей с Бурбонами и т. д. И сам Мосальский, наконец, сознавался, что хотя злодейство это не может быть ничем оправдано, но тут был повод политический, особенной важности, а в этих случаях такой злодей, как Наполеон, не колебался ни минуты. Это в пример ставить нельзя: там была речь о Франции, а здесь — о России.

Багратион как будто не мог видеть Мосальского не иначе, как в тревожном расположении духа, посмотря на Графа Ростопчина, отвечал на замечания Князя:

— Вы говорите, Князь, что это в пример не идет… Ну! Хорошо, положим, что Наполеон видел в Герцоге Ангиенском опасного соперника. Я очень люблю, что Вы говорите: это не идет в пример… Да разве наш Чернышев имел какие-нибудь виды на французский престол? А Вам, я полагаю, точно известно, что Чернышев[72], подкупив в Париже чиновника Главного штаба, который доставил ему списки французской армии, удрал в Петербург орлиным полетом. Хорошо, что опоздали и что телеграфная депеша, отправленная для его арестования, не настигла его в пределах Франции… А то, как Вы думаете, не посмотрел бы Наполеон на прекрасные глаза, отличный стан Императора Александра Павловича и на 800-тысячную нашу армию. Чернышев был бы расстрелян вместе с французским чиновником, которого он подкупил.

Да нет в том сомнения, как же Вы хотите, — возразил Приклонский, — обращаясь к Графу Ростопчину, чтобы Англия и я, мы *признавали императором такого мерзавца,* каков Наполеон? Да вы это только так говорите, шутите, а думаете так же, как и все благоразумные и благонамеренные люди. А каковы стишки, написанные под портретом Бонапарта! О, позвольте спросить у Вашего Сиятельства, кто их сочинил?

Переходя вдруг от громкого смеха в глубокую задумчивость, Граф Ростопчин отвечал: «Нечего таить, я их сочинил, где рука, тут и голова, но я прошу Вас, Николай Богданович, молчать и меня не выдавать. Я знаю, что Его Величество Император Французов без того меня не жалует, чего доброго!... станет добираться до имени того, который осмелился так его поносить, да еще и письменно!».

Оживленная, веселая эта вечеринка долго бы еще продолжалась, но Графиня, возвращавшаяся домой, прислала к нам своего Андрюшу сказать, что ждет нас к себе на чай.

Часто повторялись у Графа Федора Васильевича подобные вечера, но мере, что тучи накоплялись над золотыми маковками белокаменной Москвы, большая часть означенных собеседников начинала разъезжаться в разные стороны. Граф Ростопчин, оставшийся только с теми, которых удерживали в Москве занимаемые ими по службе должности, должен был довольствоваться беседами в Москве посредством своих бюллетеней или так называемых в то время афиш, которые столь алчно всеми тогда читались.

Они были написаны языком убедительным и для всякого звания людей понятными, отличались не пышными фразами, не умствованиями, а простотою своей. Слова Графа Ростопчина поддерживали дух и бодрость Московских жителей и укрепляли их еще более в любви к Отечеству. Русский народ переносил терпеливо все бедствия войны и разорения ему неприятельским нашествием, но наглые поступки французов против православной нашей Веры, осквернение храмов Христианских, превращение их в конюшни, возбуждали в русском народе всеобщее негодование и ненависть к безбожному неприятелю.

Можно утвердительно сказать, что разврат французского войска родил в Русском народе ту непримиримую ненависть и вражду, которые сделали войну 1812 года столь жестокою, и много способствовали к изгнанию неприятельских полчищ из пределов России.

ОПИ ГИМ. Ф. 222 (Ф. В. Ростопчина). Ед. хр. 1.
Л. 109—130 об.

Примечания

[1] Екатерина Павловна (1788—1819), четвертая дочь Павла I и императрицы Марии Федоровны. Любимая сестра Александра I. В ходе Эрфуртского свидания с ним Наполеон просил у российского императора ее руки, но получил отказ. С 1809 г. — герцогиня Ольденбургская, жена принца Георгия Петровича Ольденбургского, тверского, новгородского и ярославского генерал-губернатора в 1809—1812 гг. Ярая противница сближения России с Францией, своеобразный лидер придворной оппозиции вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Одной из первых выдвинула идею созыва ополчения, организовала из крестьян Дмитровский батальон и открыла в Твери госпиталь для раненых. Содействовала назначению Ростопчина «как человека, прослывшего в России по преимуществу русским, отличавшегося горячею любовью к Отечеству, образованного и решительного» (*Попов А. Н.* Москва в 1812 г. // Русский архив. 1875. № 6. С. 313—313).

[2] От французского «le faveur» — расположение, благосклонность, фавор.

[3] Ла Гарп, Лагарп (La Harpe) Фредерик Сезар де (1754—1838), швейцарский генерал и политический деятель, воспитатель вел. кн. Александра Павловича. В 1802—1814 гг. проживал во Франции. В 1814 г. Александр I произвел Лагарпа в генерал-лейтенанты русской службы и наградил орденом Андрея Первозванного.

[4] Мартинисты, мистическая секта, основанная в XVIII в. Мартинесом Паскалесом, одно из направлений масонства, члены которого якобы обладали сверхъестественными видениями. В Москве особую роль в его распространении играли Н. И. Новиков и И. Г. Шварц.

[5] Негативное отношение Ростопчина к Кутузову объяснялось тем, что тот первоначально заявил о намерении дать после Бородина новое генеральное сражение под Москвой, а 1 сентября на военном Совете в Филях объявил о необходимости оставить Москву. При прохождении русских войск через Москву Кутузов, во время случайной встречи с Ростопчиным, проигнорировал его просьбу дать какое-либо объяснение об этом решении. 13 сентября Ростопчин, не понимая сути марш-маневра Кутузова, писал Александру I: «Господствует мнение, что Кутузов действовал по Вашим приказам, и что взятие Москвы без битвы, которую он сам же обещал, внушена страхом перед всем светом…» (Русский архив. 1892. № 8. С. 537). По мнению А. Г. Тартаковского, «замысел Ростопчина — предать Москву пламени перед вступлением в нее французов (равно как и любые меры по ее сожжению) — вопиющим образом противоречил планам Кутузова, путая все его стратегические карты. Это не только ставило бы в тяжелейшее положение русские войска, воспрепятствовав их отступлению через Москву, но могло бы подтолкнуть Наполеона и на совершенно непредсказуемые действия, и, прежде всего, вынудило бы скорее выбраться из спаленного и опустевшего города» (*Тартаковский А. Г.* Обманутый Герострат… С. 92).

[6] Валуев Петр Степанович (1743—1814), действительный тайный советник, обер-церемониймейстер, сенатор. С марта 1805 г. — главноначальствующий Экспедицией Кремлевского строения, Мастерской и Оружейной палаты. Жил в доме на углу Б. Каретного и Садового кольца, построенном в XVIII в.

[7] Подмосковное имение Ростопчина Вороново находилось в 60 км от Москвы по Старой Калужской дороге.

[8] 2 августа 1812 г. А. Я. Булгаков писал брату Константину, что посылает ему «картинку, из-за которой дерутся у Спасской башни, где в то время шла мелочная книжная торговля» (Братья Булгаковы… Т. I. С. 298).

[9] Имеется в виду графиня Екатерина Петровна Ростопчина, урожденная Протасова (1776—1859), дочь генерал-поручика и сенатора П. С. Протасова. Благодаря своей тетке А. С. Протасовой — любимой фрейлине и личному другу Екатерины II — воспитывалась при дворе императрицы (в 1791 г. — Екатерина Протасова сама была пожалована в фрейлины), где и познакомилась со своим будущим мужем. Воспитанная в духе вольнодумства, она попала под влияние известного католического проповедника аббата Серюга, который стал ее духовным наставником. В 1806 г. втайне перешла в католичество. Присутствовавший при кончине графа Ростопчина и его похоронах А. Я. Булгаков записал 23 января 1826 г. разговор А. Ф. Брокера с Е. П. Ростопчиной: «Есть некоторые бумаги, которые я хочу сжечь». — «Я до этого не допущу вас. Граф был так умен и так долго готовился к смерти, что он знал сам, чему надобно оставаться и чему нет….». — «Да тут есть множество французских бумаг, коих вы не понимаете, и брани на французов». — «Французские разберет Александр Яковлевич, а ежели Граф бранил французов, то делал хорошо: они тогда были наши злодеи…» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. 2. М., 2010. С. 578—579). Богадельня графини Е. П. Ростопчиной находилась на Новобасманной улице.

[10] Рамих Карл (1780—1831), придворный хирург, статский советник.

[11] Брегет, карманные часы, изготовлявшиеся в мастерской французского мастера А. Л. Бреге (Breguet) (1747—1823), отличались большой точностью.

[12] Ростопчин Андрей Федорович (1813—1892), граф. Шталмейстер, тайный советник. Библиограф, литератор, меценат, коллекционер. Был женат на известной писательнице Евдокие Петровне Ростопчиной, урожденной Сушковой. Служил при Главном управлении Восточной Сибири. Опубликовал документы о своем отце в «Русском архиве» П. И. Бартенева.

[13] Приклонский Николай Богданович, был женат на Мавре Ивановне Булгаковой — тетке А. Я. и К. Я. Булгаковых.

[14] «Croisé» (*франц.*). Здесь: перекрестный удар.

[15] Августин, в миру А. В. Виноградский (см. ниже).

[16] Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), великий русский историк, писатель, поэт, публицист. Член Императорской Академии Наук. Один из лидеров своеобразной «антифранцузской партии», манифестом которой стала написанная им в 1811 г. его знаменитая «Записка о Древней и Новой России», где подверглась критике внутренняя и внешняя политика Александра I и осуждался Тильзитский мир, который лишь приближал новую войну с Францией. «Я никогда не забуду, — писал Булгаков, — пророческих изречений нашего историографа, который предугадывал уже тогда начало полного очищения целой Европы от ига Наполеонова … Казалось, что прозорливый глаз Карамзина открывал уже вдали убийственную скалу Св. Елены. В Карамзине было что-то вдохновенного, увлекательного и вместе с тем отрадного. Он возвышал свой приятный мужественный голос; прекрасные его глаза, исполненные выражения, сверкали как две звезды в тихую ясную ночь» (*Булгаков А. Я.* Из записок. С. 425).

[17] Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829), тайный советник, сенатор, поэт. Владел домом в Мясницкой части.

[18] Меттерних (Меттерних Виннебург) Клеменс Венцель Лотар фон (1773—1859), князь, знаменитый австрийский деятель и дипломат. В 1809—1821 гг. — министр иностранных дел Австрийской империи, фактический глава правительства. Содействовал браку императора Наполеона с дочерью императора Франца Марией-Луизой. Занятие Москвы Великой армией расценивал как свидетельство непобедимости императора Наполеона, а после известия о ее гибели в России вступил в тайные переговоры с русскими и англичанами. В августе 1813 г. объявил войну Франции. С 1815 г. один из лидеров Священного Союза. В 1821—1848 гг. — канцлер.

[19] Штейн Генрих Фридрих Карл (1757—1831), барон, прусский государственный деятель. В мае 1812 г. по приглашению императора Александра I прибыл в Россию в качестве его политического советника. С осени 1812 г. возглавлял Комитет по делам Германии, сыгравший важную роль в освобождении немецких земель от наполеоновской оккупации в 1813 г.

[20] Веллингтон Уэлсли Артур Колли (1769—1852), принц Ватерлоо (1815), английский фельдмаршал (1813), государственный деятель и дипломат, прославившийся победами над наполеоновскими войсками в Испании в 1809—1814 гг. и особенно при Ватерлоо в 1815 г. Был пожалован в генерал-фельдмаршалы русской армии (1818). В 1828—1830 гг. премьер-министр Великобритании, в 1834—1835 гг. — министр иностранных дел.

[21] Цицианов Дмитрий Евсеевич (1756—1835), князь. Из старинного грузинского рода.

[22] Потемкин Григорий Алексеевич (1739—1791), князь Таврический, генерал-фельдмаршал (1784), прославленный государственный и военный деятель.

[23] Из четырех братьев Орловых наибольшую известность получили: графы Григорий Григорьевич (1734—1783), фаворит Екатерины II, возглавлявший Военную коллегию, и Алексей Григорьевич (1737—1807), генерал-аншеф, генерал-адмирал, который получил право присоединить к фамилии наименование Чесменского за победу над турецким флотом в 1770 г. Менее известны Федор Григорьевич (1741—1796), генерал-аншеф, обер-прокурор Св. Синода, сенатор (владел домами на Тверской и Пречистенке) — отец знаменитого героя 1812 г., генерала Михаила Федоровича Орлова (1788—1842), и Владимир Григорьевич (1743—1831), директор императорской Академии наук (владел домами на М. Дмитровке, Садово-Самотечной и Земляном валу). Особо отметим дом В. Г. Орлова на углу Б. Никитской и Романова пер. (быв. ул. Грановского), построенный в конце XVIII в. на основе хором бояр Хитрово XVII в. После пожара 1812 г. внутренняя отделка интерьеров выполнена архитектором О. И. Бове и скульптором С. П. Кампиони.

[24] Имеются в виду Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803), граф (1744), последний гетман Малороссии, с 1764 г. — генерал-фельдмаршал, и его сыновья.

Алексей Кириллович (1748—1822), попечитель Московского университета с 1807 г., министр народного просвещения в 1810—1816 гг., устроил знаменитый ботанический сад в своем подмосковном имении Горенки. Его усадьба в Москве на Гороховом поле (ныне ул. Казакова), построенная А. А. Менеласом в 1799—1802 гг., — один из редких образцов московского деревянного классицистического зодчества, сохранившихся после пожара 1812 года. В 1793 г. на землях Разумовского был возведен домовый храм Вознесения Господня.

Андрей Кириллович (1752—1836), известный дипломат, долгие годы занимавший должность посла России в Вене, был близким другом В.-А. Моцарта.

Лев Кириллович (1757—1818), участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., командовал егерскими полками под начальством А. В. Суворова и был произведен в генерал-майоры. С 1796 г. в отставке. С 1800 г. жил в Москве, получил известность празднествами и балами в своем роскошном доме с «львами на воротах» на Тверской, построенным в конце XVIII — начале XIX в. А. А. Менеласом и перестроенным к 1817 г. после пожара. С 1831 до 1917 г. в нем находился Английский клуб (ныне здесь — Музей современной истории). Близкий друг Ф. В. Ростопчина, Н. М. Карамзина и П. А. Вяземского.

[25] Из представителей известного дворянского рода Нарышкиных, породнившихся с Романовыми, при Екатерине II выдвинулись Александр Александрович (1726—1795), действительный тайный советник, обер-шенк, сенатор, обер-гофмаршал, и его брат Лев Александрович (1733—1799), обер-шталмейстер. Сын последнего Александр Львович Нарышкин (1760—1826), обер-камергер, с 1799 по 1819 г. был главным директором императорских театров, содействовал открытию русских и иностранных театров в Москве.

[26] Суворов Александр Васильевич (1729—1800), граф Рымникский, светлейший князь Италийский, генералиссимус. Великий русский полководец.

[27] Безбородко Александр Андреевич (1747—1799), светлейший князь, государственный канцлер. С начала 1780-х гг. глава Коллегии иностранных дел. Руководил внешней политикой России в последние годы царствования Екатерины II и в начале царствования Павла I.

[28] Хованский Василий Алексеевич (1756—1830), князь, сенатор. Обер-прокурор Св. Синода, (1797—1799), сенатор. При Павле I сослан в Симбирск, при Александре I возвращен в Москву. С 1819 г. — московский уездный предводитель дворянства.

[29] Елизавета Петровна (1709—1761), российская императрица с 1741 г.

[30] Павел I (1754— 1801), российский император с 1796 г. Покровительствовал Ф. В. Ростопчину.

[31] Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), знаменитый партизан 1812 г., генерал-лейтенант (1831), поэт, писатель, мемуарист. Считая необходимым сближение с народом во время наполеоновского нашествия, в то же время полагал неуместным «писать слогом объявлений Ростопчина. Это оскорбляет грамотных, которые видят презрение в том, что им пишут площадным наречием, а известно, что письменные люди имеют влияние над безграмотными, даже в кабаках» (*Давыдов Д. В.* Сочинения. М., 1962. С. 536).

[32] Полторацкий Дмитрий Маркович (1761—1818), статский советник. В 1797—1798 г. член Экспедиции государственного хозяйства. Наибольшую известность получил устройством образцового земледельческого заведения в имении Авчурино близ Калуги на левом берегу Оки. Владел конным заводом, на котором разводились породы английских и арабских жеребцов.

[33] Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803—1884), известный библиограф. Популяризатор русской литературы на Западе, и прежде всего, произведений А. С. Пушкина, который бывал в его доме на углу Театральной и Б. Дмитровки.

[34] Каверин Павел Никитич (умер после 1827), сенатор, действительный статский советник. В 1797—1802 гг. московский обер-полицмейстер. В 1812 г. калужский губернатор, а

после изгнания французов — одновременно и смоленский губернатор. Его дом находился в Охотном ряду, на месте современной гостиницы «Москва».

[35] Имеется в виду графиня А. В. Бобринская.

[36] Дословно с французского «с глазу на глаз, лицом к лицу» — визави, узкий двухместный экипаж.

[37] Тончи Сальваторе (Николай Иванович) (1756—1834), исторический портретный живописец, коллежский советник. С 1800 г. работал в Москве. Служил инспектором в Дворцовом архитектурном училище. Автор портретов графа Ф. В. Ростопчина, Г. Р. Державина, кн. П. И. Багратиона, графини Потоцкой, кн. П. Д. Цицианова и др. Как указывал П. И. Бартенев, «он также был известен как поэт и философ, изъяснявший свое оригинальное мировоззрение с итальянской живостью и даром слова» (Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 306). Князь А. А. Шаховской вспоминал со слов самого Тончи: «Отослав задолго по совету Ростопчина жену свою, рожденную княжну Гагарину, в Рязань, он остался в доме графа, который обещал его, когда нужно будет отправить близко. Неприятель близко. Москва пустеет. Тончи в страхе приходит к графу напомнить его обещание. Графу было не до Тончи, он отвечает: "Вы будете отправлены куда надо", и при нем грозно приказывает своему правителю г-ну Руничу взять его с собою. Эта необыкновенная суровость поражает итальянца, встревоженное воображение представляет ему, что его хотят отправить в Сибирь, и когда Рунич повез его не по Рязанской дороге, ужас ссылки довел его до исступления…» (*Шаховской А. А.* Первые дни в сожженной Москве. Сентябрь и октябрь 1812 года. С. 111).

[38] Клаубер Игнатий Себастиан (1754—1817), гравер на меди. Прибыл в Петербург в 1796 г. С 1797 г. советник Академии Художеств. Автор известных гравированных портретов императора Павла I, императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны, графа А. С. Строганова и других.

[39] Гагарин Иван Сергеевич (1754—1810), князь, капитан флота.

[40] Тончи, урожденная княжна Гагарина Наталия Ивановна (1778—1832).

[41] Имеется в виду ван Дейк Антонис (1599—1641), знаменитый фламандский живописец.

[42] Глинка Сергей Николаевич (1776—1847), журналист, писатель, мемуарист. С 1808 г. издавал журнал «Русский вестник», который стал рупором патриотической, антинаполеоновской пропаганды. В 1812 г. первым записался в московское ополчение и в речи в Дворянском собрании в июле публично заявил: «Мы не должны ужасаться: Москва будет сдана». Тем не менее, по личному указанию Александра I Глинка получил 300 тыс. руб. «для поддержания и возбуждения патриотического духа в народе». Все эти средства были истрачены на патриотические воззвания. Записки С. Н. Глинки, посвященные эпохе 1812—1815 гг., содержат яркое описание событий 1812 года, ценные свидетельства о деятельности Ф. В. Ростопчина накануне и во время оставления Москвы, его стремлении предотвратить беспорядки в городе и окрестных деревнях. Высоко оценил «ростопчинские афишки», подчеркивая, что, «говоря с народом и к народу, Федор Васильевич отдалял от себя звание главнокомандующего. В дружеских своих посланиях он беседовал с обывателями как заботливый и приветливый друг. Словом, он поставил себя на чреду *старшины мирской сходки.* Граф не только вполне ведал и разумел речь, прибаутки… самородные вызовы слова русского. Это его лавры» (*Глинка С. Н.* Записки о событиях заграничных и происшествиях московских 1813, 14 и до половины 15 года // «России двинулись сыны…» Отечественная война в русской литературе первой половины XIX века. Т. 2. Л., 1988. С. 411).

[43] Метакса Егор Павлович, по происхождению грек, служивший офицером в русском флоте, с которым А. Я. Булгаков познакомился в начале XIX в., во время пребывания в Неаполе и на Сицилии. Автор книг по истории Греции, в т. ч. «Записок капитан-лейтенанта Егора Метаксы, заключающих в себе повествование о плавании и военных подвигах соединенных российской и турецкой эскадр под начальством адмирала Ф. Ф. Ушакова с 1798 по 1803 год» (М., 1821).

[44] См. комм. к запискам А. Д. Бестужева-Рюмина.

[45] То же.

[46] Рис по-венециански (*итал.*).

[47] Речь идет об освобождении русско-турецким флотом под командованием знаменитого адмирала Ф. Ф. Ушакова Ионических островов в Средиземном море, занятых французами, в 1798—1799 гг. В составе эскадры принимал участие и греческий отряд.

[48] Литке Федор Петрович (1797—1882), известный русский мореплаватель, географ, граф (с 1866), адмирал (с 1855), член-корреспондент (1829) и президент (1864) Петербургской академии наук. Воспитатель вел. кн. Константина Николаевича.

[49] Константин Николаевич (1827—1892), великий князь. Второй сын императора Николая I, генерал-адмирал (с 1831). С 1853 по 1881 гг. управлял Морским министерством. Один из главных деятелей Великих реформ. Председатель Государственного Совета в 1865—1881 гг. После убийства императора Александра II отошел от государственных дел.

[50] Кольцов-Мосальский Андрей Александрович (1758—1843), гофмейстер, сенатор, действительный тайный советник. Владел домом на Мясницкой ул.

[51] Багратион Кирилл Александрович (1750—1828), князь, сенатор, тайный советник. Дядя генерала П. И. Багратиона.

[52] Соковнина София Васильевна (1788—1812), урожденная княжна Хованская. Сестра жены А. Я. Булгакова.

[53] Обресков (Обрезков) Василий Александрович (1785—1834), статский советник, камергер и кавалер. Жена — Прасковья Васильевна (1786—1851), урожденная княжна Хованская.

[54] Киселев Дмитрий Иванович (1761—1820), действительный статский советник, помощник главного начальника Московской Оружейной палаты.

[55] Римский-Корсаков Иван Николаевич (1754—1831), генерал-адъютант. Один из фаворитов императрицы Екатерины II. Отличался красотой и обладал хорошим голосом. Удален от двора в 1779 г. за увлечение графиней П. А. Брюс. При Павле I выслан в Саратов, затем возвращен в Москву. Владел домами: на Тверском бул., построенным в 1804—1807 гг., и впоследствии перестроенным (сохранился до настоящего времени), и знаменитым особняком на Страстной (Пушкинской) площади, построенным в 1791 г. Поскольку И. Н. Римский-Корсаков послужил прототипом одного из персонажей «Горя от ума», то этот особняк москвичи прозвали «домом Фамусова».

[56] Майков Аполлон Александрович (1761—1838), директор императорских театров при Александре I и Николае I (1821—1825), писатель. В 1802 г. служил в Конторе императорских театров. В 1812 г. по настоянию графа Ростопчина спектакли в московских театрах продолжались до самого вступления французов в Москву. Афиша о спектакле в Арбатском театре появилась в «Московских ведомостях» 28 августа

1812 г. 30 августа была исполнена драма С. Н. Глинки «Наталья — боярская дочь», а после нее состоялся маскарад. Это был последний спектакль в Арбатском театре, здание которого было вскоре сожжено французами. Московская дирекция и артисты, застигнутые врасплох, принуждены были спешно покинуть Москву. Сам Майков находился долгое время в Костроме. В Москве осталось лишь несколько артистов французской труппы, которые и выступали перед наполеоновской армией.

[57] Кокошкин Федор Федорович (1773—1838), переводчик, драматург. В 1811 г. был одним из учредителей Общества любителей российской словесности при Московском университете. С приближением французов к Москве выехал в Нижний Новгород, затем жил в Ярославле. Написал стихотворения «На бегство Наполеона с остатками войск его» и «Песнь народная и русских воинов». В 1813 г. — почетный смотритель Рузского уездного училища, затем московский губернский прокурор, с 1815 г. — член Комиссии по составлению законов. С 1817 г. — помощник управляющего театров, с 1819 г. член конторы московских театров по репертуарной части. С 1821 г. — советник Комиссии для строения в Москве. С 1823 г. — камергер двора и директор императорских московских театров. С 1831 г. в отставке.

[58] Архаровы Иван Петрович (1744—1815) и Николай Петрович (1742—1814), генералы от инфантерии. И. П. в 1796 г. был назначен военным губернатором Москвы. В день коронации (1797) получил в командование московский 8-батальонный гарнизон, известный под именем архаровского полка. Н. П. был в 1775 г. московским обер-полицмейстером, в 1782—1784 гг. — военным губернатором Москвы, а в 1796 г. — с.-петербургским военным губернатором. Особая жестокость братьев по отношению к преступникам породила термин «архаровцы». В 1797 г. братья неожиданно были отставлены от должности и сосланы в тамбовские поместья. При Александре I в 1801 г. им был разрешен въезд в Москву и Петербург. Николай Петрович с 1770-х гг. владел двумя домами на Пречистенке. Первый (ныне д. 17) был построен М. Ф. Казаковым, восстановлен после пожара 1812 г. и надстроен мезонином (в 1830-е гг. здесь жил Д. В. Давыдов); второй (ныне д. 16) был перестроен в XVIII в. из палат XVII в., а в 1908—1910 гг. вновь перестроен архитектором А. О. Гунстом (с 1922 г. здесь размещается Дом ученых РАН).

[59] Кикин Алексей Андреевич, симбирский помещик. Родной брат Петра Андреевича Кикина (1775—1834), участника Отечественной войны 1812 г., статс-секретаря, сенатора.

[60] Кашкин Е. М., статский советник, генерал-провиантмейстер московского ополчения в 1812 г. Жил в доме на Садово-Кудринской.

[61] Спиридов Григорий Григорьевич (1758—1822), младший из четырех сыновей знаменитого адмирала екатерининских времен Григория Андреевича Спиридова (1713—1790). Обер-полицмейстер Москвы в 1798—1800 гг. В 1805 и 1812 гг. доброволец Переславльского ополчения и участник многих боев с французами. После изгнания наполеоновской армии, по ходатайству своего друга графа Ф. В. Ростопчина назначен сначала комендантом в чине действительного статского советника, а в 1814—1815 гг. гражданским губернатором Москвы. Способствовал восстановлению города.

[62] Ростопчин Василий Федорович (1733—1802), участник Семилетней войны, майор в отставке. Павел I пожаловал ему чин действительного статского советника и орден св. Анны 1-й степени. Владелец обширных поместий в Орловской, Тульской и Калужской губерниях. Жена — урожденная Крюкова (1749—1769, умерла после рождения второго сына).

[63] Ростопчин Петр Васильевич (1769—1787), служил в л.-гв. Преображенском полку. Во время русско-шведской войны, командуя шлюпкой, был окружен тремя неприятельскими кораблями и взорвал себя.

[64] Старший сын Ростопчина Сергей Федорович (1795—1836), с 1809 г. — камер-паж, в 1812 г. гусарский офицер, адъютант при М. Б. Барклае де Толли. Участвовал в Смоленском сражении, отличился в Бородинской битве, где был контужен пушечным ядром в руку (девять его товарищей, находившихся рядом, были убиты). В чине капитана участвовал в заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. В ОПИ ГИМ сохранились письма, собственноручно подписанные главнокомандующим М. Б. Барклаем де Толли Ф. В. Ростопчину на французском языке. В первом из них, написанном уже после отречения Наполеона, 26 апреля (8 мая) 1814 г., Барклай упоминает о подвиге Сергея, находившегося «перед его глазами во время всей этой кампании и за отличия представленного к награде». Во втором, написанном во время «Ста дней» 18 (30) марта, говорится о намерении Александра I сделать его своим адъютантом (ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 68—69, 72 об. — 73). С 1819 г. в отставке. Женат на Марии Игнатьевне Филиппи ди Вальдисеро.

Из дочерей Ф. В. Ростопчина дожили до взрослого возраста трое: Наталья (1798—1863), жена Дмитрия Васильевича Нарышкина, участника Отечественной войны, адъютанта генерала Н. Н. Раевского, таврического гражданского губернатора в 1824—1829 гг., действительного статского советника; Софья (1799—1874), которая в 1819 г. вышла замуж за графа Эжена Сегюра — старшего сына генерал-лейтенанта Наполеона генерала Поля Филиппа де Сегюра, стала впоследствии известной детской французской писательницей; Елизавета (1806—1824), принявшая перед смертью, по настоянию своей матери, католичество. Помимо них трое детей Ф. В. и Е. П. Ростопчиных — Павел, Михаил и Мария — умерли во младенчестве.

[65] Головин Николай Николаевич (1759—1821), граф. Отличился в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. С 1793 г. — гофмейстер. С 1796 г. — гофмаршал. С 1799 г. — президент Почтового департамента, сенатор, действительный тайный советник. С 1802 г. в отставке. В марте 1812 г. — вновь при дворе, с февраля 1813 г. — председатель учрежденной в Москве Особой «комиссии для рассмотрения прошений на Высочайшее имя, поступающих от обывателей, которые потерпели разорение от нашествия неприятельского». С 1816 г. — член Государственного Совета.

[66] Воронцов Семен Романович (1744—1832), граф, дипломат, государственный деятель. Отличился в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. С 1782 г. — полномочный министр в Венеции, с 1784 г. — в Лондоне. Проводил политику укрепления экономических и политических связей с Англией. В 1793 г. заключил русско-английские конвенции о торговле и о совместных действиях против революционной Франции. При Павле I в 1800 г. уволен в отставку с конфискаций имений. Александр I восстановил Воронцова в прежних правах. С 1806 г. — в отставке. Жил в Лондоне.

[67] Новосильцев Дмитрий Александрович (1759—1835), бригадир (до 1799 г. чин в армии 5-го класса — между генерал-майором и полковником, соответствовал чину бригадного генерала в западноевропейских армиях).

[68] Возможно, графиня Варвара Алексеевна Протасова (1770—1847), урожденная Бахметева, вдова действительного тайного советника Александра Яковлевича Протасова, кавалерственная дама.

[69] Так в то время называли белорусские и литовские земли, вошедшие в состав Российской империи по 3-му разделу Польши в 1795 г.

[70] В битве под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 г. соединенные русско-австрийские войска были разбиты французами.

[71] Ангьенский, Энгиенский (d'Enghien), герцог Луи Антуан Анри де Бурбон (1772—1804). Принц французского королевского дома. Сын герцога Луи Анри Жозефа Бурбон-Конде. В 1796—1799 гг. командовал авангардом корпуса французских эмигрантов. Участник антинаполеоновского заговора 1803 г. Жил на территории Баденского герцогства, в то время независимого от Франции. Незаконно арестован по требованию Наполеона, тайно вывезен в Венсенский замок и расстрелян. Расстрел герцога Энгениенского вызвал разрыв дипломатических отношений с Францией России и других европейских держав.

[72] Чернышев Александр Иванович (1785—1857), граф (1826), светлейший князь (1849), генерал-адъютант (1812), генерал от кавалерии (1827). В 1810—1812 гг. исполнял должность военного агента в Париже, руководил агентурной сетью в Военном министерстве Франции, используя в качестве прикрытия статус курьера для доставки писем от императора Наполеона I императору Александру I. В начале сентября 1812 г. отправлен к М. И. Кутузову, а затем к адмиралу П. В. Чичагову для объявления им плана военных действий по окружению флангов наполеоновской армии. В дальнейшем командовал партизанским отрядом, с которым в сентябре — октябре 1812 г. совершил рейд на территорию Герцогства Варшавского в тыл «Великой армии» с целью уничтожения запасов провианта и фуража. Освободил из плена генерала Ф. Ф. Винценгероде и установил связь с корпусом генерала П. Х. Витгенштейна. 31 декабря под Мариенвердером разбил 4-й корпус вице-короля Италии Евгения Богарне. В феврале 1813 г. — командир отряда, взявшего столицу враждебной тогда к России Пруссии — Берлин. В 1832—1852 гг. — военный министр, в 1848—1856 гг. — председатель Государственного Совета и Комитета Министров.

Публикация Ф. А. Петрова и М. В. Фалалеевой

И. И. Багдадов

Московский Воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году

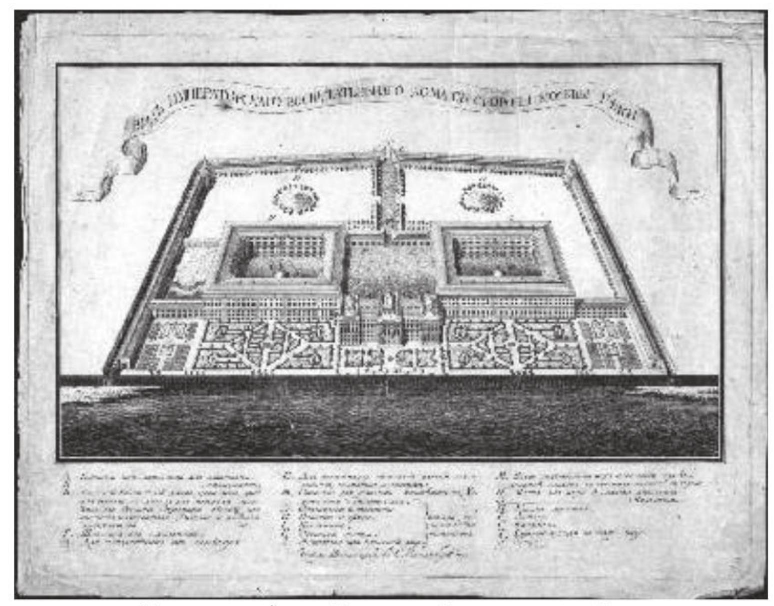
К одним из наиболее драматичных сюжетов наполеоновсого нашествия относится история Московского Воспитательного дома, который сохранился в памяти очевидцев и потомков как своеобразный остров милосердия в объятой пламенем древней российской столице.

К 1812 г. Воспитательный дом входил в систему благотворительных учреждении т. н. «Мариинского ведомства». Это ведомство было основано императрицей Марией Федоровной — женой, а с 1801 г. вдовой императора Павла I. После ее смерти оно было преобразовано в IV Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Инициатива создания Воспитательного дома — благотворительного закрытого учебно-воспитательного заведения для «приема и призрения подкидышей и бесприютных детей» — принадлежала выдающемуся русскому просветителю И. И. Бецкому. Идее Бецкого о необходимости воспитания «нового человека», свободного от пороков общества, должно было отвечать монументальное сооружение, возвышавшееся над жилой застройкой тогдашней Москвы и изолированное от окружающей среды. Проект создания Воспитательного дома был утвержден в 1763 г. указом Екатерины II, которая пожаловала под строительство этого заведения участок на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки, между Москворецкой набережной и ул. Солянкой. Строительство Воспитательного дома было осуществлено архитекторами К. М. Бланком, Ю. М. Фельтеном, И. Д. Жилярди в 1764—1801 гг. по лаконичному плану: два боковых корпуса — т. н. «квадраты» (для мальчиков и девочек) — и главный корпус, названный на французский манер «корделожи». Все эти здания были четырехэтажными. Территорию сплошной стеной ограждало двухэтажное «Окружное строение». Силуэт здания увенчивался церковными куполами. В 1801—1806 гг. Дом был обнесен чугунной оградой.

Воспитательный дом имел собственную юрисдикцию, был освобожден от пошлин при заключении контрактов, мог покупать и продавать земли. Он владел собственным обширным хозяйством — садами, огородами, птицефермами, конюшнями и коровником. В 1772 г. при нем были созданы кредитные учреждения — Ссудная, Сохранная и Вдовья казны.

Воспитательный дом управлялся Опекунским советом, в состав которого входили шесть опекунов и обер-

Перспективный план Московского Воспитательного Дома. Гравюра Х. Г. Шенберга. 1790 г.

директора. Содержался он на пожертвования частных лиц, а также на налоги с театральных зрелищ, продажу игральных карт и т. д.

Прием детей в Воспитательный дом осуществлялся тайно. Главный контингент воспитанников первоначально составляли внебрачные дети и частично дети крепостных, получавшие таким образом свободу. Все питомцы Воспитательного дома приписывались к мещанскому сословию.

Чаще всего они получали начальное образование. В ремесленных классах дети с семи лет обучались чтению, письму, рисованию и садоводству. Мальчики также изучали основы ремесел (с этой целью в Воспитательном доме были организованы столярная, слесарная и другие мастерские); девочки — вязанию, плетению кружев и т. п. В 1772 г. известный промышленник П. А. Демидов открыл при Доме первое коммерческое учебное заведение — Демидовское купеческое училище. С 1774 г. воспитанников стали отдавать в город для обучения на фабриках и мануфактурах. Обучение велось на русском и немецком языках.

Наиболее способных мальчиков записывали в «классические классы» и «классы изящных искусств», где они учили французский и латынь, а желающие — также итальянский и английский языки. Их готовили к поступлению в Академию художеств и Московский университет. Доля питомцев Воспитательного дома среди студентов была традиционно довольно высока, причем некоторые из них стали впоследствии университетскими профессорами.

Для девочек были организованы «французские классы», которые готовили гувернанток, и «повивальный институт», готовивший акушерок. Последние стажировались в существовавшем при Воспитательном доме госпитале.

Высокая смертность (в конце XVIII в. из десяти питомцев выживал лишь один — впрочем, и в западноевропейских воспитательных домах показатели были немногим лучше) вынудила в 1797 г. императрицу Марию Федоровну подписать рескрипт об ограничении числа питомцев, содержащихся в самом Воспитательном доме, до 500 человек. Большинство младенцев стали отдавать на «воскормление» в подмосковные деревни к «благонадежным крестьянам» волостей, принадлежавших императорской фамилии, с выплатой по три рубля в месяц за ребенка в возрасте до одного года.

В этом отношении интересен хранящийся в ОПИ документ — доверенность, выданная управляющим Царицынской волости (включавшей в себя села Царицыно, Булатниково, Коньково и деревни Хохловку и Орехово) полковником артиллерии А. И. Воейковым крестьянину с. Царицына Василию Михайлову на предоставление кормилиц из Царицынской волости: «есть ли кто пожелает взять вместо детей и приписать в свое семейство, и имеет женского полу на воскормление грудью обоего пола младенцев… для получения тех детей из Имп. Московского Воспитательного дома» (ОПИ ГИМ. Ф. 16. Ед. хр. 476. Л. 2).

Накануне наполеоновского нашествия в Воспитательном доме числилось около десяти тысяч детей. Большинство питомцев было роздано в семьи подмосковных крестьян что, впрочем, также не гарантировало их безопасность. Вспомним, что Можайский, Звенигородский и Верейский уезды стали ареной боевых действий и были оккупированы неприятелем. Во время пребывания в Москве французские отряды доходили до Богородска (современный Ногинск) и Мытищ, а отступала наполеоновская армия по Старой Калужской дороге. Мальчики старше двенадцати и девочки старше одиннадцати лет были, по мудрому распоряжению Марии Федоровны, вовремя эвакуированы в Казань. Но 586 маленьких сирот — в том числе 275 грудных и 104 больных — оставались в Москве, когда 2 сентября 1812 г. русская армия оставила столицу и в нее вошли французы.

Иван Акинфиевич Тутолмин (1752—1815), директор Московского Воспитательного дома. С портрета неизвестного художника. Нач. XIX в.

Отныне судьба Воспитательного дома зависела от его директора, точнее, главного надзирателя — действительного статского советника или, как его часто именовали, генерала (чин 4-го класса на гражданской службе соответствовал чину генерал-майора в армии) — Ивана Акинфиевича Тутолмина, человека уже немолодого (родился 27 декабря 1752 г.). Он был коренным москвичом, жил в собственном доме в приходе церкви Успения на Могильцах (между Арбатом и Пречистенкой). В отли-

чие от Ростопчина, Тутолмин не мог оставить своего поста, понимая всю ответственность лежавшей на нем миссии. Он был вынужден вступить в контакт с французскими оккупационными властями и убедить самого Наполеона в необходимости спасти жизнь несчастных детей.

Более того, в связи с отъездом из Москвы почетных опекунов ведомства Императрицы Марии А. М. Лунина, кн. С. М. Голицына и других на Ивана Акинфиевича была возложена также ответственность за находившиеся в этом же ведомстве Вдовий дом (богадельня для вдов военных и чиновников) на Кудринской площади, Инвалидный дом Шереметевой, два института для обучения девиц — Екатерининский и Александровский, и больницы — Павловскую, Мариинскую (для бедных) и Голицынскую.

Спланированная изначально изолированность Воспитательного дома от окружающей застройки способствовала сохранению здания от бушующих повсюду пожаров. Однако необходимо было обеспечить защиту питомцев и служащих от чужих и своих мародеров.

Из публикуемого документа видно, с каким достоинством русского дворянина (а род Тутолминых восходил к XVI веку) Иван Акинфиевич вышел из сложнейшего положения. Замечательный педагог и организатор, он оставался в Воспитательном доме в течение всех дней оккупации и сумел сохранить жизни практически всех своих питомцев и персонала. Там нашли прибежище многочисленные раненые и больные — как русские, так и французы:

> …среди пожаров, грабежей и убийств, сохранил он человеколюбивое заведение — Воспитательный Дом, с питомцами и служащими при оном… (*Вел. кн. Николай Михайлович*. Московский некрополь. Т. 3. СПб., 109. С. 235).

Наполеон, приняв Тутолмина и пожалев русских сирот (которым, впрочем, французское командование давало фамилии в честь его имени и титулов его маршалов и генералов), приказал выставить караул для охраны дома. Но взамен за оказанную услугу он потребовал от начальника Воспитательного дома написать письмо Александру I.

В исторической литературе неоднократно указывалось, что это письмо якобы оканчивалось словами, продиктованными Тутолмину Наполеоном: «Напишите Вашему Государю, что я желаю мира и отправьте с донесением своего чиновника». Однако в подлинном тексте письма Тутолмина Александру I (это письмо впервые без искажений публикуется ниже) *этих слов нет*. Первый, кто упомянул о мирных предложениях Наполеона русскому императору, сделанных через русского генерала, был известный историк М. И. Богданович. Эти сведения Богданович почерпнул из книги французского мемуариста барона А. Ж. Фэна «Manuscrit de 1812» (Paris, 1823. T. II. P. 84—87), которую нельзя полностью считать достоверным и объективным источником. Тутолмин, как лицо официальное, не мог взять на себя подобную миссию: ему это было сделать труднее, чем помещику И. Я. Яковлеву (отцу А. И. Герцена), находившемуся в отставке. Если перечитать «Былое и думы», где образно описан разговор Наполеона с приведенным к нему Яковлевым, то о Тутолмине вовсе не упоминается. Нам представляется, что Богданович в одной сноске соединил известную ему, причем искаженную, копию рапорта Тутолмина и фразу из книги Фэна (*Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. II. СПб., 1859. С. 319—320, 602).

Что же касается курьезного присвоения французских фамилий русским детям, то это особенно любопытно, ибо императрица Мария Федоровна в своем рескрипте строго запретила упоминать об данном факте.

Позволим себе процитировать фрагмент мемуаров Армана де Коленкура, герцога Виченцского — видного французского дипломата, близкого к Наполеону, который в 1807—1811 гг. был послом Франции в России:

> Тотчас же по возвращении в Москву император занялся изысканием способов снять с французской армии в глазах Петербурга ответственность за пожар Москвы… Он поручил Лелорню отыскать какого-нибудь русского, который мог бы рассказать в Петербурге подробно об этом событии и передать то, что ему поручат. Директор Воспитательного дома Тутолмин, подобно доблестному отцу семейства мужественно оставшийся во главе этого учреждения в Москве, хотя значительная часть детей была эвакуирована, был, по-видимому, пригоден для намеченной цели, тем паче, что в качестве представителя одного из учреждений вдовствующей императрицы он пользовался бы доверием в обоих лагерях петербургского общества. Его позвали к императору… Император сказал ему, что он ведет эту чисто политическую войну без всякого чувства враждебности; его главным желанием является мир; он выражал это желание по всякому поводу; он дошел до Москвы вопреки собственной воле; в Москве, как и в других местах, он сделал все для охраны имущественных ценностей и для прекращения пожаров, устраиваемых самими русскими. Когда Тутолмин изготовил свои письма, то одному из его служащих дали паспорт и средства передвижения, и Тутолмин отправил его в Петербург (*Арман де Коленкур.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 146—147).

Слова Наполеона в изложении французского дипломата некритически воспринимают некоторые современные российские историки, но, повторимся: *официального* предложения о мире в написанном по просьбе Наполеона Тутолминым письме Александру I сделано *не было.*

Итак, роль Тутолмина была совершенно другой, чем роли жителей древней столицы, вошедших во французский муниципалитет. Да и Наполеон смотрел на русского генерала, лично известного императору и вдовствующей императрице России, иначе, чем на мелкого архивного чиновника Бестужева-Рюмина. Начальник Воспитательного дома сам честно и откровенно доложил о своих встречах с Наполеоном, его маршалами и генералами.

Из рескриптов Александра I и Марии Федоровны явствует, что они полностью были удовлетворены деятельностью Тутолмина. За заслуги, оказанные им Московскому Воспитательному дому в 1812 году «с пожертвованием собственного здоровья» 2 декабря 1812 г. рескриптом Александра I он был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. Опекунский Совет 18 октября 1812 г. постановил «объявить ему за попечение о вверенных ему заведениях благодарность, а подвиг его, дабы остался всегда известным в истории Воспитательного Дома, описать в книге». Повелением же Марии Федоровны Опекунскому Совету от 22 августа 1814 г. Тутолмин был удостоен благодарности за то, что

> …среди ужасов и бедствий неприятельского нашествия сохранил вверенный ему Дом и питомцев от разорения и погибели во время несчастия, которому никогда примера не было и *с помощью Божьей более не будет*… (ОПИ ГИМ. Ф. 114. Н/обр. Ед. хр. 1. Л. 70—71 об.).

Действительно, почти все питомцы Воспитательного дома были спасены, равно как и вернувшиеся из эвакуации. Публикуемые ниже сравнительные таблицы позволяют сделать подсчет: в 1812 г. году уровень смертности по сравнению с предыдущим годом был даже ниже.

Но силы и здоровье самого Тутолмина были подорваны сверхчеловеческим напряжением.

Недолго прожил он после освобождения Москвы. Хотя император Александр I неоднократно отправлял Тутолмина для лечения на Кавказские минеральные воды (с выплатой полного жалованья), он скончался 17 сентября 1815 г. (т. е. ровно три года спустя после пребывания Наполеона в Москве). Его вдове, Анне Степановне Тутолминой, был выдан годовой оклад покойного, назначена пенсия, предоставлена казенная квартира, а похороны были произведены за счет Московского Опекунского совета. Впоследствии Александр I предписал выкупить имение, заложенное вдовой Тутолмина, и оплатить все ее долги.

А. С. Тутолмина воздвигла на могиле мужа памятник (в сооружении его участвовали и те, кого он спас от голодной и насильственной смерти — дети и служащие). На памятнике, установленном на кладбище Донского монастыря, была начертана следующая надпись:

> Отечеству, Царю, согражданам любезен,
> Во время смутное он сирым был полезен;
> Младенцев сохранил, бескровным дал покров,
> И твердостью своей очаровал врагов.
> При жизни он искал несчастным быть отцом,
> По смерти праведник беседует с Творцом.

Памятник этот, к счастью, сохранился и недавно был отреставрирован.

Решением Московского Опекунского Совета, Высочайше утвержденным 24 октября 1815 г., было решено «в незабвенную память покойного, который, при нашествии неприятеля, для спасения Дома и вверенных ему питомцев, не щадил ни здоровья, ни жизни, и впоследствии сделался жертвою такого рвения своего, поставить его портрет» и «поминать его в здешней церкви, как благодетеля».

Публикуемый текст написан в начале 1840-х гг. преемником И. А. Тутолмина И. Багдадовым. Очевидно, речь идет об Исайе Багдадове — писателе, преподавателе права в Москве. Его рукопись, основанная на документальных материалах, носит и характер собственных воспоминаний, — впрочем, завуалированных порой сухим канцелярским слогом и обильными цитатами.

Примечания И. Багдадова специально оговорены его инициалами.

И. Багдадов

Докладная записка Его Превосходительству Андрею Логгиновичу Гофману[1]

Во исполнение приказания, данного мне Вашим Превосходительством в начале истекшего месяца, честь имею Вашему Превосходительству донести, что по поручению моему составлена Историческая записка о 1812 годе под названием «Воспитательный Дом и учреждения Императрицы Марии в 1812 году», каковую вместе с приложениями, к ней относящимися, и имею честь при сем приложить.

В этой записке описаны не только события, бывшие в Воспитательном Доме во время пребывания в Москве неприятеля, но и события, имевшие тесную связь или даже близкое отношение с занятием Москвы неприятелем. При составлении ее за единственное основание приняты одни официальные данные, так что в описании не только сохранен точный смысл официальных документов, но по возможности и самый текст их, в удостоверение чего в выносках обозначены те именно источники, из которых заимствовано содержание текста. Посему, с одной стороны, устранены из описания все рассказы, хотя бы даже самих современников, видевших описываемые события, и только в двух, трех местах сделана ссылка на них единственно для пояснения

описания. С другой стороны, отброшены всякие литературные условия, стесняющие описание событий по официальным данным, вредящие его точности и затрудняющие беспристрастную оценку происшествий; так что ясность и точность изложения приняты главными условиями в стилистическом отношении.

Официальными же источниками для прилагаемой записки служили следующие: 1) Журналы Московского Опекунского Совета[2] 1812 и 1813 годов равно и последующих, во сколько они имели отношение к описываемой эпохе. 2) Особый сборник, хранящийся в Хозяйственном Управлении и состоящий из Высочайших рескриптов Государыни Императрицы Марии Феодоровны, последовавших в 1812 и 1813 годах на имя Князя Сергия Михайловича Голицына[3] и бывшего тогда Главного Надзирателя Тутолмина, Высочайше утверждённых всеподданнейших докладов сих лиц и отношений к ним статс-секретарей её Величества с объявлением Высочайшей воли; 3) Отпуски со всеподданнейших донесений Главного Надзирателя Тутолмина Государыне Императрице как кратких, так и с подробного его донесения от 11 ноября 1812 года с приложениями к нему.

Историческое достоинство первого источника не подлежит никакому сомнению; второй (то есть особый сборник) составляет также драгоценный исторический документ, так как писан при самом Тутолмине, все бумаги в нем перенумерованы и в верности скреплены рукою самого Тутолмина. Что же касается до третьего источника, то, к сожалению, главнейший источник для описания событий в бытность неприятеля в Москве а именно отпуск со всеподданнейшего донесения от 11 ноября 1812 года сохранился не вполне и нескольких страниц недостает, но приложения к донесению сохранились почти все в целости. Такой недостаток дополняется частию сохранившимся черновым проэктом донесения, писанным рукою бывшего тогда Экспедитора Воспитательного Дома, а впоследствии Обер-Секретаря Московского Опекунского Совета Федора Захарова[4]; и в самом деле этот черновой проэкт донесения так хорошо дополняет недостатки отпуска с подлинного донесения, что рассказ о происшествиях в Москве во время неприятеля мог быть представлен непрерывающимся и почти везде словами самого Тутолмина. К записке о 1812 годе я счел не излишним присоединить те из приложений к донесению Тутолмина от 11 ноября 1812 года, которые особенно интересны по своему содержанию и притом вполне сохранились, хотя перевод некоторых французских документов, сделанный еще в то время, и не соответствует требованиям русского изящного слога.

Главный надзиратель Багдадов

Московский Воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году

В 1812 году перед сдачей Москвы неприятелю, Московский Опекунский Совет с его экспедициями, часть воспитанников Воспитательного дома с их приставниками и учителями, а так же некоторые из других заведений Императрицы Марии, были вывезены из Москвы в Казань, откуда возвратились назад в Москву не ранее августа 1813 года. Но большая часть питомцев Московского Воспитательного дома и большая часть служащих были оставлены в Москве под управлением бывшего тогда Главным надзирателем Московского Воспитательного дома Действительного Статского Советника Ивана Акинфиевича Тутолмина, надзору коего вверены были и здания других заведений Ея Величества. Сему незабвенному мужу обязан Московский Воспитательный Дом со всеми питомцами и служащими сохранением от пожара и неистовства неприятеля в бытность его в Москве. По значительности эпохи 1812 года и по особому исключительному в то время положению Воспитательного дома и других прикосновенных ему заведений, казалось бы не бесполезным собрать тщательно все сохранившиеся официальные данные того времени и составить из них особую историческую записку, как материал для будущей истории Московского Воспитательного Дома. Записка эта, следуя естественному ходу тогдашних событий, разделена на десять глав, а именно: 1) Приготовление к выезду в Казань. 2) Отправление в Казань. 3) Состояние Московского Воспитательного Дома с 1-го сентября по 11-е ноября под управлением Тутолмина. 4) Распоряжения после оставления Москвы неприятелем. 5) Пребывание в Казани. 6) Возвращение из Казани. 7) Награды Главному Надзирателю Тутолмину за его заслуги. 8) Заслуги Почётных Опекунов. 9) О награждении вообще чиновников ведомства Московского Опекунского Совета и 10) Заключение.

Императрица Мария Федоровна. С портрета Д. Доу. 1820-е гг.

Глава I

Приготовление к выезду из Москвы. Закрытие Сохранной и Ссудной казны Московского Опекунского Совета. Отправление их в Казань; а равно воспитанниц училищ Екатерининского и Александровского, а за ними и взрослых обоего пола воспитанников Московского Воспитательного Дома. Больница для бедных[5]. Вступление в ополчение воспитанников Воспитательного Дома и служащих при нем. Участие в сих распоряжениях Графа Ростопчина. Сдача всех заведений Тутолмину

Незабвенная начальница Воспитательных Домов, блаженной памяти Императрица Мария Феодоровна в своей Монаршей заботливости о заведениях ее ведомства, предусмотрела опасность, угрожавшую им в случае сдачи Москвы неприятелю, и посему заблаговременно в рескрипте от 9-го августа 1812 года на имя Почетного Опекуна А. М. Лунина[6] предписала, какие меры необходимо предпринять в том случае, если бы пришлось переместить из Москвы заведения ея Величества. Местом переселения назначена Казань. «Я уверена, — сказано в рескрипте, — что с помощью Всевышнего, при храбрости и неустрашимости наших войск, таковой случай существовать не будет, но лучше приготовиться ко всяким несчастиям заблаговременно, сообразить все меры предосторожности, дабы в решительную минуту осталось одно только исполнение». Предписанные же меры были следующие: 1) Остановить действия Сохранной и Ссудной Казны с тем, чтобы открыть их опять в Казани. Закрытие первой должно было сообразить так, чтобы оставалась значительная сумма на издержки. При закрытии Ссудной Казны публиковать о времени закрытия и сроке выкупа вещей и что вещи не выкупленные будут сохранно перевезены в Казань. Все акты и документы по займам, равно все бумаги для производства вместе с повелениями и уставами перевести в Казань, а дела, нужные для хранения в архиве, оставить в Воспитательном Доме. Все бумаги, вещи, деньги и документы должны быть сопровождаемы в дороге Директорами и Обер-Секретарем с нужным числом чиновников. При сем Ея Величество изъявила надежду, что, если силы и здоровье позволят Почетному Опекуну Лунину, то он не отпустит без себя дел и Казны, а в противном случае надеется на Князя С. М. Голицына.

2) Экспедицию о воспитанниках со всеми питомцами и приставниками предполагалось сначала оставить на месте, в надежде, что такое человеколюбивое заведение будет неприятелем уважено и не только не подвергнется расстройке, но может надеяться на всякую защиту. Один только прием вновь приносимых детей должен прекратиться по невозможности снабжать тогда Дом кормилицами, о чем должно известить публику, увещая матерей несчастно рожденных детей к выполнению долга природы в сих смутных обстоятельствах. Для содержания Дома снабдить Главного Надзирателя суммою на один или на два месяца. Предоставить ему власть удалять от службы всякого, кто нарушит долг и присягу.

3) Больницу бедных оставить на прежнем основании до излечения лежащих больных, которые при вступлении неприятеля находиться будут; вновь же больных не принимать; приходящих больных пользовать, пока будет достаточно лекарств; излишних же лекарей отправить в Казань, где им будет дано назначение.

4) Вдов Вдовьего Дома распустить, снабдив их пенсионом по 100 руб.; больных же и дряхлых поместить в Инвалидное Заведение Шереметевой[7] под покровительство Воспитательного Дома.

Ход обстоятельств побудил Московский Опекунский Совет приступить к исполнению сих Высочайше предписанных мер. По уведомлению о сем Главнокомандовавшего в Москве Графа Ф. В. Ростопчина Московский Опекунский Совет и Совет училищ Екатерининского и Александровского имели 15-го августа чрезвычайное собрание.

В сем заседании Московский Опекунский Совет, выслушав Высочайшее повеление 9-го августа, отправил депутацию из Почетных Опекунов и Главного Надзирателя Московского Воспитательного Дома к Графу Ростопчину с просьбою об оказании ему вспомоществования к отправлению из Москвы Опекунского Совета и заведений Ея Величества и, получив от него обещание такого пособия, положил: Высочайше предписанные меры привести в исполнение; и сверх того, все дорогие вещи, в ведении экспедиции внутреннего хозяйства состоящие, отправить вместе с вещами ломбарда; а с прекращением Богослужения в церкви Вдовьего Дома ризницу ее и утварь свезть в Воспитательный дом; Вдовий же Дом сдать в управление Главному Надзирателю и, наконец, просить Казанского Гражданского Губернатора о приготовлении нужного числа квартир для Опекунского Совета и служащих при нем. При сем Почетный Опекун Лунин объявил, что все предварительные меры по Опекунскому Совету им приняты.

Совет Московских училищ, выслушав Высочайшее повеление и приняв на вид, что как уже прежде того родители и родственники, живущие в Москве, извещены, чтобы взяли из училищ своих дочерей и родственниц, и многие уже взяты, постановил: оставшихся воспитанниц обоих училищ отправить в Казань сухим путем под надзором члена Совета Николая Ивановича Баранова[8], снабдив его суммою в 30 000 руб. на путевые расходы; о подводах просить Графа Ростопчина, учителей уволить с 15-го августа, здание Институтов сдать Главному надзирателю Московского Воспитательного Дома, а Казанского Губернатора просить о приготовлении помещения для Институтов.

Государыня Императрица, получив донесения о таком положении обоих Московских Советов, в рескрипте 19-го августа на имя Главного Надзирателя Московского Воспитательного Дома Тутолмина передала Вос-

питательный Дом ему на руки, на собственную его ответственность.

Вслед за сим рескриптом последовал другой, от 22-го августа, также на имя Тутолмина. В нем, между прочим, изображено:

«Издавая Повеление 9-го августа, Я полагала, что по законам, между просвещенными народами всегда и в жесточайших войнах наблюдаемым, такое Богоугодное заведение, как Воспитательный Дом, яко убежище сирот, не может быть подвергнуто никакой опасности. Но дошедшие до Меня известия о свирепостях неприятеля подают Мне повод к опасению в рассуждении взрослых наших питомцев обоего пола, в том числе воспитанниц, приготовляемых к званию наставниц и воспитанников латинских классов. Помышляя, что жизнь, честь, невинность и нравы их могут подвергнуться опасности, Я почитаю необходимым удалить из Москвы всех воспитанниц свыше 11 лет и воспитанников свыше 12 лет. Посему оставшимся в Москве почетным опекунам съехаться в Совет и сделать постановления об отправлении сих воспитанников в Казань; мальчики, кажется, могут идти пешком до Владимира и Коломны, а для воспитанниц нужны повозки до того или другого места, откуда могут следовать водою».

Вследствие чего журналом Московского Опекунского Совета 28-го августа положено: Главному Надзирателю приступить к отправлению воспитанников в Казань, по случаю же наступления холодноватой погоды, купить нагульные тулупы, снабдя их и прочею одеждою; а если нужного числа тулупов не найдется, то для покупки их дорогою и на путевые издержки дать отправляемому с теми воспитанниками первому бухгалтеру Шредеру 40 000 руб. с шнуровою книгою для записки оных. Всех отправляемых с воспитанниками подчинить в послушании Шредеру, коему в случае нужды просить содействия Гражданских Губернаторов. К Графу Ростопчину отнестись с просьбой о присылке в Воспитательный Дом 2 000 подвод и для конвоя 12 рядовых с унтер-офицером.

Перед отправлением из Москвы Опекунский Совет, опасаясь, чтобы взрослых воспитанников, коих первоначально не предполагалось выводить из Москвы, неприятель не принудил поднять оружие против Отечества, постановил: заблаговременно предложить им, не пожелают ли вступить в военную службу, и желающих уволить с письменными видами и награждением по 25 руб. каждому. Такое постановление Совета удостоено Высочайшего утверждения, с тем, чтобы оно относилось к одним совершеннолетним воспитанникам.

Пять человек из воспитанников изъявили желание поступить в военную службу и были приняты в ополчение, из коих одни возвратились в Дом и были помещены или к письменным делам или к мастерствам, другие опять поступили в военную службу.

Кроме воспитанников поступили в ополчение некоторые из чиновников, а именно: смотритель Окружного строения Алексей *Сарынчар*, вступивший в русскую службу из пленных турок в 1772 г. и уволенный из нее в 1795 г. прапорщиком, а также лекарь при Воспитательном Доме *Воржанский*[9].

Глава II

Отправление в Казань Московского Опекунского Совета с Экспедициями, училищ Екатерининского и Александровского и взрослых воспитанников Воспитательного Дома

Дела, вещи и деньги Опекунского Совета с нужными чиновниками отправились из Москвы 21 августа в Казань под надзором Почетного Опекуна Лунина и следовали до Коломны сухим путем, а оттуда на барках.

Воспитанницы Институтов отправились под надзором Почетного Опекуна Баранова в сопровождении некоторых чиновников и сержантов экспедиции о воспитанниках, большею частию на телегах, так как карет, за выездом жителей из Москвы, достать не было возможности. Только некоторые благотворительные особы, в том числе член Совета Училищ Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий[10], а равно и посторонние: Князь Николай Борисович Юсупов[11], Княжна Хованская, Г-жа Анненкова[12] и Генерал-майор Шепелев[13] снабдили институты своими экипажами. Такой порядок отправления возбудил строгие замечания со стороны Императрицы. В рескрипте своем от 26-го августа на имя члена Совета Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого Ея Величество, отдавая должную справедливость деятельности при исполнении мер к отправлению из Москвы Институтов, заметить изволила, однако, некоторую поспешность в их исполнении: «Как могли допустить, — замечает она, — чтобы благородных девиц отправить на телегах? Уже довольно прискорбно, если необходимость заставила возить на телегах воспитанниц Александровского Училища, которые из нижних офицерских, мещанских и тому подобного состояния детей, а дочерей лучшего дворянства на телегах не могу себе представить без огорчения и прямо сказать стыда, даже слез. Неужели в обширной изобильной всем Москве нельзя было, если не ссудою, то наймом достать потребного числа карет? Или Совет мог остановиться незначащим на то расходом?»[14]

Для поправления сего Ея Величеством предписано Почетному Опекуну Баранову нанять кареты, где только на пути найдется возможность. Затем Ея Величество делает замечание, что воспитанницы отправлены без учителей, духовника и инспектора классов и предписывает принять меры для исправления такой ошибки.

Воспитанники Воспитательного Дома отправились из Москвы 31-го августа сухим путем под надзором первого бухгалтера Шредера, в числе мужского пола 143, женского 190, да при них чиновников, чиновниц, учите-

Вид на Кремль и Китай-город со стороны Москвы-реки. Гравюра Ф. Я. Алексеева. 1800-е гг.

лей и служащих 84, всего 417 человек. Из назначенных на путевые издержки 40 000 руб. выдано 30 709 руб. 50 коп., остальные употреблены экспедицией на разные закупки для сего отправления и для выдачи служащим вперед жалованья. В пути же издержано 12096 руб. 84 коп., остальные представлены в Совет в Казани.

Все означенные воспитанники довезены до Казани благополучно и во время пути, хотя и случались разные неопасные болезни, были все здоровы; один только воспитанник от кровавого поноса, вторично открывшегося 1-го октября, умер и похоронен в городе Васильсурске; также две ремесленные воспитанницы довезены весьма слабыми и к выздоровлению не надежными. Хотя на все отправление и было требовано в Москве от Графа Ростопчина 300 подвод, но получено только 200, и потому дети были помещены на подводах по 5 и 6 человек, а некоторые большие мальчики шли пешком. Посему во время пути были нанимаемы подводы, иногда до 260, также куплено несколько лошадей, кибиток и телег, первые для самого Шредера и сопровождавших его чиновников для объезда около всего обоза, простиравшегося более чем на полторы версты, равно для рассылки за провиантом, иногда верст за 16 и более; кибитки же были употреблены для больных и слабых. Помощниками Шредера в этой экспедиции были первый надзиратель Шумов и экономические помощники Сибиряков и Берггоф[15].

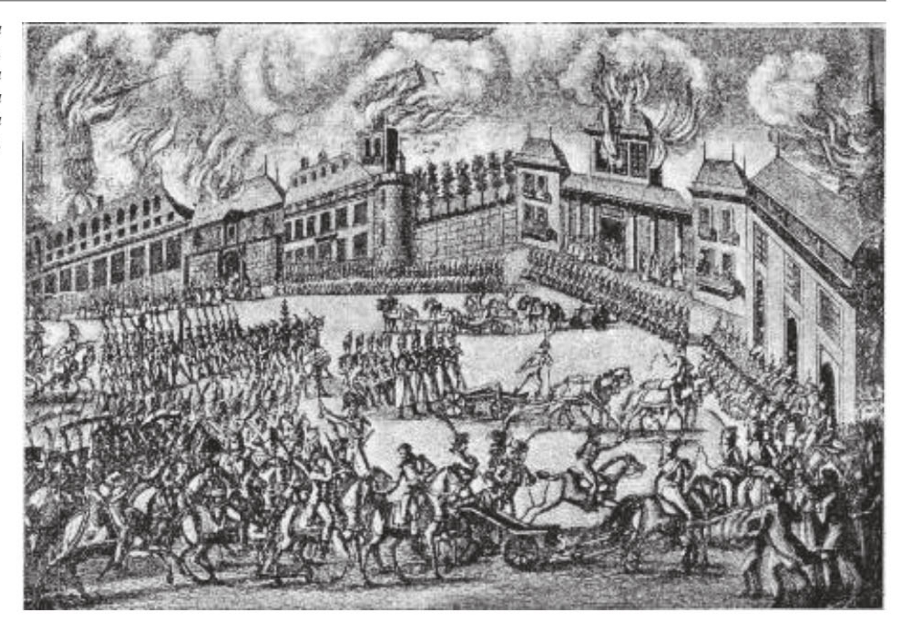
Глава III

Состояние Московского Воспитательного Дома с 1 сентября по 11 октября 1812 года

1. Воспитательный Дом и прочие заведения Ея Величества под управлением Тутолмина.

Воспитательный Дом с оставшимися в нем питомцами, родильными Госпиталями, служащими и приставниками, а равно и все здания заведений Ея Величества в Москве, как-то: здания Екатерининского и Александровского училищ, Вдовий Кудринский Дом[16], Больница бедных, по Высочайшему повелению, поступили в главное правление Главного Надзирателя Московского Воспитательного Дома Действительного Статского Советника Ивана Акинфиевича Тутолмина. Под его начальством находились Главный лекарь больницы для бедных Оппель[17], Смотритель Вдовьего Дома Мирицкий, Смотритель Павловской больницы Носков и Инвалидного Дома Шереметевой Иванов. Из вдов Вдовьего Дома 52 вдовы распущены по домам, и при сем снабжены пенсией и разными вещами, девять же вдов с бывшею при них сиротою по дряхлости и болезненности переведены были в Воспитательный Дом, где помещены были в законнородильном Госпитале.

Непосредственно после вывода воспитанниц из Институтов и вдов Вдовьего Дома, здания заведений Ея Величества были отданы в распоряжение Главнокомандующего Графа Ростопчина для помещения в них русских раненых. Эта мера была приведена так быстро в исполнение, что многие вещи из Институтов и Вдовьего Дома, даже стоившие того, не могли быть перевезены в Воспитательный Дом на сохранение. Достойно замечания, между прочим, что аптекарская посуда и

Французы в Москве. Французская гравюра 1-й четверти XIX в.

медикаменты, принадлежавшие Военному Госпиталю, были перевезены на сохранение в аптеку Московского Воспитательного Дома[18]. В самом Воспитательном Доме оставалось до 350 питомцев того и другого пола с большею частию чиновников и приставников за исключением некоторых, употребленных для препровождения воспитанников Дома и воспитанниц Институтов в Казань, и других, отпросившихся в отпуск для сопровождения своих семейств из Москвы. Впрочем, почти все сии чиновники вскоре после очищения Москвы от неприятеля возвратились к своим должностям. Только два чиновника по особому присмотру за приносимыми детьми к должности не являлись, а так же без спросу отлучились оба священника Воспитательного Дома и дьякон; вместо коих приглашены были Тутолминым другие[19].

2. События в Москве и, в особенности, в Московском Воспитательном Доме во время занятия Москвы неприятелем.

Все происходившее в Москве и, в особенности, в Московском Воспитательном Доме во время занятия Москвы неприятелем, с 1-го сентября по 11-го октября описано частию в кратких донесениях Тутолмина Императрице Марии Феодоровне, частию же подробно в донесении его от 11-го ноября 1812 года. Отпуск с подлинника сего донесения сохранился в архиве Хозяйственного Управления, к сожалению, не вполне, однако такой недостаток дополняется черновыми проектами донесений Тутолмина, писанных рукою бывшего тогда Экспедитора, впоследствии Обер-Секретаря Опекунского Совета Федора Захарова, частию же последующей перепиской Императрицы Марии Феодоровны с Тутолминым, состоящей в Высочайших рескриптах на его имя, последовавших в особом сборнике в копиях, скрепленных в верности самим Тутолминым. Посему, описывая состояние Воспитательного Дома в упомянутое время, есть возможность выражаться иногда словами самого Тутолмина, что и обозначено особыми выносными знаками.

3. Первые распоряжения Тутолмина.

«После отправления из Москвы взрослых воспитанников обоего пола и всех классических в Казань, приказал я, — доносит Тутолмин, — с 1-го сентября немедленно переводить отделенную больницу из Окружного строения в Квадрат, но по внезапному вступлению неприятельских войск в столицу, к крайнему несчастию, не успел того ж числа перенести всех вещей, к оной принадлежащих, а принужден был их оставить там и хранить за печатями».

4. Разграбление скотного двора.

«31 августа вечером получено известие, что скотный двор нашими передовыми казачьими войсками разграблен; вследствие чего Тутолмин приказал весь скот пригнать в Дом, имея в виду в случае нашествия неприятеля употребить его на пищу детям, обратив в солонину, что им и сделано».

5. Разбитие Питейных домов.

«1-го сентября наши войска, вошедши в город, разбили несколько питейных домов, из которых рабочие люди обоего пола и караульщики тащили вино ведрами, горшками и кувшинами, и перепились так, что Тутолмин принужден был на другой день ходить в Доме по квартирам с обыском и, находя вино, выливать на землю и бить посуду».

6. Оставление Москвы жителями.

«Жителей в Москве осталось очень мало, все присутственные места и обыватели, имеющие состояние, выехали за несколько дней, а Городская Полиция — рано поутру 2-го сентября».

7. Прохождение чрез Москву русской армии и затем вступление неприятельской.

«2-го сентября проходила Москву русская армия, вслед за которой весьма спокойно в 4 часа пополудни вступила французская армия, так что последние русские войска проходили набережною Воспитательного Дома, а неприятельские были уже в Кремле. Французские войска проходили Москву целый день 2-го сентября, равно в течение двух следующих дней, всего войска собралось до 50 000».

8. Снабжение Воспитательного Дома караулом.

Тотчас по вступлении французской армии, боясь жестокостей и насилия, Тутолмин безбоязненно отправился с двумя чиновниками в Кремль, где был доведен до определенного Наполеоном Губернатора Графа Дюронеля[20], объяснив ему об оставленном на его попечении Воспитательном Доме с грудными и малолетними детьми. Тутолмин просил его из единого человеколюбия дать охранение оному; и по его приказанию дано двенадцать человек конной гвардии с одним офицером. Пришед с таким караулом в Дом, Тутолмин повестил о сем всем жителям Дома, унывавшим в его отсутствие от страха. Караул этот помещен был в корделоджи, а лошади его заняли конюшни дома. Во все время караул находился на продовольствии Дома, вместе с посетителями его, так что ежедневно всех было от 18 до 25 человек[21].

9. Депутация к Наполеону.

«3-го сентября приезжал в Дом Виллерс, профессор Московского университета[22], которого Наполеон сделал Полицмейстером города и при выходе французских войск увез с собою. Он собирал депутацию, которая бы, представясь Наполеону, просила его милосердия и пощады городу. Но Тутолмин, имея на своем попечении только Воспитательный Дом, отверг от себя участие в такой депутации, тем более что, пылая верноподданническою своею преданностью к Государю своему, он был, как сам выражается, “тверд в неприятии покорности другому Императору, разоряющему наше драгоценное Отечество”».

10. Пожар Москвы.

«С самого первого дня начались пожары, день ото дня все более и более распространяемые разосланными по всему городу зажигателями, бросавшими во все дома и церкви зажигательные снаряды. Вместе с тем начались грабежи, смертоубийства и всякого рода жестокости и поругания от неприятельских войск. 4-го сентября был самый жесточайший пожар. Весь город был в пламени. Горели церкви Божии, горели дома, горели люди, горело все, горели даже на воде суда и мосты». Вследствие сего пожара французское военное начальство снарядило суд над зажигателями из русских. Суд этот, признав виновниками в зажигательстве 10 человек, пойманных на месте преступления, присудил их к смертной казни; 16 же остальных подсудимых, как не довольно изобличенных в зажигательстве, были присуждены к тюремному заключению в Москве для избежания вреда, который они могли бы причинить[23]. «По поводу сего же пожара 6 сентября прислан был за мною, — доносит Тутолмин Государю Императору от 12-го сентября, — секретарь Наполеона Лелорнь[24] с повелением явиться к Его Величеству в Кремлевский Дворец, где Его Величество изволил принять меня благосклонно, и я ему изъявил тотчас мою благодарность от имени всех несчастных, спасенных защитою Воспитательного Дома. Наполеон сказал мне на то: “Намерение мое было сделать для всего города то, что я теперь могу сделать только для одного вашего заведения. Я бы желал поступить с вашим городом так, как поступал с Веною и Берлином, которые и поныне не разрушены. Но Русские, оставивши город сей почти пустым, сделали беспримерное дело. Они сами захотели предать пламени свою столицу, и чтобы причинить мне временное зло, разрушили созидания многих веков. Я могу оставить Москву, и весь вред, самим себе причиненный, останется невозвратным. Все рапорты, кои я ежечасно получаю, и зажигатели, пойманные на деле, доказывают достаточно, откуда происходят варварские повеления чинить таковые ужасы. Внушите о том Императору Александру, которому, без сомнения, неизвестны таковые злодеяния. Я никогда подобным образом не воевал. Воины мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска я ничего не находил, кроме пепла”. Потом спросил меня Наполеон, известно ли мне, что в день вшествия французского войска в столицу, выпущены из темниц колодники, и правда ли, что увезены из столицы пожарные трубы? На сие имел я честь донести Его Величеству, что я слышал о выпущении колодников и об увезении труб полицией. Император отвечал: “Дело это не подлежит никакому сомнению”. Отпуская меня, Император подтвердил еще, чтобы я о сем донес Вашему Императорскому Величеству и послал бы рапорт чрез одного их своих чиновников, которого повелит препроводить до своих аванпостов»[25].

Наполеон. С портрета неизвестного художника. 1815 г.

Вероятно, при этом свидании с Наполеоном Тутолмин подавал ему и ведомость о числе детей в Воспитательном Доме, которая приложена к донесению его от 11-го ноября.

11. Воспитательный Дом во время пожара.

Во время пожара Воспитательный Дом находился в величайшей опасности, будучи со всех сторон окружен пламенем. Все окрестные строения горели во всей силе, а сильный ветер еще более увеличивал опасность, искры со всех сторон сыпались на Воспитательный Дом, на все дворы и детские сады. В Квадрате, Корделожи и Окружном строении загорелись оконные рамы, и Тутолмин с подчиненными своими, бодрствуя несколько ночей, во все стороны бросался для спасения от погибели Дома, употребляя свои пожарные трубы, разламывая заборы, раскидывая строения и заливая загоревшиеся места. Оставляя сию опасность, должен был он несколько раз возвращаться к детям и приставникам их, увещевать, ободрять их от страха и предстоящей гибели. В ночь эту они не могли оставаться в отделениях, а находились на квадратском дворе; но с помощью Всевышнего, неослабными трудами и рвением подчиненных своих, кои при пожаре исполняли должность простых работников, Тутолмин успел спасти Дом со всеми детьми.

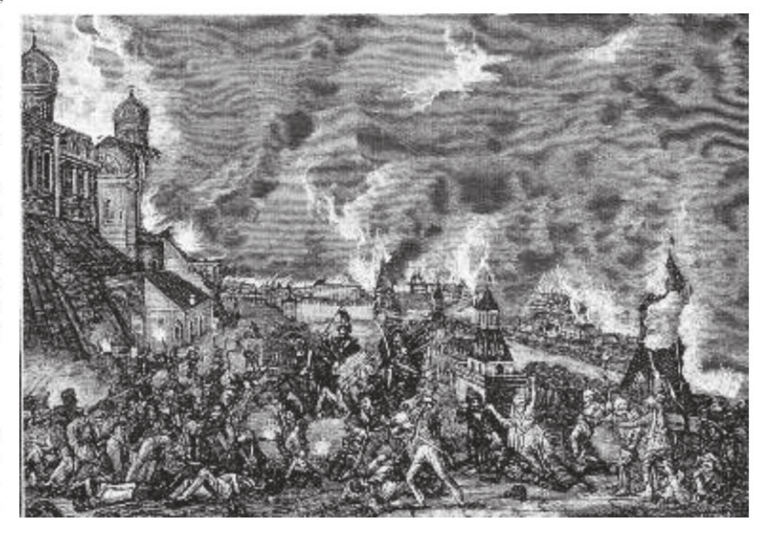
Тем не менее, при сем ужасном пожаре аптека со всем строением и медикаментами, такоже дом, где жил акушер Танненберг[26], сгорели совершенно, а в Инвалидном доме поврежден пожаром один угол.

12. Дальнейшие предосторожности от пожара и грабительства неприятеля.

«Хотя Воспитательный Дом и был спасен от пожара, однако опасность пожара не прекратилась, ибо не переставали ходить около Дома французские зажигатели; посему из чиновников и служителей были учреждены беспрестанные около Дома обходы, и во всех сторонах была приготовлена вода. Кроме того, беспрестанно приезжали и подходили к Дому толпы французских мародеров, стремившихся злобные извращенные сердца свои удовлетворить грабительством и всякого рода буйствами, несмотря на имевшийся в Доме французский караул, который и сам не слишком много старался во всей силе выполнить свою обязанность. Посему на таковые случаи, дабы сим людям объяснять, какое сие заведение, и убеждать их жалостию к невинным сиротам, поставлены были у ворот переводчики из служащих в Доме и посторонних, прибывших во время пожара к его покрову, знающих французский язык; а еще прежде того у всех ворот выставлены были доски с французскими надписями, что сие заведение есть дом несчастных и сирых детей. Хотя же и при таковых распоряжениях нельзя было избежать частых беспокойств, по крайней во внутренности Дома избавлены были от всех бедствий; из Дому же нельзя было выйти за ворота, чтобы не быть ограблену».

13. Положение русских раненых в Екатерининском и Алексеевском училищах.

3 сентября Тутолмин получил известие, что русские больные и раненые, в Екатерининском и Александровском училищах находившиеся, оставлены без пищи, присмотру, и что мертвые тела не похоронены, но по стесненным обстоятельствам своим не мог со своей стороны сделать им никакого вспомоществования. Как

Пожар Москвы 15 сентября 1812 года. Гравюра И. Ругендаса. 1813 г.

вообще неприятель обходился с русскими ранеными, видно из прошения одного раненого, штабс-капитана Буофала, о принятии его в Инвалидное заведение Шереметевой, в коем он говорит, что во время неприятеля он находился в числе больных в военном московском госпитале, откуда при очищении госпиталя неприятелем был вместе с мертвыми телами выброшен со второго этажа, и только через несколько дней опять перенесен в госпиталь.

14. Распоряжения неприятеля в Воспитательном Доме.

3 сентября приехал в дом генерал-интендант Дюмас[27], осматривал Дом и велел сломать бывшие по правую сторону Корделожи деревянные пристройки к лабазам, назначив в лабазах для печения хлебов сделать печи, и чтобы в оные был вход изнутри дома. На другой день командированные с полков рабочие солдаты при офицерах потребовали ломов и топоров, которые и принуждены были им отпустить. Разломанные же строения состояли из квартир директора, обер-секретаря и первого бухгалтера Совета, первого надзирателя и казначея, равно из конюшен, в коих оставались их экипажи. Все это было выброшено на двор, некоторые экипажи тайным образом были увезены, оставшиеся же все ободраны.

«6 сентября вступило в Дом около 300 конных жандармов с полковником и офицерами. По требованию их учрежден был особый стол».

Но так как за отправлением взрослых воспитанников в Казань, многие отделения в Доме оставались пустыми, то это подало французскому правительству мысль учредить в них лазареты для больных и раненых. Из прошения Тутолмина к императору Наполеону, которое приложено в русском переводе к донесению его от 11 ноября, видно, что комиссары Наполеона, осматривая внутренность Квадрата Воспитательного Дома и нашедшие оный удобным к их назначению, определили поместить в нем больных, предоставляя половину оного на помещение детей и живущих чиновников. Против сего предложения Тутолмин представил Наполеону что, очистивши уже все окружное строение и, переместив из оного в Квадрат всех там находившихся чиновников и служителей, он находит теперь Квадрат слишком стесненным людьми, тем паче, что многие несчастные женщины с малолетними детьми, не имеющие дневного пропитания, нашли себе в оном спасение от пламени, и что мужчинам, по тесности, он не мог дать убежища. Сие обстоятельство и нездоровый воздух, который по худому местоположению имеет Воспитательный Дом, заставляют его страшиться заразительных болезней, которые в осеннее время бывают опасными. Посему и просил повеления Наполеона поместить больных в большое окружное строение и корделожи, где находилась французская гвардия.

Однако из донесения Тутолмина графу Ростопчину видно, что просьбы его оставались тщетны, и французское правительство учредило в Воспитательном Доме для своих больных и раненых казармы, заняв для сего половину Квадрата и все окружное строение, так что в обоих местах помещалось до 3 000 человек.

По учреждении французских госпиталей в Доме, правительство их прислало для них караул, который несмотря ни на какие представления Тутолмина, занял для себя крестовую и подле оной докторскую[28]. В сей необходимости крестовая была переведена в комнату швейцара родильного госпиталя.

Наконец, перед выступлением французской армии из Москвы французские комиссары заняли в Воспитательном доме хлебни для печения хлебов на их армии.

15. Младенцы, присланные в дом от неприятеля.

Во время занятия Москвы неприятелем присланы им в Дом: 12 сентября два мальчика Наполеоновы, 16 сентября один мальчик без прозвания, 17 сентября один мальчик Милиев[29], 30 сентября одна девочка; октября 1-го один мальчик Милиев, октября 2го одна девочка Милиева, 4 октября одна девочка Тревизская[30] и один мальчик Тревизский, 5 октября два мальчика — Тревизский и Милиев, 6 октября три девочки — две Милиевы и одна Тревизская и один мальчик Милиев; 7 октября один мальчик Милиев, 9 октября два мальчика и одна девочка Тревизские, а 10 октября два мальчика и одна девочка Тревизские; итого — 22 человека.

16. Размещение Тутолмина в оставленной ему половине Квадрата.

Тутолмин разместил детей подчиненных своих в оставленной ему французским начальством половине Квадрата следующим образом. Дети помещены были в длину фаса по правую сторону, который окошками к детским садам. В 1-м этаже на половине женской в № 5-м столовая обоего пола воспитанников, в № 6-м домовая больница воспитанниц, в № 9-м домовая больница воспитанников. Во 2-м этаже в № 11-м 2-й и 3-й возраст воспитанников, в № 14-м 4-й возраст выздоровевших из старших возрастов и сверхкомплектные воспитанники. В 3-м этаже в № 8-м 3-й возраст из выздоровевших и сверхкомплектные воспитанницы, в № 11-м 2-й возраст воспитанниц; в 4-м этаже кормиличные отделения; в № 10-м главная (первая) надзирательница Ликерет со многими помещена; в № 12 столовая кормилиц; в №№ 15, 18, 20 и 24 кормилицы с детьми; в № 17-м 1-й возраст; в прочих отделениях оного фаса находились кладовые, в другие помещены были посторонние лица, искавшие убежища в Доме, а третьи отделения оставлены были, по предусмотрительности Тутолмина для деревенских детей, на случай возвращения их в Дом разоренными крестьянами.

Родильный Госпиталь секретный во все время оставался на своем месте; но отделение его для замужних

женщин соединено было, по стеснению Дома, с домашним госпиталем. А в комнаты первого переведена была из окружного строения отдельная больница.

17. Прибежище в Доме для посторонних людей.

Воспитательный Дом в 1812 году был домом милосердия для многих посторонних людей; они нашли в нем не только убежище, но и покойное помещение и пищу. Между прочими достаточно указать на княжну Екатерину Михайловну Голицыну[31], госпожу Боуер, тайного советника Повалишина[32]. 12 человек рядовых и 2 офицера также нашли в нем прибежище, и впоследствии письменно благодарили императрицу Марию Феодоровну[33]. Равным образом здесь же нашли пристанище распущенные вдовы Вдовьего Дома, воспитанницы Московских Институтов, деревенские воспитанницы, оставленные своими воспитателями, и спасена жизнь многим младенцам и детям, оставшимся после сгоревших матерей[34].

18. Полицейские меры Тутолмина в оставленной ему половине Квадрата.

Кроме мер предосторожности, принятых Тутолминым от насилия неприятеля извне и о которых упомянуто выше, для избежания сношений с неприятелем, расположившимся так близко от него в Квадрате, он принял следующие меры. Обе половины были отделены друг от друга, и каждая имела свою стражу, даже двор Квадрата был разгорожен пополам. Для лучшего же порядка, при входе на половину Воспитательного Дома, поставлены были караулы и дано предписание было переводчикам из служащих и посторонних чиновников, имевших пристанище в доме, чтобы они чередовались безотлучно у ворот и приходящим или привозимым раненым показывали дорогу на их половину, но учтиво удерживали всех тех, кои будут входить на половину Воспитательного Дома, желающих же видеть заведение провожали бы прямо к Тутолмину. Сверх того для безопасности от пожара, соблюдения спокойствия и удаления злоумышленников, учреждены были ночные обходы из чиновников Дома с переводчиками, кои поочередно всякую ночь три раза обходили все места Квадрата.

19. Меры относительно продовольствия живущих в Воспитательном Доме.

Для обеспечения продовольствия Воспитательного Дома приняты были Тутолминым все возможные меры, как до занятия Москвы неприятелем, так и во время сего занятия.

Еще до вступления неприятеля в Москву он приказал пригнать в дом весь скот со скотного двора, уцелевший от грабительства казаков. Хотя хлеба для детей и было запасено им на целый месяц, однако когда впоследствии за оставлением Москвы жителями, оказался в Москве недостаток съестных припасов, и Тутолмину пришлось выдавать служащим в Доме хлеб и мясо, то он должен был подумать о средствах продовольствия для спасения жителей Дома от голода. Положение в этом отношении сделалось еще затруднительнее, когда Воспитательный Дом наполнен был французами, из которых многие должны были получать продовольствие от Дома. Предвидя такое положение, в самый первый день по входе французской армии, Тутолмин решился было перевести в Дом весь обывательский хлеб из лабазов по набережной Воспитательного Дома; но не успел, однако, перевезти на своих лошадях достаточного количества, потому что французское начальство, узнав о сем обстоятельстве, взяло лабазы под свое управление; хотя Тутолмин и представлял ему, что это хлеб не казенный, а обывательский. Еще труднее было ему спасти от хищнической руки неприятеля скот, пригнанный со скотного двора.

По необходимости иметь молоко для рожковых детей, 6 коров были укрываемы от взора врага в детских садах и подвальном этаже; 35 же штук скота были убиты и, сколько возможно было, кормили детей и неприятелей свежим мясом, и потом все оставшееся мясо посолено. Для корма же спасенных 6 коров употребляли солому из постелей детей и кормилиц с подсыпкой муки.

Но как в городе во время занятия его неприятелем продажи съестных припасов не было, то скоро запасы Тутолмина должны были истощиться, и он принужден был обратиться с просьбою о них к французскому правительству. Генерал-интендант Дюмас отпустил ему («директору и губернатору Воспитательного Дома», сказано в приказе), 100 центнеров пшеницы и 20 центнеров гречневых круп. Кроме того, интендант города Лессепс[35] дал в разное время для Дома 20 пуд пшеницы, 13 коров, 4 барана и 4 куля соли.

Для перемолки муки, полученной от французского правительства, надо было сыскать мельницы, которые старанием эконома Христиани[36] и были найдены. Потом было выпрошено у Дюмаса дозволительное свидетельство молоть на них хлеб; свидетельством сим дозволено было молоть пшеницу на мельницах Шибаевке и Юрьевке. После сего уже посланы были машинист и рабочие люди, которые и перемололи муку. По вторичном прошении Тутолмина у французского начальства касательно продовольствия, оно уже отказало и советовало послать по деревням своих чиновников, обещаясь со своей стороны снабжать их билетами для беспрепятственности и вспомоществования от их войск. Пользуясь таким дозволением, Тутолмин несколько раз посылал в поле за картофелем, капустою и другими произрастаниями, равно и за сеном для лошадей и коров своих чиновников с провожатыми французскими, но, разумеется, не имел возможности делать того часто, ибо нельзя было выпрашивать всякий раз провожатых у неприятеля.

С такими малыми средствами продовольствия Тутолмин, довольствуясь запасами умеренным образом, сохранил Воспитательный Дом от голоду, между тем как многие из жителей в городе принуждены были питаться

одною сырою пшеницею, и то такою, которая погорела, ибо не испорченной, равно как и других съестных припасов, французское правительство ни за деньги, ни без денег никому не давало.

Дабы еще более уменьшить расход и питаться им далее, с 1 октября Тутолмин решил убавить число рабочих, прачек и нянек, равно отпускал в деревни, очищенные от неприятеля, и кормилиц с детьми по их желанию, выдавая каждой награждение по 10 рублей.

Следующий случай, рассказанный самим Тутолминым, показывает и его распорядительность, и его патриотические чувства. «Имея недостаток в продовольствии, говорит он, — я решился 3 октября послать своих чиновников для отыскания оного в деревнях, тем более что имел в виду через таковой случай дать известие нашей армии, что французские войска значительным числом стали из Москвы выходить, и обо всех в ней происшествиях. Вследствие чего отправлены были от меня для сего надворный советник Данилевский[37], штаб-лекарь и объездный надзиратель с 3 чиновниками, переводчиками, 2 унтер-офицерами и 3 работниками, которые, выехав на С.-Петербургскую дорогу, в 12 верстах были встречены казаками и препровождены к командующему их корпусом генералу Винценгероду[38], спрашивавшему их подробно обо всех происшествиях московских, и который, опасаясь, чтобы каким-нибудь образом не дошли до неприятеля сведения о нахождении тут российских войск, не хотел их отпускать в Москву, но напоследок отпустил только половину, с обязательством умолчать обо всем, и то в уважение недостатка хлеба для Дома; а прочих удержал у себя. Но и они после также возвратились. В сию поездку их казачий офицер, у коего в виду их неприятелем подстрелена была лошадь, взял у них одну из казенных. По возвращении своем они могли привезти с собою только пять с половиной четвертей ржи».

20. Приобретение лекарств.

Так как аптека Воспитательного Дома сгорела, в лекарствах же настояла крайняя необходимость, то было поручено штаб-лекарю Масленикову отыскивать лекарства в московских разоренных аптеках.

21. Положение чиновников, оставшихся в Воспитательном Доме.

Служащие, оставленные в Воспитательном Доме под начальством Тутолмина, предварительно им ободренные, и за верную и усердную их службу обнадежены Монаршими щедротами. Все они с твердостью духа остались при своих местах, кроме некоторых, отпущенных с семействами, как-то: акушера Танненберга, имевшего 8 человек детей, в числе 3 взрослые дочери; аптекаря Буттера-отца, двух архитекторских помощников: сына Жилярди[39] и Григорьева[40], смотрителя Охотного двора Машкова и смотрительницы, помощницы повивальной бабки Андреевой и без спроса уехавших двух священников и диакона; старшая же повивальная бабка Бергер, по слабости здоровья, уволена от службы.

Рабочие люди в Доме неоднократно хотели оставить свою должность, но чтобы удержать их при таких смутных обстоятельствах и наградить за многие труды их, понесенные во время пожаров, хоронение неприятельских тел и при очистке отделений для французских лазаретов, выдано им было двойное жалованье за сентябрь-месяц.

К сожалению, встретились два случая и ослушания чиновников. Так, писарь при Совете Сапников, не хотевший ехать в Казань по приказанию Лунина, уволен от службы с одним пашпортом, а лекарь Науман перед выступлением французов из Москвы объявил, что он принят в службу Наполеона и потому из службы исключен[41].

Зато некоторые чиновники оказали особые заслуги. Так, эконом Христиани, несмотря на свою старость, с особенным рвением исполнял свою должность, умел с великой бережливостью для Дома выполнять требования квартировавших в доме неприятелей и, наконец, с успехом исполнил поручение об отыскании мельницы. Помощник эконома Зейпель оказал дух неустрашимый и непоколебимый. Во время сильного пожара он охранял всю сторону к городовой стене, где построены были конюшни и лежало большое количество дров, и хотя эти строения и дрова многократно от ужасного огня и сильных искр загорались и от жару даже стекла в оконных рамах были повреждены, однако он спас благополучно вверенную ему сторону, хотя сам был в такой опасности от огня, что даже все платье на нем обгорело. В помещениях в Квадрате имел он бдительный и многотрудный присмотр за безопасностию от огня, много терпел от капризов и сварливости французских приставников, но всегда благоразумно избегал ссор. Полицмейстер Зверев особенно отличился своей ревностию во время пожара, охраняя вместе с Тутолминым самые опасные места позади окружного строения, где было много деревянных пристроек. Казначей Кочергин исполнял различные поручения и за болезнию эконома — его должность. Экспедитор Захаров безотлучно находился при Тутолмине и неусыпно трудился. Комиссар Рухин употребляем был переводчиком в сношениях с французским начальством и был послан с донесением по приказанию Наполеона к Государю Императору и Императрице. Надзиратель при воспитанниках Страшников безотлучно находился при них и сберег их имущество, во время пожара расставил воспитанников по дровам с вениками и шайками с водою и успешно тушил с ними загоравшиеся поленницы. Первая надзирательница Ликерет при всех женских добродетелях показала дух неустрашимый и решительный. Благоразумными советами и убеждениями умела она удержать кормилиц и нянек при их местах, и с материнскою попечительностью и нежностию пеклась о малолетних детях. Все казенное имущество и белье сбережено ею в целости. Швейцары — при Квадрате Иванов и при

родильном госпитале Степанов — строго берегли свои посты; последним никто из неприятелей не был впущен в родильный госпиталь. Лекаря Маслеников и Шульц, кроме усердия к своей обязанности, несколько раз делали успешные операции нашим раненым. Дьячки и сторож безотлучно находились при церкви и в ней ночевали. Брандмейстер Бауфмейстер показал во время пожара такое самоотвержение, что на нем не только обгорело все платье, но он обжег себе голову и руки. Окружные надзиратели Данилевский и Мизеровский, исполняя с усердием все приказания начальства, были посылаемы в деревни для покупки хлеба. Все прочие чиновники также служили с усердием и исполняли различные поручения начальства и почти все участвовали в спасении Дома от пожара.

22. Заслуги посторонних.

В донесении своем от 11-го ноября Тутолмин свидетельствует о трудах бывших при нем во все смутное время Коллегии иностранных дел коллежского советника Михаила Шульца, родного брата служившего в Доме бухгалтера Карла Шульца, и московского купца Горна, лишившихся в несчастное время всего своего имения и снискавших пристанище в доме. Они были употребляемы с большою пользою для письменных и словесных сношений с французским начальством. В этом же отношении много помогали ему два сына эконома Христиани — коллежские регистраторы Франц и Петр, равно и Николай Бушуев.

Московский Воспитательный Дом не может забыть и религиозного усердия двух посторонних священников, исправлявших в нем все церковные требы в то смутное время. Это были священники соседней Дому церкви Рождества Богородицы на Солянке, что на Кулишках или на Стрелке[42].

23. Прокламации французского правительства.

Во время пребывания французских войск в Москве французское правительство, видя себя стесненным, а жителей Москвы угнетенными, и нуждающимися во всем, стало выдавать различные прокламации, а именно: 1) О составе и предмете московского муниципального правления, учрежденного французским правительством; 2) прокламация к московским жителям о занятии Москвы французским войском, выдаче оружия и указании, где находятся склады казенного провианта; 3) прокламация к Московским жителям, приглашающая их возвратиться в свои дома; 4) другая того же содержания ко всем жителям вообще на французском и русском языке[43]; 5) протокол французского военного суда над зажигателями из русских.

24. Фальшивые ассигнации.

В противоречие таким прокламациям французское правительство распространяло между жителями фальшивые ассигнации, привезенные им в Москву в весьма большом количестве. Ими платили французскому войску жалованье, раздавали также в пособие московским жителям, просившим у французского правительства вспомоществования. Комендант города Лессепс предлагал такие ассигнации Тутолмину на покупку хлеба; но последний отклонил такое предложение. Впрочем, одна подобная сторублевая ассигнация попалась к нему и вот каким образом. При выступлении из Дома жандармов, полковник их принес к нему кучу сторублевых ассигнаций, прося его разменять их на 25-рублевые, но он всячески старался уклониться от размена и уверял его, что у него нет вовсе 25-рублевых. Но потом, снисходя к нему, как к постояльцу своему, берегшему Дом, а также для любопытства, одну ассигнацию разменял. При въезде в Москву генерал-адъютанта Павла Васильевича Кутузова[44] он показал эту ассигнацию, и Кутузов оставил ее у себя для отправления к Государю Императору.

25. Начало очищения Москвы.

«С 3 октября французское начальство поспешным образом стало вывозить из наших госпиталей своих легкораненых и выздоравливающих из Москвы по Можайскому тракту, а на место их из других госпиталей наполнять лазареты в Доме».

26. Выступление из Москвы.

«6 октября большая часть французской армии стала готовиться к отбытию из Москвы, а 7 октября она вступила из городу, с нею отправился и Наполеон, в 5 часов утра по Калужской дороге. Тяжелые же обозы были отправлены по Смоленской. В Москве осталось войск не больше 3 000 под начальством маршала Мортье».

27. Просьбы Тутолмина о карауле.

Так как все жандармы, бывшие в Доме, вышли также в поход, то и караул, стоявший в Воспитательном Доме, был снят. Посему Тутолмин и относился к маршалу Мортье с просьбою, чтобы он благоволил приказать караулу при французских лазаретах охранять и Воспитательный Дом.

Не получив ответа, на другой день он повторил свою просьбу через письмо к интенданту Лессепсу. В этом письме он упоминает, между прочим, что сейчас получено уведомление о дурных поступках некоторых неблагомыслящих людей с одним из его подчиненных. На подлинной копии к императрице, как сказано в отпуске с его письма, это обстоятельство объяснено так: «Сие относится к следующему. Исправляющий в доме должность полицмейстера Зверев, услышав, что французские мародеры грабили на набережной некоторых служащих в Доме, вышел туда и стал заступаться, но они за это бросали в него камнями, и схватя его, хотели бросить в реку». 9 октября Лессепс прислал Тутолмину своего адъютанта с письмом для устройства караула. В этом письме, между прочим, просил он его принять француз-

ских раненых и больных, в Воспитательном Доме находящихся, в свое попечение, равно и жителей в Москве французской нации, коих и прислал для помещения в Доме, и тогда не было возможности их не принять.

28. Совершенное очищение Москвы французскими войсками.

«10 октября, по наступлению ночи, в Воспитательном Доме снят был французский караул, и все французские войска, по совершении своего варварского намерения с Кремлем, очистили весь город».

29. Вступление в Москву казаков.

11 октября вступил в Москву с казаками генерал-майор Иловайский[45] 4-й. Тутолмин письменно сообщил ему о нахождении в Доме французских раненых и просил об охранительном карауле. «Между тем вскакали в Дом казаки, сопровождаемые толпой крестьян, коих накануне того дня французы заманили в Москву, обещая отпустить им соли, с тем намерением, чтобы при сем случае воспользоваться их лошадьми. Казаки, ворвавшись в окружное строение, вооружили тех крестьян отнятым у больных и раненых оружием, ограбили французов и расхитили все имущество живших в том строении служителей, также пограбили многие вещи отделенной больницы». Когда же генерал-майор Иловайский дня четыре спустя посетил Тутолмина, то последний, естественно, не преминул заметить ему, что российским войскам, прибывшим для установления порядка и спокойствия, неприлично поступать так, как поступали его казаки, которые наделали в Доме много беспокойства и беспорядков. Разговор происходил в присутствии генерал-майоров Бенкендорфа[46] и Чернышева. Иловайский отозвался, что это происшествие очень для него неприятно и много извинялся перед Тутолминым.

30. Русский караул в Воспитательном Доме.

Вечером 11-го же октября вошел в Москву с гусарским полком генерал-майор Бенкендорф, который снабдил Воспитательный Дом караулом и, принявши на себя должность коменданта, во всем оказывал ему пособие. 22-го числа Бенкендорф выступил со своим полком в поход, почему и гусарский караул снят в Доме; на место же его по приезде в Москву обер-полицмейстера Ивашкина[47] Воспитательный Дом снабжен караулом полицейским.

31. Оставление французских раненых и больных в Воспитательном Доме.

Французским правительством оставлено было в Воспитательном Доме до 1500 рядовых и 16 офицеров больных и раненых. Но для них не было оставлено ни пищи, ни лекарств, и никаких других потребностей, так что с 11 октября все они находились на содержании Дома. Неприятное соседство такого множества больных и недостаток продовольствия для жителей Дома понудили Тутолмина обратиться сначала к обер-полицмейстеру о выводе их из дома. 25 октября начали выводить из Квадрата и окружного строения в другие больницы. Все рядовые были выведены, но офицеры, числом 10, и при них служители оставлены. Тутолмин докладывал было о них графу Ростопчину, но получил приказание оставить их в Доме, за неимением куда их поместить, и с тех пор раненые французские офицеры оставались на содержании Дома. Ниже показано, как императрица Мария Феодоровна приняла их под свое покровительство[48].

32. Последствия пребывания французских раненых и больных в Воспитательном Доме.

«Пребывание в Воспитательном Доме французских раненых и больных, во все время в числе 8 000 человек[49], оставило по себе весьма вредные и продолжительные последствия, не только в материальном отношении, но и в отношении к чистоте воздуха и здоровья. Комнаты, которые были ими заняты, чрезвычайно были загажены. Полы, двери, окна, печи и стены попорчены, перегородки во всех местах выломаны и выкиданы, разная мебель и другие вещи, как казенные, так и служащих, переломана и сожжена. От печей все тарелки и вьюшки выкинуты, топку производили беспрерывно, не закрывая печей, отчего истреблено множество дров, а в окружном строении для топки разобран был целый забор. Но еще более вреда произвело это пребывание относительно здоровья. Больные вели себя в комнатах чрезвычайно нечистоплотно и неопрятно, отчего воздух в комнатах сделался так нездоровым и заразительным, что оказалась невозможность жить в тех покоях, прежде предварительного и продолжительного их очищения, ибо вкоренившийся в отделениях сквозь полы, а в коридорах не прошедшей нечистоты и вони, никак не возможно было скоро вывести». Почему Тутолмин и предложил в тех отделениях всю зиму оставить окна и двери открытыми, и в надлежащее время производить разного рода курение. Но всего более испорчен был и без того не совсем здоровый воздух Воспитательного Дома от большой смертности французских больных и близости погребения умерших. В Квадрате умирало их ежедневно от 20 до 50 человек, и умершие тела хоронились за Квадратом на пустыре к городовой стене Китай-города. Всех было похоронено там до 1 500 тел. Хотя на тела и сыпана была для предосторожности известь, но по недостатку весьма недостаточно, так что весною можно было опасаться заразы; однако ж, к счастию, вскоре были приняты спасительные меры. В окружном же строении умершие были хоронимы близ самого строения, ежедневно от 15 до 30, а всего было похоронено до 1 000 тел.

33. Прибытие в Москву Гражданского Губернатора и Главнокомандующего в Москве.

«22 октября прибыл в Москву Гражданский Губернатор Тайный Советник Обресков[50] и, посетив

Воспитательный Дом, удивился содержанию такого множества детей в порядке, а 24-го октября прибыл в Москву Главнокомандующий Граф Ростопчин, коему Тутолмин подал рапорт о состоянии Воспитательного Дома».

34. Возвращение в Москву жителей и общий вид Москвы.

«По прибытии в город начальства немедленно приняты меры к его очищению. Лошади, кои по улицам валялись несколько тысяч, и всякая нечистота вывозятся за город; жители приезжают в Москву узнать о своих домах, и с печальным, скорбным сердцем видят их или обращенными в пепел или, хотя от пожара и уцелевшими, каковых очень немного, но совершенно разграбленными, ищут своих имуществ, кои многие для сохранения закладывали в стены и подвалы, но видят, что от хищной руки неприятеля ничто не укрылось. Даже в храмах Божиих сокрытые в землю церковные достояния не пощажены от расхищения, а самые храмы обращены были по безбожию врага в конюшни, кухни и скотские бойни».

35.Отчет Тутолмина о состоянии Воспитательного Дома после неприятеля.

«Дети, в Доме находящиеся, как малолетние, так и возрастные, оставленные за болезнями, также из воспитанниц учительницы и помощницы, по желанию их, не отправленные в Казань, и все посторонние благородные молодые женщины, девицы и мужчины, имевшие пристанище у меня, — так доносит Тутолмин, — во все время, благодаря Всевышнему, пребыли благополучно, так что на невинность их не было сделано никаких покушений. Хотя же многие французские чиновники и приезжали в Дом, чтобы видеть заведение, но все они просили на то моего позволения и были мною допускаемы, и я или сам их водил или поручал моим подчиненным. Таких посетителей было довольное число, и все они, при расстроенном положении Дома, весьма хвалили заведенный в нем порядок и чистоту, отдавали во всем преимущество нашему заведению против Венского. Для такого спокойствия были приняты все предосторожности, о коих выше уже упомянуто. Во всякое время, когда только безмятежность позволяла, воспитанники обоего пола были заняты классическим учением, вязанием чулок и некоторыми рукоделиями.

Храм Воспитательного Дома посреди всех бедствий и опустошений сохранен, так, что 11 октября, в день очищения Москвы неприятелем, в нем было принесено моление Всевышнему, избавившему столицу от врага и угодное ему заведение от гибели. Это было первое Богослужение со времени вступления неприятеля в Москву, ибо во время неприятеля, занявшего Корделожи и примыкающую к нему половину Квадрата, не было возможности совершать Богослужение в храме[51]».

36. О денежных расходах.

Деньги на расходы были выданы Тутолмину из Опекунского Совета при отъезде в Казань. На какие предметы были они издержаны, Тутолминым подан был Императрице подробный счет, приложенный к донесению от 11 ноября. Из этого счета видно, что пребывание неприятеля в Москве в Воспитательном Доме принесло Дому убытку в денежном отношении до 14 651 руб. Между прочим, в донесении своем Тутолмин свидетельствует, «что 2 000 руб. издержаны им на экстраординарные расходы в подарок французским чиновникам, что принесло Дому не малую пользу». Но сверх сего при своей благодарности употребил он немалую сумму из своих собственных денег на вспомоществование своим нуждающимся собратиям, некоторых снабжал по возможности платьем и обувью, но из казенных денег не смел на сие сделать поползновение, боясь же расхищения казны от неприятеля, по сему и отпустил с Шредером такую большую сумму (40 000 руб.). Но, заключает Тутолмин, «по милосердию Божиему, я успел сохранить в целости, как сумму, так и здание и всех детей со служащими»[52].

37. Убытки Воспитательного Дома от разорения неприятеля.

Пребывание неприятеля в Москве и в Воспитательном Доме принесло Дому немаловажные убытки.

1) Во время пожара аптека Воспитательного Дома, которую содержал Буттер, сгорела совершенно; после пожара собрана только некоторая посуда ценностию до 850 руб., убытку же исчислено Буттером 69 000 руб. Множество вещей казенных в Доме во время пожара пропало; сгорело большое количество дров, некоторые деревянные здания разобраны; также сгорели деревянные ворота с улицы Солянки на проспект и мост на проспекте чрез канаву, надолбы и березки поломаны; множество оконных рам испорчено[53].

2) Сгорели принадлежавшие Воспитательному Дому Москворецкие, Устьинские и Островские бани, приносившие Дому за содержание их доход. Оттого Дом не мог получить оброк с содержания за все то время, в которое они сами не пользовались. На сем же основании не взыскан был оброк с содержателей Устьинского питейного дома, пустопорожней земли и лабазов[54].

3) Скотный двор от пожара не тронут, но строение частию испорчено, заборы расхищены и сожжены, роща местами вырублена, а огородные овощи все истреблены[55].

4) От подрыва Кремля перебито множество стекол и по местам их на стенках обвалилась штукатурка, в Корделожи с угла прибавились некоторые трещины.

5) Деревянные пристройки к лабазам, как упомянуто выше, сломаны неприятелем, которые предполагал к лабазной стене сделать печи.

6) В отделениях, занятых французскими ранеными, кроме вышеупомянутых повреждений, истреблено мно-

жество вещей, упомянутых в особой описи, и, кроме того, сделаны следующие расхищения. По занятии половины Квадрата французами, библиотека оставалась на половине французов, и так как за неимением места нельзя было ее в скорости перенести, то по удостоверении целости ее генерал-интендантом графом Дюмасом приказано было ее запереть и запечатать. Но впоследствии оказалось, что замок сбит, и несколько книг, геометрических инструментов и глобусов расхищено и попорчено.

Архив и дела Совета, равно и экспедиции находились в Корделожи, где были жандармы, и, хотя также были заперты, но двери потом казались отбитыми, книги и бумаги разбросанными, но неизвестно, утратились ли которые из них, потому что делам не было составлено описи. Многие вещи переломаны и истреблены, в том числе ящик за стеклом с медалями разбит, и медали расхищены.

38. Состояние прочих заведений Ее Величества в Москве.

Все заведения Ее Величества, кроме Инвалидного Дома Шереметевой, после вывода из них воспитываемых или призреваемых лиц, сначала отданы были в распоряжение главнокомандующего графа Ростопчина и заняты были им для помещения русских раненых. После же сдачи Москвы неприятелю, русские раненые были по возможности вывезены, и заведения сии заняты неприятелем для своих раненых[56]. В особенности же судьба каждого заведения была следующая:

1. Инвалидный Дом Шереметевой. Хотя по близости здания сего заведения Воспитательному Дому и предполагалось перевести в него дряхлых и больных вдов Вдовьего Дома, однако, по отдельности его от зданий Воспитательного Дома и их опасения жестокостей неприятеля, вдовы были укрыты в самом Воспитательном Доме, в Квадрате. Такая предосторожность оказалась в свое время весьма спасительною, потому что Инвалидный Дом частию от пожара потерпел, один угол его сгорел. Впоследствии оказалось, что многие вещи в нем расхищены, другие пропали.

2. Вдовий Кудринский Дом во времена пожара Москвы сделался жертвою пламени; и при сем сгорели не только все вещи и письменные дела, но и 700 человек русских раненых, в нем находившихся во время пожара, такоже погибли. Смотритель Дома Мирицкий вместе с помощником много пострадали от неистовств неприятеля[57].

3. Здания Екатерининского и Александровского училищ[58] сначала были заняты нашими ранеными, при неприятеле же Екатерининский институт обращен был не только в лазарет, но и в казармы; во всех этажах его жили французы, а в нижнем этаже ставили даже лошадей. Здание Александровского училища, неизвестно, было ли занято неприятелем; по крайней мере, оно было более сохранено, так как по очищении Москвы неприятелем оно могло быть занято русскими ранеными[59].

4. Больница для бедных сохранена стараниями главного лекаря Оппеля[60]; в ней сначала оставались русские больные, потом находились французские, число которых доходило до 300; не видать, однако, чтобы она много пострадала от неприятеля, потому что после него опять вскоре открыта для приема больных.

5. Павловская больница[61] от пожара сохранена, но потерпела несколько от расхищения неприятеля, так как в ней были также помещены французские раненые[62].

6. Старый Лефортовский Вдовий дом также спасся от пожара, так что после неприятеля в него перешел на жительство смотритель Мирицкий, а потом открыт в нем и Вдовий Дом до возобновления Кудринского. О расхищениях неприятеля и убытках во всех сих заведениях приложены описи к донесению Тутолмина от 11 ноября.

По очищении Москвы неприятелем Тутолмин немедленно приказал архитектору Жилярди осмотреть Воспитательный Дом, принадлежащие к нему части и все заведения Ея Величества и подать подробное описание о состоянии их и приведении в порядок; а для охранения всех заведений приставил везде нанятый караул.

Глава IV.
Состояние Московского Воспитательного Дома после очищения Москвы неприятелем до возвращения из Казани Опекунского Совета и бывшие в то время происшествия

1. Беспокойство Государыни Императрицы Марии Феодоровны.

Государыня Императрица, получив первые донесения Тутолмина по занятии Москвы неприятелем, с разрешения самого Наполеона, потом за невозможностию сношений более месяца не получая от него никаких известий и соответственно по Материнской попечительности о своих заведениях, не могла не беспокоиться такою безызвестностью. Но, получив после сего первое донесение Тутолмина, Ея Величество в рескрипте своем на его имя возблагодарила Всевышнего, что Промыслом Божиим все сохранено в Воспитательном Доме, а вместе с тем выразила свою благодарность Тутолмину за неумедленное донесение и равно отдавая в полной мере рвению его совершенную справедливость, признала новый опыт его попечения в старании отвратить от питомцев действия страха и ужаса, особенно от злодейского замысла неприятеля против Кремля, о коем читала донесение с душевным прискорбием[63]. В другом рескрипте[64] Ея Величество выражает особенное свое удовольствие за сохранение питомцев в Доме, из коих число умерших не так велико, как можно было опасаться при недостатке кормилиц, лекарств, скудости в съестных припасах и при таком ужасе, шуме и

беспокойстве. Вообще Ея Величество почти во всех рескриптах выражала свою признательность Тутолмину и не замедлила достойно наградить его за все труды его и заслуги, как увидим ниже.

2. Утверждение распоряжений Тутолмина.

По получении подробных донесений Тутолмина, Государыня Императрица утвердила все распоряжения его, в бытность неприятеля в Москве им сделанные, в том числе и все меры, принятые им относительно продовольствия Дома, а выдачу рабочим людям двойного жалованья, не только утвердила, но повелела выдать таковое же награждение и тем кормилицам, кои, бывши в Доме при неприятеле, теперь из оного вышли, какового награждения и выдано 333 руб. 82 коп. Употребление 2 000 руб. на подарки также совершенно утверждено, но Ея Величеству любопытно было знать, кого он дарил сими деньгами и кто были сии корыстные люди[65]. Прочитав же объяснение Тутолмина, что 2 000 руб. употреблены были им на подарки страже, долженствовавшей охранять его от насилий, Государыня не только одобрила учиненное им в сем случае для избежания неприятностей, но выразила удивление, что таковой суммы было достаточно для успокоения таких хранителей[66].

3. Прекращение чрезвычайной власти Тутолмина.

По очищении Москвы неприятелем и установление первых сношений. чрезвычайная власть Тутолмина прекращена, и ему Высочайше предписано ничего чрезвычайного, выходящего из черты обыкновенных дел, не делать без доклада Ея Величеству, так как сношение с Опекунским Советом в Казани представляла более затруднений, чем прямые сношения с Ея Величеством[67]. Тем не менее, Тутолмин представил Опекунскому Совету о состоянии Воспитательного Дома и вверенных ему заведений во время занятий Москвы неприятелем[68].

4. Распоряжения Государыни Императрицы после неприятеля, в особенности о приведении всех заведений Ея в первобытное состояние.

Незабвенная Начальница Воспитательных Домов Императрица Мария, немедленно по очищении Москвы, обратила всю свою Монаршую заботливость на восстановление Своих учреждений. Почти ежедневная переписка Ея сначала с Тутолминым, а потом с Князем Сергеем Михайловичем Голицыным и другими почетными опекунами и бесчисленные рескрипты Ея останутся вечными памятниками о неутомимейшей попечительности Ея о своих заведениях.

5. Доставление подробных донесений.

Чтобы скорее найти вернейшие средства к восстановлению заведений, Государыня Императрица беспрестанно требует от Тутолмина доставления самых подробных донесений обо всех происшествиях в Воспитательном Доме, бывших во время неприятеля, равно и в других заведениях. Такие донесения были доставляемы сначала посредством военного начальства, а потом, по установлении почт, обыкновенным путем[69].

6. Очищение воздуха в Воспитательном доме.

Государыня Императрица, получив уверение, что мертвых хоронили на дворе Воспитательного Дома, сильно об этом беспокоилась, и потому первым из Ея повелений было принятие против сего немедленных мер. Действительно, по заражении воздуха в Доме, число больных и умирающих усилилось. К этому присоединилось еще заражение воды. Пробовали было вырывать новые колодцы, но опыты были безуспешны. Посему принуждены были удовольствоваться испорченною водою, процеженной, по предписанию Императрицы, через уголья. Похороненные же близ Воспитательного Дома тела, по случаю наступившей оттепели, не могли быть вывезены в скором времени, почему надо было дожидаться наступления опять холодной погоды. К счастию, такая погода скоро наступила, и похороненные тела были вывезены из Воспитательного Дома при содействии графа Ростопчина. Для уничтожения же смрадных и смертоносных испарений от трупов велено было употреблять по способу Крейтона[70] негашеную известь, посыпая ее на месте таких испарений. Покои же, которые были заняты неприятелем, в продолжение всей зимы были открыты и всеми способами выветриваемы[71].

7. Доставление лекарств.

Так как аптека Воспитательного Дома сгорела, а достать лекарства в разоренной Москве было почти невозможно, то Ея Величество, вытребовав от Тутолмина список самонужнейших лекарств, прислала ему их из Петербурга, с тем, чтобы часть отделить и для больницы бедных. Равным образом присланы были для больных от Ее Величества бочка лучшего портвейна и 100 бутылок мадеры, коих в Москве достать в то время не было возможности, но также с отделением части для больницы для бедных. Во время нужды Воспитательного Дома в лекарствах поставлял их аптекарь Покровской аптеки Шильдкнехт; но предложение его ставить и впоследствии лекарства в Дом безвозмездно не принято Ее Величеством, ибо в том не было особой нужды, а потому Шильдкнехт до восстановления аптеки Воспитательного Дома поставил в него лекарства с уступкою цены. Должно заметить, что в то время Воспитательный дом терпел недостаток не только в лекарствах, но даже в обыкновенной лекарственной посуде, так что для лекарств, присланных от Государыни, была употреблена посуда, найденная во дворе Воспитательного Дома, после пожара аптеки, но так как большая ее часть оказалась принадлежащею Военному Госпиталю, то посуда была ему и впоследствии возвращена[72].

8. Уничтожение французских фамилий воспитанников Дома.

Императрица, узнав, что воспитанникам, присланным от французского начальства, даны были фамилии французских начальников и самого Наполеона, Высочайше заметив, что хотя в то время нельзя было противиться внешнему принуждению, повелела, чтобы названия эти исчезли и были истреблены во всех списках, и впредь никогда о них упоминаемо не было. Впрочем, Тутолмин донес Государыне, что французские фамилии были даны тем воспитанникам единственно для обозначения их во всеподданнейшем донесении[73].

9. О приеме в Дом посторонних сирот.

Во время неприятеля были приняты в Воспитательный Дом многие посторонние сироты, в том числе дети сгоревших матерей. Такое распоряжение не только было Высочайше одобрено, но дозволено и впредь принимать такого рода детей; прием же прочих посторонних сирот прекращен, но для пособия им Ея Величеством прислано 500 рублей. Дозволено одновременно принимать матерей с грудными детьми, в таком случае, если мать сама пожелает кормить своих детей и таковых иметь на положении кормилиц[74].

10. Положение деревенских воспитанников.

По очищении Москвы неприятелем, многие из крестьян, имевших на своем попечении питомцев Дома, претерпев разорение от неприятеля, стали приводить питомцев в Дом, каковые питомцы и были принимаемы. Это распоряжение не только было одобрено Императрицей, но и повелено принимать таковых беспрекословно, ибо от воспитателей, не имеющих никакого пристанища, нельзя и требовать надлежащего за детьми присмотра; равно разрешено, если место не позволит, поместить в Дом всех таковых питомцев, помещать их в здании институтов. Однако, как видно, не дошли до приведения этой меры в исполнение: напротив, другими благоразумными мерами прилив деревенских питомцев в дом приостановлен. Немедленно приступлено было к усиленным объездам по деревням, а в поощрение окружных надзирателей прибавлено им жалованье за ноябрь-месяц, нанимаемы и даже покупаемы были для них лошади на казенный счет, за отсутствием некоторых надзирателей, число их было укомплектовано посторонними лицами. Окружным надзирателям поставлено было на вид: крестьян, имеющих какое-либо пристанище, уговаривать оставлять у себя питомцев, хотя бы за некоторое награждение, а равно склонять крестьян, не претерпевших разорения и не бравших до того питомцев, брать их впредь к себе с некоторою надбавкою платы. Определена была и мера награждения крестьянам, разоренным от неприятеля, но сохранившим у себя питомцев, а именно: погоревшим за каждого питомца по 5 рублей, ограбленным — по 3 рубля, а укрывавшимся в лесах — по 1 рублю. О таком награждении было публиковано в газетах. При сем дозволено было Князю Сергею Михайловичу Голицыну выдавать некоторым и особое пособие, по его усмотрению. Между прочим, по прошению одной помещицы Яновой крестьянам, ее совершенно разоренным от неприятеля, выдано было также награждение и наказание поправляться, запрещено было отдавать питомцев на воспитание ее крестьянам[75].

Барон Ф. Ф. Винценгероде. Гравюра К. В. Ческого. 1812—1813 г.

Объезды были совершены весьма скоро; к концу года почти все питомцы были осмотрены и большая часть найдена здоровою, а число умерших, как оказалось, не превосходило обыкновенной пропорции[76].

11. Городские воспитанники.

При оставлении Москвы, перед занятием неприятеля ее жителями, естественно, многие из городских воспитанников были увезены из Москвы своими воспитателями. По крайней мере, известно, что по очищении Москвы неприятелем в первое время за получение платы явилась весьма малая часть их воспитателей. Почему были приняты немедленные меры к их отысканию; розыск их был успешен, потому, что из 291 воспитанника, неизвестно где находившихся, с 1 декабря по 15 явилось 124, а впоследствии явились и прочие; но, разумеется, не все могли быть отысканы, ибо многие, вероятно, не возвратились[77].

Вот цифры, показывающие число питомцев Московского Воспитательного Дома.

В 1811 г. — питомцев вообще 12 898, городских 698, деревенских 7 864

В 1812 г. — питомцев вообще 11 492, городских 674, деревенских 7 369

В 1813 г. — питомцев вообще 8 851, городских 584, деревенских 6 314

Из них умерло

В 1811 г. — в Доме 1 453, деревенских 1 513, городских 899

В 1812 г. — в Доме 1417 г., деревенских 1 548, городских 95

В 1813 г. — в Доме 899, деревенских 1 095, городских 85.

12. Воспитанники в богадельне.

Из 66 воспитанников, призренных в городской богадельне на счет Дома, все оказались налицо, кроме двух, неизвестно куда по вступлении неприятеля удалившихся. Таковых Высочайше запрещено было принять опять в богадельню, так как они своим отсутствием доказали, что могут сами себе снискивать себе пропитание[78].

13. Вывод посторонних, призренных в Доме.

Воспитательный Дом, открыв у себя во время общего смятения убежище для многих посторонних особ, не мог оставаться для них постоянным пристанищем, тем более что за невозможностию занять большую часть отделений Дома для жительства, в самом Доме недостаток помещения был крайне ощутителен. В такой необходимости предложено было посторонним лицам выехать из Дома, но в этом случае было оказано всякое снисхождение к их участи, так что сначала вывели тех, которые сами могли себя на первый случай обеспечить. Другим

Кн. С. М. Голицын. Литография П. С. Смирнова по оригиналу Лаше. 1851 г.

оказано было пособие от щедрот Ея Величества из присланных ею 500 рублей, или содействие для получения пособия от городского начальства. Третьим приисканы были места, в том числе бывшим воспитанникам Дома и вдовам Вдовьего Дома; наконец, те, которые не имели никакого пристанища, долгое еще время пользовались благодеяниями Дома[79].

14. Возобновление приема приносных детей.

Высочайшим повелением 1812 года августа 9-го, в случае занятия Москвы неприятелем, предписано прекратить прием приносных детей в Дом, по невозможности снабжать тогда Дом кормилицами, о сем публиковать в Ведомостях, увещевая матерей несчастно рожденных детей к выполнению долга природы в сих смутных обстоятельствах. В исполнение чего прием детей в Дом и прекращен; и только в двух случаях допущено было отступление от закона; а именно, в первом, уступая принуждению, приняты были младенцы неизвестного происхождения, присланные от французского начальства, и во втором, в уважение чрезвычайных обстоятельств, призрены были дети, оставшиеся после сгоревших матерей.

Но и по очищении Москвы от неприятеля невозможно было вскорости открыть опять приема приносных детей, не по недостатку уже кормилиц, а по неимению места в Доме, ибо по зараженности воздуха в отделениях Квадрата, Корделожи и Окружного строения, оказалось, что в них невозможно жить при виде лета. Между тем число подкидышей чрезвычайно увеличилось, их поднимали множество на дворах и в коридорах Воспитательного Дома[80]. Посему Императрицей представлено было поспешить к приисканиям удобного места к приему приносимых детей; и когда такое место было найдено, то прием и открыт с 1 января 1813 года[81].

15. Открытие больницы для бедных.

Так как больница для бедных, более всех пощаженная неприятелем посреди других разоренных госпиталей, одна могла быть открыта к приему больных, в то время весьма многочисленных, то по повелению Императрицы употреблены были все меры к ее открытию, каковое и произошло в начале декабря месяца. О каковом открытии публика была извещена газетами, дабы все знали, что и больные найдут в разоренной Москве пристанище и вспомоществование. Это обстоятельство, вероятно, немало содействовало в то время возвращению в Москву оставивших ее жителей. Нужда в больнице для бедных была так велика, что даже полный ремонт ее был отложен до более благоприятного времени, и повелено производить его исподволь, дабы не приостановить благодетельного влияния этой больницы. Вслед за ней была открыта и Павловская[82].

16. Попечение о вдовах Вдовьих Домов.

По очищении Москвы от неприятеля приступлено было к устройству судьбы вдов Вдовьего Дома и тех, кои имеют право на такое пособие от Вдовьего Дома. С этою целию старый Лефортовский Вдовий Дом приведен в состояние, способное для помещения в нем призреваемых вдов. О вдовах, распущенных из Вдовьего Дома, собраны были сведения и назначенные им пенсии выдавались из сумм экспедиции о воспитанниках. Прошения же от вдов, просящих пособия от Вдовьего Дома, Высочайше поручено было принимать Почетному Опекуну Нечаеву[83] и, содействуя им в приобретении узаконенных свидетельств, отсылать их прошения в Опекунский Совет в Казань для поднесения узаконенным порядком доклада Ея Величеству[84].

17. О воспитанницах институтов.

Велика была также заботливость Императрицы о воспитанницах институтов Александровского и Екатерининского, взятых родителями и родственниками на попечение перед выездом институтов из Москвы. Ея Величество предписывала несколько раз разведать об их участии, и, получив известие, что некоторые из них получили пристанище в Воспитательном Доме, выразила о том свое удовольствие. Попечительность Ея Величества простиралась до того, что она приказывала разведать, спасены ли шелки и работы, оставленные ее воспитанницами Екатерининского и Александровского училищ при отъезде, и если найдутся, то отправить их к почетному опекуну Баранову в Казань[85].

18. Дома Болотникова.

Пользуясь проездом чрез Москву почетного опекуна С.-Петербургского Опекунского Совета Болотникова[86], Ея Величество поручила ему побывать в Воспитательном Доме, а Тутолмину объясниться с ним откровенно о нуждах Дома[87].

19. Попечение о французских раненых.

Милосердие Государыни Императрицы простерлось и на оставшихся в Воспитательном Доме французских раненых офицеров и их приставников. Получив донесение от Тутолмина, что граф Ростопчин, за недостатком помещения, отказывается принять французских раненых офицеров под свое попечение, Ея Величество благоволила принять их под свое покровительство, и, почитая за приличное Дому благотворение в полном пространстве творить добродетель, воздавая и неприятелю за зло добром, предоставила попечению Тутолмина изыскать способ поместить сих офицеров в доме, если то без отягощения возможно, и призреть их со всяким старанием, если же в Доме или окружном оного строении нельзя держать их без стеснения и важного неудобства, то снестись с главным лекарем Оппелем о перенесении их со всякою осторожностью в больницу для пользования и содержания. При сем Императрица приняла их содержание на свой счет и несколько раз присылала сумму по 500 рублей; равным образом присылаемы были ею медикаменты для их излечения. Больных же было 9 офицеров, 1 полковой лекарь и при них 10 человек приставников. Даже вещи, оставшиеся после раненых в Доме, велено было отдать главнокомандующему в Москве для раздачи куда следует, а Дом Воспитательный не должен был ими воспользоваться, исполняя долг благотворения даже ко врагам без возмездия. Таким образом, раненые французские офицеры оставлены были в Доме, и о положении и ходе излечения каждого из них было подробно доносимо Ея Величеству. Впрочем, перед возвращением Опекунского Совета в Москву, когда необходимо было приготовить для него помещения в Воспитательном Доме на прежнем месте, Императрица дозволила перевезти французских раненых в Павловскую больницу, но единственно в случае крайней необходимости; но и там предписала продолжать об них попечение, коим до того пользовались[88].

20. Пленный лекарь Бонур.

Пленный французский лекарь Бонур просил об определении его в службу при госпиталях, под высочайшим покровительством при Императрице состоящих, и сначала было Высочайше разрешено принять его, если есть место; но как он оказался военного ведомства, то и повелено его оставить в том ведомстве, по крайней необходимости в полковых лекарях[89].

21. Снисхождение Императрицы к проступкам служащих.

Строго карая тех чиновников, кои в бывшее тогда смутное время оказывали явное ослушание или самовольно оставляли службу, Ея Величество Всемилостивейше снисходило к таким проступкам, которые произошли единственно из страха и робости. Так, получив известие о самовольной отлучки от церкви обоих священников и диакона, Ея Величество сначала приказала было уведомить об их поступке Викария Московского и предоставить его суждению их поступок. Но потом, известясь о возвращении к должности старшего священника и диакона, повелела жалованье их выдать исправлявшим вместо них их должности посторонним священникам, что и вменить им в наказание. А уведомить Викария Московского приказала только о поступке младшего священника. Но вслед за тем последовал на имя Тутолмина рескрипт Ея Величества, в коем, между прочим, изображено «касательно священников и диакона, отлучившихся во время неприятельского нашествия, спешу ответствовать, что при очевидной благодати Всевышнего, на нас ныне ниспосланной, Мы должны снизойти к проступку, происшедшему единственно из страха и робости, и дозволяю удержаться от всякого сношения с Преосвященным Викарием, поручая объясниться с ним словесно и убедить его, чтобы дело сие осталось без огласки и в забвении»[90].

В другой раз, получив известие, что двое окружных надзирателей, Сушков и Черепанов, не явились еще к должности, Ея Величество отвечала князю Голицыну следующее: «Конечно, они поступили строго против законов; за такое продолжительное отсутствие, без всякого о себе донесения, заслуживали бы исключения из службы Дома, но как Всевышнему угодно было оказать нам столь всемилостивости, то будем и мы снисходительны. Может быть, несчастное стечение обстоятельств поставило сих бедных семейных чиновников в сущую невозможность приехать в Москву по сие время. Для удостоверения о сем и дабы нам не оставить на себе и вида немилосердия, я почитаю за нужное наперед публиковать в газетах, чтобы они явились к своей должности и на то определить им месячный срок с тем, чтобы если и тогда не дадут о себе никакого сведения, то выключить их из службы Дома». Милосердие Ея Величества не было тщетно: упомянутые чиновники явились к своей должности прежде срока и в службе оставлены[91].

22. Поручение о памятнике молодому Клингеру[92].

Кроме предписаний по своей должности, Тутолмин получал и некоторые посторонние поручения от Императрицы, которые ему было сподручно исполнить. Так, ему поручено было отыскать место, где погребено тело сына генерал-лейтенанта Клингера — члена Совета Общества Благородных Девиц и Екатерининского училища, — служившего при генерале от инфантерии Барклае де Толли, раненного в ногу в сражении при Бородине и умершего в плену неприятеля, и по отыскании этого места, соорудить на нем памятник из мрамора с особою надписью[93]. Старанием Тутолмина это место найдено, и при первой возможности при наступлении теплой погоды памятник сооружен архитектором Дома Жилярди[94].

23. Деньги на расход по Воспитательному Дому и другим заведениям Ея Величества.

Когда у Тутолмина издержаны были все деньги, выданные ему на расход Опекунским Советом, то Ея Величеством предписано было требовать их обыкновенным порядком из Совета. Но как оказалось неудобным такое сношение, то на удовлетворение первых крайних необходимостей занято было 10 тыс. рублей у графа Ростопчина, кои и возвращены из присланных по Высочайшему повелению от С.-Петербургского Опекунского Совета 50 000 рублей[95].

24. Болезнь Тутолмина.

Неутомимые труды Главного надзирателя и необыкновенные беспокойства, им перенесенные в бытность неприятеля в Москве, не могли не оказать влияния на его здоровье. Он заболел нервною горячкою, но едва почувствовал облегчение, как снова принялся с ревностию за труды, чувствуя, как его собственное участие в управлении Домом необходимо было в то время. Такое противодействие природе было для него губительным. Прежняя болезнь возвратилась, и с тех пор здоровье его не поправлялось. Он должен был сдать свою должность своему помощнику Янишу[96], а главное управление Воспитательным Домом — почетному опекуну Князю Голицыну и проситься у Императрицы в отпуск для излечения к Кавказским минеральным водам, куда и отпущен на 8 месяцев с сохранением жалованья. Но и по возвращении из отпуска Тутолмин, не получив облегчения от болезни, не мог вступить в исправление своей должности. Впрочем, по заслуженной им признательности от Императрицы до самой смерти своей, случившейся 17 сентября 1815 года, он не был увольняем от своей должности[97].

При сем нельзя не сделать извлечения из некоторых рескриптов Императрицы по поводу болезни Тутолмина. Эти рескрипты должны составить прекраснейшие страницы в истории Воспитательного Дома. Так, в Высочайшем рескрипте на имя Тутолмина 1812 г. ноября 26, между прочим, изображено: «Я с чувствительнейшим сожалением узнала о болезни Вашей и не только позволяю Вам, но даже предписываю Вам иметь всевозможное о здоровье Вашем попечение и пользоваться потребным спокойствием для скорейшего восстановления оного. Сохранение Вашего, Мне драгоценного здоровья, и для вверенного Вам заведения нужно, и я совершенно предоставляю Вам свободу по возвращении помощника Вашего, передать ему исправление Вашей должности, поколику Вам рассудиться. Увольнение же Ваше вовсе от службы есть такое слово, о котором я и помыслить не хочу: тот, который как нежный отец пекся о питомцах, не должен прокидать их, и, не щадивший в самые смутные обстоятельства ни сил, ни здоровья не должен ее оставлять».

25. Управление Воспитательным Домом Князя Сергея Михайловича Голицына.

Князь Сергей Михайлович Голицын, по очищении Москвы от неприятеля, при первой возможности приехал в Москву собственно для принятия безотлагательных мер к приведению в порядок больницы его Ведомства (т. е. Голицынской)[98] с тем, чтобы потом отправиться к своему посту в Казань, но по прибытии в Москву узнал о болезни Тутолмина и предложил принять на себя управление Воспитательным Домом, какое предложение Высочайше и принято. С тем вместе отъезд князя в Казань был отменен, где должность была его Высочайше возложена на почетного опекуна Алексея Ильича Муханова[99]. При том Императрица возложила на князя Голицына и другое поручение — открыть в Москве временное отделение Московской Ссудной казны и управлять оным. Наконец, князю было весьма часто поручаемо собирать сведения о жителях Москвы, просивших пособия Ее Величества и раздавать таковые пособия. Князь Голицын управлял Воспитательным Домом не только до самого возвращения в Москву вос-

питанников из Казани, но и после того, за увольнением почетного опекуна Баранова в отпуск.

В это время, до самого возвращения Опекунского Совета в Москву, князь, подобно как и прежде Тутолмин, сносился прямо с Императрицей и получал Ея повеления. На него пала преимущественно забота о заготовлении потребностей не только для Дома, но и для других заведений на 1813 год. При всем том, что торговля в Москве долгое время еще не могла установиться, дело это исполнено Князем весьма успешно. Без сомнения, большая часть предметов, особенно из съестных припасов, были подряжены дороже прежних лет, но дрова были заподряжены дешевле; кроме того, многие предметы были покупаемы хозяйственным образом по ценам дешевле торговых.

26. Возобновление зданий, принадлежащих заведениям Ея Величества.

Попечение о возобновлении зданий Ея Величества предоставлено было почетному опекуну Александру Петровичу Нечаеву, которому предписано было по сему предмету заняться и составлением смет. Так как Нечаев лишился в Москве своего дома, то ему дозволено было иметь квартиру в Воспитательном Доме. Немедленно осмотрел он все здания и приступил к составлению смет всем починкам и поправкам; но починки вообще, за исключением Вдовьего Кудринского Дома, оказались, особенно по больницам, не столь значительными, как можно было ожидать. При сем поставлено было Нечаеву на вид пользоваться временем заготовления материалов, пока не начались еще в Москве большие постройки и подряжать материалы без дальнейших торгов и публикаций, а по хозяйственному распоряжению с архитектором и усмотрению, где и как только дешевле найти можно, выдавая даже иногда некоторую сумму в задаток; при недостатке же рабочих людей обращаться с просьбою о пособии к Городскому начальству. Но, несмотря на значительные расходы, предстоявшие Воспитательному Дому, Ея Величество не дозволяла, однако, при возобновлении делать что-либо хуже прежнего, и посему не утвердила представление Нечаева, чтобы для вдов Вдовьего Дома делать деревянные ложки вместо оловянных.

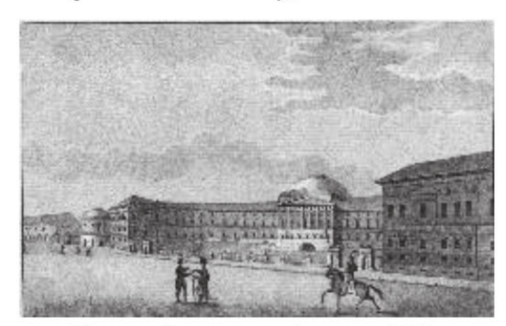
По необходимости для Воспитательного Дома скотного двора, весьма нужного по своему молоку для питомцев Дома, предписано его возобновить, но постепенно, покупая коров не вдруг, а исподволь; предписано также приобретать некоторое количество коз.

Все починки по Воспитательному Дому исправлены к прибытию воспитанников из Казани к началу августа 1813 года.

27. Пособия Москве от Воспитательного Дома в 1812 году.

Воспитательный Дом, как банковое учреждение, оказал много пособий в 1812 году не только разоренной Москве, но и всем вообще губерниям, бывшим театром военных действий. Непосредственно после очищения Москвы от неприятеля для пособия разоренным жителям столицы учреждено было в Москве по Высочайшему повелению Временное Отделение Московской Ссудной Казны, по нахождению казны в Казани.

Выдачи были так значительны, что из 200 000 руб., данных на обороты отделению, к 1 февраля осталось суммы только 18 456 р.[100] 1813 года мая 15 состоялось Высочайше повеление Московскому Опекунскому совету и выдаче ссуды московским жителям под отстройку погоревших в 1812 году домов на выгоднейших условиях против обыкновенных ссуд.

Московский университет до пожара 1812 г. Гравюра 1800-х гг.

Глава V.
Пребывание Московского Опекунского Совета и воспитанников Воспитательного Дома в Казани

Возрастные воспитанники Воспитательного Дома прибыли в Казань 11 октября и помещены в назначенных тамошних губернских двух домах: воспитанники — в доме Приказа Общественного призрения, а воспитанницы — в военно-сиротском отделении, потому что одного такого дома, где бы все они поместились, не отыскано. Немедленно было приступлено к меблированию означенных зданий для помещения воспитанников, к найму нижних служителей.

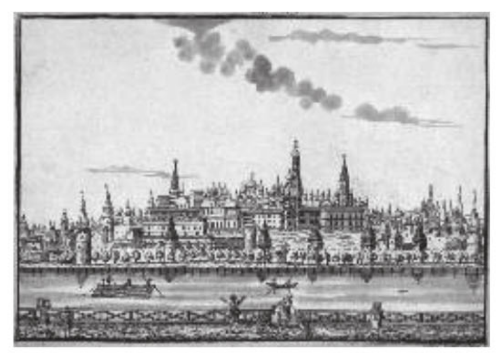
Так как многие учители отправились вместе с воспитанниками в Казань, то 2 ноября можно было начать учение, за отсутствием же домовых священников учение Закону Божию препоручено было прибывшему в Казань законоучителю Институтов Священнику Богданову.

Так как воспитанники прибыли в Казань в такое время, когда нельзя было запасти съестных припасов по выгодным ценам рыночным, то продовольствие воспитанников в Казани было затруднительнее, чем в Москве, тем более, что в Москве получаемы были со скотного двора капуста, картофель и другие коренья. Посему вместо 3-х блюд, которые подавались на стол воспитан-

никам в Москве, а именно, щей, картофельного соуса и каши, было приготовляемо только два блюда — щи и каши, но с прибавлением говядины, вместо одного фунта, полагаемого в Москве на троих, по полуфунту на одного.

По составу лекарств для воспитанников Дома и в оба института принял на себя аптекарь Покровский, с уступкою третьей части цены против таксы.

Во время пребывания в Казани несколько студентов Московского университета, из воспитанников, взятых в Казань, слушали лекции в Казанском университете.

Вид Московского Кремля. Гравюра Ф. Дерфельда. Нач. XIX в.

Глава VI.
Возвращение из Казани в Москву Московского Опекунского Совета и воспитанников Воспитательного Дома

Высочайшим рескриптом 1813 года февраля 6-го почетному опекуну Лунину предписано было: дела и вещи Совета с ломбардом и со всеми при них чиновниками перевести обратно в Москву, а воспитанникам же обоего пола и обоим институтам остаться в Казани под надзором почетных опекунов Муханова и Богданова.

Опекунский Совет с делами, казною и заложенными в ссудной казне вещами, а также с чиновниками, под препровождением почетного опекуна Лунина, возвратились в Москву благополучно 17 марта.

Остававшиеся в Казани институты и воспитанники прибыли из Казани в Москву: институты — в последних числах июля 1813 года, а воспитанники — 3 августа, и занимали прежние помещения свои, вполне устроенные. Воспитанники Воспитательного Дома в числе 134 воспитанников, 180 воспитанниц и при них приставников 73 человек — всего 398 человек, препровождены были из Казани первым надзирателем Игумновым, в сопровождении 11 человек военной команды. Выехав из Казани 13 июля, они прибыли в Москву 3 августа благополучно, и в первых числах августа началось у них учение[101].

Заключение

Изложение о состоянии Московского Воспитательного Дома в 1812 году всего приличнее, кажется, заключить выпискою из записки Государыни Марии Феодоровны, поднесенной в 1814 году Его Императорскому Величеству при отчетах по Воспитательным Домам за 1812 и 1813 годы и Высочайшим отзывам Его Величества по сему случаю. Здесь результат и оправдание истории Московского Воспитательного Дома в 1812 году.

В упомянутой же записке Ея Величества, между прочим, изображено: «Не с толиким, как прежде, удовольствием подношу я Вашему Императорскому Величеству ныне за истекший 1812 год отчеты по обоим Воспитательным Домам и по ведомственным заведениям, ибо ни по числу сбереженных питомцев, ни по оборотам и доходам не увидите в них тех утешительных извлечений, какие в прежних усматривали. Но, хотя бывшие несчастные обстоятельства, превращенные десницею Всевышнего во славу и спасение, имели ощутительное влияние на благосостояние Воспитательных Домов, как в отношении к питомцам, кои число прекращением приема в Московский Воспитательный Дом в течение 4 месяцев значительно уменьшилось, так и к капиталам и доходам, в коих остановка действий Сохраненной и Ссудной Казны в Москве от перевоза в Казань и от затруднений, произведенных чрезвычайными требованиями вкладчиков, причинили важный ущерб в прибылях и доходах, не говоря о разорениях, о которых особо представляется. Однако же, если привести на память, каким жребием сии заведения угрожались, то остается только с благоговением приносить благодарность Всевышнему Промыслу, сохранившему оные от вящих бед и покровительствовавшему им в спасении питомцев своих и имущества нескольких тысяч семейств на многие миллионы рублей».

Высочайший же отзыв Его Величества на записку Ея Величества следующий:

«Ваше Императорское Величество, сообщив мне за 1812 год сведения о состоянии обоих Воспитательных Домов и подведомственных им заведений, хотя и изъяснили, что по обстоятельствам того времени не могут они быть в некоторых частях столь удовлетворительными, как в прежние годы, но я с истинным удовольствием видел все те распоряжения, какие к пользе их, сообразно с обстоятельствами, учинены тогда были. Особливо не могу довольно признать всей деятельности и усердия, оказанных чиновниками московских заведений в столь трудных обстоятельствах, случившихся при вторжении врага, ныне помощию Всевышнего покоренного. Из полученных же от Вашего Императорского Величества Мною сведений за 1813 год еще приятнее Мне было усмотреть цветущее паки благосостояние сих заведений. Относя все сие к непоколебимому Вашего Императорского Величества о них попечению, поставляю Себе обязанностию повторить при сем случае Мою

чувствительнейшую за оное благодарность. Разделяя с Вашим Величеством внимание Ваше, которое обратили на себя усердием и трудами гг. почетные опекуны, обер-директор и его помощник, члены Советов и Правления, и другие подчиненные, прошу Вас восприять на себя труд изъявить Мою им совершенную признательность.

Навек преданный сын Ваш
Александр

В С.-Петербурге 1814 августа 1814».

Приложения

Копия с ведомости, поданной Тутолминым Наполеону. Лит. А.

О числе воспитанников обоего пола и служащих, в Воспитательном Доме находящихся.

Сентября 6 дня 1812 года.

Детей	Муж.	Жен.	Итого
Грудных	123	152	275
Возрастных от 1 года до 12 лет здоровых	93	114	207
Возрастных от 1 до 18 лет больных	49	55	104
Итого детей	265	321	586
В родильных Госпиталях			
Беременных		9	
Родильниц		11	
Вдов с сиротою		10	
Итого		30	30
Служащих	42	36	78
Кормилиц		214	214
Нянек		85	85
Рабочих людей	88	44	132
Итого служащих	130	379	509
ВСЕГО	395	730	1125
Детей, отправленных в Казань, 5-го и 4-го возрастов	143	190	333
При них служащих	45	40	85
ИТОГО	188	230	418

Главный Надзиратель Иван Тутолмин

Копия Всеподданнейшего донесения Тутолмина Государю Императору

Всемилостивейший Государь!

По Высочайшему повелению Государыни Императрицы Дражайшей Родительницы Вашего Величества остался я в Москве, яко Главный Надзиратель Воспитательного Дома, для попечения о невинных младенцах и малолетних детях, кои оставлены в оном Доме; взрослые же все вывезены. Сентября 2-го числа, когда войски Вашего Императорского Величества проходили чрез Москву, вслед за оными в 4 часа пополудни вступили в оную войски Его Величества Французского Императора. А как Главнокомандующий Москвы и все городские начальники, также и жители выехали из оной, а остались в домах одни караульщики и неимущие, я же, по долгу моему, будучи обязан пещися о спокойствии оного человеколюбивого заведения, почему по вшествии французских войск тотчас пошел в Кремль с двумя чиновниками для испрошения защиты Воспитательному Дому, где чрез французских офицеров достиг к определенному от Императора Наполеона Губернатору, который и дал мне для предохранения 12 человек французской гвардии с одним офицером.

В тот же вечер 2 сентября показались в городе пожары, а на другой день оные были весьма увеличены зажигателями. 4-го же сентября жестокости и ужасов пожара я не могу Вашему Императорскому Величеству достаточно описать. Вся Москва была объята пламенем при самом сильном ветре, который еще более распространял огонь, и к тому был весьма разорен город. Воспитательного Дома Квадрат с корделожем, воспитанники обоего пола, служащие оным, остались невредимы.

Вверенные моему надзору Домы Екатерининского и Александровского институтов, и оба Вдовьи, по сношению главнокомандующего Графа Ростопчина, взяты для помещения раненых, в коих, Всемилостивейший Государь, раненые остались без пищи и без помощи, которым, сколько мог, давал помощь своими лекарями и предписание дал больнице бедных Главному Лекарю, так как оная больница среди тех институтских домов.

6 сентября от Императора Французского прислан за мною Его Величества секретарь Лелорнь с повелением, чтоб я явился к Его Величеству в Кремлевский дворец, где был представлен. Его Величество изволил меня принять благосклонно, и я ему изъявил тотчас свою благодарность от имени всех нещастных спасенных защитою, сделанною Воспитательному Дому. Император Наполеон изволил сказать мне на то: «Намерение мое было сделать для всего города то, что я теперь только могу сделать для одного вашего заведения. Я бы желал поступить с вашим городом так, как поступал с Веною и Берлином, которые и поныне не разрушены, но россияне, оставившие сей город почти пустым, сделали беспримерное дело. Они сами хотели предать пламени

свою столицу, и чтобы причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков. Я могу оставить Москву, и весь вред, самим себе причиненный, останется невозвратным. Все рапорты, которые я ежечасно получаю, и зажигатели, кои пойманы, на самом деле доказывают достаточно, откуда происходят варварские повеления чинить таковые ужасы. Внушите о том Императору Александру, которому, без сомнения, неизвестны таковые злодеяния. Я никогда подобным образом не воевал: воины мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска я более ничего не находил, как пепел».

Потом спросил меня Император Наполеон: «Известно ли мне, что в день вшествия французского войска в столицу выпущены были из темницы колодники, и правда ли, что увезены из столицы пожарные трубы?»

На сие имел я честь донести Его Величеству, что я слышал о выпущении колодников и о увезении труб полициею.

Император отвечал мне на сие, «что дело сие не подлежит никакому сомнению». Отпуская меня, Император Наполеон изволил подтвердить еще, что чтоб я о сем донес Вашему Императорскому Величеству, и послал бы рапорт, и чтобы оный отправил чрез одного из своих чиновников, которого повелит он препроводить до своих форпостов, и чрез которого можно мне получить ответ, если Ваше Императорское Величество на сие волю Свою изъявить соизволите.

Чего не имея возможности не исполнить, осмеливаюсь Вашему Императорскому Величеству о всем вышеписанном всеподданнейше донести, повергая себя к священным стопам Вашим.

Сентября 6-го дня 1812 года

Всемилостивейший Государь,
Вашего Императорского Величества
Иван Тутолмин

Прошения Тутолмина императору Наполеону

Всемилостивейший Государь.

Ваше Императорское и Королевское Величество даровали Воспитательному Дому Всеавгустейшее Ваше покровительство. В твердом уповании на оное, имею я дерзновение повергнуть к стопам Вашего Императорского и Королевского величества униженную просьбу мою, относящуюся до сохранения сирот, в благоденствии которых участвую, как по долгу моему, так и по врожденным мне чувствованиям.

Комиссары Вашего Императорского Королевского Величества, осматривая внутренность Квадрата Воспитательного Дома и нашедшие оный удобным к их назначению, определили поместить в нем больных, предоставляя половину оного на помещение детей и живущих чиновников. Если на то есть Вашего Императорского Величества соизволение, то я оному по долгу моему подвергаюсь, но если позволено отцу несчастных детей повергнуть к стопам Августейшего их покровителя просьбу, касающуюся до благосостояния их, то я надеюсь снискать себе милостивого в поступке моем прощения, удостоверен будучи в милосердии и великодушии, свойственных Высокой Вашего Величества особе.

Очистивши уже все окружное строение и переместив из оного в Квадрат всех там находившихся чиновников и служителей, нахожу теперь Квадрат слишком стесненным людьми, и тем паче, что многие несчастные женщины с малолетними детьми не имевшие дневного пропитания, нашли себе в оном спасение от пламени. Мужчинам же не мог я по тесноте дать убежища.

Сии обстоятельства и нездоровый воздух, который по худому местоположению имеет Воспитательный Дом, заставляют меня страшиться заразительных болезней, которые в осеннее время бывают опасными.

Всемилостивейший Государь! Ваше Императорское и Королевское Величество изволили удостоить невинных и несчастных детей Вашего Всеавгустейшего покровительства.

Я повергаюсь к стопам Вашим, прося о продолжении оного, представляя в прочем Всеавгустейшей Вашей воле. Но, если возможно, Всемилостивейший Государь! — то умоляю Ваше Величество не допустить до того, чтобы заведение, основанное на человеколюбии и состоящее под Высочайшим Вашего Императорского и Королевского Величества покровительством, приведено было в расстройство через разделение главного корпуса Квадрата. Я униженно прошу Ваше Величество повелеть поместить больных в большое окружное строение и корделожи, в котором находится теперь Вашего Императорского Величества гвардия.

С глубочайшим к особе Вашего Императорского Величества благоговением имею честь быть Вашего Императорского и Королевского Величества.

Нижайший и покорнейший слуга,
Действительный Статский Советник и кавалер Иван Тутолмин

10 (22) сентября 1812 г.

От Наполеона письменного ответа не последовало, а словесно приказал Квадрат забором перегородить и наполнять назначенную в церкви половину их ранеными, а больных не класть, а оных было приказано помещать в окружном строении (Прим. И. Б.)

Копия с письма Генерал-Интенданта Дюма к Тутолмину

Из Большой армии от Генерал-Интенданта
Москва 28 сентября 1812

Господин Генерал!

Имею честь вас уведомить, что по просьбе вашей касательно учинения вам помощи, предписал я, чтобы вам из магазинов, состоящих при армии, отпущена была следующая провизия: 100 центнеров пшеницы, 20 — круп гречневых.

Я писал к Г-ну Главному Комиссару в Москве, чтобы сия провизия в Воспитательный дом препровождена была.

Имею честь быть при засвидетельствовании вам отличного моего почитания.

Дивизионный Генерал, Статский Советник
и Генерал-Интендант
Граф Дюма

Г-ну Генералу и Директору Воспитательного Дома Приказ

Вследствие повеления Его Превосходительства Господина Дивизионного Генерала, Государственного Советника и Генерал- Интенданта.

Смотритель магазина жизненных припасов, которому сие вручено, будет иметь отпустить Директору Воспитательного Дома сто центнеров пшеницы и двадцать центнеров круп.

Москва 30-го сентября 1812 г.
Провиантмейстер А. Д. Эрве

Генерал-Интендант французской армии уполномочивает Российского Генерала Тутолмина, губернатора Воспитательного Дома, молоть пшеницу на мельницах Шибаевке и Юрьевке для продовольствия жителей означенного заведения.

Вместо Господина Генерал-Интенданта по приказанию
Его Превосходительства Комб

Копия с письма Тутолмина Маршалу Мортье

Ваша Светлость!

Императорский Воспитательный Дом, порученный по Высочайшему Вдовствующей Императрицы моему начальству, пользовался по сие время совершенною безопасностию, которой обязан он великодушному покровительству Его Императорского и Королевского Величества, удостоившего для охранения оного дать караул жандармов, коему Дом обязан совершенным спокойствием. Полковник жандармов со всей своей командой ныне выступает и, хотя находится при Доме другой караул, но оный касается токмо до Госпиталя, помещенного в Квадрате и Окружном строении французских воинов.

Основываясь на великодушном покровительстве, дарованном Воспитательному Дому Государем Императором и Королем, осмеливаюсь я прибегнуть к Вашей Светлости с покорнейшею просьбою о продолжении Вашей милости к сему заведению, снабдивши оный другим караулом, коему бы поручено было иметь попечение о безопасности несчастных сирот Воспитательного Дома и живущих в оном чиновников.

С глубочайшим к особе Вашей высокопочитанием
имею честь быть Вашей Светлости
милостивого Государя
всепокорнейший слуга Иван Тутолмин

Октября 7 дня 1812 года

Копия с письма Тутолмина к Интенданту города Лессепсу

Милостивый Государь!

Волнения между французским войском и простым народом заставляют меня думать о безопасности в Воспитательном Доме, который со вчерашнего дня не имеет охранительного караула. Я осмелился вчера просить об карауле у Г-на Маршала Мортье, который обещал прислать мне 10 человек с офицером, но по сие время они еще не явились. Милости, кои Ваше Превосходительство мне уже оказать изволили, придают мне смелость просить Вас о ходатайстве Вашем у Г-на Маршала касательно Воспитательного Дома и караула в оном. Если мне в оном отказано будет, то дело можно сделать иным образом. Есть еще и другой караул при лазарете, учрежденном в Воспитательном Доме, который, однако ж, только за безопасность оного ответствует. Если можно будет дать караульному офицеру приказание иметь вместе смотрение и за Воспитательным Домом, то нет нужды в другом карауле. Я бы желал по нынешним смутным обстоятельствам иметь с Вашим Превосходительством свидание, и прошу Вас назначить мне к тому час, или определить время, когда Вам ко мне быть угодно.

Имею честь быть с истинным почтением Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Иван Тутолмин

Москва, Октября 8/20 1812

P. S. Даже сей час уведомляют меня, что некоторые неблагомыслящие дурно поступили с одним из моих подчиненных*.

Копия с ответа Лессепса Тутолмину

Ваше превосходительство!

Господин Маршал Герцог Тревизский посылает к Вам своего адьютанта для устроения лучшего порядка в Воспитательном Доме. Удостоверив Господина Маршала, что приятель мой господин Кривцов не может удобно отправлен быть, он дал свое согласие на то, чтоб его не отослали с эскортом, который уже отправлен сегодняшний день. Как Господин Маршал, так и я рекомендуем Вам особенно больных и раненых, равным образом и всех других французов и иностранных, которые к Вам прибегнут.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в отличном к Вам почтении.

Интендант Московский Лессепс

9/21 октября 1812 года

* **На подлинном к Императрице написано:**

Сие относится к следующему. Исправляющий в Доме должность полицмейстера Зверев, услышав, что на набережной французские мародеры грабили здешних служащих, вышел туда и стал заступаться, которые за сие бросали в него каменьями и, схватя его, хотели кинуть в реку

Засвидетельствуйте также мое почтение г. Кривцову. Я поручаю равномерно и человеколюбивое его расположение моих соотчичей.

Копия с отношение Тутолмина к Графу Ростопчину

Его Сиятельству Господину генералу от инфантерии, главнокомандующему в Москве, Двора Его Императорского Величества обер-камергеру, сенатору и многих орденов кавалеру графу Федору Васильевичу Ростопчину

Императорского Московского Воспитательного дома от главного надзирателя действительного статского советника и кавалера Тутолмина

По вступлении неприятеля в Москву Воспитательный Дом с оставшимися воспитанниками обоего пола и служащими, как небезызвестно Вашему Сиятельству, во исполнение Высочайшей Воли Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, оставался здесь. Дом от пожара сохранен со всеми живущими, а из принадлежащих к оному аптека со всем строением и медикаментами, деревянный дом, занимаемый акушером Танненбергом, совсем сгорели, окружное строение и скотный двор расхищены. Прочие заведения Ея Императорского величества, как-то: больница бедных, оба Институтские Екатерининский и Александровский дома, потом Вдовий Лефортовский и Павловская больница пожаром не повреждены, из оных: первая главным лекарем Оппелем от расхищения сохранена, а последние все разграблены. Кудринский же Вдовий дом совсем сгорел, а Инвалидный дом, состоящий близ Воспитательного Дома, с одного угла пожаром поврежден и весь разграблен.

Во время же пребывания своего в Москве французское правительство учредило в Воспитательном Доме для своих раненых и больных лазареты, заняв для сего половину Квадрата и все окружное строение, в котором было до 3000 человек, а при выходе своем оставило рядовых до 1500, офицеров 16. Но для сих больных не оставлено ни пищи, ни лекарств и никаких других потребностей. С 11-го числа сего месяца я вынужден довольствовать от Дому, о чем прошу Вашего Сиятельства приказать сделать справку, дабы я мог оправдать себя пред Ея Императорским Величеством Государынею Императрицею. Касательство же до оных помещенных в Доме французов, раненых и больных, которые Дому делают большую тягость в продовольствии, а в комнатах великую нечистоту и неопрятность, так как было в бытность их начальства, при котором естественные испражнения продолжали в тех же комнатах, в которых они лежали, и тем воздух в целом Доме сделался заразительным, почему ныне г. обер-полицмейстер переводит их в другие больницы. А как сначала из раненых и больных состоящих в оном Доме ежедневно умирало в Квадрате от 20 до 50, то оные тела похороняемы были за Квадратом на пустыре к городовой стене Города Китая до 1500 тел. Хотя для предосторожности на тела была ссыпана по недостатку малое число извести, но со всем тем весною от многочисленных тел может быть заразительно; равно в окружном строении Воспитательного Дома умершие были похороняемы близ оного строения ежедневно от 15 до 30 и оных похоронено до 1 тысячи тел. О таковом опасном происшествии Вашему Сиятельству имею честь донесть. Сколько же ныне налицо как раненых и больных, так и при них их приставников и об отобранном от них орудии, при сем честь имею Вашему Сиятельству ведомость.

Главный надзиратель Иван Тутолмин.

Октября 24-го дня 1812 года

В Московском Воспитательном Доме правительством французским оставлено их раненых и больных, некоторые вооруженные, тех препоручил я экономскому помощнику Зейпелю обезоружить, как об амуниции их, так и о числе раненых и больных и об их приставниках, ныне значится под сим.

Октября 24-го дня 1812 года

А именно: Офицеры, раненые и больные.

Вигнон, капитан 1-го корпуса.

Обри, капитан конного 12-го егерского полка.

Керишеми, капитан 1-го полка легкой пехоты.

Монтегеро, капитан 2-й компании 12-го баталиона.

Мариан, поручик 1-го полка легкой пехоты.

Пиемантель, подпоручик 2-го португальского полка.

Блондель, подпоручик 3-го кирасирского полка.

Кулие, подпоручик 108-го линейного полка.

Итого офицеров 8.

Рядовых, раненых и больных 1098.

При них приставников

Газо, инспектор экипажный, Луи Газо, сын его.

Гризель, директор.

Вимо, Бонур — лекаря.

Бенуа, Ванбек — при аптеке.

Пуансинион, Буварт — писаря.

Поле — служитель при госпитале.

Ружье пехотное образца 1777 г. Франция

Ружье пехотное образца 1804 — 1805 г. Франция

Пистолет кавалерийский образца 1808 г. Франция

Итого приставников — 10.
При офицерах людей — 12.
Итого 1132.

Их амуниции

ружей со штыками — 171, без штыков — 158, худых — 6.
пистолетов пар 21/2
тесаков — 113
сабель и палашей — оные взяты по приказанию генерал-адъютанта Павла Васильевича Кутузова — 38.
сум — 351.
барабанов — 9.
кирас — 4.
седел без прибора — 2.
Действительный статский советник и кавалер Иван Тутолмин.

Именной список детям, присланным в Московский Воспитательный Дом от французского начальства октября 11-го дня 1812 года

Имена	*Сколько лет от роду*	*№*	*От кого присланы*
1812 года сентября 12-го			
1. Алексей Михайлов Наполеонов	7 лет	2337	от императора Наполеона
2. Василий Михайлов Наполеонов	4 года	2338	от императора Наполеона
сентября 16-го			
3. Петр Афанасьев	5 дней	2345	от французского начальства
сентября 17-го			
4. Михайло Федоров Милиев	17 дней	2348	от французского коменданта графа де Миллио
сентября 30-го			
5. Марфа Григорьева	21 день	2359	от французского начальства
октября 1-го			
6. Сергей Андреев Милиев	8 лет	2360	от французского коменданта графа де Миллио
октября 2-го			
7. Наталья Егорова Милиева	1 год	2363	от французского коменданта графа де Миллио
октября 4-го			
8. Вера Григорьева Тревизская	1 месяц	2366	от французского генерал-губернатора герцога Тревизского
9. Василий Павлов Милиев	3 месяца	2367	от французского коменданта графа де Миллио
октября 5-го			
10. Алексей Петров Тревизский	21 день	2371	от французского генерал-губернатора графа Тревизского
11. Василий Иванов Милиев	4 лет	2372	от французского коменданта графа де Миллио
октября 6-го			
12. Пелагея Петрова Милиева	10 дней	2373	от французского коменданта графа де Миллио
13. Александра Богданова Тревизская	4 лет	2374	от французского генерал-губернатора герцога Тревизского
14. Сергей Иванов Милиев	6 лет	2375	от французского коменданта графа де Миллио
15. Елизавета Иванова Милиева	7 месяцев	2376	от французского коменданта графа де Миллио
октября 7-го			
16. Алексей Федоров Милиев	1 года	2378	от французского коменданта графа де Миллио

октября 9-го			
17. Александр Иванов Тревизский	7 лет	2381	от французского генерал-губернатора герцога Тревизского
18. Иван Иванов Тревизский	6 лет	2382	от французского генерал-губернатора герцога Тревизского
19. Анна Кириллова Тревизская	2 года	2383	от французского генерал-губернатора герцога Тревизского
октября 10-го			
20. Федор Иванов Тревизский	6 лет	2384	от французского генерал-губернатора герцога Тревизского
21. Елизавета Николаева Тревизская	9 лет	2385	от французского генерал-губернатора герцога Тревизского
22. Николай Николаевич Тревизский	7 лет	2386	от французского генерал-губернатора герцога Тревизского

Главный надзиратель Иван Тутолмин.
Комиссар Филипп Рухин

Прокламация французского начальства о занятии Москвы
Московским обывателям

Войско Его Императорского и Королевского Величества, занявши город Москву, приказало обывателям нижеследующее:
1. Поднесть рапорт генералу графу Дюронелю, командующему в городе, о всех русских, находящихся у них, как раненых, так и о здоровых.
2. Объявить чрез сутки о всех вещах, принадлежащих казне, которые унесены, или о которых имеют какое сведение.
3. Объявить, где находятся мучные, ржаные и питейные припасы, как у них, так и в магазинах русского правительства находящиеся.
4. Они объявят и возвратно обратят генералу графу Дюронелю все оружия, как-то: пики, ружья, сабли и прочие, находящиеся у них.
5. Впрочем, спокойствие жителей города Москвы должно быть, без никакого сомнения, о сохранении их имущества и о собственных их особах, ежели они будут свято следовать сему положению.
Москва сего 2 сентября 1812 года по Указу Его Императорского и Королевского Величества подписал.
Король Невшательский Александр[102]

Ответ от Воспитательного Дома
1. Ведомость о всех жителях в Воспитательном Доме подана Его Императорскому и Королевскому Величеству Императору Наполеону и таковую при сем честь имею подать.
2. Воспитательный Дом казенные вещи имеет только для воспитанников обоего пола, как-то платяные, съестные, посуду и прочие; драгоценные же вещи, заложенные в ломбарде, увезены в Казань.
3. Мучные магазины, хотя при Воспитательном Доме имеются, но оные отданы по контракту на четырехлетнее содержание, в которых положенный хлеб принадлежит разным торговцам, а не Воспитательному Дому.
4. Орудий военных в Воспитательном Доме не имеется.
5. Как Воспитательный Дом по благоволению Императорского и Королевского Величества снабжен для охранения караулом, то посему находится в спокойствии.
Москва, Сентября 8-го дня 1812 г.
Подписал главный надзиратель Иван Тутолмин

ОПИ ГИМ. Ф. 114. Инв. 19981. Л. 1—107 об.

Приложения

Письмо И. А. Тутолмина
почетному опекуну Н. И. Баранову 1812 года

М. Г. Николай Иванович!

Великодушно извините Ваше Превосходительство, что я к вам не писал; поистине не было время. Как Вы из Москвы выехали, вскоре получил от Государыни повеление отправить в Казань обоего пола старших воспитанников. Августа 31-го их выпроводил, а 2-го сентября пожаловали гости, об оных ни от кого не был предуведомлен: армия наша ретируется чрез Москву, а говорят, идет преследовать неприятеля, который будто поворотил на Коломну; конец наших у Воспитательного дома, а неприятель вступает в город. Сие происходило пополудни в 4 часа и в Кремль вошел. Войска наши кабаки разбили, народ мой перепился; куда ни сунусь, все пьяно: караульщики, рабочие, мущины и женщины натаскали вина ведрами, горшками и кувшинами, принужден в квартирах обыскивать; найдя, вино лил, а их бил, приведя в некоторый порядок; а неприятель уже в городе по всем улицам фланкирует и около Москвы цепь обводит.

Нечего дремать; пустился по своему прешпекту, и на Солянке дожидаюсь вышних неприятельских начальников, но нейдут. Сказал Зейпелю и экономскому сыну за переводчиков, сам-третей полетел в Кремль; пройдя Варварку повернул в яблошные ряды, взглянул к Лобному месту, видя: из Спасских ворот густые колонны идут на площадь, прибавя шагов в Спасские вороты, в которых очень стеснены взводы, кое-как продрались в Кремль.

Отойдя от ворот шагов 50, навстречу их Генерал; я приступил к нему, сказав о себе, спросил: «Кто войсками начальствует?». Он спросил: «На что?» — «Просить его покровительства для Воспитательного дома салвагвардию»[103].

Он отвечал: «От Императора назначен Губернатор Граф Дюронель», — очень учтиво, оборотил свою лошадь и повел нас к Ивану Великому. Навстречу ему жандармский поручик, он ему приказал: «оного чиновника доставьте к Губернатору». С тем мы и пошли на площадь против Сената: он велел нам на одном месте стоять, чтоб нас он не потерял, а мы его: сам поскакал по всему Кремлю искать Губернатора. Возвратясь, сказал: «нет здесь, он поехал на Тверскую в наместнический дом». Мы туда промаршировали. По многим исканиям добрели к Губернатору уже темно. Я его прошу о салвагвардии, он тотчас тому ж поручику приказал, чтоб он сказал жандармскому полковнику дать мне 12 жандарм при одном офицере: полковник оного ж поручика нарядил, и на поход из взводу отсчел 12, и мы пошли в Дом.

Казанскую церковь прошли, повернули в Никольскую, уже большой грабеж начался в рядах; прошу поручика, хотя они конные, а мы пешие, прибавить ходу. И так достигли до Дому; слава Богу! никого еще не было. Уже для них приготовлено яство сахарное и питье веселое; но они сказали, что «мы желаем наперед успокоить своих лошадок, а после будем просить и для нас». Я на конюшню: казенных лошадей выкинул, их поместил; они чрез полчаса пришли кушать: пили и ели аппетитно. Поблагодаря, я им предложил квартиру докторскую, в которой приготовлены были постели. Они, поблагодаря: «Ныне поздно: мы на сенце можем, а завтра будем вас просить о квартирах». Поставили посреди корделожского двора одного часового, сказав мне: «Будьте покойны». С тем с нами и распрощались.

Какой покой? Всю ночь на дворе, все сами были караульные. В эту же ночь начались пожары, но не так сильны. 3-го числа то ж у нас в доме до крестовых ворот на корделожском дворе, в корделожи и в квадрате покойно; на кой-час за крестовые и водяные ворота и в окружном строении грабят, оставят, как мать родила, — бедняк бежит: «Ваше Превосходительство, ограбили!» — что ж делать, так тому и быть. Жандармы говорят: «Мы в доме стережем, а за воротами сами не смеем, не приказано».

4-е число в вечерни вся Москва объята пламенем так, что наш дом от огня был как в котле, при сильном ветре. Нельзя отдать нашим трудам, что мы всю ночь и на другой день до 10 часов в поте лица были. Нет возможности всех страхов и ужасов описать; но Провидение Божие нас от гибели спасло. При оном сгорела вся аптека с лекарствами доктора Танненберга, дом Инвалидный Шереметевой, у корпуса один угол загорался, то спасло, что он весь со сводами; а конюшни, сараи, погреба и заборы сгорели. 5-го числа в 2 часа Наполеон поехал по городу смотреть свои злодеяния, по набережной доехал до Воспитательного дома, спросил: «Что это за здание?» Ему сказали: «Воспитательный дом».

— «Почему он не сгорел?»

— «Его избавил оного начальник своими подчиненными».

Тут же на месте послал ко мне генерал-интенданта всей армии графа Дюмаса (я прежде с ним виделся); прискакал в дом, спросил: «Где ваш генерал?» Я был в бессменной страже. Подошед к нему: «Что вам угодно?» «Я прислан к вам от Императора и Короля, который Вашего Превосходительства приказал благодарить за труд и за спасение вашего дома, притом Его Величеству угодно с вами лично познакомиться». Я, поблагодаря, принял равнодушно, но тем очень был обрадован, что весь дом оным окуражился. 6-го числа в 12 часов приехал ко мне от Императора статс-секретарь Лелорнь; я встречаю его; он мне говорит, что прислан от Государя просить, чтоб я был к нему. Присланного я знал в Москве назад 5 лет, который у Александра Дмитриевича Хрущова[104] ежедневно бывал; поцаловались, посадя его, стали говорить как знакомые; я обрадовался, что он по-русски говорит как русский, расспрашивал про все семейство Хрущова, наконец, взял меня за руку, сказал тихо: «Поедем, чем скорее, тем ему приятнее». Сели на дрожки, а его верховую за нами.

Приехали в Кремль; он, введя меня в гостиную, подле большой тронной. Тут много армейских и штатских, все заняты. Не более 10 минут отворил Лелорнь двери: «Пожалуйте к Императору». Я, войдя, Лелорнь показал: «Вот Государь. Он стоит промеж колонн у камина». Я большими шагами, не доходя в десяти шагах, сделал ему низкий поклон, он с места подошел ко мне и стал от меня в одном шагу. Я зачал его благодарить за милость караула и за спасение дома. Он мне отвечал: «Намерение мое было сделать для всего города то, что я теперь только могу сделать для одного вашего заведения. Скажите мне, кто причиною зажигательства Москвы?» На сие я сказал: «Государь! Может быть, начально зажигали русские, а впоследствии французские войска». На то сердито отозвался: «Неправда, я ежечасно получаю рапорты, зажигатели русские, кои пойманы, на самом деле доказывают достаточно, откуда происходят варварские повеления чинить таковые ужасы. Я бы желал поступить с вашим городом, так, как поступают с Веною и Берлином, которые и поныне не разрушены; но Россияне, оставивши сей город почти пустым, сделали беспримерное дело: они сами хотели предать пламени свою столицу, и чтоб причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков. Я могу оставить сей город и весь вред, самим себе причиненный, останется невозвратным; внушите о том Императору Александру, которому без сомнения не известны таковые злодеяния; я никогда подобным образом не воевал; воины мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска и до Москвы я более ничего не находил как один пепел». Потом спросил меня, известно ли мне, что в день вшествия

французского войска в столицу, выпущены были из темницы колодники, и правда ли, что полиция с собою увезла пожарные трубы? На сие я сказал, что слышал. Отвечал мне на сие, что дело сие не подлежит никакому сомнению. Я с ним обо всем полчаса говорил. Он стоял на одном месте как вкопанный. Фигура его пряма, невелик, бел, полон, нос с маленьким горбом, глаза сверкают, похож больше на немецкое лицо, широко плечист, бедры и икры полные.

Отпустя меня, подтвердил еще, чтоб я о сем писал к своему Императору Александру и послал бы рапорт чрез одного из своих чиновников, которого он велел препроводить до своих форпостов, что я и исполнил, отправил 7-го сентября, но ответу не имел; а как неприятель оставил Москву, то от Государыни и Рухин мой возвратился ко мне. Ваш дом в сильный пожар 4-го сентября сгорел и ограблен. В Москве больше не осталось домов как восьмая часть, и то разграблены. Никак нельзя описать, какие ужасы и страхи происходили. Наконец, взяли у меня половину квадрата, все окружное строение для раненых и больных, в оных поместили 3000. Ежедневно умирало от ран и поносов от 50-ти до 80-ти человек. Совсем меня загадили, где спали, ели, испражнялись. Каковы же ныне отделения! А в корделожи полковник с 300 жандарм квартировал, и Совет был занят. Было представление света, один Всевышний наставил, подкрепил и спас

Благодарение Богу! 7-го октября Наполеон выехал из Москвы в 5-ть часов с главною своею армиею, которая потянулась по Калужской дороге, а обозы тяжелые отправили по Смоленской; в Москве же остался маршал герцог Тревизский с малым числом войск, которые с 9-го числа начали перебираться из города в Кремль, где прежде того производимы были злодейственные приготовления для взорвания на воздух находящихся в Кремле зданий. 10-го числа по наступлении ночи в Воспитательном доме снят французский караул, и все французские войска вышли из Кремля и оставили город. В 11-ть часов загорелся Кремлевский дворец, а во 2-м часу ночи первый сделался жестокий удар, подорвавший и разрушивший Арсенал, каковых было пять ударов. Оные слышны были за 80 верст, коими разрушены: пристройка к Ивановской колокольне, некоторые башни и часть Кремлевской стены; соборы же Промыслом Божиим остались целы, но самым хищным образом разграблены. Еще гораздо ужаснейших происшествий надлежало бы ожидать, есть ли бы не было дождя, который во всю ночь сильно шел.

От ударов сих в Воспитательном доме было наичувствительнейшее потрясение, хотя предварительно открыты были окна, однако во многих местах разбились стекла, выбились рамы и двери, обвалилась штукатурка, что подействовало и в оставшихся в городе домах. Дети не были слишком встревожены, потому что я заблаговременно о сем предупредил как их, так и служащих, и все мы по совершении бедствий и ужасов остались живы. Нет возможности всего описать, я очень нездоров, а притом от Государыни перепиской чрезвычайно замучен. При усерднейшем почитании свидетельствую вам равно и Милостивейшей Государыне В. А. П. Н. нелестнейшее почитание, с каковым на весь век имею щастие быть.

Писано в ноябре 1812.

Милостивых Государей
Всепокорнейшим слугой
Иван Тутолмин

Выписка из письма чиновника московского Воспитательного дома Петра Иванова, 16 ноября 1812 г.

Французы вступили сентября 2-го пополудни в 6-м часу с музыкою и барабанным боем. Наполеон остановился в Кремле, во дворце; поставили пикеты по всем заставам, и по улицам и по набережной рассыпалась конница, начали стрелять, кто им попадется; наши вооруженные метали ружья и тесаки, а кто бросит, того кололи. Не прошло часа их вступления, как зажгли с начала Гостиный двор от Варварки. Главный надзиратель воспитательного дома, видя опасность, взял с собою архитектора Жилярдия и экономского помощника Зейпеля, пошел просить от них караула для охранения дома. Отпустили жандарм, т. е. конной гвардии 12 человек и при них капитан; главный надзиратель их с собою привел: и тот час приказал дать овса и сена лошадям, а жандармам приготовил стол; после сего у Рождества на Стрелке зажгли попов дом. Мы все бросились на пожар и жандармы все с нами; труб в Москве не было, кроме наших 4-х, ибо вся полиция и с трубами уехала во Владимир. Мы пробыли на пожаре всю ночь и главный надзиратель с нами; жандармы с нами заливали трубами. Два дома сгорели; а прочие отстояли. На другой день начали грабить, как в домах, так и святые церкви, в среду и четверток зажгли все ряды, Зарядье, гимназию, аптеку Воспитательного дома, церкви и все домы в округе Воспитательного дома, так, что рамы в квадрате несколько разов загорались; но поспешили затушить, и Дом Воспитательный от пожару избавлен. Потом прислали в Воспитательный дом 80 человек гвардии с полковником и 3-мя капитанами, 4-мя поручиками и 2 прапорщиками и доктором, и требовали квартир; потом приехал губернатор и многие с ним чиновники, пошли по всем покоям и кладовым, в Совет, в церковь и в алтарь в шляпах и с собаками. В комнатах Совета назначено стоять жандармам. Тотчас начали рубить столы, конторки, ящики, двери отбивать, выбрасывать, в архиве тюки с делами пороли, книги портили; больницу у жандармов сделали в комнатах, где бухгалтерия. Полковник, их увидя в кладовой, медную посуду, велел к себе несколько оной принесть.

Москва так обругана, что смотреть на нее сердце замирает. В церквах ставили лошадей, святые иконы

кололи и жгли, которая церковь не сгорела так вся ограблена, ризы, плащаницы жгли на выжигу, венцы, оклады плавили в слитки. Потом привезли в Дом Воспитательный раненых и больных. Отняли все окружное строение и половину квадрата и двор оного перегородили. Больных было до 3000, из коих до 2000 померло; хоронили в доме у кузницы, к стене города Китая лежащей, а других кидали в колодцы; по прибытии в Москву полиции, приказано ямы разрывать и тела вывозить за заставу в кучу и жечь, чтоб не было на весну заразы. Теперь в Воспитательном доме раненых и больных 10 офицеров и 10 денщиков на содержании дома, при них доктор и лекарь. Французы выехали из дома в Кремль 10 октября в 3 часа пополудни.

ОПИ ГИМ. Ф.420. Н/обр. св.2.

Примечания

[1] Гофман Андрей Логгинович (1798—1863), действительный тайный советник, член Государственного Совета, в 1842—1860 г. статс-секретарь по делам управления Учреждениями императрицы Марии.

[2] Опекунский Совет — орган административного управления Императорского Московского Воспитательного Дома, его кредитных учреждений и благородных заведений. Утвержден в 1763 г. В 1812 г. учреждения Опекунского Совета были эвакуированы в Казань, возвращены в Москву в 1813 г. На месте небольших владений Опекунского Совета, сгоревших в московском пожаре, в 1823—1826 гг. было построено И. Д. Жилярди и А. Г. Григорьевым монументальное здание.

[3] Голицын Сергей Михайлович (1774—1859), князь, тайный советник (впоследствии действительный тайный советник 1-го класса), член Государственного Совета. С 1807 г. — почетный опекун Московского Опекунского совета и главный директор Голицынской больницы. Владел домом на Волхонке (д. 14), построенным С. И. Чевакинским, И. П. Жеребцовым и М. Ф. Казаковым для его отца, генерал-поручика кн. М. М. Голицына во 2-й половине XVIII в. В 1892 г. дом был перестроен архитектором В. П. Загорским под меблированные комнаты «Княжий двор».

[4] Захаров Федор, экспедитор Воспитательного дома в 1812 г., впоследствии обер-секретарь Московского Опекунского Совета.

[5] Больница для бедных, Мариинская, была построена на средства Московского Опекунского совета учреждений императрицы Марии на ул. Божедомке архитекторами И. Д. Жилярди и А. А. Михайловым в стиле классицизма. Открыта в 1806 г. Здесь в 1821 г. родился Ф. М. Достоевский, отец которого до 1837 г. состоял штаб-лекарем больницы (ныне улица носит имя великого писателя). Екатерининская больница была учреждена в 1775 г. указом Екатерины II в здании бывшего Карантинного двора на 3-й Мещанской (ныне ул. Щепкина). С 1830 г. называлась Старо-Екатерининской (в отличие от Ново-Екатерининской на Страстном бул.). В 1844 г. стала первой в Москве больницей «для чернорабочего класса людей». В 1923 г. на ее базе создан Московский обл. научно-исследовательский клинический институт (МОНИКИ).

[6] Лунин Александр Михайлович (1745—1816), генерал-майор, действительный тайный советник, полоцкий губернатор, главный директор Павловской больницы, председатель Московского Опекунского Совета. Дядя декабриста М. С. Лунина. 21 августа 1812 г. вывез из Москвы и благополучно доставил в Казань сохранную и ссудную казны и все бумаги Московского Воспитательного дома.

[7] Имеется в виду Странноприимный дом, приют и больница для калек и нищих. Учреждены на средства графа Н. П. Шереметева в память о его безвременно скончавшейся жене, урожденной П. И. Ковалевой-Жемчуговой. Построен в 1794—1807 гг. по проекту крепостного архитектора П. А. Аргунова, Дж. Кваренги и Е. С. Назаровым. Торжественно открыт в 1810 г. В 1812 г. французы устроили там госпиталь. Находившийся в здании храм Живоначальной Троицы был осквернен, впоследствии вновь освящен. Ныне в этом здании находится НИИ Скорой помощи им. Н. В. Склифосовского.

[8] Баранов Николай Иванович (1757—1824), тайный советник. С 1799 г. — почетный опекун Московского Воспитательного дома. С 1801 г. — член Совета училища Св. Екатерины, управляющий Александровским училищем и другими учреждениями Ведомства императрицы Марии. В 1804—1806 гг. — московский губернатор, затем — сенатор Московского департамента Сената (до 1819 г.). Лично сопровождал питомцев Московского Воспитательного дома, Александровского и Екатерининского институтов в Казань и занимался там их обустройством. В это время его дом на Петровском бульваре сгорел.

[9] Журнал Московского Опекунского Совета 15 августа 1812 г.; Высочайшие рескрипты И. А. Тутолмину 26 августа 1812 г. и кн. С. М. Голицыну 9 июня 1813 г.; Высочайше утвержденные доклады Опекунского Совета 7 августа 1812 г., 16 июля и 10 сентября 1813 г. (*прим. И. Б.*).

[10] Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1819), тайный советник, сенатор, поэт. Владел домом в Мясницкой части.

[11] Юсупов Николай Борисович (1750—1831), князь, сенатор, действительный тайный советник, член Государственного Совета. Знаменитый собиратель картин, скульптур, книг. Главный директор Мануфактур-коллегии (1797—1800), верховный маршал при коронации Александра I в 1801 г. Дворец Юсупова в Москве находился в Б. Харитоньевском пер. С 1810 г. владел подмосковной усадьбой Архангельское. В 1812 г. был назначен членом Комитета о продовольствии войск в Москве. В 1814 г. возглавил Экспедицию Кремлевского строения, восстанавливал после французского разорения памятники Кремля и Оружейную палату, где создал общедоступный музей.

[12] Хованская Екатерина Николаевна (ум. в 1813), княжна, дочь кн. Н. В. Хованского.

Анненкова (ур. Якобий) Анна Алексеевна, вдова статского советника А. Н. Анненкова (ум. в 1803), мать декабриста И. А. Анненкова.

[13] Шепелев Дмитрий Дмитриевич (1771—1841), генерал-лейтенант (1813). В 1812 г. командовал гвардейской кавалерийской бригадой. Отличился в сражениях при Тарутине, под Малоярославцем и Красным. С декабря 1812 г. — начальник авангарда корпуса генерала П. Х. Витгенштейна.

[14] Высочайший рескрипт 26 августа 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[15] Журналы Опекунского Совета 28 и 31 октября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[16] Вдовий дом был открыт в начале XVIII в. «для призрения неимущих, престарелых и увечных вдов офицеров и

чиновников». «Вдовий Дом первоначально находился в Лефортове, в доме Болкашина (так называемый Оспенный дом, а потом Старый Лефортовский Вдовий Дом). К началу 1812 года выстроено было для Вдовьего Дома новое здание, стоившее Воспитательному Дому 335 000 руб.; но, по Высочайшему повелению Императрицы Марии Федоровны 1812 года июня 10-го оно отдано под помещение Александровского училища, от коего взамен того получено здание Кудринское. Отсюда очевидно, что первоначально сдача Москвы неприятелю не входила в соображения Главнокомандующих» (*прим. И. Б.*). Здание Вдовьего дома, построенное И. Д. Жилярди, находится на углу Кудринской площади и Баррикадной улицы. После пожара 1812 г. от него остались только стены. Восстановлено в 1821—1823 гг. Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьевым.

[17] Оппель Христофор Федорович (1768—1835), доктор медицины, действительный статский советник. С 1822 г. — главный врач больницы для бедных Московского Воспитательного дома.

[18] Особый список при Всеподданнейшем донесении Тутолмина от 11 ноября 1812 г. *(прим. И. Б.).*

[19] Всеподданнейшее донесение Тутолмина от 11 ноября 1812 г.; Высочайший рескрипт Тутолмину 19 ноября 1812 г.; Журнал Московского Опекунского Совета 13 мая 1813 г. (*прим. И. Б.*).

[20] Дюронель Антуан Жан Огюст Анри (1771—1849), граф (1808), французский дивизионный генерал (1809). С мая 1812 г. возглавлял подразделения гвардейских жандармов Великой армии. Участвовал в походе в Россию. 14 сентября 1812 г. назначен военным комендантом Москвы. Безуспешно пытался бороться с пожарами, беспощадно расстреливая истинных и мнимых поджигателей. В 1813 г. был взят в плен в Дрездене союзными войсками. С 1815 г. — пэр Франции.

[21] Приложение к донесению Тутолмина от 11 ноября графу Ростопчину (*прим. И. Б.*).

[22] Виллерс Фредерик, лектор французского языка и словесности Московского университета до 1812 г., писатель. Вступил во французский муниципалитет. После возвращения русских в Москву уволен с должности.

[23] К донесению Тутолмина от 11 ноября приложен в русском переводе протокол суда «над зажигателями» от 12 сентября (24 по ст. стилю), в котором вся вина за пожары возлагалась на московского главнокомандующего графа Ф. В. Ростопчина.

[24] См. примечания к запискам А. Д. Бестужева.

[25] Чиновник, посланный с сим донесением к Государю Императору, а равно и Государыне Императрице, был бывший тогда комиссар Рухин (*прим. И. Б.*).

[26] Дом, где жил акушер Танненберг, был так называемый Гогельский или дом Обер-Директора. Находился назади Инвалидного Дома Шереметева, по линии, где теперь проспект к Китай-городу (*прим. И. Б.*). Гогель Генрих, действительный статский советник, обер-директор Московского Воспитательного дома в конце XVIII — начале XIX в.

[27] Дюма (Dumas) Матье (1753—1837), граф (1810), французский дивизионный генерал (1805), военный писатель. В 1812 г. — генерал-интендант наполеоновской армии, участвовал в походе в Россию, безуспешно пытался наладить бесперебойное снабжение войск необходимыми припасами. Во время пребывания наполеоновской армии в Москве заболел воспалением легких, но, несмотря на предложение остаться в госпитале, проделал с армией весь путь отступления.

[28] Крестовая и Докторская находились в то время в правом двухэтажном здании, примыкающем к Квадрату, где теперь отделенная больница; вход в Крестовую был с самого проспекта; в левом двухэтажном здании находился секретный родильный Госпиталь, законный же госпиталь был в Квадрате (*прим. И. Б.*).

[29] Мильо, Мийо (Milgaud) Эдуард Жан Батист (1766—1833), граф, генерал. В сентябре-октябре 1812 г. — французский комендант оккупированной Москвы. Помогал Э. Мортье в создании «московского муниципалитета» и организации полицейского управления.

[30] От титула маршала Э. Мортье, герцога Тревизского.

[31] Голицына Екатерина Михайловна (1763—1823), княжна.

[32] Повалишин А. В., см. примечания к воспоминаниям А. А. Гамбурцева.

[33] Высочайшие рескрипты Тутолмину 8 и 12 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[34] Донесение Тутолмина от 11 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*)

[35] Лессепс Жан Батист Бартелеми (1776—1834), барон, французский дипломат. В 1802—1812 гг. — генеральный комиссар по торговым делам и поверенный в С.-Петербурге. В июне 1812 г. отозван во Францию. По пути на родину получил приказ Наполеона о назначении управляющим (maire) города Москвы и Московской губ. Пытался наладить снабжение Великой армии продовольствием, тщетно обращаясь с воззваниями к подмосковным крестьянам привозить продукты на рынок.

[36] Христиани Христиан Христианович (1744—1817), эконом Воспитательного дома, за заслуги в 1812 г. указом Александра I от 8 января 1813 г. получил чин коллежского советника.

[37] Данилевский Алексей Иванович (1770—1815), экстраординарный профессор повивального искусства медицинского факультета Московского университета и Московского Воспитательного дома. Читал курсы лекций по акушерству и педиатрии.

[38] Отряд Ф. Ф. Винценгероде действовал между Клином и Черной Грязью.

[39] Жилярди-сын, Жилярди Дементий Иванович (Доменико) (1785—1845), в 1812 г. помощник отца — И. Д. Жилярди — в архитектурном ведомстве Московского Воспитательного дома. После пожара 1812 г. построил аптеку и лабораторию Воспитательного дома, участвовал в восстановлении Кремля, Московского университета, перестроил Опекунский совет, усадьбу Кузьминки, дом-усадьбу Луниных и т. д.

[40] Григорьев Афанасий Григорьевич (1782—1868), русский архитектор, ученик И. Д. Жилярди. С 1808 г. главный архитектор Московского Воспитательного дома. Восстановил ряд зданий, пострадавших в пожаре 1812 г. Построил дом Лопухина на Пречистенке (ныне Музей Л. Н. Толстого), церковь Большого Вознесения у Никитских ворот (где венчался А. С. Пушкин) и др.

[41] Высочайшие рескрипты Тутолмину от 25 октября и 8 ноября 1812 г.

[42] Церковь Рождества Богородицы что на Кулишках (на Стрелке) — на углу Солянки и Подколокольного пер. Известна с 1547 г. Первоначально деревянная, в последней четверти XVIII в. возведен каменный храм, к которому в 1802 г. пристроена трапезная с колокольней. После пожара частично перестроена в 1821 г.

[43] Имеются в виду прокламации к московским обывателям о занятии Москвы французскими войсками от 2 (14) сен-

тября 1812 г. с приказом сообщить сведения обо всех русских, находящихся в Москве, о местонахождении «мучных, ржаных и питейных припасов»; о создании московского муниципалитета (подписана Лессепсом и Мортье 12/24 сентября 1812); 24 сентября (6 октября) — с призывом возвратиться в свои дома, заниматься ремеслами, крестьянам «выходить из лесов» и привозить продукты для торговли в Охотном ряду.

[44] Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772—1843), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Весной 1812 г. сопровождал Александра I в поездке в Вильно. С началом военных действий состоял при штабе I армии. В сентябре по Высочайшему повелению собрал между Москвой и Вышним Волочком 788 ямщиков, из которых сформировал Тверской-Ямской казачий полк. В октябре, после пленения французами Ф. Ф. Винценгероде, командовал его отрядом и участвовал в преследовании отступавшего неприятеля.

[45] Иловайский 4-й Иван Дмитриевич (1767 — после 1827), генерал-майор. В 1812 г. участвовал в боях под Романовым, Смоленском, Рузой. Ранним утром 11 октября казаки его отряда ворвались в Кремль, где захватили французских саперов, поджигавших заложенные под Кремль заряды.

[46] Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В 1812 г. командовал арьергардом отряда Ф. Ф. Винценгероде. После оставления французами Москвы стал первым комендантом города. При преследовании неприятеля находился в отряде П. В. Кутузова. В 1813—1814 гг. командовал партизанскими отрядами. С 1826 г. — шеф жандармов. Московский дом Бенкендорфов находился на Страстном бул.

[47] Ивашкин Петр Алексеевич (1762—1823), генерал-майор, в 1808—1813 гг. — московский обер-полицмейстер.

[48] Донесение Тутолмина графу Ростопчину (*прим. И. Б.*).

[49] Представление Тутолмина Опекунскому Совету от 18 октября в журнале 16 декабря 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[50] См. комментарий к запискам А. Д. Бестужева-Рюмина.

[51] Высочайший рескрипт Тутолмину 31 октября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[52] Донесение 11 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[53] Смета 1813 г. (*прим. И. Б.*).

[54] Высочайший рескрипт Лунину 2 августа 1813 г. (*прим. И. Б.*).

[55] Донесение 11 ноября (*прим. И. Б.*).

[56] Журнал Опекунского Совета 16 декабря 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[57] Опись об убытках Вдовьего Дома при донесении 11 ноября 1812 г., Журнал Опекунского Совета 16 декабря 1812 г., Высочайший рескрипт Тутолмину от 6 декабря 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[58] Александровский институт на Новой Божедомке был построен в 1809—1811 гг. И. Д. Жилярди для одного из первых московских женских учебных заведений, предназначенного для дочерей неимущих дворян, чиновников, священников и купцов. Поблизости, на Екатерининской площади, в 1802 г. И. Д. Жилярди был построен загородный дворец для Московского училища ордена Св. Екатерины — одного из институтов благородных девиц. Восстановлен после пожара и разрушений 1812 г. Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьевым в 1826—1827 гг. Ныне на его месте — здание Центрального дома Российской армии.

[59] Донесение от 11 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[60] Высочайшие рескрипты Тутолмину 18 ноября 1812 г. и 5 декабря 1813 г., высочайше утвержденный доклад Московского Опекунского Совета.

[61] Павловская больница (ныне 4-я городская клиническая) основана в 1763 г. в честь наследника престола Павла Петровича в знак «великодушного сожаления о бедных и при скудности своей разными еще болезнями страждущих людей». Каменное здание больницы с храмом во имя святого апостола Павла было построено М. Ф. Казаковым в 1801—1807 гг.

[62] Подробные сведения о больнице для бедных и Павловской были всеподданнейше представлены главным лекарем Оппелем и смотрителем Носковым (*прим. И. Б.*).

[63] Высочайший рескрипт Тутолмину 18 октября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[64] Высочайший рескрипт Тутолмину 8 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[65] Высочайший рескрипт Тутолмину 19 ноября 1812 г. и отношение Вилламова к 10 декабря 1812 г. Тутолмину (*прим. И. Б.*).

[66] Высочайший рескрипт Тутолмину 2 декабря (*прим. И. Б.*).

[67] Высочайший рескрипт Тутолмину 2 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[68] Представление Тутолмина 18 декабря в журнале Совета 16 декабря 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[69] Высочайшие рескрипты Тутолмину 18, 25 и 31 октября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[70] Крейтон Арчибальд-Уильям (1791—1863), лейб-медик, англичанин. «Посоветовал императрице Марии Федоровне, обеспокоенной увеличением числа больных и умирающих в Воспитательном доме, рекомендовать московским медикам посыпать негашеную известь на трупы умерших от инфекционных заболеваний, что она и рекомендовала в своем рескрипте Тутолмину 12 ноября 1812 г.» (ОПИ ГИМ. Ф. 114. Н/обр. Инв. 19979 / арх. 3610).

[71] Высочайшие рескрипты Тутолмину 18 и 31 октября, 12 и 24 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[72] Высочайшие рескрипты Тутолмину 18 октября и 2 ноября и отношения Вилламова Тутолмину 7 и 22 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[73] Высочайший рескрипт Тутолмину 12 ноября 1812 г. и отношение Вилламова Тутолмину 7 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[74] Высочайший рескрипт Тутолмину 12 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[75] Янова, владелица имения в Можайском у., которое было полностью разорено французами. Первой получила помощь от созданной в феврале 1813 г. «Комиссии для рассмотрения прошений обывателей Московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского» (ОПИ ГИМ. Ф 216. Ед. хр. 255).

[76] Высочайшие рескрипты Тутолмину 12 и 26 ноября 1813 г., высочайшие рескрипты кн. Голицыну 16 декабря 1812 и 16 января 1813 г. (*прим. И. Б.*).

[77] Донесение от 14 ноября 1812 г., высочайшие рескрипты Тутолмину 12 ноября и 2 декабря и кн. Голицыну 13 и 16 декабря 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[78] Донесение от 11 ноября и Высочайший рескрипт Тутолмину 8 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[79] Высочайшие рескрипты Тутолмину от 6 и 20 декабря 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[80] Число подкидышей в четыре месяца, в кои не было приема, было 133; по месяцам же число подкидышей возрастало в следующей пропорции: в сентябре — 17, в октябре — 26, в ноябре — 15 и в декабре — 45. Подкидышей с 1-го января по 1-е сентября было 51 человек (*прим. И. Б.*).

[81] Высочайшие рескрипты Тутолмину 15 ноября и 16 декабря 1812 г. и князю Голицыну 20 декабря 1812 и 2 января1813 г. (*прим. И. Б.*).

[82] Высочайшие рескрипты Тутолмину 31 октября и 26 ноября 1812 г. и кн. Голицыну 23 декабря и 22 мая 1813 г. (*прим. И. Б.*).

[83] Нечаев Александр Петрович, тайный советник, московский почетный опекун в 1808—1827 гг.

[84] Высочайшие рескрипты Тутолмину 22 октября 1812 г., кн. Голицыну 13 декабря 1812 г. и почетному опекуну Нечаеву 16 декабря 1812 г. и 27 января 1813 г. (*прим. И. Б.*).

[85] Высочайшие рескрипты Тутолмину 22 октября 1812 г. и отношения Вилламова к нему от 9 ноября (*прим. И. Б.*).

[86] Болотников Алексей Ульянович (1753—1828), действительный тайный советник, сенатор, член Государственного Совета, с 1811 г. почетный опекун С.-Петербургского Опекунского Совета. В 1812 г. был командирован в Москву для участия в особой следственной комиссии.

[87] Высочайший рескрипт Тутолмину 16 ноября 1812 г.

[88] Высочайшие рескрипты Тутолмину 31 октября и 12 ноября 1812 г. и кн. Голицыну 6 и 13 февраля 1813 г.; отошение Вилламова Тутолмину 7 ноября 1812 г. и Журнал Московского Опекунского совета 16 декабря 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[89] Отношение Вилламова к кн. Голицыну от 23 февраля и 24 марта 1813 г. (*прим. И. Б.*).

[90] Высочайшие рескрипты Тутолмину 18 октября и 4 ноября и отношение Вилламова к Тутолмину 14 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[91] Высочайший рескрипт кн. Голицыну 20 декабря 1812 г. (*Прим. И. Б.*).

[92] Клингер Александр Федорович (1791—1812), лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан, адъютант генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли. Скончался 25 сентября 1812 г. от полученной раны в Бородинской битве. Единственный сын генерал-лейтенанта Ф. И. Клингера, попечителя Дерптского учебного округа, просветителя, члена Советов Общества благородных девиц и училища ордена Св. Екатерины, пользовавшегося личным доверием императрицы Марии Федоровны. Памятник А. Ф. Клингеру был установлен на Даниловском кладбище.

[93] Высочайший рескрипт Тутолмину 20 октября 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[94] Жилярди Иван Дементьевич (Джованни Батиста) Старший (1755—1819). Построил Екатерининский институт (1802), Мариинскую больницу для бедных (1804—1807), Александровский институт и Вдовий дом (1807—1811). В 1812 г. возглавлял архитектурное ведомство Московского Воспитательного дома.

[95] Высочайшие рескрипты Тутолмину от 31 октября, 16 и 30 декабря 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[96] Яниш Карл Иванович, коллежский, впоследствии — статский советник, в 1810—1833 гг. — профессор Московской Медико-хирургической академии. Отец поэтессы К. К. Павловой, известной патриотическими стихами о Москве.

[97] Высочайшие рескрипты Тутолмину от 31 октября и кн. Голицыну 16 и 20 декабря 1812 г. (*прим. И. Б.*).

[98] Голицынская больница (ныне в составе 1-й Градской) построена вместе с церковью Димитрия Царевича архитектором М. Ф. Казаковым на средства, завещанные князем Д. М. Голицыным, в начале Б. Калужской ул. (ныне Ленинский просп.). Состояла из главного корпуса, двух боковых флигелей, больничной церкви Димитрия Царевича, служебных корпусов, богадельни и парка. Открыта в 1802 г.

[99] Муханов Алексей Ильич (1752—1832), сенатор и почетный опекун. В 1812 г. ведал эвакуацией московских департаментов Сената в Казань.

[100] Доклад Московского Опекунского Совета 4 ноября 1812 г. (*прим. И. Б.).*

[101] Высочайшие рескрипты кн. Голицыну 14, 19 и 29 ноября, 6 2, 7, 13 и 16 декабря 1812 г., 6 февраля 1813 г., Нечаеву 28 ноября, 16 и 20 декабря 1812 г., Тутолмину 14 ноября 1812 г.; 9 и 27 января, 7 и 21 августа 1813 г., Баранову 15 августа 1812 г.; высочайше утвержденные доклады кн. Голицына 22 января, 9 и 16 февраля 1813 г.; Высочайшее повеление Московскому Опекунскому Совету 25 августа 1812 г.; доклады Московского Опекунского Совета 7, 14 ноября 1812 г. и 14 августа 1813 г. и журналы Совета 28 октября, 4 ноября, 18, 28 декабря 1812 г. и 14 августа 1813 г. (*прим. И. Б.).*

[102] Имеется в виду Л. А. Бертье.

[103] От франц. *sauvegarde* — охранительная стража.

[104] Хрущов Александр Дмитриевич, коллежский советник, волынский вице-губернатор в 1813—1816 гг.

Публикация Ф. А. Петрова и М. В. Фалалеевой

Переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны с председателем московского Опекунского совета А. М. Луниным, главным надзирателем московского Воспитательного Дома И. А. Тутолминым, московским главнокомандующим графом Ф. В. Ростопчиным и другими официальными лицами в 1812 году

Мария Федоровна. С портрета А. Рослинга. Конец XVIII в.

Мария Федоровна (урожденная София Доротея Августа Луиза, герцогиня Вюртембергская) (1759—1828), вторая жена Павла I (с сентября 1776 г.), родила восемь детей. Двое из четырех ее сыновей — Александр и Николай — стали императорами Всероссийскими и в общей сложности правили страной свыше полувека; а дочери Анна и Екатерина — стали королевами Голландской и Вюртембергской.

Видный сановник, вице-президент Мануфактур-коллегии Н. А. Саблуков в своих записках так отзывался о будущей императрице, в бытность ее еще великой княгиней:

> …великая княгиня была чрезвычайно красивая женщина, весьма скромная в обращении, а, по мнению некоторых, даже излишне строгая, так что казалась суровою и скучною, насколько могли сделать ее таковою добродетель и этикет (*Саблуков Н. А.* Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. М., 1990. С. 11).

По отзывам очевидцев, проявила большое мужество и самообладание в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., когда был убит император Павел I.

Методично и последовательно вдовствующая императрица добивалась от молодого императора Александра I удаления с постов всех цареубийц. После заключения в 1807 г. Тильзитского мира между Россией и Францией она стала ярой противницей русско-французского союза, не веря в искренность дружеских чувств императора Наполеона к России. Мария Федоровна дважды расстроила сватовство Наполеона к своим дочерям. В 1809 г. она поспешила выдать свою третью дочь Екатерину за принца Ольденбургского, а год спустя решительно воспротивилась планам «узурпатора» жениться на ее младшей дочери Анне, мотивируя это молодостью великой княгини (ей пошел 16-й год, что отнюдь не было в то время препятствием для заключения династических браков). Недаром Наполеон в беседе со своим послом в С.-Петербурге герцогом А. Коленкуром назвал вдовствующую императрицу «своим злейшим врагом».

Княгиня Дарья Христофоровна Ливен (урожденная фон Бенкендорф — родная сестра шефа жандармов), близкая к Марии Федоровне и ставшая воспитательницей ее младших детей писала:

> Императрица-мать пользовалась большим почтением и любовью своих детей… Ничто не может сравниться с ее жалостливостью, разумным милосердием и постоянством в привязанностях. Она любила свой сан, умела поддерживать свое достоинство. Она обладала сильным умом и возвышенным сердцем. Она была горда, но приветлива. Она была еще очень красива и, высокая ростом, производила внушительное впечатление (Из записок княгини Ливен // Там же. С. 189—190).

Известный историк-романист К. Валишевский дал жене Павла I несколько иную характеристику: «Она была близорукая, статная, свежая блондинка, очень высокая, но склонная к преждевременной полноте». Она была скупа и расчетлива, и в то же время «любила до страсти пышность, внешний блеск, церемониальные празднества и торжества и в то же время внешние придворные интриги… очень заботилась о своей популярности, интересовалась, интересуются ли ее поступками и что вообще говорят в обществе».

Вообще,

…она старалась быть на высоте своего положения, не зная в этом отношении ни минуты отдыха… в Павловске она возводила постройки, разбивала сады в подражание идиллии родительского дома. Сверх того, она умудрялась уделять много внимания благотворительным и воспитательным учреждениям, которые до сих пор носят ее имя, что дало повод Карамзину сказать, что она была бы превосходным министром народного просвещения. Он преувеличивал. Пожалуй, она была бы превосходной школьной учительницей. Да и тут приходилось бы относиться очень снисходительно к ее урокам орфографии. Благотворительными заведениями, как и вообще всеми своими делами, она управляла с большим рвением и с искренним желанием сделать лучше. Однако она невольно проявляла при этом мелочность, придирчивость и бестактность… (*Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. Император Павел I. С. 18—21).

Характеристика броская, но не совсем объективная: можно лишь согласиться с тем, что слог писем Марии Федоровны, которая до конца жизни так и не могла избавиться от сильного немецкого акцента, очень тяжелый. Вдовствующая императрица была и по-немецки сентиментальна. Известна ее фраза, что самыми дорогими подарками ей будут «чулки, вышитые воспитанницами Смольного института» (*Валишевский К.* Указ. соч. С. 579). И Тутолмин спешил рапортовать в 1812 году о том, что в Воспитательном доме девочки были заняты вязанием чулок…

Особое внимание императрица Мария Федоровна, естественно, уделяла женскому образованию и завещала около 4 млн. руб. Екатерининскому и Александровскому институтам. Впрочем, интересующихся личностью императрицы Марии Федоровны отсылаем к специально посвященной ей книге Е. С. Шумигорского, изданной в 1892 г. и до сих пор остающейся непревзойденной.

Но перейдем непосредственно к эпохе 1812 года. Почти за месяц до вступления наполеоновской армии в Москву Мария Федоровна, находясь в С.-Петербурге, давала распоряжения об эвакуации воспитанников и воспитанниц учреждений ее ведомства. Предвидя невозможность эвакуировать всех, особенно малолетних питомцев, она все-таки надеялась на милосердие Наполеона к несчастным малюткам, находящимся в Воспитательном доме. Практичная, обстоятельная и предусмотрительная, она писала по-немецки пунктуальные и обстоятельные предписания. А Тутолмин рапортовал в ответ: «Я никогда сам по себе не оставлю сего человеколюбивого заведения: жертвуя ему собою… для спасения и спокойствия страждущих и бескровных сирот».

Обратимся к рескриптам Марии Федоровны председателю Московского Опекунского Совета А. М. Лунину, директору Московского Воспитательного дома И. А. Тутолмину и другим членам Московского Опекунского совета и их ответные рапорты ей и императору Александру I. Они охватывают период с 5 августа 1812 г., т. е., когда до вступления французов в Москву оставалось меньше месяца, и до января 1813 г., когда были сделаны первые необходимые шаги по ликвидации последствий иноземного нашествия.

Документы публикуются по рукописи «Высочайшие повеления Ея Императорского Величества, данные в Отсутствие Совета на имя г-на главного надзирателя и проч. в 1812 и 1813 годах, пред занятием Москвы неприятелем и после освобождения оной от него», подаренной П. И. Щукину другим известным коллекционером и библиофилом А. А. Астаповым. Они хранятся в фонде Московского Воспитательного дома. Рескрипты и рапорты от 5—19 августа и 2 сентября 1812 г. хранятся в коллекции Музея 1812 года в Москве.

Публикуется обстоятельное донесение Тутолмина Марии Федоровне, которое полностью оставалось неизвестным Багдадову: оно содержит образное и страшное описание всего происходившего в Москве при французах.

Отдельные документы — в частности, донесение главного лекаря больницы для бедных в Москве Х. Оппеля императрице Марии Федоровне от 15 октября — были опубликованы в «Чтениях Императорского Общества истории и древностей российских» (1860. Кн. 2). В 1900 г. П. И. Щукиным в «Бумагах, относящихся до Отечественной войны 1812 года» была опубликована «Копия с выписки из донесения И. А. Тутолмина императрице» (Вып. 5. С. 151—160), в котором имеются некоторые разночтения с текстом рапорта от 11 ноября. Поэтому в комментариях приведены представляющие по мнению составителей интерес разночтения публикуемого источника с «Бумагами Щукина».

Всеподданнейший доклад председательствующего в Московском Опекунском Совете действительного тайного советника Лунина Государыне Императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

Ослепленный и необузданный сумасбродством корсиканский выродок, алчущий ниспровергнуть благосостояние всех народов и теперь войною устремившийся на любезное наше Отечество, уязвив всех сердца, возжег во оных, как в воинстве, так и в народе, единодушное рвение — мужественно стать против злейшего из врагов, и его, с единомышленниками погубить, в успехе чего и молимся и надеемся на Всесильного Творца, что он невинность увенчает благим концом. Страдания человечества прекратятся, и храбрые наши воины восторжествуют, из коих раненых хотя учреждено всевозможное и наилучшее призрение к их излечению, но мне представляется, чтоб во облегчение учрежденных при войсках госпиталей было бы небесполезно из раненых штаб- и обер-офицеров человек бы сто и более прислать

в Москву для размещения их по здешним больницам, как то: больницу для бедных (что ныне Мариинская) — человек до 40; в Павловской я помещу, без утеснения штатного числа больных, человек 20, а также и в Инвалидный дом Шереметевой, остающийся праздным, в коем 24 кровати готовы, и который можно будет занять для сего, а лекарства и медицинское пособие доставлять из Воспитательного дома, что и с целию сего заведения будет согласно. Есть здесь еще больницы: Екатерининская, состоящая под ведением Приказа общественного призрения, Шереметевская и Голицынская, в коих, думаю, также можно поместить по нескольку человек.

Во всех оных раненые сии офицеры всеконечно будут целимы и содержимы хорошо на счет сих заведений, которые могут сим пожертвовать для общей пользы и продолжать сие во все время войны, то есть пока удобность расположения мест позволит сюда больных привозить.

Мнение мое, основанное на Высокомонаршем благоволении, Всемилостивейшим повелением в представлении оных не затруднятся. Настоящее сие повергаю в Высочайшее Вашего Императорского Величества благоусмотрение, осмеливаюсь в заключении сказать, что ежели мысль моя признана будет за дельную и определено будет во все вышеупомянутые здесь больницы помещать, тогда, кажется, нужно, чтоб поручено было кому одному бы присылались и больные для размещения и чтобы из всех больниц доставляли к нему недельные ведомости, а он от себя представлял бы уже оные начальству и также от себя давал бы знать военных при армии госпиталях начальству, и за порядком по сему предмету вообще имел бы неослабное и непосредственное надзирание.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший Александр Лунин

Августа 5-го дня 1812 года

Повеление императрицы Марии Федоровны председательствующему в Московском Опекунском Совете А. М. Лунину

Александр Михайлович!

В соответствии совершеннейшей Моей к вам доверенности Я рассудила за нужное, прежде наступления какой-либо опасности, объясниться с вами откровенно о тех мерах, которые почитаю Я полезными и необходимыми в настоящем случае, если бы пришлось переместить из Москвы состоящие под Моим Начальством заведения. Я уверена, что с помощью Всевышнего при храбрости и неустрашимости наших войск таковой случай существовать не будет, но лучше приготовиться ко всяким нещастиям и заблаговременно сообразить все меры предосторожности, дабы в решительную минуту осталось одно только исполнение. Вследствие сего, предупреждая вас, что местом для переселения наших заведений назначается Казань, я сообщаю вам здесь те распоряжения, которые мне кажутся лучшими и на которые испросила я уже согласие Императора, Любезнейшего Моего Сына, на тот случай, когда главнокомандующий в Москве уведомит вас об угрожающей сей столице опасности[1].

Экспедиция о воспитанниках со всеми питомцами обоего пола и приставленными к ним чиновниками и служителями остаются в своих местах. Весь порядок, надзор, учение, содержание и вообще все внутреннее управление продолжаться имеет на прежнем основании безмятежно, при усугублении рвения и прилежания приставников, ибо, по бывшим в других местам примерам, наверное, полагать можно, что сие человеколюбивое заведение будет неприятелем уважаемо и не только не подвергнется расстройке, ниже какой-либо опасности, но паче надеяться можно на всякую защиту. Один только прием вновь приносимых детей должен прекратиться по сущей невозможности тогда снабжать дом кормилицами, о чем и нужно будет известить публику чрез газеты, увещевая матерей нещастнорожденных детей к выполнению долга природы в сих смутных обстоятельствах. Содержание же находящихся уже тогда в деревнях детей и надзор за ними по мере возможности продолжаться должен по-прежнему со всяким попечением. Для содержания всего Дома и детей, в деревнях находящихся, надобно снабдить главного надзирателя потребною на один и, буде можно, на два месяца суммою. А как время продолжения сих смутных обстоятельств неизвестно, и нельзя оставить слишком знатного капитала, дабы не польстить корысти неприятеля, надобно постараться открыть главному надзирателю кредит от какого-либо надежного купца из остающихся в Москве, который бы снабжал его нужными деньгами, мог получать платеж чрез корреспондента своего в Казани или как с ним условиться можно. Главного надзирателя снабдить также наставлением, рекомендовать строжайше соблюдение порядка и благоустройства и предоставить ему власть удалить немедленно от службы дома того, кто нарушит долг свой и присягу. Всем чиновникам и служителям подтвердить беспрекословное повиновение начальству и твердо обнадежить в награждении тех, которые отличаются усердием и исправностию.

Больница для бедных равномерно остается в прежнем положении и действии под управлением главного лекаря в излечении всех тех лежащих больных, которые при вступлении неприятеля тут находиться будут, и на то снабдить главного лекаря достаточною по примерному исчислению суммою, новых же лежащих больных принимать тогда нельзя, за невозможностию ассигновать на то достаточных доходов. Что же касается до приходящих больных, прием и пользование оных продолжать, покуда возможно будет, получить потребные медика-

менты, а пресечение сей возможности пресечется и прием приходящих. Сумму на расход сей главный лекарь получит от главного надзирателя Воспитательного дома, посредством открываемого сему последнему кредита. Если по сему распоряжения, которые либо из медицинских чиновников больницы для бедных сочтены будут излишними, оных отправить особо или вместе с другими чиновниками Воспитательного дома в Казань, где для них найдется употребление. Остающимся при больнице строго подтвердить в оное критическое время наиточнейшее и беспрекословное повиновение главному лекарю, который иметь будет право удалить не радеющих о своей должности и нарушающих порядок, а других представить к награждению при возвращении мира.

Главное затруднение причинять могут быть училища Ордена Св. Екатерины и Александровское. Долг велит спасти вверенных нашему попечению девиц от всякой опасности и возможного поругания, но всех перевозить никак невозможно. Вследствие сего надобно наипервее стараться об уменьшении числа остающихся на нашем попечении, и публиковать в газетах, чтобы родители и родственники явились непременно и немедленно для принятия девиц из обоих училищ, назначая им на то срок, и как они почти все из Москвы и Московской губернии, то, вероятно, их немного останется. Сделайте Мне удовольствие и пришлите Мне список девицам, в обоих училищах находящимся, с наказанием, которые имеют родителей или родственников в Москве и Московской губернии и которые в других губерниях. Воспитанниц Екатерининского училища, оставшихся по истечению назначенного срока с начальницею, дамами, экономом и проч., отправить должно в Казань удобнейшим по усмотрению Вашему и Совета способом, и Николай Иванович Баранов будет либо предшествовать им в пути, или в одно время вслед за ними поедет. Здесь имеем мы удобность для перевоза употребить придворные парадные экипажи, которые и без того бы перевозить надобно, а недостающие только за тем надеемся собрать от здешнего дворянства, экипажи имеющего. Патриотическое Московское дворянство, конечно, и тамошнего Института не оставит в таком случае усердным пособием ссудою потребных экипажей. Александровского Училища воспитанниц, не взятых родственниками, с их инспектрисою, дамами, экономом и проч. поместить в строениях Воспитательного дома по удобности, к чему представляют средства остающиеся порожними покои, где теперь Совет с экспедициями, Сохранная и Ссудная казны, с приобщением дома, назначенного для инвалидного заведения Шереметевой, который вдовами не весь займется. На содержание сего училища оставить также некоторую сумму на месяц или на два, а потом пользоваться предоставляемым главному надзирателю кредитом.

Павловская больница остаться имеет в своем действии и положении до излечения тех больных, которые при вступлении неприятеля в оной находиться будут, а прием новых, на иждивении больницы состоящих, прекратить, по невозможности снабдить потребными на продолжение их приема и пользования доходами, продолжая принимать и пользовать только тех больных, за которых платеж производится, и оный может быть нужно будет тогда увеличить. Я предаю вашему благоусмотрению и суждению: оставить ли в руках смотрителя сей больницы сумму, потребную на расходы до излечения остающихся налицо больных, или получать ему оную из Воспитательного дома, или какое средство вы за полезнейшее признаете.

На основании сего краткого начертания прошу вас с обыкновенною вашею осмотрительностию обдумать способы к перевозу дел и лиц, которые к переселению назначаются, и посоветовать, если вы за нужное рассудите с кем-либо из ваших сочленов, как будто от себя самого, в виде дружеского разговора, а потом сообщить Мне ваши мысли, кого именно с какою частью отправить должно? Какие чиновники поедут про себя или могут быть уволены? Каким способом лучше и удобнее чинить отправление? Сколько на это потребуется лошадей? Сколько примерно надобно иметь в виду суммы для удовлетворения всем расходам — как на отправление заведений, так и на содержание остающихся в Москве? При удобном случае можете вы предварительно поговорить с Главнокомандующим в Москве, даже сообщить ему из наших распоряжений, сколько вы за нужное рассудить в отношении помощи, которую он сделать может, и попросить его Моим именем, чтобы он вас немедленно уведомил, когда, паче всякого чаяния, малейшее иметь будете подозрение о надобности приступить к сим мерам. Все сие поручаю Я известному неизменяющемуся вашему усердию, опытности и осторожности, надеясь совершенно на вашу молчаливость, а в случае — нужную деятельность и осмотрительность, и пребываю с истинным уважением и доброжелательством вам всегда благосклонною.

Мария

Августа 9-го дня 1812 г.

(приписка рукой Марии Федоровны)

Я полную надежду полагаю на Бога, что сие нещастие с нами не будет, и если бы сие случилось, то твердо на ваше усердие, батюшка, считаю и на ревность всех сочленов ваших.

Всеподданнейший доклад председательствующего в Московском Опекунском Совете действительного тайного советника А. М. Лунина

Всемилостивейшая Государыня!

Нещастное Государственное положение, причиняемое злейшим из врагов врагом, и так быстро дошедшим до месторасположения от Москвы — ближе уже четырехсот верст, признаюсь Вам, милосердная моя Госу-

дарыня, что беспокоит много. По беспредельной моей к Вашему Императорскому Величеству привязанности и повинуясь Всемилостивейшим дозволением во всяких случаях объясняться с откровенностию, донесу, что потеря Смоленска и отступление храбрых наших войск во всех состояниях здешнего общества произвело уныние превеликое. И непрерывно и слышно, что «Боже нас спаси» и «Боже дай, чтоб Государь скорее поручил начальство Армии заслуженному и опытному из старших, почитающихся у нас генералов, — князю Михаилу Илларионовичу Кутузову». Сие поистине есть глас и желание общее, и исполнение которого, несомненно, обрадовало бы и ободрило всех очень много.

Вашего Императорского Величества
верноподданнейший Александр Лунин
Москва, Августа 12-го дня 1812 года

Генерал-фельдмаршал князь Голенищев Кутузов Смоленский принимающий главное начальство над российским воинством в августе 1812 года. Гравюра И. И. Теребенева. 1812 г.

Повеление императрицы Марии Федоровны председательствующему в Московском Опекунском Совете А. М. Лунину

Александр Михайлович! Я получила письмо ваше от 5-го сего месяца и совершенно согласна с вами как в надежде на помощь и покровительство Всемогущего Творца и на храбрость наших войск, так и в надобности содействовать по мере способов и возможности к облегчению и призрению раненых защитников Отечества, о чем Я и сама уже помышляла. В полной мере одобряю я мысль вашу о принятии раненых офицеров в состоящие под моим начальством больницы — Павловскую или для бедных и об употреблении на то Дома, для Инвалидного заведения Шереметевой назначенного, и Я охотно дам Мое на то согласие, коль скоро все принадлежащее к такому учреждению соображено и Мне на утверждение представлено будет. Но мы не можем сделать никакого положения в рассуждении больниц Екатерининской, Голицынской и Шереметевской, а должны представить то начальствам сих заведений. Прежде, нежели приступить, однако, к учреждению при наших больницах и в доме Инвалидного заведения отделений для раненых офицеров, надобно нам рассмотреть, сколько именно в каком месте с удобностию постелей для них учредить можно? Какие издержки потребны на первое заведение и содержание? И откуда мы заимствовать можем на то суммы? Имея в виду содержание, офицерскому званию приличное, обыкновенно в наших больницах превосходное. Препоручая сие Вашему усердию и старанию и ожидая вскоре Вашего отзыва, Я с истинным уважением и доброжелательством пребываю в прочем вам всегда благосклонною

Мария

Августа 15-го дня 1812 года

По последнему вашему расчету видно, что для содержания инвалидных офицеров остается ежегодно 105 тыс. р.; кажется, что в тепершнее время хорошо бы их употребить для лечения раненых офицеров, вы о том будете судить, батюшка, и Я ожидаю вашего отзыва.

Всеподданнейший доклад председательствующего в Московском Опекунском Совете А. М. Лунина

Всемилостивейшая Государыня!

Вследствие Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, при сем подношу я списки о воспитанницах обоих училищ, и как я вчерашнего числа получил отношение от главнокомандующего, чтобы уложить вещи и приготовиться к отправлению, то сего дня мы имели собрание, в коем объявил я Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление, относительно мер предосторожности, мне данное. Я надеюсь на милость Всевышнего, что он пощадит Москву и не допустит обеспокоить почивающих в оной святых Его угодников, но, тем не менее, предосторожность сию нужно взять. И ежели Богу угодно будет, чтобы мы возвратились в Москву, то употребленные теперь труды и издержки, как на отправление всего, в ведении Опекунского Совета состоящего, так и Институтов, уже очень вознаградится, а мера предосторожности, принимая к

спасению жизни детей лучшего дворянства и других состояний, будет полезна и примется с признательностью обществом.

Верноподданнейший Александр Лунин

Москва, августа 15-го дня 1812 года

Повеление императрицы Марии Федоровны председательствующему в Московском Опекунском Совете А. М. Лунину

Александр Михайлович! На полученное Мною письмо ваше от 12-го сего месяца Я поспешаю ответствовать, что Я в полной мере чувствую беспокойствие, которое должно было произвести в Москве отступление войск наших от нещастного Смоленска, но притом с утешением вижу благоразумную заботливость почтенного Моего старика о делах наших. Из письма Моего от 9-го сего месяца вы, конечно, уже усмотрели, что Мы почти в одно время занимались важным предметом — предосторожностей, необходимых при дальнейших успехах неприятеля, и вы оным получили уже разрешение на все почти представления ваши. Я надеюсь, что выполнение общего желания поручением начальства над армиями Князю Михаилу Илларионовичу Кутузову восстановит спокойствие и упование в Москве, а особливо, что храбростию и неустрашимостию наших войск, при благоволении и покровительстве Всемогущего, все покушения неприятеля обратятся в собственную ему погибель, и что наши предосторожности сделаются излишними. С истинным уважением и доброжелательством пребываю в прочем всегда к вам благосклонною

Мария

Я очень довольна, что мысли наши так соответствуют, батюшка. Теперь ожидаю от вас дальнейших известий: останемся ли в нашей прелюбезной Москве, или, по общему нещастию, надобно оставить священные стены, но уповаю крепко на милость Божию, что конец шастлив для нас будет. Пришлите эстафеты, чтобы уведомить о ваших мерах.

В Таврическом дворце.
Августа 18-го дня 1812 года

Всеподданнейший доклад председательствующего в Московском Опекунском Совете А. М. Лунина

Всемилостивейшая Государыня!

Из журналов Опекунского Совета изволите усмотреть, что о кредите главному надзирателю мною умолчено потому, что, по объяснении моем о сем с градским главою, он взялся с некоторыми поговорить и говорил. Из них одни удивились, что Дому нужен кредит, а другие, что, по настоящим смутным обстоятельствам, отозвались совершенною невозможностию, вследствие чего и счел я за нужное отнестись письменно к здешнему главнокомандующему с прошением, не говоря о кредите, но глухо, чтоб в случае надобности оказывать главному надзирателю возможное покровительство и пособие. В число одного миллиона рублей кредита, ассигнованного нашей сохранной казной, из казначейства я получил только 350 тыс. руб. Из оных снабдил я главного надзирателя, как на содержание Воспитательного дома, так и других заведений, под его ведением остающихся, суммою 120 тыс. руб., что по исчислению достаточно будет на два месяца, да на счет Институтов выдал 30 тыс. руб.

Для охранения всего, мною препровождаемого, испросил я военный конвой из 40 человек солдат, без которого в дороге быть не можно и неприлично, и я чрез два дня изготовлюсь выехать и с дороги и со всех мест, откуда могу, о состоянии мне вверенного доносить не премину.

В заключение доношу Вашему Императорскому Величеству в рассуждении моего поспешнейшего из Москвы выезда, что сие происходит не от излишней робости от того, что неприятель не далее трехсот верст от Москвы, а от заботливости и усердия, полагая, что лучше предназначенною осторожностию приведением ее в исполнение поспешить, чем опоздать. И хоть я надеюсь, что злодей до Москвы не дойдет, и я буду иметь щастие, что, далеко не доехав до места, получу Вашего Величества повеление возвратиться назад, и в сем уповании на Бога отправляюсь, надеясь, что и Вы, Всемилостивейшая Государыня, не прогневаетесь на меня за мою поспешность, которая нужна и потому, что лучше для самого начальства и обывательства частями вывозить, чем все вдруг, и те подводы, кои повезут наши заведения, возвратясь, будут полезны другим.

Повергаясь, милосердная Моя Государыня, к стопам Вашего Величества, лобызаю оные.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
Верноподданнейший Александр Лунин

Москва, августа 19-го дня 1812 г.

Вид на Кремль с другого берега Москвы-реки. Из лондонского издания 1813 г.

Всеподданнейший доклад почетного опекуна Московского Опекунского Совета, управляющего Московским училищем ордена Св. Екатерины тайного советника Н. И. Баранова императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

Во исполнение Высочайшего Вашего Императорского повеления, данного Александру Михайловичу, Совет Екатерининского училища, управляющий и Александровским, имел чрезвычайное собрание, в коем положил: девиц, не взятых родителями, с начальницею-инспектрисою, классными дамами, экономами, штаб-лекарями и прочими при Институте служащими, отправить в Казань сухим путем под моим надзором, выдав мне на путевые издержки, прогоны и содержание Институтов 30 000 р., для провождения же в пути взять двух обер-офицеров и двух унтер-офицеров из служащих при Воспитательном доме, а имеющиеся здания со всем в них находящимся отдать в ведение Главного Воспитательного Дома надзирателю Тутолмину. О доставлении же потребного числа подвод отнестись к господину Главнокомандующему Александр Михайлович принял на себя.

Приемля с благоговением сию Высочайшую Вашего Величества Волю, я за долг почел к исполнению оной о подводах лично видеться с Главнокомандующим в Москве Графом Ростопчиным, который меня известил, что он приказал приготовить потребное число обывательских лошадей и прислать их ко мне к 21му числу сего августа на таком положении, чтобы от границы одного уезда до границы другого ехать на одних лошадях без перемены. А при вступлении в другой и лошади переменены будут, но дабы заготовлены были лошади и в лежащих по тракту губерниях, о принятии таких же мер отнесся он уже к Владимирскому, Нижегородскому и Казанскому гражданским губернаторам.

Между тем, я почитаю ко взятию за собою из принадлежащих Институту вещей необходимыми белье, платье и постели, приказал закупить для сохранения оного в дороге сундуки и уложить в них как следует, также приготовить и прочие мелочные для дороги вещи. Во время сих приготовлений родители и родственники девиц, в Институтах находящихся, по сделанной публикации являясь, разбирали их к себе, и из 155 девиц Екатерининского по сие число осталось 87, а из 108 Александровского находится только 38. А я в то же время озабочивался приобретением сколь можно более экипажей, ибо при Институтах имеется только карета четырехместная одна, двухместных две и коляска, но как ныне в Москве дворянства весьма мало, то и не мог я более по сие число достать четырехместных карет 11, двухместных 6 и колясок 2 — всего 19. Из сих экипажей назначил я для Александровского института 3 кареты, а прочие все пойдут для Екатерининского, и хотя желал я более набрать оных для спокойствия и удобности в размещении, но поелику при всех стараниях моих более приобресть их не уповаю, то девиц Александровского училища предполагаю везти на телегах, а как и для Екатерининского Института набранных экипажей к помещению всех недостаточно, то остальные, за размещением по экипажам, по очереди повезу на телегах же. В сей путь отправляются начальница Перрет, инспектриса Мелярт, все классные дамы, пепиньерки[2], штаб-лекари, экономы и прочие при Институтах служащие люди, а дабы в случае заболевания какой-либо из девиц или при них находящихся, в пути можно было бы подать со стороны врачей помощь лекарями, счел я необходимым взять с собой и аптеки, строение же обоих Институтов с остающимися в них мебелью, книгами и прочими классическими и комнатными вещами, так же бельем и платьем, из коего нужное только берется, по отъезде нашем из Москвы, вследствие Советского положения[3], примет в свое ведомство главный Воспитательного Дома надзиратель Тутолмин.

Призвав на помощь Всемогущего Бога, отправлюсь в указанный Вашим Императорским Величеством путь сего августа 21 числа и буду иметь щастие доносить Вашему Величеству из губернских городов

Вашего Императорского Величества
Всеподданнейший
Николай Баранов

Москва, августа 19-го дня 1812 года

Повеление императрицы Марии Федоровны председательствующему в Московском Опекунском Совете А. М. Лунину

Александр Михайлович! Я получила письмо ваше от 15 числа и оставляю вам самим судить, какое заключающиеся в нем вести во Мне произвели горькое чувствование, и сколь больно мне мыслить, что сии строки, может быть, не застанут вас более в древней столице. Я не скрываю душевной моей скорби о злополучных обстоятельствах, понуждающих вас с заведениями, коими я столько утешалась, искать прибежище вне священных стен любимой Москвы! Но да будет воля Того, Кто испытует веру нашу в Него! А я благодарю вас от искреннего, до самой глубины тронутого сердца, за приверженность, вами при сем случае обнаруженную, и за попечение ваше о делах, вам вверенных. Хотя я и ожидала от почтеннейшего старика Моего чувствований и расположений, Я, тем не менее, признательна за оные. Великие затруднения, сопряженные с перевозом девичьих заведений, подали Мне мысль — оставить в Москве тех воспитанниц Александровского Училища, которые не будут взяты родителями и родственниками. Но по полученным Мною известиям о неистовствах, которым предавал себя неприятель против женского пола в городах, попавших в его владение, Я с великим утешением увидела из вашего донесения, что вы решились

на перевоз Александровского Училища, и Я надеюсь, что родителям и родственникам положено на совесть не оставаться со взятыми ими девицами в Москве, в нещастном случае вступления неприятеля. Я уверена, что приняты будут всевозможные меры для сохранения здоровья девиц в пути, особенно водою, при наступающей несколько суровой уже погоде, и для сбережения всех дел и вещей, и затем остается мне только воссылать моления ко Всевышнему, да благословит путь вас всех целыми и невредимыми и да приведет вас вскоре обратно в целости же и сохранности в древние жилища!

Пребывая с истинным уважением и доброжелательством, вам всегда благосклонная

Мария

Я не буду искать слов, чтобы вам изъяснить, батюшка, сколь сильно тронуто материнское сердце, мое, и не скрою от вас горьких слез, пролитых Мною, писав сие письмо. Повинуемся Воле Божией, однако без роптания, но, уповая твердо на милость Его, Он нас будет защищать, и любезной Москвы не увидит враг человечества. Ваша привязанность, ваше усердие Мне драгоценны. Я вам повторяю, что Я всегда на вас щитаю и буду щитать. Уверьте всех родителей, что их дети для нас — святой залог, который мы будем защищать, как наше собственное. Я надеюсь, что все наши заемщики уверены, что течение дел опять начнется при первой возможности. Щастливое время опять будет сиять, и мы будем торжествовать о милости Божией и славе России. Любезный старик мой, примите Мое благословение и берегите здоровье ваше. Пишите, сколько часто вам возможно. Добрые сочлены ваши соединятся ли с вами? Сколько я рада, что вы нашли возможность перевести также Александровское училище.

В Таврическом дворце, августа 19-го дня 1812 года

Копия повеления императрицы Марии Федоровны главному надзирателю Воспитательного Дома И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Из полученного Мною донесения господина почетного опекуна Лунина вижу Я, что нынешнее положение обстоятельств побудило оба Совета приступить к исполнению предписанных Мною на случай нещастия мер предосторожности и отправить из Москвы казны и дела Опекунского Совета, равно как и оба девичьи Института, и что Николай Иванович Баранов следует с сими последними. Вследствие сего Воспитательный Дом остается на ваших руках и на вашем ответствии. Я в полной мере разделяю доверие вам Советом, через толико важное препоручение оказанное, и нимало не сомневаюсь, что попечение Ваше в сие смутное время еще усугубится, простираясь не только на питомцев, в Доме состоящих, но и находящихся в деревнях и у родителей; что вы с вящим, нежели когда-либо рвением, потщитесь исполнять долг ваш, так как вы пред Богом, предо Мною и пред собственною вашею совестию ответствовать обязаны, и, наконец, что вы, не довольствуясь сами сугубо усердствовать, понуждать к тому будете подчиненных Ваших, и содержать их в таких расположениях примером вашим. Вы должны быть удостоверены, что ревностное ваше служение не останется без щедрого награждения от Императора, Любезнейшего Моего Сына, и можете обнадежить и подчиненных ваших. Покуда вы иметь будете к тому возможность, Я прошу вас доносить мне по-прежнему о состоянии вверенного попечению вашему Дома. Ожидая таковаго вашего донесения, пребываю в прочем вам всегда благосклонна.

На подлинном подписано собственною Ея Императорского Величества рукою.

Мария

Я щитаю на вашу честность, рвение и ответственность. В каких-нибудь необычайных случаях вы можете снестись с Графом Ростопчиным. Имейте бдительное попечение о наших классических воспитанницах и воспитанниках.

В Таврическом дворце. Августа 19 дня 1812 года

Мария

Рукой И. А. Тутолмина: «*С подлинным верно. Главный надзиратель Иван Тутолмин*».

Копия повеления императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину 22 августа 1812 г.

Иван Акинфиевич!

При отправлении письма Моего к Александру Михайловичу Лунину с предписанием о мерах предосторожности, которые в случае нужды почитала Я потребными, Я думала, что по законам, между просвещенными народами всегда и в жесточайших войнах наблюдаемым, такое благородное заведение, каков Воспитательный дом, яко убежище сирот, не может быть подвержен никакой опасности, хотя бы — от чего Боже сохрани! — крайнее нещастие воспоследовало. Но дошедшие до Меня известия о свирепостях неприятеля подают мне повод к опасению в рассуждении взрослых наших питомцев обоего пола, в том числе воспитанниц, приуготовляемых к званию наставниц, и воспитанников, обучающихся латинскому языку и наукам. Помышляя, что жизнь, честь, невинность и нравы могут подвергнуты быть крайней опасности, Я почитаю необходимым удалить из Москвы всех воспитанниц старше 11-ти и воспитанников старше 12-ти лет. Вследствие сего Я прошу вас принять сей предмет в рассуждение и посоветоваться с оставшимися в Москве гг. Почетными Опекунами, буде не все еще выехали, о мерах к отправлению взрослых питомцев, предлагая им для того съехаться в Совете и сделать по сему предмету положение, как относительно к месту, куда их отправить, так и способу

отправления, выбору приставников и служителей для их сопровождения, учителей, нужных для продолжения им впредь учения, суммы на путевые издержки и т. п. Мальчики могут, кажется, идти пешком до Владимира или Коломны, а для воспитанниц нужны повозки до того или другого места, откуда оба пола могут следовать далее водою. А как в сем случае Главнокомандующий в Москве может подать вам добрые советы и руку помощи, то прилагаю при сем письмо, которое прошу вас ему вручить и с ним о сем предмете объясниться. Попросите также Моим именем гг. Почетных Опекунов, к которым прилагаю при сем письма, чтобы кто-либо из них в сношениях с Главнокомандующим вам помог и подкрепил ваши представления своими с ним объяснениями, о чем и Я к ним пишу, будучи уверена, что каждый из них, несомненно, с усердием употребит свое содействие. По учреждении всего потребного приступите к исполнению, не ожидая дальнейшего от Меня предписания, что же по сему предмету положено и в действо произведено будет, о том ожидаю я вашего донесения, твердо полагаясь как в сем случае, так и впредь. Когда пребывающая в Москве часть Воспитательного дома остается в вашем едином управлении и ответствии, на известное ваше рвение, неусыпное попечение и во всех частях усерднейшее старание, за что воздаст вам Всевышний, а Я удовольствием себе поставлю изъявить вам Мою признательность, доводя заслуги ваши до сведения Императора, Любезнейшего Моего Сына.

С совершенным доброжелательством пребываю вам благосклонною

Мария

Вы сами, конечно, догадаетесь, что все сие разумеется только в том предположении, что заведения наши из Москвы отправляются, а если отсылка их остановлена (о чем усерднейше молю Всевышнего) по перемене обстоятельств вовсе отменяется, то сие предписание остается без действия и вы оставьте письмо к Графу Ростопчину в первом случае у себя впредь до употребления, а в последнем — возвратите мне.

В Таврическом дворце.
Августа 22-го дня 1812 года

Рукой И. А. Тутолмина: «*С подлинным верно. Главный надзиратель Иван Тутолмин*».

Рескрипт императрицы Марии Федоровны главнокомандующему в Москве графу Ф. В. Ростопчину. 22 августа 1812 г.

Граф Федор Васильевич! Полагая, что Управляющий Воспитательного дома Экспедициею о питомцах Почетный опекун Баранов оставил уже Москву, Я препоручаю Главному Надзирателю сего Дома объясниться с вами по содержанию сегодняшнего моего письма к нему и просить вашего совета, и в случае нужды — пособия и содействия. Будучи в полной мере уверена в усерднейших ваших распоряжениях и готовности соответствовать Моему доверию. Предписывая меры предосторожности, которые при нынешних злополучных обстоятельствах рассудила Я нужными в отношении к находящимся под Моим Начальством заведениям, Я думала, что все питомцы Воспитательного дома могут оставаться в оном, хотя бы крайне угрожало Москве нещастие, полагая, что на основании законов, между просвещенными народами в жесточайших войнах святыми почитаемых, такое богоугодное заведение, каковое сие убежище сирот, не может быть подвергнуто никакой опасности. Но дошедшие до Меня сведения о бесчеловечных свирепостях неистового неприятеля, попирающего все права, законы, обычаи и постановления, для которого нет ничего святого, вселяют в сердце Мое справедливый страх о взрослых питомцах обоего пола, в Московском Воспитательном доме находящихся, в числе которых суть воспитанницы, приуготовляемые к званию наставниц по губерниям и воспитанники, обучающиеся вышним наукам. Возможно ли Мне без содрогания подумать об участи, которой бы подверглись они, при дальнейших успехах неприятеля и при злощастных от того последствиях? Спасти жизнь, честь, невинность и нравы их почитаю Я непременным долгом и потом полагаю необходимым удалить их из Москвы, оставляя в Воспитательном доме только малолетних и грудных детей. Мальчики свыше 12 лет могут выступить пешком к Коломне или Владимиру, но для воспитанниц потребны повозки до которого либо из сих городов, откуда обе части следовать могут далее водою. Обращаясь в сем случае к вам с полною доверенностию, Я прошу вас выслушать объяснения Главного Надзирателя Тутолмина и того из Почетных Опекунов, находящихся еще в Москве, которому предоставлено будет с вами о том поговорить, руководствовать вашими советами в отношении к отправлению помянутых питомцев для спасения их от нещастий, которые, Я твердо надеюсь, всесильною десницею Всевышнего отвратятся. Но, тем не менее, для предосторожности возможными представить себе должно, и подать им всякое зависящее от вас пособие и облегчение. Сделайте Мне удовольствие и сообщите Мне ваше о том суждение и меры, которые приняты будут, чего с нетерпением ожидая, препоручаю вашей благосклонности в сих трудных обстоятельствах Воспитательный дом, с остающимися в его ведомстве питомцами и всеми его принадлежностями. Прошу вас обратить внимание на отношения к вам Главного Надзирателя и пользуюсь сим случаем, чтобы изъявить вам особливое уважение и доброжелательство, с каковыми пребываю вам благосклонною.

Мария

В Таврическом дворце[4]

Письмо И. А. Тутолмина секретарю императрицы Марии Федоровны действительному статскому советнику Г. И. Вилламову. 22 августа 1812 г.

Милостивый Государь
Григорий Иванович!

По сделанному Опекунским Советом журналу вчерашнего дня, при сопровождении своем господин Почетный Опекун Александр Михайлович Лунин с канцеляриею Совета, казною и ломбардом, а Николай Иванович Баранов с Институтами отправились в путь[5]. Я же с Экспедициею своею, всеми воспитанниками обоего пола и принадлежащими к ним приставниками и служителями остаюсь в Доме. Также вверены Моему управлению оставшиеся дома после Училищ Екатерининского и Александровского оба Вдовьи и Инвалидный Шереметевой. В том же журнале предписано мне взрослых воспитанников, кои пожелают, определять в военную службу, каковых 16 человек из ремесленных, и представил я лично господину Главнокомандующему Московскою военною силою Графу Ираклию Ивановичу Моркову, прося его принять их унтер-офицерами, которые и приняты Его Сиятельством сими чинами, а при отправлении их снабдены мною письменными свидетельствами и награждением по 25 руб. каждому. О чем и прошу Вашего Превосходительства при удобном случае донести Ея Императорскому Величеству.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть,
Милостивый Государь, Вашего превосходительства
Всепокорнейший слуга
Иван Тутолмин

Москва

Копия всеподданнейшего донесения И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

Удостоясь получить Высочайший Вашего Императорского Величества рескрипт от 19 числа сего месяца, имею щастие на оный всеподданнейше донести.

Сего августа 15-го числа Опекунский Совет, в чрезвычайном своем собрании выслушав Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление, данное на имя Почетного Опекуна Александра Михайловича Лунина, журналом положил, чтоб Казну, ломбардные вещи и все нужные канцелярии Совета и бухгалтерские дела и книги со всеми чиновниками и служителями, при них находящимися, отправить в Казань. Вследствие чего, по приведении оных дел, Казны и Ломбарда в надлежащий порядок, все они со всеми возможными предосторожностями уложены в сундуки и ящики и обшиты циновками, а 21-го числа августа в 4 часа поутру в сопровождении Почетного Опекуна Александра Михайловича Лунина, Директоров, Обер-Секретаря и прочих чиновников, отправлены в путь с тем, чтоб до Коломны везти их сухим путем, а оттуда уже водою. Для охранения же всего вышеописанного взят от коменданта конвой, состоящих из 50 рядовых, 4-х унтер- и 2-х обер-офицеров.

Того же 21-го числа в 6 часов утра отправились в путь и оба Института — Екатерининский в каретах, а Александровский в повозках, в сопровождении Почетного Опекуна Николая Ивановича Баранова, начальниц, классных дам и прочих чиновников и служителей с находившихся при оных домах стражею из инвалидов; а сверх того Почетный Опекун Баранов взял из дома штаб-лекаря Фишера двух объезжих надзирателей и двух сержантов.

А поелику, на основании Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, должен я остаться здесь, то Опекунский Совет, дав мне для руководствования моего с означенного журнала своего копию, и снабдив на 2 месяца суммою на содержание всех заведений 119 165 р., препоручил моему попечению, кроме Воспитательного Дома, оба дома, оставшиеся после Институтов, два Вдовьи и Инвалидный госпожи Шереметевой. Все сии дома взяты мною под присмотр мой, я поелику за отправлением с институтами и находившихся при них караульных, нужно было для охранения сих домов найти стражу, то нанял я к каждому из оных по 3 человека надежных и верных людей, и в содержании караула устроил надлежащий между ими порядок.

Касательно церквей Преосвященный Августин, Викарий Московский[6] в церквах обоих Институтов и Вдовьего Дома богослужение до времени отменил, священников же с причтом до помещения их в другие, или по времени в те же самые церкви, оставил заштатными, коим по положению Совета и буду я производить до времени помещения оных определенное жалованье, выключая получаемого ими за учебные предметы. Драгоценнейшие вещи, в сих церквах находящиеся, перевезены мною в церковь Воспитательного дома, равно как и образа в дорогих окладах отправлены мною с ломбардом.

Вдовы, коих осталось числом девять, и при них одна сирота, переведены мною в Воспитательный дом, в приносное при крестовой кормиличное отделение, где они и помещены без всякой нужды, а при том и ближе к моему надзору, пища производится им с детской кухни, и они ею весьма довольны. Кормилиц же с детьми из сего отделения я перевел в Квадрат в кормиличные отделения, так как прием детей ныне прекращен; на случай же поступление из родилен новорожденных и подкидышей оставлен кабинет, находящийся при крестовой.

Из числа домов, поступивших в мое ведомство, прежде бывший Вдовий дом Болкашина, состоящий в Лефортовской части близ военного госпиталя[7], по отношению г. Главнокомандующего в Москве Графа Федора Васильевича Ростопчина, осмелился я, без всеподданнейшего донесения Вашему Императорскому Величе-

ству, отдать для помещения раненых, единственно потому, что нужда в помещении оных не терпела никакого отлагательства, а так как подобные сему же экстренные требования г. Главнокомандующего могут случиться и впредь, то могу я оные исполнять, всеподданнейше прошу Высочайшего Вашего Императорского Величества разрешения.

Опекунский Совет тем же журналом положил, что если из взрослых воспитанников найдутся такие, которые пожелают в военную службу, то чтоб я таковых по желанию их определял. Вследствие чего 17 человек, объявивших желание быть определены в Московское военное ополчение, в числе коих 16 из домашних ремесленных воспитанников и 1 из Аптеки, отвезены самим мною к Графу Ираклию Ивановичу Моркову и по просьбе моей определены унтер-офицерами, при отправлении же их снабдены они мною письменными свидетельствами и награждением по 25 р. каждому.

Прочие воспитанники и воспитанницы, как классические, так и ремесленные, занимаются обыкновенными своими упражнениями, как и прежде, при неослабном моем старании о неупущении успехов всех их, и в особенности классических детей; в деревнях, в городе у родителей и в Богадельне питомцы обоего пола находятся равномерно под надлежащим присмотром.

Человеколюбие Вашего Императорского Величества нередко огорчалось значительным числом младенцев, умирающих у нас в доме, а поелику главнейшая оному причина состоит в недостатке кормилиц, то я, по долгу служения моего, усугубил все средства к отысканию оных, как в городе так равно и в деревнях; вследствие чего объезжие надзиратели, бывая почти безвыездно в деревнях, прилагают всевозможное старание к приглашению в Дом кормилиц и к осмотру находящихся у воспитателей детей. Хотя многие из воспитателей по деревням взятых ими младенцев приносят обратно в Дом, но я увещеваниями своими сколько возможно стараюсь возбуждать в сердцах их чувство сожаления к сим нещастным и чрез то, хотя и с большим трудом, убеждаю продолжать у себя их воспитывать.

Со времени повеления Вашего Императорского Величества о прекращении приема в Воспитательный дом детей, остаются подкидыши в оный дом, а сего числа таковой прислан и от полиции, коих я и решился принимать в дом по сущей невозможности отыскать их родителей. Что же касается до приносимых в самый Дом, то, отказывая в приеме оных, с кротостью увещевая приносящих об исполнении долга природы, представляя им, что недостаток кормилиц есть главная причина, по которой грудные дети в Дом приняты быть не могут.

Чувствуя во всей мере долг мой пещись о благосостоянии вверенного мне дома и всех его заведений и о сохранении казенного интереса, буду я употреблять отпущенную мне Опекунским Советом сумму не иначе, как с крайней экономией, приложив все мое старание, буде по нынешним смутным обстоятельствам случилось что-нибудь необычайное, сохранить оную всеми возможными средствами. Главнейшее же попечение мое будет в отыскании удобнейших средств к спокойствию и сохранению надлежащего порядка в Доме, со всеми его детьми, воспитанными благотворною рукою и беспримерным милосердием Августейшей и чадолюбивой их Матери. В нужных случаях я не премину относиться Высочайшим именем Вашего Императорского Величества к здешнему Главнокомандующему, к которому, по отбытии Совета, не преминул я явиться для испрошения себе, как начальнику всех заведений Вашего Императорского Величества, нужного покровительства, и который обещал мне во всех случаях оказывать всевозможное свое вспоможение.

Служащих при Доме, под командою моею состоящих, за отличное усердие их обнадежил я Монаршими милостями, и все они, зная долг свой и чувствуя верноподданническую преданность к Государю своему и чадолюбивой Покровительнице их, горят усердием и рвением к службе. Что касается до меня собственно, Я почитаю священнейшею и самою приятнейшею обязанностию выполнять волю Вашего Императорского Величества, и оказывать во всех случаях преданность и истинное усердие к Августейшему престолу и Отечеству моему. Без воли Вашего Величества я никогда сам по себе не оставлю сего человеколюбивого заведения: жертвуя ему собою, услаждаюсь единым утешением, что оправдаю доверие чадолюбивейшей Монархини, которая сама ничего собственно не щадила для спасения и спокойствия страждущих и бескровных сирот.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества

Всеподданнейший
Иван Тутолмин

Августа 26-го дня 1812 года

Рескрипт императрицы Марии Федоровны Ю. А. Нелединскому-Мелецкому

Юрий Александрович! Я отдаю полную справедливость деятельному усердию, оказанным в исполнении Моим предначертаниям. Я не могла, однако, не заметить действия некоторой торопливости, отчего произошли два положения касательно отправления институтов, которых Я не только бы не утвердила, если бы могли прежде дойти до Моего сведения, но одно из них непременно желаю поправить. Я совершенно вам признаюсь, что Я не знаю, как Совет мог на сии две статьи решиться, как вы на то согласились: как вы могли, во-первых, допустить, чтоб благородных девиц отправить на телегах? Уже довольно мне прискорбно, есть ли необходимость заставила возить на телегах воспитанниц Александровского училища, которые из нижних офицерских, мещанских и подобного состояния детей, а дочерей лучшего дворянства на телегах, — не могу себе представить без

огорчения и, прямо сказать, стыда и даже слез. Неужели в обширной, изобильной всем Москве не можно было, есть ли не ссудою, то наймом достать потребного числа карет? Или совет, мог ли остановиться незначащим на то расходом? Для исправления сего Я предписала Николаю Ивановичу Баранову нанять кареты, где только на пути найдет тому возможность. Как, во-вторых, вы, яко попечитель о просвещении сих девиц, изволили отправить их без учителей, даже без духовника и инспектора классов. Я просила министра просвещения, чтоб позволил инспектору классов Цветаеву, по ведомству его от Московского университета, дать отпуск для следования за институтами в Казань. Вашему же попечению представляю так же достойного нашего священника Екатерининского училища, с согласия Московского Викария, епископа Августина, а также и лучших учителей, т. е. особенно таких, каких нет возможности найти в Казани. Пребываю к вам, впрочем, всегда благосклонною.

Мария

В Таврическом Дворце. Августа 26-го дня 1812 года

Всеподданнейшее донесение И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне

Сего августа 26-го числа в ночи я имел щастие по эстафету получить Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление от 22-го того месяца, касающееся отправления из Москвы взрослых обоего пола воспитанников, с приложением при оном Высочайших рескриптов — четырех на имена Почетных Опекунов и одного на имя Главнокомандующего Графа Федора Васильевича Ростопчина, которые рескрипты я немедленно вручил Почетным Опекунам, находящимся в Москве, — Юрию Александровичу Нелединскому-Мелецкому, Князю Сергею Михайловичу Голицыну и Александру Петровичу Нечаеву, предложив им съехаться для Совета в Воспитательный дом. А как Алексей Ильич Муханов, по своим надобностям на время выехал во Владимир, то Высочайший рескрипт, следующий ему, я оставил у себя до возвращения его в Москву. А на другой день, 27-го числа, гг. Почетные Опекуны, съехавшись вместе и поговоря между собою, положили ехать к Главнокомандующему, к которому и ездили Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий и Князь Сергей Михайлович Голицын вместе со мною, для объяснения по предмету Высочайше данных им повелений, и он, Главнокомандующий, беспрекословно положил из Москвы отправить детей. Тогда, по совету Юрия Александровича, вручил я Высочайший Вашего Императорского Величества рескрипт Графу Федору Васильевичу Ростопчину, по прочтении коего он отозвался нам, чтобы я на другой день приехал для решительного ответа. В тот день поутру, быв у него, получил я в ответ, чтобы приготовлять к отправлению и просимые мною подводы, также для сохранения и способствования в дороге воинскую команду, 12 рядовых с одним унтер-офицером, доставить.

Того же 28-го числа гг. Почетные Опекуны, съехавшись в Воспитательный дом, имели чрезвычайное собрание, в котором, рассуждая, журналом положили — всех воспитанников свыше 12 лет, а воспитанниц свыше 11 лет немедленно отправить в Казань, через Владимир и Нижний Новгород сухим путем, поелику, по наступлении холодного осеннего времени, на воде здоровье детей, а особливо малолетних, может быть подвержено большой опасности.

С воспитанниками обоего пола отправляются главная надзирательница Шредер, инспектор Гусев, с их находящимися приставниками, приставницами и служителями, также и некоторыми учителями. Отправление сие я как можно поспешнее стараюсь изготовить, и все нужные приготовления и распоряжения с моей стороны уже сделаны, а через день, то есть 31 августа, если не будет остановки в подводах, я буду иметь щастие Вашему Императорскому Величеству обо всем донести подробно и с приложенных именных списков об отправленных в путь.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
всеподданнейший
Иван Тутолмин

Августа 29-го дня 1812 года

Всеподданнейшее донесение И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

Господин Главнокомандующий в Москве Граф Федор Васильевич Ростопчин отнесся ко мне, что крайняя необходимость, не терпящая отлагательства времени, заставляет его просить для помещения раненых двух домов, оставшихся после Екатерининского и Александровского институтов, также и третьего — Вдовьего, в коем прежде помещалось Александровское училище. Вследствие чего, по предстоящей ныне крайней необходимости в помещении раненых, в большом числе привозимых из Армии, я осмелился отдать оные дома, по предписанию Главнокомандующего, в распоряжение генерал-кригскомиссара Татищева[8], оставя при оных своей наемный караул для охранения оставшихся в них казенных вещей.

О чем Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
Всеподданнейший
Иван Тутолмин

Августа 31-го дня 1812 года

Всеподданнейшее донесение И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

Сего августа 31-го числа в 11 часов утра на 200 подводах отправлены мною из Москвы на основании Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления воспитанники обоего пола, о коих, как равно приставниках и служителях, имею щастие Вашему Императорскому Величеству при сем представить именные списки.

В числе воспитанников обоего пола, как Ваше Величество усмотреть изволите из списков, отправлены и моложе предписанных лет девочки, потому что ростом велики или из классических, а мальчики одни только классические, ибо я классических, как воспитанниц, так и воспитанников всех отправил из Москвы, поелику они получили уже в классах образование, а мальчики, приготовляемые к классическому учению под надзором учителя латинских разговоров Павлова, к нему весьма привыкли и получили в начальном учении успехи, да и впредь подают большую надежду к дальнейшим успехам. А если бы их отлучить от сего достойного наставника, то они большую бы получили потерю, который при способности своей имеет отличное старание по своей должности. В Доме остались взрослые обоего пола воспитанники, которые слабы здоровьем и одержимы болезнями и которые, по свидетельству доктора, никак не могут ехать; отправленные же дети все им, Саблером[9], осмотрены, и на дорогу отпущены ему нужные медикаменты с принадлежащими вещами к Аптеке.

Когда же все уже к отправлению было приготовлено, в то время Московский университет при сообщении прислал ко мне наших воспитанников, 2-х С.-Петербургского дома и 7-х Московского дома, с тем, чтобы я их принял, уведомляя, что Университет, выезжая из Москвы, не имеет средств куда-либо их отправить. Почему, приняв их, я нашел полезным отправить их вместе с воспитанниками, дабы не оставить их праздными и не лишиться людей, получивших уже довольные познания в науках.

С сим отправлением для надлежайшего и безопаснейшего сохранения, послана мною также церковная серебряная утварь, перевезенная прежде в Воспитательный дом из церквей обеих Институтов и Вдовьего дома.

Отправление сие я на два дни снабдил домашним хлебом и провизиею, какою только можно было.

По отправлении их, оставшиеся в Доме при самых смутных и опасных обстоятельствах с маленькими грудными и больными детьми, я буду по должности моей так поступать, чтобы сие угодно было человеколюбивому сердцу Вашего Императорского Величества.

Всемилостивейшая Государыня

Вашего Императорского Величества

Всеподданнейший

Иван Тутолмин

Августа 31-го дня 1812 года

Всеподданнейшее донесение И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление от 26 августа касательно непозволения помещать в военную службу не достигших совершеннолетия воспитанников с приложением рескриптов на имена почетных опекунов Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого и Александра Петровича Нечаева я имел щастие с курьером получить и по бытности их, гг. опекунов, в Москве вручил им оные Высочайшие рескрипты. А сего числа по извещению их, гг. почетных опекунов, что они из Москвы отбыли. Вследствие же вышеписанного Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления осмеливаюсь всеподданнейше донести, что Опекунский Совет в журнале своем относительно определения в военную службу воспитанников, изобразил положение свое сими словами «взрослым воспитанникам, дабы неприятель не принудил подъяти их орудие против Отечества, заблаговременно предложить, не пожелают ли вступить в военную службу, и кои пожелают, уволить с письменными видами и с награждением по 25 р. каждому». Сверх сего письменного положения Почетные Опекуны словесно говорили мне, чтобы я не только всем взрослым ремесленным воспитанникам сделал таковое предложение, но даже и классическим, разумея тут не одних сверхкомплектных, но всех тех, кои находятся в таких летах, что могут уже нести военную службу. Я, однако, удержался сделать предложение таковое классическим воспитанникам; из ремесленных же, на основании положения Совета, поступило в военную службу 17 человек, как Ваше величество соизволили видеть из ежедневных ведомостей. Воспитанников сих убедительнейшее просили у меня шефы вновь формирующих полков, которых Почетные Опекуны об них предваряли, но как я, по долгу моему, обязан пещись, чтобы участь воспитанников не была стеснена ни в каком случае, и потому за лучшее рассудил поместить их во временное ополчение, где они будут вместе и могу более иметь о них сведения, которых и представил лично, при именном списке, графу Ираклию Ивановичу Моркову, и он, по просьбе моей, принял их унтерофицерами. После того из домашних воспитанников ни одного не поступило в военную службу, да и впредь я приму сие Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление за священнейшую обязанность выполнять во всей точности.

Всемилостивейшая Государыня

Вашего Императорского Величества

Всеподданнейший

Иван Тутолмин

Августа 31-го дня 1812 года

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину 2 сентября 1812 г.

Иван Акинфиевич! Из донесения вашего от 26 августа я с истинным удовольствием усмотрела благоразумные ваши распоряжения в исполнении журнала Опекунского Совета 15 августа, состоявшегося на основании предварительного Моего повеления к Александру Михайловичу Лунину от 9-го того ж месяца, с изъявлением особливого вашего усердия, и благодарю вас за обстоятельное ваше обо всем происходившем донесение. Я совершенно одобряю наем людей для охранения домов после отправления заведений, в пустоте оставшихся, распоряжения ваши в рассуждении драгоценных вещей, церквам принадлежащих, и учреждение пребывания и продовольствия 9-ти вдов, по упразднении Вдовьего дома оставшихся. Все сие доказывает ревностное попечение ваше о делах, вам вверенных, и о полезнейшем оных устроении. Что касается до бывшего дома Болкашина или старого Вдовьего, вы весьма хорошо сделали, решившись немедленно отдать оный для помещения раненых, и Я тем более похваляю таковую решимость вашу в обстоятельствах, времени не терпящих, как Я сама желаю содействовать к облегчению в размещении и пользовании раненых. Вследствие сего Я позволяю вам: 1-е, отдать на сие употребление дом от Александровского училища, в собственность Воспитательного дома поступивший для помещения вдов, и предоставить сей дом в полное распоряжение Главнокомандующего и 2-е, в доме, назначенном для инвалидного заведения г. Шереметевой, остающемся без употребления, учредить особый лазарет для раненых штаб- и обер-офицеров, наподобие отделения, учрежденного при здешней больнице для бедных. Постели, платье и белье с прочим, заготовленные для Инвалидного заведения, послужат для сего временного лазарета, а деньги, потребные на прочее содержание оного. Вы заимствовать можете из суммы, оставленной вам на другие расходы, ведя сим издержкам особливый щет, дабы поставить оные впредь на щет процентов с капитала г. Шереметевой. По поднесенному мне от Александра Михайловича щету сего капитала, простирающегося до 343 780 р. 95 к., проценты с него составляют 17 189 р. 4 к., из них в год издерживается на пансионеров и пансионерок в разных местах 7 818 р. 43 к., затем остается процентов 9 370 р. 60 к., которые могут быть обращены на тот временный лазарет. В дополнение оных вы получать будете во все время существования сего лазарета из Моей казны по 1 000 р., да любезнейшие Сыновья Мои, Великие Князья Николай Павлович[10] и Михаил Павлович[11] назначили на сей же предмет каждый по 1 000 р.

Я на случай крайней необходимости предполагаю принимать раненых и в больнице для бедных, но о расходах на оный лазарет вы ежемесячно подносите мне ведомости и Александра Михайловича Лунина уведомляйте, сколько из сих расходов причитаться будет процентов с капитала Шереметевой, дабы при первом удобном случае мог он из сих процентов дополнить оставленную вам на другие предметы сумму. Кроме сих пособий, в помещении и пользовании раненых, мы никаких других делать не можем, ибо хотя домы Училищ, ордена Св. Екатерины и Александровского теперь пусты, не зная времени, может быть, близкого, когда благословением Всевышнего сии Институты возвратиться могут, никак нельзя нам занять домы их больными, коих перемещение произвело бы тогда немалое затруднение, да и весьма бы опасаться должно вредных последствий для здоровья воспитанниц.

В рассуждении отдачи воспитанников в военную службу получили вы уже Мое повеление, к которому ничего дополнить не имею, а весьма довольна, что, по крайней мере, в военную службу не поступил никто из классических воспитанников. Доставление в дом кормилиц не могу Я довольно рекомендовать усерднейшему вашему попечению, и Я полагаюсь совершенно на ваше рвение и попечение, отдавая, впрочем, совершенную справедливость и достойную похвалу старанию вашему в увещевании воспитателей оставлять при себе питомцев наших и матерей исполнять долг природы противу детей своих. Встречающиеся подкидыши всеконечно должны быть приняты в Дом и призрены, и вы в том поступаете совершенно по моим мыслям. Препоручая, впрочем, все сие вашей ревностной заботливости и попечению, Я ожидаю дальнейших ваших донесений, и пребываю с совершенным доброжелательством вам всегда благосклонною.

Мария

Сентября 2-го дня 1812 года

Я уверена и полагаюсь на ваше усердие для пользования раненых офицеров в предполагаемом временном лазарете. Желаю Я, чтобы приглашен был г. оператор Гильтебрандт[12]*, которому прошу вас сказать, что он принятием на себя сего поручения сделает Мне особливое удовольствие. Вообще рекомендую вам в особенности содержание сих офицеров, дабы оно было как*

Обер-офицер лейб-гвардии Уланского полка. Художник Краузе. 1810-е гг.

можно лучше, соображаясь, однако, со здешним положением и принятыми правилами, в чем полагаюсь на ваше старание.

Мария

Всеподданнейшее донесение И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

По выходе из Москвы Французских войск, спешу донести Вашему Императорскому Величеству. 7-го числа сего месяца император Наполеон выехал из Москвы к Главной армии своей, которая потянулась к Калужской стороне, а обозы отправились по Смоленской дороге. В Москве же оставался маршал герцог Тревизский с малым числом войск, которое с 9-го числа начало перебираться в Кремль, где прежде того производимы были злодейственные приготовления для взорвания на воздух находящихся в Кремле зданий. 10-го числа, по наступлении ночи, в Воспитательном доме снят Французский караул, и все Французские войска вышли из Кремля и оставили город. В 11 часов загорелся Кремлевский дворец, а во 2-м часу ночи первый сделался жестокий удар, подорвавший и разрушивший Арсенал, каковых было пять ударов, которыми разрушены пристройки к Ивановской колокольне и часть Кремлевской стены. Соборы же Промыслом Божиим остались целы, но самым хищным способом разграблены. Еще гораздо ужаснейших происшествий надлежало ожидать, если бы не было дождя, который во всю ночь сильно шел. От ударов сих в Воспитательном доме было чувствительное потрясение, и хотя предварительно открыты были окна, однако во многих местах разбились стекла, выбились рамы и двери, и обвалилась штукатурка. Дети не были сильно встревожены, потому что я заблаговременно о сем предупредил, как их, так и служащих и все мы по совершении ужасов остались живы.

Половина Квадрата и все окружное строение заняты оставленными французскими ранеными и больными, числом до 1500 человек с одним при них комиссаром, которых, как равно и других оставшихся московских французской нации обоего пола жителей, Французское правительство поручило моему попечению, и некоторых прислало для помещения в Доме, прося взаимно моего покровительства, так как оно, со своей стороны, Воспитательному дому оказало нужное пособие. Но для сих больных не оставлено ни пищи, ни лекарств, и никаких других потребностей, и оные помещения в большой нечистоте и беспорядке.

11-го числа в 2 часа пополудни вступили в Москву казачьи войска под начальством Генерал-Майора Иловайского 4-го, а ввечеру вошел Гусарский полк с Генерал-Майором Бенкендорфом, который по вступлении своем тотчас прислал ко мне своего Адъютанта спросить, не имею ли я нужды в его пособиях, и, по просьбе моей, получил от него для охранения дома 20 гусаров с одним офицером, а на другой день Генерал-Майор Бенкендорф приезжал ко мне и предложил свою готовность делать мне способствование, в чем только он может.

Что же касается до прочих заведений Вашего Императорского Величества, из коих Институтские дома и Вдовий Лефортовский пожаром не повреждены, но расхищены и в большой нечистоте, ибо в оных прежде большое число лежало Российских раненых, а по вступлении Французской армии заняты были их больными и ранеными. Больница бедных сохранена неусыпным усердием главного лекаря Оппеля. Вдовий же Кудринский дом сгорел со всеми казенными вещами, как равно и Аптека Воспитательного дома со всеми медикаментами и посудой сгорела. Инвалидного же дома корпус поврежден пожаром с одного угла, а конюшня сгорела и совсем разграблена. Скотный двор совсем разграблен, а строение его не успел осмотреть по причине многочисленности в доме Французских раненых и больных, опасаясь от оных пожара, потому из дома, а также и за неимением лошадей, никуда не отлучаюсь.

Воспитательный дом, хотя теперь стал покойнее, но как в бытность Французских войск, так и ныне я имею для оного крайнее затруднение в доставлении хлеба и всех съестных припасов.

О самовольной отлучке священников от церкви Воспитательного дома доносил я Вашему Императорскому Величеству, в отсутствие коих отправляли Божественное служение и все требы по дому два священника соседних церквей, погоревшие и прибегнувшие под защиту мою, которые отправляли церковное служение без помешательства, и Церковь сохранена и во всем ее виде. Когда же явятся домашние Священники, то о принятии их, как угодно повелеть Вашему Императорскому Величеству.

При всех ужасных обстоятельствах, прошедших, я с нещастными детьми и при них служащими, вверенными Вашим Императорским Величеством попечению моему, благоговея с чистейшими чувствами верноподданнической преданности к Особе Вашего Императорского Величества, ныне утешаюсь, что Ваше Императорское Величество возобновите о нас Материнское Ваше попечение.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского величества
Всеподданнейший
Иван Тутолмин

Октября 12-го дня 1812 года

Всеподданнейший доклад И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне 14 октября 1812 г.

Всемилостивейшая Государыня!

Вserадостнейший день рождения Вашего Императорского Величества собравшись со всеми воспитанниками обоего пола и служащими в домовую церковь,

единый храм Божий, сохраненный по неизреченному Его милосердию от расхищения и поругания врага, приносили в нем Всевышнему Богу, источнику всех благ, теплейшие моления и благодарения о сохранении драгоценного здравия Вашего, Милосердная Матерь! Об избавлении столицы к сему всерадостному дню от врага и о спасении сего Богоугодного заведения, среди развалин города от предстоявшей ему гибели. Сие моление наше разделял с нами и Генерал-Майор Бенкендорф, с штаб- и обер-офицерами прибывший в нашу церковь. Божественную литургию и молебствие свершал разоренного Симоновского монастыря Архимандрит Герасим, поелику нашей церкви священники еще не явились к своей должности.

Принося Вашему Императорскому Величеству с чистейшими чувствованиями верноподданнической преданности мое поздравление, всеподданнейше доношу, что ныне занимаюсь, по должности моей, устройством порядка в Доме, доставлением разным образом хлеба для продовольствия детей и всех служащих, также для раненых и больных Французских солдат, оставленных на мое попечение. При том осматриваю все прочие заведения Вашего Императорского Величества и составляю ведомость о расхищенных в домах вещах, по окончании чего буду иметь щастие обо всем подробнейше донести Вашему Императорскому Величеству.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
Всеподданнейший
Иван Тутолмин

Октября 14-го дня 1812 года

Всеподданнейшее донесение главного лекаря больницы для бедных в Москве Х. Оппеля императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

Уведомлен будучи от Главного Надзирателя Воспитательного дома Ивана Акинфиевича Тутолмина, что, по благополучном вступлении в Москву Российских войск, есть возможность доставить Вашему Императорскому Величеству донесение о Больнице бедных, Высочайше мне вверенной, принял я смелость Вашему Величеству всеподданнейше сим изобразить положение оного заведения. По Высочайшему Вашего Императорского Величества начертанию Больница бедных действие свое могла продолжать только до 4-го числа сентября, ибо с сего времени начали уже поступать в оную разные из французских войск больные, число коих ежедневно умножалось до того, что, наконец, оставшиеся бедные больные мужского пола 57, женского 75 — всего 132 человека, Французским правительством отправлены в Екатерининскую больницу, оставя их там без всякого пропитания и призрения, почему все, кои только могли, вышли мало помалу из оной, и что с ними потом случилось, мне неизвестно. После чего Больница бедных, яко организованное и всеми чинами снабденное место, к общему прискорбию нашему, вся обращена была во Французскую военную госпиталь, пользование коих нам же предоставлено было и всякий из служащих оставался на своем месте, выключая доктора Бема[13], который до вступления еще Французских войск в Москву, по необходимой своей нужде, отправился из оной, и консультанта Гильтебрандта, который с прочими чиновниками Императорского Университета выехал. Хотя, благодарение Богу, заведение оное общим нашим старанием и неусыпным бдением осталось в целости, но при всем том от потери некоторого количества казенного имущества избежать было невозможно.

Бесчисленному в то время стечению народа в больнице дал я в ограде оной убежище от пожара, грабежа и насилия, спасения искавшего, хотя не без страха, который я тем более ощутить мог, когда среди пламени искал способ найти французами охранительную для больницы стражу, в чем мне и удалось успеть. Оставлен будучи и при обращении больницы нашей в военную французскую госпиталь главноуправляющим по медико-хирургической части, я до определения французского госпитального директора весьма много претерпел досады и ропота от французских больных, ничем в свете не довольных и только к разрушению доброго порядка стремящихся. Хотя для избежания вреда и опасности я и многие из чиновников жертвовали своею собственностию, когда малый наш казенный запас весь был истрачен, и мы, сложась вместе, способствовали сверх того к содержанию охранительного караула, из 8 и 10 человек состоящего, чем мы пришли в крайнюю скудость, не будучи запасены и не имея что-либо в виду достать. Французский директор после сего отменил и определил только для больных весьма посредственную пищу, а потом, по общему в том недостатку, уменьшил выдачу хлеба до того, что едва только жизнь поддержать больных было возможно; нашим же высшим и нижним чинам выдавал малое количество печеного хлеба, и то на одно только лицо каждого служащего, и понемногу испорченной говядины. Все это, однако ж, всеми получаемо было, по одной только невозможности достать что-либо съестное.

Утомлен трудами и снедаем печалью, каждый добросовестный служащий уповал только на Бога, не предвидя себе спасения, а имея везде пред глазами только буйство и следы грубого безначалия. Казенные лошади были уведены драгунами италианскими[14] с телегами и сбруею, вопреки приказания французского коменданта — больницу бедных, яко военную их гошпиталь, иметь в уважении и неприкосновенности, и, невзирая также на охранительные билеты и бумаги, делали всякого рода насилия. Благоустройство и чистота больницы, и главными французскими медиками и хирургами выхваляемые, к горести нашей, совсем были испро-

вергнуты. От множества больных, многих в коридоре валявшихся и изнурительными поносами одержимых, от их неопрятности и самовольства, воздух сделался испорченным и заразительным, отчего, кроме других, штаб-лекарь Рожалин[15] и лекарь Стрелецкий сильно занемогли и теперь еще не выздоровели. Помогать же больным должным образом, по причине совершенного недостатка в пище и лекарствах, нечем было, ибо Французское правительство оными нас не снабдило.

С 4-го числа октября начали они больных своих, вероятно по причине приближения казаков, выводить в Воспитательный дом, а 6-го занимались этим чрез всю ночь, покинув у нас до 40 человек, из числа коих теперь еще в больнице находятся 35. По выводе больных наша опасность и страх тем более еще увеличились, что остались без военной защиты, в поле, почему многие из больницы начали, было, уходить, надеясь на собственный караул наш, ибо везде видимы были только пьяные и самовольные люди, и вокруг беспрерывная стрельба. Поутру 8-го числа увидели мы, благодаря Всевышнего, первого казака, через больницу проскакавшего, но французский пехотный отряд, нечаянно появившийся, начал по нему стрелять. Казак ускакал, но, к общему сожалению, штаб-лекарь Деветт, идя в больницу в то самое время, был подстрелен от них сквозь оба бедра пулею навылет и повержен на землю. В это время и другие из чиновников на дворе были, и старались от страха кой-куда укрыться; раны, однако же, больного не совсем опасны, и надежда на выздоровление предвидится. Робость и недоумение тогда обуяло души всех и каждого доброго и трезвого, и единое только мое присутствие остановить могло разрыва домашнего нашего состава. Кратко сказать: дни ужаса, смятения и отчаяния во все время, как от пламени, всю почти Москву в глазах наших пожиравшего, так и от прочих тьмочисленных, словом, неизобразимых бедствий, остаются в душах наших вечно неизгладимы.

9-го числа казаки, приехавшие в больницу, начали обирать французских больных, и когда начали просить их о снисхождении к больным, то они мне и прочим не только пиками и саблями угрожали, но и взяли меня с собою; за мною последовал смотритель больницы. Привели нас в пикет к майору Победнову, который, узнав обо всем и видя из Высочайшего повеления, по коему тут мы остались, превежливо с нами поступил и, приказав нас с конвоем без вреда и обиды препроводить обратно, советовал нам, однако, выехать немедля из города, поелику защитить нас и заведение он теперь еще не в силах. Такой совет, по мнению общему, стоил всякого уважения, и я уже не отваживался более останавливать кого-либо хотящего спастись выездом. Посему все наши чины, истратив все, что кто имел, к тому устремились, к чему наипаче впоследствии принудил слышимый и видимый в ночи с 10-го на 11-е число страшный и необыкновенный треск и гул с огненными и дымящимися столбами в стороне Кремля города. После чего я словесно и письменно советовался с Главным Надзирателем Иваном Акинфиевичем Тутолминым, который полагал, что как, по-видимому, наша опасность минется, лучше оставаться на своих местах, впрочем, предоставляя на мою и прочих волю желающих выехать вместе. Но как он при том меня уведомил, что Генерал-Майор Бенкендорф с Гусарским полком уже в Москве, в должность Коменданта уже вступил и Воспитательному дому дал уже караул, то на место горести и отчаяния нашего наступила общая радость. Мы все остались на своих местах, и те, кои на сих днях явились и являются. Потом сам я был у г. коменданта, который со своей стороны всевозможное пособие для сего заведения мне обещал. Хотя у нас ни медикаментов, ни припасов никаких нет, но при всем том, колико можно, учредил я опять перевязку российских раненых, в Александровском Институте оставшихся. Что же впредь случиться может, не премину о том донести, равно и о трудах, достоинстве и поведении всех и каждого в свое время, по Высочайшему востребованию, буду иметь щастие доставить подробное донесение.

Повергшая себя к священным стопам Вашего Императорского Величества, всеподданнейше осмеливаюсь только просить о Всемилостивейшем отпуске некоторых чиновников для отыскания их семейств, от бедствий и ужасов из Москвы ушедших, так и ради необходимых их нужд.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
Всеподданнейший
Христофор Оппель

Москва
октября 15 дня 1812 года

Дополнение к донесению Х. Оппеля

Французское правительство, видя Больницу бедных благоустроенною, особенно для 4-го корпуса[16], и потому крайне напрягалось, колико только можно было положить больных в оную; против чего я всеми силами противостоял, представляя ему от того вред, как собственно для самых больных, так и для врачей и всех в доме живущих, то комиссары их для умножения более мести, проговаривали занять для сего даже и наши квартиры, что крайне нас опечалило. Но Граф Дюма, Генерал-интендант Французской армии, быв у нас и крайне будучи доволен, видно, к сему не допустил, ибо более о сем не только не было речи, но даже приказано было впредь в коридорах больных не класть, а только на убылые в палатах места принимать больных, что, однако ж, не было строго исполняемо. При всем том, не удовлетворяясь числом наших 220 кроватей, взяли они еще из Екатерининского Института 24, разместив оные по палатам. Сверх того на полу еще положили больных, дабы более поместить можно было. Генерал Нарбонн[17]

осматривал также нашу больницу и выхваляя нас и труды наши, объявил, что он не преминет тот же вечер о нас, и о нашем о французских больных попечении донести Императору Наполеону, и что нам непременно жалованье определено будет. Но всякий из медицинских чиновников, верноподданническим усердием исполнен, помня долг чести и присяги, гнушался оным, почему я, именем всех благодаря его за это, от того отрицался, представляя, что мы по нашему месту и настоящей службе жалованье имеем, и другого ни от кого не желаем, а просим только, по невозможности чего-либо съестного достать, о нашем содержании; о защите заведения самого и безопасности лиц и собственности всех и каждого, в доме живущего, в чем он нас удостоверил.

По приближении войск российских напоминали они, что по крайней мере 4-х из медицинских наших чиновников возьмут они в Кремль, где неприятель вознамерился было учредить госпиталь и для того все ему нужное из больницы ночью на 5-е октября велел взять, но сие чрез час опять отменено, при каком случае 28 наших байковых одеял пропали, потерю сию разыскать никакой не было возможности. Если б российские войска не так сильно и поспешно их потеснили, то едва ли бы мы избежали горестной участи быть с ними в Кремле. Тогда они скороспешно отправили всех своих больных в больнице для бедных и Екатерининском институте, находившихся в Воспитательном доме. Шереметевой Странноприимный дом и Голицынская публичная больница исключительно были определены: 1-я — для гвардии, 2-я — для офицеров, из коих некоторые от нас, вначале к нам вступивших, туда отвезли. По порядку больничному ежедневно я должен был главному французской армии доктору барону Деженетту[18] посылать ведомости о числе внутренними болезнями одержимых больных. Но о раненых или вообще наружными болезнями одержимых французский генерал-хирург барон Лярет того не требовал. Страх наш в течение нашего нещастия тем более усугублялся, что французы, вокруг нас стоящие, как и везде, без разбору места раскладывали огонь и со свечами без всякой осторожности ходили по конюшням, и повсюду поступали в сем случае не только самовольно, но по-злодейски. Единое милосердное провидение нас от пожара охраняло, ибо вся бдительность наша не была бы достаточна.

Когда оба Института остались без начальства в начале и к концу нещастия, по прерванному между ими и Воспитательным домом сообщению, то, что я для пользы обоих сих заведений с моей стороны делать не мог, не упустил оставленный в Екатерининском институте 14-го класса Яков Перфильев, почему он и заслуживает полное мое одобрение. Равным образом не могу не упомянуть с особенною похвалою о московском уроженце, часовом мастере Иване Рингеле, после пожара и грабежа с женою и детьми убежавшем в Александровский институт, российскими ранеными наполненный, которых премножество мы до вступления еще французов в своей больнице с утра до ночи перевязывали, и оным операции делали, и те, кои ходить к нам не могли, были особенно мною препоручены штаб-лекарю Стропову, на то охотно готовность оказавшему, дав ему надлежащую и зависящую от меня в людях и медикаментах подмогу. Сверх того, оных раненых содержали мы, сколько нам было можно, на собственном нашем хлебе, пока со двора выходить нам было можно. В это время штаб-лекарь Стропов, видя доброе упомянутого Рингеля расположение к раненым и хорошее его свойство вообще, определил его от себя в роде смотрителя, но непослушание и неповиновение к нам и к нему и совершенный недостаток в людях и многих необходимых способах для наблюдения даже для чистоты и порядка, не допустили его и нас самих успеть по желанию и усердию нашему. Впрочем, показанный Рингель, приняв оставленный французами малый съестной припас с 5 по 20 октября месяца, продолжал раздавать больным ежедневно, по соразмерности оных, пока весь вышел. Притом сохранение некоторого церковного и казенного имущества от хищений французов и единственно его усердию приписать должно. Мраморный бюст Ея Императорского Величества Нашей Государыни перенесли мы из Александровского института в больницу бедных. Кроме сего, спасена из Екатерининского института испорченная, но прекрасной работы электрическая машина, из Александровского — несколько мебели.

Как многие сидельницы после выхода французов крайне занемогли горячками нервного и злого характера, то, хотя мы без всякой остались провизии и без медикаментов, я тем паче за нужное почел всех их, числом сего 26го октября до 10-ти, положить в одну палату, препоруча их для лечения штаб-лекарю Редингу, а провизию и нужнейшие для пользования лекарства на щет больницы покупать приказал, в полной надежде на Всемилостивейшее Его Величества на то соизволение: впрочем, расход на сей предмет значителен не будет. Сверх оных сидельниц лежат: русский офицер, при Можайске в ногу раненный и по выступлении французов к нам пришедший, не имея нигде пристанища, и русские же старых лет разночинцы, в то же время крайне больными пришедшие и никакого места не имеющие. По таковому поводу я осмелился принять их, покуда и сколько можно им пособить, и потому число находящихся в больнице состоит в 49 человек, в числе коих находятся 35 французов. На пропитание последних г. обер-полицмейстер Ивашкин, по неоднократной моей к нему посылке, на сих днях дал 25 р., коими они теперь по соразмерности содержатся. Но я не упущу как о них, так и о русских раненых стараться, чтобы переведены были в военный госпиталь, куда они принадлежат, так как из Воспитательного дома они уже туда и отправлены, ибо попечение о таковых больных есть дело военного начальства, которое, однако, против того всячески старается к нам всех положить, в чем противустоять поныне успел.

Только что успело российское войско вступить в Москву, то привоз съестных припасов и других нужнейших потребностей опять возобновился, и ежедневно, кажется, становятся некоторые вещи дешевле против первых дней. Сколько радостен и приятен был для нас таковой привоз и свобода доставать что-либо, изъяснить того невозможно.

При переводе бедных наших больных душевно огорчен будучи о неуважении неприятелем даже к бедности и заведению, для таковых только учрежденному, я на мое о том объяснение, что не знаю, как о таковом поступке думать, и в каком виде представить о сем своему Правительству, получил только расписку — у них нет ничего священного, а только пишут и говорят о том.

Московской больницы о бедных главный лекарь, коллежский советник и кавалер Христофор Оппель

17 октября 1812 г.

Копия повеления императрицы Марии Федоровны И. А. Туломину

Иван Акинфиевич! Пробыв более месяца в неизвестности и беспокойстве о жребии вашем и вверенных попечению вашему младенцев и служащих при них посреди ужасов, вас окружавших, Я благодарила из глубины души Всевышнего, увидев опять донесение от вас, удостоверяющее меня, что Промыслом Божиим вы все сохранены, хотя и претерпели немало опасности и затруднений. По получении известия о занятии Москвы нашими войсками, Я с нетерпением ожидала случая, чтобы получить от вас сведения и поспешаю изъявить вам признательность Мою за неумедление донесением, равно как и за усердие, преданность и ревностное старание ваше посреди бедствий. Отдавая в полной мере рвению вашему совершенную справедливость, Я вижу новой опыт вашего попечения в старании отвратить от питомцев действие страха и ужаса от злодейского замысла неприятеля против Кремля, о коем читала донесение ваше с душевным прискорбием. Велика также потеря Воспитательным Домом, от неистовств неприятеля понесенная, и крайне чувствительное для меня затруднение и стеснение, в котором вы находитесь в рассуждении продовольствия, равно как и от занятия Дома чрезмерным числом больных и раненых, но благодаря Всеблагому Провидению наступила возможность помышлять об исправлении расстроенного. От больных и раненых вы в непродолжительном времени освободитесь, и со стороны продовольствия Я надеюсь равномерно, что облегчитесь по восстановлению ныне сношений. Я живо представляю себе, как вы обрадовались, увидев опять наших войск и Генерал-майора Бенкендорфа, и Я уверена, что вы воспользуетесь способами, которые, до установления почт, он вам доставит для отправления ко Мне ваших донесений. Я ожидаю с нетерпением продолжения оных, дабы подробнее еще узнать о положении как Воспитательного Дома питомцев, так и других заведений, с означением, как и где все размещалось, как имели продовольствие, какие с неприятелем сношения и т. п. Я с душевным утешением узнала, что больница для бедных сбережена стараниями достойного главного лекаря, которому приказала Я объявить Мою за то признательность и вас прошу благодарить его Моим именем. Хотя Я равномерно приказала отнестись к смотрителю Павловской больницы, чтобы узнать о ее положении, но и вас прошу Меня о том уведомить. Скажите мне, где в сие нещастное время находился наш честный старик Жилярдий с сыном? Мог ли он статься в Москве или принужден был выехать? Есть ли он с вами, то прикажите ему осмотреть в подробности Вдовий Дом, что в Кудрине, и донести обстоятельно о состоянии стен, о всех от пожара повреждениях и потребных поправок; то же самое и других строений, Воспитательному Дому принадлежащих.

Что касается до священников, самовольно от церкви отлучившихся, то вы можете о сем уведомить викария Московского и, предоставляя его суждению, как с ними поступить, последовать оному. Те, которые вместо их отправляли служение и все требы по Дому, не останутся, конечно, без вознаграждения, и Я прошу вас сообщить мне ваше мнение по сему предмету. Затем, препоручая Дом и все заведения со всеми принадлежностями продолжению вашего усердного попечения, которое Я ценю в полной мере, Я ожидаю дальнейшие донесения и пребываю с подлинным доброжелательством вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге
Октября 18-го дня 1812 года

Приписано собственною Ея Императорского Величества рукою

Я Бога благодарю, узнав, что вы спасены. Много, много я об вас беспокоилась. С нетерпением ожидаю известий о детях, сколько всех налицо, сколько убыло, и скажите правду, не претерпел ли из них кто от варварства неприятеля? Есть ли Яниш у вас, то скажите ему, что Я желаю, чтоб он сделал объезд по деревням, сколько возможно, чтоб узнать о детях. Благодарите всех в Доме, кем вы довольны, и будьте уверены о всей моей признательности к вам и доброму Оппелю, пишите, сколько часто возможно и пришлите вы мне журнал о всех происшествиях, не пропускайте ни одного из обстоятельств, происходивших в Доме и вне оного и расскажите все сношения, с вами бывшие. Сохрани вас Бог!

Приписано рукою Ея Величества

Меня уверили, что мертвых хоронили на дворе Воспитательного Дома; правда ли сие? В таком случае

примите всевозможные предосторожности к отвращению худых последствий курениями, рассылкою извести и т. п.

С подлинным верно.
главный надзиратель Иван Тутолмин

Высочайшее повеление императрицы Марии Федоровны И. А.Тутолмину

Иван Акинфиевич! Я пользуюсь отправленным к г-ну генерал-адъютанту Голенищеву-Кутузову курьером, чтобы сделать вам препоручение соответственно желанию скорбящего отца, лишившегося единородного сына своего, скончавшегося от последствий ран, полученных им в сражении при селе Бородине. Член Советов Общества благородных девиц и училища Ордена Св. Екатерины генерал-лейтенант Клингер, управляющий экономическою частию сих заведений, пользующийся особливым моим доверием, уважением и благорасположением моим, имел, однако, только сына, служившего при г-не генерале от инфантерии Барклае де Толли, раненного в ногу в сражении при Бородине и оставшегося во власти неприятеля в Москве, получил ныне достоверное известие о его кончине. Он желает воздать праху его последнюю честь и приличным памятником означить место, где почиет его тело. Приемля искреннее участие в его печали, чувствительно Меня поражающей, Я прошу сделать Мне удовольствие и принять на себя исполнение желания скорбящего отца, отыскать с совершенным удостоверением место, где погребено тело его сына, и соорудить памятник из мрамора с надписью, в которой вы вставите день кончины молодого Клингера. Произведение сего в действо по точной воле генерал-лейтенанта Клингера препоручаю Я особенному вашему попечению и в полной мере уверена, что вы приложите всевозможное к тому попечение. При сем случае в дополнение прежних моих предписаний, прошу вас собрать сведения, какие только получить можете, о жребии вдов, выпущенных из Вдовьего Дома, куда они девались, что с ними происходило, и где ныне находятся? Что случилось с воспитанницами Екатерининского и Александровского училищ, отданными из сих заведений родителям и родственникам? Где они были и где теперь находятся? Вообще, какие только можете собрать известия, касающиеся под каким бы то ни было видом до заведений, под Моим начальством состоящих, оные немедленно Мне сообщить и будьте уверены о Моей признательности и о доброжелательстве, с каковою пребываю вам благосклонною.

На подлинном подписано собственною Ея Императорского Величества рукою

Мария

В С.-Петербуге
Октября 22-го дня 1812 года

С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! О чиновниках, которые при отправлении дел и вещей с Александром Михайловичем, с его дозволения остались в Москве по болезни семейств или их самих, о тех, которым он позволил ехать сухим путем в Казань, прошу вас Меня немедленно уведомить, кто из них когда в Казань отправился? И кто остался в Москве и по какой причине? По восстановлении же теперь почт между Санкт-Петербургом и Москвою, Я надеюсь, что Я вскоре получу от вас все подробнейшие о детях и обо всем донесения, и что оные воспримут теперь порядочное течение. Ожидая с нетерпением сии сведения, пребываю в прочем вам благосклонною.

На подлинном подписано собственною Ея Императорского Величества рукою

Мария

В С.-Петербурге
Октября 25-го дня 1812 года

С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Письмо смотрителя Павловской больницы в Москве Носкова[19] секретарю императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламову

Милостивый Государь
Григорий Иванович!

Два Высочайшие Ея Императорского Величества повеления, первое — от 26 августа, по случаю отбытия главного директора его высокопревосходительства Александра Михайловича Лунина из Москвы с утверждением приказа во всех статьях, и 2-е, от 18-го сего месяца, требующее подробного донесения о нынешнем положении Павловской больницы во всех отношениях со времени пресечения сношений, удостоился я получить 25-го сего месяца, по содержанию которых Вашему превосходительству всепокорнейшее объясняю.

К 1-му сентября больных находилось 55, но сего числа и 2-го поутру в доме господами взятых 32 человека, а затем 13 мужчин и 10 женщин остались при занятии неприятелем Москвы в больнице, при коей все принадлежащие чины были, кроме священника, выпросившегося у меня последними днями проводить в деревню свою жену, и чаятельно по опасности возвратиться в город не успел, да двух фельдшеров, самовольно отлучившихся и в больницу доныне не прибывших.

2 сентября в 5 часов пополудни неприятель из польских войск, в авангарде бывших[20], расположился в предместии города, не далее 200 шагов от больницы, и

окончание того дня было тихо и спокойно. А в ночи во 2-м часу пришли в больницу 3 польские офицера и 15 рядовых с большими восковыми церковными свечами, и пришед в оную с дежурным фельдшером, спрашивали, где живет аптекарь, к которому тот их и проводил. Они, разбудя его, требовали, чтобы их накормить и дать чего-нибудь выпить. Когда все сие для них приготовлялось, рядовые начали повсюду бегать и, что находили, укладывать, но как аптекарь просил офицеров, чтобы они до того не допускали, они, приглася их с собою пить, от наглости удержали, а, пробывши времени до 1 ½ часа, пошли обратно в лагерь.

3-го числа поутру в 11 часов отряд польских войск, из 200 человек состоявший и потом более умножившийся, стремительно вбежал на двор больницы и, ворвавшись в домы служащих, начал уносить вещи и ломать мебель, а другие у кладовых, сараев и магазейнов сбивать замки, все съестные казенные и у служащих хранящиеся в домах припасы, лошади, упряжь, экипажи, фураж, дворовый скот и птица были забраны, и я остался по разграблении в одном платье, на мне бывшем. В сие время ни увещания, ни угрозы, что будет принесена их начальству жалоба, не могли удержать неистовства сих грабителей. Они при малейшем упорстве обнажали сабли и грозили изрубить всякого.

Неизвестность, у кого сии войска находятся в команде, а более повсюду скитавшиеся по улицам солдаты, обиравшие с проходящих платье и обувь, угрожали опасностию искать их начальника. Предвидимое же от буйства сего народа всюду расхищение заставило призреть угрожавшее бедствие, а, узнав, наконец, от их офицеров, что генерал Фишер[21], ими командующий, не в дальнем живет от больницы расстоянии, пошел я с доктором просить его о защищении, который по неотступной просьбе нашей и дал охранительное письмо, а после одного рядового в обеспечение. Но сие делало весьма слабое пособие, ибо часовой, имея притын свой при больнице, ни мог в прочих местах воспрепятствовать многолюдству, грабительством занимавшемуся, да и войска, ежедневно переменявшиеся, состояли под начальством других генералов, а, пользуясь позволением от оных похищать все, ими найденное, не имели к таким запрещениям и уважения. По щастию приехавший 4-го числа маршала Лефевра, герцога Данцигского[22], адъютант Бойе[23] с обозом, имевший при оном из гвардейских гренадер караул, занял для ночлега маршала в больнице комнаты, который, не заезжая, проехал прямо в Петровский дворец, а восемь его адъютантов ночевали в том покое.

Ночь сия, при защите квартировавших и караула, могла бы дать несколько отдыха, но при сильном ветре, пламенем объятая Москва и приближавшийся по ветру огонь, наполнял всех ужасом, чтобы и сие заведение не обращено было в пепел. Все служащие провели ночь в страхе и отчаянии. Спасавшиеся же от пожара люди бродили по улицам и садам толпами, где последние от оных платья и кусок хлеба, служивший для одного дня пропитанием, злодеями были отбираемы. Многие семейства прибегнули с малыми детьми просить в нещастном жребии их покрова, в чем и не отказано, да и возможно ли в бедственном таком положении не дать помощи погибающим. Они не забудут никогда сего священного пристанища и, пролив слезы, возблагодарят Богу и Премилосердной Матери, их сохранившей.

5-го числа, когда адьютанты маршала Лефевра намерены были переехать в Петровский дворец, просил я о защите больницы, на что они отвечали, что и мне непременно должно явиться к самому маршалу, который в пособии таковом, верно, не откажет, и если я намерен сие сделать, то могу вместе с ними туда и отправиться. В самое время со двора выезда их обоза вбежали из поляков шесть человек в хлебопекарную, из коих один с ножом кинулся на ключника, а другой, имевший в руках 10 патронов с порохом, начал зажигать строение. На шум от того, во всем доме происшедший, взял я одного из гренадер, который, догнав убегавшего зажигателя, одним ударом опрокинул его на землю, обыскал патроны, при нем бывшие, и, связав руки назад, повел с обозом в лагерь, куда и мы с доктором пошли вместе. По прибытии в квартиру маршала Лефевра сказано нам было чрез его адьютанта, чтобы мы именем его просили обер-гофмаршала Дюрока, имевшего жительство в Петровском дворце, до которого гвардейским солдатом и были препровождаемы, и дожидались до 11 часов вечера. Наконец, он, вышедши, спросил, чего мы хотим, и на просьбу, чтоб не оставил больницу без защиты, презрительно отвечал, что до него сие не принадлежит, велел нам тотчас выйти, приказывая часовым более к нему нас не допускать. После чего в толь позднее время и должны мы были одни без провожавшего, с большою опасностью, до квартиры маршала Лефевра проходить весь лагерь. Маршал принял нас благосклонно, приказал адьютанту, чтоб при нем же написал к маршалу Мортье, герцогу Тревизскому, письмо, и когда тот занялся писать, он, оборотясь ко мне говорил, что он удивляется, что при всех строгостях, употребляемых им с зажигателями, оные могут укрываться и продолжать сии гибельные действия, упомянув при том, что привезенный при обозе его поляк, в зажигании больницы пойманный, завтра же расстрелян будет. Потом, подписав и запечатав письмо, отпустил нас.

Опасаясь поздним временем возвратиться в город, ночевали при обозе его на поле, и поутру на другой день пошли отыскивать дом маршала Мортье, который еще в город не приехал, а возвратясь в больницу, нашли с обозом его адьютанта Пиньятелли. Он, приняв письмо, взялся доставить сам к маршалу и оставил из бывшего гвардейского караула капрала и семь рядовых, бессменно целый месяц при больнице после того находившихся.

С 8-го числа больница начала замещаться ранеными французскими офицерами, числом 23, сперва положенными, а потом и 71 человек рядовых. Сии последние

находились не более недели, ибо по осмотре больницы приехавшим главным по медицинской части, бароном Ларреем[24] и после генерал-интендантом графом Дюмасом, все солдаты были переведены в учрежденную при университете больницу[25], как и русские больные приготовлены были уже к переводу в Екатерининский госпиталь, но по убедительной просьбе моей к военному комиссару, оставались на местах. Назначение же приема впредь последовало одних только офицеров, которых в продолжение 5 дней и помещено сверх имевшихся 23 офицеров, до ста человек, в числе коих был и раненный в правую ногу контузиею 1-й артиллерийской бригады роты полковника Глухова[26] поручик Греч, захваченный французами при занятии Москвы в плен и оставленный по вывезении всех больных в сей больнице, который от последовавшей гнилой горячки 22-го числа сего месяца умер.

Пища на больных выдавалась, по назначению военных комиссаров из передовых частей, худой говядины по фунту и хлеба, из ржаной муки просеянного, столько же весом. Огородная овощь для варения супа — картофель, репа, морковь и капуста собирались рабочими в больнице по соседним огородам, питье оных состояло из декокта[27], а с 23 сентября по 10 октября на каждого отпускаемо было по полубутылке виноградного вина. Неудовольствие сих больных получением худого содержания, к начальству их доходившее, всегда принимаемо было без всякого внимания, и с единственным ответом, что лучшего иметь невозможно и им должно посему быть довольными.

Из всех бывших в пользовании французов раненых и другими болезнями положенных с 8 сентября по 10 октября умерших было один офицер и двое рядовых. Отправление из госпиталя остальных в Польшу по Смоленской дороге начато: первой половины — 9 октября, а последней — 10 октября. Беспорядок, нечистота и своевольство, больным офицерам позволенные, заставляли переносить много беспокойства, и нужно было скрыть терпимое наше состояние, в отвращение опасности, от мщения возродиться могущей, ибо до выхода гарнизона из Москвы больные французские офицеры беспрестанно нам твердили, что все, оставшееся еще в городе, предастся сожжению и разорению, но милосердием Божиим от того избавилось и мы спасены.

Больных русских ныне находится 23 человека, из бывших в сентябре 23-х умер один и четверо выздоровели; в октябре прибыльных шестеро, в пребывание здесь неприятеля, они получали суп из картофеля со снетками и по два фунта ржаного хлеба, нами им уделяемого. С 12-го же числа сего месяца порция начала производиться по-прежнему, из покупаемой вольными ценами провизии, которая и по выступлении неприятеля для жителей Москвы, с того числа из деревень и ближайших городов в продажу привозится, и есть надежда, что подрядчики в скором времени прибудут, и условленными ценами провизия доставляться будет. Медикаментов, за многим употреблением, может служить с малым прибавлением на пользование 50 человек до января месяца. Недостаток дров, которые излишнею топкою покоев употреблены, и в разные места солдатами неприятельскими растаскиваемы были, можно будет по наступающему зимнему пути сделать заготовление.

Все больничное деревянное строение, как служащим принадлежащие покои, сараи и амбары, которые проходящими беспрерывно войсками были занимаемы и небрежительно поступавши, много повреждено, и заборы стоявшими на биваках солдатами во многих местах на раскладывание огней разломаны.

Больничный главный корпус со всею утварью и денежная сумма находятся в сохранности.

13-го сего месяца приглашенным из Данилова монастыря[28] священником отправлена в больничной церкви литургия и молебен с коленопреклонением и принесением со слезами благодарения Богу, спасшему нас от врага, гибелью на все угрожавшего.

Заботливость, попечение и прилежное исправление должностей доктора, аптекаря и надзирательницы, подает мне смелость отдать должное в сохранении порядка и старания их справедливость, и покорнейше просить Ваше Превосходительство таковое усердие их принять в милостивое внимание.

С совершеннейшим почтением и преданностию честь имею

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
Всепокорный слуга
Павел Носков

Октября 28-го дня 1812 г.
Москва

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Я получила донесение ваше от 14-го сего месяца и, изъявляя вам признательность Мою за поздравление со днем Моего рождения и за усердие и приверженность ко Мне, при сем случае вами и окружающими вас оказанное, Я воссылаю благодарение ко Всевышнему за покровительство всеблагим его промыслом, ниспосланное Храму нашего Дома, посреди бедствий и опустошений сохраненному, так что могли в тот день приносить моление Всемогущему, избавившему Столицу от врага и угодное Ему заведение от гибели.

Я теперь с нетерпением ожидаю подробные сведения, заготовлением коих вы занимаетесь, и прошу вас распространить оные на все предметы, о которых только полагать, что Я их знать желаю. Уведомьте Меня о числе детей, налицо оставшихся и во время пресечения сношений — убылых, какими болезнями болеют и не имели ли чрезвычайные происшествия влияния на их здоровье? О суммах, у вас на расходы вышедшей

и еще остающейся, с показанием, нужно ли какое дополнение; о способах, которые находили и теперь находите к продовольствию; о вещах, в разных строениях наших заведений оставшихся, как казенных, равно и частных, чиновникам и дамам принадлежащих, работах воспитанниц и т. д.; какие оставленные в тех строениях для присмотра людьми употреблены способы, чтобы сберечь оные вещи от разграбления и какой был в том успех? Куда девались вещи, из Вдовьего дома, что в Кудрине, который еще до вступления неприятеля был отдан для помещения наших раненых, так как и другие заведения? О питомцах, в богадельне находившихся, что с ними происходило, и где находятся? Словом, обо всем, что только в каком-либо отношении до заведений наших касаться может. Я, признаюсь вам чистосердечно, что молчание ваше числе детей меня беспокоит, и Я прошу вас донести Мне в подробности о происходившем с ними. Жребий находящихся в деревнях равномерно Меня крайне озабочивает, и какие вы только можете собрать о них сведения, не замедлите Мне сообщить.

Препоручая все сие вашему особенному ревностному попечению, Я прошу вас также с главным лекарем больницы бедных Оппелем поговорить и в приведении сей больницы как можно скорее в состояние опять вспомоществовать бедным, страждущим болезнями, всемерно ему способствовать, как в рассуждении очищения оной нужных поправок, так и в снабжении потребными припасами, и отпуске на расходы суммы. Если надобно вам на необходимые расходы подкрепление деньгами, то кроме донесения о том Мне, вы можете отнестись прямо к Александру Михайловичу Лунину, который теперь с делами Совета и обеими казнами должен находиться в Казани. Я постараюсь доставить вам самонужнейшие на первый случай медикаменты впредь до получения требованного от вас каталога, дабы хоть некоторую можно подать помощь как детям нашим, так и оставленным на ваше попечение французским больным и тем за зло воздать им добро, по правилу истинного Христианства. Коль скоро вы от сих больных освободитесь, что, Я надеюсь, недолго замедлит, Я препоручаю вашему старанию употребить всевозможные средства к истреблению заразительного воздуха выбеливанием, проветриванием и окуриванием покоев, вымытием полов и постелей и т. п., прежде переведения туда опять питомцев, в чем полагаюсь на ваше о сих детях отеческое попечение и пребываю в прочем с совершенным доброжелательством вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге
Октября 31-го дня 1812 года

С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Вследствие письма Моего к вам от 21 октября Я приказала заготовить здесь некоторое количество медикаментов, какие, по мнению здешних врачей, признаны на первый случай за самонужнейшие, как для малолетних детей, так и для взрослых, как у вас, так в больнице для бедных. Отправляю оные вам и предоставляю вашему и медицинским чинам, при Воспитательном Доме и Больнице для бедных, разделить сии припасы между обоими заведениями по мере их надобности.

На подлинном подписано собственною Ея Императорского Величества рукою

Мария

В С.-Петербурге
Ноября 2-го дня 1812 года

С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Всеподданнейше донесение главного надзирателя Московского Воспитательного дома И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

На сей почте имею щастие Вашему Императорскую Величеству за минувший октябрь-месяц представить месячные и дневные ведомости.

Раненые и больные французские рядовые 25 октября из дома выведены; остались раненые 9 офицеров и один лекарь, кои мною переведены из Квадрата в корделожи, после которых во всей половине Квадрата все окошки и двери растворены, дабы всю нечистоту и гнилость очистить ветром. На половине же помещаемых обоего пола воспитанников произвожу курение уксусом и можжевельником; мертвые тела при существовании неприятельских госпиталей хотя не погребались во внутренности дома, но похоронялись оные близко дома за Квадратом на пустыре к городовой стене Китая до 1 500, а близ окружного строения за чертой города до 1 000 тел. О таковым 24 сентября, при самом приезде в Москву главнокомандующего графа Федора Васильевича Ростопчина подал рапорт и просил о мерах предосторожности от тех, положенных близ дома, а 2-го числа сего месяца повторил сообщение о тех же телах обер-полицмейстеру Ивашкину.

Касательно о девицах взрослых, их помощниц, учительниц из воспитанниц и в доме помещенных из благородных молодых женщин и девиц, ни одна ни малейшего от неприятелей не имела грубого расположения, а о похабстве даже никак от них не было заметно, хотя ужасов и страху вообще довольно было, но Бог подкрепил, все были здоровы и для спокойствия воспитанники обоего пола размещены были в отделениях к детским

садам. Ныне при всем спокойствии и при остаточной пище, к большому моему прискорбию, оказалось много больных, большею частию, поносом, и несколько оным померли. Почему, собрав всех медицинских своих чиновников, приказал им консультировать, и по оному доктор Черняев[29] подал мне рапорт, который у сего Вашему Императорскому Величеству представляю, сверх того подтвердил ему, Черняеву, что он для больных ничего не пощадил для сохранения их здоровья.

В силу повеления Вашего Императорского Величества я дал предписание архитектору Жилярди, чтобы он во всех частях, как Воспитательной дом, так и все прочие заведения Вашего Императорского Величества осмотрел и подал бы подробное описание о состоянии и приведении в порядок[30]. Старый Жилярди во все время бытность неприятеля, находился благополучно при доме, сын его мною был отпущен для сбережения своей семьи.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
Всеподданнейший
Иван Тутолмин

Ноября 4 дня 1812 года

Рапорт доктора А. Черняева главному надзирателю Воспитательного дома И. А. Тутолмину

Вследствие предписания Вашего Превосходительства сего 1812 ноября 1-го дня, я принял должность статного[31] доктора Саблера, за отсутствием его, и особливое внимание обратил на исследование причин и прекращение оказавшихся между возрастными обоего пола и грудными детьми, кормилицами и живущими в сем доме чиновниками, простых и кровавых поносов, соединенных с сильною нервною слабостию, для чего и собран был мною совет, состоящий из медицинских чиновников, находящихся в службе при сем Доме сего месяца 2 ноября. По общему суждению причины оной болезни происходят из следующих источников: 1-е, от страха, происшедшего от ужасных ударов, при взрывании Кремля последовавших; 2-е, от влияния воздуха, наполненного различными вредными и гнилыми испарениями, происходящими от нечистоты, находящейся в половинной части Квадрата, которую занимали больные и раненые французские солдаты, также от гниения трупов в недальнем расстоянии от Квадрата и окружного строения, в мелких ямах погребенных, простирающихся числом до 2 500 человек; 3-е, от употребления, по недостатку кваса, сырой воды, от великого множества человеческих трупов и лошадей в реке и во всех почти колодцах находившихся, испорченной; 4-е, от предшествовавшего затруднения доставлять нужное для Дома продовольствие, почему принуждены были иногда употреблять скудную пищу.

Для предотвращения сих болезней употреблены мною и медицинскими чиновниками следующие средства: для очищения воздуха, яко главнейшей причины настоящих болезней, производится курение кислотами по всем больницам и отделениям по методе Морво[32] и уксусом; для обыкновенного пития употребляется отварная сухарная вода с красным вином, ячменный отвар, и вообще употребление сырой воды по всем отделениям запрещено. Употребляемая пища состоит из супа, приготовленного с телятиною и с овсяными крупами, также овсяного киселя; для слабых же больных суп с курицею, сверх того для подкрепления — вино. Употребляемые лекарства состоят в вяжущих крепительных — противоспазматических и ароматических средствах, как-то: хинной корки, симаруби, каскарили, корня Колумбо[33], опия и проч.

От употребления вышесказанных средств делается приметным способом успех в пользовании. О чем сим Вашему Превосходительству честь имею донести

Доктор Алексей Черняев

Ноября 4-го дня 1812 г.

Императрица Мария Федоровна. С портрета неизв. худ. 1820-е гг.

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Я удовольствием себе поставляю довести до сведения Императора, любезнейшего Моего Сына, отличную ревность вашу и усердие ваших подчиненных, которое, конечно, не останется без награждения. А как между тем все оставшиеся при наших заведениях чиновники нуждаются в пособии, то предписываю вам, без изъятия, которые во время пребывания неприятеля находились при Воспитательном Доме и Больнице бедных и с усердием исправляли свою должность, выдать сверх оклада в пособие жалованье за все то время занятия Города неприятелем.

Мария

Ноября 7-го дня 1812 года

Отношение Г. И. Вилламова И. А. Тутолмину

Из ежедневной ведомости от 12 сентября Ея Величество усмотреть изволила, что присланным по повелению Императора Наполеона двум питомцам — Алексею и Василию Михайловым — дано название Наполеоновых, но Ея Императорскому Величеству угодно, чтобы сие название было уничтожено и в книгах, и в списках, где внесено, было истреблено немедленно и что никогда о том не употреблять нигде.

Ея Императорское Величество с особливым удовольствием видеть изволила, что Вы дали пристанища в Воспитательном Доме двум офицерам лейб-гвардии Егерского полка, княгине Катерине Михайловне Голицыной с г-жею Баувер, и раненых солдат приняли в людскую больницу, не упоминая о многочисленных других, пристанище в Доме имевших, из которых 11 разного звания особ изъявили признательность свою всеподданнейшим писанием Ея Императорскому Величеству. Что же касается до оставшихся в Доме по вывозе других французских раненых и больных еще 9 офицеров, 1 лекаря и людей при них 10 человек, для которых главнокомандующий в Москве не нашел никаких помещений, то Ея Императорское Величество почитать изволит за приличное Дома благотворение, в полном пространстве христианского учения творить сию добродетель, и посему Ея Величество предоставить изволила попечению Вашего превосходительства изыскать способ поместить сих офицеров с их людьми в Доме, если то без отягощения и неудобства возможно, и призреть их со всяким старанием. Буде же в Доме или окружном оного строении нельзя их держать без стеснения и важного неудобства, то благоволили снестись с главным лекарем Оппелем о перенесении их со всякою осторожностию в Больницу для бедных, и я прилагаю к вам 500 рублей для их содержания.

Григорий Вилламов

Ноября 7-го дня 1812 года

С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Отношение Г. И. Вилламова И. А. Тутолмину

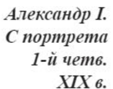
Государыня Императрица Высочайше повелеть соизволила, чтобы Ваше превосходительство благоволили разведать: спасены ли шелки и работы, оставленные в Екатерининском и Александровском училищах при отъезде в Москве, и буде оные найдутся, то отправить их с сим же курьером к его превосходительству Николаю Ивановичу Баранову, о чем и его уведомить.

Григорий Вилламов

Ноября 9-го дня 1812 года

С подлинным верно. Иван Тутолмин

Александр I. С портрета 1-й четв. XIX в.

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Из писем Моих вы видели уже, в каком Я была беспокойствии, не получая от вас никаких донесений после первых, по освобождении Москвы вами присланных; но взамен того Я не могу не изъявить вам в полной мере, с каковым чувствительным удовольствием и душевным утешением Я рассматривала полученные Мною с первою прибывшею из Москвы почтою ведомости за август и сентябрь месяцы, свидетельствующие похвальным для вас образом о совершенном порядке, который вы во всех частях соблюсти умели, несмотря на ужасные происшествия, вас окружавшие. Уверяя вас теперь уже о совершенной Моей признательности за отличное попечение ваше о Доме, вам вверенном, в толико трудных обстоятельствах, Я приятно поставляю себе обязанностию довести заслуги ваши до сведения Императора, любезнейшего Моего Сына, и исходатайствовать вам награждение такового усердия.

Я не только совершенно одобряю призрение, оказанное вами как княгине Голицыной с г-жею Боувер, двум раненым офицерами и 12-ти рядовым, так и другим разного звания людям, но и была чувствительно тронута, получив от 12-ти человек из сих последних, письменное благодарение, которое исполнено также вашею похвалою. Когда вы кого-либо из них встретите, скажите им, сколь приятно Мне, что Дом наш мог послужить им убежищем в нещастии и спасти их от бед.

Получив донесения ваши от 31 октября, Я из ведомости усмотрела, что число умерших не столь было велико, как Я, было, опасалась, при недостатке в кормилицах и лекарствах, скудости съестных припасов и при толиком шуме, ужасе и беспокойствиях. Сожалею, что старшая бабка Бергер, о которой отзывались с похвалою, оставила службу Дома. Я уверена, что вы, коль скоро будет к тому возможность, постараетесь о прискании другой хорошей бабки, а между тем я надеюсь, что Ольга Иванова, будучи из воспитанниц Повивального института, с исправностию займет ее место.

Я с удовольствием вижу из рапорта вашего, что оставшиеся в богадельне 66 обоего пола питомцев находились благополучно, а двух, отлучившихся самовольно из оной в бытность неприятеля, более туда не принимать, хотя и явятся, поелику они доказали, что могут сами снискать себе пропитание. В заключение, повторяя изъявление совершенной справедливости, отдаваемой Мною вашей ревности и попечению, Я прошу вас наименовать мне тех из подчиненных ваших во всех частях, которые в то нещастное время наиболее отличились рвением и приверженностию к Дому при сем наиболее вам помогали в сохранении порядка и благоустройства. С совершенным доброжелательством пребываю, впрочем, вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге
Ноября 8-го дня 1812 года

С подлинным верно:
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! С крайним прискорбием усмотрела Я из донесения вашего от 4-го сего месяца умножающееся число больных и умирающих от последствий бывших нещастных обстоятельств, и весьма сим беспокоюсь, опасаясь продолжения таких последствий еще некоторое время. Совершенно одобряя, что вы отнеслись немедля к главнокомандующему и к оберполицмейстеру о принятии предохранительных мер в рассуждении похороненных во множестве близ Воспитательного Дома тел, Я прошу вас съездить сами к главнокомандующему и представить ему Моим именем о крайне вредном влиянии, которое толикое множество трупов должно иметь на здоровье живущих в Воспитательном Доме, как питомцев, равно и служащих при них и которое уже, к душевному Моему огорчению, ощущается. Скажите ему, что он сделает мне удовольствие и самое Христианское дело, если примет немедленно меры к отвращению сего пагубного влияния, и прибавьте, что советовалась о сем предмете с лейб-медиком Крейтоном, который негашеную известь, на такие места насыпаемые, почитает наилучшим способом к истреблению смрадных и смертоносных от трупов испарений. Равномерно прошу вас сказать обер-полицмейстеру Ивашкину, что Я совершенно надеюсь на его ревностное в сем случае содействие к скорейшему отвращению зла. Что касается до испорченной в реках и колодезях воды, то оную не иначе употреблять в пищу, как процеженную, а между тем приступить как можно скорее к вырытию для Воспитательного Дома новых колодезей. Я же со своей стороны постараюсь отсюда прислать вам хорошего вина для употребления в питье больным и слабым, полагая, что в Москве оного теперь достать не можно. В рассуждении очищения воздуха во всех частях Дома Я полагаюсь совершенно на деятельное ваше попечение и уверена, что в рассуждении сего вами ничего упущено не будет для приведения Дома в прежний порядок. А как теперь и к получению хорошей пищи способы день за днем умножаются, то Я уповаю, что помощию и благословением Всевышнего, при соединении всех сих средств, мы избегнем вскоре дальнейших пагубных последствии бывшего нещастного времени.

Весьма для Меня утешительно и приятно видеть, что женский пол в Доме нашем ощутил действия его покровительства и пользовался надлежащим к добродетели уважением.

Усматривая, что архитектор Жилярдий находился благополучно при Доме, я ожидаю теперь с нетерпением делаемого им описания наших строений, равно как и обещаемого вами подробного донесения. Поелику все теперь обращается к прежнему порядку, и сношения между Москвою и Санкт-Петербургом совершенно восстановлены, то и все управление и течение дел наших должно восприять прежний образ и вид, и во всех без изъятия отношениях наблюдать правила, для того поставленные, с тою только разницею, что, в отсутствии Опекунского Совета, вы о тех делах, о которых прежде обязаны были представлять ему, можете доносить Мне непосредственно или чрез секретарей Моих, для получения Моего разрешения.

Я с сожалением приметила, что присланным от неприятельских начальникам младенцам даны названия по именам тех начальников. Я полагаю, что вы в сих случаях, конечно, уступали внешнему понуждению, которому вы тогда не в силах были противиться, но теперь все сии названия должны немедленно исчезнуть: все оные прошу вас тотчас истребить из всех книг и ведомостей так, чтобы никогда и нигде об них более упоминаемо и слышно не было.

Я одобряю совершенно благотворение, оказанное принятием в Дом детей, после сгоревших матерей оставшихся, и если, паче чаяния, еще некоторые толико нещастные представятся, позволяю и оных принимать, а после Мне о том доносить. Прием же в Дом для призрения других посторонних людей, который во время свидетельствования неприятеля был долг необходимый, теперь сам собою прекращается, при восстановлении общего порядка. Но дабы таких разоренных, в крайней нужде к Дому прибегающих, не оставить вовсе без какого-либо, на первый случай, пособия на пропитание, Я прилагаю при сем пятьсот рублей на раздачу беднейшим и наиболее сожаления достойных, особливо матерям. Но если мать явится с грудным ребенком, которого пожелает сама кормить, то таковую должно принять с наблюдением обыкновенного при таких случаях обряда — причислением матери к годовым кормилицам. Что касается до принятия от крестьян из выжженных селений питомцев, Я оное не только совершенно одобряю, но и впредь надобно принимать таких детей беспрекословно, поелику от воспитателей, не имеющих сами никакого пристанища, нельзя требовать надлежащего за детьми присмотра. Сие самое доказывает, сколь нужно сделать как возможно скорее объезд деревням, чтоб узнать о положении наших питомцев, и потому, если помощник ваш еще не явился, прошу вас немедленно принять меры для отправления объезжих надзирателей в деревни, наймом ли для них лошадей или даже покупкою, или как только найдете способ устроить в скорейшем по возможности времени, ибо Я крайне беспокоюсь о сих детях и с величайшим нетерпением жду об них известий. Буде на такой случай нужно вам прибавить число надзирателей, ибо оные есть в Казани, то позволяю вам приискать надежных людей и их употребить, а потом уже Мне представить о их утверждении, чтобы только скорее достигнуть цели.

Я, признаюсь, что Я удивлена при получении последних ваших донесений, не найдя при них никакого сведения о детях, у родителей в городе находившихся. Я, конечно, понимаю, что может быть, не все в свои жилища возвратились, но нужно, однако, знать, какие теперь уже налицо в Москве находятся, и какие иметь можно известия о прочих живых и умерших. Я прошу вас в рассуждении сего также немедленно сделать распоряжение. Препоручая все сие вашему известному и довольно испытанному усердию о питомцах попечению, и любви к порядку и благоустройству, пребываю, впрочем, с совершенным доброжелательством вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге
Ноября 12-го дня 1812 года

Получив сей час донесение ваше от 7-го сего месяца, Я поспешаю ответствовать на оные. Я не только позволяю тем вдовам и воспитанницам наших Институтов, которые прибегли покровительству Воспитательного Дома и теперь в оном находятся, остаться в нем, покуда не имеют другого пристанища, но и впредь, если явятся вдовы наши, к Вдовьему дому принадлежащие или воспитанницы наших Институтов и будут просить покрова, таковых принимать и призревать в Доме. В рассуждении питомцев, приводимых в Дом воспитателями, лишившимися домов, повторяю сказанное выше сего в письме, что оных питомцев принимать беспрекословно в Доме, в котором теперь места достаточно, за отсутствием 333, а если в Доме уже места не станет, чего, однако, не уповаю, то между тем очищено уже, конечно, будет одно из училищных строений — Екатерининское или Александровское, и Я позволяю вам туда поместить детей, определяя к ним надлежащий надзор, о чем Я тогда и буду ожидать ваших представлений. Которых из крестьян, имеющих еще пристанище, вы можете уговорить оставить детей у себя за некоторое награждение, таковым награждение определите, и Мне о том представьте на утверждение. А как вы теперь пошлете надзирателей в объезд по деревням, то прикажите им, чтобы старались склонить других крестьян, не разоренных неприятелем, принять питомцев из погоревших селений, в Дом поступивших, хотя бы было с некоторою при нынешних обстоятельствах надбавкою награждения, о чем я и буду ожидать ваших донесений.

Мария
С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Почитая полезным и нужным для имеющих надобность в наличных деньгах бедных московских жителей учредить в Москве временное отделение Ссудной казны, Я почетного опекуна Нечаева просила принять на себя временный надзор за этим отделением. Для помянутого отделения деньги доставляться будут из здешнего опекунского Совета, которому предпишу я на первый случай препроводить вам пятьдесят тысяч рублей.

Мария

В С.-Петербурге.
Ноября 14-го дня 1812 года
С подлинным верно. Главный надзиратель Иван Тутолмин

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Видя из ведомостей Московского Воспитательного Дома число подкидышей, в оный поступающих и частию около самого Дома поднимаемых, Я убеждаюсь сим в необходимости открыть вскоре Дом

сей для приема приносных детей на прежнем основании. Вследствие сего Я прошу вас уведомить меня, скоро ли производящимся очищением вы надеетесь привести его в такое состояние, что можно будет без опасения опять принимать детей по-прежнему и не предвидите ли возможность к получению кормилиц? Ожидая вашего по сему донесения, чтобы соответственно оному сделать предписание по сему предмету, Я пребываю к вам в прочем благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге
Ноября 15-го дня 1812 года

Всеподданнейшее донесение главного надзирателя И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

После французских лазаретов остались в доме разные вещи, по-видимому, принадлежащие Главному Московскому военному госпиталю, из коего французское начальство перевезло оные в Дом для своих раненых и больных, так как оно имело обыкновением своим из домов в домы перетаскивать вещи. Сверх того, по выходе неприятельских войск, от оставленных в доме раненых и больных отобрана их амуниция, которая также находится в доме. О чем всеподданнейше представляю Вашему Императорскому величеству реестр. Я советовался с гражданским губернатором Николаем Васильевичем Обресковым, который отозвался мне, что как Дом потерпел от неприятеля расхищение и утрату в своих собственных вещах, то некоторым образом в замену того долженствуют оставленные вещи принадлежать оному. Но как могут быть на них требования, то, как благоугодно будет Вашему Императорскому Величеству повелеть поступить с оными вещами?

Относительно же продовольствия для Воспитательного дома, то по выходе неприятельских войск в скором времени началась привозка в город жизненных припасов, кои покупались для дома умеренными ценами, не выходя из подрядных, а на сих днях явился подрядчик — московский купец Окороков и объявил, что он желает продолжить по контракту поставку съестных припасов до срока, то есть по 1 февраля будущего 1813 года. О чем Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше и доношу.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
Всеподданный
Иван Тутолмин

Ноября 11-го дня 1812 года

Копия с всеподданнейшего донесения И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне

Всемилостивейшая Государыня!

Соображаясь с точностию воли Вашего Императорского Величества, предписанной мне в Высочайшем рескрипте от 18 минувшего октября, собрал я, сколько время при нынешних беспрерывных трудах мне позволяло, все данные происшествия, случившиеся в Доме и вне оного в бытность неприятеля в Москве, о которых и имею щастие Вашему Императорскому Величеству представить следующее подробное донесение.

После отправления из Москвы по Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению взрослых воспитанников обоего пола и всех классических в Казань, что успел я сделать 31 августа, приказал я с 1 сентября начать немедленно переводить отделенную больницу из окружного строения в Квадрат, но, по внезапному вступлению неприятельских войск в столицу, к крайнему нещастию не успел того ж числа перенести всех вещей, к оной принадлежащих, а принужден был их оставить там и хранить за замками.

31-го числа вечером получил я рапорт, что скотный двор нашими передовыми казаками разграблен, с которого тотчас приказал весь скот пригнать в дом, имея в виду в случае нашествия неприятеля употребить его на пищу детям, обратив в солонину, что со временем и сделал.

1 сентября наши войска, вошедши в город, разбили несколько питейных домов, из которых рабочие люди обоего пола и караульщики тащили вино ведрами, горшками и кувшинами и перепились так, что я на другой день вынужден был ходить по квартирам с обыском и, находя вино, выливал на землю и бил посуду. Подобная строгость помогла мне впоследствии во многих случаях. По приведении в порядок дом, с тем же вместе встречал неприятеля.

2 сентября проходила Москву российская армия; все присутственные места и большое количество обывателей, имеющих состояние, выехали за несколько дней из города, а городские начальники и полиция — рано поутру.

Того ж числа чиновники и служащие, оставленные в доме под начальством коим, предварительно удержаны были мною при их местах, с обнадеживанием, что за верную и усердную их службу по материнскому милосердию Вашего Императорского Величества они без награждения не окажутся. Все они с твердостию духа и должным повиновением остались при своих местах, кроме некоторых, кои отпущены мною с семействами, как-то: акушер Танненберг, имеющий 9 человек детей, в числе коих взрослых дочерей три; старший аптекарь Буттер, архитектурный помощник Жилярди и старшая повивальная бабка Бергер, которая, по прошению ее, за слабостию здоровья мною вовсе уволена от службы Дома. Без спросу же моего уехали два священника и дьякон.

По прохождении наших войск того ж числа вслед за оными в 4 часа пополудни вступила в Москву французская армия, так что последние российские войска проходили набережною Воспитательного дома, а неприятельские были уже в Кремле. По вступлении их в Москву должен был я ожидать всех насилий и жестокостей неприятеля, и для того, чтобы спасти вверенное от Вашего Императорского Величества моему сохранению Богоугодное заведение с неповинными сиротами, я по долгу моему тотчас без робости, с твердым духом пошел в Кремль, взяв с собою экономского помощника Зейпеля и для перевода экономского сына, коллежского регистратора Петра Христиани, служащего в канцелярии московского военного губернатора переводчиком. Пришедши туда, по многому перехождению доведен я был до определенного от Наполеона губернатора графа Дюронеля, коему, объявив об оставленном на попечение мое Воспитательном доме с грудными и малолетними детьми, просил его принять из единого человеколюбия оный дом под свою защиту, по которой моей просьбе граф Дюронель приказал мне дать 12 человек конных жандармов с одним офицером. Пришед с караулом в Дом, я тотчас о сем приказал повестить всем находящимся в доме служащим, которые возвращения моего ожидали со страхом и надеждою. Жандармы заняли наши конюшни и были на содержании Дома.

Как в сей день, так и на следующие французские войска входили в город и выступали из оного, осталось же их тогда в Москве до 50 000.

С самого первого вечера начались пожары, кои день от дня увеличены были разосланными по всему городу зажигателями, бросавшими во все дома и церкви зажигательные составы — в низкие места из рук, а в высокие из пистолетов. С пожарами вместе начались грабежи, смертоубийства и всякого рода жестокости и поругания от неприятельских войск, по бесчеловечию своему не внемлявшихся ни гласу совести, ни просьбам и слезам несчастных жителей. Грабежи сии продолжались до того времени, покуда у бедных жителей ничего уже не осталось, и они, будучи лишены домов, пищи и одежды, принуждены были искать себе насущного хлеба у самого неприятеля.

3-го числа получил я известие, что находящиеся российские больные и раненые в Екатерининском и Александровском училищах оставлены были без пищи, без присмотру и что мертвые тела даже не похоронены. Не имея никакой возможности оказать сему заведению пособие, предписал я главному лекарю больницы для бедных Оппелю не оставить больных, по человеколюбию, без призрения.

Того ж дня приехал генерал-интендант Дюмас, и, осматривая дом, велел находящиеся по правую сторону корделожи деревянные пристройки к лабазам сломать, назначив в лабазах для печения хлебов скласть печи и сделать в оные вход изнутри дома. На другой день откомандированные из полков рабочие солдаты, под присмотр офицеров, пришли и потребовали ломов и топоров, которые принужденно им отпущены были. Рабочие тотчас принялись за сломку оных строений, состоящих из конюшен и сараев директоров, обер-секретаря, первого надзирателя, первого бухгалтера и казначея. Выходившиеся в них экипажи все выкинуты были на дворе, некоторые из них увезены, а оставшиеся все ободраны, но напоследок учреждение пекарной оставлено и печей не было сложено. Весь же лес, оставшийся от сломки конюшен и сараев, даже и некоторые заборы вследствие времени сожжены французскими солдатами, привозившими раненых и раскладывавшими на дворе огни для обогревания себя.

4-го сентября был самый жесточайший пожар, коего ужасов не могу Вашему Императорскому Величеству достаточно описать. Весь город был объят пламенем: горели храмы Божии, превращались в пепел великолепные дворцы и здания; отцы и матери кидались в пламя, чтоб спасти погибающих детей, и делались жертвою их нежности. Жалостные вопли их заглушались только шумом ужаснейшего ветра и обрушением стен. Все было жертвою сей неумолимой стихии. Даже мосты и суда на воде против Дома были в огне!![34]

Воспитательный дом находился в величайшей опасности, будучи со всех сторон окружен пламенем. Все окрестные строения в самой быстроте пожирались огнем и еще более ужасал меня опасностию бывший тогда весьма сильный ветер, который метал искры со всех сторон к нам на все дворы, в которых поставлены были дрова[35]. Для отвращения сей опасности расставил я по дровам воспитанников с их приставниками с шайками и вениками и заставил их гасить искры, которые как дождь на оные сыпались. В Квадрате корделожи и окружном строении загорались оконные рамы и косяки, и я с подчиненными моими, бодрствуя несколько уже ночей, во все стороны бросался для спасения от погибели Дома, употребляя к тому свои пожарные трубы, разламывая с подчиненными своими собственные заборы, раскидывая строения и заливая загоревшиеся места. В самых опасных местах, с боку окружного строения, находился я сам для наблюдения строгого порядка, а от городовой стены у конюшен был употреблен экономский помощник Зейпель, которого неусыпным трудам я должен отдать всю справедливость. Оставляя сию опасность, должен был я несколько раз возвращаться к детям и приставницам для увещевания и ободрения их, которые от страха и предстоящей гибели в сию ночь не могли быть в отделениях, а находились на Квадратном дворе, и, наконец, при очевидной опасности вывел всех детей на корделожный двор. Таким образом, с помощию Всевышнего зиждителя всех благ, неослабными трудами и рвениями подчиненных моих, я успел спасти вверенный Вашим Императорским Величеством попечению моему Дом со всеми детьми, служащими и пришельцами.

Но при сем ужасном пожаре невозможно было спасти нашей аптеки со всем строением и медикаментами, ибо, когда я с подчиненными моими с помощью пожарных труб старался загашать огонь, тогда французские зажигатели поджигали с других сторон вновь. Наконец, некоторые из стоявших в доме жандармов, оберегавших меня, сжалившись на наши труды, сказали мне: «*Оставьте, приказано сжечь*». После чего все обратилось в синее пламя, и не было возможности спасти аптеку. Дом, где жил акушер Танненберг, сгорел весь, а в Инвалидном доме один угол от пожара поврежден с той стороны, где находилось необходимое место, которое сгорело вместе с конюшнею, сараем, погребом, забором и воротами. Бывшие в Инвалидном доме казенные вещи все расхищены, кроме оставшихся некоторых, кои взяты были живущими в доме жандармами, но по выходе ими оставлены.

При сих ужасных обстоятельствах прибегнули ко мне в Дом в великом числе несчастные жители Москвы и просили пристанища и покрова. Всех их успокаивал я, елико возможно было. Раненых же наших, приползывающих в Дом, принимал рядовых в свои больницы, а трех офицеров к себе. Между прочими бедными приведена была так же престарелая, лишенная зрения и отягченная болезнями княгиня Катерина Михайловна Голицына с поручицею Баувер, лишенные всего имущества и несколько дней бывшие без пищи, коих я поместил со вдовами.

После столь ужасного пожара я все еще оставался в величайшей опасности; ибо не переставали ходить французские зажигатели около Дома; и для того учредил я из своих подчиненных беспрестанные днем и ночью около Дома обходы, и во всех сторонах приготовил воду. Таковыми мерами избавил я Дом от огня. При сих обстоятельствах, сильно угнетавших дух мой, еще другие не менее требовали моей осторожности: беспрестанно приезжали и приходили к дому толпы французских мародеров, кои искали пищу для злобных и развращенных их сердец грабительством и всякого рода буйствами, несмотря на имеющийся в доме караул жандармов, который и сам не слишком мог во всей силе выполнять свою обязанность, потому, что от начальства им позволено было грабительство. Почему, дабы сим людям изъяснить, какое заведение есть Воспитательный дом, и дабы убеждать их к жалости к невинным сиротам, я поставил у ворот переводчиков, собрав их из служащих в доме и посторонних, во время пожара прибегнувших к его покровительству, знающих французский язык, а еще до вступления злодеев у всех ворот выставил доски с французскими надписями: «Сие заведение есть дом нещастных и сирых детей».

Из дома нельзя было выдти за ворота без того, чтоб не быть ограбленным. В первые дни и в течение всего времени я неоднократно должен был быть у определенных в городе французских начальников, кои были: первый губернатор граф Дюронель, на место которого поступил после герцог Тревизский, маршал Мортье; комендант граф де Миллио, генерал интендант армии Дюмас и интендант города Лессепс.

Наполеон среди развалин Москвы. Гравюра по рисунку А. Адама. 1812 г.

5-го сентября пополудни в два часа, Наполеон, прогуливаясь по городу, смотря на свои злодеяния, ехал по набережной мимо Воспитательного дома, против оного остановясь, спросил: «Что это за здание, которое от пожара сохранено?» Ему отвечали, что это Воспитательный дом, спасенный от предстоявшей ему гибели начальником оного со своими подчиненными. Наполеон велел генерал интенданту Дюмасу ехать в дом и объявил главному надзирателю: «Я прислан к вашему превосходительству от Императора, который приказал благодарить вас за труд и за спасение вашего дома от огня. Его Величеству угодно с вами лично познакомиться. Старик Тутолмин, человек духа неустрашимого, равнодушно принял оное; но утешился тем, что весь дом от оного приведен в одобрение».

6-го числа прислал за мною Наполеон статс-секретаря своего Лелорня[36], в 12 часов пополудни я немедленно отправился к нему в Кремлевский дворец. Как уже о том имел щастие донести Вашему Императорскому Величеству, каким образом я Наполеоном принят был и о чем имел с ним разговор, известно уже Вашему Величеству из донесения моего к Государю Императору. А сверх того доношу, что Наполеон, входя в расположение Дома, делал мне следующие вопросы: Великое ли число детей в доме? На какое время я имею продовольствие и откуда полагаю снабдить себя провиантом на зиму? Подав Наполеону ведомость о числе детей, сказал он, рассмотревши оную, с улыбкою: «Вы увезли в Казань больших девиц». Потом отвечал я, что имел продовольствия только на месяц: «Хотя обыкновенно Дом делает подряд на целый год, но по неимению места, запасается

только на один месяц. Подрядчик же теперь уехал из Москвы, следовательно, я лишен всех способов к получению запасов».

Вдобавок спросил Наполеон: откуда город получает съестные припасы? Я отвечал: «Хлеб из Украинских, скотину из Малороссийских[37], а мелкую живность из ближайших областей. Хлеб доставляется по большей части на барках весною; а часть оного привозится и сухим путем зимою». Еще спросил Наполеон: «Какой шар англичанин Шмит делал на пагубу его войска и его самого?[38]», прибавив, что такое варварство просвещенному народу непростительно. Тутолмин отвечал: «Я о том ничего не знаю». На сие возразил Наполеон: «Мне известно, что шар делался в 7 верстах от Москвы, но за неприведением в действие сожжен; оставшиеся же горючие вещества употреблены на сожжение Москвы». Наконец, сказал он: «Как бесчеловечно поступили Русские, оставив 10 000 раненых солдат без пищи и призрения! Повторяю вам еще: напишите о всех происшествиях Москвы к своему Императору Александру и отправьте с донесением своего чиновника. Я дам ему пропуск чрез свои форпосты».

В этот же день приехали в дом для помещения 300 жандармов с полковником и офицерами и поместились в корделоже во все комнаты и к тому еще заняли квартиру доктора Саблера. Сено и овес у всех обобрали, также из лучших рослых строевых лошадей взяли несколько для строевой службы, а небольших — в обозы. Экипажи выбросили, а другие партикулярные и казенные, принадлежащие конюшне, и те, в которых кормилицы развозились по деревням, употребляли для фуражирования, некоторые же, прежде выступления их, взяли под свой багаж и отправили с обозом, отчего мы в повозках летних весьма нуждаемся. При сих стеснениях и нужде, я принужден был еще довольствовать их своими и от всех служащих съестными припасами, покуда они сами уже увидели, что не остается чем питать себя и детей.

8-го сентября, в воскресенье, смотритель вдовьего дома Мирицкий рапортом мне донес, что Кудринский Вдовий дом со всем строением, оставшимся имуществом и письменными делами сгорели, а остальные казенные деньги 14 р. 90 к. разграблены, с коими вместе сделались жертвою пламени до 700 человек российских раненых: оные по слабости сил не могли избежать своей гибели, другие же во время пожара спасались[39]. Того ж числа генерал-интендант Дюмас приехал в дом и объявил повеление Наполеона, чтоб осмотреть внутренность Воспитательного дома. Я тотчас повел его по всему Квадрату, корделожи и окружному строении. По окончании осмотра потребовал он от меня всему оному строению план, каковой получив, взял с собою, а на другой день прислал с архитектором Жилярди, к нему посланным, разделив в плане карандашом квадрат на равные половины, и велено мне сказать через Жилярди, что половина квадрата и окружное строение все займется французскими ранеными и больными, и чтобы я непременно оные здания очистил. А как оные больные большею частию одержимы были поносом, то, содрогаясь о таковом бедственном положении и воображая себе, что чрез то нарушен буде порядок и чистота в доме, и некоторые казенные вещи должны будем потерять, я решился об отменении сего намерения просить Наполеона.

10-го сентября чрез статс-секретаря Лелорня подал я Наполеону письмо об отменении намерения учредить госпиталь в квадрате; но на оное я никакого письменного решения не получил.

12 сентября Император Наполеон чрез статс-секретаря своего прислал ко мне двух сирот для помещения оных в Дом, которые после того по его повелению два раза были свидетельствованы, как оные содержатся? Сироты и в бедности находящихся родителей дети присылаемы были от городских начальников, как то: от генерал-губернатора герцога Тревизского — 9, от коменданта графа де Миллио — 9 и от французского начальства — 2; всего — 22 человека, которых всех, дабы яснее Вашему Величеству можно было видеть, в дневных рапортах и приложенном при сем списке осмелился означить фамилиями приславших оных. Посему осмеливаюсь испросить Высочайшего Вашего повеления: оставить ли при них те фамилии или уничтожить оные? Сверх того поступило в дом 23 подкидыша, оказавшихся близ дверей Крестовой, близ церкви, по коридорам и другим местам.

13-го числа начали французских раненых и больных привозить в окружное строение.

14-го прислан был инженерный офицер с рабочими солдатами, который начал половину квадрата отделять, и требовал от меня очищения оной. Тотчас, по сделанному предварительно мною расписанию, стал я перемещать с мужской половины на женскую всех воспитанников обоего пола, кормиличные отделения, кладовые и магазины, оставив там только те вещи, которые сами французские комиссары от меня требовали, как-то: кровати с соломенниками, столы, стулья и стульчики, а библиотеку я не успел перенести, ибо оную, по тесноте, на своей половине негде было поместить, в сохранности коей удостоверил меня генерал-интендант Дюмас. В оной находилось премножество старых Воспитательного дома планов, не употребляемых классических книг и учебных вещей. Заперев и запечатав оную, просил я комиссаров о сбережении ее взять попечение. Но впоследствии оказалось, что многие из классических вещей были расхищены и попорчены, книги разодраны, а шкафы, столы, стулья и стульчики, находившиеся в отделениях, употреблены ими на отопление печей; печи же, как в половине Квадрата, так и в окружном строении, от неумения закрывать их и от частой топки, много повреждены.

Для лучшего же порядка, при входе на свою половину я поставил караульных и дал предписание своим переводчикам из служивших и посторонних, имевших

пристанище в доме, чтоб они чередовались безотлучно у ворот, и приходящим и привозимым раненым показывали дорогу на их половину; но учтиво бы удерживали всех тех, кои будут входить на детскую. Желающих же видеть заведение провожали бы ко мне. Сверх того для безопасности от пожара, соблюдения спокойствия и удаления злоумышленников, я учредил ночные обходы, употребив к тому своих чиновников с переводчиками, кои поочередно всякую ночь три раза обходили все места Квадрата.

При сем случае осмеливаюсь я заметить, что как после отправления взрослых детей в Казань многие отделения сделались пустыми, то сие и подало французскому начальству повод и мысль поместить в доме лазарет, по сему самому и убедительнейшие просьбы мои о не стеснении детей, и об отмене сего намерения остались безуспешными. Сказали мне: «Чего он хочет? Когда у него много пустых комнат, следовательно, он не стеснится». А в отраду мне приказал в Квадрате одних только раненых помещать, а больных — в окружное строение, и разделить нас забором, и особые сделать въезды.

С 15-го числа сентября начался в квадрате привоз раненых, коих содержали они от себя; и оных в обоих госпиталях, т. е. в квадрате и окружном строении, по наполнении было ежедневно до 3 000, а вовсе время более 8 000 человек; умирало их ежедневно в квадрате от 20 до 50-ти, итого до 1 500, которые тела похороняемы были за Квадратом на пустыре к городовой стене города Китая, в черте Воспитательного дома. В окружном же строении умирало ежедневно от 15 до 30; итого до 1 000 тел, которые положены близ оного строения за чертой Воспитательного дома. Хотя для предосторожности на тела и сыпана была известь; но за недостатком — небольшое количество, почему и могут весною от дурных испарин произойти заразительные болезни. Для чего и почел я необходимо нужным о таковых предстоящих опасных следствиях отнестись рапортом к главнокомандующему Москвой, тотчас по прибытии его. Дошедшие же до Вашего Императорского Величества сведения, о которых Ваше Величество изволит упоминать в рескрипте своем ко мне, будто бы мертвых хоронили на дворе Воспитательного дома, суть несправедливы, ибо, брав всегда предосторожности об отвращении заразительных болезней, своими людьми хоронил умерших в госпиталях, без чего они бы по неделе валялись по коридорам и площадкам; ибо приставники больниц весьма часто менялись, от чего совсем не было порядку. В жестокие морозы настоятельно буду просить графа Федора Васильевича, чтобы оные тела были вывезены за город.

По учреждении французских госпиталей в Доме, начальство их прислало для оных караул, который несмотря ни на какие невозможности с моей стороны, заняли Крестовую и докторскую комнаты. По сей необходимости я не имел более куда перевести Крестовой, как в комнату швейцара родильного госпиталя, родильный же госпиталь во все время имел течение своим порядком, только стеснению дома я принужден был законный, на иждивении Вашего Императорского Величества, соединить с домашним секретным госпиталем, а в комнаты первого поместить отделенную больницу, в акушерские же — людскую больницу. Лекарства, в коих я имел недостаток по причине сгоревшей домовой аптеки, предписал я штаб-лекарю Масленникову брать с большой бережливостию из оставшихся в городе аптек, коими больные до сего времени и пользуются без нужды.

Спустя несколько времени начал я относится французскому начальству о недостатках в съестных припасах для того, чтобы они не покусились отобрать у меня мою провизию или принуждать довольствовать их команды пищею, хотя в запасах большой нужды еще не претерпевал, а единственно для того, чтоб, получив позволение послать по деревням своих чиновников для закупки хлеба, при сем случае уведомить войска наши о неприятеле и настоящем его положении. К счастию, дали мне по требованию моему дали пшеницы 100 центнеров, да круп гречневых 20 центнеров, предоставив мне сыскать для молония пшеницы мельницы и об оных донесть, почему я отправил эконома близ города осмотреть. Довольно их найдено; но крепкие заняты были французским мелевом, а порченые праздны, о чем и относился к французскому начальству, но получил ассигнование на порченые, из которых одну исправил и смолол от них полученную пшеницу.

По прошествии 10-и дней вторично возобновил я требование свое, по которому позволили ему покупать хлеб внутри своих форпостов. А как в близ лежащих деревнях французами все уже было обобрано, то и не мог я успеть воспользоваться сим позволением, а приступил еще с новою просьбою к генерал-интенданту, который отозвался, что сие принадлежит до интенданта города Лессепса. Я адресовался к интенданту города, который отвечал мне, что не имеет на сие приказания, и хотел доложить о том герцогу Тревизскому маршалу Мортье; но и сей, отозвавшись сначала невозможностью, наконец, по убеждению, позволил мне послать своих чиновников по деревням для отыскания хлеба, снабдив их письменным видом, каковой и я от себя сам должен был дать. При сем г. Лессепс предварял меня, чтобы я взял от начальства денег ассигнациями для моих расходов, но я не имел в них нужды, будучи, по Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению, снабжен от Опекунского совета достаточною суммою денег, а их была одна зловредность, чтобы ссужать меня своими фальшивыми ассигнациями, коих привезли с собою весьма большое число, и ими даже, по повелению Наполеона, выдавали своим войскам жалованье. По просьбе стоявшего в доме с жандармами полковника, который ко мне принес кучу сторублевых фальшивых ассигнаций, прося разменять на 25-ти рублевые, но я выбожился, что у меня нет, а также сотенные; но принужден одну разменять на 25-ти рублевые и намерен был оную поднести оную Вашему

Императорскому Величеству, но в бытность генерал-адьютанта Павла Васильевича Кутузова, сказывая ему об оной, принужден был, по просьбе его, отдать ему для отправления Государю Императору[41].

2-го октября отправил я своих чиновников для отыскания по деревням хлеба, имея, однако ж, более в виду чрез таковой случай дать известие войскам нашим, что французские войска из Москвы значительным числом стали выходить, и обозы отпускать, равным образом известить обо всех в ней происшествиях. Вследствие чего отправлен был для сего надворный советник Данилевский с тремя чиновниками, переводчиком, двумя унтер-офицерами и тремя работниками, которые, выехав на Петербургскую дорогу, в 12-ти верстах от Москвы, встретились с казачьим отрядом под командою генерал-майора Иловайского, который в то время имел с неприятелем перестрелку, и в оной под казаком убита была лошадь, в замене оной казаки взяли одну у посланников моих. Потом посланные препровождены были к командующему их корпусом генералу Винценгероду, который расспрашивал их подробно обо всех происшествиях Московских; опасаясь же, чтоб каким-нибудь образом не дошло до неприятеля сведения о нахождении так близко русских войск, не решался он сначала отпустить их в Москву; но напоследок, в уважение недостатка в хлебе для Воспитательного дома, оставя в залог у себя четырех, остальных с Данилевским пять человек отпустил, с таким подтверждением, чтобы по доставлении хлеба в Воспитательный дом, паки с верным известием о неприятеле вскоре возвратились бы к нему. Оные чиновники, купив ржи пять четвертей с половиною, прибыли благополучно в Дом, с таким объявлением, что оставшиеся остались по деревням скупать съестные припасы.

10-го октября рано поутру отправил я тех же чиновников к генералу Винценгероду, где на пути встретились со своими казаками от Москвы по Петербуржской дороге в 12 верстах в селе Никольском, от которых, узнав, что корпусный начальник Винценгерод взят в плен неприятелем в Москве, на другой день и с оставленными прежде возвратились в Москву.

По истинному недостатку съестных припасов интендант Москвы Лессепс доставил 8 коров и 4 баранов. Сверх того посылал я в поля за картофелем, которого за выбранием французскими солдатами, не находили, а приносили капусту; и за тою не иначе можно было посылать, как с французскими провожатыми, которых с трудом мог выпрашивать. По недостатку муки, я должен был довольствовать Дом умеренным образом, но не имел, однако ж, голода, как многие из жителей в городе, кои принуждены были питаться одною мокрою пшеницею, насыпанной в барке, которая во время пожара сгорела и села на дно.

С 1-го числа октября я решился убавить число рабочих, прачек и нянек, а кормилиц, которые пожелают с детьми идти в свои деревни, отпустить, с вознаграждением по 10 руб., коих отправилось в деревни 37.

5 октября присланные от французского начальства комиссары заняли у меня хлебни для печения хлебов на их армию. С сего числа поспешным образом начальство их начало из наших госпиталей вывозить своих легко раненых и выздоравливающих из Москвы по Можайскому тракту, а на место оных из других госпиталей наполняли в Доме лазареты.

6 октября большая часть французской армии стала готовиться к отбытию из Москвы.

Э. Мортье. Литография 1-й трети XIX в.

А 7-го октября оная выступила из города, с коею отправился и сам Наполеон в 5-ть часов утра по Калужской дороге; а тяжелые обозы отправлены по Смоленской. Того же числа все жандармы вышли в поход, в Москве же оставалось французских войск не более 3 000 под начальством маршала Мортье, к которому пред выходом жандармов я относился чрез письмо с просьбою, чтобы он приказал стоящему офицеру на карауле при лазаретах охранять и Воспитательный дом.

8-го октября, не получая ответа от маршала Мортье на письмо свое о карауле, я повторил к нему просьбу чрез письмо к интенданту города Лессепсу.

9-го он прислал ко мне с письмом своего адьютанта для устройства порядка в карауле. Письмом сим, между прочим, он просил меня принять французских раненых и больных, в Воспитательном доме находящихся, в свое

попечение, равно и жителей в Москве французской нации, коих он присылал ко мне для помещения в Доме, и я не имел возможности их не принять, но теперь же им от меня объявлено, чтобы они из Дома выезжали, как равно и прочим жителям, после пожара имевшим у меня пристанище.

10-го октября, по наступлении ночи в Воспитательном доме снят французский караул, и все французские войска, по совершении варварского своего намерения с Кремлем, очистили весь город.

11-го октября, в пятницу, вступил в Москву с казаками генерал-майор Иловайский 4-й, к коему я письменно сообщил о нахождении в доме французских раненых и больных, и просил его об охранном карауле. Между тем, вскакали в дом казаки, сопровождаемые толпою крестьян, коих накануне того дня французы заманили в Москву, обещая отпустить им соли, с тем намерением, чтоб при сем случае воспользоваться их лошадьми, и, ворвавшись в окружное строение, вооружили крестьян отнятым у больных и раненых французов оружием, ограбили оных французов и расхитили все имущество живших в том строении служителей, также пограбили принадлежащие к отделенной больнице вещи, кроме платья и белья, которое прежде сего успели перенести, чему свидетелем был живший во все время у нас тайный советник Повалишин.

Спустя 4 дня Иловайский приехал ко мне. Я не преминул сказать ему, что воинам российским, прибывшим сюда для установления порядка и спокойствия, неприлично поступать так, как поступали его казаки, которые сделали в доме великое беспокойство и беспорядки, при чем свидетели были генерал-майоры Бенкендорф и Чернышев. Иловайский отозвался, что ему это очень неприятно; а потом приличным образом передо мною извинялся.

Ввечеру того ж 11 октября вошел с гусарским полком генерал-майор Бенкендорф, который снабдил Дом Воспитательный караулом и оказывал мне всевозможное пособие, по принятой им на себя в городе должности коменданта. Я просил его также об охранении всех прочих заведений Вашего Императорского Величества и вручил ему о них записку.

22-го числа генерал-майор Бенкендорф выступил из Москвы со своим отрядом в поход, и с того времени гусарский караул снят в доме, а на место оного получил я полицейский, который и ныне находится в Доме.

По приезде в Москву обер-полицмейстера Ивашкина, у которого бывши, неотступно просил его о выводе из Дома оставленных у меня французских раненых и больных, дабы я мог немедленно приступить к очищению Дома. 22-го же числа по приезде в Москву полиции, был я обрадован началом вывода из Квадрата.

25-го числа вывезли из Квадрата и окружного строения всех рядовых французских раненых и больных, а остались одни только раненые офицеры числом 10 человек, да при них служители. Оные раненые офицеры пищей довольствуются от Дома[42].

Теперь, освободясь от лазаретов сих, наполненных всякого рода неопрятностию и несносным воздухом, я занимаюсь очищением оных и приведением, сколько возможность позволит, в порядок, но жить в сих помещениях еще долгое время нельзя будет, ибо вкоренившейся язвительной мокроты, протекшей в отделениях сквозь полы, а в коридорах не прошедшей нечистоты и вони никак невозможно скоро вывести. Для чего я намерен всю зиму оставить окна и двери открытыми и в надлежащее время проводить разного рода курения. Сверх того, все комнаты, кои занимались французскими лазаретами, требуют больших поправок, ибо полы, двери, окна, печи и стены весьма много попорчены, перегородки почти во всех комнатах выломаны и выкиданы, разная мебель и другие вещи, как казенные, так и служащие переломаны и сожжены, от печей все вьюшки и тарелки выкинуты, топку производили беспрерывно, никогда не закрывая оных, оттого много истребили дров.

По прибытии в Москву гражданский губернатор тайный советник Обрезков, со многими чиновникам был в Доме; обойдя со мною, удивлялся толикому содержанию детей в порядке.

24 октября прибыл в Москву главнокомандующий граф Федор Васильевич Ростопчин, коему я не преминул подать рапорт с объяснением о всех заведениях Вашего Императорского Величества, с подробным донесением, какое число в Воспитательном доме было французских раненых и больных и сколько умерло.

Теперь, по приезде в город начальства, приняты надлежащие меры к очищению оного; лошади, коих по улицам валялось несколько тысяч, и всякая нечистота вывозятся за город. Жители приезжают в Москву узнать о своих домах и с печальным сердцем видят их или обращенными в пепел, или хотя от пожара уцелевшими, каковых очень немного, но совершенно разграбленными; ищут своих имуществ, кои многие для сохранения многие зарывали в землю, или закладывали в стены и подвалы; но видят, что от хищной руки неприятеля ничего не укрылось. Даже в храмах Божиих сокрытые в землю церковные достояния не пощажены от расхищения, и самые церкви обращены были, по безбожию врага, в конюшни, кухни и скотские бойни.

Дети, в Доме находящиеся, как малолетние, так и возрастные, оставленные за болезнями, и по времени выздоровевшие, так же из воспитанниц учительницы и помощницы и все посторонние благородные молодые женщины, девицы и мущины, имевшие прибежище в Доме во все время, благодарение Всевышнему, пребыли благополучны; так что на невинность их не сделано было никаких покушений, хотя многие французские чиновники приезжали в Дом, чтобы видеть заведение оного, но все они просили на то моего позволения, и были мною допускаемы, коих я сам водил или поручал моим подчиненным. Таковых посетителей, французских чиновников, у нас было довольное число, и все они, при расстроенном положении Дома, весьма хвалили заве-

денный порядок и чистоту и отдавали преимущество во всем нашему заведению против Венского. Для такового спокойствия домашнего имел я все предосторожности, как уже Ваше Императорское Величество выше сего видеть изволили. Во все время, когда только безмятежность позволяла, воспитанники обоего пола были заняты классическим учением, вязанием чулок и некоторыми рукоделиями, по сделанному мною расписанию. Какое же число детей состояло в доме с того времени, как я имел возможность Вашему Императорскому Величеству доставлять всеподданнейшие отчеты и какое в течение оного времени убыло, я уже имел щастие от 31 октября Вашему Императорскому Величеству представить ведомость. Детей в городе, сколько ныне состоит налицо, нельзя иначе узнать, как по приходе родителей их за месячною платою, которых при нынешней выдаче явилось меньшая половина, и жилища их записаны. Детей, воспитывающихся по деревням в сентябре и октябре месяцах, как равно и в нынешнем, не было возможности осмотреть, по смутным обстоятельствам.

В богадельне воспитанники обоего пола мною осмотрены, кои все состоят налицо, кроме двух, неизвестно куда по вступлении неприятеля удалившихся, и шести, в разное время умерших, как я уже о том доносил Вашему Императорскому Величеству.

Теперь, благодарение Богу — Зиждителю всех благ, по избавлении столицы от неприятеля, время от времени мы будем иметь менее затруднения в получении продовольствия. Что касается до денежных расходов, я употреблял всевозможное старание делать издержки только необходимо нужные и помышляя о сохранении суммы от похищения неприятельского. Две же тысячи рублей, кои употребил я на экстраординарные расходы, в подарки некоторым французским чиновникам, принесли Дому немалую пользу, но сверх сего употребил я, хотя беден, из своих денег немалую сумму на вспомоществование своим нуждающимся собратиям, из христианского сострадания и некоторых снабжал платьем и обувью, по возможности своей, а из казенных денег никак не смел на сие поползновение сделать. Боясь расхищения казны от неприятеля, от того единственно отпустил я с первым бухгалтером Шредером на проезд и содержание детей толь большую сумму 40 000 р., но по милосердию Божию я успел сохранить в целости как сумму, так и здание и всех детей со служащими.

О расходах же и убытках, понесенных по пребыванию в Москве неприятельских войск. Скотный двор пожаром не тронут, но строение частию попорчено и заборы растащены и сожжены, также и роща местами вырублена, а огородное все истреблено. Что касается до аптеки домовой, то по данному мне от сына аптекаря Буттера рапорту, который за отъездом отца хозяином в ней оставался, пожаром убытку им причинено до 69 000 р. Прочие же заведения Вашего Императорского Величества находятся в следующем положении. Александровский институт занят российскими ранеными (337 человек), Екатерининский институт. Вдовий дом, Лефортовский и Инвалидный г-жи Шереметевой никем не заняты[43]. Вдовий Кудринский дом, как я уже всеподданнейше доносил Вашему Императорскому Величеству, совершенно сгорел. Во всех оных домах поставлен от меня нанятый караул, во Вдовий Лефортовский дом перешел для жительства смотритель Мирицкий. Больница бедных от французских раненых очищена. Павловская больница от пожара сохранена, но претерпела некоторым образом от расхищения и была занимаема французскими ранеными, коих ныне в ней нет. Все оные заведения, как равно и Воспитательный дом и принадлежащие к нему части, поручил я осмотреть архитектору Жилярди и подать подробное описание о состоянии и приведении их в порядок.

Во всех поступках моих при сношениях моих по дому с французским начальством, как по долгу присяги моей, так и по свойственной всякому русскому дворянину приверженности к законному своему Государю, старался я всегда показать твердость духа и неустрашимость и во всех сохранить пользу государственную, полагая, что лучше умереть с честию за свое Отечество, нежели быть предателем своего Государя.

Не могу я также Вашему Императорскому Величеству умолчать о трудах бывших при мне во все смутное время Коллегии иностранных дел коллежского советника Михайла Шульца, родного брата служащего в доме бухгалтера Карла Шульца и московского купца Горна[43], лишившихся в нещастное время своего всего имения и снискивавших у меня пристанища, которых употреблял я с большою пользою для письменных и словесных сношений с французским начальством, равно и нашего эконома Христиани двух сыновей — коллежских регистраторов Франца и Петра Христиани — и 14-го класса Бушуева, знающих также французский язык и казавших свое усердие при каждом случае и способствовавших переводом мне во французском языке, коих поручаю я в Высокомонаршую Вашего Императорского Величества милость.

В заключение, поднося у сего на рассмотрение Вашему Императорскому Величеству при реестре все вышеозначенные в сем донесении моем бумаги, ласкаю себя надеждою, что Ваше Императорское Величество примите сие мое донесение, писанное пером не красноречивым, но исполненное духом ревности и усердия шестидесятилетнего старца к Престолу Царскому со свойственным высокой особе Вашей снисхождением и простите меня в простодушии. Осмеливаюсь также всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество принять со Всемилостивейшим благоволением рекомендацию, мною подносимую в приложенном списке о подчиненных моих.

Всемилостивейшая Государыня
Вашего Императорского Величества
Всеподданнейший
Иван Тутолмин

Ноября 11-го дня 1812 года

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! С последнею почтою получив донесения ваши от 11-го сего месяца, Я с любопытством и с разнообразными чувствованиями ужаса и сожаления читала историческое описание всех происшествий, бывших с вами во время пребывания неприятеля в Москве, и содрогалась при воображении опасности, в которой находился Воспитательный Дом, особливо 4 сентября. Сему впечатлению последовала живейшая благодарность ко Всевышнему, покровительствовавшему нашему Дому и избавившему его от гибели, и истинная признательность за ревностнейшие труды и попечение ваше и подчиненных ваших. Отдавая такому рвению полную справедливость, Я вскоре надеюсь иметь удовольствие изъявить всем отличившимся усердием особливое Мое благоволение. Я не могу не одобрить вообще распоряжений и мер, принятых вами в оные смутные обстоятельства для избавления Дома и вверенных вам питомцев от вящих бед и снабжения его потребности, равно как и доказательств ваших для отвращения стеснения в Доме, хотя, конечно, можно было предвидеть, что всякое о сем прошение будет тщетно, сколько бы ни старались при нещастном тогдашнем вашем положении склонять в пользу Дома. Весьма щастливо и то, что могли в оставленной вам половине Квадрата разместиться покойно, хотя и не просторно. Но с великим прискорбием усматриваю Я крайнее расстройство другой половины от преходящей все меры неопрятности неприятеля, препятствующей во всю зиму ту иметь жительство, что при умножении питомцев, как приносными и рождающимися в Доме, так и приводимыми от разоренных воспитателей будет весьма затруднительно. В рассуждении сих последних, однако, Я уже сообщила вам Мои мысли в письме от 12-го сего месяца, и Я с удовольствием вижу из полученных ведомостей, что вы частию сами уже согласно тому исполняете отдачею привозимых из погорелых селений питомцев другим воспитателям по возможности. Что же касается до детей, присланных от неприятельских начальников, Я равномерно уже вам сказала, что данные им названия надобно истребить, но, впрочем, приятно Мне было видеть настоящую причину наименования, что оное дано не в виде постоянного прозвания, а единственно для отметки в ведомостях.

Хотя погребенные столь близко Воспитательного Дома мертвые тела весьма меня беспокоят, Я, однако, при всем том радуюсь, что не было их похоронено на самом дворе нашем, и Я надеюсь, что принимаются и в рассуждении тех надлежащие меры. Весьма утешительно было для Меня видеть, что хотя принуждены были довольствоваться умеренною пищею, однако благоразумною осторожностью вашей избавились от голода, в чем с удовольствием отдаю вам полную похвалу, равно как и попечению вашему, несмотря на бедствия, вас окружавшие, занимать питомцев полезными упражнениями. Выдачу двойного за сентябрь-месяц жалованья рабочим людям в Доме я совершенно утверждаю, во уважение трудов их в то время.

Крайне прискорбно Мне, что из находившихся в Городе у родителей питомцев столь великое число остается еще в неизвестности, и Я прошу вас употребить всевозможное старание для отыскания оных, равно как и для собрания сведений о находящихся по деревням, в рассуждении чего возвращение помощника вашего весьма меня обрадовало.

Доставленные вами описи вещей, оставшихся в Домах Екатерининского и Александровского училищ, приказала Я препроводить к Николаю Ивановичу Баранову для рассмотрения, что пропало. Весьма сожалительно, что оставшихся в сих строениях вещей, того стоящих, не успели вы перевести в течение времени от 21 августа в Воспитательный Дом.

С душевным прискорбием усмотрела Я из донесения вашего, что в нашем Вдовьем Кудринском Доме погибло толикое число наших раненых, и прошу вас уведомить Меня, какие были приняты меры и употреблены способы к сохранению того Дома от пожара? Были ли в оном пожарные инструменты? Кто имел о распоряжениях в сем печальном случае попечение? Сколько спаслось из нещастных, бывших в Доме? Словом, обо всех обстоятельствах сего жалостного приключения, поколику узнать можете.

Именованные вами посторонние люди, оказавшие усердие и пособие во время бедствий, не останутся без внимания, и Я прошу вас предварительно благодарить их Моим именем.

Что касается до разных вещей, оставшихся в Воспитательном Доме после французских раненых и больных, и коим вы доставили опись, то все оные имеете отдать Моим именем главнокомандующему в Москве для раздачи, куда что следует, а Дом наш ими воспользоваться не должен, выполняя долг благодарения, даже к врагам, без возмездия.

Затем остается Мне только упомянуть о воспитанниках, бывших в ополчении и по оставлении командами, явившихся в Дом. Спросите у них, желают ли они продолжать военную службу или какого рода избирают состояние? И по отобрании у них отзыва испросить у главнокомандующего совета, как должно поступить, либо для употребления их в военную службу или увольнения от оной, смотря по их желанию.

Я полагаюсь на продолжение ревностных трудов и попечения вашего о приведения Дома всевозможными средствами в прежнее состояние и прошу вас стараться о покупке достаточного количества негашеной извести для истребления вредных и заразительных испарений, также других материалов, для починок в Воспитательном Доме потребных, которые уповательно теперь не так дорого обойдутся, как по умножении в Москве жителей и начатий в частных домах починок и работ.

Я пребываю в прочем с совершенным доброжелательством вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге.
Ноября 19-го дня 1812 года

С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Я очень рада, что, наконец, холодная погода позволила вывезти похороненные близ вашего Дома трупы, и хотя очень бы желала, чтобы для доставления вашим питомцам хорошей воды, удобно было вырыть колодцы, но так как сие по долговременному вашему опыту невозможно, то Я полагаюсь на попечительность вашу в очищении употребляемой питомцам воды.

Пребываю в прочем с совершенным доброжелательством вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге.
Ноября 24-го дня 1812 года

С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Повеление императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Одно из донесений ваших от 28-го декабря и приложенный при нем рапорт медицинских чиновников и архитектора, конечно, объясняет достаточно важные причины, по которым невозможно прежде лета поместить детей в той части дома, где были французские раненые и больные. Сохранение здоровья детей есть первый наш закон и, следовательно, против тех причин нет никакого возражения. Но, тем не менее, крайне беспокоит Меня умножающееся число подкидышей, и как, по донесению помощника вашего, в кормилицах недостатка не предвидится, то Я почитаю за непременную нашу обязанность всеми мерами стараться о скорейшем открытии опять Дома для приема приносных детей. Выбытие из Дома некоторых призренных во время нещастий посторонних людей вам, конечно, в том поможет, но сделайте еще другие способы и места. Нельзя ли употребить к тому Дом Инвалидного учреждения г-жи Шереметевой? Употребите обыкновенное ваше усердное старание к отыскиванию удобного помещения для приносных детей и обрадуйте Меня скорым извещением, что сия часть вами устроена, ибо Я не буду иметь покоя, покуда не узнаю, что мы можем опять открыть прием. Что же касается до призренных в Доме посторонних людей, то, конечно, нельзя их надолго оставлять в Доме, а надобно, как Я и прежде писала, склонить их к выезду. Желая вам в поправлении здоровья наилучшего успеха, пребываю с истинным благорасположением вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге.
Декабря 6-го дня 1812 года

С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Предписание императрицы Марии Федоровны к кн. С. М. Голицыну

Князь Сергей Михайлович! Из последних полученных Мною ведомостей Московского Воспитательного дома я с прискорбием видела, что еще 291 питомец не явился из бывших в городе у родителей на семилетнем воспитании. Я признаюсь вам, что участь сих детей крайне Меня душевно беспокоит, и как главный надзиратель, конечно, уведомил вас о принятии им мер для их отыскания то прошу и вас приложить всевозможное старание для узнания о их жребии и положении и Меня об успехах ваших трудов уведомить. Я уверена, что обер-полицмейстер, которого Я знаю, как честнейшего и добрейшего человека, по сношениям вашим к нему, со своей стороны, окажет в рассуждении всевозможное вам пособие. С истинным благорасположением пребываю вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге.
Декабря 2-го дня 1812 года

Предписание императрицы Марии Федоровны кн. С. М. Голицыну

Князь Сергей Михайлович! Я получила все донесения ваши от 9-го сего месяца и видела, между прочим, совершенное оскудение ваше в деньгах. Я немедленно приказала из здешней сохранной казны вместо 10 тыс. отпустить к вам 50 тыс. рублей. Имела Я еще в виду и награждение, которое в полной мере заслуживают крестьяне, пострадавшие от военных обстоятельств, и, несмотря на то сохранившие питомцев. Весьма утешительно мне, что большая часть находящихся в деревнях питомцев осмотрена и найдена здоровыми, а число умерших не превосходит обыкновенной пропорции. С удовольствием видела Я также, что еще 124 из находящихся у родителей на семилетнем воспитании явились и уповательно все наши дети приведутся в желаемую известность. О воспитанниках, бывших в ополчении, ожидать буду дальнейшего вашего донесения и пролагаю, что не будет затруднения освободить их от военной службы согласно с их желанием. С истинным доброжелательством пребываю вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге.
Декабря 16-го дня 1812 года

Предписание императрицы Марии Федоровны кн. С. М. Голицыну

Князь Сергей Михайлович! Из донесения Вашего от 12-го сего месяца Я с чувствительным удовольствием усмотрела, что вы с главным надзирателем нашли помещение для приносных детей, и потому нет препятствия открытию Воспитательного дома для принятия паки приносимых в оный младенцев[44]. Я прошу вас вследствие сего приступить немедленно к сему открытию и публиковать, что младенцы принесены быть могут в Дом во всем на прежнем основании.

Пребываю в прочем с совершенным доброжелательством вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге
Декабря 20-го дня 1812 года

Предписание императрицы Марии Федоровны И. А. Тутолмину

Иван Акинфиевич! Донесение ваше от 12-го сего месяца о приискании вами достаточного места для помещения кормилиц с приносными детьми и распоряжении вследствие сего всего нужного для открытия опять приносных младенцев чувствительно Меня обрадовало, и весьма приятно Мне было притом видеть, что вы отгадали Мои мысли по сему предмету.

Пребываю всегда вам благосклонною.

На подлинном подписано Собственною Ея Императорского Величество рукою тако:

Мария

В С.-Петербурге
Декабря 20-го дня 1812 года

С подлинным верно.
Главный надзиратель Иван Тутолмин

Предписание императрицы Марии Федоровны кн. С. М. Голицыну

Князь Сергей Михайлович! Я имела удовольствие получить весьма утешительное донесение ваше от 9-го сего месяца, удостоверяющее о малом числе детей, по деревням остающихся не осмотренными, и надеюсь, что при наступлении времени к их возвращению сии 323 остальные найдены будут так же, как и прочие, хорошо сбереженными, с убылью не более обыкновенной. Хотя же из другого донесения вашего весьма приятно было видеть прекращение свирепствовавших между питомцами поносов с нервными и гнилыми горячками, за что благодарю Всевышнего от глубины сердца, однако распространившая корь еще беспокоит Меня при жестокости сей зимы. Крайне должно употребить старание для сбережения детей от простуды после выздоровления, ибо болезнь, как известно, не столь опасна, как ее последствия.

Препоручая сие особенному вашему попечению, Я пребываю в прочем с совершенным доброжелательством вам благосклонною.

Мария

В С.-Петербурге
Генваря 16-го дня 1813 года

Повеление императрицы Марии Федоровны кн. Сергею Михайловичу Голицыну

Князь Сергей Михайлович! Разговаривая с почетным опекуном Нечаевым о делах наших и понесенных в бывшее нещастное в убытках, речь была и о скотном нашем дворе. Польза, им приносимая Воспитательному Дому, немаловажна, снабжением его как разными овощами, так и свежим молоком, которого, конечно, покупкою никак не заменить не можно, а доброта оного столь важна для здоровья детей. По сей причине почитаю Я необходимо нужным щитаю восстановить скотный двор как можно скорее, хотя не вдруг, а постепенно, в прежнем его положении, и прошу вас обратить на сей предмет особливое внимание. Сколько Я замечаю, главное затруднение состоит в приискании рогатого скота хорошей породы и хорошего сортового картофеля для посева. По неимению оных в Москве и окружности ее, то и другое обойдется, вероятно, недешево, но лучше заплатить подороже и купить хорошее, нежели тратить деньги на худое. Нет потребности вдруг закупать большое число коров, а можно довольствоваться половиною против бывшего прежде числа или еще меньше, умножая оных потом исподволь, если без покупки обойтиться не можно будет. Также почитаю Я за необходимое иметь некоторое число коз, для снабжения козьим молоком больных детей. Все сие прошу вас принять в ваше уважение и попечение. Пребывая с совершенным доброжелательством вам благосклонною.

На подлинном подписано собственною Ея Императорского Величества рукою тако:

Мария

В С.-Петербурге
Генваря 27 дня 1813 года

ОПИ ГИМ. Ф. 114. Инв. 19979/90/Арх. 3610.
ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 1—25.

Примечания

[1] Текст рескрипта дан в сокращенном варианте, т. к. основные положения об эвакуации Сохранной казны, воспитанников Воспитательного дома приводится в рукописи И. Багдадова.

[2] От французского *pepinière* — питомица.

[3] Т. е. Положения Опекунского Совета.

[4] Впоследствии Ростопчин вспоминал: «Кроме дел судебных, сенатских, военных комиссий и архива Министерства иностранных дел пришлось увозить заведения ведомства Императрицы-матери, государственную казну, Патриаршую ризницу, сокровища соборов, Троицкого и Воскресенского монастырей… Все это вывезено в течение двух дней и направлено в Нижний, Казань и Вологду… по окончании распределения подвод и назначения дней отъезда давалось о том сообщение нижегородскому и владимирскому гражданским губернаторам, дабы они своевременно распорядились выставлением на границе своих лошадей. Независимо от лошадей я велел приготовить в Коломне (город на Оке, в 94-х верстах от Москвы) такое количество больших судов, какое только можно было собрать для перевозки водою в Нижний Новгород государственного казначейства и сумм приказа общественного призрения, принадлежащих Воспитательному Дому» (Из записок графа Ф. В. Ростопчина. С. 62—63).

[5] Всего из Александровского института было отправлено 80 человек (инспектриса Мелярт, 6 классных дам, 36 девиц, портниха, кастелянша, штаб-лекарь, эконом, писарь, 14 служителей и 15 служительниц), из Екатерининского — 180 (начальница Перрет, ее помощница, 10 классных дам, 4 пепиньерки, «рукодельная дама» с сестрой, лазаретная надзирательница, 98 девиц, портниха, кастелянша с помощницей, штаб-лекарь, подлекарь, эконом, писарь, 29 служителей и 27 служительниц. В поданом Н. И. Барановым «Списке ссудившим Екатерининский и Александровский институты экипажами» указано, что кн. Н. Б. Юсупов предоставил две двухместные кареты, А. М. Лунин — одну четырехместную и две двухместные, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, кн. С. М. Голицын, коллежский советник П. С. Полуденский и генерал Д. Д. Шепелев — по одной четырехместной, генерал-майорша П. А. Анненкова и княгиня П. А. Хованская — по две четырехместных, классная дама Липунова — одну коляску, а сам Баранов — две четырехместных и две двухместных кареты и одну коляску. Кроме того, при Институтах были одна двухместная и две четырехместные кареты и одна коляска (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 76, 78).

[6] Цветаев Лев Алексеевич (1777—1835), с 1811 г. профессор Московского университета. С 1816 г. декан нравственно-политического отделения.

[7] Лефортовский военный госпиталь был основан по приказу Петра I в Лефортовской слободе в 1707 г. При нем были открыты медико-хирургическая («госпитальная») школа, анатомический театр и ботанический сад для разведения лекарств. Новое здание госпиталя построено архитектором И. В. Еготовым в 1798 — 1801 гг. С 1946 г. — Главный военный клинический госпиталь им. Н. Н. Бурденко.

[8] Татищев Александр Иванович (1762—1833), граф (1826), генерал от инфантерии (1823) Участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., отличился в 1788 г. при Очакове. С 1808 г. генерал-кригскомиссар, в период военных действий 1812—1814 гг. внес большой вклад в организацию снабжения русской армии обмундированием и снаряжением. С 1823 г. по 1827 г. — военный министр.

[9] Саблер Томас-Фридрих, доктор, акушер, профессор патологии и терапии С.-Петербургской Медико-Хирургической академии.

[10] Николай Павлович (1796—1855), третий сын Павла I и Марии Федоровны, с 1825 г. император Всероссийский Николай I.

[11] Михаил Павлович (1798—1849), четвертый, младший сын Павла I и Марии Федоровны, с 1826 г. командир Гвардейского корпуса.

[12] Гильтебрандт Федор Андреевич (Юстус Фридрих Якоб) (1773—1845), профессор хирургии Московского университета и Московского отделения Медико-хирургической академии. В 1812 г. служил в московских госпиталях; провел консилиум по поводу тяжелого ранения князя П. И. Багратиона. В день вступления в Москву французских войск, сопровождая раненых, выехал во Владимир, где оставался до конца года.

[13] Бём Карл Фридрих (1756—1851), доктор медицины. Имел большой опыт службы в госпиталях русского флота. В 1806—1817 гг. главный консультант Московской больницы для бедных.

[14] Имеется в виду драгунский полк Итальянской королевской гвардии, входившей в состав 4-го армейского корпуса Великой армии под командованием вице-короля Италии Евгения Богарне. По вступлении в Москву полк располагался в районе Тверской заставы.

[15] Рожалин Матвей Козьмич (1774 — после 1832), врач. Учился в Московском университете и Московской Медико-Хирургической академии. Служил полковым лекарем. С 1803 г. — врач Московской больницы для бедных, с 1805 г. — штаб-лекарь и титулярный советник. В 1806 г. за отличие был пожалован императрицей Марией Федоровной золотой табакеркой. С 1807 г. в русской армии, сражавшейся с турками. По возвращении из похода в 1809 г. — вновь лекарь в больнице для бедных и одновременно прозектор Московской Медико-Хирургической академии. С 1813 г. — коллежский асессор, с 1816 г. — надворный советник, с 1823 г. — статский советник.

[16] Имеется в виду 4-й армейский корпус Великой армии (См. прим. 14).

[17] Нарбонн Лара Луи Мари Жак (1755—1813), граф (1810), генерал, дипломат и политический деятель. Незаконный сын Людовика XV. В 1791—1792 гг. военный министр Франции. Во время якобинской диктатуры бежал за границу, вернулся в 1800 г. С 24 ноября 1811 г. — генерал-адъютант Наполеона. Пользуясь его доверием, накануне войны с Россией в мае 1812 г. был послан к Александру I в Вильно с разведывательно-дипломатическим заданием. Участвовал в кампании 1812 г.

[18] Деженетт Рене Николя Дюфриш (1762—1837), французский хирург, барон (1809). Участник Египетской экспедиции и войны в Испании. В 1812 г. — главный инспектор санитарной службы Великой армии, при отступлении которой из России остался в Вильно с ранеными и 10 декабря взят в плен. Лечил русских раненых, по повелению Александра I 20 марта 1813 г. был возвращен французам и вновь занял ту же должность.

[19] Носков Павел Петрович (1769—1838), действительный статский советник.

[20] Имеется в виду 5-й (Польский) армейский корпус Великой армии, которым командовал маршал, князь Юзеф (Иосиф) Антоний Понятовский. При вступлении в Москву дислоцировался у Калужской заставы.

[21] Фишер Станислав (1770—1812), польский дивизионный генерал. С 1792 г. участвовал в боях с российскими войсками, был адъютантом Т. Костюшко. В 1794—1796 гг. — в плену в России. С 1806 г. на французской службе. Был ранен во время австрийской кампании 1809 г. В 1812 г. начальник штаба 5-го корпуса, ранен при штурме Смоленска и в Бородинской битве. Убит в Тарутинском сражении 6 октября 1812 г.

[22] См. комментарий к запискам А. Д. Бестужева-Рюмина.

[23] Бойе Жак Александр (Яков Петрович) (1766—1838), полковник. В ноябре 1812 г. был представлен к чину бригадного генерала, но взят русскими в плен. В Казани женился на русской, в 1816 г. принял российское подданство, получил пенсию как пленный генерал. С 1827 г. причислен к Кабинету Его Императорского Величества чиновником особых поручений, дослужился до чина действительного статского советника.

[24] Ларрей Доминик Жан (1766—1842), барон, французский военный хирург. Участник почти всех крупных сражений наполеоновских войн. С 1812 г. главный хирург Великой армии, совершил с ней поход до Москвы и обратно. Столкнувшись с нехваткой медиков, отсутствием медикаментов и продовольствия для раненых, проявил выдающиеся способности организатора, человеколюбие и мужество.

[25] В ночь с 4 на 5 сентября 1812 г. сгорело главное здание Московского университета, однако корпус университетской больницы на Моховой остался цел.

[26] Глухов, полковник, батарея которого отличилась в Бородинской битве.

[27] Декокт — лечебный отвар на воде или молоке, приготовляемый из растений или животных веществ.

[28] Данилов монастырь находится рядом с Павловской (ныне 4-я городская) больницей.

[29] Черняев Алексей Михайлович (ум. в 1831), врач, с 1813 г. доктор медицины.

[30] Помимо И. Д. и Д. И. Жилярди Воспитательный дом осматривали также архитекторы А.Н. Воронихин и Дж. Кваренги.

[31] Т. е. штатного.

[32] Морво, Гитон де Морво Луи Бернар (1737—1816), французский химик, один из основателей Политехнической школы. В 1792 г. был членом Комитета общественного спасения, голосовал за казнь Людовика XVI. Занимался, в частности, вопросами ассенизации при помощи окуривания кислотой.

[33] Симарубовые — высокие кустарники с корой, богатой горькими веществами. Колумбо — растение, содержащее колумбиновую кислоту, обладающую целебными свойствами.

[34] В «Бумагах Щукина»: «Мосты и суда на реке были в огне и сгорели до самой воды» (С. 152).

[35] В «Бумагах Щукина»: «…пламя разливалось реками повсюду; вихрь отрывал клубы огня и переносил на другие дальние строения, кои тотчас загорались: весь город был в огне, и ночь не различалась светом с днем» (С. 152).

[36] В «Бумагах Щукина» указывалось, что Лелорнь «жил много лет прежде в Москве, и был нарочно для того в Москву прислан, чтобы он знал Русской язык, входил в домы и давал вести Наполеону; следовательно, был его лазутчик» (С. 154).

[37] В начале XIX в. собственно «Украиной» называлась территория Правобережной Украины, незадолго до этого вошедшая в состав Российской империи, а Малороссией — Левобережная Украина, куда, в частности входила и Харьковская губерния, из которой поступал скот.

[38] Имеется в виду воздушный шар Леппиха — самодвижущийся управляемый воздухоплавательный аппарат, разработанный немецким изобретателем Ф. Леппихом, который, по его расчетам, мог поднять в воздух 40 человек и 5 тонн груза. Леппих обратился к Александру I с предложением построить свой аппарат в России и использовать его для уничтожения наполеоновской армии посредством сбрасывания на нее разрывных снарядов. В ОПИ ГИМ сохранился рескрипт Александра Московскому гражданскому губернатору Н. В. Обрескову о присылке семи рабочих по желанию Леппиха (Ф. 160. Ед. хр. 193. Л. 6). В мае 1812 г. Леппих устроил в имении кн. А. Н. Волконской Воронцово (ныне в черте Москвы) мастерскую для изготовления аппарата. Но к сроку «шар» не был закончен, и накануне вступления наполеоновской армии в Москву Ростопчин вывез готовые детали в Нижний Новгород, а мастерскую сжег.

[39] В «Бумагах Щукина»: «из коих некоторые только могли спастись, т. е. те, кои имели силы выползти» (С. 155). Примечание: «Кудринский Вдовий дом сгорел 3-го сентября во вторник не от соседственных дворов, но от явного зажигательства французов, которые, видя, что в том доме русских раненых было около 3 000 человек, стреляли в оный горючими материалами, и сколько смотритель Мирицкий ни просил варваров сих о пощаде дома, до 700 раненых наших в оном сгорели; имевшие силы, выбежали и кой-куда разбрелись. В доме тихо отправляли в церкви службу; все исповедались и причащались, готовясь на смерть» (Там же).

[40] В «Бумагах Щукина»: «Сентября 28, в субботу, оставшиеся в Москве французские лицедеи в доме Позднякова, на Большой Никитской, дали комедию, о чем по городу и печатными объявлениями на французском языке повестили» (С. 157).

[41] В приложении к рапорту Тутолмина была приведена ведомость о расходах на содержание французского конного караула из 12 жандармов с офицером, помещенных в корделожах и занявших казенную конюшню. Вместе с их посетителями, которых было ежедневно от 18 до 25 человек, в течение 12 дней было израсходовано: 15 фунтов кофе по 1 р. 80 к., 2 фунта чая по 5 р. 50 к., 1 ½ пуда сахару по 72 р., 3 бочки пива по 32 р., 53 бутылки красного вина по 1 р. 50 к., 4 штофа водки сладкой по 6 р., 6 штофов водки французской по 4 р., 12 бутылок рома по 5 р., 1 пуд 35 фунтов масла чухонского по 1 р., 1 пуд 30 фунтов масла коровьего по 17 р. 60 к., 4 пуда 7 фунтов свеч сальных по 9 р., 1 пуд 30 фунтов телятины по 9 р., 34 фунта окороков ветчины на сумму 18 р., 6 языков копченых на сумму 6 р., 1 бочонок сала на сумму 9 р., 2 штофа уксусу ренского на сумму 3 р., 1 большую банку грибов в уксусе на сумму 12 р., 3 бутылки масла прованского на сумму 13 р., 12 пудов хлеба ржаного по 1 р. 10 к., 240 булок по 7 к., 8 четвериков картофеля по 1 р., 1 пуд соли на сумму 1 р. 70 к (итого на 687 р. 18 к.); 7 $^{1}/_{2}$ пудов говядины свежей на 36 р.

Кроме того, для лошадей наполеоновской армии было отпущено 40 четвертей овса по 7 р. 50 к., 420 пудов сена по 72 1/2 к., 12 пудов дегтя по 3 р., 3 пуда соли по 16 р., итого на сумму 692 р. 13 к. На довольствие рабочих, присланных М. Дюма для слома пристроек и устройства печей: 13 пудов ржаного хлеба по 1 р. 10 к., 2 ½ пуда свеч по 9 р., 2 четверика гречневых круп по 2 р. 50 к., 2 ведра «вина простого» по 6 р., 1 пуд соли на сумму 55 р. 50 к., а также 4 ½ пуда говядины свежей на сумму 21 р. 60 к., 27 ломов и 10 топоров на сумму 79 р.

6 октября в корделожах Воспитательного дома расположились 300 конных жандармов с офицером, «для которых, по требованию их, учрежден был особый стол — ежедневно

офицеров состояло от 15 до 20 человек». Им было отпущено 10 ¼ пуда ржаного хлеба по 1 р. 10 к., 440 булок по 7 к., 10 ф. масла чухонского по 1 р. рублю, 30 ф. масла коровьего по 45 к., 110 бутылок пива по 15 к., 2 четверика круп гречневых по 2 р. 50 к., 6 четвериков картофеля по 1 р., 5 пудов 11 фунтов свеч сальных по 9 р., 15 бутылок цимлянского по 2 р., 30 бутылок вина красного по 1 р. 50 к., 2 четверика луку по 2 р. 60 к., 2 пуда соли по 1 р. 70 к., 50 кочанов капусты по 8 к., итого на сумму 228 р. 15 к.

«По многократным и неотступным требованиям квартировавших в доме жандармов, от меня сукна, как они были предуведомлены, что у нас в Доме оное имеется для детей, принужден был выдать им 185 аршин, сказав, что последнее, которое по подрядной цене 2 р. 5 аршин на 462 р. 50 к., 9 ½ пудов говядины свежей, полагая по подрядной цене по 4 р. 80 к., которая отпускалась от убитого скота со скотного двора. А рядовые жандармы, обозрев, взяли на пишу из пригнанных со скотного двора 10 коров. До тех пор продолжали довольствовать, что мы имели, а, наконец, ни у кого — ни у меня, ни у чиновников ничего не осталось. В покупку ни за какие деньги отыскать было невозможно, тем прекратили они свое требование, квартиры же имели по 8 октября». На экстраординарные расходы главным надзирателем издержано 2 000 р. Из 20 лошадей, находившихся на казенной конюшне, неприятелем было взято 10 лучших, каждая из которых была оценена в 1000 р. Две лошади были отправлены с комиссаром Рухиным в С.-Петербург для отправки по просьбе Наполеона вышеупомянутого письма Тутолмина Александру I. Обер-секретарь Полуденский взял в Казань две лошади. Одну лошадь забрали казаки во время объезда подмосковных деревень проф. Данилевским для покупки хлеба. Тутолмин вынужден был купить за 200 руб. еще двух лошадей. 1 октября со скотного двора было пригнано 36 дойных и не дойных коров, 3 трехгодовалые телки, 4 двухгодовалые, 4 годовалые; 1 четырехгодовалый бык, 1 двухгодовалый и 2 годовалых (итого 51 штука крупного рогатого скота), 10 из них были отобраны французами. «С большим трудом сберегли шесть коров, укрывая их в садах в погребном этаже, единственно по необходимости для продовольствия рожковых детей, а прочие 35 штук за неимением корма и страшась отобрания неприятелем, убиты, которыми как было возможно, довольствовали свежим мясом обоего пола детей и неприятелей, а прочее мясо посолено; продажи ж во время неприятеля съестным припасам никаким в городе не было, а оставленным шести коровам употребляли в корм из постель детских и кормилиц солому, с подсыпкою муки, включая оных 6-ть и взятых неприятелем 10-ть. Оставшимся на употребление 35 штукам примерно за оные полагается 2 450 р. Еще находятся на скотном дворе коз 19 штук; оные, по смутности времени и по прохождении своей и неприятельской армии, невозможно было спасти, за которых примерно полагается 190 р.». Из 3 лошадей, состоявших на скотном дворе, удалось сохранить две, «а одна с имеющимися телегами и хомутами и с тремя инвалидами без вести пропала. Сена было накошено 7 939 пудов и в сараи убрано, полагая за пуд по 72 ½ к. — 5 755 р. 77 ½ к. Накопленного овса покладено в двух одониях (настил. — *прим. публ.*), из коего по нынешнему урожаю вымолотить должно было до 72-х четвертей, полагая по 7 р. 50 к. — 540 р. Солома и мякина стоила до 200. Овощ на скотном дворе, как-то, капуста, картофель, свекла, редька, репа, морковь, петрушка и прочая зелень неприятелем совершенно вся расхищена, которой примерно полагается 3000». Общий убыток составил почти 15 тыс. руб. (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 87—90).

[42] Известно письмо императрице Марии Федоровне от аптекаря Шереметевского Странноприимного дома, написанное в конце октября 1812 г., который находился там «безотлучно во все время неприятельского там пребывания, имея притом попечение… о оставшихся российских раненых офицерах и о 32-х бедных, в богадельне находившихся без всякого призрения». Этот аптекарь вынужден был делиться с ними своими деньгами и продуктами и успешно лечил раненых, «но по причине неприятельских распределений не мог я иметь удовольствия увидеть их совершенно здоровыми». Тем не менее, аптекарю удалось убедить французское командование сохранить Странноприимный дом от пожара, хотя и там были размешены больные неприятельские офицеры, а при отступлении наполеоновской армии из Москвы дом был разграблен (См. подробнее: Пожар Москвы. М., 1911. С. 106—107).

[43] Горн Иоганн Христиан (1757—1828).

[44] Прием детей в Воспитательный дом начался с 1 января 1813 года, занятия в Екатерининском и Александровском институтах возобновились в августе 1813 г.

Публикация Ф. А. Петрова и М. В. Фалалеевой

А. А. Гамбурцев. Рисунок В. А. Гамбурцева. Сер. XIX в.

А. А. Гамбурцев

Воспоминания о 1812 годе

Предлагаемые вниманию читателя «Воспоминания о 1812 годе» — документальный памятник из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея, впервые вводится в научный оборот. Автор этих мемуаров — архитектор А. А. Гамбурцев, из обер-офицерских детей, основатель династии известных московских архитекторов.

Алексей Алексеевич Гамбурцев родился в 1796 г. (по другим данным в 1792 г.)[1] в семье чиновника московской градской думы Алексея Дементьевича Гамбурцева. Напомним, что согласно «Табели о рангах», введенной еще Петром I, гражданский чиновник вместе с первым классным чином — коллежский регистратор, получал личное дворянство. Дворянкой считалась и его супруга, но дети дворянами не являлись и получали статус «обер-офицерских детей», и только VIII классный чин — коллежский асессор до 1845 г. давал право на потомственное дворянство. Не являясь дворянами, обер-офицерские дети имели относительно высокий социальный статус, их принимали в дворянской среде, у них были определенные преимущества перед выходцами из мещан и купцов на начальном этапе карьеры, им предоставляли льготы при поступлении на службу и в учебные заведения.

Отец Гамбурцева — Алексей Дементьевич, будучи титулярным советником, чиновником IX класса, получил потомственное дворянство уже весьма пожилым человеком только в 1835 г. при награждении орденом Владимира IV степени за 35 лет «неотлучной и беспорочной службы в классах»[2]. Личность этого человека, раскрывающаяся в драматический период нашей истории, ярко, образно и психологически тонко обрисована на страницах предлагаемых читателю воспоминаний.

Гамбурцев-старший остался сиротой после страшной эпидемии чумы, поразившей Москву в 1771—1772 гг. Помещенный в московский Воспитательный дом, он в течение всей жизни сохранял об этом учреждении самые теплые воспоминания. 6 сентября 1812 г., в разгар московских пожаров, он отправляется в долгий и опасный путь с Орловского луга на Солянку к своему родному гнезду, Воспитательному дому, с одной лишь целью — «проведать свое благодетельное место, где провел лучшие лета юности». С опасностью для жизни он разыскивает в горящей Москве своих соучеников, ставших ему родными братьями. В стенах Воспитательного дома А. Д. Гамбурцев получил не только необходимое образование и воспитание, основанное на идеях Я. А. Каменского, К. Фенелона, Дж. Локка, Ж. Ж. Руссо, но и твердые понятия о правилах гражданской жизни общества, управляемого законами. Питомцам этого учебного заведения прививались чувства патриотизма, гражданского долга. По мысли И. И. Бецкого, таким образом, через воспитание можно было создать новую породу людей, так называемого «третьего чина», третьего сословия, представителей которого так не хватало в России. Выпускники получали профессии бухгалтеров, аптекарей, медиков, гувернанток, ремесленников высокой квалификации, учителей искусств — рисования, музыки; они могли служить и чиновниками.

Воспитательный дом не только сформировал личность старшего Гамбурцева, но и наградил его звучной фамилией, происхождение которой весьма любопытно.

31 августа 1767 г. привратнику Воспитательного дома неизвестным человеком было подано письмо, адресованное членам Опекунского Совета. В этом письме неизвестная особа изъяснила, что покойная ланд-графиня и наследная принцесса Гессен-Гомбургская, Анастасия Ивановна, рожденная княжна Трубецкая[3], умершая в 1755 г., перед кончиной своей поручила ей некоторую сумму денег употребить в память ее для призрения бедных. Для этого деньги были отданы в рост, и с 1755 г. накопилась сумма в 10 000 рублей серебром. Автор письма просил Опекунский Совет принять деньги по векселю, отдать их в банк, а получаемые с них каждый год 600 рублей процентов употреблять на воспитание такого числа младенцев «на сколько сих денег стать может, а дабы сие благодеяние осталось незабвенным, то называть тех воспитанников "Гомбургцами"». Желание неизвестной особы было удовлетворено, и на означенные 600 рублей с октября 1767 г. в Воспитательном доме содержалось 20 питомцев обоего пола. В 1774 г. Опекунский Совет на запрос И. И. Бецкого отвечал: «Именующиеся Гомбурцами питомцы — 10 мальчиков и 10 девочек воспитываются на известное подаяние в 10 000 рублей; в отметку носят мальчики на кафтанах знаки наподобие бантиков из зеленой ленты, а девочки на головке — из того же наподобие венчиков. Процентов на содержание каждого причитается по 30 рублей в год…»[4]

Но прозвище «Гомбургцы» при выходе из стен Воспитательного дома не употреблялось долгое время. И лишь специальным решением Опекунского Совета московского Воспитательного дома от 13 августа 1800 г. было предписано воспитаннику Дома губернскому секретарю Михаилу Михайлову именоваться Гамбурцевым, «хотя до сих никто с такой фамилией не выпускался». А в июле 1806 г. выходит распоряжение вдовствующей императрицы Марии Федоровны восстановить обычай давать фамилии благотворителей тем питомцам, «кои были содержимы на их пожертвования»[5].

В отличие от отца, ставшего чиновником городского управления, сын избрал профессию архитектора. Согласно аттестату, выданному Экспедицией кремлевского строения 26 января 1828 г.[6], Алексей Алексеевич Гамбурцев 20 сентября 1806 г. был принят в Кремлевское архитектурное училище при Экспедиции с чином канцеляриста. В Кремлевском архитектурном училище обучение осуществлялось за казенный счет, и ученик рассматривался как государственный служащий, потому что уже в процессе учебы предполагалось его участие во всех постройках ведомства Экспедиции кремлевского строения. Чины канцеляриста и подканцеляриста считались «внетабельными», чиновники такого уровня использовались исключительно для технической работы и отличались от табельных чиновников в материальном и правовом отношении. Вопреки расхожему мнению, именно «внетабельное» чиновничество составляло 2/3 всей чиновничьей армии России и для того, чтобы получить первый XIV класс, надо было прослужить не менее 5—7 лет.

По мере повышения профессионального уровня будущего архитектора в процессе учебы продвигалась и его чиновничья карьера. 31 декабря 1811 г. Алексей Гамбурцев получил первый классный чин коллежского регистратора. Теперь он уже не обер-офицерский сын, а — личный дворянин. В 1815 г. он удостоен звания архитекторского ученика 1 класса, 31 декабря 1818 г. — чина губернского секретаря. В 1817—1818 гг. он участвует в строительных работах в Архиерейском доме (Малом Николаевском дворце)[7], которому предстоит стать кремлевской резиденцией семьи великого князя Николая Павловича, впоследствии императора Николая I. Именно в Малом Николаевском дворце, отреставрированном и перестроенном после пожара Кремля в 1812 году, 17 апреля 1818 года родился великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр II Освободитель.

За успешное проведение строительных работ в Малом Николаевском дворце 10 ноября 1817 г. Гамбурцеву был всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень, а декабре 1818 г. он получил похвальный лист на выпускных экзаменах и звание архитекторского помощника 3 класса.

Оставаясь на государственной службе в Экспедиции кремлевского строения, 31 декабря 1818 г. он получил следующий чин коллежского секретаря, а спустя 3 года, 31 декабря 1821 г., — чин титулярного советника. В апреле 1824 г. Гамбурцеву присвоено звание архитекторского помощника 2 класса. О степени его профессиональной компетенции говорит назначение архитектором по наблюдению за ремонтно-восстановительными работами в кремлевском Арсенале в июне 1825 г. Гамбурцев также принимал участие в подготовке торжеств в связи с коронацией императора Николая I в августе-сентябре 1826 г. и был награжден за проявленное усердие годовым жалованием[8].

Однако карьера молодого архитектора в Экспедиции кремлевского строения неожиданно прервалась. В августе 1827 г. Алексей Алексеевич Гамбурцев был арестован в связи с «прикосновенностью» к тайному политическому кружку студентов Московского университета братьев Критских[9]. Подавление восстания на Сенатской площади и процесс над декабристами явились своеобразным толчком к формированию этого тайного общества. К моменту ареста, т. е. середине и второй половине августа 1827 г., кружок Критских еще не успел организационно оформиться, окончательно выработать свою программу и тактику и не приступил к практической деятельности. Деятельность кружка сводилась в основном к «крамольным» разговорам в узком товарищеском кругу и к попыткам «распространить» тайное общество путем «умножения его членов». Находясь под влиянием свободолюбивой поэзии Пушкина и Рылеева, участники кружка, среди которых были не только сту-

денты университета братья Михаил и Василий Критские, но и молодые чиновники московских департаментов Сената, ставили своей целью «изыскивать средства для преобразования государства», ввести конституционное правление. В кружке велись разговоры о необходимости цареубийства и вооруженного переворота, обсуждались планы создания типографии для печатания листовок с обращением к народу, выдвигалась идея создания нелегального журнала. Молодые радикалы мечтали видеть руководителем кружка самого Пушкина, кумира революционной молодежи, думали привлечь к участию в своем тайном обществе опального генерала А. П. Ермолова.

Следствие по делу кружка Критских выявило 6 человек, которые, собственно, и представляли само тайное общество: братья Петр, Михаил и Василий Критские, Николай Лушников, Николай Попов и Даниил Тюрин. Помимо их были установлены еще 13 человек, которые сами «не принадлежали к обществу и сокровенных преступных намерений оного не знали», но «видясь с умышленниками, слыхали от них вольные суждения, а другие и сами говорили непозволительное». Среди них были и чиновники Экспедиции кремлевских строений — архитекторские помощники Николай и Даниил Тюрины, братья известного архитектора Е. Д. Тюрина, Петр Таманский и Алексей Гамбурцев. Таманский и Гамбурцев, как причастные к кружку Критских, получили сравнительно легкое наказание: в январе 1828 г. они были уволены из Экспедиции и сосланы, Таманский — в Пермь, а Гамбурцев — в Рязанскую губернию.

Получив прощение, в 1830 г. Алексей Гамбурцев возвращается в Москву и в ноябре того же года поступает на службу в Московское губернское правление в Комиссию строений в Москве архитекторским помощником в участок архитектора Н. В. Сакстона. В архиве Главного архитектурно-планировочного управления Москвы сохранились чертежи за 1833—1837 гг., подписанные Гамбурцевым, в частности он строил дом для дворян Кисель-Загорянских по Садово-Сухаревской улице[10].

О последующем жизненном пути Алексея Алексеевича Гамбурцева его сын В. А. Гамбурцев сообщал, что его отец «работал в чертежной у Клейнмихеля, потом был архитектором в Симбирске, в Удельной конторе в 1839—1841 годах»[11]. Умер Алексей Алексеевич Гамбурцев в 1872 г.

Оба сына А. А. Гамбурцева, как и отец, окончили Московское дворцовое архитектурное училище и стали архитекторами. Старший, Сергей Алексеевич Гамбурцев (1838—?) с 1859 по 1863 гг. служил архитектором в Московской дворцовой конторе, с 1863 по 1869 гг. — в Северо-Западном крае. В июне 1873 г. он поступил на службу в Московскую городскую думу, был архитектором Лефортовской части г. Москвы. В 1888 г. жил в своем доме на Большой Спасской улице[12]. Младший, Владимир Алексеевич Гамбурцев (1842—1903) был известен как архитектор-реставратор. Будучи действительным членом Императорского Московского археологического общества, он работал в его комиссии по сохранению древних памятников, надзирая по ее заданию за ремонтно-восстановительными работами в книгохранилище Печатного двора на Никольской улице, церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Медведково, Сухаревой башне, ансамбле московского Воспитательного дома[13]. В. А. Гамбурцев был первым, кто обратился к истории архитектурного образования в Москве. Его книга «Архитектурная команда. Очерк московских учреждений, ведавших строительное дело и обучение ему» (М., 1894) и неизданный «Словарь московских архитекторов» не потеряли своего значения и на сегодняшний день. Последние годы жизни В. А. Гамбурцев, заведовал библиотекой архитектурного отдела Политехнического музея. Таким образом, все Гамбурцевы до конца жизни были преданы своей профессии архитектора. Они внесли вклад не только в архитектурное развитие Москвы, но и в изучение истории московского зодчества.

Документы А. А. Гамбурцева и членов его семьи имеются в нескольких фондах, хранящихся в отделе письменных источников Государственного исторического музея. Прежде всего, это фонд № 327 (Гамбурцевых), фонд № 1 (Бахрушиных), но среди этих документов не сохранилось ни одного источника мемуарного характера, принадлежащего самому Алексею Алексеевичу. Рукопись «Воспоминания о 1812 годе» является исключением. Может быть, причина тому — те непростые обстоятельства, с которыми столкнулся А. А. Гамбурцев в начале своего жизненного пути, нежелание его заводить записи, которые могли бы усложнить жизнь его самого и его близких. Обладая живым умом, наблюдательностью, богатым жизненным опытом, он, по воспоминаниям сына, ограничивался устными рассказами. В своих неопубликованных «Архитектурных заметках» В. А. Гамбурцев так писал об отце:

> Отец мой хорошо рассказывал про старину, порядочно постранствовал по России, много видел и слышал, но все эти рассказы относились к бытовой, анекдотической стороне прожитого им века, относительно специальности архитектуры рассказы были малоинтересны и отрывочны[14].

Поэтому так ценны и интересны для нас «Воспоминания о 1812 годе» А. А. Гамбурцева. Ведь будучи юношей, он оказался свидетелем и невольным участником событий, происходивших в Москве в сентябре-октябре 1812 г.

Удивительно, но этот яркий и выразительный источник, наполненный многочисленными фактами и живыми наблюдениями мемуариста, оказался на протяжении многих десятилетий вне поля зрения историков России в целом и москведов в частности. Возможно, причиной тому стала необычная судьба этой рукописи. В 1919 г. искусствовед и сотрудник Исторического му-

зея Николай Борисович Бакланов[15] случайно приобрел часть архива, портреты и архитектурные инструменты, принадлежавшие семье потомственных московских архитекторов Бакаревых. Из бумаг Бакаревых особенно заинтересовали Бакланова 13 рукописных тетрадей, относящихся к первой половине XIX века. Каждая из тетрадей имела свое название и была предположительно пронумерована владельцами архива. Из нумерации следовало, что изначально было 17 тетрадей, но № 3, 11, 14 и 16 среди попавших в руки Бакланова не имелось. Авторство большей части рукописей не вызывало сомнений: они принадлежали перу Владимира Алексеевича Бакарева (1801—1871), архитектора Московской дворцовой конторы и члена Императорской академии художеств. Он восстанавливал после пожара 1812 г. Никольскую башню Кремля, здания Благородного собрания и Петровского Путевого дворца, Синодальной типографии на Никольской, впоследствии участвовал в проектировании и постройке Екатерининской церкви Вознесенского монастыря в Кремле, Оружейной палаты и Большого кремлевского дворца, за последнюю работу был награжден золотой медалью. В. А. Бакарев был известен не только как архитектор, он оставил многочисленные записки, и списки с этих рукописей ходили по рукам его друзей, любителей московской старины.

Коллеги Бакланова по Историческому музею и члены общества «Старая Москва» с интересом рассматривали приобретенные им бумаги. Сколько новых страниц, рассказывающих о жизни любимого города, раскрывалось перед ними. Особый интерес вызвала тетрадь № 13. Рукопись, написанная ярким живым языком, повествовала о событиях, происходивших в Москве с конца августа по конец октября 1812 г. Многочисленные фактические детали, тонкие наблюдения и зарисовки свидетельствовали: автор был не только «самовидцем» повседневной жизни оккупированного наполеоновской армией города, но и сам в полной мере испытал те бедствия, что выпали на долю москвичей, оставшихся в древней столице. Рассказ излагался от лица юноши, поэтому, несмотря на весь трагизм описываемых событий, в повествовании присутствовал юмор и известная доля жизнелюбия, присущие молодости. Отдельные страницы этих воспоминаний по образности изложения вполне могли конкурировать с художественной прозой, посвященной известным событиям Отечественной войны, например, «Сожженной Москвой» Г. П. Данилевского, опубликованной в 1886 г.

Автор рукописи на момент ее создания, несомненно, был уже умудренным опытным человеком, но события его далекой юности наложили неизгладимый след на всю оставшуюся жизнь. Кто же был автором этих мемуаров? Сам Бакарев? Но из его же собственных записок известно, что накануне вступления французов в Москву, он вместе с отцом, известным архитектором А. Н. Бакаревым, и семьей эвакуировался из столицы в Ярославль и вернулся назад через 95 дней. Изучением рукописи в начале 1920-х гг. занялся Алексей Алексеевич Захаров[16], археолог-востоковед, профессор МГУ, член общества «Старая Москва» и в то время сотрудник Исторического музея. Внимательно изучая рукопись, он пришел к выводу, что автором ее является также архитектор, соученик В. А. Бакарева по Кремлевскому архитектурному училищу, Алексей Алексеевич Гамбурцев. Это следовало из самого текста, где автор называет и себя самого и рассказывает о своем отце Алексее Дементьевиче. Сохранилась карандашные пометки рукой Захарова на первой странице рукописи: «Воспоминания о 1812 годе по-видимому записки Алексея Алексеевича Гамбурцева или записанные Владимиром Алексеевичем Бакаревым с его слов. Автор не раз назван Алексеем, отец его назван несколько раз Алексей Дементьевич. На 46 об. он идет разыскивать своего однофамильца и товарища по Воспитательному дому Романа Никитича Гамбурцева…» Захаров решил готовить «Воспоминания о 1812 годе» к публикации, об этом свидетельствуют сохранившиеся правки на текста рукописи, сделанные его рукой.

Но рукопись свет не увидела. В 1928 году Н. Б. Бакланов переезжает в Ленинград, часть своего документального собрания, которое до этого находилось на временном хранении в отделе архива Государственного исторического музея, он забирает с собой, а другую часть, среди которой восемь пронумерованных бакаревских тетрадей, в том числе «Воспоминания о 1812 годе», а также разрозненные документы семейного архива — рапорты, прошения, письма, — передает в дар музею. Впоследствии эти бумаги были включены в состав фонда № 281 «Коллекция документов по истории отечественной науки и культуры России XVIII — нач. XX в.» В 1982 г. это документальное собрание прошло научное описание, но «Воспоминание о 1812 годе» не вошло в корпус мемуарных источников о войне 1812 г., выявленных и систематизированных выдающимся отечественным историком и источниковедом А. Г. Тартаковским.

Предлагаемая вниманию читателя рукопись «Воспоминания о 1812 годе» хранится в фонде № 281, оп. 3, ед. хр. 107 и представляет собой сшитую тетрадь в зеленой бумажной обложке, на 97 листах, написанных писарской рукой. Размер рукописи в лист на бумаге середины XIX века без водяных знаков.

Примечания

[1] ОПИ ГИМ Ф. 1. Д. 217. Л. 3; *Дьяконов М. В.* К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв. // Русский город. М., 1979. Вып. 2. С. 256.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Гессен-Гомбургская Анастасия Ивановна (1701—1755), принцесса, урожденная кн. Трубецкая. В первом браке супру-

га бывшего молдавского господаря Д. К. Кантемира, во втором — наследного принца Гессен-Гомбургского Людвига Иоганна Вильгельма (1705—1745), генерал-фельдцейхмейстера и генерал-фельдмаршала русской службы. Сводная сестра И. И. Бецкого. Пользовалась особым расположением императрицы Елизаветы Петровны, которая пожаловала ее статс-дамой и орденом Святой Екатерины I степени (1741). Дочь Анастасии Ивановны от первого брака — Смарагда-Екатерина Дмитриевна Кантемир (1720—1761) была женой кн. Д. М. Голицына (1721—1793), российского дипломата, коллекционера и мецената.

[4] Материалы для истории Императорского Московского Воспитательного дома. М., 1863. С. 43.

[5] Там же. С. 51—52.

[6] ОПИ ГИМ. Ф. 327. Д. 8. Л. 17—19.

[7] Там же.

[8] *Дьяконов М. В.* Указ. соч. С. 256.

[9] *Фруменков Г. Г.* Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII—XIX вв. Архангельск, 1965. С. 136–142.

[10] *Дьяконов М. В.* Указ. соч. С. 256.

[11] ОПИ ГИМ. Ф. 327. Д. 28. Л. 27 (об.).

[12] *Дьяконов М. В.* Указ. соч. С. 257.

[13] *Иванова-Веэн Л. И.* Научное наследие В. Гамбурцева и история Московской архитектурной школы // Архитектура мира. Материалы VII Междунар. конф. по истории архитектуры. М., 1998. Вып. 7. С. 184—190.

[14] ОПИ ГИМ. Ф. 327. Д. 45. Л. 4 (об.).

[15] Бакланов Николай Борисович (1881—1959), архитектор, искусствовед, коллекционер. Закончил Академию художеств в 1910 г. Тогда же получил звание художника-архитектора за проект «Государственная дума», работал у А. В. Щусева над проектом Казанского вокзала. В 1921 г. — научный сотрудник отдела исторического быта ГИМ, затем — зав. отделом арх. графики (1926–1928), ученый секретарь и член правления ГИМ с 1925 г.

[16] Захаров Алексей Алексеевич (1884—1937), археолог, историк древнего мира, профессор МГУ, автор ряда работ по истории античности. Был арестован в 1934 г., в 1935 г. сослан в Алма-Ата (Казахстан), где продолжал заниматься археологическими исследованиями. Арестован и расстрелян в 1937 г.

А. А. Гамбурцев

Воспоминания о 1812 годе

Что трудно терпеть, то сладко вспоминать.

За два года до вступления в XII году в Москву неприятеля, семейство наше нанимало квартиру в предместии города, в приходе церкви Св. Николая, что в Кобыльском[1], в доме мещанина Михайлы Фёдорова, старика холостяка, большого оригинала, торговавшего на Старой площади в своей лавке разной рухлядью.

Здесь наша квартира состояла из двух небольших комнат с особенною кухнею, но с общим погребом. За всё это платили мы Фёдорову по семи рублей ассигнациями в месяц на собственных наших дровах. Я помню, что дрова мы тогда покупали длинные, берёзовые, платя за воз, почти всегда не более как по четвертаку, которого курс равнялся 32 $^{1}/_{2}$ копейки, считая гривенник в 13 копеек ассигнациями.

Когда Фёдоров квартиру нашу должен был занять своими родственниками, тогда мы по скорости, случайно, наняли квартиру на берегу Москвы-реки, уже в центре города, в приходе церкви Св. Пророка Илии, известной под названием Обыденного[2], в доме фабриканта купца Буланова.

Все москвичи, самовидцы событий XII года, помнят, что в начале августа месяца и даже ранее, какие тогда ходили по Москве слухи о неприятеле. Слухи эти доходили и до нас. Страх наш усилился, когда все вообще узнали в Москве о занятии неприятелем Смоленска[3], и только Бородинская битва оживила упадший дух наш, несмотря на беспрерывный привоз в Москву раненых русских. Тогда-то мы и, особенно, родительница-мать моя, первая начала помышлять о бегстве нашем из Москвы, видя, что Москва постепенно и как будто незаметно опустела; её спешили оставлять первые люди со средствами. Но родитель отец мой, имевший более 50 лет от роду, и слушать не хотел о бегстве из Москвы; он всё ещё не терял надежды в победе над врагом и ни за что не хотел верить, чтоб Москва была занята неприятелем. В этом мнении его, поддерживали его афиши графа Ростопчина, тогдашнего главнокомандующего в Москве; к тому же отец мой состоял тогда на службе в городской шестигласной думе[4], начальство которой дало ему позволение на выезд из Москвы за два дня до вступления неприятеля в Москву, т. е. в субботу, а неприятель взошёл в понедельник.

Но и столь позднее разрешение на выезд отец мой согласился выхлопотать не иначе, как по слёзному убеждению моей матери, меня, пишущего эту записку, и меньшей моей сестры-девицы[5] — так-то он сильно был уверен в защите Москвы и её святых храмов. Принеся, домой увольнение на выезд из Москвы, отец мой тогда сказал матери моей, что он пойдёт нанимать лошадей, дабы отправиться всем нам в городок Коломну к родственникам моей матери, и, взяв меня с собою, пошёл не нанимать лошадей, а в Кремль, и за чем бы вы думали? Он тайно от всех нас имел мысль запастись оружием в Кремле, чтобы с ним и притом вместе со мною идти по зову графа Ростопчина на Поклонную гору, и там вместе с прочими принять участие в защите родной Москвы![6] Я узнал его намерение и повиновался ему с радостию, подстрекаемый примерами других.

В добытии оружия не было препятствия, оно предоставлено было на волю всем желающим иметь его — московский арсенал был открыт для всех. Когда мы взошли в арсенал, он был и окружён и полон народом всех возрастов, званий и даже полов. Мне очень памятна одна из сцен, происходивших в арсенале: дряхлая старуха, добывшая себе с боя два огромных ружья с деревянными в замках кремнями, спешила выйти из арсенала. Она на каждом шагу спотыкалась и от бессилия от тяжести ноши. У ней старались отнять ружья, но она храбро защищалась и вынесла их из арсенала с торжествующим лицом, говоря: «Мне самой они нужны!».

Говор и шум народа внутри и вне арсенала заглушал всякую умную речь. Каждый хотел достать и взять оружие, какое бы ему не попалось, но всякий хотел взять его, сколько можно более, даже более, нежели мог поднять. Здесь снимали оружие, там спешили разбивать ящики с оружием, а там друг у друга отнимали его, что не обходилось без брани и даже драки. У всех было одно на уме: запастись скорей оружием и с ним бежать на Поклонную гору! Конечно, намерение это похвальное, но суета, при этом бывшая, производила ужаснейший беспорядок — хаос!

Хотя с большим трудом и даже опасностью, но всё-таки мы с отцом успели добыть себе: два ружья, две сабли, пару пистолетов и несколько портупейных ремней. С таким вооружением мы благополучно пришли домой, но не без опасений, о которых скажу, что упомню. Когда мы шли Кремлём домой, у церкви Св. Уара[7] встретили несколько наших раненых, разных полков и

родов войск; одни из них сидели, другие лежали, а многие стояли. В числе их были и тяжелораненые; всем им жители Кремля раздавали пищу, питьё, бельё, корпию[8], кто, что мог, а некоторые проходящие чрез Кремль обыватели даже давали деньги и расспрашивали раненых: «Далеко ли неприятель?» И я слышал, как некоторые из них отвечали им на это: «Идёт по пятам нашим!» Потом их спрашивали: «А вы теперь куда идёте?» «Туда, куда поведёт нас наш Батюшка, (т. е. Кутузов). Куда ж — того мы не знаем!» Легко же раненых спрашивали: «Вы на Поклонную гору идёте?» «Нет!»

Мы вышли из Кремля чрез Боровицкие ворота и спустились к Каменному мосту, чтобы идти на свою квартиру Лесным рядом[9]. К немалому удивлению нашему, путь нам преграждён был поспешно идущим и едущим чрез мост нашим войском, пехотным, конным, артиллериею, лазаретами, обозами и небольшим стадом коров и баранов, которых гнали между войска, смешавшись с ним, наши крестьяне. Они тут же попадавшим зрителям предлагали продать, прося за барана 50 копеек, а за корову по 1 рублю ассигнациями.

Почти каждый солдат не шёл, а бежал чрез мост, и что это была за поразительная картина! Каждый или почти редкий не был увешан вокруг себя или курам, или утками, гусями, и те и другие были и живые и битые, а конные и казаки сверх сказанных птиц везли кадочки с маслом и с другою провизиею и плетушки или крошенки[10] с яйцами. Лица всего этого войска, смешавшегося на поспешном ходу и шедшего без всякого порядка, до того были черны, загорелы от солнца, пороха, пыли и усталости, что в них нельзя было узнать сразу русских. А измятые и запылённые и покрытые копотью пороха их шинели не давали возможности различить не только полков, но и рода войск, к которым они принадлежали. Это ещё более делалось затруднительным: редкий из солдат и даже из самых офицеров их не имел на голове своей или кивера неприятельского или каски и т. п. или нашей крестьянской шапки.

Эта-та внезапная встреча заставила нас пробыть долго у Каменного моста, пока нам не удалось, и то со страхом, выждать минуту, в которою мы с отцом проскользнули чрез ряд таковаго марша нашего войска, и были очень рады, что благополучно перешли чрез оное, иначе мы легко могли быть тут раздавленными, до того была тут суматоха велика, и всякий лишь берёг себя.

Пока мы с отцом ходили в Кремль — в арсенал, и, потом, стоя у моста и выжидая случая пробраться чрез передовой отряд нашей армии, шедшей в субботу чрез Каменный москворецкий мост, что было началом прохода её чрез Москву, в доме Буланова, где мы, как я выше сказал, имели тогда квартиру, происходило многое.

Подходя к нашему дому, мы немало удивились, что ворота его нашли растворенными настежь, что в быту купеческом почитается за неприличное. Но удивление наше тут уже объяснилось: оставленный Булановым дворник, старик, объявил нам, что Буланов, пока мы были в Кремле, наскоро собрался и уехал со всеми своим семейством из Москвы, а куда — неизвестно! Мы бросились к себе на квартиру, на крыльце которой встретила нас мать моя. Обливаясь слезами, она с поспешностью спросила отца моего, нанял ли он лошадей? Увидев же у нас в руках и на плечах оружие, ахнула от удивления и, поняв всё дело, стала упрекать отца, зачем он принёс оружие, вовсе для нас ненужное и только измучил себя и сына, а о лошадях не заботился. Отец мой на это ничего не мог возражать и только старался её успокоить. Родительница моя объяснила нам всё случившееся в доме у нас; когда мы ходили за оружием. Она сказала нам: « Хозяин дома, Буланов, не стал дожидаться отыскивать наёмных подвод, нужных бы для вывоза из Москвы его имущества. Он одночасно собрался и выехал на своих только лошадях, взял с собой семейство и лишь попавшиеся под руки нужные, а более ненужные, вещи; успел, однако, зарыть в кладовой со сводом свои фабричные ситцы и другие кой-какие вещи. Поверх всего этого, для отвода, наполнили кладовую разною мебелью и всяким хламом».

При этом мать моя спросила отца: «Что же мы теперь будем делать? Ты лошадей не привёл, а здесь нам нельзя оставаться. Я уже без тебя успела сходить к соседу нашему серёжнику (работал деревенские серьги) и успела убедить его согласиться дозволить нам поставить у него, в его каменной со сводом кладовой, наши два сундука, в которые я кой-как склала наши пожитки. Он, дай Бог ему здоровье, не отказал мне в том, и я с помощью его работников отнесла и поставила сундуки в кладовую, дверь которой заклали кирпичом и забелили». Но, к удивлению ее и нашему, отец мой не только поблагодарил мать мою об ее заботе сохранить наше имущество, стал бранить её, зачем она так опрометчиво распорядилась всем этим, не дождавшись его, и зачем не взяла с серёжника письменного акта в принятии им на сбережение нашего имущества.

Когда же отец мой утих, я выскочил за ворота, у которых вместо скамьи лежал с давнего времени огромный, дикий, брусчатый камень, служивший вместе с лавочкою и точилом для всего дома. На нём-то я и бросился точить принесённые наши сабли. В это время со стороны Лесного ряда в растворённые ворота нашего дома влетели двухместные распашные дрожки, запряжённые тройкою лошадей. За дрожками — деревенская, большая дорожная телега, тоже тройкою, с поклажею, а за нею — беговые городские дрожки в одну лошадь.

К ним привязаны были две оседланные верховые лошади, к телеге же привязан был молодой бычок. На передних дрожках сидели два средних лет наши русские офицера, а третий офицер — на беговых дрожках. Кучерами же у всех трёх экипажей были денщики офицеров.

Оба передовые экипажи уже въехали к нам на двор, как офицер, сидевший на беговых дрожках, увидав меня, точившего саблю, соскочил с дрожек, подбежал

проворно ко мне, закричал: «Мальчик, что ты это делаешь?» Я не сробел и отвечал: «Видите, точу саблю!» «На что точишь?» «Чтоб рубить французов!» «Брось точить, беги, и спрячь сабли дальше!»

После чего он спросил меня, чей это дом и с кем я здесь живу. Я отвечал, что дом принадлежит купцу Буланову и, что я живу в нём с моими родителями хозяин же дома, за несколько только часов до них, уехал из Москвы неизвестно куда. «Веди же нас к себе на квартиру, мы русские, раненые офицеры, спасите нас! Французы входят в Москву, нам не хочется быть в плену, дайте нам передеться во что бы ни было, только бы нас не узнали!»

Не помня себя от слов офицера, я привёл его к себе в комнаты. А там уже два первые офицера с пособием своих денщиков и отца моего уже передевались в разные, попавшиеся под руку костюмы отца моего. Всё же, бывшее на них и изобличавшее их состояние, как: платье, так оружие и знаки, офицеры приказали денщикам своим, не мешкая немало, зарыть в землю. В числе всего этого офицеры велели взять у нас и зарыть в землю ружья, пистолеты и сабли, принесённые нами из арсенала. Однако мне удалось обе сабли спрятать от денщиков в отдушины фундамента нашего флигеля, где мы квартовали, боясь, что они в земле заржавят. После чего велено было передеться и всем денщикам, лошадей же и экипажи поставить — одних в конюшню, а другие — в сараи.

Когда офицеры кончили передевание и начали благодарить отца моего за вспоможение их одеждою, принятие их себе в квартиру, тогда он по энтузиазму, ему лишь одному сродному, не мог удержаться и сказал: «Какие же вы защитники нашей и вашей матушки Москвы. Когда вы передеваетесь и прячетесь от врага? Вы убежали от своих товарищей, бросили армию! Там теперь, может быть, наши проливают свою кровь за православную веру, Отечество и за нашего батюшку царя Александра Павловича!»

Поражённые и удивлённые таковым патриотизмом отца моего, офицеры (бывшие разных полков) скромно отвечали ему, что они все трое нисколько не хотели бы оставить своих товарищей и армию, но этому причиною лишь одни раны, ими полученные, и что они не бежали от полков своих, а отпущенные начальством для извлечения ран. И тут каждый из них показывал отцу моему свои раны, и отец мой со слезами на глазах целовал их и их раны и благодарил Бога, что они не изменники, что самое думал прежде. Мать моя, узнав о ранах офицеров, бросила всё, начала готовить им перевязки, корпию и примочку, которую умела составлять. С этой минуты мы все полюбили наших офицеров, а они старались утешать нас, сколько можно было. Отчаяние овладело всеми!

Первый из офицеров, внезапно въехавших к нам на двор и укрывшихся в нашей квартире, был капитан Аполлон Васильевич Сумароков. У него кисть правой руки была страшно контужена. Второй офицер, поручик N. N. Перовский, раненый пулею в спину. Третий офицер — прапорщик Адам Филиппович Филипповский[11], у него начисто отрублено правое ухо с частию щеки. Эта рана заставила его надеть на голову старый вязаный колпак на правую сторону головы, что Филипповского делало в глазах моих пресмешным и я, забыв тогдашний наш всех страх, невольно хохотал.

Передевание офицеров продолжалось вместе с закрытием в землю их вещей и одежды, кажется до трёх часов дня. Прочее же их имущество, не принадлежащее к военной одежде и форме, оставлено было при экипажах их. Бычок же, приведённый ими, во время суматохи передевания и прятания воинских вещей, оторвался, сбежал со двора и пропал, хотя я за ним и бегал, отыскивая его. Пока я искал его, к нам на двор вбежало несколько баранов и при них один поросёнок, а за ними вбежал мужик, у которого отец мой и купил двух баранов и поросёнка за 1 рубль 20 копеек ассигнациями.

Баранов тут же закололи денщики наших внезапных гостей офицеров, а поросёнка взялся, было заколоть отец мой, но он у него вырвался и убежал под наш флигель, чрез ту же отдушину; в которую я спрятал мои сабли. Они и поросёнок остались там навсегда.

Когда денщики изготовили из баранины обед под наблюдением моей матери с помощью нашей кухарки, тогда нежданные гости наши, офицеры, и мы пообедали с большим аппетитом и особенно проголодавшиеся гости. После чего продолжались разговоры о тогдашних делах; между тем, мать моя по русскому старинному обычаю потчевала гостей домашнею наливкою и чаем. Новые же знакомцы наши, офицеры, обнадёживали нас, что мы легко можем в наступающую ночь вместе с ними выехать из Москвы. Но куда? Это вручали Богу!

В субботу же в сумерки возвратился из Кремля к себе на квартиру, служивший в каком-то департаменте Сената N. N. N., нанимавший у нас вместе с женою своею, отдельную чрез сенцы комнату. Этот господин, пришедши к нам, объявил, что он не только видел уже неприятелей — французов в Москве, но, что он даже с некоторыми из них говорил[12], и что будто бы другие из них сняли с него сапоги. Последнее была правда: ноги его были босы, а первому никто не верил. Во-первых, господин этот не совсем был трезв, а во- вторых, он не знал по-французски ни бельмеса. Но господин этот хотел хвастнуть пред офицерами, уверял их, что он из слов и обращений с ним неприятелей почитает их ласковыми и добрыми. Благоразумие требовало оставить этого господина при его ошибочном мнении о вступлении будто бы в Москву уже неприятеля, и потому с ним никто из нас не спорил.

Уйдя к себе в комнату, из которой вскорости вместе с женою своею, [он] вытащил единственный свой сундук и, подняв в сенях половицы, стал рыть землю, намереваясь спрятать здесь сказанный сундук. Мать моя, проведав это, и узнав, что сундук этот далеко не полон,

упросила жену и его дополнить сундук кой-чем из своих вещей, на что они, по-видимому, с охотой согласились. Тогда мать моя уложила в сундук: новую фризовую[13] отцовскую шинель, бекеш[14] зимний на тумаковом[15] меху, ватошный салоп, самовар, несколько вещей оловянной посуды, кастрюль медных и игот[16].

Денщики офицеров наших, услыхав от сказанного господина, что он видел французов в Москве, просили позволения сходить разведать, что делается в Москве. Их, разумеется, отпустили. Долго мы ждали денщиков. Уже давно наступила глубокая ночь, а их всё ещё не было. Все мы начали крепко беспокоиться об них и не знали, что подумать. Кругом нас, хотя и всё было тихо, все мы и офицеры, гости наши, не могли лечь спать, и ждали денщиков не без волнения. Незадолго до рассвета услышали мы внезапный и сильный в ворота наши стук. Мы и гости наши струсили. Никто из мужчин не решился идти к воротам. Долго продолжалось совещание как всем поступить, наконец, отец мой решил взять с собою одного лишь меня. При этом он не забыл вооружиться полновесным железным безменом[17], и мы храбро с ним отправились к воротам, разбудив и взяв с собою предварительно старика дворника. Тихо подойдя к воротам, отец мой первый начал окликать: «Кто стучит?» Ему ответили: «Мы!» «А кто вы?» «Ваши гости денщики!»

Однако отец мой, заметя косвенность языков их, требовал, чтобы они ясно и подробно объявили имена своих командиров. Когда же он из ответов их на это убедился, что они действительно те самые люди, которые приехали к нам с офицерами, приказал дворнику отпереть ворота. Отец мой, увидав, что денщики входили на двор с большими ношами бутылок с вином и штофами[18] с водкою, и всё это нагружено было у них в кульках, корзинах, в руках и полах, и что все они, как говорится, были довольно навеселе, сказал им сердито: «Ребята нехорошо!» Они отвечали: «Дедушка, запирай скорее, а мы расскажем всё там, дома!»

Вот что говорили нам денщики: «Отправясь давеча разведать о слухах, мы исходили разные места Москвы и, возвращаясь, домой, не слыхав нигде о входе неприятеля в Москву, встретили у Каменного москворецкого моста наших солдат и обывателей Москвы, только что разбивших кабак. Правда, мы не останавливались у него и спешили домой, но, пройдя от кабака несколько шагов, наткнулись на толпившихся разного рода людей, которые всё стояли пред дверями ренского погреба. Они-то, злодеи, втянули нас в грех, приглася нас помочь им разбить двери погреба, говоря нам: "Ведь достанется же бусурманам, так лучше сами выпьем!" В погребе нашли немного вина, половину его выпили, а более разлили, а остальное разобрали по рукам. Согрешили мы немного, выпили и принесли сюда, что только могли захватить, ведь уже заодно отвечать!». После брани и журения денщиков началась понемножку проба принесённого ими виноградного вина, которое, помнится, пришлось по вкусу.

Эта-то отлучка денщиков и их не совсем бодрый вид лишила нас возможности выехать или бежать из Москвы в сию ночь. Тем и кончился день навсегда памятной для меня субботы.

В воскресенье утром положено было общим советом послать денщиков в Кремль для узнания о неприятеле. Я тоже ходил туда и вот, что там видел. Из арсенала оружия выносили мало, как потому, что его уже много прежде разобрали, а более потому, что большая часть его валялась на улице, на дворе и в самом арсенале. Ружья с отбитыми прикладами, замками и штыками, а равно и пистолеты, сабли и тесаки без ножен, или одни ножны, пики кавалерийские без древок, или древки без пик одним словом, здесь видна была вчерашняя безуправица. На Сенатской же площади стояли крестьянские подводы, нагружённые казёнными вещами и кипами дел. Одни из них отправлялись в путь, а другие готовились к отправлению; здесь происходила не с чем несравненная суматоха. На этой площади и у церкви Св. Уара видел раненых наших солдат, некоторых из них подсаживали на оказанные выше подводы.

Возвращаясь из Кремля домой, я, вместе со многими обывателями Москвы и Кремля, дивился, смотря на среднюю главу большого Успенского собора, на верхних оконечностях креста которой бился, одни говорили, ворон, а другие, что вероподобнее, — сокол, зацепившийся своими обычными путами за сказанные оконечности креста. Толков об этом в толпе было много, были даже и такие, которые отнеслись к радостному предзнаменованию: «Так погибнет наш злодей, так зацепится он о те путы, которые ему с Божией помощию готовит наш Батюшка Царь!»

Выйдя из Кремля, я увидал, что не только по Каменному мосту, но и по набережной Кремля по направлению к Яузскому мосту, шла артиллерия на рысях, конная и пешая, а с нею и других родов войска. Но я скоро нашёл случай пробраться чрез них домой. В наружном виде этой части войска та же самая была обстановка в отношении лиц, одежды и несшего ими провианта, как и в том передовом отряде, который прошёл чрез Каменный мост накануне воскресенья, о чём я уже сказал выше. Идя, домой я безнамеренно попал на разбитые вечером в субботу кабак и ренсковой погреб и мелочную лавочку, вокруг которых валялась разбитая посуда, стеклянная и каменная и несколько деревянной; на земле же видны были признаки пролитого вина и т. п.

Придя, домой, я рассказывал, что видел. Меня слушали [со] смущением и горестию непритворною. Потом мы начали обедать; ели помянутую баранину. Окончив поспешно обед, стали укладываться в офицерские экипажи, но чтобы этого никто не мог заметить, экипажей не выдвигали из сараев. Мы всё ещё думали, как равно и сами офицеры наши, выехать из Москвы в ночь на понедельник.

В воскресенье с полудня показался дым к стороне Симонова монастыря. После мы узнали, что это горели

барки на Москве-реке с хлебом частным и казённым и с комиссариатскими в вещами[19], и что всё это делали сами хозяева барок из доброй воли и по приказанию, а которых барок нельзя было жечь, те топили, порубая у них днища. К вечеру мы ждали денщиков, чтобы как стемнеет отправиться в путь, но они, к удивлению нашему, возвратились очень поздно и притом в нетрезвом виде и притом тоже с добычею вина. Поэтому мы не могли выехать в следующую ночь. Тем и закончилось воскресенье.

В понедельник денщики наши опять ходили для разведывания о неприятеле. Они возвратились домой после уже вечернего благовеста, который едва-едва где был слышен. Денщики почти первые известили нас, что неприятель входит в Москву разными заставами и что Москва уже горит во многих частях. Страх, что называется, подкосил нам ноги, однако, старики мои и офицеры, собрались кое-как с духом, начали между собою советоваться, куда бежать из Москвы. Долго думали и предположений было много, наконец, решили на том, чтобы ехать из Москвы не иначе как чрез Воробьёвы горы, но куда и сами того не знали.

Пока происходили у нас эти совещания, между тем до нас доходили слухи один другого грустнее и страшнее. Говорили, что уже, французская гвардия взошла в Кремль и в Китай-город, где она, разделившись, ходила и ездила и не просто, мародерила, или лучше грабила по погоревшим рядам и Гостиному двору.

С желудком трудно иметь мирный союз, и мы должны были удовлетворить его. Итак, когда мы спешили подкрепить свои силы пищею, какая тогда у нас нашлась под руками, во время этого горестно-печального обеда, к немалому для нас ужасу, внезапно въехали к нам на двор с обнажёнными саблями четыре французских кавалериста, помнится, конно-егерского полка. Из них были два офицера и два рядовых. Оба офицера и один рядовой взошли прямо к нам в комнату, где мы ещё не успели окончить наш скудный обед. Другой же рядовой остался при лошадях и, спешившись, но, не покидая из рук обнажённой сабли. Очень наивно кормил свою лошадь из кивера спелыми сливами — озимою[20], которые вместе с нею и сам ел.

По совету наших офицеров вошедших к нам в комнату неприятелей, встретили мы вежливо, держа в руках хлеб и соль, прося их кушать с нами и выпить вина из числа добытого офицерскими денщиками. Господин Перовский, и знал говорить по-французски, но они все успели условиться между собою, чтобы господин Филипповский говорил с французами по-польски, и потому Филипповский и служил переводчиком или толмачом нашим.

Оба французские офицера подошли к столу, сели за оной, а мы все стояли. Оба они выпили водки или вина, не помню, потом с большим аппетитом начали есть. Мать же моя потчевала их с полными слёз глазами, не помнившая себя от страха — так приятны были ей эти вежливые гости! Французы спрашивали, кто мы такие, куда идёт наша армия? Потом спрашивали господина Сумарокова, для чего у него завязана рука и кто они все трое? Филипповский отвечал за всех нас: во-первых, объяснил обо всех нас, о марше же нашей армии сказал, куда идёт она — этого никто из нас и их не знают. Во-вторых, что господа Сумароков и Перовский — оба московские купцы. А об обвязке на руке у Сумарокова, сказал, как то ему тут же передал Сумароков, что он, будучи русским денежным менялою, сидел в своей лавке, мимо которой шли русские солдаты, а как они хотели взять с прилавка несколько серебряных монет, то он бросился их закрыть своими руками, и в это-то время был ранен в одну из них тесаком. Французов надули славно, они, голубчики, поверили сказке!

Гости наши непрошеные поели русского кушанья вплотную и, выпив вина немало, развязали свой болтливый язык, начали хвалиться. Один из них показывал свой кивер, чрез который пронеслись две русские пули и, что шинель, которая в нескольких местах была исстреляна. Другой показывал в кивере своём знак одной вылетной пули и, что плащ его казак проткнул пикою, за что будто бы казак поплатился своею головою и, что французы везде и всегда били русских и т. п.

Так как французы потребовали после обеда кофею, который им мать моя и подала, что отцу моему было очень больно — он давно уже косился на этих, по мнению его, нахалов. Напившись кофею и выпивши бывшее на столе вино, французы уже без церемоний начали требовать ещё вина, которого, однако, им не дали, объявив, что нет вина, и это была правда. Наши офицеры один за одним ушли из комнаты, а вино куда-то спрятали. И так мы одни остались с французами. Вошедший с обоими офицерами солдат их ел и пил наряду с ними, с тою только разницею, что не сидел с ними, а стоял. Бывшему же при лошадях солдату, хотя я и вынес, было бутылку вина виноградного, не помню какого, но он не стал его пить и отказался идти в комнату обедать. Он всё время постоянно смотрел то на окны и даже в окны, то на дверь нашей квартиры, где находились три его камарата. Как он, и все они не выпускали из рук обнажённых сабель ни на минуту.

Французы-офицеры с сердцем начали требовать от нас вина, в чём помогал их солдат. Но когда они поняли, что у нас, его нет, или лучше они думали, что оно у нас есть, но мы не хотим его им дать, тогда они начали сами искать его. И до того им его хотелось, что они, обыскав и обшарив всё в нашей квартире, стали требовать ключей от комода и шкафа, ключи от которых на беду мать моя в суматохе затеряла или куда-нибудь засунула. Французы не понимали всех о том мимик и знаков, они начали ломать топором и саблями своими ящики комода и, открыв их, а равно и дверцы шкафа бросились рыться в них, отбирая себе чайные серебряные ложечки, которых и взяли чайных четыре, да столовых старых — три и одно ситечко, отобрали салфеток новых шесть и не-

сколько носовых платков, высыпали на комод сахар из большой жестяной сахарницы; чай же оставили нетронутым, они его бросали на пол. Все это, собрав в два узла из новых салфеток, все же прочее вынутое ими из комода из шкафа, оставили разбросанным на полу. После, уставши от сей приличной им работы, опять начали требовать с угрозами вина и с азартом приказывали нам сыскать и привести угощавших их наших офицеров.

К счастью нашему, в это самое время является к нам в комнату наш жилец, уже вам известный, и опять без сапогов и без часов карманных. И то и другое, по словам его, он будто бы сам из вежливости отдал на дороге каким-то французам, которых он тем вместе он очень хвалил пред нашими незваными гостями, браня при том поляков.

Всё это он говорил более по-русски и только частию по-французски, дополняя многое мимикою и пантомимами. Французы слушали его, разиня рот, и моргали не совсем трезвыми глазами. Один лишь солдат их был исправен, он, хотя и ел вдвое офицеров своих, зато выпил вина один лишь стакан.

Отец мой, вслушиваясь в речи нашего жильца, косился на него и выговаривал ему за такие приписываемые им французам похвалы. Французы же, поняв его к ним расположение, начали уже от него требовать себе вина, которое он и вызвался им добыть и принести. Тогда они взяли его за руки и не отступали уже от него.

Он их повёл из нашей комнаты, и они пожелали взойти к нему в комнату, где они увидели: перина валялась на полу, мебель частию опрокинутую, на столе валялись куски чёрного хлеба и кости нашей жареной баранины, полуштофы[21] — один пустой, а другой — с водкою, две бутылки с виноградным вином каким-то и две бутылки пустых.

Французы, увидав бутылки с вином, тотчас схватили их со стола, и тут же саблями отбили у них горлушки и, попробовав, стали его пить из рюмки без донышка, потчевая вином и своего нового хозяина. Однако тот отказался от него, предоставляя его им, а сам для смелости начал оканчивать полштоф с простым вином, до которого французы не прикасались. Французы выпили обе бутылки, а жилец наш один покончил водку. Жилец наш загрунтовался чересчур. В этой загрунтовке он проболтался французам, что не мой отец хозяин дома, а что настоящий хозяин уехал из Москвы и что он богатый купец и носит бороду, «вот такую», показывая рукою своею на грудь. Потом он сделал ещё хуже: он предложил французам разбить хозяйскую кладовую и тут повёл их к ней. Тогда сами французы начали требовать ключи от кладовой от старика дворника, которого указал им наш же жилец и, требовав, били старика плашмя саблями, грозя зарубить его. Он, бедный со слезами на глазах уверял их, что /ключи/ от кладовой увёз с собою хозяин. Поняли или нет его французы, решить трудно, но они по истязании дворника приказали ломать железную дверь кладовой. Для этого велели принести тот самый топор, памятный, конечно, им, которым они у нас ломали комод и шкаф. А жилец наш где-то отыскал лом, спрятанный дворником, и, вооружась им, почти первый начал разбивать дверь кладовой, а дворнику для того же самого дали французы топор, угрожая изрубить его саблями, если он не будет помогать им в разбитии двери. Один из французских офицеров, старший, как казалось, был с рыжими большими усами, обстриженными гладко, пил много и был очень сердитого нрава и потому более всех задорился, так что другой офицер останавливал и уговаривал его.

Дверь кладовой не могли сбить с петель, точно и двух её замков, и только от усиленных ударов сделали внизу её, в полотне, небольшой пролом — брешь, в которой человек свободно мог пролезть. В это время на дворе становилось очень темно, и французы потребовали огня, с которым и полез в кладовую офицер с рыжими усами, заставя прежде себя, лезть туда дворника и нашего загрунтованного жильца. Там он их заставил раскидывать навяленное над ямою: мебель, разную рухлядь и т. п., что было сделано для отвода. Но когда дворник и жилец наш открыли часть ямы, о которой сказал французам наш жилец, рыжий приказал им разрывать её, но чем — мы с отцом не знали.

Спустя полчаса времени, как открыли яму, в брешь просунули, вынутые из неё, две штуки русского, весьма обыкновенного, ситца, вслед их вылез рыжий офицер, а за ним — жилец наш и дворник, держа в руках горевшую свечу.

Оба французских офицера, вынутые из ямы куска ситца, начали пихать и швырять ногами и заметно сердились на нашего жильца, который, видя беду неминучую, куда-то скрылся. Он обещал французам открыть богатые вещи, а они нашли лишь дрянной и не для чего им не нужный ситец. Вероятно, чтобы заглушить свою досаду на жильца нашего, которого, конечно, они не оставили без побой, а статься могло, чтобы они его изрубили, французы, или лучше, мучители наши, опять стали требовать с грубыми угрозами от отца моего виноградного вина. И это безрассудное их требование вышло от нашего же жильца: он им сказал, что у нас есть погреб, а они, не поняв, какой это погреб, в чаду своём, настоятельно требовали вина и указать, где находится погреб.

Отец мой показал им погреб, тут же с сердцем объяснил им, сколько мог, что жилец наш наврал им о хранившемся в кладовой богатстве, так и о погребе, в котором никакого нет вина, а есть провизия и квас, которого, если они хотят, или русского хлеба, то он им, пожалуй, достанет из погреба. Всё это происходило на русском языке, при таких же жестах и пантоминах отца моего, что в другое, более благоприятное время, расхохотался бы самый капризный и взыскательный человек.

Французы, не понимая, что значит слово «квас», но, вероятно, думали, что это какое ни на есть вино, пихали отца моего в яму погреба, приказывая ему достать

им этого квасу. Не чего было делать — отец мой спустился в яму и, найдя там ведёрную бутыль, нацедил в неё квасу, которую и подал чрез творило французам. Один из солдат их принял бутыль, поставил её на пол. Офицеры же его, заметя, что цвет кваса похож на цвет вина, сказали: «Добре!» Тогда офицеры пошли прочь от погреба к тому месту, где стояли их лошади, но заметно было, что оба офицера, идя к лошадям, шатались из стороны в сторону.

Когда офицеры и их солдаты сели на лошадей, тогда дворнику нашему, державшему бутыль с квасом, приказали подать её одному из их солдат, который взял её и поставил перед собою на седло, придерживая её одною рукою. Офицер же с рыжими усами закричал очень громко: «Клеба! Клеба!» Отец мой подал ему заранее вынутый им из погреба каравай мягкого чёрного хлеба. Рыжий, увидав чёрный хлеб, закричал сердито на отца моего: «Клеба, рус!» Мы поняли, что он требовал белого хлеба. Отец мой не выдержал, осерчал на них, и вот, что он тогда им говорил, подняв и уставив обе руки: «Русский хлеб! Вы бы, негодяи, должны выменивать его у нас, русских, на свой французский чернослив, а вы им пренебрегаете! Это — дар Божий!» К счастию, они не понимали, что он им говорил, однако, они отвечали: «Бог! Бог! Добре! Добре!» После этой страшной для нас катастрофы рыжие усы махнул рукою, отец мой понял, что они прощаются и принимают наш русский хлеб, подал его одному из солдат и с ним заднюю часть свежей и жирной баранины, сказав им: «Кушайте на здоровье и ступайте с Богом! Когда бы вы не напивались, а покушали бы у меня смирно, вы были бы здоровы и давно были бы дома!» Мы проводили их со двора с поклонами и с желанием всякого благополучия.

Все это происходило среди двора, и, хотя уже и ночью, но мы и все нас окружавшее было освещено как днем от зарева повсеместного пожара, а дым славшийся едкостию своею душил нас и ел нам глаза. Тогда уже почти вся Москва пылала! Лошади наших офицеров бились и ржали. Провожая незваных своих гостей за ворота, мы были поражены страшною картиною: наш Лесной ряд горел в огромном пламени и дыме. Самая Москва-река прокрыта была огнём и дымом, на ней горели плоты лесов и дров. Замоскворечье тоже пылало и представляло и представляло и из себя огненную реку! Что мы тогда чувствовали — передать не берусь, но буду продолжать, сколько упомню.

Здесь же мы видели, как по обоим берегам Москвы-реки бежали наши русские, с жёнами и детьми; всё это кричало, плакало! Между их скакали и шли неприятели в разные стороны и в разных направлениях: они стреляли в бегущих от них обывателей, а другие грабили на месте. Вся эта картина поразила нас глубоко. Шум и стук от развалившихся зданий, от падения целых стен и крыш и от полёта в воздухе огромных головней и галок, крик вдали народа, обывателей и неприятелей, ржание коней, стрельба из ружей и пистолетов — всё это так нас ужаснуло, что мы все бросились бегом на свой двор, не помня себя от страха. Запря ворота, вбежали мы с отцом к себе в комнаты, едва переводя дух!

Здесь встретили мы всех собравшихся вместе наших офицеров и их денщиков, от которых мы узнали, что они, скрываясь от посетивших нас французов, принуждены были вылезть в окно кухни, дабы добраться до конюшни, на сеновале которой они сидели всё то время, пока были у нас незваные гости, с которого теперь по нужде сошли — жар и смрад выгнал их оттуда, и что конюшня готова загореться, а, главное, что лошади могут задохнуться, которых они уже и вывели на двор и заложили в экипажи, думая отправиться сейчас же, немедленно, со двора куда Бог приведёт!

Когда же мы их предубедили, что в ворота нет уже никакой возможности ни выехать, ни показаться от рассыпавшегося повсюду неприятеля, тогда положено было выломать в заднем заборе звено и выехать чрез него к Зачатейскому монастырю[22], вокруг которого пламень пожара ещё не досягал.

Покамест разбирали звено в заборе и оканчивали запряжку лошадей, мать моя суетилась, понимая, что всё оставленное через несколько после нас часов сгорит, старалась забрать с собою и всего более из съестных припасов. Для этого она взяла самовар, который отец мой отнял у ней, сказав: «Теперь, брат, не до чаев!». Но она успела таки взять его с собою. Самовар этот, как теперь помню, был красной меди, старинной формы, т. е. такой, какой и ныне употребляют сбитенщики. Самовар этот привязал один из денщиков, и именно, Брусов, между рессор дрожек с фартуками[23] с прочими мешками, кулечками, корзинками и т. п.

Покамест всё это происходило, отец мой тоже начал сбираться в дорогу и, как будто, в дальную. Он приоделся потеплее, взяв из книг, которыми у нас наполнен был старинный, богатый, высокий, нелюбимый моею матерью сундук, он наскоро выхватил из него, но видно не так, что под руку попалось, а с некоторым разбором. Это самое докажет лучше всяких убеждений до какой степени он имел надежду на скорою помощь Бога к нам в избавлении России от претерпеваемых тогда ею бедствий!

Книги, которые взял отец мой из сундука, были духовные: киевские святцы и московские святцы. В этих последних записаны отцом моим дни наших рождений и прочие замечательные для него случаи. Из гражданских книг — жизнеописания Петра Великого, Лефорта и Суворова, путешествие капитана Кука с его портретом и любимый мною Робинсон[24], взятый отцом моим по моей о том просьбе.

Я же упросил его одеться потеплее и понаряднее, представляя ему, что лучше взять с собою что можно, нежели оставить в жертву огня или неприятеля, что он и исполнил с удовольствием. Но, выходя из покоев, он, вместо всего принесённого нами из арсенала оружия, спрятанного по приказанию наших офицеров, взял с со-

бою любимый им за верность железный безмен и с узелком с книгами был на дворе встречен моею матерью, которая, указав ему на безмен, сказала: «Брось ты его, не наживай себе беды! Тебя уже предупредили наши добрые офицеры, что это есть орудие, а к чему оно тебе?» Отец прехладнокровно отвечал ей: «У нас есть сын и, если только будут грабить нас, то я его, — подымая безмен, — в действие не употреблю, но, ежели, хотя, один из этих бусурманов наложит руку на Лёнеочку (так он всегда меня звал), тот вот эта железная гранёная шишка — указывая на безмен — этой шишкой ловко свистну его в лоб!» После таких слов мать моя должна была замолчать.

Все мы, помолясь усердно Богу и взяв с собою образ, благословение крёстной матери моей родительницы, без ризы, прочее же милосердие Божие положено было в кладовую соседа нашего, серёжника, выехали из дому Буланова чрез сказанное выше звено забора, как уже разобранные для этого. Отъехав от дома не более десять сажень[25], были мы остановлены толпою неприятеля, которые, судя по их одежде, сошлись тут же из разных полков и рода войск, так, что здесь были и конные, и пешие солдаты.

Они окружили нас тотчас бросились развязывать и тормошить наши вывезенные пожитки, но нас же и никого из наших не трогали и не обыскивали. Остановив нас, неприятели со всех трёх экипажей наших бросили наземь всё, что на них, было, потом развязали и развернули узлы и пр. Каждому, что нужно было, каждый из них брал, как будто с позволения нашего, и всё это делали даже очень вежливо, как следует французам: каждый брал, что ему нужно, делясь между собою и даже нами, как будто это было общее их с нами! Мать моя горько плакала, старуха Игнатьевна, жена унтерофицера, бывшая у нас в кухарках, — тоже.

Отец же мой стоял мрачный и не говорил ни слова, только не спускал с меня глаз своих, имея намерение, как выше я уже сказал, хватить первого безменов, кто дотронется обижать меня.

Первая, попавшая под руку неприятелям, поклажа наша состояла из четырёх голов сахара, чистого и жёлтого[26]. Поговорив между собою, они начали его разрубать саблями и тесками и потом делить между собою. До этого и в продолжении этой делёжки, они говорили с нашими офицерами по-французски и по-польски, успокаивая их, что они ни их и никого из нас не обидят. Впрочем, начали отпрягать наших лошадей, выбирая из них лучших, оправдывая себя в этом тем, что нам будет ещё достаточно и остальных. Здесь надобно заметить, что сёдлы с верховых наших офицеров лошадей, из коих одно было французское с буквою «N», заблаговременно были сняты и зарыты в подполье нашей конюшни с прочими вещами.

Один из неприятелей, должно быть, весёлого характера, собою приятной наружности и молодых лет, одетый в шинель, подпоясанный каким-то шарфом, без сабли, в синем колпаке с красною кисточкою и такими же выпушками, заметив, что и другие, из посторонних нам молодые люди обоих полов плакали, взял свою долю сахара, положил его на попавшийся ему поднос и, попросив у товарища своего, не помню, саблю или тесак, начал разрубать его, окидывая глазами тех, кого желал им угостить и, разделя его примерно, чтобы из нас каждому досталось, сел на лошадь, у нас выпряженную, с которой не были ещё сняты ни хомут, ни шлея, потом велел подать себе поднос с сахаром. Он взял его в обе руки и так подъехал с ним, прежде всего к моей матери, кланяясь и прося её взять или принять от него сахару, улыбаясь и говоря: «Цукор!» Она нехотя взяла кусок. Потом он подъехал ко мне с таким же точно приветом, приговаривая: «Цукор, добре, добре, гарсон!» Таким образом, он объехал каждого из молодых, собравшихся вокруг нас молодых ребят и девиц. Остаток же на подносе сахару, раскланявшись с нами, с улыбкою же, сложил к себе за пазуху, которая уже и без того чем-то была набита. Этот же сладкий воин сказал господину Филипповскому по-польски, что лошадь, с которой он угощал нас нашим же сахаром, будет возвращена нам, когда в ней не будет надобности, и что он надеется нас ещё здесь найти. С тем он и уехал.

В большом кульке вместе с сахаром французы нашли два фунта чаю и фунт кофею. Чай они, понюхав, выбросили наземь, а кофе, ощупав, взяли себе. Потом они нашли в чемоданах и вязках наших офицеров сукно, полотно, бельё, несколько серебряных столовых и чайных ложек, ножей и вилок и пр. Но, к великой радости, наших офицеров, не нашли никаких вещей, которые изобличили бы их, что они не простые или мирные граждане, а военные. Это и на сей раз, избавило их от подозрений, потому, что неприятели и здесь каждого из нас расспрашивали — к какому кто сословию или классу принадлежит.

Покончив осмотр всех связок, чемоданов, кульков и узелков наших и офицеров наших, какие только они нашли на двух помянутых экипажах — распашных дрожках и телеге, из коих последнюю неприятели нагрузили вновь у нас же взятыми вещами, которые, таким образом, поступили в их собственность и на двух оставшихся в ней лошадях, четверо из них или более, не упомню, уехали, куда им надо было.

Оставшиеся при нас неприятели снова начали рыться и перебирать наши и наших офицеров пожитки. К ним подходили новые партии, но уже не столько деликатные. Эти уже с дерзостию начали тоже рыться и разбирать пожитки и, не находя ожидаемого, ибо лучше было увезено, как я выше сказал, они брали уже без делёжку с нами и всё, что им казалось ещё удобным для них. И всё это они делали без спроса у нас и без всякой уже вежливости. Одним словом, они нисколько не походили на своих товарищей. Они забрали дрожки и остальных лошадей, кроме, однако, одной, бывшей в

беговых дрожках. Но и ту, налетевшие двое или трое поляков выпрягли.

Тогда господин Филипповский стал просить их оставить нам, говоря, чтобы они хотя одну её из взятых уже у нас восьми лошадей оставили, что они хотя и сделали, но вместо этой лошади, бросили нам свою тощую лошадь, у которой обрезан, был хвост.

В это время, когда поляки стали выпрягать из беговых дрожек остальную нашу лошадь, подошли к нам какие-то татары которые, услыхав разговор Филипповского с поляками об лошади, сказали Филипповскому, что вот здесь, дескать, в двадцати шагах находится французский раненый комендант, к которому и советовали ему обратиться с просьбою об лошади: он, де, верно, защитит и вас, прибавив к тому, что этот генерал уже их самих защитил не далее как сейчас и не дал их в обиду подобным наглым мародёрам или грабителям. Тогда господин Филипповский предложил своим товарищам идти к коменданту, но оба они наотрез ему в том отказали, опасаясь за себя. Филипповский обратился с этим предложением к отцу моему, тот тоже отказался, сказав: «Пользы от этого никакой не будет, он такой же мародёр и грабитель».

Филипповский знал, что меня отец с ним ни за что не отпустит, успел он уговорить меня скрытно идти с ним к этому коменданту, говоря мне, что из этого не только ничего не будет дурного, но ещё все мы будем защищены его властью, и что он уверен в том совершенно и убеждён в том по своей опытности. Я согласился. Филипповский пригласил татарина проводить нас к коменданту.

Мы недолго шли, татарин скоро привёл нас к деревянному небольшому флигелю, стоявшему в саду, занимавшему несколькими татарами. Введя нас на крыльцо, татарин указал квартиру коменданта, которая находилась от нашего внезапного приключения не более 20—30 шагов. Войдя в сени, я увидел в них неприятельского гусара, в красной со шнурками куртке, в красных с узорами панталонах, в грязных худых ботфортах с огромными шпорами. Он был без кивера, волосы на голове его были обстрижены плотно, но с завязанным на затылке пучком или косою. Усы у него были огромные, рост был исполинский, в руках у него была обнажённая большая сабля.

Мой Филипповский заговорил с гусаром по-польски, и именно так, как теперь помню: «Камарад, я желаю видеть пана коменданта! Поляки мародёры, расхитив наше имение, лишают нас последней шишки (лошади)». Гусар (он был пруссак), что-то промычал и отворил нам дверь. Мы взошли в небольшую комнату, прямо из сеней, ибо при ней не было передней и вот, что в ней происходило. Напротив самой двери, вдоль глухой стены, лежал на плохом диване навзничь, большого роста мужчина с седыми подстриженными усами, горбатым большим носом, голова которого обёрнута была довольно чистым бинтом, сквозь которого местами видна была кровь. Он лежал вытянувшись всем корпусом. Гусар, войдя с нами в комнату, указал на нас коменданту, сказав ему что-то, чего я не понял. Генерал, обратясь к нам глазами, с болезненным видом, сделал Филипповскому вопрос по-французски: «Что вам надо?» Филипповский отвечал по-польски то же самое, что он сказал уже гусару. При слове же Филипповского: «последнюю отняли шишку», — я по молодости моей, а более по неопытности, не мог удержаться, чтобы не захохотать; что более ещё усилило мой смех, то это колпак, бывший тогда на Филипповском. Хотя он, как я заметил, и переменился в лице и делал мне знак, удержать себя от смеху, но я никак не мог тотчас прекратить его, до того Филипповский смешон был в колпаке и в объяснении об шишке.

Гусар, по приказанию коменданта, схватил меня за воротник правою рукою, не покидая обнажённой сабли, понёс меня из комнаты вон. Я не помнил себя от страху. Я думал, что гусар непременно отрубит мне голову! Но кончилось тем, что он вынес меня лишь на крыльцо и швырнул с него аршина[27] на четыре в дорогу, в грязь, где стояло несколько татар и русских. Опомнясь, я вскочил на ноги, и первое, что поразило меня, было это, что таким же точно образом несёт гусар-голиаф и моего предводителя Филипповского, которого, не докинув до меня, придвинул ко мне ударом колена, и он растянулся у ног моих. Сказанные зрители, я, сколько нам всем и не было страшно, но мы по неволе хохотали всему этому от души, даже сам гусар хохотал, кроме, однако, Филипповского, который, не шутя, озлился на меня. Он бранил меня по-польски, говоря, что всё это произошло чрез меня, и если бы я не наделал глупостей, то он был бы удовлетворён генералом, в чём он совершенно был уверен и ожидал лучшего конца.

Во время падения с Филипповского соскочил колпак или он был сорван с него гусаром, но, как бы это не случилось, только татары удивились, увидав у него обрубленное ухо, и они имели неосторожность, начали рассматривать его рану, Филипповский, испугавшись и видя, что гусар стоит ещё на крыльце, дал им знак молчать.

Филипповский, смягчившись ко мне, начал уговаривать меня, чтобы я не рассказывал об случившемся с нами, ни родителям, ни его товарищам, ни даже их денщикам, что я ему и обещал и притом по неволе — я не менее Филипповского боялся отца моего. Мы тут же помирились с Филипповским, и пошли к своим рука об руку, очистившись прежде от грязи с помощию добрых татар.

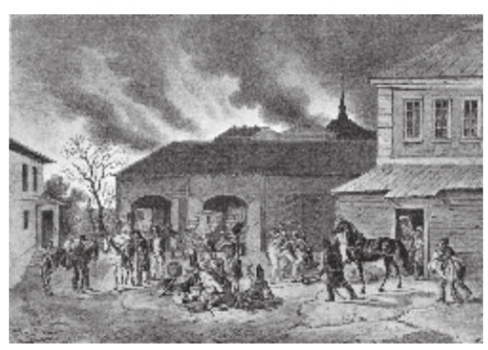
Мы скоро нашли наших, но так же не одних: к ним присоединилось много с разных мест москвичей и разных войск мародёров, которые уже без церемоний обращались со всеми ими: они их все раздевали или обыскивали. Я же, как пощадённый первыми мародёрами, не был ещё обыскан, но коль скоро успел я придти от коменданта, меня тотчас схватил какой-то оборванный

и ледащий[28] поляк, велел мне снять с ног моих сапоги, которые у меня были с большими голенищами и притом они были очень для меня просторны. Господин Филипповский, вступя за меня, начал объяснять поляку, что он уже имеет три или четыре пары сапогов в руках, то бы не снимал моих. Поляк не послушался его, посадил меня на уцелевшие беговые дрожки и сам уже с меня снял сапоги.

Оставшись в двух нитяных чулках, я опасался, дабы поляк и их не вздумал бы стащить с меня. Это опасение увеличилось и тем ещё, что в правом моём чулке под подошвою, спрятан мною был кошелёчек, в котором хранились накопленные мною серебряные пятачки, три золотые полтинника и несколько серебряных копеечек и иностранных монет. Провожавший нас к коменданту татарин, увидав меня разутого, сказал мне: «Подожди, не марай ног, я тебе сейчас принесу сапоги!» Этот добрый татарин, вовсе нам незнакомый, пошёл и тотчас принёс мне казанские новые, зелёного сафьяна, сапоги и обул меня в них.

Только успел я стать на ноги, как явился передо мною другой мародёр, который сам распоясал меня, снял с меня серебряные луковою часы, подаренные мне отцом моим, найдя при мне перочинный двойной ножичек, карандаши, циркуль, кисточки и краски. Всё это он бросил наземь. Разумеется, я его и всю их братию посылал к чёрту! Этот воин-грабитель стащил с меня сюртук, оставя меня в кургузом фраке, прежде всего, сдёрнул с меня накинутую на плеча и не застегнутую маленькую шинель. Он также взял себе и новый шёлковый кушак, которым я был подпоясан по сюртуку.

Господин Филипповский и здесь вступился за меня, говорил, что сюртук мой для него не впору и что он для него ни на что не нужен, но мародёр не слушал его, валял сюртук мой по земле, выворачивал его и разглядывал его внимательно. Потом всё, взятое им с меня, свернул комком, кивнул нам головою, положил под пазуху, как это делают московские наши барышники и перекупщики, сторожащие приобресть вещи не совсем законным порядком, пошёл от нас прочь, как будто сделал честное и доброе дело и пошёл, конечно, для новых подобных подвигов, украшавших тогда почти всех воинов врага России!

Французы в Москве. Литография по рисунку А. Адама. 1830-е гг.

Всё наше общество и во множестве собравшиеся вокруг нас горожане не знали, что нам делать, видя описанные мною притеснения и истязания, какие нам творили западные наши гости. Оставаться же здесь не было уже возможности: мы опасались быть раздетыми донага! К тому ж, окружавшие нашу стоянку, строения начинали уже загораться. Увидав же, что многие жители толпами идут мимо нас, держась берега Москвы-реки, направляясь к Крымскому мосту[29], скоро мы очутились среди этих их масс, они незаметно стёрли нас с нашего места и увлекли нас с собою к стороне сказанного моста.

В это время стащил с меня новый мародёр, подаренные мне добрым татарином сапоги, что происходило в глазах татарина этого и Филипповского. У этого мародёра, или, лучше, негодяя, более десяти пар уже было сапогов, которые у него были и в руках и подмышками. Мой добрый татарин и тут старался помочь мне и, утешая меня, сказал: «Не плачь, подожди здесь, я тебе принесу другие сапоги!» И он, действительно, побежал за ними.

Филипповский же, озлобясь, с сердцем требовал у мародёра моих сапог, браня его по-польски. Он выходил из себя, час от часу разгорячался. Товарищи же уговаривали Филипповского бросить и оставить негодяя. Они боялись, чтобы из всего этого не вышло какой-либо для всех их неприятности, худшей, нежели чего стоят мои сапоги. Но Филипповский, не слушая никаких их резонов, кидался на мародёра и тормошил его, вырывая из рук его мои сапоги. Грабитель был трус, как и все на свете грабители, он бросился от Филипповского бежать к берегу Москва-реки, этот — за ним, жалуясь каким-то проезжавшим тут случайно двум французским офицерам, которые, однако, не обратили на его слова никакого внимания и, не останавливаясь, ехали далее. Между тем, Филипповский не отставал от мародёра, тормошил его, тесня его к Москве-реке и, наконец, спихнул его с берега в воду и сам бросился за ним туда же, загнав его выше колена в воду, начали ещё сильнее его в ней тормошить и отнимать у него мои сапоги. Но мародёр и тут ещё защищался, бросив в воду все свои сапоги.

Мы и собравшийся вокруг нас народ смотрели с ужасом на эту проделку Филипповского, который, увидав нас, закричал отцу моему, чтобы тот бросил ему свой безмен, которым он обещался пришибить мародёра, избитого уже им по лицу вырванными у него же моими сапогами. Пока всё это происходило, татарин успел принести мне уже другие сапоги и отыскать нас. И так, я в третий раз обул свои ноги по выходе из дома. Безмен Филипповскому отец мой бросил в воду. Подхватя его едва ли не на лету, он как тигр бросился с ним на мародёра, поражая его безменом, во что ни попало. Тот пятился от него всё глубже и глубже в воду, крича

страшным голосом. Голова и лицо мародёра покрывались кровью, которая мгновенно пропадала, когда он, стараясь избегнуть удара, окунался в воду.

Боясь, чтобы между нас шатавшиеся другие его собратья, не вступились за мародёра, мы поспешили смешаться с толпою, клича Филипповского идти с нами. Но мы и без нашего намерения удалиться от места побоища, так увлечены были толпою идущего народа, до того здесь столпившегося, что я потерял в ней свою мать и с нею старушку Игнатьевну, отца же своего хотя и нашёл, но уже с пустыми руками — у него уже не было ни узелка с книгами, ни мешка с сухарями, взятого им на сохранение у Игнатьевны; и то и другое у него отняли мародёры. Первые его слова были: «А где твоя мать?», а я его спрашивал о ней! Ни он, ни я и ни кто из наших не знали, где она и как она отстала от нас.

Между тем как все мы и вся наша толпа, незаметно подвигались все вперёд, как бы насильно, и, наконец, мы очутились у самого въезда на Крымский мост, где увидали страшную суматоху. Французы и другие им подобные мародёры, их союзники, разбивали или, лучше, грабили ехавшую на мост коляску, которую они остановили вместе с ехавшею за нею телегою. При них мы уже не застали ни тех людей, кому они принадлежали, ни лошадей. Первые, вероятно, смешались с толпою, а лошади были выпряжены мародёрами и уведены. Из коляски и телеги неприятели тащили подушки, чемоданы и т. п. Всё это валялось на земле, покрытое пухом из разорвавшейся перины. Около этих экипажей валялась картина в золотой раме, которую отец мой поднял вместе с одною подушкою в розовой китайчатой наволоке, несколько замаранной в грязи. Он, передавая мне подушку, сказал: «На, может быть, она пригодится для твоей матери!» Масляную же картину или, лучше, портрет, изображавший поясной в натуру мужской портрет, оставил у себя. Ему советовали бросить портрет этот, как вещь теперь ненужную, но он отвечал: «Грешно мне будет бросить его! Вы не знаете, ведь это портрет русского знаменитого патриота, верного слуги матушки Екатерины Алексеевны, князя Григорья Александровича Потёмкина[30]. Я не хочу, чтобы наши злодеи попирали его ногами!»

Пока отец мой так выражался о портрете, нас силою подвигали всё вперёд и не давали нам попасть на мост, а продвинули нас к дровам, которые лежали по всему берегу. Здесь опять явились между нас мародёры и снова начали нас и всех, т. е. всю окружавшую нас толпу раздевать, обшаривать, обыскивать и разделять между собою, что кому из /них/ нравилось.

С меня сняли шинель, сорвали шейный платок и золотой крест, данный мне при купели, причём, едва меня злодей не удавил! Крест этот был надет у меня на крепком шёлковом снурке, то безбожник никак не мог сорвать его с моей шеи и только резал мой затылок. Я не вынес этого мучения, закричал во всё горло. Отец мой бросился ко мне и сам снял с меня крест, бросив его в лицо французу, и с сердцем отпихнул его от меня, что удивило всех около нас бывших москвичей и даже мародёров.

Тут мы начали прислушиваться к говору нашей толпы, в которой рассуждали и толковали много, и все почти согласны были в том, что непременно надобно спешить попасть, как ни на есть за реку, на Орловский луг[31], и говорили, что будто бы, все, попавшие туда, избавились и грабежа и оскорбления от злодеев, врагов наших, но, почему — этого никто ещё не знал. Заметно было, что все русские стараются попасть за реку, на сказанный луг, а с той стороны реки никто из наших не переходил мост, исключая одних мародёров.

Вскоре мы вступили на Крымский мост, который не имел ещё тогда возвышенных свай, а находился почти в уровень с водою, и я помню, что вся наша толпа вдруг очутилась на мосту, и на левом берегу реки никого не осталось. Суматоха и толкотня при входе на мост была страшная. Но когда мы очутились у самого того моста, где стояли разграбленная коляска и телега, мы уже не видали телеги, она, вероятно, была увезена мародёрами или даже русскими. К счастию, мы с первыми, скорее других, попали на мост, который что называется, был живой, т. е. движущийся от тяжести. Поперёк моста валялись какие-то брёвна, дрова. Середина моста от тяжести народа и лошадей неприятельских, на которых некоторые из них ехали взад и вперёд, а другие из них вели в подводах, опустилась на дно, и мы все очутились по колено в воде, и, таким образом, шли по мосту нога за ногу, боясь быть подшибленными или подбитыми валявшимися на мосту брёвнами и поленами дров, которые сдвигались и катились в разные стороны, едущими лошадьми с одними передками и разными неприятельскими повозками, фурами и т. п. Перилы или барьеры моста с обеих сторон его сломались и упали в воду.

Мы, видя, что многие из русских взяли направление на мыс берега Орловского луга, пошли за ними так же в воду, для чего сошли с моста, почти с его средины. Хотя мы и шли рекою по колено в воде, но зато были безопасны от ехавших по мосту. Взойдя на берег Орловского луга, я и все прочие увидали, прежде всего, на нём деревянный двухэтажный старый дом, обращённый лицом к Москве-реке. Орловским лугом называлось то место, которое незадолго до XII года было занято или принадлежало к дому графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, где ныне устроена городская больница[32].

Мы пришли на сказанный луг уже вечером, поэтому все окны дома, бывшего на лугу, были ярко освещены, что показалось нам довольно странным, потому что на дворе, от пожаров был вместо ночи, совершенный дневной свет. После мы узнали, что в этом доме помещался какой-то раненый французский генерал со своим штабом[33]. Этот-то генерал и защищал здесь русских от мародёров. Перед этим домом увидали мы большое стечение русских, которые все стояли, по неимению мест, где бы можно было не только что лечь отдохнуть, но

и сидеть. Все они стояли к дому спинами и смотрели на мост, а, главное, на Кремль, который тогда рисовался в неописанном величии и виде. Он был ярко освещён огнём пожаров со всех своих сторон. Особенно красовались вышки царских теремов, Иван Великий, соборы, башни и собор Василия Блаженного.

Площадь перед сказанным домом была не более 20-ти квадратных сажен. Правая её сторона огорожалась трёхполенными дровами, сложенными в огромные костры[34]. Левая ограничивалась проездом к Калужским воротам. Луг от дороги с моста отделялся глубоким рвом. С правой стороны дома, занимаемого генералом, стояла деревянная домашняя баня, занятая неприятелями же. От сей бани по направлению к берегу Москва-реки тоже сложены были в несколько рядов костры трёхполенных дров.

Мы тоже долго стояли с прочими и также как и они невольно любовались на дивную картину Кремля со слезами на глазах и с скорбью в сердце. Что мы тогда чувствовали — трудно передать!

Нам удалось удержать за собою небольшое местечко на лугу, на которое и поместился отец мой, сложа прежде наши скудны пожитки, уцелевшие от грабительства мародёров. Он, сидя на них, не выпускал из рук портрета Потёмкина. Когда увидали его так сидящего, тогда в говорах толпы я слышал следующие слова: «Вон старичок стоит и держит образ (им нельзя было видеть, что он сидел), и верно молится об нас и не хочет сесть как его товарищи, дай Бог ему здоровья!» и т. п.

Вскоре мы услыхали шум и крик у нас на лугу, кричали многие: «Грабят! Грабят!» Вся толпа заколыхалась, все, кто сидел, повскочили на ноги, и все обратились лицом к дому, где жил генерал неприятельский. Он не замедлил, как того ожидали, вышел с своими адъютантами в полных мундирах и тотчас велел прогнать ворвавшихся к нам на луг, на площадку, грабителей, которые проскользнули на неё с берега Москва-реки, быв прикрытыми кострами дров. Такие внезапные набеги мародёров повторялись несколько раз во всю эту ночь. Каждый раз им удавалось, кого-либо из оплошных обывателей и особенно женщин утащить в костры дров, где они их свободно уже грабили, чего они, однако, боялись делать на открытой площадке, костры же дров им в том много способствовали. Раненый генерал, наскучив тревогами, какие поневоле происходили пред его квартирою в толпе москвичей от набегов мародёров, предложил, чтобы мужчины из русских вооружились трёхполенными дровами, шли бы прогоняли от себя мародёров.

Наши приняли таковой совет генерала с благодарностию и начали управляться с мародёрами по-свойски, чрез что нападения на нас были редки, если даже и не совсем прекратились. По крайней мере, многие и особенно уставшие из немолодых, одни — сидя, а другие — стоя на месте, могли сколько-нибудь заснуть, в числе их был мой отец и я. Однако отец мой не спал, хотя и показывал мне, что будто он дремлет. Так кончилась вторая бедственная для нас ночь.

Наступило утро вторника, что мы могли узнать по часам, у кого они ещё имелись, иначе нельзя бы отделить ночь от дня, такова светла была эта ночь от зарева пожара. Самый дневной свет казался тогда темнее от дыму, что ночью менее было заметно. Днём облака от дыму были чёрные, а ночью они — красно-светлые.

Хотя у нас и на лугу было и тихо к утру, но с началом его народ начал более о себе заботиться. Все заговорили, засуетились, начали многие из него отправляться по разным местам: кто на добычу, кто отыскивать своих родных или знакомых. Площадка Орловского луга начала понемногу редеть, но едва заметно, и это вот почему: что на место уходивших с неё приходили новые лица, тоже несчастные жители Москвы. В это время мы могли подвинуться к самим кострам дров и занять место близь выше помянутой бани.

Когда мы тут расположились, тогда я стал просить отца моего идти искать мать мою, и мы с ним пошли, взяв с собою денщика Брусова и доброго нашего знакомца-татарина, так много заботившегося обо мне, и, который и на сей раз сам вызвался сопутствовать нам, желая и здесь чем-то бы ни было вспомоществовать нам. При узлах наших остались все трое наших офицеров. Филипповский был уже с нами, он встретил нас ещё при входе нашем на мосту, когда мы вчера на него были, как я выше сказал, почти силою увлечены толпою. Первый увидал его отец мой, прежде всего, спросил его: «А где мой безмен?» «Бросил в реку — отвечал Филипповский, — вместе с убитым мною им французом». Бедный Филипповский был весь в грязи и иле и мокрый, что очень беспокоило нас во всю ночь. Я сказал, что при узлах остались все три офицера, и это случилось от того, что другие два денщика их объявили нам, что пойдут к Калужским воротам добывать чего-нибудь из съестного.

Итак мы только четверо отправились за Москву-реку на то место, на котором отстала от нас мать моя, но на нём не нашли мы её. Когда же пошли далее её искать, увидали, что дом Буланов, где ещё так недавно мы проживали в спокойствии, вместе с другими сгорел до основания, а с ними и наш флигель, и наши пожитки. Отец мой посмотрел на пожарище, махнул лишь рукою, сказав «Да будет Твоя воля!» Дом же, где жил больной комендант, остался цел, но мы в него не заходили, товарищ наш, татарин, тоже не пожелал.

Ища мать мою, мы повстречали многих жителей Москвы, которые все совершенно были ограблены неприятелями. От знакомых нам из них узнали, что мать моя спаслась от огня пожаров и от мародёров на платомойном плоту и с нею несколько женщин, куда мы тотчас и отправились.

Мы нашли мать мою сидящую в толпе женщин на сказанном плоту. Она вся посинела от холода и сырости. Я бросился к ней со слезами обнимать её. Она до того

в прошедшую ночь исстрадала, что не приветила меня никаким словом, но крестила меня и ласкала своими посиневшими руками. Старуху Игнатьевну нашли мы здоровее моей матери, она помогла мне поднять мать на ноги. Игнатьевна спросила у отца моего свой мешок с сухарями и, когда узнала от него, что мешок этот отняли у него мародёры, тогда она сказала: «Берите же и меня с собою и кормите». Мать моя укоряла отца за то, говоря ему: «Зачем брал, когда не умел сберечь, Игнатьевна здесь бы сама сберегла бы его, нас никто здесь не тревожил, потому что круг нас были вода и огонь!»

Мы отправились вчетвером на Орловский луг, а Брусов и татарин остались. Татарин остался за тем, чтобы проведать и отыскать своих товарищей, а Брусов пошёл поискать добычи из съестного, сказав нам, что мы и одни можем придти туда благополучно.

Пришли мы на луг без всяких приключений. На лугу всё та же суматоха, какая и при нас происходила. Наших офицеров нашли мы переместившихся на другое место — к поленцам дров, по правой стороне площадки и не вдалеке от бани, а так день был ясный, и солнце пекло их, то они устроили своими руками над собою из дров навес или зонтик, захватя или припася место и для нас. Но отец мой, увидав их работу, заметил им и советовал лучше быть открытыми, нежели задавленными от такого зонта, в прочности которого он много имел причин усомниться. Офицеры возражали противное его мнению. Он, наконец, убедил их, чтобы, хотя убавили дров, накладенных на спуске для образования врез[35], то вроде крышки, которая и делала тень, что они и сделали с помощию возвратившихся двух их денщиков, в одно время с нами отправившихся на добычу, которые и принесли к нам: две большие сырые солёные рыбы, — кажется, осетрины — и ком паюсной икры[36].

Вслед за сим возвратился и Брусов. Он принёс две сёмги. Лицо Брусова было окровлено ударом тесака. Рану эту нанёс ему верхом ехавший поляк, отнимавший у Брусова его добычу, который защищал её, положив одну рыбу наземь, а другою сшиб поляка с лошади, что, увидавши, подхватя добычу, пустился с моста, посредине которого происходила эта проделка, и побежал к нам на луг. Поляк же, бросив на мосту лошадь, бросился догонять Брусова, крича на него, но тот, подбегая к берегу Орловского луга, просил о помощи. Наши православные в числе десяти человек, не более, поднявшись на ноги, с рычагами из дров, погрозили поляку, и он сей час ретировался.

Мы всё это сами видели и потому обрадовались Брусову от души. Отец мой с этим вместе говорил ему: «Вот, брат, спасибо, Брусов, а хлебца нету!» «Нет!» — отвечал тот. Тогда отец сказал всем нам: «Время и покушать нам, давайте сядемте и пообедаемте!» Мы уселись, где и как можно было. Нарезавши, сёмги и икры на изнанке портрета, уже вам известного, отыскали в наших узелках несколько сухарей, начали с ними есть сёмгу и икру. Некоторым, из смотревших на нашу воздушную трапезу и на нас, ближним к нам соседям, отец мой предложил по куску сёмги и икры, за что те нас благодарили, давши нам взамен чёрного мягкого хлеба.

К концу нашего обеда возвратился наш добрый татарин, жалуясь, что и он было кое-что нёс из съестного, но «бусурманы», — его собственные слова, отняли у него здесь на мосту и тащили, было его под ношу, но он спасся бегом. Но ему всё-таки не миновать бы беды, если бы не защитили наши православные, поспешившие выручать его с кольями. Татарин, к сожалению, не помню его имени, с нами же разделил скудный наш обед.

Когда мы пообедали, офицеры Сумароков и Перовский, отозвав мать мою в сторону, спросил её, целы ли у ней те деньги, которые они отдали ей на сбережение. Мать же моя от первого испуга, когда нас остановили при выезде ещё из дому, вовсе об деньгах позабыла, но как офицеры напомнили ей об них, то она тут же спохватилась их и отвечала: «А, да вот ваше всё цело!» — ударив себя по правому боку. Они у ней были спрятаны в небольшом узелке под платьем. Деньги состояли из крупных ассигнаций, из коих принадлежали: 4 тысячи рублей — Сумарокову и 300 рублей — Перовскому. Тут же вспомнил и Филипповский о своих деньгах. Он бросился искать их по своим карманам рейтуз, но не нашёл. Найдя в одном из карманов большую дыру, которую, вероятно, протёрли несколько бывших у него полуимпериалов[37], после чего они спустились в низ брюк и остановились за подкладкою их, но могли бы протереть и её, если бы он из предосторожности сберечь концы рейтуз, не завернул бы их ещё до выхода из дома. Когда господин Филипповский ощупал свои полуимпериалы, которые составляли, по словам его, сумму до 200 рублей, он обрадовался им как находке и оставил их в том же месте рейтуз. Так кончился день.

К нам на луг не переставали прибывать, а убывало очень мало. Вновь прибывшие лица размещались уже далее, за домом, где жил французский генерал, к стороне Калужских ворот. Хотя показывались, как то я выше сказал, к нам мародёры, но их прогнали наши православные рычагами из дров, и они уже не смели показываться между нас. Многие их обывателей Москвы развели в разных местах по лугу огни и готовили для себя пищу. В ночь на среду явились, было как-то мародёры, но генерал, узнав об этом, сам вышел и лично защитил от них русских, которые ободрённые им тотчас их прогнали. Всю эту ночь одни из нас, т. е. из числа всех бывших на лугу, спали, а другие сидели, а более стояли. Одним словом, это была невиданная картина, освещена страшным заревом и пламенем пожаров.

По дороге от Калужских ворот тащились в Москву по грязи фуры, телеги, брички и т. п., нагруженные сеном, аржаными и овсяными снопами и прочими деревенскими продуктами. Возчики и сопровождавшие их люди кричали и понукали лошадей, запряжённых во всех этих экипажах в дышло[38] и при том кое-как. Возы и прочие

теснились и опрокидывались, дорога же эта была завалена павшими лошадьми и разным хламом. И то и другое подымали и вытаскивали с помощию русских, которых для того хватали неприятели. Крымский мост всю эту ночь был беспрерывно покрыт народом и сказанными повозками, простыми подводами и прочим.

Наступившее утро середы ничем не различалось от прошедшего дня, кроме разве того, что все жители луга с сожалением узнали, что наш единственный защитник, французский генерал, оставляет нас и переходит на жительство в дом господина Полторацкого, находившегося за нашим лугом, в котором ныне помещается мещанское училище[39]. Не шутя говорю — многие из нас плакали о том навзрыд, подходили к окнам его квартиры и знаками просили генерала не оставлять их и всех нас. Генерал понял и выслал к нам всем одного из адъютантов своих, поляка, который очень порядочно говорил по-русски, что генерал бы не покинул бы нас, но здоровье его очень расстроилось от беспокойств, какие вокруг его нынешней квартиры ежеминутно происходят. Один из нас, говорил поляк, останется здесь с частию команды, которые будут нас защищать от грабежа и насильствия. Мы все, сколько не было нас на лугу, прощались с генералом. Он, окружённый русскими, сел в карету, запряжённую парою лошадей, кланяясь нам из неё, и тотчас уехал. Весь остальной день прошёл в устройстве: кто жилищ или лучше логовищ себе, а кто ходил добывать пищи, в которой оказывался большой недостаток.

День середы был собственно для нашего семейства, или общества замечателен тем, что после хорошей погоды пошёл небольшой дождь, но тёплый, а, главное то, когда при отъезде генерала, помянутая выше баня очистилась, тогда мы поспешили её занять, что нелегко было сделать и то только с помощию нескольких соседей наших, удальцов, которых потому мы уже поневоле должны были принять в своё общество.

Строение бани имело не более девяти квадратных аршин; внутренность её разделялась на небольшие сени и комнатку для раздевания и, наконец, самую баню с полком. В комнатке или предбаннике было одно обыкновенное окно, баня же освещалась тройным большим окном, иначе называемым италианским. Всё наше семейство, а равно офицеры и их денщики поместились в самой бане, а вновь увеличившие наше общество — кто в предбаннике, кто в сенцах, а кто на чердаке бани.

Устроившись, таким образом, мы потом ходили между нашими бивачными и их огнями, но, не удаляясь от бани далеко. Тут отец мой и офицеры познакомились с не совсем здоровым старичком, штатским генералом Андреем Васильевичем Повалишиным[40] и тоже с старичком, полковником Мансуровым, имя и отчество его я забыл. Обоих их мы пригласили к себе в баню. Оба они вымочены были дождём, одежда на них была плохая. Люди обоих их не хотели им более служить, говоря им даже при нас: «Возьмите их к себе, если вам их жалко, теперь всякому до себя, а мы, дескать, вольные и у нас нет господ, кроме Наполеона!»

Когда же почтенные старички пришли с нами в баню, оба они жаловались нам на негодяев, людей своих, которых они принуждены были называть по имени и по отчеству, для того, что они их не только, что не слушались, но смеялись им в глаза, говоря, что прошла пора, и, что они теперь им равны, и что господ уже нет более. Этого мало: негодяи, издеваясь над стариками, едва ли давали им чего-нибудь есть и при этом всякий раз посылали их самих добывать себе пищу, а не то умирали бы с голоду. Мы успокаивали их, сколько могли.

Повалишин ходил с офицерами нашими к своим людям, просил их, чтобы они отдали, хотя что-нибудь из спасённых его пожитков и вещей и то таких, которые для него были необходимы, но они ничего не дали, дав один только самовар, ни для чего ненужный, говоря при этом ему: «Благодари Бога, что мы тебя сюда принесли на простыне, а то бы ты сгорел как собака!» Повалишин после рассказывал нам, что в то время, когда неприятель взошёл в Москву, он лежал в постели, хворая трудно, но, когда его принесли сюда, на луг, он почувствовал в себе облегчение и мог уже, как мы видели, ходить без помощи своих прежних слуг, которым прощает от всего сердца те горькие обиды, какие они ему сделали по своей лишь глупости и невежеству; в числе таковых были женщины и даже дети, и все они его бранили без всякой жалости. Точно то же сделали и с Мансуровым его собственные люди, которому тоже ничего де они не дали и даже прогнали от себя.

Когда самовар принесли в баню, и мать его увидала, то стала просить Повалишина поставить его, предлагая и ему напиться чаю для подкрепления, как она говорила, сил; чай для того у нас как-то сохранился и несколько сахару. Повалишин, хотя и чувствовал позыв на еду, но не стал есть нашей рыбы — сёмги и икры, а просил напоить его чаем. Офицеры наши было распорядились, приказав своим денщикам поставить самовар, а те, слышав как поступили крепостные люди с нашими новыми знакомыми — с старичками, начали грубить своим начальникам, упрекая их, зачем они не уехали из Москвы тотчас, имев много на то время, как равно и на покупку для себя разных вещей, а более же, вовсе ненужный коляски, которая за то и досталась французам, а мы, де, рады были бы доползти за заставу, хотя бы на четвереньках, только бы убраться из Москвы до прихода неприятеля: «Вот вам и коляска! А теперь просите чаю, а там запросите, может быть, и кофею!» Офицеры должны были уступить этим грубиянам. Брусов же и татарин схватили самовар и начали суетиться, разогревая его, в чём и я им помогал. Кто из нас добыл угольев, кто воды, которую нелегко было достать без посуды и, хотя мы жили и на берегу реки, но добраться к ней за водою было небезопасно от шатавшихся повсюду мародёров и подобной им сволочи и особенно вокруг нашего, так сказать, табора, если ещё не хуже табора.

Напившись, все мы вдоволь чаю, — первая мать моя, видимо, поправилась после тех, можно сказать страданий, какие она вытерпела на плоту, не смыкая глаз во всю ночь. Точно также подкрепилась чаем и оба наши старички, самовар их едва ли не в первый раз сделал им ощутительную пользу. Мать моя не забыла при этом и самих грубиянов-денщиков: дала им чаю и сахару, они сами уже вновь ставили самовар, и пили чай, и поили прочих, кого пожелали сами. Воду для самовара приносили в уцелевшем медном кувшине из числа взятой нами из дому посуды; в нём же варили, по мысли моей матери, щи с рыбою из свежей капусты, которой вблизи на огороде было множество. Поэтому у нас в середу обед был великолепный, тем более, что у нас ещё была часть сухарей и несколько чёрного хлеба. Сваренные в кувшине щи каждый раз выливали в чугун, который мы брали у соседей, а равно и ложки, ножи же у каждого денщика были свои, вилок же у нас не было. После щей мы ели сёмгу и икру, но уже без хлеба и сухарей, которых для того недостало. Так прошла середа.

Во всю ночь на четверг вокруг нас были слышны брань, плач, крики и другие приключения, нередко проистекавшие от хмеля — русские где-то добывали простое вино и им не забывали себя потчевать. Одни из них кричали: «Французы, французы грабят!», а некоторые семейства между собою ссорились и даже дрались, как женщины, так и мужчины. Оставленные генералом офицеры-поляки выходили из дому на все эти крики очень редко, увидав, что все эти тревоги на лугу происходят боле от самих русских, и поэтому на другой же день оставили нас, выехав из дому.

В четверг утром большая была тревога между русскими, которые кинулись занять оставленный адъютантами и командою дом, который занимал генерал. Из них сильные пробивались между слабых, не взирая ни на звание и пол — дом весь заняли тотчас же, в нём не осталось ни одного свободного уголка и местечка и всё это более потому, что и в четверг продолжалась ненастная погода. Оставшиеся же вне дома семейства устраивали себе, как могли и, умели шалаши из дров, покрывая их сырыми кожами, циновками и т. п., кто что мог добыть.

Толпы увеличивались беспрерывно сходившимися к нам на луг русскими со всех частей Москвы. И кто из них уже попал на луг и сохранил около себя драгоценные вещи или деньги, или одежду и прочее, то всё это осталось целым при них, не только во всё время пребывания неприятеля в Москве, но и по выходе его из неё.

Денщики-грубияны, идя на добычу в четверг, требовали, чтобы и отец мой с ними шёл, как равно татарин и оба наши старички, которым они говорили, что они не обязаны ни их и никого из нас кормить, и чтобы каждый добывал пищу для себя сам. Делать было нечего, мы должны были идти на добычу. Отец мой, я, татарин, Брусов, два другие денщика и господин Филипповский — сей последний не хотел от меня отставать — отправились на добычу. Из нас два денщика и татарин пошли к Калужским воротам, а мы с отцом, с Филипповским пошли чрез огороды пожарищами на Полянский рынок[41]. Здесь мы нашли всё разграбленным. Отец мой отстал от нас, после оказалось, что он ходил проведать, уцелел ли дом какого-то, ему одному известного патриота и которого он хотел лично видеть, но он ничего не нашёл. Дом со всеми строениями сгорел, и хозяева разбежались. Отец мой, возвращаясь к нам, в дороге был взят неприятелями под ношу. Что его заставили нести и куда, того не упомню, помню то только, что он возвратился домой спустя много после нас, усталый и измученный ношею, но пришёл в том же пальто, в каком пошёл с луга, с него ничего не сняли.

Теперь возвращусь к тому, когда мы пришли на Полянский рынок. Мы там осмотрели все мясные и рыбные лавки. Мы здесь были зрителями, как неприятели и даже с ними несколько наших русских, двух старух, нагнувших в чаны, в которых был один лишь рыбный рассол, и в котором эти бедные думали найти рыбу, брали за ноги и окунали в рассол головами, что доставляло им приятную забаву. Они покатывались со смеху, как бедные старухи барахтались в отвратительной жидкости. Однако нашлись тут и такие русские, которые поспешили вытащить их из рассола, иначе они бы в нём задохлись.

В других лавках, также ограбленных, в которых, как равно и в подвалах, все двери были забиты снаружи досками, вероятно, владельцами их; но эта предосторожность ни к чему не послужила: все эти укрепления были разрушены и всё, что можно было взять — взято. Однако мы все-таки нашли в этих лавках и подвалах бочонки с конопляным маслом, мешки с сухими снетками и другие товары, до которых французы и их камраты небольшие были охотники. Отыскав новый кулёк, я наполнил его сухими снетками и взял из разбросанных в лавке: две дюжины деревянных ложек, ковшик и две деревянные тарелки. Филипповский же взял солёных сухих судаков с десяток, связал их мочалкою и взвалил себе на плеча, а Брусов взял небольшой бочонок конопляного масла, который мы пособили ему поднять на спину. С этими ношами и тою же дорогою, мы благополучно возвратились домой на луг.

Попадавшиеся нам неприятели нашей провизии у нас не отымали, как не нужной им. Но это не помогло бы нам, если бы Филипповский и Брусов не знали из опыта и потому придумали, чтобы не попасть под ношу: для этого все мы шли около идущих по одной дороге с неприятельскими, т. е. с теми из русских, которые несли им разные разности. Это мы сделали для того, чтобы встречные мародёры думали, что и мы несём такие же ноши за их товарищами. Чрез эту уловку дошли мы до Орловского луга без всякого приключения. Все мы беспокоились об отце моём, который, однако, как я выше сказал, пришёл домой невредим.

Незадолго до возвращения отца моего добрый татарин и два денщика принесли на рычаге липовку[42] пуда в четыре с масляного двора, но, дабы неприятели не отняли его у них, они мёд залили сверху конопляным маслом. Татарин сверх того принёс кусок паюсной икры и большую коробку копчёных сельдей.

Отец мой, возвратившийся перед вечером, тоже принёс голову, башку, солёной белуги, которую, по словам его, пожаловал ему тот мусье, которому он нёс ношу. Мать моя, взглянув на башку белуги, сказала отцу: «Зачем ты брал её и тащил, ты весь от неё измарался!» Она вырвала её у отца и отдала её соседям. «На тебя, старая, не угодишь,– возразил на это отец мой, — и я хотел приобрести что-нибудь, чтобы не с пустыми руками прийти домой».

Старички, гости наши, говорили, зачем принесли масло и сожалели о напрасном труде денщиков и татарина, но сей последний сказал им: «Нет, боярин, это не масло, а мед!» Мать моя поспешила вместе с Игнатьевной слить масло и очистить от него мёд. Очистки отдали соседям, а кадочку покрыли родительскою картиною или портретом, о котором я выше сказал. Многим из нас хотелось отведать медку, но за неимением хлеба никто на это не решался, хотя пробовали и ели его, но всякий приговаривал: «Вот, кабы, хлебца!» Но я не утерпел и съел без хлеба два или три кусочка с удовольствием и, если бы отец не остановил меня, я бы ещё поел медку.

Итак, как вы видите, мы в четверг не обедали, а ужинали довольно плотно, хотя и без хлеба. Ел всякий из нас, что ему попало: кто — снетки, кто — сёмгу, кто — сельди, кто — икру, а некоторые ели даже мёд, солёных же судаков не ел никто. Так прошёл четверг.

В каждый из проведённых нами на лугу дней, слышали мы разные рассказы, новости и т. п. То же самое происходило вокруг нас и после нашего ужина в четверг, кроме только того, что мы, поужинав, пили все чай, а денщики-грубияны перестали грубиянить и сами даже предложили нам напиться чайку. И, когда мы пили чай, то они беспрестанно проковыривали прутиками кран самовара, который залегал от листов чая, положенного прямо в самовар в тряпичке. Чай вся ватага наша пила сначала из двух стаканов, а потом из принесённого мною деревянного ковшичка. За неимением чайника чай клали прямо в самовар.

Ночь на пятницу прошла обычно. Для освещения нашего жилища и чердака мать моя и Игнатьевна придумали сделать ночники, налив их принесенным маслом, каковое освещение продолжалось у нас во все время, покуда мы пробыли на Орловском лугу.

Утром в пятницу опять пили мы чай и уже дружно, т. е. с денщиками вместе. По окончании чая отец мой стал сбираться как будто в дорогу за город. Мать моя спросила его: «Куда ты идёшь, Алексей Дементьевич? Ты опять устанешь и замучаешься понапрасну, у нас пища, слава Богу, на несколько времени есть!» «Я иду совсем не за пищею, а обознать, не сожгли ли злодеи наши благодетельное место, основанное Великою Екатериною[43], где я провёл и лета юности моей и где я был спасён от гибели (мора)[44], а, кстати, проведаю и тёщу мою, твою мать, с внучкою (эта внучка была дочь сына тёщи)!» «Ну, поди, с Богом, ну уж только более никуда не заходи и не проведывай своих любезных патриотов!» «Ну, Анна Михайловна, ты этим не шути!» Тут отец мой распространился о патриотах и старички, гости наши, ободрили его, похвалив его намерения, и при этом думали, что патриоты, знакомые отцу моему, могут всем им быть полезными. Андрей Васильевич особенно отца просил узнать, в Москве ли остался генерал Тутолмин и вывезены ли дети из Воспитательного дома, куда наиглавнее сбирался идти мой отец. Все, слышавшие разговор этот, пожелали отцу моему доброго пути. Помолясь Богу и простясь с нами, поклонясь всем прочим, отец мой спросил рукавички, которые подарил ему денщик Брусов: зелёные, новенькие, замшенные с варежками. «Не бери их, оставь дома, у тебя, их отымут!» — сказала ему мать моя, но он не послушал её и взял их и с тем ушёл.

В пятницу погода разгулялась, солнце проявилось, чёрные облака уменьшились, и утро было бы прекрасное, если бы в воздухе не было смраду и дыму от горевших ещё, а более всего тлевших строений и прочего. Денщики наши и татарин по обычаю ходили на добычу и принесли, кроме отрубей пшеничных, индеек в перьях, молодых и старых, штук до десяти, сырую кожу коровью, с ногами и головою и требухою (гусак)[45], которую дали татарину французы за работу, ибо он исправил им должность резака над убитою коровою. Денщики и татарин пришли домой поздно вечером, но отца моего всё ещё не было.

Наконец, пришёл и он. Мы все встретили его, расспросам не было конца. «Что, Алексей Дементьевич, благополучно ли всё?» А мать моя тут же сказала: «Я вижу не всё! Рукавичек-то у него нету!» «Да, — говорит ей отец, — старая, ты каркнула на меня давеча повороньи!» Но его старались успокоить, просили его отдохнуть и напиться чайку. «Я и так вспотел!», — отвечал он, отказавшись от чаю, пожелал чего-нибудь покушать. Когда же стал закусывать, то тут же начал рассказывать о своём путешествии и бывших с ним приключениях. Все с нетерпением слушали его.

Вот, сударь, — сказал он Андрею Васильевичу, — я и пошёл всё по берегу Москвы-реки к Каменному мосту. Когда пришёл к нему на перекрёсток, тут вижу, что конные и пешие солдаты везут сено, солому, снопы и всякий другой фураж, но уже не так как прежде, как мы видали — с одними фурлетами[46] и частию русских мужиков, а в сопровождении вооружённой пехоты и конницы, которые несли живых и битых кур, масло коровье, яйца и прочее, добытые ими у крестьян наших. Тут же гнали несколько баранов и овец. Я остановился и поглядел, сказал сам себе: а, брат мусье, видно у нашего мужика его добро не возьмешь с голыми руками:

нет, проклятые, он уже, видно, осерчал, так он постоит за себя! И вы, как я вижу, его добро, добытое им трудами, берёте не иначе, как с бою! — пошёл себе далее к Москворецкому мосту. На набережной и против Боровицкой башни валялись мёртвые лошади в большим количестве, и тут же валялись русские ружья с цельными и отбитыми прикладами, пики и прочее. Всё это валялось в грязи и мешало проезжать и пройти.

Иду далее, прихожу к Воспитательному дому и, только что завидел его, снял шляпу свою и, обратясь на святой Кремль, принёс благодарение Творцу нашему, что Он спас всемогущею рукою от огня и меча иноплеменников этот приют сирот всей России! Пошёл медленно, оглядываясь на дом: всё ли в нём уцелело, и увидал в окнах его, хотя и издали, мелькавших в окнах неприятелей, а потом и по двору. Когда я рассматривал их, стоя на одном месте, против средины строения Опекунского Совета и молясь на Кремль, в это время я был взят оборванным французишком за руку, который тащил меня куда-то. Я был встревожен этим, рассердился, что он, негодяй, прервал молитву мою, откинул его от себя, спросив: «Куда ведёшь ты меня, бусурман? И зачем помешал ты мне молиться Богу о спасении сего человеколюбивого приюта?» Он же в ответ мне, не осердясь на толчок мой, отвечал мне, указав на небо: «Бог — добре, и Наполеон — добре!» «Врёшь, ты, дурак! Наполеон твой злодей, а добре наш Александр! А твой Наполеон даст Богу ответ!» Он отвечал: «И Александр — добре!» и потащил меня за руку к съезду на плот, который устроен на реке от Воспитательного дома. Сошед туда, он указал мне на бочку, поставленную на дроги, запряжённые в одну лошадь и то по-дурацки, по-ихнему, без дуги. Лошадь так плоха была, что насилу стояла. Бедная, услыхала голос русского, всё оборачивалась на мою сторону.

Французишка, указав мне на бочку, которая была сорокаведёрная, приказывал налить её водою. В бочке вместо втулки водяных бочек была только небольшая дыра. Когда он подал мне худое деревянное ведро, чтобы им черпать из реки воду и наливать в бочку воды, я начал объяснять ему, что этого сделать никак нельзя и что ведром не нальём бочки к ночи. Он кричал на меня, сердился, я передавал ему знаками, как мог, что надобно добыть воронку или прорубить в бочке побольше отверстие, но как у нас с ним не было ни топора, ни воронки, то я несколько вёдер вылил на бочку понапрасну. Он сам помогал мне: я стоял на крюке колеса и на дрогах, а он черпал в реке воду ведром и подавал мне, и мы с ним вёдер до десяти вылили на бочку и, едва ли из них одно попало в бочку. Тогда я слез и стал требовать от него топор или воронку. Тут же вместе с нами на плоту, хотя и брали воду наши русские мужички за французским караулом, но всё они черпали воду вёдрами или ушатами.

В это время много было проходящих по набережной, многие из них останавливались, чтоб поглазеть на меня и на французишку моего и послушать наш с ним спор. Один из русских, стоявших на набережной, понял в чём дело, подтверждал слова мои, то же самое, как я заметил, признавал и, бывший с русскими на плоту, француз. Тогда другой русский, указав бестолковому моему французишку, в чём было дело, научил его схватить с кого-нибудь шляпу и, тогда тот это исполнил, мужик из шляпы сделал воронку. Мусье мой, увидав это, захохотал, сказал: «А, добре, добре!» и за услугу заставил мужика вместо себя подавать мне из реки воду. Но тот не роптал, жалея меня, и остался довольным одною русскою бранью. Итак, мы с мужичком, продолжая работать по-русски, скоро с ним наполнили бочку водою, чему помогла изобретённая им воронка. Когда же бочка наполнилась, мы сказали французишку: «Ну, мусье, теперь ступай с Богом!» Он же, взяв шляпу — воронку, стал требовать у меня моих рукавичек, которые я не хотел отдать ему, браня и доказывая ему, что так поступать нечестно. Равно и товарищ мой заступился за меня, и я, конечно, не отдал бы ему рукавичек, если бы не вступились за него другие мародёры, и я должен был бросить ему рукавички, что присоветовал мне мой товарищ, дабы чрез то поскорее уйти от них. Но лишь только взошли мы на набережную, как оба мы были схвачены двумя французами, но уже не ледащими, которые с реки же несли воду в ушате; поставили его наземь, заставляя нас поднять его и нести. Товарищ мой сказал мне: «Ну, дедушка, если бы тут ещё не было их братии, я бы отбился и тебя бы отбил, но делать нечего, давай собакам понесём».

Мы подняли ушат на плеча и в сопровождении, спереди и сзади, наших злодеев вошли в ворота Воспитательного дома. Тут товарищ мой спросил меня: «Дедушка, куда ты думаешь, понесём мы воду? Уж не на самый ли верх? Сохрани Господи, я-то — нешто, а ты ведь замучаешься, я, как вижу, ты к этому делу не способен!» «Нет, брат, не наверх, а я, думаю, что это в кухни сего заведения». Так и случилось. Принесли, поставили, вылили в котлы в кухнях. В кухнях толпилось много и французов и русских: варили суп, который при нас разливали в ушаты, вёдра и т. п. и в сопровождении французов его разносили русские по палатам всех этажей. Нас не отпускали и в наш ушат налили готового супа и велели следовать за другими. Товарищ мой, видя, что мы идём по тёмным коридорам, поворачивая и вправо и влево, восходя и спускаясь по лестницам, сказал мне вполголоса: «Дедушка, дело плохо, отсюда хоть и отпустят, или убежим, так дороги не найдёшь, не выйдешь!» Я отвечал: «Ободрись, брат, я это место знаю, как ты свою печку в избе, только бы Бог дал нам ускользнуть, а то я тебя выведу, и мы скроемся, и нас не найдут! Я проведу тебя такими выходами, которые они и сами едва ли знают!» Он отвечал: «Ладно, дедушка, пойдём же далее, понесём ещё маленько, авось либо нам удастся!»

Вот и пришли мы в мужское классное отделение, где мы увидали сплошь на полу лежавших раненых французов и другой всякой сволочи их. Нам приказали поставить на пол ушат с супом, от которого так и валил пар, подали нам оловянные, Воспитательного дома же кружки, потом прикащики наши, каждый из них взял по такой же кружке, начали разносить их больным, что и

нам велели делать. Но что это за суп был, Андрей Васильевич! Обоняя его по запаху, не только я, но и товарищ мой, мужичок, делал гримасы и отплёвывался. Суп на вид был зеленоват, в нём плавали кусочки, как будто какие-то лоскутки, которые, как я полагаю, были ни что иное, как части кишок из неочищенной требухи. Вот я, подавая кружку первому больному, сказал: «Кушай-ка, мусье, воин великого завоевателя, за здоровье его суп, который он тебе прислал!». Он услыхав имя Наполеона, сказал: «Добре!» и принялся хлебать или лучше, пить суп, с жадностию, глотая куски и обжигаясь. Хлеба я же ни у кого из них не видал и ни сухаря. Товарищ мой мне заметил: «Ты, дедушка, уж очень смел, что бранишь злодеев наших и их Наполеона в глаза, ведь они, собаки, несколько понимают по-русски!» «Пожалуй себе, — говорю я, — понимай, а хвалить и жалеть их не за что!» Раздавши свой ушат, нам сказали: «Алле!» Делать нечего, мы пошли опять за супом; оставили у нас в руках кружки и у себя, которых заметно было мало, поэтому-то кружки для сбережения остались при нас и у них в руках. Мы опять пришли в ту же кухню, опять налили нам в ушат супу, но, кажется, получше первого, или мы уже принюхались. Суп этот принесли мы в другую палату, где раненые и больные уже лежали, большею частию, на бывших наших кроватях с довольно опрятным бельём и при некоторых кроватях находились даже столики, на которых стояли лекарства и пр.

Началась подобно первой раздача супа, но прежде супа обнесли больных сухарями, изготовленными из русского чёрного хлеба, которые они ели с удовольствием. Я догадался, что это палата — офицерская, тут были медики и фершела. Сухари разносили в корзинах. Поднося одному раненому, который лежал навзничь, тяжело дышал, знать крепко был хвачен, бедный, взглянув на него, я признал портрет Наполеона. Сердце моё так и закипело! Ах, как жаль, подумал я, что я не приподнял русского штыка или большего какого гвоздя, я бы и тот или другой умел бы скрыть под платьем, я бы сейчас поразил бы его, вместо предлагаемой ему порции супа! Но я должен был остаться при одной лишь о том мысли и невольно подать ему кружку супа: «Кушайте, мусье Наполеон, на здоровье!»

При этом слове старичок, наш гость, сказал отцу моему с улыбкою: «Алексей Дементьевич, как может статься, чтобы Наполеон мог зайти сюда и как вы могли признать его и велик ли он ростом?» «В чью же рожу печатали картинки, какие я видел на Никольской?» — возразил отец мой, не совсем ещё пришедший в себя от сильного душевного потрясения, в первый раз в жизнь свою вытерпевший мучения от носки ушатов. Чтобы убедить слушателей, он прибавил: «Да, сударь, он лёг со своими из любви к ним, росту же он был огромного!» Кончив другой ушат нас, повели за третьим. На дворе смеркалось. Товарищ мой говорит мне: «Что ж, дедушка, пора бы нам дать тягу!» Провожатые наши как-то в это время в коридорах столпились и в темноте сами шли уже ощупью, разговаривали с шедшими к нам навстречу и вовсе не заботились о нас и, конечно, не думали, чтобы мы имели намерение бежать, были оплошны. Смекнув всё это, я сказал моему товарищу: «Приготовься, ставь сюда ушат!» И мы в минуту своротили влево с главного прохода и почти что скатились с маленькой узкой лесенки, очутились на главном дворе Совета и, притом, с кружками за пазухами, выбежали в ворота на набережную реки Яузы и очутились у Устьинского её моста. Тут мы расстались. Товарищ мой спросил меня: «Куда ж ты теперь пойдёшь, дедушка?» Я сказал ему, что иду навестить тёщу свою и взять её на луг к себе, у нас, дескать, слава Богу, безопасно. Но он советовал мне не ходить к тёще, как уже поздно, а пробираться домой, чтобы не попасть опять под ношу или на какую работу. «Я же, — говорил он, — иду к Симонову монастырю». Он обещал придти к нам на луг и передать об этом нашем убежище и своим.

Тем покончился этот рассказ отца моего.

Ночь на субботу мы провели спокойно, как и все следующие за нею дни и ночи, без всяких со стороны неприятеля притеснений. Неприятели, хотя и ходили к нам ежедневно, но уже не грабить, а так, или из любопытства, а многие для того, чтобы заказать какую-либо работу, платя за них небольшие суммы, более всего медными деньгами, а иногда какими-либо вещами. Здесь на них шили бельё, платье и сапоги и т. п. из материалов ими приносимых. Всё это сблизило неприятелей и с нашими по лугу соседями и с нами.

Утром в субботу Андрей Васильевич спросил отца моего: «А что, в Воспитательном доме Тутолмин?» «Да, он там». «Как же он там остался?» «Я этого не знаю, но видел, что в доме везде поставлены военные караулы, даже у кладовых. Я тоже заметил, что питомцы содержатся, как и прежде, кроме того, что в нескольких палатах помещены раненые неприятели, а между ими, может быть, есть и просто больные, того я, наверное, сказать не могу, но квартиры чиновников и классных дам заняты здоровыми неприятелями[47]».

Утром в субботу ходили на добычу: с барок таскали пшеницу, а с огородов — картофель и капусту. И тем и другим у нас на лугу происходила мена и торговля. Из числа таковых поисков добычи, в субботу, один случай очень был замечателен. Расскажу его, как могу упомнить.

Нам сказали, что на Полянке в обгорелом чьём-то доме, по признакам, купеческом, разбит большой подвал, и в нём открыли всякого рода спрятанные колониальные товары. Нужда великое дело! Мы отправились попользоваться из сказанного дома со всеми денщиками нашими, татарином, и двумя купцами, поселившимися у нас в бане. Я сказал «мы», т. е. я и господин Филипповский. Поход этот был после скудного обеда нашего.

Придя на место, мы увидали обгорелый двухэтажный каменный дом и под ним глубокий подвал с наружным выходом, в который влезали и вылезали чрез обгорелую лестницу разные лица из русских и французы или неприятели, но более было русских, в числе которых были

даже женщины, старухи и ребятишки. Все эти лица, что не доставали или что не находили в подвале, всё это выпихивали из него по косогору выхода. Стоявшие же наверху у выхода неприятели принимали и осматривали, и, что было для них понужнее, или, что казалось им получше, то всё отбирали себе и складывали в кучи и делили между собою, а после навьючивали на пришедших сюда тоже за добычею мужиков и отправлялись с ними, куда им следовало. Мы застали всё это в большом разгаре.

Из наших двое спустились в подвал попробовать счастия. В это время у самого выхода из подвала в числе русских и неприятелей стоял какой-то поляк в шапочке с большою кистью. Поляк этот принимал вытаскиваемые из подвала товары или его товарищами, а более всего русскими. Из числа последних многих он спихивал обратно вниз, без ничего, отнявши прежде у них то, что они выносили из подвала. Пихая бедных русских в подвал, поляк всякий раз смеялся и издевался над ними и тут же приказывал им отыскивать новые вещи в подвале, а вынесенные из него отбирали и складывали в кучу.

Наши люди выкинули из подвала тюк папуши[48] (табаку), короб отличных винных ягод, коробок сальных свеч, ведро красного вина, брус мыла и, наконец, круг швейцарского сыру. Я забыл сказать, что в подвал влезали ещё и в окно, что, однако, было гораздо труднее и опаснее. Все товары, о которых я сказал, мы успели отнять у поляка, как добытые нами с такою трудностию. С поляком за них храбро воевал Филипповский, ругаясь и споря с ним на польском языке, бранился же он с поляком по-русски. Поляк уступил нам выбранные наши из подвала товары, а равно и все те, кои при нас были добыты в подвале другими русскими, которых мы приняли под свою защиту.

Товарищи поляка не вступались за него, они вдалеке от подвала распоряжались прежде добытыми из него вещами и не были потому участниками и свидетелями следующего ужасного происшествия: поляк, увидав у нас тот круг сыра, не хотел отдать его нам, бросился отымать, Филипповский спорил с ним и не давал ему сыр. Один из наших денщиков, хохол, до того осердился на поляка за то, что он отнимал у нас сыр, выхватил внезапно из-за сапога нож и им хватил поляка по горлу, и, будучи сильнее его, сшиб его с ног. Поляк закричал диким голосом, тот придавил его коленом и сбросил его в подвал, навстречу вылезавшим из него русским, куда бросил и шапку поляка. Вся толпа русских бросилась бежать в разные стороны, у кого, сколько достало силы, побросав свои добычи. Денщик же, хохол, Филипповский и ещё кто-то из наших остались на месте и начали ногами затирать знаки крови. Тем и кончилось это дело.

Из находившихся тут неприятелей не только никто из них не видали этого происшествия, так оно быстро случилось, но даже они не заметили внезапного бегства русских, так сильно они были заняты своею добычею, вокруг которой они хлопотали в некотором отдалении от рокового подвала, в котором бедный поляк нашёл себе преждевременную могилу. Но судьбы Божия неисповедимы, поляк, может быть, наказан за подобное же убийство.

Все мы по команде Филипповского сбежались и собрались в возвратный путь. Всё это исполнилось мгновенно, в одну минуту подняли свою добычу, кому, что было под силу, и бросились бежать другим уже путём, взяв направление в другую сторону, нежели пришли. Мы бежали пожарищами, скрываясь за строениями, я не помнил себя от страха, ругая озлившегося денщика. Начинало становиться темно, оттого мы спотыкались на каждом шагу, окликали друг друга, и всё ещё ждали за собою погони, хотя уже приближались к лугу и были вне опасности.

Наконец, пришли на луг все в целости. Сверх вынутых нашими из подвала вещей, успели захватить из кучи, собранной поляком, пачку хлопчатой бумаги. Красное вино хотя и принесли домой, но его много в дороге расплескалось. Татарин принёс около десяти фунтов[49] перловых круп.

Когда мы подходили или лучше бежали к лугу, мы ещё издалека слышали, что у нас на лугу кое-где раздавались песни при инструментах и даже с плясом. Мы также заметили, что у нас на лугу костров с огнём прибавилось более. После мы узнали, что всему этому была причина та, что некоторые из наших луговых собратьев, отыскали где-то пивной подвал и потому, куражась, попивая добытое пиво. А в те времена в Москве пивцо было недурно!

Нас встретили наши русские, по очереди находившиеся на пригоже для обережения стана нашего от внезапных мародёров. Придя к себе в баню, мы стали разбирать нашу добычу. В этот вечер мы ели студень, очищенный и сваренный Игнатьевной в чугуне и в кувшине, и в этот же день мы ели за обедом варёных индеек. Перед ужином потчевали и обоих наших старичков, гостей, красным вином, которого и мне дали полстакана.

Теперь скажу нечто о пиве. Соседи наши, открыв подвал с пивом, которое в этот вечер принесли к кому-то из наших и объявили, где оно находится, подговаривая денщиков наших идти с ними за пивом. Денщиков наших все луговые считали и за храбрецов и за самых смелых и бывалых в подобных делах. Точно, пиво принесли в бочонке в 6—8 вёдр[50], но все, принесшие его, были избиты и окровавлены — за пиво была у них драка с другими, такими же, пришедшими за пивом. Вместе с пивом денщики наши притащили около десяти обгорелых копчёных окороков и языков, за которыми они ходили уже тогда, когда принесли бочонок пива.

В субботу многие французы посещали нас, но уже никого не трогали и даже не заходили к нам в баню и разговаривали по-французски с Андреем Васильеви-

чем, за которого отвечал полковник Мансуров, а Перовский опасался говорить. Так что, у нас на лугу сделалось любимое гулянье французов, чему способствовала прекрасная погода. Одни из них приходили заказывать работу, другие брали изготовленные для них вещи, а многие из их приходили волочиться за русскими женщинами, или приходили с женщинами, одетыми в богатые салопы и шали.

В субботу же с утра отец мой ходил за тёщею к церкви Св. Иоанна Предтечи, что у Яузского моста[51], откуда пришёл уже ночью, вместе с тёщею и внучкою её, девушкою лет двенадцати. Бабушка моя жила у дьячка сказанной церкви. Как дом дьячка, так и все прочие, окружавшие его дома, сгорели, некоторые жители этой части Москвы укрывались в уцелевших подвалах, в одном из таковых подвалов, бывшем в старинном каменном доме, занимавшего Горным правлением, где-то в переулке, отец мой отыскал мою бабку. Она долго не решалась идти с ним, боясь быть убитою и, особенно, за внучку свою. Но он успел уговорить её тем, что она у нас на лугу будет безопаснее, нежели в этом подвале, среди неизвестных ей людей и, что какие у неё есть вещи или деньги, то всё это будет цело. Но она объявила ему, что за вещи ей бояться нечего, ибо всё, что она принесла сюда, было у неё ограблено неприятелями. Они пришли к нам на луг благополучно. Рассказам не было конца, мать и бабка моя не наговорились во всю ночь. Отца моего стали спрашивать, отчего он долго был в отлучке. Он отвечал, что был отрываем в дороге под ноши, которые заставляли его нести французы.

Отец мой так привык к этим путешествиям, что он редкий день оставался дома, т. е. в бане на лугу. Он таким же смелым образом ходил отыскивать на Никитскую своего товарища и однофамильца по Воспитательному дому, в котором они оба с малолетства воспитывались — Романа Никитича Гамбурцева, у которого был собственный дом в приходе церкви Большого Вознесения. Он принёс нам известие, что дом друга и товарища его сгорел, и ни его, ни семейства его нигде отыскать не мог, и никаких не было о них слухов. Отец мой также ходил и в Воспитательный дом, узнать и навестить тоже товарища своего, служившего в Совете и жившего в этом доме — Петра Григорьевича Каменского[52], но и его также там не нашёл, он куда-то выехал из Москвы с семейством.

После долгих разговоров с бабкою моею, она, внучка её и отец, поужинали, что только у нас было, кроме, однако, хлеба, в котором был большой недостаток, его заменили сухари, которых несколько пригоршней принесла с собою бабка моя, в мешочке, с разными узелками, и частию уже покрытых плеснетью, которых мы не трогали, хотя бабка и потчевала ими нас, но мы все отказались, зная, что она и сама их не употребляла, сберегая их для своей любимой, сыновней внучки. Так протёк день субботы.

В наступившее воскресенье время текло в подобных занятиях, с тою только разницею, что мы и все, бывшие с нами на Орловском лугу почти привыкли к таковой своей участи или если не все, то, по крайней мере, многие из нас, даже начали отчаиваться в перемене таковой нашей жизни и участи и, особенно, в выходе неприятеля из Москвы, а, главное, страшились близости наступления зимы, не имея ни одежды, ни тёплого пристанища, ни обеспечения в пище. Если где и были в Москве оставшиеся части города несгоревшими, то уцелевшие в них дома и домики все были набиты битком неприятелями. Таковые ожидания хоть кого привели бы в уныние отчаяние. Об армии же нашей никаких у нас не было слухов, но мы все без изъятия ежеминутно молились Богу о спасении её и о нашем великом Государе. Все жители Орловского луга были спокойны, нас уже совсем не тревожили неприятели, и мы, как будто, отдельные были жители Москвы, которых одних только, может быть, не посещали неприятели-мародеры, боясь, может быть, и обороны со стороны нашей, которую многие из них испытали. Так прошло ещё времени около полутора недели, и мы за это благодарили Бога. Но в конце этого времени с нами последовал неожиданный переворот.

В один день к вечеру неожиданно входит к нам в баню французский генерал со свитою, состоявшею из четырёх человек, команда же, пришедшая с ними, осталась из-за теснотою в бане на дворе. Теснота эта произошла оттого, что все наши были в сборе, кроме, однако, всех трёх денщиков и татарина, которые куда-то отлучились.

Генерал, взойдя к нам в баню, навёл на всех нас неприятные мысли и даже самый страх, хотя и очень вежливо приветствовал на французском языке наших старичков, гостей, но ни они и никто из нас, вставших с мест своих, ему не отвечали ни слова. Тогда генерал приказал одному из вошедших с ним адъютантов спросить нас по-польски, не знает ли кто из нас по-французски. Филипповский отвечал, что никто из нас не знает по-французски. Тогда генерал начал говорить с ним чрез своего поляка адъютанта. Генерал спросил о Повалишине, кто он? Филипповский отвечал: «Русский штатский генерал Повалишин». При этом слове французский генерал поднял плеча свои, а с ними и свои эполеты, по которым мы признали его за генерала, а как равно и по шляпе с золотыми галунами без пера, но с плюмажем и по золотым широким петлицам на груди мундира. Потом он отвечал на слова Филипповского: «Как, он — русский генерал, почему же он остался здесь с вами?» Филипповский отвечал: «По тяжкой болезни своей». Потом генерал спросил Мансурова, ответ был тот же.

Генерал и все мы в это время стояли, и потому даже генералу не было места, где бы сесть, на полке же бани лежали узлы, провизия, кой какое платье, посуда и проч., между всем этим в довершении картины сидели

женщины. Во время входа к нам в баню генерала, поселившиеся с нами два молодые купца, с которыми, как я выше сказал, мы познакомились на лугу и уже ходили на добычу, эти купцы, увидя генерала, мгновенно ускользнули из бани, что самое желали бы сделать Сумароков и Перовский, но уже было поздно. Генерал заметил их и, обратясь к первому из них, спросил его чрез поляка своего адъютанта по-французски: «Ты кто такой?» Филипповский отвечал и здесь, как и прежде за всех, сказал: «Это оба московские купцы».

Генерал, обратясь к своей свите, сказал: «Посмотрите, если у двери крюк или запор, то заприте дверь!», и, обратясь к своему адъютанту поляку, сказал: «Спроси, отчего у него (у Сумарокова) завязана рука?» Филипповский: «Он ранен был тесаком». Генерал приказал Сумарокову развязать руку и показать ему рану. А как уже было на дворе и, особенно, у нас в бане довольно темно, и потому генерал не мог видеть хорошо, как Сумароков от слов показать рану, вследствие испуга, побледнел как полотно, боясь быть узнанным и чрез то быть взятым в плен. Но наш ловкий переводчик и ответчик за всех — Филипповский смело отвечал, что Сумароков руки своей развязать не может потому, что рана на ней очень разболелась, по не имению чем лечить и от того обвязки к ней присохли.

Генерал велел подать огня и пристально рассматривал лица обоих наших офицеров, т. е. Сумарокова и Перовского, и ничего не говорил. Потом он начал спрашивать прочих. Отец мой сказал, кто он и указал на своё семейство. Генерал спросил, есть ли у нас хлеб, прибавя, что он будет заботиться обо всех нас и, особенно о старичках, наших гостях.

После чего генерал и свита его оставили нас, поражённых страхом, который не допустил нас проводить генерала с честию и потому, сколько с ним было ещё провожатых или команды и куда они ушли или уехали, мы ничего это, оставаясь в бане, не видали. После уже узнали, что их всех было с генералом человек до 12-ти, и все они приезжали верхами, и, что все они с луга поехали на Крымский мост, на другую сторону Москвареки по направлению к Хамовникам.

Коль скоро вся эта тревога утихла, все трое офицеров наши поднялись сбираться в путь, а куда — того они и сами не знали! Между ими и возвратившимися двумя купцами начался совет: не знают ли они, купцы, где и каким путем пробраться из Москвы, а там с Божию помощию думали они найти свою армию. Если же мы, говорили они, здесь будем еще оставаться, то непременно, по нашему замечанию действий генерала, будем взяты в плен. Что было положено на совете сем, я за суматохою и тогдашним общим нашим страхом и, особенно моим, а как равно и за давностию время, ничего не припомню. Но, однако, помню, как потом офицеры наши сбирались в путь.

Так как деньги были и у Сумарокова и у Перовского, то, прежде всего, начали придумывать, как их сберечь около себя от мародёров. Каждый о том говорил, что приходило в голову, но всё казалось неудобным. Но кто-то сказал, что ассигнации всего лучше и безопаснее спрятать в кочане капусты. Тот час же было принесено два или три кочна капусты, а с ними и две огромные редьки. Завеся окно бани чем-то, запря на крюк дверь бани, приступили к укладке ассигнаций в кочан, отделяя верхние листы её от сердцевины, но, не отламывая их, таким образом, толщиною в три листа или менее, вынули из кочна середину и вложили туда свёрток ассигнаций. Это деньги были Сумарокова. Перовский же не хотел следовать этому примеру. Он деньги свои с помощию Филипповского спрятал в одну из редек, срезав её верхушку вострым ножом, выдолбили сердцевину по величине поклажи и туда вложили деньги, покрыли верхушкою, заколотив, или прибили её деревянными сапожными гвоздями и обмазали землю. Всё это сделано было очень искусно. Филипповский же своих денег не перенёс никуда из выше сказанного их хранилища, сказав: «Бог сохранил их прежде, а там, что будет — будет, были бы мы сохранены и счастливо бы только нам добраться до нашей армии».

Прочие как укладывались тоже налегке, и что укладывали, я не замечал. Но все они, быстро собравшись и понукая друг друга, помолились Богу и по совету стариков наших присели и вторично помолясь Богу, стали прощаться с нами с чувством искренней любви. У них и у нас глаза наполнились слезами, желаний не было конца с обеих сторон, даже самый грубиян-денщик плакал, он поцеловал меня и сказал: «Прощай, брат Алёша!» Все они спешили крепко и потому сейчас же ушли. Их всех было: трое офицеров, три их денщика, двое купцов и какой-то здоровый, высокого роста хохол, но откуда он явился, я не помню.

Была уже давно ночь, как мы проводили наших в путь. После ухода их старички, наши гости, обратились к моей матери и бабке, сказали: «Ну, те-ка, родимые мы все устали смертельно и перепугались, об вас же и говорить нечего, давайте-ка, отведём душу, напьёмся чайку!» Андрей Васильевич обратился ко мне: «Алёшенька, брат, поставь-ка самовар!», что я тотчас же и исполнил, принёс воды с реки. Когда пили чай, рассуждали и толковали о случившемся с нами. Беглецам же нашим желали благополучного пути и счастливо выбраться из Москвы. Мансуров при этом сказал, что наши давешние гости по замечанию его и наших офицеров непременно опять пожалуют к нам и не далее, как в сию же ночь. «И потому, — прибавил он, — нам, мужчинам, кажется мне, спать недолжно ложиться». Советовались было идти из бани, но куда нам было идти! И мы положились на Бога, ожидать, что будет, то и будет!

Итак, мы всю эту ночь не могли заснуть, хотя и укладывали друг друга. Однако, сверх нашего ожидания, эта ночь прошла для нас благополучно. Зато на рассвете вот, что происходило.

Хотя по обыкновению и был небольшой слышан нами говор и шум, что повторялось каждое утро между остальными жителями луга, но вот в это утро нам послышалось, что на лугу происходит вроде какой-то тревоги. Кто-то из наших выглянул в окно, кажется, Андрей Вас[ильевич]. Он первый поэтому увидал, что баня наша и мы в ней оцеплены, атакованы несколькими конными и пешими неприятелями. И вслед за тем услыхали мы громкие уже говор и сильный стук в дверь сеней нашей бани. Мы сейчас же должны были отпереть её.

Первый к нам взошёл поляк, адъютант посещавшего нас вчера генерала, как его переводчик, и с ним ещё были два другие офицера, а как у нас в бане сделалось просторнее за уходом в ночь наших, то с офицерами этими, взошли к нам в баню и несколько солдат из их конвоя. Поляк начал первый спрашивать: «А где тут те люди, с которыми вчера говорил наш генерал?» Из нас никто не ответил по незнанию польского языка. Тогда поляк обратился к старичкам нашим, спрашивая их о том же, но уже по-французски, называя уже Сумарокова и Перовского русскими офицерами, требовал выдачи их, даже с угрозами, если мы их не выдадим и не скажем, куда они ушли или спрятались.

Мансуров смело отвечал, что мы и сами все не знали, что они были русские офицеры, мы лишь здесь с ними на лугу сошлись, незадолго до сего времени, и, что эти офицеры, как только вчера вышел от нас генерал их, сейчас стали сбираться, подговорив с собою ещё несколько человек, ушли, не объявив, куда и не простясь даже с нами. Поляк заметил Мансурову, почему он вчера при генерале его не говорил по-французски. На это тот отвечал тем, что его не спрашивали. Тогда первый продолжал: «Но вы, верно, знали, что из сих офицеров ваших кто-нибудь говорил по-французски?» Мансуров возразил: «Не знал, да и никто из всех наших не слыхал об этом». Поляк же утверждал, что они, т. е. наши офицеры, непременно знают по-французски, иначе бы они не собрались так скоро бежать отсюда. Потом поляк спросил: «А где же этот оборванный, маленький в колпаке полячишка? Я думаю, что и он должен быть их партии». На это последовал тот же ответ: «Ушёл, дескать, с ними же». Поляк опять спросил: «Но не здесь ли он где скрылся, то б объявили, как прилично русскому дворянину». В этом его уверили тем, подтвердив, что Филипповский точно ушёл с офицерами, которых он, может быть, и товарищ. Поляк в досаде на себя за неудачу, сказал: «Счастливы все они, что мы немного опоздали!»

Пока продолжался весь этот разговор, к концу которого в баню к нам взошёл молодой человек невысокого роста в каком-то странном костюме: в куртке, в панталонах в обтяжку, с щиблетами, с хлыстом в руке, со странною шапочкою на голове, с усами и бакенбардами.

Этот новый посетитель начал говорить поляку-офицеру, не снимая своего колпака, и с этим указывал на меня пальцем, говоря к чему-то часто: «Женераль, женераль». Мансуров тут же сказал отцу моему, что вчера бывший у нас генерал, желает взять его сына, т. е. меня. Отец и мать мои испугались, спрашивали: на что? Отец мой выступил на средину для объяснений, которые не успевал передавать Мансуров. Они мне очень памятны, вот они, почти слово в слово: «На что генералу он, — указывая на меня — он не военный, а единственный сын штатского чиновника и не может объяснить им лучше нечего о бежавших русских офицерах, как то уже сделал господин Мансуров». Тогда поляк начал успокаивать ласково и вежливо отца моего и просил Мансурова: « Скажите этому господину, что генерал наш вчера заметил вашу и их нужду и бедность, берёт его сына к себе не с тем, чтобы взять его в плен, а так — для маленьких, домашних, лёгких послуг, за что обещается содержать его хорошо, и вам всем давать хлеба. Отец с ним может видеться, когда захочет, и его даже будут отпускать к вам».

Молодой человек между тем ласкал меня, много говоря со мною по-французски. Но я отвечал мало, только то, что мог понимать (я лишь пред неприятелем начал учиться по-французски). Мать и бабка мои, и девушка Саша зарыдали, а с ними и я. Повалишин и Мансуров начали уговаривать родителей моих, они им говорили: «Что ж делать, надо отпускать его к ним из доброй воли, а то, ведь, возьмут же и силою! Мы теперь все в одинаковом с ним положении, противиться же этому и для вас и для всех нас будет гораздо хуже!»

Отец мой, выслушав советы старичков, обратился к матери и бабке моим, сказал: « Ну, делать нечего, благословите его, но я его одного не пущу, а провожу его к генералу, который, надеюсь, сдержит своё слово по званию своему, хотя он и неприятель наш. Верно, он его берёт в не плен, когда обещается отпускать его и нам самим дозволяет с ним видеться, когда пожелаем».

Меня старички, наши гости, благословили, мать прижала меня к груди, рыдала. Она и бабка благословили меня, как равно и отец. После чего он взял шапку, понуждаемый к расставанию со мною поляком и новым моим знакомым, молодым человеком. Я спешил проститься со всеми, расцеловал всех со слезами. Отец мой, ободряя меня, сказал мне: «Ну, Леночик, пойдём, расставайся скорее! Бог не оставит нас, я иду провожать тебя и сдам тебя с рук на руки генералу. Ах, как мне жаль моего безмена!» Но мать моя, услыхав эти слова огорчённого отца моего, сказала ему: «Алексей Дементьевич, перестань ты храбриться и не супротивничай пред волею Божиею!» Но он ей ничего на это не отвечал, взял меня за руку и повёл вон из бани.

Выйдя на двор, я сквозь слёз увидал большое стечение жителей луга у самого нашего крыльца, слышал, как знакомые мне однолетки, кричали мне: «Прощай,

брат Алёша! Тебя ведут в полон, не робей и при случае старайся убежать, как мы с тобою беговали из-под нош, а иногда и с их же добычею!» Конные сели на лошадей, а я с отцом и новым моим знакомцем и пешими солдатами пошли пешком чрез Крымский мост. Нас провожали издали толпы моих знакомцев и мальчишек. Адъютант поляк и прочие, все они уехали с места прежде нас.

Молодой человек, отец мой, я и несколько пеших солдат с Крымского моста поворотили в Хамовники и, не доходя церкви Св. Николая Чудотворца, взошли все мы в растворённые ворота, принадлежавшие угольному (он и теперь ещё цел) двухэтажному дому, уцелевшему от пожаров, вероятно, потому, что в нём квартировал посещавший нас генерал. Я сейчас это понял, увидав у крыльца, бывшего налево из ворот, по двум часовым, стоявшим у него. Но нас не повели на это крыльцо, а мы взошли в дом с другого, внутреннего входа, чрез который мы очутились в довольно просторной зале. Молодой человек, введя нас в залу, пошел во внутренние комнаты, наверное, чтобы доложить об нас своему генералу и, возвратясь оттуда, знаками просил нас обождать.

Генерал в скорости к нам вышел, он был одет в мундир, и хотя он накануне казался мне строгим и суровым, но тут улыбался. Подойдя прямо ко мне, погладил меня по голове, начал говорить, но я не понял ничего, молчал. Он закричал: «Жан!» Явился ту же минуту наш провожатый молодой человек (которого я и буду называть сим именем). Генерал что-то ему приказал. Жан побежал и приводит новое лицо, молодого человека, которого я признал за русского. Он был одет во фрак с белою на левой руке перевязью[53]. Генерал начал с ним говорить, а он передавал нам на чистом русском языке, и мы от него узнали, что говорил ему генерал о нас. Первое то, что чтобы отец мой не беспокоился обо мне, что я у него не в плену, а взят из сожаления к нашему положению, что мы бедны и не имеем, главное, хлеба. Но здесь я буду сыт, исполняя небольшие, собственно, для него услуги, и что он отцу моему и русским — генералу и полковнику Мансурову, и всему нашему семейству, будет помогать, давая хлеб. Тут явился адъютант, поляк, генерал что-то говорил с ним, оба указывали на меня и отца моего. Поляк спросил отца моего, точно ли не знал он, что, бежавшие от нас из бани, были русские офицеры. Тот смело и твёрдо отвечал, что мы все об этом не знали и подтвердили то же самое, что говорил поляку утром у нас в бане Мансуров.

Генерал видно, торопясь куда-то, спешил нас оставить, он сказал что-то Жану, тот явился, держа в руках с четырьмя, средней величины, круглыми пшеничными хлебами и подал их отцу моему, который их и принял, но ни словом и ни знаком не благодарил. Генерал ушёл во внутренность дома. Отец благословил меня, начал прощаться со мною, сказав переводчику (во фраке): «Что ж он мне даёт хлеба, а я только отсюда выйду, то у меня их отымут, но не наши русские». Тот отвечал ему, что его приказано проводить до места.

Провожая отца, я поцеловал у него руку, а он вторично благословил меня, я просил его поцеловать за меня мать мою. Жан был свидетелем этого горестного расставания и, когда оно кончилось, взял меня за руку и повёл меня в дом, и мы с ним очутились в той же зале, из которой и вышли. Я горько плакал и не скоро мог успокоиться и избавиться от печальных мыслей, поневоле родившихся в моей голове. Будущность страшила меня невыносимо.

Долго я стоял, задумавшись, прислонясь к стене, не помня, где я и что я? Голова моя горела, а сердце обливалось кровью. Никогда не забуду этих мучительных минут! Жан, проводя генерала, тотчас подошёл ко мне, ласкал меня, точно так же, как и при первой моей с ним встрече. Я не отвергал его ласк, они как-то пришлись мне по сердцу, тем более, они были искренние, ибо Жан был добр душою, что я впоследствии на самом деле испытал. Жан ушел, и я остался в зале один.

Не помню, долго ли я оставался в зале, только среди моих мышлений входит ко мне в залу неизвестный мне русский мужичок, который, стараясь не стучать сапогами своими, шёл, почти не дотрагиваясь пола, и поминутно озирался и оглядывался и, увидав меня, прямо подошёл ко мне, поклонился низко и сказал почти шёпотом: «Ты, мальчик, русский али мусье?»

Я ничего ему не отвечал, не зная, что он от меня хочет. Он завёл со мною предлинную речь, он, между прочим, сказал, если я русский и переводчик, то доложил бы генералу, что французские солдаты и прислуга генерала разломали запертом им замком чулане и уже своими руками берут из него запасы, данные ему его господином на пропитание с его семейством. «Они господское уже всё съели, теперь принялись за моё. Сделай такую милость, голубчик, ради Бога, доложи об этом генералу, он, кажется мне, добрый человек, хотя, Господи прости, и нехристь!» Разумеется, что я был сам не свой и, мало понимая просьбу мужика-дворника, притом, что я мог для него сделать и потому я, ничего не отвечая, кивнул ему головою. Он заметно осердился и даже так, что ругнул меня крупною русскою бранью, сказав сам себе: «И это тоже бусурман, я напрасно потерял слова!» Он ушёл от меня, как сказал, открывать внутри дома и на чердаке трубы.

Когда ушёл дворник, вслед за ним явился ко мне в залу Жан с бутылкою и стаканом в руках. Он, налив в стакан чего-то до половины его, приглашал меня с ласкою и улыбкою выпить. Что делать, я должен был утешить его, но коль скоро хлебнул я из стакана, горло у меня зажгло и захватило, я насилу мог образумиться. Жан, не обращая на это внимание, топнул ногою и, принуждая пить, для чего сам, отпив из стакана, но я решительно отказался повиноваться ему, рот мой горел в огне. После я узнал, что он потчевал меня самым превосходным ромом.

Жан, унеся бутылку и стакан, не выпитый обоими нами, возвратился ко мне с подносом, на котором лежал ломоть белого хлеба и стакан с довольно мутным кофе. Поднеся всё это ко мне, начал меня потчевать, я, разумеется, принял. Жан посадил меня к окну и с гримасами и поклонами просил меня пить кофе и есть хлеб. Когда я начал завтракать, Жан ушёл от меня, взяв с собою мою шляпу, потом возвратился, принеся опять бутылку с ромом и недопитый стакан, в который и стал подливать рому. То же самое он сделал и с моим стаканом кофе, сопровождая это прибавление в мой стакан кофе улыбкою и притопыванием ногою, приговаривая: «Гарсон[54], добре, добре!»

Я боялся ещё Жана и выпил кофе мой с прибавкою в него рома и съел хлеб. Но прежде, нежели я решился пить, Жан принёс и для себя стакан кофе, в который из стакана вылил ром, потом взял стакан свой кофе и чокнулся со мною, выпил его почти разом, понуждая меня следовать его примеру. Когда же я с трудом выпил свой стакан кофе, тогда Жак пожал мне крепко руку, погладил меня, взял поднос и ушёл от меня.

Оставшись один, я чувствовал, что в голове моей от рому начиналось приятное кружение, а в глазах стали мелькать мурашки, меня бросило в жар, на лице выступила испарина. Не зная, что делать, я начал смотреть на улицу, по которой от Хамовнических казарм[55] и из Кремля ехали и шли разных полков солдаты, и между их, и отдельно — наши русские, мужчины и женщины, неся разные ноши в провожании разных полков неприятельских солдат. Тут же ехали в казармы только повозки, нагруженные сеном, снопами соломы и прочим фуражом и провиантом, при которых находились и самые фуражиры, число которых, против прежде мною видимых по Москве, несравненно уже было более. Кроме того, эти все мародёры отлично были вооружены, так, что при них было две или три пушки. Всё это немного развеселило меня.

Улица эта не была вымощена, то от грязи, бывшей на ней и валявшихся по ней замученных лошадей, изломанных колёс, сбруи и прочего, проезд по ней с тяжестями был труден и даже опасен, и оттого-то тут от управлявших лошадьми французов, и в числе их и русских мужиков, захваченных первыми себе на подмогу, слышались на разных языках крики, брани и т. п. Если же что на этом трудном проезде ломалось или опрокидывалось, то для исправления первых и для поднятия вторых употреблялись же наши, русские, которые случайно тут же проходили и которых останавливали и заставляли, разумеется, насильно, вытаскивать из грязи завязшие повозки, фуры и прочее, а бедные русские мучились тут в полном смысле этого слова.

Мне стало грустно смотреть на всё это, я встал со стула и начал ходить по зале стараясь, чтобы меня не было слышно. Я грустил о своих и домашних и о тех, которых мучили на улице. Я думал сам собою, я спрашивал себя: что я здесь, и зачем, и для чего я сюда приведён? Эта тяжёлая дума была прервана входом в залу Жана, который привёл с собою переводчика с белою на руке перевязью. Жан указал ему на меня и сказал ему, чтобы он со мною вступил в разговор, а сам остался тут же, глядя наблюдательно на нас. Я понял, что мне надобно чрез переводчика объясниться с Жаном и узнать об своей участи или положении. Переводчик, русский, начал спрашивать меня, кто я? Я отвечал, что следовало. «И я русский, — сказал он, — знаете ли вы по-французски?»

«Я догадался давно, что вы русский (переводчик был тот же самый, которого я давеча видел утром), по-французски я только было начал учиться там-то».

«А, знаю! Что вы прошли?»

«Вокабалы[56] и несколько уроков».

«Объясняться ещё не можете?»

«Не могу...»

«Старайтесь замечать и припоминать разные термины, что для вас очень будет полезно. Генерал наш добрый, старайтесь угодить ему».

Я спросил его: «Не знаете ли вы, какую мне назначат должность в этом доме?»

«Я немного знаю, что тебя заставят делать, но уверен по всему, что не обратят на чёрную работу, несообразную тебе. А знаю вот что, что и передал мне сам генерал для объявления тебе: у него есть здесь, в доме какая-то молодая русская купчиха или барышня, которая всё плачет и ревёт, сама не зная о чём, не понимая и не зная не одного слова по-французски, на всё отвечает одними лишь слезами, то ты должен как русский растолковать ей всё это и, как понимаешь, успокоить её, развеселить и требовать, что ей нужно от генерала, чем и окажешь ему услугу. А он готов сделать для неё всё, и желает только одного: чтобы она не плакала. И ты скажи ей, что он хотел на ней жениться, а она бы старалась скорей учиться и запоминать французские слова. Да что тут долго говорить, Жан сейчас познакомит вас. Ну, прощай, меня посылают по делу».

Переводчик ушёл вместе с Жаном. Последний возвратился, ведя за руку девушку лет 17-ти или более, но видную собой, даже несколько дородную и очень красивую. Глаза её опухли от слёз, волосы растрёпаны, в платье не по её росту и талии, без башмаков, в одних чулках, и те были в грязи. На плечах у ней накинута была богатая шаль. Жан с разными гримасами и кривляниями подводит её ко мне и, рекомендуя, говорит предлинную речь. Девушка и я сконфузились. Она узнала, что я русский, на лице её промелькнула тень радости, и она заметно успокоилась.

Мне жалко её стало, и я смело ей сказал: «Перестаньте, сударыня, плакать! Что ж делать, не вы одна теперь страдаете, а что и случилось, того уже не воротишь! Садитесь-ка!» Я подал ей стул к окну и посадил. Жан тоже сел, и, так мы все трое уселись чинно и продолжали начатый разговор. Я спросил девушку: «Кто вы? Вы, ведь русская, вы ведь наша москвичка, не

правда ли?» И тут я в первый раз услышал её голос, которым она сказала: «Да, я купеческая дочь, взяли меня сюда силою, с чердака нашего сгорелого дома. Матери у меня нет, один только отец, который лежал больной, а теперь, я думаю, ещё сделался больнее. Поэтому-то и по делам отца моего мы не могли из Москвы выехать, хотя и отправили из Москвы несколько имущества и товаров, но сами, как вы видите, не успели выехать из Москвы». Бедная заплакала горько.

Жан же, видя, что я своими разговорами с девушкою не только не унимаю её от слёз, но ещё она сильнее со мною начала плакать, начал мне говорить и делать жесты, чтобы я успокоил и развеселил её. Я понял, что он от меня требовал и, скрепя сердце оставил наш с нею печальный разговор, но, все-таки жалея мою соотечественницу, столь угнетённую судьбою, и избегая уже раздражительных для неё слов, я поспешил обратить её внимание на разные сцены, происходившие у нас на улице, а потом на Жана и даже на самого себя, сказав ей, что и я в плену, и что я так же плакал, и что и меня сегодня разлучали с моими родителями, да вижу, что слезами ничему не поможешь, то и покоримся воли Божией!

Девушка слушала всё это уже несколько спокойнее. Я, было, сбирался с мыслями как продолжать тяжкую для себя роль, как мы все услыхали сильный звук звонка на парадном крыльце. Жан вскочил опрометью и бросился на парадное крыльцо, я и девушка встали, однако, я успел сказать ей: «Утрите глаза и лицо и поправьте на себе волосы и шаль, и если не можете быть веселее, то хоть будьте притворно спокойны. Я думаю, что это приехал наш генерал».

Она послушалась меня, оправилась и точно — взошёл генерал. Адъютанты, приехавшие с ним, проводили его до залы, а сами удалились в боковую дверь залы, во внутренние, мне неизвестные комнаты. Генерал снял шляпу, подошёл к девушке, заговорил с нею что-то, потрепал её по щеке, поглядел на неё, улыбнулся, потом взглянул на меня. Жан стоял тут же, он его о чём-то спросил, Жан указал на меня и отвечал что-то с почтением. Генерал погладил меня по голове, взял за руку девушку и ушёл в свои комнаты вместе с нею.

Коль скоро они скрылись, Жан взял меня за руку и, указывая на дубовый стол с полами[57], я понял, в чём дело и должен был поневоле помочь Жаку поставить стол на середину залы. Потом мы оба с ним пошли в буфет, где он мне подал корзину с бельём столовым, с серебряными ложками, ножами и вилками, сказав мне: «Алле!», а сам остался сбирать посуду. Делать было нечего, я пошёл и накрыл стол. По приборам узнал я, что за стол сядут две только персоны, наугад поставил один из кувертов задом к внутренней двери, а другой — по левую сторону или против окон улицы. Жан принёс четыре тарелки, взглянув на куверты сказал мне: «Добре!» При каждом приборе я поставил принесённые Жаном по стакану и по рюмке.

Не успел я закончить расстановки хрусталя, как Жан принёс крафин с водою и две бутылки вина, а мне указал на буфет, сказав: «Алле!», прибавив: «Клеб!» Я повиновался и принёс уже нарезанного хлеба и часть непочатого, всё это лежало в буфете, в корзине. Я сложил хлеб вилкою и ножом, чтобы не дотрагиваться до него руками. Жан, заметив это, захохотал, сказав мне: «Добре, добре!» Потом повёл меня в неизвестное мне отделение, вниз, т. е. в кухню (не забудьте, что генерал занимал бельэтаж), где уже приготовлена была миска с супом, потом ещё блюдо под крышкою. И то и другое мы взяли и понесли наверх и поставили прямо на стол. Тогда Жан, подойдя к двери, в которую ушёл генерал, стукнул в неё тихонько пальцами, сказав что-то (вероятно — готово кушанье), сам вытянулся и меня поставил на место.

Генерал (которого фамилию я узнал впоследствии, прозывался Симмер[58], и потом я его и буду называть по одной фамилии) вышел, ведя за руку девушку. Он указал ей стул за столом, и потом сам сел. Симмер сам начал наливать суп прежде девушке, а потом себе. Сколько могу припомнить, суп состоял из одного бульона. Симмер, съевши суп, а Жан, принявши тарелки и миску, велел мне отнести всё это в кухню. Возвратившись оттуда, я увидал, что Симмер накладывает девушке с блюда говядину, обложенную парёною капустою, и, положив говядины и себе на тарелку, налил вина девушке и себе. Он пил вино, но она не пила, хотя он её и потчевал. Симмер взглянул на меня, кивнул с улыбкою головой, что самое сделал и Жан. Я понял, что они оба от меня ожидали, и я поспешил сказать девушке: «Кушайте сколько можете, видите, генерал желает этого! Пожалуйста, будьте веселы, не сердите его, вам же будет лучше!» Она, бедная, со вздохом взглянула на меня и, взяв рюмку, хлебнула, а потом выпила из неё до полрюмки. Симмер допил её остаток, говоря что-то и, налив в эту же рюмку, кланяясь ей, выпил её за один глоток.

Жан сделал мне знак, чтобы я один уже шёл на кухню за кушаньем, где при мне сейчас же стали накладывать жареную говядину с картофелем под бульоном. Накрыв её крышкою, повар сказал мне: «Алле!», указав притом на приготовленный на тарелке из красной капусты салат. Я понёс жаркое, передав его Жану, пошёл за салатом, подал его.

Симмер в это время что-то говорил девушке. Я опять сказал девушке, чтобы она ела и была бы повеселей. Симмер налил рюмку вина уже из другой бутылки, потчевал им свою гостью. Она отпила немного, он долил рюмку и выпил её, как и первую, с поклоном перед девушкою. Первое вино было красное, так называемое, церковное, а последнее — белое, мушкатель. Тем и кончился это памятный для меня обед французского генерала, бывшего в Москве не гостем или постоянным жителем, а врагом моего любимого Отечества.

Генерал, вставая из-за стола, говорил что-то Жану, указывая на меня, тот в ответ только поклонился. Когда

же и Симмер и девушка ушли, и Жан затворил за ними дверь, мы с ним начали сбирать со стола, как и накрывали. Но остатки кушанья и вино по указанию Жака, я вынес в переднюю, на столе которой накрыл я стол на два же прибора.

Явился Жан, он сел в главное место, а мне указал сесть возле себя, и, как делал генерал, наливая суп, точно так же и он наливал его с гримасами и со смехом, потчевал меня и угощал с радушием, стараясь более всего развеселить и смешить меня своими штучками, представляя и корча из себя своего генерала. Так мы начали обедать, но без прислуги. Жан потчевал меня вином и сам пил.

Пообедав, мы начали с ним убирать со стола и снесли всё на кухню. Он после убирал в буфете, мне же знаками указал принести из кухни вымытую посуду, серебро и прочее и поставить в буфет на указанные им места; вино же и хлеб оставил, отдал всё это мне, указав поставить их в залавок[59] в передней; Дав мне в руки половую щётку и со смехом показал мести ею пол, где мы с ним обедали, говоря со смехом же « Travailler, travailler![*]», и я поневоле должен был повиноваться.

Когда же покончил эту весёлую, по мысли Жана, работу, я сел на прежний стул под окном, стал смотреть на улицу. Жан не замедлил явиться ко мне с мелкою в руках тарелкою, накладенною верхом мелким сахаром, потчевал меня, расшаркивался по-танцмейстерски. Я взял несколько, он поставил тарелку перед мною, показывая, чтобы я ел или взял бы тарелку к себе вместе с сахаром. Потом он сел против меня. Я заметил, что он очень весел, сказал ему: «А хорошо бы чаю», показывая на сахар. «А, чай!», — убежал от меня, принёс на тарелке изюма и так же начал потчевать, как и прежде со смешными гримасами.

Тут генерал свистнул, я вскочил, унёс сахар и изюм, поставил их в залавок же, а Жан побежал к нему и вскорости провожал генерала со двора, с крыльца, на которое мы введены были с отцом. Жан воротился, пошёл в комнаты генерала, из которых тотчас же вышел, а за ним вышла и девушка. Он указал ей садиться, потом спросил меня: «Где сукар, чай?» Я принёс то и другое, он взял у меня обе тарелки, начал потчевать ими девушку с такими же кривляниями и расшаркиваньем. Она спросила меня с улыбкою: «Что всё это значит?» Я рассказал, что он хотел потчевать меня чаем, которого не знает и почитает изюм за чай. Он не переставал потчевать её сахаром и изюмом, говоря: «Чай, чай, добре!»

Я ему толковал, показывая знаками и даже принёс ему пустой стакан, показывая, что чай пьют, положил в стакан сахару и наливал в него знаками чай и начал пить потихоньку, становя стакан на стол, как будто он был горяч. Жан смотрел на всё это и хохотал во всё горло, потом вдруг вскочил, закричав: «Чай, чай!», убежал от нас и чрез минуту явился с толстою в руках книгою и, указав мне на неё, твердил опять: «Чай, чай!»

Я, увидев, что принесённая им книга была ничто иное как старинные французские разговоры и потому начал искать в ней слово «чай», и когда нашёл его, указал ему «кушайте чай» и далее всё об чае. Жан прочитал, положил книгу, взял меня за руку, повёл в буфет, показал в угол. Я увидел, что в углу лежал большой цыбик[60] с чаем, заваленный всяким хламом, говорю: «Да, чай, чай!». Он тотчас начал снимать с цыбика разные вещи и платье. Когда открыли цыбик, Жан взял глубокую тарелку и горстью наклал на неё из цыбика чаю — горою, взял за руку меня и понёс чай к девушке, начал её потчевать. Тогда уже и она не могла удержаться, захохотала, весело смотря на Жана, стоявшего пред нею с тарелкою чаю.

Я пошёл в буфет искать чайника и не нашёл, говорил ему: «Чайник», он отвечал «Ее!» Побежали мы оба в кухню, он начал говорить с поваром, тот кинулся в кухонный шкаф, где стояли кастрюли и прочее, подал ему красный меди небольшой чайник, который снаружи был чёрен, а внутри позеленевший. Жан велел его вычистить и потом подал мне, говоря: «Чай, чай!»

Вот я налил его водою, поставил на плиту, а он и повар глядели на меня, когда же чайник вскипел, я взял, обернул салфеткою ручку и понёс к верху, он же повёл меня в переднюю, где мы с ним обедали. Я на бумажку поставил чайник, положил в него чаю и накрыл, потом пошёл за стаканами, а он привёл в переднюю девушку, усадил её к столу, подвинул к ней сахар, и чай и изюм. Я принёс три стакана, прося её сделать чай. Он глядел на это. Когда она положила сахар, а я налил чаю в стаканы, он вскочил и принёс, три чайных ложечки, смеясь от удовольствия, что понял нас. Вот мы взяли с нею по стакану, а третий подали ему.

Начали пить чай, а он все глядел на нас, попробовал и сам, потом вскочил и принёс два ломтя хлеба, на тарелке, прося нас кушать его с чаем, подкладывая себе и нам сахар. Так мы пировали за чаем и уже со свечами. Мы выпили по два стакана, а он выпил один лишь стакан, хотя мы его и просили выпить другой стакан, но он решительно отказался. Всё это я убрал сам, оставя чай, сахар и изюм у себя в залавке.

Генерал приехал поздно уже вечером, Жан встретил его, девушка ушла во внутренние комнаты. Ужина не было, как не было его и во все последующие дни. Жан принёс мне какой-то ковёрчик, кожаную подушку и военный старый плащ, принадлежавший ему, показывая, чтобы я ложился спать, и мы тут с ним простились. Я послал ковёрчик на полу, помолился Богу, лёг и заснул сладким сном. Так точно я спал здесь и впоследствии, как ровно точно так же обедал, как я уже сказал, и точно так же пил чай в передней, один или с ними, т. е. или с Жаном или с ним и девушкою. И даже в сию минуту как будто вижу их пред своими глазами, так это врезалось в мою память!

Поутру проснулся я ранее Жана, он начал убирать в комнатах генерала и в зале, чистил платье, и я ему во

[*] Travailler (*фр.*) — работать.

всем этом помогал. Жан повёл меня на кухню, показал, как чистить сапоги, после показывал мне как варить кофе, что я давно уже знал. Он ушёл наверх, вслед за ним я принёс кофе, сваренный мною, в буфет, он разливал его в стаканы и относился к генералу с хлебом, но без сливок и молока, которых тогда нигде достать нельзя было.

Приходили солдаты, и Жан, одев генерала, принимал от них бумаги и передавал генералу, а после относил их в какую-то внутреннюю в доме нашем комнату, в которой я ещё не был. После того генерал уезжал куда-то верхом с адъютантом и ординарцами и возвращался к обеду. Так или почти так ежедневно происходили дела наши. Обед генерала состоял ежедневно из одних и тех же блюд, на котором, ставилось тоже самое вино, как и в первый при мне обед, с тою лишь разницею, что иногда за столом и, при том и не очень редко, находились подчинённые генерала, которых я иногда насчитывал за столом от 4 до 6 человек.

Когда обедали чиновники, девица не выходила к столу и обедала особенно во внутренних комнатах. Когда же генерал уезжал со двора, Жан нас с девушкою потчевал сначала кофеем, потом чаем; всё это я же приготовлял. Жан приносил для этого по полным тарелкам чаю и сахару и хлеба. И то и другое мы всегда пили в передней, которая была заперта, и чрез которую генерал никогда не приезжал и не отъезжал.

Напившись чаю, Жан брал меня за руку, говорил с улыбкою: «Travailler, travailler!», показывал на стол. Стол поставили среди же комнаты, но Жан отложил обе уже его полы, накрыли на шесть персон, поставили четыре бутылки вина, два карафина воды. Потом мы с Жаном убирались в буфете, потом сидели в передней и по книге разговаривали, он учился у меня по-русски, а я у него по-французски, смеялись и хохотали между собой.

Приехал генерал и с ним его адъютанты, которых я видел у нас в бане, окроме безрукого, которого между ими не было. Начался обед. Они все за столом были веселы и часто в разговоре поминали имя Наполеона, но всегда произносили его сурьёзно, как бы чего-то боялись.

Вот сколько могу упомнить о наружности нашего, т. е. тогдашнего моего господина — генерала Симмера. Он имел довольно высокий и стройный рост, лицо имел продолговатое, красное с орлиным или римским носом, довольно очень красным. Он был коротко обстрижен (как и все его подчинённые) и видны были седины; глаза быстрые, большие, чёрные, с густыми бровями и огромные бакенбарды. Взгляд имел строгий при громовом голосе.

Знакомый уже нам поляк был один только молодых лет, все же прочие офицеры — около 40 лет каждый. Один из сидевших за столом был с подвязанною рукою, кажется, левою, у которой не доставало всей кисти, он на вид был болен. Я их прозвал: одного — «Безрукий», другого — «Стриженый лифчик» от короткого лифа его мундира, это был поляк. Этими названиями я смешил девушку, и мы с нею так к этому привыкли, что не иначе, как этими именами и называли их, т. е. с отрубленной рукою и поляка, потому что обоих мы чаще видели. Они жили с нами в одном же доме, где-то на дворе во флигеле, при них, однако, было особая прислуга. Прислуга же генерала состояла: из Жана, повара, двух конюхов, вестовых и ординарцев. Все они помещались внизу, там же жили старик-дворник, русский, с женою и ребятишками. На конюшне генерала было до десяти лошадей, а в сарае — новые, московской работы, дрожки и дорожная бричка, карет же и колясок не было.

К генералу я видел несколько раз приезжал как-то молодой, красивый собою генерал, самого весёлого характера и, кажется, раза два обедал у нас. Других же посторонних посещало генерала очень мало. Сам же он почти однообразно ежедневно отправлялся куда-то всё в одно и тоже время, т. е. утром и до обеда, но всегда одетый в форме и возвращался пред самым обедом и нередко — очень не в духе. Но бывали дни, что он выезжал ранее и позже, а иногда выезжал из дому и после обеда и даже вечером, но куда, того я не мог ни знать, и не догадываться. Ни генерал, ни все, кто только его посещал или не бывал, никто из них ни табаку, ни сигар не курили, за что я им многое прощал.

В третьи сутки моего плена девушка та приведена была Жаном в переднюю. Это было ещё до обыкновенного выезда генерала из дому. У него, в то время, как я заметил, собрались какие-то лица, разумеется, все военные; они, кажется, с ним имели совещание и, вероятно, очень сурьёзное, по делам службы. Но мне все те комнаты, где это происходило, ни разу не случилось видеть, потому что в них все требования и работы исполнял один лишь Жан и меня туда не допускал. С этого утра до самого выхода неприятеля из Москвы, девушка целые дни сидела и обедала в передней.

Когда Жан оставил нас одних с девушкой, я сказал ей, чтобы она попросила у генерала себе обуви и прочего платья: «Его принесут, он прикажет, и всё это для вас добудут!» Она, бедная, горько заплакала, говоря: «Мне, мне ничего не надо, я только молю Бога, чтобы меня отсюда прогнали!» «Что же вы всё так и будете ходить без башмаков и почти без одежды?» Она только продолжала рыдать.

Я начал уговаривать её и смешить её, боясь неудовольствия от генерала и своего Жана, если бы они услыхали её рыдания или увидали, что она от слёз вся изменилась. Тут я начал придумывать об её обуви, как бы всё это передать Жану, что ей не только нужна, но и необходима обувь. Прибег к своей толстой книге, отыскал в ней несколько близких разговоров к обуви и платью, загнул листы, чтобы показать их Жану, что как нарочно и случилось. Он в ту же минуту явился пред нами, принеся по обыкновению своему чаю и сахару, поставив всё это на стол, затворил дверь в залу.

Я посадил Жана на стул, начал показывать ему загнутые в книге листы, а правою рукою показывал на ноги девицы. Он взглянул, закричав мне: «А, знаю, знаю!» (по-русски я его этому выучил) и побежал к генералу. Чрез час, не более, принесли пар до шести мужских сапогов новых и столько же полусапожек. Оставя всё это у нас в передней, Жан от нас скрылся и возвратился уже с генералом. Девушка, указывая мне на груду сапогов, говорит мне: «Ведь я не мужчина!» «Да разве лучше быть без обуви? — отвечал я — может быть, добудут и башмаки, а теперь я вам выберу самые маленькие!» И выбрал!

Генерал, видимо, был доволен мною, улыбался, говорил что-то Жану, тот отвечал ему с почтением. Я, подавая девушке полусапожки, а она с недовольным видом отсовывала их от себя. «Наденьте — говорю, — и не капризьтесь!» Генерал сказал что-то Жану и вслед за тем он принёс кресла, посадил её в них, показывая, чтобы она обулась. Но как полусапожки оказались на одну ногу, а она взяла не тот, и начала было его надевать. Заметив это, я сказал ей: «Вот который, надевайте». «Не умею», — отвечала она, — и чулки мои в засохшей грязи, не влезут!» Я тут указал Жану на чулок её и на сапоги, желая передать ему, что добыли бы и чулок. Он мне смело отвечал: «А, знаю, знаю!» и тотчас передал об этом генералу. Тот улыбался и поглядывал на меня весело. Обувание наше стало. Я хотел помочь ей, чтобы она поскорее обулась и не стыдилась, но всё-таки сапог на ногу нейдёт!

Жан мне указывал на другие полусапожки, я ему в ответ потряс головою. Одобряя знаком эти, т. е. выбранные уже мною, Жан мне показывал знаком же, разрезать у сапог подъём, а я опять противился и этому. Я взял оба сапога и побежал из передней в буфет и там намазал их подъём салом, принёс и сей час надел первый сапог, потом и другой уже без всякого труда. Генерал захохотал, а Жан не мог тоже удержать взрыва и своего смеха. Ей же, девушке, всё это представилось в том виде, что они смеются над нею, сделала недовольное лицо. Я поспешил уверить её, что они смеются от удовольствия, что сапоги пришлись впору. Генерал приподнял её с кресел и провёл по комнате, любуясь её нарядом, а меня потрепал по плечу, опять посадил её в кресло, любовался на обутые её ноги.

Тут пришла мне в голову мысль попросить и себе парочку сапог, но в книге рыться было неловко отыскивать об том разговоры, и так я просто знаками указал Жану на мои сапоги, которые тогда на мне были, т. е. на сапог худой и без каблука, и на другой, кавалерийский сапог с огромным каблуком и с переломанною шпорой и с разрезанным подъёмом. Тот достопамятный для меня сапог я нашёл на пожарище, под печкою, в уцелевшем домике. Генерал глядел на мои знаки и спросил Жана, тот что-то отвечал, генерал улыбнулся и кивнул головою. По улыбке его я узнал о его согласии и потому прямо приступил к выбору себе сапогов. Впрочем, я недолго рылся, взял пару сапогов, подошёл к генералу, поклонился, он опять засмеялся, сказал что-то Жану, я в это время и Жану поклонился.

Жан и девушка едва удерживались от смеху. Жан знаком показал мне надеть сапоги, я взял их в буфет, надел их там и явился в обновке и так же, подойдя к генералу, поклонился, но уже им обоим и с девушкою, даже, кажется, расшаркался как то делал Жан — ведь я ловчее стал, проклятый каблук прежнего моего сапога со шпорою не давал мне не только возможности отшаркиваться Жану, но даже и ходил-то я в нём — хромал. Когда же увидали меня расшаркивающегося, то уже трое на меня глядевшие, захохотали разом, и Жан меня перевернул раза три пред генералом, заставя пройти по комнате — они всё ещё смеялись...

Я стал в почтительном положении к окну и нечаянно взглянул в него, увидал, что французский солдат волочет за полу по грязи богатый лисий салоп. Я схватил Жана, подвёл его к окну и указал ему на француза с салопом и показал на девушку, в той мысли, что салоп этот годился бы ей. Жан поспешил объяснить всё это генералу, который, как я понимал, тот час догадался, в чём дело, ибо пихнул Жана, тот полетел как стрела прямо из нашей передней на улицу и ту же минуту явился и с французом и с салопом. Тут начался разговор с солдатом, которого я не понимал. Наконец, генерал уходит к себе в комнаты, откуда скоро воротился, подав солдату, у которого взяли салоп, два или три талера. Тот, однако, не очень охотно принимал их, и, я думаю, что он такою платою не был доволен, ибо это заставило генерала опять идти за деньгами, но он их отдал не ему, а Жану в руки, который сунул их в руки солдату и мигом оборотил его лицом к двери и вытолкал его вон. Солдат что-то ворчал, упирался и пятился, но Жан захлопнул за ним дверь и запер её крючком.

Я взял салоп, встряхнул и выпрямил его, и мы вместе с Жаном надели его на девушку и начали оправлять его на ней, повёртывая её пред генералом сзади и спереди. Генерал, сложа руки по-наполеоновски на груди, смотрел на девушку и нас с довольною улыбкою. Я порусски сказал ей, Прасковья Семёновна, (так звали её), чтобы она поблагодарила генерала, а она отвечала мне: «Ну, уж легко ли, у меня салопы были получше этого, а этот ещё и вдобавок весь в грязи!» «Это можно — говорю, — отчистить, а атлас обтереть мокрою тряпочкою или чем-либо мокреньким». Я находил, что салоп был, в сущности, богатый, черно-бурый, а воротник — седой, соболий. Но я таки убедил её приласкать своего горбоносого: «Поцелуйте его, а то он будет сердиться!» Она засмеялась, исполнила, как я ей советовал, и покраснела, как маков цвет, но генерал сам начал ласкать её, видимо, быв всем этим доволен, повёртывал её, оправлял салоп и не дозволял снять его, хотя она того непременно желала бы.

Тут же генерал, улыбаясь, глядел на меня, что-то сказал Жану, тот куда-то вышел. Генерал и девушка оба уже

рядом сидели. Является Жан с какою-то или с чем-то из одежды, подал прямо мне, я развернул, вижу — нанковый[61] сюртук с высокого и толстого человека. Жан, делая мне знаки, чтобы я оделся и пришёл бы опять сюда благодарить генерала, для чего он и пошёл вместе со мною в буфет, но мы не в буфете передевались, а в зале, в которой никого не было.

Я надел на себя, и весь низ сюртука лёг на пол, я хотел застегнуться, тогда одна правая пола обошла вокруг моего корпуса — Жан принялся хохотать во всё горло. Между тем, он понял, каналья, и торопил меня одеваться. Я должен был весь сюртук приподнять, как делают наши православные во время грязи. Жан подал мне какую-то старую, военную протупею, и он мне помог подпоясаться ею. Оправились перед зеркалом, Жан всё ещё хохотал, а мне было не до смеху.

Боясь, что из-за двери выглянут и выйдут к нам, я его упрашивал знаками не делать шуму, а помочь мне поскорее, как-нибудь да одеться. Вот он меня тащит к ним. Рукава же сюртука были длиннее рук моих почти на пол-аршина, а ширина их была недосягаемая; я, идя к генералу, дорогою успел подвергнуть их так, что, по крайней мере, руки мои были на свободе И так был я введён им с триумфом пред генералом и пред девушкой, все ещё сидящих рядом. Он быстро перевернул меня пред ними — тут начался общий их хохот, но мне на них было уже досадно. Я с сердцем сказал Прасковье Семёновне: «Вот я над вами нимало не смеялся, а вы даже громче их хохочете!». И она стала удерживаться от смеха, но Жан всё ещё меня повёртывал и водил по комнатам, я же конфузился, что забыл благодарить и не благодарил генерала.

Девушка же, видя меня, что сделался грустен, сказала, что сюртук можно в длину отрезать на сколько хочешь. «А как же быть с его полнотой и талией?» — возразил я. «Будешь подпоясываться». Тем и кончились наши три комедии.

Генерал сейчас ушёл и увёл девушку к себе, как была в салопе. Мне Жан велел захватить сапоги и нести за собою и приказал, было спрятать их в початый цыбик чая. Я сделал против этого сильное возражение, но он не понимал меня, и я никак не мог объяснить то ему, что сапоги испортят весь чай в цибике. Наконец мне удалось растолковать ему, и сапоги мы с ним спрятали в буфетном шкафе.

Жану засвистали, я ушёл в свою переднюю в новом своём платье — сюртуке, как был в нём пред генералом. Сел у окна и размышлял о случившемся в тот день со мною. Приходит Прасковья Семёновна в салопе и в сапогах, сказав мне, что генерал уехал, и чтобы я дверь передней не отпирал. Сейчас же является Жан, весёлый, с хохотом, с шумом, неся две тарелки с сахаром: «Чаю! Чаю!» Я засмеялся и пошёл приготовлять чай, как обыкновенно в кухне, в новом костюме, а Жан удалился в буфет.

Повар, увидав меня в новом костюме и уже не хромающего, прежде удивился, потом повернул меня, осмотрел с ног до головы и начал хохотать, что самое делали надо мною и другие, бывшие в кухне. Все они при этом часто повторяли слова: « женераль» и «Жан».

Я начал греть воду для чая, которую и принес к себе в переднюю, где Жан уже приготовил стаканы, хлеб и прочее. Прасковья Семёновна сделала чай и разливала его без смеху, сурьёзно, и мы пили чай сурьёзно, с аппетитом, даже сам Жан выпил два стакана, чего с ним никогда не бывало, а мы выпили весь чайник.

Оставя её одну, пошли мы приготовляться к столу, она занялась нашею книгою, я, увидя это, сказал ей, если что найдёт для себя что-либо нужное, загибала бы в ней листы, и я укажу их Жану. Она улыбалась, кивнула мне головою. Она в этот день обедала одна, в передней, и мы, вместо буфета, сносили уже все блюда к ней в переднюю. Генерал же обедал со своими. Кончился стол, гости удалились. Убрав стол и всё, что было в передней, стали и мы с Жаном обедать в буфете, а генерал, надевши шлафрок[62], пошёл к ней в переднюю.

Когда мы с Жаном кончили обед, мне пришло на мысль попроситься у Жана сходить домой, т. е. в баню, на луг. Но как без помощи книги Жан решительно меня не понимал, давал мне и сахару и изюму, и поэтому я оставил намерение моё до другого дня.

На другой день утром рано увидел я отца моего, которого ввёл ко мне Жан в переднюю. Я обрадовался и заплакал, стал спрашивать его об матери, бабушке и сестре, думая, что он пришёл сказать что-нибудь о них нерадостное, но он успокоил меня на счёт их. «А мы сокрушаемся об тебе, мать и бабушка прислали меня навестить тебя. Ну, что, Леночек, не обижают ли тебя? Не заставляют ли работать тебя чрез силу, не заставляют ли тебя исполнять, что по рождению твоему было бы неприлично? Имей благородную амбицию, помни, что ты представлен в офицеры, не все бусурманину издеваться над нами, я слышал и хорошие вести: царь наш батюшка здравствует, войска наши около Москвы собираются и ему, басурманину, по воле Божией скоро будет капут!» — и сам тут громко захохотал.

Я перекрестился, и стало у меня на сердце отраднее. «Молись Богу за батюшку-царя и за его христолюбивое воинство и за всех православных!» Я отвечал, что всё это исполняю ежедневно. Я ему сказал, что вчера я просился к ним, но Жан меня не понял и теперь очень рад, что вижу его и что все они, слава Богу, здоровы. «Нет, ты уже лучше, Леночек, один домой не просися, я лучше буду навещать тебя, а то, неравно, попадёшь к какому-нибудь злодею, хуже твоего генерала, или под ношу, которые мне до смерти надоели. Мародёры нисколько не унимаются!»

Отец мой осмотрел мои сапоги и костюм, не сделал ни удивления и не сказал благодарности генералу, примолвив: «Ведь это всё наше, русское же, а не их, бусурманов!» Жан всё на нас поглядывал и, когда слышал

имя «Бог», повторял: «Бог добре и Наполеон добре!» Я едва мог упросить отца не возражать Жану, сказав, что я Жана начал учить по-русски. «Ах, брат Леночек, не учись у него по-французски, он сам не бельмеса не знает, да и учители-то их не бельмеса не знают!» Я не противоречил.

Я спросил у него, есть ли у них хлеб. «Хлеба нет, но есть, благодаря Бога, пшеница и ещё кое-что, сыты пока. Матери же твоей хочется чайку, как вижу, а у нас он весь вышел. Хотя из мёду мы и варим сбитень, и есть сахар, но чаю нет ни зерна. Нельзя ли тебе попросить у твоего, которого ты называешь Жаном?» — указав на Жана. Этот, услыхав слово «чай», понял, что отец мой просит напиться чаю, закричал: «Знаю, знаю, чай, чай!» Сей час побежал и принёс, как обыкновенно, по тарелке чаю и сахару. Отец мой взглянул на это, сказал: «Вишь, ты, брат, Жан твой много успевает, да это, можно сказать, народ ветреный, но смышленый». Жан же, в свою очередь, посылал меня кипятить воду для чая, но я кивнул ему, достал из залавка скопленный мною чай и сахар, сложил в разные бумаги, завернул и завязал верёвочками, сделал знак Жану, что я это отдал отцу. Он мне в ответ: «Знаю, знаю — так, так!» Оставшиеся ломти хлеба я тоже отдал отцу. Жан, увидав это, убежал от нас, и я видел, что он пошёл к генералу.

Покамест отец прятал мои гостинцы, Жан принёс целые два белых хлеба и, подавая мне, сказал: «Женераль, женераль!» Я пожал Жану руку, поклонился, отцу же сказал: «Я боюсь, что у тебя батюшка, всё это на дороге отымут». Он просил завернуть хлеб во что-нибудь, я в залавке нашёл худую салфетку, показал Жану, тот кивнул головой. «Нет, Леночек, Бог милостив, меня уже давно ни одна каналья не обшаривает, а берут лишь иногда под ношу. И я теперь пришёл к тебе благополучно, не по мосту, а вброд, и отсюда же пойду этим же путём, где лишь ходят одни наши православные, да и гораздо ближе, глубокие места проходим по дровяным плотам. На мосту Крымском ведь точно такая же давка, какую ты сам видел поначалу, к тому же он весь изломан, а починить никто и не думает — бьются и они, сердечные, и мучают лошадей, и друг у друга ломают повозки». Он благословил меня, я его проводил уже с парадного крыльца.

Проводя отца моего, я только о том и думал, дай-то Бог, чтобы он дошёл домой благополучно и это всем моим будет приятно и радостно, и я о том мысленно молился Богу. Но мне более всего хотелось, чтобы он донёс в целости чай, который не только любила моя мать, но я знал, что он для неё был всё: и лекарство, и польза, и утешение.

Из окон передней моей видно было насквозь окончательная часть Орловского луга, где жили мои родители, сад и купол Голицынской больницы и даже далее, а прямо перед глазами моими открыт был весь поемный, песчаный берег Москвы-реки, который уже не был занят ни дровами, ни лесом с плотов. Между тем, до входа неприятеля, вся эта площадь, как-то я видел, была завалена тем и другим, следовательно, этого не было сделано пред вторжением неприятеля в Москву.

Отсюда же любовался я, как поили и купали в реке лошадей Симмера и других лиц. Иногда на этот пункт сходились разом до 200 лошадей, и когда они приближались к воде, то над ними, как туча, подымались галки и вороны, которые кружились и каркали и кричали несносно, словно жалуясь, скоро ли перестанут их тревожить незваные гости, которые их стреляли, но не знаю для чего: для пищи ли себе или только ради забавы.

Галок и ворон здесь было тысячи, они, вероятно, слетались сюда едва ли не со всех частей Москвы, когда огорела повсеместно. Здесь нелишне сказать, что ворона, как утверждают, есть птица соровая и плотоядная, но во время XII года, то есть во время пребывания неприятеля в Москве, я сам много видел ворон, а также и собак во множестве, но ни те, ни другие не ели падали. По выходе же неприятеля из Москвы, вороны и собаки появились повсеместно в столице в большом количестве, все они бросились с остервенением на валявшиеся без погребения трупы людей, к которым они никого не подпускали. Вместе с трупами, которых наиболее было неприятельских, они напали и на всякую падаль, так, что в городе и днём страшно было ходить, всякий боялся быть ими загрызенным. Собаки и вороны набежали и налетели в Москву из деревень, конечно, но что останавливало тех из них, которые при неприятеле ещё были в Москве питаться падалью и трупами — вот для меня задача, неужели они хотели тем распространять зловредный воздух, чтобы им поражать неприятеля?

В это же утро шли мимо нас, как я думал, из Хамовнических казарм небольшой отряд пехоты с офицерами и без оных, в караул. Всё это тянулось в беспорядке, кое-как. Пехотинцы с ранцами и узлами, по тесноте нашего проулка и по причине дурной и грязной по нему дороги. Все они приостановились против окон всего нашего дома, садились, снимая с себя все тяжести, ружья, ранцы и другие посторонние свои ноши. Некоторые из них принимались завтракать, другие делали тут же разные неприличные, естественные дела. Вошедшему ко мне Жану я указал на эти, непозволительные у нас, проделки, он захохотал и ушёл от меня: «Знаю, знаю!»

К довершению этого хаоса или забавной картины тут же вели откуда-то двое французов прекрасного быка. Один из них шёл впереди него, таща его на верёвке, а другой погонял его сзади, имея для того длинную в руках верёвку. Я думал, что они этого быка вели так же как водят лошадей в поводьях. Но бык в это время так заупрямился, что вместо того, чтобы идти вперёд, он бросился назад, потом в бок, и обоих своих вожатых свалил в грязь. На всё это я любовался в растворённую мною одну половинку окна. Я не выдержал, захохотал во всё горло, что подхватили и все бывшие и проходившие по переулку и проезжавшие по нем конные неприятели.

Оба француза барахтались ещё в грязи, как бык начал передового из них вертеть и подымать рогами. Он яростно и опасно бы отомстил за себя, если бы на счастье бедного француза не случились тут наши православные. Двое русских мужичков бросились к быку, схватили концы верёвок, притянули их к себе и тем усмирили и остановили разъярённое животное, а двое других русских же подняли из грязи французов. Тем дело и кончилось, но ещё не совсем.

Я глядел в окно и всё ещё хохотал. Первый, ведший быка, заметил меня ещё прежде, нежели его вытащили из грязи и, видя, что я всё ещё смеюсь над ними, и, думая проучить меня, отмстить мне, схватил твёрдый ком грязи, бросил им в меня с бранью, но дал промах. Я не утерпел и по тогдашнему моему возрасту растворил опять половинку окна, высунул язык и дразнил им француза, сопровождая бранью, которой выучился у неприятелей. Француз, передав свою верёвку товарищу и своим спасателям, русским мужичкам, бросился к нам в ворота, я же надеялся на наш военный караул, но всё-таки поспешил наложить крючок на дверь передней.

Не знаю, что происходило на дворе, и я из любопытства опять растворил окно и, выглянув в него, увидал, что Жан мой толкает в ворота вместе с ординарцем врага моего на улицу. Я поспешил затворить окно и присмирел. Это всё происходило, когда ещё генерал не вставал или не выходил. Жан постучался ко мне в переднюю с парадного крыльца, я окликнул: «Кто?» «Так, так!», и я сейчас отпер. Жан, взойдя, сурьёзно погрозил мне пальцем, я сделал сурьёзный вид, я извинился.

В один день, по уезде генерала, Жан нанёс в залу куски русского и очень недурного ситца, кусок неразрезанного бархату и несколько кусков шёлковой материи, холстины салфеточной и салфеток. Он предлагал Прасковье Семёновне, она отказывалась, говоря мне: «Это дрянные ситцы и на что мне платья!» Я говорил ей: «Ну, вот, возьмите шёлковой и бархатные куски, да и самые ситцевые пригодятся вам, пусть себе лежат!»

Потом мы с Жаном накроили целый угол залы салфеток и скатертей. Прасковья Семёновна говорит мне: «Неужели мне всё это обрубать?» Но я её успокоил и тут же сказал, почему она не проведает об отце своём, говоря ей, вот, дескать, меня и чрез три только дня, а пришёл же навестить отец. «Да я давно об этом хлопочу, да всё они ничего не сделали и не понимают. Я прошу, чтобы они отыскали отца моего, привели бы оттуда мне, хотя Матрёну — нашу девушку». Я всё это тут же успел передать, как сумел, Жану, и Прасковья Семёновна на другой же день вечером увидала у себя свою Матрёну, которой она обрадовалась, и плакала вместе с нею, узнав от неё, что отец её умер, и, что всё оставшееся после пожара, разбито и разграблено.

Прасковья Семёновна рассказала мне, что её взяли из подвала, когда уже дом их сгорел, что её взяли силою, чем руководствовали поляк — «Стрыженный», и «Безрукий» — адъютанты генерала с командою. Когда привели к нам Матрёну, то она и Прасковья Семёновна, я и Жан, вчетвером работали, обрубая салфетки, сшивая и обрубая скатерти. Нередко Прасковья Семёновна, Матрёна, я и Жан обедали за одним столом. Жан похвалял меня за работу, а Прасковья Семёновна, став посмелее, говорила ему уже: «Жан! Чаю, чаю!» «А, знаю, знаю!»

Я хаживал к родителям и всегда возвращался оттуда благополучно, потому ли, что у меня на шляпе приклеен был билет, данный мне от моего генерала, у которого я находился, или я не попадался к таким, которым бы я нужен был. Но только один раз, возвращаясь к генералу, я чуть было не попал в тяжкую работу — чистить отхожие места в Хамовнических казармах. И вот как это было.

Иду я уже на средине Крымского моста, не думаю не о чём, как взглянул я на берег реки, на котором стояла толпа разного звания русских людей, окружённая французами и другими солдатами, которые увеличивали толпу; захватывая всех русских, идущих к ним по мосту. Я сначала было, понадеялся на свой билет, но раздумал, обратился бегом назад, уже в броде реки пробрался и не без опасности к себе переднюю, где всё и рассказал с ужасом Жану. Он смеялся, говоря: «А, знаю, знаю!» С тех пор я более перестал ходить домой. Впоследствии, узнал я, что в Хамовнических казармах стояла гвардия Наполеона.

Генерал наш, возвращаясь откуда-то домой на сказанных мною выше, московских, новых дрожках, имел несчастие упасть с них. Кучер-француз, не умея править парою лошадьми в оглоблях с пристяжною, наехал, что ли, на кого, или за что-то зацепил. Но как бы это не было, пристяжная чего-то испугалась, рванула. Ей помогла коренная, дрожки полетели на бок, а с ними — кучер и генерал. Последний получил царапину во всю длину огромного своего носа. Его ввели в комнаты, раздели и положили во весь нос тряпку с пластырем, и мы с Прасковьей Семёновной от души смеялись над ним, бедным, конечно, так, чтобы другие не заметили. Ушиб этот вывез генерал, не залечив его в Москве, во Францию. Не менее того забавлял нас с нею доктор, призванный лечить нос генерала.

Я узнал от Жана, что генерал иногда ездил на парадные разводы, которые делались в Кремле и для которых солдаты, гвардия Наполеона, собирались ещё из Хамовнических казарм. Она всегда в эти дни шла мимо нас в полной форме и с музыкою.

Выше уже сказал я, что к нашему ездил молодой и очень красивый генерал. Он-то за день до выхода их из Москвы приехал к нам. Генерала нашего не было дома. Я из последствия догадался, что молодой генерал, наверное, это знал. Мы все трое русских, т. е. я, Прасковья Семёновна и Матрёна, сидели в передней, был давно уже вечер, а у нас в комнате огню ещё не было. Каков же наш был страх, когда вбежал к нам молодой генерал и, приняв Матрёну за Прасковью Семёновну, начал её обнимать и стараться поцеловать. Та, быв довольно

сильна, защищалась молодецки, визжала и кричала во всё горло. Прасковья Семёновна сжалась в угол и трепетала как лист. Мне же никак нельзя было выйти из комнаты и сходить за Жаном, потому что генерал, возясь с Матрёной, загородил мне дорогу.

Наконец он понял, что обнимал не то, что ему хотелось, бросился ко мне. К несчастию, на мне был надет салоп Прасковьи Семёновны, которая дала мне его, ибо я чувствовал тогда себя не совсем здоровым. Генерал, ощупав салоп, в восторге прижал меня к себе, давил меня, исцарапал мне всё лицо своею небритою бородою, ловя меня поцеловать. Долго я бился с ним, а кричать боялся, чтобы не открыть, кто я, тогда бы он, может быть, убил бы меня в азарте! Наконец, как-то я вырвался у него и убежал за Жаном.

Покамест мы пришли с Жаном с огнём в руках, иступленный генерал уже тормошил несчастную Прасковью Семёновну, которая вся в слезах молила о помощи, которую Матрёна, хотя и подавала ей, но тут сила генерала превозмогала её мужество. Однако разразился над ухом генерала громовой голос Жана: «Женераль, женераль!», и храбрец с досадою почти выскочил из передней, и с тех пор мы никогда не видели его у нас в доме. После мы все долго смеялись и особенно Жан, которому я старался всякими способами передать, как нас обнимал и любезничал с нами молодой генерал и хохотал до слёз, крича во всё горло: «А, знаю, знаю!»

У нас, по обыкновению, обедали несколько гостей или, лучше, всё те же лица, о которых я выше поминал. Обед был поздний, все они чем-то были озабочены. К концу стола генерал приказал Жану приготовить глинтвейн. Мы пошли с Жаном варить вино, каким напитком не разу генерал не угощал своих гостей. Пока мы варили, они сидели за столом и допивали вино, то есть то, какое обычно ставилось на стол, и которое я уже выше описал. Принесли глинтвейн, разлили в стаканы, в это время взошёл ординарец и подал поспешно запечатанную бумагу. Симмер ещё поспешнее сорвал конверт и, пробежав глазами несколько строк, закричал почти во весь громовой свой голос тоже несколько спешных слов. Тогда все сидевшие с ним за столом повскакали с мест своих, и я заметил, что все они засуетились около генерала и изменились в лице. Когда же он покончил чтение бумаги, поспешно же встал и ещё поспешнее ушёл к себе, во внутренние комнаты, куда и все собеседники его последователи за ним.

Я помню, что все, они часто поминали имя Наполеона и Мюрата, более ничего понять не мог я. Погодя немного, около четверти часа, генерал уже вышел совсем одетый и тотчас уехал, все прочие последователи за ним, а, жившие у нас в доме, адъютанты бегом побежали к себе на квартиру, где, как я после узнал, торопились укладывать бумаги канцелярии и свои вещи и немедля выехали верхами со двора. Роковая бумага был приказ собраться и тот час выступить из Москвы. С тех пор я уже более не видал моего генерала и всех прочих его чиновников.

Когда генерал уехал, Жан собрал стаканы непитого глинтвейна и начал нас всех потчевать, девушки обе отказались, я соблазнился, выпил почти цельный стакан. Он так был сладок, что губы мои дня два были в сахаре. Жан тряс мне руку, обнимал и целовал, и я замечал, что он украдкою утирал слёзы, делал знаки, которыми объяснял нам, что они выходят из Москвы, и от души звал меня и Прасковью Семёновну в Париж, но мы, как сумели, благодарили его и доказывали, что этого сделать не можем.

Между тем он спешил сбираться в дорогу и уже укладывался в бричку, которую вытащили из сарая. Мне жалко стало Жана, и я с радостию помогал ему, и он, заметя это, кажется, не терял надежды, чтобы я с ним отправился в Париж, о котором он беспрестанно и говорил и даже пел.

Так прошла эта памятная для нас ночь, которую мы почти провели без сна, как от страха, который усиливался в нас по мере шуму, гаму и неурядицы, какие мы слышали и видели на нашем переулке, от поспешно и почти в беспорядке шедших, или, лучше, бегущих по ним неприятельских войск, их артиллерии и обозов, так и от воображений посетивших нас. Мы каждую минуту ждали — вот взойдут к нам и всех нас переколют. Мы всё тогда забыли, кроме молитвы и упования на Бога, который нас, видимо, сохранил.

Рано утром, когда я стоял в передней, смотрю в залу: вошёл знакомый уже мне молодой человек, тот самый, который в первый день моего поступления к генералу, служил между мною и Жаном переводчиком. На нем был тот же чёрный фрак и ещё не снятая с левой руки белая перевязка. Он, как я думаю, во всё время пребывания неприятеля в Москве служил при генерале нашем переводчиком. Он, кроме того, что говорил по-русски превосходно, но и по-французски объяснялся, как француз. Мы, то есть, я и две мои сотоварищи — девушки, может быть, и грешили, но всё-таки думали, что он был русский изменник или тоже, как и мы, взятый в эту постыдную должность насильно, но только он не поляк был.

Господин этот, подозвав меня, к себе, сказал: «Генералу угодно, чтобы вы и вот эта девушка ехали в Париж. Вы поедете с Жаном в бричке, которая для вас совсем готова. Вас во всю дорогу будет охранять Жан, который к вам привык, и которого вы сами полюбили, он точно добрый малый. Когда же вы приедете в Париж, генерал берётся устроить карьер ваш и этой девушки, и я с моей стороны советую вам решиться, что мне будет приятно, тем более, что это дело возложено на меня».

Прасковья Семёновна плакала и наотрез отказалась ехать, говоря: «Лучше меня сейчас живую зароют в землю, нежели я поеду с ними в Париж!» Он бросил её и обратился ко мне, к нему присоединился Жан, лаской и знаками уговоривши меня ехать в Париж. Я кланялся

Жану и крепко жал ему руку, так жалко мне его было, хотя не мог знать последствий их выхода из Москвы, но зато, собрав все свои силы, отвечал переводчику, что я ехать в Париж не могу, во-первых, что у меня есть родители, которые находятся в самом бедственном положении, и потому я должен поспешить к ним сейчас на помощь; во-вторых, хотя бы они и не терпели бедствий, то ни я не могу покинуть их, ни они со мною расстаться, а, главное, я, как находящийся уже на службе, и как подданный русского государя, не могу оставить моего отечества и быть против него изменником. Да и что я могу сделать в дороге для генерала по молодости и неопытности моей, и потому просил этого господина не принуждать меня ехать, а похлопотать, чтобы меня и всех нас троих оставили в покое, прибавя, что мы уже и без того много натерпелись и страха и лишений.

Он всё это передал Жану и поспешно оставил нас. Жан, видя, что мы не хотим ехать с ним, стал с нами прощаться и, увидав у нас на глазах слёзы, закричал: «А, знаю, знаю!», побежал на двор, сел в бричку и умчался со двора. Доехал ли он, бедный, до Парижа? Жаль мне его, он, точно, был добрый для меня. Я забыл было сказать: Жан на прощанье со мною подарил мне свою шапку, какой-то колпак с кистью, которую он мне надел на голову, говоря при этом: «Знаю, знаю!..»

Генерал, уезжая от нас, желая, вероятно, привлечь к себе Прасковью Семёновну, а, главное, чтобы прельстить её ехать с ним в Париж, отдал ей завёрнутые в бумажку несколько бриллиантиков. Она показала мне их, говоря: «Вот что мне красный нос дал, посмотри-ка, может быть, это содрано где-нибудь с икон!» Я развернул бумажку и точно, увидал десятка два маленьких бриллиантиков, о которых я мог судить потому, что видал такие на перстенёчке и серьгах. Я советовал ей спрятать их, чтобы не пропали или чтобы не отняли мародёры. Она так и сделала, зашив их куда-то, как она мне говорила.

Бегство французов из Москвы. Генерал-майор Иловайски изгоняет неприятеля. Гравюра С. Карделли по рисунку Д. Скотти. 1814 г.

Когда мы проводили Жана, тотчас собрались и поспешно оставили дом, столь нам памятный. Прасковья Семёновна и Матрёна ушли первые, сказав мне, что идут к себе в дом, кажется, за Яузу, звали меня навестить их. Они ушли.

Я ещё оставался в доме, кое-что сбирая, как вдруг вбежал ко мне дворник, живший в доме, о котором я уже говорил, и начал приставать ко мне, ругая и браня французов и меня, что я вместе с ними ограбили его и дом, который ему поручен. Я кое-как отделался от него, дав ему половину чаю и сахару, которые я было приготовил отнести домой. Впрочем, я не сказал ему, что у меня на чердаке спрятан и чай и сахар, за которым, я думал, сам приду. Он не переставал ругать французов, жалуясь, что они сделали его нищим с женою и детьми. Я, сколько мог, успокаивал его и, когда мы с ним обошли почти все комнаты дома и уже выходили на двор, как я увидал в отдельном покое разбросанные книги. Я спросил его, что это значит, он отвечал мне: «Здесь была их канцелярия, а книги они вытащили из шкафов и, выбирая их, разбросали». Тут лишь я узнал, где была у нас в доме канцелярия, и где жили адъютанты, прозванные нами «Стриженный» и «Безрукий». Но почему меня Жан ни разу не посылал туда, это и до сего времени осталось загадкою.

Расставшись с бедным дворником, я поспешил домой, на луг в баню, куда и прибыл благополучно. Расспросам с обеих сторон не было конца. Все мои были здоровы, даже повеселели, они тоже уже знали, как бежали из Москвы неприятели. Не было тогда ни одного русского, который бы ни радовался и не благодарил Бога, однако, как все они были люди, следовательно, всё ещё страшились и думали: что-то будет? И таковое ожидание их не совсем было и напрасно.

В ночь выхода неприятеля из Москвы загорелся Кремлёвский императорский дворец[63]. Он горел как величественная иллюминация. Соборы, терема, и Иван Великий, освещённые его пламенем, являли собою дивную картину, окаймлённую древнею кремлёвскую стеною с башнями. Картина ещё увеличивалась силуэтами Василия Блаженного, Воспитательным домом и огненною полосою Москвы-реки, между которыми мелькали оставшиеся строения, и всё это венчалось космами пламя и тучами дыма, испещрённого искрами и огненными головнями, летавшими туда и сюда. Жилище русских царей горело никем не прекращаемое. Народ глядел на это в ужасе и безмолвствовал. Слышались одни только вздохи и молитвенные слова: «Господи, помилуй!» Но это ещё только было начало ужасных сцен, едва ли бывших когда в мире!

Пока народ думал и рассуждал, русские же, как после известно стало, работали мины, которыми неприятель хотел обратить Кремль в кучу камней или груды хаоса. Русские, говорю, но не добровольно, а, наступя на горло, работали день и ночь мины, которые были проведены не только под всеми стенами Кремля, но

даже под соборами и под всеми древними строениями Кремля, однако, не всё удалось разрушить.

Я не берусь описать ужаса, какой объял всех русских, находившихся в Москве, ни той картины, какую мы видели при взрыве в Кремле: Арсенала, пристройки к Ивану Великому, наконец, Водовзводной башни и других в кремлёвской стене, и частей самой стены, но упомяну лишь о том, что тогда было с нами на лугу.

Известно всем, что погода, во всё время пребывания в Москве неприятеля, была почти сухая, тёплая. Следовательно, всё это много облегчало участь русских, ограбленных едва ли не донага и лишённых пищи и жилищ, и потому-то все они без исключения жили на открытом воздухе, кроме разве немногих, которые помещались под кровлею и то как, Боже упаси!

Пред началом взрывов народ собрался на луг и смотрел на пожар дворца и Пашкова дома[64], который тоже горел в одно с ним время. Я и те, с которыми я ближе находился, почувствовали какое-то необъяснимое движение под ногами нашими, и мы ещё не успели передать его друг другу, как яркий свет озарил нас на мгновение, за которым раздался такой страшный и оглушительный удар, как будто над головою нашею ударил оглушительный гром с таким треском и гулом, что мы едва удержали дух и едва устояли на ногах — и громада пристройки к Ивану Великому в глазах наших как пёрушко взлетала на воздух и падала на землю как брошенный мячик, оглушая нас и всю окрестность страшным стуком и гулом, и всё это происходило не более одного мгновения!..

Вслед за этим взлетел на воздух Арсенал, потом башни с частями стен; балки из Арсенала летали по воздуху как пылинки, одна из них, как я после видел, концом своим воткнулась в кровлю Сената. Не было между нами человека, который не читал бы себе отходную; все мы, все, обеспамятели, почти помешались, бегали, отыскивая своих и друг с другом прощались, один другого прощал и просил прощения — все думали, что вся Москва взлетит на воздух! Крик, плач и шум продолжались долго ещё, и хотя все были вымочены дождиком, который тотчас за первыми взрывами пошёл, но никто не думал укрываться, да и куда! Дождь этот не только, как уже известно, испортил остальные мины, какие были проведены под все остальные здания Кремля, и тем их сохранил и до сего дня. Но он с тем вместе, освежив нас, заставил успокоиться и снова обратиться с молитвою к Богу, что всеми нами и было исполнено и, притом, искренно и от чистого сердца!

Что я здесь сказал об взрывах, то все это едва ли составляет и десятую часть того ужаса, какой мы тогда испытали. А сколько было об этом тогда толков и заключений, то для описания всех их едва ли бы достаточно было нескольких томов!

Теперь я скажу несколько слов о том, что я нашел у нас на лугу и в нашем там жилище — в бане. Весь луг был покрыт шалашами презабавной бы для теперешнего времени постройки. Эти шалаши были сделаны из длинных дров и бревен, точь-в-точь, как делали их первобытные люди. Между тем они, то есть шалаши, укрывали бедных наших собратий от жара и ветра; тепла в них было немного, но главное — в этих шалашах, по крайней мере, могли люди укрываться от мародеров, которых они во все время порядком отгоняли от себя. В бане тоже были перемены, многие в ней лица были новые, но жили согласно. Повалишина и Мансурова в ней тоже уже не было, их отец мой проводил и сдал генералу Тутолмину, начальнику Воспитательного дома. У многих жителей луга были лошади, и даже бараны.

Жители луга до того привыкли к своей кочевой жизни и, особенно, к отражению мародеров, что в то время, когда я пришел от Симмера, и еще не все неприятели вышли из Москвы. В это-то время приезжает к нам на луг отряд французских беспардонных, человек тридцать и намеревались произвесть, конечно, грабеж. Наши луговые, по обычаю, все высыпали для встречи незваных гостей.

Только лишь было беспардонные, впрочем, вооруженные в полной амуниции и с полным вооружением на довольно хороших лошадях, только лишь, говорю, начали было придираться к нашим, а те приготовились и стояли кто с дубьем, кто с чем ни попало, как от стороны Калужских ворот показался сперва один русский казак, потом другой, третий, и как будто из земли выскочило их человек более десятка[65]. Сразу явились они лицом к лицу пред беспардонными, те, было, начали строиться стрелять, но наши удальцы мгновенно рассыпались, повисли на стременах под брюхами лошадей, гикнули и влетели в толпу смущенных и оробевших беспардонных, которых всех казаки без выстрела взяли в плен и обезоруженных обратили назад и погнали к Калужским воротам.

Вид в Москве у Калужских ворот 19 (7) октября 1812 г. Гравюра Э. Эммингера и И. В. Баумайстера по рисунку Х. В. Фабера дю Фора. 1812 г.

Мы несказанно обрадовались и не менее беспардонных изумились, увидав впервые еще в Москве казаков со дня занятия ее неприятелем. И мы все тут поверили, увидав собственными глазами и ловкость и отвагу и храбрость наших молодцев-донцов, которых горсть осмелилась в виду и в присутствии еще неприятеля в Москве, ворваться в нее и взять в ней среди белого дня неприятельский регулярный кавалерийский отряд, и какой еще отряд беспардонных, известный всем русским под названием «с лошадиными хвостами»[66]!

Внезапный для всех русских выход неприятеля из Москвы и притом столь поспешный был, конечно, радостен, но все-таки мы все чего-то боялись. Когда ж уже казаки наши, почти по пятам неприятеля вошедшие в Москву, стали нас успокаивать и рассказывать, как они, то есть русское войско, попотчевали короля Мюрата под Пахрою[67], и как оттуда бежал неприятель, то все мы начали ободряться и молить Бога о помощи нашему государю и его храброму воинству.

Здесь мы слушали казаков, не переводя, что называется, дух, о батюшке, как они называли, Михаиле Илларионовиче Кутузове, и мы все плакали и крестились, что самое делали и казаки. И что это за молодцы были, даже нам страшно было на них смотреть! Даже бывшие между их уже старики почти с седыми бородами, и те сидели на своих невзрачных, по-видимому, лошадях молодцы молодцами. Как не бояться после всего этого неприятелю аркана и пики казака! Подлинно, как долго после выхода неприятеля из Москвы, Москва с восторгом вся пела «Ай, донцы, молодцы! Русы, полканы[68]!»

Лишь только выступил из Кремля неприятель, как в него влетели русские изюмские гусары, казаки и ратники и потушили еще не совсем погасшие от дождя фитили, проведенные ко многим минам, устроенным неприятелем, как выше уже я сказал, для обращения его в прах. Во всех местах расставлены были немедленно часовые, а соборы затворены и запечатаны; всем этим распоряжался временно назначенный Кутузовым комендантом Москвы генерал Спиридов.

Мы не утерпели с отцом моим, поспешили в Кремль, и что там видели, того пересказать не могу вполне. Мы взошли в Боровицкие ворота, в которые можно свободно было пройти. Никольские были взорваны и завалены. Спасские заколочены были толстыми бревнами, снаружи которых была устроена батарея. Ров между этой башнею и Никольскою был завален кроме кусков от взрыва Никольской башни разною падалью, мертвыми людьми, всяким хламом и, наконец, кипами канцелярских дел и книгами в богатых и простых переплетах и без оных; словом, это был хаос вещей собранных случайно.

Все площади Кремля завалены были или трупами людей и остовами лошадей, в которых поместились стаи набежавших в Москву в одну ночь собак. Оружейная Палата, вся без исключения, была наполнена пшеницею, овсом и картофелем. То же самое нашли мы и в здании Сената, в котором повсеместно разбросаны были архивные дела, вместе с которыми грудами валялись французские книги в богатых переплетах с редкими гравюрами. В нижнем этаже Грановитой палаты были устроены кухонные печи; в Успенском соборе, в который нам удалось взойди, валялся на полу, в зерне, разный хлеб и овес, и тут же стояли огромные весы, на которых его вешали, и хлебопекарные печи. Пред дверями северными стояли какие-то фигуры, изображавшие рыцарей, так что всякий входящий в собор изумлялся таковой неслыханной на Руси дерзости и неуважения к храму Божию. Я был самовидцем, когда преосвященный Августин, подойдя к северным дверям собора, запертым и запечатанным, приказал растворить их, а певчим запеть: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». В самую эту минуту сказанные фигуры предстали изумленным зрителям, все они невольно крестились и вместе с хором певчих возглашали: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Кто не знает, как сбылось это пророческое слово?

Отец мой, привыкший и во время пребывания неприятеля в Москве, каждый день ходить по Москве, а по выходе его из Москвы его уже нельзя было удержать, хотя мать моя и предоставляла ему, что теперь еще опаснее отлучаться из дому, потому или наши русские могут сделать неприятность, или остальные какие бродяги неприятельские, за которыми некому присмотреть, но отец мой и слушать не хотел. То пойдет проведать дом такого-то ему известного патриота, служившего еще матушке Екатерине Алексеевне II, то вздумает навестить своего какого-либо благодетеля или один лишь его дом, или сослуживца прежнего, или иногда скажет, что идет промышлять съедобное.

В один из таких походов его взял он меня с собою. Идем, приводит он меня в Хамовнические казармы, внутри которых, под нарами, навален был картофель, а в коридорах стояли кадки с посоленною говядиною. Увидав все это, отец мой сказал мне: «Видишь, Леночек, ведь они, разбойники, сбирались зимовать у нас! Да, добро, пускай-ка, теперь пируют там, куда их, говорят, погнали! Да посмотри, братец, это что? Ведь это галки! Ах, проклятые, неужто, впрямь они их ели!» И точно, во многих местах по стенам казарм висели пары по две и более убитых галок!

Мы здесь запаслись картофелем и отправились домой, до солонины не прикасались, она нам показалась не совсем свежею и чистою. Не надо полагать, что в казармах были лишь мы одни, нет, вместе с нами были тут десятки людей, пришедшие из разных уголков Москвы за съедобным. Понравился отцу моему картофель этот, и он нередко хаживал за ним.

Раз, собравшись туда, надел он на себя меховую довольно ценную шапку где-то им добытую во время неприятеля в Москве. Мать моя несколько раз уговаривала идти в той же шляпе, какую всегда носил, так давай, непременно, шапку и будто для того, что на дворе стало

холодно, а, в сущности, хотелось пощеголять! Ушел такой веселенький! Мать мне сказала: «Посмотри, у него отымут шапку!» Что ж, так и случилось. Вот, как отец рассказывал нам об этом: «Я уже возвращался домой и шел не спеша, неся мешок картофеля, как откуда не возьмись полячишка поганый, весь оборванный, набежал на меня, схватил с головы шапку, а мне надел, проклятый, эту дрянную овчинную и убежал от меня! Я, было, за ним, его и след простыл по пожарищам! Случись что, близ меня никого не было, а то бы он у меня дорого поплатился!» Когда он кончил, мать моя пожурила его и отказалась слушаться его впредь. Он сначала посердился, а потом сам сознался, что был пред нею неправ. Иногда бывало время, когда воспоминание о шапке доставляло нам приятный разговор и смех.

Обер-офицер лейб-гвардии Гусарского полка. Художник Краузе. 1810-е гг.

Я забыл, было, сказать, что мы с отцом моим ходили в тот дом, где стоял генерал Симмер, откуда мы взяли спрятанные мною на чердаке шапку Жана, рубашки, которые тоже подарил мне Жан, чай и другие кой-какие неважные вещи, которых за давностию времени теперь не упомню. Из дому мы ходили в церковь Святого Николая Чудотворца, что в Хамовниках[69], которою нашли заваленною разными съестными припасами, как-то: овсом, картофелем, сеном и нечистотою. По признакам здесь даже помещались не одни люди, но и лошади.

Жить в бане становилось невозможно от холодов, которые вдруг за выходом неприятеля из Москвы начали постепенно увеличиваться; к тому ж мы почти остались одни в ней: на лугу же жившие люди тоже почти все разбрелись, кто куда знал. Все это заставило нас помышлять об изыскании более прочной квартиры. У матери моей был двоюродный брат, который был в какой-то части брандмейстером[70]. Мы узнали, что он семейство свое приютил где-то в слободке, что под Андреевским[71], который, как казалось нам сначала, рад был дать нам уголок. Вот мы и переселились с Орловского луга, из бани, в какое-то довольно немалое деревянное одноэтажное жилое строение, уже несколько старое, но еще удобное для жилища.

Мы здесь нашли не одно только семейство дяди, но и других, однако, нам вовсе незнакомых людей, которые все тоже пострадали от неприятеля: одни лишились домов своих и всего своего имущества накопленного ими и предками их в течение многих десятков лет, а другие — лишь одного имущества. Но все они поистине достойны были жалости — у них не было не только теплой одежды и обуви, но даже пищи необходимой для существования.

Многие из этих несчастных были с детьми всех юных возрастов, глядя на которых никакое сердце, как бы оно не было равнодушно к несчастию ближнего, не могло бы тут не изъявить хоть одним лишь вздохом, но все-таки участие — до того положение этих собратий наших, москвичей, было неизъяснимо горестно. И тем более это раздирало сердце, что не было у нас возможности помочь им вполне, хотя родители мои и делились с ними, чем могли. Как в таковых случаях не вспомнить изречение одного сердца, проникнутого искреннею любовью к ближнему, которое, взирая с соболезнованием на бедствие ближнего и имеющее в своем распоряжении лишь одно стремление и желание помочь страждущему, взывает в отчаянии и в слезах: «Ах, бедное создание! Да просветит меня Господь, да внушит мне, человеку слабому и лишенному всех средств, как помочь тебе, как разрушить твое несчастие!» Не правда ли, что эти слова достойно для поучения смертных на всех видных местах вырезать на мраморе и покрыть драгоценными камнями! Если бы все мы так думали и так молили Господа о благополучии ближнего, то на земле бы воссиял снова потерянный человеком рай! Тем же, которые стали отвергать таковое изречение, я бы ответил тоже словами мудрого: «На челе твоем, нечестивый, возлежит гордыня, и уста твоя глаголют тщетная!» Но довольно об этом, обращаюсь к окончанию продолжением моего рассказа о тех событиях, в которых я был и участником и самовидцем.

Дядя брандмейстер, к удивлению нашему, не только заботился об нас, но еще вздумал, было, требовать от нас и пищи и вещей, говоря, что теперь таковое время, в которое никто не может ни делиться, ни считать что-либо своею собственностью. Мы кое-как могли с ним уладить, как начали к нам, то есть ко всем жившим в доме, являться и, притом, нередко, какие-то стран-

ствующие люди, игравшие по праву сильного роли неприятельских мародеров, которые уже не на шутку надоедали нам своими посещениями и своими наглыми поступками, для избегания которых, кто, что мог, отдавал им, одни — с бранью, другие — с дракою, а более скромные — со слезами и поклонами. В числе этих образовавшихся мародеров видны были люди, звание которых должно бы их удерживать, но таков уж человек! К тому ж, самое и их положение, и бывшая тогда в Москве безурядица, предоставляло им свободно и безнаказанно так поступать! Но вступившие в Москву летучие наши войска, а за ними постепенно восстанавливаемый повсюду законный порядок прекратил скоро таковые проделки, и мы все вздохнули свободно и благодарили Бога и благословляли благодетельное правление царя, за которого все мы со слезами и на коленях молили Господа.

Живши под Андреевским, мы с отцом должны были промышлять себе пищу, которая состояла из картофеля, пареной капусты или брюквы, за которыми мы с ним ежедневно отправлялись на огороды, близ нас бывшие. Раз иду я чрез известный сад, именовавшийся тогда «Нескучный»[72]. Я встретил там толпу наших мужиков, и чем бы, вы думали, они тогда занимались? Они привели туда несколько пленных неприятелей, конечно, отставших или бежавших от армий, привязывали этих несчастных к деревьям и расстреливали. Горе было тому, кто бы вздумал вступиться за бедных дезертиров-неприятелей! Да меня это не удивило! Я знал, что в самой Москве еще во время пребывания в ней неприятеля, русские не только истребляли неприятеля в ней всякими средствами, убивали, где только могли и чем ни попало, кидали в колодези, в глубокие обгорелые подвалы, в ретирады, но даже, сказывали нам самовидцы, что они видели, как там-то погребли заживо столько-то неприятелей. Ко всему этому все уже привыкли и никто не считал тогда, что это походило на варварство — все оправдывали такие поступки и считали их правом уничтожать, как бы не было, неприятеля, который, надо правду сказать, своими явными для всех русских делами, восстановил или лучше ожесточил противу себя, от мала до велика. И уже, добро бы, одни наши мужчины действовали, так, нет, им не уступали в этом и самые женщины-героини, а таковых баб, бабелин[73], была не одна и десяток, а, может быть, сотни, если считать по всему протяжению, где только шел и был в России неприятель, который тогда у всех русских слыл за басурманина.

Отыскивая для пропитания своего пищу, мы вслед за другими открыли, что у Калужских ворот уже давно, если не на другой же день по выходе из Москвы неприятеля, существует рынок, где мы с отцом нашли несколько возов и едва не с горячими еще калачами и пирогами, разумеется, деревенскими, которые, как тогда нам говорили, привезены были из Калужской губернии. И не мудрено, крестьяне и другой русский люд как будто знали, когда выйдет из Москвы неприятель, они почти по пятам его влетели в столицу во все его заставы, в которые он не выходил, разумеется, и навезли в Москву всякого съедобного! Были случаи, при которых я был самовидцем, что уже в холодное время раскрывал мужик воз с калачами или пирогами, от которых еще шел пар — до того они были горячи и до того спешили их печь и доставить в Москву! Заметьте при этом, что тогда все цены были до изумления малы в отношении нынешних, но за всем тем мужички-промышленники не уезжали из Москвы без барышей; иначе, зачем бы им было по нескольку раз на неделе приезжать с товаром в Москву, с которым они нигде и часу не стояли, так велика была нужда москвичей во всем, что касалось до съедобного, а также и до одежды, которой тоже навозилось премного.

На этих рынках, кроме принадлежностей до стола, одежды и обуви, продавалось вино из небольших бочонков или просто из штофов, которые носились тайком, тоже за пазухою, и продавалось стаканчиками. Оно было чересчур дешево, штоф едва ли стоил рубль меди или несколько более, потому что оно добывалось даром на винном казенном дворе и за таковою дешевою им торговлею те, кои этим промышляли, говорят, получали порядочный барыш, а за потребителями ходить не стать было.

Таковая штофная тайная продажа вина очень долго продолжалась; тогда уже, когда все лавки в городе были или заняты или приготовлялись к торговле, и только бдительность правительства прекратила это вкравшиеся зло. Вы идете в городе, например, по Ножевой линии и думаете о том, как и что вам купить, стараясь вернуться поскорей домой, ибо на дворе мороз так и захватывает дух. Вокруг вас только и слышна стукотня обмерзших ног и рукавиц, как вдруг к вам подходит человек не совсем одетый и тихим голосом предлагает вам живительной влаги. Вы не понимаете, в чем дело, он делает вам знак, приводит вас в ближайшую обгорелую лавку и прячется там с вами за столп, где и объясняет в чем дело. Если вы добры, то из жалости не побраните его, а если вы, на его счастие, проголодались и устали, то он, наверное, предложит выкушать и еще стаканчик, а закуска в городе всегда к вашим услугам и особенно пятницкие и подовые[74] пироги, ветчина, которых обойди весь свет и не найдешь им подобных! Тогда эти вещи много лучше были нынешних, ссылаюсь в том на моих современников, а пятницкие и подовые пироги и ветчина едва ли не первые явились в городе после выступления из Москвы неприятеля. Вино же в то время, с которым я еще тогда хотя и не был знаком, но слыхал от стариков и тех, кто его употреблял, было больно хорошо! Его, говорили мне, небогатые люди пивали с чаем вместо водки. Впоследствии времени, узнав его вкус и крепость, и я тоже могу сказать, что тогдашнего времени вино, то есть пенное, на примере хоть в 1820-х годах много было лучше нынешнего, продавалось же оно, как то я помню,

потому, что отец мой посылывал меня за ним, по 8 руб. ассигнациями за ведро по 8-ми штофов мерою.

Разговорился я об вине, так уж, кстати, прибавлю об нем мое замечание: до неприятеля и после него лет едва ли не 20-ть, молодой народ или вовсе не пил или пил, но скрыто, и никогда — при старших или с ними. Об уродах говорить нечего, они во всякое время и везде водятся! Вино пили более на праздниках, и редко не увидишь валяющегося или валяющихся по улице, и это не думайте, чтобы более от пьянства или жадности, ничуть не бывало: человек не пьет месяц, два и, выпив с приятелем стакан другой, тотчас охмелеет и от отвычки, и от крепости вина. Пьяниц поэтому было менее.

Ныне совсем другое стало: молодые люди пьют почти все, пьют при старших, пьют с ними, напиваются до невозможности, перепивая стариков, пьют его теперь все без исключения и притом ежедневно, не дожидаясь праздника, пьют, когда только есть денежка в кармане, пьют даже в изумительной пропорции, а на улицах, во время даже больших праздников и гульбищ, редко когда увидишь валяющегося и то, может, такого, который уже или чересчур выпил, или пил вино и вместе пиво, что, разумеется, у него произвело сильное в голове брожение и лишило его чувств.

Цены вина по обстоятельствам неимоверны против прежних, между тем, пьют вино все, не дожидаясь праздников, и бедный, и богатый, и работавший, и не работавший; ругают его, а пьют! Что ж всему этому за причина, вот задача для меня?! Неужели плоды просвещения, не думаю! И вот еще задача для меня: отчего прежнее вино можно, или пили его с чаем, а нынешнее для обоняния не только не пьющих его, но и пьющих, подчас делается нестерпимым. А, между тем, у нас и та же вода в реках, и тот же хлеб родится, как и прежде — что же делает вино, не говорю уже, многоценным, почти ровным с виноградным недорогим, но что делает вкус его неприятным!..

Винный казенный двор еще пред самым входом неприятеля в Москву едва ли не за сутки представлял из себя уже совершенный хаос, но этот хаос увеличивался по мере удаления из Москвы правительства, и во все время пребывания в Москве неприятеля не только что уменьшался, а увеличивался, и сделался до неимоверности обширным: неприятели, если и приходили или заглядывали в винный двор, то не для добывания вина — они до него не были охотники, и если некоторые из них по нужде и пили его, то, как уверяли меня многие, всегда кладя в рюмку или стакан огромное количество сахару. Нет, они туда ходили для обирания пьяных русских, которые или без чувств валялись между пустых и полных бочек, или лежали уже мертвыми.

Добыча вина, до пожара винного двора и после пожара, какое могло уцелеть, составляла в тогдашнее время немалую важность. Положим, достать вина в ведре или в стеклянной посуде, и можно было по огромности бывшего его запаса, но не только принести его домой, но вынести его из двора было настоящий геройский подвиг. Всякий, пришедший на винный двор, желал добыть вина и, разумеется, всякий в таком случае не разбирал средств, как добыть вина, только бы добыть, и иногда и не для одного лишь себя, или только для пьянства!

Положим, что таких случаев было мало, но все-таки они были, и, даже допустим, что должны быть, следовательно, если удастся — принес вино и такое, которое отнято было из рук другого, на это никто не обращал внимание! Вот тут-то и был хаос: кричали, ругались, защищались, один у другого или отнимал вино или не давал ему цедить из бочки, причем, дны или обручи их летели от одного взмаха каким либо орудием, попавшим под руки или с намерением им заранее заготовленным, бочки иногда плавали в потоках вина! Такие картины самоуправства видны были и во время пожара, когда уже горело вино. Они, то есть эти проделки, нередко оканчивались или частною или общею дракою, разнимать которых не было никого, да и никто бы на это не решился, сами мародеры спешили укрываться, они очень понимали, что тут и их не поберегут. Я все это слыхал от самовидцев и участников, которых очень легко можно было признать сразу, ибо знаки их храбрости долго оставались на их наружности.

Дядя мой брандмейстер по приказанию начальства заведовал свозом мертвых тел на Введенские горы[75]. Раз вздумалось ему взять меня с собою. Все собранные и еще свозимые туда человеческие трупы были замерзшими до того, что они стучали как льдины. Мы приехали за Введенские горы, где этих несчастных для предупреждения заразы велено было сожигать на кострах. Когда эти последние запылали, я не мог долее тут оставаться и убежал в полном смысле в Москву, и дядя уже догнал меня в Лефортове.

Я помню, однако, что трупов было русских не только мало, по крайней мере, при мне, что их насчитал я едва ли четыре-пять; все же прочие были неприятельские. Из русских был замечательный труп — огромного роста плечистый малый с небольшою бородою, очень красивого лица. На нем был крест медный на черном толстом шнурке и красная крестьянская рубашка, вся изодранная. У него была разрублена голова. Когда его подняли, то фурманщики[76], смеясь, сказали: «Вишь, как его, бедного, хватили разбойники, да уже и он недаром им, верно, достался!» За этим парнем следовал казак, простреляный несколькими пулями. Трупы же неприятельские почти все или очень многие лишились жизни от насильственной смерти, редкий из них не был окровавлен или имел рану.

Фурманщики, осматривая по-своему, каждому читали свои импровизированные панегирики, которые, каюсь, смешили меня до слез. Даже сам командир их, дядя мой, смеялся с ними, отбросив в сторону субординацию. Конечно, фурманщики делали это без злобы, а ради одного развлечения в своей очень незавидной работе, в душе же они были более жалостливы, нежели

мстительны, да и что могли они сделать бездушным трупам, они, кажется, понимали, что все эти несчастные пришли к ним не по доброй своей воле. Я это потому говорю, что слышал точь-в-точь такой разговор между фурманщиками и работниками с ними бывшими, что мне очень нравилось кроме слов их, которыми они опять без злобы, уничтожали неприятелей, называя их бусурманами и нехристями, они даже что-то упоминали им об Наполеоне.

Но, когда запылали костры, и я за бегством от этой страшной и вместе печальной картины, бежал не останавливаясь. Все это долго занимало меня, и много ночей провел я без сна, покуда воображение мое об трупах и кострах не угасло и не изгладилось навсегда, чему способствовала случившаяся со мною болезнь, которую я получил от сильнейшей простуды, от которой избавил меня Бог без всякого последствия.

Живя под Андреевским, мы терпели такие лишения, которых не могу вполне передать одним словом. Мы здесь нуждались более, нежели во время пребывания в Москве неприятеля, к тому ж болезнь моя сильно огорчала моих родителей, которые даже опасались за мою жизнь. У них не только не было средств лечить меня, но даже уже доходили они без моей помощи, что у них не доставало пищи! Но Бог, пекущий об всех призывающих Его имя с верою упованием, неожиданно послал к ним помощь.

Мать моя задолго еще до неприятеля выручила одну ей знакомую подмосковную крестьянку, и именно с Перервы[77], дав ей в ссуду около 250 ли 300 рублей на такую ей надобность притом, которая очень была важна для ее семейства. Крестьянка, во время неприятеля в Москве, как она объясняла моей матери, только и думала, где-то теперь моя благодетельница, и, когда узнала чрез своих мужиков, которые как-то проведали, что мы живем под Андреевским, что очень было легко им узнать, потому, что с нами жившие тоже хаживали к Калужским воротам, куда с Перервы привозили разные овощи. Вот баба перервинская, как приведение, предстала пред убитою горестью матерью моею, и от радости обе забыли, как и где они встретились. Эта-то крестьянка не только что привезла нам разных своих продуктов, но еще отдала матери свой долг, конечно, не весь, потому что сама была в крайности. За всем тем, не поступила ли она благородно и примерно для многих? Мать моя дала ей деньги без всякой расписки и без всяких процентов! Крестьянка, конечно, не могла бы от долгу отказаться, но в такое время, когда всякий лишь об себе думал, при том же и на ее долю досталось от неприятеля порядком, то кто бы стал и взыскивать с нее, тем более, мать моя и по кроткости своего характера и доброте сердца и особенно с этой своей давней знакомой.

Не обижая памяти этой крестьянской женщины, которая по всему, как видно было, не хотела быть неблагодарною и нечестною пред моею матерью, в чем последняя была совершенно уверена, но все мы в явлении к нам под Андреевское этой замечательной женщины и, притом, в минуту ужасного, невыносимого положения, осмеливались видеть явный знак милосердия к нам Бога. После перервинская женщина не только уплатила весь свой долг, но снабжала нас в виде процентов своею перервинскою овощною провизией, хотя мать моя с нею за то и ссорилась. Мать моя до того любила эту женщину, что иногда езжала к ней в гости на Перерву, где и я бывал, и рассказам о XII-м годе не было конца, как точно моим, если бы я на этом не остановился, потому, что и сам устал и наскучил тебе.

Примечания

[1] Храм Николая Чудотворца в Кобыльском (1727—1736), заказчик купец Г. Мушников, находился в черте Камер-коллежского вала, ныне ул. Земляной вал, снесен в 1930 г.

[2] Храм Св. Пророка Илии Обыденного (1702—1706), один из известнейших храмов Москвы, возведен в 1592 г. на Остожье за один день, «обыдень», расположен во 2-м Обыденском пер.

[3] Русские войска покинули Смоленск в ночь на 6 (18) августа 1812 г.

[4] Городская «Шестигласная» дума — распорядительный орган городского самоуправления. Создана на основе «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи», утвержденной Екатериной II в 1785 г. Являлась исполнительным органом городской думы. Состояла из городского головы и шести гласных от 6 разрядов городского населения (1-й — «настоящие городские обыватели» — владельцы недвижимости; 2-ой — купцы 3-х гильдий; 3-й — цеховые ремесленники; 4-й — иногородние и иностранные «гости»; 5-й — именитые граждане; 6-й — посадские), избиравшихся на 3 года. Наблюдала за общественным порядком в торговых местах, постройкой и сохранением городских зданий, улиц и площадей, сборами и расходованием городских средств, а также улаживала споры и разногласия между гильдиями. В 1862 г. «Шестигласная» дума была заменена Всесословной городской думой. В собрании ОПИ ГИМ есть копия диплома на орден Св. Владимира IV степени от 5 ноября 1835 г. титулярному советнику помощнику столоначальника Московской городской думы А. Д. Гамбурцеву «в воздаяние ревностной и усердной службы, продолженной 35 лет в классах беспорочно» (Ф. 1. Ед. хр. 217. Л. 2).

[5] Анна Алексеевна Гамбурцева (1800—?), жила с родителями А. Д. и А. М. Гамбурцевыми и братом А. А. Гамбурцевым в приходе церкви Николая Стрелецкого у Боровицких ворот в 20-е гг. XIX в. (ЦГАМ, ф. 203, оп. 747, д. 1030, л. 134).

[6] Здесь и далее, очевидно, описка — память изменила А. А. Гамбурцеву. Скорее всего, имеется в виду призыв графа Ф. В. Ростопчина к «православным москвичам» дать сражение неприятелю за Пресненской заставой в районе современной Трехгорки. Подобную ошибку невольно делали и авторы других воспоминаний (см., например, мемуары А. Д. Бестужева-Рюмина) — слишком ярко запечатлелся в памяти москвичей тот факт, что после Бородинского сражения район Поклонной

горы рассматривался как возможная позиция для сражения на подступах к столице.

[7] Придел Св. Мученика Уара находился в церкви Рождества Иоанна Предтечи под Бором в Кремле. Это первый московский храм, был построен на Боровицком холме на месте языческого капища. Первоначальная деревянная церковь неоднократно перестраивалась и окончательный вид приобрела в 1509 г., когда архитектор Алевиз Фрязин выстроил новый каменный храм. Придел Св. Уара был освещен в 1583 г. в честь рождения у царя Иоанна Грозного его последнего сына Дмитрия, которое пришлось на день памяти этого святого. Придел Св. Уара был очень популярен у москвичей, с ним был связан старинный московский обычай, доживший до XIX столетия: приносить больных младенцев и малолетних детей в дни их рождения в этот храм и служить заздравный молебен за их исцеление. Поэтому москвичи и саму Предтеченскую церковь называли Уаровской. После разборки церкви Рождества Иоанна Предтечи под Бором в 1847 г. придел Св. Уара был перенесен в Архангельский собор Кремля.

[8] Корпия (позднелат. *carpia* от лат. *carpo* — вырываю, щиплю) — перевязочный материал, состоящий из нитей расщипанной хлопковой или льняной ветоши.

[9] В XVIII — нач. XIX вв. за Каменным мостом вдоль берега р. Москвы в Пречистенской части располагался рынок, где продавали лес и пиломатериалы. Это отразилось в названии Лесного переулка.

[10] Крошенка — плоская плетеная корзина с крышкой для перевозки кур и другой домашней птицы.

[11] По сведениям Д. Г. Целорунго в Бородинском сражении принимали участие три офицера с фамилией «Сумароков»: Сумароков Л. Л. — подпоручик 2-й Артиллерийской бригады, Сумароков (Самороков) — поручик Брестского пехотного полка и Сумароков — подпоручик лейб-гвардии Артиллерийской бригады (*Целорунго Д. Г.* Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения. М., 2002. С. 320—321). Представляет интерес вопрос о личности капитана Перовского. Как известно, фамилию Перовских носили побочные дети графа Алексея Кирилловича Разумовского от мещанки М. М. Соболевской. Трое из его сыновей Перовских были участниками войны 1812 г. Лев Алексеевич Перовский 1-й (1792—1856) начал войну прапорщиком, находился при Главной квартире Большой армии; за отличие при Бородине получил чин подпоручика 31 октября 1812 г. Сведений о том, что он был ранен во время Бородинского сражения и затем находился в Москве, не обнаружено. Позднее Л. А. Перовский участвовал в сражениях под Малоярославцем, Вязьмой, Красным; принял участие в заграничных походах русской армии, отличился при Люценском, Бауценском, Лейпцигском сражениях, при взятии Парижа. Войну закончил штабс-капитаном. Василий Алексеевич Петровский 2-й (1795—1857) начал военную карьеру в 1811 г. колонновожатым; был ранен под Бородино (ему пулей оторвало указательный палец на левой руке). 2 сентября 1812 г. при отступлении русских войск из Москвы В. А. Перовский с двумя казаками по чистой случайности был задержан французами во время перемирия и оказался в плену. История его злоключений легла в основу некогда популярного романа Г. П. Данилевского «Сожженная Москва». Очевидно, что и В. А. Перовский не является героем воспоминаний Гамбурцева. Третий из братьев Перовских, Алексей Алексеевич (1787—1836) известен как писатель Антоний Погорельский. Вопреки воле отца в 1812 г. он поступил на военную службу, в чине штаб-ротмистра 3-го Украинского казачьего полка участвовал в партизанских действиях; в октябре 1812 г. сражался также при Тарутине, Лосицах; в 1813 г. участвовал в боях при Морунгене, Дрездене и Кульме. Данных о том, что он, раненый, находился в оккупированной французами Москве нет. Очевидно, Гамбурцев допустил неточность, исказив фамилию одного из офицеров.

[12] Французские войска начали входить в Москву в понедельник 2 (14) сентября 1812 г. в 16 часов.

[13] Фризовая шинель — верхняя форменная одежда нижних военных и гражданских чинов из грубой шерстяной ткани с ворсом.

[14] Бекешь — долгополый кафтан или сюртук на меху или вате.

[15] Тумаковый мех — здесь подкрашенный мех зайца.

[16] Иготь, иготы (мн. число) — ручная металлическая или каменная ступка.

[17] Так называемый русский безмен — металлический стержень с постоянным грузом на одном конце и крючком для взвешивания предмета на другом.

[18] Штоф — русская мера емкости жидких тел равная 1,23 литра, а также четырехгранная бутыль с коротким горлышком и рельефным изображением двуглавого орла на стенке.

[19] Накануне вступления французов в Москву 1 (13) сентября 1812 г. московский главнокомандующий граф Ф. В. Ростопчин приказал уничтожить расположенные в разных районах города склады военного имущества, продовольствия и фуража, которые не удалось эвакуировать: запасы вооружения и боеприпасов в кремлевском Арсенале, у Никольских ворот Китай-города, у Сухаревой башни, у Симонова монастыря, у Красного пруда, лес и пиломатериалы в Пречистенской и Басманной частях и др. Всего на этих складах находилось около 20 тысяч пудов пороха, 1,6 миллионов патронов, 27 тысяч артиллерийских снарядов, 156 орудий (в том числе трофейные и устаревших систем), 40 тысяч единиц стрелкового оружия, 80 тысяч единиц холодного оружия. Запасы провианта и снаряжения оценивались в 2,5 млн. руб.

[20] Слива озимая — старинный русский сорт народной селекции поздносозревающей сливы.

[21] Полуштоф — бутыль объемом 0,6 литра жидкости.

[22] Зачатьевский монастырь — один из древнейших женских монастырей Москвы, основан Св. Алексием Московским и всея Руси митрополитом. Впервые упоминается в 1360 г. Был упразднен в 1927 г., возобновлен в 1995 г. Расположен между улицей Остоженка и Москвой-рекой.

[23] Фартук дрожек — покрывало из кожи или ткани на ноги в экипаже, защищающее седока от дорожной пыли.

[24] Согласно библиографическому указателю В. С. Сопикова «Опыт российской библиографии» (Ч. 1—5, 1813—1821) в России в кон. XVIII — нач. XIX в. были изданы следующие книги о жизни и деятельности Петра Великого: Описание (сокращенное) жизни Петра Великого, императора всея России. Пер. с фр. В. Вороблевского. СПб., 1771; Сказания (достопамятные и любопытные) о императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца Отечества, собранные в течении 35 лет Яковом Штелином. Пер. с немец. Тимофей Кирьяк. СПб., 1786; Описание (краткое) жизни и славных дел Петра Великого. СПб., 1788; Описание (краткое) славных и достопамятных дел императора Петра Великого, Его знаменитых побед и путешествий в разные европейские государства, со многими важными и любопытства достойными происшествиями, представленное разговорами в царстве мертвых. Соч. Петра Крекшина. М., 1788, 1792, 1794; Описание (полное) деяний Государя императора Петра Вели-

кого. Соч. Ф. Туманского. Ч. I с портретами. СПб., 1788; Сказание о рождении, воспитании и наречении на царский престол государя Петра Великого с присовокуплением его жизни. Соч. В. Вороблевского М., 1795. О сподвижнике Петра Первого Франце Лефорте и выдающемся полководце генералиссимусе А. В. Суворове любители отечественной истории могли узнать из книг: Изображение (историческое) жизни и всех дел Франца Яковлевича Лефорта, первого любимца Петра Великого и генерала Гордона. Соч. И. Голикова. М., 1800; Житие Франца Яковлевича Лефорта, первого любимца Петра Великого. Пер. с фр. Ив. Виноградова. СПб., 1802; Жизнь и военные деяния Генералиссимуса князя Суворова-Рымникского. Соч. б. Вульпиуса. М., 1802; Суворов и казаки в Италии с присовокуплением краткого описания его жизни, деяний, характеристики и анекдотов из жизни Суворова, краткие известия о казаках. Соч. Вольпиуса. Пер. с нем. С картинками. М., 1802; Победы князя Италийского, графа А. В. Суворова-Рымникского или жизнь его и военные деяния, с присовокуплением некоторых писем и анекдотов. 6 ч. с планами и портретом его. М., 1809—1810. Об английском мореплавателе Джеймсе Куке и его кругосветных путешествиях можно было узнать из книг: Путешествие (последнее) около света капитана Кука. Пер. с фр. СПб., 1786, 1788, 1792; Описание (подробное и достоверное) жизни и всех путешествий англинского мореходца капитана Кука. Пер. с фр. Тимофей Можайский. 2 ч. С его портретом. СПб., 1790; Путешествие в Южной половине земного шара и вокруг оного, учиненное в продолжении 1772, 1773, 1774 и 1775 годов английскими королевскими судами «Резолюциею» и «Авантюром» под начальством капитана Якова Кука. Перевел с фр. Логин Голенищев-Кутузов. 6 ч. СПб., 1796—1800. Роман Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» неоднократно издавался в России во 2-ой пол. XVIII — нач. XIX в. Сопиков приводит три издания в переводе с французского известного переводчика Якова Трусова (Жизнь и приключения Робинзона Крузо, природного англичанина. Соч. Д. Фое. СПб., 1762—1764, 1775, 1787) — Популярны были в России и немецкие переводы с английского оригинала этого романа, сделанные известным немецким детским писателем, педагогом, издателем и домашним учителем братьев В. и А. Гумбольдт Иоганном Генрихом Кампе (Робинзон Крузе (новый) или похождение славного англинского мореходца. В 8 частях. М., 1781; Робинзонова колония, продолжение Кампиева Робинзона, книга занимательная для детей. М., 1811), которые представляли собой вольный пересказ и адаптацию для юношества знаменитого романа Д. Дефо.

[25] Сажень — русская мера длины, равнялась 2,13 метра.

[26] Желтый сахар — неочищенный, содержащий примесь патоки.

[27] Аршин (от татарск. «локоть») — русская мера длины, равнялась 71 сантиметру. Т. е. героя швырнули почти на 3 метра.

[28] Ледащий — слабосильный, исхудалый, тщедушный, невзрачный.

[29] Крымский мост в 1812 г. находился выше нынешнего на 50 м по течению р. Москвы.

[30] Г. А. Потемкин с 1778 г. был почетным благотворителем Московского Воспитательного дома.

[31] В 1775 г. императрица Екатерина пожаловала графу А. Г. Орлову-Чесменскому (1737—1807) в числе прочих земельных владений в Москве обширный Крымский луг за Москвой-рекой в районе Крымского брода и Крымского моста. Этот луг стал называться Орловским. Ныне — территория Центрального парка культуры и отдыха.

[32] Имеется в виду Первая градская больница, построенная в 1828—1833 гг. архитектором О. И. Бове рядом с уже существовавшей в 1812 г. Голицынской больницей на средства городского управления. В 1919 г. в состав Первой градской больницы была включена бывшая Голицынская больница, а в 1959 г. — Вторая градская больница.

[33] Возможно речь идет о польском дивизионном генерале Станиславе Фишере — начальнике генштаба герцогства Варшавского, который был ранен в Бородинском сражении.

[34] Костер — поленница, сложенные в клетку дрова.

[35] Врезы или каннелюры (от фр. *cannelure*) — архитектурный термин, обозначающий вертикальные желобки на стволе пилястры или колонны.

[36] Паюсная икра — черная икра осетровых пород рыб, предварительно засоленная в горячем крепком соляном растворе, а затем прессованная до состояния плотной массы.

[37] Полуимпериал — здесь российская золотая монета достоинством в 5 рублей, чеканившаяся с 1755 по 1896 гг.

[38] Дышло — в конной упряжке парой — жердь, крепящаяся к передней оси повозки. По сторонам дышла ставились лошади. Дышло крепилось гужами к хомуту и служило для поворота.

[39] Дом Д. М. Полторацкого располагался в усадьбе графа А. Г. Орлова-Чесменского за Калужской заставой (в начале современного Ленинского просп.) и был приобретен с земельным участком у наследников графа за 80 тысяч рублей. Накануне войны 1812 г. он был заново отремонтирован архитектором В. П. Стасовым и представлял собой роскошный дворец, который почти не пострадал от московского пожара. В мае 1814 г. московское дворянство праздновало в нем взятие Парижа русскими войсками. В 1832 г. усадьба Полторацких была приобретена Московским купеческим обществом и в 1835 г. в бывшем дворце было открыто Мещанское училище. Здание неоднократно перестраивалось, расширялось, и в результате его первоначальный облик исказился до неузнаваемости. Ныне в нем располагается Московский государственный горный университет.

[40] Повалишин Андрей Васильевич (1760 (65) — после 1816), генерал-лейтенант, тайный советник, участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., участвовал во взятии Очакова и Бендер. С 1790 г. служил на Кавказе в Астраханском гренадерском полку, в 1796—1797 гг. принимал участие в военной экспедиции в Персию. В 1799 г. был произведен в генерал-майоры, в марте 1800 г. вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. С августа 1800 по 1802 гг. был астраханским губернатором с переименованием в тайные советники. Уволен в отставку в августе 1802 г. с половинным жалованием. По выходе со службы проживал в Москве, во время французской оккупации лишился имущества и документов, среди которых был и указ об отставке. По просьбе его о выдаче ему нового указа состоялось определение Правительствующего Сената от 14 августа 1816 г.

[41] Полянский рынок был образован в 1775 г. и находился на Полянской площади между улицами Большой и Малой Полянками, Бродниковым переулком и Малой Якиманкой. В 1930 г. был упразднен, на его месте было выстроено большое здание школы.

[42] Липовка — специальная тара, кадка из липового дерева для хранения и транспортировки меда. Используется и современными пчеловодами, объем нынешней липовки — от 2 до 5 килограммов. Пуд — старинная мера веса, равнялась 16,38 килограмма.

[43] Алексей Дементьевич Гамбурцев имеет в виду Московский Воспитательный дом.

[44] Московский мор 1771 г. — эпидемия чумы, поразившая Москву в 1771–1772 гг. и унесшая жизни более 130 тысяч человек.

[45] Гусак — потроха из грудной части убойных животных, ливер.

[46] Фурлеты, прав. фурлейты (от немец. *Fuhrleute*) — обозные солдаты.

[47] После 10 сентября 1812 г. французы в числе 3 000 человек заняли половину помещений Воспитательного дома, основательно потеснив находившихся там русских. Так, под лазарет отошло отделение взрослых (после 12 лет) воспитанников, расположенное в левом квадрате комплекса зданий.

[48] Папуша — связка, пук табачных листьев.

[49] Фунт — мера веса, равная 410 граммам.

[50] Ведро — старинная русская мера объема жидкости, равнялась 12,3 литра.

[51] Церковь Св. Иоанна Предтечи, что у Яузского моста, прав. церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи, что в Серебряниках у Яузского моста (1764—1768) (Серебрянический пер.), была известна с начала XVIII в., находилась в слободе «серебряников», т. е. мастеров монетного дела. Возвращена верующим в 1993 г.

[52] Каменский Петр Григорьевич (?) — служил объезжим надзирателем Московского Воспитательного дома. В 1812 г. эвакуировался с воспитанниками в Казань, выполнял обязанности надзирателя за хозяйственной частью на женской половине.

[53] Белую через руку ленту носили служащие, учрежденного в сентябре 1812 г. французскими оккупационными властями так называемого городского муниципалитета.

[54] Гарсон — от фр. *garçon* — мальчик.

[55] Хамовнические казармы построены по проекту М. Ф. Казакова архитектором Л. И. Руска в 1807—1809 гг. на месте полотняной мануфактуры И. П. Тамеса в Хамовной (т. е. ткацкой) слободе. К 1812 г. комплекс состоял из трех корпусов самих казарм, построенных в стиле классицизма с монументальными 8-колонными портиками, Шефского дома, двух каре конюшен и служб, 2-этажного арестантского отделения, плаца и Гауптвахты. Впоследствии этот архитектурный комплекс достраивался новыми зданиями. Летом 1812 г. в Хамовнических казармах формировалось московское ополчение.

[56] Вокаболы, прав. вокабулы (от лат. *vocabulum* — слово) — иностранные слова, выписываемые с переводом для заучивания наизусть.

[57] Здесь пола — откидная доска.

[58] Симмер (Simmer) Франсуа Мартин Валентин (1776—1847) барон, генерал. Вступил в армию добровольцем в 1791 г., служил в Северной (1792—1794), Прибрежной и Швейцарской (1796—1798), вновь Северной (1798—1799) и Батавской армиях (1799—1801). С 1805 г. при Главном штабе Великой армии. В 1808 г. послан в Испанию. В пределы России вступил вместе с Великой армией в составе 1-го корпуса Л. Н. Даву. Участник Бородинского сражения, отличился в боях при Шевардине 24 октября 1812 г., был ранен. Произведен в чин бригадного генерала 27 сентября 1812 г. 5 ноября 1812 г. в битве при Красном под ним погибли три лошади. 15 ноября 1812 г. ранен при переправе через Березину. Командовал 2-ой дивизией I корпуса, 15 декабря 1812 г. перешел в IV корпус Евгения Богарне. Участвовал в кампаниях 1813—1814 гг. в составе XI корпуса под командованием Э. Ж. Макдональда. Вновь поступил на службу к Наполеону во время «Ста дней», сражался при Ватерлоо в чине дивизионного генерала.

[59] Залавок — длинный ящик с крышкой, употребляемый вместо лавки.

[60] Цыбик, цибик — упаковка чая в специальном ящике, весом от 16 до 32 килограммов, а также вообще упаковка, пачка чая определенного веса.

[61] Нанка — дешевая и грубая хлопчатобумажная ткань, желтоватого или серого оттенка, использовалась для пошива верхней одежды бедным населением.

[62] Шлафрок — домашняя одежда типа халата, без пуговиц, с большим запахом, подпоясанная шнуром с кистями, атласная, кашемировая или из других тканей с отделкой.

[63] Императорский дворец в Кремле был возведен в 1749—1759 гг. архитектором В. В. Растрелли в стиле барокко. Он представлял собой Г-образное в плане здание, украшенное пилястрами и резными картушами. В 1797 г. по проекту архитектора Н. А. Львова было осуществлено обновление главного южного фасада дворца, обращенного к Москва-реке: устроен мезонин и портик в центре жилого этажа, а также обновлены интерьеры. Таким Кремлевский дворец оставался к началу 1812 г. Пострадавшее от наполеоновского нашествия здание было восстановлено в 1816 г. архитекторами А. Н. Бакаревым, И. Л. Мироновским и И. Т. Таманским, а в 1817 г. перестроено по проекту архитектора В. П. Стасова в строгих классических формах.

[64] Пашков дом, дом Пашкова — одно из самых знаменитых классицистических зданий Москвы, ныне принадлежит Российской государственной библиотеке. Предположительно построено В. И. Баженовым в 1784—1786 гг. Во время наполеоновского нашествия здание сильно пострадало: были уничтожены завершающий его деревянный бельведер с обходной колоннадой коринфского ордера и вознесенные на антаблемент центрального портика здания огромная скульптурная группа и герб Пашковых. Выгорели полностью и великолепные интерьеры.

[65] Имеется в виду передовой отряд казаков под командованием генерал-майора Василия Дмитриевича Иловайского 12-го (1788—1860), который вошел в Москву 11 октября 1812 г. и занял ее после непродолжительного, но упорного боя у Петровского дворца с оставшимся 1,5 тысячным арьергардом французской армии.

[66] Автор, скорее всего, имеет в виду драгунов.

[67] Очевидно, речь идет о сражении при Спас-Купле 21——22сентября 1812 г. между русскими войсками под командованием генерала М. А. Милорадовича (куда входили и казачьи полки) и французским арьергардом под командованием И. Мюрата.

[68] Полкан — кентавр, получеловек-полуконь, персонаж «Повести о Бове Королевиче» и герой лубочных изданий.

[69] Церковь Николая Чудотворца в Хамовниках, построенная в 1679—1682 гг., один из красивейших московских храмов, сохранился почти без перестроек с момента возведения. Во время Отечественной войны 1812 г. частично был разрушен интерьер здания, восстановлен с заменой внутреннего убранства к 1849 г. Один из немногих московских храмов, никогда не закрывавшихся.

[70] Брандмейстер — начальник пожарной команды при полицейской части в городе, обычно в штаб-офицерском чине.

[71] Имеется в виду Андреевский монастырь, расположенный на берегу реки Москвы у подножия Воробьевых гор. Название получил от церкви мученика Андрея Стратилата, построенной в благодарность за чудесное избавление Москвы от нашествия войск крымского хана Казы-Гирея летом 1591 г. Монастырь был упразднен в 1764 г., его храмы стали приходскими, в 1806 г. в его зданиях разместилась богадельня. Во время эпидемии чумы 1771—1772 гг. на территории монастыря было устроено кладбище для родовитых горожан и насельников московских монастырей.

[72] «Нескучное» — загородная усадьба князей Трубецких на берегу Москва-реки. В середине XVIII в. генерал-поручик князь Н. Ю. Трубецкой устроил здесь «Нескучный увеселительный дом» для приема гостей, в начале XIX столетия в усадебном парке проводились общедоступные праздники и гулянья. С 1796 г. усадьба принадлежала княгине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской (1783—1848). Здесь 21 декабря 1825 г. был арестован ее двоюродный брат — герой 1812 года генерал Михаил Федорович Орлов (1788—1842), один из основателей ранних декабристских обществ. А менее чем через год Николай I купил имение Орловой-Чесменской для своей жены императрицы Марии Федоровны, а Нескучный дворец получил название Александринского (ныне здесь Президиум РАН).

[73] Бабелина (иносказ.) — энергичная, крепкая по натуре женщина. Прообразом стала героиня греческого национально-освободительного движения 1821—1829 гг. Ласкарина Бубулина. Богатая судовладелица, на свои деньги содержала небольшой флот и армию повстанцев, принимала непосредственное участие в боевых действиях на море. На своем корабле «Агамемнон» впервые подняла национальный флаг Греции. Образ героической Бубулины — излюбленный сюжет русских лубков первой половины XIX в.

[74] Подовые пироги — пироги или хлеба, которые пекли в русской печи на поду — глинобитной или кирпичной плоскости под сводом печи, которую использовали после прогорания дров и удаления углей.

[75] Введенские горы (Лефортовский холм), один из «семи холмов» Москвы — возвышенная местность на левом берегу реки Яузы. Представляет собой высокую (до 145 м) надпойменную террасу с крутыми склонами, изрезанную многочисленными оврагами. С северной стороны Введенские горы были ограничены долиной реки Хапиловки, при впадении которой в Яузу находилось село Семеновское. На юге протекал Лефортовский ручей (Синичка), при впадении которого в Яузу находилось село Введенское, рядом с ним знаменитое Немецкое или Иноверческое кладбище, основанное в 1771 г., где хоронили лютеран и католиков. В XIX в. местность слилась с Лефортово.

[76] Фурманщики (от немец. fuhrmann — извозчик) — здесь имеются в виду извозчики, которые использовали фуры — тяжелые грузовые повозки с верхом, затянутым на высоких дугах брезентом или другой тканью, которые в армии применялись для перевозки раненых, продовольствия и проч.

[77] Перерва — одно из древнейших селений на юго-востоке Москвы, слобода Никольского Перервинского монастыря (известен с 1623 г., каменные постройки началась со 2-й пол. XVII в., Никольский собор построен в 1700 г., надвратная церковь — в 1735 г.), расположенная близ обители на левом берегу Москва-реки. Здесь река делает петлю. По Далю «перервой» назывались «промой, проток, прорыв рекой перешейка с покинутием старицы». Возможно, что когда-то Москва-река прорвала перешеек, пошла по новому руслу, но впоследствии вернулась, а за старым местом осталось название «Перерва». С 1960 г. Перерва вошла в черту Москвы, её название сохранилось в названии улицы и бульвара.

Публикация Н. Б. Быстровой

Архиепископ Августин, викарий Московский. Гравюра 1-й четв. XIX в.

Рапорты Московского викария, Епископа Дмитровского Августина в Святейший Синод

Огромную роль в борьбе с наполеоновским нашествием сыграла Русская Православная церковь. К числу наиболее выдающихся ее представителей относится архиепископ викарий Московский Августин, до пострижения Алексей Васильевич Виноградский (1766—1819).

Отец Алексея был священником церкви Димитрия Солунского на Ильинке. Шести лет от роду мальчик лишился матери, а через два года и отца. Заботу о нем взял на себя брат матери. Во время учебы в семинарии при Николо-Перервинском монастыре Алексей Виноградский проявил незаурядные способности в изучении латыни. Он обратил на себя внимание знаменитого митрополита Московского Платона (Левшина), который сыграл особо важную роль в дальнейшей судьбе Виноградского. Алексей был переведен в знаменитую Заиконоспасскую академию, где изучал философию и богословие под руководством известных ученых того времени и иерархов — Афанасия (Иванова) и Аполлоса (Байбакова).

Окончив академию, Виноградский был назначен учителем в семинарию при Троице-Сергиевой лавре, где по совету митрополита Платона стал преподавать по передовой методике известного сербского педагога-просветителя Ф. И. Янковича-де-Мириево. При этом ему было разрешено слушать лекции в Московском университете, с профессорами которого у самого Платона были многолетние дружественные отношения. В 1789 г. Виноградскому был поручен риторический класс. В 1792 г. он принял монашество под именем Августина и был назначен префектом семинарии и преподавателем философии. В 1794 г. Августин был рукоположен в иеродиаконы и иеромонахи. В 1795 г. он был назначен ректором, а в ноябре 1798 г. — архимандритом Можайского Лужецкого монастыря. Во время коронационных торжеств Павла I, при посещении императором Троице-Сергиевой лавры, приветствовал его речью. Платон представил государю ректора семинарии, и Августин получил Высочайшее благоволение за «замеченный во всем порядок».

Через четыре года Августин присутствовал уже при коронации Александра I, который посетил Лавру и семинарию, и также приветствовал его речью. В июле 1801 г.

Августин был назначен настоятелем Московского Богоявленского монастыря, но продолжал жить в Лавре при митрополите Платоне. Уже через полгода, 25 декабря 1801 г., он становится ректором Московской духовной академии и настоятелем Заиконоспасского монастыря.

6 февраля 1804 г. Августин был назначен епископом Дмитровским. Престарелый митрополит Платон поручил ему управление делами всей Московской епархии. Особую известность новый епископ получил как церковный оратор. Он часто импровизировал в своих речах, по словам слушателей, «голос имел звучный и громкий». В 1807 г. Августин произнес в Успенском соборе торжественное «Слово на заключение Тильзитского мира между Россией и Францией». Текст этой речи был поднесен Александру I, и император послал оратору драгоценную панагию в знак монаршего удовлетворения. В 1809 г. Александр I, посетив вновь Москву вместе с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной, был встречен митрополитом Платоном, который отозвался о своем викарии наилучшим образом. В 1811 г. Платон заболел, и всей московской епархией фактически управлял Августин.

Даже граф Ф. В. Ростопчин, весьма скептически отзывавшийся о духовных и светских особах, бывших в Москве при его предшественниках, писал:

> Архиепископ Августин — человек, имевший большие познания в греческом и латинском языках. Он обладал крупным ораторским талантом и одарен был красноречием кротким и приятным… (Москва и двенадцатый год в записках графа Ф. В. Ростопчина // Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников / Сост. В. В. Каллаш. С. 18).

Третий приезд Александра I в Москву состоялся в июле 1812 г., когда наполеоновские войска уже вторглись в Россию и постепенно приближались к древней русской столице. Августин как патриот, проникнутый долгом одушевлять паству и подкреплять голосом веры отчаявшихся, встретил государя на пороге Успенского собора 12 июля 1812 г. Называя монарха «исполином, исходящим на путь бессмертных подвигов и славы», он закончил речь словами: «Государь! Оружием Ты победил тысящи, а благостию — тьмы… С нами Бог, разумейте, языцы…». Растроганный император поручил Августину сочинить «Молитву об изгнании врагов», тогда же напечатанную и прочитанную во всех московских храмах. Александр наградил Августина «за труды и рвение» орденом Александра Невского.

Получив известие о приближении французов к Смоленску, в день чествования иконы Смоленской Божьей Матери (28 июля 1812 г.), Августин произнес в Успенском соборе «Пастырское наставление народу», призывая его встать «на защищение алтарей и мужеством сокрушить силы врага». При отправлении московского ополчения к Бородину викарий напутствовал ратников и окропил их святой водой. «Видя, что у дружин нет знамен, Августин взял из приходской церкви Спаса хоругви: одну — с изображением Николая Чудотворца, а другую — Воскресения Христова, и, отдавая их ополчению, сказал: "Вот вам знамена: защищая их — защитите церковь"».

> Только за день до вступления неприятеля в Москву начался вывоз церковных сокровищ, которые были уже приготовлены к отправлению по распоряжению архиепископа Августина. 31 августа граф Ростопчин прислал 300 подвод, на которых в ту же ночь отправлены были по Ярославской дороге в Вологду Патриаршая ризница и библиотека, ризницы соборов, Троицкой Лавры и некоторых других монастырей, дела консистории и Синодальной конторы (*Попов А. Н.* Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 10. С. 275).

Августин успел убрать ризницы из храмов и предоставил средства духовенству выехать из столицы.

В воскресенье, 1 сентября 1812 года, в Новолетие Господне, Августин совершил литургию в Успенском соборе. По словам современников,

> …собор был полон народа и рыдания. Рыдал и сам преосвященный и сослужившие с ним, когда, складывая антиминс, он сказал: «Скоро ли снова Господь удостоит нас служить в этом храме». После литургии, среди тянувшихся по улицам Москвы обозов, Августин едва проехал на Тверскую, на Саввинское подворье, «но и там его осадили народные толпы, осведомляясь, когда поедет он на Три Горы»? (*Попов А. Н.* Москва в 1812 году. С. 275).

На утренней заре 2 сентября, с иконами Владимирской и Иверской Божьей Матери, взятыми из Успенского собора и Иверской часовни, Августин отправился в Муром. Ему хотелось также спасти драгоценности, оставшиеся в Успенском соборе, святые мощи и чудотворные иконы, но граф Ростопчин не соглашался на это, «чтобы не вызвать уныние в народе». По словам самого Ростопчина, Августин «справедливо опасался, как бы оставшаяся в Москве чернь не вздумала препятствовать отъезду двух покровительниц Москвы, и как бы сам он не подвергся опасности». С этой целью он выделил охрану для сопровождения святынь, «и отъезд совершился быстро и без шума» (Москва в 1812 году и граф Ф. В. Ростопчин // Пожар Москвы 1812 г. М., 1911. С. 77).

Получив известие об освобождении Москвы от неприятеля, 20 октября преосвященный Августин выехал из Мурома, и 31-го числа прибыл в Черкизово — подворье Чудова монастыря. 7 ноября владыка смог переехать в Сретенский монастырь. «В Михайлов день (8 ноября), совершив молебствие, Августин проник ночью в Кремль, с небольшой свитою, ожидая тягостного впечатления поруганной святыни. Преосвященный и бывшие с ним не могли удержаться от рыданий при первом

взгляде на разрушения в Успенском соборе. Не легче было почувствовать и то, что сделали враги в других храмах». Как вспоминала Е. П. Янькова, очевидица этих событий, «когда он вошел в Успенский собор, то запел "Да воскреснет Бог" и потом "Христос Воскресе"; это была…торжественная минута, и все присутствовавшие невольно прослезились» (*Благово Д. Д.* Рассказы бабушки // России верные сыны… Отечественная война 1812 года в русской литературе первой половины XIX века. Т. 1. Л., 1988. С. 329).

Известный некогда драматург и театральный деятель кн. А. А. Шаховской, одним из первых, в качестве начальника Тверского ополчения, вступивший в Москву, вспоминал о богохульстве французов:

> …в алтарь Казанского собора втащена была мертвая лошадь и положена на место выброшенного престола... в Архангельском соборе грязнилось вытекшее из разбитых бочек вино, была набросана рухлядь, выкинутая из дворцов и Оружейной палаты… а большая часть прочих соборов, монастырей и церквей были превращены в гвардейские казармы, ибо кроме гвардии никто не был впускаем при Наполеоне в Кремль. В Чудове монастыре не оставалось раки Святителя Алексея, она была вынесена и спрятана русским благочестием, так же как мощи св. царевича Димитрия… (*Шаховской А. А.* Первые дни в сожженной Москве // Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников / Сост. В. В. Каллаш. М., 1812. С. 99).

Восстановлением православных храмов в должном благолепии и занялся преосвященный. Начал он с того, что водрузил на свои места святые иконы, возвращенные в Москву. Указом Александра I от 28 декабря 1812 года Августину повелели продолжать управление епархией и выделено 350 тыс. руб. на возобновления храмов и духовных училищ.

1 декабря 1812 г. Августин освятил Покровский собор и с ним Китай-город, после молебствия с водосвятием на Лобном месте, произнеся при этом слова: «Вседействующая благодать Божия кроплением воды сея освящает древний благочестивый град сей Богоненавистным в нем пребыванием врага нечестивого, врага Бога и человеков оскверненный…» После водоосвящения крестный ход двинулся по Китай-городу тремя направлениями. Сам Августин шел по Ильинке до Ильинских ворот. Все три ветви крестного хода, обойдя вокруг стен, сошлись у Варварских ворот и оттуда направились к Кремлю. Таким же образом был освящен 12 декабря Белый город.

1 февраля 1813 г. был освящен Архангельский собор, пострадавший меньше других. В день освящения собора в Чудовом монастыре (12 февраля) Августин роздал в помощь наиболее пострадавшим пособия, присланные из Петербурга, от частных благотворителей. 31 марта 1813 г. была вновь открыта родная для Августина Заиконоспасская духовная семинария.

30 августа 1814 г. Августин был возведен в архиепископы, «за оказанные услуги во время вторжения неприятеля Москву и за успешное приведение духовной части в порядок». А к 1816 г. все московские и подмосковные священники вернулись в свои приходы. Последним, из-за особенно сильных повреждений, был открыт Успенский собор. Это произошло 30 августа, в день благоверного Александра Невского. 11 октября 1816 г., в годовщину оставления столицы французами, был совершен общий крестный ход духовенством всех столичных храмов, а 13 октября Августин освятил помещение медицинского факультета в Московском университете. Освящение именно этого факультета было неслучайным, поскольку его деканом был знаменитый московский врач, прославившийся истинно христианским милосердием, М. Я. Мудров — сын бедного провинциального священника, личный друг московского викария.

12 октября 1817 г., по обету Александра I, была произведена торжественная закладка на Воробьевых горах храма Спасителя, и Августин произнес свое слово. Присутствовал владыка и на торжественном открытии памятника Минину и Пожарскому 18 февраля 1818 г. Из рук Августина принял первое причащение святых тайн племянник Александра I — будущий император Александр II, родившийся в Москве 17 апреля 1818 г.

Менее чем через год, 3 марта 1819 г., архиепископ Августин скончался и был погребен в Троице-Сергиевой лавре.

В публикуемых ниже рапортах достаточно подробно описаны пребывание Августина в эвакуации (во Владимире, Муроме, подмосковном Черкизове) и его возвращение в Москву. Еще в Муроме он получил известие от самого М. И. Кутузова о том, что русские отряды отбили у неприятеля похищенное со святых икон православных храмов серебро и прочую драгоценную церковную утварь и даже облачение католических священников из униатской церкви. Через несколько дней Августин получил извещение уже от графа Ростопчина об ужасающей картине, открывшейся при первом осмотре соборов Кремля. 31 октября к викарию Августину приехал священник Успенского собора, сообщивший ему, что

> …собор совершенно неприятелем разграблен… Коснулся он и святительских мощей. Святителя Петра раку открыл, но святые останки его остались в раке; святителя Филиппа раку изломал и мощи выбросил, которые я, подняв, положил на святой престол, который неприятелем обнажен; мощи же святителя Ионы остались неприкосновенными и все в целости. Наконец подорвал колокольню, под которой имеется церковь Иоанна списателя лествицы…

Однако когда сам преосвященный посетил Успенский собор, то убедился, что рака святителя Филиппа, хоть и повреждена, но находится на своем месте и даже

его облачение осталось неповрежденным. «Мощи святителя Петра всегда были сокрыты и запечатаны; но безбожный злодей открыл их. Мы взяли смелость освидетельствовать и их. Нашли в совершенной целости». 9 ноября Августин вместе с архимандритом Симонова монастыря и другими священниками отыскал почти все местные иконы Успенского собора, кроме иконы Иерусалимской Богоматери. «Расколотых икон очень мало, и те исправить весьма удобно». 10 ноября Августин писал, что «служил в Сретенском монастыре и после литургии духовенством, какое собрать мог, с крестным ходом перенес икону Иверской Богоматери в ее часовню».

Августин сообщил Синоду также о состоянии всех московских монастырей после ухода французских войск.

В целом, рапорты епископа Августина, охватывающие период с сентября 1812 по январь 1814 г., представляют большую ценность для характеристики того морального и материального ущерба, который был нанесен оккупационными войсками святыням Русской Православной церкви.

Святейшему Правительствующему Синоду от присутствующаго Московской онаго конторы, Московской митрополии викария Августина, епископа Дмитровского и кавалера рапорт

6-го числа сего сентября имею честь донести Вашему Святейшеству, что, выехав из Москвы, прибыл во Владимир 5 числа, где и остановился.

Но как 7-го числа сего же месяца приказано было всем московским присутственным местам из Владимира отправиться далее, почему и я, сообразуясь с ними, выехал из Владимира 8-го числа и остановился в уездном городе Муроме, где доселе и остаюсь, и по благословению преосвященнаго Владимирского снимаю квартиру в третьеклассном Благовещенском монастыре. Я желал отправиться отсюда в Коломну, в город, принадлежащий московской епархии, но обстоятельства атого еще не дозволяют.

23-го сего же месяца я получил от главнокомандующего всеми армиями господина генерал-фельдмаршала Светлейшего Князя Михайлы Ларионовича Голенищева-Кутузова при отношении ко мне, снятое неприятелем со святых икон серебро и прочую церковную утварь, которая перехвачена нашими партиями и представлена была его светлости вместе с французским курьером, который вез святотатственную добычу оную.

В слитках, которые, как видно, слил неприятель, оказалось серебра с разными металлами смешанного, пуд четырнадцать фунтов. В изломанных окладах, венцах, сосудах, кадилах и других церковных утварях оказалось пуд тринадцать фунтов; выжиги[1], не слитой в крохах, четыре фунта; гасу[2] золотого тридцать аршин; гасу серебряного пятьдесят аршин, бахромы золотой с серебром сорок аршин; двенадцать кистей золотых с серебром и при них семь аршин золотых снурков; позументу золотого и серебряного половинчатого шестьдесят аршин; тесьмы серебряной с золотом до шестидесяти аршин; спорок с риз серебряной материи, ризы парчовые поношенные; воздух[3] большой зеленого бархата шитый золотом, с коего крест сорван, два воздуха малых и третий большой тафтяные, облачены мишурным позументом; спорок с епитрахили серебряной материи; поруча[4] голубого бархата, шитая золотом; поруча парчевая ветхая, орарь[5] серебряной материи ветхой; два полотнища парчи, в каждом меры аршин с четвертью, наконец, облачение священницкое католической церкви из разных шелковых материй, обложенное мишурным позументом, и антиминев[6] из униатской церкви. Так нечестивый галл ругается святыне не только нашей, но и своей, которой чтимым себя нарицает.

Рапортуя о сем Вашему Святейшеству, ожидаю указнаго предписания, куда оное серебро и церковную утварь обратить благоволенье будет. При сем прилагая копию с отношения ко мне Его Светлости князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова.

Вашего святейшества послушный
Августин епископ Дмитровский, московский Викарий
Сентября 25 дня 1812 г. Муром

Копия предписания графа Ф. В. Ростопчина викарию Августину

Преосвященный владыко,
Милостивый Государь мой и Архипастырь!

Вследствие полученного донесения об освобождении Москвы от Врага, Государь Император, за первый долг поставляя водворить в сем граде мир церкви, неправедным орудием потрясенный, и восстановить свободное богослужение, желает, чтобы ваше Преосвященство по предварительному сношению с Главнокомандующим Армиями Генерал-фельдмаршалом Князем Кутузовым не медлили возвратиться в столицу. Присутствие Архиерея, яко духовного вождя, полезно и необходимо. От местного усмотрения вашего зависеть будет избрать себе место пребывания.

По власти Божией спасены соборы и некоторые церкви от разрушения. Государь Император поручает Вашему Преосвященству, уготовав и устроив оные к принесению в них бескровные жертвы, освятить по чиноположению. После сего должно быть крестное хождение по городу, в очищение от всякие скверны иноплеменных. Распоряжению Вашего Преосвященства предоставляется собрать столько духовных, сколько можно будет на первый раз, и снабдить храмы Божии священноцерковнослужителями.

Государь Император надеется, что вы, яко архипастырь, употребите в сем случае возможное попечение о благе церкви и пользе Отечества. Во всяком случае, мо-

жете сноситься с Главнокомандующим армиями, наипаче же с генерал-адьютантом Павлом Васильевичем Голенищевым-Кутузовым, заступающим место барона Винценгероде, и который будет содействовать вам по мере ваших требований.

В заключение я имею честь с моей стороны присоединить к тому искреннее желание, чтобы церковь Христова отныне ограждена была от лукавствий врага, а вас, Преосвященный Владыко, прошу усердно не оставлять меня вашими молитвами и уведомлять почаще о действиях ваших по предмету устроения Божиих храмов и улучшения участи духовных.

Верно:

Августин Епископ Дмитровский

В С.-Петербурге № 953-й

19 октября 1812

**Святейшему Правительствующему Синоду
от присутствующего Московской оного конторы
Московской митрополии викария Августина
рапорт**

Имею честь донести Вашему Святейшеству, что 19-го числа прошедшаго октября получил я отношение от Главнокомандующего Москвою графа Федора Васильевича Ростопчина, которым приглашает меня направить путь к первопрестольному граду, коего жители желают возвращения моего, церкви — освящения, и все истинные христиане — присутствия чудотворных икон. Вследствие чего 20-го числа того же месяца из Мурома, где было мое пребывание, я отправился в предлежащий мне путь и приехал во Владимир 22-го числа.

Во Владимире господин гражданский губернатор Супонин[7] от имени графа Ростопчина объявил мне, чтобы я остановился во Владимире и ожидал от него другого отношения с нарочным. Я ожидал оного пять дней, но, не получив, 27-го числа отправился к Москве, к которой, приближаясь, получил от Его сиятельства отношение следующего содержания: «По приезде моем в Москву узнал я, что при первом обозрении соборов открылось, что все мощи святых угодников вынуты и разбросаны, а у некоторых оторваны члены, в том числе у царевича Димитрия[8] отрублена голова, а Алексия митрополита[9] мощей и совсем нет; о чем третьего дня с отправленным мною курьером я представил Его Императорскому Величеству на разрешение тайно или открытым образом при народе собрать святые мощи и положить в раки. Почему и прошу покорнейше ваше преосвященство остановиться в Богородске и ожидать от меня уведомления». По сему отношению я в Москву еще не выехал, а остановился в загородном Черкизовском доме, принадлежащем Митрополии Московской.

31-го числа прошедшаго октября явившись ко мне Успенского собора сакелларий[10] протоиерей Александр подал рапорт следующего содержания: «Как только услышал я, что неприятель 11 числа сего месяца очистил Кремль, тот же час поутру же и пошел в собор, уведя с собою кладбищенскаго, что на Ваганькове, священника и портного, жившего со мною, Матвея Жукова. По входе моем в собор, нашел я немало черного народа, которого с нуждою выгнав, запер собор своим замком.

На другой день по требованию господ генералов Иловайского и Бенкендорфа ходил я также с помянутым портным за неимением при мне сторожей, не зная, где кто и живет. Ожидая их, сколько мог при сем случае, усмотрел я, что собор совершенно неприятелем разграблен. Не только оборвал он со всех святых икон, не оставляя и верхние, оклады в иконостасах со всеми украшениями, но и самыя местные, и около передних столпов большие иконы, древностию своею доселе прославлявшиеся, похитил или истребил, оставя одни пустые места. Ковчеги с частями разных святых мощей, три сосуда каждодневно употребляемые, два креста серебряные, подсвечники выносные и малые, лампады, большое паникадило, кадила, блюды и ковши, также всегда употребляемые, также похитил. Не оставил никакой утвари как то: евангелиев, риз, стихарей, подризников и прочих вещей, потребных к священнослужению, равно напрестольных, жертвенничных и налойных одежд, пелен, покровов, что все истребил или сжег, как свидетельствует найденный в соборе на полу бывшим со мною помянутым Жуковым небольшой сверток выжиги. Драгоценные же ризничные вещи, состоящие в золоте каменья, жемчуг и много разных серебряных утварей отправлены на Вологду с патриаршею ризницею. Коснулся и святительских мощей. Святителя Петра[11] раку открыл, но святые останки его остались в раке; святителя Филиппа раку изломал и мощи выбросил, которые я, подняв, положил на святой престол, который неприятелем обнажен; мощи же святителя Ионы[12] остались неприкосновенными и все в целости. Наконец подорвал колокольню, под которой имеется церковь Иоанна списателя лествицы, но и тот поврежден, отчего все оконницы выбиты. По выходе уже помянутых генералов паки запер я собор и просил, чтобы к дверям поставлен был караул, который и поставлен. И я более в Успенский собор не входил, потому что в Кремль никого не впускали».

Когда мне открыт будет Кремль и соборы, то лично освидетельствовав соборы, монастыри в нем находящиеся, не умедлю сделать подробное о всем донесение Вашему святейшеству, так же о всех монастырях, соборах и церквах, на Москве состоящих, собрав, от кого мне будут надлежащие подробные сведения, в каком они остались состоянии после неприятеля.

Вашего святейшества
Послушный
Августин Епископ Дмитровский
Московский Викарий

Святейшему Правительствующему Синоду
От присутствующего Московской оного конторы Московской митрополии викария Августина, Епископа Дмитриевского и кавалера.
рапорт

6-го числа сего месяца я имел честь получить отношение Его сиятельства господина синодального обер-прокурора, тайного советника, Государственного Совета члена, его Императорского Величества статс-секретаря, действительного камергера, комиссии Духовных училищ члена и разных орденов кавалера, князя Александр Николаевича Голицына[13] от 19 числа прошедшего октября за номером 953 с изображением высочайшей Его Императорского Величества воли следующего содержания: «Вследствие полученного донесения об освобождении Москвы от врага, Государь Император, за первый долг, поставляя водворить в сем граде мир церкви, неправедным оружием потрясенный, и восстановить свободное богослужение, желает, чтобы Ваше преосвященство по предварительному сношению с Главнокомандующим армиями генерал-фельдмаршалом князем Кутузовым не медлили возвратиться в столицу. Присутствие архиерея яко духовного вождя полезно и необходимо. От местного усмотрения Вашего зависеть будет избрать себе место пребывания.

По власти Божией спасены соборы и некоторые церкви от разрушения. Государь Император поручает Вашему преосвященству, уготовав и устроив оные к принесению в них бескровные жертвы, освятить по чиноположению. После сего должно быть крестное хождение по городу в очищение от всякие скверны иноплеменных. Распоряжению Вашего преосвященства предоставляется собрать столько духовных, сколько можно будет на первый раз и снабдить храмы Божьи священно церковнослужителями.

Государь Император надеется, что Вы яко архипастырь употребите в сем случае возможное попечение о благе церкви и пользе отечества. Во всяком случае, можете сноситься с главнокомандующим армиями, наипаче же с генерал-адъютантом Павлом Васильевичем Голенищевым-Кутузовым[14], заступающим место барона Винценгероде, который будет содействовать Вам по мере Ваших требований.

Вследствие чего 7-го числа сего месяца я вызван в Москву. Как я возвращаю Москве чудотворные иконы Владимирской и Иверской Богоматери, то посему становился я в Сретенском монастыре, который создан в память Сретения Владимирския Богоматери. При перенесении из Владимира в Москву 8-го числа, в день архистратига Михаила, святые иконы Владимирской и Иверской Богоматери перед литургиею я внес в теплую церковь Сретенского монастыря. Совершив молебные пения Божией матери, потом пето многолетие Государю Императору и всей высочайшей фамилии, Вашему Святейшеству, правительствующему синклиту и воинству. Затем совершалась литургия, и молебен по случаю тезоименитства Его Высочества Великого князя Михаила Павловича[15].

Вечером того же дня с главнокомандующим в Москве Графом Федором Васильевичем Ростопчиным мы были в Успенском и Архангельском соборах. Мощи святителя Ионы мы нашли так, как они были до нашествия неприятельского. Рука нечестия не дерзнула коснуться их. Осматривали главу, руки, ноги и все нашли не поврежденным, сколько от времени, столько и от злодея. Самая рака ни чем не тронута; серебро, которым она обита, нимало не оборвано; решетка, ее ограждающая, на своем месте; оклад, округ образа, на стене написанного, цел и не поврежден.

Рака святителя Филиппа[16] стоит также на своем месте, только передняя дольная доска отколона, и потому святые мощи сдвинулись на помост церковный, который, как я уже рапортовал Вашему Святейшеству, ключарь, поднявши, положил на святой престол, где я и нашел их; и по освидетельствовании оказалось, что они в таком же состоянии в каком были до неприятеля и даже полумитра, которая накладывалась на главу его, сакос кресчатый из золотой материи, покров, наподобие передней части сакоса по малиновому бархату богато вышитый, — целый и невредимый. Мощи святителя Петра всегда были сокрыты и запечатаны; но безбожный злодей открыл их. Мы взяли смелость освидетельствовать и их. Нашли в совершенной целости. Хищная рука нечестивого врага совсем не касалась их. Мощей царевича Димитрия в Архангельском соборе не оказалось. По выходе неприятеля из Москвы, священник Вознесенского девичего монастыря Иван Яковлев, желая спасти их от расхищения благочестиво буйной черни, сокрыл их в Вознесенском монастыре, в соборной церкви над царскими дверьми за иконостасом, о чем поспешно было объявлено, и святые мощи возвращены в свое место.

9-го числа сего месяца с Симоновским архимандритом и еще с четырьмя духовными я опять вошел в Успенский собор для отыскания местных икон и, Благодарение Богу, почти все отыскал, а паче уважаемая по древности своей; не нашли мы только иконы Иерусалимской Богоматери, которая стояла на правом столпе; надеюсь и ее найти. Думаю, что она похищена раскольниками[17]: много древних икон отыскивается у них. Расколотых икон очень мало, и те исправить весьма удобно. Следует только все почистить и исцарапанное поправить.

10-го числа я служил в Сретенском монастыре и после литургии духовенством, какое собрать мог, с крестным ходом перенес икону Иверской Богоматери в ее часовню. Перед часовнею я освятил воду и, окраплением оныя, освятил часовню; внес икону и поставил на своем месте.

В соборах, прежде всего, надо сделать оконницы, которыя от подкопов все вышеблены. Ищу мастеров и стекол, но и того и другого еще мало в Москве. Денег для сего занимаю у Главнокомандующего графа Федора Васильевича Ростопчина.

11-го числа Симоновский архимандрит по совету и настоянию моему дал заимообразно из монастырской суммы две тысячи рублей директору Духовной типографии на поправки оной и содержание работников.

Монастыри мужские: Чудов[18] ограблен, но не сожжен; Новоспасский ограблен и сожжен; Симоновский[19] и Донской только разграблены; Заиконоспасский[20], Петровский[21] целы, но ограблены; в Богоявленском[22] братские кельи сгорели; Греческий[23] и Златоустов[24] целы, только разграблены; Данилов[25] весь цел, все в нем спасено, и мощей благоверного князя Даниила рука вражья совсем не касалась; Андрониев[26] сгорел; также Крестовоздвиженский[27], Перервинский и Угрешский[28] целы, только разграблены; Покровский[29] цел; в Знаменском[30] сгорели братские кельи.

Монастыри женские: Вознесенский[31] цел, только разграблен; Новодевичий[32] цел, только разграблен; Алексеевский[33], Зачатеевский[34], Никитский[35], Ивановский[36] и Георгиевский[37] сгорели; Страстной[38], Рождественский[39] целы, только разграблены.

Духовенство московское собирается. Многия церкви, которые менее потерпели от неприятеля, и при коих осталось сколько-нибудь прихода, освящаются. О чем Святейшему Правительствующему Синоду благопочтеннейше рапортую. Подробнейшее о сем донесение имею представить Вашему Святейшеству по собрании обстоятельных сведений о всех монастырях и церквах.

Вашего Святейшего послушный
Августин Епископ
Дмитровский Московский викарий.

Донесения митрополита Августина обер-прокурору Святейшего Синода князю А. Н. Голицыну и московскому главнокомандующему графу Ф. В. Ростопчину

Светлейший князь! Милостивый государь!

Чудова монастыря наместник иеромонах Константин, будучи допущен Вами в Кремль по просьбе моей, донес мне, что как в церквах оного монастыря все разграблено, изломано, так и в комнатах Архиерейских, и в комнатах братских все переломано и расхищено. А паче в церквах, как в иконостасах, так и на стенах не явилось весьма много святых икон, по древности уважаемых. А между тем, осматривая по любопытству Кремль, видел он биваки, сделанные из больших местных икон, где караульные греются у огня.

Вследствие сего я паки обращаюсь к Вашему Сиятельству и покорнейше прошу дозволить войти в Кремль Чудовскому наместнику с казначеем и с Симоновским Архимандритом, осмотреть им помянутые биваки, не найдутся ли между ними святые иконы, принадлежащие Чудову монастырю и Успенскому собору. Я потому наипаче спешу просить о сем, Ваше Сиятельство, что по наступлении зимнего времени линии на иконах могут повредиться и такая потеря будет невозвратима; паче в рассуждении икон по древности уважаемых.

Так же казначей чудовский объявил, что он некоторую часть казенной суммы скрыл в Чудовом монастыре по нашествии уже неприятеля, зарыв оную в землю. Почему прошу так же дозволить взять оную сумму заблаговременно, чтобы ее не похитили. Как Чудов монастырь весь раскрыт, и ничто не заперто, то прошу дозволить запереть церкви и монастырь.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Сиятельства Милостивого Государя моего

покорнейший слуга
Августин Епископ Дмитровский,
Московский викарий

Ноября 6 дня 1812 года, село Черкизово.

Сиятельнейший Граф! Милостивый государь!

Какое получил я отношение от Синодального господина Обер-прокурора, его Сиятельства князя Александра Николаевича Голицына, отправленное ко мне от 19-го числа прошедшего октября с изображением высочайшей Его Императорского Величества воли; оного копию имею честь препроводить к Вашему Сиятельству.

Доставленное мне вчера Вашим Сиятельством отношение князя Александра Николаевича Голицына есть того же содержания. Читая приложенный при оном список отношения к Вашему Сиятельству, я читал в нем мои мысли, как в рассуждении Святых мощей, так и икон. Еще из Владимира я посылал к Вашему Сиятельству чудовского наместника с тем, чтобы ему собрать расколонные и поврежденные иконы; но ему ничего не дозволено было сделать.

Я обязан осмотреть соборы, почему покорнейше прошу Ваше Сиятельство прислать чиновника для снятия печатей и открытия мне соборов, по осмотрении коих я наложу свою печать, а ключари запрут их.

С глубочайшим
высокопочитанием и совершенною
преданностию имею честь быть, Сиятельнейший Граф, милостивый государь мой, Вашего Сиятельства покорнейший слуга и усердный Боголюбец

Августин Епископ Дмитровский
Московский викарий.

Ноября 8 дня 1812 года

Рапорт викария Августина графу Ф. В. Ростопчину

Сиятельнейший Граф!
Милостивый Государь!

По поводу представления моего в Святейший Синод о исправлении Иконостаса в Успенском соборе предписано мне Указом сделать сношение с Вашим

Сиятельством, дабы Вы благоволили прислать ко мне архитектора для учинения помянутой описи и сметы о потребной на то сумме.

Вследствие чего, относясь сим к Вашему Сиятельству, покорнейше прошу прислать ко мне архитектора для учинения помянутой описи и сметы.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть

Сиятельнейший Граф,
Милостивый государь мой
Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга
Августин, Епископ Дмитровский,
Московский Викарий

№ 332
февраля 14 дня
1813 года

Предписание графа Ф. В. Ростопчина Ф. К. Соколову[40]

Старшему Московской управы благочиния
архитектору г. статскому советнику
и кавалеру Соколову

По отношению ко мне Преосвященного Августина предписываю вашему высокоблагородию явиться немедленно к нему, для осмотрения повреждений в Московском Успенском соборе и составления сметы тем исправлениям, какие сделать нужно.

№ 461
февраля 15 дня
1813 года

Отношение графа Ф. В. Ростопчина викарию Августину

Преосвященный владыко,
милостивый государь мой!

Согласно отношению Вашего Преосвященства от 14-го сего месяца предписал я старшему Московской управы благочиния архитектору к Вам явиться, о чем уведомляю Вас.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Преосвященства
Покорнейший слуга
№ 462
февраля 15 дня 1813 года
Москва

Его Превосходительству Августину, Архиепископу Дмитровскому,
Московскому Викарию

Отношение викария Августина графу Ф. В. Ростопчину

Сиятельнейший Граф!
Милостивый Государь!

По отношению моему Ваше Сиятельство изволили ко мне прислать архитектора Соколова для сделания сметы на исправление Иконостаса в Большом Успенском Соборе. Вслед за тем, получив Указ из Святейшего Правительствующего Синода, чтобы представить сметы на поправление поврежденных зданий в московских монастырях, по силе оного Указа я поручил тому же архитектору Соколову сделать сметы на все монастыри; и он с особенным рачением и поспешностию сочинил оные уже на одиннадцать монастырей.

Я покорнейше прошу Ваше Сиятельство дозволить ему окончить начатый труд и сделать сметы на остальные монастыри, также на церковные дома при некоторых приходских церквах.

С глубочайшим высокочитанием и совершенною преданностию имею честь быть

Сиятельнейший Граф!
Милостивый государь мой!

Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Августин Епископ Дмитровский
Московский викарий

№ 695
Апреля 3 дня
1813 года
Москва

Предписание графа Ф. В. Ростопчина Ф. К. Соколову

Штата Московской Управы благочиния
старшему архитектору
г. статскому советнику и кавалеру Соколову

Преосвященный Августин, сообщив мне об усердии и расторопности, с каковыми вы сочинили смету Большого Успенского собора и одиннадцати монастырей, испрашивает моего приказания дозволить вам окончить начатый труд и сделать сметы на остальные монастыри, также на церковные дома при некоторых приходских церквах.

Уважая свидетельство Преосвященного Августина о трудах и усердии, оказанных вами при возложении на вас поручений, а с тем вместе изъявляя и с моей стороны должную признательность дальнейшим стараниям вашим, я предписываю вашему высокородию согласно требованиям его преосвященства поспешить окончаниям и прочих смет, каковые от него на вас возложены будут.

Отношение графа Ф. В. Ростопчина викарию Августину

Преосвященный Владыко,
Милостивый Государь мой!

Согласно требованию Вашего Преосвященства предписано старшему архитектору Соколову поспешить окончанием и других смет, по назначению Вашему. О чем уведомляю вас, Милостивый Государь, с истинным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Преосвященства
Покорнейший слуга

Отношение викария Августина графу Ф. В. Ростопчину

Сиятельнейший Граф!
Милостивый государь мой!

Вследствие Указа Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, состоявшегося из Святейшего Правительствующего Синода от 14-го числа сего апреля за № 1540, коим предписывается мне, чтобы по сношению, с кем следует, истребованы были для освидетельствования Ивановской колокольни в Кремле, в теперешнем ее положении, архитекторы, и по учинении всему поврежденному надлежащей описи и плана. А о потребной на исправление оного сумм сметы представлено было Святейшему Синоду. Обращаюсь к Вашему Сиятельству и прошу прислать ко мне архитекторов для учинения описи и плана Ивановской Колокольни в настоящем ее положении, также и сметы на потребную сумму для возобновления оной.

Как здание сие и по архитектуре и по огромности своей весьма важно, то я просил и Главнокомандующего в Экспедиции Кремлевского строения Его Высокопревосходительство Петра Степановича Валуева, чтоб он со своей стороны к тому же прислал архитекторов.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть

Сиятельнейший Граф!
Милостивый государь мой!
Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Августин Епископ Дмитровский,
Московский викарий

№ 785
Апреля 28 дня
1813 года

Предписания графа Ф. В. Ростопчина Московской Управе благочиния

По требованию Преосвященного Августина предписываю я Управе отрядить к нему архитекторов в штат ее, состоящих для учинения описи и плана Ивановской колокольни, по Высочайшему Его Императорского Величества предназначенной к возобновлению.

Московскому губернскому правлению

По требованию Преосвященного Августина предписываю сему правлению отрядить к нему Губернского Архитектора, для учинения описи и плана Ивановской колокольни, по Высочайшему Его Императорского Величества повелению предназначаемой к возобновлению.

Отношение графа Ф. В. Ростопчина викарию Августину

Преосвященный владыко,
Милостивый Государь мой!

Согласно требованию вашего Преосвященства предписал я Московскому губернскому правлению и Управе благочиния отрядить к вашему Преосвященству состоящих в штате их архитекторов для учинения описи и плана Ивановской колокольни, о чем уведомляю вас, Милостивый Государь мой.

С истинным почтением и преданностию
имею честь быть
Вашего Преосвященства
Покорнейший слуга

Отношение викария Августина графу Ф. В. Ростопчину

Сиятельнейший Граф!
Милостивейший государь мой!

На все соборы, монастыри, церкви и на церковные дома, какие в Москве после нашествия неприятельского возобновлены, планы и сметы сочинял откомандированный ко мне Вашем Сиятельством старший губернский архитектор Федор Кириллов Соколов.

Как архитектор сей при сочинении планов и смет всегда оказывал особенную ревность, деятельность и поспешность, при устроении храмов Божиих и Святых Обителей содействовал своими советами, и все поручения мои исполнял рачительно, почему приемлю смелость рекомендовать его Вашему Сиятельству. Покорнейше прошу исходатайствовать ему приличное награждение за его особенное усердие по службе, многие понесенные труды в возобновлении в Москве Храмов Божиих, рукою нечестия поврежденных.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною
преданностию имею честь быть
Сиятельнейший Граф!
Милостивый государь мой!
Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Августин Епископ Дмитровский,
Московский викарий

№ 40
Генваря 12 дня
1814 года

ОПИ ГИМ. Ф. 260. Ед. хр. 200. Л .1—12

Примечания

[1] Выжига — чистое серебро, полученное путем выжигания из ветхих церковных облачений.

[2] Гас или газ. Здесь: — позумент, галун, золотая, серебряная или мишурная тесьма.

[3] Воздух в храмах — покрывало на сосуды со святыми дарами.

[4] Поруча — короткие рукава в облачении церковнослужителей, нарукавники.

[5] Орарь — часть облачения дьякона, в виде ленты, прикрепляемой к левому плечу.

[6] Правильнее, антиминс — освященный плат с изображением положения Иисуса Христа, который кладется на церковный престол во время совершения богослужения.

[7] Правильнее, Супонев Авдий Николаевич, генерал-майор, в 1812—1816 гг. владимирский губернатор.

[8] Димитрий, Дмитрий Иванович (1582—1591), царевич, сын Ивана IV Грозного от седьмой жены Марии Федоровны Нагой. После воцарения Василия Шуйского канонизирован Русской церковью, мощи его были 3 июня 1606 г. торжественно перенесены из Углича в Московский Архангельский собор.

[9] Алексий (ок. 1293—1378), митрополит Киевский и всея Руси (с 1354 г.). Выдающийся церковный деятель, регент при малолетнем князе Дмитрии Ивановиче Донском. Добился освобождения православной церкви от уплаты дани Золотой Орде. Основал в Москве церковь Архангела Михаила, Андроников, Чудов и Алексеевский монастыри.

[10] Сакелларий (устар.) — ризничий.

[11] Петр, митрополит всея Руси. Сподвижник великого князя Ивана Даниловича Калиты. Инициатор строительства в Москве кафедрального собора во имя Успения Богородицы. Умер в 1326 г. Причислен к лику святых.

[12] Иона, митрополит московский (с 1448 г.). Сподвижник великих князей Василия II Темного и Ивана III. Был возведен на митрополичий престол без согласия патриарха константинопольского, что означало установление автокефалии Русской Православной церкви. Умер в 1461 г. В 1547 г. был канонизирован.

[13] Голицын Александр Николаевич (1773—1844), князь, действительный тайный советник 1-го класса. Близкий друг Александра I. В 1803—1817 г. обер-прокурор Св. Синода. С 1810 г. — член Государственного Совета, с 1812 г. сенатор. В 1817—1824 гг. — глава Министерства духовных дел и народного просвещения. С 1830 г. — канцлер Российских императорских и царских орденов.

[14] Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772—1843), граф (с 1832), генерал от кавалерии (с 1826), генерал-адъютант. В сентябре 1812 г. по повелению Александра I сформировал Тверской-Ямской казачий полк. После пленения французами генерала Ф. Ф. Винценгероде командовал его отрядом и участвовал в преследовании отступающего неприятеля, присоединился к 1-му Отдельному корпусу генерала П. Х. Витгенштейна. С 1825 г., после гибели М. А. Милорадовича — санкт-петербургский генерал-губернатор.

[15] Михаил Павлович (1798—1849), великий князь. Четвертый сын Павла I.

[16] Филипп (в миру Федор Степанович, из рода бояр Колычевых) (1507—1569), выдающийся церковный деятель. С 1548 г. — игумен Соловецкого монастыря, с 1566 г. — митрополит Московский. Заступничество за жертв опричнины привело к его низложению царем Иваном IV и ссылке. Был задушен Малютой Скуратовым в Тверском Отроч-Успенском монастыре. Канонизирован в 1652 г.

[17] Икона Иерусалимской Божьей матери, по преданию, одна из 70 икон Божьей Матери, написанных евангелистом Лукой. В 988 г. византийский император Лев VI преподнес икону вел. кн. Киевскому Владимиру Святославичу при его крещении. Владимир Святой передал икону новгородцам, но в 1571 г. она была перенесена Иваном Грозным в Москву и помещена в Успенском соборе. Во время наполеоновской оккупации 1812 г. икона была похищена наполеоновскими войсками и увезена во Францию.

[18] Чудов монастырь (Алексеевский Архангело-Михайловский), мужской монастырь. Основан в 1365 г. в Кремле митрополитом Алексием в память о чудесном исцелении от слепоты Тайдулы — жены золотоордынского хана Узбека. Тогда же был построен каменный собор Чуда Архистратига Михаила. Неоднократно перестраивался. С 1744 по 1833 гг. здесь находилась Московская Духовная консистория. В 1812 г. в нем располагался штаб Наполеона и частей Старой гвардии. В алтаре собора Чуда Архистратига Михаила была устроена спальня маршала Л. Н. Даву. Разрушен в 1929—1930 гг.

[19] Симонов монастырь, Симонов Успенский мужской, в юго-восточной части Москвы, на берегу Москвы-реки. Основан в 1370 г. учеником и племянником Сергия Радонежского Федором на землях боярина С. В. Ховрина (в монашестве Симона). В XVII в. обнесен каменной стеной. В 1929—1930 гг. большинство монастырских построек было снесено. Сохранилась лишь южная стена с тремя башнями, «новая трапезная» с церковью Сергия Радонежского и Братский корпус.

[20] Заиконоспасский монастырь, Всемилостивейшего Спаса на Никольском крестце что за Иконным рядом, мужской. Основан царем Борисом Годуновым в 1600 г. С конца XVII в. — один из крупнейших центров русского просвещения. В 1687—1814 гг. в нем помещалась Славяно-Греко-Латинская академия. К настоящему времени сохранились Собор Спаса Нерукотворного (1660—1742 гг.), «Учительский корпус» (палаты XVII в.) и ряд других построек. Богослужения в соборе возобновлены в 1992 г.

[21] Петровский монастырь, Высоко-Петровский, мужской. По преданию, основан в начале XIV в. митрополитом Пе-

тром — первым русским митрополитом, избравшим местом своего пребывания монастырь. Перестроен в конце XVII в. на средства Нарышкиных, которые там устроили свою родовую усыпальницу. В монастыре хранились Боголюбская, Влахернская, Казанская и Толгская иконы Божьей Матери. В 1926 г. монастырь был закрыт, долгое время в нем находился Литературный музей. В 1993 г. монастырь был возобновлен и стал Патриаршим подворьем.

[22] Богоявленский монастырь, мужской. Один из древнейших в Москве. По преданию, основан князем Даниилом Александровичем (отцом Ивана Калиты) около 1296 г. Одним из первых игуменов монастыря был брат Сергия Радонежского Стефан. Монастырь был разграблен войском Тохтамыша в 1382 г. «В пожары 1812 г. Богоявленская церковь, осыпанная горящими головнями и градом искр осталась невредимой. От разграбления, пожара и осквернения охранял ее один из французских пребывавших там маршалов… По возвращении в сгоревшую столицу викарий московской митрополии Августин нашел в этом монастыре себе пристанище» (*Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы. М., 2003. С. 197—198). К настоящему времени сохранились собор, игуменский корпус и братские кельи, построенные в конце XVII в. Собор возвращен верующим в 1991 г.

[23] Греческий монастырь, Никольский, мужской. Основан в конце XIV в. по соседству с Заиконоспасским монастырем. Дал название Никольской улице. В середине XVI в. передан для пребывания греческим монахам. С 60-х гг. XVII в. пожалован им навечно в благодарность за привезенную икону Иверской Божьей Матери. В 1935 г. был снесен Никольский собор 1-й трети XVIII в. К настоящему времени сохранились лишь братские кельи и Никольская часовня. Богослужения возобновлены в 2007 г.

[24] Златоустовский монастырь, мужской. Впервые упоминается в 1412 г. Связан с именем Ивана III, повелевшего возвести церковь Иоанна Златоуста, а затем и мужской монастырь. Во время нашествия крымского хана Девлет-гирея в 1571 г. был сожжен. Пострадал и в Смутное время. Последний раз возобновлялся в 1740 г. Снесен в 1933 г.

[25] Данилов монастырь, Свято-Данилов мужской, на правом берегу Москвы-реки. Основан в конце XIII в. великим князем Даниилом Александровичем, который перед смертью постригся в монахи и был там погребен. В монастыре была утверждена первая в Московском княжестве архимандрития (1300). Сохранился собор Семи вселенских соборов с церковью Даниила Столпника, братский корпус и другие постройки XVI — XVIII вв. Монастырь упразднен в 1920-е гг. В 1983 г. Данилов монастырь был передан московской патриархии, став духовно-административным центром Русской Православной Церкви. К 1988 г. отреставрирован, сооружена резиденция Патриарха и Синода, поминальная часовня и надкладезная часовня в память Тысячелетия крещения Руси.

[26] Правильнее: Андроников монастырь, Спасо-Андроников, Андроников Нерукотворного Спаса, мужской. Основан в 1357 г. митрополитом Алексием как митрополичий монастырь. Назван по имени первого игумена — Андроника, ученика Сергия Радонежского. В 1410—1427 гг. был возведен белокаменный Спасский собор, в интерьере которого сохранились фрески, выполненные под руководством Андрея Рублева и Даниила Черного. Подвергался разорениям в 1571, 1611 и 1812 гг. В пожаре 1812 г. погиб знаменитый монастырский архив. Упразднен в 1920-х гг. В конце 1950-х гг. здесь был основан Музей древнерусской литературы и искусства им. Андрея Рублева. Монастырь возобновлен в 1989 г.

[27] Крестовоздвиженский монастырь. Основан в XV в. на нынешней улице Воздвиженка. Не сохранился.

[28] Николо-Угрешский монастырь, мужской. Расположен в с. Растяпино (ныне г. Дзержинск) Московской обл. Основан в 1380 г. великим князем Дмитрием Донским на месте явления иконы Святителя Николая Чудотворца. По преданию, в этом месте войско Дмитрия Донского остановилось на пути к Куликову полю. Чудесное явление укрепило князя верой и надеждой, и он якобы произнес: «Сия вся угреша (согрела. — *прим. публ.*) сердце мое». В 1812 г. монастырь подвергся нападению французов. Закрыт в 1925 г., возобновлен в 1992 г.

[29] Покровский монастырь, мужской. Основан в 1635 г. царем Михаилом Федоровичем в память о своем отце. Находится у Покровской (ныне Абельмановская) заставы. В 1770—1772 гг. во время эпидемии чумы там был устроен госпиталь. Главные храмы — собор Воскресения Словущего и церковь Покрова Пресвятой Богородицы были построены в 1792 и 1806 гг. Осквернены и сожжены французами в 1812 г., вновь освящены в 1818 г. В сер. XIX в. монастырь был обнесен новой каменной стеной, перестроены кельи, дом причта и т. д. В 1926 г. монастырь был закрыт, в 1990-е гг. вновь открыт как женский.

[30] Знаменский монастырь что на Старом Государевом дворе (ул. Варварка). Основан в 1629 г. в связи с рождением у царя Михаила Федоровича наследника — будущего царя Алексея Михайловича. В монастыре находилась родовая икона Романовых — Знамения Божьей Матери Новгородской XVI в. К настоящему времени сохранился Знаменский собор XVII в. Богослужение возобновлено в 1992 г.

[31] Вознесенский монастырь, женский. Основан в кон. XIV — нач. XV в. у Спасских ворот Кремля. В 1407 г. был заложен каменный Вознесенский собор, который служил усыпальницей великих княгинь и цариц, в том числе Софьи Палеолог — жены великого князя Ивана III. В начале XIX в. была построена церковь Св. Екатерины. Разобран в 1929 г. Ряд икон монастыря был передан в Музеи Московского Кремля и Третьяковскую галерею, а иконостас установлен в соборе Двенадцати Апостолов в Кремле.

[32] Новодевичий монастырь, Богородице-Смоленский женский монастырь. Основан в 1524 г. по обету вел. кн. Василия III в память взятия в 1514 г. Смоленска. Стал местом пострижения женщин царской семьи. В нем жила вдова старшего сына Ивана Грозного царевича Ивана, насильно постриженные в монахини сестра Петра I Софья и его первая жена Евдокия Лопухина. В 1812 г. французы предприняли попытку взорвать монастырь, но монахиням удалось спасти обитель от разрушения. В 1922 г. монастырь был закрыт, а к 1934 г. — филиал ГИМ. В 1943 г. в монастыре были открыты московские богословские курсы, в 1944 г. — Богословский институт. В 1945 г. была возвращена верующим церковь Успения. С 1980 г. в монастыре находилась резиденция митрополита Крутицкого и Коломенского. С 1994 г. вновь учрежден женский монастырь. С 2010 г. полностью передан Русской Православной Церкви.

[33] Алексеевский женский монастырь. Основан во 2-й пол. XIV в. при покровительстве митрополита Алексея его сестрами Евпраксией и Иулианией, которая стала игуменьей. В 1514 г. по указу Ивана III Алевиз Фрязин начал строительство церкви Алексия Человека Божия. Неоднократно страдал от пожаров. После пожара 1547 г. был переведен на берег реки Москвы к устью ручья Черторый. Разорен поляками в Смутное время и восстановлен в 1625 г. Сильно пострадал во время пожара 1812 г., но вскоре был восстановлен. Сохранилась незначительная часть монастырских построек на Верхнекрасносельской улице.

[34] Зачатьевский монастырь, женский, Основан в XVI в. царем Федором Иоанновичем на территории Белого города, между улицей Остоженкой и берегом Москвы-реки. Назван по церкви Зачатия Св. Анны. В конце XVIII — начале XIX в. в Зачатьевском монастыре были построены трапезная, трехъярусная колокольня, возведен неоготический Зачатьевский собор. В 1812 г. монастырь был разорен французами и восстановлен на средства, отпущенные Синодом. В монастыре находились две иконы Богоматери — Милующая и Неопалимая Купина. В 1924 г. монастырь был упразднен, на его территории открыта трудовая колония для беспризорных. В 1930-е гг. многие постройки монастыря были снесены. Сохранились ограда монастыря и надвратная церковь Спаса Нерукотворного образа, построенная в конце XVII в. Богослужения возобновлены в 1993 г., в 1995 г. получил статус ставропигиального, т. е. подчиненного непосредственно Св. Синоду.

[35] Никитский монастырь, женский, основан в XVI в. боярином Н. Р. Захарьиным-Юрьевым, дедом царя Михаила Федоровича, на месте церкви Никиты у Ямского двора. Дал название Большой Никитской улице. Сильно пострадал в 1812 г., был восстановлен на частные пожертвования. В архитектурном ансамбле Никитского монастыря выделялись собор Никиты Мученика (ок. 1536), небольшая церковь Дмитрия Солунского (сер. XVII в.). В 1935 г. на месте монастыря построено здание электростанции метрополитена. Сохранились постройки келий.

[36] Ивановский монастырь, женский, на Куликах на Ивановской горке. Впервые упоминается в 1604 г. Служил местом заточения женщин царского дома — жены царя Василия Шуйского, царицы Марии Петровны, второй жены старшего сына Ивана Грозного царевича Ивана Пелагеи. Использовался и как тюрьма. В 1768—1801 гг. здесь содержалась Д. Н. Салтыкова (Салтычиха) за убийство 139 крепостных. После пожара 1812 г. монастырь был упразднен. Возобновлен в 1859 г. В 1861—1871 гг. монастырь был заново отстроен. В 1918 г. был закрыт. В 1992 г. ряд помещений был передан братству св. князя Владимира и возобновлены богослужения в церкви Елизаветы.

[37] Георгиевский монастырь, мужской, основан в XVI в. на дворе боярина Юрия Захарьина Кошкина и занимал почти всю нечетную сторону нынешнего Георгиевского переулка. 4 сентября 1812 г. французы ворвались в монастырь и расхитили его имущество. В 1815 г. монастырь был упразднен. До настоящего времени сохранились здания монастырских келий XVIII—XIX вв.

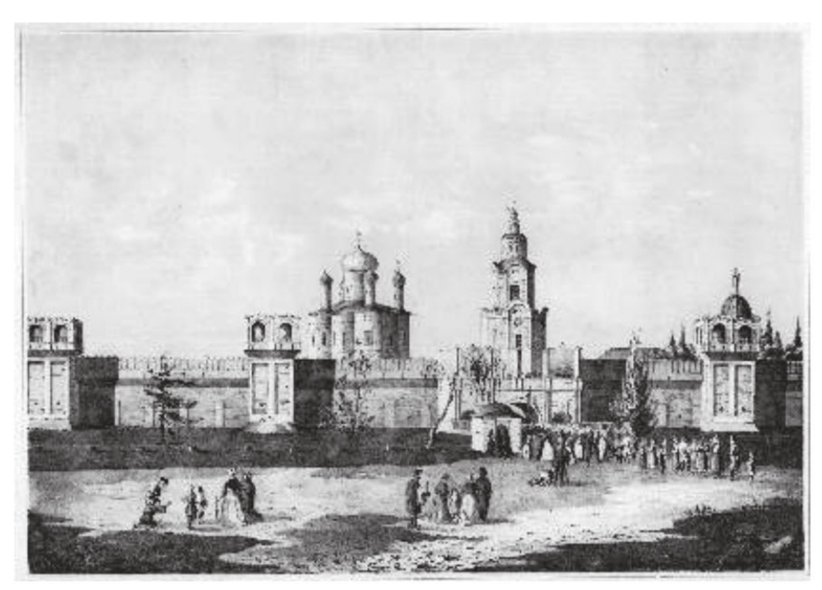
[38] Страстной монастырь, женский. Основан в 1640-х гг. на месте встречи москвичами у ворот Белого города иконы Богоматери Страстной. В конце XVIII в. полностью перестроен. Снесен в 1937 г. Ныне на его месте — памятник А. С. Пушкину (передвинутый с Тверского бул.), сквер и кинотеатр «Россия».

[39] Рождественский монастырь женский. Основан в 1386 г. на возвышенном левом берегу р. Неглинной (ныне ул. Рождественка) в память победы на Куликом поле. Сильно пострадал от пожаров в 1-й пол. XVI в. В 1525 г. в нем была насильственно пострижена в монахини жена вел. кн. Василия III Соломония Сабурова. Главный собор Рождества Богоматери построен в 1500—1505 гг. Сохранились также пятиглавая церковь Иоанна Златоуста (1676—1678), церковь усыпальницы князей Лобановых-Ростовских (1670-е), надвратная колокольня, трапезная, келейные корпуса. Монастырь закрыт в 1922 г., возобновлен в 1992 г.

[40] Соколов Федор Кириллович (1753—1824), архитектор. В середине XVIII в. составил проект перепланировки центра Москвы, что не было осуществлено. В 1800 г. вместе с И. Д. Жилярди построил здание Покровских казарм на Покровском бульваре. Начал восстанавливать звонницу и пристройки к колокольне Ивана Великого, взорванные наполеоновскими войсками, что было окончено в 1815 г. архитекторами И. В. Еготовым, Д. Руска и И. Д. Жилярди. В 1816—1819 гг. восстановил Никольскую башню Кремля, заменив рухнувший от взрыва белокаменный шатер ныне существующим железным и поставив четыре башенки по углам основного объема.

Публикация Ф. А. Петрова и Л. И. Смирновой

Донской монастырь. Гравюра 1-й пол. XIX в.

Описание что происходило во время нашествия неприятеля в Донском монастыре 1812 года

Из всех московских монастырей «повезло» больше всего Донскому: он сохранился до наших дней без особых изменений. Во всяком случае, сейчас, подходя к монастырским стенам, мы видим их почти такими, какими они предстали перед глазами наполеоновских солдат два столетия назад.

Донской монастырь был основан в 1591 г. в память чудесного избавления Москвы от нашествия крымского хана Казы-Гирея на месте, где располагалась временная крепость Бориса Годунова и походная церковь Сергия Радонежского с образом Донской Богоматери. В том же году был построен Малый («Старый») собор. В 1678—1679 гг. к храму были пристроены приделы святых Сергия Радонежского и Феодора Стратилата, а также трапезная и колокольня. Контраст высокой и стройной колокольни с низкой широкой трапезной обогатил композиционное решение здания. В 1684—1693 гг. был построен Большой («Новый») собор — четырехстолпный монументальный храм, настенная роспись которого была выполнена в 1780-е гг. по эскизам В. И. Баженова. С 1686 по 1711 г. были возведены сохранившиеся доныне монастырские стены, а в 1713—1714 гг. — архитектором И. П. Зарудным сооружены северные ворота с надвратной церковью Тихвинской Богоматери. В 1730—1750-х гг. была возведена надвратная колокольня с церковью Захария и Елисаветы (архитектор Д. А. Трезини и др.). В 1740-е гг. к собору с юго-востока была пристроена ризница (архитектор В. С. Обухов) с характерными барочными наличниками и архимандритские покои.

С конца XVII века могущество Донского монастыря усилилось: он получил богатые пожалования, имел свыше 1,4 тыс. крестьянских дворов. Монастырю отмежевали 20 десятин близлежащей городской выгонной земли и приписали часть монастырей Калужской земли. К середине XVIII в. монастырь владел 880 дворами (свыше 6700 душ), 14 мельницами, рыбными ловлями и перевозами.

Донской монастырь уцелел в пожаре 1812 года. В известной степени мы должны быть благодарны за это бывшему послу Франции в России, генералу графу Ж. Лористону. Исполняя обязанности адъютанта Наполеона в Москве, он расположился по соседству — «в уцелевшем роскошном доме графини Орловой-Чесменской» (См.: *Норов А. С.* Воспоминания // России двинулись сыны. С. 376).

Описание событий в Донском монастыре в 1812 году было составлено по указанию московского викария Августина и послано в Святейший Синод. Написанный по горячим следам непосредственными участниками событий, этот документ чрезвычайно эмоционален и насыщен интересными фактами и деталями.

Помимо грабежа церковного серебра и других драгоценностей с целью прямой наживы, французы избивали монахов за отказ выдать им спрятанные образа с серебряными окладами, церковную утварь и т. п. Напуганные бородатыми казаками завоеватели, приняли наместника монастыря за одного из них и жестоко его избили, «ризничему голову проломили, всем грозили обнаженными саблями изрубить, если не дадут денег и сокровища, а иеромонаха Иринея изранили по рукам и ногам саблями и штыками…» В царских вратах была изнасилована женщина. Ризницы храмов были обращены в кофейни, в алтарях устроены конюшни и стойла для коров. Монахов заставляли выполнять самую тяжелую работу. Но еще страшнее была угроза забрать молодых иноков во вражескую армию и «заставить воевать против России».

В рукописи содержится описание того, как в течение недели монахи по два-три человека с риском для жизни перелезали через окна башен и бежали из монастыря в Троице-Сергиеву лавру, до которой французы не добрались. Хотя неприятели активно распространяли слухи, что захвачены все города, даже С.-Петербург, но уже в районе Мытищ монахи повстречали казачий разъезд.

По своеобразной иронии судьбы с 7 октября мимо стен Донского монастыря потянулись отряды отступавших из Москвы французов, которые шли на Старо-Калужскую дорогу. А еще через неделю в сражении под Малоярославцем был взят в плен польский генерал наполеоновской армии Тадеуш Тышкевич, вольготно располагавшийся в монастырских покоях и которого — уже в качестве военнопленного — провели мимо монастырских стен к кордегардии (караульный дом с воинской командой) у Калужской заставы.

Описание что происходило во время нашествия неприятеля в Донском монастыре 1812 года

Настоятель монастыря, бывший архимандрит Иоанн, выехал из монастыря 31-го числа августа ввечеру на пяти повозках. С ним был казначей и двое монашествующих. Штатные служители остались при своих семействах.

Убираться начали с 27-го числа, по получении указа. Убирали одни ризничные вещи движимые, которые не на виду, как-то: евангелия, сосуды, ризы и шапки, часть лампад, подсвечники и паникадила серебряные и все то, что можно было взять из золотых, серебряных и жемчужных вещей. Образа со всем украшением оставлены из опасения, как уверяет отец архимандрит Иоанн, чтобы народ не встревожить.

Таким образом, приехали в Кремль, и, соединившись с ризницами прочих монастырей, выехали из Москвы в Вологду на рассвете 1-го числа сентября под распоряжением члена Синодальной конторы, *архимандрита, Академии ректора, Самсона*, что ныне епископ Тульский.

В дороге ничего не встретилось замечательного. Принимаемы были везде усердно, особливо преосвященствами Ярославским и Вологодским. Прибыли в Вологду 4-го октября благополучно, и жили в Прилуцком монастыре по 12-е число декабря до получения указа из Священного Синода отправиться в Москву, куда возвратились 23-го декабря.

Отъезжая с ризницею, настоятель препоручил монастырь наместнику иеромонаху Вассиану и выдал на содержание братии по 50 р., а прочую сумму взял с собою, оставя наместнику на всякий случай еще до 1500 рублей, которые наместник спрятал, и они уцелели.

По отъезде настоятеля, при самом входе неприятеля шесть человек выпросили от наместника пашпорты и до вторжения в монастырь удалились в другие губернии или к сродникам. Осталось в монастыре осьмнадцать человек.

Неприятель взошел в Москву 2-го числа сентября. 3-го числа в монастыре была служба. Ворота кругом были заперты. Многие партии приезжали и ломились, требовали хлеба и вина. Хлеб им подавали с ограды и в подворотню, а в монастырь во весь тот день не пустили неприятеля. Вломились, было, несколько человек в окно в сторожке, выломавши решетку, но штатными вытеснены, и окно закладено кирпичами.

Того же числа в 8 часов вечера зажгли неприятели у ворот калитку. Видя опасность, все монашествующие и немалая часть народа бросились в соборную церковь и заперлись, остальной народ рассеялся в разные места по монастырю. Взошли в монастырь до 200 французов, все вооруженные, а к рассвету весь монастырь был полон неприятелями и их повозками. Ворвавшись, сперва бросились в настоятельские и братские кельи, с большими восковыми в руках свечами. Часу в 12-м обратились к церквам. Вход на паперть в соборную церковь был заперт. Выстрелили в окно и влезли на паперть. Слыша, что в церкви народ, начали стучать и хотели ломать двери. Видя опасность, наместник выслал боковою дверью пономаря с ключами отпереть переднюю дверь. Народу позволил бежать из боковой двери; монашествующие стали среди церкви ожидать решительной судьбы. Наместник надел епитрахиль и взял в руки крест, думая, что все будут лишены жизни.

Отворивши дверь и увидя монахов, французы приостановились на пороге и кричали: «Казаки, казаки!». Услыша и уверившись, что то были не казаки, а монахи (которых они после называли капуцинами[1]), вбежали в церковь и рассыпались иные к лампадам хватать свечи, другие в алтарь, третьи начали раздевать монахов и требовать золота и серебра. Наместника больно били, ризничему голову проломили, всем грозили обнаженными саблями изрубить, если не выдадут денег и сокровища. Иеромонаха Иринея, нынешнего наместника, изранили

по рукам и ногам саблями и штыками; впрочем, более никого саблями не рубили, а только били ружьями и палашами.

Наконец, полунагие монахи разбежались и заклались некоторые в башне. Старичок Вениамин пробыл в церкви до тех пор, как стали вынимать образа и сдирать ризы, и рвать лампады. Тогда и он скрылся.

На другой день уже найдено все разломанным: и церковь, и ризница, и кельи. В церкви многие образа раскиданы, иные расколоты. Из ризницы, кои не увезены, ризы парчовые таскали, и выжигали среди монастыря. Одежды с престолов сорваны. Ризница обращена в кофейню. Кельи были полны народом.

С неделю не видно было никакой команды. Заклавшиеся в башне были найдены, и наместник опять был бит жестоко, и строго запрещено укрываться. С сего времени монахи употребляемы были в разные работы: носить воду, топить печи, копать картофель, носить разные запасы из города под их караулом. Положение было самое трудное. В раздранных рубищах, изнуренные голодом, мучимы были беспрестанною работою. Замечательно было то, что ни за кем не гонялись, кто вырвался из их рук и скрывался, и после не мстили за побег.

Спустя с неделю по вторжении, в монастырь поставлена часть полка 2-й гвардии и расставлены у ворот караулы. В настоятельских покоях остановился генерал[2]. Никто не знает его имени, а только то верно знают и видели, что он взят в плен под Малоярославцем и проведен в Калужскую заставу мимо монастыря. В малых настоятельских покоях, что у ворот, стоял капитан из греков. Он был очень милостив к монахам, и они все варили себе на его кухне. С сего времени, хоть и употребляемы были в работе, но жили в совершенной безопасности.

Неприятели жили во всех церквах, а в теплой церкви стояли лошади, в алтаре — коровы к престолу привязанные, и на престоле обедали. Генерал вскоре по вступлении требовал к себе всех монахов. Они вышли в камилавках, увидя, весьма рассердился, сказавши: «Как вы смели явиться в шапках!»; не слушал оправдания, что они и в церкви так служат, приказал солдатам камилавки сорвать. Потом требовал хлеба, вина, пива и прачек. Как они не могли ничего отыскать, то строго пригрозил; впрочем, отпуская, приказал жить в монастыре и церквах. Монахи одну церковь очистили и хотели служить. Но вскоре пришли солдаты и стали в церкви жить.

Около 20-го числа был в монастыре Наполеон. Гвардия построилась за воротами. Генералитет остановился у решетки, которая между воротами и собором. Сам на белой лошади подъехал к крыльцу собора, посмотрел несколько минут на собор, потом на правую и на левую сторону, и поехал назад. Более в монастыре не бывал.

Наконец братия дольше не могла жить в монастыре. Переводчики, довольно познакомившись, говорили, что скоро они пойдут из Москвы, и весьма вероятно, что монахов возьмут в армию и обратят в солдаты, особливо которые посильнее и помоложе. Это их весьма устрашило, особенно потому, что русских заставляли воевать против России, но куда обратиться — не знали, ибо неприятели уверяли, что все города забраны и Петербург. Между тем, 22-го числа пришел один служитель из Троицкой Сергиевой Лавры и уведомил, что Лавра не взята, что неприятели на Троицкой дороге только на семь верст от Москвы, что в Малых Мытищах стоят казаки. Получа сие известие, они решили бежать.

Как при воротах монастырских стоял караул, то нельзя было открыто уйти. И так вылезли из башни в окно, пробитое неприятелем. Выходили не все вдруг, а человек по пять, от 22-го по 27-е число сентября. Остались только двое престарелых — ризничий Иларион и священник Вениамин, которые жили до самого конца в монастыре, в кухне у французов. Бежавшие шли через город, и вышли через вал, иные подле Преображенской, иные подле Троицкой заставы. Пробираясь сквозь лес, выходили на Большую Троицкую дорогу к Малым Мытищам и далее. Тут случилось видеть опыт отличного проворства казаков. Они спросили их, не видели ли французов. Монахи отвечали, что проехали трое для фуражу у деревни Райково, верстах в трех от Мытищ. Ту же минуту казаки — на лошадей, птицами полетели, и пока монахи тут отдыхали, казаки привели французов.

Проживали монахи до возвращения — иные в Троицкой Лавре, иные в Пешноше[3], другие в других монастырях.

Оставшиеся старцы только то сказывают, что при них гвардейский полк вышел и постановились другие, которых дисциплина была гораздо слабее и потому более вольности. Не говоря о других местах, в самых царских вратах Сергиевской церкви совершено богомерзкое стыдодеяние — самый алтарь Сергиевской церкви осквернен: бесстыдный солдат в царских вратах обесчестил женщину.

Описывают и голод неприятелей. Они отнимали у монахов печеный картофель и хлеб со стола. У капитанских покоев навалены были кучи галок и воробьев, которых варили и жарили.

К чести греков сказывают, что не только капитан, но и солдаты из греков поступали с ними ласково и даже уважали. Один грек потребовал замка. Старец ему принес. Он целовал у него руку и три раза призывал к себе и потчевал рыбою, винною ягодою и полпивом.

Один только раз капитан показал страх ризничему, но тотчас загладил; призвавши его, поставил на колени между обнаженными шпагами и потребовал, чтобы сказал, где ваш большой господин, разумея Архимандрита. Но когда старец под клятвою уверял, что не знает, то приказал солдатам вложить шпаги, старику встать и, успокоя его словами, поднес рюмку вина.

Перед самым выходом неприятеля возвратился наместник. Неприятели, зная оставшихся старцев и

видя незнакомого, почли его за казака и больно били. Узнавши, старцы прибежали и защитили, уверивши, что это их брат; таким образом, трое дождались выхода. Вот все, что можно было отобрать от бывшего тогда настоятеля, монахов и штатных служителей. Здания монастырского ни одного не сожжено.

Когда вышли неприятели из Москвы, некоторые из них, уклонясь от армии, замедлили, спрятались по домам штатных служителей. Казаки тот же день всех их перехватили и увели за заставу.

Собирались монашествующие в монастырь не в одно время. Иные спустя дня два, иные неделю, очень немногие через месяц. По приезде настоятеля церкви освящаемы были одна за другою, как могли приготовить утварь, столы и жертвенники и поставить иконы.

Собор освящен (пропуск в тексте — *прим. публ.*), Теплая освящена 1813 генваря 4-го; придел Федора Стратилата февраля18-го; Придел Сергия Чудотворца марта 2-го, Собор августа 10-го, Церковь Михаила Архангела сентября 11-го; церковь Сретения Господня 1815 мая 20, Церковь Тихвинская того же года июня 24-го, а Церковь Захария и Елисаветы в колокольне и церковь между монументами, построенная графом Зубовым[4], еще не освящены. В Соборной церкви местные образа, ограбленные врагами, украшены вновь серебряными ризами, вкладом Донских казаков, которые пожертвовали десять пуд серебра и девять тысяч деньгами при письме графа Матвея Ивановича Платова.

Риз для священнослужения устроено до сорока из парчовых покровов, полагающихся в Донском монастыре.

ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 200. Л. 16—19 об

Примечания

[1] Капуцины — нищенствующий орден католической церкви, утвержденный в 1525 г. Монахи ордена носили грубую одежду, сандалии на босу ногу и подпоясывались веревками.

[2] Имеется в виду Тышкевич Тадеуш (1774—1852), в 1812 г. бригадный генерал. Из древнего польско-литовского дворянского рода, крупный помещик. Начал службу в армии Речи Посполитой в 1790 г. В 1792 г. сражался с русскими войсками, участвовал в восстании Т. Костюшко. В 1806 г. командовал польской почетной гвардией императора Наполеона. Воевал в Пруссии. С 1808 г. командир 2-го уланского полка, с марта 1812 г. командовал 19-й бригадой 5-го армейского корпуса Юзефа Понятовского. В мае 1812 г. произведен в бригадные генералы. 13 октября под Медынью, на следующий день после сражения под Малоярославцем был взят в плен казаками полковника Г. Д. Иловайского. Отправлен в Главную квартиру русской армии, оттуда препровожден в Астрахань. В 1814 г. был освобожден, а в 1815 г. оставил военную службу. С 1820 г. — сенатор Царства Польского, входившего с 1815 г. в состав Российской империи. Участвовал в Польском восстании 1830—1831 гг., после подавления которого эмигрировал. Умер в Париже.

[3] Николо-Пешношский монастырь, мужской. Находится в Дмитровском районе Московской области на р. Яузе при впадении в нее р. Пешношки. Основан в 1361 г. учеником Сергия Радонежского Мефодием. В 1812 г. избежал разорения. Французы, находившиеся в 18 верстах от монастыря, побоялись идти к нему по окруженной болотами дороге.

[4] Очевидно, имеется в виду Зубов Валериан Александрович (1771—1804), граф, младший брат фаворита Екатерины II светлейшего князя Платона Александровича Зубова, талантливый полководец, генерал-аншеф. Участник боев в Польше в 1794 г., где потерял ногу, и Персидского похода 1796 г., в результате которого к России был присоединен Дербент. В 1797—1799 гг. проживал в Москве и Подмосковье. Активный участник заговора против императора Павла I.

Публикация Ф. А. Петрова и Л. И. Смирновой

Новоспасский монастырь в 1812 году

Новоспасский мужской монастырь получил свое название от Спасо-Преображенского монастыря, основанного первым московским князем Даниилом Александровичем. Его сын, Иван Даниилович Калита, воздвиг в 1330 г. монастырь Спаса на Новом на Боровицком холме Кремля. В 1490 г. Иван III перевел монастырь на левый берег Москвы-реки. Монастырь дал название Новоспасской площади (ныне площадь Крестьянской заставы).

Наряду с Донским и Симоновым Новоспасский монастырь являлся важным звеном в системе укрепленных монастырей, прикрывавших Москву с юга от набегов татар. В 1491—1497 гг. был построен первый каменный собор. При Иване Грозном монастырь был основательно укреплен, что помогло в 1591 г. разгромить крымского хана Казы-гирея, а во время Смуты — успешно отражать натиск поляков. Монастырь стал оплотом народного ополчения во главе с князем Д. М. Пожарским, освободившим Москву от интервентов.

С XVI в. в Новоспасском монастыре хоронили бояр Захарьиных-Романовых. В 1619 г., после возвращения из польского плена патриарха Филарета — отца первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича, началось каменное строительство. Прежде всего были сооружены патриаршие кельи. В 1622 г. возводится шатровая колокольня, в 1640—1642 гг. — каменные стены с шестью башнями, сохранившиеся до наших дней. Над главными (Святыми) воротами во 2-й пол. XVIII в. была установлена надвратная колокольня.

В 1645 г. по образцу Успенского собора Кремля началось возведение пятиглавого Спасо-Преображенского собора, который по мысли первого вкладчика, царя Михаила Федоровича, должен был стать усыпальницей бояр Романовых. Собор был освящен в 1649 г. уже при его сыне, царе Алексее Михайловиче, архимандритом монастыря Никоном — будущим патриархом. В 1652—1656 гг. была построена каменная больничная палата с церковью Николая Чудотворца. В 70-е годы XVII в. — Трапезная палата с церковью Покрова Богородицы и Троицкая «Хлебодарная палата». В 1759—1787 гг. архитектором И. Жеребцовым была возведена величественная колокольня с Сергиевской церковью — по образцу колокольни Троице-Сергиевой лавры. На колокольне были установлены часы с боем. В 1791—1795 гг. была возведена на средства графа Н. П. Шереметева весьма оригинальная по архитектурному решению церковь Знамения Богородицы. Тогда же закончилось строительство братских келий, начатое еще в XVII в.

Таким предстал Новоспасский монастырь французам, которые ворвались в него со стороны Краснохолмской набережной.

В монографии «Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города» (М., 2000) упомянуто о том, что в 1812 г. монастырь сильно пострадал: «в пожаре 1812 г. сгорели кровли на стенах и башнях, а также переходы, соединявшие башни со зданиями комплекса». Убранству Спасо-Преображенского собора французами был нанесен серьезный ущерб, пострадало здание Хлебодарной палаты и фрески Знаменской церкви; своды колокольни «были пробиты упавшими на них колоколами»; выгорело внутреннее убранство Сергиевской церкви; «архимандритские кельи были заняты французами, потом горели», как и все братские кельи, и больничный корпус. Окончательно Новоспасский монастырь был восстановлен лишь в 1820-е годы (Указ. соч. М., 2000. С. 153, 158, 160, 163—166).

Но пострадали не только монастырские постройки, но и сами священнослужители. Описание того, что происходило в Новоспасском монастыре, мы находим в рукописи известного историка Москвы, профессора Московского университета и члена-корреспондента Петербургской Академии наук Ивана Михайловича Снегирева (1793—1868). В 1812 г. он был хранителем университетского архива, который вывозил в Казань. Но впоследствии, со слов очевидцев, Снегирев описал трагические события, происходившие в монастыре. Рассказ повествует о разрушениях и пожарах, зверствах солдат «Великой армии» по отношению к священнослужителям, отказавшимся указать им места, где были спрятаны драгоценности монастыря и частных людей.

Рядом с Новоспасским монастырем, на углу пл. Крестьянской заставы и Динамовской (бывшая Сорокосвятская) улицы, доныне сохранилась церковь Сорока мучеников (построенная в 1645—1688 гг., с колокольней 1801 г.). «41-м мучеником» оказался 68-летний священник храма о. Петр (Вениаминов).

Как вспоминал архитектор В. А. Бакарев, духовником семьи которого был отец Петр, французы «про-

никли и до церкви Св. Сорока мучеников и прежде всего, отыскали священника, требовали от него денег и других ценных вещей. Тот, разумеется, уверил их, что у него нет денег и нет никаких ценных вещей. Изверги побежали за ним, он бросился в церковь, они — туда, он — в алтарь, и там они изрубили его в куски!» (*Бакарев В. А.* Воспоминания архитектора. М., 2012. С. 93).

Тело замученного французами священника было обнаружено и отпето в Новоспасском монастыре только спустя три месяца после его гибели (*Паламарчук П. П.* Сорок сороков. Т. 3. М., 1995. С. 108). Об этом страшном событии также упомянуто в рукописи.

Новоспасский монастырь в 1812 году

В 1812 году Новоспасский монастырь подвергся разрушению, сперва лично от неприятелей, пришедших в монастырь, а затем от возникшего пожара, охватившего часть города, прилегающую к монастырю, который здесь возник от той причины, что неприятелями были оставлены горючие вещества.

Еще задолго до нашествия врагов управляющим тогда Московской епархией архиепископом Августином было испрошено возможное количество подвод для увоза в Вологодский край всех церковных драгоценностей на время пребывания неприятелей в Москве.

Но присланных подвод оказалось недостаточно, чтобы вывезти все церковные драгоценные вещи соборов и монастырей. По этой причине в Новоспасском монастыре священные принадлежности были скрыты под крышей собора, куда также с разрешения монастырского начальства некоторые жители скрыли и свои драгоценности. Считаем необходимым привести здесь прекрасное описание этого тяжелого времени, пережитого Новоспасской обителью, как оно приведено со слов очевидцев Снегиревым.

Перед нашествием врагов, хотя с ризницей и вывезены были драгоценности сего монастыря на Кубенское озеро в Спасо-Каменский монастырь*, однако серебряные ризы с образов скрыты были под кровлею над сводами собора. В Новоспасский монастырь некоторые купцы свезли свои драгоценные пожитки. Настоятель монастыря архимандрит Амвросий Орнатский[1] и братия по распоряжению начальства удалились тогда из монастыря. Там остался один только наместник старец Никодим с десятью монахами и послушниками.

В самый день вступления неприятелей в Москву, вечером первые поляки появились для грабежа в беззащитном монастыре; на другой день 3 сентября пришли туда французы и, выслав поляков, стали продолжать грабеж в кельях и церквах. Наместник, желая их умилостивить, предложил им угощение хлебом и солью; но хищные враги тем не удовольствовались, требовали от него денег, били его и привели его, избитого, с послушником в собор. Там, поставив их среди храма на колени и примкнув к их груди ружья, велели исповедоваться друг другу, как перед смертью; потом, грозя расстрелять, спрашивали, где скрыты монастырские драгоценности; при этом нанесли старцу несколько ран саблями, и, не вынудив у него признания ни угрозами, ни ранами, отпустили едва живого. Страдальца свели в Покровскую церковь, где и положили его на ее помост. Тогда же в монастырь принесено для погребения окровавленное тело Сорокосвятского священника Петра Вениаминова[2], мучительски убитого неприятелями пред дверьми церкви за то, что не указал им, где скрыты драгоценные ее утвари и ризы с образов. Свежая его могила трижды была раскрываема алчными врагами, которые, полагая найти в ней драгоценности, находили только жертву своей лютости.

Между тем среди грабежа, буйства и бесчиния врагов в тот же день вечером от лесного ряда, загоревшегося при монастыре на северной стороне, и от горючих веществ, брошенных французами, самый монастырь вдруг объят был пламенем: сперва занялась двускатная деревянная кровля на ограде, потом кровли на башнях, и на монашеских кельях. Вместе с пожаром поднявшийся ветер усилил ярость огня: искры, угли и горящие головни сыпались градом так, что одни из монастыря бежали искать спасение в Москве-реке, другие укрывались в подвалах и погребах. Все небо пламенело, и зарево от пожара Новоспасского монастыря сливалось с заревом пылающей Москвы. Ночью загорелась и колокольня, где упавший с ужасным треском колокол Петра Великого в тысячу пудов пробил и обрушил своды Сергиевской церкви на втором ярусе и повис на развалинах первого; вслед за ним рухнулся с четвертого яруса полиелей[3] в 425 пуд и разбил в мелкие части большой колокол. От этого потряслось все огромное здание колокольни, разорвались железные в нем связи, но стены и верх не повредились.

Среди ужасного пожара в недрах монастыря уцелели не защищенные ни человеческою силою, ни искусством три храма: Преображенский, Покровский и Знаменский; настоятельские покои. Последние с Покровской церковью обращены были неприятелями в казармы, а Знаменская — в конюшню, но, сколько ни старались они ввести лошадей в Преображенский собор по настланным подмосткам, никак не успели.

Что пощадил огонь, того не пощадили враги, алкавшие добычи. Ограбив в церквах все, что только можно было захватить, они в надежде найти сокровища раскапывали могилы на кладбище монастырском, разламывали каменные надгробницы в усыпальницах под собором и даже престолы и жертвенники в алтарях. Случайно отыскав под кровлею собора серебряные ризы с образов, они разрубали их в монастырском саду палашами и делили между собою. Сентября 4-го, по при-

* Спасо-Каменский, Спасо-Каменный монастырь, мужской, находящийся в Вологодской губ., на острове Кубенского озера. Основан в 1260 г., несколько раз страдал от пожара, но был восстановлен.

бытии в монастырь французского генерала, занявшего настоятельские покои, в святых воротах расположилась гауптвахта с пушками, и монастырь наполнен был фургонами и разными экипажами, скотом и птицами. Среди мерзости запустения не совершалось там Божественной службы до самого выхода неприятелей, которые покушались, было, довершить разорение св. обители подорванием собора, где, по сказанию очевидцев, вырыли, было, и ямы для пороха, но и того не успели сделать.

После ухода неприятелей из Москвы, возвратившаяся братия со своим настоятелем архимандритом Амвросием приступила к приведению в порядок монастыря. Монастырские храмы, разграбленные и опустошенные неприятелями, были вновь отремонтированы и освящены.

ОПИ ГИМ. Ф. 200. Л. 20—22

Примечания

[1] Амвросий (в миру Орнатский Андрей Антипович) (1778—1827), с 1808 г. — архимандрит, с 1819 г. — епископ Пензенский и Саранский.

[2] Петр Святославский (в миру Петр Гаврилович Вениаминов) (1744—1812), священник церкви Сорока Мучеников.

[3] Полиелей — колокол, который звонил во время особых церковных служб.

Публикация Ф. А. Петрова и Л. И. Смирновой

Список сгоревших в Москве церквей во время французского нашествия

Ведомость церквей, которые погорели и при коих как священно- и церковно-служительские дома, так и приходы сгорели

«Сорок сороков» — так называли Москву по количеству православных храмов, число которых к моменту наполеоновского нашествия превышало полторы тысячи. Многие из них сгорели во время пожара 1812 года. Почти все они были вскоре восстановлены, однако, большая их часть, к сожалению, спустя сто с лишним лет была взорвана или разобрана. Более подробные сведения об этих храмах можно почерпнуть в замечательной книге И. К. Кондратьева «Седая старина Москвы», переизданной в 2002 г.; в уникальном трехтомном справочнике «Сорок сороков», составленном безвременно ушедшим из жизни историком Петром Паламарчуком; в энциклопедии «Москва», изданной к 850-летию нашей столицы; в многотомном издании «Памятники архитектуры Москвы» и другой литературе.

Большинство церквей, упомянутых в списке, были известны в более ранний период, как деревянные. В комментариях мы приводим сведения о датах возведения этих храмов в камне, т. е. какими они были в 1812 году, местонахождении их или времени уничтожения. Читатель сможет, таким образом, совершить прогулку по Москве, полюбоваться безмолвными свидетелями наполеоновского нашествия или пожалеть о бездумном сносе тех храмов, которые уцелели от чужеземных завоевателей, но не от собственных варваров XX века. Впрочем, в последнее время московские храмы начинают восстанавливаться…

Вид Симонова монастыря со стороны Москвы-реки. Раскрашенная гравюра 1850-х гг.

Новодевичий монастырь. Литография 1850-х гг.

Список сгоревших в Москве церквей во время французского нашествия. Ведомость церквей, которые погорели и при коих как священно- и церковно-служительские дома, так и приходы сгорели

В Китае[1]

1. Козмодамианская в Панех[2].
2. Богословская под Вязом[3].
3. Троицкая в Никитниках.
4. Максимовская на Варварке[4].
5. Николаевская что слывет Мокрое[5].
6. Зачатейская в Углу[6].
7. Николаевская у Москворецких ворот[7].
8. Успенская у Гостиного Двора[8].
9. Георгиевская на Варварке[9].
10. Предтеченская у Варварских ворот[10].

В Белом Городе

11. Знаменская на Знаменке.
12. Борисоглебская на Арбате[11].
13. Николаевская в Хлынове[12].
14. Георгиевская на Красной Горке[13].
15. Киро-Иоанновская на Солянке[14].
16. Рожественская на Кулишках.
17. Иоанномилостивская в Кисловке.
18. Николаевская близ Старого Каменного моста[15].
19. Тихоновская у Арбатских ворот[16].
20. Благовещенская на Старом Ваганькове[17].
21. Николаевская на Старом Ваганькове[18].
22. Праскевиевская в Охотном ряду[19].
23. Успенская на Вражке[20].
24. Спасская в Копьях[21].
25. Воскресенская у Кузнецкого моста.
26. Ильинская на Тверской.
27. Князе-Владимировская в Садех[22].
28. Всесвятская на Кулишках[23].
29. Николаевская в Подкопаях[24].
30. Трехсвятительская на Кулишках[25].
31. Троицкая на Хохловке[26].
32. Николаевская в Кошелях[27].

В Земляном городе

33. Симеоновская на Поварской[28].
34. Николаевская на Песках[29].
35. Илье-Обыденская.
36. Успенская в Остоженке[30].
37. Старовоскресенская.
38. Нововоскресенская[31].
39. Николоявленская на Арбате[32].
40. Власиевская в Старой Конюшенной.
41. Успенская на Могильцах[33].
42. Ржевская на Поварской[34].
43. Афанасиевская на Сивцевом Вражке[35].
44. Спасо-Божедомская.
45. Троицкая на Арбате.

46. Троицкая в Зубове[36].
47. Борисоглебская на Поварской[37].
48. Предтеченская в Кречетниках[38].
49. Рожественская в Кудрине[39].
50. Спасская на Песках[40].
51. Георгиевская на Всполье[41].
52. Воскресенская на Царицынской улице[42].
53. Успенская на Дмитровке[43].
54. Воскресенская в Бронной[44].
55. Спасская на Песках в Каретном ряду[45].
56. Богословская в Бронной[46].
57. Рожественская в Путинках[47].
58. Знаменская за Петровскими воротами[48].
59. Пименовская в Старых Воротниках[49].
60. Троицкая на Листах[50].
61. Спасская в Пушкарях[51].
62. Николаевская в Дербентском[52].
63. Трехсвятительская у Красных ворот[53].
64. Успенская в Печатниках[54].
65. Николаевская на Мясницкой[55].
66. Грузинская на Воронцовском поле.
67. Ильинская на Воронцовском поле[56].
68. Предтеченская в Казенной[57].
69. Николаевская в Воробине[58].
70. Космодамианская в Таганной слободе.
71. Воскресенская в Гончарах[59].
72. Спасская в Чигасах[60].
73. Космодамианская в Старой Кузнецкой.
74. Архидиаконская за Яузою[61].
75. Покровская на Лыщиковой Горе[62].
76. Успенская в Гончарах[63].
77. Никитская за Яузою[64].
78. Троицкая в Серебряниках[65].
79. Симоновская за Яузою[66].
80. Николаевская на Болвановке[67].
81. Скорбященская на Ордынке[68].
82. Софийская в Средних Набережных Садовниках[69].
83. Никитская в Татарской[70].
84. Николаевская в Кузнецкой[71].
85. Троицкая в Вишнякове[72].
86. Успенская в Казачей[73].
87. Николаевская за Яицкой[74].
88. Спасская на Болвановке[75].
89. Троицкая в Лужниках[76].
90. Петропавловская на Калужской улице[77].
91. Мироновская в Старых Панех[78].
92. Иоакиманская на Калужской улице[79].
93. Николаевская в Берсеневке[80].
94. Космодамианская в Кадашеве[81].
95. Воскресенская в Кадашеве[82].
96. Николаевская в Толмачах[83].
97. Черниговская под Бором[84].
98. Климентовская на Пятницкой[85].
99. Николаевская в Пыжах[86].
100. Покровская на Малой Ордынке[87].
101. Екатерининская на Всполье[88].
102. Григорьевская на Полянке[89].
103. Спасская в Наливках[90].

В Камер-коллежском валу.

104. Введенская в бывом Новинском монастыре[91].
105. Неопалимовская близ Девича поля[92].
106. Предтеченская близ Девича монастыря[93].
107. Девятинская близ Пресни[94].
108. Покровская в Кудрине.
109. Предтеченская за Пресней[95].
110. Адриановская в Мещанской[96].
111. Спасская во Спасской.
112. Троицкая Ирининская в Покровском[97].
113. Троицкая в Сыромятниках[98].
114. Сергиевская в Рогожской[99].
115. Алексеевская в Алексеевской[100].
116. Успенская в Крутицах[101].
117. Сорокосвятская у Новоспасского монастыря.
118. Воскресенская за Таганскими воротами[102].
119. Мартыновская в Алексеевской[103].
120. Троицкая в Кожевниках[104].
121. Успенская в Кожевниках[105].
122. Скорбященская в Ямской Коломенской[106].

ОПИ ГИМ. Ф. 200. Л. 14—15

Примечания

[1] Имеется в виду Китай-город.

[2] Церковь Космы и Дамиана в Старых Панех (ныне Старопанский пер.) построена в 1803 г.

[3] Церковь Иоанна Богослова находится между Никольскими и Ильинскими воротами. Известна с 1493 г. Перед ней до 1775 г. рос громадный вяз. В 1825 г. разобрана за ветхостью, нынешний храм построен в 1837 г.

[4] Церковь во имя святого Максима Блаженного на ул. Варварка. Построена в 1699 г. по повелению царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной.

[5] Церковь Св. Николая Чудотворца, названная «Мокрой» по низменному расположению в Зарядье, построена в 1697 г. Снесена в 1941 г.

[6] Церковь Зачатия Праведной Анны что в Углу (на повороте стены Китай-города от Москвы-реки). Одна из старейших в Москве. Построена в XVI—XVII вв., колокольня XVIII в.

[7] Церковь Николая Чудотворца что у Москворецких ворот построена в 1730 г. Снесена в сер. 1930-х гг. при строительстве нового Москворецкого моста.

[8] Церковь Успения Божьей матери была уничтожена в 1873 г. в связи со строительством здания Биржи на Ильинке.

[9] Церковь Георгия великомученика на Варварке. Построена в 1650-е гг. Трапезная и колокольня сооружены после Отечественной войны 1812 г.

[10] Церковь Рождества Иоанна Предтечи на ул. Варварка построена в 1741 г.

[11] Церкви Знамения Пресвятой Богородицы на Знаменке (построена в 1600 г.) и Святых Бориса и Глеба на Арбатской площади (построена архитектором К. И. Бланком в 1760-х гг.) снесены в 1931 г.

[12] Церковь Св. Николая Чудотворца близ Никитских ворот, названная Хлыновской в честь находившейся в ней иконы, привезенной из поволжского города Хлынова. Построена в 1780-е гг. Снесена в 1936 г.

[13] Церковь великомученика Георгия на Красной горке, получившая название в честь старинного первого весеннего праздника. Построена на Моховой в середине XVII в. До постройки Татьянинской церкви (1837 г.) была университетским храмом. Снесена в 1932 г. На ее месте в сер. 1930-х гг. И. В. Жолтовским было построено здание в палладианском стиле.

[14] Церковь Кира и Иоанна на Солянке. Построена в 1765 г. Снесена в 1934 г.

[15] Церковь Николая Чудотворца у Боровицких ворот, на углу улиц Знаменка и Волхонка. Построена в 1682 г. Снесена в 1932 г.

[16] Церковь Тихона Чудотворца у Арбатских ворот. Построена в 1689 г. После пожара 1812 г. ее хотели сломать, но прихожане отстояли храм, и в 1813 г. была построена новая колокольня. Снесена в 1933 г. Ныне на ее месте — вестибюль станции метро «Арбатская» Филевской линии.

[17] Название Ваганьково происходит от скоморохов, «ваганивших», т. е. развлекавших бояр. Церковь Благовещения построена в 1514 г. Алевизом Фрязиным. Сильно пострадала в пожаре 1812 г. и разобрана в 1817 г.

[18] Церковь Николая Чудотворца построена в 1759 г., ныне находится во дворе Российской Государственной библиотеки.

[19] Церковь Параскевы Пятницы — святой, особо почитавшейся московскими торговыми людьми. Построена в Охотном Ряду князем В. В. Голицыным в 1687 г. Снесена в 1928 г. Ныне на ее месте здание Государственной Думы РФ.

[20] Церковь Успения Божьей Матери на Успенском Вражке (близ нее некогда был овраг) в Газетном пер. Построена в сер. XVII в. Обветшавший храм был заново отстроен в 1857—1860 гг.

[21] Церковь Спаса в Копьевском пер., между Б. Дмитровкой и Петровкой, снесена в 1817 г.

[22] Церковь Св. Князя Владимира что в Старых Садех. Один из древнейших московских храмов. Первый каменный храм построен в 1514 г. зодчим Алевизом Фрязиным на территории великокняжеских садов. После разборки прежнего храма в 1689 г. был возведен новый, с колокольней. Восстановлен после пожара 1812 г. Ныне в Старосадском переулке.

[23] Церковь Всех Святых на Кулишках на нынешней Славянской площади. Местность получила название в честь воинов, павших в Куликовской битве. Первый каменный храм был сооружен в нач. XVI в. На рубеже XVI—XVII вв. было построено новое здание с использованием фундаментов и нескольких рядов кирпичной кладки прежнего храма. Приделы, трапезная и колокольня 1662—1689 гг.

[24] Церковь Св. Николая Чудотворца в Подкопаях близ Солянки (ныне в Подкопаевском пер.). Построена во 2-й пол. XVII в., колокольня — в 1759 г., По преданию, воры похитили из церкви серебряную ризу с иконой Св. Николая, подкопавшись под ее стену, а один из них был завален в подкопе. Храм сильно поврежден пожаром 1812 г. и восстановлен лишь в 1858 г.

[25] Церковь Трех Святителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) на Кулишках (Малый Трехсвятительский пер.) построена в 1674 г.

[26] Церковь Троицы что в Хохловке (близ Покровских ворот) построена в 1696 г. Название получила по посольскому двору Малороссии, которая до 1654 г. находилась под властью Польши.

[27] Кошельная слобода (Кошели) находилась на правом берегу р. Яузы в районе современной Яузской улицы. В XVII в. была заселена мельниками, изготовлявшими крупчатую («кошельную») муку. Церковь Николая Чудотворца в Кошелях построена в 1692 г. Снесена в 1937 г.

[28] Церковь Симеона Столпника на Поварской была построена в 1670-е гг. В 1801 г. в ней венчался граф Н. П. Шереметев с бывшей крепостной актрисой П. И. Ковалевой-Жемчуговой.

[29] Церковь Николая Чудотворца что на Песках, на правой стороне Арбата, построена в конце XVII в. на песчаном грунте. Снесена в 1932 г.

[30] Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Остоженке (улица получила название от слова «остожье» — стог) построена в 1722 г. Снесена в 1933 г.

[31] Имеются в виду две церкви Воскресения Христова на Остоженке, построенные в 1-й трети XVII в. — «Старая» и «Новая». Первая после 1812 г. была сломана, вторая возобновлена, но в середине 1930-х гг. снесена.

[32] Церковь Николая Чудотворца Явленного была построена в XVI—XVII вв. на Арбате. В ней находилась явленная икона Николая Чудотворца. Храм снесен в 1933 г.

[33] Церковь во имя Преображения Господня с приделом Священномученика Власия построена в конце XVII в. В 1812 г. подверглась разграблению, вновь освящена в 1815 г. В храме находится икона мученика Власия — покровителя животных. Церковь Успения Пресвятой Богородицы что на Могильцах построена в 1790-е гг. архитектором Н. Н. Леграном. Обе церкви находятся в переулках между Арбатом и Пречистенкой.

[34] Церковь Ржевской иконы Пресвятой Богородицы на углу Поварской и Ржевского пер. построена в сер. XVII в., перестроена в нач. XIX в. Ныне на ее месте здание Верховного Суда РФ.

[35] Церковь Афанасия и Кирилла что на Сивцевом Вражке (на этом месте в старину был овраг, где протекала река Сивка) построена в 1515 г. Алевизом Фрязином по велению великого князя Василия Ивановича. В 1812 г. была разорена, восстановлена лишь в 1856 г.

[36] Церкви Мученицы Параскевы на Божедомке, Троицы что на Арбате и Троицы что в Зубове, построенные в XVII в., находились на Остоженке, Пречистенке и Смоленском рынке (нынешняя Смоленская площадь). Снесены в 1930-е годы.

[37] Церковь Бориса и Глеба что на Поварской была построена в 1801 г. генерал-майором А. А. Жеребцовым — будущим героем Отечественной войны 1812 года. Снесена в 1930-е гг.

[38] Церковь Иоанна Предтечи в Кречетниках, близ Новинского бульвара, была построена в 1753 г. Названа по месту находившегося там Царского кречетного двора, где содержались птицы для царской охоты. Снесена в 1930 г.

[39] Церковь Рождества Христова что в Кудрине, на углу Поварской и Трубниковского переулка построена в 1693 г. Разорена в 1812 г., но вскоре отстроена. В 1931 г. снесена. В 1934 г. на ее месте архитекторами братьями Весниными было построено здание Театра-студии киноактера.

[40] Церковь Спаса Преображения на Песках, в стрелецкой слободе за Петровскими воротами. Построена в сер. XVIII в. Снесена в 1934 г.

[41] Церковь великомученика Георгия что на Всполье, на углу М. Никитской и Вспольного пер. Построена в 1779 г. графом А. Г. Орловым, на «всполье», т. е. на незастроенном ранее месте. В 1812 г. храм снаружи обгорел, а святыни осквернены. Вскоре был восстановлен. Снесен в 1930-е гг.

[42] Б. Никитская улица (в 1920—1992 — ул. Герцена) в кон. XVII в. — нач. XIX в. называлась Царицынской, — по двору царицы Натальи Кирилловны (Нарышкиной). Церковь Воскресения Христова была одной из церквей Никитского монастыря, разрушенного в 1930-е гг.

[43] Церковь Успения Божией Матери на М. Дмитровке. Построена в 1670-е гг. Колокольня 2-й четв. XVIII в. Обгорела в пожаре 1812 г.

[44] Церковь Воскресения Христова на Малой Бронной построена в 1690 г. В 1938 г. снесена.

[45] Церковь Спаса Преображения на Песках (Спасопесковский пер.) построена в 1698 г. Известна по картине В. Д. Поленова «Московский дворик».

[46] Церковь Иоанна Богослова в Бронной слободе (на углу Богословского пер. и Тверского бул.). Построена в сер. XVII в.

[47] Церковь Рождества Богородицы в Путинках (на ул. М. Дмитровка) — один из самых оригинальных памятников русского зодчества XVII в. (построена в 1646—1652 гг.). Здесь некогда находился Путевой двор для послов и гонцов, в который надо было заезжать «путинками», т. е. кривыми улицами и переулками.

[48] Церковь Знамения Пресвятой Богородицы что за Петровскими воротами построена в 1679 г.

[49] Церковь Св. Пимена что в Старых Воротниках, близ Садово-Триумфальной. По преданию, в день памяти преподобного Пимена 27 августа 1382 г. москвичи отворили ворота Тохтамышу, и он сжег город. Колокольня была построена в 1682 г., а сам храм — в XVIII в. Снесен в 1930-е гг.

[50] Церковь Троицы что у Сухаревой башни на Листах. Построена в сер. XVII в. на территории стрелецкой слободы. На ограде храма в XVIII в. вывешивались и продавались простонародные лубки — «листы».

[51] Церковь Спаса Преображения в Пушкарях, была построена в Пушкарской слободе (нынешняя ул. Сретенка) в 1722 г. Обновлялась после пожара 1812 г. Снесена в 1930-е гг.

[52] Церковь Николая Чудотворца что в Дербентском (Уланский пер.). Построена в 1715 г. на землях Дербентского полка, участвовавшего в покорении Дербента в 1722 г.

[53] Церковь Трех Святителей у Красных ворот построена в 1699 г. В этой церкви в 1814 г. крестили М. Ю. Лермонтова, а в 1882 г. отпевали генерала М. Д. Скобелева. Снесена в 1928 г. Иконостас церкви 1705 года был перенесен в церковь Иоанна Воина на Якиманке.

[54] Церковь Успения Пресвятой Богородицы что в Печатниках, на углу Сретенки и Рождественского бульвара, построена в 1695 г. Здесь была слобода мастеровых книгопечатного дела. Каменная церковь построена в сер. XVIII в. В 1812 г. храм был разграблен и внутри выгорел. Возобновлен в 1814 г.

[55] Церковь Николая Чудотворца на Мясницкой. Построена по плану Петра I в первой трети XVIII в. Снесена в 1928 г. На ее месте архитектор Ле Корбюзье построил здание для Наркомлегпрома.

[56] Воронцово поле — село, некогда принадлежавшее боярам Воронцовым-Вельяминовым. Там были построены две церкви — Грузинской Божьей Матери и Ильи Пророка. Первая, построенная в XVII в., была разрушена в 1930-е гг. Храм Ильи Пророка, построенный в 1654—1662 гг., в сер. XVIII в. был дополнен трехъярусной колокольней, а в 1840—1870 гг. перестроен. В 1930-е гг. колокольня была снесена, купола храма разобраны, и в нем разместился Музей искусства народов Востока. Ныне в храме возобновлено богослужение.

[57] Церковь Иоанна Предтечи в Казенной на Покровке (там находилась казенная слобода служителей, смотревших за царскими лошадьми). Построена в сер. XVIII в. Снесена в 1936 г.

[58] Церковь Николая Чудотворца в Воробине, на ул. Воронцово поле, построена в конце XVII в., в слободе стрелецкого полковника Воробина, сохранившего верность Петру I во время стрелецкого бунта. Снесена в 1932 г.

[59] Церкви Космы и Дамиана что в Таганской слободе и Воскресения Христова в Гончарах у Краснохолмского моста, в гончарной слободе построены в середине XVII в. Снесены в 1928 г.

[60] Церковь Спаса Преображения Господня в Чигасах, за р. Яузой. Построена в 1483 г. игуменом, по прозвищу Чигас (от северорусского «огонь»). Перед нашествием неприятеля в 1812 г. считалась одной из богатейших в Москве. Снесена в 1928 г.

[61] Церкви Космы и Дамиана что в Старой Кузнецкой (на Гончарной улице) и Стефана Первомученика архидиакона (на Николоямской ул.) были построены в XVII в. и снесены в 1929—1936 гг.

[62] Церковь Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе — высоком левом берегу р. Яузы, прозванным «лысым» (ныне Лыщиков пер.). Построена в 1696 г., колокольня конца XVIII в.

[63] Церковь Успения Божией Матери в Гончарах (Гончарная ул.) построена в 1654 г., колокольня середины XVIII в.

[64] Церковь Великомученика Никиты за Яузой (Гончарная ул.). Построена в 1595 г. Колокольня XVII в. Перестроена в середине XVIII в.

[65] Церковь Живоначальной Троицы в Серебряниках (угол Серебрянического пер. и Яузской ул.; здесь была слобода серебряников, т. е. мастеров монетного дела). Каменная церковь известна с 1657 г., перестроена в 1781 г. архитектором К. И. Бланком. Колокольня была сооружена в 1764—1768 гг. на средства Афанасия Гончарова — деда Н. Н. Пушкиной.

[66] Церковь Симеона Столпника за Яузой (Николо-Ямская ул.) построена в 1600 г. Борисом Годуновым в память о своем восшествии на царство 1 сентября 1598 г. в день этого святого. В середине XVIII в. старый храм был разобран и сооружен новый в виде крупной ротонды. Однако в 1798 г. рухнул купол и повредил стены. В 1812 г. перед нашествием французов церковь была отстроена и подготовлена к освящению, но вновь написанные иконы изрублены и сожжены французами. Храм освящен в 1813 г.

[67] Церковь Николая Чудотворца на Болвановке (ныне Верхняя Радищевская ул.) была построена в 1712 г., на месте слободы мастеровых, изготовлявших болванки для чугунолитейщиков и гончаров.

[68] Церковь во имя образа Пресвятой Богородицы «В честь всех скорбящих радостей» — чудотворной иконы, особо чтимой москвичами. Находится на Б. Ордынке. Построена в 1683 г. В 1792 и сер. 1830-х гг. перестраивалась В. И. Баже-

новым и О. И. Бове. Освящалась митрополитами Платоном (Левшиным) и Филаретом (Дроздовым).

[69] Церковь Софии — Премудрости Божией что в Средних Набережных Садовниках, на Софийской набережной. Построена в 1682 г., колокольня — в 1890-е гг.

[70] Церковь Никиты Великомученика что в Старых Толмачах (слободе, где жили толмачи, т. е. татарские и русские переводчики) построена в кон. XVIII в. В 1858 г. разобрана и выстроена новая (арх. М. Д. Быковский). Снесена в 1935 г.

[71] Церковь Николая Чудотворца что в Кузнецкой (угол Новокузнецкой ул. и Вишняковского пер.) построена в Кузнечной слободе в 1681—1683 гг., перестроена в 1805 и 1847 г.

[72] Церковь Троицы в Вишнякове (на Пятницкой улице) построена в 1678 г. Перестроена в 1815 г.

[73] Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Казачьей (здесь находилось подворье донских казаков, сгоревшее в 1812 г.), на углу Б. Полянки и 1-го Казачьего пер. Построена в 1695 г.

[74] Церковь Николая Чудотворца Заяицкого (в слободе, где жили казаки с р. Яик) построена в 1652 г., перестроена в 1741—1759 гг. архитекторами И. Ф. Мичуриным и др.

[75] Церковь Спаса Преображения на Болвановке (угол Пятницкой ул. и Болвановского пер.), построена на том месте, где, по преданию, Иван III встретив послов золотоордынского хана, отказался платить дань, что символизировало окончательное свержение татаро-монгольского ига. Построена в 1722 г. В 1956 г. трапезная и колокольня частично разрушены, ныне восстанавливаются.

[76] Церковь Троицы что в Больших Лужниках за Москвой-рекой, на Лужнецкой ул. Построена в сер. XVII в. В 1933 г. снесена.

[77] Церковь святых Петра и Павла (на углу Б. Якиманки и 1-го Хвостова пер., название получила в честь боярина А. П. Хвоста) построена в сер. XVII — XVIII в. В 1812 г. была превращена французами в конюшню. Церковь не сохранилась.

[78] Церковь преподобного Мирона (Марона) что в Старых Панех (там находилась польская слобода, именовавшаяся «панской») в 1-м Бабьегородском пер. была построена в 1730 г. Перестроена в сер. XIX в.

[79] Церковь Святых Преподобных Иоакима и Анны, давшая название ул. Якиманка, была построена в 1684—1701 гг. После 1917 г. в храме размещался кузнечно-прессовый цех. В 1969 г. здание было уничтожено.

[80] Церковь Николая Чудотворца на Берсеневской набережной, точнее, Живоначальной Троицы с приделом Николая Чудотворца, построена в 1656 г. Местность получила название по имени жившего здесь боярина Берсеня Беклемишева, который был казнен в 1525 г. при великом князе Василии Ивановиче. В 1812 г. храм обгорел, вновь освящен в 1813 г.

[81] Церковь Космы и Дамиана в Кадашах (слобода дворцовых бондарей) находилась на ул. Б. Полянка. Сооружена в 1656 г., колокольня 1740 г. Снесена в 1930-е гг.

[82] Церковь Воскресения Христова в Кадашах (2-й Кадашевский пер.) построена в конце XVII в. Яркий памятник московского барокко.

[83] Церковь Николая Чудотворца в Толмачах в Б. Толмачевском пер. построена в 1697 г. Осталась невредимой в пожаре 1812 г., однако почти все дома ее прихожан выгорели, и богослужение возобновилось лишь в 1814 г. Перестроена в сер. XIX в.

[84] Точнее, церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи что под Бором, с приделом Николая Чудотворца в Черниговском пер., который получил название в честь находившегося рядом другого храма — святых князя Михаила и боярина Федора Черниговских (убитых в 1246 г. в Орде и позже канонизированных). Построена Алевизом Фрязиным в 1514 г., перестроена в 1675 г., колокольня 1758 г.

[85] Церковь Климента Папы Римского на Пятницкой улице, точнее, храм во имя Спаса Преображения Господня с приделом Св. Климента (отца церкви, по происхождению римлянина, сподвижника апостола Павла). Возведена в 3-й четв. XVIII в. (возможно, по проекту П. А. Трезини) на месте, где в 1612 г. русские ополченцы разбили отряд польского гетмана Яна Ходкевича. Один из уникальных памятников московского зодчества.

[86] Церковь Николая Чудотворца что в Пыжах, между Б. Ордынкой и М. Ордынкой, построена в 1672 г. стрельцами приказа дьяка Пыжова. Южный придел возведен в 1811 г.

[87] Церковь Пресвятой Богородицы на М. Ордынке построена в 1702 г., снесена в 1930 г.

[88] Церковь Екатерины Великомученицы что на Всполье, на Б. Ордынке. Построена в 1766—1775-е гг. архитектором К. И. Бланком по заказу Екатерины II в память ее воцарения.

[89] Церковь Григория Неокесарийского на Полянке, по преданию основана в память освобождения из татарского плена вел. кн. Василия II, возвратившегося в Москву в день св. Григория Неокесарийского — 17 ноября 1445 г. Нынешний храм построен в 1667—1669 гг. зодчими Карпом Губой и Иваном Кузнечиком. Один из лучших памятников московского барокко.

[90] Церковь Спаса Преображения Господня построена в 1738 г. на месте бывшего урочища Наливки, где по преданию селились великокняжеские телохранители, имевшие право в любое время пить вино и пиво. Находилась на углу Якиманки и Спасо-Наливковского пер. Снесена в 1930 г.

[91] Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы что в Новинском. После упразднения Новинского (Нового) монастыря в 1762 г. была превращена в приходскую. Снесена в 1930-е гг.

[92] Церковь «Неопалимая Купина» близ Девичьего поля находилась в Неопалимовском переулке. Построена при царе Федоре Алексеевиче в 1680 г. Снесена в 1930 г.

[93] Церковь Иоанна Предтечи, взорванная в 1812 г. французами перед отступлением, была вновь выстроена на новом месте на нынешней Б. Пироговской купцом С. А. Милюковым. Снесена в 1935 г.

[94] Церковь Девяти Мучеников на Пресне, в Девятинском пер. Построена в 1735 г.

[95] Церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Кудрине на Кудринской (ныне Баррикадная) ул. близ Пресненских прудов и Рождества Иоанна Предтечи в М. Предтеченском пер. построены в 1-й трети XVIII в. и снесены в 1930-е гг. На месте Покровской церкви и соседних строений — высотный дом на быв. пл. Восстания (ныне вновь Кудринская).

[96] Церковь Святых Адриана и Наталии в Мещанской слободе построена в 1680-е гг. на месте деревянной, возведенной в 1672 г. в память венчания царя Алексея Михайловича с Наталией Кирилловной Нарышкиной — матерью Петра I. Снесена в 1936 г.

[97] Церковь во имя Святой Троицы с приделами великомучениц Екатерины и Ирины что в Покровском построена в 1790 г., на Ирининской ул. (ныне Ф. Энгельса).

[98] Церковь Живоначальной Троицы в Сыромятниках построена в кон. XVIII в. Снесена в 1930-е гг.

[99] Церковь Преподобного Сергия Радонежского в Рогожском пер. (Николоямская ул.) построена в 1796 г. Храм сгорел 5 сентября 1812 г., осталась только трапезная, и в 1838—1864 гг. заменен новым, более обширным.

[100] Церковь Алексия человека Божия построена в 1680-е гг. В 1824 г. разобрана, материал был употреблен на постройку колокольни стоящей рядом церкви Тихвинской Божьей Матери (на просп. Мира, ул. Церковная горка).

[101] Точнее, Успенский собор в Крутицах, заложенный в 1672 г. в честь рождения у Алексея Михайловича сына — будущего царя Петра Великого. Построен в конце XVII в. В 1812 г. верхняя часть собора выгорела, и все фрески погибли. Восстановлен в 1823 г.

[102] Церковь Воскресения Христова что в Таганке построена в конце XVII в. Снесена в 1930-е гг.

[103] Церковь Мартина Исповедника на Б. Алексеевской ул. (ныне ул. Солженицына) построена в 1791—1806 гг. по проекту Р. Р. Казакова. Один из наиболее ярких памятников московского классицизма.

[104] Церковь Троицы в Кожевниках в Б. Троицком (ныне 2-й Кожевниковский пер.) построена в конце 1686—1689 гг. и перестроена в 1718 г. архитектором И. П. Зарудным.

[105] Церковь Успения Божьей Матери в Кожевниках построена в 1720-е гг. Снесена в 1930-е гг.

[106] Церковь во имя иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих радости» что в Ямской Коломенской слободе на Зацепе (здесь в 1685—1722 гг. проходила таможенная граница Москвы), именовавшаяся чаще по приделу в честь Флора и Лавра, была построена в 1739 г., разобрана и заново построена в 1862 г. Ныне находится на Дубининской ул.

Публикация Ф. А. Петрова и Л. И. Смирновой

Именной список оставшимся в Москве в целости соборам, монастырям и приходским церквам, казенным и обывательским строениям

Почти 40 лет тому назад А. Г. Тартаковский опубликовал обстоятельное исследование «Население Москвы в период французской оккупации 1812 г.». По мнению известного ученого, из 275 тыс. человек, проживавших в Москве на 1 января 1812 г., осталось в городе чуть более 6 тыс. (Исторические записки. Т. 92. М., 1973. С. 368). Поэтому несомненный интерес представляет хранящийся в ОПИ ГИМ уникальный источник, позволяющий достаточно точно выявить число домовладений в Москве — как уцелевших, так и частично пострадавших в пожаре.

С помощью комментариев к тексту читатель сможет совершить «прогулку» по Москве после изгнания французов.

На первый взгляд кажется, что кроме Кремля (да и там порушили немало, и сам Большой Кремлевский дворец отнюдь не того времени, а постройки К. А. Тона середины XIX века) мало что сохранилось. Но на самом деле можно найти несколько сотен церквей и гражданских зданий, которые, пусть порой и в искаженном до неузнаваемости виде, остаются безмолвными свидетелями пожара 1812 года.

В тексте «Именного списка» все объекты расположены по частям (районам) города.

Центр столицы именовался «Городской частью», куда входили Кремль и Китай-город, который также был тогда обнесен стеной (ныне от нее остался небольшой фрагмент на Театральной площади). Вспомним, что название «китай» происходит не от Великой Китайской стены, а от старославянского слова «кита» — связка жердей, применявшихся при строительстве укреплений. Три главных улицы шли от Красной площади — ныне им возвращены исконные названия: Никольская, Ильинка и Варварка.

В «Городскую часть» входил также Охотный Ряд, занимавший территорию между современными Манежной и Театральной площадями. На месте нынешнего Александровского сада протекала река Неглинка, а по другую сторону проходила всем известная улица Моховая. По ней мы и пройдем мимо Пашкова дома по Волхонке до Пречистенского (Гоголевского) бульвара.

Мы — в «Пречистенской части», которую составляли две улицы, лучами расходящиеся от нынешнего вестибюля станции метро «Кропоткинская» к Зубовскому валу (ныне площади) — Остоженка и Пречистенка. А. И. Герцен назвал эту часть «Сен-Жерменским предместьем Москвы»: фамилии аристократов сохранились в названиях переулков (Всеволожский, Гагаринский, Левшинский, Мансуровский и т. п.).

Границей между Пречистенской и Арбатской «частями» был сам Арбат. В «Арбатскую часть» входили также улицы Поварская, Большая и Малая Никитские (во избежание путаницы приведем привычные многим москвичам за долгие годы советские названия этих улиц — Воровского, Герцена и Качалова); Большая и Малая Бронные улицы.

По Тверскому бульвару мы выходим в «Тверскую часть» — известную по фамилиям многих домовладельцев. В нее, естественно, входила сама Тверская — главная улица города, от которой шла прямая дорога из древней столицы в Санкт-Петербург, и далее — улицы Большая и Малая Дмитровки (Пушкинская и Чеховская), Петровка и Рождественка. Последняя служила границей между Тверской и Мясницкой «частями». Эта часть включала, собственно, Мясницкую (бывшая ул. Кирова) улицу и часть Сретенки — до бульварного кольца.

Дальше начиналась уже собственно Сретенская, а за ней — Сущевская и Мещанская «части», разделявшиеся Сухаревской площадью. Там находятся улицы: Маросейка, переходящая в Покровку (улицы Богдана Хмельницкого и Чернышевского), Мещанские улицы и Солянка.

Солянка вела в Яузскую «часть»: ее продолжением была Яузская улица, которая шла перпендикулярно Николоямской и Таганской. Дальше начиналась уже «Таганская часть», главными улицами которой были Таганская, Гончарная, Большая и Малая Алексеевские, Воронцово поле и Рогожская. Последняя была границей с «Рогожской частью» — одним из центров московского старообрядчества.

Строгим нравам «Рогожской части» противостояло известное еще со времен юности Петра Великого и

прозванное по фамилии одного из его сподвижников — Ф. Лефорта — Лефортово (или, как обозначалось даже в официальных документах «Лафертовская часть») и граничившая с ней «Басманная часть». Роскошные дворцы вельмож и нарядные храмы, как правило, XVIII века, находились на улицах Старой и Новой Басманных, Елоховской, Ирининской, Преображенской и Семеновской (вспомним любимые Петром I Преображенский и Семеновский полки).

Севернее находилась Покровская часть с улицами Хапиловкой, Красносельской и другими.

Мы совершили «бросок» с запада на восток — примерно в том направлении, каким утром 2 сентября шли русские войска, покидая древнюю столицу.

Почти одновременно наполеоновская армия входила в город через Дорогомиловскую, Пресненскую, Тверскую и Калужскую заставы. Первая, которую тогда называли «Драгомиловской», находилась за Москвой-рекой. Новинская и Пресненские «части» разделялись Пресненской улицей, пересекавшей предместье «Три Горы», куда, как уже говорилось, Ф. В. Ростопчин призывал простой народ собраться 1 сентября, вооружившись вилами и рогатинами.

Через Калужскую заставу шла дорога в центр города. Обширную территорию до Садового кольца составляла Серпуховская часть, знаменитая тремя монастырями — Даниловым, Донским и Андреевским. Ее пересекали улицы Калужские — Большая (ныне Ленинский просп.) и Малая, Серпуховские и Шаболовка.

Замоскворечье — территория между Москвой-рекой и Садовым кольцом — разделялась на две «части» — Якиманскую и Пятницкую, включавшие Якиманку, Ордынку, Пятницкую и Кузнецкую (ныне Новокузнецкая) улицы.

Больше всего от пожара пострадала «Пятницкая часть», где уцелело лишь 5 домов. В «Пречистенкой части» осталось 8, в Городской — 11, в Таганской — 13, в Сретенской — 16, в Яузской — 36, в Якиманской — 39, в Басманной — 48, в Рогожской — 63, в Арбатской — 92, в Лефортовской — 121, в Новинской — 126, в Тверской — 127, в Мещанской — 182, в Серпуховской — 208. В то же время в «Пресненской части» осталось 279 строений, в Мясницкой — 293, в Серпуховской — 300, в Сущевской — 333 и в Покровской — 355. Всего из 9158 московских домов (6591 деревянных и 2567 каменных) за месяц французской оккупации было уничтожено 6,5 тыс. (в т. ч. свыше 2 тыс. каменных и 4,5 тыс. деревянных), из 329 церквей — 122. Раскрыть эти общие статистические сведения позволяет публикуемый ниже список.

Здесь содержатся сведения как о соборах, монастырях и приходских церквах, частично дублирующие предыдущий документ, так и о «казенных и обывательских строениях».

Среди казенных учреждений упоминаются: дом московских генерал-губернаторов на Тверской, духовная типография на Никольской и университетская — в Газетном переулке; начальные и средние школы, Голицынская и Павловская больницы, Андреевская богадельня, Мытный двор, Казенный колымажный двор, Сандуновские бани и т. д.

Материалы о частных владениях позволяют представить весь спектр многосословного населения древней столицы.

Возможно, у читателя создастся впечатление своего рода «адресной книги». Но нельзя забывать о том, что это была «грибоедовская» и, в значительной степени, «пушкинская» Москва. Мы встречаем знакомые и знаменитые имена.

Среди домовладельцев — фамилии титулованной знати: князья Барятинские, Вадбольские, Волконские, Голицыны, Горчаковы, Долгорукие, Енгалычевы, Засецкие, Кантемиры, Касаткины-Ростовские, Кропоткины, Куракины, Лобановы-Ростовские, Львовы, Мещерские, Несвицкие, Оболенские, Одоевские, Прозоровские, Репнины, Трубецкие, Тюфякины, Урусовы, Хованские, Цициановы, Черкасские, Шаховские, Щербатовы, Юсуповы; графы Апраксины, Бутурлины, Воронцовы, Головкины, Дмитриевы-Мамоновы, Зубовы, Каменские, Кутайсовы, Морковы, Мусины-Пушкины, Орловы, Остерманы, Протасовы, Разумовские, Румянцевы, Салтыковы, Санти, Строгановы, Толстые, Чернышевы, Шереметевы, Ягужинские.

Много встречаем мы известных дворянских фамилий: Алябьевы, Арсеньевы, Бахметевы, Безобразовы, Бекетовы, Беклемишевы, Бестужевы, Бибиковы, Булгаковы, Вадковские, Васильчиковы, Веневитиновы, Волынские, Всеволожские, Глебовы, Голенищевы-Кутузовы, Головины, Дашковы, Демидовы, Дурасовы, Дурново, Измайловы, Корсаковы, Кречетниковы, Ладыженские, Ланские, Левашовы, Лопухины, Лунины, Ляпуновы, Мансуровы, Мосоловы, Нарышкины, Небольсины, Новосильцевы, Огаревы, Олсуфьевы, Пашковы, Полторацкие, Пушкины, Раевские, Рахмановы, Римские-Корсаковы, Ртищевы, Сабуровы, Савеловы, Соймоновы, Собакины, Сухово-Кобылины, Татищевы, Уваровы, Хитрово, Хомяковы, Чертковы, Шахматовы, Шуваловы и др. Их имена сохранились в названиях ряда московских улиц и переулков.

Встречаем мы и фамилии знаменитых генералов, в том числе героев Отечественной войны 1812 года. Среди них — Д. В. Голицын, А. Г. Щербатов и А. А. Закревский (будущие московские генерал-губернаторы), организаторы московского ополчения М. А. Дмитриев-Мамонов и И. И. Морков, прославленный А. П. Ермолов, и, наконец, герои Бородина Тучковы (из четырех братьев двое пали на поле битвы), а также знаменитый картограф К. Ф. Толь.

Сохранились от пожара дома свирепого экс-полицмейстера московского Н. П. Архарова, уже знакомых нам А. Я. Булгакова, П. С. Валуева, кн. А. А. Кольцова-Мосальского, А. М. Лунина,

Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Н. Д. Приклонского, И. А. Тутолмина; многих офицеров и даже солдат, наконец, чиновников — от действительного тайного советника до коллежского регистратора.

И доныне существует знаменитый дом попечителя Московского университета графа А. К. Разумовского на Воздвиженке с увенчанной куполом ротондой и колоннадой (с 1799 г. принадлежал графу Н. П. Шереметеву). Упоминаются фамилии и другого университетского попечителя — добродушного князя А. П. Оболенского. Пять профессоров Московского университета владели домами в разных «частях» Москвы. Известный педагог А. А. Прокопович-Антонский впоследствии стал ректором университета, З. А. Горюшкин написал первый учебник по русскому праву, венгр по национальности Ф. Ф. Керестури был врачом университетской больницы. Выходцами из Германии были профессора В. М. Рихтер (известный акушер, которому было суждено впоследствии принимать роды у великой княгини Александры Федоровны — матери будущего императора Александра II) и Х. Ю. Штельцер. Последний запятнал себя участием во французском муниципалитете, где подписывал смертные приговоры москвичам, бездоказательно обвиненным в поджогах. Имели собственные дома и отдельные богатые студенты — например, сын московского купца Находкина, приказом Наполеона назначенного «мэром», т. е. главой упомянутого муниципалитета.

Среди домовладельцев были знаменитый архивист и историк Москвы А. Ф. Малиновский, популярные артисты того времени П. А. Плавильщиков и С. Н. Сандунов, великие зодчие М. Ф. Казаков, отец и сын Жилярди и другие деятели культуры.

Немало упоминается церковнослужителей (архиепископы, наместники монастырей, архимандриты, иеромонахи, священники, дьяконы, дьячки, пономари и т. п.).

В списках домовладельцев мы находим имена купцов и фабрикантов, среди которых представители таких известных предпринимательских династий, как Алексеевы (давшие миру великого К. С. Станиславского), Грачевы, Кожевниковы, Корзинкины, Куманины, Титовы и Усачевы (фамилии двух последних сохранились в современной топонимике); мещан, цеховых и даже дворовых крестьян.

На территории Грузинской слободы (между современными улицами Пресненский вал, Грузинский вал и Б. Грузинская) было немало домов, принадлежавших грузинским семьям. Упоминаются фамилии сына последнего царя Картли-Кахетии Георгия XII (который в 1801 г. обратился к российскому императору с просьбой о принятии в его страны в русское подданство), князей Багратионов и Цициановых и др. Встречаем среди домовладельцев также армян, турок, греков, немцев (вспомним хотя бы пресловутую купчиху Обер-Шальме), французов, англичан и представителей других национальностей, давно осевших в древнерусской столице. Заранее оговоримся, что полностью восстановить правильное написание фамилий, перевранных писарями, порой не представляется возможным.

Впрочем, вполне вероятно, что читатель, который захочет совершить прогулку с нашей книгой в руках по «виртуальной» Москве 1812 года, может и не обнаружить многих уцелевших домов двухсотлетней давности, уступающих место аляповатым «новоделам» современной административно-банковской столицы.

Публикуемая рукопись, подписанная московским обер-полицмейстером П. А. Ивашкиным, не датирована. Но из биографий ряда известных домовладельцев удалось точно установить, что она составлена в 1814 году.

Именной список оставшимся в целости соборам, монастырям и приходским церквам, казенным и обывательским строениям

Городской части

Казанский собор[1]
Богоявленский монастырь
Заиконоспасский монастырь
Греческий монастырь
Троицы в Полях[2]
Иоанна Богослова
Владимирской Божией Матери[3]
Николы Большого Креста[4]
Козьмы и Дамиана

Казенные домы

Губернское правление с прочими присутственными местами
Духовная типография[5]

Обывательские домы

Надворного советника Кусовникова, при нем домовая церковь
Графа Шереметева[6]
Попадьи Абрамовской
Графа Орлова
Купца Милютина
Мещанина Ашмарина
Купца Шарина

Николая Чудотворца что Красный звон[7]
Ипатия[8]
Пятница, именуемая Прасковья
Грузинской Божией Матери[9]
Климента[10]
Знаменский монастырь
Варвары Христовой Мученицы[11]
Максима Исповедника
Георгия
Зачатия Святые Анны

Купца Колесникова
Флигель, оставшийся от дому генерала Духовницкого[12]

В Кремле соборы
Успенский собор
Благовещенский
Архангельский
Покров что именуется Василий Блаженный[13]
Николая Чудотворца
Спаса на Бору

Монастыри
Чудов
Вознесенский

Церкви
Никола Москворецкий
При Чудовом монастыре архиерейский дом[14]
При Вознесенском монастыре дом

Пятницкой части
Никола на Пупышах[15]
Козьмы и Дамиана
Михайлы Архангела[16]
Климентовская
Пятницкая[17]
Троица в Лужниках
Никола в Пыжах
Егорья на Всполье
Воскресение Словущее[18]

Обывательские домы
Московской купецкой жены Белобровой
Господина Кожина
Мещанина Софрона Михайлова
Мещанки Шараповой
Купчихи Четвериковой

Серпуховской части
Церкви
Вознесенская Господня
Воскресение Словущее
Риз положения
Троицы на Шаболовке[19]
Фрола и Лавра
На Даниловском кладбище[20]
При Павловской больнице
При Голицынской больнице
При Андреевской богадельне

Казенные домы
Павловская больница
Голицынская больница
Провиантские магазейны

Обывательские домы
Купца Кирьякова
Мещанки Скосыревой
Мещанки Периной
Московского купца Рязанова
Купца Столярова
Купца Китайцова
Ротмистра Неронова
Купчихи Водопьяновой
Фабричного Бекарюкова
Крестьянина Антонова
Комиссионера Гусева
Девицы Тимофеевой
Съезжий двор
Купца Николаева
Купца Шкарина
Комиссионера Воронецкого
Купца Игнатьева
Надворного советника Луховикова
Купца Дорбышева
Девицы Лошаковой
Купца Григорьева
Надворного советника Арбузова
Масленый двор
Мытный двор[21]
Надворного советника Ляпина
Генерала Мерлина[22]
Мещанина Афанасьева
Господина Яковлева
Генерала Арсентьева[23]
Вдовы тайной советницы Масловой
Генерала Загряжского[24]
Купца Шкарина
Коллежской советницы Сймоновой
Вдовы, поповой жены Иевлевой
Дьячка Петрова
Дьякона Иванова
Священника Розанова
Пономаря Иванова
Графини Орловой
Надворной советницы Липиной
Купца Почечуева
Гвардии поручика Соковнина
Купца Кулькова
Купца Толоконникова
Действительного статского советника Ляпунова
Девиц Никифоровых
Военного советника Беклемишева[25]
Аптекаря Гофмана
Бригадира Карповича
Надворной советницы Семеновой
Гвардии прапорщика Карпова
Купца Подкатова
Его же Подкатова
Секретаря Алексеева
Купца Котельникова

Купца Скворцова
Коллежского асессора Драницына
Капитанши Застровской
Купца Пашильникова
Купца Жукова[26]
Купецких детей Рыбинских
Бригадира Пашкова
Купца Корзинкина сахарный завод[27]
Купца Булгакова
Гвардии прапорщика Чебышева
Купцов Шестовых сахарный завод
Мещанина Силина
Купца Извощикова
Даниловского монастыря штатный дом
Секретарши Плужниковой
Майора Ушакова
Купца Ремизова[28]
Купца Бекетова
Фабричного Алексея Бекарюкова
Солдатки Тихоновой
Солдатки Шилоносовой
Коллежского асессора Михайлова
Купца Кулькова
Прапорщицы Никифоровой
Госпожи Люберецкой
Купца Шкарина
Купца Подкатова
Коллежского асессора Зимина
Надворного советника Луховикова
Мещанина Коровкина
Мещанина Молчанова
Мещанина Петрова
Секретарши Быховцовой
Купецкой жены Веневцовой
Купца Андреева
Купца Шепелкова
Мещанки Костромской
Купца Заикина
Мещанина Константинова
Титулярного советника Аполлонского
Купца Алексеева[29]
Купца Заикина
Купца Набойщикова
Купца Ильина
Купца Хлебникова
Мещанки Антоновой
Купца Заварзина
Купца Жукова
Купца Рыбникова
Мещанина Сафонова
Мещанки Горшковой
Мещанина Лашина
Секретаря Никонова
Секретаря Осипова
Секретаря Первухина
Мещанки Колесниковой
Солдата Лукьянова
Прапорщика Стрекалова
Крестьянина Королькова
Крестьянина Таличкова
Крестьянина Мошнина
Крестьянина Калугина
Крестьянина Новоселова
Крестьянина Филимонова
Князя Барятинского фабрика
Крестьянина Федорова
Крестьянина Иванова
Крестьянина Андреянова
Купецкой жены Сторожевой
Фабричной женки Цыбелиной
Купца Жукова
Вахтера Калягина
Священника Филиппова
Диакона Алексеева
Дьячка Петрова
Пономаря Игнатьева
Просвирни Алексеевой
Господина Хотяинцова
Иностранца Карла Андреева
Купца Киселева
Казенный питейный дом на Щипке[30]
Купца Попова
Солдата Родионова
Майорской дочери Соловьевой
Купчихи Ивановой
Княгини Юсуповой
Статской советницы Полторацкой
Графини Орловой-Чесменской
Генерала Ртищева[31]
Надворной советницы Прокудиной
Подпоручика Уварова
Генеральши Чичериной[32]
Майора Козловского
Подпоручицы Огаревой
Статской советницы Собакиной
8-го класса Лисовского
Отставного коллежского регистратора Первова
Подпоручика Уварова
Купца Бронзова
Титулярного советника Соловьева
Купца Прянишникова
Мещанина Филатова
Купца Шурупова
Купца Пашильникова
Купца Копылова
Купца Федотова
Коллежского асессора Прокофьева
Купца Малеева
Кригс-комиссарши Бриделевой
Генеральши Прянишниковой[33]
Титулярного советника Зона
Бригадира Давыдова

Мещанки Давыдовой
Коллежского асессора Дубровина
Коллежской советницы Лихаревой
Корнетши Лавровой
Дьякона Величина
Просвирни Ивановой
Пономаря Васильева
Дьячка Страхова
Купца Павлова
Мещанки Антоновой
Коллежской советницы Мининой
Поручика Сомова
Коллежской советницы Ладыженской
Майорши Карабьиной
Надворного советника Жилина
Коллежского советника Жигулина
Прапорщицы Засецкой
Прапорщицы Беляевой
Мещанина Жирнова
Студента Находкина
Секретаря Мотовкина
Иностранца Делиля
Мещанина Воробьева
Генерала Сарахтина
Статского советника Протопопова
Иностранца Штельцера[34]
Титулярной советницы Сергеевой
Штаб-лекаря Виноградского
Купца Коренева
Поручика Хрущова
Господина Правикова
Надворного советника Головина
Дьячка Максимова
Прапорщика Пономарева
Вахтера Кадашкова
Титулярной советницы Арсеньевой
Прапорщика Хозикова
Комиссарши Раковской
Бригадира Арсеньева
Коллежского асессора Розберха
Мещанки Сонцовой
Купца Широкова
Мещанина Лизгунова
Титулярной советницы Сергеевой
Купца Бронина
Купца Калинина
Надворного советника Сарычева
Казенный питейный дом
Статского советника Антонского[35]

Кузницы

Господина Новикова
Купца Бекетова
Купчихи Алексеевой

Домы

Часовня у Калужской заставы[36]
Богадельня при церкви Риз положения
Купца Титова[37]
Княгини Голицыной
Надворного советника Рихтера[38]
Его ж, Рихтера
Генерала Ермолова[39]
Тайного советника Левашова[40]
Бригадира Волконского
Полковницы Кречетниковой
Господина Енгалычева
Надворной советницы Бахметевой
Майорши Мазовской
Майорши Мосоловой
Тайного советника Мясоедова[41]
Его ж, Мясоедова
Мещанина Фетисова
Протоиерея Семенова
Купца Штиглица
Обер-провиантмейстерши Воронцовой
Надворной советницы Бахметевой
Генерала Новицкого[42]
Коллежского советника Ушакова
Коллежского асессора Дубровина
Мещанина Морщинина
Купца Кумынникова
Комиссара Соина
Секретарши Шетериной
Цехового Петрова
Майора Мальцова
Статской советницы Татищевой

Монастырская гостиница
Монастырских служек

Ильи Иконникова
Якима Чернявскаго
Якова Борисова
Ильи Егорова
Марфы Семеновой
Ивана Добычева
Григорья Папушина
Тимофея Евдокимова
Федора Михайлова
Ильи Акинфиева
Сергея Никифорова
Ивана Рогожина
Петра Черняевскаго
Ивана Панкова
Александра Михайлова
Василья Борисова
Трофима Степанова
Матвея Савинова

Купца Фецкина
Дворового человека Трофимова
Мещанина Максимова

Купца Погребщикова
Купца Соколова
Крестьянина Изюмова
Мещанина Житкова
Мещанина Лобанова
Купца Ушакова
Мещанки Семеновой
Мещанки Андреевой
Купца Петрова
Мещанина Проваторова
Мещанки Драгутиной
Мещанина Зуева
Мещанина Миронова
Секретаря Трукторова
Мещанина Варфаламеева
Крестьянина Серкина
Мещанки Воробьевой
Мещанки Коровкиной
Мещанина Мамырева
Бригадира Волконского
Князя Юсупова
Мещанина Иванова

Якиманской части

Церкви

Николая Чудотворца что на Берсеневке
Софии Премудрости что на берегу Москвы-реки[43]
Всех Скорбящих что на Ордынке (крышка*)
Николы Чудотворца что в Толмачах (крышка)
Воскресения Христова что в Кадашеве (крышка)
Григория Неокесарийского что при Полянке
Успения Божией Матери что в Казачьей
Екатерины Мученицы что на Ордынке — в зимней церкви внутренности и крышка сгорели
Преображения Господня что в Наливках — крышки сгорели
Казанской Божией Матери[44]
Иоанна Воина[45]
Благовещения Пресвятые Богородицы[46]
Петра и Павла — часть крышки от жару развалилась
Николая Чудотворца что в Голутвине[47]
Козьмы и Дамиана что в Кадашеве — от жару крышка отвалилась
Иоакима и Анны что на Якиманке — внутренности сгорели, то ж и крыша

Казенные домы

Каменномостский винный дом — часть магазинов сгорела.
Сенатский курьерский дом — верхний этаж выгорел, а нижний цел.

Обывательские

Московского купца Михайлова
Надворного советника дочерей Барятинских
Московского купца Балдина
Московского купца Петухова
Надворного советника Петра Андреева
Московского купца Панова
Московской купецкой жены Белоусовой
Московского купца Бобылева
Московского купца Курносова
Московского купца Прозуменщикова
Московского купца Алексея Иванова
Московской мещанки Щипоновой
Вечно цехового[48] Орлова
Московского мещанина Шибунина
Иоанна Войственника диакона Андреева
Московского купца Ливенцова
Московского мещанина Стариченкова
Войственницкого священника Аверкиева
Купца Епанешникова
Купца Григория Ванчукова
Церкви Иоанна Воина церковные покои
Генерал-майора и кавалера Сабурова[49]
Майорши Давыдовой
Полковника Рахманова
Комиссионера Гусева
Московского купца Колычева
Гостунского собора[50] диакона Васильева
Оного ж собора дьячка Андреева
Оного ж собора попадьи вдовы Аграфены Ивановой
Титулярного советника Богомолова
Купецкой жены Будылиной
Купца Засыпкина
Купца Протопопова
Войственницкого пономаря Иванова
— дьячка Андрея Степанова
— просвирни[51] Марины Ивановой
Оной же церкви церковный покой
Бригадира и кавалера Рахманова
Московского мещанина Лашина
Церкви Казанской Божией Матери церковный покой

Тверской части

Домы

Статского советника Огарева[52]
Регистраторши Цветковой
Дьячка Михайлы Васильева
Иностранца Матвея Галицкого
Статского советника Татищева
Университетской типографии[53] 4 флигеля
Ротмистрши Талызиной
Тайной советницы Дивовой[54]
Ее ж, Дивовой
Священника Тимофея Петрова
Диакона Ивана Васильева
Пономаря Александра Никитина
Дьячка Ивана Денисова
Князя Трубецкого[55]

* Крышки обвалились от пожара.

Титулярной советницы Долговой
Танцмейстера Ивана Ламираля
Майора Щукина
Прапорщика Кожина
Тайной советницы Мелиссиной[56]
Повивальной бабки Зельтман
Графа Салтыкова[57]
Князя Шаховского
Пономаря Михайлы Денисова
Дьячка Никифора Иванова
Священника Никиты Дмитриева
Коллежского асессора Маслова
Статского советника Бенкендорфа
Московского купца Живова
Мещанина Марсова
Купца Тулупова
Статской советницы Козицкой[58]
Купца Кожевникова
Бригадирши Лобковой
Купчихи Малютиной
Графа Салтыкова
Обер-провиантмейстера Походяшева
Графа Петра Ивановича Салтыкова
Дьячка Ивана Иванова
Пономаря Павла Матвеева
Священника Сергея Сергеева
Князя Дмитрия Владимировича Голицына[59]
Купчихи Обер-Шальме[60]
Купца Смирнова
Санкт-Петербургского купца Усачева
Поручика Кожина
Купца Селивановского
Бригадира графа Толстого[61]
Майорши Товаровой
Майорши Засецкой
Мещанки Решетниковой
Коллежской асессорши Карцовой
Московского купца Маркова
Князя Черкасского
Московского купца Шемякина
Московского купца Кирiякова
Его ж
Прапорщицы Дурновой
Генерал-майора Рахманова[62]
Майора Сабурова
Князя Касаткина-Ростовского
Поручика Титова
Надворной советницы Раевской
Подпоручика Хомякова[63]
Графа Моркова
Регистратора Станкевича
Казенный Главнокомандующих дом — корпус с одним флигелем[64]
Подпоручицы княгини Засецкой
Майора Адама Челищева
Его ж
Графа Кутайсова[65]
Генерал-майора Позднякова[66]
Княжны Шаховской
Коллежской советницы Небольсиной
Диакона Семенова
Священника Петра Афанасьева
Коллежского асессора Яковлева
Князя Шаховского[67]
Действительной статской советницы Олсуфьевой[68]
Коллежской асессорши Щебичевой
Статского советника Назарова
Г. генерала Прозоровского[69]
Коллежского асессора князя Вадбольскаго
Поручицы Сабуровой
Купца Пирогова
Графини Салтыковой
Священника
Диакона Васильева
Дьячка Николая Сергеева
Графини Строгановой
Господина Соловова
Генерала Щербатова[70]
Училищный
Малолетних гг. Орловых
Купца Усачева
Купца Адриана Иванова
Князя Лобанова-Ростовского[71]
Генерал-лейтенанта Лунина
Княжен девиц Сибирских
Тайного советника Мусина-Пушкина[72]
Московских купцов Якобиев[73]
Генерал-майора Пашкова[74]
Девиц Левашовых
Князя Хованского
Казанского собора священника
Полковницы Ланской
Княгини Голицыной
Графини Протасовой
Генерал-майора Тутолмина
Казенный колымажный двор[75]
Вечно цехового Зимулина
Княжны Голицыной
Генерал-поручика Фаминцына[76]
Господина Шаталова
Надворного советника Оболонского
Именитой гражданки Суховщиковой народные бани и 2 флигеля
Господина Пашкова
Надворного советника Семенова
Коллежского советника Бражникова
Действительного статского советника Глебова
Полковницы Бекетовой
Церкви Антипия[77]
пономаря и просвирни

Церкви

Успения что на Вражке
Василия Неокесарийского[78]
Елисея Пророка
Ржевской Божией Матери[79]
Антипия Чудотворца
Николая Чудотворца что на Стрелке[80]
Похвалы Богородицы[81]

Пречистенской части

Церкви

Иоанна Предтечи в Староконюшенной[82]
Николая Чудотворца в Плотниках[83]
Священномученика Власия
Сошествия Святого Духа
Покрова Пресвятые Богородицы в Левшине[84]
Живоначальные Троицы что в Зубове[85]
Зачатейский Девичий монастырь

Обывательские домы, у коих флигели сгорели

Купца Милюкова
Обер-провиантмейстера Аблязова
Генерал- лейтенанта графа Кенсона[86]
Господина майора Львова
Генерал-майора Тучкова[87]
Капитана Исакова
Генерала князя Сибирского
Полковника Черевина
Госпожи Ушаковой — весь цел
Три лавки мелочные при церкви Покрова Богородицы

Арбатской части

Церкви

Рождества Богородицы что в Кудрине
Иоанна Предтечи что в Кречетниках
Спаса Преображения что на Песках
Бориса и Глеба что на Поварской
Рождества Христова что в Палашах[88]
Иоанна Богослова что в Бронной
Благовещения Пресвятой Богородицы
Священномученика Ермолая[89]

Домы казенные

Питейный дом на Земляном валу
Народное училище

Обывательские

Действительного камергера князя Долгорукова[90] — один большой корпус цел
Московской купецкой жены Ветровой
Генерал-майорской дочери Каменской
Капитанши Назарьевой
Коллежского асессора Тверитинова
Купца Зарубина бани
Генерал-майорши вдовы Ляпуновой
Отставного подпоручика Иванова
Титулярного советника Челищева
Отставного подканцеляриста Пучкова
Отставного капрала Дьяконова
Коллежской секретарши Селезневой
Канцелярской жены Карбовской
Московского купца Фирсова
Титулярного советника Кулажникова
Генерал-аншефши вдовы Мусиной-Пушкиной — главный корпус сгорел, а прочие целы
Московской купецкой жены Бородулиной
Московского купца Василья Еремеева
Московского мещанина Канатчикова
Московского купца Воробьева
Московского мещанина Векшина
Ермолая мученика диакона Егорова
Санкт-Петербургского купца Усачева
Канцеляриста Скороговорова
Генерал-майорши Кожиной
Фрейлины Дмитриевой-Мамоновой
Княгини Голицыной[91]
Графа Разумовского
Московского купца Ладыгина
Графа Дмитриева-Мамонова
Московского купца Ерофеева
Обер-провиантмейстера Вельяминова-Зернова
Действительной тайной советницы Цициановой
Коллежского регистратора Коноплина
Бригадира Свиньина
Госпожи девицы Сытиной
Ее ж Сытиной[92]
Московской мещанки Серебряковой
Смотрительской жены Бугровской
Генерал-майора Поливанова
Аптекаря Рожке
Студента Александра Фомина
Московского купца Чернышева
Надворного советника Сафонова
Священника Николая Федорова
Диакона Федора Васильева
Пономаря Николая Дмитриева
Дьячка Ивана Иванова
Генерал-майора Петровского[93]
Московского купца Козина
Князя Волконского
Капитана Шереметева
Московского купца Брюшкова
Мещанки Смирновой
Мещанки Наугольниковой
Канцеляриста Николая Герасимова
Надворного советника Степана Никифорова
Иностранца Нелбезера
Московского купца Гречухина
Коменданта Гессе[94]
Московского купца Чернова
Московской мещанки Аксиньи Петровой
Регистратора Патрикеева
Гвардии прапорщика Зиновьева

Капитанши Салмыгиной
Цехового Бажанова
Господина Всеволожского[95]
Князя Голицына[96]
Мещанина Пушкина
Сенатора Алябьева[97]
Московского купца Фирсова
Майора Зелова
Госпожи Бибиковой[98]
Секретаря Якова Васильева
Генерал-майора и кавалера Яковлева
Священнослужителей Мученика Ермолая:
Священника Ивана Иванова
Пономаря
Дьячка
Просвирни
Графа Владимира Григорьевича Орлова
Священника церкви Благовещения
Диакона
Пономаря
Дьячка
Просвирни
Княжны Мещерской[99]
Капитана Уварова[100]
Мещанина Щеколдина
Мещанки Бегичевой
Девицы Сафоновой
Три каменные кузнецы купца Фалеева с жилыми покоями

Хамовнической части

Церкви

Неопалимой Купины
Благовещения Божией Матери на Бережках[101]
Воздвижения Честного Креста[102]
Саввы Освященного
Знамения Божией Матери в Зубове
Николая Чудотворца в Хамовниках
Новодевичий монастырь
Тихвинской Божией Матери[103]

Подворья

Чудова монастыря
Новодевичьего монастыря
Вознесенского монастыря

Казенные домы

Хамовнические казармы
Казенные бани что на Вражке
Приходская Богадельня Николая Чудотворца что в Хамовниках

Обывательские

Генерала от инфантерии и кавалера Архарова
Полковника Щербачева
Московского купца Шишкина
Майорши Насакиной
Московского мещанина Петра Логинова
Титулярного советника Швецова
Коллежской советницы Васильевой
Его сиятельства графа Каменского[104]
Надворного советника Римского-Корсакова
Коллежского асессора Балк
Надворного советника Хитрова
Майорши княгини Мещерской[105]
Титулярного советника Пановского
Коллежской асессорши Новиковой
Коллежского секретаря Милюкова
Коллежского регистратора Каликова
Губернского секретаря Нортбекова
Благовещенского дьячка Богословского
Благовещенского священника
7-го класса комиссионера Коненева
Коллежского секретаря Соловьева
Благовещенского диакона
Благовещенской просвирни
Оружейной палаты мастеровой Ермоловой
Коллежского регистратора Божедомского
Полковника Одинцова
Титулярного советника Порошина
Полковничьей дочери Другонтовой
Титулярной советницы Соколовой
Бригадирши Мансуровой
Унтер-офицера Саврыгина
Титулярного советника Спиридона Кузьмина
Вечно цехового Сарипова
Московского мещанина Андрея Герасимова
Московского купца Шемшурина
Московского мещанина Орехова
Коллежской регистраторши Кедриной
Губернского секретаря Ивана Титова
Коллежского асессора Бориса Пояркова
Губернского секретаря Цветкова
Комиссионера жены Настасьи Михайловой
Господина Тимирязева
Секретаря Рудина
Секретарши Дворяшевой
Цеховой Золотаревой
Солдатки Елизаветы Андреевой
Мещанки Сомовой
Вечно цехового Федора Леонова
Мещанина Григория Силаева
Мещанина Пуговкина
Мещанина Семена Васильева
Мещанки Елизаветы Авдеевой
Копииста жены Авдотьи Семеновой
Канцеляристской жены Луговской
Сенатского регистратора Орлова
Генерал-поручицы Ржевской
Гвардии поручика Хоненева
Титулярного советника Дмитрия Васильева
Унтер-офицерской жены Евстафьевой

Унтер-офицера Юркина
Мещанки Шумовой
Канцеляристской жены Ворониной
Секретаря Суходолова
Московского купца Мызина
Канцеляриста Луговского
Мещанина Овечкина
Флота лейтенанта Бешенцова
Статской советницы княгини Долгоруковой[106]
Графини Мусиной-Пушкиной
Московского купца Грачева
Тайного советника и кавалера Грушецкого[107]
Московского купца Александра Грачева
Московских купцов Ушаковых
Купецкой жены Медведевой
Генерала от кавалерии Апраксина[108]
Свенского священника[109]
Пономаря Алексея Ильина
Дьячка Василия Васильева
Московского купца Милюкова
Полковника князя Щербатова[110]
Девицы Нарышкиной
Надворного советника Савелова
Майорши Борзовой
Коллежской асессорши Рузиной
Мещанки Новиковой
Графа Шереметева
Генерал от инфантерии и кавалера Архарова
Губернской секретарши Гладской
Надворной советницы Иларионовой
Губернской секретарши Калашниковой
Мещанских детей Ломтевых
Губернской секретарши Долгополовой
Гвардии корнетши Безобразовой
Губернского секретаря Пояркова
Коллежской асессорши Змиевой
Статской советницы Челищевой
Московского купца Карякина
Губернской секретарши Долгополовой
Вечно цеховой Лебедевой
Оружейной палаты мастерового Емельянова
Секретарши Сахаровой
Титулярного советника Владиславлева
Московского купца Лебедева
Регистраторши Казачинской
Майорской дочери Франковской
Генерал-лейтенанта действительного камергера Всеволожского
Московской купецкой жены Аграфены Фроловой
Статской советницы Юшковой
Майора Ахлебаева
Диакона церкви Николая Чудотворца что в Хамовниках
Священника Доброхотова
Дьячка Никитина
Просвирни Варвары Яковлевой
Пономаря Александра Яковлева
Поручика Белого
Купецкой жены Зуевой
Московского мещанина Игнатия Федорова
Московского купца Путоргина
Московского купца Бобкова
Боровского купца Познякова
Гвардии поручицы Изъединовой
Действительного камергера Маслова
Коллежского советника Грязнова
Надворной советницы Барковой
Действительной камергерши Долгоруковой
Генерал-майора Разумовского
Московского купца Живова
Надворной советницы Григорьевой
Мещанки Бубновой
Московского мещанина Фролова лавка
Московского купца Кузовкина
Соборной дьячихи Посниковой
Коллежской регистраторши Ситниковой
Губернского секретаря Соколова
Титулярного советника Шлыкова
Московского купца Васильева
Титулярного советника Соковнина
Регистратора Мокроусова
Девицы Черевиной
Московской купчихи Клопиковой
Московского купца Пуговишникова
Умершего московского мещанина Фролова
Московской мещанки Яблошниковой
Московской купчихи Серебряковой
Московского купца Куманина[111]
Титулярного советника Хатьянова
Московского купца Живова
Провиантмейстера Сафонова
Действительного статского советника Лопухина[112]
Бригадира князя Несвицкого[113]
Иностранки Опицы
Секретарши Алексеевой
Артиллерии капитана Волынкина
Секретаря Рогова
Графа Орлова
Графа Салтыкова
Госпожи Татищевой
Князя Трубецкого[114]
Генерала Апраксина[115]
Штаб-капитана Ешевского
Московского купца Пирожникова
Солдатки Афросиньи Семеновой
Госпожи Татищевой
Княгини Прозоровской
Санкт-Петербургского купца Усачева[116]
Господина Бекетова
Его же Бекетова
Дьячка Девичьего монастыря
Диакона Дмитрия Алексеева
Губернского секретаря Чернявского

Священника Алексея Сергеева
Фабричного Алексея Никитина
Титулярного советника Тимофея Яковлева
Дьячка Ивана Алексеева
Купца Андрея Петрова
Фабричного Федора Иванова
Штабс-ротмистра Брока
Графа Салтыкова
Господина Савелова
Московского купца Осетрова
Иностранца Шрейдера
Прапорщика Беляева
Графа Шереметева дворового человека Волкова
Генерала Маркловского
Графини Мусиной-Пушкиной
Московского купца Куртенера
Коллежского регистратора Куняева
Московского купца Заикина[117]
Московского купца Лопырева
Московской купчихи Белоусовой
Сенатского регистратора Романова
Священника Андрея Григорьева
Слобода графа Шереметева[118]
Московского купца Кирьякова
Придворного актера Плавильщикова[119]
Иностранца Шульца
Московского купца Маркова

Новинской части

Церкви

Введение во храм Пресвятой Богородицы и Казанской
Девяти мучеников
Смоленской Божией Матери[120]

Домы

Московского купца Пынова
Отставного фейерверкера Колесова
Священника церкви Введения Богородицы
Оной же церкви пономаря
Новинского фурманного двора главный корпус
Канцелярской жены Рогозиной
Губернского регистратора Быкова
Московской мещанки Апариной
Фигурного мастера Козявкина
Московского мещанина Данилы Васильева
Московского мещанина Ивана Андреева
Коллежского регистратора Долгова
Канцеляриста Корнеева
Московского мещанина Андрея Сергеева
Канцеляриста Ивана Николаева
Солдатской жены Сесвятской
Коллежского секретаря Горчакова
Коллежского советника Аринова
Губернского секретаря Соколова
Девицы Виноградовой
Вечно цеховой Кичигиной
Титулярного советника дочери Крыловой
Титулярной советницы Васильевой
Вечно цехового Егора Григорьева
Губернского секретаря Соколова
Губернской секретарши Скворцовой
Московской купецкой жены Анны Андреевой
Унтер-офицера Агапеева
Московского мещанина Василия Степанова
Казенный вице-губернаторский дом
Капитана Лассенгнефнера
Московского купца Севрюгина
Московского купца Василия Григорьева
Московского купца Шишкина
Вечно цехового Осипа Иванова
Канцеляриста Беляева
Коллежского регистратора Рудакова
Московского мещанина Федотова
Умершей вдовы подпоручицы Шуруповой
Подпоручицы Сенявиной
Сержанта Бокшиева
Вечно цехового Кичигина
Московской мещанки Масловой
Московского купца Кона
Купецкой жены Шишовой
Титулярного советника Ушакова
Генеральши Олсуфьевой[121]
Коллежского секретаря Нечаева
Московского мещанина Чернявского
Губернского секретаря Балашова
Московского мещанина Кондратьева
Священника Смоленской церкви
Оной же церкви:
Дьякона
Пономаря
Просвирни

Благовещенской церкви пономаря Успенского
Дорогомиловские бани
Церковь Тихвинской Божией Матери
Церковь Богоявления Господня[122]

Домы

Майора Плохова
Князя Волконского крестьянина Филиппа Евдокимова
Купца Абдулова
Купца Мыльникова
Мещанки Агафьи Афанасьевой
Мещанки Сердиткиной
Мещанина Бочарова
Г. Титовой крестьянина Михаила Савельева
Мещанина Горшечникова
Мещанки Бочаровой
Мещанина Замулеева
Графа Орлова дворового человека Беляева
Купца Дмитрия Полякова
Мещанина Федора Петрова

Мещанина Коренева
Купца Лукичева
Мещанина Ивана Лукьянова
Мещанки Поляковой
Купца Миняева
Мещанина Замотаева
Купца Ивана Ильина
Цехового Завьялова
Купца Чеканова
Купца Мухина
Купца Василия Антонова
Купца Ильи Петрова
Мещанина Федора Дмитриева
Купца Рогожского Рыженкова
Купца Василия Маргорина
Купца Василия Ускова
Купца Мурашева
Купца Рыженкова
Купчихи Стыровой
Купца Ускова
Его ж, Ускова
Графа Шереметева крестьянина Авдея Родионова
Купца Лепешкина
Мещанина Огурцова
Мещанина Мукосеева
Мещанки Дарьи Федоровой
Мещанина Соцкова
Копиймейстера Сакулина
Суконного двора рабочего Чебунина
Купчихи Авдотьи Ануфреевой
Купца Збродина
Купца Ивана Ларионова
Мещанина Коренева
Коллежского регистратора Кремышенского
Мещанки Аксиньи Савельевой
Купца Мезина
Мещанской дочери Дарьи Федоровой
Губернского секретаря Озерова
Мещанина Васильева Яковлева
Купца Рябцова
Ямщиков
Петра Устинова
Андрея Вазюзина
Сергея Гагулина
Тимофея Ракитина
Василия Хухрикова

Священника Тихвинской Божией Матери
Диакона Розонова
Пономаря Семена Никитина
Дьячка Василия Прокофьева
Просвирни Пелагеи Яковлевой
Священника церкви Богоявления
— Диакона Петра Алексеева
— Дьячка Ивана Васильева
— Пономаря Ивана Якимова
— Просвирни Авдотьи Григорьевой

Питейный дом ямщика Хухрикова

Кладбищенская церковь Софийской Божией Матери[123]

Домы

Оной церкви священника
— дьячка Миронова
— пономаря Гаврилы Петрова
— просвирни Агафьи Ивановой
Майорши Харитоновой

Сальные заводы

Купца Забродина
Купца Бродникова
Купца Кунина
Крестьянина Тюкина

Пресненской части

Церковь Покрова Пресвятые Богородицы что в Кудрине

Домы

Гвардии поручика Рославлева
6-го класса комиссионера Беклешева
Действительного статского советника Толстого[124]
Гвардии капитана Бутурлина
Надворного советника Маркова дочери девицы Марьи
Бригадира Кашкина[125]
Действительного статского советника Боборыкина
Статского советника Шувалова дочери девицы Ольги
Полковника Небольсина[126]
Гвардии прапорщицы Плаховой
Титулярной советницы Соколовой
Купецкой жены Соколовой
Тульского оружейного мастера Лобова
Полковника Кологривова[127]
Титулярного советника Богданова
Действительного статского советника Кологривова дочерей
Титулярной советницы Сеславинской
Московского мещанина Якова Дмитриева
Московского купца Буренки
Обер-провиантмейстера Походяшева
Московского купца Ивана Степанова
Московского купца Голяничекова
Московского купца Крашенинникова
Московского купца Городилина
Московского купца Емельяна Якимова
Московского купца Никифора Степанова
Московского купца Голяченинова

Домы

Церковь Василия Неокесарийского[128]
Означенной церкви дом

Московских купцов Федорова и Бровкина
Купецкой жены Ереминой
Ямщиков Тропиных
Московского купца Заплатина
Ямщика Гладкова
Купца Михаила Михайлова
Ямщика Гладкова
Купецкой жены Фецкиной
Купца Николая Ильина
Московского купца Елина
Ямщика Гладкова
Ямщика Тулупова
Ямщика Гладкова
Ямщика Маслова
Ямщика Карманова
Ямщика Макара Гладкова
Ямщика Каронина
Ямщика Чичерова
Ямщицкой жены Солдатской
Ямщика Сметанникова
Ямщика Маслова
Ямщика Гладкова
Ямщика Сахарцова
Ямщика Соколова
Ямщихи Жильцовой
Московского купца Смыслова
Купецкой дочери Семеновой
Купца Долбилина
Купца Шепелюгина
Купца Бровкина
Цехового Именинникова
Князя Волконского дворового человека Тихонова
Цехового Именинникова
Московского купца Рыбина
Г. Нарышкина дворового человека, туляка
Г-на Грушецкого дворового человека Иванова
Московского купца Булатова
Московского купца Зызина мучные ряды, в коих 3 корпуса
При Тверском съезде 2-й Кордегардии Армянская кирка[129]
Церковь Георгия что в Грузинах[130]

Домы

Ямщика Гладкова
Купца Медовщикова (Большого)
Купца Медовщикова (Меньшого)
Николая Щеметова
Ямщика Мезина
Ямщика Гладкова
Дворового человека Леонтьева
Ямщика Малявкина
Московского мещанина Василия Иванова
Прапорщицы Сафроновой
Мещанской дочери Корнеевой
Клинского мещанина Истомова
Ямщика Коскина
Его же
Мещанки Тутущихи
Московской мещанки Веренцовой
Ямщичихи Коскиной
Мещанина Митрофана Андреева
Ямщика Сечкина
Священника церкви Василия Неокесарийского
Диакона Степана Петрова
Дьячка Алексея Матвеева
Пономаря
Просвирни Авдотьи Николаевой
Мещанина Ивана Игнатьева
Казенный питейный дом
Грузинки Макацоровой
Купца Маркова
Московской мещанки Морозовой
Титулярной советницы Толченовой
Грузинки Заурашиловой
Коллежского асессора Пиросманова
Капитанши Миротворцовой
Губернского регистратора Желвакова
Губернского секретаря Марина
Действительного статского советника Цицианова
Его ж Цицианова
Коллежского асессора Багратиона
Московского купца Свинцова
Грузинской дочери Чигаковой
Армянской дочери Злотоустовой
Господина Кванчехадзева
Титулярного советника Бельского
Прапорщика Турчанинова
Коллежской асессорши Мальчиной
Майорши Бояриновой
Грузинки Гогилевой
Турецкой нации Зумбулова
Подпрапорщицы Чириковой
Казенный дом Пресненских прудов
Московского купца Никифора Никифорова
Диакона Гаврилы Ильина
Священника Никиты Петрова
Дьячка Василья Афанасьева
Пономаря Василья Дорофеева
Просвирни Прасковьи Ивановой
Коллежского советника Ушакова[131]
Канцеляриста Катомова
Цехового мастера Ятамова
Капитана-поручика Касаткина-Ростовского
Московского купца Коноплева
Сенатского регистратора Чубенского
Московского мещанина Бубнова
Губернской регистраторши Захаровой
Губернского секретаря Андрея Егорова
Грузина Марьемулова
Губернского секретаря Неронова
Цехового мастера Соловьева

Прапорщика Канадзева
Грузинки Яриловой
Московской мещанки Дуковой
Сержантской жены Смирновой
Титулярного советника Тулаева
Грузинки Цытлязевой
Грузинского князя Кахаберидзева
Московского мещанина Бессонова
Титулярной советницы Бибимировой
Сенатского регистратора Спиридонова
Капитана Янышева
Губернского секретаря Марилова
Московского мещанина Кавтарадзева
Княгини Шехедзевой
Гвардии капитана Смирнова
Губернского секретаря Канадзева
Московского купца Золотарева
Полковницы Караваевой
Коллежского секретаря Ильинского
Титулярного советника Протопопова
Московского мещанина Волкова
Крестьянина Ивана Федосеева
Студента Богородского
Армянского купца Гайсова
Корнета Баркова
Костоправши Ежиговой
Московской мещанки Тарбеевой
Секретаря Лаврова
Аптекаря Зейферта
Мещанина Некрасова
Губернского секретаря Обитаева
Московской мещанки Похмелькиной
Мещанина Павлеева
Его ж Павлеева

Церкви

Иоанна Предтечи что за Пресней
Николая Чудотворца что на Ваганькове[132]
Домовая в доме грузинского царевича

Кладбищенские

Ваганьковское
Армянская кирка

Домы

Сенатского сторожа Круглова
Московского купца Гусева
Князя грузинского служителя Абрама Иванова
Князя Голицына служителя Ивана Архипова
Московского мещанина Садовникова
Цеховой Матрены Козловой
Полковника князя Одоевского
Бригадира князя Трубецкого
Статского советника князя Грузинского
Надворной советницы Псичевой
Коллежского асессора Высоцкого
Коллежского асессора Орлова
Княжны Шаликовой[133]
Надворной советницы Золотухиной
Коллежской секретарши Слободской
Канцеляристской жены Хохолкиной
Коллежского секретаря Рыбникова
Генерал-майора князя Урусова[134]
Поручичьей дочери Кванчехадзевой
Грузинского дворянина Тиграна Огнева
Грузинского царевича Баграта Георгиевича
Умершего поручика князя Пхеидзева
Полковницы Ворониной
Московского купца Рыбиченкова
Коллежской асессорши Чоботовой
Купца Зайцева
Малолетних детей Лачиновых
Действительной статской советницы Волковой
Вдовы мещанки Тихоновой
Полковницы Воейковой
Коллежского асессора Новосильцова
Коллежской асессорши Ольги Михайловой
Купецкой жены Горшковой
Сей части съезжий дом
Московской мещанки Касаткиной
Девицы Юматовой
Московского купца Абребежанова
Московской мещанки Елагиной
Московского купца Мазурина[135]
Прапорщика Андрея Неронова
Титулярной советницы Гунзальдовой
Подпоручицы Докторовой
Статского советника Евреинова
Губернского секретаря Титова
Коллежской асессорши Дицевой
Прапорщика Мамонова
Княгини Несвицкой
Графа Толстого
Майорской дочери Верещагиной
Грека Дмитрия Вахлеева
Пономаря церкви Николая Чудотворца
— Диакона Николая Никифорова
— Священника Семена Семенова
— Дьячка Григория Васильева
— Просвирни Авдотьи Леонтьевой
Коллежского советника Кашкеда
Московского купца Козинова
Солдатской жены Анны Андреевой
Князя Гагарина[136]
Московского купца Рязанова
Его ж Рязанова
Его ж Рязанова
Купецкой жены Фецкиной
Купецкой дочери Меньшовой
Цехового мастера Ивана Андреева
Княгини Оболенской
Девицы Бессоновой

Московской купчихи Цейндлер
Соборного сторожа Петра Иванова
Полковницы Березниковой
Бригадирской дочери Лихаревой
Подполковника Воронина
Дворян Свечиных
Регистратора Вальмерсона
Вечно цехового Павла Андреева
Губернской секретарши Благовещенской
Грузинской дворянки Немцадзевой
Московского купца Марковнина
Канцелярской жены Пелагеи Алексеевой
Мещанина Ивашкина
Майора Карташева
Девицы Бессоновой
Графа Шереметева
Действительной статской советницы Волынской
Московского купца Смирнова
Московского купца Пыпина
14-го класса Дмитрия Хвостова
При Пресненском въезде 2-й кордегардии

Да сверх означенных домов состоят без номеров за въездами

Тверским
Князя Барятинского
Иностранки Шутлефор
Князя Волконского

За Пресненским на Черногрязке
Г-на действительного статского советника Акинфиева
Титулярной советницы Козловой
Коллежского регистратора Харитонова
Вечно цехового Андреева
Московской купчихи Милошиной
Цеховых Гаминых
Мещанки Марьи Федоровой
Мещанина Арбенова

Мясницкой части
Обер-провиантмейстерши Глебовой[137]
Нарвского купца Гизетти
Императорский Воспитательный дом
Московского купца Лаврентьева
Англинского купца Декенсона
Англинского купца Шутлеворта
Бригадира князя Шаховского
Церкви Николая Чудотворца что в Кленниках[138] священника Егора Львова
Оной же церкви просвирни Авдотьи Петровой
Церковная палатка
Подворье Николо-Угрешского монастыря
Графини Разумовской[139]
Цехового Толкачева
Купца Гусятникова
Коммерции советника Кусова
Московского купца Лахтина
Полковницы баронессы Колленберговой, урожденной княжны Репниной[140]
Московского купца Лазунова
Московского купца Усачева
Московского купца Гайдукова
Покойного действительного тайного советника Долгорукова[141]
Московского купца Попова
Московского купца Щепкова
Купчихи Колосовой
Гвардии капитана Похвистнева
Флота капитана Колтовского
Коллежской асессорши Веревкиной
Московского купца Клиповского
Надворного советника Нейгарда
Троицкого священника Дорофеева
Государственный Иностранный Архив[142]
Частное народное училище
Троицкого пономаря Григория Ильина
Троицы что на Грязех[143]
— дьякона Васильева
— дьячка Василья Иванова
Мещанина Елагина
Купецкой жены Щербаковой
Купца Батманова
Мещанина Лаврова
Аптекаря Шильдкнехта
Бригадира Дурасова
Подполковника Пашкова[144]
Купца Овчинникова
Пустое казенное место
Генерал-лейтенанта Дурасова[145]
Поручика Фаминцына
Московского купца Миллера
Надворного советника Матвеева
Ревельского купца Швертнера
Прапорщика Фаминцына
Московского купца Фонбрина
Действительного статского советника Татищева[146]
Московский Комитет
Купца Мушникова
Майора Головина
Успенского[147] дьякона Василья Ильина
— священника Ивана Ильина
— дьячка Василья Ильина
Оной же церкви две палатки
Купца Почепина
Козмодемьянского[148] священника
Секретаря Никитина
Статского советника Татищева
Купецкой жены Нахаловой
Тайного советника Левашова[149]
Майора Тютчева[150]
Дворянина Лаздева

Купца Мортена
Купца Герца[151]
Англичанина Пикерзгиля
Купца Подкатова
Купца Котельникова
Архитектора Максютина[152]
Графини Сантиевой[153]
Купца Волкова
Умершего дворянина Лазарева
Столповского дьячка Егорова
Вдовы священнической жены Арины Васильевой
Дом Златоустова монастыря
Купца Аракелова
Купецкой жены Фроловой
Столповского пономаря Васильева
Оной же церкви священника Василия Алексеева
Графа Румянцева[154]
Купца Капустина
Армянки Елены Поливановой
Умершей баронессы Колленберговой
Купца Ивана Бубуки
Действительного статского советника Казакова[155]
Купца Кожевникова
Вятское подворье
Тульское подворье
Прапорщика Веневитинова[156]
Купчихи Соколовой
Евпловского[157] дьячка Петра Алексеева
— пономаря Петрова
— священника Александрова
Действительного тайного советника Кольцова-Мосальского
Генерал-лейтенанта Хомутова[158]
Московский Ассигнационный банк
Иностранки Роберши
Князя Ивана Львовича Юсупова-Черкасского
Архангельского[159] дьякона Петрова
— пономаря Ильина
— просвирни Ивановой
— дьячка Алексеева
— священника Петрова
Действительного статского советника Рихтера
Московский Императорский Почтамт[160]
Фролеевского дьячка Александрова
Пономаря Никифорова оного же прихода
Оного же прихода дьякона Петрова
— священника Егорова
Московского купца Лопырева
Нарвского купца Шевелкина
Казенный старый Почтамт
Надворной советницы Краснопольской
Госпож девиц Петровых-Соловых
Нарвского купца Ковылюева
Московского купца Герасимова
Тайного советника Юшкова[161]
Генерал-лейтенанта Измайлова
Генерал-фельдмаршала графа Салтыкова
Его же графа Салтыкова
Евпловского дьячка Федора Иванова
Мещанина Васильева
Генеральши Глебовой[162]
Коллежского асессора Милютина[163]
Ротмистрши Савеловой
Французской католической церкви[164]
Переводчика Керестурия[165]
Прапорщицы Голиковой
Госпожи девицы Лобковой
Предтеченского священника Василья Васильева
Камер-юнкера Салтыкова[166]
Иностранца Юрша
Иностранца Депедри
Предтеченского[167] дьякона Васильева
— дьячка Матвеева
— просвирни Авдотьи Григорьевой
— пономаря Степанова
Покойного артиллерии капитана князя Дадьяна
Казенные Никольские Казармы
Гребенской Божией Матери палатка[168]
Оной же церкви пономаря Дмитрия Петрова
— священника Никиты Петрова
— дьячка Василья Михайлова
Генеральши Дашковой[169]
Действительного тайного советника князя Тюфякина[170]
Тайного советника Нелединскаго-Мелецкого
Его же, г-на Мелецкого
Московского купца Синицына
Московского купца Зайцева
Великомученика Георгия церковная палатка[171]
Оной церкви дьякона Петра Иванова
Подворье Николаевского Перервинского монастыря
Великомученика Георгия священника Григорьева
Устюжского купца Пенежинова
Секретаря Флютрова
Казанского собора дьякона Василья Иванова
Мещанки Улановой
Грека Мелла
Действительного тайного советника князя Куракина[172]
Казенный питейный дом
Кригс-цальмейстера Мосолова[173]
Введенского[174] дьякона Николаева
Оной же церкви дьячка Иванова
— пономаря Васильева
— просвирни Матвеевой
— священника Платонова
Гвардии прапорщика Ляпунова
Коллежской асессорши Бородиной
Графа Федора Васильевича Ростопчина
Подворье Макарьевского Желтоводского монастыря
Полковника Петрово-Соловово
Грека Дмитрия Караиванова
Покойной полковницы Толстой
Московской купецкой жены Поций

Капитана Ртищева
Госпожи девицы Полуектовой
Московских купцов Колобашниных
Мещанина Тютина
Мещанки Ефимовой
Г-жи Карамышевой
Действительного тайного советника Голохвастова[175]
Подполковника Фонвизина[176]
Купца Рыткина
Купца Федорова
Бригадира князя Голицына
Нежинского грека Почемади
Коллежского советника Янишa
Купца Капустина
Иностранца Кинца
Англинского купца Ровандa
Статского советника Тельца
Купца Лухманова
Тайной советницы графини Головкиной[177]
Арсонофьевского[178] священника Маркова
Оной же церкви пономаря Васильева
Дьякона Гаврилова
Купца Трыкина
Статского советника князя Оболенского[179]
Коллежского асессора Захарова
Купца Богатырева
Купецкой жены Кобелевой
Майора Михайлова
Губернского секретаря Скороспелова
Мещанина Орлова
Мещанина Меньшова
Иностранца Жоли
Рождественского монастыря сторожа Елизарова
Солдатки Шумиловой
Коллежского асессора Наумова
Канцеляриста Пупырникова
Бригадирши Евлашевой
Коллежского асессора Григорьева
Рожественского монастыря священника Васильева
Купца Андреева
Рожественского монастыря пономаря Сергеева
Оного ж монастыря священника Николаева
Дьякона Григорьева
Тередорщиковой[180] дочери Кузминой
Прапорщика Шоха
Коллежского секретаря Петрова
Графини Орловой
Купца Иванова
Сторожа Федорова
Солдатки Одинцовой
Мещанина Шапошникова
Купца Осинина
Купца Трифонова
Майора Плещеева
Сторожа Иванова
Канцелярской жены Бурминой
Доктора Щеголева
Купца Колобашкина
Звонарщего[181] священника Алексеева
Дьякона Устинова
Фейерверкера Жукова
Вдовы Смирновой
Купецкой жены Мясниковой
Солдатки Одинцовой
Комиссарской жены Санаевой
Купца Кувакина
Сторожа Иванова
Вечно цехового Нечаева
Сторожа Богданова
Титулярной советницы Шибилиной
Звонарщего дьякона Петрова
Оной же церкви пономаря Егорова
Купца Крутицкаго
Мещанина Антонова
Актера Сандунова[182]
Иностранки Мельие
Генерал-майора Черткова[183]
Капитана Вердеревского
Купца Коновалова
Купца Попова
Титулярного советника Плетенева
Купца Медведева
Капитанши Сосновской
Княжны Варвары Долгоруковой[184]
Полковника Маскля
Майора Собакина
Князя Сергея Голицына
Софийского[185] священника Абрамова
Губернского секретаря Смирнова
Софийского дьячка Васильева
Софийского пономаря Родионова
Девицы Абалдуевой
Иностранки Бекерши
Купца Гутта
Генерал-майора Бланк-Нагеля

Казенные домы

Медико-хирургической Академии
Артиллерийское депо

Церкви

Рожества Богородицы что на Стрелке
Троицы что на Хохловке
Трех Святителей что на Кулишках
Спаса Преображения что на Глинищах[186]
Николая Чудотворца на Покровке что в Кленниках
Поклонение Честных Вериг св. апостола Петра что на Покровке
Троица что на Грязях
Успения Божией Матери что на Покровке
Николая Чудотворца что в Столпах[187]
Архангела Гавриила что Меншиковой башни

Фрола и Лавра
Мученика Архидиакона Евпла
Иоанна Предтечи что на Лубянке
Гребенская Божией Матери
Великомученика Георгия Победоносца
Софии Премудрой
Введение Божией Матери
Вознесение Господне что был Арсонофьевский монастырь
Николая Чудотворца что в Звонарях

Монастыри
Сретенский мужской[188]
Златоустов мужской
Рожественский женской
Ивановский женской

Сретенской части
Страстной монастырь

Госпожи Корсаковой
Купца Беляева
Господина Рахманова
Г-жи Пушкиной
Г-на Ермолова
Г-на Токарева
Церковь Пимена Старого в Воротниках
Оной же церкви просвирни Ивановой
Князя Барятинского[189]
Г-на Васильчикова
Купцов Милютиных
Сенатора Валуева
Церковь Николы в Грачах[190]
Мещанина Ковалева
Иностранки Соломонии
Трубяные бани
Цехового Алексеева
Его ж Алексеева
Церковь Николая Чудотворца в Дербентском
Князя Лобанова-Ростовского
Статского советника Соколова[191]
Купца Колосова

Церкви
Рожества Божией Матери что в Путинках
Успения Божией Матери что на Малой Дмитровке
Знамения Богородицы что у Петровских Ворот
Спаса на Песках что в Каретном ряду
Сергия в Пушкарях
Живоначальной Троицы что на Листах
Николая Чудотворца что на Мясницкой
Спаса Преображения что на Сретенке
Панкратия Чудотворца что в Дербентском[192]

Домы
Г-жи Бибиковой
Генеральши Корчековой
Г-на Беляева
Генеральши Рахмановой
Г-на Шеффера
Г-на Новосильцова
Г-жи Токаревой
Мещанина Филиппова
Дом г-жи Валуевой
Цехового Кудрявцева
Иностранки Соломонии
Казенная Сухарева башня

Сущевской части
Церкви Николая Чудотворца священника Алексеева
Оной же церкви просвирни Михайловой
— пономаря Иванова
— дьячка Алексеева
— диакона Васильева
Господина Соловово
Канцеляриста Харламова
Статской советницы Небольсиной
Мещанина Свиньина
Штаб-лекаря Инглера
Обер-бергмейстера[193] Лихачева
Вечно цехового Григорьева
Церкви Василья Блаженного священника Никитина
Купца Щипанова
Коллежского советника Розанова
Бригадирши Воейковой
Гвардии полковника Волкова
Мещанина Бокова
Секретаря Денисова
Купчихи Захаровой
Купца Трифонова
Мещанки Сергеевой
Секретарши Котельниковой
Купца Татаринова
Купца Первова
Купца Вишнякова
Купца Козлова
Купца Ласина
Коллежского асессора Чечелева-Галицкого
Купецкой жены Балашовой
Купца Сорокина
Купецкой жены Дмитриевой
Графини Литта[194]
Секретаря Никитина
Мещанина Макарова
Университетского учителя Брылкина
Купца Попова
Купца Капустина
Купца Васильева
Купца Герасимова
Графа Румянцева
Купца Большакова
Купецкого сына Дмитриева
Купца Беляева

Купца Дмитриева
Купца Козмина
Купца Федорова
Купца Еремина
Полковника Алябьева
Ямщика Гладкова
Боровского мещанина Замотникова
Купца Зызина
Купца Коробова
Мещанки Афанасьевой
Графа Ягужинского[195]
Его же Ягужинского
Графа Румянцова
Купецкой жены Капустиной
Мещанина Дмитриева
Купца Грамоздина
Цеховой Железниковой
Графа Остермана[196]
Коллежского советника Кожина
Титулярного советника Жилярдия
Купца Ильина
Мещанина Петрова
Вахмистрши Кондратьевой
Полковницы Вадковской
Гвардии прапорщика Ляпунова
Тередорщика Бутурлова
Регистраторши Крапивиной
Купца Холщевникова
Графа Шереметева
Бригадира Новосильцова
Секретарши Щеголевой
Мещанина Иванова
Коллежского асессора Гладкова
Купца Юдина
Купца Федотова
Княгини Долгоруковой
Тайного советника Нелидова[197]
Московского купца Александрова
Ставропигиального Воскресенского монастыря подворье[198]
Купца Иевлева
Мещанских детей Блиновых
Купца Суровцова
Купецкой жены Александровой
Мещанки Блиновой
Умершего мещанина Филиппова
Купецкой жены Петровой
Надворного советника Груздева
Губернского секретаря Якимова
Умершей солдатки Емельяновой
Вечно цехового Страшкова
Иностранца Гетца
Коллежского асессора Приклонского
Купецкой жены Серебряковой
Словолитца Воинова
Регистратора Шепалева
Канцеляриста Беляевского
Доктора Спревича
Тередорщика Алексеева
Купца Двукраева
Наборщика Острикова
Титулярной советницы Шурыгиной
Регистратора Зверева
Пименовской церкви[199] пономаря Иванова
Оной же церкви дьячка Никитина
Просвирни Ивановой
Диакона Сергеева
Священника Александрова
Регистратора Смирнова
Экономического крестьянина Сергеева
Комиссарского помощника Негунева
Соборного священника Субботинского
Соборного звонаря Иванова
Купца Шетрова
Купца Никитина
Мещанки Мошонкиной
Купецкой жены Дмитриевой
Мещанки Самойловой
Купца Корчагина
Секретаря Семенова
Унтер-офицерской жены Андроновой
Мещанина Прасолова
Секретаря Протопопова
Княгини Кантемировой
Словолитца Чередеева
Мещанина Федорова
Умершего генерал-лейтенанта Киселева[200]
Коллежской регистраторши Степановой
Мещанина Владимирова
Секретарши Лисафьиной
Иностранца Бартеля
Малолетных мещан Запениных
Мещанки Малышевой
Казанская богадельня
Купца Тюшина
Секретарши Малиновской
Секретарши Ястребцовой
Вечно цехового Петенкина
Канцеляриста Дмитриева
Подьямщиковой жены Левской
Секретарши Егоровой
Купца Кунина
Казанского священника Яковлева
— Просвирни Яковлевой
— Дьячка Николаева
— Диакона Егорова
Бригадира князя Голицына[201]
Купца Левонтьева
Графини Литта
Вечно цехового Подрезова
Тихвинского священника Иванова
Пономаря Суворова

Титулярного советника Бедарева
Мещанина Казаринова
Подпоручика Осинина
Майора Клеопина
Купца Башерова
Купца Егорова
Тихвинского диакона Алексеева
Купца Глинского
Купца Холина
Купца Долгова
Мещанки Богуславской
Купецкой жены Щипановой
Мещанина Сивова
Генерала от инфантерии Булгакова[202]
Купца Полякова
Мещанина Кочегарова
Купца Столярова
Коллежской асессорши Бурнашевой
Надворного советника Нечаева
Секретарши Поповой
Девицы Писаревой
Купецкой жены Доброхотовой
Коллежской асессорши Сокольской
Надворной советницы Валберховой
Штаб-лекаря Грива
Переплетчика Львова
Наборщика Рычкова
Солдата Петрова
Наборщика Колонохова
Губернского секретаря Речеева
Словолитца Петрова
Титулярного советника Соколова
Наборщика Ярышева
Московского мещанина Левонова
Солдатской дочери Андреевой
Унтер-офицерской жены Масловой
Словолитца Шмурлова
Унтер-офицерской жены Зотовой
Тередорщика Глушкова
Пономаря Марилова
Священника Петрова
Унтер-офицерской жены Атековой
Вечно цехового Федорова
Наборщика Муравцова
Переплетчика Класьевова
Мещанина Полымова
Солдатки Алексеевой
Наборщиковой жены Душаткиной
Коллежского секретаря Фирсова
Иностранца Августеина
Батырщика[203] Зиновьева
Наборщика Тетерина
Коллежского регистратора Фролова
Генерал-майора Вадковского[204]
Наборщика Абакумова
Подпоручика Кандырева
Солдата Кузнецова
Батырщика Хорошевского
Коллежского регистратора Голдалова
Фигурного мастера Мигалова
Диакона Арефьева
Экономического крестьянина Семенова
Титулярного советника Стунеева
Дворового человека Никитина
Вдовы Тучковой[205]
Мещанки Ивушкиной
Батырщика Доброхотова
Князя Долгорукова[206]
Солдатки Петровой
Солдата Тимофеева
Мещанина Степанова
Губернского секретаря Прохорова
Отставного ездового Каменского
Унтер-офицерской жены Голубевой
Купца Сидорова
Поручика Бегичева
Воспитанника Серебрякова
Иностранца Августеина
Тередорщика Тихомирова
Унтер-офицерской жены Фроловой
Майорши Бужбетской
Сальный завод купца Шевалдышева
Надворного советника Горюнова
Капитана Пушкина[207]
Солдата Орлова
Секретаря Попкова
Регистратора Андреева
Унтер-офицера Левонова
Наборщика Колоколова
Мещанина Митусова
Канцелярской жены Мартыновой
Тередорщиковой жены Семеновой
Батырщика Гаврилова
Солдатки Петровой
Секретарши Даниловой
Тередорщика Жаркова
Капитана Богомолова
Солдата Горшкова
Купца Бочарникова
Регистратора Михайлова
Тередорщика Соколова
Подпоручицы Шаниной
Тередорщиковой жены Колоколовой
Регистратора Соколова
Мещанина Холщевникова
Купецкой жены Ликен
Секретаря Соловьева
Титулярного советника Красновского
Секретарши Алексеевой
Тередорщика Чернышева
Батырщика Меньшина
Наборщиковой жены Ильиной

Тередорщика Соколова
Канцеляриста Николаева
Регистратора Розова
Батырщика Клочкова
Батырщика Егорова
Наборщика Якимова
Батырщика Шуришкина
Солдата Папского
Цехового Петрова
Мещанина Митрофанова
Капитанши Бестужевой
Подканцеляриста Анофреева
Наборщика Рышкова
Солдата Федорова
Князя Барятинского суконная фабрика
Иностранца Шелбаха
Секретаря Годеинова
Иностранца Вендегамира
Секретаря Борисова
Секретаря Ляпина
Наборщика Клочкова
Придворного конюха Калинова
Солдата Полякова
Иностранца Штурфа
Подьямщика Минаева
Тередорщика Глазова
Словолитца Колотовкина
Наборщика Лагунова
Иностранца Келлера
Солдатки Матвеевой
Словолитца Мусина
Наборщика Чумичова
Наборщиковой жены Паковой
Регистраторши Макаровой
Солдатки Куликовой
Мещанина Алексеева
Солдатки Палкиной
Наборщика Ерохина
Мещанина Федорова
Солдатки Кондратьевой
Канцеляриста Васильева
Тередорщиковой жены Аплавиной
Цехового Емельянова
Наборщика Бурцова
Капитана Лагунина
Миюжское кладбище и при оном церковь[208]
Губернский замок и при оном церковь[209]
Миюжская застава
Сущевские казенные бани

Мещанской части

Церкви

Церковь Иоанна Воина что на Убогом дому[210]
Живоначальной Троицы что в Троицкой
Трифона Мученика что в Напрудной
Филиппа Митрополита[211]
Адриана и Наталии
Живоначальной Троицы что на Капельках
Знамения Божией Матери что в Ямской[212]
Спаса Преображения Господня в Спасской

Казенные строения

Александровское училище
Екатерининский институт
Больница для бедных
Почтамтский лазарет
Екатерининская больница
Ботанический сад[213]
Странноприимный дом графа Шереметева
Княжны Волконской
Княжны Волконской[214]
Вечно цехового Тихонова
Вечно цехового Сергея Тихонова
Коллежского советника Малиновского[215]
Мещанки Корабельщиковой
Купецкой жены Мешеховцовой
Купца Красноглазова
Коллежского секретаря Волкова
Коллежского асессора Шаталова
Коллежского советника Челищева
Девицы Былинской
Питомца Федота Аглинского
Титулярного советника Степанова
Купца Ширяева
Мещанки Ирины Волковой
Канцеляриста Полымова
Купца Вощанкина
Мещанина Полымова
Коллежского секретаря Варахобина
Губернского секретаря Никитина
Купца Селезнева
Мещанина Коровина
Сержанта Петрова
Солдатки Бычковой
Коллежского секретаря Воронина
Титулярного советника Сорокина
Церкви Иоанна Воина диакона Григорьева
Оной же церкви священника Дмитриева
Оной же церкви просвирни Ильиной
Оной же церкви дьячка Иванова
Князя Одоевского[216]
Титулярной советницы Беляевой
Коллежского советника Горюшкова[217]
Коллежского секретаря Иванова
Генерал-майорши Евреиновой[218]
Огородная сторожка графа Орлова
Солдатки Никифоровой
Переплетчика Соловьева
Секретаря Дьячкова
Мещанина Олонцова
Г-жи девицы Бахметевой
Купца Соковнина

Тередорщика Устинова
Секретаря Тихонова
Секретаря Богданова
Секретарши Черновой
Мещанки Михайловой
Секретарши Алексеевой
Купчихи Гончаровой
Купца Федора Теплова
Майора Новосильцова
Графа Чернышева
Надворного советника Пальчикова
Тайного советника Терского[219]
Действительной статской советницы Апрелевой
Полковника Вельяшева-Волынцова[220]
Графини Толстой
Графа Салтыкова
Мещанина Кудрявцова
Купца Неверова
Генерал-майора Струговщикова
Мещанина Дмитриева
Купца Смирнова
Мещанина Пушкина
Экономического крестьянина Тарабрина
Переплетчика Степанова
Регистратора Илкина
Коллежского асессора Карачарова
Подпоручицы Змиевой
Купца Полосатова
Надворной советницы Тихомировой
Коллежской регистраторши Дементьевой
Солдатки Андреевой
Мещанина Перешивалова
Коллежской асессорши Голушкиной
Коллежской асессорши Еланичевой
Секретаря Георгиевского
Регистратора Сахарова
Просвирни Афанасьевой
Пономаря Иванова
Дьячка Никитина
Дьякона Федорова
Священника Алексеева
Священника Васильева
Священника Иванова
Дьякона Михайлова
Дьячка Яковлева
Пономаря Петрова
Просвирни Васильевой
Купца Ирошникова
Купца Четверикова
Госпожи Залевецкой
Коллежского секретаря Балашова
Титулярной советницы Чевыкиной
Надворной советницы Раевской
Подпоручика князя Долгорукова[221]
Мещанина Бастрыгина
Вахтера Светлова
Грузинского дворянина Корганова
Купца Зверева
Купца Казакова
Купца Осинина
Его же, Осинина
Купца Казакова
Мещанки Петровой
Купца Кузнецова
Купца Курятникова
Купецкой жены Игнатьевой
Купца Савельева
Подполковника Пашкова
Ямщиков Лепехина
— Ушакова
— Ушакова
— Кочетова
Заречиной
Купца Хибарова меньшого
Ямщиков Исаева
Лабзина
Шкиркина
Савельева купца
Его же, Савельева
Его же, Савельева
Купца Абрамова
Его же, Абрамова
Купца Зверева
Крестьянина Иванова
Ямщиков Заречиной
Желтовой
Беловой
Летиной
Нефедьева
Исаева
Вдовы Дробениковой
Батурина
Летина
Цибина
Ивняковой
Карлова
Солдатки Железовой
Ямщичихи Заречиной
Мещанина Хрящева
Дворовой женки г-на Баранова Григорьевой
Унтер-офицера Колпакова
Ямщика Климентьева
Ямщичихи Роговой
Мещанина Крашенинникова
Мещанина Григорьева
Графини Толстой
Мещанина Вазухина
Дьякона Петрова
Солдата Матвеева
Пономаря Федорова
Дьячка Еремеева
Генерал-майора Дурасова[222]

Священника Ильина
Просвирни Соколовой
Солдатки Обуховой
Мещанина Дедова
Мещанина Назарова
Мещанина Белоснегова
Мещанина Николаева
Ямщика Удальцова
Ямщика Угожикова
Ямщика Рыбина
Ямщика Слепышова
Ямщика Шкаркина
Канцеляристской жены Мухиной
Фабричного Петрова
Ямщика Шкаркина
Мещанки Прохоровой
Придворного лекаря Архипова
Мещанина Кириллова
Мещанина Трофимова
Купчихи Шапошниковой
Купецкой жены Олонцовой
Полковника Сухово-Кобылина[223]
Ямщиков
— Рогова
— Шкиркина
— Ушакова
— Рогова
Цехового Леонтьева
Унтер-офицера Попова
Статской советницы Гурьевой
Купца Бурова
Крестьянина Бурова
Капитанши Пафнутьевой
Купца Федорова

Яузской части

Церкви

Церкви приходские
Трех Святителей что у Красных ворот
Харитония Исповедника что в Огородниках[224]
Иоанна Предтечи что в Казенной
Введения Пресвятые Богородицы в Барашах[225]
Якова Апостола что в Казенной[226]
Грузинской Божией Матери

Обывательские домы

Бригадирших дочерей Протеловых
Купца Грачевского
Артиллерии майора Барышникова[227]
Купца Гусятникова
Купца Трокина
Надворной советницы Строевой
Асессорши Есауловой
Г-жи Тихменевой
Купца Грачевского
Асессорши Алексеевой
Купчихи Калининой
Статского советника Орлова
Коллежского асессора Иванова
Марьи Якубовичевой
Надворного советника Нефимонова
Коллежского асессора Шереметева
Генерал-майора Крыжановского[228]
Надворного советника Костеевского
Яузский частный дом[229]
Княгини Мавро-Кордато
Купца Вавилова
Обер-провиантмейстера Акулова
Генерал-лейтенанта Ступишина[230]
Иностранки Лик
Господ Козловых
Действительного тайного советника Заборовскаго[231]
Князя Голицына
Купца Алексеева[232]
Штабс-капитана Голохвастова
Иностранца Дешена
Мещанина Ефимова
Действительного тайного советника Голенищева-Кутузова[233]
Надворной советницы Поповой
Купца Мешековского
Купца Степанова
Купца Ушакова
Мещанина Купреянова
Купецкой жены Гусевой
Купцов Аверкиевых
Г. Нарышкина
Купца Андронова
Купца Кольчугина

Басманной части

Надворного советника графа Салтыкова
Князя Куракина[234]
Надворного советника Аникеева
Купца Колокольникова
Купецкой жены Александровой
Графа Румянцева[235]
Князя Урусова
Купца Зеркальникова
Коллежского асессора Лебедева
Купецкой жены Александровой
Мещанского сына Макарова
Бригадира Горчакова
Народное училище
Вечно цехового Полякова
Полковницы Мичуриной
Титулярной советницы Древичевой
Подполковника Бланка
Басманный частный дом
Гороховской казенный питейной дом
Купца Кувшинникова
Иностранца Левина

Купца Бирюкова
Иностранца Ерка
Статской советницы Зверевой
Коллежского асессора Савинова
Купца Суслова
Действительного статского советника Демидова[236]
Купца Доброхотова
Губернского секретаря Добрынина
Генеральши Волковой[237]
Купца Пустынина
Иностранца Прейса
Иностранца Бризуна
Огородное место купца Мушникова
Надворной советницы Белавиной
Графа Мусина-Пушкина[238]
Купца Шелапутина[239]
Санкт-Петербургского купца Сиверса
Дворянина Месина
Тайного советника Демидова[240]
Коллежского асессора Мальяна
Купца Мушникова
Купца Ануфриева
Генерал-майора Толя[241]
Княгини Куракиной
Губернского секретаря Мухина
Г-жи Хлебниковой
Церкви Никиты Мученика и Петра и Павла при Куракинском богадельном доме[242]
Старая лютеранская
Императорский Запасный дворец[243]
Спасские казармы[244]

Таганской части

Монастыри

Спасо-Симонов, именуемый Покровский

Церкви

Алексея Митрополита,
Мартына Исповедника,
Рожества Богородицы
Церковь что на католическом кладбище
Сорока Святых что против монастыря Спаса Нового

Казенные здания

Коломенская застава
Спасская застава
Пороховые амбары
У Коломенской заставы питейный дом

Обывательские домы

Секретарши Тименской
Купца Трегубова
Мещанки Холостовой
Мещанки Милеевой
Мещанина Морозова
Г-на Бекетова
Купца Селивановского
Пономаря Петра Петрова
Штатного служителя Дементьева
Сальный завод купца Балдакова за Камер-коллежским валом
Старообрядческое Рогожское кладбище[245]

Рогожской части

Покойного тайного советника Булгакова
Графа Разумовскаго
Г-на Демидова
Г-жи Загряжской
Купца Аверкиева
Купца Жирнова
Иностранца Германа
Фейерверкера Бранштетера
Подпоручицы Докучаевой
Коллежского асессора Карлыдзеева
Купца Пантелеева
Купца Миринцова
Церкви Вознесения Господня на Гороховом поле
— Священника
— Диакона
— Дьяка
— Пономаря
— Просвирни
Графа Строганова
Княгини Репниной
Графа Разумовского
Господина Лопухина
Мещанина Степанова
Единоверческой Церкви, называемой Введенский церковный дом, и весь находящийся при оной причт[246]
Но в сей деревне Андроновка, в которой состоял здешней губернии и округи Карачаровской экономической волости в селе Карачарове крестьянских дворов 23[247]

Лафертовской части

Красные Казармы[248]
Княгини Кропоткиной
Полковницы Вишневской
Купца Турчанинова
Титулярного советника Шрейдера
Генерал-майора Бибикова
5-го класса Ладыженского
Графа Орлова
Церковь Николая Чудотворца[249]
Церковь Живоначальной Троицы
Купца Водопьянова
Мещанина Петрова
Купчихи Ивановой
Купца Матвеева
Купца Соловьева
Мещанина Максимова
Мещанина Смолянинова

Мещанки Кузнецовой
Купца Штанникова
Мещанина Мухина
Мещанки Володимировой
Церковь Петра и Павла[250]
Дворцовая оранжерея[251]
Московский военный гошпиталь
Штаб-лекарши Альфонской[252]
Мещанина Стрелкова
Студента Соколова
Штаб-лекарши Бенедиктовой
Г-на Лопухина
Мещанки Медовиковой
Мещанина Иванова
Иностранки Фогелевой
Майорши Дмитриевой
Капитанши Рахвицевой
Графа Бутурлина
Коллежского асессора Беклемишева
Купецкой жены Бирюковой
Мещанина Яковлева
Надворного советника Вульфа
Унтер-офицера Киселева
Ольги Прянишниковой
Казенного Оконнишникова Мякоткина
Коллежской регистраторши Родевиловой
Мещанки Никитиной
Купца Новикова
Титулярной советницы Самсоновой
Мещанина Устинова
Просвирни Анны Дмитриевой
Купца Штанникова
Секретаря Иванова
Вечно цехового Маркова
Мещанки Орловой
Прапорщика Ухина
Секретаря Киселева
Мещанки Ивановой
Солдата Журкина
Купца Ильина
Надворного советника Правикова
Мещанина Елисеева
Сержанта Полякова
Регистратора Ухина
Придворного лакея Долбилина
Вдовий Ее Императорского Величества благородный дом, бывший Екатерининский дворец, что ныне казармы[253]
Пастора Гейдике
Унтер-офицера Иванова
Мещанина Артемонова
Слесарской жены Ушаковой
Мещанина Шахова
Купца Кузнецова
Графини Орловой-Чесменской
Солдатки Селивановой
Купца Ломова
Придворной экспедиции служителя Петрова
Петропавловского священника Иванова
Дьякона Сергеева
Майора Путаева
Коллежской асессорши Слезиной
Купца Кабанова
Мещанки Яковлевой
Солдатки Лапиной
Купца Ломова
Солдатки Стафуриной
Поручика Рогачева
Мещанки Пивоваровой
Титулярного советника Борисова
Поручицы Персианиновой
Мастерового Петрова
Секретаря Львова
Мещанина Путилова
Иностранца Леурера
Девицы Нагатиной
Мещанки Полетаевой
Унтер-офицерского сына Алексеева
Мещанина Зернова
Мещанина Никитина
Малолетнего из дворян Булыгина
Мастерового Литвиненкова
Коллежского регистратора Касаткина
Унтер- офицера Канунникова
Солдата Голубцова
Унтер-офицера Ермолаева
Коллежского асессора Подбреченкова
Титулярной советницы Буравовой
Мещанки Ерофеевой
Коллежского секретаря Поспелова
Коллежской асессорши Третьяковой
Коллежского асессора Орлова
Мещанина Сазонова
Цехового мастера Котельникова
Купецкой жены Бещевой
Статского советника Михайлова
Придворного нарядчика Камарского
Гоф-интендантской команды плотника Овчинникова
Солдатки Бородулиной
Кремлевской Экспедиции кузнеца Андреева
Мещанина Кушашникова
Казенного слесаря Коновалова
Отставного сержанта Метелкина
Цехового мастера Петрова
9-го класса[254] Орлова
Кремлевской экспедиции печника Андреева

Покровской части

Церкви

Богоявления Господня в Елохове[255]
Покрова Богородицы в Красном Селе[256]
Крестовоздвиженская в Красном Селе[257]

Собор ружный Покрова Богородицы
Введения Божией Матери

Казенных зданий
Обер-егермейстерского ведомства Потешный двор[258]
Питейный дом, называемый тычок
Церковная богадельня в Красном Селе
Преображенский богаделенный дом[259]
Надворной советницы Ивановой
Статского советника Полякова
Бывший майора Мальцова, а ныне Сиротского Общества
Графини Головкиной
Майора Демидова[260]
Купца Портнова
Капитанши Даниловой
Купца Аксенова
Купца Ипатова
Купца Ларионова
Сенатского регистратора Быховцова
Купца Прозуменщикова
Купца Крашенинникова
Купца Прозуменщикова
Коллежского асессора Карлызеева
Ротмистра Соковнина
Иностранца Губинера
Князя Голицына
Покровской церкви пономаря Алексеева
Оной же церкви священника Прокофьева
— дьякона Колоцкого
— дьячка Андреева
Батырщика Лапшина
Просвирни Степановой
Коллежского советника Рюмина
Унтер-офицера Репина
Цехового мастера Зотова
Умершего дворового человека Васильева
Цехового мастера Пеше
Купца Ипатова
Князя Голицына
Крестовоздвиженской церкви просвирни Никитиной
Надворного советника Мещанинова
Дьякона Розанова
Дьячка Иванова
Священника Алексеева
Умершего купца Топленикова
Майора Чагина
Генерал-майора Закревского[261]
Надворного советника Яковлева
Рисовального мастера Даева
Мещанки Скорняковой
Наборщика Федорова
Мещанина Куракина
Дворового человека Сергеева
Титулярного советника Николаева
Коллежского асессора Пашкевича
Коммерции советника Блюмера
Коллежского асессора Шахматова
Солдата Степанова
Купца Пеше
Коллежского асессора Шахматова
Титулярного советника Васильева
Коллежского регистратора Юренева
Сокольника Лапкина
Надворного советника Юргенева
Коллежского регистратора Лемцодзева
Сокольника регистратора Юргенева
Регистратора Микулина
Губернского секретаря Рыкунова
Фейерверкера Чемакова
Губернского секретаря Мишулина
Губернского секретаря Паушева
Отставного кречетника Шахматова
Канцеляриста Иванова
Отставного кречетника Шахматова
Мещанина Ножевщикова
Губернского секретаря Болшева
Титулярного советника Шахматова
Коллежской асессорши Былинской
Сокольника Кухина
Сокольника Рыкунова
Отставного ястребника Балашева
Титулярного советника Болшева
Сокольника Дмитриева
Иностранца討емдейка
Польского дворянина Ковальского
Губернской секретарши Смирновой
Коллежского секретаря Банбородина
Коллежского асессора Шахматова
Губернского секретаря Казанцова
Полковника Поздеева
Коллежского асессора Кирлызеева
Купца Архипова
Статской советницы Бусыгиной
Купца Шошина
Майора Чурашева
Купца Жинкина
Мещанки Свешниковой
Губернского секретаря Калинина
Купца Кознова
Крестьянина Медведева
Генеральный госпиталь
Немецкое кладбище
Мещанина Перфильева
Купца Сологубова
Солдатки Горевой
Мещанки Митрофановой
Цехового Никифорова
Мещанина Струнникова
Мещанина Иванова
Купца Иванова
Купца Сазонова

Мещанина Евдокимова
Купца Федорова
Мещанина Пояркова
Мещанина Бухлаева
Мещанки Никитиной
Служителя Лутохина
Купецкой дочери Ремесковой
Служителя Лутохина
Купца Матвеева
Мещанки Бутыриной
Купецкой жены Бутыриной
Дворового человека Петрова
Купца Молчанова
Мещанина Мешакова
Купца Панфилова
Коллежского секретаря Никулина
Купца Стукачева
Прапорщицы Лобовой
Мещанина Язвинина
Купца Стукачева
Крестьянина Иванова
Цеховой Никитиной
Цеховой Семеновой
Мещанина Моисеева
Купца Сивохина
Крестьянской девки Антипьевой
Солдатского сына Жулина
Мещанки Ивановой
Мещанина Андронова
Мещанина Калинина
Мещанина Никитина
Купца Рыкова
Купца Суслина
Мещанки Широкой
Мещанина Ефимова
Крестьянина Кузмина
Купца Беляева
Мещанина Данилова
Купца Михайлова
Мещанина Никитина
Купца Матвеева
Дворового человека Никифорова
Крестьянина Гаврилова
Мещанина Степанова
Купецкой жены Ивановой
Мещанки Потаповой
Мещанина Блохина
Дьякона Алексеева
Просвирни Гавриловой
Пономаря Федорова
Коллежской асессорши Котовской
Купца Куликова
Священника Михайлова
Поручика Шмарова
Купца Смирнова
Коллежского асессора Иванова
Мещанина Зиновьева
Купца Шабаловского
Купецкой жены Брюхановой
Мещанина Маркова
Мещанки Язвининой
Дьякона Иванова
Цеховой Каретниковой
Крестьянина Дементьева
Купца Сулейкова
Купца Петрова
Мещанина Егорова
Мещанина Шатова
Казенная Хапиловская мельница[262]
Купца Стукачева
Мещанки Венедиктовой
Купца Ракова
Мещанина Федорова
Экономического крестьянина Лизунова
Мещанина Алексеева
Мещанки Петровой
Мещанина Данилова
Вдовы Кондратьевой
Купца Сорокина
Цехового Андреева
Купца Федотова
Подпоручицы Лихониной
Мещанки Тимофеевой
Мещанина Горностаева
Крестьянина Купреянова
Мещанки Соколовой
Мещанки Татьяны Максимовой
Крестьянской девки Алексеевой
Мещанки Петровой
Унтер-офицерской жены Степановой
Купца Лежнева
Мещанки Петровой
Цеховой Емельяновой
Крестьянки Ивановой
Цеховой Федотовой
Мещанки Артемьевой
Крестьянки Ефимовой
Купца Мазурина
Купца Зинькова
Купца Осипова
Мещанина Катукина
Мещанина Петрова
Купчихи Гусевой
Купца Осипова
Купца Никифорова
Цеховой Пехтеревой
Крестьянина Иванова
Крестьянки Ларионовой
Крестьянки Григорьевой
Купца Михеева
Секретарши Потоцкой
Мещанина Евдокимова

Мещанина Лазарева
Дворового человека Сальникова
Мещанина Абрамова
Купца Абрамова
Дворового человека Шмыгина
Солдатки Родионовой
Мещанина Петрова
Купца Язвинина
Цеховой Петровой
Мещанина Афонина
Мещанки Ивановой
Крестьянина Андреянова
Купца Калмыкова
Казенный питейный дом
Мещанина Лебедева
Церковь Петра и Павла[263]
Купца Волкова
Доктора Потаца
Казенной цухтгауз[264]
Статской советницы Анненковой
Крестьянина Кусова
Купца Федотова
Цеховой Степановой
Цеховой Васильевой
Цеховой Пименовой
Мещанина Темкова
Мещанина Астафьева
Цеховой Денисовой
Купца Никитина
Крестьянина Петрова
Крестьянина Елисеева
Крестьянки Васильевой
Купца Афанасьева
Мещанки Кузминой
Крестьянина Савельева
Крестьянина Яковлева
Мещанина Денисова
Купца Григорьева
Купца Никифорова
Мещанина Попова
Мещанина Кузмина
Мещанина Колесникова
Цехового Пехтерева
Купецкой жены Бадаевой
Мещанки Хитровой
Мещанки Ивановой
Мещанина Евтеева
Мещанки Ивановой
Мещанина Ярченкова
Купецкой жены Петровой
Крестьянки Константиновой
Мещанина Тулубеева
Мещанина Баженова
Мещанина Лукьянова
Солдатки Осиповой
Купчихи Агафоновой
Мещанина Павлова
Штатного служителя Зайцева
Мещанки Афанасьевой
Мещанина Суботина
Солдатки Кузьминой
Цехового Боброва
Секретаря Казанцева
Петропавловского священника
Крестьянки Дмитриевой
Петропавловского дьячка
Мещанина Костикова
Мещанки Яковлевой
Мещанина Овчинникова
Ратнической жены Егоровой
Мещанки Степановой
Мещанина Пронина
Мещанки Алексеевой
Купца Ильина
Купца Климова
Мещанина Уткина
Мещанина Фиолетова
Князя Волконского
Казенные Преображенские бани
Асессорши Павловской
Цеховой Степановой
Асессорши Шмаровой
Мещанина Ивикова
Крестьянина Иванова
Девиц Щеголевых
Солдата Цыплякова
Мещанина Леонтьева
Унтер-офицера Лосева
Цеховой Васильевой
Мещанки Емельяновой
Солдата Коняхина
Солдаток Владимировой и Григорьевой
Солдатской дочери Григорьевой
Цеховой Евстигнеевой
Крестьянина Петрова
Солдата Валеева
Вахмистра Лескина
Мещанина Григорьева
Крестьянина Ефимова
Солдатской дочери Ивановой
Крестьянина Леонтьева
Мещанина Андреева
Актуариуса Иогеля
Богаделенного дьячка Гаврилова
Солдата Борисова
Фортмейстера[265] Эира
Иностранца Эдельмана
Иностранца Фру
Богаделенный дом[266]
Дом умалишенных
Рабочий дом
Потешный Екатерининский богаделенный дом

Богаделенного священника
Купцов Сороковых
Их же сахарный завод
Действительного статского советника Глебова
Купца Устинова
Генерал-майора Попкова

Московский обер-полицмейстер
Генерал-майор Ивашкин
(подпись)

ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 204. Л. 1—79

Примечания

1 Казанский собор, собор иконы Казанской Богоматери. Построен на средства царской семьи в память победы в 1612 году над польскими интервентами. Освящен в 1639 г. В XVIII—XIX вв. неоднократно перестраивался. Снесен в 1936 г. В 1993 г. воссоздан в древних формах.

2 Церковь Живоначальной Троицы что в Полях построена в 1657 г. боярином М. М. Салтыковым — двоюродным братом царя Михаила Федоровича. Название получила по месторасположению на «поле» для судебных поединков. Находилась у Театрального проезда. Снесена в 1934 г.

3 Церковь Владимирской Божьей Матери была построена по обету царицы Натальи Кирилловны и по указу ее сына Петра I в 1694 г. на Никольской. Снесена в 1934 г.

4 Церковь Св. Николая Чудотворца что у Большого Креста на Ильинке. Построена в 1680 г. московскими купцами Филатьевыми, которые установили на куполе храма большой деревянный крест. Была восстановлена после пожара 1812 г. Снесена в 1933 г.

5 Имеется в виду Московская Синодальная типография на Никольской ул., основанная в 1727 г. после передачи Печатного двора в ведение Св. Синода. В 1811—1815 гг. для нее было построено специальное здание. Ныне здесь находится один из учебных корпусов Российского государственного гуманитарного университета.

6 Дом графа Н. П. Шереметева на Никольской не пострадал в пожаре 1812 г.

7 Церковь Св. Николая Чудотворца «Красный Звон» находится между Ильинкой и Варваркой. Построена в 1691 г. Перестроена в 1858 г. Славилась своими колоколами, издававшими «красный», т. е. благозвучный звон.

8 Церковь Священномученика Ипатия была построена в сер. XVII в., перестроена в сер. XVIII в. Снесена в 1960-е гг.

9 Церковь Троицы в Никитниках (Грузинской Божьей Матери) построена ярославским купцом Г. Л. Никитниковым в 1631—1634 гг. близ Варварки. Один из уникальных памятников московского зодчества XVII в. В церкви хранится чудотворная икона Божьей Матери, привезенная С. Л. Никитниковым из Грузии в 1654 г. Закрыта в 1920-е гг. Долгое время здесь был филиал Государственного исторического музея. Ныне храм возвращен верующим.

10 Церковь Климента Папы Римского у Варварских ворот (угол Варварки и Славянской пл.) построена в 1626 г., перестроена в 1741 г.

11 Церковь Варвары Великомученицы на ул. Варварка. Построена в 1796—1802 гг. архитектором Р. Р. Казаковым на фундаменте храма, сооруженного в 1514 г. Алевизом Фрязиным. Известна чудотворным образом Варвары Великомученицы.

12 Духовницкий Александр Михайлович (1757—?), генерал-майор, с 1802 г. в отставке.

13 Покровский собор (храм Василия Блаженного). В приделе Василия Блаженного полагался свой священник. Построен в 1556—1561 гг. зодчими Бармой и Постником по указу царя Ивана Грозного в честь взятия Казани. Подобно соборам Кремля, был приписан к Дворцовому ведомству. В 1812 г. собор подвергся разорению и осквернению неприятелем: в нем французы устроили конюшню.

14 Архиерейский дом при Чудовом монастыре был восстановлен в 1814 г. Являлся резиденцией вел. кн. Николая Павловича, впоследствии — императора Николая I, во время его пребывания в Москве.

15 Церковь Николая Чудотворца что на Пупышах построена в 1731 г. Находилась на возвышении («пупе») между Б. Садовнической ул. и Краснохолмской наб. Снесена в 1950-е гг.

16 Церковь Михаила Архангела что в Овчинниках (близ Ордынки, в Среднем Овчинниковском пер.). Местность получила название от конюшенной овчинной слободы. Построена в 1614 г. при первом царе из династии Романовых Михаиле Федоровиче.

17 Церковь Параскевы Пятницы была построена в 1739 г., колокольня и трапезная — в 1748 г. Дала название улице, идущей от Водоотводного канала до Серпуховских ворот, т. е. Пятницкой. Снесена в 1934 г.

18 Церковь Воскресения Христова (Словущего Воскресения) была построена в 1750 г. между Пятницкой и Кузнецкой (ныне Новокузнецкая) улицами. В 1812 г. перестроена на средства прихожан. Снесена в 1930-е гг.

19 Церковь Вознесения Господня что за Серпуховскими воротами (на углу нынешних Б. Серпуховской и Люсиновской ул.) построена в 1762 г. Перестроена в XIX в.

Церковь Воскресения Словущего на Б. Серпуховской ул. построена в 1709—1762 гг. В нач. XIX в. была построена колокольня. Храм замыкает перспективы трех основных улиц Замоскворечья — Полянки, Ордынки и Пятницкой.

Церковь в честь Ризы Положения Господней на Донской ул. построена в 1701—1716 гг. На этом месте в 1625 г. персидский шах Аббас передал в дар царю Михаилу Федоровичу и его отцу патриарху Филарету ризу Господню, взятую персами из покоренной ими Грузии. Перестроена в конце XIX в. архитектором А. С. Каминским.

Церковь Троицы что на Шаболовке построена в 1745 г., колокольня в 1790 г. Перестроена в 1839—1843 гг.

20 Деревянная церковь во имя Сошествия Святого Духа на Даниловом кладбище была построена в 1772 г., в 1829—1838 гг. заменена на каменную в стиле ампир.

21 В 1804 г. на углу М. Серпуховской ул. и Арбузовского пер. (ныне Люсиновские улица и переулок) был выстроен невысокий каменный Масленый двор, или «Дом для продажи привозимого масла» (снесен в 1970-е гг.). Рядом, между М. Серпуховской и Шаболовкой, был выстроен ансамбль из

трех двухэтажных каменных зданий Мытного скотопригонного двора. Там взималась пошлина — «мыт» — с торговцев скотом. Термин сохранился в названии современной Мытной улицы.

[22] Мерлин Павел Иванович (1769—1841), генерал-майор (с 26.12.1812). Участник войн со Швецией (1788—1790 и 1808—1809), Польшей (1792 и 1794), сражения с наполеоновскими войсками при Фридланде (1807), где был ранен и пожалован шпагой «За храбрость». Отличился в сражениях при Тарутине, Малоярославце и Вязьме в 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг.

[23] Очевидно, Арсеньев Николай Михайлович (1764—1830), генерал-майор (1799). В 1806—1807 гг. сражался с французами под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, где был ранен. В 1812 г. сформировал 7-й пехотный полк Московского ополчения, командовал ополченской дивизией при Бородине, Тарутине, Малоярославце и Красном.

[24] Загряжский Петр Петрович (1778—1849), генерал-лейтенант (1826). Участник Персидского похода 1796 г., сражений с французами при Аустерлице (1805) и Фридланде (1807), где получил несколько ранений. В 1812 г. участвовал в сражениях при Островно, Бородине, Красном, Орше, Вильно и др. Отличился в заграничных походах русской армии 1813—1814 гг., в т. ч. при взятии Парижа. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

[25] Очевидно, Беклемишев Дмитрий (1767 — после 1816), генерал-майор.

[26] Купцы Жуковы владели усадьбой, построенной в конце XVIII в. на Коломенско-Ямской (ныне Дубининской) ул.

[27] Корзинкин, Карзинкин (ок. 1760 — 1822), родоначальник известной купеческой династии. Выходец из ярославских крестьян. В 1791 г. вступил в 3-ю гильдию московского купечества, в 1810-е — в 1-ю.

[28] Купцы Ремизовы владели тремя огромными дворами на углу 4-го Коровьего пер. и Коровьего вала (ныне Добрынинская ул.). Находившийся позади этих дворов переулок получил название Ремизовского.

[29] Алексеев Семен Алексеевич (1746—1821), купец 2-й гильдии, коммерции советник, основатель известной московской династии предпринимателей, меценатов и общественных деятелей. Пожертвовал большие средства на создание московского ополчения в 1812 г. Его фабрика по выработке золотных и серебряных «позументных, плющильных и канительных изделий» на Якиманке в 1812 г. сгорела, после чего Алексеевы обосновались в Таганской части (См. комм. 232. С. 290).

[30] Щипок — улица между Даниловской и Серпуховской площадями.

[31] Ртищев Николай Федорович (ум. в 1835), генерал от инфантерии. На службе с 1764 г. В 1811—1813 гг. управлял Астраханской и Кавказской губерниями и был главнокомандующим в Грузии. С 1818 г. — сенатор.

[32] Чичерин Василий Николаевич (1753—1825), генерал-лейтенант (1806), участвовавший в формировании московского ополчения в 1812 г., в Бородинской битве (похоронен на Ваганьковском кладбище); или Чичерин Николай Александрович (1771—1837), генерал-майор (с 1807), участвовавший в сражениях при Островно, Витебске, Смоленске, Шевардине, Бородине, Тарутине, Малоярославце и Красном (похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря).

[33] Прянишников Иван Данилович (1752 — после 1803) имел чин действительного статского советника — 4-го класса, что соответствовало чину генерал-майора. Последняя должность — член Комиссии составления законов Российской империи.

[34] Штельцер Христиан (1758—1831), уроженец Пруссии. Преподавал в университетах Галле и Геттингена. С 1805 г. профессор юриспруденции Московского университета. Во время наполеоновской оккупации — единственный из профессоров, оставшийся в Москве. Став членом оккупационного французского муниципалитета, возглавил департамент «общественной безопасности» и подписывал смертные приговоры о расстреле «поджигателей». Прощенный Александром I, вынужден был покинуть университет из-за нежелания других профессоров, в т. ч. иностранцев, с ним сотрудничать. В 1816 г. стал ректором Дерптского (Тартуского) университета. За взяточничество навсегда выслан из России.

[35] Антонский, Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762—1848), выдающийся педагог. С 1790 г. профессор Московского университета, основатель и многолетний директор (до 1826 г.) университетского Благородного пансиона, с 1809 г. — декан физико-математического факультета. В 1811 г. основал и возглавил университетское Общество любителей российской словесности. С 1817 г. — действительный статский советник. В 1818—1826 гг. — ректор университета.

[36] Часовня Перервинского монастыря у Калужских ворот сооружена в 1720-е гг. Находилась на месте соединения Б. Калужской (Ленинский просп.) и Донской улиц.

[37] В 1810—1812 гг. богатый купец М. Н. Титов, коммерции советник и городской голова, построил на пустыре вдоль Б. Калужской ситценабивную фабрику, которая сгорела. Титов восстановил ее, построив 12 каменных корпусов, тянувшихся до Москвы-реки. Фабрика стала одной из самых крупных в России. Впоследствии эти корпуса были переданы Градской больнице. Фамилия фабриканта сохранилась в названии Титовского проезда».

[38] Рихтер Вильгельм Михайлович (1767—1822), выпускник медицинского факультета Московского университета. С 1890 г. профессор медицинского факультета, с 1818 г. — заслуженный профессор. С 1795 г. — главный акушер г. Москвы. Умер в чине действительного статского советника.

[39] Очевидно, речь идет о генерал-поручике Александре Петровиче Ермолове (1754—1836).

[40] Левашов Федор Иванович (1752 — умер после 1816), тайный советник с 1803 г., сенатор.

[41] Мясоедов Николай Иванович, с 1803 г. директор Главной соляной конторы, сенатор Московского департамента Сената. Умер в чине действительного тайного советника.

[42] Новицкий Осип Иванович, с 1790 г. генерал-майор при комиссариатской комиссии.

[43] Церковь Софии Премудрости Божией что в Средних Садовниках, между Б. Каменным и Москворецкими мостами. Построена в 1682 г., колокольня 1860-х гг. Дала название Софийской набережной.

[44] Церковь Казанской Пресвятой Богородицы была построена стрельцами в 1660 г. и перестроена в 1855 г. Находилась на углу Б. Якиманки и Калужской пл. В советское время была переоборудована под кинотеатр «Авангард», снесенный в 1972 г.

[45] Церковь Иоанна Воина на Якиманке построена по личному указанию и вкладу Петра I архитектором И. П. Зарудным. Освящена в 1712 г. Один из лучших памятников московской архитектуры. В 1812 г. была осквернена и разгра-

блена французскими мародерами. По преданию бушевавшее на Якиманке пламя остановилось, дойдя до церковной ограды. Благодаря щедрым пожертвованиям церковь вскоре была возрождена.

[46] Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в Кожевническом пер. построена в 1688 г. Сохранилась в сильно искаженном виде.

[47] Церковь Николая Чудотворца что в Голутвине (название получила по существовавшему здесь с 1472 г. подворью коломенского Голутвина монастыря) была построена в 1692 г., колокольня в 1769 г. Храм был разграблен и поврежден оккупантами, но уже в декабре 1812 г. вновь освящен.

[48] Уставом Петра Великого 1722 г. были установлены категории временных и вечно цеховых. Первыми могли быть как крепостные (временно отпущенные помещиками на заработки), так и свободные люди, вторыми — только свободные, которые по указу 1802 г. «пользовались правами и выгодами мещанства».

[49] Сабуров Василий Иванович, генерал-майор с 1798 г.

[50] Церковь Николая Гостунского была построена в 1506 г. вел. кн. Василием III. Названа по иконе Николая Чудотворца, привезенной из села Гостуни. Храм был разобран в 1816 г., а икона перенесена в Успенскую звонницу колокольни Ивана Великого.

[51] Просвирня — женщина в церковном приходе, приставленная для изготовления просвир (просфор); обычно вдова духовного звания, состояла в причте.

[52] Огарев Платон Богданович (ум. в 1838), статский советник, отец поэта-революционера Николая Огарева, жил в доме на углу Б. Никитской и Никитских ворот. Этот дом был воспет в огаревском стихотворении «Старый дом».

[53] Университетская типография — комплекс зданий, занимавших значительный участок на углу Б. Дмитровки и Страстного бул. Образовался на основе двух усадеб — Власовых и Талызиных — отошедших к типографии в 1811—1818 гг. Самое древнее здание — каменные палаты кон. XVII в., в XVIII в. надстроены. Здания частично пострадали во время пожара 1812 г. Восстановлены в стиле ампир. Уже в ноябре 1812 г. в типографии был возобновлен выпуск газеты «Московские ведомости».

[54] Дивов Адриан Иванович (ум. в 1814), тайный советник, сенатор.

[55] Трубецкой Алексей Иванович, князь. Погиб в 1813 г. в Лейпцигской битве. Владел каменной усадьбой в Петровском (ныне Богословский) пер., между улицами Петровкой и Б. Дмитровкой. Эта усадьба была перестроена в 1774 г. из нарядных деревянных палат XVII в., принадлежавших дяде Петра I Л. К. Нарышкину. Вдова А. И. Трубецкого Авдотья Семеновна вышла замуж за известного архитектора О. И. Бове.

[56] Имеется в виду вдова Мелиссино Ивана Ивановича (1718—1895). В 1763—1768 гг. обер-прокурор Св. Синода, с 1771 г. — куратор Московского университета в чине тайного советника.

[57] Салтыков Петр Семенович (1697—1772), граф (1733), генерал-адъютант (1762). Во время Семилетней войны 1756—1763 гг. — главнокомандующий русской армией, одержал ряд побед над пруссаками. В 1763 г. назначен московским главнокомандующим. При нем были учреждены почтовые учреждения, построен Воспитательный дом, отремонтирован Арсенал и т. д. Уволен в 1771 г. из-за возникшего в Москве «чумного бунта». Огромная усадьба Салтыкова находилась между Б. Дмитровкой и Тверской. В 1938—1940 гг. на месте этой усадьбы было построено здание Музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

[58] Дом Е. И. Козицкой, один из знаменитых московских дворцов, был построен на Тверской в 1790-е гг. по проекту М. Ф. Казакова. В 1820-е гг. в этом доме находился знаменитый салон княгини Зинаиды Волконской — «царицы муз и красоты». В 1898 г. дом был приобретен и перестроен купцом Г. Г. Елисеевым для роскошного гастрономического и винного магазина. Рядом, в Козицком пер., находится дом, построенной для А. И. Лобковой — матери С. А. Соболевского, друга А. С. Пушкина.

[59] Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), князь (с 1841 — светлейший), генерал от кавалерии (1814). В 1812 г. во время Шевардинского боя командовал кавалерией 2-й Западной армии, а в Бородинской битве — двумя кирасирскими дивизиями. Отличился в сражениях при Малоярославце, Вязьме и Красном и в заграничных походах 1813—1814 гг. В 1820 г. назначен московским генерал-губернатором. При нем завершилось восстановление Москвы после пожара 1812 г. и начались работы по ее новой планировке и застройке. Создан Александровский сад и бульвары, замощены и освещены многие московские улицы, построены Москворецкий мост, Малый театр, Триумфальные ворота, больницы, богадельни, ряд учебных заведений. Жил в Москве на Б. Дмитровке. Похоронен в усыпальнице князей Голицыных — церкви Архангела Михаила в Донском монастыре.

[60] Обер-Шальме М. Р., владелица известного модного магазина в Глинишевском пер. между Тверской и Б. Дмитровкой. Поблизости, на углу Б. Дмитровки и Столешникова пер. находились дом и типография купца С. И. Селивановского (ум. в 1835), который издал первый в России энциклопедический словарь, один из лучших путеводителей по Москве нач. XIX в. У Селивановского печатались произведения Д. В. Давыдова, В. А. Жуковского, К. Ф. Рылеева и других. Здесь Н. М. Карамзин трудился над «Историей Государства Российского». Ныне на месте дома Селивановского — Государственный архив современной политической истории России.

[61] Толстой Николай Петрович (1759—1822), бригадир, впоследствии действительный статский советник, почетный опекун Московского Опекунского Совета. Владел домом в Б. Толстовском (ныне Карманицкий) пер., на углу Арбата и Новинского бул.

[62] Владения князей Черкасских находились между Б. Дмитровкой и Театральной, а генерал-майора Петра Александровича Рахманова (ум. в 1845), участвовавшего в формировании ополчения 1812 г., — между Петровкой и Неглинкой, в нынешнем Рахмановском пер.

[63] С конца XVIII в. до 1918 г. роду Хомяковых принадлежал обширный участок на углу Петровки и Кузнецкого моста.

[64] Дом главнокомандующих или генерал-губернаторов Москвы был построен в 1778—1782 гг. архитектором М. Ф. Казаковым для главнокомандующего графа З. Г. Чернышева. После 1917 г. здесь находился Моссовет, в 1946 г. здание было надстроено архитектором Д. Н. Чечулиным. С 1992 г. — Мэрия г. Москвы.

[65] Кутайсов Иван Павлович (1759—1834), по происхождению турок, взят в плен русскими войсками. Брадобрей и фаворит будущего императора Павла I, который сделал его обершталмейстером и даровал графский титул. С восшествием на престол Александра I был уволен от всех должностей и поселился в Москве. Отец героя войны 1812 года генерала

Александра Ивановича Кутайсова (1784—1812), погибшего на Бородинском поле.

[66] Поздняков П. А., в 1812 г. генерал-майор. В его доме на углу Б. Никитской и Леонтьевского пер. был собственный театр, который неоднократно посещал Наполеон. Дом был построен в 1-й пол. XVIII в., в 1817—1823 гг. перестроен в стиле ампир.

[67] Усадьба князей Шаховских находилась на Моховой. Была построена в нач. XIX в., пострадала во время пожара, была восстановлена, а в 1868 г. перестроена.

[68] Усадьба Олсуфьевых находилась на углу Тверской и Брюсова пер., рядом с резиденцией генерал-губернаторов. О ней см. очерк «Олсуфьевская крепость» в книге В. А. Гиляровского «Москва и москвичи».

[69] Прозоровский Александр Александрович (1732—1809), князь, генерал-фельдмаршал, отличился в Семилетней и русско-турецких войнах. В 1790—1795 гг. — московский главнокомандующий. Его дворец на Тверской был снесен в 1930-е гг.

[70] Очевидно, имеется в виду Алексей Григорьевич Щербатов (1776—1848), генерал от инфантерии (1823), генерал-адъютант (1816). В 1812 г. командовал пехотной дивизией, отличился в ряде сражений. В заграничных походах русской армии командовал корпусом, был произведен в генерал-лейтенанты. Участвовал в Лейпцигской битве и взятии Парижа. С 1844 г. московский военный генерал-губернатор. В 1800 г. для князей Щербатовых архитектор О. И. Бове построил дом на Петровке (д. 38), который вскоре после 1812 г. был куплен казной для устройства Петровских казарм. Во 2-й пол. XIX в. здание занял жандармский дивизион. После 1917 г. здесь расположилось Главное управление московской милиции. В 1950-е гг. здание было перестроено.

[71] Дом князей Лобановых-Ростовских в Калашном пер. был построен в XVIII — нач. XIX в. и перестроен на рубеже XIX—XX вв.

[72] Имеется в виду Алексей Иванович Мусин-Пушкин.

[73] Имеются в виду немецкие купцы Якоби. Владели домом на углу Б. Никитской и Романова пер. с угловой ротондой. Построен в кон. XVIII — нач. XIX в.

[74] Пашков Василий Александрович (1762—1838), генерал-майор. С 1810 г. в отставке, с 1811 г. егермейстер двора (с 1819 г. обер-егермейстер), с 1817 г. обер-гофмаршал. В его доме на Б. Никитской (перестроен архитектором А. С. Каминским в 1875 г.) бывал А. С. Пушкин. Пашковым принадлежал также дом в начале этой улицы, где в 1837 г. была освящена церковь Св. мученицы Татианы. Дом был построен в 1802 г. и его боковые корпуса включили в себя стены более старых зданий Романова двора.

[75] Колымажный двор находился на ул. Волхонка, на месте Музея изобразительных искусств.

[76] Фаминцын Сергей Андреевич (1747—1819), генерал-поручик (1790).

[77] Церковь Антипы Священномученика на Пречистенке на Колымажном дворе была построена в XVI—XVIII вв.

[78] Церковь Василия Кесарийского что в Тверской-Ямской слободе была построена в 1688 г. Перестроена в 1845 г. Считалась одним из богатейших приходов в Москве. Снесена в 1935 г.

[79] Церковь Ржевской Пресвятой Богородицы у Пречистенских ворот. Была построена при Иване Грозном. Снесена в 1928 г.

[80] Часовня Николая Чудотворца под Б. Каменным мостом на Софийской набережной. Построена в 1700 г. Снесена в 1936—1938 гг. при постройке нового Каменного моста.

[81] Церковь Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове была построена в 1705 г. домовладельцем Башмаковым. Находилась близ храма Христа Спасителя. Снесена в 1932 г.

[82] Церковь Иоанна Предтечи в Староконюшенном пер. (между Арбатом и Пречистенкой) построена в начале XVII в. Снесена в 1933 г.

[83] Церковь Николая Чудотворца на углу Арбата и Плотникова пер. построена в 1690 г. В 1812 г. была полностью разграблена. Снесена в начале 1930-х гг.

[84] Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Левшинском пер. (между Арбатом и Пречистенкой) была построена полковником Левшиным в 1712 г. Снесена в нач. 1930-х гг.

[85] Церковь Живоначальной Троицы что в Зубове находилась на Пречистенке. Была построена в конце XVII в. в Стрелецкой слободе Зубова. Снесена в 1930-х гг.

[86] Кенсона, граф. Французский эмигрант-роялист, принятый на русскую службу в чине генерал-лейтенанта. О нем см. «Былое и думы» А. И. Герцена.

[87] Тучков Павел Алексеевич (1775—1858), генерал-майор (с 1800). В 1812 г. командовал бригадой 17-й пехотной дивизии 2-го пехотного корпуса, прикрывавшей отход 1-й Западной армии из Дрисского лагеря. В сражении при Валутиной горе 7 августа, обеспечивая отход 1-й Западной армии из пылающего Смоленска, получил несколько тяжелых ранений и был взят в плен. Освобожден весной 1814 г. С 1826 г. в чине тайного советника возглавил московский Опекунский совет. Дом Тучковых находился на Остоженке. С 1868 г. в этом доме разместился Катковский лицей. Ныне здесь — Дипломатическая академия МИД.

[88] Церковь Рождества Христова в Палашевском пер. (здесь была слобода оружейных мастеров, изготовлявших преимущественно палаши), близ Тверской. Построена в конце XVI в. В 1812 г. храм был разграблен, а особо почитаемая москвичами икона Божией Матери «Взыскание погибших» разбита на части. Икона была восстановлена, а храм вновь освящен в 1815 г.

[89] Церкви Благовещения Пресвятой Богородицы что за Тверскими воротами и Священномученика Ермолая на Козьем болоте на Садово-Кудринской, построенные в нач. XVII в., были снесены в 1930-х гг.

[90] Долгоруков Василий Васильевич (1787—1858), князь. Действительный камергер, с 1819 г. — шталмейстер, с 1832 г. — обер-шталмейстер. Князьям Долгоруким принадлежала усадьба на Поварской, построенная в сер. XVIII — нач. XIX в. Эта усадьба старым москвичам известна как «Дом Ростовых» по эпопее Л. Н. Толстого «Война и Мир». С 1932 г. — резиденция Союза писателей СССР.

[91] Очевидно, имеются в виду два дома княгини В. В. Голицыной на Никитском бул.

[92] Уникальный деревянный особняк Сытиных, построенный в 1804 г. и сохранившийся от пожара 1812 г., находится в Сытинском пер., между Б. Бронной и Тверским бул.

[93] Петровский Михаил Андреевич (1764—?) генерал-майор, писатель. Выпускник Московского университета. В 1812—1814 гг. полевой генерал-комиссар, затем генерал-интендант.

[94] Гессе Иван Христианович (1757—1816), генерал-лейтенант. С 1797 г. московский комендант. Способствовал уменьшению грабежей строгим надзором за караулами и патрулями.

[95] Всеволожский Всеволод Андреевич (1769—1836), действительный камергер. Известный меценат, музыкант-любитель, владелец одного из лучших в Москве крепостных оркестров. В его великолепной двухэтажной усадьбе на углу Пречистенки и Всеволожского пер., построенной на рубеже XVIII—XIX вв., часто устраивались музыкальные вечера и концерты. «Вот огромный дом Всеволода Андреевича Всеволожского, — вспоминал С. Н. Глинка. — Каких не было тут артистов иностранных…» (*Глинка С. Н.* Записки о событиях заграничных и происшествиях московских… // России верные сыны... Т. 2. Л., 1988. С. 399). Усадьба столь сильно пострадала от пожара 1812 г., что была восстановлена лишь в 1820-е гг.

[96] Имение князей Голицыных находилось на М. Бронной. В кон. XIX в. дом был надстроен четвертым этажом и была сделана пристройка с залом. Ныне здесь находится Московский драматический театр (Театр на Малой Бронной).

[97] Алябьев Александр Васильевич (1746—1822), действительный тайный советник, сенатор. В 1804 г. переведен на службу в Москву в Берг-контору. Отец композитора Александра Александровича Алябьева (1787—1851), участника Отечественной войны 1812 г., который провел детство в родительском доме в М. Козихинском пер.

[98] Возможно речь идет о семье Дмитрия Гавриловича Бибикова (1791—1870), который в Бородинской битве был адъютантом М. А. Милорадовича и был тяжело ранен (потерял левую руку); 1821—1823 гг. — московский вице-губернатор, с 1843 г. — генерал от инфантерии, в 1852—1855 гг. — министр внутренних дел. Двухэтажный дом Бибиковых на Б. Никитской был построен в кон. XVIII в. Второй этаж был деревянным и сгорел в 1812 г. Был заново надстроен с мезонином.

[99] Мещерская Анна Борисовна (1738—1827), княжна. Тетка Ивана Алексеевича Яковлева (1767—1846), капитана л.-гв. Измайловского полка, отца А. И. Герцена. Будущий знаменитый писатель и публицист родился 25 марта 1812 г. в усадьбе на Тверском бул., построенной в кон. XVIII — нач. XIX в. (ныне здесь Литературный институт), принадлежавшей старшим братьям его отца — генерал-майору Петру Алексеевичу (1760—1813), камергеру Александру Алексеевичу (1762—1825) и сенатору Льву Алексеевичу (1764—1839) Яковлевым. В сентябре 1812 г. И. А. Яковлев, не успев выехать из Москвы, спасаясь от пожара, вынужден был перебраться в принадлежавший А. Б. Мещерской флигель усадьбы, выходившей на Б. Бронную.

[100] Уваров Иван Александрович (ум. в 1817), капитан. Владел домом на углу М.Дмитровки и Успенского пер. В пожаре 1812 г. деревянная часть его усадьбы сгорела, а два каменных флигеля были восстановлены в 1817 г.

[101] Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы что на Бережках у Дорогомиловского моста. Построена в 1413 г. Снесена в 1960-х гг.

[102] Церковь Воздвижения Креста Господня на углу Плющихи и Б. Воздвиженского пер. Построена в 1658 г., колокольня — в 1846 г.

[103] Церкви Саввы Освященного что на Девичьем поле, Знамения Божьей Матери в Зубове и Тихвинской Божьей Матери что на Бережках, построенные в XVII — 1-й пол. XVIII в. снесены в 1930-е — 1960 гг.

[104] Каменский Сергей Михайлович (1771—1834), граф, генерал от инфантерии (1810). В 1812 г. возглавлял корпус в составе 3-й армии А. П. Тормасова. Владел усадьбой на углу Смоленского бул. и Ружейного пер., доставшейся ему после гибели его отца и старшего брата — выдающихся военачальников М. Ф. и Н. М. Каменских. Похоронен в некрополе Новодевичьего монастыря в Москве.

[105] Усадьба князей Мещерских в Леонтьевском пер. была построена в сер. XVIII в. и перестроена в 1817—1823 гг.

[106] Возможно, речь идет о жене кн. Ивана Михайловича Долгорукова (1764—1823), писателя и поэта, в 1802—1812 гг. владимирского гражданского губернатора, который в 1813 г. вышел в отставку и поселился в собственном доме в Москве.

[107] Грушецкий Владимир Сергеевич (ум. в 1839), тайный, с 1822 г. действительный тайный советник.

[108] Апраксин Степан Степанович (1747—1827), генерал от кавалерии (1798). Отличился в русско-турецких войнах кон. XVIII в. В 1809 г. вышел в отставку и поселился в Москве. В 1792 г. архитектор Ф. Кампорези построил для него дом на Знаменке, где находился крепостной театр. В 1812 г. в доме Апраксина разместился государственный секретарь Наполеона граф П. А. Дарю. Знаменитый писатель Стендаль, который в 1812 г. в качестве чиновника военного ведомства Франции участвовал в походе на Россию, вспоминал об этом «доме, просторном и великолепном… похоже, что здесь жил человек богатый и любитель искусства. Дом удобного расположения, полон небольших статуй и картин. Здесь прекрасные книги — Бюффон, Вольтер, которого можно найти повсюду, и “Галерея Пале Руаяль”» (*Стендаль.* Заметки о походе в Россию // Русский архив. 1892). После пожара 1812 г., когда на Арбатской пл. сгорел государственный театр, его спектакли первоначально ставились на апраксинской сцене. С сер. XIX в. здесь находилось Александровское военное училище. В 1940-е гг. дом был капитально перестроен для Министерства обороны СССР.

[109] Имеется в виду подворье Свенского Успенского мужского монастыря, основанного в 1288 г. князем Романом Михайловичем на берегу реки Свени (недалеко от Брянска) во имя образа Пресвятой Богородицы.

[110] Щербатов Дмитрий Михайлович, князь, полковник в отставке, сын известного историка М. М. Щербатова. Его дочь Наталья вышла замуж за будущего декабриста Ф. П. Шаховского. В 1808 г. Д. М. Щербатов купил дом на Девичьем поле, до 1747 г. бывший в собственности Новодевичьего монастыря. Рядом находился дом купца С. А. Милюкова, где после бегства из Кремля устроил свою канцелярию маршал Л. Н. Даву. В 1835 г. усадьба князей Щербатовых была приобретена известным историком, академиком М. П. Погодиным.

[111] Куманин Алексей Алексеевич (1752—1818), коммерции советник, купец, фабрикант и меценат. Основатель династии предпринимателей. В 1811—1813 гг. — московский городской голова.

[112] Возможно, Лопухин Дмитрий Ардалионович, действительный статский советник, с 1802 г. калужский губернатор. Усадьба Лопухиных находилась на углу Смоленского бул. и Неопалимовского пер.

[113] Усадьба Несвицких на Смоленском бул. была построена во 2-й пол. XVIII в. В кон. XIX в. дом был перестроен купцом Н. В. Рукавишниковым для устройства приюта для малолетних.

[114] Трубецкой Николай Никитич (1744—1821), князь, действительный тайный советник. Управлял в Москве казначейством. По владению князей Трубецких названия получили Трубецкие переулки близ Девичьего поля.

[115] Возможно, Апраксин Иван Александрович (1756—1818), генерал-лейтенант, сенатор.

[116] По фамилии купцов и домовладельцев Усачевых улица на юго-западе Москвы, между современными Б. Пироговкой и Комсомольским просп., получила название Усачевки.

[117] Доходные дома купцов Заикиных, построенные на Б. Никитской (напротив Консерватории) пострадали в пожаре 1812 г. и были восстановлены.

[118] Имеется в виду обширное владение на Воздвиженке, ранее называвшееся Романовым двором, который принадлежал боярину Никите Ивановичу Романову — троюродному брату царя Михаила Федоровича и дворецкому царя Алексея Михайловича. В кон. XVII в. слобода принадлежала Нарышкиным — родственникам царицы Натальи Кирилловны. В сер. XVIII в. в слободе была построена усадьба для Е. И. Нарышкиной, которая перешла в качестве приданого к ее мужу — гетману К. Г. Разумовскому. В конце 1770-х гг. усадьба Разумовского была перестроена, а в 1799 г. продана графу Н. П. Шереметеву. Во 2-й пол. XIX в. здесь сначала размещалась Московская городская дума, а затем Охотничий клуб.

В 1790-е гг. на углу Воздвиженки и Романова пер. для графа А. К. Разумовского был построен еще один дом, со знаменитой угловой ротондой, который также в 1799 г. купил граф Н. П. Шереметев. После пожара 1812 г. дом был восстановлен в ампирных формах.

[119] Плавильщиков Петр Алексеевич (1760—1812), выдающийся актер, писатель, член Общества любителей российской словесности при Московском университете.

[120] Церковь Смоленской Божьей матери, на углу улиц Смоленской и Плющихи, близ Смоленского рынка. Построена в 1691 г. Снесена в 1933 г.

[121] Олсуфьев Захар Дмитриевич (1772—1835), генерал-лейтенант. В 1812 г. командовал 17-й пехотной дивизией корпуса Н. А. Тучкова. Отличился в Бородинской битве. В 1814 г. командовал 9-м пехотным корпусом.

[122] Церковь Богоявления Господня на Большой Дорогомиловской ул. Построена предположительно в XV в. Снесена в 1930-е гг.

[123] Деревянная церковь во имя Софии мученицы и трех ее дочерей — Веры, Надежды и Любови на Миусском кладбище была построена в 1771 г. В 1823 г. на средства купца И. П. Кожевникова была заменена каменной. Колокольня храма была уничтожена в начале 1930-х гг.

[124] Возможно, речь идет о сенаторе Матвее Федоровиче Толстом (1772—1815).

[125] Кашкин Николай Евгеньевич — отец будущего декабриста Сергея Николаевича Кашкина. Дом находился на Садово-Кудринской ул.

[126] Небольсин Николай Андреевич (1785—1846), в 1812 г. — полковник, командир конного полка Костромского ополчения, вместе с которым участвовал в походах 1813—1815 гг. С 1827 г. — московский вице-губернатор, с 1829 г. — московский гражданский губернатор. Скончался в чине действительного тайного советника. Владел домом на Садово-Кудринской, который затем перешел к графу А. Ф. Ростопчину.

[127] Кологривов Алексей Семенович (1774—1825), участник кампаний против французов 1805—1807 гг., отличился под Аустерлицем. В 1812 г. — полковник, отличился под Красным, Смоленском, Бородиным и Малоярославцем. С 1813 г. — генерал-майор, участник заграничных походов, тяжело ранен при Ла-Ротьере. Дом Кологривовых на Тверском бул. после пожара 1812 г. был перестроен Д. И. Жилярди. Снесен в 1935 г.

[128] Церковь Василия Кесарийского на Тверской-Ямской (где с XVI в. находились слободы ямщиков) была построена в 1811—1812 гг., освящена в 1816—1819 гг. Впоследствии неоднократно перестраивалась. Снесена в 1935 г.

[129] Кирка, здесь: армянская церковь во имя Успения Божией Матери. Была построена на Б. Грузинской ул. в 1746 г. и снесена в 1935 г.

[130] Церковь Великомученика Георгия что в Грузинах. Построена в 1792 г., ныне на углу Б. Грузинской ул. и Зоологического пер. В 1807 г. князьями Цициановыми был устроен придел Петра и Павла. В 1895—1899 гг. отстроена заново в формах византийского зодчества, а старая церковь после перестройки стала трапезной.

[131] Очевидно, Ушаков Николай Васильевич (ум. в 1844 г.), коллежский советник, известный переводами с французского, отец Екатерины Ушаковой (к которой сватался А. С. Пушкин). Поэт неоднократно бывал в доме Ушаковых на Пресне во 2-й пол. 1820-х гг.

[132] Церковь Николая Чудотворца что на Новом Ваганькове. Местность близ Пресненской заставы, на «Трех Горах», называлась так в отличие от Старого Ваганькова, где также была церковь Николая Чудотворца. Построена в 1765 г.

[133] Шаликова (Шаликашвили) Наталия Петровна, княжна (умерла в 1878 г. в Москве), писательница (псевдоним Нарская). Дочь литератора кн. Петра Ивановича Шаликова (1767—1852), редактора газеты «Московские ведомости» и издателя ряда журналов.

[134] Урусов Александр Петрович (1758—1835), князь, генерал-майор (1805). Участник русско-шведской войны 1788—1790 гг. В 1806 г. уволен в отставку. Вернулся к армии 5 июля 1812 г. Участвовал в боях под Тарутином и Вязьмой. Отличился в Лейпцигской битве в 1813 г. Тяжело ранен в феврале 1814 г. во Франции. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

[135] Мазурин Алексей Васильевич (1786—1865), московский купец 1-ой гильдии, основатель известной династии предпринимателей и меценатов.

[136] Гагарин Николай Сергеевич (1784—1844), князь. В 1812 г. сформировал полк Московского военного ополчения, с которым участвовал в Бородинской битве. С 1836 г. — гофмейстер. Владел домом на Новинском бул., который сгорел в 1812 г., но был в 1817 г. заново отстроен О. И. Бове и считался одним из образцов московского ампира. В 1941 г. дом был уничтожен немецкой авиабомбой.

[137] Имеются в виду владения Глебовых-Стрешневых на Мясницкой. Как вспоминали очевидцы, их деревянный дом уцелел в 1812 г., а два каменных флигеля сгорели.

[138] Церковь Николая Чудотворца в Кленниках (в начале Маросейки, у Китайских ворот) была построена в 1657 г. Перестроена после пожара 1812 г. Колокольня возведена в 1749 г. Рядом находился дом князей Шаховских, построенный в сер. XVII в. и снесенный в 1913 г.

[139] Дом (с угловой ротондой) графини В. П. Разумовской на углу Маросейки и Лубянского проезда был построен в кон-

це XVIII в. В 1812 г. в этом доме останавливался французский маршал Э. Мортье.

[140] Речь идет о дочери генерал-фельдмаршала Николая Васильевича Репнина (1734—1801) Дарье, вышедшей замуж за полковника Колленберга, впоследствии получившего титул барона. Усадьба была построена в кон. XVII в. для В. Ф. Нарышкина, перестроена в сер. XVIII в. для М. Д. Кантемира (брата поэта), который и продал его Н. В. Репнину.

[141] Долгоруков Василий Васильевич (1752—1812), сын московского генерал-губернатора кн. В. М. Долгорукова-Крымского. С 1783 г. — генерал-поручик. Участвовал в покорении Крыма и взятии Очакова. В 1799 г. уволен со службы в чине действительного тайного советника. На месте его дома на Мясницкой ныне здание Министерства торговли, построенное в 1920-е гг.

[142] Архив Коллегии иностранных дел находился до 1870-х гг. в палатах дьяка Е. И. Украинцева в Хохловском пер., построенных во 2-й пол. XVII в. В этом архиве работал над материалами по русской истории А. С. Пушкин, который встречался там со своими друзьями — «архивными юношами» Д. В. Веневитиновым, С. А. Соболевским, братьями И. В. и П. В. Киреевскими.

[143] Церковь Троицы что на Грязех (ул. Покровка) была построена в 1649 г., перестраивалась в сер. XVIII и в сер. XIX в. Здесь находилось небольшое озеро, где скапливалась грязь. В нач. XVIII в. оно было очищено. Отсюда произошло название Чистые пруды. В искаженном виде храм сохранился до нашего времени.

[144] Пашков Иван Александрович (1758—1828), отставной подполковник. В его доме на Чистопрудном бульваре, перешедшем к сыну Сергею Ивановичу (1801—1883), бывал А. С. Пушкин.

[145] Дурасов Михаил Зиновьевич (1772—1828), генерал-лейтенант. Последние годы жизни провел в Симоновом монастыре.

[146] Татищев Иван Иванович (1743—1800-е), писатель, переводчик, дипломат, московский почт-директор. Дом Татищевых, построенный М. Ф. Казаковым в 1776—1786 гг., находился на углу Петровского бул. и Мясницкой ул.

[147] Церковь Успения Божьей Матери на Покровке — шедевр московского зодчества кон. XVII в., возведенный Петром Потаповым на углу Покровки и Потапова пер. Снесена в сер. 1930-х гг.

[148] Церковь Косьмы и Дамиана на углу Маросейки и Старосадского пер. Построена по проекту М. Ф. Казакова в 1791—1793 гг. Одно из наиболее оригинальных произведений московского классицизма.

[149] Левашов Федор Иванович (1752 — после 1816), тайный советник, сенатор.

[150] Тютчев Иван Николаевич — отец поэта Федора Ивановича Тютчева (1803—1873). В 1810 г. семья И. Н. и Е. Л. Тютчевых купила усадьбу в Армянском пер., построенную М. Ф. Казаковым в 1790-е гг. на основе палат петровского времени. В августе 1812 г. семья Тютчевых выехала в родовое имение Овстуг Орловской губ., затем вернулась в Москву. В этом доме прошли юношеские годы Ф. И. Тютчева, который в 1816—1821 гг. слушал лекции на отделении словесности Московского университета.

[151] Герц Карл Эрнст, выходец из Позена (Познани), владелец деревообрабатывающего завода в Москве, отец будущего профессора Московского университета К. К. Герца.

[152] Максютин Петр Сергеевич, архитектор, с 1832 г. главный смотритель-инспектор Московского Дворцового архитектурного училища.

[153] Графиня Санти — жена графа А. Л. Санти, в доме которого в Б. Харитоньевском пер. в 1803—1805 гг. жила семья Пушкиных (дом не сохранился).

[154] Румянцев Петр Александрович (1725—1796), граф, генерал-фельдмаршал, знаменитый русский полководец. Его дом на углу Маросейки и Армянского пер. в 1780-е гг. построил В. И. Баженов.

[155] Имеется в виду знаменитый зодчий Матвей Федорович Казаков (1738—1812), который построил для себя дом в М. Злаутовском пер.

[156] Имеется в виду известный дом Веневитиновых в Кривоколенном пер., где жил поэт и философ Д. В. Веневитинов (1805—1827). В 1826 г. А. С. Пушкин здесь впервые читал трагедию «Борис Годунов».

[157] Церковь Архидиакона Евпла на Мясницкой была построена в 1750 г. Снесена в 1926 г.

[158] Хомутов Григорий Аполлонович, с 1799 г. — генерал-лейтенант, в 1805—1809 гг. — сенатор.

[159] Церковь Архангела Гавриила (Меншикова башня) построена в 1704—1707 гг. по заказу А. Д. Меншикова под общим руководством И. П. Зарудного. Одно из самых таинственных зданий Москвы, связанное с именем «чернокнижника» Я. В. Брюса.

[160] Здание Московского Почтамта было построено московским почт-директором И. Б. Пестелем (отцом декабриста). Современное здание Почтамта сооружено в 1911—1912 гг. Напротив Почтамта, близ нынешнего вестибюля метро «Чистые пруды», находилась церковь Флора (в народном произношении — Фрола) и Лавра, построенная в 1657 г. и снесенная в 1935 г.

[161] Юшков Иван Иванович (ум. в 1781), тайный советник, президент Камер-коллегии, петербургский генерал-полицмейстер и московский гражданский губернатор. В его доме на углу Мясницкой и Юшкова пер., построенном в кон. XVIII в. В. И. Баженовым и перестроенном на рубеже XIX—XX вв., с 1844 г. находилось Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

[162] Глебов Андрей Савич (1770—1854), генерал-майор (с 22 ноября 1812 г.). Участвовал в крупнейших войнах России. Был тяжело ранен во время Альпийского похода А. В. Суворова (1799), под Аустерлицем (1805), при осаде крепости Журжа (1806), на Бородинском поле (где, в составе корпуса Н. Н. Раевского, командуя егерскими полками, защищал Курганную высоту) и на территории Франции в 1814 г.

[163] Милютин Алексей Михайлович (1780—1846), чиновник Экспедиции кремлевских строений, впоследствии — надворный советник. Владелец двух каменных домов в Милютинском пер. (в советское время — ул. Мархлевского) у Мясницких ворот. Отец будущего генерал-фельдмаршала Д. А. Милютина.

[164] Имеется в виду церковь св. Людовика, католическая церковь на М. Лубянке. Нынешнее здание возведено в кон. 1820-х гг. по проекту Д. И. и А. О. Жилярди.

[165] Керестури Ференц (Федор Федорович) (1738—1810), врач. По происхождению венгр. В России с 1762 г. Отличился в борьбе с эпидемией чумы в Москве в 1770—1771 гг. С 1778 г. — профессор Московского университета. Первый декан медицинского факультета.

[166] Салтыков Н. С., камер-юнкер. С 1809 по 1811 гг. владел усадьбой на Мясницкой, построенной в кон. XVII в., перестроенной в сер. XVIII в. и после пожара 1812 г. В середине 1820-х гг. усадьбу купил известный историк, археолог и нумизмат А. Д. Чертков, который устроил там знаменитое хранилище книг и ценных рукописей, ставшее в 1860-е гг. первой в России публичной библиотекой. Впоследствии библиотека и архив поступили в Российский Исторический музей.

[167] Церковь Иоанна Предтечи на Лубянке была построена в 1689 г. Снесена в 1944—1945 гг. при строительстве здания МГБ.

[168] Церковь Гребенской или Гребневской Божьей Матери на Мясницкой. Построена великим князем Иваном III в память покорения Новгорода. В ней хранилась чудотворная икона Божьей Матери, по преданию поднесенная еще Дмитрию Донскому жителями Гребни, которая в 1612 г. помогла русским войскам изгнать поляков. Снесена в 1935 г.

[169] Дашков Аполлон Андреевич, генерал от инфантерии, с 1807 г. сенатор.

[170] Тюфякин Иван Петрович (1757—1800-е), князь, действительный тайный советник, камергер. При Павле I комендант Кремля и Слободского дворца. Владел домом на углу Мясницкой и Златоустовского (в советское время Б. Комсомольский) переулка.

[171] Церковь Великомученика Георгия что в Лучниках (по слободе, где жили мастера, изготавливавшие военные луки). Находится рядом с Политехническим музеем.

[172] Куракин Александр Борисович (1752—1818), князь, государственный деятель. Дипломат. В 1796 г. вице-канцлер, вместе с Ф. В. Ростопчиным управлял Коллегией иностранных дел. В 1807 г. участвовал в мирных переговорах в Тильзите с Наполеоном. С ноября 1808 г. — посол в Париже. В начале военных действий был задержан во Франции и отпущен лишь после входа французов в Москву в сентябре 1812 г. За любовь к роскоши получил прозвище «бриллиантовый князь». Здесь имеется в виду дом Куракина на Покровке.

[173] Мосолов, генерал, кригс-цалмейстер (военный чиновник, ведавший счетами и платежами). В 1812 г. остался в Москве и получил от французского командования 8 (20) сентября охранную грамоту на дом на Покровском бул. (ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 250), что, однако, не спасло его дом от пожара.

[174] Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы что на Лубянке. Построена в 1514 г. по повелению вел. кн. Василия III Алевизом Фрязином. В 1612 г. кн. Д. М. Пожарский поставил здесь укрепление, целый день отбиваясь от поляков. Напротив церкви находился его дом. Церковь была перестроена в 1745 г. и снесена в сер. 1920-х гг.

[175] Голохвастов Андрей Иванович, действительный тайный советник, сенатор. Владел домом у Покровских ворот.

[176] Фонвизин Александр Иванович (1749—1819), подполковник. Отец будущих декабристов — Михаила и Ивана. Дом Фонвизиных, построенный в кон. XVIII в., находился на углу Рождественского бульвара и Кисельного переулка.

[177] Головкин Петр Гаврилович (ум. в 1821), действительный камергер, обер-егермейстер, тайный советник с 1800 г.

[178] Вознесенский Варсонофьевский монастырь что на Рву. Известен с XVI в. Здесь были похоронены по приказу Лжедмитрия I убитые по его же повелению жена и сын Бориса Годунова. Каменный собор был построен в первой трети XVIII в. В 1764 г. монастырь был преобразован в церковь Вознесения Господня. Снесен в 1931 г.

[179] Оболенский Андрей Петрович (1769—1852), князь, тайный советник. В 1817—1825 гг. — попечитель Московского университета. Много сделал для восстановления его после пожара 1812 г.

[180] Тередорщик — наборщик.

[181] Церковь Николая Чудотворца в Звонарях, на углу Звонарского пер. и Рождественки (там находилась слобода кремлевских звонарей) была построена в 1762—1781 гг. архитектором К. И. Бланком.

[182] Сандунов (Зандукели) Сила Николаевич (1756—1820), драматический актер. Из грузинских дворян. С 1806 г. — в императорском Московском театре. В 1808 г. построил на ул. Неглинка бани, получившие название Сандуновских.

[183] Чертков Дмитрий Васильевич (1758—1831), действительный статский советник (по Табели о рангах соответствовал чину генерал-майора), воронежский губернский предводитель дворянства. Владел домом на углу Тверской ул. и Тверской пл. Отец А. Д. Черткова.

[184] Владение князей Долгоруких находилось на Лубянской пл.

[185] Церковь Софии Премудрости Божией на Пушечном дворе (ныне Пушечная ул.) была построена в 1692 г., после 1812 г. реконструирована в стиле ампир.

[186] Церковь Спаса Преображения Господня что на Глинищах была построена в 1776 г., на глинистом грунте, близ Маросейки. Снесена в 1931 г.

[187] Церковь Положения Честных Вериг Апостола Петра, давшая название Петроверигскому пер., сильно пострадала в пожаре 1812 г. и была разобрана в 1844 г.

Церковь Николая Чудотворца что в Столпах получила название, возможно, от сторожевого столба, которые ставились на высоких местах Москвы для наблюдения за приближением неприятеля. Была построена при царе Михаиле Федоровиче. Находилась на углу Армянского и М. Златоустовского пер. Снесена в 1935 г.

[188] Сретенский монастырь, мужской. Основан в 1397 г. московским князем Василием I на Кучковом поле, на месте встречи (сретения) в 1395 г. москвичами иконы Владимирской Божьей Матери, перенесенной из Владимира в Москву в ожидании нашествия Тамерлана. В 1552 г. у стен Сретенского монастыря москвичи встречали русское войско, возвращавшееся после взятия Казани. Каменный собор Сретения иконы Владимирской Богоматери сооружен в 1679—1706 гг. Монастырь упразднен в 1928 г., постройки частично разобраны. Возобновлен в 1991 г.

[189] Барятинский Федор Сергеевич (1742—1814), обер-гофмаршал. Будучи гвардейским офицером, принял участие в перевороте 1762 г., в результате которого на престол была возведена Екатерина II. Благодарная императрица в день коронации пожаловала его в камер-юнкеры, в 1778 г. он стал гофмаршалом, в 1796 г. — обер-гофмаршалом. Взойдя на престол, Павел I повелел Барятинскому покинуть в Петербург. Владел домом на Маросейке, построенном в кон. XVII — сер. XVIII в. В 1820-е гг. дом был перестроен.

[190] Церковь Николы Чудотворца что в Грачах была построена в 1688 г. Находилась на Трубной пл. Снесена в 1930-е гг.

[191] Очевидно, Соколов Петр Иванович, непременный секретарь Российской академии, уроженец Москвы. С 1834 г. — действительный статский советник. Владел домом у Мясницких ворот.

[192] Церкви Успения Божией Матери на М. Дмитровке, Преподобного Сергия в Пушкарях, Спаса Преображения на

Сретенке и Священномученика Панкратия были построены во 2-й пол. XVII в. Первая в искаженном виде сохранилась до нашего времени, остальные снесены в 1930-е гг.

193 Бергмейстер (нем.) — чиновник горного ведомства.

194 Литта Екатерина Васильевна (1764—1829), графиня, урожденная Энгельгардт, в первом браке Скавронская, статс-дама и гофмейстерина. Жена графа Юлия Помпеевича Литта (1763—1839), итальянца по происхождению, обер-камергера, обер-гофмейстера, члена Государственного Совета.

195 Возможно, Ягужинский Сергей Павлович (1731—1806), граф, генерал-поручик.

196 Усадьба Остерманов, построенная в XVII в., ранее принадлежала боярину Р. М. Стрешневу — родственнику жены царя Михаила Федоровича. При Екатерине II усадьба перешла во владение канцлера, графа И. А. Остермана, мать которого была из рода Стрешневых. И. А. Остерман выстроил вместо деревянного каменный трехэтажный дом с большим парком и передал его во владение своей сестре, вышедшей замуж за генерала Ивана Матвеевича Толстого. По указу Екатерины II в 1796 г. их сын унаследовал герб, титул и имение Остерманов с правом именоваться граф Остерман-Толстой. Александр Иванович Остерман-Толстой (1771—1857) отличился при взятии Измаила, тяжело ранен в 1807 г. при Прейсиш-Эйлау. В 1812 г. — генерал-лейтенант, командовал 4-м пехотным корпусом, отличился в сражениях при Островно и Валутиной горе. Тяжело контужен на Бородинском поле. В сентябре 1812 г. его корпус прикрывал отступление русских войск от Москвы к р. Нара. С августа 1813 г. Остерман-Толстой командовал гвардейским корпусом, который разбил наполеоновский отряд под Кульмом, где ему пушечным ядром оторвало левую руку. В 1817 г. произведен в генералы от инфантерии. После пожара 1812 г. от дома Остермана-Толстого сохранились два флигеля. Дом был восстановлен лишь в 1844 г. Ныне в этом сильно перестроенном здании на Делегатской ул. — Музей декоративно-прикладного и народного искусства.

197 Нелидов Аркадий Иванович (1773—1834), младший брат фаворитки Павла I Е. И. Нелидовой. 24 лет от роду имел чин генерал-майора и звание генерал-адъютанта, а с удалением Нелидовой от двора отставлен от службы. При Александре I ему было возвращено звание генерал-адъютанта, а в качестве компенсации пожалован чин генерал-лейтенанта. С 1829 г. — действительный тайный советник. Владел домом в Б. Харитоньевском пер.

198 Имеется в виду Воскресенский Новоиерусалимский, монастырь.

199 Церковь Св. Пимена в Сущеве, построенная в 1658 г., дала название ул. Пименовской. Снесена в 1930-е гг.

200 Киселев Федор Иванович (1758—1809), генерал-лейтенант с 1798 г.

201 Голицын Владимир Борисович, князь, бригадир екатерининских времен. Владел усадьбой, построенной в 1770-е гг. на углу Покровки и Лялина пер. для одного из основателей Московского университета И. И. Шувалова. В нач. XX в. дом был сильно перестроен.

202 Булгаков Егор Николаевич, генерал от инфантерии при Павле I.

203 Батырщик — типографский рабочий, натирающий набранные для печати буквы чернилами. Отсюда название техники современного батика.

204 Вадковский Яков Егорович (1769—1820), генерал-майор. Отличился в русско-шведской войне 1808—1809 гг. В 1811 г. вышел в отставку по болезни. Вернулся к армии в 1812 г. Участвовал в Бородинской битве, где был сильно контужен. Владел домом, построенным в 1778 г. и перестроенным в нач. XIX в. — в нынешнем Вадковском пер.

205 Тучкова Маргарита Михайловна (1781—1852), вдова генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова, героически погибшего в Бородинской битве при защите Семеновских флешей. В память о муже основала на месте его гибели Спасо-Бородинский монастырь и стала первой его настоятельницей.

206 Возможно, Долгоруков Петр Петрович (1744—1815), князь, генерал от инфантерии, московский генерал-губернатор в 1793—1796 гг. Владел домом на Самотеке.

207 Сергей Львович Пушкин (1770—1848) — отец поэта, с 1796 г. капитан-поручик л.-гв. Егерского полка, с 1800 г. чиновник московского Комиссариата, с 1811 г. — военный советник, своего дома в Москве не имел. Снимал квартиры в домах И. В. Скворцова, Волкова, кн. Н. Б. Юсупова, кн. Одоевского, гр. А. Л. Санти на Немецкой ул., Чистопрудном бул., Б. Харитоньевском, М. Козловском пер. (Басманная, Лефортовская, Яузская части). В 1814 г. окончательно переехал на жительство в С.-Петербург. Его брат Василий Львович (1766—1830), поэт, был отставным гвардии поручиком и имел собственный дом на Немецкой ул. (Басманная часть).

208 Имеется в виду Миусское кладбище (ул. Сущевский вал), находившееся за Миусской заставой, которая до строительства Камер-коллежского вала была границей Москвы. Кладбище было устроено в 1771 г. в связи с массовыми захоронениями умерших от чумы в Москве. При кладбище в 1773 г. была построена деревянная церковь во имя Софии мученицы и трех ее дочерей, которая в 1823 г. была заменена каменной.

209 Бутырский тюремный замок с церковью-ротондой во имя Покрова Божией матери был построен в 1794 г. М. Ф. Казаковым. Неоднократно перестраивался, и во многом утратил первоначальный облик.

210 Церковь Иоанна Воина что на Убогих Домех, точнее церковь во имя Воздвижения Честного Креста на Старой Божедомке, с приделом Иоанна Воина, была построена в 1693 г. «Убогими домами» («божедомками») назывались в Москве кладбища, куда до 1763 г. свозили умерших насильственной смертью. Церковь снесена в сер. 1930-х гг.

211 Церкви Троицы что в Троицкой, построенная в 1708 г. как подворье Троице-Сергиевой лавры; митрополита Филиппа, построенная М. Ф. Казаковым в 1777—1788 гг., и Св. Мученика Трифона в Напрудном, построенная в XV в. (в древности в этой местности было много прудов) находятся вблизи современного спорткомплекса «Олимпийский» на проспекте Мира.

212 Церковь Св. Троицы что на Капельках (здесь протекала речка Капля) была построена в 1712 г. Находилась на 1-й Мещанской. Снесена в сер. 1930-х гг.

Церковь во имя Знамения Божией Матери что в Ямской Переславльской слободе у Крестовских ворот (рядом с современной Рижской эстакадой) была построена в 1765 г.

213 Ботанический сад был заложен Петром I как Аптекарский огород при Московском генеральном госпитале на 1-й Мещанской. С 1805 г. перешел к Московскому университету и получил современное название.

214 Усадьба князей Волконских находилась на углу Садово-Самотечной и Волконского пер.

215 Малиновский Алексей Федорович (1762—1840), историк, архивист, писатель, переводчик, академик Императорской АН (с 1835). Дослужился до чина тайного советника. В 1812 г. организовал вывоз архивных документов из Москвы в

Нижний Новгород и возвращение их обратно. С 1814 г. — начальник Московского архива Коллегии иностранных дел. Дом Малиновского находился на Самотечной площади.

[216] Возможно, Одоевский Иван Иванович (1742—1806), князь, генерал-поручик, шеф Ингерманландского полка. Его дом находился на Мясницкой.

[217] Имеется в виду Захар Аникеевич Горюшкин (1748—1821), с сер. 1790-х гг. асессор Казенной палаты и член Комитета о Воспитательных домах. В 1804—1811 гг. возглавлял кафедру гражданского судопроизводства в Московском университете.

[218] Очевидно, вдова генерал-майора Ивана Андреевича Евреинова, умершего в 1793 г.

[219] Терский Аркадий Иванович (1732—1815), тайный советник, руководил канцелярией по приему челобитных «на высочайшее имя».

[220] Вельяшев-Волынцев Дмитрий Иванович (1774—1818), артиллерии полковник и писатель-переводчик, владел домом в Каретном ряду.

[221] Возможно, речь идет о Долгорукове Александре Ивановиче (1793—1868), князе, литераторе, участнике Отечественной войны 1812 г. Усадьба Долгоруковых находилась на Самотечной ул.

[222] Дурасов Дмитрий Николаевич, генерал-майор Московского артиллерийского депо. Его усадьба, построенная в кон. XVIII в., находилась на углу Покровского бул. и Дурасовского пер. В 1812 г. дом был занят под штаб-квартиру голландского генерала А. Б. Дедема ван де Гельдера, командира бригады в 1-м корпусе Великой Армии, который одним из первых вступил в Москву.

[223] Очевидно, имеется в виду Василий Сухово-Кобылин, участник Отечественной войны 1812 г., отец известного драматурга А. В. Сухово-Кобылина. Владел домом в Б. Козловском пер., построенном в XVII — сер. XVIII в.

[224] Церковь Харитона Исповедника что в Огородниках (Б. Харитоньевском пер.) была построена в память коронования царя Алексея Михайловича. Снесена в 1935 г.

[225] Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Барашах (Подсосенский пер.) была построена в 1650—1701 гг.

[226] Церковь Иакова Апостола что в Казенной (Яково-Апостольский пер.) была построена в 1676 г., перестроена в 1833 г.

[227] Городская усадьба Барышниковых на Мясницкой ул. построена М. Ф. Казаковым в 1797—1802 гг. В 1823—1824 гг. здесь жил А. С. Грибоедов.

[228] Крыжановский Максим Константинович (1777—1839), в 1812 г. командир л.-гв. Финляндского полка, отличился в Бородинской битве и при преследовании наполеоновской армии. За отличия в сражениях 1813 г. на территории Германии, в т. ч. в Лейпцигской битве, где был тяжело ранен, произведен в генерал-майоры. С 1826 г. — генерал-лейтенант, с 1837 г. — комендант Петропавловской крепости.

[229] Имеется в виду дом Яузской полицейской части, построенный в кон. XVIII — нач. XIX в.

[230] Очевидно, Ступишин Алексей Алексеевич, генерал-лейтенант, депутат от московского дворянства в Уложенной комиссии 1767 г.

[231] Заборовский Иван Александрович (1735—1817), действительный тайный советник, генерал-губернатор Костромской и Владимирский. Владел домом у Покровских ворот.

[232] Новый дом, купленный С. А. Алексеевым у купца Жигарева, был построен в нач. XIX в. на углу Б. Алексеевской (ныне Солженицына) и Николо-Ямской улиц. Возможно, в проектировании этого дома участвовал архитектор Р. Р. Казаков. В особняке на Б. Алексеевской на средства Алексеевых был устроен дом призрения купеческих вдов и сирот. В этом доме в 1863 г. родился правнук С. А. Алексеева — К. С. Станиславский. В том же году его родители переехали в купленный ими дом на Садово-Черногрязской у Красных ворот, в нач. XIX в. принадлежавший Петру Петровичу Нарышкину (1764—1825), тайному советнику, камергеру, сенатору Московского департамента Сената, почетному опекуну и управляющему Вдовьим домом. В этом доме, снесенном в 1930-е гг., был организован «Алексеевский драматический кружок» — прообраз знаменитого Московского Художественного театра.

[233] Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829), литератор, переводчик, издатель. С 1805 г. сенатор Московского департамента Сената, в 1810—1816 гг. — попечитель Московского университета. Его дом находился у Покровских ворот.

[234] Дом кн. А. Б. Куракина на Старой Басманной был построен на рубеже XVIII—XIX вв. Р. Р. Казаковым. С 1836—1873 гг. в нем размещался Межевой институт, ныне Университет геодезии и картографии.

[235] Имеется ввиду Румянцев Николай Петрович (1754—1826), министр иностранных дел (1808—1814), канцлер (1809), коллекционер и нумизмат. Владел домом на углу Басманной ул. и Земляного вала «В пожар 1812 года Старая Басманная выгорела. Уцелели лишь дома графа Румянцева, князя Куракина, Салтыкова, Аникеева и купца Александрова» (*Сытин П. В.* Указ. соч. С. 497). С горечью писал А. Я. Булгаков, вернувшийся осенью 1812 г. в Москву, о родных местах: «ни один дом не остался во всей слободе Немецкой… Образовалось обширное поле, покрытое обгоревшими трубами, и, когда выпадет снег, они будут казаться надгробными памятниками, и весь квартал обратится в кладбище» (Цит. по: *Белицкий Я. М.* Спартаковская улица, 2/1. С. 30).

[236] Демидов Павел Григорьевич (1738—1821), представитель знаменитой династии горнозаводчиков Демидовых, основатель Демидовского Ярославского лицея, много пожертвовал на пользу российского просвещения, действительный статский советник. Долгие годы изучал естественные науки в ведущих университетах Зап. Европы. Пожертвовал Московскому университету огромные средства на создание специальной кафедры натуральной истории и содержание беднейших студентов, с последующим обучением наиболее талантливых за границей. Дом Демидовых находился близ Богоявленского храма в Елохове.

[237] Речь идет о жене генерал-майора Михаила Михайловича Волкова (1776—1820), героя 1812 г., отличившегося в сражениях при Смоленске, Шевардине и Бородине (где был дважды ранен) и в заграничных походах, с 1816 г. — коменданта г. Москвы.

[238] Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744—1817), граф, действительный тайный советник, государственный деятель, историк, археограф, коллекционер, член Российской академии. Долгое время возглавлял Академию художеств. С 1797 г. сенатор Московского департамента Сената. С 1799 г. — в отставке. Владел знаменитой усадьбой на Разгуляе (на Елоховской улице, ныне Спартаковская), построенной в конце XVIII — нач. XIX в. М. Ф. Казаковым, где находилась богатейшая библиотека с рукописным отделом и другие коллекции. Все это погибло в пожаре 1812 г., в том числе и подлинник «Слова о полку Игореве». Дом Мусина-Пушкина был разграблен фран-

цузскими мародерами. Восстановлен в стиле ампир. С 1834 г. в этом доме разместилась 2-я московская гимназия. В 1930 г. дом был надстроен, с 1943 г. в нем располагается Московский инженерно-строительный институт.

[239] Купцы Шелапутины владели усадьбой на углу Николоямской ул. и Шелапутинского пер.

[240] Демидов Николай Никитич (1773—1828), двоюродный брат П. Г. Демидова. Владелец огромных металлургических заводов на Урале и обширных земельных владений на юге России. Тайный советник (1800). С 1796 г. действительный камергер при наследнике престола Александре Павловиче. В 1812 г. собрал на свои средства «Демидовский полк», который содержал до конца войны с французами и сам был его шефом. В 1813 г. пожертвовал Московскому университету ценную коллекцию, положившую начало Музею естественной истории. В 1825 г. отдал свой дом в Гороховском пер. (построен М. Ф. Казаковым в 1779—1791 гг.) для перестройки под Дом трудолюбия.

[241] Толь Карл Федорович (1777—1842), граф (с 1829), генерал от инфантерии (1826), генерал-адъютант (1823), выдающийся картограф и знаток теории военного искусства. Отличился в крупнейших войнах России, начиная с походов А. В. Суворова 1799 г. В 1812 г. — генерал-квартирмейстер 1-й Зап. Армии. С прибытием к армии М. И. Кутузова стал квартирмейстером всех действующих армий. Сыграл главную роль в выборе диспозиции русских войск при Бородине и в последующих сражениях русской армии 1812—1814 гг. С 1830 г. — член Государственного Совета, с 1833 г. возглавил Ведомство путей сообщений и публичных зданий. Дом К. Ф. Толя находился у Красных ворот.

[242] Богадельня была устроена в 1742 г. кн. Александром Борисовичем Куракиным (1697—1742) — обер-шталмейстером, дедом дипломата А. Б. Куракина. Она находилась в его усадьбе на Новой и Старой Басманных улицах у Красных ворот и была рассчитана на 200 человек. При ней находились две церкви: Петра и Павла и Никиты Мученика, построенные в 1705—1751 гг. И. П. Зарудным и И. Ф. Мичуриным. В кон. XVIII в. Куракинская богадельня была перестроена М. Ф. Казаковым. 2 (14) октября 1812 г. государственный секретарь Франции Гюг Маре, герцог Бассано сообщал из Москвы кн. А. Б. Куракину (который в это время, возвращаясь в Россию, находился в Гамбурге) о состоянии его богадельни: «Ваши воспитанники отправлены в Саратовскую губернию… Вы имели основание серьезно опасаться за судьбу Вашего дворца в центре этого несчастного города. Ваше великолепное жилище осталось нетронутым. Человек, которого я отправил его осмотреть, подтверждает, что ни один предмет мебели, ни одна картина не были повреждены… и что великолепное бюро императора Павла, подаренное Вашей светлости, даже не было вскрыто. Г-н граф Нансути занял помещение нижнего этажа, но отбыл 8 октября. 9-го герцог Тревизский, генерал-губернатор, должен был выставить пост во дворце» (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Ед. хр. 101. Л. 78).

[243] Запасный императорский дворец (предназначался для хранения запасов продовольствия и фуража для нужд двора) был построен при императрице Елизавете Петровне в 1750-е гг. на Садово-Черногрязской ул. В 1933—1936 гг. дом был полностью перестроен в духе конструктивизма по проекту акад. И. А. Фомина для здания Народного комиссариата путей сообщения, однако два нижних этажа сохранили первоначальные черты.

[244] Спасские казармы были построены (предположительно В. И. Баженовым) в 1798 г. на Садово-Спасской в доме, принадлежавшем ранее графу И. С. Гендрикову. В августе 1812 г. в здании казарм был устроен лазарет для русских раненых. Во время пожара главный корпус уцелел, а четыре боковых корпуса сгорели.

[245] Основано во время эпидемии чумы в Москве 1771 г. На кладбище похоронены многие известные московские купцы. На кладбище находилась старообрядческая церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

[246] Имеются в виду церкви Введенской единоверческой общины (т. е. старообрядцев, условно объединившихся с Русской Православной церковью), построенные в нач. XIX в. на Новоблагословенной (ныне Самокатная) ул.

[247] Карачарово — село, известное с XVI в. До сер. XVIII в. — владение Спас-Андроникова монастыря. После секуляризации церковных земель в 1764 г. было передано в ведение Коллегии экономии. Для «экономических» (впоследствии государственных крестьян) барщина и натуральный оброк были заменены подушным денежным оброком. Ныне — местность на востоке Москвы.

[248] Красные казармы, один из служебных корпусов дворцово-паркового ансамбля Екатерининского дворца. Построены архитектором С. Яковлевым в 1770—1780-х гг. в Лефортове (Красноказарменный проезд).

[249] Очевидно, церковь Николая Чудотворца на Покровской (ныне Бакунинская) ул. Построена в сер. XVIII в. В сильно искаженном виде сохранилась до нашего времени.

[250] Церковь святых Апостолов Петра и Павла в Лефортове была построена в 1711 г., колокольня — конца XVIII в., в Солдатской слободе.

[251] Имеется в виду оранжерея Слободского дворца.

[252] Речь идет о матери Альфонского Аркадия Алексеевича (1796—1869), будущего профессора и декана медицинского факультета, а с 1842 по 1863 гг. — ректора Московского университета.

[253] Екатерининский дворец построен в 1772—1776 гг. архитекторами К. И. Бланком, Дж. Кваренги, Ф. Кампорези и А. Ринальди. В 1797 г. дворец был отдан Павлом I под казармы, а перед ним устроен плац. В 1826 г. в нем был размещен Кадетский корпус, с 1937 г. — Военная академия бронетанковых войск (Краснокурсантский пр.).

[254] 9-му классу по Табели о рангах соответствовал чин титулярного советника.

[255] Имеется ввиду каменная церковь Богоявления Господня в Елохове, построенная в конце XVIII в. В 1935—1845 гг. на ее месте архитектором Е. Д. Тюриным был построен собор, ставший впоследствии кафедральным.

[256] Церковь Покрова Пресвятой Богородицы что в Красном селе (Ниж. Красносельская ул.) была построена в 1751 г. Сохранилась в искаженном виде.

[257] Церковь Воздвижения Креста Господня была построена в 1692 г.

[258] Имеется в виду «потешная крепость» в тогдашнем селе Преображенском на реке Яузе, созданная Петром I. Впоследствии там располагалось обер-егермейстерское ведомство, отвечавшее за царскую охоту.

[259] Преображенская больница, психиатрическая. Открыта в 1808 г. около бывшей Солдатской Преображенской слободы. Больница построена в кон. XVIII — нач. XIX в. В. И. Баженовым и М. Ф. Казаковым.

[260] Городская усадьба И. И. Демидова построена в конце XVIII в. М. Ф. Казаковым.

[261] Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), граф (1830), генерал от инфантерии (1829), генерал-адъютант. Отличился в сражении под Аустерлицем в 1805 г. Воевал под Прейсиш-Эйлау и Данцигом в 1807 г., в войне со Швецией 1808—1809 гг. и Турцией 1810—1812 гг. В 1812 г. сражался под Смоленском, Валутиной Горой и при Бородине. За отличие в боях на территории Германии в 1813 г. произведен в генерал-майоры. Участвовал во взятии Парижа в марте 1814 г. В 1828—1831 гг. — министр внутренних дел, в 1848—1859 гг. — московский военный генерал-губернатор. Его усадьба, построенная в кон. XVIII в., находилась на Елоховской ул.

[262] Хапиловка — речка на северо-востоке Москвы, приток Яузы.

[263] Церковь Петра и Павла при военном госпитале была построена в 1801 г. по повелению Александра I в память о своем отце Павле I.

[264] Цухтгауз (нем.) — исправительный или смирительный дом. Двухэтажный корпус с церковью Ильи Пророка построен в кон. XVII—XVIII вв. Впоследствии перестроен и расширен, находится на ул. Матросская Тишина.

[265] Фортмейстер (нем.) — главный лесничий.

[266] Богадельня была учреждена на месте деревянного Преображенского дворца Алексея Михайловича на Стромынке по указу Екатерины II. Каменные корпуса были возведены в 1797—1807 гг.

Публикация Ф. А. Петрова и Л. И. Смирновой

Секретная инструкция графа Ф. В. Ростопчина

Тайное.

Г-ну Московскому обер-полицмейстеру
и кавалеру Ивашкину.

1. По приезде Вашем в Москву употребите все возможное старание для удостоверения о тех людях, кои употреблены были неприятелями во время их пребывания в Москве, и оных берите и сажайте под крепкий караул.
2. Обозрев город, отправьте от себя к министру полиции рапорт, описав, что сожжено, число оставшихся жителей, больных и раненых французских.
3. Осмотрите хлеб всякого рода, собранный французами, и возьмите его под присмотр.
4. Приложите старание, чтобы оставшиеся в целости домы, не были ограблены нашими.

Остальное предоставляю той же самой деятельности Вашей, которая предохранила Москву до минуты вступления неприятеля от возмущения и беспорядка.

Граф Ф. Ростопчин

№ 4.
Октября 13 дня 1812 года
Владимир

Список сгоревших, взорванных и уцелевших строений, после оставления Москвы французами

Документ написан «по горячим следам» по требованию графа Ф. В. Ростопчина, который в это время находился в эвакуации во Владимире, а потому содержит ряд неточностей. Ошибочны сведения о том, что был сожжен Петровский подъездной дворец (построенный М. Ф. Казаковым для Екатерины II): как известно, именно в нем нашел пристанище Наполеон, бежавший во время пожара из Кремля. Сохранился и Странноприимный дом Н. П. Шереметевой, где французы устроили госпиталь, и Воспитательный дом (о чем речь шла ранее). Князья Голицын и Щербатов не входили в состав оккупационного муниципалитета, и вместе с тем не названы некоторые действительные члены этого бутафорского учреждения, как, например, известный купец Г. Н. Кольчугин.

Список сгоревших, взорванных и уцелевших строений, после оставления Москвы французами

Настоящее положение Москвы

Октябрь после 11-го числа

Взорвано и сожжено

В Кремле. 1-е. Дворец, 2-е. Грановитая Палата, 3-е. пристройка к Ивановской колокольне, 4-е. Комендантский дом[1], 5-е. Арсенал, 6-е. башня Алексеевская до подошвы, 7-е. Никольская первая повреждена, 8-е. Стены в пяти местах повреждены и прорваны. 9-е. Набережная повреждена. 10-е. Сенат немного поврежден. Соборы остались целы, с Ивановской колокольни крест снят и глава повреждена. Башни Спасская и Троицкая целы, также и Вознесенский монастырь.

В Городе губернском[2]: три лавки и все домы выжжены, остались целы только Греческий монастырь и дом Баца[3]. На Тверской дом графа Салтыкова, князя Прозоровского, Козицкой, графа Разумовского, графа Мамонова да еще 7 целы.

За Москвою-рекой все выжжено, на Дмитровской несколько домов целы, Тверская-Ямская выжжена, только при входе около заставы несколько домов целы.

Сожжены: Петровский Дворец, Университет[4], Дворянское собрание[5] и весь Охотный ряд; от Никитских до Тверских ворот, 8 домов от них вниз до Охотного ряду — главные строения, равно: Моховая, Дмитровка, Малая Дмитровка, Кузнецкая, Лубянка, часть Сретенки, Мясницкая, Покровка, Воспитательный дом Шереметева, Странноприимный дом. Вся почти линия от Тверских ворот до Покровских, также по левой стороне от них около Харитония в Огородниках на Гороховом поле и дом графа Разумовского остались целы.

В Немецкой Слободе и других улицах дом, где Главной военный гошпиталь, казенные казармы, и на Старой Басманной дом графа Разумовского, графа Румянцева,

Демидова, князя Куракина, Салтыкова, Аничкова, купца Александрова; на Новой Басманной княгини Куракиной, на Гороховой улице купцов Суслова, Колокольникова, госпожи Волковой, Мацневой, Зверевой, купца Сухова и более 200 домов мастеровых и иностранцев не повреждены пожаром.

За Москвой-рекой в частях Новинской, Пятницкой, Серпуховской, Якиманской, Пречистенской и Хамовнической остались целы 700 домов. Хамовнические казармы, Голицынская и Петропавловская больницы; скотный двор, принадлежащий к Воспитательному дому, винный магазейн, почти все монастыри и все церкви сохранились от пожара.

Пречистенка, Знаменка, Воздвиженка и Никитская сожжены; часть Мясницкой, Рожественки и Грузины, одна сторона Покровки и Почтамт — до Кузнецкого мосту целы.

Оставлены неприятелем орудия и воинские снаряды. В Кремле: два орудия кроме больших, оставленных у ворот Арсенала, две без лафетов; 204 ящика с патронами и пушечными зарядами, 6 лафетов, 39 понтонных лодок, 7 лафетов с канатами и якорями, 9 кузниц, 53 полковые фуры, 8 фур с лопатками и кирками. В укрепленном им Новодевичьем монастыре 2 пушки, 3 бочонка пороху.

Изменники

Загряжский. Пожалован дюком[6] и Кавалером Почетного Легиона.
Голицын Александр Алексеич.
Бестужев-Рюмин.
Щербатов.
Купцы:
Находкин. Сделан Головою.
Фалеев.
Бородин.
Отысканы господином Гельманом, Московским полицмейстером[7].

ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 29—30

Примечания

[1] Дом коменданта г. Москвы с 1806 г. находился в Потешном дворце Кремля, построенном в сер. XVII в. как усадьба тестя царя Алексея Михайловича боярина И. Д. Милославского, в 1669 г. приобретен в казну. В кон. XVII в. в нем размещался Полицейский приказ. С XIX в. здесь жил комендант Москвы.

[2] Имеется в виду Городская часть г. Москвы.

[3] Возможно, речь идет о бароне Жане де Баце (Batz) (1760—1822). Ярый французский роялист, он получил известность попытками спасти от смертной казни сначала Людовика XVI, а затем Марию-Антуанетту. Вынужден был эмигрировать из Франции, вернулся при реставрации Бурбонов и был сделан маршалом и кавалером ордена св. Людовика.

[4] Пожар, почти целиком уничтоживший Московский университет, начался 4 сентября. Сгорело главное здание на Моховой, построенное М. Ф. Казаковым, обсерватория, анатомический театр, пансион, музей натуральной истории. Уцелели лишь ректорский домик в глубине университетского двора и больничный корпус на Б. Никитской.

[5] Российское Благородное или дворянское собрание было открыто в 1783 г. по инициативе попечителя Опекунского Совета М. Ф. Соймонова и кн. А. Б. Голицына. Для него был приобретен построенный в 1-й пол. XVIII в. дом бывшего московского генерал-губернатора В. М. Долгорукова-Крымского на углу Охотного ряда и Большой Дмитровки. В 1784—1786 гг. перестроен М. Ф. Казаковым, создавшим величественный колонный зал. Дом сильно пострадал в пожаре 1812 г. и в 1814 г. восстановлен учеником Казакова А. Н. Бакаревым. После Октябрьской революции здание стало Домом Союзов.

[6] Имеется в виду А. Э. Мортье, герцог Тревизский.

[7] Приводятся сведения о москвичах, вошедших в состав французского муниципалитета (о нем см. выше). Загряжский Николай Александрович (1743—1821), гофмейстер Павла I, был знаком с французским послом в России Арманом де Коленкуром. Во время пребывания французов в Москве он, по собственным словам, просил Коленкура исходатайствовать ему билет для выезда из города, но был задержан и оставался в доме князя Александра Алексеевича Голицына. По показанию пристава Серпуховской части Загряжский «давал в своем доме пристанище и пособие многим разорившимся людям» (ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 47 об. — 48). Как вспоминал Коленкур, Загряжский «остался в Москве, надеясь спасти свой дом, заботы о котором составляли смысл всей его жизни» (*А. де Коленкур*. Указ. соч. С. 147). Загряжский был оправдан, чему способствовало расположение к нему императрицы Марии Федоровны, а кн. Голицын вовсе не привлечен к следствию. Петр Иванович Находкин (ум. в 1818 г.), купец 1-й гильдии, был вынужден был под угрозами принять должность городского головы (его сын, Павел Петрович, студент Московского университета, владевший домом в той же Серпуховской части также вступил в муниципалитет). По свидетельству одного из московских французских эмигрантов, П. И. Находкин лично явился к Ф. Лессепсу «со всем муниципалитетом» и заявил: «Ваше превосходительство! Прежде всего, я, как благородный человек, должен сказать вам, что не намерен делать ничего, противного моей вере и моему Государю». В ответ на это Лессепс поспешил заверить, что «единственною их обязанностью будет смотреть за благосостоянием города» (см. *Земцов В. Н.* Московский муниципалитет при Наполеоне… С. 162—163). После возвращения русских войск в Москву, Находкин встретил майора Гельмана, командира Московской драгунской команды, исполнявшего временно обязанности московского полицмейстера, и сдал ему все документы «пресловутого муниципалитета». При этом он заявил Гельману, что «хотя от Лессепса было ему приказано внушать жителям Москвы и окрестностей доверие к новому правительству прокламациями от городского правления, но он предложил это сделать самому Лессепсу» (ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 37 об.). В списках упоминается также кн. Щербатов, дом которого на Девичьем поле заняли французы и куда они свозили награбленное серебро. Наконец, упоминается В. Ю. Бородин, который в муниципалитете был в числе тех, кто обеспечивал размещение и расквартирование наполеоновских войск.

Публикация Ф. А. Петрова и Л. И. Смирновой

Дело о гибели Арсенала Московского Кремля в 1812 году

Историки Отечественной войны 1812 г. посвящают свои исследования почти исключительно героическим событиям или личностям. Однако, в истории этой войны, впрочем, как и любой другой, имеются и мрачные страницы, которые по понятным причинам до настоящего времени не были предметом изучения и о которых в литературе лишь иногда упоминается вскользь. Одним из таких эпизодов войны 1812 г. является тот факт, что врагу достались не вывезенные из Арсенала Московского Кремля большие запасы оружия, военного снаряжения и т. п. Кроме того, осталось множество овеянных былой славой российских, а также трофейных знамен и других воинских реликвий. Все это было уничтожено французами при выходе из Москвы.

Еще до освобождения древней столицы по этому вопиющему факту началось следствие, продолжавшееся несколько лет. В процессе следствия образовалось архивное «Дело», которое через много десятилетий попало в «Особый Комитет по устройству в Москве Музея 1812 года»[*]. Единица хранения № 206 по описи этого фонда значится как «Рапорты и ведомости погибшего артиллерийского имущества в Москве во время пребывания французов». Она представляет собой объемистый том в бумажном муаровом переплете, состоящий из 766 сшитых листов. На верхней крышке переплета имеется заголовок: «Дело о погибшем в Москве Артиллерийском имуществе 1812 года», который повторен и на корешке тома.

«Дело» включает в себя свыше 200 документов, собранных в ходе разбирательства о причинах и последствиях случившегося. Точное их количество назвать трудно, так как некоторые ведомости, отчеты, донесения и т. п. копируются в ряде документов за другие годы. Документы подшивались без какой-либо систематизации по хронологическому или тематическому принципу, возможно, по мере их поступления к генералам Пичугину, командированному для отыскания в Москве имущества Арсенала, а затем Ильину, проводившему следствие по этому делу. Несмотря на то, что в томе имеются две описи подшитым в него бумагам, пользоваться «Делом» очень трудно, поскольку в этих описях не указаны номера листов тома, краткие заголовки не отражают содержания документов и часто не соответствуют им; кроме того, некоторые важные материалы не упомянуты вовсе.

Расследование началось 21 сентября 1812 г. по личной инициативе императора (см. № 2 данной публикации). Самые ранние сведения о хранившемся в Московском арсенале оружии относятся к 1 августа 1812 г. (см. № 6). Формально «Дело» было завершено 12 апреля 1818 г. В копии Журнала Общего присутствия Артиллерийского департамента Военного министерства от 12 апреля 1818 г. говорится: «Дело о сем производившееся зачислить решенным и при описи для хранения сдать в Архив»[**]. Однако и после этого решения о сдаче «Дела» в архив, оно пополнялось в 1822—1825 гг. бумагами, касающимися исправления данных об оставленном в Кремле фураже[***]. Поэтому, строго говоря, документы «Дела» хронологически охватывают период с 1 августа 1812 по 28 марта 1825 г. Необходимо заметить, что абсолютное их большинство, свыше 90 %, относится к сентябрю 1812 — февралю 1814 гг., периоду проведения следствия об оставленном в Арсенале военном имуществе.

Опубликовать все без исключения документы нет возможности, да впрочем, и необходимости, поэтому здесь помещаются 71 из них, наиболее важных для понимания сути происходивших в августе-сентябре 1812 г. в Москве событий. Опущены документы, тексты в которых повторяются, переписка по поводу оплаты поездок нарочных и т. п., а также дублетные предварительные ведомости и их фрагменты.

Следует заметить, что это большое и чрезвычайно запутанное «Дело» до настоящего времени не введено в научный оборот в полном его объеме. Некоторые сведения из него, касающиеся огнестрельного оружия, были использованы лишь в статьях С. В. Шведова, написанных по материалам РГВИА, РГАДА и ОПИ ГИМ[****].

---

[*] ОПИ ГИМ. Ф. 160.

[**] ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 206. Л. 741.

[***] Там же. Л. 750—763.

[****] *Шведов С. В.* Судьба запасов огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 году // Советские архивы. 1985. № 5. С. 66—68. *Он же.* О запасах военного имущества в Москве в 1812 г. // Советские архивы. 1987. № 6. С. 71—73. *Он же.* Ведомость о состоянии запасов Московского арсенала на 1 сентября 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Мат-лы Всероссийской науч. конф. Саратов. 30 мая — 1 июня 2002 года. Саратов, 2002.

Вопрос об эвакуации главных ценностей и учреждений обеих столиц встал вскоре после вторжения войск Наполеона в Россию. В начале августа, когда французы были в районе Смоленска и направлялись в сторону Москвы, по повелению Александра I были уже эвакуированы ценности из Санкт-Петербурга. По воспоминаниям В. Р. Марченко, бывшего в то время помощником Статс-секретаря, «Эрмитаж, библиотеки, ученые кабинеты и дела всех присутственных мест вывезены водой на север»*. Согласно специальной ведомости, вывозу подлежал и Петербургский Арсенал, для перевозки вещей которого был заключен особый контракт с купцом Герчиным. В эту ведомость были включены и «все трофеи, хранящиеся в крепости, в Исаакиевской церкви, в арсенале, в Петергофской слободской церкви»**.

В Москве этот вопрос находился в ведении Ф. В. Ростопчина, которого Александр I наделил чрезвычайными полномочиями. Финансирование эвакуации осуществлялось Государственным Казначейством. На заседании 3 сентября 1812 г. Комитет министров еще раз подтвердил, чтобы все московские учреждения и должностные лица «следовали общему распоряжению Главнокомандующего в Москве (графа Ростопчина)»***. В этот день Москва была уже занята французами, но в Петербурге об этом еще не знали.

Из публикуемых ниже документов следует, однако, что в вопросе об эвакуации военного имущества Ростопчин находился в зависимости от главнокомандующего соединенными российскими армиями фельдмаршала М. И. Кутузова и должен был соотносить свои действия с его требованиями о поставке в армию оружия и боеприпасов, находившихся в Арсенале Московского Кремля. В качестве оправдания Ростопчин представил следствию выписки из писем ему Кутузова, который вплоть до 1 сентября уверял его в намерении дать генеральное сражение у Москвы (См. № 1).

Вторым после Ростопчина ответственным лицом по части вооружения являлся начальник Московского Артиллерийского депо генерал-майор Кнобель, который с самого начала целиком полагался в вопросе эвакуации Арсенала на одного из членов Депо, полковника А. А. Курдюмова, занимавшего должности коменданта Кремля, командира его гарнизона и начальника Арсенала. Артиллерийское Депо во главе с Кнобелем уже 31 августа выехало из Москвы в Нижний Новгород; вся ответственность за эвакуацию имущества Арсенала пала на Курдюмова.

Из материалов следственного дела видно, что 18 августа Ростопчин потребовал от Курдюмова сведения о количестве подвод для вывоза артиллерийского имущества. В тот же день Курдюмов ответил, что необходимо 6 475 подвод. Два дня спустя, 21 августа, Ростопчин выделил Курдюмову 18 барок для вывоза по воде, но из них только 8 годились для использования. Эти барки были нагружены порохом и свинцом, отправлены по Москве-реке 1 сентября, но вскоре сели на мель около Перервы. Весь порох был высыпан в воду, а тысячи пудов свинца бесследно исчезли. 1 и 2 сентября из Арсенала было отправлено имущество на 600 подводах (т. е. в десять раз меньше, чем требовал Курдюмов) — больше Ростопчин дать уже не мог. Позднее, в ходе расследования, Ростопчин заявил, что предоставил Курдюмову достаточное число подвод (См. № 61). Часть оружия и припасов была затоплена в Красном пруду (это был один из древнейших московских прудов, площадь которого составляла свыше 23 гектаров и находился он до 1910 г. между Ярославским вокзалом, Красносельскими и Краснопрудными улицами), рядом с Полевым артиллерийским двором, перед самым вступлением французов.

Основная же часть упакованного и неупакованного имущества Арсенала, в том числе более 1300 знамен и штандартов (из них более 1000 — старых российских), осталась и была уничтожена пожаром после взрыва Арсенала при выходе французов из Москвы. Был брошен даже сундук с деньгами (тысяча рублей медной монетой), предназначавшимися для оплаты частных подводчиков. Удивительно, но в материалах публикуемого «Дела» нигде не говорится о том, что накануне вторжения французов Арсенал был открыт жителям Москвы для продажи или раздачи им оружия, о чем неоднократно упоминалось в исторической литературе и мемуарах современников.

Александр I держал под контролем расследование этого преступления и лично знакомился с ведомостями об имуществе Арсенала, которые ему доставлялись. 18 марта 1813 г. император писал военному министру кн. А. И. Горчакову: «Не мог оставить Я без замечания при рассмотрении означенных ведомостей, невероятной беззаботливости Артиллерийского Начальства к сохранению, или даже к истреблению трофеев бывших в Арсенале, на что не надобно было ни чрезвычайных мер, ни большого времени. Замечание сие поставьте на вид Артиллерийскому Департаменту, ходатайствующему о награждении чиновников в его ведении служащих» (см. № 35).

В денежном исчислении стоимость погибшего в Москве артиллерийского имущества (разумеется, без знамен и раритетов, которые бесценны) составила более двух миллионов рублей, а с учетом уничтоженных вещей Комиссариатского департамента общая сумма потерь достигает почти пяти миллионов (см. № 70).

Персональной ответственности за это никто не понес. Главный фигурант этого дела, полковник Курдю-

С. 88—98. Не умаляя достоинств содержательной части этих статей, приходится, к сожалению, констатировать, что практически все ссылки в них на листы хранящегося в ОПИ «Дела» не совпадают с нумерацией его листов.

* *Марченко В. Р.* Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки 1782—1838 // Русская Старина. 1896. № 3. С. 500—501.

** Журналы Комитета министров царствования императора Александра I. Т. 2. 1810—1812. СПб., 1891. С. 90—91.

*** Там же. С. 91.

мов, продолжал службу в Калуге в том же чине. Само следственное дело не стало предметом судебного разбирательства, так как 30 августа 1814 г. император подписал Манифест, в котором, в частности, говорилось: «Всех находящихся ныне под следствием и судом по разным местам чиновников и всякого звания людей по делам, не заключающим в себе смертоубийства, разбоя и грабежа, учинить от суда и следствия свободными»[*].

Из впервые опубликованных ниже документов читатель узнает о деталях событий, происходивших в Кремле 1 и 2 сентября 1812 г., а также о ходе расследования беспрецедентно позорного происшествия. Наибольший интерес для специалистов представят, на наш взгляд, ведомости, в которых указаны наименования и количество хранившихся в Арсенале оружия и реликвий, а также содержится их описание.

1. Из писем М. И. Кутузова Ф. В. Ростопчину с 17 августа по 1 сентября 1812 г.

Выписка из писем покойного Князя Голенищева-Кутузова Смоленского к Господину Генералу от Инфантерии Главнокомандующему в Москве и Кавалеру[1] Графу Ростопчину 1812 Года.

От 17 Августа за № 27-м. Гжатск[2].

Усмотрев из Ведомостей Вашего Сиятельства при Отношении ко мне приложенных, что в Московском Арсенале[3] есть годных 11 845 ружей и с лишком 2 000 мушкетов и карабинов, да требующих некоторый починки ружей, мушкетов и штуцеров с лишком 1 800. Покорно просил бы Ваше Сиятельство теми средствами, какие Вы заблагорассудите, приказать починкою исправить, а я как о сих, так и о первых, узнаю от Военного Министра[4]. Буде не назначено им другое, какое-либо употребление, может быть, употреблю на ополчение, и Ваше Сиятельство не замедлю о том уведомить.

От 20-го Августа.

Я приближаюсь к Можайску, чтобы усилиться и там дать Сражение. Ваши мысли о сохранении Москвы здравы и необходимы представляются. Помогите Бога ради в продовольствии[5].

От 22-го Августа. Бородино.

Надеюсь дать Баталию в теперешней позиции. Разве неприятель пойдет меня обходить, тогда должен отступить, чтоб ему ход к Москве воспрепятствовать, и ежели буду побежден, то пойду к Москве, и там буду оборонять Столицу.

№ 69 от 26 Августа в 2 часа пополудни.
Село Бородино.

Прошу Вас ради Бога, Граф Федор Васильевич! Прикажите к нам немедленно из Арсенала прислать на 500 орудий комплектных зарядов, боле батарейных.

№ 70. От 26 Августа на месте Сражения.

Завтра, надеюсь я, возлагая мое упование на Бога и на Московскую Святыню, с новыми силами с неприятелем сразиться.

От 30 Августа. Малая Вязьма.

Мы приближаемся к Генеральному Сражению у Москвы.

От 30 Августа. Малая Вязьма.

Вышлите, с получением сего, столько батарейных орудий, сколько есть в Московском Арсенале с ящиками зарядными.

От 30 Августа. Малая Вязьма[6].

Я нахожусь сего дня при Вязьме, но как здесь позиции никакой нет, то отправился Генерал Беннигсен[7] назад приискать место, где бы удобнее еще было дать Баталию.

От 1-го Сентября. С Поклонной горы.
В 4 часа пополудни.

При письме Вашего Сиятельства получил я рапорт Генерал-майора Миллера[8] о состоянии его полка. Я намерен присоединить оной к Армии, но до тех пор, пока Ваше Сиятельство не получите дальнейшего о сем от меня уведомления, прошу Вас полк оной удержать в Москве.

От 1-го Сентября. В 11 часу пополудни.

Неприятель, отделив колонны свои на Звенигород и Боровск, и невыгодное здешнее место положение принуждают меня с горестью Москву оставить. Армия идет на Рязанскую дорогу. К сему покорно прошу Ваше Сиятельство прислать мне с тем же адъютантом моим Монтрезором[9] сколько можно более полицейских офицеров, которые могли бы Армию провести через разные дороги на Рязанскую дорогу.

Подлинную подписал: Верно Граф Ростопчин
С подлинной верно: Генерал-майор Ильин
(*подпись — автограф*)

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 499—499 об.)

[*] Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 32. С. 906. № 25671. 30 августа 1814. Ст. 7. П. 16.

2. Повеление управляющего Военным министерством А. И. Горчакова[10] вице-директору Артиллерийского департамента[11] генерал-майору И. Г. Гогелю[12] 21 сентября 1812 г.

№ 58. Сентября 22/812.
Министерство Военное. Общая канцелярия.
21 Сентября 1812. № 679. О Московских запасах.

Господину Генерал-майору
и Кавалеру Гогелю.

Государю Императору по случаю временного занятия неприятелем Москвы благоугодно иметь верное сведение о количестве находившихся там в сие время разного рода вещей и припасов по ведомству Артиллерийского Департамента.

Вследствие чего рекомендую Вашему Превосходительству представить ко мне немедленно ведомость об оружии, вещах и других припасах Артиллерийского ведомства, находящихся в Москве, буде известно об оных здесь по Артиллерийскому Департаменту. С тем вместе истребовать как наискорее через нарочного от начальника Московского Артиллерийского Депо[13] верное и подробное сведение, сколько каких именно вещей и припасов ведомства Артиллерийского, до занятия неприятелем Москвы находилось там; сколько и куда именно вывезено; сколько осталось и сколько истреблено, также какую сумму составляют оставленные там, и погибшие разного рода вещи, и таковое сведение доставить ко мне для доклада Его Императорскому Величеству.

Управляющий Военным министерством
Князь Горчаков 1-й
Директор Татищев[14] (*Подписи — автографы*)

Донесено ему, Господину Управляющему Сентября 25 № 7 987. 27 Сентября посланы запросы в Отделения во 2-е № 377. В 3-е № 378. В 4-е № 379. 10-го Февраля донесено Управляющему Министерством № 1 584.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 37—38)

3. Предписание Артиллерийского департамента Московскому Артиллерийскому депо о доставлении сведений о бывшем в Московском Арсенале оружии, а также общей ведомости всего находившегося в нем имущества. 21 сентября 1812 г.

Сентября 21. № 7 878.

Московскому Артиллерийскому Депо!

Артиллерийский Департамент, будучи неизвестен о тех мерах, какие взяты были на спасение бывшего в ведомстве оного Депо казенного Имущества, предписывает доставить с нарочным сведение: О всех главных вещах, как-то о медной Артиллерии с ее принадлежностью, о всех других медных вещах об огнестрельном и белом[15] оружии о порохе, селитре, сере и свинце. О снарядах, 1-е, сколько их на день выезда Депо из Москвы состояло; 2-е, сколько спасено какими мерами и где находится и 3-е, сколько чего затем осталось из сих вещей в Москве не спасенного.

Сие сведение доставить с нарочным, а после сего еще доставить в Департамент по обыкновенной почте генеральную ведомость, о всем уже имуществе, какое состояло в ведомстве оного Депо с показанием, сколько чего именно состояло, спасено и осталось в Москве. Сверх сего по прилагаемой у сего записке о подвижных запасных парках через нарочно от себя посланных уведомиться, в тех ли они местах находятся, где прежде показывались, или где в других и потом сделать немедленно распоряжение о укомплектовании боевыми патронами формируемых Генералом от Инфантерии Князем Лобановым-Ростовским[16] 12-ти полков, из коих в каждый поступает по 3 000 рекрут, о чем и сделать с ними заблаговременное сношение, в какое место и сколько патронов отправить следует.

Ежели ж Московское Депо найдет препятствие в снабжении сих войск из казны готовыми патронами, по недостатку ли или по другим каким причинам, тогда немедленно сделать другое распоряжение и назначение об отпуске и заготовлении патронов из других каких мест, и доставить их, как наивозможно поспешнее, в те места, куда Господином Генералом Князем Лобановым-Ростовским назначено будет, и потом с сим же нарочным донести департаменту.

Верно — Секретарь

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 5—5 об.)

4. Запрос канцелярии Артиллерийского департамента во 2—4 Отделения о количестве бывшего в августе 1812 г. оружия и припасов в Москве. 24 сентября 1812 г.

№ 377. Таковые же в III-е отд.
№ 378 и IV-е — № 379.

Канцелярия Гоподина Вице-Директора Департамента артиллерийского покорно просит II-е отделение оного: сего же числа доставить в сию канцелярию сведение для представления Его Сиятельству Господину Управляющему Военным Министерством, на сколько Дивизий состояло в Москве запасных парков, так же какое количество находилось там пороха, селитры, серы, свинца и других главных материалов, до вступления в сию столицу неприятеля.

Сентября 24 Дня 1812 года
Верно — Секретарь Павлов

Ответы на этот запрос[17]

№ 22. Августа 24/1812

В Москве запасных парков состояло на три Дивизии с некоторым недостатком зарядов и патронов, потому что из них сделан был отпуск во вновь формирующиеся в Москве и окрестностях оной полки.

Столоначальник / *подпись нрзб.*/

В Москве к 26-му Августа было на лицо пороха 21 464 пуда, селитры литрованной[18] 3 605 пудов, нелитрованной 615 пудов; серы чистой 2 724 пуда, неочищенной 2 079 пудов; свинца 15 096 пудов, патронов разных старого калибра[19] 121 тысяч; кремней годных 479 тысяч.

24 Сентября 1812.

Начальник Стола /*подпись нрзб*/

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 103—103 об.)

5. Рапорт Артиллерийского департамента управляющему Военным министерством. 25 сентября 1812 г.

Сентября 25. № 7 987. К отпуску № 9 157.

Рапорт управляющему министерством!

В предписании Вашего Сиятельства от 21 Сентября № 679 честь имею донести, что до возвращения нарочного, посланного от департамента в Нижний Новгород в Московское депо за сведением о том, сколько из Москвы и куда было вывезено и что там оставлено, или истреблено, нет возможности доставить Вашему Сиятельству, таковое сведение; коль же скоро упоминаемый нарочный возвратится, то не премину исполнить предписание сие.

А между тем для предварительного сведения имею честь представить краткую выписку из огромной ведомости о том, что в Москве к 1-му августу состояло артиллерийского имущества в важнейших предметах, как-то оружии и огнестрельных вещах.

Верно — Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 39)

6. Выписка из общей Ведомости об имевшемся в Москве артиллерийском имуществе на 1 августа 1812 г.

Выписки.
О оружии и огнестрельных вещах,
состоявших в Москве по 1-е Августа
Артиллерии

Осадная мортира[20] 5 пудовая — 1.

Батарейной с лафетами и принадлежностями на — 3 роты, в том числе на 2 роты без запасных лафет и зарядных ящиков.

Легкой артиллерии с принадлежностями

Новой конструкции на — 3 роты.

Старой конструкции без двух единорогов[21] на — 3 роты.

Особо 3-фунтовая пушка
с лафетом и принадлежностью — 1.

Одних орудий старой же конструкции на — 7 рот.

Куриозных[22] разного названия орудий — 45.

Колокол медный с вышибленным краем, лежащий в яме у Ивана Великого, в коем весу 12 327 пудов. 19 фунтов[23].

Снарядов

Ядер разных калибров — 27 359

Картечь разных калибров — 1 400

Брандкугелей[24] разных калибров — 2 873.

Бомб разных калибров — 2 456.

Гранат разных калибров — 10 379.

Дроби разных лот — 239 742.

Оружия

Огнестрельного — 12 082.

К тому из разных мест отправлено в Москву — 27 918, но получено ли, не известно.

Белого — 7 975.

Запасных парков на 3 дивизии.

Особенного запасу.

Пороха пушечного — 8 656 пудов.

Пороха мушкетного — 10 320.

Пороха винтовочного — 2 487.

Итого — 21 464.

Селитры литрованной — 3 605.

Селитры нелитрованной — 615.

Итого — 4 220.

Серы чистой — 2 724.

Серы неочищенной — 2 079.

Итого — 4 803.

Свинца — 15 096 пудов 38 фунтов.

Патронов разных старого калибра — 121 000.

Кремней разных — 478 521.

Фитиля палительного — 64 059 ½ сажень.

Свеч палительных — 1 304.

Армяку шерстяного — 37 618.

Верно /*нрзб.*/

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 40—40 об.)

7. Ведомости об артиллерийском имуществе, доставленном из Киева в Москву и отправленном из нее в Нижний Новгород 1 сентября 1812 г. 8 октября 1812 г.

Ведомость о доставленных из Киева в Москву и на тех же подводах отправленных в Нижний Новгород разного звания оружия и других Казенных вещах.

Ружей, белого оружия и прочего	Годных	В починку годных	Не годных
Ружей Радзивиловских	4 871		
Солдатских		3 204	1 831
Стволов ружейных			16
Палашей Кирасирских	24	32	
Тесаков	50	4 716	589
Палашей Драгунских	60	5 980	
Одних клинков	59	20	
Стволов штуцерных	9		
Гусарских карабинных	55		
Егерских	24		
Мушкетных разных	1	9	33
Замков ружейных	5		
Шомполов разных ружейных	112		163
Карабинных		22	
Австрийских		143	
Мушкетных стволов		9	
Разных ломаных шомполов			27
Штуцерных			5
К драгунским мушкетам и гусарским карабинам прибойников			1 073
Форм для литья пуль в 7¼	18		
В 6¾	2		
В 6	1		
Ружей разных (доставлены от Егерского полка)			1 475
Барабанов пехотных медных без струн и палок	45		
Барабан Егерский образцовый с палками	1		
Корпусов барабанных пехотных	488		
Егерских	223		
Литавр			16
Корпусов разных		320	
Шомполов многолетних	1 400		

Артиллерии	Счет
Мортирцев медных 6-фунтовых	266
Ящиков Единорожных 8-фунтовых	1
3-фунтовых	32
Пушечных 3-фунтовых	13
Лафетов Пушечных 3-фунтовых	11
Передков к лафетам Единорожным 3-фунтовым	40
Футляров для покрышки зарядов Единорожных 3-фунтовых	116
Пушечных 12 фунтовых средней препорции	668
Меньшой	1 101
3 фунтовых	9 209
Картечь Единорожных 8-фунтовых	869
3-фунтовых	578
Пушечных 6-фунтовых	68
3-фунтовых	1 906
Ящиков в укладке Картечь разного сорта (большая часть их изломаны)	63
Жестянок картечных пушечных 12-фунтовых средней и меньшей пропорции (жестянки сделаны из русской тонкой жести)	1 769
В обертке лафет, ящиков, колес и передков, циновок негодных	300
Рогож, изорванных в лоскуты и вовсе к употреблению не годных	1 079
Свинца	5 398 п. 12½ ф.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 15 об. — 16)

8. Ведомость об артиллерии, вывезенной из Арсенала 1 и 2 сентября 1812 г. 8 сентября 1812

Ведомость отправленной Артиллерии на лафетах из Московского Арсенала для спасения от неприятеля Сентября 1-го и 2-го чисел, то ж разных калибров ружейных боевых патронов. Сентября 8 дня 1812 года.

Артиллерии на лафетах без зарядных ящиков	Число орудий
Батарейной на 4 роты	48
При них:	
Запасных колес	2
Пешей новой конструкции на 3 роты	36
Запасных лафетов без принадлежности	8
Колес	31
Пешей старой конструкции пушек 6-фунтовых	8
Легкой полковой Единорогов 8-фунтовых	16
Пушек 3-фунтовых	22
При оной	
Запасных лафетов	7

Единорогов 3-фунтовых на лафетах без принадлежности	50
Доставленной из Брянска сентября 1 числа	
Пешей новой конструкции на 1 роту	12
При оной зарядных ящиков	24
Запасных колес	6
Итого:	187
Орудия оставлены в городе Рязани	
Ружей новых	525

Сверх того отправлено было 2 лабораторной роты[25] с подпоручиком Оконнишниковым августа 30 дня на судах водою пороха 8658 пудов, свинца 8507 пудов 30 фунтов, а как впереди их находилось Коммерческого ведомства с чуннями[26] и прочими вещами и по узнанию им, Оконнишниковым, от Комиссариатских чиновников, что неприятель Сентября 2 числа вступил в Москву, то и приказано было им от КригсКомиссара Татищева все барки зажечь, а некоторые потопить. То и он, Оконнишников, следуя их примеру, дабы оное казенное имущество не было жертвою неприятелю, разбивши барки, порох и свинец затопил.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 15)

9. Ведомость о Запасном парке, доставленном из Москвы. 8 октября 1812 г.

Патронов	Число
Кирасирских Карабинных	47 250
в каждом ящике по 1 750	24
Пистолетных	24 500
в каждом ящике по 1 750	14
Драгунских Мушкетных	33 250
в каждом ящике по 1 750	19
Пистолетных	22 750
в каждом ящике по 1 750	13
Гусарских карабинных	43 200
в каждом ящике по 2 400	18
Пистолетных	41 280
в каждом ящике по 2 580	16
Пехотных и Егерских	725 400
в каждом ящике по 1 560	465
Всего патронов	937 430
Ящиков	572

Генерал-майор Кнобель[27]

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 16 об.)

10. Рапорт Московского Артиллерийского депо в Артиллерийский департамент. 10 октября 1812 г. № 3578.

№ 15 599 и Октября 20/1812. Министерство Военное. Отделение II. II Стол. Октября 10-го дня 1812 года. № 3 578. Ответ на повеление за № 7 878.

В Артиллерийский Департамент
Военно-сухопутного Министерства!
Московского Артиллерийского Депо
Рапорт.

Во исполнение повеления оного Департамента, последовавшего минувшего Сентября 21, а полученного с нарочным 30 числа, за № 7878 Московское Артиллерийское депо доносит, что депо таковой опасности дабы вывозить из Москвы Артиллерийское имущество, как-то: медную артиллерию с ее принадлежностью и другие медные вещи, равно оружие, порох, селитру, серу, свинец, снаряды и парки, вовсе не могло предвидеть, ибо на последних ныне днях Августа месяца Главнокомандовавший в Москве Господин Генерал от Инфантерии и Кавалер Граф Федор Васильевич Ростопчин, многократными печатными Афишами публиковал о совершенной безопасности Москвы от неприятеля, и между прочих, в одной напечатал, что он жизнью отвечает, что Злодей[28] в Москве не будет, а почему изъяснил в ней и причины подробные, успокаивающие каждого[29]. В другой, от 21 Августа, объявил, что Главнокомандующий над всеми действующими Армиями Его Светлость Князь Михайла Ларионович Голенищев-Кутузов пишет к нему, что он с совершенным скорбным сердцем извещается, что увеличенные насчет действий Армий наших слухи, рассеиваемые неблагонамеренными людьми, нарушают спокойствие жителей Москвы и доводят их до отчаяния, и просил успокоить и уверить их, что войска наши не достигли еще до того расслабления и истощения, в каком может быть стараются их представить, и, наконец, просил уверить всех Московских жителей его сединами, что еще не было ни одного сражения с передовыми войсками, где бы наши не одерживали поверхности[30]. В третьей от 30 августа, что Светлейший Князь, чтоб скорей соединиться с войсками, которые идут к нему, перешел Можайск, и стал на крепком месте, где неприятель не вдруг на него пойдет. Светлейший же говорит, что Москву до последней капли крови защищать будет, и готов хоть в улицах драться. При таковых удостоверениях, и настоявших каждодневно во множестве требованиях, для снабжения армии Артиллериею, оружием, порохом, свинцом, снарядами и патронами, в особенности же когда Полковник Курдюмов[31] 28-го Августа донес, что Главнокомандовавший в Москве словесно ему приказал, что через присланного из Армии Светлейший Князь настоятельно требовал, чтоб как возможно наискорее поспешить доставлением в Армию за Можайском на 500 орудий комплектов боевых зарядов, и что затем

от Артиллерийского департамента имелось повеление, полученное 18 Августа за № 6 507, чтоб на пополнение парков снаряды, поддоны железные и дробь требовать в доставление из Калуги, и парки содержать во всей готовности. Не оставалось для Депо другого занятия по самой день выезда его из Москвы, как со всевозможною поспешностью действовать всем присутствием совокупно и раздельно для большой успешности в надзоре за экстренными отпусками, приготовлениями боевых зарядов и патронов и исправлением оружия, равно в требовании и ожидании из Калуги на 1 500 орудий снарядов поддонов и дроби, для приготовления из них боевых зарядов, о сем в свое время и департаменту доносимо было. Между ж тем, хоть Главнокомандовавший в Москве Граф Ростопчин и предписал 18 Августа полковнику Курдюмову, что по уважению настоящих обстоятельств, нужно заблаговременно принять некоторые меры осторожности, хранящиеся в Арсенале вещи приказал укладывать и приготовлять к свозу, буде надобность того востребовала, причем рекомендовал исчислить потребное перевозке число лошадей и доставить немедленно о сем обстоятельную Записку Московскому Гражданскому Губернатору, которую он же к нему того ж числа и отправил, и занялся вместе с тем со всеми подведомственными ему чиновниками и служителями все артиллерийское имущество укладывать к свозу из Москвы, не останавливая притом экстренных отправлений и приемов. Но, когда по Записке подвоз всего Артиллерийского имущества, составляющего тягости до 161 888 пудов, потребовалось подвод до 6 475, то Главнокомандовавший 21-го числа полковнику Курдюмову приказал уже принять из ведения Московского обер-полицмейстера 18ть барок, для нагружения на оных одного только пороха и свинца, и то половинной части, о чем от депо департаменту донесено Августа от 19-го и 22-го чисел за № 3 257 и 3 339-м. По отводе тех барок оказалось, что для нагрузки во оные пороха и свинца недоставало оснастки, настилки и другой потребности, которые и скуплены на отпущенные от депо деньги. Между тем, 23-го числа от Главнокомандовавшего в Москве Полковнику Курдюмову приказано словесно, чтобы для нагрузки на барки казенного имущества из пороховых погребов перевозки были на счет Артиллерии, о чем так же департаменту донесено от 26-го числа за № 344. Затем 28-го числа вечером полковник Курдюмов донес, что ему от Главнокомандовавшего приказано требовать от Московского Гражданского Губернатора для препровождения нагружаемых на 18 барок казенного имущества лоцманов, на каждую барку по 6 человек, который ему объявил, чтобы их требовал от обер-полицмейстера, а сей на требование отозвался, что у него из Купечества и Мещанства знающих лоцманское искусство не имеется, а потому он, Полковник, ездил с ним, обер-полицмейстером, к Главнокомандовавшему и что нет лоцманов, докладывал, и что он объявил, что об откомандировании лоцманов из Московской волости даст свое предписание Московскому Гражданскому Губернатору, но в присылке их еще не было. Нагрузка же свинца 28 числа кончится, а 29-го и пороха тоже кончиться может, но суда без лоцманов и с нагрузкою должны оставаться на месте, о чем донеся, просил о немедленной высылке лоцманов, куда следует сделать свое сношение. А 29-го числа оный Полковник в присутствии объявил, что те лоцманы к нему явились. 30-го числа унтер-цейхвартер[32] Матвеев с засвидетельством полковника Курдюмова донес, что отпущено 2-й лаборантской роты подпоручику Оконнишникову для нагружения на барки пороха пушечного 3 834 пуда, мушкетного 4 476 пудов, винтовочного 1 164 пуда, всего 9 474 пуда в 3 158 пороховых дубовых годных бочках, свинца в 2 685 свинках 8 507 пудов 30 фунтов. На покрышку обертку и обвязку циновок новых 2 000, по нужде годных 3 682, рогож, по нужде годных 847, веревок пеньковых, по нужде годных 2 858, мочальных, по нужде годных 300, лубьев лучших 2 000, досок разной длины, толщины и ширины 136, стенледи толстой один пуд, пакли 88 пудов. Того ж числа означенный Полковник в присутствии депо объявил, что оный порох и свинец же 30 числа из Москвы отправлен на 8 барках по Москве-реке к Мурому. Из поданного от него Полковника сего Октября 8 числа рапорта значит, что впереди тех отправленных с порохом и свинцом барок — подпоручик Оконнишников ему, полковнику, донес — находились также нагруженные барки Комиссариатского ведомства с сукнами и прочими разными казенными вещами, за которыми он, Оконнишников, продолжал следование со всевозможной скоростью.

Но, когда неприятель Сентября 2-го числа вступил в Москву, то приказано было комиссариатским чиновником от Генерал-Кригс-Комиссара Татищева, через присланного от него майора Волкова, все барки с казенным имуществом, оставя, зажечь, а некоторые в Москве-реке затопить. Почему он, Оконнишников, порох и свинец, чтобы не достался в руки неприятеля, /должен/ разбить барки и пороховые бочки в Москве-реке затопить. Касательно остального пороха и свинца, равно и всего прочего оставшегося в Москве Артиллерийского имущества, то, как оное находилось на ответственности Крепостного Командира и члена Депо артиллерии полковника Курдюмова, который, прибыв в Нижний в присутствие депо вступил 4-го числа сего месяца, и потому данным из депо ему Полковнику указом велено: требуемые оным департаментом ведомости, сочиня, представить в Депо, в том числе первую как скорее можно для отсылки ее в Артиллерийский Департамент с присланным из оного нарочным, о всех главных вещах как-то: о медной артиллерии с ее принадлежностью, о всех других медных вещах, об огнестрельном и белом оружии, о порохе, селитре, сере и свинце, о снарядах и о патронах, с показанием в ней, сколько их по день выезда депо из Москвы состояло, из того числа, сколько спасено какими мерами, где находится, и затем сколько чего осталось в Москве не спаленного. А после сего вторую генеральную, об уже имуществе, сколько чего именно состояло в ведомстве его, Полковника, из него спасено и осталось в Москве, для

отсылки ее в Департамент по обыкновенной почте. По сходству сего оный Полковник 8 числа сего месяца представил в депо ведомость, изъясняющую, сколько спасено казенного имущества, хранившегося в Московском Арсенале и Запасном парке, и доставлено уже в Нижний Новгород, с которой представляется в Департамент таковая ж, и притом донес, что об оставленном затем в Москве Артиллерийском имуществе предписано от него Ему во время следования его в городе всем должностным чиновникам выправиться наиаккуратнейше по делам и подать к нему ведомости в непродолжительном времени, по получении их, в то же самое время генеральная ведомость, по сочинении ее, имеет быть представлена от него в оное депо. Затем доносит, что значащиеся в ведомости в числе спасенного из Москвы и доставленного в Нижний Новгород имущество Артиллерия, в 175 орудиях разного калибра состоящая, отправлена из Арсенала 1-го и 2-го числа Сентября на отряженных по повелению Главнокомандовавшего в Москве обывательских 600 конных подводах. Прибывшие в Москву из Брянска сентября 1-го числа пешей новой конструкции на одну роту 12 орудий на вольных подводах отправлены. На них же, затем из Киева с оружием и другими казенными вещами прибывшие 1-го ж числа, четыре транспорта на вольных подводах за упалью из них дорогой некоторого числа, дабы несколько облегчить прочих, негодное оружие и малозначащие вещи сложены в Арсенале, а прочие на тех же подводах отправлены и в Нижний уже прибыли. При таковых экстренных обстоятельствах и занятиях поупустил, однако ж, он, Полковник, для спасения и прочего Артиллерийского имущества, хотя главнейшего требовал в тоже время настоятельно от Главнокомандовавшего в Москве Графа Ростопчина подлежащего числа обывательских подвод, или до времени к прежде отправленным под Артиллерию 600 подводам еще таковогo ж числа. Но он ему, полковнику, объявил, что их за отправлением из Армии и Москвы в разные места в большом числе раненых и больных чиновников и солдат вовсе уже нет. За тем и осталось все прочее имущество в Москве, равно и отпущенные ему из сего депо на расход медные деньги в 1 000 ру, в Арсенале положенные в сундук в башне, ибо и оных увезти было не на чем, так как от Главнокомандовавшего через Московского Коменданта 2-го Сентября во 2-м часу пополуночи приказано было всем военным командам из Москвы выступать, и затем тот же час гаубвахты и часовые в Кремле все были сняты. Оставшийся ж в ведении унтерцейхвартера Матвеева порох пушечный 3 876 пудов 36 фунтов 54 золотников, мушкетный 5 200 пудов 17 фунтов 19½ золотников, винтовочный 1 684 пуда 29 фунтов 63½ золотников и свинец 5 808 пудов 28 фунтов 26½ золотников, по повелению того ж Главнокомандовавшего в Москве, полученному Сентября 1-го числа пополудни в 4 часа, потоплен в Москве-реке в ночи. Равно по Его повелению за отправлением и доставлением в Нижний на 174 обывательских подводах, отряженных 1 числа запасного парка разного калибра патронов, остальные все запасные из снарядов же оных парков, кои еще прежде сего отпущены были в лабораторную роту для заготовления в числе требуемых в Армию на 500 орудий в комплект боевых зарядов, за отпуском из них в армию, оставленные на 6 рот комплектов на 72 орудия, за неприбытием из Армии для приема их офицера, по повелению Главнокомандовавшего в Москве 2 Сентября, чтобы не остались жертвой неприятелю, затоплены в Красном пруде, состоящем у Полевого двора. И, наконец, Полковнику Курдюмову указом предписано, чтоб он с подведомственным своим чиновником предписал, на основании данного ему из депо указа, представить к нему наперед и как скорее можно ведомости об оставшихся в Москве главных вещах, а ему из оных, сочиня Генеральную, подать в депо, дабы ее можно было отправить в Артиллерийский Департамент с ожидаемым из Казани посланным из департамента на курьерской подводе сторожем Макаровым. Затем уже депо будет ожидать от него и подробной обо всем имуществе ведомости для отсылки ее в оный департамент через почту, с подробным изъяснением в ней настоящих мест и урочищ, где свинец потоплен, ибо его по перемене обстоятельств можно отыскать. Оное донесение в Департамент отправляется с присланным из оного чиновником, коему выдано от депо на прогоны денег к отпущенным из департамента 200 рублям еще 50 ру.

Генерал-майор Кнобель

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 7—14)

11. Замечание Артиллерийского департамента Московскому Артиллерийскому депо за плохо составленные ведомости предписанием доставить новые. 22 Октября 1812 г.

Министерство Военное. Департамент Артиллерийский. Канцелярия Вице-Директора. 22 Октября 1812. № 9 141. О доставлении требуемого сведения о главных вещах из бывшего в Москве Артиллерийского имущества.

Московскому Артиллерийскому депо.

Сей департамент повелением от 21-го Сентября № 7 878, посланным через нарочного, требовал от оного депо в доставление с тем же нарочным сведений, о всех главных вещах, как-то медной артиллерии с ее принадлежностью, о всех других медных вещах, об огнестрельном и белом оружии, о порохе, селитре, сере, свинце и снарядах. 1-е — сколько их на день выезда депо из Москвы состояло, 2-е — сколько спасено, какими мерами и где находится, и 3-е — сколько чего за тем осталось из сих вещей в Москве не спасенного. Вследствие чего хотя депо и доставило посредством помянутого нарочного донесение свое от 10-го Октября № 3 578, но неудовлетворительное, представив при оном ведомость об одном только том, что из главнейших вещей спасено, а,

сколько их действительно в Москве состояло и сколько чего оставлено при выезде из Москвы, того не означено. За каковое невыполнение в точности предписания Московскому Артиллерийскому Депо делается замечание, и как изъясненное сведение требует от Департамента Господин Управляющий Военным Министерством для Всеподданнейшего представления Его Императорскому Величеству, то оный принужденным нашелся послать за ними вторично нарочного, на счет уже депо, вынудившего к тому невыполнением своим прежнего повеления. Рекомендую, сколь скоро отправляемый с сим нарочный в Нижний Новгород прибудет, тотчас заняться и сделать как можно скорее самую верную ведомость о бывших в Москве до выезда оттуда Депо: артиллерии, меди в разных вещах, разного рода оружии и снарядах, порохе, селитре и сере, показав, сколько оных точно состояло из того, куда именно вывезено, истреблено и оставлено, чего истребленное и оставленное в Москве коштует, за оценкою сего. Ежели оную тотчас сделать не можно, нарочного не задерживать, а отправить и без оценки с ведомостью, по изготовлении и отправлении нарочного обратно в Департамент, а ежели к тому времени изготовится и Генеральная ведомость, о всем состоявшем в Москве артиллерийском имуществе, то и оную прислать с ним же, объяснив в той ведомости также подробно что было в Москве, что вывезено, что истреблено и что оставлено и чего стоит все истребленное и все оставленное порознь. Ружья в починку годные и негодные равно и прочие оружейные вещи отослать на тульский завод для починки и переделки, а ежели негодные так худы, что не стоят перевозки и переделки и исправлены быть не могут, то их не посылать. Выданные же нарочному от Департамента примерно в один путь на прогоны с кормовыми деньги, сто тридцать рублей, внести Господам членам Депо в общую Артиллерийскую сумму, равно и на обратный путь следуемыми в добавок прогонами и кормовыми деньгами, снабдить его им Господам членам из своей собственности или на счет их из Казны.

Верно: Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 28—29)

12. Предписание Военного министра Артиллерийскому Департаменту о доставке из Москвы подробных сведений об Арсенале. 30 октября 1812 г.

№ 16 176. Октября 30/812.

Министерство Военное. Общая канцелярия. Отделение II. 30 Октября 1812. № 850. О вещах ведомства Артиллерийского, бывших в Москве при временном занятии ее неприятелем.

Артиллерийскому Департаменту.

Я получил при рапорте Господина Инспектора всей Артиллерии[33] № 9 163 Ведомость, показывающую число артиллерии, оружия, боевых патронов и прочих принадлежностей, вывезенных из Москвы в Нижний Новгород.

Не видя из оной ведомости того, сколько именно артиллерии, оружия, патронов и прочих принадлежностей состояло налицо по артиллерийскому ведомству в Москве при приближении неприятеля к столице сей, сколько из них, чего именно, осталось там при вступлении уже неприятеля и затем, сколько из вывезенных прибыло к своему назначению, сколько не прибыло, и где находится, предписываю Артиллерийскому Департаменту истребовать через нарочного подробные о том от кого должно сведения и донести мне немедленно для Всеподданнейшего доклада Государю Императору.

Управляющий Военным Министерством
Князь Горчаков I-й (*подпись — автограф*)
Директор Татищев

Донесено ему Господин Управляющему 31-го Октября № 9 414.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 135—135 об.)

13. Предложение Артиллерийского Департамента Военному министру о командировании в Москву генерал-майора Пичугина[34] для поисков затопленных вещей. 31 октября 1812.

№ 16348. Октября 31/812.

Министерство Военное. Департамент Артиллерийский. Канцелярия Вице-Директора. 31 Октября 1812. № 9 423. О предполагаемом откомандировании Генерал-майора Пичугина в Москву для отыскания затопленных ныне артиллерийских вещах. Немедленно исполнять.

Вашему Сиятельству известно уже из донесения Департамента Артиллерийского от 23 числа сего Октября № 9 169, какое именно Артиллерийское имущество из Москвы вывезено, там на месте истреблено, потоплено и осталось вовсе не спасенным за вступлением неприятеля.

В числе потопленных и не спасенных вещей показаны от Московского Депо: медь в разных нештатных орудиях, свинец, снаряды, ружья, сера и другие неподверженные истреблению огнем и водою вещи; следовательно, должны они быть доныне сохранены, если неприятель не имел случая ими воспользоваться.

Почему, дабы отыскать и собрать упоминаемые вещи, Департамент Артиллерийский непременным долгом поставил себе представить Вашему Сиятельству испросить разрешения, не угодно ли будет повелеть, ежели нет никакой опасности, командировать для сего в Москву находящегося в Калуге при командова-

нии тамошними парками и другими артиллерийскими запасами члена Московского Депо артиллерии Генерал-майора Пичугина, вместо которого в Калуге при парках и других запасах останется на время отлучки его артиллерии Полковник Менцелиус, под начальством и распоряжениями его, Генерала Пичугина, к коему он обо всем относиться должен будет.

Вице-Директор Генерал И. Гогель
(*подпись — автограф*)
Секретарь Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 138)

14. Рапорт Московского Артиллерийского депо Артиллерийскому Департаменту с предоставлением общих сведений и приложением новых ведомостей. 1 ноября 1812 г.

№ 16 954. Ноября 11/1812.
Министерство Военное. Канцелярия Вице-Директора. Ноября 1-го дня 1812 года. № 3 772. Ответ на предписание Октября 22-го дня за № 9 141.

В Артиллерийский Департамент
Военно-сухопутного Министерства
Московского Артиллерийского депо,
в Нижнем Нове городе находящегося
Рапорт.

Во исполнение повеления Артиллерийского Департамента от 22-го, а полученного 30 числа с нарочным за № 9 141, о доставлении требуемого сведения о Главных вещах из бывшего в Москве Артиллерийского имущества, Московское Артиллерийское Депо доносит, что по первому оного Департамента повелению полученному с нарочным, 30 Сентября за № 7 878, требующему о доставлении с тем же нарочным сведения о всех главных вещах: 1-е. Сколько их по день выезда депо из Москвы состояло. 2-е. Сколько из них спасено, какими мерами и где находятся и 3-е. Сколько чего за тем осталось из сих вещей не спасенного. Депо не могло в то же время на сие сделать настоящего донесения, и без предписания Департамента долженствуемого, о коем уже оное по прибытии 28 Сентября в Нижний Нов Город, и по произведенном долженствуемом размещении в отведенном под присутствие депо доме дел первейшую заботливость имело, но, не имев в подаче ведомостей в день выезда оного, из Москвы 1-го Сентября случившегося, о наличном всего Артиллерийского имущества состоянии, в который день получить их долженствовало для сочинения из того за Август месяц Генеральной и представления к Государю Императору и Господину Инспектору всей Артиллерии барону Меллеру-Закомельскому[35]. За предстоявшую тогда крайнюю опасностью от неприятеля и не успев иным занятием и заботами военными всех Артиллерийских Чиновников и Служителей о спасении Казенного имущества на ответственности каждого состоящего, и за недостатком подвод к свозу всего оного, о потоплении оставшегося в Москве, за нагружением на барки пороха, свинца и огнестрельных снарядов, дабы они, ко вреду Государства, не достались в руки неприятелю, принужденным находилось ожидать следовавшего в Нижний Нов Город Московского Артиллерийского Крепостного Командира и члена Депо Полковника Курдюмова, на ответственности коего все бывшее в Москве Артиллерийское имущество находилось.

По прибытии же его и по вступлении 4 Октября в присутствие депо, велено было ему подать требуемую оным Департаментом ведомость. От нас подана таковая 8-го числа об одном спасенном Казенном имуществе, а что такового по день выезда депо из Москвы состояло в наличности, и сколько из него оставлено в Москве, о том в ней он, Полковник, хотя ничего не объяснил, но в рапорте своем объявил, что об оставшемся за тем в Москве Артиллерийском имуществе предписано от него еще во время следования его в городе Муроме всем должностным Чиновникам выправить наиаккуратнейше по делам и подать к нему ведомости в непродолжительном времени. По получении коих в то же время и Генеральная ведомость по сочинении ее имеет быть представлена от него во оное Депо. А как 7-го Октября прибыл в Нижний из оного ж Департамента еще нарочный, сторож Макаров, отправленный от оного в Казань с нужнейшими делами, и доставил в Депо повеление за № 8 022-м, что по возвращении его из Казани доставлено оное с ним, Макаровым, все те донесения в Департамент, какие Депо сочтет нужными, а особливо ведомость о спасенных и оставленных в Москве вещах. По такому о сей ведомости напоминанию депо, получив на другой день от полковника Курдюмова ведомость о спасенном имуществе, решилось не задерживать ведомость делом двух нарочных, а отправить прежде присланного с показанною ведомостью, дабы, по крайней мере, сколько можно скорее предварить оной Департамент сведением хотя об оном, а в прочем доставить ведомости со вторым нарочным, о чем и в рапорте Департаменту Октября от 10-го числа за № 3 518 изъяснено сими словами. Что Полковнику Курдюмову указом от оного депо предписано, чтобы он подведомственным своим Чиновникам предписал на основании данного ему из Депо указа представить к нему наперед и, как скорее можно, ведомости об оставшихся в Москве главных вещах, а ему из них, сочиняя Генеральную, подать в депо, дабы ее можно было отправить в оный Департамент с ожидаемым из Казани посланным из Департамента на курьерских подводах сторожем Макаровым, а затем уже депо будет ожидать от него подробной обо всем имуществе ведомости для отсылки ее в Артиллерийский Департамент через почту, с подробным изъяснением в ней настоящих мест и урочищ, где свинец потоплен, ибо его по перемене обстоятельств можно будет по-прежнему из воды вытаскать.

По возвращении ж из Казани сторожа Макарова, представлены были ведомости от Полковника Курдюмова 18-го числа ведомости как о главных вещах так и обо всем имуществе, кроме находившегося в ведомстве правящего должность унтер-цейхвартера фейерверкера Воробьева, которые и отправлены с ним Макаровым в оригинале при рапорте от 19-го числа за № 3 637, а о имуществе, бывшем в ведении Воробьева, ведомость представлена от Полковника Курдюмова сего числа, в который, равно и в прежних, чего коштует истребленное и оставленное в Москве, хотя и не означено, но как, во-первых, за оценкою сего ежели оную тотчас сделать не можно, нарочного задерживать не велено, а предписано отправить и без оценки, а, во-вторых, что сей оценки и сделать не можно, ибо о ценах Артиллерии оружия и других при оном вещей также по многих званиях, в особенности же бывших во употреблении, как оное депо так и Полковник Курдюмов неизвестны, то и отправляется означенная ведомость в оный Департамент при рапорте с присланным из оного подканцеляристом Максимовым, с выдачею ему на возвратный путь прогонных и кормовых денег 130 рублей из общей Артиллерийской суммы под артикулом VII. Причем Департамент доносит, что члены депо по описанным резонам будучи нимало не виновны, не только налагаемого взыскания прогонных денег но и замечания не заслуживают, а потому просят Департамент о избавлении их от оного.

Затем Полковнику Курдюмову указом велено имеющиеся здесь, равно и приписываемые из Комиссариатского ведомства ружья, совершенно годные к стрельбе, отделить для отпуска в Нижегородское ополчение. Негодные ж так худы, что не стоят перевозки и переделкою исправлены быть не могут, то их оставить, затем в починку годные, так же и прочие оружейные вещи, для починки и переделки приготовить к отправлению на Тульский оружейный завод, и с показанием всему веса в депо рапортовать.

Генерал-майор Кнобель

Марта 6-го /1813 г./ предписано Московскому Артиллерийскому Депо № 2 486.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 113—115)

15. Предписание Артиллерийского Департамента Московскому Артиллерийскому депо оказать содействие генерал-майору Пичугину в поисках оружия и затопленных вещей. 1 ноября 1812 г.

Московскому Артиллерийскому Депо.

Согласно резолюции Господина Управляющего Военным Министерством, последовавшей на доклад сего Департамента, находящийся в Калуге Артиллерии Генерал-майор Пичугин откомандировывается в Москву для отыскания оставленных там пред вступлением неприятеля орудий, оружия, снарядов, меди и других вещей, не подверженных сгораемости, также затопленного в Москве-реке свинца и в Красном пруде снарядов и в патронах пуль. А посему Департамент предписывает Московскому Артиллерийскому Депо, коль скоро посылающийся при сем нарочный прибудет, тотчас сделав ведомость о оставленных в Москве орудиях, ружей, снарядов, меди в разных штуках, сере, зачтенных свинце, патронах, снарядах и всем прочем, что не может быть обращено в ничтожество огнем или водою, нимало не удерживая отослать с ним оную к Господину Генерал-майору Пичугину в Москву, уведомя его при том, в каких именно местах Москвы-реки затоплен с барок и в самой Москве свинец, и, показав в ведомости, какие точно снаряды и патроны затоплены в Красном пруде, равномерно доставить с сим нарочным и в Департамент от Депо об исполнении по сему и по другим делам службы нужные донесения. Ежели же от Генерал-майора Пичугина на предлежащие по упомянутому поручению издержки требование будет от Депо на необходимо нужные ему суммы денег, то делая неукоснительную выпись оных, доносить о всем Департаменту.

Верно: Павлов

Ноября 1-го. № 9 485.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 141)

16. Приказание Артиллерийского Департамента генерал-майору Пичугину о командировании его в Москву. 1 ноября 1812 г.

№ 348.

Министерство Военное. Департамент Артиллерийский. Канцелярия Вице-Директора. 1 Ноября 1812. № 9 488. Об отыскании и собрании в Москве Артиллерийского имущества.

Артиллерии Господину
Генерал-майору Пичугину!

По освобождении ныне Москвы от неприятеля командируетесь Ваше Превосходительство из Калуги в Москву, для отыскания и собрания оставленных там, пред вступлением неприятеля, Артиллерийского ведомства вещей, не подверженных истреблению.

Вследствие чего с сим же нарочным, через которого получаете сие, и которого уже от себя отправьте в Нижний Нов город, испрося для того подорожную, ежели нужно будет, предписав от Департамента Московскому Артиллерийскому Депо, доставить Вам ведомость, обо всех помянутых вещах, и самое верное сведение о местах Москвы-реки, в коих затоплено свинца с барок, отправленных из Москвы при подпоручике Оконниш-

никове, в 2 685 свинках — 8 507 пудов 30 фунтов, и в самой Москве 5.808 пудов 28 фунтов 2612 золотников; также какое количество и каких именно снарядов и патронов затоплено в Красном пруде. Рекомендуем Вашему Превосходительству: укомплектование в Калуге запасного парка и содержание в добром порядке прочего, состоящего там в ведении Вашем артиллерийского имущества, поручить на время отсутствия Вашего находящемуся в Калуге, с бывшим Смоленским артиллерийским Гарнизоном Господину Полковнику Менцелиусу, и снабдя его надлежащим наставлением, на дальнейшее и безостановочное продолжение, к составлению парков под распоряжением Вашим, — приказать ему, до возвращения Вашего, о всем том, на что он сам собою решиться будет не в состоянии, представлять к Вам и исполнять, согласно последующим от Вас повелениям. Потом, не дожидаясь возвращения нарочного из Депо, который должен все найти в Москве, немедленно отправиться Вам в Москву, взяв с собою, ежели признаете необходимым, для содействия в исполнении возлагаемого на Вас поручения, одного или двух Чиновников из находящихся при Артиллерийском Гарнизоне в Калуге, с употреблением на проезд Ваш и Чиновников, кои взяты Вами будут, до Москвы и обратно в Калугу, следующих по положению прогонных денег из имеющейся в распоряжении Вашем артиллерийской суммы.

А по прибытии в Москву, тотчас истребуя от воинского Начальства достаточный караул к тому месту Москвы-реки, где затоплен свинец и к Красному пруду, в то же время начать выгрузку из воды свинца, снарядов и пуль, при личной бытности Вашей, казенными людьми, или по наряду из обывателей, ежели изыщете возможность воспользоваться сим пособием, в противном случае вольнонаемными, приискав их самою выгодною для Казны ценою. На каковой конец изволите взять в Калуге некоторое число денег, или требовать, сколько непременно нужно оных будет, от Московского Артиллерийского Депо. Равномерно, без малейшего упущения времени, приступить к отысканию орудий, оружия и всех других вещей, которые в ведомости от помянутого Депо показаны будут объявленными в Москве, также и всего того, что неприятелем там оставлено, употребляя к сему ж собственным наблюдением и заботливостью всех Чиновников Ваших, истребуя в том пособия со стороны местного Начальства.

Все то, что отыскано и из воды вынуто будет, собрать в Арсенал, или другое место, из бывших в Москве хранилищ для артиллерийских запасов кое найдено будет в целости, таким способом, как представится Вам удобнейшим, к соблюдению Казны, и испросить к оному пристойный Караул, дабы не могло последовать расхищения. Находившиеся в Москве Артиллерийского ведомства казенные здания осмотреть и описать, которые из них остались целы, в каком положении состоят теперь, и которые, напротив, истреблены и разрушены неприятелем. А для соблюдения целости первых и от растаскивания оставшихся от других материалов, просить, кого следует, чтобы учреждены были при них со стороны военной должные Караулы.

По исполнении всего по сему в Москве, оставив там при имуществе одного из Чиновников Ваших, с другим обратиться Вам на то место, где затоплены барки и сколь можно скорее выгрузив из них свинец, перевезти его в Москву.

По совершенном же окончании сего поручения прислать Департаменту с нарочным ведомость об орудиях, оружии и других вещах, кои Вами в Москве отысканы и из воды вынуты будут, равно опись о строениях, составленную как выше сказано, с подробным донесением и отчетом в издержках суммы, показав в донесении, где какая учреждены при зданиях и отысканном имуществе Караулы, в каких местах оное помещено и кого Вы именно из Чиновников Ваших при всем том оставите, и ожидать дальнейшего распоряжения от Департамента.

Верно: Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 145—147 об.)

17. Препроводительная записка Военного министра в Артиллерийский Департамент к Описи от Ф. В. Ростопчина и о месте нахождения артиллерийских припасов в Москве. 15 ноября 1812 г.

№ 17 586. Ноября 18/812.

Министерство Военное. Общая канцелярия. 15 Ноября 1812. №5 116.

Препровождая при сем опись оставшемуся после французов в Москве разному имуществу, даю знать, что артиллерийские снаряды и припасы, как извещает меня Господин Генерал от Инфантерии Граф Ростопчин, сложены в пороховые погреба, а прочие вещи, как-то, понтонные дроги с лодками и якорями, кузницы, пушки, лафеты и патронные ящики с фурами поставлены в Покровских Казармах.

Управляющий Военным Министерством
Князь Горчаков 1-й
Директор Татищев (*подписи — автографы*).

Писано Господину Генерал-майору Пичугину № 18 509. Московскому Депо № 10 160 и даны ведения в Отделения Ноября 25-го 2-е № 496, 3-е №497 и 5-е № 498.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 238—238 об.)

18. Опись оставшемуся после французов в Кремле имуществу, присланная от Ф. В. Ростопчина. Ноябрь 1812 г.

Опись оставшемуся после французов в Кремле натасканному в разных местах провианту, фуражу и прочим вещам.

№	Название	Число	
	На Конюшенном дворе в разных местах		
1	Овса с ячменем примерно должно быть в кулях и рассыпанного в покоях	200	кулей
2	На том же дворе в разных местах сена до	180	пудов
3	Ржаных снопов намолоченных и соломы	20	возов
4	Дров трехполенных и однополенных	500	сажен
5	Близ Комендантского двора по Кремлю и других местах понтонных дрог	48	
6	На них лодок	39	
7	При них железных якорей	35	
8	Кузниц походных на колесах	11	
9	Патронных, картузных и пороховых ящиков и фур экипажных. В некоторых есть ядра, картечи и порох в картузах	285	
10	Пушек на лафетах	30	
11	На земле пушек простых без лафетов	11	
12	Лафетов без пушек	5	
13	В Новой Оружейной палате пшеницы рассыпанной должно быть до	60	кулей
14	В двух бутылях крепкой водки до	3	ведер
15	Тут же в бочках и кулечках разных сухих красок и мастики, квасов, рассыпанных по полу, немалое число		
16	В оной же Оружейной палате ржи рассыпанной кулей до	16	четв.
17	В Архиерейском Чудовом Дворе в комнатах овса рассыпанного до	5	возов
18	В домовой церкви Петра и Павла в алтаре сена до	3	четв.
	В Кремле в разных местах		
19	Каретных ходов	23	
20	Карет на ходах	2	
21	В подвалах и комнатах натасканного картофеля до	150	возов
22	Капусты кочанной, моркови и репы до	60	

Подлинную подписал: Граф Ростопчин
Верно: Надворный Советник Катаев

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 239—240)

19. Копия списка вещей, собранных Иваном Рингелем в Александровском училище в Москве. 20 ноября 1812 г.

1812 Ноября 20. В Александровском училище собрано Оружия и вещей.	
Звание оных	Число
Ружей крепких	14
без замков	6
без прикладов	21
Стволов ружейных	15
Прикладов ружейных	9
Штыков ружейных	41
Шомполов	17
Замков ружейных	23
Отверток ружейных	3
Кремней	50
Пыжовников	7
Патронов	238
Тесаков с ножнами	61
Без ножен	26
Худых	16
Портупей	53
Перевязей с сумами	60
Полунагалищ[36] ружейных	12
Киверов без Этикетов	24
С Этикетами	8
Шапок Казимирных с медными Гербами	2
Салтанов Солдатских	3
Музыкантской	1
Этикетов	5
Ранцев	8
Темляков с кистями	24
Барабанов	2
Манерка	1
Лат	12

Подлинный подписал Иван Рингель
Верно: Надворный Советник (подпись нрзб.)

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 172)

20. Рапорт генерал-майора Пичугина в Артиллерийский Департамент о состоянии Московского Арсенала. 21 ноября 1812 г.

№ 18446. Ноября 30.

В Артиллерийский Департамент
Военного Министерства
Артиллерии Генерал-майора Пичугина.
Рапорт!

Отправленный мною из Калуги 9-го числа, в сходность предписания сего Департамента за № 9 488 в Нижний Нов Город, в Московское Артиллерийское Депо рассылыцик, и по сие время в Москву не возвратился. По прибытии ж моем в Москву, дабы не потерять ни сколько времени, осмотрел я принадлежащие к Артиллерийскому ведомству строения и оказалось: 1-е, Арсенал от Никольских ворот до половины взорван да и оставшаяся другая половина без окон и дверей и весьма повреждена в сводах, так что даже опасно входить и ничего помещать невозможно; 2-е, под Симоновым из 9-ти пороховых погребов два, где хранились селитра и сера, внутри выгорели, и из них у одного от пожара крышка упала, и во всех погребах частью затворов и большою частью нар недостает; 3-е, дом, где имело присутствие Московское Артиллерийское Депо цел, кроме совершенно разбитых окон; 4-е, Полевой двор совершенно пожаром истреблен; 5-е, на Полевом дворе осталось в целости две Каменные Палатки и ветхая Караульня без дверей и окон, а прочее все сгорело; Каменный же цейхгауз подорван. 6-е, у Полевого двора Кузницы и конюшни совершенно пожаром истреблены. Унтер-цейхвартеру 12 класса Матвееву приказал я на первое время исправить как возможно поспешнее Караульни у Депо, при пороховых погребах и на Полевом дворе. А что я при обозрении моем нашел в Арсенале, в Кремле, на Полевом дворе и в Новодевичьем монастыре, при сем представить честь имею ведомость. И, по мнению моему, нужно все оставшееся куда-нибудь поместить. И как для оного, так и будущей надобности, нужно на первое время нынешней зимой выстроить на Полевом дворе хотя три бревенчатые сарая, каждый длиною 28-и, шириною 5-ти сажен, высотою 4 аршина и Лабораторной покой, чему и Смету я Департаменту не замешкаю представить. Караул к Арсеналу, к дому Депо, к пороховым погребам и на Полевом дворе поставлен. По несостоянию в Калуге в гарнизонной № 7-й налицо чиновников, откомандировал я в Москву от понтонной № 18-1 роты Поручика фон Протто, фейерверкера, кучера и трех понтониров.

Генерал-майор Пичугин (*автограф*)

№ 446-й
Ноября 21-го Дня 1812 года
Москва

Писано Ему Генералу Пичугину 5-го Декабря № 10 645.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 148)

21. Ведомость о найденном генерал-майором Пичугиным в Москве оружии, с указанием, где оно находилось. 21 ноября 1812 г.

Ведомость! Сколько оказалось в Москве, по выступлении неприятеля из оной, по свидетельству моему в разных местах Артиллерии и прочего. Ноября 21-го Дня 1812 года.		
	Число	Где находится
Орудий медных Российских		Около Арсенала должно быть 7, но так как от Никольских ворот Арсенал подорван, то должно полагать что одно под развалинами
Старинных больших на станке	6	
Дробовик на станке	1	
Единорогов ¼-пудовых на лафетах без передков	2	Один в земле близ Боровицких ворот, а другой в Арсенале
8-фунтовых на лафетах без передков	3	Близ Спасских ворот на стене
без лафетов	18	В Арсенале 17 и на Полевом дворе 1
3-фунтовых на лафетах с передками	5	На коих Герб и вензель Графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. В Арсенале
Пушек 12-фунтовых на лафете без передка	1	В Арсенале, а две 3-фунтовых в Девичьем монастыре на стенах
6-фунтовых на лафете без передка	1	
6-фунтовых без лафета	1	
3-фунтовых без лафета	5	
3-фунтовых на лафетах с передками	3	На коих Герб и вензель Графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского
Пушек фунтового калибра на лафетах. В этом числе одна без лафета	3	Возле Спасских ворот на башне, а без лафета у стены
Лафетов запасных без передков	3	На Полевом дворе

Зарядных ящиков	80	В Арсенале 10 и на Полевом дворе 70
В том числе без колес	4	
Неприятельских орудий		
Гаубиц ½ -фунтовых на лафетах без передков	2	В Кремле близ Спасских ворот у стен
Пушек 8-фунтовых на лафетах без передков	3	
4-фунтовых на лафетах без передков	2	В Арсенале и на Полевом дворе одна
8-фунтовых без лафетов	2	
4-фунтовых без лафетов	2	
2-фунтовых без лафетов	2	Близ Спасских ворот в башне
Чугунных 3-фунтовых на лафетах без передков	2	
Запасных лафетов без передков	7	В Кремле близ Спасских ворот 6. А последнее на Полевом дворе
Зарядных ящиков частью с патронами и артиллерийскими зарядами	180	В Кремле в разных местах 175 и на Полевом дворе 5.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 149)

22. Рапорт генерал-майора Пичугина в Артиллерийский Департамент о затопленном в Москве-реке свинце. 2 декабря 1812 г.

№ 18 489. Декабря 2-го.

В Артиллерийский Департамент
Военного Министерства
Артиллерии Генерал-майора Пичугина.
Рапорт!

Через возвратившегося из Нижнего Нова Города рассыльщика, получил от Московского Артиллерийского Депо ведомости обо всем оставленном в Москве Казенном Артиллерийском имуществе, и по сходности предписания оного Департамента за № 9 488, я немедленно приступлю к исполнению на меня возложенного. Но предварительно доношу, что свинец, подпоручиком Оконнишниковым с барками потопленный, весь расхищен и, вероятно, крестьянами ближайших деревень. Глубина реки, где он был потоплен, не более шести вершков.

Я словесно докладывал Его Сиятельству здешнему Господину Главнокомандующему об моем сомнении, что свинец должен быть развезен крестьянами, и надеюсь что к отысканию его предприняты меры. О чем оному Департаменту честь имею донести.

Генерал-майор Пичугин
(*подпись — автограф*)

№ 463
Ноября 26-го Дня
1812 года
Москва

Представлена Докладная Записка Управляющему Министерством 3-го Декабря № 10 574 и 5-го числа писано ему Генералу Пичугину № 10 654.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 154—154 об.)

23. Копия Отношения Военного министра Ф. В. Ростопчину о содействии генерал-майору Пичугину в поисках свинца. 4 декабря 1812 г.

18 490.

№ 10 609. 4 Декабря 1812. Его Сиятельству Господину Генералу в Москве Графу Ростопчину.

Милостивый Государь!
Граф Федор Васильевич!

Находящийся в Москве, у отыскания оставленного там пред вступлением неприятеля Артиллерийского имущества, Артиллерии Генерал-майор Пичугин, присланным ныне в Артиллерийский Департамент рапортом доносит, что затопленный в Москве-реке с барок подпоручиком Оконнишниковым свинец в 2 685 свинках 8 507 пудов 30 фунтов, весь уже расхищен, по мнению Его, ближайших деревень крестьянами, кои к тому имели большую удобность по мелководию реки, которая в том месте, где затоплен свинец, — только в 6 вершков глубиною, о чем он словесно докладывал и Вашему Сиятельству. В подкрепление чего, я покорнейше прошу Ваше Сиятельство, поспешить принятием надежнейших мер, к отысканию того свинца и доставлению оного в ведение помянутого Господина Генерала-майора; о последующем же по сему не оставьте меня Вашим уведомлением.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства

Верно: Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 165)

24. Распоряжения Артиллерийского департамента генерал-майору Пичугину о поисках оружия в Москве. 5 декабря 1812 г.

18 446. 18 499.
5 Декабря 1812. № 10 654.

Артиллерии Господину
Генерал-майору Пичугину!

Предположение Вашего Превосходительства, изъясненное в донесении от 21 Ноября, на счет исправления Караулен при доме, в коем располагалось Депо, при пороховых погребах и на Полевом дворе, равно и построения на Полевом же дворе трех бревенчатых сараев, для помещения Артиллерийского Имущества, Департамент Артиллерийский совершенно аппрабует[37]. Но, только имея в виду Высочайшую волю, на повсеместное по нынешним обстоятельствам приостановление строения цивильных зданий, не может сам собою разрешить Вас в приступлении к возведению сараев, без испрошения особенного на то благоволения высшего начальства. Для чего не оставьте Ваше Превосходительство поспешить присылкою сметы о сем построении, так же и исправления поврежденных пороховых погребов, по предвидимой в них вскоре надобности, к замещению порохом и назначенного уже в доставление из Шостенского порохового завода селитрою, потребною для занятия делом пороха, состоящих около Москвы пороховых заводов, принадлежащих Беренсам и Губину, а между тем отысканное имущество, поместите хотя в Каменные палатки, оставшиеся в целости на Полевом дворе.

Касательно начатого уже Вами исправления Караулен, то оное по уважению необходимой, при теперешнем времени надобности в надежном убежище от холода для караульных Служителей, должно быть продолжаемо и кончено с деятельностию, дабы люди не подвергались изнурению.

Присланную от Вас при помянутом Донесении ведомость Департамент сличал с собранными предварительно ведомостями и, находя немаловажный недостаток в количестве отысканного вами имущества против того, сколько показано оного оставленным, даже и из числа неприятельского, а из Российского не усматривая много таких вещей, которых неприятелю ни взять с собою, ни истребить невозможно было, особливо большого медного Колокола с вышибленным краем, лежавшего в яме у Ивана Великого, относит сие к тому, что, конечно, Ваше Превосходительство изволили показать в ведомости Вашей то лишь только, что при первоначальном обозрении Вашем мест, могло представиться Вам на вид. Почему ожидая от Вас обстоятельного по предмету сему донесения, озабочивает Ваше Превосходительство, чтобы не оставили в особенности вникнуть в обстоятельство сие и приложить всемерного старания к отысканию всех металлических и других вещей, не подверженных истреблению, по доставленным уже к Вам об оных от Московского Артиллерийского Депо ведомостям, равномерно и оставленного неприятелем имущества, принадлежащего Артиллерии, о коем изволите иметь выписку, посланную Вам при повелении № 10159; по исполнении же сего поручения представьте Департаменту подробную ведомость, с показанием, сколько чего оставлено было в Москве пред вступлением неприятеля и им пред ретирадою из оной, в то число отыскано и не найдено, объясняя против каждой, не отысканной вещи, куда она могла утратиться.

Найденные Вами в верхнем этаже уцелевшей от взрыва части Арсенала стволы, замки и прочие оружейные вещи, почитаемые Вами перегоревшими, прикажите под наблюдением своим пересмотреть и, описав, донести Департаменту, в каком точно состоянии каждая вещь находится; ибо, кажется, не могли они перегореть, состоя в уцелевшей от взрыва, следственно, и от пожара, части Арсенала, когда лежат в верхнем этаже.

По второму же рапорту Вашего Превосходительства, о расхищении из Москвы реки затопленного подпоручиком Оконнишниковым свинца, Департамент в подкрепление словесного Доклада Вашего Превосходительства от Господина Управляющего Военным Министерством, Господину Главнокомандующему в Москве отношение, чтобы кому следует, предписал, дабы тот свинец немедленно был отыскан и отдан в ведение Ваше, о чем и остается Вам заботиться настаиваниями Вашими у него Господина Главнокомандующего, чтобы делу сему дан был самоскорейший ход.

Верно: Секретарь Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 156—158)

25. Рапорт оружейного мастера Арсенала Бараева генерал-майору Пичугину о негодности перегоревшего оружия. 13 декабря 1812 г.

Подан 13 Декабря 1812 года.

Господину Артиллерии Генерал-майору
и Кавалеру Пичугину
Московского Арсенала Оружейного Мастера Бараева
Рапорт!

По словесному Вашего Превосходительства приказанию, чтобы я перегоревшее огнестрельное оружие пересмотрел и рассортировал, на что имею честь донести: что при осмотре мною и разборке оного, при чем и Ваше Превосходительство неоднократно изволили находиться, я ни одного ствола, ни одного штыка и ни одного замка не могу одобрить, чтобы могли быть годны на какое-либо употребление: стволы, кроме что

они перегорели, но от падения из пирамид в огонь весьма искривились.

Оружейный Мастер Бараев

Декабря Дня
1812 года.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 164)

26. Рапорт генерал-майора Пичугина в Артиллерийский департамент о своих действиях. 16 декабря 1812 г.

№ 19 969. Декабря 24.

В Артиллерийский Департамент
Военного Министерства
Артиллерии Генерал-майора Пичугина.
Рапорт!

На предписание сего Департамента от 5 числа за № 10 654 имею честь донести, что большой колокол и теперь в яме у Ивана Великого. Огнестрельное и белое оружие действительно перегорело, хотя та часть Арсенала и не подорвана, но неприятелем были пирамиды не только те, в коих стояло оружие, но и вообще все сожжены и ружейные ложи сгорели. И дабы увериться в истине, годны ль стволы и прочее, на какое-нибудь употребление, приказал я оружейному мастеру, по контракту при здешнем Арсенале служащему, осмотреть и рассортировать. На что поданным ко мне рапортом доносит, что от сожженных пирамид совершенно оружие перегорело и при падении из пирамид в огонь весьма покривилось, так что ни на какое употребление не годится. Приказал я ему под смотрением подпоручика Оконнишникова собрать медные вещи, оставшиеся от перегоревшего оружия, и годные отложить особенно, а от огня перетопившееся особенно.

Через посредство здешнего Коменданта Господина Генерал-лейтенанта и Кавалера Гессе[38], испросил я 50 лошадей полицейских и 100 человек рабочих и теперь начата из Арсенала и Кремля перевозка. Патроны и боевые неприятельские заряды назначил я перевозить в пороховые погреба, в коих и складывать на нары. Прочее же, как-то, орудия, зарядные фуры, ящики, патронные лотки и прочее будут перевезены на Полевой двор.

Рабочие начали отрывать заваленные от взрыва орудия, кои лежали в Арсенале на лагере; по исполнении ж на меня возложенного поручения, я не премину Департаменту представить обо всем подробную ведомость. О исправлении пороховых погребов я не замедлю представить смету. В оставшейся от взрыва части Арсенала верхние своды большей частью от потрясения разрушились и без крайней опасности в верхний этаж входить невозможно, да и крыши нет. Поданный от оружейного мастера рапорт при сем в оригинале представляю.

Генерал-майор Пичугин (*автограф*)

№ 484
Декабря 16-го Дня 1812 года
Москва

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 163—163 об.)

27. Повеление Военного министра Артиллерийскому Департаменту ускорить работу по отысканию артиллерийского имущества. 5 февраля 1813 г.

№ 12. Февраля 5.
Министерство Военное. Общая канцелярия. Отделение II. 5 Февраля 1813. № 725.

Артиллерийскому Департаменту.

Не имея доселе от оного Департамента верного и подробного сведения, сколько каких именно вещей и припасов ведомства Артиллерийского до занятия неприятелем Москвы находилось там, сколько и куда именно вывезено, сколько осталось и сколько истреблено, и на какую сумму составляет сия потеря, подтверждаю Артиллерийскому Департаменту о самоскорейшем доставлении ко мне такового сведения для представления Государю Императору. При чем обязываюсь поставить на вид Артиллерийского Департамента, что по сему предмету получил я вторичное Его Императорского Величества повеление; и, следовательно, малейшее в сем случае промедление останется на непосредственно отчете оного Департамента.

Управляющий Военным Министерством
Князь Горчаков 1-й (*автограф*)
Директор (*подпись нрзб.*)

Донесено Ему, Господину Управляющему Министерством № 1 584.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 181—181 об.)

28. Донесение Артиллерийского департамента Военному министру о доставлении трех ведомостей. 10 февраля 1813 г.

№ 116.
10 Февраля. № 1 584.

Ваше Сиятельство повелениями № 649 и 850 изволили предписать, чтобы для всеподданнейшего донесения Его Императорскому Величеству собрано и представлено было Вашему Сиятельству обстоятельное сведение о всем бывшем в Москве артиллерийском имуществе,

сколько оного при приближении неприятеля к столице сей состояло, что именно истреблено и оставлено там при вступлении уже неприятеля, какую сие сумму составляет и затем сколько из всего вывезенного прибыло по своему назначению, сколько не прибыло и где находится.

Вследствие сего донесено Вашему Сиятельству Господином. Инспектором всей артиллерии от 23 октября № 9 163, о причинах, по коим невозможно было вывезти из Москвы знатной части Артиллерийского имущества, и кои были виною того, что отправленные на барках порох и свинец затоплены в Москве-реке. Так же что вывезено из Москвы только части артиллерии запасных погребов и доставленное из Киева, но не принятое еще в Московский Арсенал оружие в Нижний Нов Город. Да из отправленных отсюда в Москву 3 325-ти ижевских ружей 525 ружей в город Рязань, а из всего прочего, что можно было и время позволяло, то истреблено или затоплено. Остальные ж артиллерия, оружие, припасы, материалы и разные вещи оставлены в Москве, притом оставлено еще в тамошнем Арсенале денег медною монетою 1 000 ру.

Ныне Артиллерийский Департамент, согласно тем предписаниям Вашего Сиятельства, в дополнение оного Донесения Господина Инспектора всей артиллерии, имеет честь представить при сем Вашему Сиятельству составленные из подробных сведений, истребованных на тот единственный конец, 3 ведомости.

1-ю — о состоявших в Москве по 1-е Сентября прошлого 1812 года при Арсенале артиллерии, ее принадлежности, оружия, военных регалиях, трофеях, инструментах, материалах, припасах и других разного рода вещах, снарядах и запасах, бывших при Арсенале и в составе Московского запасного парка, с показанием, сколько чего именно истреблено, затоплено и оставлено в Москве, при выступлении оттуда войск наших, затем вывезено из оной куда, в какую сумму полагать истребленное, затопленное и оставленное в Москве имущество по ценам настоящим, штатным и примерно назначаемым, кроме, однако, таких званий, каким цен определить нельзя, как- то образов, церковной утвари, военных регалий, трофеев, математических книг, негодных, равно и неупотребительных ныне вещей.

2-ю — о оставленном в Москве оружии, сверх того, которое показано в 1-й ведомости. В сем оружии заключается и из доставленных из Петербурга ижевских 3 325 ружей. По отвезении из них в Рязань 525, остальные 2 600 ружей, прочее свезено из разных рекрутских Депо и других мест, но в Арсенал сей оно принято не было и осталось укупоренным в ящиках.

А 3-ю — о найденных по сие время Господином Генерал-майором Пичугиным в Москве Артиллерии из числа оставленной и большом Колоколе.

Потерь выше двум ведомостям исчислено суммы за истребленное, затопленное и оставленное в Москве имущество 2 638 002 руб. 20¾ копеек, в том числе потопленных с барок пороха, свинца, а с оставленною медною монетою деньгами 1 000 рублей составит всего 2 639 002 рубля 20¾ копеек. Но из оной суммы должно исключить по 31 ведомости означенное затопленное имущество 205 245 рублей, затем остается в оной 2 433 757 рублей 20¾ копеек.

Причем Департамент доносит Вашему Сиятельству, что вывезенное из Москвы оружие, несколько спасенных парков и других вещей в назначенные места: Нижний Новгород и Рязань, тогда же доставлены. Медленность в представлении сведений от затруднений, с коими сопряжено было собрание оных и приведение в известность цен. Господин Генерал-майор Пичугин уведомляет, что под развалинами Арсенальных стен несколько видно наши большие орудия и Мортира, однако счесть их не можно, также найдено им в уцелевшей части Арсенала не малое количество ружейных стволов, штыков и замков, но перегоревших и к употреблению уже не годных.

Сколько же чего впредь будет отыскано в Москве, Департамент непременно особо Вашему Сиятельству донесет.

Верно: Секретарь Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 182—184)

29. Реестр оставленного оружия из разных мест, не принятого в Арсенал 1 сентября 1812 г. Нач. 1813 г.

Сколько осталось в Московском Арсенале оружия, не принятого от приемщиков, доставлявших оное из разных мест.

Название	Число
Из Орловского рекрутского Депо	
ружей разного калибра	3 500
Калужского	692
Дорогобужского	786
Бельского	1 161
тесаков	83
Киевского Арсенала ружей разного калибра	14 656
сабель	22 520
Смоленской Комиссии ружей	317
Села Губинского	77
тесаков	77
Ижевского Завода ружей	2 800
алебард	44
отверток	3 325
прижимов	84
винтовальных досок	42
форм для литья пуль	21

Все сие оружие осталось в Москве не вывезенным, укупоренное в ящиках, — как доносит о том Господин Полковник Курдюмов.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 228—228 об.)

30. Общие данные о не принятом и оставленном в Москве огнестрельном и белом оружии, с указанием цены. Нач. 1813 г.

Наименование	Число	Цена 1 единицы (р.–к.)	Общая цена (р.–к.)
Всего ружей Нового Образца	2 800	15–90	44 220
Разного сорта	21 189	10–95 1/16	232 032–83¾
Тесаков	160	2–49	384
Сабель	22 520	4–70 3/8	105 984–75
Алебард	44	1–39 ½	61–38
Прижимов	84	47 ½	39–90
Винтовальных досок	42	4–93 5/16	207–19
Форм для литья пуль	21	3–75 ½	18–85 ½

Верно: Павлов.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 228 об.)

31. Ведомость о российской артиллерии, найденной генерал-майором Пичугиным. Начало февраля 1813 г.

Ведомость об отысканной в Москве Российской Артиллерии.

Орудий медных		Рубли Полагая по 30 руб. за пуд
Старинных больших на станках	6	61 050
Дробовик на станке[39] (2400 пудов)	1	72 000
Единорогов 72-пудовых на лафетах без передков	2	1 800
Единорогов 8-фунтовых на лафетах без передков	3	2 415
Без лафетов	18	10 890
3-фунтовых на лафетах с передками	5	4 210
Пушек 12-фунтовых на лафете без передка	1	1 200
6-фунтовых на лафете без передка	1	705
без лафета	1	605
3-фунтовых без лафета	57	34 485
на лафетах с передком	3	1 815
1-фунтовых на лафетах	2	800
без лафета	1	250
Лафет запасных без передков	3	600
Зарядных ящиков (в том числе без колес 4)	80	8 000
Большой Колокол	1	69 810
ИТОГО		205 245

Секретарь Павлов.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 231)

32. Отношение Артиллерийского департамента Московскому Артиллерийскому депо о взыскании по службе. 6 марта 1813 г.

Министерство Военное. Департамент Артиллерийский. Канцелярия Виц-Директора. 6 Марта 1813. № 2 486. Ответ на № 3 772. № 16 954. О немедленном взыскании с Господ членов Депо прогонных и кормовых денег уже употребленных на посылку нарочного Кописта Максимова.

Московскому Артиллерийскому депо!

Приносимые оным Депо оправдания, в недоставлении, по первому повелению, обстоятельного сведения, требованного по Высочайшему Соизволению, о бывшем в Москве до вступления неприятеля в Столицу сию, Артиллерийском имуществе, принять невозможно. По тем резонам, которые само депо удобно представит себе, по беспристрастном рассмотрении упущенных им обязанностей своих, не присылкою прежде помянутого сведения, чем потребовалось и доставлением потом несоответственного предписанию в ведомостях частных, принудив чем Департамент самого заняться составлением из них общей ведомости, который большие имел в том затруднения и немалую потерю времени в представлении ее к Господину Управляющему Военным Министерством.

От недовольной исправности частных ведомостей, и оттого, что Департамент в необходимости нашелся назначать цены всем и тем вещам, коим непременно должно бы показать самому Депо, по ближайшей известности его об оных, и что на сие времени для него весьма немного потребовалось бы. По сим причинам Департамент, подтверждая повеление свое № 9 181 предписывает Московскому Артиллерийскому депо, издержанное Копиистом Максимовым, посланном нарочно при оном повелении за всем сказанным сведением на счет депо, в оба пути прогоны с кормовыми деньгами двести один рубль девяносто копеек, немедленно взыскать с Господ членов депо, на коих взыскание сие упадать должно, и записать те деньги по-прежнему в приход общей Артиллерийской суммы, Департаменту донести, но при том Департамент дает знать депо, что в числе оных денег издержано против положения излишних 4 рубля 81 копейку, от следования Максимова через учрежденные же в прошлом году между Тихвином и Ладогою новых станций, которые потому и приняты действительным расходом.

Поелику же по ведомостям, присланным при рапорте депо № 3637, означенных парках, в одной, подписанной состоящим в должности унтер-цейхвартера фейервер-

кером 1-го класса Усачевым, показано, в отправлении из его ведения с унтер-цейхвартером Колесовым циновок новых 68 и по нужде годных 182, а в другой, подписанной оным Колесовым, в приеме сих циновок от него, Усачева, не значатся, то Департамент поставляет депо в обязанность разыскать, куда же те циновки девались, и в случае утраты их, взыскав за них следующие в Казну деньги с виновного в том, донести о последующем по сему Департаменту.

Верно: Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 133—134)

33. Рапорт генерал-майора Пичугина в Артиллерийский департамент о поисках свинца. 10 марта 1813 г.

№ 5 242. Марта 10.

В Артиллерийский Департамент
Военного Министерства
Артиллерии Генерал-майора Пичугина.
Рапорт!

На предписание сего Департамента за № 2 358-м имею честь донести, что насчет расхищенного с потопленных барок свинца по сию пору никаких следов не отыскивается. От Его Сиятельства Господина Главнокомандующего в Москве Генерала от Инфантерии всем исправникам секретно предписано, и особенно были посланы два известные Полицейские Чиновники Яковлев и Чистяков.

Его Сиятельство изволил из Москвы отъехать для обозрения городов Московской Губернии, а по возвращении в Москву я не премину о предписании оного Департамента ему еще доложить.

Генерал-майор Пичугин (*подпись автограф*)
№ 233-й
Марта 10-го Дня
1813 Года
Москва

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 256)

34. Выписка из Отношения Ф. В. Ростопчина А. И. Горчакову о халатности полковника Курдюмова. 17 марта 1813 г.

№ 361.

Выписка из Отношения Главнокомандующего в Москве к Управляющему Военным Министерством от 17-го Марта 1813-го за № 361-м.

С приближением неприятеля к Москве я, взяв предосторожность, приказал находившемуся при Московском Арсенале Полковнику Курдюмову привозимую сюда из разных мест Артиллерию и белое оружие отправлять далее, и на заплату подводчикам выдал ему из сумм, состоящих в моем распоряжении 6 000 рублей, а потом еще 1 000 рублей.

Напоследок, когда после Бородинского сражения Армия отступила ближе к Москве, тогда ему же, Курдюмову, приказано от меня все артиллерийское имущество уложить на обывательских подводах, которых достаточное число по требованию его получил он, — иметь в готовности к отправлению в дальнейшие Города, а чего нельзя было уложить на подводах, то погрузить на барки, кроме пороха, из коего беспрерывно по требованиям Его Светлости[40], делаемы и отправляемы были в Армию артиллерийские заряды и патроны. К тому же 1-го Сентября, в бытность мою в Главной квартире, я удостоверен был Его Светлостию, что под Москвою он непременно даст баталию, а потому не мог я решиться на заблаговременное отправление из Москвы всего без остатку Артиллерийского имущества, а особливо пороха, в котором ежеминутно настояла надобность. Однако же, как оного, так и свинца не малозначащее количество погружено было на барки. Но почему оные будто бы за мелководьем Москвы-реки не могли следовать в предназначенный им путь: за сие равно и за прочее артиллерийское имущество оставленное в Москве ответствовать должен один только Полковник Курдюмов; ибо он (как я замечаю) не хотел распорядиться так, как от меня ему приказано было, непомерным грузом барок, воспрепятствовал им в ходу, а прочее Артиллерийское имущество даже и не укладывал на обывательские подводы, в которых никогда ему отказываемо не было. Но он, закрывая свою беспечность в исполнении моих приказаний, во всех отчетах своих показывает, что оное имущество, так же не малозначащее количество зарядов, патронов и пороху оставлено за неимением подвод в Арсенале.

Верно: Надворный Советник

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 293—294)

35. Копия Указа Александра I Военному министру об имуществе Московского Арсенала. 18 марта 1813 г.

Копия.

Управляющему Военным Министерством,
Господину Генерал-лейтенанту Князю Горчакову.

Рассмотрев доставленные Вами Ведомости о потерях Артиллерийского и Комиссариатского Департаментов в Москве от нашествия неприятеля, и замечая множество вещей и материалов, не истребленных, а затопленных только в воде, Повелеваю Вам по сношению с Главнокомандующим Московским употребить старание, дабы с наступлением весны достать из воды затопленные вещи, и какой в том успех будет, донести Мне в свое время.

Не мог оставить Я без замечания при рассмотрении означенных ведомостей, невероятной беззаботливости Артиллерийского Начальства к сохранению, или даже к истреблению трофеев, бывших в Арсенале, на что не надобно было ни чрезвычайных мер, ни большого времени. Замечание сие поставьте на вид Артиллерийскому Департаменту, ходатайствующему о награждении чиновников, в его ведении служащих.

На подлинном написано собственной
Его Императорского Величества рукой:
Александр
С подлинным верно.
Директор Татищев (*автограф*)

Г. Калиш
18 Марта 1813 Года

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 282—282 об.)

36. Повеление Военного министра Артиллерийскому Департаменту о подъеме из Москвы-реки затопленного имущества. 30 марта 1813 г.

№ 23. 31 Марта 1813.

Министерство Военное. Общая канцелярия. Отделение II. 30 Марта 1813. № 237. О вынутии из воды затопленных вещей Артиллерийского ведомства.

Артиллерийскому Департаменту

Государь Император, рассмотрев представленные мною ведомости Артиллерийского Департамента о вещах Артиллерийских, брошенных в Москве и истребленных при нашествии неприятеля, Высочайше повелеть изволил: взять меры, дабы затопленный свинец, порох, сера и селитра, с открытием весны были из воды выручены.

Объявляя сие Высочайшее Повеление Артиллерийскому Департаменту к неукоснительному исполнению, буду ожидать уведомления оного Департамента, как о мерах, какие к сему приняты им будут, так и о том, сколько чего спасено будет, и сколько чего откроется из тех вещей, кои теперь почитаются потерянными.

Управляющий Военным Министерством
Князь Горчаков 1-й (*подпись — автограф*)
Директор (*подпись нрзб*)

3-го Апреля донесено Управляющему Министерством № 3 390 и дано повеление Московскому Депо № 3 591.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 257—257 об.)

37. Распоряжение Артиллерийского департамента Московскому Артиллерийскому депо о приеме дел от генерал-майора Пичугина. 3 апреля 1813 г.

3-го Апреля. № 3591.

Московскому Артиллерийскому Депо!

С полученного от Господина Управляющего Военным Министерством повеления от 30 Марта № 237 о Высочайшем Его Императорского Величества соизволения на то, чтобы взяты были меры, дабы затопленные при нашествии неприятеля в Москве свинец, порох, сера селитра, с открытием весны были из воды выручены, равно с отношения Господина Главнокомандующего в Москве № 741, о встреченном затруднении в отыскании не найденного уже в воде свинца и с учиненного от Господина Управляющего Министерством к нему, Господину Главнокомандующему, отзыва № 3 481 чтобы в исполнение означенного Высочайшего соизволения не оставил всемерное употребить содействие к отысканию свинца, Департамент Артиллерийский, препровождая при сем копии, предписывает Московскому Артиллерийскому Депо!

По случаю назначения Господина Генерала Пичугина к отбытию из Москвы в Калугу, принять оному [Депо] на свое попечение отыскание в Москве всего того, что им, Генерал-майором, из оставленного там пред вступлением неприятеля Артиллерийского имущества еще не найдено. Для чего истребовать от него все по сему делу нужные сведения об отысканной части имущества и о следах, какие он имеет в виду к отысканию остального, употреблять всевозможное ходатайство у Господина Главнокомандующего в Москве об отыскании свинца и при самом получении сего распорядиться на вынутие из воды пороха, серы и селитры в тех местах, где оные затоплены были, а какие меры приняты к тому будут немедленно донести.

По вынутии же из воды бочек с порохом, серою и селитрою особенно донести, сколько чего спасено будет, а по немедленном окончании отыскания остального имущества, разумея, в том числе и свинец, представить ведомость, показав, сколько чего оставлено было, в то число отыскано и не найдено. Но ежели отыскание свинца в скорости кончено быть не может, то сим в доставлении ведомости о прочем имуществе не удерживаться и, прислав оную сколь можно скорее, означить против свинца, что по предмету отыскания его происходит, да и между тем не оставлять каждую неделю доносить об успехе в том.

Верно — Секретарь Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 259—260)

38. Отношение Военного министра в Артиллерийский Департамент по поводу недовольства Александра I ходом работ в Москве. 5 апреля 1813 г.

№ 26. Апреля 5/813.

Печатный штемпель: *Министерство Военное. Общая канцелярия. Отделение II. 5 Апреля 1813. № 296.*

Артиллерийскому Департаменту.

Получив включаемый у сего в списке Именной Высочайший Его Императорского Величества Указ, последовавший в 18-й день минувшего Марта, о потерях Артиллерийского Департамента в Москве от нашествия неприятеля, и сообщив Господину Главнокомандующему в Москве на счет отыскания затопленных в воде вещей, рекомендую оному Департаменту употребить к сему со своей стороны все меры, и какой в том успех будет, донести мне для доклада Государю Императору.

Причем, исполняя Монаршую волю, обязываюсь поставить на вид Артиллерийскому Департаменту замечание Его Величества, изображенное в упоминаемом Высочайшем Указе, о беззаботливости Артиллерийского начальства к сохранению или даже к истреблению трофеев бывших в Московском Арсенале, на что не надобно было ни чрезвычайных мер, ни большого времени.

Управляющий Военным Министерством
Князь Горчаков 1-й
Директор Татищев (*подписи — автографы*)

5 Апреля даны повеления Господину Генералу-майору Пичугину № 3 693 и Казначею Бровцыну № 3 713. Донесено Главному Инспектору Всей Артиллерии Апреля 10-го № 3 899.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 281—281 об.)

39. Предписание Артиллерийского департамента генерал-майору Пичугину о знаменах и о работе до отъезда из Москвы. 5 апреля 1813 г.

5-го Апреля 1813-го. № 3 693.

Артиллерии Господину
Генерал-майору Пичугину.

Департамент Артиллерийский, видя из последнего полученных от Вас донесений, что Вы в Калугу еще не отправились, но находитесь в Москве, с препровождением у сего выписки из ведомостей представленных от Московского Артиллерийского Депо об оставленных в Москве пред отступлением неприятеля знаменах и других вещах составляющих военные регалии и трофеи, предписывает Вашему Превосходительству через нарочного, немедленно прислать с тем же нарочным, по возвращении его из Тулы донесение Ваше, отысканы ли оные, равно и все прочие вещи, к знаменам принадлежащие, также о литаврах с прибором их, долженствующие быть показанными в доставленных к Вам от помянутого Депо ведомостях. И в таком случае, ежели их вовсе не отыскано, объяснить, не известно ли, куда они утратились, то есть истреблены или же увезены неприятелем с собою. Равномерно употребить все меры старания к отысканию в Москве остального имущества и вынутию из Москвы-реки потопленных в оной пороха, селитры и серы, на основании посланного в Московское Депо от 3-го сего Апреля о том повеления № 3 591 — исполнение которого в сем разе, когда Ваше пребывание еще в Москве, должно зависеть от Вас.

Верно: Секретарь Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 283—283 об.)

40. Рапорт генерал-майора Пичугина в Артиллерийский департамент о знаменах, порохе и свинце. 12 апреля 1813 г.

№ 7 948. Апреля.

В Артиллерийский Департамент Военного
Министерства Артиллерии Генерал-майора Пичугина.
Рапорт!

На предписание оного Департамента за № 3 693 имею честь донести, что мною ничего в Арсенале из знамен и прочего, что в выписке обозначено, не отыскано. Да чтобы неприятель оные увез, утвердительно заключить не можно, потому что сии вещи оставались в той части Арсенала, которая взорвана, и когда снег ныне сошел, то в развалинах отыскиваются в большом количестве лоскутья знамен, но какие они, различить невозможно. Селитра и сера хранились на Пороховом дворе в двух погребах, и неприятелем сожжены, о чем я Департаменту уже имел честь доносить. Порох из погребов, сколько оного оставалось, весь был пред вступлением неприятеля выкачен к Москве-реке, бочки разбиты и порох высыпан в воду, таковым же образом поступлено и с отправленным на барках.

О свинце кто его расхитил и по сию пору никаких следов не открыто.

Генерал-майор Пичугин (*автограф*)

№ 385
Апреля 12-го дня
1813 года
Москва

12 Мая доложено Управляющему Военным Министерством № 4 987.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 301—301 об.)

41. Поручение Артиллерийского департамента генерал-майору Ильину[41] расследовать дело об оставлении имущества Московского Арсенала. 22 апреля 1813 г.

7 507. Апреля 22. № 4 183.

Артиллерии Господину Генерал-майору Ильину.

С доставленной от Господина Управляющего Военным Министерством выписки из Отношения к нему Господина Главнокомандующего в Москве № 361 О беспечности Полковника Курдюмова в исполнении приказаний, деланных ему на счет сохранения из Москвы Артиллерийского Имущества и неупотребления к тому показанных от него Господина Главнокомандующего способов отпуском денег и подвод, Департамент Артиллерийский, влагая и сего копию, поручает в особенности Вашему Превосходительству войти в соображение того отзыва Господина Главнокомандующего в Москве с показаниями Полковника Курдюмова, какие он делал Московскому Артиллерийскому Депо о причинах не вывоза из Москвы большой части имущества и затопления того, которое отправлено было на барках, равно и произвести следствие между бывшими у него, Господина Курдюмова, чиновниками, цейхдинерами, цейхшрейберами и другими нижними чинами, находившимися при Арсенале у приготовления Имущества к отправлению, о всех по случаю действиях Полковника Курдюмова; так же, что именно на барках погружено было, с какою деятельностью происходило сие, когда они в ход пущены, и что точно было причиною затопления их; равномерно, сколько подвод дано было от Господина Главнокомандующего и на что они употреблены, или же остались без употребления и почему, взяв от Чиновников письменные объяснения, а с нижних чинов и служителей допросы. По учинении же на сем основании соображения и исследования о всем том, что окажется, донести Департаменту с Заключением Вашим и представить ответы на допросы и прочие бумаги, кои Вами по обстоятельству сему собраны будут оригиналом.

Верно: Секретарь Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 295—295 об.)

42. Рапорт Московского Артиллерийского депо Артиллерийскому Департаменту о мерах по разысканию артиллерийского имущества. 28 апреля 1813 г.

№ 8 844. Майя 8.

Министерство Военное. Канцелярия Вице-Директора. Апреля 28 Дня. № 1 132. Ответ на повеление от 3 Апреля № 3 591.

В Артиллерийский Департамент
Военно-сухопутного Министерства
Московского Артиллерийского Депо
Рапорт!

Во исполнение повеления оного Департамента от 3 апреля за № 3 591 и по отношению Господина Тайного Советника Сенатора Московского Гражданского Губернатора и Кавалера Обрескова от 21 Апреля за № 2 171 в сем Депо определено; как присутствующие Депо с самого получения повеления из Артиллерийского Департамента занимались поверхностным обозрением всех тех мест, где прежде хранилось в Москве Артиллерийское имущество, и затоплен в Москве-реке, близ пороховых погребов порох и свинец, и в Красном пруде, со стороны Полевого Двора, разные артиллерийские снаряды, но кроме собранного в бытность в Москве артиллерии Господина Генерала-майора Пичугина имущества, означенного в ведомостях унтер-цейхвартера Матвеева, к описанию прочего, оставшегося не сгоревшим, не расхищенным и в воде находящегося, затрудняют теперь обстоятельства следующие. В Кремлевском Арсенале, в той части, которая взорвана, нет способа собрать того имущества и в известность привести, которое под развалинами и между камней и кирпичей находится прежде разобрания оных. В Москве-реке вода высокая гораздо выше, чем была тогда, когда свинец и порох затоплен, равно и в Красном пруде, а потому и рассуждено на первой раз учинить следующее.

1-е, согласно отношению Московского Гражданского Губернатора отрядить ныне же Господину Полковнику Дурасову в здешний Земский суд всех тех Чиновников, коими затоплен свинец, порох и прочие вещи, как за Москвою, так и в Москве, для показания настоящих мест и вынуть из воды, что в ней из затопленного отыскаться может, с таковым приказанием, чтоб они о времени, когда назначено будет общее содействие к отысканию оного, известить как его, Господина Полковника, так и Управляющего оным Депо Артиллерии Генерал-майора Кнобеля, дабы и они при сем случае вместе или попеременно могли находиться. О чем Господин Гражданский Губернатор уведомлен отношением с прошением, чтобы он соблаговолил приказать Красной пруд — на время выручки затопленного во оном казенного имущества — предварительно спустить до такой возможности, чтобы во оном можно было с лучшею удобностью все затопленное сыскать. А так же приказал бы кому следует все меры употребить к разведыванию и отысканию свинца и других казенных артиллерийских вещей /там/, где оных, в особенности свинца, а у партикулярных / лиц/ в близких селениях к тому месту, где тот свинец затоплен был.

2-е, к Господину Московскому Коменданту и Кавалеру Гессе сообщено с прошением, чтобы благоволил для разборки в Арсенале подорванной части камней и кирпичей и складки их в клетки отряжать по требова-

нию Господина Полковника Дурасова ежедневно по сто человек. Господину Полковнику Дурасову отряжать со своей стороны для набратия, что между камней и кирпичей из имущества казенного находиться будет, при одном обер-офицере по несколько фейерверкеров и доброго поведения рядовых, дабы все отысканное убираемо было в ту часть Арсенала, которая не подорвана, коим и за рабочими учинить надзор, чтобы ничего ими расхищено не было. И сколько чего в каждую неделю, как в Арсенале собрано, так и из воды выручено, будет записывать в приход, и для донесения Артиллерийскому Департаменту рапортовать в Депо.

3-е, Господину Полковнику Дурасову указом велено подать в депо Генеральную Ведомость обо всем оставленном в Москве пред нашествием в оную неприятеля Артиллерийском Имуществе с показанием в ней, сколько чего в то число отыскано и не найдено, с объяснением против каждого не отысканного звания, почему оно не могло быть найдено. Ежели же отыскание свинца и разборка в Кремле камней и кирпича вскорости кончено быть не может, то сим в подаче ведомости не удерживаться, а подать оную сколь можно скорее, для представления в Артиллерийский Департамент, означив против свинца, что по предмету отыскания его происходит, а в тех званиях, кои находились в Арсенале, а именно, в той самой части, которая подорвана. Что до окончания разборки все ли отыщется, еще не известно. В Департамент оный продолжать подачу семидневных рапортов и ведомостей обо всем отысканном под развалинами и о выученном из воды.

4-е. Сверх того, к Господину Генерал-майору Пичугину с приложением повеления Артиллерийского Департамента копии сообщать, с прошением уведомлять, не имел ли он в виду каковых других сходных, сверх предполагаемых о том Депо к отысканию Казенного имущества.

И, наконец, 5-е, за сим, в чем надобность настанет будет к отысканию имущества, то ходатайствовать у Господина Главнокомандующего в Москве к принятию скорейших мер Управляющему оным Депо Генерал-майору Кнобелю, который на себя приемлет. О чем Артиллерийскому Департаменту Московское Артиллерийское Депо с поданных от унтер-цейхвартера Матвеева ведомостью, и с отношением Господина Московского Гражданского Губернатора и Кавалера Обрескова, и с Артиллерии Господина Генерал-майора Пичугина копии, доносит.

Генерал-майор Кнобель
Секретарь Сорокин
Канцелярист (*подпись нрзб.*)

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 263—265)

43. Рапорт Московского Артиллерийского депо в Артиллерийский департамент о найденном в Арсенале имуществе. 10 мая 1813.

№9 953. Майя 25.

Министерство Военное. По Канцелярии Вице-Директора. Мая 10-го дня 1813 года. № 1 309. О найденных унтер-цейхвартером Белокопытовым внутри Арсенала и около оного бомбах, гранатах и других вещах.

В Артиллерийский Департамент
Военно-сухопутного Министерства.
Московского Артиллерийского депо
Рапорт.

Унтер-цейхвартер Белокопытов с засвидетельствования Господина Полковника Дурасова сему Депо рапортом доносит, что в Московском Арсенале по 7-е Майя открыто из мусору рабочими людьми внутри оного бомб 5-пудовых прежнего калибра в пирамидах прежде почитающимися по ведомости годными 1 925, гранат ½-пудовых с большими рябинами и с раковинами негодных 109, труба пожарная, доставленная из Смоленска, найденная в Кремле у Спаса на Бору между казенными дровами, с медным коробом и медными станками без рукава и колес, в починку годна 1; ящиков зарядных, вырытых из мусора внутри Двора, изломанных и исколотых в куски, вовсе не годных 14, к ним колес годных 5, в починку годных 10, вовсе не годных 7; да около Арсенала собрано между мусора бомб не годных 5 пудов — 1 225, и сложены по-прежнему пирамиды около Арсенала. Рабочих же посылается каждодневно с 3 Майя ратников по 60 человек. О чем Артиллерийскому Департаменту оное Депо доносит.

Генерал-майор Кнобель (*автограф*)
К Делу. Секретарь. Канцелярист (*подписи нрзб.*)

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 314)

44. Донесение Артиллерийского департамента Военному министру о поисках оставленных в Москве знаменах и прочего. 12 мая 1813 г.

7 948.

Министерство Военное. Департамент Артиллерийский. Канцелярия вице-Директора 12 Мая 1813. № 4 987.

По повелению Вашего Сиятельства № 237-й и 296, из коих первым, на основании Высочайшего Соизволения, изволили предложить Артиллерийскому Департаменту о принятии мер, к выручению из Москвы-реки свинца, пороха, селитры и серы, а другим постановлено на вид Высочайшее Его Императорского Величества замечание на счет не собрания бывших в Московском Арсенале

трофеев. Оный Департамент предписал находящемуся в Москве Артиллерии Господину Генерал-майору Пичугину, чтобы употребил особеннейшее старание, к отысканию трофеев, свинца и прочего, или удостоверился о том, что точно последовало с трофеями.

Ныне он, Господин Генерал-майор Пичугин, доносит, что знамен и других вещей к трофеем принадлежащих, хотя не отыскано, но нельзя утвердительно заключить, чтобы неприятель ими воспользовался, потому, что они содержались в той части Арсенала, которая неприятелем взорвана. И по растаянию снега, между развалинами оной, отыскиваются в большом количестве лоскуты знамен, не имеющих никакого признака к различению.

Свинец известно из Москвы-реки уже вынут, но кем, сего еще не открыто; порох с барок и остававшийся в Москве не затоплен, а высыпан в воду из бочек, кои при том разбивались, Селитра же и сера совсем затопляемы не были, но оставались в пороховых погребах, неприятелем сожженных.

О сем Артиллерийский Департамент представляя Вашему Сиятельству имеет честь присовокупить к тому мнение свое, что когда в развалинах подорванной части Арсенала находятся лоскутья знамен, то иначе мыслить нельзя, как что лоскутья сии от тех самых знамен, кои там хранились и оставлены были в оной части Арсенала; (*далее зачеркнуто*: ибо тому быть совсем невозможно, чтобы неприятель истребил свои собственные знамена). А ежели неприятелю, при поспешной ретираде из Москвы, доказывающейся оставлением там собственной своей Артиллерии, не удалось воспользоваться знаменами, то весьма вероятно, (*зачеркнуто*: казаться должно) что он не воспользовался также и другими бывшими в Арсенале трофеями; но, конечно же, все истребил, вместе с подорванным хранилищем их, не имев ни времени, ни способов к увезению не только оных, но и своей Артиллерии, которую при иных обстоятельствах, без сомнения, предпочел бы нашим трофеям.

Вице-Директор
Верно: Секретарь Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 302—303 об.)

45. Рапорт унтер-цейхвартера Белокопытова в Московское Артиллерийского депо о найденном в Арсенале с 7 по 14 мая. 14 мая 1813 г.

Копия. № 1 309. Получен 14 Майя.

В Московское Артиллерийского депо
унтер-цейхвартера Белокопытова
Рапорт!

В Московском Арсенале с 7-го по 14-е число сего майя производима была работа, и отрыто из мусору в развалинах Мортира годная медная, весом 26 пудов 10 ¼ фунтов на станке годном, окованном и окрашенном одна, и найдено внутри двора станков неприятельских сосновых 8-фунтовых Единорожных и 3-фунтовых Пушечных, неокрашенных, с железными болтами на 4-х дощатых окованных колесах, 4, которые и сданы мною в ведомство унтер-цейхвартера Матвеева. А сверх того был производим мною прием от него, Матвеева, сгоревшего и негодного оружия, найденного в Арсенале, а именно — тесаков 3 080, замков ружейных 13 200, тесаков клинков без эфесов 1700, стволов со штыками 2 500, без штыков 2 615, шомполов 60 и все оные оружейные вещи сего же майя 14-го числа записаны в приход, о чем Артиллерийскому Депо донести честь имею.

Подлинный подписал унтер-цейхвартер Белокопытов.
Засвидетельствовал Полковник Дурасов
Слушан 14 Майя
С подлинным верно: Секретарь (*подпись нрзб.*)
№ 82
Майя 14 дня
1813 года

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 316)

46. Рапорт штабс-капитана Волынкина 2-го в Московское Артиллерийское депо о поднятом из Красного пруда оружии. 15 мая 1813 г.

В Московское Артиллерийское Депо
Командира 2-й Лабораторной
роты Штабс-капитана
Волынкина 2-го
Рапорт!

Во исполнение полученного мною сего Майя 14 числа за № 1 349 из оного Депо указа, сколько мая с 7 по 15 число вытаскано из Красного пруда вверенной мне роты казенными лаборатористами, каких снарядов, об оном на обороте сего ведомость при сем в Московское Артиллерийское Депо представить честь имею.

Подлинный подписал Артиллерии Штабс-капитан Волынкин.

С подлинным — Секретарь
№ 272
Майя 15-е Дня
1813 Года

Ведомость сколько мая с 7 по 15 число вытаскано из Красного пруда казенными лаборатористами каких снарядов о том значится ниже сего. Мая 15 дня 1813 году.	
Картеч	Число вещей
Единорожных ½-пудовых ближней дистанции	81
дальней дистанции	52
10-фунтовых ближней дистанции	98
Пушечных 12-фунтовых	97
Гранат ½-фунтовых	30
Пушечных 12-фунтовых ядер	18
6-фунтовых ядер	73
Брандкугелей ½ пуда	2
10-фунтовых	7
Пушечных 12-фунтовых	16
Футляров жестяных	
Единорожных ½-пудовых	73
10-фунтовых	166
Пушечных 12-фунтовых	17
6-фунтовых	11

Подлинную подписал Артиллерии
Штабс-капитан Волынкин
Засвидетельствовал Полковник Дурасов
С подлинным — Секретарь
Читал Канцелярист (*подпись нрзб.*).

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 319)

47. Рапорт унтер-цейхвартера Матвеева полковнику Дурасову о найденном в Печатниках свинце из Арсенала. 20 мая 1813 г.

Господину Артиллерии Полковнику
и Кавалеру Дурасову.
унтер-цейхвартера 12-го класса Матвеева
Рапорт.

Сей час отставной артиллерии фейерверкер[42] 2-го класса Осип Новожинский объявил мне, что им близ Москвы за Симоновым монастырем в деревне Печатники[43] у крестьянина Василия Яковлева куплено свинца в 7 свинках примерного веса 21 пуд, который и доставлен им на одной подводе в Спасские Казармы. По усмотрению же моем оказался оной свинец действительно принадлежащим Артиллерийскому ведомству под литерами *А. Р.* Сверх того объявил он, что той деревни у старосты Андрея, а по отчеству не знает, 23 свинки, да и у прочих имеется таковой же свинец. Доставленный же в Спасские Казармы свинец накладывал в той деревне Таганской Части извозчик Егор Александров, билет имеет под № 1-м, квартирующий в Таганке на постоялом дворе у дворника Тимофея Федотова. О чем Вашему Высокоблагородию донести честь имею и покорнейше прошу, куда следует об оном довести до сведения начальства по открытию означенного свинца. Фейерверкер же Новожинский и извозчик и 7 свинок, коих со оными Вашему Высокоблагородию представить честь имею.

Подлинный подписал унтер-цейхвартер Матвеев.
Секретарь Сорокин.
С подлинного читал Канцелярист /Соматов?/
№ 215
Майя 20-го дня
1813-го года

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 341 об.)

48. Рапорт унтер-цейхвартера Матвеева в Московское Артиллерийского депо о найденном на Полевом Дворе свинце с 14 по 21 мая 1813 г.

Копия.

В Московское Артиллерийского депо
унтер-цейхвартера 12-го класса Матвеева
Рапорт!

В сходность полученного Артиллерии от Господина Полковника и Кавалера Дурасова сего месяца от 1-го числа за № 453 повеления с приложением с указа оного Депо копии за № 1 097-м сколько на Полевом дворе сего месяца с 14 по 21 число при свидетельстве Артиллерии Господина Полковника и Кавалера Дурасова найдено в песке свинца и свешено, сверх того в разных местах собираются брандкугели, ядра, гранаты, дробь, картечные поддоны, жестянки, и свозятся в одно место, где и калибруются. Ведомость у сего Артиллерийскому Депо представить честь имею. Означенный же свинец в приход сего месяца 14-го и 20 числа записан. Гранаты калибруются, по калибровании в приход записаны быть имеют. О чем сим донести честь имею.

Подлинный подписал унтер-цейхвартер Матвеев. Засвидетельствовал артиллерии полковник Дурасов.
С подлинным читал Секретарь
№ 214
Майя 21 Дня
1813 Года

Ведомость. Сколько на Полевом Дворе сего месяца с 14 по 21 число найдено свитков свинцовых изрублено и свешено. Майя 21 Дня 1813 года.			
	Пуды	Фунты	
На Полевом Дворе при копании в песке отыскано мелких свинцовых кусков, в коих весу		2648	Оной свинец сего месяца 14 и 17 числа записан в приход и в отдельной ведомости поданной в оное Депо показан.
Из оказавшегося в глубине большого свинцового слитка отрублено	232	15	
19 и 20 числа из оного большого слитка отрублено	56	5	Который записан в приход 20-го числа
Оставшийся же большой свинцовый слиток по частям рубится: Свинок свинцовых	7		Которые сего месяца 20 числа доставлены отставным фейерверкером 2 класса Новожинским в Спасские казармы. Изъявил мне оный, что им куплены в деревне Печатники, и по осмотру моему оказались они действительно принадлежащими Артиллерийскому ведомству под литерами *А. Р.*, они в приход записаны быть имеют.

Подлинную подпись унтер-цейхвартер Матвеев, засвидетельствовал Полковник Дурасов

Сорокин

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 329—329 об.)

49. Рапорт унтер-цейхвартера Белокопытова в Московское Артиллерийского депо о найденном в Арсенале с 14 по 21 мая 1813 г.

В Московское Артиллерийского депо
унтер-цейхвартера Белокопытова
Рапорт!

В Московском Арсенале с 14 по 21 число сего месяца производима была работа, при которой отрыто из мусору в развалинах палатка Турецкая с полами, местами изорвана, прогоревшая малыми местами одна: понтонный парус белой парусины 1. Собрано железа связанного ломаного, 50 листов, негодного — 75 пудов да мелочного разного негодного — 25 пудов, а сверх того принято от унтер-цейхвартера Матвеева сгоревшего и негодного оружия найденного в Арсенале, а именно, стволов со штыками 9 400, без штыков 2 250, одних штыков 3 700, сабель разных 1 800, что все и записано в приход сего числа. О чем Артиллерийскому Депо донести честь имею.

Подлинный подписал унтер-цейхвартер Белокопытов. Засвидетельствовал Полковник Дурасов.

Секретарь Сорокин.

С подлинным читал (*подпись нрзб.*).

№ 86
Майя 21 Дня
1813 Года

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 330)

50. Рапорт полковника Дурасова в Московское Артиллерийское депо о свинце и порохе, найденных в удельном Коломенском приказе. 24 мая 1813 г.

№ 594

В Московское Артиллерийского депо
Артиллерии Полковника Дурасова
Рапорт!

По предписанию моему от 22 числа сего месяца за № 570 по произведении следствия подмосковной деревни Печатниках, о проданном Казенном свинце, находившийся при оном следствии унтер-цейхвартер 12-го класса Матвеев сего числа за № 225 рапортом мне донес, что узнал он между прочих разговоров от дворянского Заседателя Господина Орлова равно и от Головы: таковой же свинец находится в Удельном Коломенском Приказе, близ Москвы находящемся, куда отправился он при дворянском Заседателе Орлове с Господином Депутатом и Головою[44]. Помянутый свинец при всех присутствующих осматривали, которого оказалось тридцать четыре свинки, и, по имеющимся на них клеймах, под Литерами *А. Р.* оказался принадлежащим к Артиллерийскому ведомству; равно и с пороха подмоченного, превратившегося в мякоть сырую в трех малых бочонках, о котором свинце и порохе от присутствующих оных объявлено было ему, что уже все оное описано Земским Исправником и отдан под присмотр оного Приказа Голове, о чем Артиллерийскому Депо донести честь имею. Об оном же и Господину Генерал-лейтенанту, коменданту и кавалеру Гессе сего ж числа за № 595 мною донесено.

Подлинный подписал Полковник Дурасов

Секретарь Сорокин

С подлинным читал Канцелярист (*подпись нрзб.*)
№ 594
Майя 24 дня
1813 года

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 353)

51. Рапорт Московского Артиллерийского депо в Артиллерийский департамент о поисках свинца в Москве-реке. 25 июля 1813 г.

№ 2 341. № 17 066. 7 Августа.
Министерство Военное. Канцелярия Вице-Директора. Июля 25-го дня 1813 года. № 2 341.О не отысканном в Москве-реке свинце.

В Артиллерийский Департамент
Военно-Сухопутного Министерства.
Московского Артиллерийского Депо
Рапорт!

Унтер-цейхвартер Матвеев с засвидетельством Полковника Дурасова и за рукою Квартального Надзирателя Мерешковского рапортом сему Депо доносит, что с отряженным с ним Таганской Части Квартальным Надзирателем Мерешковским в том месте, где им свинец и порох затоплен был. Ныне по убылой же Москве-реки воды отыскиваем был, при свидетельстве Господина Полковника Дурасова рабочими людьми железными шомполами, и рыто в разных местах железными лопатками, коего не сыскано. О чем Артиллерийскому Департаменту Депо доносит.

Генерал-майор Ильин
Секретарь Сорокин
Канцелярист (*подпись нрзб.*)

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 404)

52. Предписание Артиллерийского департамента Московскому Артиллерийскому депо о поисках затопленного артиллерийского имущества. 9 августа 1813 г.

№ 16 318
Августа 9 дня 1813 года. № 8 693.

Московскому Артиллерийскому Депо!

По представленным от оного Депо ведомостям о бывшем в Москве пред нашествием неприятеля Артиллерийском имуществе показано, что весь свинец, в свинках находящийся, вывезен на барках, затопленных в Москве-реке. А ныне оказываются в самой Москве слитки свинца, находимые в таких местах, ведению Артиллерийскому принадлежащих, где свинец должен был сохраняться. Из чего Департамент, усматривая противное показание тому следствию Депо, доказывающее, что находимые слитки оставались из свинца, который не был не увезен, ни затоплен, но оставался в Москве, предписывает Московскому Артиллерийскому Депо вникнуть в сие обстоятельство со всею подробностью и, разыскав, донести обстоятельно, сколько действительно свинца было отправлено на барках, затоплено и затем оставалось в Москве, весь ли уже он в слитках найден, или чего еще недостает, и кто виновен в несправедливом показании, якобы весь свинец был вывезен и затоплен.

Причем Департамент напоминает Московскому Артиллерийскому Депо прежнее повеление свое касательно отыскания в Москве оставленного затопленного в Москве- реке имущества, дабы оное озаботилось скорейшим /исполнением/ всего. Тем повелением требуем, приняв в уважение к сему, что от Департамента ожидает Господин Управляющий Военным Министерством для Всеподданнейшего Государю Императору представления.

Верно: Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 400—400 об.)

53. Рапорт генерал-майора Ильина в Артиллерийский департамент о доставленных Ф. В. Ростопчиным знамени и двух Георгиевских знаков. 23 сентября 1813 г.

№ 21 891. Октября 5/813.
Министерство Военное. Отделение IV. В I Стол. Октября 23-го дня 1813 года. № 3 472. Донесение о Знаменах.

В Артиллерийский Департамент
Военно-сухопутного Министерства.
Московского Артиллерийского депо
Рапорт.

Главнокомандующий в Москве Господин Генерал от Инфантерии и Кавалер Граф Ростопчин, при повелении препровождая доставленные к нему Главнокомандующему одно Старое Российское Знамя и два Георгиевских вышитые Знака, из Знамен же Российских вырезанные, предлагает оному Депо отдать их для хранения в Московский Арсенал, из коего они, без сомнения полагать можно, во время нашествия на Москву неприятеля и похищены. По сему для записки в приход по Арсеналу, препровождены при указе к унтер-цейхвартеру Белокопытову. О чем дано знать и Господину Полковнику Железникову. О сем Артиллерийскому Департаменту Депо доносит.

Генерал Ильин
Секретарь Сорокин
12-го Класса (*подпись нрзб.*)

30 Октября представлена Докладная записка Управляющему Военным Министерством № 10 589.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 406)

54. Рапорт унтер-цейхвартера Белокопытова в Московское Артиллерийского депо о невозможности атрибуции знамен. 29 сентября 1813 г.

№ 411. Подан Сентября 30-го. Копия.

В Московское Артиллерийского депо
унтер-цейхвартера Белокопытова
Рапорт!

В сходность Указа оного Депо от 23-го числа сего Месяца за № 3 471-м, присланные при оном из оного Депо, доставленные во оное от Главнокомандующего в Москве Господина Графа Ростопчина одно Старое Российское Знамя и два Георгиевские вышитые значка, из знамен же Российских вырезанные, в Московской Арсенал приняты и в приход записаны. Сверх же сего предписано учинить по книгам и ведомостям прежних годов Арсенала, не откроется ли что к каким знаменам принадлежат сии Гербы, а также и Знамя какого Полку. А как прошлого 1812 Года Сентября 2-го числа во время нашествия неприятеля в Москву, по самой экстренности выступления из Москвы, все письменные дела оставались в Арсенале, коих от подорвания оного отыскать никак не можно, почему и выправку учинить не по чему. О чем Артиллерийскому Депо сим донести честь имею.

Подлинный подписал унтер-цейхвартер Белокопытов. Засвидетельствовал Полковник Железников. Секретарь Сорокин.

С подлинным поверял 12-го Класса /Фролов/

№ 411.
Сентября 29 Дня
1813-го Года

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 413)

55. Отпуск донесения Артиллерийского департамента Военному министру о знаменах из Московского Арсенала. 9 октября 1813 г.

150. 21 831.
9 Октября 1813 Года. № 10 589.

Московское Артиллерийское Депо рапортом от 23 минувшего сентября, ныне полученным, доносит Артиллерийскому Департаменту, что Главнокомандующий в Москве доставил к нему для хранения в Арсенале одно старое российское знамя и два Георгиевские вышитые знака, из знамен же российских вырезанные, о коих при том заключает Депо, что они, без сомнения, должны быть из числа оставленных в тамошнем Арсенале пред вторжением в Москву неприятеля знамен. Сим вновь подтверждается Донесение Господина Генерал-майора Пичугина изъясненное в Докладной записке от сего Департамента, представленной Вашему Сиятельству 12 майя № 4987, что и находившаяся между оными турецкая палатка отрыта у Арсенала в мусоре, местами изорванная и погорелая. О чем Вашему Сиятельству Департамент Артиллерийский долгом себе поставляет донести.

(*Подпись нрзб.*)

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 407—407 об.)

56. Рапорт генерал-майора Ильина в Артиллерийский департамент о задержке в исследовании дела об оставшемся в Москве артиллерийском имуществе. 9 ноября 1813 г.

25 403. 20 Ноября 1813.

Министерства Военного
в Артиллерийский Департамент.
Артиллерии от Генерал-майора Ильина.
Рапорт!

На повеление Департамента за № 10 877-м, касательно оставленного в прошлом 1812-м Году в Москве пред нашествием в оную неприятеля Казенном Артиллерийском имуществе, доношу: не мог я приступить к начатию исследования дела сего тотчас по приезде моем в Москву — 1-е, по случаю сильной лихорадочной моей болезни, продолжавшейся до половины Августа Месяца. 2-е, по не прибытии канцелярии моей из Несвижа, с коею и все входящие и исходящие бумаги находились, и которая прибыла в Москву из Несвижа Августа 26-го Дня. 3-е, по не состоянию тех чиновников, у которых что было до выступления Депо из Москвы в заведовании, ибо они были в раскомандировках, с прибытием коих отбираю от них ответствия. И по собирании всего, что к сему делу прикосновенно, поспешу скорейшим приведением к окончанию, и представлением Департаменту Дела сего.

Генерал-майор Ильин (*автограф*)

№ 1 440
Ноября 9-го Дня
1813 Года
Москва

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 414)

57. Рапорт Московского Артиллерийского депо в Артиллерийский департамент о вынужденном завершении работ по поиску артиллерийского имущества в Кремле. 24 ноября 1813 г.

№ 26 215. Декабря 3-го 1813.
Министерство Военное. Канцелярия Вице-Директора. Ноября 24 Дня 1813 Года № 4 375. Ответ на повеление Августа от 9-го Дня № 8 693.

В Артиллерийский Департамент
Военно-сухопутного Министерства.
Московского Артиллерийского депо
Рапорт!

Во исполнение повеления оного Департамента Московское Артиллерийское Депо вникнув в обстоятельства отысканного в Москве в слитках свинца на месте бывшего Полевого Артиллерийского Двора, и истребовав нужные к сему от кого следовало объяснения, рассматривало оные и все производимое в Депо об оставленном в Москве, пред нашествием неприятеля артиллерийском имуществе дело со всею подробностью находит. 1-е, пред нашествием в Москву неприятеля весь наличный Артиллерийского ведомства свинец хранился, как значит по делу, так и объяснению, взятому от унтер-цейхвартера Матвеева, в Пороховых Комнатах Магазинах, близ Симонова монастыря, а на Полевом Дворе в деревянных Магазинах нисколько оного не хранилось.

Доставленный же оный на тот Двор из означенных пороховых магазинов, по мере надобности, сколько для ежедневного израсходования в литье пуль требовалось, и составляло всей наличности свинца в пороховых магазинах к 28-му Числу Августа 1812 Года 14 316 пудов 18 фунтов 26 ½ золотников. Из него отпущено того 28 Числа Подпоручику Оконнишникову к нагрузке на барки 8 507 пудов 30 фунтов а затем остальные 5 808 пудов 28 фунтов 26 ½ золотников, по повелению Полковника Курдюмова, с предписанием такового же Господина Главнокомандующего в Москве и Кавалера Графа Ростопчина, полученному им, Матвеевым, в ночь с 1-го на 2-е число Сентября, вывезены на обывательских двухстах подводах к Москве-реке и в оной весь затоплен рабочими Казенными людьми, обще с порохом. При перевозке и затоплении оного были цейхдинер 1-го Класса Шаров, пороховой подмастерье Реутов и бочары Иванов и Яковлев. А что на Полевом Дворе прошедшею зимою, весною и летом отыскано на тех местах, где были магазины, свинца в больших слитках, всего 3 006 пудов 32 фунта, то Матвеев объясняет, что не иначе полагать должно, как на оном Дворе была неприятельская Лаборатория, ибо в Селитроваренной каменной комнатке бывший горн оказался по приезде его, Матвеева, в Москву перекладенным в такое положение, какое делают для литья пуль, да и другой был сделан таковой же на открытом месте, но сей последний при таянии весной снега развалился. О выше писанном неприятельском Горне и обгоревших снарядах удостоверить может Штабс-капитан Волынкин, сверх того, что свинец, слившийся в слитках, должен быть неприятелем для литья пуль завезенный, и по какому-нибудь случаю или по скорому его выходу из Москвы оставшийся. Подтверждает его показание и найденные на том Дворе обгоревшие неприятельские снаряды, что также доказывается, что они производили в бывших деревянных связях лабораторную работу, а сараи занимали поклажей снарядов, а может быть и свинцу. Сожжен же Полевой двор перед выходом, что ему, Матвееву, объявили оставшиеся в Москве Спаса священник Сергей Резанов, Коллежский асессор Доможиров и отставной Артиллерии обозный Любимов, да и многие жители Красного села и других ближайших мест. В подтверждение чего оным Депо от Чиновников, на кого Матвеев отсылку делал, истребованы письменные объяснения, и оными показывают Священник Резанов, Коллежский асессор Доможиров, отставной обозный Любимов и сверх того Коллежский Секретарь Николай Семенов, что Полевой Двор сожжен неприятелем пред выходом его из Москвы. Штабс-капитан Волынкин, что бывший на Полевом Дворе в селитерной каменный горн действительно переделан и не так как оной был в прошлом 1812 Году. Касательно же до состоявшего на открытом месте другого горна, был ли он сделан, или при истаянии весною снега развалился, того он, Волынкин, утвердить не может, потому что по прибытии его из Нижнего Нова Города с ротою в Москву Апреля 23-го Числа снегу уже не было, да также обгоревших снарядов никаких не видел. Затем Штабс-Капитан Буданов удостоверяет, что по прибытии его Марта 22-го Числа из Арзамаса в Москву, на Полевом Дворе в Каменный Палатке бывший горн оказался перекладенным в таковое положение, какие делаются для литья пуль, да и другой был сделан таковой же на открытом месте, коей последний при таянии весною снега развалился, так же удостоверяет и о оказавшихся на том Дворе обгоревших неприятельских снарядах. Да и само поступление сих неприятельских снарядов, в приходе найденных на Полевом дворе, доказывает, что неприятель занимался в сем месте, поклажею или приготовлением патронов и зарядов. Хотя же из объяснений Штабс-капитанов Волынкина и Буданова и означается разность в том что, 1-й другого горна и обгоревших снарядов не видал, а 2-й их видал, но сие вышло потому, что Волынкин прибыл в Москву после Буданова через месяц, в которое время горн развалился, и снаряды были уже убраны. А потому он заключает, что свинец на Полевом Дворе завезен был неприятелем, и литье пуль на нем производилось. А когда им пред выходом из Москвы тот Двор сожжен, то и свинец остаточный превратился в слитки. И, если положить, что он был вытаскан неприятелем по мелкости тогда Москвы реки из воды близ Пороховых погребов (что, наверное, по неимению

доказательств утвердить не можно), то еще из числа затопленного там 5 808 пудов 28 фунтов 26 ½ золотников должно остаться 2 801 пуд 35 фунтов 74 ½ золотника. Но его нисколько на сем месте по убытию вешней воды не нашлось, о чем оному Депо доносил 23-го Числа унтер-цейхвартер Матвеев обще с отряженным с ним Таганской Части Квартальным Надзирателем Мерешковским и с засвидетельством Господина Полковника Дурасова, а от оного Департаменту донесено того ж Июля 25-го Числа за № 2 341-м.

Затем из отправленного водою на барках свинца 8 507 пудов 30 фунтов, который затоплен, тоже нисколько не нашлось, о чем Департаменту донесено Августа от 13-го Числа за № 2 712. За тем и никакого средства ко отысканию более свинца в Москве реке Депо не имеет. К вынутию же из воды пороха, или сделавшегося из оного мякоти, и прежде приезда Депо из Нижнего, никаких средств не было, ибо его непременно полагать должно, что в то же время, когда оной был в нее высыпан, от быстрого течения воды разнесло, чему также и бочки, опорожненные и разбитые, подверглись. Доказывается сие тем, что по прибытии в Москву присутствующих Депо, первое было занятие их освидетельствовать те места, где был затоплен порох и свинец, как унтер-цейхвартером Матвеевым так и Подпоручиком Оконнишниковым. Но никаких даже следов не найдено, ибо тогда Москва-река была в полном разливе, да, и по убытии воды в летнее время, местами присутственными свидетельствованы, но ничего не найдено, и место, где Оконнишников потоплял порох и свинец, покрыто наносным песком, кое также железным щупом было пробиваемо, но ничего не найдено. И для того о сем Артиллерийскому Департаменту Депо доносит, и при том объясняет 2-я, сколько в Москве оставлено пред нашествием неприятеля всего Артиллерийского Имущества о том ведомость. Во оной от Депо представлены из Нижнего Нова Города 1812 Года сентября 12-го Числа № 3637. Потом, по прибытии оного в Москву, представлены сего года Апреля 22 № 41 132 с поданных от унтер-цейхвартера Матвеева двух ведомостей копии, сколько ныне по выгнанию неприятеля из Москвы осталось и в приход поступило в ведомстве его, Матвеева, Российских и неприятельских орудий и прочего к тому Числу, отколь, что еще принято и куда отправлено и затем Апреля к 16 Числу осталось в наличности. Затем, по предписанию Департамента № 3 591 об отыскиваемом имуществе в Кремлевском Арсенале на Полевом и Пороховом Дворах и в Красном пруде, по спущении оного, представлялись двухнедельные ведомости (из коих прилагается при сем Краткая выписка), посылка коих уже прекратилась, потому что в Красном пруде отыскивание потопленных снарядов и прочего за вытасканием, что могло найтиться, кончилось, о чем Департаменту донесено Майя от 30-го Числа за № 1 542-м. Да и на Полевом и Пороховом Дворах ничего более из оставленного на оных имущества не находится. Равно и в Кремлевском Арсенале все, что за взрывом частью оного собрать и отыскать было можно по наружности, приведено в известность и записано в приход, кроме, что под большими грудами камней и под обоими горнами и между оных найтись может. Для разборки коих и складки в клетки, хотя и прошен был Господин Московский Комендант Генерал-лейтенант Гессе Апреля от 28-го Числа за № 1 120, чтоб по требованиям Господина Полковника Дурасова было завезено по 100 человек. А для собрания, что между камней и кирпичей из имущества Казенного находиться будет, велено ему, Дурасову, при одном обер-офицере отряжать по несколько фейерверкеров и доброго поведения артиллерийских рядовых. Но по сему за недостатком в Москве Казенных людей отряживалось, первоначально Майя с 3 по 19-е Июля по 60 человек, а потом по 25 и, наконец, уменьшилась присылка до 20 человек. А с 24-го Июля и вовсе присылка людей пресеклась, ибо исправляющий должность Московского Коменданта Плац-майор Господин Полковник Барон Дельвиг[45] того числа уведомил Депо, что по случаю выступления из сей Столицы Владимирского ополчения 5-го полка, от коего избираемы были люди во оное Депо на работу, по недостатку ныне в полках здешнего Гарнизона людей впредь оные на работу наряжаемы быть не могут. И как для разборки означенных каменных груд или гор, для коих если бы отряжаемо было Казенных людей по несколько сот ежедневно, то едва ли можно все разобрать и в клетки покласть, по величине тех кирпичных и мусорных груд, в целое лето. А от сего обратится в неизвестность, сыщется ли тут какое бывшее в Арсенале имущество. Особливо вовсе нельзя полагать, чтоб в сих грудах могло остаться что годным, ибо от взрыва все обрушившиеся стены, кроме больших глыб, превратились в самой мелкой щебень и мусор. И, наконец, 3-е, Департаменту доносит, что за всеми производимыми оным с разными местами и лицами об отыскании Артиллерийского имущества переписками (с коих в свое время и Департаменту доносимо было) никакого более имущества отыскать надежды не предвидится, а должно уже полагать все остальное погибшим или расхищенным.

Генерал-майор Ильин
Сорокин

18 Декабря донесено Господину Инспектору Всей Артиллерии № 2 826.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 415—418)

58. Выписка из двухнедельных ведомостей о найденном в Москве имуществе. 24 ноября 1813 г.

Выписка, учиненная в Московском Артиллерийском Депо из поданных в оное от унтер-цейхвартеров Белокопытова и Матвеева, равно и Штабс-капитана Волынкина, двухнедельных ведомостей о отыскании в Москве Казенного Имущества.

По рапортам унтер-цейхвартера Белокопытова показано:	Число
Мортира медная годная 1-пудовая на лафете годном, окованном и окрашенном	1
Пушка 3-фунтовая полевая	1
Бомб 5-пудовых негодных, кои сложены по-прежнему в пирамиды около Арсенала	1225
Гранат ½-пудовых с большими рябинами и раковинами негодных	109
Ящиков зарядных, вырытых из мусора внутри Двора, изломанных,	
вовсе негодных	14
к ним колес годных	5
в починку годных	10
вовсе негодных	7
Станков сосновых 8-фунтовых Единорожных и 3-фунтовых неокрашенных с железными болтами на 4 дощатых окованных колесах	4
Труба пожарная, доставленная из Смоленска, найденная в Кремле между казенными дровами с медными станками без рукава и колес, в починку годная	1
Палатка Турецкая с полами, местами изорвана и сгоревшая	1
Понтонных парусов белой парусины сгоревших и изорванных	6
Собрано железа связного и ломаного	50 пудов
Оного же негодного	200 пудов
Мелочного разного негодного	25 пудов
Тесаков с эфесами	3980
Одних тесаков без эфесов	1700
Замков ружейных	13200
Стволов со штыками	19200
Стволов без штыков	6306
Одних штыков	9700
Сабель разных	1807
В шомполах сгоревших и переломанных одним весом	567 пудов
Меди с некоторою частью прикипевших железных заклепок	3 пуда 10 фунтов
Алебард разносортных негодных	200
Форм для литья пуль разных негодных	60
Кирасов железных черных со ржавчиною в починку годных	29 пудов
Разного кузнечного инструмента	
Наковален разных со стульями и с железными обручами больших	
годная	1
негодная	1
Титы стуловые большие, в починку годные	1
Молоток ручной	1
Гвоздилен	32
Клещей	6
Набоек	7
Зубил	14
Братков	18
Пробойников	13
Точило по нужде годное	1
По рапортам Унтерцейхвартера Матвеева	
Гранат ½-пудовых	2478
10-фунтовых	4630
6-фунтовых	1500
3-фунтовых	200
По рапортам Полковника Дурасова и Штабс-капитана Волынкина	
Вытаскано из Красного пруда	
Гранат ½-пудовых	30
10-фунтовых	67
Брандкугелей ½-пудовых	2
10-фунтовых	7
Пушечных 12-фунтовых	16
Ядер 12-фунтовых	18
Ядер 6-фунтовых	73
Картечь	
Единорожных ½-пудовых ближней дистанции	81
дальней дистанции	52
10-фунтовых ближней	129
Пушечных 12-фунтовых	110
6-фунтовых	78
Железных поддонов	
Единорожных ½-пудовых	20
Пушечных 12-фунтовых	48
6-фунтовых	23
Футляров железных проржавленных	
Единорожных ½-пудовых	84
10-фунтовых	166
Пушечных 12-фунтовых	17
6-фунтовых	11

Генерал-майор Ильин
Секретарь

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 422—423 об.)

59. Отношение Московского Коменданта генерал-лейтенанта Гессе в Московское Артиллерийское Депо о передаче найденных в Москве знамен. 8 декабря 1813 г.

Копия. Получено Декабря 9-го Дня.

Генерал-лейтенанта
Московского Коменданта Гессе
В Московское Артиллерийское Депо.

От исправлявшего в прошлом 1812 Году в Москве вместо меня комендантскую должность Действительного Статского Советника Спиридова при отношении за № 306-м от 27 Ноября препровождено ко мне старое, разодранное на две половинки, Российское Знамя с вензелевым Гербом блаженной памяти Государя Императора Павла Первого, которое Ордером Его Сиятельства Господина Генерала от Инфантерии Главнокомандующего в Москве и Кавалера Графа Федора Васильевича Ростопчина за № 573-м от 2 того Ноября ему, Господину Спиридову, предписано было хранить при делах Комендантских. От Московского Плац-майора, Лейб-Гвардии Измайловского Полка Полковника Барона Дельвига при рапорте от 19 Генваря сего года представлено найденное им в Сенатском корпусе знамя с целым Императорским Гербом и на обороте оного Вензель Императрицы Екатерины Первой. И еще от Московского Обер- Полицмейстера Генерал-майора Ивашкина, при отношении за № 982-м Марта 16-го сего года, препровождены доставленные к нему, от разных частей найденные, одно Знамя ветхое без кисти, и один Штандарт[46] в двух распоротых половинках, и все оное без древка, каковые и хранились у меня до сего времени, о коих доносил я Его Сиятельству Господину Главнокомандующему в Москве и Кавалеру сего Декабря 3-го рапортом за № 416-м, на каковой сего ж Месяца 5-го Числа за № 1 468-м получил от Его Сиятельства предписание, коим предложил мне следующее: «Доставленные ко мне от разных лиц Старые Российские Знамена, которые, уповательно, при нашествии неприятеля похищены из Московского Арсенала, отправить для хранения в здешнее Артиллерийское Депо». И потому я оные Знамена и один Штандарт при сем во оное Артиллерийское Депо препровождаю. О принятии коих благоволит оное не оставить меня уведомлением.

Подлинное подписал Комендант Гессе
Секретарь Сорокин
С подлинным сверял 12-го класса Фролов.
№ 419-й
Москва
Декабря 8-го Дня
1813 Года

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 425—426)

60. Рапорт генерал-майора Ильина в Артиллерийский Департамент об окончании расследования дела об артиллерийском имуществе в Москве. 22 февраля 1814 г.

Марта 4-го 1814.

Министерства Военного
в Артиллерийский Департамент!
Артиллерии от Генерал-майора Ильина.
Рапорт!

С повеления Господина Инспектора всей Артиллерии и Кавалера за № 3 305-м, последовавшего на мое имя, коим возложено на меня исследование об оставленном перед нашествием в Москву неприятеля в Московском Арсенале артиллерийском имуществе, о тяжелой нагрузке барок, ставших оттого на мель и задержавших все за ними следовавшие, дела, представляя у сего копию, доношу: что дело сие мною исследованием покончено, и, сходно повелению, представлено ему, Господину Инспектору и Кавалеру, при рапорте за № 100-м, с коего, а равно и со всех принадлежащих к нему бумаг, значащихся по описи, при сем Департаменту, в сходность повеления его за № 4183-м, представляю.

Генерал-майор Ильин
№ 101.
Февраля 22-го Дня
1814-го Года
Москва

13 Марта донесено Господину Инспектору Всей Артиллерии № 2826 и представлена Господину Управляющему Военным Министерством 17 Марта № 2 919 докладная записка с ведомостью.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 429)

61. Рапорт генерал-майора Ильина Инспектору всей Артиллерии о результатах расследования дела об имуществе Арсенала. 22 февраля 1814 г.[47]

Копия. № 100

Господину Инспектору всей Артиллерии
и Кавалеру Барону Меллер-Закомельскому!
Артиллерии от Генерал-майора Ильина.
Рапорт!

По Повелению Вашего Превосходительства возложенное на меня исследование дела об оставленных пред нашествием в Москву неприятеля в Московском Артиллерийском Арсенале ружьях, о тяжелой нагрузке барок, ставших от того на мель, и задержавших все за

ним следовавшие. Приведя ныне все сие исследование, сколько возможно, в надлежащую ясность и к окончанию Вашему Превосходительству, при сем с выписками из собранных мною от разных мест и лиц, уведомлением и ответствием на благорассмотрение представляю, и доношу.

Выписка. Рапортом Вашему Превосходительству Артиллерии Господин Генерал- майор Кнобель, поданным за № 251-м изъяснил: 1-е, повеления от Господина Главнокомандующего в Москве Генерала от Инфантерии и Кавалера Графа Ростопчина он, как на собственное его Господина Генерал-майора лицо, так и на имя Московского Артиллерийского Депо о спасении и приготовлении к вывозу из Арсенала Артиллерийского имущества не получал, а извещен он из Депо от Полковника Курдюмова, имевшего на ответственности все Артиллерийское имущество.

По поводу сего изъяснения обратился я моим вопросом к означенному Полковнику Курдюмову, писанным прошлого 1813-го[48] Года Генваря 30-го Дня за № 391-м, и истребовал от него следующие к сему сведения, на каковое в ответ получен Рапорт его, писанный из Херсона Марта 18-го Дня за № 6-м, полученным мною Августа 7-го Дня, обращенный из Гродно через Вильну. Выбранная выписка из сего за № 6-м рапорта и моего вопроса за № 381-м прилагается у сего особо под № 4-м. В рапорте Полковник Курдюмов изъяснил, что повеление от Господина Главнокомандующего в Москве о приготовлении хранящихся в Арсенале вещей к укладке, дабы на случай надобности можно было оное вывезти, получено им Августа 18-го Дня, и что от него, Господина Главнокомандующего, приказано было подать Записку, сколько во всем имуществе Артиллерийском состоит тяжести и сколько, на случай подъема и вывоза оного, потребно было бы подвод. Записка от него Господину Главнокомандующему того ж числа представлена, по оной означено, что тяжести во всем Артиллерийском имуществе по примерному исчислению составляет до 161888 пудов подвод, для оного потребно бы было до 6478-ми. Таковая же Записка подана им, Полковником Курдюмовым, Господину Московскому Гражданскому Губернатору, который от Господина Главнокомандующего на предмет сей имел предписание, но подвод по сей Записке ему, Полковнику Курдюмову, назначено не было.

Замечание. Что подвод по подаче Записки не было дано, то могло сие и быть, потому что Записка подана 18-го Августа, и записана она сим [числом]. Господин Главнокомандующий в Москве Генерал от Инфантерии и Кавалер Граф Ростопчин, на Рапорт мой, за № 144-м в предписании за № 1 490-м изъяснил, что по отступлении Российских войск от Смоленска, и когда еще никакой опасности со стороны неприятеля Москве не предстояло, то, взяв предосторожность, заблаговременно Полковнику Курдюмову [приказал] привозимую в Москву из разных мест Артиллерию и белое оружие отправлять дальше внутрь России, которые и отправлены и на заплату подводчикам выдал ему денег 7 000 рублей. (При Деле № 25-й). В то же время донес он, Полковник Курдюмов, Московскому Артиллерийскому Депо и Господину Генерал-майору Кнобелю Рапортом за № 179-м в копии, значащейся под № 28-м. Посему Московское Артиллерийское Депо, не входя ни в какое распоряжение, и не дав никаких предписаний и наставлений, Журналом от Августа 19-го Дня, в копии у сего при деле значащимся под № 28-м, постановило только, что дела, составляющие Архив Депо, приготовить к вывозу увязкой в тюки, предоставя все распоряжения Полковнику Курдюмову, не предписав ему даже и о том, что, ежели он встретит в чем затруднении или недостатки, то, как начальственному над ним, он обо всем в Депо доносил бы. Да и он, Полковник Курдюмов, от себя из подчиненных ему чиновникам, как-то, унтер-цейхвартерам, прочим, никаких предписаний и наставлений, что и как укладывать и что оставлять, от себя не сделал.

2-е. Что Полковник Курдюмов по подаче Записки, занялся вместе с тем со всеми подведомственными ему Чиновниками и Служителями как я /т. е. Генерал-майор Кнобель/ и самолично велел ружья, так и все Артиллерийское имущество, укладывать и приготовлять к вывозу из Москвы.

На вопрос мой: Полковник Курдюмов в Рапорте за № 6-м в 3-м пункте изъяснил, что укладка в ящики годных и в починку годных ружей началась в тот же самый день поутру, как повеление от Господина Главнокомандующего в Москве последовало, чему свидетелем поставляет Господина Генерал-майора Кнобеля.

Замечание. Чтоб достоверно можно было видеть, точно ли укладка началась в тот же день, как повеление Господина Главнокомандующего последовало, что должно быть началом Августа с 19-го, отобрал я ответствия от Чиновников, имевших в заведовании имущество Арсенала и прочего. Показал унтер-цейхвартер Белокопытов, у коего состояли в ведении хранящееся в Арсенале огнестрельное и белое оружие и прочее, рапортом за № 458-м в 3-м пункте, что укладка началась по словесному Полковника Курдюмова приказанию 21-го, а кончилась 29 Августа. В пополнение сего ж особым, на вопрос мой он же Белокопытов пояснил, что укладка началась 21-го а окончилась 29-го Августа, и укладывалось в ящики огнестрельное и белое оружие, годное и в починку годное, мастеровой инструмент, Знамена и Штандарты, и Значки обвернуты и увязаны были в циновки, и все сии ящики для вывозу были расположены внутри Арсенального двора, но как не было подвод, то, как сие уложенное, так и прочее имущество, свезенное из разных мест, оставшееся в верхнем этаже не уложенным и не увязанным, погибло.

Рапорт и ответ его Белокопытова прилагается у сего под № 6-м и 7-м.

Унтер-цейхвартер Воробьев, у коего было в заведовании Артиллерия с принадлежностью, снаряды и

инструменты и прочие вещи, рапортом за № 38-м во 2-м пункте *отвечал*, что приказание Полковника Курдюмова, чтоб Артиллерию и к ней принадлежности приготовить к отправлению, было словесное 29-го Августа, и что часть из оной отправлена на подводах, но не прежде как 1-го Сентября в 10 часов вечера, а другая часть 2-го Сентября по утру. В пополнение сего на вопрос мой Декабря 29-го, по возврате из командировки, оный Воробьев отвечал, что кроме оружия он из состоящих у него в заведовании вещей и припасов, как-то, армяку, жести, канату и прочего, они не укладывались, а все оное осталось в Арсенале и на Полевом дворе, где и погибло.

Цейхдинер[49] Александров, у коего состояли в заведовании разной мастерской инструмент годный и не годный, железо, канат и прочие мелочные вещи и припасы, годные и негодные; отвечал, что об укладывании инструмента в ящики, а прочего в тюки, приказание от Полковника Курдюмова последовало 29-го Августа словесное, и приготовление сие кончилось 30 Августа, но все погибло.

Ответ цейхдинера Александрова значится у сего под № 10-м, а Рапорт унтер-цейхвартера Воробьева и ответ его же значатся у сего под № 8-м и 9-м.

Штабс-капитан Волынкин, имевший в заведовании Лабораторию и при ней вещи и припасы, показал, что по самый день вступления в Москву неприятеля ничего не укладывалось. Да и в тот самый день, считай, Сентября 2-го, приказание о потоплении в Красном пруде зарядов, пороха, свинца, патронов и прочих огнестрельных вещей и припасов получил он не от Полковника Курдюмова и не от Депо, а от самого Господина Главнокомандующего в Москве Генерала от Инфантерии и Кавалера Графа Ростопчина, к коему он, не найдя Полковника Курдюмова и ни членов Депо, потому, что они уже были выехавши из Москвы, ходил того 2-го Сентября поутру в 8-мь часов для прошения приказания, что делать с остающимся на Полевом дворе имуществом, зарядами и патронами. От коего и приказано было, непременно стараться все затопить в Красном пруду, что им и исполнено, людьми Московского Артиллерийского гарнизона и армейскими, присланными от гарнизонным полков.

Сие показание подтвердил и Подпоручик Алексеев. Рапорты сих обоих Офицеров значатся у сего под № 11-м и 12-м.

Унтер-цейхвартеры Матвеев и Сипачев также показали, что они из заведываемых ими Казенных вещей и припасов заблаговременно ничего не укладывали и не увязывали (Два рапорта сии значатся под № 13-м и 14-м). А посему и оказывается, что укладка и увязка оружия, вещей и припасов, составляющих Артиллерийское имущество, не во время началась, как Господин Генерал-майор Кнобель и Полковник Курдюмов объявили, т. е. не с 19-го, а с 29-го Августа. Следственно и не имело оно ранее быть готово к отправлению на подводах или на барках, когда только было закончено укладкою и приготовлено к вывозу 31-го Августа, да не и все имущество укладывалось и увязывалось и приготовлялось к вывозу, что и открывается ответствиями вышеозначенных чиновников. О сей-то не укладке и не приготовлении всех вещей и припасов к вывозу, Господин Главнокомандующий в Москве в Отзыве своем за № 361-м, писанным Господину Управляющему Военным Министерством и Кавалеру Князю Горчакову изъяснил, а прочее Артиллерийское имущество даже и не укладывалось.

3-е. Когда по поданной Записке означалось о числе подвод 6 475, нужных под вывоз Артиллерийского имущества, то Господин Главнокомандующий в Москве тому Полковнику Курдюмову Августа 31-го дня приказал от Московского Обер- полицмейстера принять 18-ть барок для нагрузки одного пороха и свинца, и то половинной части.

На вопрос мой Полковник Курдюмов в Рапорте за № 6-м в 3-м пункте изъяснил, что по подаче Господину Главнокомандующему в Москве и Господину Московскому Гражданскому Губернатору Записок о числе подвод, он словесное от Господина Главнокомандующего в Москве получил приказание принять от Московского Обер- полицмейстера 18-ть барок, и чтоб на них грузить порох и свинец половинным количеством, и когда готово будет отправлением, равным образом приготовить барки и для нагрузки Артиллериею; нагрузку же делать тогда, когда приказано будет, также и ружья укладывать из подвала, на случай востребования всего оного в Армию. По делам же Депо в сей день его, Полковника Курдюмова, рапорт, поданный Августа 21-го дня за № 1 495-м, коим объявлял о словесном ему от Господина Главнокомандующего приказании, чтоб для погрузки половинного количества пороха и свинца принять от Московского Обер-полицмейстера 18-ть барок, которые Подпоручиком Оконнишниковым и приняты, но о затруднениях в получении подвод, ничего в Рапорте не упоминает. Да и Депо в Журнале своем постановленном того ж 22-го Августа о затруднении в получении подвод ничего не упомянуло, а положило только чтоб дела, находящиеся в Арсенале увязываемые в тюки, укладывать на барки (Подробно о сем пояснено в выписке № 4-й в пункте 6-м и в выписке № 35 пункте 2-м).

Напротив сего, Господин Главнокомандующий в Москве в Предписании за № 1 420-м на рапорт мой за № 1 477-м изъяснил, что когда Армия после Бородинского Сражения отступила близко к Москве, тогда от него Полковнику Курдюмову приказано все Артиллерийское имущество уложить на обывательские подводы, которых ему достаточно было дано; иметь то в готовности к отправлению в дальнейшие Города внутри России, а чего нельзя уложить на подводах, то погрузить на барки, кроме пороха и свинца, и других снарядов, из коих по требованиям отправлялось бы в

Армию. Да и на прочее имущество, чтобы отправлять все без остатку, не мог он решится, в ежеминутной надобности в Армию.

Замечание. А посему и нельзя утвердиться к словам Полковника Курдюмова, что подвод нельзя было получить, и что барки назначены были в замену всех подвод. Впрочем, изъяснение Господина Генерал-майора Кнобеля и Полковника Курдюмова насчет того, что не велено всего пороха и свинца грузить на барки, справедливо и оправдывается приказанием Господина Главнокомандующего. Но на счет ружей и прочего имущества, чтоб оного заблаговременно ничего не отправлять, то таковаго приказания не было. Напротив, ему, Полковнику Курдюмову для найма и отправления транспортов от Господина Главнокомандующего и деньги даны были (Подробно о сем значится в выписке № 4. Пункт 9-й).

4-е. Генерал-майор Кнобель, в рапорте за № 251-м изъяснил о барках, что когда они были приняты, то в них были недостатки, и когда на них даны лоцманы.

На вопрос мой Полковник Курдюмов отвечал сообразно сему. (Подробно о сем значится в выписке № 4 пункты 6-й и 9-й — в выписках № 35-й пункты 2-й, 3-й и 4-й — и в ответах Подпоручика Оконнишникова под № 15-м в пункте 3-м).

5-е. Потом Господин Генерал-майор Кнобель в рапорте сем продолжит, что по погрузке в барки пороха 9 474 пудов, свинца 8 507 пудов 30 фунтов отправлены они с Подпоручиком Оконнишниковым. Что тяжесть сия по числу 8-и барок не более состояла на барку как до 2 250 пудов, полный же оной груз должен быть до 8 000 пудов, и была ли остановка судам за мелководием, по выступлении оных из Москвы, он неизвестен!

На вопрос мой о барках, порохе и свинце, сколько оного погружено, Полковник Курдюмов в 8-м пункте отвечал, что, сколько оного было погружено, он, не имея бумаг, не упомнит, а находились при погрузке Подпоручик Оконнишников и Унтер-Цейхвартер Матвеев.

По поводу сего отзыва, взяты от сих Чиновников ответствия, и оба показали, что погрузка началась Августа 26-го, кончилась 28-го, в ход барки пошли 30-го Августа пополудни. Погружено на 8-ми барках пороха 9 474 пудов, свинца 8 507 пудов 30 фунтов и что при погрузке сей, как оная началась, как кончилась, и как барки пошли в ход, никого из Господ членов Московского Артиллерийского Депо и Полковника Курдюмова никогда не было (Подробно о сем значится в выписке № 4-й пункты 8-м и 9-м и в отношениях унтер-цейхвартера Матвеева; значащиеся у сего под № 13-м, Подпоручика Оконнишникова под № 15-м в пунктах 2-м, 3-м, 4-м и 9-м и еще в ответах Конвойной команды под № 17-м в пунктах 3-м и 4-м).

Насчет груза и мелководия.

Господин Главнокомандующий в Москве и Кавалер Граф Ростопчин в Отзыве за № 361-м Господину Управляющему Военным Министерством и Кавалеру Князю Горчакову изъяснил, но почему оные /т. е. барки/ будто бы за мелководием Москвы- реки не могли следовать в предназначенный им путь, и что Полковник Курдюмов непомерным грузом барок воспрепятствовал им в ходу.

Что Господин Генерал-майор Кнобель не знал о мелководии и ходу барок, то это справедливо, ибо как барки погруженные пошли в ход, и как они в продолжение пути шли, то об этом от Полковника Курдюмова ни в Депо, ни Генерал-майору Кнобелю донесений никаких не было. А хотя Подпоручик Оконнишников доносит Полковнику Курдюмову Сентября 1-го Дня о встретившемся мелководии, на которое он в ответ предписал ему, чтоб в случае мелких мест, препятствующих ходу баркам, порох и свинец выгрузить на берег, а для проводу барок требовать пособия Земской Полиции. (Значится сие в ответах Подпоручика Оконнишникова под № 15-м пункты 11-й и 14-й).

Но о сем случае Полковник Курдюмов Депо не извещал, да и нельзя оного сделать, потому что Депо 1-го Сентября не находилось уже в Москве. Чтобы иметь удостоверение, было ли такое мелководие, что барки с таковым малым составляющим не более 2 300 пудов, не могли по Москве-реке в то время идти, сносился я с Начальником Путей Сообщения, имеющих дистанцию Московскую в инспекции Полковником Вельяшевым, который при Отзыве за № 4 033-м доставил копию с ответствия Полицмейстера Судоходства рек: Москвы и Оки надворного советника Наумова, коим он изъяснил, что 1812 Года Августа 30-го Дня на Москве-реке на дистанции Коломенска (село Коломенское) считается 7 верст до Николы Перервы, вода состояла не более 5-ти вершков. Расчеты сии пояснены по тому, что на сих местах барки со свинцом и порохом стали на мель, что видно из ответствиев Подпоручика Оконнишникова, пункты 7-й и 10-й, и Конвойной команды, пункты 7-й и 9-й. Потом насчет груза, что таковой малый на барку груз, мог ли барку задержать на ходу по Москве-реке, вторично я относился к Полковнику Вельяшеву на что он Отношением за № 4 060-м отвечал, что насчет погруженной в барки тяжести, составляющей не более 2 300 пудов он находится в совершенной невозможности определительно сказать, что могли ли Артиллерийские барки с таковою тяжестью проходить по Москве-реке бывшие. К сему ж доводит он, что, ежели барка старая, и худо проконопаченная, то само собою потребует глубины воды от 4 до 5-ти вершков, напротив, ежели новая, прочная и хорошо проконопаченная, то с грузом 2 000 пудов может пройти на глубине 5-тивершковой, а по 6-тивершковой поднимет уже 3 000 пудов. (Отзывы Полковника Вельяшева значатся у сего под № 20-м, 19-м и 18-м.)

По таковому отзыву судить должно, что ежели барки с грузом шли бы настоящим по Москве-реке ходом, и не попали бы на мели, то не должны бы были остановиться. Насчет же худобы их нельзя думать, чтобы они были худые, потому что Полковник Курдюмов в том за № 6-м

рапорте в 9-м пункте о барках говорит, что некоторые из них были старые и худые, то на место оных отыскиваемы были другие на перемену, следственно, барки не были худые. А прочие, те которые под погрузку пороха и свинца взяты, то конопатились, для чего употреблена канатная пенька. Спрашивал я о состоянии барок Подпоручика Оконнишникова особым вопросом, значащимся у сего за № 21-м. Отвечал, что 8-мь барок во всех местах были до погрузки хорошо проконопачены, и выбраны из 18-ти лучшие и надежные к ходу, но бывшие в употреблении и не новые, а о величине их то сказал, что средственной меры, и не барки, а пауски[50].

Замечание: Сие название паусков подает некоторое сомнение, что может быть груз пороха или свинца наложенной на них — был по мере пропорции, нежели бы следовало, потому что паузки в конструкции своей гораздо менее барок. И если название Оконнишникова справедливо, что были паузки, то, может быть, и действительно по малости их груз сей до 2 300 пудов был тягостен, и погружались в воду глубже, нежели бы барки. Но как никто сих судов из Господ членов Депо не видел, да и когда погрузка кончилась, также никто как из членов, так и Полковник Курдюмов не свидетельствовали, а положились на чиновников, которые, может быть, по неопытности и не могли судить о грузе и предвидеть остановку, то и нельзя насчет груза оправдать, что оный был соразмерен величине и прочности судов, и что то были барки, а не паузки. А посему и не могу определенно заключить, что было причиною — мелководье или непомерной груз судам, особенно же паускам, ежели они были. Одно только должен сказать, что со стороны Начальства упущено при отправлении осмотреть, как суда с тяжестию погрузились в воду, и позволяет ли им глубина воды в Москве-реке идти в ход. И от недосмотрения сего суда на ходу остановились, а так как Оконнишников суда сии называет не барками, а паусками, то и легко, может быть, что они по малости своей от тяжести груза на мелях и могли пройти.

6-е. Что впереди тех отправленных с порохом и свинцом барок находились также нагруженные барки Комиссариатского ведомства с суднами и прочим.

По поводу сего сносился я с Комиссиею Московского Комиссариатского Депо отношением, писанным прошлого 1813-го Года Генваря 4-го, и спросил ее изъяснения, чьи барки с грузом были впереди — Артиллерийские или Комиссариатские. На что и получил отзыв ее писанный Марта 29-го дня за № 1 038-м полученный мною Августа 29-го дня обращенный из Гродно через Вильну, коим между прочим объяснено, что барки, нагруженные имуществом, принадлежащим ведомству Комиссариата, с места, где грузились из Москвы, пошли в ход за Артиллерийскими, и обошли оные у селения Николы Перервы. /*Вставка на полях*: Сие самое и Полковник Курдюмов в рапорте, писанном на имя мое за № 6-м, в пункте 13-м подтвердил./ Тогда, когда Артиллерийские барки стали на мель, то Комиссариатские из числа сего каравана три барки, нагруженные сукном и другими припасами, дотащены мимо Артиллерийских и поплыли далее, с коих все бывшее на сих трех барках спасено и отпущено в Армию. За теми прочие остались позади, и когда неприятель взошел в Москву, то оные по приказанию Высшего Начальства Комиссариатского чиновниками сожжены, а вместе с оными и Артиллерийские барки, бывшие с грузом пороха и свинца, на коих Артиллерийских Чиновников не было, потоплены и сожжены.

(В каком содержании было мое Отношение писано, и как Комиссия дала на оное отзыв, то подробно о сем значится в выписке № 5-й).

Видя такое противоречие Комиссии Московского Комиссариатского Депо, взял я ответствия от Подпоручика Оконнишникова и Конвойной команды, которые показали: 1-е, что барки Артиллерийские точно были и шли впереди Комиссариатских, а под урочищем Николы Перервы тогда, когда Артиллерийские барки стали на мель, то из числа Комиссариатских три барки с сукном и другими припасами были обтащены мимо Артиллерийских, прочие ж остались назади. Сие самое и бывшие при Конвойной команде показали, а что он Полковнику Курдюмову по прибытию в Муром донес рапортом, что будто бы Комиссариатские барки были впереди, то сие учинено так по торопливости, и признает в сем свою ошибку (Подробно о сем означено в ответствии Оконнишникова пункты 9, 10, 11 и 18-й и от Конвойной команды пункты 5-м и 7-м, а что Оконнишников точно доносил Полковнику Курдюмову, что Комиссариатские барки были впереди, то утверждает копия при рапорте подпоручика Оконнишникова за № 16-м).

Замечание: Сим извещением Комиссариатской Комиссии и ответствиями Подпоручика Оконнишникова и Конвойной команды, донесение Генерал Майора Кнобеля и Полковника Курдюмова, что будто бы Комиссариатские барки были впереди Артиллерийских, опровергается.

А что, когда Комиссариатские чиновники начали барки свои жечь, и погруженные на них припасы и вещи топить, то он, Подпоручик Оконнишников, с командою на своих барках не находился уже. Потому что, когда через присланного из Армии стало известно, что неприятель 2-го Сентября занял Москву, то он, прорубив у барок днища, и барки, сколько мог, то потопил. А что из пороху оставалось сверх воды, то бочки с порохом разбивали и бросали в воду, а барки со свинцом тоже прорублены и потоплены, но как они были на мелях, то свинца часть оставалась на поверхности воды, и отбыл с них Сентября 3-го дня в вечер. И когда Комиссариатской Комиссионер Волков сжег Артиллерийские барки, что было Сентября с 3-го на 4-е число, того он уже за отбытием с оных барок и с командою прежде, не видал (О сем значится в ответах его Оконнишникова в пунктах 15, 16 и 17-м и Конвойной команды пункт 3-й).

Замечание. Что барки сожжены точно, то сие доказано уже после, и именно когда неприятель из Москвы вышел, то в Октябре-месяце 1812-го Года командирован был унтер-цейхвартер Матвеев и бывший с Подпоручиком Оконнишниковым на барках в конвое фейерверкер Степанов для осмотру оных барок, и нашел, что у барок бока были сожжены, но свинца и пороха нисколько не было (О сем значится в ответах Конвойной команды пункт 2-й и особое объяснение Подпоручика Оконнишникова поданное о потоплении барок, у сего прилагаемое под № 22-м).

7-е. За сим Господин Генерал-майор Кнобель в рапорте за № 251 объясняет, что при всех экстренных Полковника Курдюмова занятиях и обстоятельствах все новое и годное к действию оружие вынесено было на Арсенальный двор, уложено при свидетельстве Полковника Курдюмова в ящики, и состояло к отправлению в готовности, под своз коего к прежде отряженным под Артиллерию 600 лошадям еще требовано было Полковником Курдюмовым заблаговременно такое ж число 600 лошадей. Но от Господина Главнокомандующего в Москве (как Полковник Курдюмов тогда же в присутствии Депо о сем донес) ему объяснено было, что подвод за отправлением из Армии и Москвы в разные места в большом количестве больных и раненых подвод больше не имеется.

На вопрос мой Полковник Курдюмов изъяснил свою деятельность насчет подвод в рапорте за № 6-м в 18-м пункте, сказал, что 600 подвод для Артиллерии получил 1-го Сентября, а в 11-м пункте говорит, что на данных 600 подводах отправлена часть Артиллерии 1-го Сентября, затем остальные 2-го Сентября поутру рано. (*Замечание*: Артиллерия отправлена без него, и когда выступила из Москвы, он того не видал, что и означено в ответствиях чиновников за № 8 и 36.) Барки же, 10-ть, кои под нее приготовлялись, остались на тех же местах, где приняты были. В 18-м пункте сверх сих 600 подвод он 30-го Августа требовал еще 600 подвод для вывозу ружей из Москвы, но от Господина Главнокомандующего в Москве объяснено, что за занятием перевозкою большого количества больных и раненых, подвод под ружья не имеется, о чем тогда же от него в присутствие Депо Господину Генерал-майору Кнобелю донесено (Было Кнобелю таковое донесение словесное или письменное, того не видно, а по делам Депо видно, что предписано вначале от Господина Главнокомандующего предварительно Московскому Гражданскому Губернатору, чтоб по требованию Полковника Курдюмова подводы были даны). Напротив сего Господин Главнокомандующий в Москве и Кавалер Граф Ростопчин в отзыве своем за № 361-м к Господину Управляющему Военным Министерством и Кавалеру Князю Горчакову изъяснил, что Полковнику Курдюмову в даче подвод никогда отказываемо не было. А что от Господина Главнокомандующего приказываемо было, закрывая свою беспечность в исполнении Господина Главнокомандующего приказаний, во всех отчетах своих показывают, что имущество Артиллерийское в Арсенале осталось единственно только будто бы за неимением подвод. В пополнение сего на рапорте моем Господин Главнокомандующий в Москве и Кавалер Граф Ростопчин в предписании за № 1 410-м сказал, что Полковнику Курдюмову заблаговременно приказано было находившееся в Арсенале и привозимое из разных мест оружие отправлять далее внутрь России, и что часть оружия была уже и отправлена. Наконец, когда после Бородинского Сражения [Армия] приближалась к Москве, тогда приказано все имущество Артиллерийское уложить на обывательские подводы, которых он достаточное число получил. А отказано ему в даче подвод в то время уже, когда получено им, Господином Главнокомандующим, от Светлейшего Князя Голенищева-Кутузова Смоленского извещение о сдаче Москвы, что было 1-го Сентября в 11-ть часов пополудни[51].

И тогда подводы нужны уже были под вывоз военных чинов больных и раненых, привезенных в Москву свыше 30 тысяч человек. *Замечание*. Что прежде сего в подводах Полковнику Курдюмову и Московскому Артиллерийскому Депо не было отказываемо, то объявлено в отписке № 4-й в пункте 16-м. Следственно, ежели б остановка была в подводах ранее 1-го Сентября полуночи, то он, Полковник Курдюмов, или Депо, дабы от не отправления оружия и прочего имущества, должно было себя оградить представлением о сем Господину Главнокомандующему и Кавалеру Графу Ростопчину письменно, но с обеих сторон таковых представлений не было. Да и словесное изречение Господина Генерал-майора Кнобеля доказывает, что прежде сего времени, т. е. по полуночи Сентября 1-го в получении подвод не было отказываемо, и было тогда уже отказано, когда обстоятельства Москвы переменились, и нужно было спасть больных и раненых воинских чинов.

8-е. Предварительно же к вывозу оружия из Москвы, не имев ни от кого о совершенной опасности Москвы извещения, он, Господин Генерал-майор [Кнобель], приступить и предписания Московскому Артиллерийскому Депо дать не мог, да и вольных отвозчиков ни за какую цену отыскать не было возможности.

В вопросах моих пунктом 9-м спрашивал я Полковника Курдюмова, когда он видел недостаток в получении обывательских подвод, то почему он не принял способа отыскивать вольных отвозчиков водою или сухопутно. Отвечал, что со стороны его упущения никакого не сделано, и что о найме вольных отвозчиков водою или сухопутно, повеления он, как от Господина Главнокомандующего, так и от Депо не имел и был крайне ограничен повелением. Ему велено только, по принятии барок нагрузить оные половинным числом пороха и свинца, а потом отправлять.

Замечание. Со стороны Депо он никакого и ничем ограничения не имел, ибо оно Журналами своими

подтвердило все его донесения, коими он о получаемых им от Господина Главнокомандующего в Москве словесных приказаний делал, и ни в какие распоряжения не входило, а все было предоставлено ему. Следственно, в сем случае должна уже быть его предусмотрительность и распорядок.

Напротив сего Господин Главнокомандующий и Кавалер Граф Ростопчин в отзывах своих объясняет, что Полковнику Курдюмову на заплату отвозчикам выдано от него 7 000 рублей, следовательно, нельзя утвердительно Полковника Курдюмова, чтобы он не имел права нанимать, оправдать. Да самое повеление Его Сиятельства Графа Ростопчина, в подлиннике у сего за № 467-м под № 23-м, прилагаемое, писанное на имя Полковника Курдюмова Августа 31-го дня, коим разрешается на наем извозчиков и фурьщиков[52] для отправления транспортов с оружием в Муром, противоречит ответствию Полковника Курдюмова. Следовательно, ежели бы Полковник Курдюмов заранее распорядился отправить что на вольных подводах и представил заблаговременнее, нежели 31-е Августа, то, вероятно, имел бы о сем разрешение, а получилось, что должное то время к укладке оружия и прочего утрачено и доведено до последнего времени, того, когда подводы понадобились уже под вывоз из Москвы воинских чинов больных и раненых. Упущение времени в укладке доказывается еще и ответами чиновников (значащимися у сего под № 6, 7, 8, 9 и 10) которые показали, что укладка началась 29-го и 31-го Августа. Словами Господина Главнокомандующего Графа Ростопчина, Полковник Курдюмов закрывал свою беспечность отзыванием о неполучении подвод, более открывают упущение его в не вывозе из Арсенала кроме пушек, ничего из бывшего во оном имущества.

Замечание. Коему Господина Главнокомандующего изречению, что подвод до полуночи 1-го Сентября можно было получить, в доказательство можно привести и сие, что Московское Артиллерийское Депо, когда расположилось выехать из Москвы, что было 31-го Августа, то, не представляя Господину Главнокомандующему, а потребное число подвод получило по сношению от Московского Гражданского Губернатора 135 подвод, на коих 31-го Августа и отправилось. Следственно, подвод до самой настоящей опасности Москвы было довольно. Подробно о сем изъяснено в выписках № 4-й пункт 16-й и № 35 пункт 7-й.

Насчет потери пороха, свинца, серы и селитры, составляющего в количествах пороха 21 372 пуда 29 фунтов, свинца 14 438 пудов 37 фунтов, селитры литрованной и нелитрованной 4 220 пудов 30 фунтов, серы годной 4 810 пудов 5 фунтов, боевых патронов 122 980 и боевых зарядов 4 200 пудов, кремней 675 120, которое хранилось в пороховых погребах, что под Симоновым монастырем, то в потере всего пороха и свинца он не может быть почти виновным, потому что от Господина Главнокомандующего и Кавалера Графа Ростопчина приказано было на барки погрузить пороха и свинца половинное количество, что исполнено и погружено свинца 8 507 пудов 30 фунтов, пороха 9 474 пуда (значится сие в ответствиях унтер-цейхвартера Матвеева за № 19-м и Подпоручика Оконнишникова под № 15 пункт 2). Одно только можно прочесть промедление в приготовлении барок, ибо приказание сие о погрузке 21-го Августа, продолжалось оное в оснастке барок, и получении лоцманов до 30-го Августа, и барки пошли в ход не ранее как 30-го Августа под исход дня, что значится в ответах Подпоручика Оконнишникова пункты 1-й, 3-й и 9-й и в выписке № 4-й пункт 9-й в замечаниях насчет деятельности.

Следственно, ежели бы барки пошли в ход ранее несколькими днями, то препятствие в мелководии может быть распоряжениями его Полковника Курдюмова или самого Депо было бы преодолено, и барки от Москвы удалились бы далее и не подверглись бы порох и свинец погублению. В остальной же части пороха и свинца, то нельзя оное причесть его упущениям, равно и в бумаге на патроны (которой истрачено гораздо более, нежели надобность требовала, и о чем объяснено особенно), потому что он имел от Господина Главнокомандующего точное таковое предписание: грузить половинную часть, как выше изъяснено, а оставшуюся предполагалось, чтоб была она на время оставлена в Москве, то Господин Главнокомандующий и Кавалер Граф Ростопчин в отзыве своем Господину Управляющему Военным Министерством и Кавалеру, и в предписании за № 1 410-м ко мне присланном изъяснил, что без должного извещения о даче Москвы, о чем получил он уведомление 1-го Сентября в 11-ть часов ночи, он, Господин Главнокомандующий, находил в сих огнестрельных припасах: патронах, зарядах, равно и в оружии необходимую надобность, полагая что под Москвою непременно дастся баталия. В довод сего его мнения приложил при оном предписании, ко мне присланном, с писем поступивших к нему от Его Светлости Господина Главнокомандующего Армиями Князя Голенищева-Кутузова Смоленского выписку, у сего прилагаемую в копии и им, Графом Ростопчиным, скрепленную, значащуюся у сего за № 26-м и предписание за № 25-м. Касательно же в потере погибшей серы 4 810 пудов 5 фунтов, селитры 4 220 пудов 30 фунтов, так как в оных припасах при делании боевых зарядов и патронов никакой надобности не настояло, равно и в Армию оных не потребовалось, то и можно было сии припасы заблаговременно из Москвы отправить далее внутрь России, и отправить на вольнонаемных или обывательских подводах. Но оное оставлено как со стороны Депо, так и Полковника Курдюмова без всякого внимания. До распоряжения от Господина Главнокомандующего Графа Ростопчина, оное не касалось.

О совершенной опасности Москвы как Господин Генерал-майор Кнобель в рапорте за № 251-м изъяснил, что он и Депо не было ни от кого предварительно извещены. Сие изречение его, Господина Генерал-майора и

Кавалера, справедливо, но сколько из производства дела по части присутствия Московского Артиллерийского Депо, то видно, что оно еще 23-го Августа входило к Господину Главнокомандующему Графу Ростопчину рапортом и спрашивало Его приказания, куда присутствующим Депо с Чиновниками Казенными в случае опасности Москвы выезжать, и на сие получило в разрешение предписание за № 388-м писанное Августа 25-го дня, чтоб в случае опасности, оставя Архив дел в Москве, выезжать в Нижний Нов Город, по которому оно 31-го Августа, не испрося от Господина Главнокомандующего в подтверждение прежнего представления позволения на выезд свой, выехало. Следственно Депо предвидело опасность, а о имуществе Артиллерийском, которое по начальству принадлежало точному его распоряжению, не озаботилось, оставило попечению Полковника Курдюмова, считая, может быть, что он, как Крепостной Командир и начальник Арсенала, должен уже заботится о спасении его, устраняя от себя и ответственности за все оставшееся имущество. И мнение сие мое подтверждают изъясненные Господином Генерал-майором Кнобелем в рапорте слова имевшего на ответственности своей все Артиллерийское имущество, который доверие Депо оправдал не так как бы должно (Подробно о сем объяснении в выписке № 3-й пункте 7-м).

10-е. Незнание опасности Москвы выводит еще Господин Генерал-майор Кнобель и тем, что Господин Главнокомандующий в Москве за три дни до вступления в Москву неприятеля не приказывал вывозить всего пороха и свинца, а также и оружия. Из чего видно, что Господин Главнокомандующий останавливался в даче на сие повеления, чтоб не сделать остановки в снабжении действующей Армии.

Довод сей очень справедлив, и точно Господин Главнокомандующий в Москве Граф Ростопчин не решился дать приказания на вывоз всего без остатку пороха, свинца и оружия, но не в том чтоб Москва была безопасна, а представляя во оном надобность для Армии. О сем выше сего в пункте 9-м объяснено. Но Депо выехало из Москвы 31-го августа, не спрося даже и позволения, следственно предвидело опасность, а из имущества Казенного в то ж время выезда своего не расположило ничего, чтоб вывезти, чтобы предвидя не только опасность, но и заранее должно бы было сделать, особенно ж в вещах и припасах для Артиллерии не нужных, как, например селитру, серу, часть бумаги и прочих запасов. Что ж касается до не вывоза всего пороха, свинца и оружия то из Арсенала не только оружия, но и части никакой не вывезено и не спасено, на что, однако ж, приказание Господина Главнокомандующего в Москве было таковое, чтоб привозимое с разных мест оружие отправлять далее.

Часть транспортов отправлены, а за тем многие остались, как, например, 31-го Августа с Ижевского завода доставлено ружей новых 3 325, из коих спасено только 525 ружей, да и то не по распоряжению Депо и Полковника Курдюмова, а нечаянно вывезены на вольных подводах, прочие же 2 800 погибли. Также и прибывшие из Смоленска и Киева транспорты осталися в Арсенале не все отправленными. Казалось бы, имея в Арсенале ружей довольно значащее количество, незачем бы оставлять Ижевских ружей, а с тем же Чиновником отправить обратно внутрь России. (Значится все это в рапорте унтер-цейхвартера Белокопытова за № 52-м при деле № 37.)

11-е. Наконец, Господин Генерал-майор Кнобель в рапорте изъясняет, что, когда Господин Главнокомандующий в Москве получил из Армии, от Его Светлости Князя Голенищева-Кутузова Смоленского, через нарочно присланного, требование о поспешном приготовлении и доставлении в Армию, расположенную за Можайском, боевых зарядов на 500 орудий, что от него Господина Главнокомандующего в Москве приказано Полковнику Курдюмову. А он донес в Депо, которое положило приготовить зарядов на 1 500 орудий, кои до самого того числа, как неприятель взошел в Москву, приготовлялись и отправлялись.

По делу Московского Артиллерийского Депо видно, что Полковник Курдюмов о сем словесном Господина Главнокомандующего в Москве приказании о приготовлении на 500 орудий боевых зарядов в Депо донес рапортом за № 1 569-м Августа 27-го дня пополудни в 7-мь часов. По сему Депо журналом 28-го Августа постановило боевых зарядов не только на 500 орудий, но и еще в запас приготовить на четыре дивизии, и отпустило ему на безостановочное действие и закупку материалов и припасов деньги. (Рапорт Полковника Курдюмова при деле значится под № 34-м и подробно объяснено в выписке № 35-й пункт 6-й).

Что точно приказание Господина Главнокомандующего в Москве о приготовлении на 500 орудий боевых зарядов было, и последовало 27-го Августа, то оное справедливо. Основано ж сие повеление на требовании Его Сиятельства Господина Главнокомандующего Армиями и Кавалера Князя Голенищева-Кутузова Смоленского, писанном Августа 26-го дня из села Бородина, и значится о сем в выписке с писем Его Светлости, писанных к Господину Главнокомандующему в Москве, присланных ко мне от него, Господина Главнокомандующего при предписании за № 1 410-м, коим требуется, чтоб из Московского Арсенала прислать на 500 орудий комплектных зарядов, и более батарейных (Выписка с писем засвидетельствованная Графом Ростопчиным при деле значится под № 26-м).

Замечание. А что в Лаборатории /делания/ снарядных зарядов и патронов продолжались до самого того числа, как неприятель взошел в Москву, то это было, но Депо выехало 31-го Августа, следовательно, хотя и недолгое время по отбытии, но не могло уже знать того, что в Москве делается.

Сверх сего, при рассмотрении дела, веденного о сем в Московском Артиллерийском Депо, увидел я два рапорта Полковника Курдюмова, принадлежащие к сему ж предмету, писанные: 1-й Сентября 4-го дня 1812-го года за № 1 560-м из Коломны, коим он доносит, что Сентября 1-го дня отправлено им с Подпоручиком Ждамировым из Москвы в Муром на обывательских подводах Артиллерии батарейной на 4-ре роты, легкой Новой конструкции на 3 роты и Старой конструкции несколько орудий без зарядных ящиков. По короткому времени отправлено столько, сколько успеть можно было поднять, ибо он в ту саму ночь получил повеление от Господина Московского коменданта Гессе, которым он, извещая о сдаче Москвы, и что Армия выступает того ж 1-го числа ночью по Рязанскому тракту, предписывает, как наивозможно скорее собраться ему со всеми артиллерийскими воинскими чиновниками, состоящими при Крепости, следовать по Рязанскому тракту, почему он и отправился по оному. А как он в то время Подпоручика Ждамирова не видел, то и просит Депо для продовольствия обывательских лошадей везущих Артиллерию отпустить денег.

Замечание. Не видеть Подпоручика Ждамирова, того чиновника, с которым отправил, как показывает, Артиллерию, дело почти невероятное. Как быть при отправлении и не видать, имевши денег до 40 000 рублей, ничего не дать. А должно считать, что сам при выступлении и отправлении Артиллерии не был, и поверить Чиновникам, которые показывают, что Полковника Курдюмова при них не было, и доказывается: 1-е, сам Полковник Курдюмов говорит, что не видал Подпоручика Ждамирова, не дал ему и денег. 2-е Подпоручик Ждамиров рапортом за № 1-м, писанным Сентября 4-го дня, значащимся у сего под № 36-м, Депо рапортует, что выступив с артиллериею из Москвы, не получив от Полковника Курдюмова никакого наставления, приказания и денег, как и чем довольствовать 640 обывательских лошадей, бывших под свозом Артиллерии, а при них проводников до 450 человек, просит об отпуске ему денег, изъясняя при том, что он вчерашнего числа, т. е. Сентября 3-го дня, проходя с Артиллериею город Богородск, получил от Господина Генерала от Инфантерии и Кавалера Князя Лобанова-Ростовского 600 рублей. 3-е, Унтер-цейхвартер Воробьев рапортом, мне поданном, значащимся при деле за № 8-м, показал, что Артиллерию начал из Арсенала отправлять 31-го Августа, а кончил Сентября 1-го дня в 10 часов вечера. С Полевого ж двора последний транспорт отправлен Сентября 2-го по утру в 6 часов, но Полковника Курдюмова при отправлении сего последнего транспорта не было. Сие показание унтер-цейхвартера Воробьева подтверждает и Полковник Курдюмов изъяснением своим, в рапорте на имя мое писанным значащимся при деле под № 2-м пункт 11-й, что Артиллерия отправлена 1-го Сентября и 2-го уже утром рано, и что неприятель Сентября 2-го ввечеру вступил в Москву. Но сказать должно, что как сего, так и последнего транспорта, отправленного с Артиллериею, не видал, а выехал гораздо ранее.

2-м, /рапортом/ за № 1 648-м, писанным в Депо Октября 21-го дня, при подаче отчетов, о употребленных им деньгах, и объяснения об оставленной в Москве не вывезенной из Арсенала медной монеты 1 000 рублях, о коих требовало Депо от него ответа по предписанию Департамента, изъясняя причину, почему он не мог их спасти, между прочим пишет, что он от Господина Московского Коменданта Гессе о немедленном ему с крепостными артиллерийскими военными чиновниками выступлении из Москвы, и о следовании по Рязанскому тракту повеление получил Сентября 2-го во 2-м часу пополудни, и что в то самое время, т. е. пополудни во 2-м часу, часовые и гауптвахты в Кремле сняты, а посему и не мог он спасти сей монеты медной 1 000 рублей. Сам же он, собравши роты и Крепостной Штат, в повеленный путь отправился (О не вывозе медных денег 1 000 рублей, и о способах какие по исследованию дела открылись, что можно было их вывести, объяснено в особом моем рапорте).

По поводу сего рапорта и изъяснения Полковника Курдюмова о полученном от Господина Московского Коменданта Гессе о выступлении крепостных артиллерийских Чинов, рот и служителей из Москвы повелении, и снятии караулов в Кремле, сносился я с означенным Комендантом и Кавалером, который отношением за № 1994-м (в подлиннике у сего под № 39-м значащимся) изъяснил, что, по получении от Господина Военного Министра и Кавалера Барклая де Толли Сентября 1-го числа ночью в 11-ть часов повеления, он предписал всем воинским командам — равно и Полковнику Курдюмову, о выступлении из Москвы с Артиллерийскими командами, Караульные же во всех местах сменены 2-го Сентября в 4-м часу.

Замечание. Господин Главнокомандующий Граф Ростопчин в предписании за № 1 410-м, при деле значащимся за № 25-м, что о сдаче Москвы известен он 1-го Сентября в 11-м часу пополудни, в довод сему в выписке из писем Его Светлости значится, что письмо писано о сем 1-го Сентября в 11-ть часов пополудни Фили.

Сим отзывом Господина Коменданта показание Полковника Курдюмова в рассуждении получения повеления о выступлении из Москвы и о снятии Караулов оказалось справедливо, разность только во времени часов. Что ж касается до собрания всех артиллерийских команд и о выступления с ними, хотя бы сие как Крепостному Командиру, и доверенному от Депо лицу, которому все было и поручено, и должно быть так выполнено, но по исследованию оказывается совсем противное. И он, оставив все и всех без должного и личного кому-нибудь приказания, и без всякого предписания и наставления выехал из Москвы в Коломну, а оттоль в Рязань, куда крепостные артиллерийские роты и чиновники собрались. И открывается сие рапортами. 1-е,

унтер-цейхвартера Белокопытова за № 455-м (рапорт при деле № 40-й), который с ним вместе из Москвы и из Арсенала выехал (потому из Арсенала, что Полковник Курдюмов из Спасских Казарм переехал во оный 1-го Сентября и жил до выезда), что было 2-го Сентября поутру в 6-ть часов. 2-е, унтер-цейхвартера Воробьева, (рапорт при деле № 8-й) что при отправлении последнего транспорта орудий с Полевого двора, что было 2-го Сентября поутру в 7-мь часов Полковника Курдюмова не было, и он, Воробьев, отправил транспорт сей с Подпоручиком Ждамировым следовать в Рязань. 3-е, Штабс-капитана Буданова рапортом за № 8-м, что Московского Артиллерийского Гарнизона № 6-я рота выступила из Москвы 2-го Сентября поутру в 8-мь часов по Рязанскому тракту, и что при выступлении Командира Гарнизона Полковника Курдюмова не было. 4-е, Штабс-капитана Волынкина рапортами за № 436-м и 453-м, что Полковник Курдюмов Сентября 2-го по утру в 4 часа, приехавши отколь-то в карете на двор к Спасским Казармам, прислал к нему унтер-цейхвартера Белокопытова с словесным приказанием, чтоб он собрал людей Лабораторной роты, наипоспешнейше выступил из Москвы и следовал бы по Рязанскому тракту, и что он, Штабс-капитан Волынкин, не получив от него никакого приказания и распоряжения, куда и как огнестрельные вещи, припасы, боевые заряды, патроны и прочее, бывшее у него, Волынкина, в заведовании, спасать, принял намерение испросить о сем разрешение от Господина Главнокомандующего Графа Ростопчина. От него и получил словесное приказание, чтоб все и непременно затопить в Красном пруде, близ Полевого двора лежащем, что им лабораторскими и армейскими солдатами, данными при двух офицерах от гарнизонных полков, и исполнено. По окончании сей работы, он с Лабораторской ротой выступил уже из Москвы Сентября 2-го пополудни в 4 часа (спустя полднем после Полковника Курдюмова) по Рязанскому тракту, куда прибыл 10-го Сентября, где и нашел Полковника Курдюмова. Сие его Штабс-капитана Волынкина показание подтвердил на том же рапорте за № 436-м унтер-цейхвартер Белокопытов насчет Полковника Курдюмова выезда из Москвы, приезда в Спасские Казармы, и словесного через него Белокопытова приказания. А сей Белокопытов есть тот самый Чиновник, который с Полковником Курдюмовым выехал из Москвы. 5-е. Подпоручик Алексеев, остававшийся при лаборатории со Штабс-капитаном Волынкиным, рапортом за № 195-м (при деле № 12-й) изъяснил то же. 6-е. унтер-цейхвартер Матвеев, остававшийся при потоплении из пороховых погребов пороха, свинца и патронов, в рапорте за № 839-м (при деле № 13-й) показал, что при потоплении всего сего Полковника Курдюмова не было, и потопление сие закончил 2-го Сентября пополудни в 4-е часа, но Полковника Курдюмова в Москве уже не было, ибо он выехал из оной гораздо ранее, о сем значится в особой выписке при деле № 42-й. 7-е. Унтер-цейхвартер Сипачев в рапорте, поданном мне Октября 22-го дня, отвечал, (при деле № 14-й), что потопление в Москву-реку оставшихся в его заведовании патронов и прочего начал с 11-го часу утра 2-го Сентября, а окончил в 4 часа пополудни, и что Полковник Курдюмов при сем не был, а донес он о сем ему уже в Нижнем Нов Городе. 8-е. Цейхдинер Шаров и Цейхшрейбер[53] Столбов показали о Полковнике Курдюмове сообразно сему, и значится в краткой выписке при деле за № 43-м.

Замечание. По сему сими ответствиями и открывается, что Полковник Курдюмов последнее Господина Коменданта и Кавалера Гессе повеление о немедленном с Артиллерийскими чиновниками и служителями выступлении из Москвы выполнил поспешно тем, что, оставив всех должностных чиновников, служителей и две роты, которые пробыли до 4-го часа пополудни, сам из Москвы выехал скоро, не озаботился даже повелением Полевому двору, где еще оставалась не отправленная на обывательских подводах с Подпоручиком Ждамирским Артиллерия, находились боевые заряды, патроны, порох и прочие огнестрельные вещи. Равным образом, проезжая почти мимо, не взглянул и в пороховые погреба, из которых должно было потопить в Москву реку пороха 10 262 пуда, свинца 5 808 пудов и где унтер- цейхвартеры с рабочими занимались до 4-го часа пополудни, почти до того времени как неприятель стал вступать в Москву. Следственно, донесение его, что он, собрав роты и крепостной штат, выступил с ними из Москвы, есть неосновательное и неправильное.

Изложив все сие исследование дела вкратце, представляю на благорассмотрение Вашего Превосходительства, а об имуществе Артиллерийском что, оного в бывшее неприятельское нашествие на Москву сожжено и погибло, и что по выходе оного из Москвы отыскано, представляю Вашему Превосходительству выбранные из подлинных ведомостей и рапортов краткие ведомости. Может быть, под развалинами Арсенала, которого кирпичные стены и своды от взрыва и выжжения большая часть обратились в горы щебня и мусора, и есть что из бывших и хранившихся в Арсенале вещей, но как за неимением рабочих казенных людей разборка с июнямесяца кончилась, то и неизвестно, и нельзя заключительно положить о всего потере. Да и то, что найдено, то почти все негодное (кроме медных орудий) и особенно же белое оружие, как-то, ружья, карабины, штуцера и пистолеты. Не говоря о ложах, которые сгорели, и о стволах, шомполах, штыках, запонах и прочем медном приборе, то все прогорело, железо сделалось хрупко, а медный прибор обратился в слитки и комочки меди, равно тесаки, сабли, палаши и прочее, обделка сгорела, железо прогорело, а медные все штуки слились.

Что ж касается до свинца, которого в Москве-реке, по показанию чиновников должно быть потопленным с барок 8 507 пудов 30 фунтов, из пороховых погребов 5 508 пудов да на Полевом дворе в Красном пруде 122 пуда с фунтами, а всего 14 438 пудов 37 фунтов, то оного ни-

чего не найдено. И хотя Господин Управляющий Военным Министерством и Кавалер Князь Горчаков к Господину Главнокомандующему в Москве и Кавалеру Графу Ростопчину отношением за № 741-м Декабря 16 дня 1812-го года (копии сего при деле значатся под № 44-м), по открывшемуся на прибрежных жителей, где порох и свинец в Москве-реке затоплен был, подозрению, и просил, чтоб взять меры, дабы с открытием весны (что должно быть в 1813-м году) из воды были вынуты, но при всех розысках свинца ничего не отыскано, и из Москвы-реки не достато, да и жители прибрежные в павшем на них подозрении, будто бы они похитили и продавали Казенный свинец, через исследование Земской Полиции впоследствии всего времени виновными не признаны. А посему и признается в неизвестности — что потопленный в Москве-реке свинец, составляющий в количестве более 14 тысяч пудов, расхищен прибрежными или другими какими жителями, или вытасканы во время пребывания в Москве неприятеля, и к сему заключению, что неприятелем свинец, ежели не весь, то, может быть, большая или некоторая часть была из воды или с обмелевших барок вытасканной, взято. В доказательство к сему, найденный после выходу его, и по согнании прошлого 1813-го года весною всего с земли снега, на Полевом дворе большой слиток свинца, в котором при разрубке в штуке оказалось весу 2 006 пудов 32 фунта. Впрочем, погибшего пороха 21 372 пудов 29 фунтов, селитры литрованной и нелитрованной 4 220 пудов 30 фунтов, серы годной и в комках 4 810 пудов 5 фунтов, то из числа оного ничего не найдено. А полагать должно, что селитра и сера, ежели не расхищена, то сожжена, ибо оное не было потопляемо, а порох, основываясь на показаниях чиновников, то, как весь с барок и из пороховых погребов, по раскупорке бочек затоплен в Москве-реке, то и отыскать оного невозможно.

С подлинным верно:
Генерал-майор Ильин. (*Автограф*)

При сем прилагается особо всем принадлежащим к сему бумагам Опись под Литерою А.

№ 100-й
Февраля 24-го дня
1814-го года
Москва

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 545—556 об.)

62. Опись документов к рапорту генерал-майора Ильина об окончании расследования об артиллерийском имуществе. 22 февраля 1814 г.

Опись бумагам, принадлежащим к Рапорту за № 100.

Февраля 22-го Дня 1814-го Года.

№		Число бумаг
1	Подлинный Рапорт Господина Генерал-майора и Кавалера Кнобеля за № 251-м писанный на имя Господина Инспектора всей Артиллерии	1
2	Подлинный Рапорт Полковника Курдюмова, писанный за № 6-м на имя Генерал-майора Ильина	1
3	Подлинное Отношение Комиссии Московского Комиссариатского Депо за № 1038-м, писанное в ответ на Отношение Генерал-майора Ильина	1
4	Краткая выписка из рапорта Полковника Курдюмова, писанного в ответ на вопросы Генерал-майора Ильина, обозначенные в сей же выписке	1
5	Краткая выписка, из Отношения Московской Комиссариатской Комиссии, писанного в ответ на Отношение Генерал-майора Ильина, и вопросы, обозначающиеся в сей же выписке, касающиеся до барок, чьи были впереди	1
6	Рапорт унтер-цейхвартера Белокопытова за № 478-м	1
7	Объяснение его же, унтер-цейхвартера Белокопытова	1
8	Рапорт унтер-цейхвартера Воробьева за № 38-м	1
9	Объяснение его же, унтер-цейхвартера Воробьева	1
10	Ответ цейхдинера Александрова	1
11	Два рапорта Штабс-капитана Волынкина за № 436-м и 453-м	2
12	Рапорт Подпоручика Алексеева за № 195-м	1
13	Рапорт унтер-цейхвартера Матвеева за № 839-м	1
14	Рапорт унтер-цейхвартера Сипачева	1
15	Ответы Подпоручика Оконнишникова	1
16	Копия с рапорта его поданного им на имя Полковника Курдюмова	1
17	Ответы бывшей на барках конвойной команды	1
18	Отзыв начальника 3-го округа путей Сообщения Полковника Вельяшева за № 4 053-м	1
19	Копия с рапорта судоходных рек Москвы и Оки Полицмейстера Наумова	1
20	Отзыв Полковника Вельяшева за № 4 060-м	1
21	Ответ Подпоручика Оконнишникова	1
22	Копия с объяснение Подпоручика Оконнишникова, писанного им на имя Полковника Курдюмова	1

23	Подлинное Предписание Господина Главнокомандующего в Москве и Кавалера Графа Ростопчина, писанное за № 461-м на имя Полковника Курдюмова	1
24	Копия с выписки из Отношения Главнокомандующего в Москве и Кавалера Графа Ростопчина, писанного за № 361-м на имя Господина Управляющего Военным Министерством и Кавалера Князя Горчакова	1
25	Подлинное Господина Главнокомандующего в Москве и Кавалера Графа Ростопчина предписание за № 1 410-м, писанное на имя Генерал- майора Ильина на рапорт его за № 1 441-м, в копии при сем означающемся	1
26	Копия с выписки из писем покойного Князя Голенищева-Кутузова Смоленского к Главнокомандующему в Москве и Кавалеру Графу Ростопчину, принадлежащие к предписанию его за № 1 410-м	1
27	Рапорт унтер-цейхвартера Белокопытова за № 52-м	1
28	Журнал Московского Артиллерийского Депо по рапорту Полковника Курдюмова за № 1 442-м, поданного Августа 18-го	1
29	То же, по рапорту Полковника Курдюмова, поданного Августа 21-го за № 1 495-м	1
30	То же, по рапорту Полковника Курдюмова, поданного Августа 23-го за № 1 521-м	1
31	То же, в дополнение Августа к 23-му, коим предписывается Главнокомандующим в Москве, на случай опасности Москвы, при сем с копиею с предписанием Господина Главнокомандующего в Москве в разрешении, куда в случае опасности обратится выездом, и по оному Журнал, постановленный Августа 31-го Дня, о выезде в Нижний Нов Город	1
32	То же, по рапорту Полковника Курдюмова, поданного Августа 24-го за № 689-м	1
33	То же, по рапорту Полковника Курдюмова, поданного Августа 28-го за № 1584-м	1
34	То же, по рапорту Полковника Курдюмова, поданного Августа 27-го за № 1 569-м	1
35	Выписка из рапортов Полковника Курдюмова из журналов о действиях и распоряжениях Московского Артиллерийского Депо	1
36	Рапорт Подпоручика Ждамирова за № 1-м	1
37	Копия с рапорта Полковника Курдюмова, писанного в Депо Сентября 4-го № 1 560	1
38	Копия с рапорта Полковника Курдюмова, писанного в Депо Октября 21-го дня за № 1 648-м	1
39	Подлинное Г. Московского Коменданта и Кавалера Гессе Отношение за № 1 994-м, писанное на имя Генерал-майора Ильина, при рапорте его за № 1 446-м, в копии при сем означающегося	2
40	Рапорт Унтер-Цейхвартера Белокопытова за № 455-м	1
41	Рапорт Штабс-Капитана Буданова № 8-й	1
42	Выписки из ответствиев Унтер-Цейхвартера Матвеева	1
43	Выписки из ответов Цейхдинера Шарова и Цейхшрейбера Столбова	1
44	Копии с Отношений за № 237, 741 и 3 480-м	3
45	Ведомостей шесть, выбранных из ведомостей чиновников, у кого что из имущества Артиллерийского находилось в заведовании, и что пропало, с кратким означением при оных главных погибших вещах и при описях выписками и именно от унтер-цейхвартеров Белокопытова, Матвеева, Воробьева, Сипачева, Штабс-капитана Волынкина и Цейхдинера Александрова	6
46	Ведомость и выписка о найденных после выходу неприятеля из Москвы, в Московском Арсенале и других местах Российских орудиях, зарядных ящиках, снарядах, свинце, прочих вещах и припасах	2
47	Ведомость о неприятельских орудиях, доставленных с разных мест по 23-е Февраля 1814-го Года и об обозе, найденном в Москве	1

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 430—431)

63. Рапорт полковника Курдюмова в Артиллерийский Департамент по поводу итогов расследования генерал-майора Ильина. 28 августа 1814 г.

№ 18 286. Августа 30.

В Артиллерийский Департамент
Военного Министерства!
Артиллерии Полковника Курдюмова.
Рапорт!

В исполнение повеления оного Департамента от 30 минувшего Июля № 7 298 представляя при сем, учиненное мною Объяснение, против всех тех пунктов, коими Господин Генерал-майор Ильин, по сделанному им Исследованию, о оставленном в Москве и истребленном моего ведения Имущества, пред нашествием туда неприятеля, признает меня упустительным, в исполнении разных по тогдашнему времени обязанностей моих, покорнейше прошу Артиллерийский Департамент, по надлежащем рассмотрении сего Объяснения, ясно

изображающего несправедливое обвинение меня во всех случаях, не оставить своим представлением оного к Господину Инспектору всей Артиллерии и защитою, дабы вместо полагаемых наград за неутомимые труды, в столь критическое время мною понесенных, не мог я безвинно пострадать или понести нарекания на честь мою, которая во все время продолжительного служения моего ничем помрачаема не была.

Приложенные же при помянутом повелении бумаги, имею честь с сим вместе обратно представить.

Артиллерии Полковник Курдюмов

28 Августа
1814 года
4-го Сентября сделан Журнал № 396

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 616)

64. Отпуск с донесения И. Г. Гогеля П. И. Меллер-Закомельскому о командировке полковника Курдюмова в Петербург. 9 сентября 1814 г.

№ 4 396.
9 Сентября 1814 года. № 8 642.

Ваше Высокопревосходительство предложением от 9 Июня № 2945 дали знать Департаменту Артиллерийскому, что предписано от Вас Командиру Калужского Крепостного Штата по Артиллерийской части Полковнику Курдюмову отправиться в Петербург для объяснения по делам службы. А он, Господин Курдюмов, по прибытии сюда, в конце минувшего Июля-месяца явясь в Департамент, объявил, что Ваше Высокопревосходительство изволили истребовать его для отобрания от него при оном объяснения по учиненному Артиллерии Господином Генерал-майором Ильиным следствию об оставленном и истребленном в Москве при нашествии в 1812 году неприятеля артиллерийском имуществе, в ведении его бывшем. Почему Департамент, видя из доставленных от Господина Генерал-майора Ильина копий с того следствия, представленных им к Вашему Высокопревосходительству, что действительно многие пункты потребны его объяснения, от 30 Июля предписал немедленно оные представить, кои ныне им и поданы, притом же повторив, что для сих единственно объяснений вызван был, с таким удостоверением, что имеет от Вашего Высокопревосходительства повеление, по учинении оных, неукоснительно отправиться к прежнему /месту службы/ в Калугу, просит объяснения представить Вашему Высокопревосходительству и употребить ходатайство, дабы через не справедливое обвинение его вместо чаянных наград, за неутомимые труды в столь критическое время им оказанные, не мог он безвинно пострадать, или нести нарекания на честь свою, которая во время продолжительного служения ничем помрачаема /не/ была, а его снабдить на обратное следование в Калугу подорожною, равно и не полученными им там на оба пути прогонными деньгами.

По сим убеждениям Департамент Артиллерийский решился выдать ему подорожную и на 3 лошади прогонных денег, следуя в последнем случае законному постановлению. Представленное же от него объяснение имеем честь представить при сем на особенное Вашего Высокопревосходительства сего уважение, со всеми имеющимися при них приложениями.

Подлинное подписал: «Верно Гогель» (*автограф*).

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 631—632 об.)

65. Рапорт Московского Артиллерийского депо в Артиллерийский Департамент о найденных в мусоре знаменах, значках и т. п. 13 ноября 1814 г.

№ 25 116. 26 Ноября.
Министерство Военное. Отделение IV. В I-й Стол. Ноября 13 дня 1814 Года. № 4 082. Донесение с ведомостью о найденных в Московском Арсенале в мусоре Знаменах, Значках и прочих вещах.

В Артиллерийский Департамент
Военно-сухопутного Министерства.
Московского Артиллерийского депо
Рапорт.

Унтер-цейхвартер Белокопытов с засвидетельством Господина Полковника Железникова при рапорте представил о найденных в Московском Арсенале в мусоре Старых Знаменах, Значках и прочих оружейных вещах Ведомость. По сему оному Белокопытову велено те Знамена, Значки и прочие вещи записать в приход и хранить, установив порядочно в устроенных арках. В ведомостях же все то показывать оное отдельно от прочего. О сем Артиллерийскому Департаменту Депо с приложением Ведомости копию доносит.

Генерал-майор Ильин
Секретарь Сорокин
10-го Класса Фролов
(*Подписи — автографы*)

Ведомость О найденных в Московском Арсенале в мусоре во время разобрания кирпича Знаменах и Значков значит под сим. Копия [ноябрь 1814 г.].

	Число
Знамен без древков!	
Казачьих голубых с белою обшивкою с полинявшими Гербами, изорванных	3
Казачье малинового цвету с белым Крестом. А Вензель от сырости довольно краска отопрела	1

Пехотных Полков!	
С светло-коричневым и белым цветом, полинявших, ветхих	3
С железным и палевым цветом с полинявшими Гербами, ветхие Вензеля. От сырости довольно краска отопрела	2
С белым, голубым, черным и ранжевым цветом с полинявшим Гербом, ветхое, а Вензель от сырости довольно краска отопрела	1
С малиновым и голубым цветом с полинявшим Гербом, ветхое. А Вензель от сырости довольно краска отопрела	1
Желтого цвету, рваное, с Черным орлом	1
Белое, с полинявшим Вензелем, который от сырости довольно краска отопрела. А с другой стороны с Черным орлом	1
Штандарт Гусарский Гарнитуровый малинового и красного цвету, с полинявшим Гербом, ветхий	1
С древками	
Желтого атласу с обшитою кругом золотою мелкою бахромою, с черными Императрицы Екатерины II Вензелями, при них, позолоченных медных помятых с надломленными Вензелями копьев с подтоками[54] 3. На каких Позолота истерлась, при них переломленных древков два без подтоков и копий. Все 5-ть ветхие, а Вензеля от сырости довольно краска отопрела	5
Севастопольского Полку — голубого и белого цвета, из коих одно с медным измятым копьем, другое без копья сломанными древками. Гербы Императрицы Екатерины I. Полинявшие, по краям немного порваны, сопревшие	3
Полку Генерал-майора Массе, желтого и белого цвета, Государя Императора Павла I, из коих два с ломаными копьями и позолота на копьях истертая, без подтоков, кои в разных местах изорваны, равно и Вензеля прорваны, с надписью: За взятие Знамен у Французов на горах Швейцарских в 1799-м Году	4
Нарвского Полку черного, ранжевого и белого цветов, с 3-мя памятными медными копьями, без подтоков, с полинявшими Гербами и порванными у всех в разных местах краями, равно и Вензеля местами рваные, полинявшие. При них одного древка нет	4
Желтого атласа с Черными Гербами Императрицы Екатерины II. Изорванные, без копьев и подтоков, из числа оных у одного древко сломано	4
Полтавского Мушкетерского Полка. Зеленого и белого цвету без подтока и копья, с полинявшим Гербом, ветхое, местами прорвано	1
Киевского Гренадерского Полка, ранжевого, белого и песового цвету без копья и подтоков. Края рваные, Вензель полинявший, сопревшее и ветхое	1
Казацкое Российское треугольное, белого цвета, с оторванным углом, ветхое	1
Апшеронского Полку. Ранжевого и зеленого цвету, местами изорванные, без копьев и подтоков, ветхих, полинявших	3
Малинового и светло-голубого цвета, полинявшее, местами прорванное, с сопревшим Гербом, края рваные, без древка, без подтока и копья	1
Атласное Белое, с Черным Орлом — Императрицы Екатерины I. Изорванное, Древко переломлено, без подтока и копья	1
Большое белое, полинявшее, изорванное, с медным изломанным копьем, без подтока, ветхое	1
Государя Императора Александра Павловича, изорванное, ветхое, без подтока и копья, у коего древко переломлено	1
Желтого и Белого цвету, с 3-мя позолоченными копьями, одно копье изломано. У одного Знамя древко сломано, без подтоков и все в самые мелкие куски изорваны, и, большей части, Знамен не имеется, коих и узнать нельзя, каких оные были Полков	5
Российские, белые, изорванные в мелкие куски. Большой части Знамен не имеется, при древках. Медных измятых разных копий два, древко изломано одно, и самих Знамен узнать нельзя, каких оные Полков	3
Знамен или Значков тафтяных[55], не известно, синего, черного и палевого цветов, изорванные в самые мелкие куски. Большею частью тафты не имеется. При них копьев плоских медных два. Без древков все	10
Малинового цвету с белыми палями и одноглавым Орлом, местами прорванное, без подтока и копья, ветхое	1
Пунцового цвету, обшитое кругом Короны винькой, серебряной каемкою и разным шелком. Без Вензеля, с одной Короною, неизвестное, без подтока и копья, изорванное	1
Знамя Голубое, Гарнитуровое, с надписью на одной стороне Архистратига, на другой стороны Орел, без подтока и копья, ветхое	1
Цвета голубого, ранжевого, черного и белого, без древков и во многих местах изорванные, Российские с Гербами	2
Российское, Императрицы Екатерины II, зеленого с ранжевым цветом. По углам с полинявшим Гербом, изорванное	1
Казацкое, ранжевого цвета в двух разделах. А с одного до половины оторвано, с малыми дырами	1
Российские, с Гербами и с изломанными древками без копий и подтоков. Белого, черного и пунцового цвета, с малыми дырами и отчасти с углов изорваны	2

Российское, с Гербом на сломанной древке. Без копья и подтока, коричневого и голубого цвета, с малыми дырами	1
Азовского Мушкетерского Полка. Российское, с Гербом на сломанной Древке, без копья и подтока, кофейного и малинового цвета, с малыми дырами	1
Значков Ротных лагерных, ветхих и порванных	
Шелковых разного цвета, с древками без копий и подтоков	14
Парусинных и разных, на древках без копий и подтоков	21
Разного цвету	28
Холстинных, на древках без копий и подтоков	12
Вообще все Знамена и Значки, найденные в мусоре, сопревшие, отчего нисколько в них крепости не имеется	
Копий от Знамен медных	
Вызолоченное, на коем золото местами потерто. Годное	1
Без позолоты, с разными Гербами, в починку годных	5
Ломаных, не годных	5
Без трубок не годных	4
Гладких, годных	3
Древков деревянных, старых, надломленных, не годных	
Штандартных	34
При них медных полос тонких латунных, разных	75
Трубок от копий разных	10
Подтоков	15
Без копий и подтоков, знаменных, не годных	17
Без копий и подтоков, значковых, не годных	8
Пик без древков медных, не годных	6
Пик без древков железных, не годных	28
Значков Офицерских медных, помятых, изломанных, с надписью 1728 Года, не годных, с Вензелями	11
без Вензелей	7
Политавра[56] медная с железными обручами и с винтами без кости	1
Пряжек медных не годных к ружьям с железными спинками	1 пуд 5 фунтов
Ружей с расколотыми ложами и погнутыми стволами без штыков и шомполов не годных	21
В том числе без замков	3
С замками, без прикладов	12
Пистолет с колотою ложею, не годный	1
Ствол погнутый карабинный, старого калибра	1
Стволов ружейных, не годных	62
Ствол пистолетный	1
Замков ружейных, горелых, не годных	37
Прикладов ружейных, с медными подтоками	23
Штыков ружейных изогнутых	62
Шомполов изогнутых	10
Палашей конных, старого калибра	2
Тесаков с погоревшими медными не целыми эфесами.	87

На подлинный написано: По сей Описи принял унтер-цейхвартер Белокопытов. По сей Ведомости сдал Подпоручик Оконнишников. При сем был унтер-цейхвартер Сучков. Засвидетельствовал Полковник Железников.

Верно: Секретарь Сорокин
10-го класса Фролов

15 Декабря представлена Копия с Ведомостью Главному Инспектору Всей Артиллерии при записке № 12 203.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 634)

66. Рапорт Московского Артиллерийского депо в Артиллерийский Департамент о найденных в мусоре знаменах и т. п. 10 декабря 1814 г.

№ 27 751. Декабря 28.

Министерство Военное. Отделение IV. В I-й Стол. Декабря 10 дня 1814 Года. № 4 386. Донесение с ведомостью о найденных ныне в Арсенале в мусоре Знаменах, Значках и прочих вещах.

В Артиллерийский Департамент
Военно-сухопутного Министерства.
Московского Артиллерийского депо
Рапорт.

Унтер-цейхвартер Белокопытов с засвидетельством Господина Полковника Железникова, при рапорте представил о найденных ныне в Московском Арсенале в мусоре Старых Знаменах, Значках, и прочих вещах Ведомость, посему ему, Белокопытову, велено все оное записать в приход и показывать отдельно от прочих вещей и припасов. О сем Артиллерийскому Департаменту Депо с приложением Ведомости копию доносит.

Генерал-майор Ильин
Секретарь Сорокин

10-го Класса Фролов
(*Подписи — автографы*)

Ведомость О найденных в Московском Арсенале в мусоре во время разборки кирпича Знаменах и прочего, Значков на земле. Копия.	
	Число
Архаровского Полку, голубого с белым цветом, ветхое, местами изорванное. У Вензеля и Герба краска от сырости довольно сопревшая. С надломленным древком, без подтока и копья	1
Киевского Гарнизонного Полка, разных цветов — белого, малинового, кофейного и черного. Ветхое, сопревшее, местами изорванные Гербы и Вензеля, от сырости довольно краска сопревшая. При нем три древка надломленные, а четвертого совсем нет. Без подтоков и копий	4
Поступивших в 1799 Году из Переславля, из уничтоженной там Артиллерийской Команды, синего цвету в таких изорванных и сопревших с Вензелями Святого Георгия Победоносца, два древка без подтоков и копий и одно без древка. Ветхие не годные	3
Государя Императора Александра Павловича. Ранжевого и белого цвету, ветхие и изорванные. Гербы и Вензеля от сырости довольно сопревшие, без древков и копий и подтоков	4
Поступивших из Елисаветграда в 1809 Году из Ирюповского Комиссариатского Депо, Палевого цвета, Государыни Императрицы Екатерины I. Ветхие, изорванные, без подтоков и копий. Гербы и Вензеля сопревшие, одно Знамя все изорвано	3
Белого цвета, в мелкие куски изорванные так, что и узнать нельзя, какого оные Полку. С негодными переломанными древками без подтоков и копий	3
Белого цвета, с Одноглавым Орлом, древко переломанное, не годное, без подтока и копья, сопревшее, изорванное и большой части Знамени не имеется, которого и узнать нельзя, какого оное Полку	1
Палевого и пунцового цвету, изорванное в мелкие куски, без подтока и копья	1
С большим белым тафтяным Крестом, с палевою канвою, изорванное в мелкие куски, без древка, сопревшее	1
Казачье, белое с пунцовым цветом, с косым клином, изорванное, без подтока и копья, ветхое	1
Иностранное, зеленого цвета, изорванное в мелкие куски, без древка	1
Иностранные, разных цветов, изорванные в самые мелкие куски, при коих копий медных, гладких, надломленных и погнутых, без позолот 7	9
Российское, белого, желтого и коричневого цвета, без Герба, изорванное в мелкие куски	1
Егерского Полка, переименованного из Мушкетерского, ветхое, с сломанным древком, без подтока и копья	1
Малороссийского Полку Запорожского Войска. Голубые, полинявшие, изорванные в мелкие куски, сопревшие, с надломленными древками, с гладким копьем без подтоков	2
Белого и красного цвета, холщовое, с двумя клиньями, с надписью: «Яко храбрый воин Христов Великий Государь Благоверный Царь и Великий Князь Петр Алексеевич Всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержец» с надломленным древком с железным копьем без подтока	1
Российское Белого, малинового и зеленого цветов, без древка и Герба, краска от сырости местами отопревшая, Знамя целое, неизвестно какого Полку	1
Белого, черного и ранжевого цветов, изорванное в мелкие куски, без древка и Герба, краска местами от сырости полинявшая, ветхое	1
Белого и черного цветов, с сломанным древком, с медным копьем, без подтока, у Герба краска от сырости сопревшая, у коего поля в дырах, ветхое	1
Белое штофное, ветхое, местами изорванное, с надписью на средине: «По Повелениям Ее Величества Государыни Анны Иоанновны Императрицы Самодержицы Всероссийской и протчая и протчая и протчая, дано сие Знамя Ее Императорского Величества верному подданному Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетману Данилу Апостолу лета от Рождества Христова 1730 Государственная Ее Величества 681-го Году». У Вензеля краска местами от сырости отопревшая, ветхое, с изображением	1
Зеленое, с желтым цветом, с изображением Божией Матери, Господа Саваофа, Исуса Христа, изорванное в мелкие куски, сопревшее	1
Штандарт /*нрзб.*/ белого и голубого цвета, без Герба и бахромы, без древка, сопревший. Ветхий не годный	1
Шведское, малинового цвета, шитое желтым шелком, с желтою бахромою, без древка и кистей, изорванное	1
Одних Древков разных	
Штандартных, погнутых и надломленных, с медною латунью. И при них 40 бронзами, при коих подтоков медных 8; копий медных вызолоченных, на коих позолота местами полинявшая, 2	13
Штандартные же, надломленные, без бронзы, с подтоками, с одними медными копьями.	3
Штандартных, без бронзы, без подтоков и копий, изломанных, негодных	3

Разных Штандартных, изломанных, при коих копий медных с Вензелями 2	3
Гладких с подтоками	3
Вообще все Знамена найденные в мусоре сопревшие, отчего нисколько в них крепости не имеется	
Тесаков солдатских погоревших, с медными эфесами	2
Палашей погоревших, с медными эфесами	4
Кривых, негодных	4
Штыков ружейных, не горелых, погнутых	1 226
Разнокалиберных, погнутых, горелых	30
Стволов Ружейных	
Негодных	40
Горелых	22
Штуцерный	1
С замками	3
Ружей солдатских с замками и прикладами	
У коих стволы погнуты	5
С железным прибором	4
Замков ружейных, горелых	32
Шомполов не горелых, изогнутых	20
Горелых, изогнутых	13
Прикладов ружейных медных	10
Пистолетов изломанных	3
Стволов ржавых пистолетных	4
Меди разного лому	5 пудов
Пик медных	3
Знаков офицерских с гербами	6
Знаменное копье медное	1
Поступивших от унтер-цейхвартера 13-го класса Сучкова, найденных им в мусоре	
Стволов горелых, изогнутых, ржавых, разнокалиберных, не годных	330
Штыков горелых, ржавых, изогнутых, разных, негодных.	1 240

На подлинной написано: По сей Ведомости принял унтер-цейхвартер Белокопытов. По сей Ведомости сдал Подпоручик Оконнишников. При сем был унтер-цейхвартер Сучков. Засвидетельствовал Полковник Железников.

Секретарь Сорокин

С подлинного поверял 10-го Класса Фролов

(*автографы*)

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 656)

67. Повеление Военного министра Артиллерийскому Департаменту донести полные сведения об имуществе Арсенала. 11 августа 1815 г.

№ 18 998. Августа 12/815.

Министерство Военное
Общая Канцелярия
Отделение II.
11 Августа 1815
№ 5 307

Артиллерийскому Департаменту.

Не получая доныне от оного Департамента по предписанию моему от 9-го Мая 1814 года № 2 698 сведения: сколько именно из остававшегося в Москве во время неприятельского нашествия Артиллерийского имущества, до сего времени найдено и выручено вещей и припасов, и за тем сколько чего погибло и на какую сумму? Я подтверждаю Департаменту донести мне об оном без малейшего отлагательства, присовокупив и подробную ведомость для представления Государю Императору.

Управляющий Военным Министерством

Князь Горчаков 1-й

Директор Татищев

(*подписи — автографы*)

10 Сентября представлена ведомость Господину Управляющему Военным Министерством при донесении № 9 241.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 674)

Сабля офицерская кавалерийская образца 1809 г. Россия

Шпага офицерская пехотная образца 1798 г. Наградное оружие «За храбрость». Россия

68. Отпуск с донесения Артиллерийского Департамента Военному министру об окончании розыска артиллерийского имущества в Москве и предоставлении итоговой ведомости. 10 сентября 1815 г.

№ 8 497. № 9 241. Отпуск с донесения.

Вашему Сиятельству Департамент Артиллерийский от 17 Марта 814 года № 2 913 представив ведомости о всем отысканном до того времени, из оставшегося в Москве пред нашествием неприятеля, свезенном туда из других мест Российском и неприятельском Артиллерийского ведения имуществе, по словам Московского Артиллерийского Депо, имеет честь доносить, что во всех местах по Москве, отыскание имущества кончено, оставались только не разобранными одни груды камней, составившиеся из развалин подорванной неприятелем части Арсенала, где, однако ж, безнадежно, что-либо можно было найти годного. Но вопреки сему чаянию, по приступлении вскоре после того к разборке оных груд, начали находить в них многие оружейные и другие вещи, так же орудия и даже целые Знамена, Штандарты и Значки, коих в довольном количестве тех найдено, что Департамент постановило в составлении требуемой Вашим Сиятельством подробной ведомости, о всем из оставшегося и потопленного не отысканном имуществе, а ныне, когда разборка изъясненных груд приходит уже к окончанию, с тем вместе оканчиваются и отыскания. Исполняя повеление Вашего Сиятельства № 5 007, составив таковую ведомость, с показанием, сколько чего, пред вступлением в Москву неприятеля, оставлено и потоплено было Артиллерийского имущества, что из того теперешнего времени и за сим каких вещей, какое число и на какую сумму не отыскано, представляет оную у сего Вашему Сиятельству; донося притом, что показываемое отысканным имуществом все то, которое с самого начала изгнания из Москвы неприятеля, доднесь найдено и из воды выручено. А затем, по сделанному расчислению, почитается погибшего имущества кроме не полагавшегося в цене на 2 172 411 ру. 99 5/8 копеек.

Подлинное подписал Виц-директор
Генерал-майор Гогель
Верно: /Павлов/

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 675—676)

Фрагменты из итоговой «Ведомости об Артиллерийском имуществе оставленном при вступлении неприятеля в Москве с показанием, сколько чего из оного, по изгнании неприятеля, доныне найдено, не отыскано и чего неотысканное коштует[57]». Б/д. (10 Сентября 1815 г.)[58]

Артиллерия

Наименование	оставлено	найдено	Стоимость ненайденного
Орудия			
Старинных медных			
Российских			
Дробовик 120-пудовый	1	1	
Единорог 66-фунтовый	1	1	
Пушек 52-фунтых	1	1	
48-фунтовых	1	1	
40-фунтовых	3	3	
25-фунтовых	1	1	
5 ½-фунтовых	1	1	
5-фунтовых	1	1	
Иностранных			
Пушек 46-фунтовая негодная	1	1	
25-фунтовая негодная	1	1	
24-фунтовая негодная	1	1	
2-фунтовая негодная	1	1	
45-фунтовая Амстердамская	1	1	
30-фунтовая Турецкая	1	1	
16-фунтовая Польская	1	1	
Российских			
Мортирцев 24 лот в ружейной ложе	1		1
4 ¾ На медном лафете	1		1 (19 р. 50 к. обе)
Чугунных			
Мортир 34 пуда 4 ½ фунтов	1	1	
Медных			
Единорогов ¼ картаульных[59] с подбитыми лафетами	2	2	
8-фунтовая на лафете	1	1	
без лафет	28	27	1 (605 р.)
Пушек 12-фунтовая на подбитых лафетах	1	1	
6-фунтовая на подбитых лафетах	3	3	
3-фунтовая на лафетах	3		3
без лафет	56	53	3 (3 630 р. обе)
Мортирок	8	6	2 (2 р. 4 к.)
Единорогов 8 лот	4		4
Пушек 13 лот	1		1
10	3		3
8	4		41
7	1		6
4	6		5
3	5		5 (все медные 4 050 р.)

Чугунных негодных	3		3 (110 р.)
Без лафет Чугунных же	5		5 (2 р. 65 к.)
Итого орудий с лафетами и без оных	156	113	43 (8 419 р. 19 к.)
Одних лафет	3	1	2 (474 р.)
Зарядных ящиков	141	89	52 (8 350 р.)
Колес	32	27	5 (480 р. 89 к.)

Всего на 17 724 р. 8 к.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 678—680)

<u>И того оружия</u>

Всего оружия и вещей оружейных

оставлено было на	1 074 762 р. 53 к.
Из них было отыскано на	71 661 р. 32 ¾ к.
Не отыскано и пропало на	1 003 101 р. 20 ¼ к.

Белого оружия и принадлежностей к нему

Оставлено на	217 019 р. 30 к.
Разыскано на	4 737 р. 2 ½ к.
Не отыскано на	212 282 р. 27 к.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 690)

<u>Порох, сера, селитра</u>

Оставленный и погибший в Москве порох	Вес (пуды, фунты, золотники)	Стоимость (рубли, копейки)
Пушечного		
В Москве оставленного	3 876 п. 36 ф. 54 з.	
На барки отпущенного	3 834 п.	
Всего	7 710 п. 36 ф. 54 з.	
Мушкетного		
В Москве оставленного	5 200 п. 17 ф. 19 ½ з.	
Отпущенного на барки	4 476 п.	
Всего	9 676 п. 17 ф. 19 ½ з.	
Винтовочного		
В Москве оставленного	1 184 п. 29 ф. 63 ½ з.	
Отпущенного на барки	1 164	
Всего	2 348 п. 29 ф. 63 ½ з.	
<u>ИТОГО</u>	19 736 п. 3 ф. 41 з.	466 758 р. 42 ½ к.
Весь оный порох потоплен в Москве-реке		

<u>На Полевом дворе оставлено компонентов для изготовления боевых зарядов</u>

Наименование	Вес (пуды, фунты, золотники)	Стоимость (рубли, копейки)
Мякоти пороховой	9 п. 37 ф. 3 ½ з.	234 р. 67 ½ к.
Селитры литрованной	3 605 п. 8 ф. 76 з.	83 496 р. 96 к.
Селитры нелитрованной	615 п. 5 ф. 93 з.	12 968 р. 13 ½ к.
Серы годной	2 725 п. 9 ½ ф.	34 497 р. 92 ¼ к.
Серы черенковой негодной, следовавшей в пересумблировку[60]	5 п. 10 ф.	
Серы комовой с мелочью, следовавшей в пересумблировку ж	2 079 п. 14 ф.	20 846 р.

Артиллерии Генерал-майор Пичугин, находившийся при отыскании в Москве имущества, когда неприятель был из оной изгнан, доложил, что селитра и сера, хранившиеся на Полевом дворе в погребах, от неприятеля сожжены.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 699 об.)

<u>Свинец</u>

Оставленный в Москве свинец	Вес (пуды, фунты, золотники)	Стоимость (рубли, копейки)
Свинца оставшегося в Москве	5 808 п. 28 ф. 26 ½ з.	
Отпущенного на барки	8 507 п. 30 ф.	
<u>ИТОГО</u>	14 316 п. 18 ф. 26 ½ з.	77 844 р. 49 к.
Из всего отыскано	162 п. 36 ½ ф.	
Осталось не найденным	14 153 п. 21 ф. 74 ½ з.	
Оный свинец затоплен в Москве-реке, а над похитителями оного производится в Москве суд		

Да сверх того отыскано еще на Полевом дворе большой слиток свинца 3 006 пудов 32 ½ фунта, который почитается неприятельским, потому что им тут производима была по оставшимся признакам отливка пуль. Полагая его в цену, стоит он 16 537 р. 46 $_{3/7}$ ко.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 700)

Знамена, штандарты, знаки

Наименование	оставлено	найдено	Не отыскано
Знамен			
Разных Российских	608	110	498
Польских	6		
Турецких	399	10	443
Ветхих так, что не можно разобрать какие	48		
Чехлов при Российских знаменах ветхих	19		19
Штандартов Российских разных	287	3	284
Лоскут штандартный	1		1
Значков			
Российских	879	75	806
Польских	2		
Бунчуков	14		14
Бундухан	1		1
Серебряных: Булав	17		17
Перначей	7		7
Костыль с цепочкою	1		1
Темлячек	1		1
Кутей	239		239
Золотых: Бахромы	2		2
Кистей	98		98
Крестов Знаменных, шитых золотом	2	2	
Турецких			
Древков Знаменных	17	4	13
Штандарты	116	59	57
Значков	8	1	7
Знаменных копий разных	98	15	83
Перевязей Штандартных	17		17

Не отысканные Знамена и Штандарты, по уверению находившегося в Москве у отыскания имущества, когда неприятель из оной изгнан был, Артиллерии Генерал-майора Пичугина, доносившего, что в развалинах Арсенала отыскиваются в большом количестве знаменные лоскутья, должно полагать, из истребившихся при обрушении подорванной неприятелем части Арсенала.

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 691 об.)

Итоговая запись о не отысканном артиллерийском имуществе

Итого по сей Ведомости из оставшегося пред нашествиям неприятеля в Москве и потопленного в Москве-реке и Красном пруде Артиллерийского имущества доныне не отыскано:

Орудий, лафет и прочего на 17 724 р. 8 к.
Разной к Артиллерии принадлежности на 37 472 р. 67 ½ к.
Оружия огнестрельного, частей и принадлежности ко оному на 790 818 р. 92 ¾ к.
Оружия белого с принадлежностями и частями на 212 282 р. 27 ½ к.
Оружия всего на 1 003 101 р. 20 ¼ к.
Разных, бывших в Арсенале вещей к оружию принадлежащих и путевых для оного припасов на 32 145 р. 12 к.
Оружейных инструментов на 9 444 р. 91 к.
Материалов к ружейному делу приготовленных на 1 959 р. 40 к.
Пороха в запасе бывшего на 466 758 р. 42 ½ к.
Мякоти пороховой, селитры, серы, составу, стапику и ракет на 152 749 р. 8 ¼ к.
Свинца в запасе бывшего на 77 844 р. 49 к.
Бумаги патронной, кремней, бочек и путевых припасов на 28 940 р. 57 ½ к.
Оставшихся при Арсенале снарядов, зарядов, патронов и пр. на 99 812 р. 98 ⅛ к.
Московских и Смоленских запасных парков снарядов, припасов и вещей на 124 280 р. 19 ¼ к.
Лабораторного ведения боевых зарядов и вещей на 50 389 р. 16 ½ к.

Бывших в Арсенале

Разных магазинных вещей на 64 017 р. 69 к.
Понтонных вещей на 2 795 р.
Комиссариатского ведения бывшей Московской Резервной Бригады вещей на 1 977 р.
Всего на 68 789 р. 69 к.
Да сверх того оставленных в Арсенале медною монетою денег 1 000 р.

А ВСЕГО на 2.172.411 р. 99 ⅝ к.

Подлинную подписал Виц-директор
Верно: Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 727 об.)

69. Отпуск с донесения Артиллерийского департамента Военному министру о найденной картечи. 7 октября 1815 г.

23 086. 23 089.
7 Октября. 1815 год. № 10 084.

Управляющему Военным Министерством.

По полученным ныне от Московского Артиллерийского Депо рапортам Департамент Артиллерийский имеет честь Вашему Сиятельству донести, что сверх показанных в представленной от 10 минувшего Сентября № 9 241 Ведомости, отысканного в Москве из оставшегося там и потопленного пред вступлением туда неприятеля Артиллерийского имущества вещей, при разборке у Арсенала и разровнении около оного

земли, еще найдено и записано в приход дроби чугунной, употребляемой на дело, картечь с малыми рябинами и раковинами, счетом 50 463 а весом 795 пудов 28 фунтов, которая по полагаемой цене по 2 рубля каждый пуд, стоит 1 591 руб. 42 ½ коп.

Подлинную подписал Виц-директор Генерал-майор Гогель

Верно: Павлов

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 730 об.)

70. Мнение Государственного Совета о стоимости погибшего в Москве артиллерийского имущества. 7 мая 1817 г.

Список.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано тако:
Быть по сему.

С.-Петербург.
7-го Майя 1817 года.

Мнение Государственного Совета.

Государственного Совета в Департаменте Военных дел и в Общем собрании рассматривано представление Военного Министра, касательно принятия на счет Казны погибшего в Москве во время неприятельского нашествия Артиллерийского и Комиссариатского имущества.

Из подробного исследования сего дела открывается следующее:

1-е. Потеря Артиллерийского имущества оставленного в Москве при занятии оной неприятелем, и затопленного в Красном пруде, и в Москве-реке близ монастыря Николы Перервы, состояла сперва всего на 2 179 911 рублей 99 ¾ коп.; а за исключением отысканных вещей после представления Ведомости о Артиллерийском имуществе, утрата оного простирается до 2 170 820 руб. 57 коп.

2-е. В означенных снарядах и вещах некоторые, быв неспособными к употреблению, составляли только счет, а при внезапном занятии неприятелем Москвы, не было ни времени, ни способов к вывозу из оной того имущества, из коего одна часть, подверженная сгораемости, была жертвою известных пожаров в Москве; другая, хотя и отыскана, но в испорченном виде; третья, состоявшая из пороха и снарядов, потоплена; а четвертая, самая малая, при общем замешательстве, растаскана, но кем не известно.

3-е. Комиссариатских вещей, до занятия неприятелем Москвы, состояло на 3 697 126 руб. 56 ¾ коп. Из них спасено, на 1 020 229 руб. 58 коп.; сожжено и потоплено на 2 496 373 руб. 82 коп. Оставлено в Москве за не помещением на подводах на 180 523 руб. 16 ¾ коп., с коими и составит всей потери Комиссариата на 2 676 896 руб. 98 ¾ коп.

4-е. О Комиссариатских вещах дано было предписание от Главнокомандующего в Москве Генерала Графа Ростопчина 20-го Августа 1812-го Года, чтобы оные укладывать и приготовлять к свозу, буде бы надобность того востребовала, а о числе подвод потребных для перевозки, велено было доставить Записку Гражданскому губернатору. По сему предписанию, тогда же приказано было Московской Комиссии все вообще имеющиеся у нее в наличности вещи приготовить так, дабы они, по получении повеления к отбытию, могли быть отправлены в то место, куда назначено будет. И того ж 20-го Августа уведомлен был Гражданский Губернатор, что для своза Комиссариатских вещей сухим путем потребно нарядить обывательских подвод до 2 000 и что сверх того нужно, по бывшему тогда крайнему недостатку в подводах, для отправления вещей водою, назначить барок, сколько возможно более. По сему требованию и по особым после того докладам Главнокомандующему, дано было для своза Комиссариатских вещей в разные числа 23 барки, а для своза оных присланы лоцманы 30-го Августа. И как вещи тотчас погружаемы были на суда, по мере получения оных, то на другой день по присылке лоцманов, то есть 31-го Августа, отправлены они в путь. Для вывоза ж вещей сухим путем присланы Августа 31-го и Сентября 1-го 1 700 обывательских подвод, на которых в то ж самое время отправлены были до г. Коломны все нужнейшие вещи, а оставлена в Москве, за не помещением на подводах, вещей большею частью к употреблению не годных на весьма малую сумму. Из числа полученных Комиссариатом барок, шедших впереди Артиллерийских, три барки спасены и находившиеся на них вещи отданы в Армию. Равно доставлены в целости в Нижней Новгород и все те вещи, кои вывезены были на обывательских подводах. Прочие ж барки, следовавшие позади Артиллерийских и задержанные ими, которых не было по сей причине никакой возможности спасти от неприятеля, по повелению покойного Генерал-фельдмаршала Князя Кутузова Смоленского, сожжены и потоплены.

5-е. Генерал Кригс-комиссар, быв очевидным свидетелем всех действий Чиновников Московской Комиссариатской Комиссии, по предмету сохранения вверенных им вещей, удостоверяет, что все они обязанность свою по делу службы исполнили в полной мере, и при всех усилиях не в состоянии были сделать более, сколько действительно могли.

Государственный Совет в Общем собрании, по внимательном сего дела соображении, находя заключение Военного Министра основательным, согласно с Департаментом Военных дел, полагает: означенную потерю Артиллерийского и Комиссариатского Департаментов, составляющую всего четыре миллиона восемь сот сорок семь тысяч семь сот семнадцать рублей пятьдесят

шесть копеек с четвертью (4 847 717 руб. 56 ¼ коп.) как происшедшим по тогдашним не предвидимым военным обстоятельствам, из счета исключить.

Подлинное подписал Председатель Государственного Совета Князь Петр Лопухин.

С подлинным верно:
За Государственного Секретаря
Статс-секретарь А. Оленин[61]
Верно: Директор Татищев (*автографы*)

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 734—735 об.)

71. Копия Журнала Общего присутствия Артиллерийского Департамента Военного министерства. 12 апреля 1818 г.

10 886. Копия.

12 Апреля 1818 г. № 198. Относительно оставленного и истребленного в Москве имущества пред нашествием неприятеля. На подлинном рукою Господина Директора написано: Исполнить. Барон Меллер-Закомельский.

Журнал Общего Присутствия
Департамента Артиллерийского!

Господин Военный Министр при повелении № 2450 доставил для надлежащего исполнения Список с Высочайше утвержденного Мнения Государственного Совета, о погибшем в Москве во время неприятельского нашествия Артиллерийском имуществе, простирающемся на 2 170 890 рублей 57 ½ копеек, а в том Мнении Государственного Совета изображено /... /[62].

По полученным же от Московского Артиллерийского Депо сведениям пред нашествием в Москву неприятеля оставлено там и потоплено было Артиллерийского имущества в разных и таких званиях, коим Департамент мог положить цену на 2 639 002 р. 20 ¾ к. О всем имуществе сем представлены Господину Управлявшему Военным Министерством 10 Февраля 1813 Года ведомости, а по исключении того, что по изгнании неприятеля отыскано, оказалось невозвратно погибшего от неприятеля и расхищено на 2 170 820 р. 57 ½ к., в том числе и денег медною монетою 1 000 р. в Арсенале оставшихся. О чем так же представлена ему, Господину Управлявшему Министерством, 10 Сентября 1815 года ведомость и учинено особенно дополнительное донесение 7 Октября, об обретенной еще после картечной дроби на 1 591 р. 42 ½ к. по которым и составляет в потере на помянутую сумму определенного к исключению погибшего имущества. Но как все оставшееся и потопленное имущество по Книгам от 1812 к 1813 Году остатком не переведено, а только в том 1813 и последующих годах, доколе отыскание продолжалось, записывалось и поступило на приход по Книгам то лишь, что когда и необходимо было, следовательно, утратившегося имущества по счетам Книг уже не числится, и за сим на исключение оного ни какого распоряжения делать не нужно, то Общее Присутствие положило о изложенном Высочайше утвержденном Мнении Государственного Совета, об исключении всей изъясненной потери в Москве Артиллерийского имущества произошедшей от непредвиденных военных обстоятельств, для сведения донести Господину Инспектору всей Артиллерии, уведомить Военно-Счетную Экспедицию и дать знать Московскому Артиллерийскому Депо; в V-е же Отделение Департамента при копии от сего Журнала, к зависящим от него соображениям сообщить списки с представленной Господину Управлявшему Военным Министерством 10-го Сентября ведомости, где все оставленное, истребленное и отысканное имущество исчислено, равно и дополнительного к оной донесения от 7 Октября.

Дело о сем производившееся зачислить решенным и при описи для хранения сдать в Архив.

Подлинный за подписанием Господ присутствующих.

Секретарь Павлов
С подлинным сверял Подканцелярист Страхов
(*автографы*)

(Ф. 160. Ед. 206. Л. 738—741 об.)

Примечания

[1] Кавалер — именование человека, награжденного орденом.

[2] 17 августа 1812 г. М. И. Кутузов в качестве главнокомандующего всеми армиями прибыл в Гжатск, где располагалась Главная квартира главнокомандующего 1-й Западной армией М. Б. Барклая де Толли. В этом же письме Кутузов сообщал Ростопчину: «Не решен еще вопрос, что важнее — потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерею Москвы соединена потеря России» // *М. И. Кутузов*. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 90.

[3] Имеется в виду Арсенал, расположенный на территории Кремля. В Арсенале хранилось и ремонтировалось холодное и огнестрельное оружие, а также изготовлялись боевые заряды.

[4] Должность военного министра до 24 августа 1812 г. занимал М. Б. Барклай де Толли, являясь одновременно главнокомандующим 1-й Западной армией (с 16 марта).

[5] В этом же письме Кутузов приписал: «В Москве моя дочь Толстая и восемь внучат, смею поручить их вашему призрению» // *М. И. Кутузов*. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 115.

[6] Имеется в виду усадьба князей Голицыных в Малых Вяземах.

[7] Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826), барон (с 1813 г. граф), генерал от кавалерии, в 1812 г. исполнял обязанности начальника Главного штаба объединенных армий.

[8] Миллер Иван Иванович (1776—1814), генерал-майор (1799), участник всех войн России с Францией. В 1812 г. командир пешего казачьего полка Тульского ополчения.

[9] Монтрезор Карл Лукьянович (1786—1879), в 1812 г. поручик Волынского уланского полка, адъютант Кутузова. За отличие при Бородине произведен в штаб-ротмистры. Впоследствии — генерал от кавалерии.

[10] Горчаков (Горчаков 1-й) Алексей Иванович (1769—1817), князь, генерал от инфантерии (1814). 24 августа 1812 г., в связи с увольнением от должности Военного министра М. Б. Барклая де Толли, А. И. Горчаков в чине генерал-лейтенанта был назначен управляющим Военным министерством (по старшинству в чине). Во время войны 1812—1814 гг. руководил обеспечением армии всеми видами довольствия. В декабре 1815 г. был уволен от должности в связи с выявленными хищениями в провиантском ведомстве министерства.

[11] Артиллерийский департамент, являвшийся одной из управленческих структур Военного министерства, ведал снабжением войск артиллерийским вооружением, боеприпасами и имуществом, ремонтом оружия и т. п.

[12] Гогель (Гогель 1-й) Иван Григорьевич (1770—1834), генерал от артиллерии (1834), военный писатель. В 1806—1830 гг. директор Пажеского корпуса. С февраля 1812 по март 1826 г. занимал должность вице-директора Артиллерийского департамента Военного министерства. С 1819 г. — директор Военно-ученого комитета. Автор книг: «Употребление артиллерии при обороне крепостей» (1812), «Правила малой войны» и «Основания артиллерии и понтонной науки» (1816). Участвовал в издании «Артиллерийского журнала» и «Военного журнала».

[13] Артиллерийское депо — в военное время центральный склад, хранилище оружия и всего необходимого для армии. Как правило, депо располагались в крепостях; во главе их стояли местные артиллерийские офицеры. В ведении Московского Артиллерийского депо находился и Арсенал, начальник которого был членом депо.

[14] Татищев Александр Иванович (1763—1833), граф (1826), генерал от инфантерии (1823), военный министр (1824). 2 марта 1808 г. был назначен на должность директора Комиссариатского департамента Военного министерства (генерал-кригскомиссар), которую занимал в течение всей войны 1812—1814 гг., находясь в чине генерал-лейтенанта.

[15] Белым оружием называлось холодное оружие: сабли, палаши, пики и т. п.

[16] Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838), князь, генерал от инфантерии (1807), министр юстиции (1817—1827). В начале войны 1812 г. Александр I назначил его «военным начальником в пространстве империи от Ярославля до Воронежа» с поручением формировать резервные части. В марте 1813 г. Д. И. Лобанов-Ростовский был назначен главнокомандующим Резервной армии.

[17] Ответы, написанные разными почерками, помещены на обороте того же листа.

[18] Сера литрованная — т. е. очищенная от примесей путем перегонки (дистилляции).

[19] До 1809 г. на вооружении русской армии имелось огнестрельное оружие разного калибра. Так, пехотные ружья были 28 различных калибров. Подобная картина наблюдалась в артиллерии, кавалерии и т. д. Решением военного министра А. А. Аракчеева был установлен для всех ружей единый калибр, но полностью привести в жизнь это решение до начала войны 1812 г. не удалось. Поэтому, наряду с оружием «новой конструкции» на вооружении было оружие «старой конструкции» — ружья, винтовки, снаряды и т. п.

[20] Мортира — артиллерийское короткоствольное орудие, предназначавшееся для навесной стрельбы, т. е. для поражения сверху. В 1812 г. в российской армии использовались только в крепостной и осадной артиллерии.

[21] Единорог — артиллерийское орудие, разработанное под руководством графа П. И. Шувалова и принятое на вооружение русской армии в 1758—1759 гг. Свое название получил от мифического животного единорога, изображенного на фамильном гербе Шуваловых.

[22] Курьезные орудия — старинные орудия.

[23] Этот колокол известен под названием «Царь-колокол».

[24] Брандкугель — зажигательный снаряд, состоявший из полого чугунного шара с несколькими отверстиями, внутри которого находилась зажигательная смесь, поджигавшаяся при выстреле; огонь под большим давлением вырывался наружу через отверстия.

[25] Лабораторная рота — воинское подразделение, гл. обр. при крепостных гарнизонах и арсеналах, в задачу которого входило изготовление боевых зарядов для артиллерии (снаряды, бомбы, гранаты и т. п.).

[26] Чуни — теплые пеньковые лапти из разбитых веревок. Обычно носились зимой или дома.

[27] Кнобель Вилим Христианович (1753—?), генерал-майор артиллерии (1798), бывший управляющий Шостенским пороховым заводом. В 1812—1817 гг. числился при Московском Артиллерийском управлении, председатель Московского Артиллерийского депо.

[28] Имеется в виду Наполеон Бонапарт.

[29] «Афиши 1812 года, или дружеские послания от Главнокомандующего в Москве к жителям ее». Афиша № 7 от 17 августа 1812 г. // *Ф. В. Ростопчин*. Ох, французы! М., 1992. С. 214.

[30] Дословно: «…Прошу ваше сиятельство уверить всех московских жителей моими сединами, что еще не было ни одного сражения с передовыми войсками, где бы наши не удерживали поверхности». // *М. И. Кутузов*. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 120—121. Письмо М. И. Кутузова Ф. В. Ростопчину 21 августа 1812 г.

[31] Курдюмов А. А., полковник. В 1812 г. — военный комендант Московского Кремля, командир Московской крепостной артиллерии и гарнизона Кремля, начальник Арсенала, член Московского Артиллерийского депо. В сентябре 1814 г. — командир Калужского крепостного штата (в том же чине полковника), т. е. явно понижен в должности за допущенную при эвакуации Московского Арсенала халатность.

[32] Цейхвартер — нестроевой чин хранителей цейхгаузов, арсеналов и других воинских складов в крепостях, запасных парках, лабораториях и т. п. Приравнивался к обер-офицерскому чину.

[33] Инспектор всей артиллерии — генеральская должность, введенная 27 февраля 1787 г. для наблюдения за ходом боевой подготовки артиллерии путем неожиданных проверок и смотров, а также за укомплектованностью артиллерии материальной частью и исполнением указаний высшего коман-

дования. В 1812 г. эту должность занимал генерал-лейтенант П. И. Меллер-Закомельский.

[34] Пичугин Петр Михайлович (1763—?); генерал-майор артиллерии. В 1801 г. харьковский вице-губернатор. В 1804 г. состоял при Московском Артиллерийском депо, которым управлял до 1830 г.

[35] Меллер-Закомельский 1-й (до 1789 — Меллер) Петр Иванович (Петер Альбрехт) (1755—1823), барон, генерал от артиллерии (1814), военный министр (с 1819). С 1807 по 1819 гг. — инспектор всей артиллерии. В августе 1812 г. назначен начальником Петербургского и Новгородского ополчения. Автор «Положения об управлении артиллерией, при войсках состоящей» (1817).

[36] Полунагалище — кожаный чехол для ружейного замка на походе.

[37] Аппрабует, т. е. апробирует, от слова «апробация» (лат. «одобрение») — так называется вообще согласие правительства на то, чтобы известное лицо выполняло ту или другую должность или поручение. Здесь употребляется в смысле «одобряет».

[38] Гессе Иван Христианович (1757—1816), генерал-лейтенант (1809), с 1797 г. — московский комендант.

[39] Так здесь названа Царь-пушка весом 2 400 пудов, которая была отлита в 1586 г. в Москве русским литейным мастером Андреем Чоховым.

[40] Его Светлость — речь идет о М. И. Кутузове, 29 июля 1812 г. пожалованном титулом светлейшего князя.

[41] Ильин Василий Федорович (1771—1821), генерал-майор артиллерии. В 1812 г. формировал в Н. Новгороде артиллерийские резервы. С 11 апреля 1813 г. управлял Московским Артиллерийским депо и за успешное исполнение возложенных на него поручений награжден орденами св. Анны 1 ст. и св. Владимира 2 ст.

[42] Фейерверкер — унтер-офицер в артиллерии; обычно являлся командиром орудийного расчета (прислуги).

[43] Печатники — деревня, известная с XV в. как владение бояр Кутузовых. Ныне — местность на юго-востоке Москвы, на левом берегу Москвы-реки, в Нагатинской пойме.

[44] Имеются в виду должностные лица Московской городской думы. С марта 1813 по сентябрь 1814 г. должность Московского городского головы занимал купец Федор Иванович Кожевников (1749—1814).

[45] Дельвиг Антон Антонович (Отто Яков) (1772—1828), барон, отец А. А. Дельвига — поэта и друга А. С. Пушкина. В 1796 г. назначен плац-адъютантом в Москве, а в 1806 году — там же плац-майором. В 1811 г. произведен в полковники, с 1816 г. — генерал-майор.

[46] Штандарт (эстандарт) — знамя кавалерийской части или подразделения.

[47] В рапорте на левых полях страниц изложены главные вопросы, возникшие в ходе расследования дела, а на правых — ответы на них, а также выводы Ильина.

[48] В подлиннике указан январь 1812 года — это явная и распространенная ошибка, часто встречающаяся в документах, относящихся к началу года.

[49] Цейхдинер — нестроевой нижний чин, помощник цейхвартера в гарнизонных артиллерийских и инженерных войсках.

[50] Пауски — видимо, множественное число от паузка — небольшого судна (дощатой лодки), предназначенного для перегрузки товаров с больших речных судов на прибрежном мелководье.

[51] Совет в Филях состоялся поздним вечером 1 сентября. Граф Ф. В. Ростопчин на него приглашен не был. На Совете было принято решение об оставлении Москвы без боя.

[52] Фурьерщики — множественное число от слова фурьер, означающего унтер-офицерское звание в фурштате (старинное название артиллерийского обоза).

[53] Цейхшрейбер — нестроевой нижний чин, писарь при цейхвартере в гарнизонной службе.

[54] Подток — заостренный металлический наконечник на нижнем конце пики или древка знамени, позволявший воткнуть древко в землю.

[55] Тафта — легкая шелковая ткань полотняного переплетения.

[56] Политавра — вероятно, вид литавры — ударного инструмента, состоящего из металлического полушария, обтянутого кожей, натяг которой регулируется с помощью винтов.

[57] Коштует — от слова «кошт — расход, издержка»; здесь употребляется в смысле «стоимость утраченного».

[58] Ведомость датирована по содержанию отпуска с донесения военному министру от 7 октября 1815 г. на л. 730 об. «Дела» (док. № 69).

[59] Картаульный — от Картауны — немецкое название пушек в XV в. Во 2-й пол. XVIII в. введено в русскую артиллерию графом Шуваловым, и единороги назывались картаульными (1-пудовый), полукартаульными ($^1/_2$-пудовый) и т. д.

[60] Пересумблировка от слова «сублимация» — возгонка.

[61] Оленин Алексей Николаевич (1763—1843), государственный деятель, ученый, художник-любитель, почетный член Петербургской АН (1809). Участник русско-шведской 1788—1790 гг. и русско-прусско-французской 1806—1807 гг. войн. С 1810 г. — тайный советник и статс-секретарь Департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета. С 1811 г. первый директор Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге. В 1812 г. участвовал в создании и распространении сатирических листков, высмеивавших наполеоновскую армию, опубликовал «Рассказы из истории 1812 года». С 1817 г. — президент Петербургской Академии художеств.

[62] Далее (на л. 738—741) приводится полный текст «Мнения» Государственного совета от 7 мая 1817 г. (См. док. № 70).

Публикация А. К. Афанасьева

Воспоминания полковника Сергея Марина об отступлении русских из Москвы

В «Бумагах, относящихся до Отечественной войны, собранных П. И. Щукиным» и изданных в начале XX века мизерным тиражом 300 экземпляров, были опубликованы воспоминания в форме письма к неизвестному лицу — распространенный в то время жанр — некоего Мизина. Сопоставление публикации, содержавшей ряд грубых ошибок и пропуски важных мест (например, описания подвигов знаменитого партизана А. С. Фигнера), с хранящимся в ОПИ подлинником позволило установить, что настоящим их автором был полковник, поэт и переводчик Сергей Никифорович *Марин* — личность достаточно известная.

Сергей Никифорович Марин родился в дворянской семье 18 января 1776 г. Его отец Н. М. Марин был новгородским губернатором. Сергей Марин получил хорошее домашнее образование, в 1789 г. окончил Воронежское главное народное училище. 14 лет от роду он был записан подпрапорщиком в л.-гв. Преображенский полк. В 1798 г. произведен в прапорщики, через год — в подпоручики. Уже тогда он получил известность в петербургских литературных кругах как автор ряда сатирических стихов, распространявшихся в списках, в которых высмеивалась павловская муштра. Лестную оценку этим стихам дал Д. В. Давыдов, который лично был знаком с Мариным (см.: *Давыдов Д. В.* Соч. М., 1962. С. 44, 522—523).

Как вспоминал потомок Марина Н. Арнольд, «живой, общительный, остроумный, красивый по внешности, С. Н. Марин с первых же лет службы обратил на себя внимание петербургского общества и завоевал симпатии военной молодежи» (Воронежское дворянство в Отечественную войну. М., 1912. С. 83). Служба в гвардии, незаурядный ум, блестящие литературные способности открыли ему двери лучших домов и салонов Петербурга.

Слова у молодого офицера не разошлись с делом. Он принял участие в перевороте в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., в результате которого был убит император Павел I. В эти тревожные часы Марин возглавил отряд преображенцев в карауле Михайловского замка. Примечательно, что он был единственным из участников заговора, кто остался при дворе и даже был назначен флигель-адъютантом Александра I.

Для Марина наступил короткий, но блестящий период боевой и дипломатической карьеры. 20 ноября 1805 г. в сражении под Аустерлицем он был тяжело ранен в руку и двумя пулями в грудь, и награжден за золотой шпагой «За храбрость». В том же году Марин написал текст знаменитого «Преображенского марша», с которым 18 марта 1814 г. русские войска победоносно входили в Париж.

20 декабря 1806 г. Марин был назначен адъютантом к генералу от инфантерии Н. А. Татищеву. В 1807 г. Сергей Никифорович принял участие в формировании батальона Олонецких стрелков, с которым, уже в чине гвардии капитана, отличился в кровопролитном сражении под Фридландом, где получил контузию в голову. В конечном итоге, как указывал брат Сергея Марина Аполлон, тяжелые ранения, полученные под Аустерлицем и Фридландом, привели к его безвременной кончине (*Марин С. Н.* Полн. собр. соч. М., 1948. С. 1). За проявленное мужество Марин был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, а уже 20 августа 1807 г. — пожалован во флигель-адъютанты. После заключения Тильзитского мира между Россией и Францией Сергей Никифорович был направлен с депешами к Наполеону в Париж.

Одновременно Марин продолжал литературную деятельность, с 1808 г. участвовал в издании журнала «Драматический вестник», где опубликовал ряд своих стихотворных сочинений и переводов, в частности, трагедий Вольтера «Медея» и «Меропа». В петербургской постановке «Меропы» в главной роли блистала знаменитая актриса Екатерина Семенова.

Творческое наследие Марина включало в себя около 200 одних стихотворений, не считая эпиграмм, пародий, песен, романсов, дружеских посланий и экспромтов. Марин стал желанным гостем в доме директора петербургских театров А. Л. Нарышкина, в салоне А. Н. Оленина. Его друзьями были К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, Д. В. Давыдов, И. А. Крылов, А. А. Шаховской. О нем вспоминали А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, цитируя строки его стихотворений и песен. В 1811 г. Марин вступил в «Литературное общество беседы русского слова», основанное адмиралом А. С. Шишковым.

6 июня 1809 г. Марин был произведен в полковники, и в 1809—1811 гг. состоял при принце Георге Ольденбургском — муже сестры Александра I Екатерины Павловны, тверском, новгородском и ярославском генерал-губернаторе и одновременно главном директоре водяных и сухопутных сообщений России.

В 1812 г. полковник Марин занимает должность дежурного генерала 2-й Западной армии при князе Петре

Ивановиче Багратионе. Возможно, этому назначению способствовала великая княжна Екатерина Павловна, которая была ярой противницей каких-либо соглашений с бонапартистской Францией. Как уже говорилось, она, Багратион, Ростопчин, Карамзин, Шишков были единомышленниками в этом отношении.

19 августа 1812 г. П. И. Багратион представил Марина к награждению орденом Св. Владимира 3-й степени, но из-за бюрократической волокиты Марин так и не дождался этой награды. Однако Александр I лично приказал знаменитому живописцу О. А. Кипренскому изобразить этот орден на уже готовом, прижизненном, портрете Марина (*Лотман Ю. М.* Итог пути. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 228).

В Бородинском сражении Марин принял самое непосредственное участие.

В энциклопедии «Отечественная война 1812 года» указывается, что «осенью 1812 он тяжело заболевает и отправляется для лечения в С.-Петербург» (С. 444). Однако публикуемый ниже документ свидетельствует о том, что Сергей Никифорович совершил вместе с русской армией весь знаменитый Тарутинский марш-маневр, который закончился 21 сентября 1812 года.

Обратим внимание читателя на содержащуюся в документе любопытную информацию, которая авторам-составителям сборника ранее была неизвестна. Марин сообщает о ходивших в войсках слухах, «что для Армии выписывают 100 000 полушубков, 100 000 пар лаптей и онуч для зимы и 6 т. лыж для стрелков, ибо в большие снега нельзя будет употреблять конницы, то беспокоить неприятеля должно стрелками». Нам представляется, что эти сведения (которые, безусловно, нуждаются в проверке), свидетельствуют, что русское командование в то время допускало возможность продления кампании до конца зимы.

Письмо датировано 2 октября, когда русские, по словам автора, уже прониклись уверенностью «в погибели врагов и торжестве правды». До Тарутинского боя оставалось четыре дня, до выхода наполеоновских войск из Москвы — пять, а уже 12 октября состоялось сражение при Малоярославце, которое стало окончательном переломом в войне: началось бегство французов из России. Однако самому Марину не суждено было участвовать в изгнании врага: 9 февраля 1813 г. он скончался в Петербурге от последствий боевых ранений.

Впрочем, Сергей Никифорович успел написать еще одно стихотворение — «1812 год ноября 13-го дня». Оно опубликовано в книге «И славили Отчизну меч и слово: 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза», вышедшей в 1987 г. в московском издательстве «Современник» большим тиражом. Поэтому процитируем лишь начало и конец этого патетического произведения, написанного умирающим героем 1812 года:

Велик! Велик! Твой Бог! Россия!
Народы чужды возгласят.
Он уничтожил козни злые
И ниспровергнул супостат,
Которых бурное стремленье
Внесло в Россию разоренье,
Готовя ей печальны дни!
Враги победу воспевали,
Москвою овладеть мечтали,
Но Бог восстал — и где они?
…Победну песнь воспойте, Россы,
Уж ниспровергнуты колоссы,
Которые страшили свет,
И ваших братиев геройство
Вам скоро возвратит спокойство,
А им помощник — бог побед.

Воспоминания С. Н. Марина, написанные прекрасным литературным языком, достойны встать в один ряд с другими мемуарными источниками по истории тарутинского марша-маневра, особенно с дневником А. В. Чичерина, поручика л.-гв. Семеновского полка, автор которого также не дожил до взятия русскими войсками Парижа (погиб осенью 1813 г. в боях за освобождение Германии от наполеоновского ига).

Воспоминания полковника Сергея Марина об отступлении русских из Москвы

Вам угодно знать, о состоянии неприятеля и о положении усердных защитников Отечества. Чтобы приступить к описанию сего, надо знать несколько об отступлении нашем от Москвы.

Вам должно быть известно, что 1-го сентября Армия, подошед к Москве, заняла позицию на Поклонной горе, начала укрепляться.

Светлейший князь провел все утро на биваках, делая распоряжения к защите первопрестольного града; все были в полной доверенности положить головы, обороняя оный, или искоренить злодеев. В сих мыслях разъехались мы по квартирам, около вечера собран был Совет в Филях, где была главная квартира князя. Между тем граф Ростопчин, обнадеженный Кутузовым, что непременно будет драться перед Москвою, объявлением своим призывал жителей к защите их домов и храмов Божиих и старанием своим достиг до того, что, невзирая на приближение неприятеля, в городе было совершенно покойно. В 11 часов вечера армия получила повеление отступить на другой /день/ разными колоннами на Рязанскую дорогу.

2-го Сентября в 3 часа пополуночи армия тронулась, оставя авангард под командою генерала Милорадовича в нескольких верстах от Москвы, по дороге к Можайску. В 5-ть часов пополудни неприятель вступил в город, подходя к оному у самой заставы, был встречен Милорадовичем, которой требовал от генерала Себастиани[1], чтобы идущие из Москвы обозы не были несколько

времени обеспокоиваны; в противном случае грозил сжечь Москву. Себастиани обещал и выполнил слово. Все выезжали в тот день беспрепятственно. Армия, отошед от города 15-ть верст, остановилась и пребыла в сем положении трое суток. Между тем на аванпостах происходили малые сшибки, и обозы беспрестанно тянулись через Москву-реку на Боровский перевоз. Посем отошли к селу Кулакову, переправясь через Москву-реку на Боровском перевозе. Тут Светлейший решился сделать фланговой марш: закрыть Калужскую дорогу, по которой шли к нам транспорты с продовольствием.

А. С. Фигнер. Гравюра К. В. Ческого. 1810-е гг.

Переход сей, несмотря на близкое расстояние неприятеля, совершен был беспрепятственно, и армия, остановясь несколько времени в Подольске, достигла Красной Пахры — селения, принадлежащего графу Салтыкову; тут, выбрав позиции, укрепились, имея авангард свой, разделенный на две части, под командою, однако же, г-на Милорадовича: одна из оных заняла селение Мостовое на реке Десне, а другая — на Пахре близ деревни, принадлежащей г-ну Мамонову, на дороге от Подольска. Во все время отступлений передовые наши посты беспрестанно брали пленных без малейшей с нашей стороны потери. От Красной Пахры отступила армия к Воронову и потом к Тарутину за реку Нару, где по сие время обретается. Граф Ростопчин до Тарутина следовал с армиею, когда же кончилась Московская губерния, то он поехал, как сказывал сам, в Ярославль. Оставляя Вороново, Граф Ростопчин своими руками зажег дом свой и истребил пламенем все к дому принадлежащее строение, оставя в церкви послание к французам, которым упрекает их за разорение Москвы и земли русской.

Несколько времени зарево пылающей Москвы освещало темные осенние ночи. Выходящие оттуда жители сказывали, что большая половина превращена в пепел. Зло сие кончилось для нас полезно, ибо с домами сгорели запасы, и неприятель остался совершенно без продовольствия. Доказательством сему служить может то, что выходящие из плену наши солдаты сказывают, что их заставляют молоть муку из заграбленного по селениям в зернах хлеба. Теперешнее положение нашей Армии имеет все выгоды; точка, нами занимаемая, от натуры хороша и укреплена искусством, так что неприятель не осмелится напасть на нас и нарушить нашего спокойствия, которое нужно для образования вновь поступивших людей. Между тем, как наши партии, беспрестанно беспокоя неприятеля разъездами все дороги от Москвы к губерниям лежащие, особливо же Боровскую и Можайскую. С сих дорог беспрестанно присылают в главную квартиру пленных сотнями, и, если считать с убитыми нашими партиями и крестьянами, то урон неприятельский день в день можно полагать более пятисот человек в сутки.

Продовольствием армия наша снабжена по 1-е ноября, неприятель же, лишенный всех способов, терпит во всем недостаток, питается лошадьми и не имеет в виду получить хлеба ниоткуда. Крестьяне, оживляемые любовью к Родине, забыв мирную жизнь, все вообще вооружаются против общего врага. Всякий день приходят они в главную квартиру и просят ружей и пороха; то и другое выдают им без малейшего задержания, и французы боятся сих воинов более чем регулярных; ибо озлобленные разорениями, делаемыми неприятелем, истребляют его безо всякой пощады. Сие приносит двойную пользу, потому, что уменьшает число войск вражеских и потому, что лишенный продовольствий неприятель не осмеливается посылать своих мародеров в ближайшие к нему селения, иначе как большими отрядами, которые старанием казаков всегда оказываются перехвачены или побиты.

Если бы я хотел описывать все случившиеся происшествия в окружных селениях, и какие способы употребляют добрые, но раздраженные наши поселяне к истреблению врагов, то бы никогда не мог кончить. Не могу умолчать о поступке жителей Каменки. 500 человек французов, привлеченные богатством сего селения, вступили в Каменку; жители встретили их с хлебом и солью и спрашивали, что им надобно? Поляки, служившие переводчиками, требовали вина. Начальник селения отворил им погреба, и приготовленный обед предложил французам. Оголтелые галлы не остановились пить и кушать; проведя день в удовольствии, расположились ночевать. Среди темноты ночной крестьяне отобрали от них ружья, увели лошадей и, закричав «Ура!», напали на сонных и полутрезвых неприятелей. Дрались целые сутки и, потеряв сами 30 человек, побили их сто и остальных 400 отвели в Калугу. В Боровске две девушки убили четырех французов, и несколько дней тому назад крестьянки привели в Калугу взятых ими в плен французов.

Сейчас в то время, как я пишу сие, привезен французский офицер, который сказывает, что у них уже не очень охотно, как офицеры, так и солдаты, ходят на фуражировку: партии наши набили им оскомину. Между партизанами нашими более всех отличается артиллерии капитан Вагнер[2]. Он начал тем, что пошел в Москву и в числе господских людей получил пашпорт от французского начальства. С сим пашпортом вышел он на Мо-

жайскую дорогу, собрал свой отряд по близости оной, и опять пошел в крестьянском платье, в сопровождении двух мужиков к французам, с которыми шел несколько времени. Высмотрел, где у них были орудия, говорил с нашими пленными и, отстав от них, соединился с отрядом своим; напал на неприятеля, взял 6 пушек, одного полковника, несколько офицеров и 100 человек пленных, побив не менее. Его отряд состоял из 100 человек казаков, гусар и драгун; и с сею сборною командою был он окружен 7000 неприятелей, сделал плотину через непроходимое болото и ушел. Теперь имеет он отряд, до 500 человек состоящий, разъезжает кругом Армии Бонапарта и все, что встретит, истребляет и, одевшись иногда французским офицером, ездит по их полкам, расспрашивает, судит с ними о положении Армии и всегда удачно возвращается к своим.

И. С. Дорохов. Гравюра Ф. Вендрамини по рисунку Ф. Ферье. 1822 г.

Третьего дня генерал-майор Дорохов[3] овладел Вереею; в которой французы с некоторого времени укрепились. Причем взято одно знамя, две пушки и один полковник, 14 офицеров, 350 рядовых, побито более 200; с нашей стороны потеря состоит в 20 человек убитых и раненых. Пожалуйста, не думайте, что число наших убитых и раненых писал я как обыкновенно в реляциях — оно истинно.

Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов с отрядом своим находится близ Вязьмы и нападает на транспорты и парки неприятельские; он много истребил и много взял в полон.

Князь Кудашев[4] с двумя казацкими полкам послан на Тульскую дорогу и в тот же день прислал 200 человек пленных.

Граф Винценгерод, прикрывая Троицкую, Петербургскую и Ярославскую дороги, не позволяет неприятелю никак посылать своих разъездов далее 11-ти или 15-ти верст от Москвы. Одним словом, Бонапарт находится в осаде, и надобно чудом каким-нибудь избавиться ему из сей западни.

П. Х. Витгенштейн. Гравюра 1810-х гг.

Сверх того, кроме армии, близ Москвы расположенной, имеем мы: в Риге гарнизон, соединенный теперь с корпусом Штейнгеля[5], что составит около 40 тыс. Винценгерод считает в отряде своем до 8 тыс. Граф Витгенштейн, к которому теперь присоединилась Петербургская дружина, может иметь до 40 тыс. Но всего важнее, как это армия Чичагова, в которой под ружьем 90 тыс., следует теперь к Минску и перережет совершенно коммуникационную линию неприятеля, так что мудрено ему будет посылать курьеров без прикрытия и то очень сильного. Чичагов в полном марше, и 27-го сентября был он в Мозыре. Сверх войск, которые он теперь имеет, должны к нему /присоединиться/ Малороссийские козаки и отряд генерал-лейтенанта Эртеля[6]. Продовольствие имеет он верное, ибо Бобруйская крепость наполнена провиантом.

Приближение осени также не может благоприятствовать французам. Лошади их так изнурены, что крестьяне наши не хотят их брать. Следственно при движении он подвергнет себя потерять всю артиллерию, которая и до сего возима крестьянскими лошадьми и волами. Расстояние, занимаемое его войском, не так велико, чтобы могло доставить фураж для его конницы; они принуждены уже теперь стаскивать крышки с домов и ими кормить лошадей. Что ж будет далее? Отчаянье войск его невозможно выразить, когда по взятии Москвы узнали они, что не должны надеяться Мира. Это видно по тому, что все их генералы, офицеры и солдаты и даже сам Мюрат беспрестанно говорит о мире. Но, к счастию нашему,

о нем не помышляют, что вы увидите из приложенного при сем объявления, присланного сюда из Петербурга. Таковые обстоятельства более и более улучшают наше положение, и ведет неприятеля к бездне, куда завлекла его буйственная дерзость. Должно ожидать с помощью Божиею — погибели врагов и торжества правды.

О. Ф. Себастиани де ла Порта. Гравюра 1810-х гг.

Мы получили: официальное известие, что Мадрид занят агличанами, и что Иосиф Бонапарт[7] бежит из Гишпании. Сие угрожает нашествием самой Франции. Слух носится, что Неаполь взят; и что король туда прибыл. Вчерась приехал курьер от Эртеля с известием, что он разбил Домбровскаго[8] и взял 4 тыс. в плен.

Есть известие из Малороссии, что дворянство, воспламеняясь любовью к отечеству, вооружает своих людей, и посланные отсюда офицеры за ремонтами не могли нигде сыскать купить лошадей.

Чтобы известить вас о всем, скажу, что для Армии выписывают 100 000 полушубков, 100 000 пар лаптей и онуч для зимы и 6 тыс. лыж для стрелков, ибо в большие снега нельзя будет употреблять конницы, то беспокоить неприятеля должно стрелками.

С тех пор, как мы оставили Москву, неприятель потерял пленными до 12 тыс. без малейшей нашей потери, чрез главное дежурство прошло их 4 тыс., но более еще взято их мужиками и отдаленными партиями, которые посылают прямо в губернские города.

У нас жил один пленный полковник, который во все отступление нашей Армии был в неприятельском авангарде, и уверил нас честию, что все сие время не взяли они ни ста человек наших в полон, а что дезертиров наших он не видывал.

2 Октября

Сергей Марин

ОПИ ГИМ. Ф155. Ед. 109. Л. 25—28.

Примечания

[1] Себастиани де ла Порта Орас Франсуа Бастьен (1772—1851), граф Империи (1809), маршал Франции (1841). С 1795 по 1799 гг. в Итальянской армии под командованием Наполеона Бонапарта. В 1799 г. участвовал в перевороте «18 брюмера», за что получил чин полковника. Отличился в сражении при Маренго (1800), Египетской экспедиции, с 1803 г. — бригадный генерал. Под Аустерлицем был ранен и вскоре произведен в дивизионные генералы. В 1808—1809 гг. воевал в Испании. С 17 июня 1812 г. командовал 2-й дивизией легкой кавалерии 4-го корпуса принца Евгения Богарне. Две его бригады были разбиты отрядом генерала Я. П. Кульнева под Дриссой 3 июля, а 27 июля его дивизия при Молевом Болоте отступила под натиском казачьего корпуса атамана М. И. Платова. С 13 августа — командир дивизии легкой кавалерии 5-го армейского корпуса Юзефа Понятовского. В Бородинском сражении действовал в Утицком лесу, а на следующий день назначен командиром 2-го корпуса кавалерийского резерва. 2 сентября откликнулся на просьбу русского генерала М. А. Милорадовича и замедлил продвижение авангарда «Великой армии» к Москве, чем вызвал гнев Наполеона. 4 сентября отряд Себастиани последовал за двумя казачьими полками по Рязанской дороге и «потерял» русскую армию, которая отступила по Старо-Калужской дороге. Позднее находился в составе авангарда маршала Иоахима Мюрата, участвовал в Тарутинском сражении. С 31 октября 1812 г. командовал остатками корпусов кавалерийского резерва. В 1830—1832 гг. министр иностранных дел Франции, затем посол в Неаполе и Лондоне.

[2] С. Н. Марин имеет в виду знаменитого партизана Александра Самойловича Фигнера (1787—1813), слухи о подвигах которого разнеслись быстрее, чем узнали его настоящую фамилию. Был потомком выходцев из Германии (его отец был псковским вице-губернатором). В 1810 г. в ходе русско-турецкой войны отличился под Рущуком. В 1812 г. в чине штабс-капитана командовал 2-й легкой ротой 11-й артиллерийской бригады и вскоре за отличие в бою был произведен в капитаны. После занятия французами Москвы, переодевшись в крестьянскую одежду, он проник в город с разведывательной миссией. Блестяще владея французским, итальянским, немецким и польским языками, добывал необходимую информацию и переправлял полученные сведения в штаб М. И. Кутузова. В конце сентября он был отозван и возглавил партизанский отряд из отставных солдат и крестьян, с которым успешно действовал в тылу противника, отбивая обозы с награбленными ценностями и нарушая неприятельские коммуникации. Вместе с отрядами других партизан — Д. В. Давыдова и А. Н. Сеславина — действовал на Можайской дороге, взорвав французский артиллерийский парк, и привел в негодность

6 орудий, уничтожил 18 зарядных ящиков, истребил около сотни неприятельских офицеров и солдат и свыше 60 взял в плен, в том числе полковника и четырех офицеров. В начале октября, действуя с отрядом в 600 человек, помогал изоляции французского авангарда у р. Чернишни, что способствовало успеху русских войск в Тарутинском сражении. За победу над отрядом французской кавалерии в бою под Ляхово 28 октября был произведен в подполковники. В 1813 г. при осаде Данциг проник в крепость под видом итальянского купца, вошел в доверие к французскому коменданту, который отправил его лично к Наполеону с депешами, которые Фигнер благополучно доставил в штаб русского генерала П. Х. Витгенштейна. За этот подвиг в марте 1813 г. Фигнер был произведен в полковники. Сформировав из дезертиров Великой армии и русских солдат «Легион мести» летом-осенью 1813 г. совершал дерзкие рейды по тылам противника. 1 октября 1813 г. отряд Фигнера был окружен войсками маршала М. Нея. При попытке прорыва, Александр Самойлович утонул в р. Эльба.

[3] Дорохов Иван Семенович (1762—1815). Участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг. С 1803 г. — генерал-майор, шеф Изюмского гусарского полка. Участник войн с Францией 1805—1807 гг. За отличие в сражение под Пултуском (1806) был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени, а полк — серебряными трубами с георгиевскими лентами и надписью «За храбрость». В начале войны 1812 г., командуя авангардом 4-го пехотного корпуса 1-й Западной армии, сумел с 4-тысячным отрядом вырваться из окружения превосходящих сил неприятеля и 26 июня соединиться с главными силами 2-й Западной армии. С начала августа 1812 г. командовал кавалерией арьергарда соединенных русских армий. 7 августа отличился в бою при Валутиной горе, прикрывая отход русской армии к Бородину. В битве 26 августа командовал четырьмя кавалерийскими полками, сражаясь за Багратионовы флеши на левом фланге русских войск. Неоднократно опрокидывал колонны неприятеля лихими кавалерийскими атаками, а затем сражался за батарею Раевского, где к вечеру было окончательно остановлено продвижение противника. За отличие при Бородине произведен в генерал-лейтенанты. После оставления Москвы и переправы у Боровского перевоза возглавил кавалерию авангарда. С 9 сентября — командир отдельного партизанского отряда («летучий корпус»), в состав которого входили Елисаветградский гусарский, Лейб-драгунский и три казачьих полка при двух орудиях конной артиллерии. Отряд успешно действовал в районе Можайской дороги, по заданию М. И. Кутузова нарушая коммуникации противника, принуждая его оставить Москву. На рассвете 10 сентября 40 дороховских партизан напали на французский обоз, расположившийся в с. Перхушково, взяли в плен 7 офицеров, 92 солдата и взорвали 36 зарядных ящиков. Утром 11 сентября сам Дорохов с остальной кавалерией «летучего корпуса» подошел к Перхушкову, где были взорваны еще 20 зарядных ящиков. 12 сентября у Б. Вязем кавалерия Дорохова обратила в бегство посланный Наполеоном специальный отряд для его ликвидации. Погибло 80 наполеоновских драгун, 122 пехотинца, а в плен были взяты пять офицеров и 185 солдат. По свидетельству А. де Коленкура, «эта маленькая неудача, которую потерпела гвардия, была неприятна Наполеону не меньше, чем проигрыш настоящего сражения». Всего за время рейда отряд Дорохова уничтожил 106 зарядных фур, взял в плен 68 солдат, не считая мародеров. 29 сентября Дорохов штурмом взял город Верею. Во время сражения при Малоярославце был тяжело ранен в ногу и покинул армию. Умер от ран в Туле и по завещанию был погребен в Рождественском соборе в Верее.

[4] Кудашев Николай Данилович (1784—1813), князь из древнего дворянского рода татарского происхождения. Участвовал в сражении при Аустерлице, с 1806 г. — поручик. Отличился в сражении с французами под Гейльсбергом в 1807 г. был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и золотой шпагой «За храбрость». За героизм, проявленный во время русско-шведской войны 1808—1809 гг., награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и назначен адъютантом вел. кн. Константина Павловича. С 1811 г. полковник. Был женат на дочери М. И. Кутузова Екатерине. В 1812 г. состоял при штабе Кутузова. По время Бородинской битвы находился на левом фланге русской армии, где был тяжело ранен П. И. Багратион. В начале сентября назначен командиром армейского партизанского отряда, действовал с ним под Москвой и в составе корпуса атамана М. И. Платова. Отличился в сражении при Красном 3—6 ноября. 26 декабря 1812 г. произведен в генерал-майоры. В войне 1813 г. на территории Германии командовал кавалерийским отрядом, за отличие награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Смертельно ранен в бою под Альтенбургом 28 ноября 1812 г., накануне Лейпцигской «битвы народов». Похоронен в часовне-склепе Храма-памятника русской славы в Лейпциге.

[5] Штейнгель Федор Федорович (Фабиан Готгард) (1762—1831), из остзейских дворян, барон, с сентября 1812 г. — граф. Генерал от инфантерии (1819). За отличия в русско-шведской войне 1788—1790 гг. получил чин подполковника. В 1797 г. пожалован в полковники свиты Его Величества по квартирмейстерской части. За топографическую съемку Выборгской губ. в 1799 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом Староингерманландского мушкетерского полка. В войне 1806—1807 гг. — генерал-квартирмейстер русской армии в Пруссии. За отличие при Прейсиш-Эйлау награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, при Фридланде контужен в голову. С 1807 г. произведен в генерал-лейтенанты. После присоединения к Российской империи Финляндии был назначен финляндским генерал-губернатором и начальником русских войск в этом крае. В 1812 г. командовал Финляндским корпусом, который 18 августа был направлен на кораблях в Ригу для защиты города от наполеоновских войск, захвативших к тому времени Курляндию. Высадившись в Ревеле (ныне Таллин) 28 августа, корпус подошел к Риге и участвовал в боях с французами 15 сентября на территории современной Латвии у замка Бауски и на реке Лиелупе. 24 сентября корпус Штейнгеля выступил на сближение с войсками Витгенштейна. За освобождение Полоцка награжден золотой шпагой «За храбрость». 12—13 октября войска Штейнгеля нанесли поражение 6-му армейскому (баварскому) корпусу Великой армии. 16 октября корпус Штейнгеля влился в состав корпуса Витгенштейна.

[6] Эртель Федор Федорович (1767—1825), генерал от инфантерии, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир 2-го резервного корпуса 3-й армии, затем генерал-полицмейстер действующей армии. В начале Отечественной войны приказом главнокомандующего М. Б. Барклая де Толли ему было предписано действовать в направлении Луцка — Пинска — Мозыря и Бреста во фланг и тыл неприятелю. Затем Эртель был назначен комендантом Бобруйской крепости, которая так и не была взята французами.

[7] Бонапарт Иосиф (Жозеф) (1768—1844), старший брат Наполеона Бонапарта. С 18 апреля 1808 г. посажен Наполеоном на испанский престол. Слух о бегстве Жозефа оказался преждевременным: он покинул Мадрид лишь после решающей победы англичан и испанцев над наполеоновскими войсками при Виттории 21 июня 1813 г.

[8] Домбровский Ян Хенрик (1755—1816). Служил первоначально в саксонской, с 1792 г. — в польской армии. С 1794 г. — генерал-майор, затем генерал-лейтенант. После поражения Т. Костюшко вместе с Наполеоном Бонапартом формировал польские легионы в Италии. В 1799 г. сражался с австрийцами при Требии и Нови. В 1801 г. принят на французскую службу и получил чин дивизионного генерала. В 1804 г. пожалован в командиры Ордена Почетного Легиона. В 1805 г. командовал итальянской гвардией, а в 1806 г. — драгунской дивизией. Участвовал в войне 1807 г. и был ранен. В начале австро-французской войны 1809 г. организовал оборону Великой Польши. В 1812 г. — командир 17-ой пехотной дивизии 5-го армейского (польского) корпуса Великой Армии. Приказом Наполеона от 11 августа Домбровскому было поручено прикрывать Могилев и Минск и блокировать Бобруйскую крепость. Во время боев за Борисов 9 ноября не сумел удержать город и сохранить мост через р. Березину. В сражении при Березине 16 ноября временно возглавил Польский корпус, но вскоре был ранен. Вновь возглавил Польский корпус в ноябре 1813 г. после гибели Юзефа Понятовского. С 1815 г. — на русской службе в чине генерала от кавалерии.

Публикация Ф. А. Петрова и Л. И. Смирновой

Письма Д. К. Боткина и Г. В. Сокольского с описанием событий в Москве и Подмосковье в 1812 году

«Семья Боткиных, — вспоминает известный историк московского купечества П. А. Бурышкин, — несомненно, одна из самых замечательных русских семей, которая дала ряд выдающихся людей на самых разнообразных поприщах. Некоторые ее представители до революции оставались промышленниками и торговцами, но другие целиком ушли в науку, в искусство, в дипломатию и достигли не только российской, но и европейской известности» (*Бурышкин П. А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 160).

Все коренные москвичи и не только москвичи, безусловно, знают «Боткинскую больницу» — точнее, больницу им. С. П. Боткина. Сергей Петрович сразу же после окончания медицинского факультета Московского университета в 1855 г. отправился на театр военных действий в Крым. В ОПИ ГИМ хранится его письмо из Симферополя (где он работал под началом Н. И. Пирогова в качестве ординатора Симферопольского госпиталя). Пройдя стажировку у лучших медиков Западной Европы, он стал одним из ведущих российских врачей, создал школу по сердечно-сосудистым и инфекционным заболеваниям (вспомним вирусный гепатит А — «болезнь Боткина»). Знаменитый ученый и врач, Боткин был человеком широкого кругозора, прекрасно играл на виолончели, увлекался литературой, был близко знаком с А. Г. Рубинштейном, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Д. И. Менделеевым. Врачами стали и его сыновья Сергей и Евгений; Е. С. Боткин — лейб-медик Николая II, добровольно разделил страшную участь последнего российского императора и его семьи.

Написанное о С. П. Боткине его товарищем, также врачом и общественным деятелем Николаем Белоголовым, может быть отнесено ко всему роду Боткиных:

> С. П. Боткин происходил из чистокровной великорусской семьи, без малейшей примеси иноземной крови, и тем самым служит блестящим доказательством того, что если к даровитости славянского племени присоединяют обширные и солидные познания, вместе с любовью к настойчивому труду, то племя это способно выставлять самых передовых деятелей в области общеевропейской науки и мысли (*Белоголовый Н. А.* С. П. Боткин, его жизнь и переписка. СПб., 1892. С. 3).

Действительно, Боткины были выходцами из псковского города Торопец: их род был известен с XVII в. Первым переехал в Москву Дмитрий Кононович Боткин, как считается, в 1791 г. Но большую известность получил его брат Петр Кононович (1781—1853), московский купец 1-й гильдии. Он учредил знаменитое чаеторговое товарищество, которое закупало чай сначала в пограничной с Китаем Кяхте, затем в самом Китае, на острове Цейлон и в Лондоне. После смерти Петра Кононовича его наследник Петр Петрович (1814—1908) основал торговый дом «Товарищество чайной торговли Петр Боткин и сыновья», которое торговало развесным чаем собственного приготовления, открыло ряд магазинов для продажи чая, кофе, сахарного песка и рафинада в Средних Торговых рядах, на углу Кузнецкого моста и Неглинной, на Раушской набережной, а также в Петербурге. Боткины приняли участие и в создании Московского сахарорафинадного завода (в советское время — «Мантулинского»).

> Старший из сыновей П. К. Боткина, Василий Петрович (1811—1869), — предоставим вновь слово П. А. Бурышкину, — являет собою характерный пример подлинных русских самородков. Трудно объяснить себе, как мог этот московский купеческий сын, предназначавшийся для торговли за прилавком в амбаре своего отца, не прошедший через ту или иную высшую школу, так образовать и развить себя, что, не достигнув еще тридцатилетнего возраста, сделался одним из деятельных членов того небольшого кружка начала сороковых годов, к которому принадлежали и Белинский, и Грановский, и Герцен, и Огарев. В этой блестящей плеяде он пользовался репутацией одного из лучших знатоков и истолкователей Гегеля, увлекавшего в то время эти молодые умы, искавшие света. Помимо его гегелианства он славился как знаток классической литературы по всем отраслям искусства… (*Бурышкин П. А.* Указ. соч. С. 161—162).

«Неистовый Виссарион» — В. Г. Белинский восторгался его добротой, благородством, «его всегдашней готовностью к восприятию впечатлений искусства, его совершенным самозабвением, отрешением от своего я… Гармония внешней жизни человека с его внутренней жизнью есть идеал человека, и только в Василии нашел я воплощение этого идеала».

Не раз бывали в гостеприимном доме Боткиных в Петроверигском переулке, построенном на рубеже XVIII—XIX вв. «люди сороковых годов» (один из них, знаменитый профессор Грановский, некоторое время

жил в этом доме) — и Тургенев, и Некрасов, и Фет, и Лев Толстой. Фет вспоминал, как присутствовал на семейном обеде в доме Боткиных:

> Даже самый ненаблюдательный человек не мог бы не заметить того влияния, которое Василий Петрович незримо производил на окружающих. Заметно было, насколько все покорялись его нравственному авторитету… испытали его педагогическое влияние, так как, влияя в свою очередь и на покойного отца, Василий Петрович младших братьев провел через университет, а сестрам нанимал на собственный счет учителей…

По энциклопедизму знаний Василий Боткин не уступал ни Герцену, ни Тургеневу. Он свободно владел пятью языками — французским, немецким, английским, итальянским и испанским.

Объездив всю Европу, В. П. Боткин стал выдающимся публицистом, пропагандирующим в России западноевропейскую культуру от античности до Нового времени. Особым успехом пользовались его «Письма об Испании», опубликованные в журнале «Современник». Он писал статьи на самые разнообразные темы — об итальянской и немецкой музыке; о Шекспире, Гофмане и Шиллере; в 1830-е годы в Париже познакомился с Виктором Гюго. Сын русского купца стал западником, считая, что «идеалы искусства в своем высшем развитии всегда переходят за черты, разделяющие национальности, и становятся общими идеалами духа человеческого». В то же время он считал, что «внимательное чтение Пушкина» может быть полезнее для

> …воспитания в себе *человека,* нежели чтение Гёте… Общий колорит его — внутренняя красота и лелеющая душу гуманность (*Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 243).

В статье, посвященной творчеству своего друга А. А. Фета Боткин подчеркивал, что

> …поэтическое чувство принадлежит к природным свойствам, как человека, так и народа, обусловливается его физиологическими особенностями, окружающей его природою, климатом, словом, всем тем, из чего слагается физический и духовный организм народа (Там же. С. 202).

Младший сын П. К. Боткина Дмитрий страстно увлекался коллекционированием западноевропейской живописи XIX века, особенно французской. Его картинная галерея в тогдашних московских кругах упоминалась наряду с Третьяковской. Наконец, Михаил Петрович Боткин (1839—1914) стал академиком живописи.

Но вернемся к родоначальникам замечательной династии московских купцов Боткиных. Естественно, в письме Дмитрия Кононовича читатель не найдет образцов изящного слога и особенно философских размышлений. Но нельзя забывать о том, что купцы, как правило, оставляли после себя лишь амбарные книги или обрывочные хозяйственные расчеты, а их мемуаров и писем о Москве было мало. Как нам представляется, публикуемое письмо рисует образную картину положения Москвы сразу после ухода неприятеля.

Публикуется также письмо, адресованное другому Боткину — Ивану Николаевичу — от некоего «асессора Сокольского». Можно предположить, что речь идет о Герасиме Васильевиче Сокольском, стихотворце и переводчике начала XIX в., сотруднике выходивших в Москве периодических изданий: «Друг юношества» (1812—1814), «Вестник Европы» (1814), «Амфион» и «Современный наблюдатель» (1815) и «Трудов Общества любителей российской словесности» при Московском университете (1816—1817). Его письмо написано более литературным языком, с использованием отдельных французских слов. Собственно, сам Сокольский в конце своего письма говорит о том, что его спасло лишь знание французского и других иностранных языков.

Судя по приписке на полях письма, Сокольский находился в свойстве с кем-либо из Боткиных.

Подобно Бестужеву-Рюмину и Тутолмину Сокольский не успел уехать из Москвы, и вынужден был испытать все бедствия, обрушившиеся на москвичей с приходом неприятеля. На его глазах был убит сенатор Ф. И. Дмитриев — брат министра юстиции и известного баснописца И. И. Дмитриева. Угрозами и побоями «беспардонные» — так называл автор беспощадных французских кирасир, отбирали у мужчин и даже женщин пищу, одежду, драгоценности. Престарелый священник собора Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове, не выдержав бесчинств французских солдат, был найден мертвым в храме, где пролежал почти неделю, пока его не похоронили.

Так открывается еще одна страница истории Покровского Измайловского собора, строительство которого началось в 1671 году при «Тишайшем» царе Алексее Михайловиче и окончено в 1679 г. при его сыне царе Федоре Алексеевиче. Строил собор знаменитый зодчий того времени Иван Кузнечик, а на клиросе этого собора в молодости пел сам Петр I. Претерпев наполеоновское разорение, собор сохранился до наших дней, хотя в конце 1840-х гг. к нему в виде своеобразных «подпорок» с трех сторон были пристроены корпуса для ветеранов войн с Наполеоном: император Николай I повелел отдать родовое имение Романовых для изувеченных офицеров и солдат русской армии.

Письмо Д. К. Боткина сыну Д. Д. Боткину с припиской П. К. Боткина племяннику

Ростов 10 ноября 1812 года.

Любезный сын Дмитрий Дмитрич!

От 31-го октября прошедшего месяца я имел удовольствие получить от вас письмо и при нем две тысячи руб. ассигнациями чрез почту из Нижнего в Ярославль исправно; а паче всего радуемся, что ты здоров. Управь Бог путь твой в Казань благополучно; немало я удивляюсь, что ты в Казань ни одного письма от меня не получал. О сем я у ростовского почтмейстера выправлялся, что не доходят мои письмы к сыну в Нижний; так же писал и к Андрею Максимовичу и к Князю Егору Александровичу. На что мне отвечал ростовской почтмейстер: причина этому почтамт Московской; в прошедший вторник московская почта открылась благополучно, и письма будут ездить по-старому своим чередом, кроме Смоленского тракту.

Братец Петр Кононович приехал из Ярославля к нам в Ростов погостить 8-го числа, а когда уедет — неизвестно; сегодняшний вечер отправляем Ивана Протопопова и Николая Преображенского в Москву, а оттуда в Украйну и в прочие города с векселями для получения с должников денег; я, братец Петр, Дмитрий Степанович поедем дней через 10-ть, дождавши зимней дороги, в Москву, а там что будем делать, и сами не знаем, а будем к тебе писать в Казань. Николаша ездил в Москву, привез к нам в Ростов неприятную весть, что в Гостином дворе вообще все товары сожжены и разграблены. В домах и монастырях кладовые — также; Иван Семенович Живов лишился всего товару, так же как и мы, грешные. В рассуждении военных обстоятельств для России чрезвычайно приятные: мы получаем оные известия из Ярославля; скоро ожидают Наполеона: сидит в руках Г-на Платова: помоги ему Бог свое слово сдержать. Впрочем, в Москву со всех городов много жителей наехало и еще едут; съестных припасов, фуражу и разного лесу много в Москву навезли и везут; о чем и я спешу прикрыть храм Троицы Святой. Ваш дом Лужнецкий и Сиротский Арбатский сгорели. Александре и Якову от меня писано, чтобы старались кухню отделать для приезду нашего; в кладовой погребок цел, Николаша привез на трех лошадях, что было положено; погреб деревянный уцелел, огурцы и капуста цела, брагу разбойники выпили, а рыбу утащили.

1-го числа сего месяца приехали из Москвы в Ростов Матушка Иринья Семеновна, брат Гаврила Кононович, Иван Иванович и Авдотья Фадеевна, Саечниковы и Егор Тихоныч. Житие было их в Москве яко тьма кромешная, во время неприятеля. Прошу обо мне засвидетельствовать нижайшее почтение тем приятелям, которые обо мне спросят. Матушка и все домашние, слава Богу, здоровы, чего и тебе желаем

Засим остаюсь ваш доброжелатель и Отец

Дмитрий Боткин.

Матушка тебя просит купить в Казане пуху пуда два, а если недорого, так и три пуда, да еще перьев пуда два.

Адрес извольте делать в приходе у Всех Святых в дом Священника.

При сем свидетельствую вам мое нижайшее почтение, Любезный Друг Дмитрий Дмитриевич; из письма вашего видно, что вы изволили мне выслать денег в Ярославль, за что вас нижайше благодарю, а я завтрашний день уеду в Ярославль, и в получении вас не премину уведомить; пожелав вам всякого благополучия и доброго здоровия, честь имею пребыть с моим к вам почтением, ваш покорный слуга

Петр Боткин

Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 46—47

Письмо асессора Г. В. Сокольского И. Н. Боткину

Милостивый Государь
Иван Николаевич!

Радуемся от всего и чистого и нелицемерного сердца, что Всемогущий вас сохранил и сохраняет от всякого зла преходяща. Возвратясь, так сказать, из изгнания, из постыдного, неожидаемого плену, утешительно слышать, что наши родные были счастливее, спокойнее, довольнее нас своею судьбою. Вы упрекаете меня некоторым образом за мою непредвиденность будущего — под именем — с позволения сказать — вздора. Но я вам отвечаю: Единый Бог предведущ; но ни сиятельные, ни превосходительные не могут ручаться за счастье медика и воина. Самые неприятели сознаются в непреодолимой храбрости войск наших, дивятся их мужеству, любви к Отечеству; но не им довлеть проникать в причины, по которым жители нашей столицы разбрелись и рассеялись по разным местам.

Несчастье велико; потеря стоит дорого; но я все стою твердо в том, что в самом крайнем бедствии доверенность к начальству спасительна; что ежели бы я в тысячу раз претерпел более, то все восхищаться не перестану, представляя себе: что ***Отечество мое спасено***! Вы вскоре уверитесь, что я говорю правду. Обширна, богата была Москва; но Москва не есть целая Россия. Кажется, что Провидению благоугодно показалось пожурить нас за нашу приверженность к Отчизне и доказать нам, что народ, столько лет нами безрассудно

боготворимый, очень, очень далек от просвещения, благонравия, воинских доблестей и чистой совести прямого Россиянина.

Будучи ежедневно между и около врагов наших, мог я удобно сравнивать характер их и наших; у них злодей, варвар, убийца без причины; у нас злодею — вилы, доброму, кроткому — гостеприимство. Я сам был свидетелем, сколь сострадательны были наши мужички, когда голодный, по 14, 15 и 16 дней не видавший сухаря и картофеля, француз просил учтиво себе пропитания у них; сам видел, как отважно мстили они бесчеловечным грабителям. При моих глазах зарыто было несколько французских трупов в земле, или затоплено в болоте. Короче, я желаю, чтобы имя Француза в нашем Отечестве было навеки забыто. Быть может, что и между ими есть добрые люди; по крайней мере, я не нашел в них ничего, кроме презрения к тем, коих могущество они уже почувствовали, чувствуют и будут чувствовать. А что они трусы, то могу уверить вас, что 2, 3 казака одним слухом о своем прибытии разгоняли большие отряды конной гвардии и жандармов. При слове «казак» цепенел каждой Парижанин. Грубость нижних чинов неописана; подчиненности не бывало; уважения к начальству нет никакого. Пришли к Лессепсу жаловаться на грабежи: «Как-де мне одному унять армию», а ее не было и 20 000 чел. Вот так отвечал Генерал-Интендант, Командующий Москвою и Московскою Провинциею. Этот Лессепс думал, что когда фуражеры осмеливались выезжать инде на 15, 20, а инде на 4 и 5 верст далее заставы; то уже в его правлении заключалась вся Московская Провинция. Словом: глупы и немцы, но таких невежд, таких варваров, неопрятных скотов Вы не сыщете и между нашими остяками[1]. Их офицеры не брезговали месить хлебы в том корыте, в коем только что вымыта была исподница его рядового; хотя Русские и уверяли, что корыто погано.

Спросите вы о их опрятности и щегольстве: я видел некоторых, кои не умывали хари своей от самого выхода из Парижа. А то, что от них терпят их союзники: Немцы, Италианцы и Поляки, того описать невозможно. Нас величали они: les barbares, les diables*! А тех — проклятая собака! И дразнили или ругали их прямо по-собачьи. Бедные союзники, опасаясь сабли, или нагайки, брели, оглядываясь назад с трепетом. Немцы и Поляки не получали ни фуражу, ни хлеба, ни мяса, ни вина; а зажиточные из Италианцев должны были платить по талеру на день Императору. Вообще гости Московские жили между собою так дружно, что ежели рядовой 2-ой роты крадывал у офицера 1-й роты ковшик муки, то офицер, догнавши рядового, разрубал ему крестец надвое саблею. Это было на нашей улице. Ежели камраду разрубили пузо надвое, то другой камрад искать его не ворочался. Это была саранча, сама себя пожирающая. Самые Французы упрекали недовольных, что они пред Можайском кушали ветчину кобылью. Теперь я познакомил вас с нашими гостями.

Измайлово. Покровский собор и Мостовая башня. Литография А. Дюрана. 1839 г.

Наш отъезд из Москвы

В последнюю середу получено повеление, чтобы нам за институтами ехать в Казань. В четверток я спешил и проститься с вами и посоветоваться. Мне встречаются, прошед Меншикову башню, Ваши: подхожу поздороваться — меня не узнают. На вопрос: куда путь держать: не отвечают. Как, учтивый кавалер, ну провожать их или — признаюсь — гнаться за ними. Приходим к Петрову и там ни слова. Вот все наше прощание. — Могу уверить вас, что, Ей Богу, не с тем я шел чтобы увязаться, ехать с вами, а истинно с тем, чтобы спросить у вас: ехать в Казань, или нет. Мы ждали прогонов от Тутолмина; но в субботу ввечеру получили отказ. Сказано нам, что будем вознаграждены!

В воскресенье поутру, имея кобылу, жеребенка и нанявши клячонку за 10 ру, потащились до Измайлова. Наша свита состояла из 13 человек. Лизанька, предоставленная Арефью, была послана Любушкою в мой дом; а Его Высокоблагородие — adieu в Нижний! Он уговаривал всех, что нечего опасаться неприятеля, до тех пор, пока не подъехала к его воротам кибитка. Все ходили на поклон к Богдыхану[2], кроме, разумеется, меня. Потом Петров и Заборовский отправились для покупки лошадей; но это было уже поздно; на них начали вывозить остававшихся раненых в Москве. Наступил 1-ой час; но их не бывало; мы призадумались; грабеж был во всей силе. Я вышел за вороты; мой Ангел Хранитель указал мне повозку, которую и нанял я до Измайлова за 10 ру. Тут прибыли наши и привели двухлетнего жеребенка с телегою. Надежда оживилась: две телеги; лошадь, кобыла с жеребенком. Тут составились два воза и мы, вооружась, поехали в Измайлово. У Покровского мосту встретили около 5 000 раненых, кои разбивали кабаки; нам многие грозили страшною опасностию; но при помощи Провидения, сжавши сердца, мы проехали

* Варвары, черти (*фр.*).

Семеновскую заставу и с захождением солнца вступили в дом священника.

Боннэ офицера кирасирского полка. Франция. 1811—1812 гг.

Отпустя нанятую лошадь, расположились перекусить уснуть покрепче; наши дамы утомились. Но нам не дали покою — пальба из ружей по селу, зверинцу[3] и приходящие из города в нашу квартиру знакомые и незнакомые с полными мешками, заряженными ружьями и саблями. Все то, что мы взяли с собою, решились оставить во дворе на случай опасности. На другой день мои свояки на оставшейся телеге и паре рысаков — без хомутов и шор — поехали в город. Лишь успели купить мяса; то увидели скачущих через Охотный ряд казаков. Подавай Бог ноги! И наши воротились в 3 часа не с добрыми вестями. Народ бежал мимо нас толпами; грабительство производилось и за нами и перед нами. На одной тележке ехать было некуда — и так, перекрестясь, остались в Измайлове.

Ввечеру видели казаков, кучу попов и много проходящих, кои все подтверждали, что неприятель в 3 часа вошел в город, откуда около 4 часов слышали выстрелы; а в 6 часов возле зверинца так стукнули, что мы присели. Поляки сделали кордон почти около всей Москвы. В этот день пристал к нам отставной офицер Борзянков. В самую полночь человек 10 раненых начали ломить наши ворота; мы вскочили и решились сражаться. Но его мундир защитил нас. В ту ночь загорелся Гостиный двор и Смоленская. Поутру около 10 часов запылали фабрики около Новой деревни; запылало Покровское и так далее — около Яузы, Гошпиталя, Немецкий рынок; но в середу сделался пожар всеобщий. Страшное зарево видно за 100 верст. Тут число пришедших в нашей квартире умножилось — и мы для безопасности — оба пока — решились стоять на карауле. Две ночи проводили в ужасе, смотря на разительную картину пылающей Москвы. Ничто и никогда в свете не представляло такой картины! Ветер ломил нашу хижину.

Шапка рядового гренадера «Старой гвардии» Наполеона. 1810—1815 гг.

В четверг начали в селе появляться фуражеры, по 2, по 3. Крестьяне били их и зарывали. Мы решились переехать в село. В пятницу и субботу начали грабить село; но не так сильно. Наши дамы забились под крышку. Крестьяне разбежались, и мы в 28 домах остались только одни да Прокурор 6-го Департамента Петр Иванович Дмитриев[4]. Между фуражерами были беспардонные — т. е. в латах[5]. Воскресенье прошло для нас благополучно, и мы имели случай согласить эскорту французов с крестьянами. Дело обошлось без ссоры. Но — о, ужасный день! Понедельник — лишь проснулись; застучали в наши ворота; отняли лошаденок и начали грабить нас нещадно. Офицер Борзянков нашел случай накануне перебраться в город. Не ожидая великой опасности, рано поутру случился я на улице, возвратясь от уехавшей эскорты.

Вдруг наскакал на меня Поляк, приставил к сердцу пистолет и упрекал меня, будто я кричал накануне: «Ура!» И строго спрашивал: где их кирасиры? (т. е. убитые). Я туда — сюда: смерть перед глазами! Но, благодаря Господа; не совсем струсил, начал его униженно уверять, что не знаю ни — «Гура»[6]!, что не видал и Кирасиров. 25 минут шельма ругал меня и готов был застрелить; но удалось мне отговориться неведением, и он меня оставил. Наши дамы видели всю эту сцену; а кавалеры — помнится, стояли у ворот. Тут, чтобы избавится от сабли и пули, отворили мы ворота, и к нам начали приходить гости, по 6, по 5 и по 3 человека. Они сделали честь нашим сапогам, платкам, капотам, тулупам, подтяжкам и так далее. Даже не устыдились искать у нас серебра и пониже поясницы. Словом, я надел лапти и с дырами серой кафтан; Заборовский нарядился не лучше меня; а у Петрова более уцелело; потому что и сапоги и другое одеяние было им не впору.

Нас грабили 2-го и 4-го полку гусары и один — шельма — верно, жид — приходил по два дни с товарищами: все у нас повытаскал — даже перочинные ножички, бритвы с рук, кольцы; нашедши пули, бросили нам с ругательством в рожи. Во вторник мы сделали из остального имущества роль лавки и предлагали, что им нравилось. Это спасало нас от жестоких грубостей. Под вечер пришли трое; я случился на крыльце; двое ухватили меня за руки, а третий, развязавши все бывшее на шее, положил на нее вострую саблю и требовал шуб, серебра, денег и проч.

Постный вид, немецкие клятвы и двугривенный избавили меня и от сей беды. В тот же день прострелили 2 пулями живот Господину Дмитриеву, и он на другой день в Госпитале скончался, оставя 5 детей. Наши дамы все сидели закупоренные. Хлеба у нас не было; и

мы, купивши ржи, посылали молоть ее в полночь. Все до последнего зерна было вырываемо. Мужик один показывал. В среду, поймавши курицу, задумали мы спозаранку сварить суп. Приходят 6 чел. Трое полезли в печь; трое пошли грабить и были столь жестоки, что начинали саблями разводить доски на том потолке, над коим сидели наши дамы. Евшие суп начали присматриваться к нашим девушкам, шутить — но мне удалось и тех, и других избавить от опасности. Евшие суп стали, наконец, уверять грабивших, что у Русских изб не делается ходу на чердак, хотя последние и начинали теребить солому и ломать крышку. Слава Богу! Они нас с покоем оставили, и мы заключенным подали супу.

Видимая опасность, особливо появление пьяных Французов, разбивших пивоварню Брыкина, наконец, сострадание одетого из неприятелей, который советовал мне идти к Дивизионному Генералу и просить пощады — вложили в меня мысль решиться и идти в лагерь к неприятелю. Жалеющих, спасибо, было немного, и я в 3 часа после обеда пустился на волю Божию. Дорогою увидел я вдалеке наших грабителей и рассудил идти в город. Был у 2 или 3 Генералов; но их не нашел дома. Наконец прибрел к маршалу Мортье и его адъютант велел мне идти к коменданту Мильо; там нашел я Виллерса, Полицмейстера Французского; я его знавал, и он мне через ½ часа дал цертификат[7], в коем было прописано: по указу де Императора оный комендант повелевает всем Французским войскам асессору Сокольскому и его фамилии отдавать надлежащий респект и хранить его собственность. Поутру прибил я к воротам копию с цертификата и заложил оные бревном; бросились опять грабить; но увидя бумагу — иные проходили мимо, иные жестоко ругали, а не умевшие читать, грозили саблею и пистолетом в окошки, от коих я не отходил многие дни. «Как скоро, — говорил я, — осмелится кто ломать вороты, то я имею приказание от коменданта Мильо прямо рапортовать к Дивизионному Генералу Бауерману» (коего я и в глаза не видывал). В пятницу Петров отправился с письмом к Виллерсу, коего я просил, чтобы очистили половину моего дому от постоя, что действительно исполнено было через неделю; чтобы дан был и Петрову цертификат. В тот же четверг разломали задние вороты; но и там удалось мне уверить и отогнать.

Таким образом, жили в великой опасности до 16-го числа сентября. Цертификаты везде рвали; коменданта ругали; жены наши по-прежнему под крышкою пребывали; но мы вообще большой опасности не видали и спокойнее прежнего спали. С 16-го на 17-го в самую полночь отворили у нас окошко и закричали: *«Вы горите!»* Я почти два месяца не раздевался, выбежав, увидел, что действительно 4 дома пылают вдруг на той улице, где мы жили. Лошадей не было; какая худая тележонка попалась нам; ну ее починивать и выбираться.

Лишь успели вынести, что подле нас было, как вдруг являются беспардонные. Прощай все! — но тут сам Бог удержал их руки от грабительства, и они спрашивали меня: кто зажег? Зажгли сами. В ½ часа притащились опять ко священнику, которой, не могши всего перенести, вынесен был мертвый в церкве, лежавши непогребенный 4 или 5 дней. Здесь опять должно было вооружиться новым терпением, сносить новые грубости; но для погребения старика привезен поп из Запасного дворца под Французским караулом, которому должно было заплатить; а через несколько дней Петров там же выпросил лошадей и караул, с коим мы и перетащились в Запасной дворец.

Как мы тут жили, о том перескажу словесно после. 7 октября 4 взрывами поднят на воздух и сожжен полевой двор: а с 10 на 11 в 1 ¾ пополуночи — половина цейхгауза, галерея с большими колоколами, в двух местах стена и Алексеевская башня изволили приподняться со своего места. От первого взрыва протянул я и ручки и ножки; а жена моя закудахтала.

Уехали неприятели, и мы дней через 5 перебрались в дом свой. Тут является Арефий и умножает наше семейство двумя особами, т. е. Настькою и Машкою; первая пожаловала с шолудями; и в нашей кухне начали жить 9 или 10 особ. К Арефью Алексеевичу почтение у всех оказалось велико; но не у меня. И мы после жесточайшей и самой фабричной брани с Петровым расстались. Он почел меня за беглого рекрута и сильными доводами доказал, что он в тысячу раз достойнее и умнее меня. Все этому аплодировали, и я, грешный, прожил 5 дней в бане.

Вы спрашиваете о коллежском советнике. Я ничего не знаю, кроме того, что на дороге отдал кому-то Ольгу; что, по словам насмешников на место Авдотьи, господин Ректор[9] положил ему под бок старого солдата, выгнавши прелести из его квартиры. Те же насмешники уверяют, что месяца за два или за три она разрешилась от бремени, а кем — я не любопытствовал.

Благодарю Бога, что Он послал мне случай иметь понятие о языках. Заговорил всеми глаголами — а то бы Бог весть, что с нами было.

Милостивой государыне кумушке от меня и от жены моей прошу свидетельствовать нижайшее почтение.

ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 11–18

Примечания

[1] Остяки — употреблявшееся в прошлом название народа «ханты».

[2] Имеется в виду московский главнокомандующий граф Ф. В. Ростопчин.

[3] Имеется в виду Зверинец, устроенный в усадьбе царя Алексея Михайловича Измайлово. С вхождением в 1961 г. Измайлова в черту г. Москвы память о нем сохранилась в названии Зверинецкой улицы.

[4] Правильнее, Федор Иванович Дмитриев.

[5] Имеются в виду кирасиры наполеоновской армии (вид тяжелой кавалерии, носившие кирасы — латы, защищавшие грудь и спину). «Беспардонный», по словарю В. И. Даля, жестокий, отчаянный, беспощадный.

[6] Французское «Hourra» ассоциировалось с боевым казачьим кличем «Ура!».

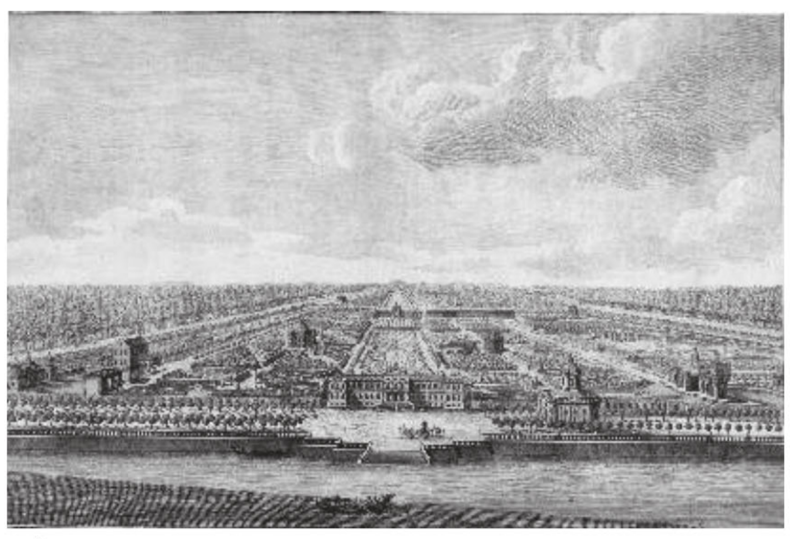
[7] Сертификат (certificate) — свидетельство, удостоверение.

[8] Ректором Московского университета в 1808—1809 гг. был Иван Андреевич Гейм (1759—1821), который руководил эвакуацией части коллекций Музея натуральной истории, книг и старинных рукописей, профессоров и отдельных студентов, а впоследствии сыграл большую роль в восстановлении Московского университета после пожара.

Публикация Ф. А. Петрова и Л. И. Смирновой

Документы о хищениях французских войск в Кусково и поведении местных жителей. 1812—1813 гг.

Генеральный проспект подмосковного Его Сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева села Кускова. Гравюра 1770-х гг.

Одной из жемчужин дворцово-паркового искусства является обширный архитектурный ансамбль Кусково, хорошо известный коренным москвичам. История владельцев Кускова начинается с фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева — сподвижника Петра Великого. Основные сооружения были построены при его сыне — графе Петре Борисовиче, женатом на богатейшей наследнице князя Алексея Михайловича Черкасского княжне Варваре Алексеевне. Унаследовав от отца небольшую усадьбу с каменным домом и Спасской церковью, он превратил ее в уникальный, своего рода сказочно-театральный мир для ее владельцев.

Кусково. Грот. Гравюра 1770-х гг.

При нем в 1750—1770-х гг. был построен крепостными крестьянами под руководством известного зодчего С. Чевакинского великолепный дворец, обставленный мебелью, выписанной из Парижа, и декорированный роскошными гобеленами, бюстами, люстрами, вазами, зеркалами, консолями, бронзой и т. д. Дворцовую галерею украшали портреты и скульптуры великих людей, прежде всего, русских. На втором этаже была размещена Оружейная, или Кригс-камера, с коллекцией холодного и огнестрельного оружия, пушками и якорями, отбитыми русскими у шведов во время Северной войны. В подвалах хранились коллекционные иностранные вина. Дом украшала ажурная решетка, исполненная по рисунку самой Екатерины II.

Против дворца протянулось длинное здание Оранжереи, построенное в 1761—1762 гг. по проекту Ф. С. Аргунова. Она включала в себя высокий центральный зал и остекленные галереи, завершавшиеся двухэтажными павильонами. Это уникальное архитектурное сооружения сыграло, как станет понятно из публикуемого ниже текста, существенную роль во время наполеоновского нашествия.

В 1749 г. в память о Петре Великом был построен кирпичный Голландский домик, архитектурный облик которого напоминал постройки северных районов Голландии. Там хранились привезенные Шереметевым-

Кусково. Эрмитаж. Гавюра 1770-х гг.

старшим предметы местного быта и картины голландских и фламандских живописцев. Около дома был разбит небольшой садик, в котором выращивались растения, любимые и широко распространенные в Голландии — прежде всего, тюльпаны. В той же самой части парка был расположен двухэтажный павильон Эрмитаж — архитектурная жемчужина Кускова, построенный архитектором Аргуновым в середине 1760-х гг. Близ Голландского дома находились беседки и палатки — индийская, китайская, персидская. В парке возведен был также Итальянский дом (каменный, как и голландский), предназначенный для произведений преимущественно итальянского искусства. Вокруг Итальянского дома размещался сад в итальянском стиле со скульптурами и фонтанами. Отсюда можно было пройти к «воздушному театру», где давались представления под открытым небом.

Рядом был устроен пруд с «учеными» рыбами, установлены мраморные статуи Сирены и Дельфина. Недалеко от Итальянского дома находился каменный грот, первоначально предназначенный для морских раковин, привезенных из Италии. Внутренние помещения грота олицетворяли собой «подводное царство»: стены были причудливо отделаны туфом, ракушками, перламутром и стеклом. Полы выстланы мраморными и белокаменными плитами, а также цветными изразцами.

Огромный парк, включавший в себя и уникальный летний сад и рощи из пород редких деревьев (громадные кедры, древние лавры и т. д.), украшали пожалованные Екатериной II мраморные статуи. Особую известность получила установленная в память о ее двукратных посещениях Кускова статуя Минервы. Большой пруд, по сути, представлял собой озеро, в середине которого находился остров с беседкой. Возле пруда находилась каменная Менажерия (собрание редких зверей и птиц).

Но особенно прославилось Кусково своим театром, на сцене которого выступала знаменитая крепостная актриса Прасковья Ивановна Ковалева, по сцене Жемчугова, покорившая своим талантом сердце сына Петра Борисовича — Николая Петровича (действительного тайного советника, обер-камергера и сенатора). В 1798 г. Шереметев дал ей вольную, а в 1800 г. женился на ней. В 1803 году Прасковья Ивановна родила сына, которого назвала в честь особо почитаемого ею святого Дмитрия Ростовского, и в том же году скончалась.

Лишь на шесть лет пережил ее муж, который в память о ней основал Странноприимный дом (о нем уже говорилось в предыдущих документах). Их единственный сын остался в возрасте шести лет круглым сиротой. Как писал историк П. А. Бессонов, опекуны малолетнего Дмитрия Николаевича «свозили, уничтожали, продавали — даже с аукциона — все, попадавшееся под руку имущество — движимое, памятники искусства, здания, сооружения, то, прикрываясь недостатком средств для штата, то, трудностью поддерживать, то, необходимостью и выгодою для наследника, ибо в течение его малолетства многое могло обветшать, выйти из моды, употребления, цены и годности. Вскоре показался, как нарочно, и другой чрезвычайный бич — нашествие французов, в 1812 году навалившихся на Кусково: впрочем, они не столько унесли и пограбили, сколько уничтожили, а еще больше испортили; они попросту, без особого намерения, дурачились и издевались, прокалывая и разрубая, например, мебель, стреляя в портреты и картины и т. п. Зато пришлось это на руку опекунам. Они исписали громадные тетради перечнем уничтоженных и награбленных вещей, которые, впрочем, не ушли дальше известных карманов. Опекунами малолетнего Дмитрия Николаевича, по завещанию отца, были Д. П. Трощинский, Ф. А. Голубцов, И. С. Ананьевский и П. М. Духовницкий» (*Бессонов П. А.* Прасковья Ивановна графиня Шереметева, ее народная песня и родное ее село Кусково. М., 1872).

Общий убыток художественных ценностей, как явствует из описи января 1813 г., составил 632 443 руб. Безвозвратно погибли ценные предметы убранства интерьеров, мебель, картинные галереи, фарфоровые и фаянсовые коллекции, мраморные и скульптурные группы и многое другое (См.: *Акимов А.* Кусково. М., 1946. С. 7).

Графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву удалось частично восстановить Кусково, хотя прежнее великолепие было утрачено безвозвратно. Будучи одним из богатейших людей России, владея 150 тыс. душ крепостных крестьян и несколькими сотнями тысяч десятин земли, он продолжил традиции родителей. Граф Дмитрий Николаевич стал известным благотворителем, попечителем Странноприимного дома, носившего имя Прасковьи Шереметевой. В этом доме при нем лечилось около 50 000 человек; несколько тысяч бедных невест получили приданое; а в богадельне дома ежегодно призревалось от 100 до 170 человек, престарелых или неизлечимо больных.

Но вернемся к событиям 1812 года. Тема Москвы во время пребывания там французов была бы неполной без освещения жизни ближайших подмосковных окраин, где оказались незваные гости. Перед нами — довольно

редкий источник: показания крестьян, записанные приказчиком графа Д. Н. Шереметева Петром Александровым. Крестьяне, которые не имели возможности покинуть свои дома, оказались в весьма затруднительном положении. Брошенные на произвол судьбы, скрываясь в близлежащих лесах, они порой вынуждены были возвращаться обратно еще во время пребывания в Кускове французов, «подвергаясь налагаемым от неприятелей работам, побоям и даже ранам». Из донесений крестьян явствует, как те или иные господские вещи, и даже картины и иконы, оказывались в домах дворовых Шереметева. Документы рассказывают о страшной судьбе, постигшей как русских, так и французских солдат в 1812 году.

Как видно из текста, некоторые кусковские крестьяне, отправившиеся в Московскую Управу за деньгами, случайно стали участниками изгнания неприятеля из Москвы (один из них, например, лично заколол четырех французов). Возвращаясь обратно, они слышали взрывы в Кремле 11 октября 1812 г. Узнав, о том, что французы покидают Кусково, крепостные крестьяне графа Шереметева, возвратившись в имение, были вынуждены по требованию французов нагружать фуры ящиками с награбленным имуществом (фарфор, хрусталь, церковная утварь, мебель, зеркала и т. д.).

Следует отметить, что помимо самого Кускова, мы получаем информацию о том, что происходило в других подмосковных селах и деревнях, ныне вошедших в черту города Москвы, — Вешняках, Владыкине, Выхине, Зюзине, Ивановском, Косине, Кожухове, Мещерине, Николо-Архангельском, Перове, Семеновском.

Документы о хищениях французских войск в Кусково и поведении местных жителей. 1812—1813 гг.

Милостивый государь, Петр Александрович.

В Москву приехал я благополучно, опись и пакет Алексею Львовичу доставил, все бумаги были рассмотрены, и худого ничего не сказано, и похвалено, о чем благоволит ведать. Ваш покорный слуга

Степан Балагаев

Объявление для чтения в церквах

Православный народ, городские и сельские жители, мещанство и крестьяне! Враг наш прогнан. Злодейство его наказано. Жизнию своею заплатил он за сожжение и разорение домов наших. Вы показали пример верности и храбрости, свойственный русскому народу, вы отнимали оружие из рук неприятеля, ополчились против его и, помогая войскам нашим, повсюду истребляли и поражали шатающихся грабителей и злодеев. Вы достохвально исполняли долг свой, защищая веру, царя и отечество. Сам Бог укреплял руки ваши и наполнял сердца ваши мужеством. Ныне время брани миновало. Нет ни единого врага, скитающегося вокруг жилищ ваших. Вы не имеете больше нужды в оружии; но имеет еще надобность в оном победоносное наше воинство, охраняющее вас и поля ваши. И так, совершив дело свое, и оставаясь по-прежнему мирными поселянами, отдайте ненужное вам оружие на защиту вас же самих, братьям своим, воинам, которые употребят оное на всеконечное врагов ваших истребление. Всякое отбитое или в бегстве брошенное от неприятеля оружие, яко принадлежавшее казне побежденных, должно по праву воинскому поступить в казенное же ведомство победителей. Но, Всемилостивейший Государь, наш Император, не соизволяет, чтоб оное у вас отбираемо было; а желает, чтоб вы добровольно, по совести своей, приносили оное в храмы Божии, без всякой утайки, которую Бог увидит, и вменит вам в грех, в награду же за каждое принесенное вами годное к употреблению солдатское ружье, и за каждую пару пистолетов, Его Императорское Величество жалует вас по пяти рублей; а кто из вас откроет зарытые в землю и потопленные неприятелем пушки, и даст о сем знать, кому следует, тот получит в награждение за всякую пушку пятьдесят рублей. Православный народ, поспешайте исполнить волю царскую: снесите в храмы Божии все те оружия, которые остались в руках ваших от прогнанного вами неприятеля; получая за них награду, вы передадите их в руки тех собратий своих, которые истребят и прогонят остатки злобного врага далеко и навсегда от жилищ ваших.

Села Вешнякова[1] церкви во имя Успения Божьей Матери благочинному священнику Алексею Григорьевичу вотчины Его Сиятельства малолетнего Графа Димитрия Николаевича Шереметева села Кускова от прикащика Петра Александрова

Объявление

В церквах православной веры к народу прочитывается изданное печатное объявление: неприятель с войсками из пределов России прогнан, злодейство его наказано жизнию своею, и свойственные русскому народу твердость и мужество отнимали из рук неприятеля оружие. Ныне время брани миновало, и в оружии больше нужды нет, и всякое отбитое от неприятеля оружие, яко принадлежавшего казне по праву воинскому поступит в казенное ведомство победителей. Высочайше повелено: орудия, ружья, пистолеты и пушки объявлять при храмах Божиих без утайки. И, во исполнение предписанного, какие прискались при Кускове по выходе французских войск в октябре, а при обыске в ноябре-месяце из ограбленного французскими войсками в церквах, в графских домах разного имения по замечаниям, не осталось ли чего брошенным в воду в прудах, в коих и найдены две пушки медных с рожками, но французские или русские, кои пушки при сем объявляю.

Генваря 8-го дня 1813 года

1813 года февраля 4-го дня при учинении годовых ведомостей за 1812-й год от свиса[2] и материальщика Петра Лаптева объявлено: что при свидетельстве в магазейне многих материалов не оказалось, и по мнению как по нашествию неприятельских войск как оными расхищение при Кускове во многом графском имении расхищено, то может неприятелем и из магазейну по иным званиям расхищено или кем другим. А, по свидетельству, оказалось железа листового 210 листов. А по разговору нечаянному, сказано от дворового человека, отпускаемого по пачпорту бронзовщика Ивана Васильева Курилова, что ему сказывал живущий в Вешнякове то ж отпускаемый по пачпорту дворовой паяльщик Афанасей Кондырев, что живущие при Кускове отпускаемые по пачпортам портной Петр Бушуев и серебряник Иван Рыбаков продали железа листового несколько листов брату оного Афанасья Кондырева отпускаемому ж по пачпорту паяльщику Гавриле Кондыреву, в чем показываю я, Курилов, сущую правду! На подлинном подписано: к сему показанию Петр Лаптев руку приложил; к сему показанию Иван Курилов руку приложил.

На оное показание Афанасий Кондырев спрашиван и показал. В бытность его в селе Кускове встретился с ним отпускаемый по пачпортам бронзовщик Иван Васильевич Курилов, которому, я, Кондырев, между протчими разговорами сказал, что мне брат мой паяльщик Гаврила Кондырев говорил, что он купил у портного Петра Бушуева и серебряника Ивана Рыбакова железа листового пятьдесят листов по 40 ко каждый лист, а где оные, Петр Бушуев и Иван Рыбаков, железо взяли, он, брат мой Гаврила Кондырев мне не сказывал, и я Афанасей Кондырев не знал, потому что я в то время был в Москве, а было оное дело без меня. Вместо Афанасья Кондырева за неумением грамот брат его Гаврила Кондырев руку приложил.

На вышеписанное показание по призыву Петр Бушуев и серебряник Иван Рыбаков спрашиваны и показали, что они листового железа трех четвертного продали паяльщику Гавриле Кондыреву пятьдесят листов по 40 ко лист, которое железо сысканное ими, идучи из Москвы с солью покупною и приставши села отдохнуть, посмотрели, что идущие крестьяне зарывали в землю листовое железо, а зарывши оные мужики побежали в Москву. А как оные крестьяне ушли, то мы, Бушуев и Рыбаков, отнесли соль домой и рассудили возвратиться на то место, где мужиками железо было зарыто и оное вынули и отнесли к помянутому паяльщику Гавриле Кондыреву, которому и продали по 40 ко за каждый лист. При магазейне же графском мы, Бушуев и Рыбаков, похищения никакого не делали. К сему показанию вместо Петра Бушуева и Ивана Рыбакова за неумением их грамоте по их прошению Иван Курилов руку приложил.

И по показанию вышеписанному призыван был паяльщик Гаврила Кондырев на спрашивание о продажном листовом железе, показал. Что он подлинно от портного Петра Бушуева и серебряника Ивана Рыбакова принесенное железо трех четвертное пятьдесят листов купил ценою по 40 ко лист, а где оное Бушуев и Рыбаков взяли, найдено ль ими или в магазейне графском из пропавшего, я, Кондырев, не знаю. К сему показанию Гаврила Кондырев руку приложил.

По свидетельству ж посыланными к паяльщику Гавриле Кондыреву железо найдено в доме его в чулане, число железа пятьдесят листов и трехчетвертное. Повытчик Михайла Меньшиков за себя и вместо свиса Ивана Балашова руку приложил.

При вторичном спрашивании паяльщик Гаврила Кондырев показал: железо листовое от портного Бушуева и серебряника Рыбакова привезено к нему, Кондыреву, в ноябре-месяце по зимнему пути на лошади, объявляя, что они обыскали таковое железо за бывшими прежде Триумфальными воротами в лесу, спрятанное будто бы сторонними крестьянами, а какими, не известно. *Гаврила Кондырев руку приложил.*

На вышеписанное от Кондырева показание Петр Бушуев и Иван Рыбаков показали. Оное железо обыскали в осеннее время по выходе французов у кругленькой рощи, проезжая немного Перово[3], а снегу еще не было. И по вырытии оного железа перепрятали в графский лес под пень и после через две недели объявили паяльщику Гавриле Кондыреву, который велел оное принести, почему мы оное и перенесли на себе каждый по 25-ти листов, а снегу еще не было. К сему показанию Иван Рыбаков руку приложил и вместо Петра Бушуева руку приложил.

Будучи на очной ставке Гаврила Кондырев утверждает: что железо привезено на лошади, а Петр Бушуев и Иван Рыбаков утверждают, что оное железо принесли на себе к Кондыреву в дом. Гаврила Кондырев руку приложил Петр Бушуев.

При очной же ставке Гаврила Кондырев показывает, что о продажном железе продавцами сказывано, что они нашли в лесу, а чтоб из магазейну графского похищено не сказывали, и он, Кондырев, об оном сведом не был. Петр же Бушуев и Иван Рыбаков показывают: точно, что железо нашли в лесу, а из магазейну графского не брали. *Гаврила Кондырев, Петр Бушуев.*

С подлинным читал повытчик Михайла Мельников.

По вышеписанному допросу о пропадшем при кусковском магазейне железа листового по справкам оказавшегося похищенного 210 листов, полагая по покупной в прошлых годах от московского казначейства цене по 59 ¼ ко лист, суммою на 124 ру 42 ½ ко и, по свидетельствам, с господским оказалось одной меры и клейма. И во оправдание ответчики Петр Бушуев и Иван Рыбаков, хотя и показывают, ими найдено по случаю, идучи из Москвы, усмотрели, что сторонние крестьяне прятали железо в землю, а оные, подметив, после вынули и продали паяльщику Гавриле Кондыреву по 40 ко лист, хотя в похищении кускового железа делают запирательство, но дело показывает само по

себе прилику, что с кусковским железом сходно мерою и клеймом, которого железа то ж может из Москвы и много расхищали. Но на тот случай, как из кускового железа расхищено, сделалось подозрительно, и оному определено проданное железо отводчикам Бушуеву и Рыбакову велеть от покупщика Гаврилы Кондырева взять обратно, заплатить Кондыреву деньги, почему они продали, потому, что Кондырев по расспросам покупал железо, по сказыванию продавцов, найденное в лесу, а не из кусковского магазейну, и Кондыров невинен, и за достальное железо, как дело под сумнением, следовало б с них, Бушуева и Рыбакова, взыскать, но в продаже оного не винятся. Да и покупщик утверждает, Кондырев и он более 50 листов от них не покупал. И обличить к винности, не знав о точности, что они железо делили ль, похищение, по запирательству их, представляется на рассмотрение высшей власти, о чем значит в особо произведенном обо всех в Кускове, оказавшихся похищениях, следствии. *Петр Александров.*

1813 года февраля 4-го дня при обыске у портного Петра Бушуева в доме обыскано из пропавшего из магазейна листового железа, запроданным, по особливому показанию, оными, Петром Бушуевым и серебряником Иваном Рыбаковым, паяльщику Гавриле Кондыреву листового железа 50 листов. Еще в обыске не оказалось, а что окажется впредь, а за оным обыскалось: в доме Петра Бушуева в шитом из холста хрящу[4] мешке несколько, так как половина мешка перьев, которой мешок с перьями и отобран. А за оным у него же, Петра Бушуева, в доме оказалось пять перин в наволочках тиковых, но из оных есть такие, что иную перину надобно двум человекам ворочать.

По спрашиванию ж Петр Бушуев показал, что перины, оказавшиеся в доме их, собственные, а что иные перины очень полны, то он досыпал из нанесенных перьев им, Бушуевым, взятых из Перова. *Повытчик Михайла Мельников.*

При упомянутом же обыске от конюха Осипа Андреева объявлено, что он видел, что дозорного Якова Резанцова оный нес как-то холст, почему положено оного Резанцова обыскать и посланными — свисом Дементьем Чепурным и Иваном Балашовым, дозорным Нестером Чистяковым обыскано: рубах холстинных семь, наволочек восемь, две простыни и одно полотнище. По усмотрению ж, оный холст сходствен бывшими чехлами в каретном сарае, но ими покрыты были екипажи из холста рижского.

На спрашивание ж Яков Резанцов показал, что оный холст принесен из Москвы женщинами медницами, а как зовут, не знает, которые медницы на него работали на трости наконешники. И принесено по выходе французов, а где оные медницы живут, не знает, а может из них кто объявится к нему, Резанцову, за положенными ими чашками чайными фарфоровыми весною — и оный холст принесен уже по выходе французов, и из оного холста шил он, Резанцов, не сам, а его хозяйка рубашки, наволочки и простыни. Он же, Резанцов, показывает о себе, во время нашествия французов отлучился в лесах около 12 верст от Кускова, откуда прихаживал, в Кусково наведывался, а как французы вышли, то он из лесу пришел в Кусково.

1813-го года февраля 12 дня отпускаемый по пачпортам серебряник Михайла Торбин в кусковском правлении объявил, что в прошлом 1812 году во время стояния в сентябре и октябре месяцах неприятельских войск, а которого дня не упомнит, во время шествия российских войск российские 2 солдата — которого полку, не знает — находились в селе Кускове: 1-й — у дворового человека Елизара Непорошина, 2-й — в бывшей Басманной в пустом покое, и лежали больными. И по нашествии французских войск оные умерли, из коих: 1-й у Елизара умер, а 2-го неприятельские войски уже мертвого принесли к дворовому слесарю Дмитрию Парфенову, которых, я, Михайла Торбин, дворовый Прокофий Федотов, Елизар Непорошин — деревни Везовок крестьяне, Яков Биркин, похоронили против дворового Елизара Непорошина дому, в отдаленности, на пустом месте в яму.

На оное слесарь Дмитрий Парфенов спрашиван и показал.

Что во время шествия неприятельских войск находился я от страху в лесу и по приходе из лесу в Кусково в свой дом, в коем увидал лежащего при смерти, без языка, солдата, на оном была одна холстинная рубашка и белого сукна жилетка, а протчее все платье со оного было снято, а кем, не знаю. А занесли оного во время стояния неприятельского войска, что ему сказывал бывший при неприятельских войсках мальчик-переводчик, который умер, и его похоронили я, Михайла Торбин, Прокофей Федотов, Елизар Непорошин и деревни Выхино[5] крестьянин Яков Биркин, против дому Елизарова в отдаленности, на пустом месте и зарыли порядочно.

На оное Елизар Непорошин спрашиван и показал.

Что во время шествия чрез село Кусково российских войск против неприятельских войск зашед ко мне в дом российский солдат раненый, которого в дом я к себе не пустил, а, услыша, что взошли в Москву неприятельские войска, от страху обще с женою ушел из своего дому в лес, где находился с неделю. Пришед обратно в дом, увидав, что лежит мертвый солдат, и стояли еще в Кускове неприятельские войска. Которого похоронили Михайла Торбин, Прокофей Федотов, Елизар Непорошин, деревни Выхино крестьянин Яков Биркин и я, Елизар Данилов, против дому моего в отдаленности, на пустом месте и зарыли порядочно и похоронили в мундире суконном синем, в жилетке суконной белой, в сапогах худых, на шее галстук, в шинели суконной, в рубашке и панталонах холстинных, а другого платья не было, и которого полку и как звали, не знаю, и ничего после оного не осталось.

Его Сиятельства Графа Димитрия Николаевича
в московское домовое правление
Из Кусковского правления
Доношение.

От домового правления сего февраля от 14 дня три приказа предписывают, по силе высокопочтеннейших господ опекунов резолюции, относительно при прошедших несчастных обстоятельствах — нашествии неприятельских французских войск при Москве и в уездах, разорение коим последовало и при Кускове, и вследствие, о грабительствах при домах графских, и почему служители и дворовые люди от своего места отлучились, и о протчем произвесть следствие, по которым производствам требуется время. А при оном и из приказных находится один человек, который ныне занимается учинением за прошлый год из 13 книг годовых ведомостей, коему, хотя и есть в помощь прежде бывший приказный Скворцов, но все учинением ведомостей требуется письменной работы немалое, и дела прошлого году расстроены. Надобно сообразить, а вышесказанные следствия должно время людям и сверх бывших прежде допросов, кои при рапорте объявлены, имелись в ноябре-месяце прошлого году управителем А. Г. и Павлу Александрову и дворовым людям делать надобно. Не рассуждено ль для оного от домового правления прислать поверенного из приказных особенного человека Степана Балагаева или кого другого, который бы знал оное произвесть, которого и прислать на сих днях. Прикащик же и помощник находятся нездоровы. Приказному здешнему вскоре оного исполнить не можно, оный занялся учинением годовых ведомостей, кои то ж нужно привесть с окончанием к отсылке на срок. А, как сказанное из предписанного, давно бы должно произвесть, но домовое правление уже длило предписание сие и оным кусковскому правлению сделано во исполнение к неисправности, в замечании от чего не потребовалось бы впредь ответствий.

Февраля 17 дня 1813 года

Кусковскому ведомству
Приказ.

Вследствие определения домового правления в 22-й день февраля под № 239-м для отобрания от живущих в Кускове дворовых людей, по приказу сего правления, от 14-го того ж февраля писанного, ответов при сем отправлен копист Степан Балагаев, которого по выполнении должного, прислать обратно в домовое правление. *Павел Александров. Андрей Чухнов. Данила Протасьев. Повытчик Коноплев*

Февраля 24 дня 1813 года

Кусковскому ведомству
Приказ.

Почтеннейшие господа опекуны в приказе своем в 16-й день минувшего генваря и доставленном в копии при сношении главной домовой канцелярии от 17-го того ж месяца, между прочим, в 4-м пункте по представлениям управляющего во оной канцелярии экспедициями Алексея Глебова и домового правления управителя Петра Александрова относительно нашествия злодеев в Москву, и другие около оной графские имения, о их грабительствах и протчих злодеяниях, отметить изволили, взирая на различные довольные причины, в верности нещастных обстоятельствах поведения, бывших в московских и подмосковных домах служителей, из которых одни, оставаясь непоколебимо при местах своих, содействовали по возможности сбережению господского имущества, подвергаясь налагаемым от неприятелей работам, побоям и даже и ранам, а другие, прежде еще до нашествия неприятельского, без всякого дозволения и даже в противность приказанию, от мест своих в разные стороны разбежались, особливо же из села Кускова, где никто не оставался, дабы хотя при изгнании врагов сохранить остатки от растащения своих собственных хищников, каковыми многие из них сами действительно приличились обысканными у них господскими вещами. Почему прикащичьему помощнику села Кускова Скворцову особенно и накрепко заметить, что он поступил непростительным образом, подав уходом пример к тому же для своих подчиненных и тем, подвергнув Кусково совершенно беззащитному и беспризорному положению от всех, кто бы ни пришел его грабить, в чем взять от него ответ и с мнением московского домового правления сюда представить. В домовом правлении под № 113-м определено: о отобрании от Скворцова ответа в Кусковское ведомство послать и посылается к выполнению сей приказ.

Февраля 14-го 1813 года

Павел Александров
Андрей Чухнов
Данила Протасьев
Повытчик Коноплев

В Московское домовое правление
Из Кусковского правления
Доношение.

Вследствие приказа оного правления от 14 февраля под № 651 с помощника прикащику Семена Скворцова о уходе его при нашествии неприятеля в Москву из Кускова, ответ взят и при сем прилагается.

Марта дня 1813 года

В Кусковское ведомство
Приказ.

При доношении оного ведомства, от 6-го сего Марта писанном, доставлено ответствие, взятое от помощника прикащику Семена Скворцова, объясняющее причины относительно отлучки его из Кускова во время нашествия в Москву неприятеля, в котором он ссылается на прежде посланное от него в сие правление о том же объяснение, 11-го декабря прошлого 1812-го года писанное. В домовом правлении под № 219-м определено: прописанного в ответствии Скворцова объяснения, поданного якобы им в домовое правление 11-го декабря 1812 году, по какой причине принужден он был удалиться от Кускова во время нашествия в Москву неприятеля, в получении не оказалось, и потому со оного истребовать от Скворцова за его подписанием копию и велеть доставить в домовое правление в скорости, о чем в Кусково и послать приказ, к выполнению чего сим и предписывается.

Марта 20-го 1813 года

Павел Александров
Андрей Чухнов
Данила Протасьев
Повытчик Коноплев

Как по сему приказу требуемая копия с прежнего его, Скворцова, объяснения им написана, то и препроводить оную в московское домовое правление марта 26 дня 1813 года.

Семен Скворцов

В Московское домовое правление
Из Кусковского правления
Доношение.

По приказу оного правления от 20 Марта под № 1 000 — при сем препровождается копия со объяснения, поданного от помощника прикащику Семена Скворцова, во оное правление от 11 декабря прошлого 1812 года, которого во оном правлении в получении не оказалось относительно по какой причине нужден он был из Кускова удалиться во время нашествия неприятельских войск в Москву.

Марта 25 дня 1813 года

В Кусковское ведомство
Приказ.

При почтовой отписке, от 13 марта сего писанной, посыланы в главную канцелярию от сего правления в копиях рапорт Останковского[6] вотчинного правления и сведение, поданное от прикащика Бутенкова становому приставу о вещах, во время неприятельского нашествия расхищенных, с объяснением, что за неимением всем вещам генеральной описи, какие из них расхищены вещи, предъявить подробной выписки не можно. Главная канцелярия от 28 марта сообщила резолюцию господ почтеннейших опекунов, последовавшую в тот же день, — подробных выписок о расхищенных малолетнего графа Шереметева вещах в Останкове, Кускове и везде подавать не нужно, а объявлять правительству, когда бывают о том вопросы, что расхищение последовало из домов и кладовых разным вещам и убранствам на знатные суммы, но что никакое за то вознаграждение не испрашивается. Равным образом и для крестьян вспоможение делается и делаемо быть имеет из достояния помещика без всякого со стороны правительства требования, о чем, куда следует, предписать. А по сему в домовом правлении под № 438 определено: о должном выполнении по сему как в Останкове, так и во все подмосковные вотчины послать немедленно приказы, что и выполнено, а оному правлению предписывается сим.

Апреля 10 дня 1813 года

Павел Александров
Андрей Чухнов
Данила Протасьев
Повытчик Коноплев

В Московское домовое правление
Из Кусковского правления
Доношение.

По доставленной от московского домового правления в Кусково генеральной имению графскому описи произведено было свидетельство картинам, бывшим в портретной галерее, из коих не оказалось налицо трех портретов, похищенных во время проживания в 1812 году в сентябре и октябре месяцах в Кускове французских войск, а именно, под № 73-м — генерала Петра Спиридоновича Сумарокова[7], № 94-м — княгини Ирины Михайловны Долгоруковой, № 112 — короля Датского, которые картины и следует в описи отметить похищенными французами или кем другими, о чем сим и представляется домовому правлению во известие. Протчие ж портреты, какие находились в портретной галерее, — российских царей, императоров и других царской фамилии; иностранных императоров и королей; российских знаменитых господ, по расстройке в портретной галерее, похищенные по прошлому году, от неприятельских войск собраны портреты и положены к сохранению в большом графском доме на столах. Портретная ж галерея остается до исправления в оной расхищенного впредь порожнею.

Июня 11 дня 1813 года

Кусковскому ведомству
Приказ.

На доношение оного ведомства от 12-го Июня представляющее, что имеющемуся в кусковских домах господскому имению опись взята в Питербург бывшим в Москве управляющим в главной канцелярии экспедициями Алексеем Глебовым, а как ныне к свидетельству оного время удобное, то чтоб, не упуская оного, означенную опись оттудова вытребовать. В домовом правлении под № 653 определено: по известности, что из взятой управляющим экспедициями Алексеем Глебовым кусковской описи составляются в главной канцелярии выписки о выбылых и налицо находящихся вещах, почему вытребование и может быть замедлительно. А чтобы не упустить удобного времени к поверке вещей, приступить по другой описи, взятой из домового правления в Кусково, о чем сим и предписывается.

Июля 11 дня 1813 года

Павел Александров
Андрей Чухнов
Данила Протасьев
Повытчик Коноплев

№653.

По сему предписанию учинить исполнение и свидетельство вещам и протчему призвесть по описи, доставленной от домового правления Июля 16 дня 1813 году.

Семен Скворцов.

В Московское домовое правление
Из Кусковского правления
Доношение.

Приказом от оного правления от 11 минувшего июля под № 1 975, а полученным 15-го числа вместо взятой бывшим в 1812 году в Москве управляющим, в главной канцелярии членом Алексеем Глебовым села Кускова генеральной описи, приступить к поверке в графских домах и при других строениях разному имению и протчему по другой описи, взятой из домового правления, и находящейся поныне в Кусковском правлении. По которому приказу как уже давно наступило самое время удобное и должно б ко исполнению приступить, но прикащик Александров всегда занят в присмотре за графским имением и распоряжением за сенокосом и другими разными по строениям работами за дворовыми мастеровыми и протчим, и приступить ко оному по обстоятельствам время не позволяет, а его помощник Семен Скворцов находится болен и свидетельствовать по описи одному прикащику не можно. А надобно от домового правления определить для свидетельствования в домах графских расхищенного в прошлом 1812 году французскими войсками и оставшегося разного имения по описи, приехать из присутствующих домового правления или прислать из доверенных других людей, кого рассуждено будет. А при оном надобно, за расхищенными вещами, писать оставшемуся имению вновь описи определить прислать из приказных от домового правления одного человека, и его при кусковском правлении один человек из приказных, который исправляет все текущие дела при конторе.

Августа 12 дня 1813 года

Его Сиятельству Господину Дмитрию Николаевичу
в домовое правление
Из Кусковского правления
Доношение.

Приказом из домового правления Июля 11 дня сего году под № 1 975 предписано вместо взятой бывшим в 1812 году в Москве управителем Алексеем Глебовым села Кускова генеральной описи, по которой по выходе французских войск, что оными расхищено графского имения, и что осталось оному по прошлому году, в ноябре-месяце деланы свидетельства, и при описи при статьях деланы отметки. Но как оная генеральная опись взята управителем Алексеем Глебовым в главную графскую домовую канцелярию, где и поныне находится, за которою описью прислана от домового правления другая опись, по которой определено, из графского имения, что расхищено и что в наличности осталось, сделать вторичную поверку, к которой приступить должно ко исполнению обще с помощником Семеном Скворцовым, который в прошлом же 1812 году, по определении в село Кусково в прикащичьи помощники, имел по генеральной описи за взятьем назначенного в аукцион и в полную продажу разных вещей гардероб графский и театральный, оставшему при домах графских всему имению свидетельство. Но по нашествию неприятельских войск многое расхищено, а за оным оставшему должно сделать вторичную поверку, к которой приступить без помощника одному прикащику не можно. Помощник же находится с июля месяца болен, к которому сего сентября 1 дня посылан был дозорный Яков Резанцов, со объяснением, может ли он к поверке оставшемуся графскому имению по описи обще с прикащиком свидетельствовать. Но оный отозвался, сказав дозорному Резанцову, что, он, Скворцов, болен, имеет в голове, в глазах и ногах лом, о чем домовому правлению известно, и подлекарь знает. Но, как нужно оставшее при Кускове графское имение по описи поверку сделать вторичную, что расхищено, и что налицо, которое свидетельство, хотя по прошлому году и было, и в генеральной описи сделаны отметки, что расхищено и что в наличности есть. И по удобному ныне времени поверить еще покудова нет большой нужды, а при том свидетельством таким, кому еще поверено будет, ибо прикащик, по старости своих лет и по необходимости по своей должности,

расположен сделать кусковскому имению отчетность и оным очистить себя у свисов.

Сентября 2 дня 1813 года

Кусковскому ведомству
Приказ.

На доношение оного ведомства от 2-го Сентября, представляющее о присылке верного человека для поверки описи имеющимся в оном селе господским вещам, что из них разграблено в бытность в Москве неприятеля и что осталось налицо, объясняя при том, что прикащику за болезнию помощника его, Скворцова, одному сего сделать не можно, в домовом правлении под № 906-м определено: по занятиям присутствующих домового правления к поверке по комнатам имения отправить бухгалтера Чубарова, который и обязан обще с прикащиком, пройдя по описи, отметить, что есть в наличности и что выбыло. Оружейную же оставить поверкою впредь до времени, о чем, куда следует предписать, вследствие чего бухгалтеру приказ дан, а оному ведомству предписывается сим Сентября 3-го дня 1813 года.

Павел Александров
Андрей Чухнов
Данила Протасьев
Повытчик Коноплев

Принять к сведению и сообщить к отпуску. Сентября 5 дня 1813 года.

Семен Скворцов

Из Московского домового Его Сиятельства
Графа Дмитрия Николаевича правления
Кусковскому ведомству
Приказ.

Сего Июня от 5-го дня Главная Канцелярия сношением сему правлению сообщила следующее: что на доношение Кусковского ведомства, от 11-го числа марта писанное, с приложением следственного долга, произведенного о самовольной должностных людей во время неприятельского нашествия из Кускова отлучке, и о расхищенных из господских домов вещах, с таковым сего правления мнением, что, хотя по тому следствию и обвиняются нижеследующие. 1-й, прикащичий помощник Скворцов с прочими дворовыми, в самовольной отлучке от Кускова во время нашествия неприятеля. 2-й, дворовой Четвериков, в хождении из Иванова в Кусково оставлен под сумнением. 3-й Иван Мельниченков во взятьи господской лошади самовольно, определено ему наказание, и взыскать с него за ту лошадь 15 ру. 4-й Федор Мирошников с товарищи по случаю оказавшегося у них листового железа, сходного с тем железом, которое пропало из господского сарая со взысканием с них за неявшиеся 88 ру. 28 ¼ ко. и с отобранием налицо. Но как бывшей тогда немалой тревоге всякий старался спасти себя от предстоявшей смерти, а сохранить имения как господского, так и своего никто не мог; а потому сих людей по первому отделению без погрешности признавать виновными не можно. По второму, Четвериков посылан был из Иванова[8] в Кусково членами домового правления для разведывания, что делается в Москве и в селах Кускове и Останкове, и на дорогу ему выдано из казны Его Сиятельства 10 ру., которые и по расходу управителя Александрова значатся; следовательно, и сего в хождении в Кусково виновным почитать не должно. А что он о сем в показании своем умолчал, то сие произошло уповательно по запамятованию его. По третьему, Мельниченков в самовольном взятьи лошади, хотя и обвиняется, но, как он показывает, что во время приезду его из лесу в Кусково, оная лошадь отнята у него французами, а в продаже оной никем не изобличается, то и сего лучше оставить свободным, нежели полагать на него какое-либо взыскание или наказание, ибо есть ли б не он ее взял, то бы в такое смутное время мог бы взять ее другой из своих или посторонних. По четвертому, дворовых людей Мирошникова в покупке, а Бушуева и Рыбакова в продаже листового железа, сходного с господским, тоже винить по непризнанию сомнительно, потому более, что железа, сходного в Москве, было много, которое крестьяне возами возили и, увидев казаков или неприятелей, бросали. А посему случиться может, что дворовые люди, найдя оное, взяли себе.

Что же касается до тех дворовых людей, у коих найдены в домах некоторые вещи, то, как из них в похищении ни один не признался, а все вообще подтверждают, что многие занесены в дома из стоявшими на квартирах французами, а другие найдены в разных местах, то и сих признавать виновными в похищении не можно, а виновны только в том, что при самом приезде из Иванова в Москву управителя Александрова, а потом в Кусково прикащика не объявили им об оных. А по прослушании оного, в главной канцелярии под № 567-м резолюциею заключено: хотя дворовых людей, имевших у себя разные вещи, к кусковскому дому принадлежащие, и нельзя признать настояще невинными, поелику они изобличаются в похищении их видимыми в деле обстоятельствами, что, имея оные у себя, сокрывали тайно и не объявя об них своему начальству, сделали дворовые Бушуев с прочими и продажу железа. Но как все те люди в похищении не сознаются, никем в том не изобличены и показывают, что некоторые вещи будто бы принесены французами, а другие найдены в разных местах, а посему, оставя их в одном подозрении, от наказания, согласно мнения московского домового правления освободить, во уважение единственно потерпевшего ими от неприятельского нашествия разорения. Но с тем, есть ли у кого из людей и за сим окажутся вещи кусковского дома, то таковой за сокрытие и не объявление об них

не может уже ожидать прощения и накажется по всей строгости. О чем велеть объявить всем дворовым и о сем, по испрошении от высокопочтеннейших господ опекунов резолюции, московскому домовому правлению сообщить, с тем, чтобы все вещи положены были в свои места и сохраняемы в целости. Отлучку же прикащичьего помощника Скворцова из села Кускова предать благорассмотрению почтеннейших господ опекунов. По докладу ж о сем от господ опекунов в 31-й день Маия последовала резолюция такова:

«1-е, хотя дворовые люди, кроме умершего Авденахта Балагаева, прочие, у которых найдены господские вещи, в похищении оных не признались, показывая, будто бы они занесены французами в их дом, или подобраны, разбросанные по лесам и садам.

Но как все обстоятельства, а особливо умолчание о находящейся в руках их чужой собственности, доказывают паче, что люди сии, пользуясь замешательствами, сами растаскивали господское добро и хотели оным поживиться, не предвидя последовавшей вскоре перемены, то и заслуживали бы они, яко слуги неверные и люди недобрые, примерное наказание. Однако ж, приемля во уважение общие нещастия, от нашествия врагов происшедшие, при которых и виновники сии сами довольно наказаны, полагаем: более из человеколюбия и во изъявление милости от лица малолетнего господина, нежели по невинности, всех их простить, с возвращением отысканных наличными вещей в свои места и с тем подтверждением, которое главная домовая канцелярия в резолюции своей определила. Умершего же Авденахта Балагаева, в похищении оказавшегося в доме его образа, не только виновным, но и подозрительным не считать.

2-е, Мельниченкова, согласно мнению кусковского прикащика, наказать розгами за то, что он, к непозволенной отлучке от своего места без ведома начальника, имел еще дерзость для ухода своего взять самовольно господскую лошадь и ее утратить, и затем денег за сию лошадь, по бедности его, уже не взыскивать.

3-е, о убежавших из Кускова от страха людях не подлежит здесь никакого суждения, поелику сие обстоятельство впредь уже решено, почему и прикащичьего помошника Скворцова, обвиняемого кусковским прикащиком с некоторым излишеством, оставить без дальнейшего взыскания.

4-е, кусковскому прикащику еще приметить, что он, приводя некстати в пример, будто бы и в другим подмосковных домах разных господ то же происходит, что и в Кускове, а они не только людей своих за то наказывали, но сделали еще им награждение, нимало тем не доказал, чтобы и там под след французов свои люди не своевольничали, или господа награждали своих людей, несмотря и на очевидное поползновение оных на похищение их имущества.

5-е, впрочем, поступить по мнениям московского домового правления и главной канцелярии. В домовом правлении под № 661 определено: с прописанием сего отношения к должному выполнению в кусковское ведомство послать приказ и велеть по выполнении к зарешению дела рапортовать, к выполнению чего и предписывается». Июня 17-го дня 1813 года.

Павел Александров
Данила Протасьев
Повытчик Коноплев

Его Сиятельства Графа Димитрия Николаевича
В Московское домовое правление
Из Кусковского правления
Доношение.

Приказ домового правления Июня от 17-го под № 1 748 с резолюцией господ высокопочтеннейших опекунов, последовавшей в 31-й день Маия, о прощении кусковских дворовых людей без всякого наказания, во уважение единственно потерпевшего ими от неприятельского нашествия разорения, оставя их в одном подозрении, за сокрытие у себя принадлежащих к кусковскому дому разных вещей, оказавшихся, по выходе французских войск, оставленных оными у дворовых не объявлением своему начальству, получен Июня 23-го числа, по которому при кусковском правлении в сходственность дворовым людям на всеобщем собрании, прописанное в приказе, прочетом Июня 25-го числа, по милостивом господ почтеннейших опекунов и от лица Его Сиятельства Графа Димитрия Николаевича прощении объявлено, с подтверждением, что, ежели и за сим у них господские вещи окажутся, то за не объявлением оных будут без упущения наказаны.

Дворовый же Мельниченков за самовольное взятье господской лошади (которая утратилась) наказан розгами. За сим же кусковский прикащик, имея о нем в предписании последовавшую резолюцию господ высокопочтеннейших опекунов относительно в излишнем будто бы объяснении о помощнике Семене Скворцове, и к защите кусковских дворовых, чрез поставление в пример последовавших за претерпение в посторонних селениях нещастиев людям за господское имение взыскания не было, имеет оправдаться начально чрез Московское домовое правление, предписано имелось произвесть следствие.

Почему выполняя по силе предписаний к справедливости в расхищениях при Кускове Графского имения, следствие производилось прошлого 1812 года Ноября 25-го и сего в Марте месяце. И по последнему наблюдая, невинного оправдать, а виновного, ежели он точно оказался в похищении по допросам, что оказалось по следствию, и дворовых, хотя по обыску и оказались в домах их господские вещи, но те люди оправдывают себя, что занесены французами, а некоторые подобраны по лесам и садам; а при том и вещи мало значащие, и чтобы действительно были сами похитителями, без до-

казательства и непризнанию их, обвинить никого было не можно. Почему в следствии, делая осмотрительность, и зная, что и в посторонних селениях то ж делано, как и при Кускове, расхищением неприятельскими войсками господского имения от подчиненных взыскания не было, а предано к похищению злобного неприятеля, и многие от неприятеля разграблены и разорены, лишась имений, прикащик за нужное почел ввести вышесказанное в следствие.

О помощнике ж, Скворцове, в излишнем объяснении не писано, а показано происшествие по следствию, по показанию дворовых, будучи оный второй начальник, которому дворовые люди рапортовали, что казаки ломают кладовую; но он, будучи еще при Кускове, не мог к ним выдти к защищению, в которую, кладовую, имелось поставлено собранные из графских домов разные лутчие вещи: часы, со столов и с каминов шенданы[9], вазы, шкатулки с приборами, часть из кладовых с судов брезенты с позументами, кистьми золотыми и бархатными, китайское платье и часть оставшего из Ружейной. А за оным имелось поставлено многих кусковских людей — останковского садовника, и других людей имение, как графского и обывательского, на немалую сумму, и когда грабили казаки, дворовые допросами показывающие, что Скворцов ко оному не выходил, каким же следствием об оном умолчать, умолчал же. А после открылось бы, то кто б за оное отвечал, что ж за излишнее может, написано поставленных Скворцовым с имением сундуков и не оказалось, то, между протчими, первое с графским имением и обывательским — сундуки, ящики всех, кто ставил в кладовую, оказались в наличности. И разбирали всякий свой сундук разломанными и разбитыми, и многие по кладовой претерпели из имения разорение, и по происшествии какие по нашествию неприятельских французских войск при Кускове разграблением графского имения сделались следствием. Прикащик, приводя некстати в пример, будто бы и в других подмосковных домах разных господ то ж происходило, что в Кускове, — изъяснено. Единственно сделавшегося по производству следствия от дворовых, как оные в похищении не приличились, и дабы никто невинно не получил бы наказания, а посему за нужное почел во мнении написать, и что в резолюции заключено о прикащике. Оное состоит в воле и рассуждении высокопочтеннейших господ опекунов; в каком же содержании мнение прикащиково о кусковских людях по следствию доставлено в домовое правление Марта от 11 дня сего года, оное по требованию прикащикову, помощнику Семену Скворцову, свисам и дозорным было прочитывано

Июня 30 дня 1813 года.

Повытчик Михайло Мельников

Его Сиятельства Графа Димитрия Николаевича
в Московское домовое правление
Из Кусковского правления
Доношение.

Приказ из домового правления от 17 Июня № 1 748 — с резолюцией высокопочтеннейших господ опекунов, последовавшей в 31-й день Маия о прощении кусковских людей, без всякого наказания, во уважение потерпевшего ими от неприятельского нашествия разорения, оставя их в одном подозрении за сокрытие у себя принадлежащих к кусковскому дому разных вещей, оказавшихся по выходе французских войск, оставленных оными у дворовых, не объявлением своему начальству, получен Июня 23-го числа, по которому при кусковском правлении, в сходственность дворовым людям на всеобщем собрании прописанное в приказе, прочетом Июня 25 числа от лица Его Сиятельства Графа Димитрия Николаевича о милостивом и от господ высокопочтеннейших опекунов о прощении, объявлено, с подтверждением: что ежели и за сим у них господские вещи окажутся, то за не объявление оных будут без упущения наказаны. Дворовый же Мельниченков за самовольное взятье господской лошади (которая утратилась) наказан розгами, о чем домовому правлению доносится сим.

Июля 6 дня 1813 года

Его Сиятельства Графа Димитрия Николаевича
в Московское домовое правление села Кускова
от помощника прикащику Семена Скворцова
ответствие.

Приказом оного правления, писанным от 14 февраля, а полученным в кусковском правлении 16 февраля, с прописанием резолюции высокопочтеннейших господ опекунов, коей повелено взять с меня ответ, почему я мог при нашествии неприятельской силы в Москву отлучиться уходом из села Кускова, и якобы к тому же подал пример и подчиненным и тем, подвергнув Кусково совершенно беззащитному и беспризорному положению к расхищению из оного имения, на что сим имею объяснить.

Когда французские войска прошлого 1812 года 2-го сентября вступили в Москву, то российская армия с того дня и по 4-е число сентября весьма в большом количестве имела тракт свой и чрез село Кусково к деревне Выхиной. И во время того прохода, а также и особенными наездными партиями начали в кусковских господских домах и протчих местах и обывательских жилищах производить усиленным образом грабеж. Ко отвращению ж от того никакими мерами сопротивляться противу похитителей было не возможно, потому что в противном случае угрожали жителям смертельным орудием. Кусковские ж жители, будучи от того в немалом страхе, а к тому ж и приближающийся к Кускову неприятель сде-

лал в народе весьма большое смятение и расстройство, отчего самый прикащик П. Александров и решился выехать 3 числа сентября в село Марково. А после его, того ж числа, и все кусковские жители друг за другом стали расходиться в разные селения и леса. Хотя ж при отъезде своем прикащик Александров и я, остающийся по нем, и уговаривали народ, дабы от жилищ своих никуда не удалялись, но только все оное было тщетно, ибо все говорили, что от злого неприятеля желают спасать жизнь свою и начали расходиться, кто куда вздумал.

4-го числа сентября поутру Кусково стало уже пусто. Я, видя себя всеми оставленного, и неприятель находился уже близ Кускова, отчего, будучи также в немалом страхе, решился того 4 сентября поутру из Кускова удалиться ж, а французы того ж числа в половине дня вступили в Кусково. Следственно, и не было подано мною ни малейшего повода к побегу кусковским жителям, которые уже прежде меня все разбежались. Подробнее ж обо всем оном усмотреть можно из объяснения моего, поданного в домовое правление прошлого 1812 года декабря от 11 дня, в коем именно и объяснено, по какой причине принужден я был удалиться от Кускова, и с кем именно все сии люди не есть защитники, и какие причины препятствовали мне ранее возвратиться к своему месту.

Относительно ж до похищения вещей дворовыми людьми, то и на оное поистине представляю, есть ли быт, я, хотя и был в то время в Кускове, но только удержать от того народ нашел бы не в силах, и к тому получил бы себе неисцелимый удар — есть ли не от своих, то пришло бы от посторонних, дабы не было бы в том хищении на них верного доказателя. Ибо в то время во всем народе умножалась расстроенность и междоусобия, и начальство отвергали. А всякий считал сам себя большим, в уповании том, что якобы уже остались навсегда французскими пленниками, и отчета в воровских деньгах никому не дадут, а к тому ж и защиты к укрощению таковых в то время просить бы было не у кого, ибо все главные начальства, а так же и московская полиция, находились в отдаленных от Москвы местах. Впрочем, более сих причин к своему оправданию ничего представить не могу, что все и придаю к благорассмотрению домового правления, и прошу прежде поданное от меня 11 декабря объяснение присовокупить к оному в оригинале.

Семен Скворцов

Февраля 20 дня 1813 года

С подлинным читал повытчик Михайла Мельников

Кусковскому ведомству
Приказ.

На представление управляющего экспедициями главной домовой канцелярии Алексея Глебова высокопочтеннейшие господа опекуны в приказе своем, писанном в 16-й день генваря и доставленном в копии при сношении оной канцелярии от 17-го того ж месяца, между прочим, в 7-м пункте написать изволили: о разграбленных в церквах Кусковской и Никольской утвари и других церковных вещах надлежит, чтобы сделано было донесение тамошними священниками своему духовному начальству. В домовом правлении под № 113-м определено: о выполнении посему в Кусковское и Никольское правления послать приказы, к выполнению чего в Никольское приказ послан, а оному ведомству предписывается сим.

Февраля 14 дня 1813 года

Павел Александров
Андрей Чухнов
Данила Протасьев
Повытчик Коноплев

Во исполнение сего предписания сей приказ объявить села Вешнякова благочинному священнику и находившемуся в селе Кускове священнику к надлежащему по их части исполнению. Февраля 17 дня 1813 года.

Семен Скворцов

В Московское домовое правление
из Кусковского правления
доношение.

При сем препровождается вследствие оного правления приказа от 14 февраля под № 649 копия о разграбленной в Кусковских церквах, во время стояния неприятельскими войсками, церковной утвари, с донесением, что об оном церковном расхищении еще при жизни бывшего священника Димитрия Иванова с причетники представлено рапортом чрез благочинного в духовное правление. А в какой силе, то с оного рапорта копия от Кусковского правления прошлого 1812 года Ноября от 25-го дня отправлена находящимся в Московском Китайском доме домоуправителем санкт-петербургскому Алексею Глебову и московскому Павлу Александрову, которая с протчими бумагами Глебовым взята в главную домовую канцелярию для докладу высокопочтеннейшим господам опекунам.

Марта дня 1813 года

Кусковскому ведомству
Приказ.

Высокопочтеннейшие господа опекуны в приказе своем в 16-й день минувшего генваря и доставленном в копии при сношении главной домовой канцелярии от 17-го того же месяца, между прочим, в 5-м пункте написать изволили. Относительно расхищенных господских вещей, возложить на московское домовое правление, чтобы оно употребило крайнее тщание исследовать и

привести в ясность, каким образом к кусковским дворовым людям: Авденахту Балагаеву, Ивану Соловьеву, Семену Селуянову и протчим, каковых доныне открылось 14-ть человек, зашли из господских домов и кладовых разные вещи, когда сами они возвратились туда по прогнании уже неприятеля, и, следственно, от них насильно получить их не могли. А от посторонних воров принимать не долженствовали, не предъявя оных своему начальству.

А как из описей Кусковской и останковской видно, что многие драгоценности и к неприятельскому похищению удобные вещи остались налицо, как-то: с серебряными и позолоченными окладами мебели, золотыми позументами и гасами[10] обложенные, дорогие картины, бронзы и протчее. А в то же время, будто бы забраны ими вещи, ничего не значащие, даже простые деревянные мебели, замки дверные, задвижки, душники и, наконец, женские фижмы, железные удила, стремена ветхие, шпаги и так далее. В одних и тех же комнатах часть мебелей ободрана, а другая цела, часть вещей выбрана и часть осталась. Следственно, с великою вероятностию заключить можно, что тут в расхищениях участвовали много и свои люди, растаскивая по частям и по временам, что, кому, когда удалося. То помянутое домовое правление обязано приложить всевозможное старание к отысканию таковым образом расхищенных вещей и возвращению их на свои места, а особливо к открытию похитителей, дабы они могли быть подвергнуты достойному наказанию, а дом избавился от дурных и опасных людей. В домовом правлении под № 113-м определено: о отобрании от дворовых людей ответов и о доставлении оных в домовое правление, в кусковое ведомство послать приказ, а за всем тем предписать кусковому и останковскому прикащикам, чтобы оные о расхищенных господских вещах, к отысканию оных и к открытию виновных, приложили всемерное старание и, что окажется, представили в домовое правление, о чем в Останково должное учинено, а кусковскому ведомству предписывается сим.

Февраля 14 дня 1813 года

Павел Александров
Андрей Чухнов
Данила Протасьев
Повытчик Коноплев

Как для учинения по сему приказу исследования о присылке из домового правления одного из приказных служителей представлено домовому правлению доношением февраля от 17 дня, то сей приказ и приобщить к делу февраля 18 дня 1813 года

Семен Скворцов

Его Сиятельства Графа Димитрия Николаевича
в Московское домовое правление
из Кусковского правления
доношение.

По насланному от домового правления прошедшего февраля от 14, а полученному 16 числа приказу, которым предписано: высокопочтеннейшие господа опекуны в приказе своем в 16-й день генваря сего году и доставленном в копии приношения главной домовой канцелярии от 17-го того ж месяца, между протчим, в 5-м пункте предписать изволили относительно расхищенных господских вещей возложить на московское домовое правление, чтобы оно употребило крайнее тщание исследовать и привести в ясность, каким образом к кусковским дворовым Балагаеву и другим зашли из господских домов кладовых разные вещи, когда сами они возвратились по прогнании уже неприятеля и, следовательно, от них насильно получить их не могли, и от посторонних воров принимать не долженствовали, не предъявив оных своему начальству. И о протчем предписывающее, заключено: в расхищениях участвовали много и свои люди, растаскивая по частям. И к открытию похитителей определено: в отобрании от дворовых людей ответов и в сходственность господ почтеннейших опекунов от дворовых людей ответы взяты в кусковском правлении, которые показали, что они до вступления неприятельских войск от страха, боязни и спасения жизни и для сыскания пищи из Кускова отлучились в разные места, откуда при бытности французов в Кусково, хаживали наведываться.

Иные на малое время и обратно уходили, а другие оставались в Кускове и жили с французами, и у некоторых на квартерах, по обыску, оказались графские разные вещи. А посему не делали ль они сами собою и не видал ли кто за кем господскому имению похищения, допросы учинены, которые при сем к рассмотрению доставляются, равно показание прикащичьего помощника Скворцова о разбитии кладовой с графским и обывательским имением; подписка с кусковских дворовых людей со обязательством, что есть ли у оных в будущее время окажутся какие господские вещи, в том подвергают себя наказанию; мнение кусковского прикащика П. Александрова на 10 страницах; реестр вещам, оказавшимся у дворовых людей, с оценкою примерною, чего каждая вещь стоит, и о найденных при обысках на лугах, у прудов, колодце и в разных местах, то ж с оценкою, всего на 44 листах.

Протчее ж все оказалось рухлядь, изорванная в лоскутках по дошедшему спрашиванию, и о кладовой под большою оранжереею, в которую оставлены были из собранного в большом доме часов и протчего в больших ящиках и сундуках с обывательским разных людей имением. От дворовых людей объявлено, что кладовую, когда начали ломать из казаков 4 человека, прикащичьему помощнику Семену Скворцову было объявлено.

Но оный защиты никакой не сделал, а показывает, убоялся от страху воинских людей, и, что кладовая была будто бы приметна, потому что заложенное из кирпича видно было новость. Но, как кладовая к сохранению вещей нашлась удобною, при которой одно маленькое окно и дверь заложены кирпичом и подбелена известкою, дверь же засыпана землею и в бытность прикащика, еще никто не разламывал.

Марта 11 дня 1813 года

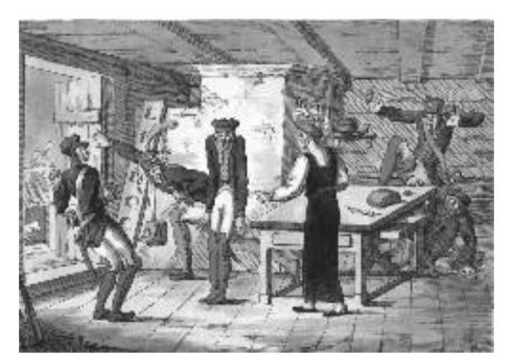

Огородник. Гравюра Д. Аткинсона. 1803 г.

1813-го года февраля 26-го дня села Кускова свисы, дозорные и протчие дворовые люди в Кусковском правлении, в сходственность приказа домового правления от 14 февраля под № 650, были спрашиваны: кто, когда из Кускова от должности отлучился, отчего именно, и когда возвратились в Кусково, с показанием, не видал ли кто за кем похищения графскому имению, равно и об оказавшихся у некоторых по обыску господских вещах, кем оные к ним в дом занесены, французами или самими, показали, а именно:

1. Свис Дементий Чепурнов, из села Кускова: когда неприятель из Москвы выступил, сентября на 4-е число, и русские войска вступили в село Кусково в великом множестве, и всех из села Кускова, как прикащиков, равно и подчиненных, высылали вон, объявляя, что неприятели молодых будут брать в службу, а старых мучить в работах и колоть. Почему я, оставя свою должность; от господских же домов имелись ключи у товарища моего, свиса Балашова, взяв жену и детей, ушел в Марково. В Кускове ж еще находился прикащичий помощник Скворцов, к должности своей возвратился декабря 1го дня. Что ж касается до разграбленного из господских домов имения, кто бы оное из кусковских дворовых крал, то, как я сам никого не видал и ни от кого об оном не слыхал, в чем и показую по справедливости. *Дементей Чепурнов.*

2. Свис Иван Балашов из села Кускова ушел в Мешенино, сентября на 4-е число, оставя свою должность и ключи от господских покоев, принес в контору и положил на стол при прикащичьем помощнике Скворцове, боясь неприятеля, который еще был в Кускове. К должности ж явился я октября 13-го дня, и во время французов я в Кусково не ходил и о похищенном господском имении, чтоб кто оное из кусковских дворовых людей крал, как сам никого не видал, и ни от кого об оном не слыхал, в чем и показую по сущей правде. К сему показанию вместо Ивана Балашова, за неумением его грамоте, по его прошению Михайла Мельников руку приложил.

Французские мародеры, испугавшиеся козы. Карикатура И. Н. Теребенева

3. Свис Петр Лаптев, при нашествии в Москву неприятелей, когда русские войска вступили в великом числе сентября 2-го и 3-го числа и начали по господским покоям и обывательским домам везде делать грабеж, и вновь по всему селу Кускову развели огни, и всех жителей гнали вон, объявляя, чтоб всякий спасал жизнь свою от врага. Почему я принужденным нашелся, видя всех в отчаянии бегущих в леса и разные места, оставя свою должность, бежать в Марково, и в пребывание французов в Кусково я не смел ходить. К должности ж своей явился октября 13-го дня. Что ж принадлежит до похищенного из господских домов, именно, чтоб кто оное из кусковских дворовых таскал, то сам не видал, и ни от кого не слышал, в чем и показую по чистой совести. *Петр Лаптев.*

На большой дороге между Можайском и Москвой 21 сентября 1812 г. Литография по рисунку Х. Фабера дю Фора. 1830-е гг.

4. Дозорный Яков Резанцов. У него оказалось: одна простыня холстинная, восемь наволок холстинных, две штуки холстинные, семь рубах мужских и женских.

При вступлении русских войск в село Кусково сентября 3-го дня со вторника на середу ночью от боязни неприятеля ушел в лес, отстоящий от Кускова в 10-ти верстах. Из лесу в Кусково один раз с купцом Ковалевским я приходил для проведания. Но тут с меня и Ковалевского французы сняли одежду, почему я возвратился в лес, и проживал в лесу 3 недели, а потом, когда уже французы начали из Кускова выходить, тогда я явился в Кусково к своей должности. Означенная холстина куплена его, Резанцова, женою у сторонних женщин, которые работали для Резанцова наконешники медные на трости, без меня. Я ж в то время ездил в Кожухово[11] за капустой, а оная холстина не графская, а по признанию свисов сочтена за графскую из господских домов, почему и взята в казну. Я ж ничем из господских покоев не пользовался и не брал, при котором и я, Резанцов, по приказу начальника находился, и по обыску у свиса Балашова в числе его имущества найдено: на 3-х подушках сшиты наволки из графской материи, красной краузе[12]; еще восемь салфеток столовых графских и одна скатерть, сшитая из столового буфетного уборного чехла, из пике, а в средине прошита новыми кружевами. Да по первому обыску, при котором как я, Резанцов, равно и сторонние люди — сенатский регистратор Иван Иванов и г-на Пекина компанион Баранов, у него ж, Балашова, видели 4 нитки жемчуга помельче гороха, а по краям красные ленточки, которого на втором обыске он, Балашов, не показал, и учинил запирательство, говоря, якобы, у него жемчуга совсем не было, а вместо оного показал другие бусы, перемешанные. Других же, чтоб кто имением графским воспользовался, никого я не видал и не слыхал, в чем показую по сущей правде. И когда я протчими дворовыми людьми из леса возвратился в Кусково, тогда от меня учрежден был в Кускове караул по 4 человека в ночь, и во все время оной продолжался, и в том мое прилагаемо было неусыпное старание. Живущая в селе Кускове вдова Жулева, искав, своего имущества горшков, кувшинов и протчего и, пришед в наш дом, так же усмотрела, нет ли чего ее. Жена ж моя ей сказала, что у них ничего нет, а лутче бы она, Жулева, молилась Богу, чтоб Бог сохранил Кусково. На что Жулева сказала, что лутче бы все Кусково сгорело, нежели ее имение пропало. *Вместо Резанцова Алексей Скворцов руку приложил.*

5. Свисы Дементей Чепурнов, Иван Балашов и Петр Лаптев, о оказавшихся по обыску у дозорного Резанцова холстинных рубашках, простыни и наволоках, нашитых из рижского холста, показали, что до вступления французов в Кусково таковая холстина была в немалом количестве в театре, в большом и протчих домах. Ныне же оной ничего не оказалось, почему и признана за господскую, а точно ли оная графская или ему, Резанцову, принесена сторонними людьми, сего они, свисы, показать и утвердить не могут. На него ж, Резанцова, сделал доказательство конюх Осип Андреев, который видел его, Резанцова при французах, что он нес. *Вместо Балашова Алексей Скворцов руку приложил. Дементей Чепурнов. Петр Лаптев.*

Якову Резанцову возвращено: Рубах мужских и женских — 7. Наволок — 8.

По рассмотрению за неузнанием, чтобы оная холстина точно была графская или подлинно покупная Резанцовым, означенные рубашки и наволки от кусковского правления возвращены Резанцову, а простыня и две штуки холста взяты в казну, которого много расхищено простынь и прочего.

6. Свис Иван Балашов показал, что он 3 подушки с означенными наволочками, равно скатерть и салфетки получил в приданое за своею женою, от тещи, вдовы Аксиньи Жулевой, а где она взяла, я не знаю. Жемчугу в доме моем никогда не было, и я, Резанцов, не показывал, кроме мелких бус, ношенных из давних лет, в чем клятвою утверждаю. *Вместо Ивана Балашова за неумением грамоте руку приложил Михайла Мельников.*

7. Вдова Аксинья Жулева показала, что она оные наволки купила в Москве на площади, тому назад осьмой год. Скатерть же купила она в Москве на площади. 9-ть салфеток подарены ей сестрами Агафьею и Афимьею Васильевыми, когда они жили вверху слишком 20 лет, которые отданы мною в приданое зятю Балашову. *За неумением вдовы Аксиньи Жулевой по ее прошению руку приложил Михайла Мельников.*

8. Осип Андреев. У него оказалось часть полы от палатки, мелкополосная, и несколько штук ободранных с театра декораций.

От нашествия неприятельских войск в Москву от страху и спасения жизни из Кускова, я ушел с женою и малолетним сыном 3-го сентября во вторник ввечеру в лес, называемый Никольский[13], состоящий от Кускова в 7 верстах. Чрез неделю из лесу приходил я в Кусково, в котором уже стояло французов множество, и ушел обратно от страху в лес. Потом, чрез неделю или более, не упомнить, вторично в Кусково пришел, поглядел своего имения и, доходя до Кускова, увидел идущего издали, из гаев[14], дозорного Якова Резанцова, несущего пазухою холстину или что другое, не знаю, коего я догнал, остановил и спросил, что несет. Но оный сказал, что холстину, а я спросил, где он взял, не осталось ли там еще, но оный Резанцов сказал, что дал ему столяр Шибанков, а я от оного пошел в Щетиновскую рощу, отрыл из земли хлеб и пошел обратно во оный же Никольский лес. Потом чрез неделю, уже 3-й раз, когда французы из Кускова вышли совсем, с женою и с сыном из лесу в Кусково пришел и жил у Якова Резанцова в доме. Видел от графской палатки нитяной с цветочками материи несколько штук, спрятанные на чердаке, да в сарае перьев пуда 3, а откуда оные взял, не знаю. На другой день из Кускова ходил я в Москву в управу за деньгами. Тогда неприятельские войски из Москвы выходили вон, и про-

тив управы меня заставили насильно казаки с протчими людьми, дав пику, колоть французов, коих я заколол 4-х человек. В управе ж денег не достал, которых уже разобрали.

Шедши же в Кусково, разрывали в Москве в Кремле землю, и удары были ужасные. Дорогою у Яузовских ворот, зашед в бывший питейный, взял пять бутылок с красным вином и, идучи дорогою с Рымановым, выпили и домой ничего не принесли, из графских же домов я ничего не брал и никого не видал. Оказавшиеся ж у оного Андреева по обыску одна часть полы от палатки, он оную нашел на конюшенном дворе, валявшуюся на земле, и несколько штук с декорации найдены в Щетинине. *За неумением грамоте Осипа Андреева по его прошению Михайла Мельников руку приложил.*

Свисы Иван Балашов, Петр Лаптев и дозорный Яков Резанцов показали, что они показанные вещи вырыли из земли.

Калмыкова жена Матрена Елисеева показала, что при обыске имения в доме вдова Аксинья Жулева вклепалась в мой собственный короб, и хотела оный себе присвоить и от меня отнимать, говоря, что муж мой, якобы, будучи в ее доме, у нее унес. На что я ей сказала, что муж мой, хотя в доме твоем, когда стояли ратники и раненые солдаты во вторник 3 сентября и был, но он не один, а вместе с Торбиным и Парфеновым и не для какого хищения, а единственно залить в печи дрова, от которых было великое пламя, поелику оные солдаты, наклав в печь дров, много затопя, сами ушли. А Жулевой самой и никого дома не было, а уехали в Мещериново. Почему муж мой, узнав, с протчими, пламя затушил водою, боясь, чтобы не сделался пожар и не сгорело все Кусково. На что Жулева сказала, что нужды фук, так фук ведь протчие места сгорели же, на фуке б и стали жить, которые слова и в других местах она говорила, в чем и показую по сущей истине. *Вместо женки Матрены Калмыковой Алексей Скворцов руку приложил.*

Вдова Аксинья Жулева показала, что она ей, Калмыковой, показанных слов никогда не говорила. *На подлинном руку приложил Д. Чепурнов.*

Женке Калмыковой и вдове Жулевой сделаны очные ставки, на коих каждая утвердила свое показание. *На подлинном руку приложил Чепурнов.*

Жена Резанцова Дарья Егорова показала, что, при сделании обыска, живущая в селе Кускове вдова Аксинья Жулева, ходя, искала своего имения, которой я, Резанцова, сказала: «Чево ты ищешь, ты бы молила Бога за то, что Бог помиловал наши хижины, и все Кусково». На что мне Жулева сказала, что мне Кусково фук, так фук, и то подтвердила 3 раза, приседавши, что она действительно сии речи говорила, в том клятвою утверждаю. *Вместо Дарьи Резанцовой Алексей Скворцов руку приложил.*

Вдова Аксинья Жулева показала, что она ей, Резанцовой, таких слов никогда не говорила. *Вместо вдовы Жулевой Алексей Скворцов руку приложил.*

Означенным Резанцовой и вдове Жулевой сделана очная ставка, на которой утвердили каждая свое показание, вдова ж Жулева клятвою подтвердила, что таких слов Резанцовой не говорила. *Вместо Дарьи Резанцовой и вдовы Жулевой Алексей Скворцов руку приложил.*

Дворовый слесарь Дмитрий Парфенов показал, что он так же от Резанцовой слышал, равно и дворовый Дмитрий Калмыков мне сказывал, что вдова Жулева показанные Резанцовой слова говорила в другой раз в доме Дмитрия Калмыкова, сам же я, Парфенов, не слыхал. *Вместо Парфенова Алексей Скворцов руку приложил.*

Дмитрий Калмыков в кусковское правление был призван и спрашиван, который показал, что оная Жулева точно показанные речи говорила жене его Матрене Елисеевой.

Дозорный Яков Резанцов показал, что он при выходе французов из Кускова видел меня издали, несущего из гаев найденное в шпалере, что ко Владышному[15] лежавшее на земле сукно, белое хорошее, мерою не более 2 аршин, которое почел он за холстину, у меня холстины совсем не было. Что ж касается, что он в доме моем видел от графской палатки нитяной с цветочками материи несколько штук и перьев 3 пуда, то сие, действительно, от оной палатки была у меня в доме на чердаке для просушки повешена одна штука, которую я по должности своей, будучи дозорным, поднял у школы в канаве к дороге. И оную, пришед ко мне, 2 француза взяли и увезли, так же и перья, выпущенные из перины, оставленной у меня для сбережения купцом Мельниковым, кои и теперь находятся у меня ж. В чем и показую по сущей справедливости. *Вместо Якова Резанцова Алексей Скворцов руку приложил.*

Дозорному Якову Резанцову, свису Балашеву и теще его вдове Аксинье Жулевой сделаны очные ставки, на которых Резанцов утвердил свое показание, что как наволочки, равно и салфетки таковые ж имеются у графа, Балашов же и теща его утвердили свои, что они не графские, наволки купленные, а салфетки подаренные.

Свисы Дементий Чепурнов и Петр Лаптев показали, что таковая ж материя, из какой у Балашова на подушках наволки краузе, хотя в господских покоях были на чехлах и завесах, но пропаж никаких из покоев прежде не было. Что ж касается до салфеток, то об оных, графские ль или чьи другие, они не знают, поскольку при домах салфеток не имелось. *Дементей Чепурнов. Петр Лаптев за Балашова и за себя руку приложил.*

Богаделенный Андрей Вовнянкин

У него оказалось зеркало длиною 1 аршин и 1 вершок.

Он, Вовнянкин, из села Кускова ушел во вторник 3 сентября от неприятеля в село Марково и, пробыв там две недели, возвратился в богадельню. Тогда состоящие в Кускове французы из Кускова вышли, а только наезжали другие партиями. В то время пошел я за грибами в середнюю рощу и, зашед за большой пруд

в мелком лесу, увидел означенное зеркало, которое я, взяв к себе в богадельню, а потом объявил дозорному Чистякову за небытностию тогда начальников в Кускове. Сам же я из казенных покоев ничего не брал, и других никого не видал, в чем и показую. *За неумением Андрея Вовнянкина по его прошению руку приложил Михайла Мельников.*

Дозорный **Нестер Чистяков** показал, что Вовнянкин ему, Чистякову, сказывал, что он в лесу нашел зеркало, а чье, не знает, тогда из начальников в Кускове никого не находилось, коему от меня зеркало до времени и велено оставить у себя. А когда пошли с обыском в Вешняково, то оный Вовнянкин зеркало принес и отдал. *Вместо Чистякова Алексей Скворцов руку приложил.*

Садовые ученики **Яков Бушуев и Алексей Халдин** показали, что из них Бушуев из Кускова во вторник 3 сентября ушел в лес, состоящий в 10-ти верстах, боясь неприятелей, и находился в оном до 3-х недель, до самого выхода французов из Кускова. А Халдин отправился в среду 4 сентября с отцом своим Павлом Халдиным в село Зюзино[16], состоящее от Кускова верст за 30, а оттудова ушел в лес, и находился в лесу до самого выхода из Кускова французов. Господского имения они, Бушуев и Халдин, не брали, и других никого не видали и показали по сущей справедливости. *Яков Бушуев. Алексей Халдин.*

Дозорный **Нестер Чистяков**. По вступлении в село Кусково русской армии сентября 2-го и 3-го казаки и протчие солдаты, ходя по господским покоям, ломали двери и били окончины, брали завесы и протчие вещи, и по обывательским дворам чинили грабеж, равно и у меня отняли печеный хлеб и муку и протчие отнимали вещи, и выгнали из Кускова вон. Отчего я с женою и дочерьми ушел в Марково, откудова при французах для наведывания приходил в Кусково с протчими дворовыми, и по приходе с дозорным Резанцовым осмотрели все господские дома и видели в покоях, что все разграблено и двери везде разломаны и окончины выбиты, которые, хотя мы досками и заколотили, но в тот же день французы, наезжая в Кусково партиями, расколотили, и с меня одежду до последней рубашки и обувь сняли, почему я обратно ушел в Марково. Что ж касается до господского имения, то кто б оное из кусковских дворовых из покоев таскал, я сам не видал, и ни от кого об оном не слыхал, в чем и показую по справедливости. *К сему показанию вместо Нестора Чистякова на неумением его грамоте по его прошению Михайла Мельников руку приложил.*

Дворовый **Прокофей Садовников**. У него по обыску оказалось.

Подушка с коляски, набита волосом, с оной штоф ободран.

Два каптора, суконные, с лошадей, ветхие. Один плат суконный, — белый, ветхий. Две штуки стамеду[17]. Одна средина от паникадила — хрустальная. Одна пелена камчатная церковная, ветхая. Зеркало в 10-ть вершков без рамы.

Он, Садовников, из села Кускова из собственного своего дома ушел в лес, по имению у себя жены и 4-х детей, еще до нашествия в Кусково неприятелей, и, прожив во оном одну неделю, возвратился в Кусково в свой дом. По приходе все Кусково занято было французами, и в моем доме находилось до 15-ти человек, и во время их пребывания я находился в Кускове. По выходе ж французов все означенные по обыску вещи остались в моем доме, которые натасканы французами. Я ж сам ничего из графских домов не таскал, и чтоб кто другой из кусковских дворовых крал, не видал и не слыхал, в чем и показую по справедливости. *Вместо Прокофья Садовникова подписал Петр Лаптев.*

Дворовый Фирс Сироткин. У него по обыску оказалось.

Два зеркала в простых крашеных рамах из управительского дома. Один стол красного дерева с полами. Два стула, обитые трипом[18], который снят. 6 штук холста хрящу снятого со стульев.

Он, Сироткин, ушел с женою из Кускова в Марково при нашествии в Москву неприятелей сентября 3-го дня от страха и от понуждения казаков, которые всех из Кускова гнали, объявляя, что французы залучат нас на работы. И по прожитии в Маркове трех недель приходил один раз в село Кусково, откудова находящиеся французы выступили вон. А только при мне французы, наезжая в Кусково партиями, из театра и нового домика таскали столы и стулья и увозили на фурах в Москву. Что ж касается до вышезначащих по обыску у меня, то из оных по приходе моем на свою квартиру из Маркова — один стол, два стула и 6 штук со стульев холста хрящу — найдены мною в моем чулане, которые затащены французами. Два ж зеркала поднял я на управительском дворе, которые лежали на земле подле конюшни, кои я, взяв, спрятал на коровнике и засыпал листом, и, не имев в Кускове себе пищи для пропитания, ушел обратно в Марково. К должности ж явился я в Кусково в ноябре месяце, из господских покоев ничего не брал, и кто б другой что-нибудь таскал, я ничего не видал и не слыхал, в чем и показую по справедливости. *К сему показанию вместо Фирса Сироткина за неумением его грамоте по его прошению Михайла Мельников руку приложил.*

Столяр **Алексей Шибанков**: по вшествии в Москву неприятелей и по вступлении в село Кусково российских войск, из коих казаки, 4 человека, начали ломать состоящую под церковью с казенным и обывательским имением кладовую, которую, разломав, выбрав из оной сундуки, разломали, и имение брали по себе, где хранилось и его, Шибанкова имущество. Он, Шибанков, увидя оный грабеж, послал дворового Егора Четверикова об оном дать знать прикащичьему помощнику Скворцову, который, в то время еще находился в Кускове, но Скворцов не пошел. Он, Шибанков, с ним, Скворцовым, и с

протчими людьми на другой день ушли в Косино[19], откуда Скворцов поехал в село Зюзино. А я, Шибанков, отправился в Марково, и, пробыв там двое суток, пришел обратно в село Кусково, которое занято было неприятельскими войсками, и как в господских, равно и обывательских домах везде находились французы, при которых имел я пребывание во все время, исправляя для них всякие работы. Французы стояли в селе Кускове около 3-х недель, а по выходе сих после другие наезжали партиями, и, выбирая из господских домов столы, стулья и зеркала клали на фуры и отправляли оные в Москву. Изо всех мест грабили разные вещи, даже и на мою квартиру приносили много разных материй, завесов, холста, бонбы[20] и протчих вещей, которые с собою уносили, и перешивали на жилетки и панталоны. Что касается до меня, то я сам из господских покоев ничего не таскал, равно и других никого не видал, в чем и показую по чистой совести. *К сему показанию вместо Алексея Шибанкова по его прошению Михайла Мельников руку приложил.*

Резчик **Егор Четвериков**, видя, что казаки 4 человека под церковью начали ломать кладовую, он в то же время объявил прикащичьему помощнику Скворцову, но Скворцов унимать не пошел, а потом на другой день я с женою и с детьми с ним, Скворцовым, отправился в село Зюзино, а оттудова поехали в Семьинское[22], а из оного в село Иваново. И по прожитии в Иванове семи недель, ходил в село Кусково от скуки и, ночевав в Кускове одну ночь, отправился поутру рано вторично в село Иваново. И, пробыв в Иванове еще две недели, оттудова отправился с обозом канцелярских служителей к своей должности в Кусково, и господским имением как сам не пользовался, равно и других, кто бы оное таскал, не видал и не слыхал, в чем и показую по сущей правде.

Дворовый **Павел Халдин**. По вступлении в село Кусково российских войск, как уже начался везде происходить грабеж, он, Халдин, из Кускова отправился с прикащичьим помощником Скворцовым и с дороги ушел в лес, состоящий в 15 верстах от Кускова. Скворцов же поехал в Зюзино, и, пробыв в лесу 3 недели, возвратился в село Кусково, и по приходе видел все господские покои от французов разграблены, которые и при мне, наезжая партиями грабили и все отнимали. Что ж касается до казенного имения, то, как сам я не таскал и никого не видал, и показую по чистой совести.

Дворовый **Кондратей Постников**. У него по обыску оказалось.

Две чашечки хрустальные граненые.
4 венчика медных с образов.
Герб графский шитый золотом от богатой палатки.
5 блюдечек фарфоровых снизу саладонового[22] цвету.
Два зеркала в рамах золоченых.
15 тарелок оловянных из Эрмитажу.
Чайница маленькая фарфоровая с золотом.
Одно одеяло камчатое ветхое.
Восемь полотнищ бонбы желтой, снятой с ширмов.
3 подушки с кресел, наволочки лайковые.
Один стул красного дерева.

Постников из села Кускова при вступлении русских войск ушел в лес, состоящий от Кускова в 15 верстах, взяв с собою жену и 4-х малолетних детей, и, пробыв в оном одну неделю, возвратился в село Кусково в собственный свой дом. И, боясь, чтоб оный французы не сожгли, где в пребывание французов находился, употребляясь от оных в разные работы, и видел, как французы грабили из господских покоев мебель, которую, накладывая на повозки, отправляли в Москву. Что ж касается до оказавшихся в его доме по обыску казенных вышезначащих вещей, то из оных некоторые принесены самими французами, а другие он, Постников, подбирал в разных местах валявшиеся на дороге, которые он брал не для воспользования себе, а единственно для сохранения казне. И как об оном объявить было некому, начальников в Кускове никого не находилось, а притом я, не имея здесь пропитания, ушел в село Иваново, а без меня по прибытии в Кусково прежде всех прикащика Александрова по приказу оного сделан обыск, и что у меня найдено, взято. Сам же я из графских покоев ничего не брал и других никого не видал, в чем и показую по справедливости. *К сему показанию вместо Кондратья Постникова за неумением его грамоте по его прошению Михайла Мельников руку приложил.*

Дворовый **Семен Селуянов**. По обыску у него оказалось.

Два образа без окладу.
41 тарелка фарфоровых 2 сортов.
3 купидончика фарфоровые с кувшинами.
Поддон хрустальный от плато.
Одно блюдо фарфоровое японское.
18 колокольчиков медных небольших.
4 кожи с подушек кресельных.
Две рогожки плетеные.
Волосу, снятого с канапе и кресел, 2 пуда.

Он, Селуянов, из села Кускова по вступлении русских войск сентября на 4 число ушел в лес за 10-ть верст от Кускова, и, пробыв в лесу 3 недели, возвратился в Кусково, где застал французов, кои его, Селуянова, употребляли в работы. Оказавшиеся ж у Селуянова по обыску вышезначащие вещи, из которых о двух образах и 18 колокольчиках он, Селуянов, не знает. И по обыску, деланному Балашовым, Лаптевым и дозорным Резанцовым, от него оных брато не было. 41 тарелки у него, Селуянова, так же не было, а оные найдены села Кускова дворового человека Федора Мирошника женою, в 2-х мешках лежащие в Щетинине позади его, Селуянова, огорода, о которых он ничего не знает. 3 купидончика, поддон хрустальный, одно блюдо фарфоровое, 4 кожи с подушек кресельных и две рогожки принесены в дом его своякам, г-жи Салтыковой дворовым человеком Дмитрием Тимофеевым, который при французах находился в его, Селуянова, доме, а где он взял, я не знаю.

Волос 2 пуда он, Селуянов, взял на земле у школы для тюфяка. Сам же он из покоев ничего не брал, и других никого не видал, в чем и показую. *Семен Селуянов.*

Свисы: Иван Балашов, Петр Лаптев и дозорный Резанцов о двух образах и об осьмнадцати колокольчиках, значащих у Селуянова, показали, что они за долго прошедшим временем взяли у него, Селуянова, оные образа и колокольчики или нет, упомнить не могут. *За себя Балашева и Резанцова Петр Лаптев руку приложил.*

Федора Мирошникова жена, Аксинья Иванова, показала, что она со своею племянницею, пошед в лес в Щетинино, и, набрав с дерев ольхи для крашения, и пойдя назад другой стороною, увидели неподалеку от Селуянова огорода лежащие в 2-х мешках тарелки числом 41 — фарфоровых, которые они, взяв с собою, представили в Кусковское правление.

Кусковский прикащик Петр Александров объясняет, что Мирошникова жена 41 тарелку фарфоровую представила, объявляя, что нашла в Щетинине позади Селуянова огорода, кои взяты и по свидетельству оказались из Голландского дома.

Федор Мирошников из села Кускова ушел во вторник 3 сентября в село Мещериново, еще до вступления в Кусково неприятелей. Пробыв в Мещеринове 4 недели, приходил в Кусково для осведомления, и, будучи в Кускове 4 дня, видя, что французы, наезжая партиями, везде производили грабеж, и пищи не было, почему я для сыскания оной ушел обратно в Мещериново. А потом, когда уже французы из Москвы совсем вышли, то я, Мирошников, явился в Кусково к своей должности и, пошед в Щетинино, нашел у болота лежавшее на земле листового железа 11 листов, которое он взял в свой дом. Сам же я казенного железа не брал и протчим имением графским я, Мирошников, не пользовался, и кто оное крал, я так же не видал, и показую по самой истине. *За Федора Мирошника за неумением его грамоте Петр Лаптев руку приложил.*

По свидетельству ж в кусковском правлении оказалось оное железо с господским одной меры и клейма.

Дворовый Осип Миняев из Кускова в среду 4 сентября по вступлении русских войск, ушел в лес за 10 верст и чрез 4 ночи возвратился в Кусково, по слабости моего здоровья в собственный мой дом. В то время Кусково занято было французскими войсками, при которых я находился безвыходно. Графским имением ничем не пользовался, и других, кто бы оное крал, я никого не видал, в чем и показал по самой чистой совести. *Осип Миняев.*

Прокофей Оконнишников. У него по обыску оказалось: один бюстик фарфоровый, два блюдечка фарфоровые, лоточек и корзинка прорезная с ручкою, один поднос перламутровый.

Я, Оконнишников, из села Кускова, при вступлении неприятелей сначала ушел в лес. И, пробыв в оном 2 ночи, как в лесу было есть нечего, и я стар — 70 лет — почему и возвратился в Кусково в собственный мой дом. И по приходе у него находилось французов до 20 человек, которые заставляли меня работать — носить воду, дрова и сеять для них муку, за что кормили хлебом. Означенные по обыску вещи в мой дом принесены французами. Я ж сам из графских покоев ничего не брал, не объявил же оных потому, что я не знал, откудова сии вещи принесены, равно и других, кто б крал, никого не видал, в чем и показую по самой истине. *Вместо Прокофья Федотова за неумением грамоте Алексей Скворцов руку приложил.*

Иван Соловьев. У него по обыску оказалось.

Картин писанных на досках — 3, на холстине — 1.

И того — 4.

Группа фарфоровая с двумя купидонами 1.

Шендан хрустальный 1.

Видов печатных 4.

Штука атласная с пятнышками церковная 1.

Одно стекло зеркальное.

Один петух фарфоровый.

По вступлении в село Кусково русских сил, сентября 3-го дня во вторник он, Соловьев, с женою ушел в село Марково, поелику казаки из Кускова всех выслали, упреждая, что неприятель будет колот. И, пробыв там 4 дня, оставя жену свою в Маркове с Шибанком, сам возвратился в село Кусково наведаться, где находилось французов множество, которые его, Соловьева, взяв к большому дому, в коем стоял их начальник генерал, и при кухне употребляли во всякие черные работы. В коих он и находился две недели до тех пор, когда французы из Кускова выехали. В то же время были у означенного генерала в услужении Петр Бушуев, Николай Колмыков и Михайла Торбин. При отъезде своем французы, выбирая из графских покоев разную фарфоровую посуду и другие вещи и материи, и, уложив оные в ящики, которые для пособия заставляли и его, Соловьева, выносить и класть на фуры, коих и отвезено в Москву две фуры. У кладовой же, что под домовою церковью, в коей хранились сундуки с графским имением, которая разбита была русскими солдатами до вступления французов в Кусково. Как во оном имения еще находилось довольное количество, поставлен французский караул, к которому никто из русских допускаем не был. Сами же французы, входя в кладовую, выбирали оловянные тарелки и другие материи и увозили с собою. Что ж касается до вышезначащих оказавшихся по обыску у него вещей, то оные к нему, Соловьеву, принесены французами. Сам же он, Соловьев, ничего из покоев господских не брал, и никто не видал, в чем и показую по самой истине. *Вместо Ивана Соловьева Алексей Скворцов руку приложил.*

Иван Мельниченков. У него оказалось:

Одна пола, шитая из разных сукон с богатой полатки.

Одна половина обоев тканных гарусных.

6 стульев обиты разной материей, ободранных.

5 шишек медных с полаток.

Одно стекло толстое каретное.

Группа фарфоровая разбита.

Он, Мельниченков, находится при конюшенном дворе колесником. Из Кускова отправился до вступления неприятеля сентября 3-го дня во вторник поутру, взяв на конюшенном дворе господскую разъезжую лошадь с телегою и, уложив свое имущество, посадя жену и 3 детей, отправился в лес, состоящий от Кускова в 10-ти верстах. И, прожив в лесу 3 недели, узнав от других, что французы из Кускова выехали, я с женою и 3 детьми на оной же лошади приехал в село Кусково. И на 3-й день французы, наехав в Кусково партиею до 30 человек, означенную лошадь у меня отняли и увели с собою. Что ж касается до вышезначащихся у меня вещей, то из оных некоторые взяты мною на конюшенном дворе, где я живу, и в чулане, которые занесены французами, кои им, Мельниченковым, и предъявлены кусковскому приказчику Александрову. Сам же он из покоев ничего не брал, и никого не видал, и показует по истине.

На вопрос, спрашивался ли он, Мельниченков, кусковских начальников, взять себе лошадь и были ли в то время начальники в Кускове, сим показует прикащик Петр Александров и помощник его Семен Скворцов, в то время находились в Кускове. И я, Мельниченков, оных о взятии лошади не спрашивался, а, спеша уехать, взял лошадь с повозкою самовольно и прежде начальников уехал, в чем и показую.

Прикащик Петр Александров и помощник Скворцов объясняют, что Мельниченкову лошадь с повозкою брать от них приказу не было, а они взяли самовольно, и отправились прежде их. Оная же лошадь находилась в Кускове лет с 20, и по оценке прикащика, полагается в 25 рублей. Что ж касается об оказавшихся у Мельниченкова вещах, то подлинно от него кусковскому прикащику объявлено было, кои и взяты.

Живущий в селе Вешняки паяльщик **Гаврила Кондарев**. У него оказалось железа листового 50 листов. Гаврила Кондарев показал, что он означенное число — 50-ть листов железа — купил у дворовых людей, живущих в селе Кускове — Петра Бушуева и Ивана Рыбакова — по 40 копеек лист, и деньги им за оное 20 рублей заплатил, о котором они, Бушуев и Рыбаков, пришед в дом мой, мне объявили, что ими найдено в роще вынутое из земли зарытое сторонними крестьянами, у коих они, шедши из Москвы, усмотрели и вынули. Прежде я от них никогда железа не покупал, и они мне более не объявляли. *Гаврила Кондырев руку приложил.*

Отпускаемый по паспортам дворовый **Петр Бушуев**. Жительство имеет с женою при матери в Кускове в собственном ее доме. Сентября 3 дня во вторник до вступления неприятелей, ушел в лес за 10-ть верст, и, ходя из лесу в Кусково наведываться. В то время Кусково занято было французскими войсками, а в большом доме стоял французский генерал, у которого служили дворовые люди — Николай Колмыков и Иван Екимов, из коих Колмыков мне объявил, что французы дают пропитание, почему и я, не имея более чем в лесу кормиться, согласился идти к оному генералу в службу, и находился у него 4 дня, употребляясь в разные работы. При отъезде французов из Кускова по приказанию их укладывал в ящики нанесенную ими из графских домов фарфоровую и хрустальную посуду; из церкви поповской подризник и дьяконский стихарь, кои, уложа, оные ящики равно и другие, с чем — им не известные, выносили с Калмыковым и Екимовым на две фуры, и заставляли взятым из материяльного сарая скапидором мазать колесы вместо дегтя. И нас же, Бушуева и Калмыкова, посадя на фуры вместо кучеров, велели править лошадьми и отвезти в Москву. По привозе же, сложа ящики в господский дом, состоящий против Строганова саду близ Яузы[23], потом из Москвы от французов бежали в Кусково. Что ж касается до 50-ти листов железа, то оное он, Бушуев, нашел по выходе французов, идучи из Москвы с покупною солью, с проживающим же в селе Кускове отпускаемым по паспортам серебряником Иваном Рыбаковым, и, не доходя до Перова, увидели в роще, что сторонние мужики оное зарывали в землю, которое он с Рыбаковым после мужиков из земли вынули и перенесли в середнюю рощу и спрятали, а после взяли и продали живущему в селе Вешнякове дворовому человеку паяльщику Гавриле Кондареву по 40 копеек лист, и деньги с него получили. Господского ж железа равно и ничего я не брал, и других никого не видал, в чем и показую по самой чистой совести. *Петр Бушуев.*

Отпущаемый по пачпортам серебряник **Иван Рыбаков**, проживающий в селе Кускове у тещи его, вдовы Бушуевой, в собственном ее доме, он с женою и 4-мя детьми сентября 3-го дня во вторник до вступления неприятелей из Кускова ушел в лес за 10-ть верст. И, прожив в лесу 3 недели, когда французы из Кускова вышли, возвратился в Кусково, и, пошед с Петром Бушуевым в Москву, железа 50-ть листов действительно он, Рыбаков, нашел в земле. Шедши из Москвы с солью, и, не доходя до Перова, увидели, что в роще оное мужики зарывали в землю, которое ими принесено из Москвы. И когда мужики ушли, то он с Бушуевым, отрыв землю, железо вынули и перенесли в середнюю рощу и спрятали, а после взяли и продали живущему в селе Вешнякове дворовому человеку паяльщику Гавриле Кондареву по 40 копеек лист и деньги получили. Казенного железа и ничего он, Рыбаков, не брал и других никого не видал, в чем и показую по самой истине. *Иван Рыбаков.*

Прикащик Петр Александров объясняет, что, по свидетельству оказалось, в Кускове на материальном сарае пропало железа 210 листов. Полагая каждый лист по покупной от московского казенного ведомства цене по 59 ¼ копеек, и того на 1248 рублей 42 ½ копеек.

Отпускаемый по пачпортам дворовый паяльщик **Иван Екимов**, проживающий в Кускове в собственном доме, показал, что он, при нашествии в Кусково русских сил, сентября 3-го числа во вторник с женою и детьми ушел в лес за 30 верст. И жил в лесу, пока французы пребывали в Кускове. И когда услышал, что французы из Кускова хотят выезжать, то приходил в Кусково на-

ведаться, цел ли его дом, а так же и спрятанное имение. По приходе в Кусково увидел его дворовый же человек Николай Колмыков и взял к французскому генералу, состоящему в большом доме, в службу. Где я, Екимов, и служил два дня, и как уже французам выезжать было надобно в Москву, тогда Бушуев с Калмыковым на фуры клали из большого дому ящики заколоченные, а с чем — неизвестно, и увезли в Москву. А потом и он, Екимов, ушел в лес, откудова уже приехал на жительство в Кусково со всем семейством. Графским имением я ничем не пользовался и другим никого не видел, в чем и показую по самой правде. *Иван Екимов.*

Дворовый **Тимофей Скуратный** из Кускова ушел в Марково сентября 3го дня во вторник, по вступлении в Кусково российских войск. И, будучи в Маркове две недели, ходил я в Москву для сыскания дочери и зятя. А, ночевав в Москве одну ночь, возвратился в Кусково и посмотрел на кладовую, в коей хранились пожитки и его Скуратного, а потом из Кускова тот же день обратно в Марково и из оного отправился в Мещериново, где и жил. А когда услышал, что французы из Кускова выехали, тогда и я возвратился на жительство в Кусково, господским же имением я не пользовался и других никого не видел, в чем и показую по самой точности. *К сему показанию вместо Тимофея Скуратного за неумением его грамоте по его прошению Михайла Мельников руку приложил.*

Пешник **Петр Косенков** с женою отправился из села Кускова сентября 3 дня до вступления неприятеля в село Марково, откудова один раз приходил в Кусково для осведомления. Но как в Кускове везде стояли французы, и есть мне было нечего, почему ушел обратно в Марково, а по выходе французов возвратился к своей должности. Из графских покоев я ничего не воровал, и никого в том не видел, в чем и показую.

Дворовый **Лукьян Аполевский** сентября 2-го дня в понедельник по приказу кусковского приказчика послан для провожания до села Маркова с графинею Варварою Петровною Разумовской. А по прибытии в Марково оттудова ушел в Константиново. Прожив в оном две недели, приходил в Кусково посмотреть, в целости ль мое имение в кладовой, что под церковью. И, по приходе в Кусково, пошел к означенной кладовой и увидел, что кладовая разбита и из оной много сундуков вытащено и разломано. И тут же стоял французский караул, который его, Аполевского, к сундукам не допустил, а только что выдал одну перину и 4 подушки его собственные, кои он, Аполевский спрятал, а сам для сыскания пищи ушел обратно в Константиново. И когда французы из Кускова выехали, тогда Аполевский из Константинова явился к своему месту в Кусково. Из графского ж имения он, Аполевский, ничем не пользовался, и других никого не видел, в чем и показал по всей истине. *Вместо Лукьяна Аполевского Алексей Скворцов руку приложил.*

Кузнец **Мосей Руденков** из Кускова сентября 3-го дня во вторник ушел в Мещериново, боясь неприятеля. Из Мещеринова, когда французы выехали в Кусково, я приходил для проведания о моем имении, хранящемся в подвале. И, ночевав в Кускове одну ночь, потом ушел обратно в Мещериново и, взяв с собою жену и дочь, переехал совсем в Кусково. Графским имением я не пользовался, и других никого не видел, в чем и показую истинно. *Вместо Руденкова Алексей Скворцов руку приложил.*

Григорий Федотов.

У него оказался один шендан фарфоровый двойной с купидонами: один купидон держит в руках колокольчик, один купидон держит в руках корзинку, один купидон держит в руках голову.

Из Кускова сентября 4-го дня в среду от страху неприятелей ушел в Косино. И, побыв там пять суток, возвратился в Вешняково в богадельню к матери, где и жил во все пребывание французов, употребляясь от них в работы. И в одно время заставили французы меня из Вешнякова несть сумку кожаную, неизвестно с чем, до Кускова, и по принятии оной от меня, дали мне в награждение означенные купидоны, которые мною и предъявлены по прибытии в Кусково приказчику Петру Александрову. Сам же я ничем не пользовался, и других никого не видел и показую истинно. *Григорий Федотов*

Садовый ученик **Прохор Кочетов**. У него оказалось.

5 полотнищ обоев брокателевых[24] ветхих.
2 лоскута штофу с кресел с травами.
6 лоскутов обереженту.
4 лоскутка трипу со стульев.
3 лоскута клетчатых со стульев ветхих.

Он, Кочетов, с женою из Кускова сентября 3 дня во вторник ушел в лес, боясь неприятелей, и проживал в лесу 3 недели. И когда услышал, что французы из Кускова выехали, тогда и я возвратился на жительство в Кусково. И будучи в Кускове, в то время французы, наезжая партиями, меня заставляли в разные работы. Что ж касается до вышезначащихся у меня вещей, то оные мною найдены в большом саду в куртине в лежащем мешке. И когда я нашел, тогда случился садовый ученик Петр Миняев, коему я, дав мешок подержать, а сам пошел домой одеться, хотел отнесть в кусковское правление. Но когда я одевался, между тем у Миняева свис Лаптев мешок взял и доставил прикащику, а потом мною тот же час было объявлено. Я ж сам из господских покоев ничего не брал, и других никого не видал, я ж сам из господских покоев ничего не брал, и других никого не видал в чем и показую. *Вместо Прохора Кочетова Алексей Скворцов руку приложил.*

Дворовой **Федор Чухнов.** У него оказалось.

Один чайник с крышкою фарфоровый.
Две корзинки фарфоровые разбитые.

Чухнов из Кускова ушел при вступлении русских войск во вторник 3-го сентября в лес за 10-ть верст от страху неприятелей. Из лесу я с прочими в ночное

время в Кусково хаживал, цел ли мой собственный дом, и уходил обратно в лес и, прожил в оном 3 недели. Когда французы из Кускова вышли, тогда и я возвратился в Кусково к своей должности. Вышеписанные ж вещи, чайник найден моею женою у кладовой, что под церковью в саду, две корзинки я нашел в саду ж в куртине. Из господских же покоев я ничего не брал, и других никого не видал, в чем и показую. *Вместо Чухнова Алексей Скворцов руку приложил.*

Щекатур **Епифан Чечулин** из Кускова ушел в понедельник сентября 2-го дня в село Амирево, где и проживал во все время пребывания французов в Кускове. И когда уже оные из Кускова вышли, тогда и я из Амирева пришел в Кусково. Господским имением ничем не пользовался и ни за кем ничего не видал, и показую по самой истине. *Вместо Чечулина Алексей Скворцов руку приложил.*

Садовый ученик **Петр Миняев** показал: будучи он с Кочетовым в большой оранжерее, поливали горшки. И, вышедши из оранжереи, позади в куртине, из нас Кочетов увидел мешок с показанными лоскутами, который, взяв Кочетов, хотел нести к прикащику, и пошел одеваться, а мешок дал мне подержать. Между тем, мимоходом свис Лаптев, взяв у меня мешок, понес к прикащику. А за ним пошли я и Кочетов, и об оном прикащику объявили, в чем и показую по истине. *Петр Миняев.*

Свис **Петр Лаптев** показал. Ходил он осматривать уединенный дом и оттуда, идя назад мимо оранжереи, увидел Миняева, что он держит мешок. Почему я спросил его: «С чем мешок?», на что он сказал, что Кочетова, а что в мешке не показал, и для того повел его к прикащику и об оном объявил. *Петр Лаптев.*

Прикащик Александров объясняет, что свис Лаптев, действительно, мешок с лоскутками ко мне предъявил, о котором Миняев и Кочетов показали, что найден в саду в куртине.

Садовый ученик **Тимофей Филимонов** жительство имел при оранжерее и видел с товарищем его, Петром Миняевым, при вступлении в село Кусково российских войск сентября 3-го дня: из оных казаки подле оранжереи из разломанной кладовой, в коей положены сундуки с господским и обывательским имением, и, вынимая сундуки, кололи, а имение выбирали себе и клали на лошадей. В то время я с Миняевым шли к оранжерее и у кладовой остановились, и один из нас, Миняев, побежал объявить прикащичьему помощнику Скворцову. Но Скворцов не пошел, и когда казаки, человек до 20-ти, набрав довольно имения, коих увидел казачий офицер, закричал и стал разгонять. А я с Миняевым отошли прочь и, ночевав в Кускове одну ночь, ушли в лес, состоящий от Кускова в 10-ти верстах. И, прожив в лесу не более недели, я, Филимонов, пришел в Кусково, а со мною Осип Миняев, Иван Губанов и Николай Куверин, в котором еще стояли французы. И, пошед я в оранжерею, увидел столяра Шибанка, у сей кладовой выбирающего с полу имение. А потом через 4 дня для пропитания я ушел в Москву к отцу своему, и там во все время пребывания французов находился. Из господских покоев ничего я не брал, и других никого не видал, в чем и показую по чистой совести. *Тимофей Филимонов.*

Алексей Шибанков показал, что он к кладовой не подходил, и ничего не подбирал, равно и Филимонова не видал, и он на меня, Шибанка, показал несправедливо. *За Шибанка руку приложил Тимофей Филимонов.*

На очной ставке Филимонов показал, что Шибанкова у кладовой точно видел, но брал ли что, Шибанок того не знает, Шибанок же учинил запирательство. *Тимофей Филимонов.*

Садовый ученик **Петр Миняев**. Во вторник поутру я с Филимоновым пошли в оранжерею. И, немного не доходя до кладовой, увидели казаков человек до 20-ти, из выбросанных из кладовой сундуков выбирающих имение, которые, брав, клали на лошадей, говоря, что французам достанется же. Но как их увидел казачий офицер, то начал бить и гнать, а я побежал объявить прикащичьему помощнику Скворцову, но он не пошел, и сказал: «Пусть, что хотят, то и делают». Потом в среду 4 сентября, а со мною Яков Резанцов, Михайла Торбин и Семен Селуянов, ушли в лес, состоящий от Кускова в 10-ти верстах. И, прожив в лесу неделю и узнав, что французы никого не бьют, а в лесу было холодно, почему возвратился в Кусково с Николаем Филимоновым и находился при французах в Кускове, употребляясь в разные работы. У кладовой же поставлен был французский караул, и никого из русских не допущали. Господского я сам ничего не брал и других не видал, в чем и показую по справедливости. *Петр Миняев.*

Серебряник **Михайла Торбин**. У него оказалось.

Два стула. Матрас с дрожек. Угол зеркала.

Отпускаемый по пачпортам серебряник Михайла Торбин, проживающий в Кускове в отцовском доме, сентября 3-го дня во вторник из Кускова ушел в лес за 10-ть верст от Кускова. Из лесу неоднократно хаживал в Кусково наведаться, в целости ль оное состоит. В один раз взят был переводчиком в службу в большой дом к французскому генералу, и находился один только день, и потом ушел в свой дом и более к ним не ходил. Показанные вещи в дом наш принесены французами. Я ж сам господским имением не пользовался и других никого не видал, в чем и показую по самой истине. *Михайла Лапин.*

Садовый подмастерье **Николай Куверин** из Кускова во вторник сентября 3-го дня, боясь неприятелей, удалился в лес за 10-ть верст от Кускова. И, будучи в лесу около 10-ти дней, приходил в Кусково осведомиться об оранжерее и посмотреть свое имение. И, видя, что деревья начали засыхать, почему я, боясь, в лес не пошел, а остался при французах при оранжерее в Кускове. Господским имением я не пользовался и других никого не видал и показую по самой правде. *Николай Куверин.*

Садовый ученик **Иван Губанов** из Кускова во вторник сентября 3-го дня от неприятелей ушел в лес и, про-

быв в нем с неделю, пришел в Кусково, при французах и жил при оранжерее. Господским я ничем не пользовался и других никого не видел и показую по самой истине. *Иван Губанов.*

Слесарь **Дмитрий Парфенов** из Кускова во вторник 3-го сентября от страха неприятелей ушел в лес и, ночевав две ночи, пришел осведомиться, в целости ли состоит Кусково. Тут меня взяли французы для службы в большой дом носить дрова и протчее, где я, пробыв один день, ночью ушел от них обратно в лес, и более не приходил до того времени, когда французы вышли из Кускова. Господского имения я не брал, и никого не видел, в чем и показую по истине. *Вместо Парфенова Алексей Скворцов руку приложил.*

Садовый ученик **Александр Башинский в** воскресенье 1-го сентября от неприятелей ушел в село Константиново и, прожив в оном две недели, приходил в Кусково осведомиться, в целости ль оное состоит, и посмотреть свое имение. И, ночевав одну ночь, видя, что везде стоят французы, и пищи найти было не можно, а кладовые: 1-я под церковью, с казенным и обывательским имением, 2-я под садовниковой кухней — разбиты, и сундуки, как господские, и обывательские вытасканы и расколоты, а имения никакого нет, кроме что валялися одни книги, бумаги и картины, почему я ушел обратно в Константиново, а через неделю вторично приходил в Кусково. И, ночевав тоже одну ночь, ушел в Константиново. А когда французы из Кускова совсем вышли, тогда уже я переехал в Кусково к своей должности. Господского имения я не брал, и других никого не видел, в чем и показую по точности. *Александр Башинский.*

Садовый подмастерья **Николай Соколов** ушел из Кускова в среду 4 сентября поутру, поелику казаки из Кускова всех гнали, а сами везде грабили. А во вторник они, разломав под домовою церковью кладовую, и сундуки, вытаскивая, ломали, а имение выбирали. Почему я с Шибанком пошел туда посмотреть, и, видя, что казаки грабят, и мы пошли прочь, и ушел в село Константиново, а через две недели пришел в Кусково, еще французы находились в Кускове, при коих я и остался, в Константиново же не пошел. Господским имением я не пользовался, и других никого не видел, в чем и показую по чистой совести. *Николай Соколов.*

Алексей Скворцов во вторник 3 сентября из Кускова, боясь неприятелей, с женою ушел в лес и жил в лесу до самого выхода французов из Кускова, а потом явился в Кусково, господского имения ни откуда я не брал и других не видел. *Алексей Скворцов.*

Иван Белой показал, что в понедельник и во вторник, вступя в Кусково, русские войска, казаки и другие солдаты в великом числе. Начали у сушила ломать двери и выбирать в корм овес, муку и крупу, потом, ездя по большому саду, у покоев ломали двери и били оконницы и, входя, грабили, что кому надобно было, равно и состоящую под домовою церковью кладовую, разбив, хранящееся имение грабили. Почему я, видя, что делать нечего, ушел в лес, и, пробыв в лесу 3 дня, но, не имев пропитания, потом пришел в Кусково на свою квартиру, в которой находились французы, кои заставили меня работать и кормили своею пищею. Во время моего пребывания при французах, видел я, как оные из господских домов выбирали столы, стулья, зеркала и прочие вещи, и клали на фуры и увозили в Москву. Сам же я господским ничем не пользовался, и других никого не видел, в чем и показую по справедливости. *Вместо Ивана Белова Алексей Скворцов руку приложил.*

Отпускаемый по пачпортам костяник **Дмитрий Калмыков**, проживающий в Кускове при теще его вдовы Щипетковой в собственном ее доме, что он из села Кускова в среду 4 сентября с прочими ушел в лес, в коем находился до двух недель. И когда у него теща захворала, почему я с нею возвратился в Кусково и жил при французах одну неделю и для них исправлял разные работы. Потом ушел я с тещею для пропитания в Марково, и когда французы вышли, в то время и я явился в Кусково. Из графских домов я ничего не брал и никого не видал, и показую по самой правде. *За неумением его грамоте Митрия Калмыкова садовый подмастерия Илья Сошников*

Садовый подмастерье **Илья Сошников** из села Кускова во вторник сентября 4 дня от страха неприятелей ушел сначала в село Марково, а оттуда — в Мещериново. Через 3 недели из Мещеринова, когда французы вышли из Кускова, приходил в Кусково для работы и, ночевав одну ночь, но, видя, что французы, наезжая партиями, производят грабеж, и работать мне не давали, а пищи никакой нет, почему я ушел обратно в село Мещериново, и жил в Мещеринове до самого выходу французов из Москвы. Потом уже возвратился к своей должности в село Кусково. Господским имением я ничем не пользовался, и других никого не видел, и показую по самой истине. *Илья Сошников.*

Андрей Тюрин во вторник 3 сентября от страха неприятелей ушел в лес, а потом в Марково, а после отправился в Борисоглебское, на свою родину, и в Кусково более не приходил, к должности возвратился сего 1813 года в генваре-месяце. Господским имением я не пользовался и никого не видел и не слыхал, в чем и показую. *Вместо Тюрина Алексей Скворцов руку приложил.*

Федор Рыманов из села Кускова ушел в понедельник 2-го сентября на Лосиный завод[25], состоящий от Кускова в 30 верстах, боясь неприятелей, а оттуда перешел в лес и жил до выходу французов из Кускова, а потом возвратился к своей должности. Господского ничего сам не брал и других никого не видел. *За неумением грамоте Федора Рыманова по его прошению руку приложил Михайла Мельников.*

Находящийся при кусковской конторе сторож **Никита Фуфаев** во вторник 3 сентября из Кускова ушел в Марково, страшась неприятеля. И, прожив в Маркове 4 недели, пошел в Кусково — проведать, цело ли

Кусково, а по приходе тут и остался, поелику находящиеся французы из Кускова вышли, а наезжали другие партиями за фуражом, для грабежу. Из которых один француз, пришед в столярную, где я жительство имею, а со мною и жил и столяр Шибанков, и просил от меня хлеба, но как у меня оного не было, почему и сказал ему, что хлеба нет, и как француз из столярной пошел, и ушел к круглой беседке, я ж, вышедши за ним следом и видя, что с ним других французов никого нет, почему, нагнав его, ударил в лоб дубинкою раза 3, отчего он упал на землю, а лежащего еще ударил по голове раз десять, и, взяв вместе со столяром Шибанковым, потащили и кинули в колодезь, что в маленьком саду за угольником, и завалили. Денег же и ничего при нем не имелось кроме одного пистолета, в ранце одна рубаха, голенища с раструбами и на нем белый плащ суконный, который он взял себе. Господского имения я не брал и других никого не видел и показую по самой истине. *За неумением грамоте Никиты Фуфаева по его прошению руку приложил Михайла Мельников.*

Столяр Шибанок о французе показал то ж самое, что и Фуфаев, и что они в колодце завалили его.

Садовый ученик **Семен Головцов** из Кускова ушел во вторник 3 сентября в Марково от страсти, а из Маркова отправился в Пруды для пропитания. Из Прудов, когда французы из Кускова вышли, я приходил и находился 9 дней, но, видя, что в Кускове есть было нечего, почему и ушел обратно в Пруды, а уж к должности своей явился в ноябре-месяце. Господским имением ничем я не пользовался и никого не видел, в чем и показую по истине. *За неумением грамоте Головцова руку приложил Александр Башинской.*

Садовый ученик **Иван Мокроусов** из Кускова ушел во вторник 3-го сентября в село Марково от страху неприятелей. И прожив в Маркове четыре недели, приходил в Кусково с кусковским пономарем осведомиться о своем имении, а по приходе, видя, что в Кускове находятся французы, почему я пробыл не более двух дней, ушел обратно в Марково. А из Маркова отправился для пропитания в село Пруды, из Прудов же к должности явился в ноябре месяце, господским имением я не пользовался и других никого не видел, а покую по справедливости. *За неумением грамоте Ивана Мокроусова и по его прошению Михайла Мельников руку приложил.*

Служитель **Клим Цветков** из села Кускова отправился в среду 4 сентября в обедни с прикащичьим помощником Скворцовым и с прочими дворовыми в Зюзино, состоящее от Кускова в 30 верстах между Касимовки и Владимирки. При вступлении русской армии во вторник, я пришел посмотреть кладовую, в коей хранилось господское и обывательское имение, так же и мое поставлено. Но, видя, что кладовая от казаков и ратников разломана и сундуков наколоно множество, и имение, которое похуже по всему саду разбросано, почему я, сколько мог, нужное подобрав, положил обратно в кладовую. По прожитии ж в Зюзине одной недели, где меня ограбили французы, оттудова отправился в Семьинское, потом в Иваново, из Иванова ж возвратился с прочими с обозом в Кусково. О похищении господского имения никого я не видел и не слыхал, в чем и показую. *Вместо Клима Цветкова Алексей Скворцов руку приложил.*

Михайла Ермаков из Кускова в среду 4 сентября ушел в лес, боясь неприятелей, а потом в Константиново, где и находился до самого выходу из Москвы французов, а потом возвратился в Кусково. Графским имением я не пользовался и других никого не видел, в чем и показую по справедливости. *Михайла Ермаков.*

Авденахт Балагаев. У него оказалось.

Образ святых апостолов Петра и Павла, на нем поля серебряные вызолоченные.

Балагаев прошлого 1812-го года ноября 30-го дня помре, а жена его, вдова Дарья Васильевна, показала, что оный образ в дом их принесен французами, о котором при просьбе своей она, Балагаева, в домовое правление подала особенное объяснение с приложением письменных свидетельств от кусковских дворовых людей, оправдывающих покойного мужа ее, что оный образ заблаговременно им от покойного был объявлен свису Ивану Балашову и прочим дворовым.

Свис Балашов показал, что ему об оном образе точно от Балагаевых было объявлено, начальников же в Кускове тогда не было.

1813-го года марта 11-го дня села Кускова свисы, дозорные и дворовые люди, будучи на всеобщем собрании от кусковского правления спрашиваны, что как из показаниев оных дворовых значит, что они до вступления неприятеля от страха, боязни, для спасения жизни и для сыскания пищи из Кускова бежали в разные места и леса, откуда при бытности французов в Кусково хаживали наведываться. Иные немалое время, и обратно уходили, а другие оставались в Кускове и жили с французами, и у некоторых на квартирах по обыскам оказались графские разные вещи, а посему не делали ль они сами собою и не видали ли кто за кем господскому имению похищения, которые как пред Богом по самой чистой совести показали, что они сами господским имением ничем не пользовались, и друг за другом никакого похищения не знают и не видели. А оказавшиеся у них на квартирах вещи принесены французами, а другие ими собраны на лугах, около прудов и в разных местах, о чем они, как особенными показаниями, и сим под клятвою подтверждают. Ежели ж у кого из них в будущее время окажутся вещи, спрятанные в земле или в лесу, и ими ныне не объявленные, или кто приличится в продаже оных и сокрытии в стороннее место, и о том дойдет до сведения начальства, в том подвергают себя строжайшему взысканию и наказанию, в чем и подписуются. *К сему показанию руки приложили Дементей Чепурнов, Петр Лаптев за себя и за Ивана Балашова руку приложил, Николай Куверин, Илья Сошников, Семен Селуянов, Осип Миняев, Гаврила Кондарев,*

Александр Башинской, Иван Рыбаков, Ефим Екимов, Петр Миняев, Григорей Федотов, Яков Бушуев, Тимофей Филимонов, вместо неграмотных Якова Резанцова, Нестера Чистякова, Кондратья Постникова, Федора Мирошникова, Андрея Тюрина, Тимофея Скуратнова, Прокофья Оконнишникова, Павла Халдина, Фирса Сироткина, Епифана Чичулина, Федора Чухнова, Мосея Руденкова, Алексея Шибанкова, Ивана Мельниченкова, Петра Косенкова, Андрея Вовнянкина, Прохора Кочетова, Ивана Мокроусова, Семена Головцова, Дмитрия Колмыкова, Прокофья Садовникова, по их прошению кусковского правления Михайла Мельников руку приложил. Вместо Лукьяна Аполевского Петр Лаптев руку приложил. Михайла Торбин руку приложил.

Показание Семена Скворцова о разбитии кладовой.

Кладовая (в коей положено было к сохранению некоторая часть собранных в большом доме разных вещей, в коей так же поставлены были некоторых обывателей и мой один сундук да другой, бывший у меня в работницах посторонней женщины, с имениями и корзина с разною стеклянною посудою) разбита была третьего числа сентября, то есть во вторник, проходящими чрез Кусково и останавливающимися во оном российскими военными. И по разбитии (как мне объявляли) тащили из оной с собою кто, что мог, имение ж то становили в кладовую уже тогда, когда российские военные проходили чрез Кусково и довольно уже из них было ходящих по саду, и сначала, то есть с понедельника начали производить грабеж в домах, а во вторник добрались и до кладовой (ибо закладка тех дверей и окошка была весьма приметна, потому, что кирпичной закладки высохнуть было еще некогда). О разбитии ж оной кладовой объявили мне садовые ученики Миняев и Филимонов, да дворовый Егор Четвериков, но как в то время во всех местах Кускова военных было весьма многочисленно, то я к защищению той кладовой был не в силах, ибо дворовые в тот день все стали из Кускова бежать. А как я уже от военных довольно во все то время набрался страху, то и боялся идти к защищению той кладовой, ибо всем власть была уже не наша, а войская, и упорствовать противу их никто не смел, потому что в противном случае угрожали смертельными ударами, а к тому ж в это время беспрестанно окружали меня то конные, то пехотные, и требовали, кто овса и сена, другие хлеба и квасу, а иные старались чтоб из дому и из последнего что утащить, и таковая их власть продолжалась со второго и по четвертое число сентября. А четвертого числа сентября Кусково стало уже пусто, ибо все жители из оного удалились в разные отдаленные места. Я, видя себя весьма оставленного, а притом объездные казаки объявили мне, дабы из Кускова выбирался вон, потому что французы уже от Кускова стоят недалеко, и Кусково будет сожжено на случай сражения, почему и решился я того утра, то есть 4-го сентября из Кускова удалиться ж. И со мною вышли из оного старики и больные, которые так же не хотели в Кускове остаться: Клим Цветков, Павел Халдин, константиновский крестьянин Федот Максимов, Елизар Непорошин и Алексей Шибанок, который попался на выезде из Кускова, да Егор Четвериков и несколько женского пола, о коих значит в поданном от меня в московское домовое правление прошлого 1812 года декабря от 11 дня объяснении, в коем по запамятованию не упомянуты Елизар Непорошин и Алексей Шибанок.

В бытность же мою в Кускове ни одного человека из кусковских жителей не заметил, чтоб кто-нибудь похищал, а видел только то, что все в это время не хотели в Кускове остаться, а все начали разбегаться. Напоследок же по делаемым обыскам оказались у некоторых дворовых людей похищенные вещи, в том их старание было уже без меня, по возвращении их из разных мест к своим жилищам или по временным их к оным приходам, я ж сам как никогда не был вором, то и ничего не воровал.

Семен Скворцов.

Читал повытчик Михайла Мельников.

Реестр разграбленному имению у Семена Скворцова при нашествии в Москву неприятельской силы

	Рубли	Коп.
Французами		
1. С образа Спасителя ризу серебряную	32	
2. Образ небольшой Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы в серебряной ризе	10	–
3. Образ небольшой Николая Чудотворца в серебряной ризе	5	50
Российскими из кладовой		
4. Два кольца обручальных золотых	24	
5. Кольцо золотое с финифтью	10	–
6. Перстенек золотой с камешками	15	–
7. Серьги золотые со стразками и подвесками	20	–
8. Серьги золотые змейками с мелким жемчугом	13	–
9. Серьги серебряные вызолоченные	5	–
10. Цепочка на шее дамская золотая при ней крестик с камешками	25	–
Французами		
11. Солонка серебряная внутри вызолочена	15	
12. Две ложки чайные серебряные	6	50
Российскими из кладовой		
13. Хвосты собольи подержанные	25	
14. Зеркало большое в золотой резной раме	30	–

15. Зеркало небольшое в раме красного дерева	5	–
16. Ножницы большие аглинские	5	50
17. Четыре бритвы	10	–
18. Портфель карманная алого сафьяну с книжкою из боргамента[28]	2	50
19. Табатерка большая четвероугольная кожаная лакированная в серебряной оправе	5	–
20. Табатерка овальная черепаховая в тампаковой оправе	4	–
21. Жилет палевого трико	6	–
22. Жилет казимировый полосатый	3	50
23. Жилет гарнитуровый черный новый	5	–
24. Жилет черный англинского сукна новый	7	50
25. 26. Два жилета полосатых шелковой материи	4	–
27. Жилет из тканья клетчатый	3	–

Французами

28. Жилет бархатный полосатый — ранжевое с лиловым	10	–
29. Фрак темно-синий англинского сукна		
К нему		
30. Жилет белый пике новый		
31. Штаны черные казимировые новые		
Итого	75	

Российскими из кладовой

32. Капот суконный женский	10	–
33. Рубах холстинных мужских десять новых	28	
34. Рубашек холстинных женских новых — шесть	18	
35. Чулок нитяных мужских новых — восемь пар	16	–
36. Чулок нитяных женских новых — пять пар	7	50
37. Манишек мужских коленкоровых с манжетами — шесть крепких	10	–
38. Две манишки женские — одна кисейная, а другая лино-батистовая	8	–
39. Платок шелковый малиновый небольшой	4	–
40. Платок шелковый голубой небольшой	4	–

Французами

41. Шаль саржевая большая двулишневая с плетеною бахромою	30	
42. Шаль розовая большая кисейная края, обложены серебряною битью, а внизу по концам вышиты серебром цветы	25	–
43. Атласу розового широкого пятнадцать аршин	60	–

Российскими из кладовой

44. Две скатерти тонкие	12	–
45. Салфеток тонких травчатых — пять	10	–
46. Полотенец холстинных тонких — пять	5	–
47. Перина двуспальная	25	–
48. Четыре простыни крепкие	12	–
49. Одеяло бумажное белое	8	–
50. Наволочек холстинных — 7	7	–
51. Три колпака бумажных	4	50
52. Фуфайка байковая с рукавами	3	50
53. Чайник небольшой медный	2	50
54. Блюдо овальное фаянсовое палевое	2	50
55. Блюдо круглое фаянсовое белое с разводами	2	–
56. Чашка фаянсовая палевая средней величины	1	50
57. Девять тарелок фаянсовых палевых	9	–
58. Две тарелки фаянсовые белые с цветами по краям разводами	2	–
59. Две пары чашек чайных с блюдечками фарфоровых	3	–
60. Крушка хрустальная большая с крышкою граненая аглинская	5	–
61. Пять рюмок с разными ободочками	1	50
62. Два стакана гладких больших с золочеными ободочками	1	50
63. Лампада хрустальная с медною цепочкою	1	50
64. Сундук дубовый окован железом с нутренним замком	12	–
65. Разной деревянной дубовой и березовой, чугунной и глиняной посуды	15	–

Французами

66. Лошадь с повозкою, купленная мною в деревне Мотякове	37	–
И того на	785	

Всему означенному в сем реестре цена назначена не с прибавлением, но с довольным у многих вещей уменьшением, а о протчих мелочах здесь уже не упоминаю.

Декабря 11-го дня 1812 года

Семен Скворцов

Окошник **Прокофей Федотов**

1. Холста 10 ру. 2. Миткалю 5 ру. 3. Шуба китайчитая 28 ру. 4. Армяк суконный 15 ру. 5. Юпка китайчатая 8 ру. 6. Муки ржаной 2 пуда 4 ру.

И того 69 ру.

У сына его Алексея

1. Салоп гарнитуровый теплый 55 ру. 2. Салоп холодный 30 ру. 3. Платье тафтяное 35 ру. 4. Кусок тафты 28 ру. 5. 2 платья коленкоровых 55 ру. 6. Платье тканье 20 ру. 7. Покрывало тканье 20 ру. 8. Шаль штушная 10 ру. 9. Одеяло ситцевое 8 ру. 10. Шуба китайчатая 10 ру. 11. Рубах муских и женских и протчего белья 40 ру.

И того 291 рубль.

У **Бушуихи**

2 коровы и лошадь 300 ру. Сена на 20 ру. Муки ржаной на 7 ру. Круп гречневых на 3 ру. Кур 6 и один петух 5 ру. Занавеска ситцевая старая 4 ру. Три скатерти

и 2 салфетки 5 ру. 2 пары мужских и 4 пары женских чулок поношенных 6 ру. Одна бритва 1 ру. Платков носовых 4 и головных шейных два бумажных 6 ру. Три косынки кисейных поношенных 2 ру 50 к. Два шендана медных 3 ру. Платье ситцевое поношенное 4 ру. Одни башмаки женские 1 ру. Сапоги поношенные 2 ру. Штаны суконные 7 ру. Панталоны 9 ру. Кофейник медный и чайница медная 5 ру 50 к.

И того на 250 ру.

У **Михайлы Мельникова**

Перина двуспальная, наволочка тиковая новая 50 ру. Самовар 25 ру. Посуды — тарелок фаянсовых, блюд, чашек и прочего, так же хрустальной посуды — стаканов, рюмок, графинов на 10 ру. Зеркало 10 ру. Чашка медная 10 ру. Чайник медный 10 ру. Книг разных на 10 ру. Подушек пуховых и перяных шесть с наволочками новыми тиковыми и сверх оных холстинными 15 ру. Рубах мужских 6, женских 6, и того 12 холстинных худых и крепких 10 ру. Две простыни холстинных 10 ру. Четыре полотенца 3 ру. 6 наволочек с подушек, другая перемена холстинная 8 ру.

Ерест Павла Халдина

Пропало Божьего милосердия — стоит сто двадцать четыре рубли, еще отнято неприятелями денег 25 рублей, еще тулуп — стоит 4 рубли, еще рубах шесть — стоит 10 рублей, еще муки двадцать пуд — стоит 40 рублей, еще круп полтора четверика — стоит 4 рубли 50 копеек, еще ловяных тарелок — стоит 10 рублей. За все выходит денег 193 рубля 50 копеек.

Записка **Нестера Чистякова**
о похищении неприятелей.

Три образа 2 ру. Серег, колец 10 ру. Салоп холодный атласный 110 ру. Теплый гарнитуровый 80 ру. Два сюртука 50 ру. Два одеяла 25 ру. Занавеска блатовая 10 ру. Кушак шелковый 8 ру. Холста сто двадцать аршин — цена 60 ру. Рубашек муских 6, женских 12 — 52 ру. Полотенцев тринадцать 10 ру. Четыре скатерти, шесть салфеток 20 ру. Две простыни 6 ру. Ткацкого холста 5 ар. цена 3 ру. Чулок нитяных муских 15 пар 45 ру. Ниток белых 34 ру. Перина нового тику 25 ру. Старый тулуп 8 ру. Две шляпы пуховые 6 ру. Две шапки 8 ру. Три пары сапогов 9 ру. Сапожного товару 4 ру. Бритв четыре 3 ру. Медных денег 2 ру. Муки арженой четыре 8 ру. 40 ко. Полчетверика грешневых круп рупь сорок копеек. Пшенишной муки десять фунтов 1 ру.

Федор Рыманов

Перина 3 подушки 20 ру. Посуды и протчего 8 ру. И того 28 ру.

Записка Петра Лаптева о похищении неприятелем

Женская шуба 5 ру. Холстины шесть аршин 2 ру 40 ко. Сена 10 ру. Корова 30 ру. Канифасовые белые штаны 2 ру. Камзол белый парусиновый 50 ко. Скрибка 5 ру. Сапоги 3 ру 50 ко. Для дому разной посуды 25 ру. Муки арженой один пуд 2 ру. Ниток белых и суровых 5 ру. Платок бумажной и косынка белая 3 ру. Зеркало 2 ру. Подушка перяная 5 ру. 50 ко.

Записка отданного в ратники Ивана Костромина Варвары Олферовой

Пропала перина — стоит 7 рублей, еще простыня — стоит 1 рубль, еще три пары чулок — стоит 7 рублей, еще ниток 6 рублей, еще кафтан — стоит 10 рублей, еще тулуп нагольный — стоит 7 рублей, еще платье кисейное — стоит 7 рублей, платок шелковый — стоит 2 рубля, еще полотенца три — стоит 1 ру., одеяло выбойчатое 3 ру., холстины три аршина 1 ру. 50 ко.

Мосея Руденкова

1. Халат китайчатый 20 ру. 2. Серая шапка 14 ру. 3. Перина и оголовья 20 ру. 4. Муских и женских рубах и порток 27 ру. 5. Ниток и бели 10 ру. 6. Белье перемены и простыня скатерть 12 ру. 7. Шуба женская 10 ру. 8. Армяк серый 12 ру. 9. Муки ржаной 6 ру 30 ко. Полчетверика круп 1 ру. 60 ко. Соли один пуд 2 ру. 60 ко. Нанимал лошадей и прохарчел разного харчу 50 ру. Сена разграблено 25 ру. Разной посуды 6 ру.

И того 216 ру. 50 ко.

После бывшего хлебника Дениса Федорова у жены его Анны Степановой разграблено французами

С трех образов ризы серебряные 50 ру. Женский салоп 35 ру. Тулуп китайчатый 30 ру. Тафтою покрыт тулуп же 25 ру. Платье коленкоровое 20 ру. Тканьевое платье ж 15 ру. Платье ж ситцевое 25 ру. Тафтяное платье 30 ру. Платье коленкоровое 15 ру. Ситцевое платье 10 ру. Платье выбойчатое 5 ру. Одеяло тафтяное 18 ру. Ситцевое покрывало 10 ру.

Из белья.

Рубах женских дюжина 24 ру. Две простыни 8 ру. Салфеток и полотенец 15 ру. Тафтяной хладный салоп 20 ру. Салоп на ватке 35 ру. Чулок мужских шесть пар 15 ру. Ниток пять мотков 7 ру. Женских чулок шесть пар 5 ру.

Из посуды.

Ловянных тарелок десять, два блюда и одна кружка 20 ру. Самовар и таз медные 20 ру. Перина и десять подушек 40 ру. Мужской тулуп 10 ру. Полусалопчик китайчатый 5 ру. Чайные две ложечки серебряные 10 ру. Всего имения разграблено на 524 ру.

Ерест Алексея Шибанка

Образок пропал Владимирской Богоматери в окладе посеребренном 5 ру., еще шуба перюсиновая стоит 40 рублей, еще шуба гарнитуровая стоит 15 рублей, еще тулуп нагольный 22 рубля, еще два платья китайчатые стоят 30 рублей, еще холста стоит 19 рублей, еще четыре рубахи муских стоит 6 рублей, еще четыре рубахи женских стоит 10 рублей, скатерть столовая двуаршинная стоит 2 рубли, еще четыре полотенца стоят 4 рубли, еще две косынки полотняные стоят 4 рубли, еще два платка полотняные стоят 4 рубли, еще две манишки стоят 3 рубли, еще две пары нитяных чулок стоят 3 рубли, еще сапоги стоят 5 рублей, еще простыня стоит 2 рубли, еще муки шесть пуд стоят 12 рубли.

Объяснения от Дмитрия Калмыкова

Образ Николая Чудотворца в серебряном окладе 15 ру., деньгами 12 ру., хлеба печеного на 15 ру., рубашек и холстины и другая протчая одежа на 25 ру., посудына 10 ру., кур на 7 ру., два платка бумажных 5 ру., обуви, сапоги и чулки на 7 ру., сена 10 пуд 8 ру., корову 30 ру.

Притом же был больно бит и в разных работах у них был.

И того 134 ру.

Осипу Андрееву

1 тулуп 20 ру., 2 шубы 5 ру. Сена 10 ру. Кур пять 5 ру. Войлока 3 ру. И того 43 ру.

После умершего бывшего при охоте Терентья Тихомирова у жены его Катерины Федотовой разграблено французами

Тулуп китайкою покрыт на заячьем меху 30 ру. Тулуп же мерлушичий 28 ру. Сукна семь аршин по 7 ру. Аршин 52 ру. Плис коришневый семь аршин 15 ру. Шапка крымская 9 ру. Шелковый кушак 6 ру. Сюртук, панталоны и жилет 25 ру. Шуба женская китайчатая 33 ру. Платья выбочайтые 15 ру. Миткалевые платья ж 10 ру. Рубах мужских и женских 30 ру. Салфеток и полотенец, и скатерти 20 ру. Перина, подушки и две простыни 40 ру. Чайная ложечка серебряная 3 ру. Шесть тарелок и два блюда ловянные 10 ру. Платок гарнитуровый, шит золотом 11 ру. Два платка кисейных 7 ру. Полотна битого 7 аршин 1 ру. 60 ко. Холст 26 аршин 13 ру. Всего имения разграблено на 380 ру.

У Дмитрия Парфенова разграблено

Платок шелковой, шитой шелком 10 ру. Платок гарнитуровый алый 6 ру. Шубка тафтяная двулишневая, обшита позументом 20 ру. Две рубашки муских 7 ру. Шапка русская плисовая 3 ру. Муки ржаной 12 пуд 25 ру. 20 ко. И того 71 ру. 20 ко.

Ерест Анисьи Курилиной

Пропало восемь пар чулок, стоят 24 рубли, еще ниток 6 рублей, еще три пары носков стоят 2 рубли, еще рубаха муская стоит 3 рубли, еще манишка стоит 2 рубли, еще две рубахи женских стоят 3 рубли, еще платок бумажный стоит 2 рубли, еще отнято на дороге неприятелем денег 2 рубли, еще две подушки стоят 2 рубли. И того 46 ру.

Епифан Чичулин

Сена 25 ру. Шесть пуд муки 9 ру. 60 ко. Посуды 5 ру. Струменту 5 ру. Проездил с неприятелем 40 ру. И того 84 ру. 60 ко.

У Лукьяна Корсакова раскрали

3 епанчи гарнитуровые 60 ру. Шуба китайчатая 15. 2 платья ситцевые 30. Миткалю кусок 15. Платья миткалевыя 8. Платья гарнитуровые 30. Платья тканья 15. Платья камлотовые 10. Божия милосердия 50. Ниток для чурок 14. Платков шелковых 30. Материя шелковая 15. Шуба китайчатая 15. Простыни 2 стоит 20. Скатерть 5. Рубах 2 цена 4. И того 336 ру.

Образ Нерукотворный в ризе, посеребренный, Дмитрия Ростовского на серебре. Крест посеребренный. Шуба китайчатая новая 20. Халатник китайчатый 25. Шубка китайчатая новая 18. Платков 3 — 6. Холстины по тридцати ко. 62 аршина 18 ру. 60 ко. Миткалю кемерти 3 — 3. Китайки 6 — 6. Рубашек две полотняных 2. 5-ть холстинных новых 12 ру. 50. 2 полотенца 2 ру 50. 1 скатерть 5. 7 мотков ниток 7. 8 фунтов козьего пуха хозяйского. Корова 30.

Губановой

Тулуп 10 руб., шуба китайчатая 12 р. 2 платья 12 р. рубашка 2 р. 2 платка 3 руб. 3 косынки 3 руб. 3 пары чулок по 2 р. 6 ру. 2 мота ниток 1 ру. 20 ко — 2 ру 40 ко. И того 50 р.

Ивана Балашова

Муки аржаной 25 пуд. 50 ру. Круп грешневых 5 чет. 10 ру. Пшена 2 четверти 6 ру. Две перины, 3 подушки 20 ру. Тюфяк 10 ру. Панталоны нанковые 10 ру. Штаны питикоривые 5 ру. Шляпы 2 пуховые 9 ру. 50 к. Холста 30 аршин 15 ру. Капот байковый 3 ру. Итого 218 ру. 50 к.

Степана Жулева

Перина, 3 подушки 20 ру. Льну 4 пуда 40 ру. Тулуп овчинный 8 ру. Шуба овчинная 10 ру. Шуба китайчатая 20 ру. Епанча камчатная 5 ру.

И того 103 ру.

Записка разграбленным у Елизара Данилова вещам

1. Образ Николая Чудотворца, стоящий 13 ру. 2. Три муских рубахи 9 ру. 3. Пять наволочек 5 ру. 4. Меду 10 ру. 5. Икры 12 ру. 6. Рыбы 18 ру. 7. Солоду 5 ру. 40 к. 8. Масла постного 8 ру. 80 к. 9. Муки пшенишной 4 ру. 10. Круп 2 ру. 50 к. 11. Огурцов соленых 1 р. 50 к. 12. Кур шпанских 5-ть 5 ру. 13. Разной посуды 5 ру. 14. Салоп 1, чулок 2, коты[27] 1, рукавицы 1 пара 8 ру. И того на 101 ру. 80 к.

Да сверх того били дома смертельными побоями, отчего и теперь еще нездоров.

Муки арженой пуда 3 ру.

Александра Башинского

Сертук суконный 40 ру. Капот суконный 50. Тулуп овчинный крытый 30. Платье гарнитуровое 50. Платье коленкоровое 20. Салоп тафтяной 30. Две мантильи 20. Епанча штофная 50. Три платка шелковые 15. Атласный платок шалевый 20. 16 рубах муских и женских 34. 10 полотенец 15. 6 салфеток 6. 2 скатерти 5. Завес на пастель 15. 3 перемены на постель 12. 4 подушки, перина 15. Нанки 6 аршин 2. 2 жилетки 5. 2 платка кисейные 4. Шапка 4, манишек 4 — 4. Ниток 10 мотков 15. Чайник медный 3, тарелок 12 — 12. Чулок 5 пар 10. Шляпа 2 рубли. И того 491.

Пропавшего имения у Николая Куверина

1 шуба крытая сукном 10 ру. 1 тулуп 5 ру. 1 сертук китайчатой 21 ру. 50 ко. 1 жилет тканье 5 ру. 1 фуфайка теплая 2 ру. 50 ко. 1 камзол с рукавами суконный: 5 ру. 1 камзол затрапезный 3 ру. 2 пары сапогов 4 ру. 50 ко. 1 шляпа пуховая 3 ру. 50. 2 картуза 2 ру. 8 рубах 12 ру. 6 манишек 6 ру. 4 косынки 4 ру. 15 пар чулок 15 ру. 3 простыни 6 ру. 1 завеса выбойчатая 15 ру. 1 покрывало 4 ру. 1 покрывало 4 ру. 1 салоп тафтяной 24 ру. 1 полусалоп тафтяной 20 ру. 1 мантилья тафтяная 6 ру. 1 юпка

и кофта 12 ру. 1 платье круглое ситцевое 12 ру. 2 платка, шитые золотом 35 ру. 1 платок тафтяной 3 ру. 2 платка бумажных 4 ру. 1 шаль 15 ру. 2 платка бумажных носовых 3 ру. 6 рубах женских 18 ру. 6 пар чулок женских 6 ру. 12 мотков ниток 12 ру. 6 пар чулок муских новых 9 ру. 1 таз медный 5 ру. 1 кастрюля медная 2 ру. 50 ко. 1 чайник медный 3 ру. 1 чайник фаянцовый 540 ко. 7 пар чашек чайных 1 ру. 12 наволочек с подушек 12 ру. 15 тарелок фаянцовых 7 ру 50 ко. 1 котел чугунный 1 ру.

И того 396 р. 50 к.

Анны Кувериной

1 шуба китайчатая 15 ру. 4 рубашки 6 ру. 1 платок бумажный 2 ру 50 к. И того 23 ру. 50 ко.

ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 175. Л. 1—172

Примечания

[1] Вешняки, подмосковное село, с 1743 г. принадлежало графам Шереметевым. В 1655 г. там была построена каменная церковь Успения Божьей Матери. Ныне — местность на востоке Москвы между Кусковым и Владычиным.

[2] От французского *Suisse* — сторож, привратник.

[3] Перово — в кон. XVII — нач. XIX в. имение князей Голицыных. Ныне в черте г. Москвы.

[4] Хрящ — самый толстый, грубый холст.

[5] Выхино — в XVIII в. деревня, входила в Кусковскую вотчину графов Шереметевых. Ныне — местность на востоке Москвы.

[6] Останкино (Останково) — в 1743—1917 гг. усадьба графов Шереметевых. Дворцово-парковый ансамбль был выполнен крепостными зодчими П. И. Аргуновым, А. Ф. Мироновым и Г. И. Дикушиным, с использованием проектов Ф. Кампорези, К. И. Бланка и Е. С. Назарова. В 1799 г. Н. П. Шереметев переехал в этот дворец вместе с П. И. Жемчуговой. С кон. XIX в. — в черте г. Москвы.

[7] Сумароков Петр Спиридонович (1709—1780), действительный тайный советник, сенатор, обер-шталмейстер.

[8] Правильнее, Ивановское, в то время село, ныне — местность на востоке Москвы между Южным Измайловым и Новогиреевым.

[9] Правильнее, шандалы — подсвечники.

[10] Гас или газ — галун, позумент; золотая, серебряная и мишурная тесьма, а также тонкая, прозрачная шелковая ткань.

[11] Кожухово — деревня на юго-востоке от Москвы, ныне в черте города. Известна с XIV в. В 1694 г. близ Кожухова Петр I провел большие маневры — т. н. «Кожуховский поход». До сер. XVIII в. деревня принадлежала Крутицкому подворью и подчинялась сначала епископу, а затем митрополиту Крутицкому. В 1764 г. по указу Екатерины II о секуляризации церковных земель деревня Кожухова стала государственной, а с 1786 г. находилась под управлением Коломенского приказа Московской удельной конторы.

[12] Краузе (нем. *Krause*) — кружевное украшение на наволочках.

[13] Имеется в виду современный пос. Николо-Архангельское Балашинского р-на Московской обл.

[14] Гай — мелкий лес, роща.

[15] Имеется в виду сельцо Владычино, бывшее приселком села Кусково. В XVII в. — вотчина московских патриархов (владык). Ныне — местность на юге Москвы, между Вешняками, Кусковым и Новогиреевым.

[16] Зюзино — село, владение знаменитой боярыни Ф. П. Морозовой, позднее — князей Прозоровских. Ныне местность на юге Москвы, между Нов. Черемушками и Беляевым.

[17] Правильнее: капторга — застежка. Стамед — шерстяная косонитная ткань.

[18] Трип — шерстяной бархат.

[19] Косино — пос. рядом с подмосковным г. Люберцы. Частично (Ново-Косино) в черте г. Москвы.

[20] Правильнее, бомба — старинная суровая шерстяная ткань.

[21] Имеется в виду Семеновское — в то время пригородная слобода, ныне — местность на востоке Москвы, на левом берегу р. Яузы.

[22] Т. е. салатного (от франц. *salade*).

[23] Имеются в виду палаты Строгановых на Швивой горке — высоком холме на Москве-реке, близ впадения в нее Яузы, откуда в XVIII — нач. XIX в. вниз спускались сады.

[24] Брокатель — шелкобумажная ткань с крупным узором для обивки сидений.

[25] Очевидно, Лосиный остров, где при царе Алексее Михайловиче устраивались гонные охоты на лосей. В XVIII в. был объявлен заповедником. С 1809 г. находился в ведении Экспедиции Кремлевского строения. Ныне природный парк на северо-востоке Москвы.

[26] Имеется в виду пергамент.

[27] Коты — женская обувь, род полусапожек; мужская верхняя обувь — калоши, одеваемые сверх сапог.

Публикация Ф. А. Петрова и М. В. Фалалеевой

Новый Навуходоносор, сожигатель и разоритель Москвы Наполеон Бонапарте

Введение

Публикуемое ниже поэтическое произведение имеет довольно длинное полное название, характерное, впрочем, для того времени, когда оно было написано*. Достаточно вспомнить полные названия известных поэм Г. Р. Державина и П. И. Голенищева-Кутузова, посвященных Отечественной войне 1812 г.**

Внешне поэма представляет собой рукописную книгу in folio в красном сафьяновом переплете, с золотым обрезом и орнаментальным растительным тиснением на корешке и верхней крышке переплета. Бумага плотная, желтоватая, с водяным знаком «А. О. 1817»***. Парадный вид книги и дарственная надпись, имеющаяся в ее начале, говорят о том, что она предназначалась для митрополита Московского Серафима****. Объем книги составляет 32 листа; собственно текст поэмы, выполненный полууставом орешковыми чернилами, занимает 27 листов с оборотами, т. е. 54 страницы. Почерк четкий и красивый, каждая буква выписана отдельно.

В тексте поэмы и на полях рукописи имеются более поздние авторские вставки, исправления и дополнения, сделанные беглым почерком тушью. Это говорит о том, что рукопись по каким-то причинам или не была поднесена митрополиту Серафиму, или же не принята им.

Структурно поэма состоит из 7 глав и включает в себя 182 строфы, количество стихов в каждой из которых колеблется от 12 до 24. Необходимо заметить, что сюжетное построение поэмы и логическая линия повествования довольно хорошо продуманы и выдержаны. В первой главе говорится об исторической миссии охраняемой Богом России, которая всегда защищала Европу от нашествий варваров, а также об обстановке в Европе накануне вторжения Наполеона в нашу страну. Основной объем поэмы, главы 2—6, занимает подробное описание вступления французских войск в Москву и трагического положения ее жителей, оказавшихся в полной власти завоевателей, без крова, пищи и одежды. Здесь представлены картины ужасных пожаров, практически уничтоживших древнюю столицу, жестокости и бесчинств оккупантов, грабежей и насилия по отношению к москвичам, осквернения религиозных святынь — всего того, что довелось видеть сочинителю своими глазами или слышать от очевидцев. Последняя глава посвящена бегству французов из Москвы, взрыву Кремля, освобождению России. В ней прославляется Александр I, который возглавил русский народ, освободивший Европу от тирании «Нового Навуходоносора».

Стихи сопровождаются авторскими подстрочными примечаниями, порой весьма обширными. Эти примечания в прозе имеют самостоятельную ценность и значение, поскольку в них содержится большой объем дополнительных сведений, имеющих прямое отношение к повествованию. В них, в частности, говорится о спасении одной из величайших российских святынь — чудотворной иконы Казанской Божией Матери, которую автор сумел вынести из оккупированной Москвы.

Рукопись не подписана, но из ее содержания видно, что автором поэмы был находившийся в оккупированной французами Москве протоиерей Казанского собора, расположенного на Красной площади. Его имя было установлено в 1909 г. бывшим в то время протоиереем этого же собора А. Никольским, который собирал материалы по истории собора и, по его словам, «имел возможность ознакомиться» с поэмой. В октябре того же года он издал небольшую брошюру, посвященную истории спасения иконы Казанской Божией Матери; эта

---

* «Новый Навуходоносор, сожигатель и разоритель Москвы Наполеон Бонапарте, описанный стихами, с примечаниями, из Священного Писания взятыми, и другими обстоятельствами, очевидцем Московских бедствий бывших в 1812 году». ОПИ ГИМ. Ф. 446. Ед. 33. Л. 1—33.

** *Державин Г. Р.* Гимн лиро-эпический на прогнание Французов из Отечества 1812 года. Во славу Всемогущего Бога, Великого Государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства Российского. СПб., 1813; *Голенищев-Кутузов Павел.* Радостная песнь во славу бессмертных подвигов Великого Государя Императора Александра Первого, восстановителя царей и царств, покоя и благоденствия Европы, на низложение всеобщего врага и низвержение его с похищенного им трона. М., 1814.

*** Филигрань «А. О. 1817» означает, что бумага была произведена в 1817 г. в Белоострове (Санкт-Петербургской губернии) на основанной в конце 1750-х гг. бумажной фабрике Александра Ольхина. Бумага этой фабрики отличалась высоким качеством и высоко ценилась.

**** Серафим, в миру Глаголевский Стефан Васильевич (1757—1843), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский и священноархимандрит Александро-Невской Лавры. Митрополитом в Москве был с 15 марта 1819 г. по 19 июня 1821 г., т. е. всего 2 года и 3 месяца. После этого получил в управление Новгородскую и С.-Петербургскую епархии и в течение 22 лет правил ими. 14 декабря 1825 г. безуспешно пытался вразумить мятежников-декабристов на Сенатской площади. Был автором ряда трудов по богословию, принимал деятельное участие в переводах на русский язык Евангелия и Псалтыри.

брошюра сохранилась в ОПИ ГИМ*. Автор брошюры цитирует некоторые подстрочные примечания к поэме и определяет имя ее автора следующим образом:

> На основании некоторых сведений, заключающихся в самой рукописи, а также ввиду совершенного тождества почерка, коим написана как эта рукопись, так и находящихся в моем распоряжении разного рода официальных бумаг, несомненно, написанных протоиереем Казанского Собора Иоанном Сергеевым, можно с решительностью, исключающей всякое сомнение, утверждать, что автором рукописи «Новый Навуходоносор» был ни кто иной как именно протоиерей Московского Казанского Собора Иоанн Сергеевич Машков**.

Здесь следует добавить, что помещенные в брошюре А. Никольского фрагменты из примечаний И. С. Машкова к своей поэме в 1909 и 1911 гг. были опубликованы, как минимум, еще три раза***.

Однако текст поэмы «Новый Навуходоносор» в полном ее объеме публикуется в настоящем издании впервые. Те подстрочные авторские примечания, которые являются отрывками из Священного Писания, мы оставляем без комментариев.

Теперь немного об авторе поэмы и о судьбе рукописи.

Отец Иоанн, в миру — Иван Сергеевич Машков (Мошков), был сыном дьячка, получившим богословское образование. С 1797 г. служил в кафедральном Архангельском соборе, сначала дьяконом, а в 1799 г. был рукоположен в священники этого собора. После 1805 г. произведен в протоиереи и переведен в Московский Казанский собор, где и служил до самой смерти, последовавшей 8 апреля 1824 г. Во время Отечественной войны 1812 г. находился в оккупированной французами Москве.

В 1816 г. духовные власти возбудили дело о самовольном взятии Машковым соборной суммы (2138 руб.) на нужды собственного дома, за что Московская Духовная консистория отстранила его от должности. Однако Московский митрополит архиепископ Августин оставил его при соборе, приказав вычесть деньги из дохода Машкова (деньги он выплатил в течение 1816—1818 гг.). Тем не менее, Консистория, через Московского губернское правление, сделала распоряжение о продаже принадлежавшего протоиерею каменного дома (на Белой земле в приходе Ржевской Богородицы и Пречистенских ворот, владение 405). Дом был продан с аукциона жене титулярного советника Екатерине Хитрово за 15 тыс. руб. Этот дом сохранился и является ныне памятником архитектуры 1820-х гг. Имеющиеся в поэме сведения о доме позволили увеличить его возраст на целое десятилетие, определить его первоначальную принадлежность и точную дату постройки (см. Примечание № 45).

Можно предположить, что история с соборными деньгами, взятыми на восстановление дома, подвигла протоиерея на создание поэмы, которую он собирался подарить спасшему его Августину. Но митрополит умер в 1818 г., когда поэма еще не была закончена. Если исходить из этого предположения, то время создания поэмы «Новый Навуходоносор» можно обозначить периодом с 1816 по 1821 г. Впрочем, назначенный на место Августина митрополит Серафим мог и не принять от протоиерея готовую еще в 1819 г. поэму.

Рукопись находилась в семье автора после его смерти, наступившей в 1824 г., поскольку в ней (на последнем листе) содержатся более поздние примечания, датированные 1828 г. О ее дальнейшей истории можно судить по записи на форзаце задней крышки переплета, относящейся, по-видимому, к середине XIX в.: «Господину (зачеркнуто) ничего незнающему от Святого Писания». Вероятно, она была подарена человеку, имя которого не удалось расшифровать, кем-то из наследников автора. Затем поэма Машкова попала к Потапу Михайловичу Мальцеву (1852—1919), старообрядцу и благотворителю, собирателю рукописных книг и архивных документов. В 1909 г. рукописью пользовался, как уже было сказано выше, протоиерей Казанского собора А. Никольский. После Октябрьской революции 1917 г. Мальцев был посажен в тюрьму, а его коллекция стала достоянием пролетарской республики. Часть ее поступила в Государственный Исторический музей из сейфа Мальцевых в бывшем Коммерческом банке Юнкерс. В настоящее время поэма И. С. Машкова «Новый Навуходоносор» хранится в Отделе письменных источников ГИМ в личном архивном фонде П. М. Мальцева****.

Современному читателю, воспитанному на классических образцах поэзии Пушкина и др., стихи Машкова могут показаться чересчур тяжеловесными. Не сле-

* Протоиерей Александр Никольский. Где в 1812 году, в нашествие неприятелей на Москву, имела пребывание находящаяся в Московском Казанской Соборе чудотворная икона Казанской Божией Матери и о некоторых проявлениях чудодейственной силы Божией от сей Святой Иконы в это время (К материалам для истории Московского Казанского Собора). 9 октября 1909 г. Печатная брошюра. (16 стр.). ОПИ ГИМ. Ф. 137. Ед. 1063. Л. 96—103.

** ОПИ ГИМ. Ф. 137. Ед. 1063. Л. 96 об.

*** Некоторые сведения из этой брошюры были перепечатаны в № 22—23 «Московских Церковных Ведомостей» за 1911 г., а также в еще одной брошюре А. Никольского: Московский Казанский Собор в 1812 году. (К материалам для истории Казанского Собора). М., 1911. (15 стр.). В последней брошюре Никольского говорится, что Престол и жертвенник в главном алтаре Казанского Собора были повреждены и в алтарь была втащена неприятелями дохлая лошадь (на с. 8) и что Собор сильно пострадал при взрыве Кремля (на с. 9). Кроме того, в последнем номере журнала «Русский архив» за 1909 г. был опубликован сокращенный вариант вышедшей в октябре брошюры А. Никольского (с введением и примечаниями П. И. Бартенева), который был анонсирован в качестве сообщения И. М. Диомидова. См.: «Русский Архив» 1909. № 12. С. 455—463. 1812-й год. Сожжение Москвы. Показания очевидца протоиерея И. С. Мошкова. Сообщ. И. М. Диомидовым.

**** ОПИ ГИМ. Ф. 446.

дует, однако, забывать, что эти стихи были написаны в то время, когда имя А. С. Пушкина было известно лишь весьма узкому кругу избранных лиц. Поэзия же В. К. Тредиаковского, В. П. Петрова, Г. Р. Державина, Д. И. Хвостова и А. С. Шишкова пользовалась особенной популярностью в той части общества, к которой принадлежал Машков. Она-то и служила образцом для подражания нашему автору. Вспомним начало знаменитого «Гимна лиро-эпического» Державина, первого поэта той эпохи:

Благословен Господь наш, Бог!
На брань десницы ополчивый,
И под стопы нам подклонивый
Врагов надменных дерзкий рог.

Впрочем, даже по меркам того времени, когда была написана поэма «Новый Навуходоносор», ее трудно отнести к разряду «изящной словесности». Сознавая, что его стихи далеки от совершенства, автор отмечал: «Сочинитель предваряет благосклоннейшего Читателя, что он к пиитическим выдумкам не привык; пишет стихами в первый раз и только то, что за достоверное от кого слышал, или сам видел».

Стиль и лексика этого произведения вполне соответствуют происхождению и уровню образования его автора. Поэма перенасыщена устаревшими словами и церковно-славянскими оборотами, что усложняет ее восприятие. По поводу названия этого произведения надо заметить, что в русской литературе 1810-х гг. Наполеон постоянно сравнивается с жестокими завоевателями древности — Аттилой, Батыем, Тамерланом, Чингисханом и другими. Протоиерей Машков представил его в виде бесчеловечного и оскотинившегося в конце жизни вавилонского царя Навуходоносора. Об отношении автора к «герою» своей поэмы можно судить по небольшому отрывку из его обращения к Наполеону-Навуходоносору, находившемуся в почетной ссылке на о. Св. Елены:

Но помни, Атаман! Царями пусть избавлен
От должной казни ты, и ими не оставлен
И в ссылочной судьбе: но если б ты попал
Селянам здесь во плен: никто б не задрожал
Содрать с тебя — как с люта зверя кожу,
И в части изорвать твою злодейску рожу.

Следует отметить, что среди сохранившихся мемуарных источников об Отечественной войне 1812 года свидетельства очевидцев бедствий, перенесенных Москвой во время ее оккупации французами, составляют ничтожно малую долю. «Новый Навуходоносор» является одним из таких свидетельств и его публикация в полном виде, без каких-либо купюр, обогатит источниковую базу о Москве в 1812 году. В поэме нашли отражение не только известные военные события и бедствия москвичей. Здесь имеются свидетельства о таких явлениях и происшествиях, о которых не упоминается в других источниках. В частности, говорится о чудесах, явленных иконой Казанской Божией Матери в доме Машкова при выходе его из Москвы и в Пахре; о небесных знамениях 15 августа и в ночь на 1 октября 1812 г.; об убитом крестьянами на перевозе через Пахру французском генерале; о другом французском генерале, заступавшемся за москвичей и спасшем многих из них. Весьма интересно описание одной из первых стычек между простыми москвичами и французами из авангарда Мюрата в Семеновской слободе.

Данное произведение в целом можно квалифицировать как одно из чрезвычайно редко встречающихся стихотворных произведений мемуарного жанра. И хотя оно выполнено по образцу эпических поэм довольно неуклюже, воспринимать его следует, акцентируя внимание не на форму изложения, а на содержание. Нам представляется, что именно таким должен быть подход к поэтическим мемуарам протоиерея И. С. Машкова.

НОВЫЙ НАВУХОДОНОСОР,

СОЖИГАТЕЛЬ И РАЗОРИТЕЛЬ МОСКВЫ

НАПОЛЕОН БОНАПАРТЕ,

**описанный стихами, с примечаниями
из Священного Писания взятыми,
и другими обстоятельствами, очевидцем Московских бедствий бывших
в 1812 году**

СВЯТЕЙШЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЩЕГО СИНОДА ЧЛЕНУ,
ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ СЕРАФИМУ,
МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ И КОЛОМЕНСКОМУ
СВЯТО-ТРОИЦКИЯ СЕРГИЕВЫ ЛАВРЫ СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТУ
И РАЗНЫХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРУ

Fluctum totius barbariac ferre urbs non poterat. Cicero[1].

Hanc urbem insano nullus, qui Marse petiuit, Laetatus violasse redit, Nec numina sedem Destituent. Clavdius[2].

НОВЫЙ НАВУХОДОНОСОР[3], СОЖИГАТЕЛЬ И РАЗОРИТЕЛЬ МОСКВЫ НАПОЛЕОН БОНАПАРТЕ

I

Бог славу изводя бессмертну в дольний свет,
Россию искони к величию ведет.
Во след феноменов и кровавых и ужасных,
Молниеносных туч, свирепых бурь опасных,
Желанный ясный Феб[4] на горизонт возшед,
Унынье разогнал, взблистал повсюду свет.
Отрясши мрак очес, Росс[5] зрит со удивленьем:
Эфирна твердь небес блистает позлащеньем.
Творец! Всклицает он, Твой мир не обозрим,
Но светлые лучи всегда мы солнца зрим:
Почто ты повелел взойти ему днесь[6] краше?*
Грядешь ли с милостью? — О! счастье б было наше.

***

Так: вестник сей, явясь блистательный в след бед,
Открыл тем — Царствие к нам Божие грядет**
Грядет, и — счастлив Росс в благих своих желаньях
Счастлив против врагов в подъятых начинаньях.
Грядет, и — деспот тот — мечтавший покорить
Россию, сам едва мог пяты удалить.
Грядет, и — Россов мать детей своих сзывает,
И всех их под крыло — как кокошь[7] собирает.
Грядет, и — зиждется престол Предвечну нов,
Всяк с благодарностью к подножью пасть готов;
Грядет, и Россов род во всем блистает мире;
Вот солнце для чего так весело в Эфире![8]

***

К отрадам сим, еще, по удаленье бед,
Мать Россов ужасы забвенью предает:
От слуха отдаля перл[9] огненных удары,
От взора грозный меч и все оружья яры,
Москва, освободясь от злых своих врагов,
Все разоренное опершись на сынов,
Восстановляет — в столь чудесно поспешенье
Приходит даже ум, дивяся, в исступленье.
С каким обильем бы и помощью какой
Та устроялась так? Ужель сама собой
Взградиться возмогла? Хвалы сплетать не смеем
МОНАРХУ нашему, но сим усердьем тлеем.

* 1812-го года, Октября 11-го дня, после сильного дождя в ночи случившегося, как бы нарочно поутру возблистало солнце яснее, дабы своим блеском возвестить Московским жителям Божие благоволение в совершенном их избавления от неприятелей.

** Того ж 11-го числа Октября, празднованному Апостолу Филиппу читано было на литургии Евангелие от Луки в зачале 50-м, где между прочим в 9-м стихе сказано: «*Приближися на вы царствие Божие*».

***

***Вид Москвы с Воробьевых гор.
Литография Энгельмана по рисунку Леметра.
Начало XIX в.***

Красуйся ты теперь как орлей юнотой[10],
Градов Российских мать, своею лепотой!
Покойна с милыми пребудь детьми твоими,
Ты кровы лучшие соорудила с ними.
МОНАРХ Твой не щадил сокровищ для сего[11];
Дары не забывай столь важные Его!
Сооруди навек о Нем всю память,
Да поздны времена Его щедроты славят!
Склоняй молитвами на милость небеса,
Да удивит на Нем Всевышний чудеса,
В зло время коими Его Он воспрославил
Тебя же превознес, всех выше Царств поставил.

***

Народы кто взбудил от гибельных дремот?
Кто их одушевил, восстановил их род?
Косневши с двадцать лет в глубоком нераденье,
Могли ль Тирану[12] те устроить низложенья?
И се! Столица — Твой всех паче лавр венец!
Твое терпенье всем дал образец.
Носились тучи бед и прежде над тобою,
Европа, зревши их, лишалася покою;
Но кто ж грозы сии был силен разогнать
Кто Царства мог ее от бедствий охранять?
Не ты ль Ордам Татар преграды поставляла,
И варварства следы занесть к ней воспрещала?

***

Сармат, Силезец, Венгр, Германец, Прус[13] и Швед
Пусть бедствий всяк твои на память приведет,
Коликой ты ценой покой их искупляла,
И ныне каковой им тот же возвращала;
Не будут ли к тебе признательны те в век?
Забудет ли свою опору человек?
ВЕЛИКИЙ ИЕРАРХ — Центр нашего блаженства!
Теряется мой ум — в ТЕБЕ зря совершенства.
Нельзя мне пред ТОБОЙ успеть то описать,
Что зрела над собой в зло время Россов мать:

Но, впрочем, верю я, ТВОЙ взор не оскорбится,
Коль узришь цель мою, к чему она стремится.

***

Не столь охотно то дерзаю описать
Чем смел себя Тиран в Москве преочернять;
Мое желанье есть привесть здесь в примечаньях
Из чтенных в люты дни слов Божьих Предсказаньях:
Какая сходственность речений с бытием!
Сам Бог к нам ими рек судьбы со каждым днем.
Итак, о ПАСТЫРЬ МОЙ! прости мне дерзновенье;
Невольно я пишу Столицы разоренье.
Притом, как в первый раз к стихам тщусь приступить,
Молю, о ИЕРАРХ! мой труд сей ободрить
Принятием стихов со благосклонным словом,
Чем ревность возродить к трудам в поэте новом.

***

Как Бог благоволил Россию возвышать,
Враждебный ей народ под власть ей покорять,
Отвсюду стали ей завидовать державы,
Стараясь колебать ее величье славы.
Галл[14] тщился паче всех то зло свое излить,
Неверье в ней вселить и нравственность растлить,
Раздоры заводить с спредельны ей народы.
Втекать в дела ее различны с ними роды;
В глазах его был Росс[15] колючим терном тем,
Преграды ставил он ему коварством всем:
Но мало успевал Галл в той зловредной страсти:
Россию он не мог вовлечь ничем в напасти.

***

Вдруг с террористами изшел Наполеон —
Сын счастья сей, вскочив на Галлов хищно трон,
Возмнил властителем быть всех Держав и Росса;
Касаться ж до поры не смел сего колосса:
В двенадцатом году ж — осмнадцать вслед веков,
Как Росс продерзости карал иных врагов,
К Сарматам случай срел ворваться тот с Ордою;
Потрясся Росса дух нежданной вестью тою[*]
Прешел уж Неман тот, Российские ж сыны
В Персиду, Турцию на брань завлечены[16];
А некие из мест дальнейших не явились,
Вот чем напасти нам грознее становились!

[*] Когда Наполеон с армиею своею переходил реку Неман, что случилось Июня 12-го в среду пятьдесятную; в то время читано было на Литургии из рядового Павлова послания к Римлянам в зачале 80-м следующее: «*Открывается гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истинну в неправде*».

***

Тиран мог усретать[17] внезапностью успех,
К вторженю не было больших ему помех:
Однако ж Неман преходя, он содрогнулся
Как Красса, Божий гнев вновь чувств его коснулся:
Из находивших туч спреди ударил гром[**],
Дал чувствовать ему, сколь он, Наполеон,
Безумную войну с Россией затевает
Ее ж век Бог хранит, оберегает.
Но он, хотя то знал, но не хотя отстать
От предприятия, дабы сим не подать
Какого случая к людским переговорам
И на препятствие ему вести к поборам.

***

Но как бы ни было, хотя он трепетал,
От предприятия сего отнюдь не отставал
К преправе учиня поспешно совершенье.
Где ж то Тильзитское союза заключенье?[18]
Где мира прочного святое соблюдение?
Росс вторгнулся ль в его подвластные страны?
Ему ли Прусские твердыни преданы?
Росс начал ли битвы без должна предваренья?[19]
За что же на него столь гневны огорченья?
Как тигр к нему Тиран с всей яростью спешит
И тьмы различных орд с собою же влачит!
О, вероломия сердец злых и коварных!
Сарматов зрели к нам равно неблагодарных.

***

Еще топографы Французские за год,
Бродивши вкруг Москвы, готовили поход
Тирану, тщательно с дорог снимая планы
Ведущих к ней; сего ж не ведали селяны
С каким намереньем старались те снимать[20].
Как некие ж из них не стали допускать
Снимать тех планов им: то с дальних мест высоких
Как будто б были те из Аргусов стооких[21],
Употреблять уже свой стали глазомер.
Но сквозь таинственну кто б мог проникнуть дверь,
На что тогда они готовили здесь карту?
Теперь же ясно то — к походу Бонапарту.

***

Уж встречное все жжет, кровь льет он, как реку,
О сем несется весть как вихрем ко Днепру:
Пустеют вдруг дома, их житель оставляет,
И лучше жить с зверьми в густых лесах желает.
Иной, повергнувшись с семейством в страшный ров,

[**] Красс, Римский Полководец, переходя по мосту Ефрат, вдруг заревели громы, знаки гнева на него Божия, и Наполеон, переходя Неман, то ж увидел[22].

Лишь в вечном мраке сем себе находит кров.
Другой от лютых зол к Смоленску поспешает,
И тут препровести дни беспечальны чает;
Но враг стремительно направил путь к нему,
Везде грозит напасть, без бедствий нет тому.
На древесах ли мнит от взоров вражьих скрыться?
От ужасов одних оцепенев, валится.

***

О! Если б Росс успел близу Смоленских стен
Дружину всю собрать[23]: Наполеон бы в плен,
Не преходя Днепра, Донцами был захвачен,
Иль с дельной горестью и превеликим плачем
Блуждая по лесам, как Вавилонский царь,
Представил из себя скотоподобну тварь[24].
Но Вышний наказать судил в своем совете
Россию чувством бед, и — как при Ное[25] в свете —
Омыть от всех крамол ее потопом зол;
А тем народам всем явить свой произвол,
Что грозный гнев его ослушных наказует,
Раскаявшимся ж он всю благость показует.

***

Пусть все усердие являть стал Росский род,
Сбирает нову рать, сокровища несет,
Пусть тщится оказать он ревность в полной мере
К Отечеству, Царю и Православной вере;
Похвально это все: но если нас Творец
Благословит карать — как чад своих отец,
И если уж пришло то время к наказанью,
Должны б прибегнуть мы поспешней к покаянью.
Что Бородинский тот, Смоленский страшный бой?
Пусть твердо Росс стоял на грозной брани той,
Но мановение одно Всевышней длани
Отъяло весь успех у Росса в бывшей брани[*].

***

Бог, впрочем, и тогда был столько милосерд;
Все знали жители: враг их жестокосерд.
И было отвратить нельзя его вторженья.
Но их какие-то покрыли ослепленья,
Не зрели бед своих: что ж Вышний им внушал?
То словом им своим уйти повелевал[**].
То солнца представлял им чудное явленье[***];
Но, быв помрачено во многих разуменье,
Не устремляли слух с вниманием на то,
И зрели как бы в мраз вкруг солнца на кольцо.
Единый жнущий серп под ним, на Юг склоненный,
В превратны толки ввел народ, сим устрашенный.

***

Иной, дар веденья имев, стал уверять:
«Пусть Бонапарт в Москве и может побывать,
Но серп его сженет[26] в стране той полудневной».
Кто ж верить мог ему, знав ум в нем огражденной?
Кто смел войти в совет с Премудрейшим Творцом,
И знать таинственну ту жертву под серпом?
О! Сколь мы бывшему дивимся предвещанью!
Не сбылось ли сие согласно предсказанью?
Других пытливый дух повлек в Можайский путь,
Там, думали они, подробну весть найдут
О Россе после битв, где сей остановился;
Увы! О горька весть! К Москве уж он стремился.

II

***

Можайск — сей древний страж столицы воспылал;
Прискорбно Россу то, что ж делать бы он стал?
Возможно ль удержать врагов от запаленья
Коль Росс не в силах их остановить стремленья?
Они, как саранча, понесшись на Москву,
Опустошали все по тракту своему.
Росс прежде разрушал их злые покушенья;
В то ж время предпринял невольно отступленья:
Однако, отходя к Перхушкову селу,
Задерживал врагов на каждом он шагу.
Не в власти ж здесь порыв остановлять их боле,
Тут Росс покорен был, как видно, Вышней воле[****].

[*] В день Смоленского сражения 5-го числа Августа, читано было на Литургии в рядовом послании к Коринфянам в зачале 150-м, где, между прочим, сказано следующее: «*Аще бо быхом себе разсуждали, небыхом оба осуждены были: судими же от Господа наказуемся. да не с миром осудимся*». В день Бородинского сражения 26-го Августа должно было читать рядовое Евангелие от Марка в зачале 2-м, где, между прочим, сказано: «*Исполнися время, приближися царствие Божие, покайтеся и веруйте во Евангелие*».

Более поздняя приписка автора: «Фридерик II негде написал, что всякое иностранное войско, переступившее за Смоленск, найдет гроб в пространных областях России». Театр Света, 7-я часть, стр. 14.

[**] Августа 28-го числа, а среду на Литургии в рядовом послании к Коринфянам в зачале 182-м читано было между прочим следующее: «*Не бывайте удобь преложни ко иному яриу якоже неверни. Кое бо причастие правде к беззаконию; или кое общение свету ко тьме; коеже согласие Христови с велиаром; или кая часть верну с неверными; или кое сложение Церкви Божией со идолы. Вы бо есте Церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них и похожду, и буду им Бог, и тии будут мне людие. Тем же изыдете от среды и отлучитися, глаголет Господь Бог и нечистоте не прикасайтеся; и Аз прииму вы; и буду вам во Отца; и вы будете мне в сыны и дщери*».

[***] Того ж числа с 10-ти часов утра до полудни видимо было округ солнца светлое кольцо, каковое обыкновенно бывает зимою, во время жестоких морозов с ушами, под солнцем же жнущий серп, склоненный к Югу.

[****] Августа 29-го, в четверток должно было читать из рядового послания к Коринфянам в зачале 183-м, где между прочим сказано: «*Пришедшим нам в Македонию не единаго не*

***

Почтенна древностью град царственный Москва!
Столетий до семи примерна ты была.
Ироев славнейших в стенах своих вспитала,
И ими всех Царей, Россию охраняла.
Но ныне что с тобой? От лютых к нам времен!
Мы ждать должны бед, — щастия премен.
Враг ног не заносил к тебе два века целы[27],
Теперь спешит срывать твои плоды созрелы.
Пловец всех после бурь достигши берегов,
Покоен; мы равно избавившись врагов,
Под сенью тишины их больше не страшились.
Теперь противу нас и бури воружились[*].

***

Бежит Москвитян сон, страх гонит весь покой,
Никто свободно дух не переводит свой.
Всяк смотрит над главой на зарево багревше,
В воздухе от огней воинских происшедше;
Как стали облака свет ярче отражать,
В смятенье граждане стремятся вон бежать.
Везде шум слышен, стук кибиток и повозок,
Иным в тревоге сей уже не до отвозок.
Подъяв жен, стариков, прижавши к персям чад,
Несутся без ума, куда их очи зрят.
Оставшийся народ, водясь живым смышленьем;
Враги питаются татьбою и хищеньем,
Именье лучшее старается сокрыть,
Иль с отъезжавшими отправить — удалить:
Но отправляет-то, скрывает без разбору,
И льзя ль в том поступить иначе в ону пору?

***

Россиян мать, Москва, надеясь поселить
В дух Россов жалость к ней, и тем все отвратить
Напасти, нежный взор на Запад обращает
И пленницею быть еще не воображает:
Но Росско воинство вдруг входит с той страны;
Все стало ей вещать: прошли приятны дни.
Лафетных скрип колес, гул фур ее тревожат,
Покойной быть нельзя, лишь ужасы ей множат.
От конных, пеших вверх вьется пыль столбом,
От шуму, крику их главу вертит кругом:
«Прощай Москва! гласят, едва ль нас узришь боле,
Живот свой, может быть, положим в ратном поле».

име покоя плоть наша, но во всем скорбяще. Вне уду брани, внутрь уду боязни».

[*] С 26-го числа Августа по 1-е число Сентября беспрестанно дули сильные ветры от Запада.

***

Иной, остановясь, задумчив вид являл,
Другой, отца иль мать лобзая, втай сказал:
«Оставлен град врагам начальством по совету;
Зачем остались вы в позор; здесь целу свету?».
Коль то ни горько им, остаться ж суждено,
Для большей казни ли, иль чтоб возвещено
От них тем было, кто не мог напастей видеть;
Но многие из них всем стали тем завидеть,
Кто выбраться возмог. Жен паче ж и детей
Здесь больно было зреть, где ужасов, смертей
Их полу и летам пренесть не было можно;
Но видно им страдать так было неотложно.

Вид Кремлевского строения в Москве с Каменного моста. Гравюра Г. Л. Лори по оригиналу Ж. Делабарта. Нач. 1800-х гг.

***

О, нежна Россов мать — Царей оплот, Москва!
Ждала ль ты участи столь горестной когда?
Несчетное число детей к тебе сбиралось,
Теперь и тридцати их тысяч не осталось.
Где ж их любовь к тебе, о беззащитна мать!
Коль в бедствиях тебя дерзают покидать?
Ты пламенно о них во всех веках радела,
Сердцами властно их управливать умела:
Речёшь — идут туда, куда ни повелишь,
И в порученных им делах всех верных зришь;
Пред ними страшны сколь враги ни представлялись,
Нигде по смерть свою тебя не отлагались:
Случилось что ж теперь? Ужели защищать
Тебя не могут те, свою любезну мать?
Иль в старости твоей и дряхлости толикой
Не тщатся оказать любви к тебе великой?

***

Нет! Те обязаны любовью к ней пылать;
Но этот долг теперь им можно ль выполнять?
Всем ясны бедствия при бурнейших ненастьях,
И всякой ли любовь явит при сих напастях?
Взирает с горестью мать и на тех детей,

Оставшихся при нем — лишенных ясных дней
Отважаться ль они на оборону, — к брани?
И презрят ли врагов, потребуют коль дани?
Пусть жар усердья их еще к ней не истлел,
Но кто бы защитить без сил ее посмел?
Довольно, что они при матери остались,
И Бонапарта среть отнюдь не покушались.

***

Так был оставшийся народ усерден к ней:
Все жители, презрев по ревности своей
Тирана грозный гнев, свою мать не кидали,
Лишь иностранные одни пред ним предстали,
Что ж этим выиграл почтеньем сей народ?
И принесло ль какой приветствие им плод?
Поднесши хлеб и соль, тем мнили быть в спокойстве;
Но ждали горести равно и их в довольстве.
Вот кем за градом был почтен Наполеон!
Но эта что за честь? Другой себе ждал он:
Чтоб были жители равно ему покорны;
Орду с трех двигнул стран к Москве, с горы Поклонны[*].

***

И се! Как дивные вдруг звери из дубрав
Разбойничьи имев главы своей устав[**],
Ордынцы бросились в селенья под Москвою,
Там вмиг обрали все грабительской рукою.
Быв лишены при том и обуви, одежд,
Найти ж сих вне Москвы не было им надежд;
То всю и ветхость там у поселян забрали,
Срядивши чем себя, чудовищ представляли.
Солдат и офицер не разнились ничем —
Особенно своим замаранным лицем.
И вот как сряжен был парад в Москву к вступленью!
Сам Бонапарт введен был оным к устрашенью.

***

Близ Драгомиловских остановясь могил,
Узрев он вправо свой отдельный корпус сил,
В какое приведен был сим оцепененье?
Он фланговое мнил Российских войск движенье.
Из Голенищева тот к Воробьеву[***] шел,
Наполеон его Башкирцами почел,
По необычному невиданну наряду,
И только что хотел вдаваться в ретираду,
Как Адъютант его, глумясь, смел объяснить,
Что войско то его, назначено вступить
В заставы Южные; сего есть увереньяя,
Едва пришел в себя он после устрашенья.

Вид Каменного моста и его окружностей в Москве с деревянного мостика что Наугольной (Водовзводной) башни Кремля. Гравюра М. Г. Эйхлера по рисунку Ж. Делабарта. 1799 г.

***

Потом столицу с гор узрев Наполеон,
Не меньше радости усретил как Язон[28],
Доставший исканный предмет — руно известно:
Куда ни взглянет тот — везде в виду прелестно.
Зрит в правую ль страну? градам быть многим мнит;
Взгляд кинет в левую ль? в предместья ону чтит.
За восхищеньем сим воздушны замки строит,
Во Азию поход в мечтах своих готовит.
Возможно, мнит, в Москве забрать к себе народ,
С кем мог бы предпринять на Индию поход:
С запасом мнимым он, богатством из столицы
Уж в мыслях достигал Индийские границы[29].

***

В Египет врыва[30] цель была его одна,
Но без пособий путь не мог открыть туда.
В Москве ж он уповал обресть все вспоможенья,
Лишь ждал конечного войск Росских низложенья.
Известно ж, Индия во власти Англичан,
Богата золотом из всех известных стран;
Пленяло то его, но к сей желанья цели,
Преграды поставлять Британцы те умели.
Так в мыслях положив туда путь чрез Москву,
Препятств не находил походу своему.
Татары, думал он, богатств обресть не знали,
Они вблизи бы их — не на Руси — искали.
При сем имел еще и тот в мечтах он план,
Весною посетить у Турок Христиан;
А для сего хотел и к ним часть войск отправить
Отсюда ж, и побив тех, обоих ограбить.

---

[*] 1-го числа Сентября на всенощном бдении новому лету в паремиях из Левитских книг, между прочим, читано было следующее: «*Послю на вы звери дикия и погубит вы находяи меч. И будет земля ваша пуста, и дворы ваши будут пусты, яко вы ходите ко мне страною, и аз пойду к вам в ярости страною*».

[**] Устав этот Наполеон вверил солдатам своим еще с 1795 года. Учинясь начальником Французского войска в Италии, он сказал своим сподвижникам: «Вы без хлеба, без одежды, без обуви. В других государствах все есть: ступайте, нагряньте, все ваше». Из Русского Вестника.

[***] Село Воробьево находится при Москве на Воробьевских горах, от которого в двух верстах отстоит село Голенишево.

***

Но злато блещуще? Доколь обворожать
Ты будешь ум людской? Доколе привлекать
Ты станешь всех сердца приманчивым сияньем?
Колико пало жертв людских тебя с исканьем?
Наполеону в ум пришло ль сюда б ползти
По многотрудному и дальнему пути,
Когда б он не имел надежд тебя к сниcканью?
О, идол! Из тебя он влек людей к закланью:
Тобой он не пленясь, вдавался ли б в битвы?
И не был ли ему всегда предметом ты?
Была ль столица так усеяна врагами,
Когда б не ты завлек их с хищными руками?
Дерзнул ли б женский пол идти на Русь с ордой,
Когда б не ты ему вскружил главу собой?
Так: более не месть в Москву Тирана гнала
Но лестная корысть его к ней привлекала.

***

Что ж в грусти говорил здесь иный[31] из граждан
Когда приближился к столице сей Тиран?
«Коль нет ни сил, ни мест, чтоб вне Москвы сразиться,
Спасти нельзя ее, то лучше б с ним смириться».
Но право ль мыслил он, когда того ж желал
Тиран душою всей? Нет! Царь Наш предузнал
Всю цель его, и — рек: «Меч не вложу дотоле,
Врага ног не узрю в земле Моей доколе!»[*]
Не сим ли подданным давалось ясно знать,
Решился наш МОНАРХ всей силой изгонять
Корыстолюбца вон? Пусть вполз он за пределы,
Опустошал града, жег, грабил наши селы.

***

Но это меньше зла могло нам причинить,
При мире ж горших бед могли мы улучить.
Тогда б могущества Тирана столь простерлись,
Невольно б мы к нему в власть полную поверглись;
Тогда б никто не смел ни в чем давать отказ:
Иначе, больше войск пригнав, в другой он раз
Сюда, как яростный злодей кровь проливая,
На камне камени нигде не оставляя,
Простер бы ужас свой и в дальних областях,
И — вот мир для чего б свершился здесь в стенах!
Державы зрели[32] мы, с ним кои примирялись,
Те власти всей его невольно подвергались.

***

К сему ж он жизнь свою в походах провождал,
Войну не окончав, мир ложный заключал;
Потом опять бежит, схватя оружья, стрелы,
Громить все области за самые пределы.
А это есть урок, судить в делах войны
Не нам; наш ГОСУДАРЬ Отец, а мы сыны:
Чего востребует любезнейший родитель,
Не был ли б сын его велений исполнитель?
Обязан сын отцу всегда послушен быть;
ЦАРЮ ль покорность он не должен изъявить?
Царю ль, которого народу глас приятен,
Не должен каждый быть послушен, внятен?

***

Что ж изрекал другой? Зачем длилась война,
Лилась напрасно кровь, Москва оставлена?
Но всяк ли в то вникал. Носящий диадиму[34]
Войну ту вел за нас — для нас необходиму.
За нас, чтоб мы к стыду не потащились в плен,
Чтоб наших жен, детей не повлекли за Рейн;
Для нас, чтобы земля, именье были целы,
Стада, поля, леса и нивы бы тучнели.
Пусть и терялась часть народа при битвах,
Не миллионы ль их скрывались в тех странах,
Куда не смел Тиран коснуться и ногою,
Не только чтоб дерзнуть к кровопролитну бою?
Пусть Росс оставил град и в нем сокровищ тьмы,
А тем ворвавшимся сии расхищены;
Но он не бросил ли их в недрах Росска царства?
И способов ли нет искать опять богатства?

***

Но что ж теперь рекут? Нет польз от той войны;
Дороговизна та ж, а деньгами скудны.
Но расточительность когда в нас истребится?
Коль чтитель бы ее в Москве остановиться
Решился в время то, как враг всех обирал,
Отнюдь себе в главу тот ныне не вбирал,
Чтоб моде подражать, все в удовольство строить:
Он тщился б от сует таких себя уволить,
И мыслить только б стал, чтоб сыт, согрет он был;
А об излишествах напрасных бы забыл.
Трудиться стал бы он теперь и поневоле,
Отрекся б истинно от расточенья боле.

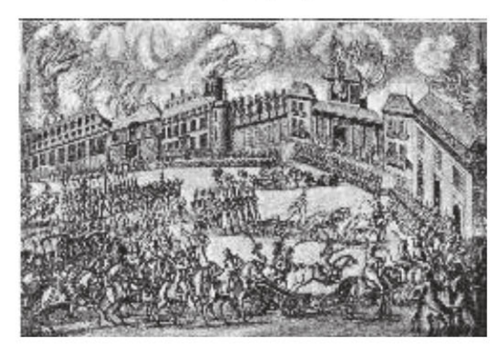
***

Но мы оставим здесь сих недовольных суд;
Обозрим, как в Москву грабители текут:
В столице как бы рай волшебный был в то время.
Иль будто бы ее давило сонно бремя.
Притих бурливый ветр, исчез шум всякий в ней,
Не слышен стук колес, нет ржанья и коней;
Но эта тишина на море так бывает,
Увы! Дни жителям ужасны предвещает:
И се! Пред вечером — о близости врага

---

[*] Так упомянуто в Высочайшем рескрипте к Графу Н. И. Салтыкову[33].

Пальбой за градом весть к ним подана[*].
О, грозный лютый час! Всем прежде можно было
Избегнуть от него; но что остановило?
Нет денег, ни коней, вещей нельзя продать;
Опоздано: корысть, взяв случай откупать,
Толь цену низкую на вещи все спустила,
Иному не уйти, ни ехать не с чем было.
Притом в тревогах здесь кто б их и одолжил?
Всяк мыслил о себе, себе лишь другом был.
Итак, оставшиеся лишь к Богу прибегали,
Какая б ни была им скорбь, претерпевали[**]

Вступление французов в Москву.
Французская гравюра 1810-х гг.

***

По грозной вести той надменный Бонапарт
Ждал жителей к себе с сей просьбою за град,
Чтоб пощадил он их, помиловал преклонных;
Но, быв обманут в сем, созвал своих чиновных:
«Пощад, — вскричал при них, — град недостоин сей!
Он не покорен мне, ни силе всей моей.
Отличны граждане, я вижу, вон убегли,
Одних рабов своих на жертву мне повергли;
Постигнет же моя рука вдали и их,
Жилища пощажу лишь выходцев своих!
Вот мой приказ! Дома Москвитян попалите
В пять дней, и Русских всех под острый меч свалите»[***].

***

С кривляньем так кричал сей злобный Исполин,
Не сделал бы чего сам подлый Арлекин:
Без воли ж Вышнего — кто мог бы нас, из бренных,
Убить, избавить ли от случаев смертельных?
Не властен перервать нить жизненну злодей,
Которая должна по очреди своей
Скратиться Божией на то согласно воле.
Притом он жителей, хотя б повлек и в поле,
Дабы там расстрелять; жизнь мог ли б ту отнять,
Не силен коею отнюдь располагать?
Пусть он бесился так, в его то было воле;
Покров Москвитян Бог, Ему молились боле[****]

***

Уж солнце катится в свод Западный небес,
И свет свой хочет снять со зданий и древес,
Как дерзкий Авангард Тирана в Кремль вступает;
Но там народ его отнюдь не примечает
Оружье жители стараются набрать.
Заметив войски ж вблиз, все стали вопрошать:
Чья быстро конница во Арсенал стремится?
Но вот! Загадка им яснее становится:
Раздался пушки гром — невнятный крик: «Алло»;
Вдруг это в ужас их смертельный привело.
Один отважный же, узрев в врагах чиновна,
За истинна его мнев быть Наполеона,
Из сонма выступив своих, того сразил:
Но горьку чашу сам он мщения испил[*****].
Тиран, узнав о сем том Курциевом рвеньи[35],
И мыслить в Кремль не смел в то время о вступленьи.
Он в Драгомиловской оставшись слободе,
Едва ль не в первый раз стал воображать себе,
Коль люты и его напасти ожидают,
Когда чиновные его там погибают.

***

У врат Никольских что случилось, льзя ль молчать,
Чтоб о сынах Москвы усердных не сказать.
Количества их здесь не можно было сметить;
Мы скажем, как врагов готовились те сретить.
Разжегшись яростью, они ждут Авангард,
Оружьем хладным, чтоб в вратах его принять;
Сей, смелость их узрев, бледнеет и мятется,
К другим вратам, наспех ударившись, несется:
Но те, довольны быв, что в робость сей ввели,

---

[*] 2-го числа Сентября, в три часа пополудни, три пушечные выстрелы, учиненные неприятелями за Драгомиловскою заставою, возвестили жителям о дерзновенном их прибытии под Москву, и вместе были вызовом депутатов с городскими ключами.

[**] Того ж числа, в понедельник, в рядовом послании к Коринфянам в зачале 186-м, читано было на литургии между прочим следующее: «*Не бо да иным отрада, вам же скорбь*».

[***] Того ж числа, в Понедельник, в рядовом Евангелии от Марка в зачале 11-м на литургии читано было, между прочим, следующее: «*И изшеде Фарисее абие со Иродианы, совет творяху нам как бы его погубить*».

[****] 2-го числа сентября, празднованному Святому читано было на литургии из послания к Римлянам в зачале 99-м следующее, «*Аще Бог по нас, кто на ны?*».

[*****] Убит был знатный чиновник, но из какой нации, неизвестно; а из убивших, судя по платью, должен быть мещанин: но бедный, поразивши того чиновника, подпал и сам под штыки неприятельские.

Преследовать его за нужду не сочли*.
О! если б был при них к пальбе снаряд военный,
Наверно б тот отряд у врат был истребленный.

***

Но что ж в Семеновской случилось слободе?
Враги как с пушками к сей двинулись стране;
То жители ее с оружьем их сретая,
А жены их с детьми тьмы камней в них пуская,
Смутили столь своим приемом их отряд,
Он, пушки бросив им, стал отступать назад.
Сим недовольны быв, те с флангов сей стесняют,
И за Покровский мост к преправе понуждают:
С страны ж сей жители прохода не дают,
И к Яузе врагов, как тенетами[36] жмут.
Но вот! Надежда, друг-товарищ редкий в бедствах,
В минуты роковы представила им средства
Ко избежанию Покровских от атак:
Узревши пред собой Аптекарский те сад,
Вдруг ринулись в него, спасли себя от лова;
Оттуда ж убрались за храм святый Покрова**.
Явились и в других частях сыны иройств[37],
Чинившие врагам столь много беспокойств,
Что если б Авангард еще был не пополнен,
К сопротивленью б он один не был доволен:
Едва ли сам Мюрат спасти возмог себя,
Пехота если бы к нему не подошла***
Но наконец приспел во град Себастиани;
Тогда-то опустил и житель долу длани.
В Северо-Западной стране того разъезд
Народ весь разогнал в жилища с сборных мест,
О! Если б жители рассеяны не были,
Довольный в ночь одну б врагам вред причинили.

***

Но се! Пришел конец ужасный, роковой,
Грабеж, насилие объяли той страной.
Равно заморенным зверям с цепей спущенным
Враги к Москвитянам без меры изумленным
Пустились по домам, хватая хлеб-вино:
Представлен ли им тот, сие же не дано;
Вот участь горькая! Тиранствами допросят,
Потом из их жилищ все нужное уносят.
Несчастен тот, язык кто их не понимал,
Нещадно бьют его, иль он совсем пропал.
Таков-то вход врагов, и вот чем отличался!
Но это лишь вершки, а ужас умножался.

***

Уже мерцать стал день, и Феб пытливый взор,
Бросая сквозь леса на грозный сей позор,
Последние лучи, казалось, испускает,
И тем уныние на лицах рассыпает.
Иной речет: «О, Феб! Ты нас не узришь здесь,
А в тех мирах, где орлим оком весь
Мир может чисто зреть, с тобою подружиться,
Здесь взор же зря сражается, тупится.
Там благодетель наш! Им свидимся, прости!
Но небожителям о нас ты возвести,
Что видел, и чего Москвитяне здесь чают,
Лишь лютостей одних и смерти ожидают».

***

Феб скрылся, свет исчез, настала грозна ночь,
Град в кою запален, и — житель в страхе прочь,
Как бы напуганный пылающею Этной,
Бежит зажженных стран — от пагубы приметной****.
Казалось, в время то град бытие скончал,
Всяк ад в уме своем здесь живо представлял.
Огнь алчный полосой обширной вдруг развился,
Сердитый враг Борей[39] к нему же быстро мчился;
Все пожирает тот, а сей метает, рвет,
Шум, треск и лопатня у всех сердца, трясет.
Не внятен слух к словам, все устремляют взоры
На неожиданны ужаснейши позоры[40].

---

* Некоторые дерзают языковредить, будто бы ревностная чернь сия была в то время не трезвая; но это неправда: такая клевета должна быть равным поношением тому самому, кто обижать ее так дерзает.

** Это случалось не 2-го числа, а 4-го Сентября в среду; но здесь помещается для того, дабы ревность жителей описывать не порознь, а вместе. Трофеи Семеновских ратоборцев были две пушки, несколько палашей и ружей, а притом ящик с бумагами, наверно принадлежавший Маршалу Нею[38]; ибо сторона сия поручена была ему: однако ж, пушки оные с изломанными лафетами и загвожденные отысканы были неприятелями на другой день в пустом доме купца Зиновьева и взяты были обратно ими. Неприятели сколько ни старались отыскивать в Семеновской солдатской слободе виновных, но никого из таковых не нашли.

*** По Мюрату в Кремле 2-го Сентября, ввечеру, из присутственных мест Сената учинен был ружейный выстрел — хотя напрасный, и — от кого — неизвестно; но он так им был напуган, что не пожелал остаться ночевать в Кремле, а выехал довольно уже поздно с отрядом конницы в Тверскую улицу.

**** Хотя 2-го числа Сентября, с вечера еще были зажжены Москательный ряд и хлебные магазины, а ночью Каретный ряд и ямская Тверская слобода; но как они зажжены были от Русских — для известных причин, то и нет нужды упоминать здесь о сих пожарах. В первую ужасную сию ночь и в 3-е число неприятелями истреблена вся почти северо-западная часть города, начиная от Каретного ряду до Самотеки и канала, а с запада до Хамовников. Конные неприятели, имея при себе зажженные фитили, около рук их обвившиеся, натерши сперва дерево фосфорическим составом, зажигали теми вдруг здания, и — никто из Русских не осмеливался гасить оные, разве кто нашел случай употребить ходатайство у их начальников; однако ж и при таком дозволении, очень редкие жители могли от усиливавшегося пожара отстаивать свои жилища, ибо не было тогда в Москве ни пожарных инструментов, ни заливных труб, а домашние инструменты и посуда совсем недостаточные были к гашению.

***

Не столько плаватель страшится бурных волн,
В трепет каковой вводил Москвитян огнь.
В очах их здания твердейшие валились,
Те равно древесам от пламени губились.
Сжиралось здесь огнем горюче вещество,
Там даже в кладезях водное естество
Вздымалось-пенилось — в конобах[41] как варилось,
Страдало, словом, все, с огнем что съединилось*.

Дым черный же, клубясь к земле, то к облакам
Небесный свод узреть препятствовал очам.
Мглой, пеплом воздух весь толиком огустился,
Казалось, над Москвой он в хаос претворился.

III

***

Натура приняла вид, ход совсем иной:
День тьмой объемлем был, ночь — яркой яснотой.
Блуждая житель днем, следов не обретает,
От дыма густоты в руины попадает;
А ночью бродит он — как в светоносны дни,
Везде блеск от огней — над ним же головни.
Но были пагубны ему сии явленья,
Не мог сохранить всего от их прикосновенья.
Птиц как бы не было, и насекомых нет,
Все истребились ли, пустились ли в полет.
Воздух же смрадом стал толиком наполняться,
Лишь мразом мог одним жестоким истребляться.

***

Злощастная Москва! В тебе что ныне зрим?
Не стала ль пустыней по видам ты своим?
Стоя на месте сем, обширном и высоком,
Была ты ближним всем и дальним царствам оком,
Увеселяла их своими красоты;
А ныне не одни ль те узрят пустоты?
Давно ль земных всех благ ты красилась весною?
Куда девались те? Не смешаны ль с золою?
В тебе все обретал Поляк, Германец, Прус,
Италианец, Венгр, Голландец и Француз;
Но ныне что найдут в тебе столь разоренной,
Исчадиями их в один прах превращенной?

***

О, лютость дерзкая! И только ли пожар
Рукой их был разлит? Иной несут удар:
Москвитян грабят всех, и — даже обнажают,
Ограбленных же бьют, иль рубят и стреляют.
И льзя ль у варваров просить пощад каких?
Подвигнут вопли тех лишь к большей злобе их.
Но в лютых бедствиях и страхе толь великом
Кто б мог безгласен быть, не изъяснять просьб криком?
Мнит защищаться кто: везде готова смерть,
Везде с лица земли готов меч ярый стерть.
Отвсюду житель ждет злодеев с лютым гневом,
Иль жадна пламени с палящим страшным зевом.

* Во время ужасного сего пожара, случилось с домом сочинителя довольно чудесное. Пред неприятельским в Москву вторжением, в Августе месяца того 1812-го года, достраивал он находившийся в Тверской части в 5-м квартале под № 405-м каменный дом свой, проданный ныне Г-же Хитровой[42], в который, по некоторым обстоятельствам сочинитель принужден был войти, не дожидаясь совершенной его отделки; но при входе в него, рассудилось ему для обновления дома принести с собою из Казанского Собора чудотворную Казанскую икону Богоматери. Что 26-го дня Августа исполня, освятил он пред нею воду; потом с предношением той иконы, окроплял сею водою все покои, но один из них в то время был штукатурен и лесами загорожен, принадлежности ж на дворе все были наполнены щепами и обрубками: ему никак было нельзя войти в оные с иконою. Почему, оставив их не окропленными, и отнесши икону обратно в Казанский Собор, довольствовался только тем, что исполнил святое свое намерение. — Что ж случилось с оным его домом в бытность неприятелей? Во время усиливавшегося пожара на Северо-западной стороне города, когда не возможно было оставаться жителям при своих домах, принужден был и сочинитель с семейством своим выйти на Крымской луг. По отбытии своем не чаял он совсем быть дому его уцелевшим, ибо, отходя от него, видел он уже загоравшиеся к дому его принадлежности, а притом и слышал от подошедших соседей к нему на этот луг, что и жилое его строение начинало уже загораться. Однако ж по выгорании всей Северо-западной стороны города, будучи движим любопытством, не мог он удержаться, чтоб не осмотреть и освидетельствовать своего пепелища. Почему, оставя Божию покровительству свое семейство при укрывавшихся многих жителях на Крымском лугу, пошел он к своему дому; но, подходя к нему ближе, в какое приведен он был удивление? Всех соседей его дома, не токмо деревянные, но и каменные сожжены; колодезь на дворе его выгорел до самой воды; в доме же его тот только покой выжжен, тех принадлежностей он лишился, в кои не мог за вышереченными причинами при окроплении входить с чудотворною Казанскою иконою. Этого еще не довольно: заколоченная калитка сгорела, а вороты, коими входил он при обновлении своего дома с тою иконою, уцелели. Выгоревший оный покой находился в верхнем этаже, но сквозь накатные деревянные потолки ни вверх, ни вниз не проходил огонь, да и прикосновенные половицы смежных покоев совсем остались невредимы. Словом, все то осталось цело, где ни обходил он с тою иконою. Спустя несколько дней, и именно Сентября 8-го числа, дьячок его Захарий Сафонов принес к нему в дом для сбережения чудотворную ту Казанскую икону Богоматери, из собора им вынесенную, — уже лишенную неприятелями драгоценного оклада. Все укрывавшиеся в доме сочинителя тогда ж стали брать на замечание: «Вот для чего, — говорили они, — не весь Протоиерейский дом сгорел! Где б убережен был этот образ? И не пропал ли бы он — оставаясь в соборе?» В самом деле, происшедшее с домом сим таковое чудо заставило и сочинителя веровать, что иначе это и быть не могло, как ограждением Божия Матери для сбережения сей святой иконы, которая в доме сем находилась до выхода сочинителя из Москвы в село Пахрино, о чем покажется в своем месте в сих примечаниях.

***

Вслед за пожаром сим дымившейся страной
С триумфом скрытно полз Тиран к Кремлю Москвой*.
Но для кого триумф? Для выходцев здесь бывших,
Иль зажигателей — презренье в всех вселивших?
Из жителей никто не пожелал взирать
На Варвара, хотя б он явно стал въезжать.
Не просто проезжал он по местам сожженным,
Чтоб тут не быть ему ничем не устрашенным:
Не дивно, может быть, сыскался б и такой,
Из окон кой его нарушил бы покой;
А для сего ту часть он пусту стал готовить,
Чтоб при вступлении себя лишь успокоить.

***

Достигнув среди дня до стен Тиран Кремля,
Смеялся лишней их огромности тогда**,
Но после в сих стенах не сам ли укрывался,
И где б от Россов он в странах сих сберегался?
Кроме Кремля ему нигде нельзя бы жить,
Иначе всем свое присутство мог открыть;
За тем то он и стал стенам Кремля смеяться,
Как будто бы ему нельзя в них оставаться.
Но, впрочем, он забрал[43] в то ж время пять ворот***,
И строго воспретил Москвитянам в Кремль вход,
Дабы отнюдь они того не познавали,
Что змия у себя в Столице содержали.

***

Вот как исчадие крамол во Кремль приполз!
О сем мог житель знать, как злобу всю он внёс;
Пальбою ж не было открыто то в известье,
Лишь крик носился орд ему там во приветствье.
И что ж? Зачем прибыть польстился Бонапарт,
Не повелит ли он престать жечь больше град?
Вдруг все округ Кремля мгновенно запылало,
И душу тем его, как Нерона[44] восхищало****,
Он, поселившийся для жительства в дворце,
Почасту сей пожар зрел, высунясь в окне.
Казалось, самый огнь ожесточился боле,
Чтоб лютостей своих следы он зрел подоле.

***

Став сожигателем, как Вавилонский царь,
Помыслил ли тогда презлобна эта тварь,
Что может вспламенить Россиян всех на мщенье?
Иль в голову его пришло ль то положенье,
С каким условьем град ему оставлен был?
Но в бешенстве своем он это все забыл.
В злодейской голове его все то кружилось,
Что Польским Маршалом[45] в пути ему вперилось.
Сей просьбой утомлял, чтоб в прах Москву привел*****
И — дивно ль? Лёссепс, как донесть тому хотел
Об опасении Охотного от ряду,
Что мечет головни за стены к вахт-параду[46]:

***

«Здесь нечему гореть, — сказал Наполеон, —
Я мыслю о ином пожаре из окон.
Коль скоро за Москвой-рекой все запалится,
Сим зрелищем мой взор и всех войск восхитится.
А для сего приказ тебе я отдаю,
Чтоб завтра ж ты зажег всю оную страну.
Теперь нельзя мне сим предметом заниматься,
К солдатам должно мне поспешней отозваться******.
Их подвиги при мне дивили целый свет,
Победы их и быстр сюда полет;
Москва — заслуга их, ее даю им вволю,
Пусть Росс познает здесь свою горчайшу долю!»

***

Какой же доли сам ты должен ожидать,
Как сволочь вся твоя здесь будет погибать?
Пусть ты пригнал ее сюда неисчислиму,
Ужели веришь быть ее не одолиму?
Пустое! Ощутит такой несносный глад,
Сей, поразив ее, низринет к предкам в ад.
Свирепостью огня все стало поглощаться,
И дымом ли одним та будет насыщаться?
Но ты дурманом как в пресытость упоен,
Пожаром тем еще быть хочешь восхищен.
Не Герострата[47] ль ты возмнил в себе представить,
И с сим везде себя безумцем воспрославить?

---

* Наполеон 3-го числа Сентября из-за Драгомиловского моста въезжал в Москву улицами Смоленскою, Арбатом и Знаменкою, а в Кремль Боровицкими воротами.

** Наполеон при вступлении своем в Кремль, что было в 11-ть часов утра, и при воззрении на его стены, с насмешкою о них сказал: «Тьфу! Какие страшные стены!» (Voila de fieres murailles!).

*** Спасские, Константиновские, Тайнинские, Благовещенские что у Житного двора и Троицкие ворота были забраны досками и завалены, а оставались не забранными Никольские и Боровицкие; но от вечерней и до утренней зари были и сии запираемы и затворяемы, в коих прорезаны были свижни для пальбы из ружей и пистолетов.

**** 3-го числа Сентября празднованному Святому должно было читать на литургии Евангелие от Иоанна в зачале 36-м, где, между прочим, сказано: «*Тать не приходит, разве да украдет и убиет и погубит*».

***** Сами Поляки признавались здесь, что их Понятовский был причиною сожжения и разграбления Москвы. Сей неотступно убеждал Наполеона своею просьбою, чтоб он наказал ненавистное Полякам поколение Москалей истреблением их древней Столицы и расхищением ее богатства.

****** 3-го числа вечеру появилась на Французском языке печатная Наполеонова декларация к его войску, которая в русском переводе начинается так: «Солдаты: каждый шаг ознаменован победами вашими» и проч.

***

Так Вавилонский Царь Жидов не угнетал:
Не для веселий он Столицу их сжигал.
Здесь страшный пламя-ветр стремится к истребленью
Всего, что алчному безумцу годно зренью.
Всяк содрогнулся бы, взглянув на жителей в сей день,
Одну бы мертвую от ран нашел в них тень.
Сколь обгоревших же — избитых всех валялось,
Избавленных от ран в Кремль сколь забиралось?
Не было бедственней сего ужасна дня,
Никто от вражьих рук не мог спасти себя[*].
И что ж? Доволен ли Тиран таким был зреньем?
Нет! Как гангреной он снедался[48] огорченьем.

***

Вращая[49] в пепел он важнейшие страны
Столицы, знать не мог, что были те полны
Довольствием во всем его войск к пропитанью.
Хотя перед пожаром тем он средства все к сниcканью
Богатств и прилагал; но не искал того,
Что б к продовольствию служило войск его.
Итак, сожегши он земных благ полны домы,
Надеялся найти в иных странах прокормы,
Но, быв обманут в сем, уж овощами мнит
В ордынцах алчность всю ко хлебу заменить.
Заметив сильные ж от их властей роптанья,
В Петровский бросился дворец для ночеванья[50].

***

Тогда ж природе Бог определил покой,
Прибрал и селянин хлеб разный, овощ свой:
Но у сего обресть могли ль Бонапартисты
Не только, скажем, хлеб, — хоть овощи бы чисты?
На пажитях равно уж не было и стад;
Что ж мог им доставлять один сожженный град,
Где пить и вод нельзя смешавшихся с золою?[**]
Известно ж: с тем Тиран сюда шел той порою,
Найти готовый мнил хлеб, травы без труда;
Но знал ли поселян здесь свойства он, когда
Сколь дорого они труды все оценяют?
Те в случае таком ничтожну вещь скрывают.

[*] 4-го числа Сентября, в среду, должно было читать на литургии празднованному Святому в послании ко Евреям в зачале 330-м, где между прочим сказано: «*Инии избиени быша не приемше избавления, да лучшее воскресение улучать, друзи же руганием и ранами искушение прияша, еще же и уз и темниц*».

[**] Как скоро узнали неприятели, что пожар похищает у них не только пропитание, но и невозможно было доставать им чистой воды, то и стали кричать: «Les barbares du Nord, qui ne savent defendre leur pays, que en brullant leur capital». (Сии Северные варвары не иначе умеют защищать свое отечество, как превратив в пепел свою столицу).

***

Однако ж Бонапарт, в другой день обозря
Обители округ Столицы, и — найдя
Для клаж припасов их нимало не способных,
Новодевичью[51] же признал он из удобных,
Снаружи насыпи обделать приказал;
Мешала церковь близ, ее он подорвал[***].
Припасы ж где найдет? Сужденье вот высоко!
На чем те повезет? Вот было что жестоко!
Он граждан, забранных на место лошадей,
Не разбирая лет, ни пол, ни род людей,
Употребив к тому, отряды к ним приставил,
И за припасами из града их отправил[****].

***

О жребий горестный! Что делать бедным тут?
Бредут с слезами все; куда? В незнанный путь.
Чинами кто почтен? Нет уваженья боле;
Сединами ли кто? Идет и поневоле;
Жена ль, имевшая не в возрасте детей?
Должна отбросить их из головы своей;
А девы и вдовы не немощей боятся —
Насилий от врагов всех более страшатся.
Отшедши ж несколько, нашли в иных местах
Дворы безлюдные, в густых же им лесах
Искать нельзя селян; они там обитали,
Оружием себя, именье охраняли.

***

В других местах нашли хоть житницы полны,
В какие ж тенета враги тут введены?
Кто за мукой дерзнет? Как сноп от вил валится;
Кто коснется скота? Как сено подкосится;
Кто хочет птиц губить? Как клас серпом пожат;
А пленные бегут, куда их очи зрят.
Наполеон же ждет, уверен быв в посольстве,
Он думает, нашли припасы все в довольстве;
Но тщетно! — Послан был еще большой отряд
Не возвратился цел и сей к нему назад;
В плен из него к Донцам[52] премногие попались,
А прежние нигде отряды не сыскались.

***

В гнев Бонапарта то хоть сильный привело,
Но рад, хотя одно посольство в Кремль пришло.
Весь овощ, хлеб велел разменивать внесенный

[***] Церковь сия была за монастырскою оградою во имя Иоанна Предтечи.

[****] 5-го числа Сентября, в четверток, должно было читать на литургии в рядовом послании к Коринфянам в зачале 190-м, где между прочим сказано: «*Послания тяжки и крепки, а пришествие тела немощно и слово уничижено*».

Для гвардьи вкруг себя; Москвитян же в сожженны
Жилища отпустил с насмешкой из Кремля,
Мешков с пять меди им за подвиг разделя*.
Но кто ж за деньги те мог с жадностью приняться,
Коль всякой стал его насмешкой раздражаться?
Пусть, не размысля взял их иной, но у врат
Китая[53] рать его дерзнула обобрать.
Там святотатственны комиссии вмещались,
Те вещи собственны отъять их не гнушались.

***

Но чем он остальных солдат своих питал?
Их в уцелевшие дома расстановлял,
Не для прожительства — для пищи отысканья,
Дабы умалить их сильные роптанья.
Он мнил, Москвитянам нельзя без пищи быть,
Сии могли запас хоть скудный сохранить:
И потому солдат вводил в их часто домы,
А в корпус отсылал тех, сыскивал кто кормы.
Так преходя они по разным здесь домам,
Все, где сомнительным казалось, взрыли там:
Иные ж стены сквозь и своды пробивали,
И тут что ни нашли, с собой все забирали.

***

Итак, Тиран не с тем, чтоб только хлеб достать,
Приказывал солдат своих перемещать;
Но и сокровище, какое б где ни скрылось,
И то б от исков их отнюдь не утаилось.
Но сколь разборчивость хитра их ни была,
От бронзы ж золото едва делить могла.
И даже серебро, коль было позлащенно,
Нередко ими в медь незначащу вмененно**.
Забавно было их смотреть напрасный труд;
Коль взроют насыпь где, и смрадное найдут,
Зажав уста и нос, прочь мест тех отбегают,
В досаде той себя и скрывших проклинают.

***

Опасны поиски те были для граждан:
Все их расхищены именья по домам.
И даже храмы все — и те не пощадились,
В тех равно грабежи злодеями чинились.

* 5-го числа Сентября, в пятницу, должно было читать из рядового послания к Коринфянам в зачале 192-м, где между прочим сказано: «*Приемлете бо, аще кто поядает, аще кто отъемлет, аще кто по лицу биет вы, аще кто величается*».

** В Казанском Соборе из натасканных неприятелем медных вещей, занесена была ими из Благовещенского Собора с Донской иконы Божия Матери золотая рама, весом более осьми фунтов, и — брошена за медную. Оную по бегстве из Москвы неприятелей, с прочими сему Собору принадлежавшими вещами, Сочинитель выдал покойному Отцу Сакелларию Петру Иовлеву Соколову.

Где благодатней Бог присутствие являл,
Там враг с икон оклад без страха обдирал.
Сосуды, тайны, где святейши пребывали,
Те руки дерзкие нашедши, обобрали.
На что не смели мы без трепета взирать,
То все повелено в Комиссию забрать.
Нельзя все описать дрожащею рукою,
Что святость от врагов терпела над собою.

***

Ужли позволено ограбливать врагам
Иной Религии их Христианский храм?
Пусть был в них Протестант, Папист и Лютеранин,
Все ж Христиане те, не злой Магометанин.
И сей, как мнятся нам, коль кто б ему сказал:
Не тронь! Здесь Божий храм! От дерзости б отстал.
Увы! Мы в каковы злы времена родились?
Пощаду все найти — как в просвещенных льстились
Врагах, попав к ним в плен; да не успев занесть
Свои те ноги в Кремль, как изумила весть:
Уж храмы начали те разбивать и грабить;
В домах ли, житель мнит, что могут те оставить?***

***

И льзя ль особенно чего от Галлов[54] ждать,
Коль сами о себе не смели утверждать,
Все были ль крещены, родяся в терроризме?
Премногие ж из них блуждали в Атеизме,
Не призная Творца Всевышня своего,
Не веря, быть, святым Угодникам Его,
И странно толь из них иные нарицались,
Подобны имена в их святцах не сретались.
Тиран Наполеон то имя где сыскал
Патрона своего? Но он то подобрал
Ко Аполлиону — губителя значенью,
Да именем бы тем привесть всех к устрашенью****.

*** Здесь Сочинитель не может опустить смеха достойный анекдот, случившийся 2-го Сентября ввечеру, пред окнами его дома. И как он чрезвычайно забавен, то и преложил его для памяти в следующие стихи:

Квашню себе раствором Галл, нашед в безлюдном доме,
Тащить сам принужден ее и поневоле:
Но как? Он пояс ли, веревку ли нашел,
И, тем опутавши, квашню к плечам придел.
Отшедши ж несколько, та стала с плеч спускаться,
Он поправлять ее; но начал нагибаться,
Вдруг на главу его раствор взвалился тот:
Ухлебился камрат, глаз даже не протрет!
Плечи, рот, уши, нос раствором окатило,
За подвиг же главу квашней ему накрыло.

**** Уверяют иностранные, что имя Бонапарту прежде было Николай; но он, переменив его, и назвал себя с Аполлионом сходным именем Наполеоном, прибавив литеру N от прежнего его именования. Не упоминая о том, что Дерптский Профессор Гецель в письме своем к военному Министру, делая замечания о Наполеоне, положил это имя его в числе зверином 666-и, в Апокалипсисе сказанном, — сие довольно уже

Угощение Наполеону в России. «Калужское тесто». Гравюра И. Н. Теребенева. 1813 г.

***

Но многие рекут: забыто для чего
Церковное добро? Ужли отвезть его
Не было льзя в страны от града отдаленны?
Пусть прибрали б его в места здесь сокровенны.
Но сей есть вышних долг на это отвечать;
Нам да позволится здесь только то сказать:
Кто б в целости его мог быть тогда уверен,
Когда по всем путям грабеж был непомерен?
И можно ль было то духовным все забрать,
Именье коль свое принуждены кидать?
Важнейши ж утвари в церквах сокрыти были,
Но руки хищные, нашед их, растащили*.

Сознаться же и в том надлежит кстати нам,
Не было ль в пагубу стяжанье то врагам?
Решились ли б они здесь долго оставаться,
Когда бы им ничем не можно заниматься?**
Священны ж утвари они в церквах нашед,
Грабежеством занялись; вот самый тот предмет,
Кой пригвоздил их здесь к главе градов Российских!
Меж тем из дальних стран и из степей Азийских
Летели воины Российски — как орлы
Для избавления гнетомая Москвы;
Собравшись кои вкруг, всю сволочь без отмщений
Не выпускали вон ее по разоренье.

***

Но обратимся мы к пылающей Москве,
Где огнь остатки жрал в Покровской стороне.
Прожорство там его тем больше отличало:
Древянно здание в стране той пребывало.
Разгорячился там столь пылко грунт земной,
Никто не мог стоять открытою ногой.
Сады, где жители с семейством укрывались,
Огнем и с корнями повсюду поедались.
Увы! Москвитяне! возможно ль где сыскать
Напастей столь презлых, каких вы усретать
На каждой здесь стезе принуждены бывали?
Все ваши бедствия зол меру превышали!

***

Но Вышний Боже наш! Ужели наша мать
Тебя на гнев таков дерзнула преклонять,
Ты попустил врагам сожечь не только домы,
Но и детей ее оставил без покровы?
Теки о слезный ток! До облак мать вопи,
И пред Творцом своим с моленьем припади!
Отец Он твой, тебя в злосчастьях не оставит,
Тирана укротит, зло к благу все управит.
Пусть с Бонапартом ад, с тобою ж всюду Бог,
Что ж против Бога он соделать бы возмог?

известно публике[55] — но Сочинитель желает здесь показать, что и в самом фамильном его прозвище Бонапарте содержится тоже число звериное, если только оное переведем на наш Русской язык. Итак, переведем таким образом Бонапарте:

По церковному счислению из ДОБРАЯ ПАРТИЯ литер сих составляют: 4.70.100.1.80.1.100.300.10 — сложить все это, и выйдет 666.

Более поздняя приписка автора: «От построения Москвы исполнилось в 1812 году 666 лет».

* Здесь должно разуметь приходских церквей имущество, не вывезенное из Москвы. Впрочем, многие отъезжающие приходские священники, а некоторые и прихожане, по своей возможности, увозили с собою важнейшие утвари, а оставленные с лучшею ризницею — или закладывали в стенах, или зарывали в земле; но из штатных соборов, монастырей и некоторых ружных[56] соборов и церквей важнейшие вещи вывезены были в Вологду и другие места. При сем насчет не вывезенного церковного имущества, можно сказать и то здесь вдобавок: кто бы мог подумать (быв истинно уверен в непреодолимом мужестве Российских войск), чтоб Москва, отдаленная от Российских пределов Столица, столь поспешно могла быть занята неприятельскими войсками, тем паче, что безопасность ее утверждалась со стороны светского Правительства ежедневными афишами[57] до самого 1-го числа Сентября? Ныне многие говорят: "Надобно б было, несмотря на афиши, внимательнее входить в последствия Смоленского сражения, и для предосторожности приуготовить все заранее для отвезения". Но это говорят ныне, а в то время глас разума у всех был заглушён; никто не знал, что надлежит предпринимать и делать; даже важнейшие особы не могли преподавать своих советов: словом, тогда были все политические и военные обстоятельства покрыты мраком неведения. Уже после Бородинского сражения, как неприятели находились во ста верстах от Столицы, как оставалось до их вторжения в нее несколько дней, жители, образумившись, стали помышлять не столько о спасении своих имуществ, сколько самих себя. Но что было возможно в столь короткое время предпринять в рассуждении церковных имуществ, когда к вывезению недоставало содействия ни прихожан, ибо они помышляли только о своей безопасности, ни Правительства, которое и без того довольно было озабочено самонужнейшими хлопотами своими? Вина оставления церковных имуществ в Москве не падает ни на кого. А видно было по всему, что сам Всевышний так благоволил о сем, дабы ворвавшихся сюда злодеев ослепить жадное корыстолюбие сокровищем, Ему же посвященным, и тем самым задержать их на долгое время в Москве, приуготовить им вящие напасти к поздней их ретираде.

** Неприятели пробыли в Москве тридцать девять дней.

Бог силен прекратить его злодейств всю меру,
Утех жди от небес, имей всю в Бога веру![*]

IV

***

И что ж? Сбирающий слез токи наш Отец
Внимать и подлинно скрушеньям стал сердец.
Шипящий злобой змий вдруг ласкосерд явился,
И на четвертый день в лису он преложился.
Огонь усилившись, все алчно пожирал,
Тот жителей гасить пожар сей принуждал;
Но льзя ли приступить к какому тут гашенью,
От жару способов коль не было к терпенью?
Нет! Поздно Бонапарт задумал гнев скрывать;
Он должен был его вначале утолять.
Жестокий на себя навлек тем глад, томленье,
Постигнет и его такое ж злое мщенье![**]

***

Пожары 8

Пожар Москвы. С акварели 1-й четв. XIX в.

Проходит пятый, день, сжигается как град,
С зарей вечерней стал сжимать пасть жадну ад.
Оставил Бонапарт губительну охоту —
Жечь приградие[***]. Он как бы Жид в субботу
Не стал уж занимать тем более себя;
В злодействах он устал, не менее ж вредя
Нещастным жителям, у врат Тверских повесил
Как зажигателей из сих[****], и — к ним привесил
Он тех своих солдат, из них кто оказал
Буянство, воровство, иль кто в немилость впал:
А всё то выдумки, лукавства, плутни были,
Чтоб лютостей следы его все те прикрыли.

***

Но се! Суд Вышнего ему уж возвещен,
Во трепет коим он безмерный был введен.
По пятидневном том столицы разоренье,
Как Валтасар[58], узрел он свыше угроженье,
На тучи, посмотрев дрожавших сквозь окон,
Бросала как над ним десница Вышня гром,
И молния вилась как вкруг его жилища;
Покойными считал столицы пепелища.
Здесь жителя он зрел, как сей бесстрашен, был:
А сам спокойствия нигде не находил.
Повсюду зыблющись места ему казались,
Повсюду молнии ужасны представлялись,
Повсюду слышит рев немолчный над главой.
Исчезла бодрость в нем, ждет казни над собой[*****].

***

Не медли, Росс! Взмогай о Боге в это время!
Со крепостью Его ты свергнешь тяжко бремя![******]
Бог хочет сам тебе всю помощь оказать;
Бесстрашно можешь ты против Тирана стать.
Пусть ты не с ним одним жестоку брань имеешь;
Ты с Богом тартар[59] весь презлобный одолеешь.
Се! Зри с превыспренних сходящего высот
С громами Вышнего - в надежный твой оплот:
Лишь молньи, — и князь тьмы[60] неопалим, чернеет,
Лишь грохот, — и Тиран не поражен, мертвеет.
Росс! Ободрись, прими оружие в лют день!
Поверь, исчезнет враг в виду твоем как тень!
Но будь пред Мощнейшим правдив, нелицемерен,
Претрешь весь злобы ков, пред Ним коль будешь верен!

---

[*] 5-го числа Сентября, в четверток, праздннованным святым должно было читать на литургии в послании ко Евреям в зачале 314-м, где между прочим сказано: «*Крепкое утешение имамы пребегшии ятися за предлежащее упование*».

[**] Того ж 5-го числа, праздннованным святым должно было читать Евангелие на литургии от Матфея в зачале 96-м, где между прочим сказано: «*Змия порождения Ехиднова, како убежите от суда огня геенскаго!*».

[***] 6-го числа, в Пятницу, должно было читать в рядовом послании к Коринфянам, в зачале 192-м, где, между прочим, сказано: «*Сам бо Сатана преобразуется во Ангела светла: не велие убо аще и служителие его преобразуются яко служители правды, им же кончина будет по делам их*».

[****] 7-го числа, в Субботу, должно было читать праздннованному святому во Евангелии от Иоанна в зачале 52-м, где между прочим сказано: «*От сонмищ ижденут вы, но приидет час да всяк, иже убиет вы, мнится службу приносити Богу*».

[*****] Того же 7-го числа, ввечеру, гроза была столь ужасна, что никто из жителей не запомнит подобной. И хотя она не так долго продолжалась, но беспрестанное сверкание молнии и жесточайшие удары грома над Кремлем — изумляли и самих неприятелей, кои, приметно, по сему токмо случаю стали обращаться с жителями тише и несколько ослаблять злодейские свои действия.

[******] 7-го числа, в Субботу, должно было читать праздннованному Святому на литургии в послании к Ефессеям в зачале 233-м: «*Возмогайте о Господе и в державе крепости Его. Облецытися во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским*» и проч. Читатель да благоволит прочесть все чтенное в тот день послание.

***

Грозою ль тою быв взбужден Наполеон,
Для показанья ли, что Христианин он,
Приказ чиновным дал, в воскресный день собраться
Здесь в кирку[61] для молитв[*]; где им сперва казаться
Религиозным стал: во время ж самых жертв
Стоял как истукан, иль будто был он мертв.
Одни его глаза сверкали от движенья;
Но кто проникнул бы в их жадны устремленья?
Кто б злонамеренность его уведать мог?
Един Всеведец знал его все мысли Бог.
Не движется Тиран, все ж в кирке озирает,
И, наконец, она в нем хищника сретает.

***

Но мало ль Бонапарт сокровищ награблял?
Еще ли ими он себя не насыщал?
Знал он, Религии пасть должно основанье,
К стяжанью кирки коль простреть свое алканье;
Когда же гласу той внимал Наполеон?
Отвергся не ее ль, в Египте бывши, он?[62]
У всех Французских войск, влекомых на закланье
Не было пасторов для душ в напутствованье[**];
То стал ли б думать он о кирке здесь своей,
Чтоб пощадить ее? Он чужд был мысли сей.
Сам Бонапарт ее окрал, но притворялся;
Укор пал на солдат; сам будто не касался[***].

***

Все грабежи Тиран от жителей тая,
Равно притворствовал — все оны относя
Ко сволочи своей, страшась тех скрытна мщенья,
О коем ясно мог он знать из представленья.
Однажды Лёссепсом внесен к нему рапорт,
При коем ведомость была пропавших орд:
Из двух сот тысячей, в столицу поступивших,
Пятнадцать тысячей утратилося бывших.
Смутился Бонапарт; весь в членах задрожал:
«Ужель в неделю я столь много потерял
Без стычек, без битвы, без всякой и измены?
Вот как в Столице мне, — вскричал, — отмщают пленны!»

***

Но и при сем себя он тем уповоял,
Нетрезвых много раз своих видал.
Он думал, от того сии здесь распропали,
В руины, кладези без чувствий попадали;
Иль может, изнурясь от глада и путей,
Смерть улучили те среди Столицы сей.
Не меньше ж, мыслил он, солдаты упоенны
В буянствах сделались чрез меру воспаленны;
За что и сами месть прияли от граждан:
Но как ни постигал Тиран Москвитян план,
Узнал ясней его пред бегством из Столицы;
Кто б подлинно терпеть мог буйна и убийцы?

***

Но что еще его колебло слишком дух?
Здесь неизвестен был ему совсем тот слух,
Российска армия в каких странах сокрылась?
И сколько сволочь вся его искать ни тщилась,
Пропал и след ее: прошло пятнадцать дней,
Мюрат по павшим как коням достиг до ней;
О чем поспешно он донес Наполеону.
Сей, вдаль не рассудя солдат пустить к загону,
Мюрату наблюдать велел Российский стан,
А сам, укрывшись всех, начертывать стал план,
И оный учиня, послал с ним генерала
К Мюрату на Пахру, но миссия пропала.

***

Сей сбился посланный с назначенна пути:
На Красную Пахру он должен был идти;
Но, влево своротив с Серпуховской дороги,
Попал в Пахринский Ям, где не сбивал уж ноги.
Селяне там его на перевоз прияв,
План, письмы, деньги все у оного обрав,
Изобрели свой план отличнейшего роду,
Как пленных сокрывать: пустили с камнем в воду[****].
Дальнейшего же ждав веления Мюрат,
До тех пор принужден без действий простоять,
Пока дознал уже, что миссия пропала,
Что Бонапарта здесь прекрайне раздражало.

***

Но вслед таких досад, Российский вестник в плен
С письмом попавшийся — к нему был приведен.
Уже сготовлено письмо со тщаньем было
В преводе для него, и — что ж оно открыло?
Прочевши про себя при предстоявших всех,
С восторгом вскликнул он: «Никто таких утех

[*] Кирка эта Французская находится на Лубянке.

[**] Некоторые Германские и Италианские легионы, да и то немногие, имели пасторов, а у Французов совсем их не было видно.

[***] 9-го числа, в понедельник, должно было читать рядовое Евангелие от Марка в зачале 16-м, где между прочим сказано: «*Несть бо тайно, еже не явится*».

[****] Это случилось в половине Сентября, на перевозе чрез Пахру-реку — от Ямских жителей. Уверяют очевидцы, что они, убив обухом Генерала и при нем четверых, и скрывши их показанным образом, нашли в их повозках бочонок золота, которое пригоршнями между собой делили. Но жаль, что план и письма, посланные от Наполеона к Мюрату, не были жителями теми доставлены в главную Российскую квартиру. Может быть, они послужили бы к вящей пользе нашему воинству.

Не произвел во мне, какие поседевший
Доставил Росский Вождь; сей в бранях муж гремевший
Не страшен ныне мне: он Росскому Царю
Доносит — продолжать не в силах уж войну.
Бегут его полки, ему вне послушаний,
И — ждет скорейших он для мира предписаний.

***

«Достиг я славы здесь! И кто ж не будет рад
Предложит если мне о мире АЛЕКСАНДР?
Но, впрочем, выйти я решусь тогда отсуду,
Как удовлетворен достаточно здесь буду».
Потом на вестника веселый бросив взор,
Сказал: «Чтоб медленье вам не было в укор,
Ко АЛЕКСАНДРУ вас я не сумнюсь отправить,
И запечатав то письмо, вас с ним представить
В форпосты Русские на Север поспешу;
Что ж был ты у меня, то скрыть тебя прошу».
Итак, отдав письмо, все ласки изъявляет,
Забыв себя, его из комнат провожает.

***

Вот сколько был Тиран письмом тем восхищен,
Не ведав, что в обман им скрытый приведен!
Он, веря истинну тому быть начертанью,
Предался ложному о мире здесь мечтанью.
Всем Дюкам-Маршалам дает превод с письма,
И — те не узнают, чтоб тут была игра:
Бертье лишь рек один: «Мой полон дух сомнений,
Тут нет ли каковых военных ухищрений?» —
«Пустое мыслишь ты, — к нему рек Бонапарт, —
Не зрел ли Россов как бежал ариергард?
И дивно ль армии их ныне разбежаться?
Кутузову ль о сем к ЦАРЮ не описаться?»

***

Хоть вестник трудности в пути довольны срел,
Но пред Кутузовым явиться в стан успел;
Исполнив с честью долг, письмо ему вращает.
И сколь о! Хитрость та к признанью нас склоняет
Пред мудрым тем Вождем, во остановке дел
Тирана здесь в Москве; сей как бы мир обрел
Преславный для себя, в беспечность преклонился,
Лишь мыслию о том единой веселился.
Он парламентеров здесь ждав для преговор,
Велел очистить Кремль, убрать большой собор,
Отлично где себя безбожным он представил;
Но, ждавши долго тех, гнусней следы оставил.

***

Не знавши ж в армии количества людей
Российской, хоть и знал довольно уж о ней,
Что та находится пред корпусом Мюрата;
Какие суммы он употреблял на траты,
Чтоб мог узнать чрез них — дополнены ль полки,
Кто в той начальники, пришли ль вновь казаки?
Но льзя ль ему о том и с деньгами разведать,
Из граждан коль никто не мог сей тайны ведать?
Он льстился от селян чрез деньги ж то узнать,
Как мог в иных землях известья доставать;
Но здесь обрел одни нелепые сказанья,
Где увеличены, где малы показанья.

***

Так делать что ж ему? Одну и ту же рать
Растянутую стал здесь он каждый день казать,
Чтоб жителей привесть к тому уразуменью,
Довольно будто сил имеет он к сраженью:
Но нет! Не удалось ему в обман их ввесть;
Могли те малые шеренги редки счесть.
Притом из отставных здесь воев многи были,
Те виды ложные и жителям открыли.
Известно стало то: Москвитян робких нет,
При смотрах начал брать всяк в свой себе предмет,
Чтоб агнцем — иль лисой — то зайцем представляться,
А, в самом деле, львом быть, и — не устрашаться.

***

Враги престали жечь, кипит Москвитян кровь,
Бог, Церковь, Государь, пылает к ним любовь.
Враги сонливы все; те ж бьют их, задушают,
И трупы по ночам в рвы, кладези скрывают.
Селяне за Москвой им стали подражать,
Когда врагам от войск случалось отставать;
До тысяч тридцати всех с прежними пропало,
И в три недели их как будто не бывало.
Тогда-то Бонапарт бояться граждан стал,
С сих пор никто из них его здесь не видал:
В дворце же Мамелюк[63] всегда с ним находился,
Тот даже шорохов и скрипов всех страшился.

***

Но и Рустанов меч не мог здесь воспрещать
Умершим из гробов особам восставать
Для возвещения отмщенья властелину;
Из них опишем здесь в известье не едину.
Однажды Маршалов всех Дюков приглашал
Тиран к себе в дворец; где он намеревал
Составить торжество не столь для вспоминанья
Их бывшего в Москве злодейска пребыванья,
Сколь над Российским там Державнейшим ЦАРЕМ
Задумал в гордости — в безумии своем
Повеличаться в день Его коронованья[64],
Назначив колокол большой для тех созванья,
На благовестии Ивановском в сигнал.
Удар в него тогда был столько глух и мал,

Железо самое как будто б в ослушаньи
Пребыло деспоту, что многие о званьи
До ночи не могли свершенно и узнать:
Тиран уж принужден их чрез нарочных звать;
Но не охотно те к нему тогда собрались,
А дамы все почти от пира отказались.

***

Но как бы ни было, пирушка началась:
Не смел никто его другой хвалить в тот раз,
Лишь лестны похвалы придворными сплетались,
Те — кои им самим пред сим надиктовались.
Иной всклицает так: «Наполеон наш свет
Весь может покорить, преград ему в том нет».
«Да, — подхватил другой, — когда уже Россию
Стал покорять себе, то прочи Царства выю
Преклонят перед ним». Тут третий говорит:
«Отсюда Индия не так то отстоит
Далеко, чтоб зимой достичь ее не можно».
Четвертый рек: «Теперь и Англичанам должно
Отречься всех земель в Восточных сторонах».
По сих придворными изъявленных словах
И Бонапартом — за, вся встала с мест компанья;
Пирушка кончилась, и — марш все с ликованья.

***

Уж все разъехались, и — властелина нет,
С Рустаном запершись во свой он кабинет,
Лег успокоиться; как вдруг тут привиденье,
В недвижимо его приводит онеменье,
Принц Ангиенский то является ему*:
«Узнаешь ли свою, — всклицает, — жертву ту,
Ты кою повелел принесть во утвержденье
Тирании своей? Теперь небес отмщенье,
Готовится тебе, и — виснет над тобой!
Россией — светом всем ты мнишь владеть собой?
Ты грезишь! Войско все твое здесь истребится!
Казна, оружие, багаж весь пополнится!
Награбленну корысть ты бросишь в зол момент!
Из пушек здесь твоих воздвигнет монумент
Тот АЛЕКСАНДР Монарх, над кем ты стал смеяться;
Но казни над тобой еще тем не свершатся!
Ты будешь жить, и жить единственно для бед,
Без трона, без защит, бесславия в предмет!
День будет вестником всегда твоих мучений;
Ночьми же я не дам тебе успокоений!
Теперь оставлю я на время здесь тебя,
И ты на прежние злы пустишься дела;
Но помни, что твое усилие напрасно,
Ты казни Вышнего жди над собой всечасно!»

***

Сказавши это, Принц, исчез его от глаз;
Наполеон вспрянув, и — в бешенстве в тот раз
Для зверства своего схватить желает жертву,
Но схватывает тень одну — пустую, мертву.
Узревши же портрет, висевший пред тобой
Монарха Росского, готов был той порой
Сорвать его с стены, и — тут же надругаться;
Но Бог не попустил над тем ему смеяться.
Он образ тех блюдет, его кто любит, чтит,
Кто сердцем кроток, прав, закон его хранит;
Но в сердце тартар кто всей злобы помещает,
Того и человек портрет в злу вещь вменяет.

***

Случилось что ж еще? В одну Наполеон
Заснувши ночь в Кремле, увидел страшный сон,
Событий коего толико он боялся,
Не мог покоен быть, весь дух его взмущался**;
Как в ту ж пору Жером[65] хотел его занять;
«Вас должен, — говорил, — свет целый трепетать,
Чего ж безмерно вы так стали устрашаться?
Мы для того ли здесь, чтоб в робость предаваться?
Досель не знали вы совсем, что есть боязнь;
Зло ль сретит вас теперь, коль счастья к вам приязнь?
К вам говорит ваш брат в Столице Росской первой,
Из мыслей выкиньте ваш сон пустой — неверной!»

***

Но тот Жерому так на то стал отвечать:
«Ты ветрен, и умом не можешь обладать!
Я знаю, вне Москвы что будет скоро с нами,
И брат отнюдь того не видит пред глазами.
Куда ни обратись, куда ни загляни,
Отвсюду Россами в Москве мы заперты.
Количества их войск ты мог ли где разведать?»
«Нет», — говорил Жером. «Изволь же ты объехать
Одну хотя страну в глухую темну ночь;
Ты в ужас приведен со мною будешь в точь».
Исполнить то Жером нимало не сумнился,
Но на пути своем колико устрашился!

***

У рощи ль Марьиной в ночной свой тот объезд,
Иль у Сокольничьей, — близ этих только мест
Вдруг зрит он пред собой шесть старцев с посохами,

* Ангиенский Принц, внук Конде, взятый 14-го Марта в Этингейме в Баденском владении, и расстрелянный по повелению Наполеона в Винценском лесу 21-го Марта 1804 года.

** Сочинитель предваряет благосклоннейшего Читателя, что он к пиитическим выдумкам не привык; пишет стихами в первый раз и только то, что за достоверное от кого слышал, или сам видел. Следующую описываемую им историю слышал он от Адъютанта Дау[66] графа Ротинского, проживавшего у него в доме в бытность неприятелей в Москве.

Не столь их страшен рост — разят они словами:
«Доколе, — вопиют, — твой будет брат злодей
Нечестье, грабежи чинить в Столице сей?
Знай! Бог измерил все злы ваши учиненья,
Сии уж превзошли давно его терпенья.
Он скоро месть свою над вами так явит:
Не силою одной людской вас победит;
Он манией своей всесильнейшей десницы
Все ваши изгубит тристаты-колесницы.
Тогда защитников не будет сильных вам,
Как скошенна трава те лягут по полям;
Тогда и брат твой злой от ужасов безмерных
Ударится бежать в страны иноплеменных;
Но пусть потщитеся рать новую собрать,
И ею вы себя упорно защищать;
Но тщетно. Вы везде ужасно поразитесь,
К стыду же вящему, и — тронов вы лишитесь!»
По сих словах Жером их более не зрел,
И сколько ни был смел, им ужас овладел;
В верх стали волосы на нем от изумленья,
И устраниться мог едва он мест явленья.

***

Пришедши ж к брату он поутру во дворец,
Едва мог рассказать с ним бывшее вконец.
Сему реченному не только тот дивился,
Но сам равно ему с признанием открылся:
«Напрасно, — рек, — сюда далеко я зашел;
Те старцы, коих ты в прошедшу ночь узрел,
Сна не дают нигде, грозят мне все бедою,
В Петровском — ни в Кремле — в дворцах мне нет покою.
Не знаю, кто они? Не их ли в сих церквах
Здесь почитается от Русских свято прах?
Но, правда, нам никак нельзя сего уведать,
И даже жителям не должно то поведать».

***

Но скрылось ли что здесь из-за Кремлевских стен?
Пусть с неизвестностью плен жителей спряжен;
Секреты ж многие здесь им открыты были,
И самые враги от них те не таили.
Откроют одному содеянно в Кремле,
Как разнесется вмиг к всем жителям в Москве.
И — даже кабинет Тирана хоть скрывался
По времени — и тот им гласным представлялся.
Одну лишь тайну здесь Наполеон сокрыл,
За что Святителя Ионы[67] прах почтил,
Не тронув гроб его, ни даже украшенья?[*]
Достойно это всех вниманья-удивленья.

[*] Нетленные мощи сего Святителя находятся в Успенском соборе на вскрытии, кои Наполеон покрыл полотном, остававшимся до самого неприятельского выхода из Москвы.

***

Не мало чем Тиран еще всех удивлял!
В Ивановской главе подмостья устроял[**];
И нужны ли они? Ужли не мог он верить
Колико пожжено? Чего ж там глазомерить
Желал он с той главы? Положим, с сих высот
Хотел он войски зреть. Ужли ж без тех хлопот
Не мог их осмотреть? Тут павшие ж камраты
С подмостьями стремглав, погибли без возвраты[***].
Но он безумье то поправить чем хотел?
Сыскать из Русских здесь отважных повелел:
«Зачем, — рек, — оставлять златой нам крест напрасно?
Пусть взятую Москву Париж в нем зрит всечасно».

***

Крест, мнится, более затем он снять желал,
Дабы Москвитянин уверен быть в том стал,
Что в афишах его гласилось ложно:
Ему не только крест зреть, но снять возможно[****].
Итак, он Русскому его снять приказал[*****];
Потом посягшего по снятье расстрелял,
Чтоб сей не разглашал, что не нашлось Французских
Отважных здесь при нем, сыскался ж он из Русских.
Но чем виновен сей? Он в плене был рабом.
О! Если б точно знал, заплатит животом,
Крест, верно, тот снимать с главы той не решился,
Повергнуться оттоль он лучше согласился.

Л. А. Бертье. Литография Дельпеша по рисунку Монаньюи

[**] В Кремле, на колокольне Ивана Великого.

[***] Это случилось 10-го Сентября, во вторник, в который должно было читать рядовое Евангелие от Марка в зачале 17-м, где между прочим сказано: «*В ню же меру мерите, возмерися вам*».

[****] Пред неприятельским вторжением в Москву, в одной афише Графа Ростопчина было сказано, что Наполеон не увидит и креста Ивана Великого.

[*****] Как крест оный с Ивановской колокольни, так и с присутственных мест Сената Московский герб Георгия, а равно и с винного двора орел — сняты были неприятелями 13-го и 14го чисел Сентября.

V

***

Но кровопийцу что людей несчастных плен?
Погибших от своих нередко он взамен
Из граждан приносил в свои злодейски жертвы,
Чем гнев свой утолял — узрев их павших мертвых.
Куда ж он крест девал? Ужли отвез в Париж?
Совсем там нет его, на Кирках блещет крыж[68].
Притом влачить сию великую громаду,
Возможно ли ему в поспешну ретираду?
И как латунью он обит и позлащен,
Быть может, сломан он, и был им истреблен.
Иль в Днепр его враги при бегстве погрузили
С корыстьми[69] прочими, и тем свой стыд прикрыли.

Мишель Ней. Гравюра 1-й четверти XIX в.

***

Солдаты, грабя здесь оставшихся граждан,
Старались то ж сблюсти главы злодейский план.
Их Бородинские, Смоленские сраженья
Подвигли в лютые над жителями мщенья.
Не знали, чем уж мстить, иссяк источник зол,
Лишь только был у них злодейский произвол,
Нещадно мучить, бить, влачить всех без разбора,
Коснулась их рука младенцев, жен и хвора[70].
Припомнив Поляки жестокость Россиян,
Жгли город, грабили, убийствуя, граждан;
Вестфальцы, Баварцы им в буйствах подражали,
Другие ж из солдат кротчее поступали.

***

Но что касается до всех чиновных Галл,
В злодейский класс из них здесь редкий попадал.
Особенно Бертье в Москве тем отличился,
Великодушен быв, он помогать всем тщился.
На Крымском же броду болевший Генерал
От ран, не помня зла, жизнь Русских охранял.
Сидел ли кто в виду его перед окнами,
Тот безопасен был, ни озлоблен врагами;
В противном случае он выбегал и сам,
Со шпагою в руках всегда являлся там,
Где Русских станут бить Бонапартисты, грабить,
Чем он до тысяч двух Москвитян мог избавить[*].

Л. Н. Даву. Гравюра Л. Ф. Шарона по оригиналу Л. Обри. 1-я четверть XIX в.

***

От Нея ж и Дау не было добрых дел;
В странах, им вверенных, едва ль кто уцелел.
Лефебра то ж хвалить не можно в поведенье,
Мортье ж оставим мы теперь как бы в забвенье;
Довлеет только нам о первых двух сказать.
Град царствующий сей чего не мог вмещать?
Обширностью своей дивил он все народы;
Едва ль не Маршалы те изверги природы
Представили его театром пустоты?
Едва ль не те граждан в все ввергли нищеты?
Нет обуви, одежд, их пищи всей лишали,
Солдаты Маршалов тех все у них отняли[**].

---

[*] Сей Генерал при Бородинском сражении был ранен; но кто он таков, и какой нации, Сочинитель подлинно показать не может. Он проживал на Крымском броду в доме мещанина Чувилина, округ коего Московские жители находились сперва на открытом воздухе; потом стали для себя ставить шалашики, и под защитою того Генерала были в возможном спокойствии.

[**] У одного Маршала Дау корпус состоял из 80-ти, а у Нея из 45-ти тысяч; следовательно, большая половина неприятельских войск находилась в их команде. Если ж причислить к сему находившихся в том войске слуг и женщин, кои и более солдат по городу буйствовали и грабили, то едва ль не более 150-ти тысяч у тех Маршалов находилось всего народа. И возможно ль было жителям уберечь у себя что- либо от такового множества грабителей и разбойников, когда всякой из сил последних имел необходимую потребность, как в пище, так и в обуви и одежде.

Выезд Наполеона из Москвы в сопровождении Нея и Мюрата. Карикатура 1810-х гг.

***

Кто ж более из всех на святость посягал,
И храмы Божии на гнусность предавал?
Не Ней ли и Дау, отдав их в расхищенья,
Со сволочью внесли в них мерзость запустенья?
Из надписей одних, оставленных в церквах,
Довольно доказать, колико в сих местах
Почтили Божество солдаты Дау, Нея.
Они, где Бог их есть, совсем не разумея,
Как бы во скотское селение вошли,
И все, что гнусно есть, во храмы принесли.
Пред Вышним жертвы где бескровны приносились,
Животных крови там на прагах[71] токи лились.
Здесь все загажено, тут ржание коней,
Корчемства, пьянства там, раздел ли грабежей?
И кратко, нет и слов, чтоб выразить устами,
Чем храмы Божии осквернены врагами.

Наполеон на раке, казак на коне. Карикатура 1-й четв. XIX в.

***

Се просвещением прославленный народ!
И сделал ли бы то Алжирский хищный род?
Сомнительно: совсем нет — не было примера,
Сыскать где можно бы толика Изувера,
Чтоб место Божие столь дерзко поругал;
В безумье разве кто отличное попал.
Но, о, безбожники! Безумцы подлы, мерзки!
Не пройдут просто все деянья ваши дерзки!
Ко удивленью всех, им всяк то предрекал,
Как храмы Бонапарт с Ордынцами попрал:
«Настанет, — жители твердят, — мраз неотложно;
Погибнет сволочь вся»! — Что ж? Было это ложно?
Ум никогда себе тех бед не представлял,
Какими Бог врагов в их бегстве постигал;
И не было от век тех казней беспримерных,
Какими он карал ругателей безмерных!

***

Но представлял ли ты, предерзкий Исполин,
Что храмов Божиих не мог быть властелин?
Ты с жителями мог по воле обращаться;
Над Богом как ты смел, прах-бренье-грязь, смеяться?
Припомни, сретили когда беды тебя?
Как ты представил здесь безбожником себя,
И над святынею позорно стал ругаться;
Не ты ли стал судьбой как Каин разражаться?
Не ты ли вздрагивал, клонил тебя как сон?
Не ты ли изрыгал ночами крик и стон?
Хоть мог ли мирно спать — заря как восходила?
Вот с коих пор тебя рука Творца разила!

***

Битвы ж — какие ты ни стал предпринимать,
Удачи не было, везде их стал терять:
Огонь, земля, вода, воздух вооружались
И все полки твои как класы[72] устилались.
Коварство, лесть тебе отнюдь не помогли,
Стратегии твои лишь мщенье навлекли.
Богатство, кое внес, тобой все расточилось[**];
Что ни награбил здесь, то в бегстве все избылось.
Но чудно! Как от рук своих ты не пропал?
К содругу б своему, Нерону в ад попал:
Не думай, впрочем, ты счастливей быть Нерона;
Везде обрящет Бог тебя Наполеона!
Хотя ты от льстецов был здесь боготворим
Но там — за гробом, — твой исчезнет славы дым.
В чужой стране, в плену, свои закроешь вежды,
Ты умрешь, как злодей навеки, без надежды.

[*] По признанию самих Французов, Наполеон, вступая в Российские пределы, вывез из Франции казны своей 600 миллионов франков, да от Поляков получил он 100 миллионов; и все эти суммы растерял он в недрах России.

***

Но как бы ни было, все помнить то должны,
Под гневом у Творца тогда все были мы.
Не просто то могло здесь с нами повстречаться,
Наполеон в Москву усильно мог ворваться;
Все добродетели мы стали презирать.
Во всякий устремясь неистовый разврат,
Простерлись до того, Бог стал у нас в забвенье,
Святый его закон во крайнем небреженье.
Но если б всяк себя весть так благоволил,
Угодно Богу как: то б он не попустил
К Столице двинуться презлой орде Тирана,
Наверно б не видать креста ей Иоанна.

***

Но нет! Разврата Бог не стал уже терпеть,
Ни воздеяний рук, молений наших зреть.
Ему был мерзостен дар всякий приносимый,
Противен фимиам, от нас ему куримый.
Он сердца требовал всей лучшей лепоты;
Но гнусны в нем обрел одни нечистоты.
Изгибы все его пороки заселили;
Доброт и вида нет, собой те заместили:
Ленивство, прелюбы, хищенье, лесть, обман,
Гнев, зависть, клевета, надменье были там.
Единственным они предметом нашим стали,
А добродетели едва ли в ком блистали.

***

Презрев так волю мы Всевышнего Творца,
Могли ли ждать себе здесь лучшего конца?
А вольнодумства ков, сюда приносный, новый
Не паче ль ввергнул нас в томительны оковы?
Не эмиссары ль здесь готовили его,
Дабы в неверье ввесть, отвлечь нас от Того,
Под Коего рукой Москва была хранима,
И всеми царствами со уваженьем чтима?
Те, отклонивши нас от Вышнего Творца,
К нам призвали сюда всесветного борца;
И долго б Росский род в плену его томился,
Коль не с раскаяньем он к Богу б обратился*.

***

О! Если б чаще Росс рассматривал умом,
Каким Бог дарствует его своим добром;
Имел ли б милости, он Вышнего в забвенье,
И стал ли б выводить о Нем когда сомненья?
Чего у Росса нет? И может ли другой
Народ хвалиться чем пред нашею землей?
Различный хлеб, плоды, мед, разных древ растенья
Где б в сильном таковом могли быть распложенье?
Скота, рыб, разных птиц, где б можно столь сыскать?
Не паче ль Бог тем нас благоволит оделять?
Враги, когда б себя тех сами не лишили,
Пресытостью б везде Россию превзносили.

***

Не просто Бонапарт свой провиант не брал
В Россию за собой; он в ней надежней ждал
С довольством тот найти у мирных поселянов,
А нежель в областях Германцев и Полянов;
Но за Смоленском он селян всех раздражил.
Об отложенье им там от вельмож твердил[73];
Сам прокламатор, став грабитель их имений,
Уж дальше ждать не мог обресть таких селений,
Где б хлеб достать он мог, иль скот себе какой;
Те в ямы тот, зарыв, скот вдаль загнали свой.
Но если б поступал с селянами он мирно,
Довольство б, может быть, обрел у них обильно.

***

Кидаясь с крайности во крайность Бонапарт,
Неистовствам своих солдат уж был не рад,
Составить принужден из выходцев правленье[74],
И им препоручил над градом наблюденье.
Чтоб грабежи пресечь, прибил он на столбах
Прокламы, и избрал смотрителей в частях.
Чтоб голод удалить, месть он употребляет,
И ближних поселян к торгам в Москву сзывает**.
Но было это все пронырство и обман;
Здесь каждый зрел: его лукавств начертан план:
Правления отнюдь не были справедливы,
И торги, деньги чтоб пустить в народ фальшивы.

* Здесь благосклонный Читатель да приведет себе на память, что в 1811-м году Августа 28-го дня, когда явилась комета, почитавшаяся тогда от всех почти за вестницу Божия правосудия, то в самый час явления ея в Москве, на всенощном бдении, бывшем с вечера усекновению главы Иоанна Крестителя, читаны были во второй паремии из пророчеств Малахии следующая слова: «*Тако глаголет Господь Вседержитель: се аз посылаю Ангела моего пред лицем твоим, иже уготовить путь твой пред тобою. И придет во храм свой Господь, его же вы ищите. И кто стерпит день входа его, занеже тому прийти яко огнь в горниле, и якоже былие верущих. И очистит поедая и очищая, яко сребро и злато. И приидет к вам судом, и будет свидетель скор на лукавыя и на прелюбодейцы, и на клянущяся имянем моим во лжу, и на лишающая мзды наемника,, и на насильствующия вдовицы, и пихающия сирыя, и на уклоняющия суд пришельца, и на небоящияся его глаголет Господь Вседержитель. Зане аз Господь Бог ваш, и не изменю себе. И вы сынове Иаковли уклонитеся от закона, и не сохраните. Сего ради обратитеся ко мне, и обращуся к вам, глаголет Господь Вседержитель, и ублажат вас вси языцы*».

** Вторая прокламация, подписанная Лессепсом, прибита была в Москве при перекрестках больших улиц на столбах, Сентября 25-го дня, в которое число, на всенощном бдении Апостолу Иоанну Богослову, в первой паремии, между прочим, должно было читать следующее: «*Возлюбенныя, не всякому духу веруйте, но искушайте духи*».

***

Меж тем от Поляков по граду пронеслось,
Злодеям будто бы в России удалось
Взять Ригу, Петербург, и АЛЕКСАНДР Смиренный,
Столицей обоих совсем уже лишенный,
Отправился в Казань, где созван и Сенат,
Там будет он себя короною венчать.
Таких здесь выдумок — нелепостей бездельных
Рассеяв те, нашли ль Москвитян иноверных?
Всяк тех безумными почти въявь порицал,
Как будто б ГОСУДАРЬ в короне не вмещал
Власть над Казанскою страной в былом венчанье;
Но мы откинем их нелепые болтанья.

***

Обозрим, чем еще был занят Бонапарт?
Казалось, без битвы он не оставит град.
С Юго-восточных стран Кремль чудно укрепляет,
И в башнях для стрельбы все окна расширяет.
Мешали против стен торговые ряды,
Велел разрушить их для производств пальбы.
Итак их ядрами с стен, башен разбивают,
Иль в воздух минами злодеи возрывают.
Но, впрочем, пользы он отнюдь в том не сретал,
Один лишь вред себе, солдатам причинял.
Из стен разбросанных траншеи как бы вскрылись,
Солдаты ж, грабя там, от взрывов завалились.

***

К злу большему ж Тиран задумал Кремль взорвать;
А для того и стал в нем то приготовлять:
Под башни, Арсенал подкопы снаряжает,
Под гауптвахту то ж фугасы пролагает.
Все изнурение несчастных для граждан!
Сии, увлечены к несносным быв трудам,
Не смели никакой болезнью отозваться,
Иначе в явну смерть могли б они вдаваться.
Иной, предчувствуя от тяжких тех работ
Смерть неизбежную, лишь слезы втайне льет.
Не без отважных же и тут из них явились;
Премногие, ночьми ярем тот сбросив, скрылись.

***

Но жаловаться в том не мог из них никто,
Чтоб враг их не питал; им больно было то,
Для изверга к вреду отечества трудиться.
Решилися они в том лучше согласиться,
Чтоб голод, наготу терпеть им за Кремлем,
Тирана нежель зреть там страшна с каждым днем.
Сколь гнусно ни было зреть едших гадин-галок
Французов по Москве; Но тем и Галл был жалок:
Без отвращенья всяк на жруща стал взирать,
Но мерзость ту не мог никто из них съедать.
Глад преносили те здесь даже две недели,
Хоть члены от того у них и ослабели.

***

Какой и подлинно народ бы мог терпеть
Толики нужды, глад? Но случилось узреть
Чудесну здесь борьбу с жестокою природой.
Зришь нага ли кого? С осенней непогодой
Сражается он так, как с жарким летним днем.
Иль гладных? Мать рачит о детище своем;
А дети отдают кусок последний хлеба,
И не роптали в том на их каравше небо.
Без ран, побоев здесь остался редкий цел;
При гладе ж, наготе боль пренести умел.
Болящего ли зришь, лежаща без призренья?
Чудесно терпит сей несносные томленья.

***

Терпеньем таковым Тиран был тронут сам;
Приказ он отдает всем бывшим здесь ордам:
«Входить без ружей в дом, пуль конным со снаряды
Не брать». — А Полякам глупцам раздать с досады
Всем палки повелел; но с палкою глупец*,
Галл умник, Немец крут и Тирольер-плутец
Удержатся ль от буйств с своими палашами?
А конные ль рубить не станут тесаками?
Ужель и палкою Поляк не мог убить?
Нет! Меры тщетны их от буйств остановить.
Тогда б он прекратил в солдатах своевольство,
Когда б в припасах все имел для них довольство.

***

Но кто ж виновен в том? Зачем сожег он град?
Всяк деньги, вещи, хлеб ему б оставить рад;
Не нарушал бы он в жилищах их спокойства,
Оставил бы в Москве все бывшие устройства.
При сем он должен ли по правам приятым
Так с градом поступать как с штурмом не с взятым?
Великодушью сей его был оставляем,
Зачем же лютым злом он столь был погубляем,
Что житель пять недель невольно принужден
Все ужасы сносить, быв вовсе разорен?
И Россов ли склонить мнил к миру устрашеньем,
Кипели кои въявь к нему горячим мщеньем?

***

Нет! Предложений сколь Наполеон ни ждал
О мире, но свою надежду всю терял.

* Так Наполеон сам отзывался здесь в Москве о Поляках, называя их всегда глупцами, невежами и дураками, и они крайне оскорблялись столь обидными о них отзывами.

Он чувствовал в нем сам необходиму,
А в Россах не сретал наклонность ни едину.
Ворвавшись он в Москву, хоть несся высоко,
Но ноги заносить страшился далеко.
При сем и выгод там усматривал он мало,
И для того письмо послал он с Генералом[75]
О примирении к Кутузову во стан:
Но сей[76], предвидя весь его лукавый план,
Рек, не прияв письма: «Кто мир мне предлагает?
Наполеон? Нет! — Росс ЦАРЮ не изменяет»[*].

***

«Извольте вы назад вратиться, Лористон!
Я стар, то знает ваш и сам Наполеон;
И опытен давно; обманут им не буду:
Что ж сделал он с Москвой, по смерть я не забуду.
Вы с ним затеяли кровавую войну,
Но я началом чту в Бородине битву.
Пусть овладели вы Московским древним Царством,
Но не считаем мы еще то Государством.
Настало время нам здесь лавры пожинать,
А вы их станете сверх воли оставлять;
И это узрите немедленно на деле,
Для нас плоды побед давно уже созрели».

***

Каков же сей прием? Быть может, Лористон
Себе воображал, что принят будет он
Как Галлов Генерал с отличным уваженьем;
Сей, говоря к нему, и с места не вставал;
А штаб чиновников, его кой окружал,
Над тем, как над рабом разбойничьим, смеялся:
Безмолвный Лористон досадой лишь терзался.
Сберется ль с духом он, отверсть ли хочет рот,
Препятство сретит вмиг, сомкнет сверх воли тот.
Итак, он пресказать не могши предложенья,
Отшел, рвав на себе власы от пристыженья.

***

По стану Русскому в досаде проходя,
Неудовольства срел он больши для себя.
Наместо почестей повсюду Лористону
Гремели хохоты, чем в гнев к Наполеону
Столь сильный был введен, «Ужели, — мнит, — обрел
Он хуже всех меня, чтоб за него терпел
Здесь я, как истинный ватаг его разбойник?
Честь для меня драга: пусть тот один невольник
Служить ему готов, он вытащил кого
Из класса подлецов, но я не из сего.
В последний раз исполнил я его веленье;
Впредь узрит Атаман мое к нему презренье»[**].

***

Уже свершила раз небесный круг луна,
Тираном как Москва терзаема была;
Но он и в время то златые думал дани
Получит, помирясь с Россией после брани.
Однако ж Лористон, в Кремле к нему явясь,
Совсем противное открыл ему в тот раз:
«Ты скоро, государь, — рек, — будешь побежденным
От Россов в их земле, иль гладом пораженным!
Надежды к миру нет, его не думай ждать;
Росс зрит на выгоды, не хочет их терять;
Они суть таковы: его войск много в поле
Снабженных нужным всем, а мы здесь поневоле
Скитаяся в алчбе, без обуви, одежд,
Не сильны вырваться, и — нет к сему надежд».
Потом, отдав письмо, сказал: «Не в нашей воле
Вас больше нам иметь на царственном престоле!»

***

Встревожась сим, Тиран, как омертвелый стал;
Но, образумившись, быть Дюкам приказал
К себе он на совет. Явились, кроме Нея[***],
Сподвижники его, отнюдь не разумея
Причины зова их; один из них Бертье
Проникнул, для чего их собирал к себе.
«Мир отдален, — к ним рек Тиран, — в поход сготовьтесь!
Все бросьте лишнее, ничем не остановьтесь!
Мой, вижу, может зять[77] войск много потерять.
Пусть я велел ему движенья наблюдать
Россиян; но ужель не долг его стараться
Узнать, их сколько есть, чтоб их оберегаться?
Ах! Сколь досадно мне, что так я поступил,
Свой корпус Королю в команду поручил?
Теперь что будем мы в шуму речей народных?
Но — не погибнем же в странах сих бедотворных»!!!

---

[*] ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВСЕРОССИЙСКИЙ МОНАРХ АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ благоизволил на случай предложения Наполеона о мире тако изрещи: «Я прежде соглашусь перенести Столицу Мою на берега Иртыша и ходить в смуром кафтане, нежели заключу теперь мир с разорителем Моего Отечества». И — приверженный ли к своему Государю и Отечеству Российский Полководец М. Л. Кутузов, всегда отличавший себя патриотическою ревностию, мог согласиться на постыдный мир с разорителем любезного его Отечества, тем паче, что и Высочайший пример решительности и твердости Его любезнейшего Монарха дошел до его слуха? Он не изменил слову своего Августейшего Государя.

Позднее автором приписано: «около 20-го Сентября».

[**] Однако ж Генерал Лористон опять по-прежнему стал служить Наполеону, и в 1813-м году был в деле против Российских и союзных войск.

[***] Маршал Ней, бывши в то время за 50 верст от Москвы в городе Богородском, не мог поспеть к началу оного совета; но под конец явился и он, как можно видеть далее.

***

Бертье ему на то: «Давно и я судил,
Напрасно, государь, ты корпус поручил
Мюрату, а других стал Маршалов чуждаться,
Как будто б чем он мог их больше отличаться.
При сем, о государь! Почто здесь долго жил?
Ты Россу время дал, а сам его губил.
При Леташевке[78] тот отвсюду собирался;
Не вызвал ты сикурс[79], все мешкал, забывался.
Теперь вы отвратить напастей весь оплот,
Не мните ль только тем, дабы идти в поход?
Но смею вопросить: куда вы устремитесь?
Не к зятю ль вашему? ... К нему так спешно тщитесь»?

***

«А что ж ты думаешь о зяте том моем? —
Наполеон так рек, — Он в месте во своем.
Сего б не выбрал я, расположить где б можно
Войск выгодней его; но то скажу не можно:
Не осторожен он. При сем и Генерал,
Со планом, письмами без вести кой пропал,
В плен если б Русскими в пути не прехватился,
Давно бы в Вязьме я и с вами поселился.
Теперь надлежит нам к Мюрату поспешать,
С ним съединясь, туда путь можем открывать.
На прежней никаких дороге нет запасов;
А там в селениях довольно всех припасов»[*].

***

«Что в прежнем ничего нет тракте, верно то, —
Бертье ему речет, — Но мысль мою колеблет, что
Прекрайне здесь? Коль там нельзя пробраться,
Без провиантов мы, — куда должны деваться?
Опять в Можайский тракт? Что ж можем тут сыскать?
Не лучше ль мой совет вам будет сей принять:
Пусть ложны кажет там Мюрат свои движенья,
Охотно будто он желает быть сраженью;
Меж тем мы бросимся на Север ко Твери,
Там, нужное забрав, скорей к Днепру идти.
Мюрата ж с Неем вы в ариергард вратите,
Спасете войско чем, и Север весь взмутите».

***

«Не так ты думаешь, — сказал Наполеон, —
Ты, Маршал, трусить стал, и мнишь попасть в полон?
Не будет этого, тебя в том уверяю,
Движеньем больше сим Россиян устрашаю.
Покинем тот народ, кой счастия не знал,
Какое я ему доставить здесь желал!»[**]
«Примите, — рек Бертье, — совет вам предложенной!
План к ретираде мой есть самый вожделенной!
И бед не столько я надеюсь с ним найти,
Каких на Юге мы возможем обрести.
Тут нас задержит Росс; а мразы как наступят,
Тогда ум, мужество совсем от нас отступят».

VI

***

Лефебр, Мортье, Дау и к ним притекший Ней,
Противны были все Бертьевой мысли сей.
«Мы знаем, — те рекли, — вы страждете подагрой;
Извольте ж вы в Париж, идем мы все с отвагой»!
Гонец, вскочивший тут, прервал их разговор;
Бертье ж, чтоб не было еще чего в укор,
Отстать был принужден от своего совета,
Сказал: «Упрек не мне, вам будет цела света!»
К вестям же устремив все слух прежадный свой,
И в деспоте узрев нарушенный покой,
Не смели уж его вопросом потревожить,
Чтоб беспокойства в нем еще сим не умножить.

***

Всевышний, правящий земных судьбою царств,
Преграды ставил здесь против того коварств.
Гонец, вскочивший тут в дворец к нему полетом,
Привез известие, что заговор Малетом
В Париже учинен[80]. Так этим Бонапарт
Растроган был, сам вон хотел гонца изгнать.
Но войско вестью чтоб не сделалось взмущенно,
Оно итак уже им было раздраженно;
То, отступив назад, спросил гонца того:
Не извещал ли он в пути о том кого?
Нет! Отвечала та несчастнейшая жертва:
По слове том, велел его повергнуть мертва.
Вот жизнью как людей Тиран тот дорожил!
Он умерщвлял и тех, ему кто нужен был.
Несчастный на пути терпел, мнить должно, бедства
От быстроты езды; но се! В награду зверства
В нем только сей обрел: так он пренебрегал
И жизнью войск своих. Больных из них кидал
В домах без всякого призренья, сожаленья,
Где нет ни способов, врачей для исцеленья.
То стонут те, клянут Аттилу[81] своего,
То бедствиям иной не зря конца всего,
Оружием одним предел им полагает,
Чем от несносного Тирана избегает.

---

[*] Известно многим, что Наполеон хотел из Москвы переселиться в Вязьму для того, чтоб там иметь ему переговоры о мире, как в ближайшем месте с его магазинами, находившимися в Смоленске. Но на Калужскую дорогу затем только хотел он идти, дабы устрашить Русских, и по не разоренным местам достать пропитание своему войску, которое, если бы пошло по прежнему тракту, померло бы все от голоду.

[**] Здесь Наполеон назвал Русских варварами — таким образом: «Quittons ces barbares, qui ne sont pas capables de saveur du bonheur, qui j'y ai voulu leur procurer». (Покинем варваров, не разумеющих вкусу во счастии, какое я хотел им доставить).

***

Но сколько ж погубил и Росских он людей?
Оплакивает там родитель сыновей.
Пропавших безвестно — при нем ли избиенных;
Тут нежна мать своих чад живота лишенных
Подпору потеряв, во грудь себя биет;
Жена о муже здесь власы с рыданьем рвет,
Иль детский мертвый труп ко персям прижимает,
И воплем жалобным сердца других пронзает;
Тоскует юноша там по своем отце,
Тут слезы дщерь лиет о равном мертвеце;
Невеста здесь грустит о женихе убитом,
Иль над предметом[82] друг, стоя, слезит зарытом.

***

И сносно ль было сей терпеть народу плен?
Но Росский вождь селян всех окрестных взамен,
Снабдив снарядами врагов на пораженье,
Привел, и Варвара здесь в горько положенье.
Пропало войск его в сии последни дни
В окрестностях Москвы до тысяч десяти.
Вот как за мать свою селяне отмщевали!
Пусть иностранные сему не доверяли;
Но видели ль селян иррегулярну рать[93],
С какими доблестьми могла врагов карать?
На слабых мужества одни б они воззрели,
Примеры судные б иройства в них узрели.

***

В женах и старцах зришь столь вспламененну кровь,
Не сильны пол, лета в них были скрыть любовь
К родной их стороне. Враги пусть громы мещут
В битвах на их детей; они тех не трепещут:
Считают ток молвы, летевший звон пустой,
Что будто б Бонапарт непобедим с ордой;
Обрев удобность те, разят врагов без сметы.
Одни им страшны те казалися приметы,
Коварен их злодей, сей может им отмстить;
Кто ж мщения б не мог на родине избыть?
Не столь роптаньем орд своих Тиран разился,
Сколь окрестных селян иройства он страшился.

***

А как виновных сих нельзя ему искать,
Довольствовался тем, чтоб ропот удалять.
Разгнать его он тем в своих ордах мечтает,
Театр веселостей в Москве им учреждает;
А о походе он в то время и забыл,
Сколь гладом здесь к тому ни побуждаем был.
Бертье — клеврет его — из града удалился,
Других же Маршалов не столько он страшился.
Предавшись в полну власть Фортуне здесь слепой,
В любови скотской стал искать себе покой;
Или у Маршалов во время пированья
Тиранством заглушить все тщился орд роптанья.

***

Меж тем от жителей по граду пронеслось,
Казаков множество от Дону собралось
Близу Столицы сей, и все они готовы
Усердья оказать ко АЛЕКСАНДРУ новы.
Сей слух в то время здесь тем больше верен был,
Всяк выдти из Москвы из жителей спешил,
Боясь внутри ее быть зрителями бедствий
И лютых от врагов неизбежимых следствий*.
Тиран, уведав тот побег, стал вызывать:
«Не хочет ли кто свет фонарный ввесть и снять[84],
Иль чистить улицы и караульни строить?»**
Но граждан тем не мог остановить, усвоить.

***

Гнев Божий ко врагам, казалось, исхождал
Стопами тихими; но сим приготовлял
Бог вящие для них и беспримерны мщенъя,
О чем гадали те и сами из явленья.
Как Бонапарт в Москве тревожим гладом был,
Бог от высот своих феномены открыл
На первый день в ночи октоврия[85] ужасны,
Чем устрашен Тиран и все его подвластны.
Сиял во облаках крест светлою лучой,
Знак Россов торжества над буйною ордой;
А от креста стрела на Запад протяженна
Казала той стезю на бегство предложенну***.

***

Явленьем сим смутясь, подъемлет вопль орда:
«Увы! Наполеон! Беда тебе! Беда!
Ты скоро жди ее, нагрянет неотложно,

---

* По каковому обстоятельству и Сочинитель, взяв с собою Чудотворную Казанскую икону Богоматери, вышел 29-го Сентября из Москвы с соседом своим Московским Купцом Сергеем Ивановым Соколовым и их семействами в село Пахрино. Удивительно! Неприятельские фуражиры грабили всех в поле им попадавшихся Русских; но Сочинителя и при нем находившихся никто не дерзнул и словом обидеть. Даже один неприятельский офицер, попавшийся им в Царицыне, бежал от них в сторону, хоть из числа их было только двое мужчин, да и то безоружных, прочие же все были женщины и девятилетний сын Сочинителя.

** Вызовы такие были напечатаны на Французском и Русском языках и были прибиты на столбах при перекрестках Сентября 28-го дня.

*** Явление сие, случившееся над Москвою, видимо было верст за сорок. Оно открылось ночью часу в 10-м и продолжалось сперва четверть часа, потом, скрываясь минут 10-ть, показывалось опять в два раза на толикое ж расстояние времени.

Избавиться с тобой и нам ее не можно!
Все ясно ныне зрим показанны пути,
Куда должны бежать; но можем ли найти
Без бедствий в той стране от Россов огорченных
Деяньми нашими и с Богом примиренных?
Ты храмы их велел нам дерзко обирать,
И как в разбойничьи вертепы их вменять*;
Но ах! На что б внимать твоим веленьям дерзким?
Мы казни и тогда деяньям ждали мерзким.
Теперь мы видим, Бог вступается за них,
И мы едва ль когда дойдем земель своих!
Раскаяться ли нам? Но время слишком поздно;
Се! Изгоняет нас само уж небо грозно».

***

Равно то ж чувствовал и сам Наполеон;
Его давно бежал от гнусных веждей[86] сон.
Забившись в кабинет владыка оный мраков,
То возмущался там от грознейших призраков,
То вскочит со одра, взгляд кинет в облака,
Не узрит ли еще — как Вышнего рука
Намерена карать его за злы деянья,
То мыслит избежать от Божья наказанья.
Но как отважился б избегнуть от сего?
И можно ль защитить Ордынцам где его?
Сей разных наций сброд, различных вер породы
Бывал ли где когда надежен в непогоды?

***

Италианцы все с Голландцами отпасть
Давно готовы, впал Тиран бы их в напасть;
На разных Немцев он не мог здесь полагаться,
В злосчастье на него ж с оружьем устремятся.
В Поляках стойкости нигде не мог найти;
Испанцы ж к Россам все желали перейти,
Лишь ждали случая к ним тайно передаться.
Итак, на Галлов ли одних мог полагаться?
Пусть только сей народ ему послушен был,
Веленья он его за глас высокий чтил;
В чиновниках же зрел он ясно всю притворность,
Являли хоть они в глаза ему покорность.
Имея сброд таков, последних зря обман,
Возмог ли сильных ждать защит себе Тиран?
К сему ж он мощен ли, твореньем быв ничтожным,
Бороться Вышнего с советом непреложным?

***

Когда в смятенье был таком Наполеон,
В то время Русских войск за Нарой многий сонм
Сготовлен был Вождем Кутузовым к движенью,
К ночному на врагов успешну нападенью**.
А чтоб Мюрат о сем не мог отнюдь и знать,
Вождь Россов воинству приказ велел отдать,
Чтоб ночью тишина ничем не нарушалась,
Да сволочь вражья б ото сна не возбуждалась.
Сей исполняем был удачно столь приказ,
Приятствовало все Россиянам в тот раз;
И даже облака свет лунный затмевали,
Чем и движенья тех от вражьих глаз скрывали.

***

Но некто при таких успехах учинил
Продерзость, и врагов всех выстрелом взбудил.
Успевши строиться для выдержек атаки,
Умножили они людьми свои биваки.
Донскому воинству хотя мешало то,
Но счастливо оно врагам в их тыл зашло:
Спреди ж — средь темноты — врагов на пораженья,
Сам Бог ли — Ангел ли, вел Русски ополченья***.
Как с сими Беннигсен ударил, то свершил,
Что Милорадович пред сим с ним положил.
Мюрат от Русских пуль, картечей уж мятется;
Но Росс смятеньем сим Мюратовым смеется.

***

Куда ни бросится Мюрат, усретит страх;
Везде жерл медных рев, везде смерть при глазах.
Вотще он сволочью биваки утучняет,
Вотще победу ей тут вырвать обещает,
Вотще ждет храбрости от буйственных голов,
Вотще и тактика, нет к целости основ.
Везде ряды из войск валятся пораженны,
Везде орудия подбиты, изломленны.
Каких надежд Мюрат тут должен ожидать
К спасенью своему? Едину, чтоб бежать.
Вот так-то ревностны Российски чада славы
Попрали здесь полки Тирана величавы!

***

Мюрат старался тут, чтоб место удержать,
И войскам, было, стал своим напоминать,

* 1-го числа Октября в рядовом Евангелии от Марка в зачале 50-м должно было читать следующее: «*Вшед Иисус в церковь, начал изгонити продающия и купующия в церкви; и трапезы торжникам и седалища продающих голуби испроверже: и не даяше, да кто мимо несет сосуд сквозь церковь. И учаше, глаголя им, несть ли писано, яко храм мой храм молитвы наречется всем языком, вы же сотворите его вертеп разбойником*».

** 5-го числа Октября в субботу на литургии в рядовом Евангелии от Матфея в зачале 104-м читано было между прочим следующее: «*Бдите убо, яко не весте дне ни часа, в он же Сын Человеческий приидет*».

*** Уверяют некоторые офицеры, бывшие при сем сражении, что Российские колонны, назначенные для нападения на неприятелей, были в ночное время сие предводимы, как Израильские древле сонмы, предшествующею радугою.

Что данна клятва их должна к Наполеону
Быть верна навсегда; но те забыли ону:
В безмерном ужасе, не зная делать что,
Завидев интервал, сраженье мешут то.
Уж скрыла конница побегшую пехоту;
Не стала охуждать и та свою охоту.
Росс к бегству залпами и конных побуждал;
А с флангов, с одного — рой пуль их устрашал,
С другого ж, — Казаки, обшедшие казались,
Что делать тут врагам? — Быстрей ретировались.

***

Нельзя пусть было в ночь злодеев истребить,
Иль сонных выстрел тот возмог всех разбудить;
С другой страны была их оборона сильна:
Но храбрость Росса здесь сияла всюду дивна.
Он с Вышней помощью к полудню одержал
Победу славную, и всех врагов прогнал[87*].

[*] Сочинитель в бытность свою в селе Пахрине, отстоящем от Москвы в 30-ти верстах, 6-го числа Октября, в Воскресенье, услышавши в три часа по полуночи пушечную пальбу залпами, и вместе узревши в Юго-западной стороне от Пахрина обширное зарево, по признакам сим, почитал быть большому сражению, не в дальнем расстоянии от села того находившемуся. Дождавшись рассвета, и доставши у Пахринских жителей подзорную трубку, всходил он на Пахринскую колокольню; но не мог там усмотреть бранного места сражающихся. Всякому же в той стороне проживавшему нужно было в то время для предосторожности своей узнать, сколь далеко происходило сражение: то Сочинитель, для лучшего осведомления, принужден был выдти за Пахринское село на высоты; но и там не мог он узнать о месте сражающихся. При такой неизвестности, решился, было, он идти далее за село Домодедово; но вдруг ему на пути приходит в голову спасительная мысль: «Теперь, — рассуждает он, — время ли любопытствовать? Не полезнее ли будет молиться!» Поелику же он чем далее продолжал путь свой, тем более уверялся в далеком расстоянии от села того до места сражения; то, нимало не медля, оставил тщетное любопытство свое, и воротившись назад в Пахрино к семейству своему, предложил села того Священнику Петру Петрову, что он, Сочинитель, желая отправить молебен Божией Матери пред чудотворною ее Казанскою иконою в село то им принесенною, для испрошения свыше помощи Российскому воинству, надеется, что и Священник вместе с ним для того же самого потрудится; Священник охотно на сие согласился. Но как они почитали в то время за опасность не только звонить в колокола, но и входить в церковь; ибо за пробитый в том селе набат, случившийся за два дни, едва тот священник был не расстрелян от неприятелей, а за Пахрою-рекою, против самого Пахрина — при мельнице, стоял отводный неприятельский пикет. То, дабы не подать ему о себе какого-либо замечания входом в церковь, и не сделать каких либо тревог колокольным звоном, расположились они отправлять молебен не в церкви, а в священническом доме Петрова. Не нужно было им приглашать на молебен всех укрывавшихся там Московских и Пахринских жителей, за невозможностию всех их поместить в покоях: некоторые из них собрались в дом Священника без зову, по одному токмо слуху, и их было довольно. При начале молебна, что было около десяти часов утра, пальба производилась жесточае прежней; но тем ревностнее всякой стал призывать Божию Матерь на помощь нашему воинству. Оканчивая же оный, Сочинитель приложил и молитву Кир Филофея Патриарха в нашествие супостат к Богоматери. И что ж? О! Коль надежно и не постыдно иметь твердое упование на Державнейшую Помощницу! Как скоро кончил он молитву, в ту ж самую минуту пальба прекратилась, и настала тишина после ужасного грома. Хотя за дальним расстоянием неизвестно еще было в Пахрине последствие того сражения, в чью пользу кончилось, но тайное некоторое предчувствие Сочинителя, и обещание победы — в Москве в собственном доме ему открытое, о чем покажет ниже сего, сильно убеждали его веровать о неприятельском поражении. Вскоре после того послан был Пахринскими чиновниками конюх верхом на лошади за Подольск для осведомления о следствиях бывшего сражения. Тот, возвратясь к ночи назад, оправдал Сочинителя чаяние. В 12-м часу, как кончил сочинитель с священником Петровым свое молитвословие, разбит был и прогнан Неапольский Король с его корпусом при Тарутине. Толь радостное и восхитительное известие произвело в Пахрине то, что не только присутствующие на том молебне приходили тогда паки в священнический дом благодарить Заступницу свою пред Ея иконою; но и те самые притекали, кои не могли участвовать на оном, воссылая наичувствительнейшую свою благодарность. На другой день поутру, Пахринской волости и конюшенного завода Секретарь Тимофей Федоров Буторьин переносил ту икону в дом свой, и там с своим семейством и гостями чрез своего священника Петра Петрова молебствовал пред нею с приложением Акафиста за дарованную Российскому воинству победу, которая доставила 7-го числа спокойствие не только всей Пахринской волости, но и за самою Пахрою до Москвы везде были сняты неприятельские караулы, так что селяне смело стали из лесов возвращаться в свои жилища, и беспрепятственно могли входить в самую Московскую Столицу.

Теперь нужно показать, когда и каким образом Сочинителю было открыто обещание победы? В бытность неприятелей в Москве, когда стал у него в доме оскудевать источник к пропитании; в то время какое он ни прилагал с укрывавшимися у него соседями попечение ко отысканию хлеба, но нигде и ни за какие деньги не мог найти его. Голод в Москве Сентября с 15-го числа был повсеместный, даже на огородах все почти овощи были изрыты и выбраны. На 20-е число сего месяца, сочинитель был столько этим опечален, что не мог заснуть во всю ночь ни на минуту и — что ни приходило ему тогда в голову? Чего он не касался своею мыслию? Ему представлялись несчастные положения остававшихся Московитян столь тогда живо, что стал уже в мыслях своих роптать на судьбу — не пекущуюся о их избавлении; как вдруг неожиданно поразили его слух женским голосом произнесенные следующие слова: НЕ ДУМАЙ! ПОБЕДИМ! Кто бы такой, думал он, произнес это? И должно ль принять эти слова за истинные, или приписать воображению, сильно потрясенному бедствиями? В трепете разбуживает свою жену, мать и всех находившихся у него женщин, спрашивает их, не снилось ли кому чего? Не говорил ли кто чего во сне? Но все ему отвечали, что никому и ничего не снилось, и что они крепко в то время спали. Не зная, чему то более приписать, Сочинитель был принужден созвать к себе всех находившихся у него мужчин, и именно: духовника своего, бывшего Рождественской ружной церкви что на Сенях, ныне находящегося Пятницкой церкви что близ Гостиного двора, Священника Иоанна Яковлева Солнцева; сына его, бывшего тогда студентом, а ныне служащего в Санкт-петербургском почтамте Павла Иванова Солнцева; Архангельского Собора Священника Иоанна Гаврилова; Московского Купца Сергея Иоаннова Соколова, приказчика его, Московского

К трофеям здесь его обоз весь доставался,
Мюрат же сам меж войск бежавших сокрывался.
Но некие и тут, бросаясь по лесам,
У скрывшихся отъять дерзали поселян
Имущество и жизнь; но сами заплатили
Прегорестно за то: Донцы их всех побили.

***

Российски воины в сей день благодаря
Одушевивша их воскресшего Христа,
Во гласах радостных ЦАРЮ ура! глашают
И счастливо ЕМУ изгнать врагов желают.
Маститый сединой Кутузов Михаил,
В ком Бог присутствие в победе сей явил,
Приветствуется здесь от войск ему усердных
И полководцев всех весельем восхищенных.
В награду ж воинам за подвиг Беннигсен[88],
Чьей мудростью тогда Мюрат был поражен,
Победны лавры им в Тарутине сплетает,
И тем достойно их пред светом прославляет.

***

Не неизвестно здесь содеялось в Москве
О Беннигсеном сей одержанной битве.
В развалины ее проникла быстро слава,
И граждан всех сердца отрадой оживляла*.
В надежде тяжкий все отрясть с себя ярем,
Плен забывают свой, победа им взамен**.

Мещанина Адриана Алексеева, и Московского Мещанина Сергея Матвеева Быкова, коим, пересказавши как о бывшем ропоте своем, так и о слышанном им том чудном голосе, привел их в немалое удивление. По каковому случаю, посоветовавшись, Сочинитель с духовником своим, тогда ж решился поутру отправить в своем доме пред чудотворною Казанскою иконою у него находившуюся всеношное бдение: ибо в доме его все укрывавшиеся уже стали приписывать ту чудесность, от иконы сей происшедшею. Препятствия к сему никакого им не было: в мезонине Сочинителя, где икона та находилась, и сам Сочинитель с прочими бывшими у него укрывался, за упразднением лестниц, неприятели во всю их бытность в Москве, входить не могли. Книги и ризы достал он в приходской Ржевской церкви еще к 14-му числу того ж месяца для всеношного же бдения, кои у него и оставались. Свеч и других принадлежностей было тоже для оного довольно. Итак отправляя то бдение, прилежно все умоляли Божию Матерь, да неизвестный тот глас утешить их на самом деле, каковы по шестнадцатидневном том откровении, ко отраде всех, начинал уже явно исполняться. Может быть, сомнительные умы не поверят тому, но души верою исполнения, будучи твердо удостоверены, что нет такого чуда, которого Божия Матерь не сильна бы была произвесть, беспрекословно тому поверят. Впрочем, для убеждения к уверованию первых, Сочинитель предлагает Спасителя нашего словеса, во время Тарутинского сражения праздновавному Апостолу Фоме на литургии от Иоанна в зачале 65-м чтенные: «*Не буди не верен, но верен*». Чудотворная сия икона еще за два столетия в подобных случаях довольно прославилась, и сочинителю нет никакой нужды стараться о приумножении ей славы — особливо ложными какими либо показаниями. Кому не известна помощь, во время избавления Москвы от Литвы, чрез сию же самую святую икону Росской дружине оказанная? Вечной памяти от соотчичей удостоившийся Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, за избавление Столицы, построил в Москве собственным иждивением Казанский Собор, в коем поставлена та икона истинным сынам Церкви и Отечества на прославление великих от нее чудес. В Бозе ж опочивающие БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ И РОДИТЕЛЬ ЕГО СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ ФИЛАРЕТ НИКИТИЧ РОМАНОВ, в благодарность и вечное воспоминание чудесного избавления Москвы, уставили в Казанский тот Собор крестное хождение: первое, в день явления Казанской иконы Июля 8-го дня, а другое, в день избавления Москвы от Литвы Октября 22-го дня. Достойный же вечного прославления их Потомок, Истинный и Ревностный Хранитель благочестия в Бозе Усопший ПРЕМУДРЫЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ 1-й именным своим Указом, данным 1798-го года Святейшему Синоду, в знак достодолжного уважения 22-го дня Октября, для празднества Казанской иконы Пресвятой Богородицы, повелел включить оный день в число годовых табельных дней. В самом деле, оное число, яко празднество Великой Заступницы Россиян, не ознаменовано ли было и в недавние времена благословением Российского оружия? Достойный безмерной памяти, неустрашимый и искусный Вождь Российских воинств Александр Васильевич Суворов, как можно заметить из описания жизни и подвигов, видно почитал за счастливейший день для России празднование Казанской иконы Богоматери, что не в иное число, но в 22-е Октября 1794-го года, решился приступить к Варшавскому предместью Праге. Он гнездо сие буйственных Поляков, натурою и искусством укрепленное, по двухдневном обложении, разрушил с горстию почти воев, что почиталось от всех народов за чудеснейшее событие. Что ж скажем мы теперь? Ужели в ближайшие к нам времена, времена минувшие, печали нашей и сетования отъята была благодать к произведению равных чудес? Обратим только внимание на протекший 1812-й год, и — на то же самое число, в которое Св. Церковь празднует избавление Москвы от Литвы: не в двадесять ли второй день Октября Вязьма была избавлена от конечного опустошения?

Не поражены ли в тот день сильно тут многочисленные полки неприятельские? Не с сего ли самого числа стали Бонапартисты погибать, как червь, от лютых морозов и несносного голода? А тем самым, не исполнилось ли на самом деле то обещание, каковое сочинителю словами: «*Не думай! Победим!*» Было открыто? Довольно: истинный сын Церкви и Отечества рассуждая о таковых в наши времена чудесных событиях на Богоспасаемой России, воспишет поубедительнее по ничтожному какому-либо случаю, ниже человеческой мудрости и силе, но Избранный Воевода — исшедший в мир могущественнейшего победителя смерти и ада; восписуя же таким образом, прославит в благодарном духе и чудную Казанскую икону Богоматери, имущую благодать избавления всех зол, и всем притекающим к ней и молящимся с верою полезная дарующую.

* Из Пахрина сочинитель пришел в Москву для навешения остававшейся в его доме больной своей матери, Октября 10-го числа поутру, и полагал, что никто еще не известен о неприятельском поражении при Тарутине; но крайне удивился, что жившие в его доме узнали о сем еще 7-го числа того ж месяца.

** Октября 6-го числа на всеношном бдении во 2-й паремии из Иакова послания между прочим читано было следующее:

Но Бонапарт еще отнюдь сего не знает,
Лишь кофе с коньяком во грусти попивает,
Гощенью своему предчувствуя конец.
И, подлинно в тот раз приехавший гонец
С известьем вшед к нему, изрек: «Ваш зять удары
От Россов не стерпя, в бег бросился от Нары».

VII

***

Объятый ужасом, он слышит, мнит во сне;
Но вывел из того сомнения Мортье.
Досадно, тяжело с Москвой ему расстаться,
Но время дорого, нельзя в ней оставаться.
И как он ясно мог лишь сей порой узнать,
Россию Бог Москвой благоволит спасать,
То ночью ж гвардию приказом высылает,
А все довольство ей в походе обещает.
Оставшихся солдат Мортье он поручил,
Чтоб с ними Кремль взорвал, обоз его прикрыл,
Казенные дома, дворец сжег без потвора,
Граждан всех остальных побил бы без разбора[*].

***

Но мог ли весь Мортье сей выполнить приказ,
Коль Россов ожидал прибытья каждый час?
Притом и льзя ль ему убийством заниматься,
Коль с горстью войск своих не мог сам защищаться?
Москва ж в бедах своих всегда рождала чад —
Ироев[89], и врагов ввергала ими в ад.
Знав это все, Мортье возмог ли покусится,
На жителей ее с оружьем устремиться?
Умней обдумал он безумца своего,
Как с градом поступить при бегстве из него:
Он Россам мог вредить довольно и огнями,
Вот чем поздравить мог Мортье себя с пятами!

***

Итак, Наполеон, как мрачна тень в Кремле,
По вести той, пробыв недолго, вслед орде
Ударился в побег — как от всходивша Феба[**];
Но не успел злодей уйти от грозна неба.
Пусть Божия рука над ним и высока,
Карать возможет та его издалека.
Там Витгенштеин Граф атаковал Сен Сира[90];
Тут Тормасовым вспять гналась Австрийска сила[91];
В Волыни извергов рассеял Чичагов;
Елиты[92] гибнут все от быстрых Козаков.
Везде невидима рука его разила,
За наругательство Святыни страшно мстила...

***

Постой! Зачем бежишь всесветный Исполин?
Еще твой Маршал здесь остался не один.
Постой! Зачем бежишь Наполеон смятенный?
Еще не все тобой дома огнем спаленны.
Постой! Зачем бежишь? Взгляни, как Кремль взлетит!
Еще нет Козака, тебя сей не страшит.
Стой! Стой напуганный! Назад хотя озрися!
Картуз твой здесь, его пусть подадут, дождися!
Картуз ли на уме? Рад, жители не зрят
Постыдный бег его; сии, он думал, спят.
Нет! Видят ясно те с главы твоей паденья
Похищенна венца, твоих орд низложенья![***]

***

По бегстве том — как Феб на высоту возшел,
Под Симоновым[93] гром ужасный возгремел,
И оный много раз со треском повторялся,
Врагами порох там оставшийся взрывался.
На Севере Донцы, приявши то в сигнал,
Наверно Бонапарт из града побежал,
Ко Пресненским прудам по вечеру ворвались,
Там, попленив врагов, безвредно вон убрались.
Случилось что же тут? На Пресне гарнизон
Не истерял при сем ниже один патрон,
При взрыве тех Донцов он всюду раскидался:
Так страшен вид ему Козаков представлялся!

***

С врагами при Тверской заставе по два дни
Престрелка у Донцов и сшибки произшли.
Хоть быстро Поляки на них там нападали,
И из Острога их пальбою устрашали,
Но Козаков урон не сретил никакой,
Поляки ж внутрь за вал убрались Городской.
В Остроге пешие, узрев тех приближенья,
Оставив замок, вон убегли без сраженья.
Козаки, обратив се в выгоду свою,
Очистили всю в ночь за валом ту страну,

«*Блажен муж, иже претерпит искушение, зане искусен яв приимет венец жизни*». На том же всенощном бдении в 3-й паремии из Иудина послания, между прочим, читано было следующее: «*Милость вам, и мир, и любы да умножится*».

[*] 7-го числа Октября праздннованным святым должно было читать Евангелие от Луки в зачале 106м, где, между прочим, сказано: «*Влас главы вашея не погибнет*».

[**] Того ж 7-го числа, в понедельник должно было читать в рядовом послании ко Ефесеом в зачале 227-м, где между прочим сказано: «*Всяка горестьи гнев, и ярость, и клич, и хула, да возьмется от вас со всякою злобою*».

[***] 7-го числа Октября, в 7-м часу поутру, Наполеон, сидя с чиновником, выезжал из Кремля в Боровицкие вороты на каменный мост, где, поднимаясь с коляскою быстро на середину, сронил с себя зеленый картуз, который подняли позади его скакавшие беспардонные. Это видели оставашиеся в доме Сочинителя двое рабочих, ходивших в то время по каменному мосту за водою.

Расставив в ней свои посты из войск, отборных,
На все отважнейших и ко всему способных.

***

В след действий таковых Винценгероде к ним
От Севера прибыл с всем корпусом своим.
Ревнуя Кремль изъять, к нему стал приближаться;
Чтоб цели ж от врагов своей не сокрываться,
Узревши отстальный пикет их на пути,
Переговоры сам решился тут вести,
Став требовать, чтоб Кремль начальник их оставил
Без кроволития. Но те, не знавши правил,
Как с парламентером им должно поступать,
Отважились его в плен со адъютантом взять.
Итак, сей Генерал почтенный в плен попался,
А войско все его возмнило, сам предался.

***

Но если б знало то, что точно в плен он взят,
Решилось бы тогда ж из рук изъять.
Казалось, в время то, враги б не зрели боле
Кремля в своих руках; они бы поневоле
Оставили его; но Вышний может быть
Россиян тем хотел безвредных сохранить[*].
От мин бы там они засыпались — пропали,
И жители к врагам в напасти б горши впали.
Тогда в Столице кто их мог бы защищать,
Когда б им вражий меч стал явно угрожать?
Пусть на него они взирали без боязни
Как не преступники, приговоренны к казни;
Но оставалась их часть малая в Москве,
И больше жен, детей их было в том числе.
Что ж без оружия те сделали б с ордою?
Льзя ль им успеть с одной неробкою душою?

***

В последовавший день те ж сшибки прозошли;
Но жители своим спасеньем сей сочли[**].
Шум с утренней зари до ночи продолжался,
Никто здесь из врагов покоен не казался.
С возами суетясь, укладывать спешат
Добычи, и собой чтоб граждан устрашать,
Из ружей, пистолет на воздух лишь стреляют,
И ту свою пальбу день целый продолжают.

[*] 9-го числа Октября, в Среду, должно было читать рядовое Евангелие от Луки в зачале 12-м, где между прочим сказано: «*Ангелом своим заповесть сохранити тя*».

[**] 10-го Октября, в четверток, должно было читать рядовое Евангелие от Луки в зачале 13-м, где между прочим сказано: «*Дух Господень на мне, его же ради помаза мя благовестити нищим, посла мя исцелити сокрушенныя сердцем: проповедати плененным отпущение и слепым прозрение, отпустити сокрушенныя в отраду: проповедати лето Господне приятно*».

Но устрашили ль тем заметливых граждан?
Сии, узревши их лукавство и обман,
Вступленьем Козаков в них ужас поселяют,
И тем к поспешну их побегу понуждают.

***

Занятые жены работой их в Москве,
Равно внушали им, скорей бежали б те:
Приказ не отдан же, что предпринять не знают,
Лишь мечутся, грустят, тоскуют и вздыхают.
Препятства иные те к бегству здесь нашли:
То дети жителей, у них коней гужи
Обрезав, издали их камнями пугали,
То спицы у колес и оси подрезали,
Иль в ноги по игле, пустивши в их коней,
Лишали бодрости и силы к бегству всей.
И словом, никого не было без содействий,
Чтоб враг здесь не сретал к побегу злых последствий.

***

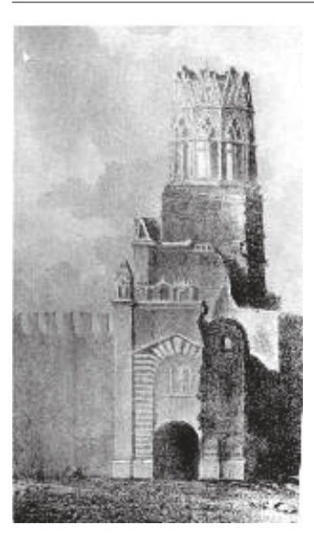
При Драгомиловской преправе чрез реку,
Льзя ль равных где искать тревог в каком веку?
Три моста были там для тяжестей провоза,
Но были ль вместны те врагам для их обоза?
Иной, предвидя зло, повозку тащит вплавь,
Другого с моста зришь, летящего стремглав;
Здесь тонут, там кричат, тут меж собой дерутся,
Здесь кони падают, там бесятся, тут рвутся.
К сему ж и жители их стали пожинать,
Но нет! Их не могло ничто остановлять.
Их ночи к десяти часам как не бывало,
Волнение смолкло, лишь стон вдали сливало.

***

Подходит полуночь, для граждан грозный час,
Сверкнуло пламя вмиг, и — ярый гром сотряс
Вдруг воздух, и Москвы всё даже основанье,
За ним слилось везде по граду грохотанье.
Что это? — Житель мнит: и — время ль грому быть?
И что ж зрит? Раздробясь в прах, весь Арсенал летит,
Взметнувшись порохом, под стены подложенным,
Злодейскою рукой при бегстве воспаленным.
Но чем Никольские дивили всех врата?
Икона сверху их Святителя была[***];
Бок башни — верх ее — от взрыва оторвался,
А образ невредим с стеклом своим остался.

[***] Икона Святителя Николая Можайского, писанная на стене над Никольскими воротами, подле Арсенала находящимися.

«Никольская башня по выходе французов из Москвы». По рисунку с натуры, выполненному по распоряжению архиепикопа Августина в 1812 г.

***

Второй последовал удар таков за ним,
Кой равен с первым был по ужасам своим.
Ивановский колосс сотрясся и расселся,
И с благовестием придел его повергся*.
Но Чудов Монастырь, соборы все в Кремле,
Остались без вреда в дивление свое.
Бог праведных своих прах чтимый и нетленный
Храня, не попустил быть в оных заваленный.
Два взрыва после тех, кидая на страны
Двух башен здания казались не сильны**.
За ними ж пятый вслед — столь треском был ужасный***,
Все жители зреть Кремль отчаялись несчастный.

***

Дворец по вечеру зажжен врагами был,
Дабы по бегстве их тот житель не тушил;
Казенные дома равно все запаленны,
И Спасский, Симонов Монастыри зажженны.
Чтоб прекратить же все, Бог благ, Всесильный Вождь
Изводит облака, лиет обильный дождь:
Но если бы не сим фугасы подмочились,
То башни Спасская и прочи развалились.
Пожар, кой произвел враг дерзкою рукой,
Равно гаситься стал дождёвою водой.
К сему же дождь врагу и то препятство ставил,
Орудья он не мог увезть, все их оставил****.
Запасы собранны в Кремле, он раскидал,
Понтоны, ящики и фуры разметал,
Весь лазарет больных, медикаменты кинул,
И вот что сделал дождь! Врага на бег подвигнул.
Бежит он из Кремля, фонарь держа рукой,
Как святотатства знак — с церковною свечой;
Дождь гасил в оном огнь, враг, не стерпя досады,
Повергнув тот, летит — как серна, без огляды.

Кремль, освобожденный от неприятеля. Аллегория. 1810-е гг.

***

Вслед ужасов таких, как стало утихать,
Феб всходом возвестил низшедшу благодать*****.
Вдруг любопытства здесь в всех жителях взбродились,
Святыни целы ль все, иль где врагами скрылись?
Но дивен Бог в святых! Все мощи найдены,
Злость не могла скрутить, они не вреждены.
Узрели и гробы ЦАРЕЙ БЛАГОЧЕСТИВЫХ,
Бог сохранил и их от рук, здесь злочестивых;
Еще при жизни их, блюститель был он их,
По смерти — что возмог им причинить сонм злых?
Коль горько ж было зреть на то их наруганье,
Свершалось над ЦАРЬМИ где Русскими венчанье!

***

Непостижим Творец: мы мнили за Кремлем
Он попустил врагам смеяться над своем
Всем достоянии: но здесь ли что узрели?
Ужель им важные святыни омерзели?

* Филаретовская колокольня, приделанная к Ивановской, на которой висели большие колокола.

** Это взрывались две башни набережные.

*** Это взрывалась новая угольная башня близ Боровицких ворот.

**** Неприятели в Кремле, по бегстве своем, покинули 42 пушки, 237 фур и множество понтонов и ящиков.

***** В день избавления Москвы от неприятелей 11-го Октября, в пятницу, в рядовом послании ко Ефесеям в зачале 234-м читано было, между прочим, следующее: «*Мир братии и любовь с верою от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа. Благодать со всеми любящими Господа нашего Иисуса Христа. Аминь*».

О Боже! Пред Тобой виновны сами в том,
Мы извергов ввели в Твой освященный дом.
Разврата не терпя, ты в гневе нас отринул,
Дух злобы ж случай срев, Тирана к нам подвигнул.
Но молим Тя, Благий! Да сшедша благодать,
Не ныне токмо нас, в век будет осенять!
Та — да удержит нас пребыть с благими делы,
Чтоб мы всегда Твое присутствие узрели,
Без коего никак не можно нам пробыть.
И — аще хочешь нам любовь Твою явить,
Карай нас с милостью в всех наших прегрешеньях!
Будь сердоболен к нам во всяких злоключеньях!

***

Нельзя то описать, что чувствовали все
Как бы воскресшие здесь жители в Москве.
Каким исполнились сердца их восхищеньем,
Коль светлый день сравнить не можно с их весельем!
В восторгах радостных, не зная делать что,
Лишь носят на устах друг к другу только то:
«Бог в гневе нас лицом хоть вмале отвращался,
Но с многой милостью к нам ныне показался.
Се! Окрест возведем мы очи в все страны,
Отвсюду в град спешат любезные сыны.
Несется вся сюда одежда ими, пища,
Те напитают нас, одеют нага, нища.
Все возродят они, что здесь разорено,
Опустошавшим же погибнуть суждено.
Не узрим больше мы с Москвою разоренья,
Отверзет дверь она Державам всем в спасенья.
Терпенье наше все приимут в образец,
И тем воспрянет вся Европа, наконец.
Пусть будет скрежетать Тиран на всех зубами,
Но делать что ему с домашними врагами?
От отложенья льзя ль ему их удержать,
Коль Росса одного не мог одолевать?
Не возгордится ль Росс успехами такими?
Нет! Во смиренье он прославит Бога ими».

***

О! Если будет Росс таков во все века,
Оставит ли тебя Всемогшего рука?
Ты с нею бедствия издревле прогоняешь,
И будучи смирен, всю гордость низлагаешь.
Тобой был воспящен[94] Батый, Темираксак;
Тобой попран Мамай и род Татарский всяк;
Тобой Агарян рог и Свёвов[95] гордый стерся,
Тобой, смирясь, Поляк, у ног твоих простерся;
Тобой и ныне то ж погряз Наполеон
Между пучин морских — как гордый Фараон[96].
Тебя народы все сердечно прославляют,
Избавителем их нелестно ублажают.

***

Но и тебе хвала, Москва — России мать!
Ты бедствия сильна издревле прогонять!
Отличных ты сынов ум, сердце образуя,
И им искусство дел военных показуя,
Еще вливаешь ты с младенчества в их кровь
К Отечеству, Царю, Всевышнему любовь;
Сим средством славных ты Ироев породила,
И Ими Царство все России оградила.
Бонапартисты ль зло на нем продлить могли?
Едва с остатком те от чад твоих ушли.
О! Коль тверда сия опора Государства,
Где равные сыны блюдутся в недрах Царства!

***

И — что ж Наполеон? Где хвастовство твое?
С чем приобресть хотел преславный мир себе?
В Москве, и в Индии корыстей всех довольство?
Где замыслы твои — Вассал твоих Иройство,
Россию с коими хотел пройти, пленить?
Нет! Напер ей на грудь, успел лишь разбудить.
Что? Какова Москва? И где те ополченья,
Ты кои вел сюда, не знав их исчисленья?
Прошед от Немана к ней осмидесят два дни,
Не потерял ли здесь елитов многи тьмы?[97]
Пусть важные битвы твои в пути к ней были,
Но, быв кровавы те, не мщенье ль здесь вселили?

***

И как ты собственно имел их для себя,
Предпринимал их с тем, народ чтобы тебя
Со Исполином тем, Ерусалим спалящим[98]
Во все века пронес; то имя, здесь гремящим,
Твое пребудет так: проклятье над главой
Твоей тех возшумит, несчастны кто тобой.
Но помни, Атаман! Царями пусть избавлен
От должной казни ты, и ими не оставлен
И в ссылочной судьбе: но если б ты попал
Селянам здесь во плен: никто б не задрожал
Содрать с тебя — как с люта зверя кожу,
И в части изорвать твою злодейску рожу.

***

Но ты не сгиб еще[99]; однако ж, должен ждать
Лютейша мщения: одной руке карать
Великие Цари, оставив Бога воли,
Рук подданных багрить в твоей не хощут крови.
Но казнь уже близка к тебе, Наполеон!
Бог зрел довольно кровь, невинных слышал стон:
Он, не терпя еще твоих над ним ругаий,
Определил конец уж злых твоих деяний.
Как тонет олово во глубине водной,

Так погрузит тебя Он в пропасти земной!*
Счастлива ж мысль твоя пред сим и в ссылке будет
К раскаянью тебя, коль скоро та возбудит.

***

Чего ж ты ждешь теперь? Еще ль не зришь конец?
Еще ль не веришь ты, что мира есть Творец,
Во длани коего жизнь наша как бы бренье?
Ты ль не придешь в себя, бесчувственно творенье?
Представь, за что несешь позорный дальний плен?
За что в другой уж раз ты в ссылку увлечен?[100]
Лишась друзей, родства, еще ли мнишь к престолу
Стопы твои занесть? К такому произволу
Нет средств уж никаких. Бежать ли ты возмнишь?
Смерть всюду за тобой, ее не избежишь.
Представь погибшего в степях несыта Кира[101],
Тебя ль Бог пощадит, исчадье злое мира?

***

Приди в себя скорей! Гремят весы суда:
Пора опомниться, не ждет тебя чреда;
Пора раскаяться, пока еще не поздно;
Преследует тебя хоть всюду небо грозно,
Бог восприять всегда разбойника готов;
Лишь обратись к нему, в его прибегни кров!
Но соразмерив все несметны злодеянья,
Ты должен принести отличны покаянья!
Ручаться ж можно ли, чтоб быв столь лют злодей,
Коснулся он когда б изящной мысли сей?
Мы кончить поспешим здесь бывшу Тиранию:
Бог да избавит в век от равных бед Россию!

***

Но чтоб забыт был сей Навуходоносор,
К тебе, о Боже наш! Мы простираем взор,
Надеясь на Твои о нас благоволенья,
По скорбных обрести отраду, оживленье.
Мы молим Тя, Благий! Прибави милость ввек
К нам ту, да не впадем злых в руки человек!
Карать ли должно нас: карай своей рукою —
Любезный как Отец, но не казни иною!
Ко славе Россов ли что хочешь ниспослать,
Благоволи не меч к тому нам попускать!
Упился кровью он довольно уж людскою,
Едина мысль о нем отводит от покою:
Мы просим, Творче наш! Дай Твой премудр совет.
Иное средство нам ко славе обретет!

***

Ты ж, Мати Божия! Храни любезны страны
Где имя чтут Твое святое Россияны!
Защитой буди им — покровом во весь век,
Да в мире поживет в России человек!
При Ное от проказ земля водой омылась[103],
Ты соблюдай Москву, всегда б чиста явилась
По искушении горнилом прошлых бед,
Да огнь ни меч ее не очищали б впредь!
Но если паки[104] мы за тяжки прегрешенья
Подвигнем Божий гнев на праведные мщенья,
Ты заступай за нас равно, как наша Мать,
Ты гнев Его сильна на милость преклонять!
Да тако ощутя Твое благодеянье,
В дар принесем Тебе сердечно излиянье.

***

Да не возмнит же кто, что туча прошлых бед,
Нашедшая на нас, к злой участи влечет.
Нет! Вышнему Творцу так было то угодно,
Москва взята б была злодеями свободно,
Для зрения чудес, для исправленья нас,
Для незабвения Его на всякий час.
Коль Бога будем мы всегда зреть пред собою,
И жизнию сиять пред Ним благой святою,
В столь звучну славу Он Россию возведет,
В какую не всходил весь нами зримый свет.
Иноплеменны к нам прострут все Царства длани,
И славен будет Росс, велик, богат без брани.

***

При сем и веру коль свою мы соблюдем,
По лжеучениям лжемудрых не пойдем,
Но Церкви станем все предания — уставы
Хранить, как долг велит Христианина правый:
Любезны будем мы пред Вышним навсегда;
Бог верных нас своих забудет ли когда?
Не Он ли прославлял Россиян в тяжки годы?
Не он ли посрамлял враждебны им народы?
Не он ли сих сердца в жестокости смягчил?
Не Он ли в них любовь к Россиянам вперил?
Россия! Бог с тобой; имей в Него всю веру!
Беды лишь предстоят едину изуверу.

* В Лондонских ведомостях, Morning Chronicle, помешено следующее предсказание: «Некоторый пустынник, умерший во Флери, еще прежде Французской революции, просил у своего Приора позволение вручить своему брату запечатанную бумагу, с тем, однако ж, условием, чтобы она не прежде была распечатана, как спустя три года после его смерти. В сей бумаге содержалось следующее: “Францию постигнет ужасный гнев Божий, а оттуда распространится оный по всей Европе. Один человек, коего отчизна лежит на Средиземном море, удивит всю Европу завоеваниями: он будет вести жестокую брань в Католическом Королевстве, и произведет в оном опустошение и убийство; потом оружие прострет на Север; но там низвергнется он в бездну уничтожения. На осьмом году, после несправедливой его войны против Католического Королевства[102], наконец, поразится он не огнем и мечем, но ужасною казнию, которую ниспошлет на него рука Божия». Из Московских Ведомостей 1816-го года, № 7-й.

***

Еще ж одолжены хранить любовь свою
Всегда к Отечеству — к законному ЦАРЮ:
Питает всем нас то, покоит, согревает,
А ЦАРЬ от бедствий, зол хранит, оберегает.
Коль будем им служить усердно завсегда,
Исполним с честью долг сыновний мы тогда,
Исполним, и — с высот на нас благословенье
Низойдет, как роса, в все наше утешенье.
Мятежный дух вводил народ всегда в беды,
Везде сей оставлял плачевные следы;
Отринув тот, вперим покорность к высшей власти,
Не найдут никогда при ней нас злы напасти.

Наполеон, преследуемый фуриями. Гравюра 1810-х гг.

***

Не было, наконец, ни одного Царя,
В завоеваньях кой все выгоды узря,
Желанья б не простер чего ко овладенью;
ВЕЛИКИЙ НАШ МОНАРХ был чужд к сему стремленью.
Он гибель отвратя от Царств Европы всей,
Единой целию доволен был своей,
Что способы узрел к внесенью им спокойства,
Вот всех трудов ЕГО и подвигов довольства!
МОНАРХУ ль верно нам такому не служить,
Коль человечество покоит и хранит?
Будь предан Росс ЕМУ, послушен, благодарен!
При НЕМ ни в чем успеть не может враг коварен.

***

ВЕЛИКИЙ ИЕРАРХ! Позволь здесь изъявить
Те чувства, кои ум мог поселить
В душе моей, к ЦАРЮ, Творцом в свет изведенну,
К чудеснейшим делам десной благословенну.
Не в силах о ЕГО рожденье умолчать,
Молю, о, ПАСТЫРЬ мой, сему охотней внять:
Не просто в солнечный возврат оно случилось,
С сим вожделенным днем не то ли нам открылось,
Что Бог благоволил в то время показать,
Способен будет ОН блаженства возвращать
Возшедши на престол теснимым Христианом?[*]
Не вняли Божьим мы тогда сокрытым планом;
Но время-случай нам теперь его открыл;
Феб символом тогда гадательным нам был.
Теперь событие все усретают страны,
ИМ все блаженствуют в Европе Христианы.

***Наполеон претерпевает кораблекрушение.
Раскрашенная гравюра И. И. Теребенева***

***

Дерзнем и то сказать: ОН с тем еще рожден,
Да будет всяк язык к Творцу ИМ возвращен;
И верим, преданы ЕМУ они с рожденьем[**],
ОН может их привлечь со кротостью, смиреньем.
Чудесно злобного врага ОН превозмог;
Не силен ли и в том помочь ЕМУ сам Бог?
Велики трудности ОН одолел чрез веру,
И ею ж истребит языков всю химеру.
Исчезнут Идолы, Мехметов сгинет прах,
Воздвигнет крест Христов во всех земли концах,
Мир, радость и покой везде вселит навеки,
Тогда-то ублажат ЕГО все человеки!

[*] В день рождения ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, 1777-го года, Декабря 12-го дня, празднованному Святому читалось на литургии Евангелие от Луки в зачале 24-м, где между прочим чтено: «*Блажени алчущие ныне; яко насытеся. Блажени плачущие ныне: яко возсмеетеся. Блажени будете, егда возненавидят вас человецы: и егда разлучат вы и поносят и пронесут имя ваше яко зло, Сына человеческаго ради. Возрадуйтеся в тот день и взыграйте*».

[**] В Москве по случаю возвешения о рождении и крешении ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА было особенное торжество 26-го Декабря 1777-го года. В сей день в Павловом послании ко Евреям в зачале 306-м читано было на литургии следующее: «*Се аз и дети, яже ми дал есть Бог*».

Мир Европы. Гравюра С. Карделли

***

Но, о Царю Царей! Благ наших всех Творец!
К тебе мы преклоним колена душ, сердец,
Храни, все молим ТЯ, МОНАРХА вознесенна
Тобою избранна раба БЛАГОСЛОВЕННА!
Прими ЕГО во Твой отеческий покров!
Помощник будь ЕМУ в делах ЕГО готов!
Приставь полк Ангелов, да с НИМ всегда те будут,
Те ревность к вере в НЕМ — любовь да усугубят!
Да с ними ОН везде Тебе воздвигнет храм,
Где не курят Тебе языцы фимиам.
Тогда-то паче Росс от всех прославлен, будет,
И АЛЕКСАНДР! ТЕБЯ в век мир весь не забудет![105]

Осанна. Александр Благословенный Царь. Гравюра 1810-х гг.

Примечания

[1] Fluctum totius barbariac ferre urbs non poterat. Cicero. (лат.) — Бурю натиска всего варварства не может выдержать и железный город. *Цицерон*.

[2] Hanc urbem insano nullus, qui Marse petiuit, Laetatus violasse redit, Nec numina sedem Destituent. Clavdius. (лат.) — Этот город никто, угрожающий Марсом (войной, силой оружия), не обесславит. Будучи разорен, он, к радости, восстановился, и Боги не покинут престол. *Клавдий.*

[3] Навуходоносор — Навуходоносор II, царь Вавилонии, (605—562 до н. э.), при котором царство достигло наивысшего могущества, а его столица — Вавилон — превратилась в неприступную крепость. Подчинил Сирию, Финикию и Палестину. В 597 г. захватил Иерусалим, а спустя 10 лет разрушил восставший город, разграбил храм, ликвидировал Иудейское царство и увел его жителей в плен (т. н. «Вавилонское пленение»). В Библии и последующей литературе Вавилон часто называется «царством Антихриста», а имя разрушителя «града Божия» — Навуходоносора — служит олицетворением ужаса и отвращения.

[4] Феб (греч. — блистающий) — второе имя сына Зевса Аполлона — бога солнца и света, целителя и прорицателя, покровителя искусств. Изображался обычно с лирой, луком и стрелами, подобными солнечным лучам.

[5] В поэзии XVIII—XIX вв. слово «росс» употреблялось для торжественного наименования русских.

[6] Днесь — ныне, сегодня.

[7] Кокошь — курица, наседка.

[8] Эфир — (в греч. мифологии) верхний, лучезарный слой воздуха, которого достигала вершина Олимпа — места пребывания древнегреческих богов.

[9] Перлы — жемчужины, жемчужные зерна. Здесь — артиллерийские ядра.

[10] Орлей юнотой — здесь: как молодой орел.

[11] По повелению Александра I в течение первых пяти лет на восстановление Москвы после пожара ежегодно выделялось из казны по 1 млн. рублей, не считая освобождения от налогов, различных пособий жителям и т. п.

[12] Подразумевается Наполеон.

[13] Сарматы — название кочевых племен степной части Поволжья и Зауралья (с VI по IV вв. до н. э.). Здесь это название употреблено для определения поляков. Силезец, Прус — выходцы из Силезии и Пруссии.

[14] Галлы — кельтские племена, заселившие в VI—V вв. до н. э. территорию к северо-западу от Альп. Территория современной Сев. Италии, Франции, Бельгии, Швейцарии. В данном случае имеется в виду наполеоновская Франция.

[15] Росс — здесь: русский, Россия

[16] Имеется в виду русско-турецкая война 1806—1812 гг., на которую была отвлечена значительная часть вооруженных сил России.

[17] Усретать, сретать (церк.-слав.) — встречать.

[18] Имеется в виду мирный договор, заключенный Александром I 25 июня 1807 г. в Тильзите, в результате которого был оформлен русско-французский союз, направленный против Англии.

[19] Т. е. внезапно, без объявления войны.

[20] Вероятно, речь идет о деятельности тайной французской разведывательной группы в составе полковника А. С. Платтера, майора Пикорнеля и топографа Крестовского, которая в 1811 г. была в Москве и других губерниях для съемки местности с целью подготовки предполагавшегося похода в Индию через Россию.

[21] Аргус — в греческой мифологии многоглазый пес-великан, охранявший вход в Аид.

[22] Стихи от «Однако ж Неман преходя он содрогнулся» до «К преправе учиня поспешно совершенье», а также подстрочное примечание (о Крассе) приписаны автором позднее.

[23] Во время вторжения наполеоновской армии в Россию русские войска были разделены на три армии, находившиеся на значительном расстоянии друг от друга. 1-я армия М. Б. Барклая де Толли была в 100 км севернее 2-й армии П. И. Багратиона, а 3-я армия А. П. Тормасова занимала позиции на 200 км южнее 2-й армии. 22 июля 1812 г. 1-я и 2я армии смогли соединиться у Смоленска, однако силы были не равны и, после упорных боев, Смоленск был оставлен в ночь на 6 августа.

[24] Здесь подразумевается Навуходоносор, который в припадках безумия представлял себя быком.

[25] Т. е. как перед всемирным потопом, от которого спасся со своей семьей лишь праведник Ной, построивший ковчег по велению Бога.

[26] Сженет — сожнет, срежет.

[27] Два века целы — т. е. после освобождения Москвы от польских интервентов в октябре 1612 г.

[28] Ясон (Язон), мифологический герой, предводитель аргонавтов, сумевший добыть золотое руно.

[29] Речь идет об «Индийском проекте» Наполеона, который он вынашивал с 1798 г., предусматривавшем завоевание Индии.

[30] Имеется в виду Египетский поход генерала Наполеона Бонапарта 1798—1801 гг.

[31] Иный — иной, другой.

[32] Зрели (церк.-слав.) — видели.

[33] В рескрипте от 13 июня 1812 г. Н. И. Салтыкову о начале войны император писал «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

[34] Диадима — диадема, атрибут царской власти в древности и в средние века, головной убор в форме короны из драгоценных металлов и камней.

[35] Курциево рвенье — по древнеримской легенде, в 362 г. до н. э. в центре Рима образовалась огромная трещина, которую ничем невозможно было заполнить. Прорицатель объявил, что она расширится и поглотит весь город, если ей не пожертвовать самое лучшее, что есть в Риме. Тогда юный воин Марк Курций сказал: «Нет лучшего блага в Риме, чем оружие и храбрость!» — и в полном вооружении, верхом на коне, бросился в эту пропасть, которая после этого сомкнулась.

[36] Тенеты — сети для ловли зверей.

[37] Сыны иройств — герои.

[38] Ней Мишель (1769—1815), маршал Франции (1804), герцог Эльхингенский (1808). С апреля 1812 г. командир 3-го армейского корпуса. Во время отступления французской армии руководил ее арьергардом и одним из последних покинул Россию. После второй реставрации Бурбонов (1815) расстрелян по приговору суда.

[39] Борей — в древнегреческой мифологии бог северного ветра, холодный порывистый ветер, дующий с северных гор на Элладу (Грецию).

[40] Позоры (устар.) — зрелища.

[41] Коноб — кувшин, умывальник, деревянная посуда, жбан.

[42] Дом, проданный ныне госпоже Хитровой — был куплен с аукциона в 1816—1817 гг. за 15 тыс. рублей женой титулярного советника Екатериной Александровной Хитрово. Вероятно, именно она была впоследствии одной из героинь Крымской войны, являясь начальницей сестер милосердия Крестовоздвиженской общины в Крыму в 1855 г. Е. А. Хитрово умерла 2 февраля 1856 г. В настоящее время дом сохранился и внесен в реестр памятников архитектуры как характерный образец послепожарной застройки (Бол. Знаменский пер., 17). Это небольшой двухэтажный каменный дом с деревянным мезонином, до сих пор имеющий название «Жилой дом Е. А. Хитрово». Время его постройки историки архитектуры относят к началу 1820-х гг. (см.: Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1980. С. 61. № 87). С 1827 по 1831 г. дом принадлежал Софье Николаевне Давыдовой, жене поэта и героя Отечественной войны 1812 г. Д. В. Давыдова. Есть предположение, что в этом доме бывал его друг А. С. Пушкин. Приведенное здесь свидетельство автора поэмы позволяет внести существенные коррективы в историю этого дома: назвать имя первого его владельца (протоиерея Казанского собора на Красной площади о. Иоанна) и назвать точную дату окончания его постройки и освящения — 26 августа 1812 г.

[43] Забрал — загородил, перегородил.

[44] Нерон — римский император в 54—68 гг., жестокий, развратный, самовлюбленный, актер, и вместе с тем — любитель музыки и поэзии.

[45] Польский маршал — Понятовский Юзеф Антон (1763—1813), князь, маршал (1813), военный и политический деятель, племянник последнего польского короля Станислава Августа. С марта 1812 г. командовал Пятым армейским корпусом армии Наполеона, в феврале 1813 г. назначен командиром Восьмого (польского) корпуса.

[46] Вахт-парад — торжественная церемония развода караулов, проверка готовности воинской части к несению службы.

[47] Герострат — исторический персонаж Древней Греции. В 356 г. до н. э. сжег одно из семи чудес света — храм Артемиды в г. Эфесе (в Малой Азии), чтобы обессмертить свое имя. Его имя стало нарицательным для обозначения честолюбца, жаждущего славы любой ценой.

[48] Снедался — питался.

[49] Вращая — здесь, превращая.

[50] Наполеон покинул Кремль и перебрался в Петровский дворец 4 сентября, около 14 часов.

[51] Новодевичья обитель — Новодевичий монастырь.

[52] Донцы — донские казаки.

[53] Китай — Китай-город.

[54] Галлы — французы.

[55] Автор имеет в виду поэтическое произведение Г. Р. Державина «Гимн лиро-эпический на прогнание Французов из Отечества 1812 года. Во славу Всемогущего Бога, Великого Государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства Российского», изданное в С.-Петербурге в 1813 г. В одном из примечаний к тексту этого произведения говорится о т. н. «зверином числе 666», найденном проф. В. Ф. Гецелем в имени Наполеона (См.: 1812—1814. Секретная переписка. С. 173).

[56] Ружный — собор или церковь (обычно с малым приходом), получающие денежное или хлебное довольствие непосредственно из государевой казны. От слова руга — отсыпной хлеб, выдававшийся духовенству в средние века владетельными князьями вместо жалованья. К ружным относились все кремлевские соборы, а также и Казанский собор на Красной площади, в котором служил автор.

[57] Имеются в виду «Ростопчинские афишки».

[58] Валтасар — сын последнего царя Вавилонии, погибший в 539 г. до н. э. при взятии Вавилона персами. По библейскому преданию, во время пира Валтасара на стене появились таинственная надпись: «мене, мене, текел, упарсин», которую сумел растолковать как пророчество о гибели Валтасара лишь юный праведник, пророк-мудрец Даниил.

[59] Тартар — царство мертвых. По греческой мифологии, бездна в недрах земли, куда Зевс низверг восставших против него титанов. Существует выражение: «провалиться в тартарары».

[60] Князь тьмы — антихрист, сатана. Здесь речь идет о Наполеоне.

[61] Кирка — кирха (от нем. Kirche — церковь), христианский неправославный храм.

[62] Автор, вероятно, имеет в виду эпизод из жизни Наполеона, бывший во время Египетского похода, когда он полушутя-полусерьезно посетовал, что слишком поздно родился и уже не может, как Александр Македонский, тоже завоевавший Египет, провозгласить себя богом или божьим сыном.

[63] Мамелюки, мамлюки (от арбского — невольник), в Египте воины-рабы тюркского или кавказского происхождения, отличавшиеся силой и храбростью. Здесь — телохранитель Наполеона.

[64] Коронация Александра I состоялась 15 сентября 1801 г.

[65] Жером Бонапарт (1784—1860), король Вестфалии, младший брат Наполеона. В 1812 г. командовал правым крылом Великой армии в начале похода в Россию, однако с июля того года был подчинен маршалу Даву.

[66] Правильнее, Даву Луи Никола (1770—1823), герцог Ауэрштедский, князь Экмюльский, маршал Франции. В 1812 г. командовал Первым армейским корпусом, самым крупным в Великой армии.

[67] Святитель Иона — Митрополит Московский, святой (ум. в 1461 г.). При нем русская церковь стала независимой от Константинополя. По традиции ему приписывается дар творить чудеса как при жизни, так и после смерти. Рака с мощами св. Ионы хранится в Успенском соборе Кремля.

[68] Крыж — (от польск. Krzyz, от лат. Crux), крест «латинской», т. е. католической церкви. В древности крыжом называли крестообразную рукоятку меча и сабли.

[69] Корысти — добыча, захваченные богатства. Существует стойкая молва о том, что французы утопили или спрятали, вывезенные из Москвы сокровища.

[70] Хвора — т. е. больных, хворых.

[71] Праги — пороги (церк.-слав.).

[72] Класы — колосья (церк.-слав.).

[73] Наполеон распускал слухи о своем намерении объявить об отмене крепостного права в России с целью вызвать крестьянские восстания против помещиков и тем ослабить противника во время войны. Однако он не решился сделать этого.

[74] Речь идет о сформированном по повелению Наполеона московском «муниципалитете».

[75] Генерал — Лористон Жак Александр Бернар Ло (1768—1828), граф, дивизионный генерал. С февраля 1811 до начала войны — посол Франции в Петербурге. С июня 1812 г. — адъютант Наполеона. 23 сентября был направлен в Тарутинский лагерь с мирными предложениями, которые Кутузов обещал переслать Александру I с целью выиграть время. По возвращении Лористона Наполеон прождал еще несколько дней и начал готовить армию к уходу из Москвы.

[76] Имеется в виду М. И. Кутузов.

[77] Имеется в виду Мюрат, король Неаполитанский, женатый на сестре Наполеона Каролине.

[78] Леташевка — деревня, в которую Кутузов перенес свою Главную квартиру из Тарутино 24 сентября 1812 г.

[79] Сикурс — помощь, подмога, подкрепление. Речь здесь идет о бое французов с арьергардом русской армии под командованием М. А. Милорадовича у дер. Спас-Купля 21—22 сентября.

[80] Отставной бригадный генерал граф Клодт Франсуа де Мале (de Malet) (1754—1812), будучи убежденным республиканцем, еще в 1808 г. пытался организовать заговор против Наполеона. За это его заключили в парижскую тюрьму Ла Форс, откуда ему удалось бежать в ночь на 23 октября 1812 г. Утром того же дня он прибыл в казармы Национальной гвардии, где объявил о смерти Наполеона в Москве и предъявил поддельный указ Сената о провозглашении республики. По его приказу были арестованы министр полиции, префект и комендант Парижа, занята ратуша. Однако в Генеральном штабе он был опознан и арестован. 29 октября Мале был расстрелян вместе со своими сообщниками. Здесь автор допустил хронологическую неточность, т. к. Наполеон получил известие об этом заговоре по выходе из Москвы, 6 ноября 1812 г., будучи уже в Смоленске.

[81] Аттила — Аттила Эцел, царь гуннов с 433 г. Был грозой Восточной Римской империи и европейских государств, за что получил прозвище «Бич Божий». Умер в 453 г. После его смерти племенной союз гуннов распался и опустошительные набеги в Европу прекратились.

[82] Здесь — невеста, жена, любимая.

[83] Иррегулярну рать — войска, не имеющие постоянной организации, обучения и вооружения, здесь имеются в виду партизанские отряды и вооруженные местные жители.

[84] Свет фонарный ввесть и снять — т. е. зажигать и гасить фонари.

[85] Октоврий (лат.) — октябрь.

[86] Вежды (устар.) — веки, глаза.

[87] Здесь содержится поэтическое описание автором Тарутинского сражения 6 октября 1812 г., в котором корпус Мюрата потерпел поражение.

[88] Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826), граф, генерал от кавалерии. В Тарутинском сражении командовал русскими войсками, был ранен ядром в ногу.

[89] Ироев, устар. — героев.

[90] Речь идет о т. н. Втором Полоцком сражении 6—8 октября 1812 г., в котором корпус генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна нанес поражение корпусу маршала Франции Л. Гувьона Сен-Сира, что позволило русским войскам взять Полоцк.

[91] Имеется в виду победа войск 3-ей Обсервационной армии под командованием ген. А. П. Тормасова 15 июля

1812 г. в Кобрине (Гродненская губ.), где был взят в плен ген. Г. Г. Х. Кленгель, командовавший бригадой, входившей в 7-й (Саксонский) корпус Великой армии. Это была первая победа русской армии в Отечественной войне.

[92] Елиты — элита; здесь имеются в виду элитные, лучшие части французской армии.

[93] Симонов монастырь в Московском Кремле.

[94] Воспящен — здесь: обращен вспять, в бегство.

[95] Агаряне (библ.)— потомки Измаила, сына Агари, Измаильтяне или Арабы; здесь подразумеваются турки. Свёвы (устар.)— шведы.

[96] В Священном Писании говорится, что, узнав о велении Господа отпустить евреев из Египта, Фараон сказал: «Кто такой Господь, чтобы я послушался Его голоса и отпустил Израиля»? За свою гордыню он нашел страшную смерть в волнах Черного моря вместе со своим войском.

[97] Т. е. многие десятки тысяч элитных войск.

[98] Здесь имеется в виду Навуходоносор.

[99] Наполеон умер на о. Св. Елены 5 мая 1821 г.

[100] После отречения от престола 4 апреля 1814 г. Наполеон был сослан на Средиземноморский о. Эльба близ Корсики, который был отдан ему в пожизненное владение. 26 февраля 1815 г. он бежал оттуда и вскоре вернул себе трон. После окончательного разгрома при Ватерлоо Наполеон вторично отрекся от престола (22 июня 1815 г.) и вскоре был сослан на о. Св. Елены в Атлантическом океане под строжайший надзор, где и провел последние шесть лет жизни, диктуя секретарям свои мемуары.

[101] Кир — Кир II Великий (ум. в 530 г. до н. э.), первый царь персидского государства Ахеменидов. Завоевал Лидию, Мидию, ряд греческих городов в Малой Азии, а также Месопотамию и Вавилон (в 539 г. до н. э.). Погиб во время похода в Среднюю Азию.

[102] В 1808 г. войска Наполеона вторглись в Испанию.

[103] Речь идет о Всемирном потопе.

[104] Паки (церк.-слав.) — снова, опять.

[115] На последнем листе рукописи имеются отдельные заметки, написанные, вероятно, сыном И. С. Машкова после 1828 года:

«Кутузов, князь Смоленский, почил мирным сном в среду светлой недели в Саксонском городе Бунцлау, но тело его перевезено в Санкт-Петербург и погребено в Казанском соборе».

Пророческие изречения Митрополита Платона в слове, говоренном им 1777-го года 12-го декабря на день рождения имп. Александра: «Ты будешь украшением Царскому роду, подпорою благочестия и утехою России». Не сбылось ли сие?

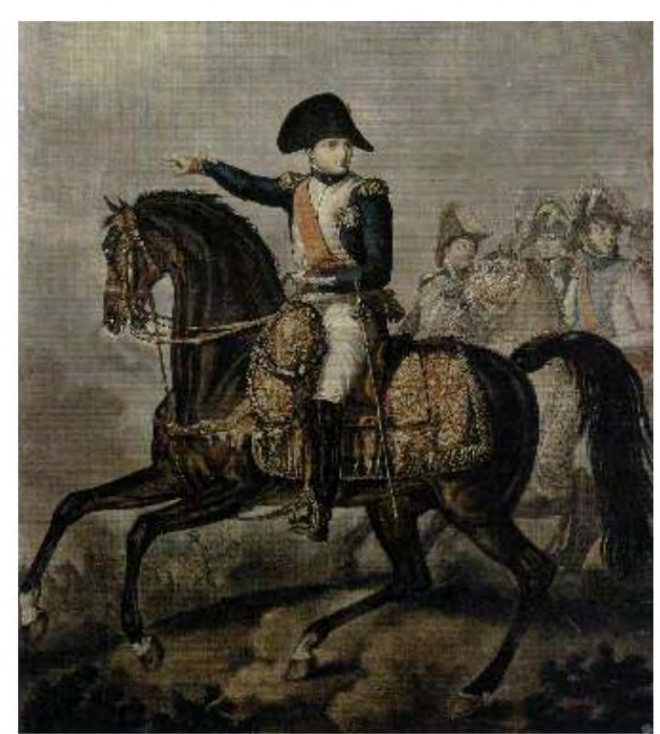
«Сулейман Султан Турецкий, был мудрый, справедливый, воздержанный и весьма милостивый, удовольствуя не только Турецкие, но и Христианские домы милостями; паче же всего искусен был в знамениях и явлениях небесных, из коих же познал, что царство и власть турецкая ни от какого народа, токмо от Московского изгублено будет; и того ради написав завещание, вручил оное для сохранения некоему своему славному Визирю Мухамеду Паше, где между прочим написано было следующее: “Ежели сотворю брань с Московским народом, истинно знаю, что из той войны не возвращусь; но имею на Бога и великого Пророка надежду, что туда не пойду. Равно и сын мой Селим, имеющий по мне владети; и наследники его да ведают о сем, что Бог, небо Его и звезды возвещают, что никакой народ царству Оттоманскому никогда вредить не может, кроме единого народа Московского. И сего ради я повелеваю и увещеваю, дабы никогда на Московский народ не наступали, и мечей своих обнажати не дерзали. Паче всего о сем рачите, да не преткнется нога ваша о камень соблазна; ибо это есть истинно: доколе вы с тем народом мир нерушимо и веру твердо удержать и сохранять будете, оной также равно сотворит и с вами; но ежели исхощете наступати на него неправдою и силою, претерпите великое бедствие. Заклинаю убо сына моего и Визирев его и всех наследников Оттоманских, да не вознесут против народа Московского главы своей, если хотят, дабы царство их нерушимо долго пребыло”. Завещание сие хранится в казнохранилище Серальском. Но внук его Амурат сын Селимов пренебрегал его, потому, что дед его утаил таковое завещание ради жены своей, которая была из Россиянок — дщерь некоего пресвитера. Некоторый же Астролог нарицаемый Муста-Эддин, предсказал ему Амурату: “Никто над тобою победы не одержит, кроме народа от полуноши к Востоку (т. е. Российского). Сей народ храбр искони бе и от него падет держава наследия твоего: слава бо его прострется во все концы земные и никто не может противу стати ему, зане тако угодно небеси и Всевышнему”. Сего Астролога по присуждению Пашой и Синклита Султан повелел, связавши, ввергнуть в море, что и было исполнено для сего посланными. При сем замечательно было то, что Астролог при сретении их, сказал им: “Мир вам, господа мои! Суд Божий никого же мимо идет: рыбы морские днесь мне гроб будут, народ же полуношный вскоре вами обладати имати”». Из книги «Предсказание о падении Турецкого Царства Аравийским Звездословом Муста-Эддином, печатанной в С.-Петер. 1789-го года, а в Москве 1828-го года».

Публикация А. К. Афанасьева

Указатель имен

Александр I. Портрет работы Дж. Доу. Холст, масло. Около 1825 г.

Наполеон I,
император французов.
Гравюра Ш. Ф. Левашепо
по оригиналу Г. Верне.
1-я четв. XIX в.

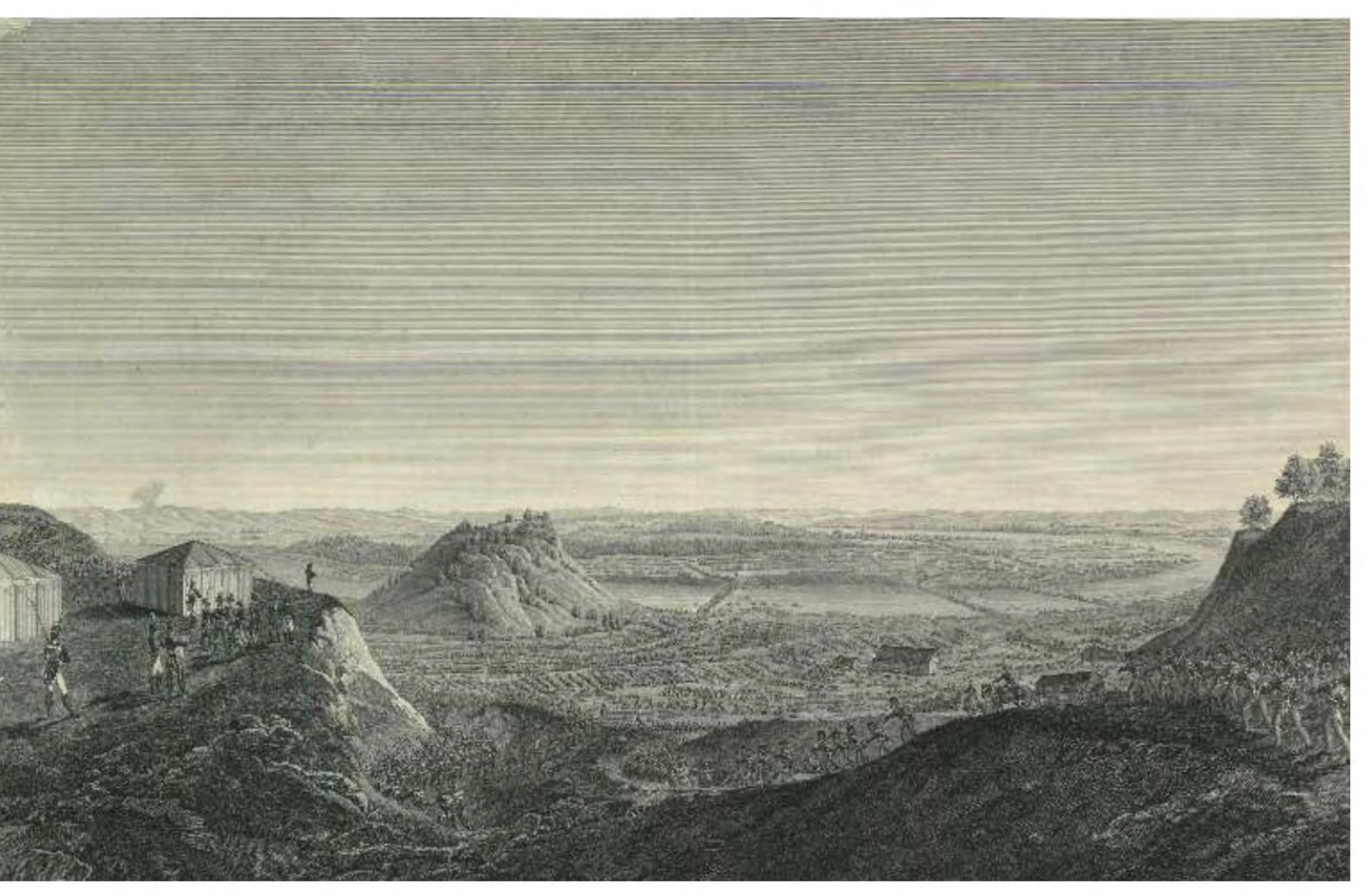

Александр I.
Измененная копия с оригинала
Ф. Крюгера 1837 г.

Вид города Москвы, снятый с балкона Императорского дворца в сторону Воспитательного дома.
Акварель Г. Л. Лори по оригиналу Ж. Делабарта. 1807 г.

Вид Моховой и дома Пашкова в Москве. Акварель Г. Л. Лори по оригиналу Ж. Делабарта. Нач. 1800-х гг.

Переход наполеоновской армии через Неман 12 июня 1812 года и начало войны 1812—1814 годов. Гравюра И. С. Клаубера по рисунку Д. Бажетти. Сер. 1810-х гг.

М. Б. Барклай де Толли.
Копия Н. Янша
с оригинала Дж. Доу.
1883 г.

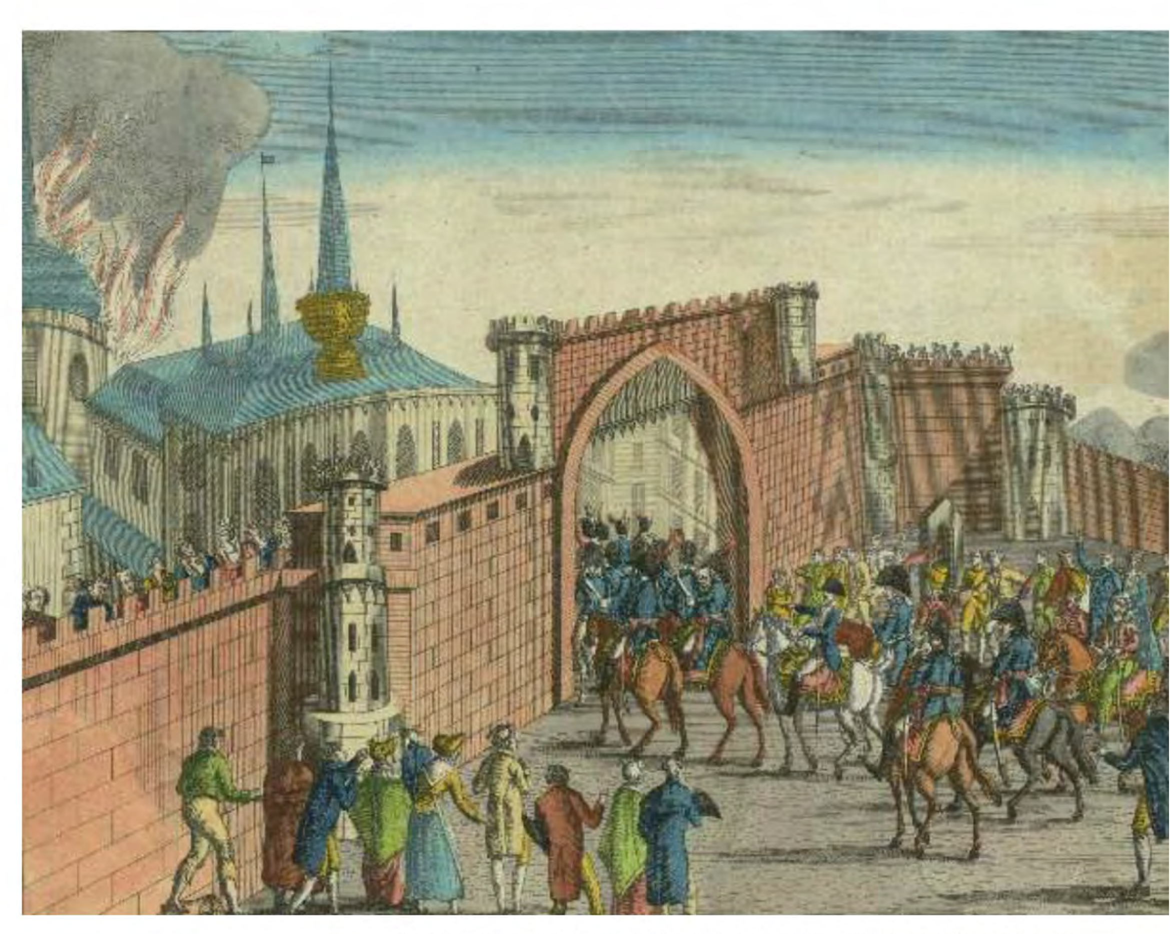

Князь П. И. Багратион.
Портрет неизвестного художника.
1830-е гг.

Светлейший князь М. И. Голенищев Кутузов Смоленский. Копия Н. Янша 1883 г. с оригинала Р. М. Волкова 1814 г.

Сражение при селе Бородино 26 августа1812 года. С картины П. Гесса. 1830-е гг.

Вид Каменного моста. Акварель Ф. Я. Алексеева. 1800-е гг.

Красная площадь. Акварель. Мастерская Ф. Я. Алексеева. 1800-е гг.

Москва в 1812 году

Воспоминания, письма и официальные документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея

Оператор Е. Зуева
Корректор О. Ланцова
Оригинал-макет подготовлен Е. Андреевой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина
При оформлении обложки использована раскрашенная гравюра по рисунку Ф. Хабермана «Пожар Москвы» (1810-е гг.)

Подписано в печать 30.11.2012. Формат 60x90/8.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 58. Тираж 600. Заказ №

Издательство «Рукописные памятники Древней Руси»
№ госрегистрации 1067746430102
Тел.: 959-52-60. E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru**